БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, ПРАВА И СОЦИОЛОГИИ

Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Чебоксары, 5 августа 2026 г.)

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 08
ББК 94.3
А43

Рекомендовано к публикации на основании приказа
Чувашского государственного института культуры и искусств
Минкультуры Чувашии №01-01-05/120 от 08.07.2026

Рецензенты: **Васильев Федор Петрович**, д-р юрид. наук, доцент ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», член Российской академии юридических наук
Орлова Вера Вениаминовна, д-р социол. наук, профессор, доцент ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники»

Редакционная коллегия: **Фомин Эдуард Валентинович**, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии

А43 **Актуальные вопросы экономики, права и социологии** : материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 5 авг. 2026 г.) / редкол.: Э. В. Фомин [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2026. – 621 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908172-19-6

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам развития экономической науки, права и социологии. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей. Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами социально-экономического развития и права России и зарубежья.

Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы.

Статьи представлены в авторской редакции.

Минимальные системные требования:

PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 08
ББК 94.3

© БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, 2026
© Издательский дом «Среда», оформление, 2026

ISBN 978-5-908172-19-6
DOI 10.31483/a-10909

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики представляет сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием **«Актуальные вопросы экономики, права и социологии»**.

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам развития экономической науки и права. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей. Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами социально-экономического развития и права России и зарубежья.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Основные аспекты экономической теории, теории экономических процессов, экономической истории.
2. Менеджмент и маркетинг.
3. Финансы и кредит. Экономика предпринимательства.
4. Конституционное и муниципальное право.
5. Гражданское и семейное право.
6. Трудовое и предпринимательское право.
7. Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.
8. Административное право.
9. Актуальные вопросы юриспруденции.
10. Современные тенденции развития мирового сообщества.
11. Социально-экономическое развитие общества.

Авторский коллектив сборника представлен городами (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Волгоград, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калуга, Краснодар, Красноярск, Магнитогорск, Мурманск, Орёл, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Сочи, Тюмень, Чебоксары, Ярославль) России и Республики Таджикистан (Душанбе).

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), университеты и институты России (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Институт управления, бизнеса и технологий, Иркутский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский юридический институт МВД РФ, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Московский технологический институт, Мурманский арктический университет, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Российский государственный гуманитарный университет, Российский государственный социальный университет, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростовский юридический институт МВД России, Самарский юридический институт ФСИН России, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Тюменский

индустриальный университет, Университет прокуратуры Российской Федерации, Университет управления «ТИСБИ», Уральский государственный аграрный университет, Уральский государственный экономический университет, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, преподаватели, аспиранты, ассистенты, магистры и магистранты, студенты вузов.

Редакционная коллегия выражает сердечную благодарность нашим глубокоуважаемым авторам за участие в подготовке и издании сборника материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием **«Актуальные вопросы экономики, права и социологии»**. Мы надеемся на наше дальнейшее сотрудничество и желаем всем успехов в научно-педагогической и исследовательской деятельности.

Главный редактор
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой
БОУ ВО «Чувашский государственный
институт культуры и искусств»
Министерства культуры,
по делам национальностей и архивного дела
Чувашской Республики
Э.В. Фомин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Афанасьева О.Н., Масловец Д.И. Деофшоризация мировой экономики на современном этапе..... 12

Волков Г.Ю. Поступательное уничтожение промышленности ЕС в условиях усиления влияния экзогенного фактора (на примере химической отрасли)..... 15

Леканова Е.Е. Экономика преступлений и наказаний как раздел экономической теории 18

Лукьянова Д.С. Методика диагностики риска ликвидности как инструмент обеспечения экономической безопасности субъектов МСП..... 21

Пегушина П.И. Структурные дисбалансы и угрозы экономической безопасности: трансформация «ресурсного проклятия» в условиях истощения сырьевой базы России 24

Пронин А.Ю. Актуальные подходы к формированию промышленных экосистем в условиях цифровой экономики..... 26

Тарасенков П.П. Риски применения генеративного искусственного интеллекта в контенте онлайн-ритейла одежды и обуви в социальных сетях..... 29

Тюдешева А.С. Влияние правовых рисков на уровень экономической безопасности организации.... 33

Черняева П.Д., Ступина А.А., Журавлев М.В. Адаптивный энергоменеджмент на основе потокового машинного обучения как фактор повышения экономической устойчивости предприятий 35

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

Афанасенко И.Г., Салагина А.А., Михнева С.В., Михнев И.П. Информационное сопровождение национальных проектов в контексте управленческих решений 37

Ахметов А.А. Маркетинговые инструменты продвижения малых городов и сельских территорий как туристских направлений 39

Бессонова Д.С. Управление талантами в цифровой среде: создание децентрализованного реестра профессиональных компетенций для корпоративных университетов..... 42

Блохина М.В. Сбалансированная система показателей инновационной деятельности угольного предприятия в контексте энергоперехода и санкционных ограничений 44

Илларионов В.В., Науменко Н.И., Михнева С.В. Эффективность государственных управленческих решений: оценка и повышение качества..... 48

Круглов В.Н. Управление кросс-программными механизмами при активизации проектного потенциала малого бизнеса в субъекте федерации (на примере Свердловской области)..... 51

Матвеева А.И. Гендерные особенности креативного потенциала руководителей в возрасте 23–35 лет: результаты эмпирического исследования 53

Смагина Э.С., Михнева С.В. Особенности принятия и исполнения управленческих решений в виртуальных организациях..... 57

Степанов В.А., Попов Е.А. Моделирование процесса формирования и утверждения перечня строек и объектов капитального строительства в нотации BPMN 59

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ. ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Алексеева Д.С. Особенности обеспечения экономической безопасности на предприятиях малого бизнеса 62

Головкина И.М. Теоретические основы использования нераспределённой прибыли в финансовой деятельности предприятия 63

Кыштымова Е.А. Методологический подход к организации аудита собственного капитала аудируемых лиц 66

Лытнева Н.А. Управление материальными запасами, их роль в обеспечении деятельности строительной организации 69

Помазкова К.Е. Анализ и оценка состояния финансовой составляющей экономической безопасности предприятия (организации) 74

Серова В.В. Экономико-правовой анализ как инструмент оценки надёжности хозяйствующих субъектов 77

Сидорова К.А. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости как индикатора экономической безопасности предприятия электроэнергетики 79

Сидорова К.А. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости как индикатора экономической безопасности строительной компании 82

Труфанов Н.А. Управление качеством продукции как фактор обеспечения экономической безопасности промышленного предприятия 84

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Крапчунова А.Ю. Рассмотрение принципов глобального договора ООН и их имплементации в корпоративное управление 87

Паевская С.Л. Институциональные основы обеспечения прав и свобод граждан Государственной Думой Российской Федерации 90

Постриганов Е.А. К вопросу об особенностях развития местной власти в советский период 100

Супрун Н.Г. Понятие семьи в нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность поставщиков социальных услуг 103

Филатова Д.В. Институт уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: правовой статус и практика реализации полномочий 106

Шамсутдинов Р.Р. Конституционно-правовой статус военнослужащих в Российской Федерации: соотношение ограничений и гарантий 110

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Азрапкина В.В. Законный режим имущества супругов 114

Анисимов А.А. Злоупотребление правами кредитора как инструмент давления на арбитражного управляющего в деле о банкротстве 119

Денисов В.Д. Опека и попечительство как институт права и законодательства 123

Матвеева К.В. Проблемы и перспективы правовой защиты добросовестного супруга при признании брака недействительным 125

Метелькова Е.П. Особенности правоприменительной практики по делам о взыскании алиментов в интересах несовершеннолетних 128

Панфилова Л.С. Отдельные вопросы заключения брачного договора с иностранным гражданином 133

Филиппова В.О. Договорное регулирование семейных отношений в контексте цифровизации 137

ТРУДОВОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Авдеев А.В. Роль руководителей бюджетных организаций в обеспечении соблюдения трудового законодательства: правовые обязанности и ответственность 141

Андреева Е.Г. Прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства в Российской Федерации 145

Боцян М.Л. Проблемы государственного регулирования платформенной занятости в условиях цифровизации рынка труда 148

Календарев С.Д. Критерии разграничения налоговой оптимизации и уклонения от уплаты налогов: эволюция правового регулирования и современные тенденции 151

Кукарцева С.В., Потапов Б.В., Журавлев М.В. Правовые и организационные аспекты применения систем предиктивной видеоаналитики в охране труда 153

Леканова Е.Е. Кодификационные и декодификационные процессы трудового законодательства 155

Матвеева А.И. Трудовые отношения у индивидуального предпринимателя: особенности и пробелы в законодательстве 158

Мирсаидова Н.С. Снижение неформальной занятости женщин в Таджикистане через развитие женского предпринимательства и проекты международных организаций 162

Никанорова А.П. Правовое регулирование труда женщин: современное состояние и перспективы развития 166

Фалинская Л.Е. Предприниматель как объект внешнего государственного финансового контроля: правовой статус, проблемы правоприменения и направления совершенствования 169

Феоктистов Ф.М. Актуальные изменения правового регулирования крупных сделок в российском корпоративном праве: переход от формализма к защите существа отношений 172

Черненко В.А. Проблемы и пути совершенствования правового регулирования поддержки малого и среднего предпринимательства 176

Эйфир М.М. Проблемы правовой защиты от моббинга в трудовых отношениях: анализ российского законодательства и перспективы совершенствования 181

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Аносов М.В. Ответственность за заведомо ложные сообщения о террористических актах в условиях цифровизации 185

Ибатуллина Д.М. Международное сотрудничество в области противодействия киберхищениям... 188

Лаврентьев М.В., Хасин В.В. Роденпойская (Рижская) земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних правонарушителей в 1912 году 190

Леканова Е.Е. К вопросу о содержании квалифицирующих признаков захвата и удержания заложника 193

Леканова Е.Е. Криптовалюта как средство совершения и предмет преступлений 196

Леканова Е.Е. Проблемы регламентации ответственности за порчу земли 198

Однороженко А.В. Комплексный подход в расследовании и предупреждении дезорганизации деятельности исправительного учреждения 201

Озерский С.В. Анализ динамики коррупционных преступлений в России (2021–2025 годы).... 205

Озерский С.В. Женская преступность: динамика и специфика 207

Руденок В.П., Магамедрасулова Э.З., Москаленко М.А. Информационно-телекоммуникационное мошенничество в цифровую эпоху: методы, риски и меры противодействия 210

Соловьев О.Г., Баумова М.Г., Смирнов Р.Ю. Использование служебного положения как квалифицирующий признак в ст. 256, 258 УК РФ: особенности техники толкования 212

Шматченко М.А. Проблемы противодействия использованию компьютерных средств в целях сбыта наркотических веществ 215

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Васильева Н.В., Восканян Э.О. Принцип ответственного использования искусственного интеллекта при принятии административных решений 218

Верчук Д.Н. Оптимизация процедур налогового контроля с учетом защиты прав налогоплательщиков: баланс интересов 220

Керимов М.А. Институциональные механизмы государственного управления в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций: опыт межведомственной координации 223

Левшиц Д.Ю. Вопросы публично-правового регулирования в области социальной поддержки участников СВО и членов их семей 227

Шамсутдинов Р.Р. Судебная защита прав военнослужащих в Российской Федерации: компетенция военных судов и проблемы подсудности 231

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Абакарова В.О. Институт банкротства в российском законодательстве: исторические и теоретические аспекты 234

Алексеева К.А. Правовое регулирование обработки персональных данных системами искусственного интеллекта: вызовы и перспективы 238

Байгужина Д.Ф. Договор аутсорсинга: существенные условия и практика применения 242

Баранкова А.М. Правовой статус биржи в контексте защиты прав инвесторов 245

Барковский А.М. Правовые проблемы и перспективы совершенствования финансового контроля за деятельностью государственных учреждений в Российской Федерации 249

Березкина В.С. Правовые механизмы контроля качества пищевой продукции через систему маркировки и цифровой идентификации 253

Бессонова М.Н. Цифровой след как персональные данные: проблемы делимитации и охраны в поведенческой рекламе 256

Богданова Ю.Г. Сравнительный анализ договора купли-продажи доли и альтернативных способов приобретения возможности использования бизнеса 260

Бойко А.П. Роль и эффективность общественного контроля в сфере государственных и муниципальных закупок 265

Болденко О.А. Актуальные вопросы изучения дисциплины «Юридическая риторика» в процессе формирования правовой культуры студентов в вузах правового профиля 269

Бондаренко А.В. Правовое регулирование статуса гражданина-должника при банкротстве физических лиц в Российской Федерации 274

Бондаренко С.В. Профессиональная правовая культура юриста как фактор, влияющий на формирование правосознания российского гражданина 280

Булахова Ю.А. Цифровая трансформация процедуры легитимации предпринимательской деятельности: от государственной регистрации к цифровому профилю 283

Внукова А.Д. Корпоративный договор как способ урегулирования взаимоотношений участников хозяйственных обществ 288

Войдат В.А. Имущественные права акционеров при реорганизации и ликвидации АО: особенности защиты и распределения активов 293

Волина Н.В. Центральный банк – мегарегулятор финансового рынка 297

Ворошилова В.Г. Санкционные риски в предпринимательской деятельности: условия признания санкций форс-мажором по российскому праву 301

Галицкая О.Н. Цивилистические проблемы смарт-контрактов: природа и квалификация 306

Галкина В.В. Гражданско-правовая ответственность за незаконное использование товарного знака: проблемы теории и практики 309

Галочкина Э.А. Эволюция договорной системы в праве интеллектуальной собственности: от типовых конструкций к принципу свободы договора 313

Гасинец О.А. Эффективность управления публичной собственностью как фактор возникновения споров о приобретательной давности 319

Головинский М.А. Разграничение экспертных компетенций при исследовании цифровых следов онлайн-бизнеса 323

Горохова В.В. Цифровая трансформация оценки эффективности государственных программ: новые возможности и правовые границы 327

Гусева Е.А. Проблемы обращения взыскания на денежные средства бюджетных учреждений: коллизия норм гражданского права РФ и бюджетного иммунитета 331

Дидюля Я.В. Оборот цифровых прав в корпоративных отношениях: проблемы квалификации и способы защиты 335

Егоров В.А. Контроль и ответственность в структуре правового статуса арбитражного управляющего 340

Егорова А.Ю. Недобровольная госпитализация в психиатрический стационар: правовые и медицинские критерии, судебная практика и злоупотребления 344

Жаренкова Т.В. Самозанятые граждане России: смежные проблемы в сфере труда и предпринимательства 349

Жарикова Т.Г. Льготы участникам специальной военной операции и их семьям: проблемы правового регулирования и пути совершенствования 354

Жилкин Н.М. Нотариальное удостоверение решений органов управления юридического лица: проблемы подтверждения решений, принятых в электронной форме (включая дистанционное участие) 357

Жильцов М.Г. Правовая природа саморегулируемых организаций: между профессиональным сообществом и органом публичной власти (на примере строительной отрасли) 360

Жмуркина А.Д. Совершенствование механизма формирования государственного задания как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов 365

Зеленина М.А. Правовое регулирование документооборота в Российской Федерации и странах Европейского союза: сравнительно-правовой анализ и перспективы гармонизации 369

Злобина З.А. Этика и право при использовании цифровых технологий в медицине 374

Иванова К.А. Особенности ответственности юридических лиц по обязательствам: имущественная обособленность и пределы ответственности 378

Изъюрова Я.Ю. Актуальные проблемы охраны авторских прав в цифровой среде 383

Ипкаева Э.А. Энергетическое право как комплексный институт, регулирующий предпринимательскую деятельность в топливно-энергетическом комплексе 386

Казаков С.Б. Проблемы доступа МСП к закупкам по 44-ФЗ и 223-ФЗ: анализ правоприменительной практики и предложения по совершенствованию 390

Казанцев О.В. Становление и развитие правового регулирования контрактной системы в сфере государственных закупок 394

Казнина Е.В. Актуальные проблемы правоприменения лицензионных требований в сфере медицинской деятельности 399

Кем Н.А. Особенности защиты вещных прав на недвижимое имущество в условиях цифровизации 403

Кириллин А.А. Современные проблемы и тенденции развития государственной службы в России 408

Кожевникова А.И. Правовое регулирование отношений в сфере выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации 411

Коновалова Е.А. Влияние решений Европейского суда по правам человека на российскую правовую систему: прецедентный аспект 415

Корнеев И.В. Лицензирование деятельности по размещению ядерных установок как элемент обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации 419

Коршунова Е.Д. Абонентский договор в системе гражданско-правовых обязательств: природа, особенности и проблемы правового регулирования 423

Крупин В.А. Юридическая сила видов электронной подписи (ПЭП, УНЭП, УКЭП) при заключении договоров между юридическими лицами 428

Кузнецов А.Н. Преимущества и недостатки государственно-частного партнерства 432

Кузьмина У.М. Иные права собственности на жилое помещение в Российской Федерации 437

Курмачева А.Д. Правовой статус участников инвестиционно-строительного цикла при осуществлении электронного документооборота в информационных системах 441

Леканова Е.Е. Проблемы регламентации действий, совершенных в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса 444

Литвинова С.С. Характеристика личности хулигана: мотивы и цель его преступного поведения ... 446

Милованова Т.Л. Медиация как инструмент защиты прав предпринимателей: особенности применения в спорах с участием организаций с публичным капиталом 450

Минеева Д.О. Инновационные подходы в сфере государственного финансового контроля в городе Москве 455

Мирзялалова Г.Р. Правовые основы и способы распространения рекламы 459

Мучкаева Э.В. Гражданско-правовые последствия несанкционированного использования электронной подписи: анализ рисков и защитных механизмов 462

Носков А.Ю. Эволюция правового регулирования предупреждения коррупции в России: от первых декретов советской власти до современного антикоррупционного законодательства 467

Озерский С.В. Правовая статистика в условиях закрытости судебных данных: проблемы и перспективы 469

Перелыгина А.Д. Принцип свободы договора в России и англо-американской правовой системе: конституционно-правовое закрепление, ограничения и проблемы реализации 472

Полякова М.Р. Принцип справедливости и пропорциональности при назначении мер ответственности за налоговые правонарушения 475

Попов И.А. Обучение и повышение квалификации как механизм минимизации коррупционных рисков в МЧС России 478

Попова Е.А. Факторы, способствующие коррупции в деятельности МЧС России 482

Приступа С.В. Защита имущественных прав членов некоммерческого партнерства при его ликвидации: спорные вопросы и судебные толкования 486

Пугоев А.Р. Злоупотребление правом при взыскании договорной неустойки с коммерческих организаций: пределы свободы договора и добросовестность сторон 491

Рзаева С.П. Предпринимательский риск как объект правового регулирования: роль стимулов и ограничений 495

Салманова Г.И. Распространение ложной информации в сети Интернет как основание гражданско-правовой ответственности: сложности определения размера компенсации 500

Светашева И.В. Конкуренция средств индивидуализации юридических лиц и результатов их деятельности: проблемы установления приоритетов и охраны 503

Сердюкова Е.С. Особенности правового регулирования товаров, подлежащих государственному контролю и учёту 508

Смирнов И.А. Переход ответственности по обязательствам при разделении юридического лица: проблемы солидарной ответственности 510

Стопкевич Д.И. Правовые коллизии при включении долгов одного из супругов в конкурсную массу: банкротство и семейное право 515

Стрелкова В.А. Публичная достоверность сведений ЕГРЮЛ и ЕГРИП как основа правового значения государственных реестров 519

Сулейманов У.Г. Совершенствование механизма государственных закупок 524

Толистикова А.Ю., Фастова М.А. Самозанятость в юридической сфере: правовые возможности и ограничения 527

Третьякова М.Н. Правовые риски поставщика при исполнении договора поставки для государственных и муниципальных нужд 532

Тришин О.А. Принцип взаимного признания стандартов транспортного контроля в международном праве 537

Трусов Л.А. Правовые механизмы грантовой поддержки некоммерческих общественных организаций, реализующих социальные проекты, в городе Москве 541

Фазулжанова Ф.М. Правовое регулирование безопасности персональных данных в цифровых сервисах..... 544

Чалова А.В. Юридическая сила электронной подписи: условия признания договора, заключённого с её использованием, в судебной практике 548

Чупрова Е.Д. Особенности возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности 552

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Евдокимова А.Н., Евдокимов С.С. Механизмы и факторы возникновения экологических проблем в функционировании и работе Чебоксарского гидроузла 556

Кордон Т.А. Медиатексты как инструмент социальной адаптации будущих педагогов в условиях глобализации цифрового пространства 559

Кордон Т.А., Александрова К.А. Критическое чтение англоязычных медиатекстов как фактор информационной безопасности в условиях цифровой трансформации мирового сообщества 564

Махнёв В.А. Особенности цифровизации в Республике Беларусь 568

Морозов И.Д. Влияние традиционных российских духовно-нравственных ценностей на обороноспособность и безопасность Российской Федерации..... 573

Мясников Ю.М., Никишкин А.В., Половинкина П.Е. Интеграция беспилотных авиационных систем в профессиональную служебную и физическую подготовку сотрудников органов внутренних дел 578

Рахматов А.А. Проблемы развития человечества в условиях глобализации – гуманизация и социализация научного знания 581

Туркин А.А., Маковозов Д.С., Еременко Д.Н. Определение эффективности управления корпоративными процессами за счет внедрения цифровых технологий 584

Якубовская С.К. Влияние научно-технического прогресса на развитие информационного права..... 586

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Алексеев С.И. Роль заводских музеев электротехнического кластера Чувашии в жизни рабочих 591

Алексеев С.И., Ефремов Е.А. Открытие заводского музея Чебоксарского приборостроительного завода..... 593

Вдовина М.В. Цифровая социализация подростков в условиях развития искусственного интеллекта..... 595

Немков Т.А. Социальный статус рабочих профессий в современном обществе: факторы повышения престижа «синих воротничков»..... 602

Олейникова О.О., Ступина А.А., Потапов Б.В. Социально-экономические эффекты автоматизации разметки данных: синтетические среды как фактор трансформации цифрового труда 605

Петошина С.И., Тегалева Т.Д. Межпоколенческое взаимодействие в практике студенческого добровольчества 607

Потапова Е.В., Вологжина С.Ж., Макаров А.А., Бархатова О.А. Социально-экономическая предпосылка оценки покрытия защитных зелёных зон городов 610

Руденок В.П., Чебуняев А.О. Курительные смеси «Спайс»: опасность и профилактика..... 613

Тарануха М.С., Маковозов Д.С., Еременко Д.Н. Управление конфликтами в мультикультурных коллективах организаций..... 615

Усманов Г.Р. От вертикального приказа к горизонтальному давлению: трансформация отношений контроля в самоорганизующихся командах 617

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Афанасьева Оксана Николаевна
д-р экон. наук, профессор, преподаватель
Масловец Дарья Ильинична
студентка

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Минэкономразвития РФ»
г. Москва

ДЕОФШОРИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: *в статье рассмотрена деофшоризация мировой экономики на современном этапе. Приведено понятие «офшор», раскрыта эволюция становления офшоров в мировой экономике. Авторы классифицируют офшорные зоны, рассматривают меры борьбы с офшорами в российской и зарубежной практике, роль деофшоризации мировой экономики.*

Ключевые слова: *деофшоризация, деофшоризация мировой экономики, офшоры, мировая экономика, офшорные зоны, борьба с офшорами.*

Происхождение термина «офшор» связано с английским словосочетанием «off shore», означающим объект, находящийся «вне прибрежной полосы». В современной трактовке офшорная зона это обособленный, суверенный участок, на котором для внешних инвесторов создаются особые условия: вмешательство властей в их деятельность сведено к минимуму, а налоговая ставка крайне низкая или вовсе отсутствует.

Перемещение бизнеса в подобные зоны необходимо для достижения сразу нескольких целей. В первую очередь, это снижение налогового бремени и сокращение издержек производства. Офшорные зоны позволяют скрыть сведения о подлинных владельцах, что даёт бенефициарам высокий уровень конфиденциальности, а также возможность беспрепятственно выполнять валютные операции. Наконец, использование статуса иностранной компании значительно повышает её рейтинг на отечественном рынке.

Но есть и ряд рисков, связанных с размещением компании в офшорной зоне. Наиболее серьёзный из них это чрезмерная зависимость компании от малейших новаций в законодательстве как на местном, так и на международном уровне. Также многие западные партнёры проявляют настороженность относительно подобных компаний, что усложняет развитие партнёрства.

Обращаясь к истории, мы можем увидеть задатки подобных схем ещё в античные времена. Например, афинские купцы обходили высокие пошлина, перегоняя суда через соседние полисы с более низкими сборами. А Фландрия в XV веке служила точкой притяжения для английских торговцев шерстью из-за низких торговых ограничений и налогов. В период колониальных захватов капитал лишь формально переводился на подвластные земли, когда в реальности налоги удерживались колонизаторами, а территории не получали никаких поступлений.

Важный след в истории оффшорных организаций оставили США. Введённый в 1920-х сухой закон, который должен был бороться с пьянством и насилием, на деле привёл к расцвету криминала. Легальное предложение алкоголя исчезло, а спрос – нет, поэтому бизнес по его продаже стал не только очень рискованным, но и сверхприбыльным. У многих преступных синдикатов скопились огромные суммы наличных, для отмывания которых активно использовались зарубежные банки, например, в Швейцарии они славились своей банковской тайной, а на Карибских островах анонимностью. Также часто использовали подставной

легальный бизнес: автомойки, прачечные, рестораны, или возвращали деньги в США под видом инвестиций или займов от иностранных компаний.

В новейшей истории становление оффшоров ускорилось с середины 20 века, на что повлиял размер капиталов, нажитых преступным путём во время Второй мировой войны, рост налогов на бизнес, а также международное сотрудничество и глобализация.

В 1965 году, вследствие введения на Багамах двухуровневой банковской системы, острова стали первой юрисдикцией, предложившей «карманный» оффшорный банк с низкими требованиями и быстрым сроком получения лицензии, позволявшими нерезидентам создавать собственные банки и встраивать их в холдинги для расчётов оффшорных компаний за рубежом.

Самый пик развития оффшорных зон пришёлся на середину 70-х – конец 90-х годов, когда оффшорный бизнес начал широко внедряться в экономику.

На сегодняшний день расположений оффшоров в первую очередь обусловлено географическим расположением: Северная и Южная Америка обслуживаются в основном оффшорами стран карибского бассейна, то есть Багамскими, Виргинскими, Каймановыми островами, а также Барбадосом и Гренадой. В средиземноморье это Андорра, Гибралтар, Монако и Кипр, а в Европе Швейцария, Люксембург, Лихтенштейн, Ирландия, острова Гернси, Джерси и Мэн, Сан-Марино. К ближневосточным оффшорным зонам можно отнести Бахрейн, Израиль и ОАЭ. В Юго-Восточной Азии и Океании оффшорными зонами выступают Гонконг, Макао, Сингапур, Сейшельские острова, Малайзия, Филиппины и др. [2].

Обычно оффшорные зоны разделяют на три группы:

1. Классические оффшоры (Белиз, Панама, Сейшелы, Мальдивы) – здесь компании полностью освобождены от налога на прибыль за пределами юрисдикции, практически не ведут отчетность и имеют высокий уровень конфиденциальности.

2. Зоны высокой респектабельности (о. Мэн, Джерси, Гернси, Гибралтар, Гонконг) – в таких зонах установлен налог размером до 10%, обязательна ежегодная сдача отчётов, а информация о директорах и акционерах не засекречена. Тем не менее, компании, расположенные в таких зонах, вызывают больше доверия у международных партнеров.

3. Неофшорные страны с налоговыми льготами (Великобритания, Кипр, Швейцария, штаты Вайоминг и Делавэр в США) – здесь существуют высокие требования к отчётности и прозрачности компаний, но налоговые льготы оправдывают перенос компаний [3].

В 21 веке регулирования международного оффшорного бизнеса направлено, в первую очередь, на деофшоризацию экономики. Для борьбы со злоупотреблением оффшорным механизмом были созданы такие организации как ОЭСР и ФАТФ. Среди ключевых инструментов регулирования оффшоров созданных ОЭСР можно назвать Модельную конвенцию по двойному налогообложению 1977г., Конвенцию о взаимной административной помощи в налоговой сфере 1988г., Инициативу против вредоносной налоговой практики 1988г. и Соглашение об обмене информацией по налоговым вопросам 2002г. ФАФТ, в свою очередь, выпустила 40 рекомендаций, служащих сводом мер для национальных систем борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма [4].

Для более эффективной борьбы с нелегальными оффшорами были созданы планы BEPS и BEPS 2.0. Первый обязывает компании отчитываться там, где они реально зарабатывают деньги, а не в местах с меньшей налоговой ставкой. Сейчас к этой договорённости присоединились более 120 стран, а также было введено более 4900 дополнительных соглашений для регулирования оффшорной деятельности и обмена отчётами CbC [5]. BEPS 2.0 же устанавливает глобальным минимальный налог в 15% для компаний с оборотом в более чем 750 млн. евро. Более того, ОЭСР регулярно публикует список стран, которые помогают компаниям уходить от налогов, и применяют к ним санкции, если государства не идут на сотрудничество. Также было введено понятие КИК (контролируемая иностранная компания), то есть иностранная компания, которой владеет или которую контролирует налоговый резидент какой-либо страны. Такой механизм позволяет не дать компаниям «прятать» прибыль в оффшорах, поскольку прибыль КИК приравнивается к доходу самого владельца-резидента, даже если деньги на самом деле не выводили из оффшора и не были выплачены в виде дивидендов [6].

В Российской Федерации для борьбы с оффшорами в 2014 году был принят Федеральный закон №376-ФЗ, который внёс правки в налоговое законодательство в части выплаты налогов на прибыль для иностранных компаний и доходов иностранных организаций, обязую КИК выплачивать доход, посредством российских контролирующих лиц [1,7]. В 2020 году был создан Единый государственный реестр бенефициаров, позволяющий отслеживать конечных владельцев компаний, включая зарегистрированные за рубежом.

Особой мерой борьбы с оффшорами можно назвать создание в 2018 году специальных административных районов (САР) на островах Русский и Октябрьский, предлагающие зарегистрированным в них компаниям налоговые льготы и упрощенные административные процедуры, что делает их привлекательными для бизнеса и позволяет вернуть часть средств в экономику. Также, с целью привлечения иностранных инвесторов и стремительного роста экономики страны, были созданы свободные экономические зоны. Такие зоны предлагают налоговые, таможенные, административные льготы размещенным в них компаниям, а также помогают в создании новых рабочих мест и импортозамещении продукции. Однако они имеют ряд территориальных ограничений и, как правило, имеют неразвитую социальную инфраструктуру, что влечёт сложности в привлечении сотрудников. В настоящее время в РФ активны более 49 СЭЗ, которые, по данным 2021 года, уплатили более 50 млн. рублей налогов.

Реальная потребность в деофшоризации экономики проявляется в громких скандалах. Самый известный из них это Панамское дело. В апреле 2016 газета Süddeutsche Zeitung и международное объединение журналистов обнародовали результаты расследования на основе утечки 11,5 миллионов документов панамской юридической фирмы Mossack Fonseca. На протяжении 40 лет компания помогала своим клиентам в легализации доходов и уходе от налогов. В результате расследования было найдено более 1,2 миллиарда долларов неуплаченных налогов и штрафов [8].

Другим громким делом является Досье Пандоры. 3 октября 2021 года был опубликован «архив», включавший в себя электронные письма, изображения и иные документы и превосходивший по объёму «панамский архив». Тогда в открытый доступ попали 12 миллионов конфиденциальных файлов из внутренних документов 14 компаний, предоставлявших услуги в офшорных юрисдикциях. Досье обличало 35 действующих и бывших мировых лидеров, более 400 государственных чиновников и 130 человек из списка миллиардеров Forbes. Еврокомиссия в ответ на досье оперативно разработала директиву о предотвращении использования компаний-оболочек в налоговых целях [9].

Таким образом, офшорные юрисдикции являются очень противоречивым явлением. Они дают компаниям возможность снизить свои издержки и гарантировать защищенность информации, но в то же время наносят ущерб мировой экономике в виде колоссальной потери бюджетов, усиливая рост неравенства и подрывая доверие к налоговой системе. Журналистские расследования уже доказали необходимость перехода к деофшоризации и стабилизации мировой экономики. А для дальнейшего укрепления уже существующих механизмов борьбы необходимо расширять список стран-участниц действующих соглашений.

Список литературы

1. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций): Федеральный закон от 24.11.2014 №376-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171241/?ysclid=mqp689hbze226754582 (дата обращения: 19.04.2026).

2. Станковский М.В. Этапы эволюции офшорной деятельности: ретроспектива и современное состояние / М.В. Станковский // Налоги и налогообложение. – 2025. – №2. – С. 71–89. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73758 (дата обращения: 19.04.2026). DOI 10.7256/2454-065X.2025.2.73758. EDN DZDPHC

3. Каим В. Международная кампания давления на офшоры / В. Каим, Н. Наумова // Мировое и национальное хозяйство. – 2016. – №1. – С. 1–8. – URL: https://mirec.mgimo.ru/2016/2016-01/Internationalcampaign-of-pressure-on-offshores?ysclid=mo47wsggde990378916 (дата обращения: 19.04.2026). EDN VWXGVV

4. Пестрикова А.Б. Конвенция ОЭСР об информационном обмене в налоговой сфере / А.Б. Пестрикова // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2014. – №3. – С. 112–120. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22604729&ysclid=mqp5shgiav150197785 (дата обращения: 19.04.2026).

5. Progress continues in strengthening tax transparency through Country-by-Country reporting // OECD. – URL: https://www.oecd.org/en/about/news/announcements/2025/09/progress-continues-in-strengthening-tax-transparency-through-country-by-country-reporting.html (дата обращения: 25.05.2026).

6. Урбанович А.И. Роль оффшорных зон в современной мировой экономике / А.И. Урбанович, А.И. Киселевич, Е.А. Достанко // Международные отношения: история, теория, практика: сборник статей по материалам XIV научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск, 1 февраля 2024 г.). – Минск: БГУ, 2025. – С. 246–252. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/333960 (дата обращения: 25.05.2026). EDN CQHQEW

7. Абдрашитова А.Ф. Основные мировые тенденции развития налогового права в условиях глобализации экономики / А.Ф. Абдрашитова // Закон. – 2018. – №11. – С. 76–87. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36610300&ysclid=mqp5uuo88a274712821 (дата обращения: 25.05.2026).

8. Prebble J. The Panama Papers and foreign trusts: what should be done? / J. Prebble // Policy Quarterly. – 2016. – №3. – С. 82–91. – URL: https://ojs.victoria.ac.nz/pq/article/view/4602 (дата обращения: 18.06.2026).

9. Manescu D.M. Pandora Papers and the latest European efforts to combat money laundering, tax evasion and tax avoidance / D.M. Manescu // Technium Social Sciences Journal. – 2022. – №27 (1). – С. 384–390. – URL: https://www.researchgate.net/publication/357679030_Pandora_Papers_and_the_latest_European_efforts_to_combat_money_laundering_tax_evasion_and_tax_avoidance (дата обращения: 18.06.2026). DOI 10.47577/tssj.v27i1.5668. EDN RCQYWU

Волков Геннадий Юрьевич
канд. экон. наук, доцент
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЕС В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЭКЗОГЕННОГО ФАКТОРА (НА ПРИМЕРЕ ХИМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ)

Аннотация: *в статье анализируются последствия трансформации мирохозяйственных связей, приведшие к стагнации европейского реального сектора на фоне отказа от российского сырья и торговой политики США. На основе данных Ernst&Young, Cefic и квартальных отчетов BASF, ThyssenKrupp показано устойчивое падение инвестиций в ЕС. Происходит структурный сдвиг: рост инвестиций в ИИ и ВПК на фоне падения в химию, автопром и медицинское оборудование. BASF перенаправляет €4 млрд из Европы в США, ThyssenKrupp списала €2,5 млрд. Отмечено, что при сохранении текущих тенденций ЕС окончательно превратится в импортёра промышленных товаров, а главным бенефициаром станут США.*

Ключевые слова: *индустриальная депортация, энергетический кризис, стагнация, зелёная энергетика, миграция капитала, ценовой разрыв, деиндустриализация, логистическая премия, экономическая сегрегация.*

События «Крымской весны» и последующая трансформация мирохозяйственных связей под влиянием субъективного фактора фактически запустили процесс стагнации европейского реального сектора в условиях отказа от дешёвого российского сырья и жёсткой таможенной политики администрации Д. Трампа. Одним из главных нарративов складывающегося дисбаланса стал широко разрекламируемый переход к зелёной энергетике и перестройка европейского производственного комплекса под использование американских энергетических ресурсов. Европейские политики поспешили успокоить население сообщениями о временных трудностях, однако публикуемые в открытом доступе данные инвестиционных

отчетов и квартальных балансов убедительно свидетельствуют о стойкой негативной динамике, трансформирующейся в устойчивую тенденцию.

В итоге можно говорить уже не только о поступательном спаде производства в ведущих отраслях, но и о набирающем темпы процессе перетока капиталов, технологий и выносе производственных цепочек за пределы ЕС на территорию США и КНР. Большинство аналитиков, разрабатывающих перспективные модели развития и программы по минимизации рисков, всё чаще используют специальный термин «индустриальная депортация».

В частности, анализ данных, отражающих процесс прямого иностранного инвестирования, опубликованных в открытом доступе агентством Ernst&Young, показывает, что после незначительного постковидного отскока в 2022 г. (с показателем +1%) в ЕС фиксируется стабильное падение числа новых инвестиционных проектов на протяжении трёх последних лет подряд: в 2023-м – 4%, в 2024-м – 5% и по итогам 2025 г. – 7%. Представленные показатели динамики развития экономики стран ЕС, на которые традиционно приходилось минимум 50% объёма всех инвестиций, на фоне спровоцированного санкциями энергетического кризиса можно охарактеризовать как провальные.

Германия, общепризнанный «локомотив экономики ЕС», полностью поддержавшая антироссийские торгово-экономические санкции и активно поддерживающая военно-кредитными поставками Украину, уже восьмой год подряд фиксирует стойкое падение всех экономико-финансовых показателей реального сектора. Например, согласно данным статистики, по итогам 2025 г. показатель числа новых проектов в ФРГ опустился до значений 17-летнего минимума, составив 547 единиц, то есть -10% к 2024 г. и -34% к 2022 г. В качестве причин аналитики однозначно называют крайне высокие цены на энергетику, рост налогов и усиление регуляторного государственного давления на бизнес.

Аналогичная ситуация складывается в соседней Франции, положение в которой незначительно лучше в силу инерционного эффекта от успешной реализации реформ на предыдущих периодах. Тем не менее, показатель инвестпроектов также снижается: если по итогам 2022 г. он составлял 1259 единиц, то по итогам 2025 г. он составил всего 852 проекта (показатель падения -17%). Англия, хоть формально и не является членом ЕС, но сохраняет позиции его важнейшего торгового партнера, также находится в стагнации с показателем всего в 730 проектов по итогам 2025 г. (-14%).

Особое внимание следует обратить на тот факт, что одновременно меняется структура капитала, что проявляется в ускоряющемся оттоке средств из реального сектора. В частности, по итогам 2025 г. было зафиксировано падение объёмов ПИИ в производство медицинского оборудования на 28,5%, в химической отрасли – на 19%, а в автомобильную отрасль – на 11%. Одновременно фиксируется резкий рост объёмов инвестирования в сектор ИИ (+96%) и ВПК (+84%). Такая ситуация не случайна, поскольку крупнейшие страны ЕС стремятся использовать традиционный подход: посредством милитаризации IT-сектора решить возникшие проблемы, но при этом поступательно утрачивая традиционную промышленную базу, сокращая объёмы капитальных вложений в модернизацию национального производственного комплекса. Итогом стало падение общего объёма валового накопления основного капитала в ЕС на 1,9% по итогам 2024 г.

Наиболее угрожающе кризисные явления проявились в базовом секторе немецкой экономики – химической промышленности, обеспечивающей необходимым сырьём и полуфабрикатами все остальные отрасли. Только по итогам 2025 г. как минимум 2 из 10 компаний вынуждены были полностью остановить производство и закрыть заводы. В частности, в предоставленном квартальном отчёте немецкий химический концерн BASF зафиксировал чистый убыток по линиям производства аммиака и базовых полимеров. Причиной стал тот факт, что при цене газа (на хабе TTF) €55–60 за 1 МВт·ч (около €600 за 1 тыс. куб. м) конкурировать с американскими заводами физически невозможно, поскольку последние получают газ по цене всего €12–15 за 1 МВт·ч.

Итог достаточно печален для немецких производителей: на уровне руководства было принято решение о бессрочной консервации двух технологических линий в дополнение к ранее остановленному производству в Людвигсхафене, что сразу спровоцировало рост социальной напряжённости после резкого сокращения персонала. Следующим шагом стало перенаправление примерно €4 млрд капитальных затрат (ранее предназначавшихся для европейских активов) на расширение комплекса BASF в Луизиане (США), в штате, где доступно самое дешёвое сланцевое сырьё.

Ещё одним наглядным примером может служить стратегия немецкой металлургической корпорации ThyssenKrupp, резко сократившей объёмы выплавки стали на территории Германии минимум на 18,5% в годовом выражении и объявившей о полном провале перевода доменных печей с традиционного топлива на «зелёный водород». Итогом стало списание активов на сумму более €2,5 млрд и одновременное увеличение объёмов закупок импортных компонентов для используемых производственных технологий. События на Ближнем Востоке и ситуация в Ормузском проливе спровоцировали стремительный рост цен на энергоресурсы, прежде всего электроэнергию, что в свою очередь способствовало волатильности цен на критически важное сырьё и цепной реакции на рынках более глубоких переделов.

Согласно предоставленным данным отраслевой ассоциации Cefic, в период с 2022 по первый квартал 2026 г. число закрытых предприятий по всей Европе выросло в 6 раз, было потеряно около 20 000 рабочих мест и примерно 1/10 часть производственных мощностей ЕС. Показатель подтверждённых объёмов капитальных инвестиций в европейский химпром рухнул более чем на 80% – с €7,6 млрд в 2022 г. до €1,5 млрд по итогам 2025 г. Учитывая вероятность развития негативного сценария, компания Mitsubishi уже в конце февраля 2026 г. приняла решение о «сворачивании» строительства в Роттердаме передового комплекса по выпуску химических компонентов для высокоэффективных покрытий. Аналитики уверены, что уже в краткосрочной перспективе процесс закрытия химических производственных комплексов приведёт к риску неспособности ЕС производить базовые материалы: от хлора для очистки воды до фенолов для печатных плат, поскольку европейский бизнес больше не справляется с регуляторной нагрузкой и постоянно растущими ценами на энергию, предпочитая просто ликвидировать производства. В конечном итоге на конец мая 2026 г. индексы деловой активности (PMI) в производственном секторе еврозоны остаются в зоне рецессии. По предварительным оценкам, промышленный PMI еврозоны зафиксировался на отметке 42,8 (в Германии показатель откатился к 39,2, во Франции – к 41,5 пункта), и при этом объём новых промышленных заказов демонстрирует устойчивое падение на протяжении последних 12 месяцев подряд, а все резервы невыполненных работ практически исчерпаны.

В случае, если ситуация на Ближнем Востоке не стабилизируется, риск проявления негативного сценария для европейской экономики значительно возрастает, поскольку:

− обеспечить полное наполнение газохранилищ в ситуации постоянного роста цен без критического ущерба для промышленных потребителей окажется более чем проблематично;

− перестройка логистических цепочек в обход Африки окончательно закрепит логистическую премию в ценах на топливо, сделав европейский экспорт неконкурентоспособным;

− на фоне низких темпов заполнения подземных хранилищ газа возрастёт риск административного нормирования энергии для промышленных потребителей, что ускорит процесс закрытия производственных комплексов;

− произойдёт безвозвратная потеря доли рынка, поскольку ниши, освобождённые европейскими химическими и машиностроительными компаниями, будут оперативно заняты конкурентами из США и Китая.

Таким образом, можно говорить о том, что в складывающихся реалиях активно продвигаемый ЕС план Made in Europe представляется не более чем политической декларацией, слабо связанной с реальностью. Анонсированное требование обеспечить 70%-ю локализацию при производстве солнечных панелей или электромобилей внутри ЕС при условии, что в Европе энергоресурсы стоят минимум втрое дороже, чем в США или Китае, для бизнеса является

однозначно невыполнимой задачей, так как никакие обещанные субсидии из Европейского фонда суверенитета не в состоянии покрыть эту разницу в операционных расходах, а продолжение блокады поставок с Ближнего Востока ускорит «сегрегацию» мировой экономики. Вывод достаточно однозначен: уже в краткосрочной перспективе ЕС окончательно перейдёт в статус импортёра промышленных товаров, превращаясь в сервисную экономику с ослабевшим индустриальным потенциалом, а главным бенефициаром этого процесса будут США, куда всё быстрее мигрирует европейский капитал в поисках дешёвого газа, защищённой логистики и предсказуемой налоговой среды.

Список литературы

1. Белов В.Б. Реакция ЕС на действия второй администрации Д. Трампа / В.Б. Белов // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2026. – №1(49). – С. 7–23. DOI 10.15211/vestnikieran12026723. EDN FCWETS

2. Клавдиенко В.П. Единый энергетический рынок стран ЕС: конвергенция или status quo... / В.П. Клавдиенко, М.Л. Лучко // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2026. – №2. – С. 124–143. DOI 10.52180/2073-6487_2026_2_124_143. EDN PDMDWD

3. Никитин Е.В. Экологический экстремизм: к вопросу о понятии, целях и тенденциях / Е.В. Никитин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2026. – Т. 26. №1. – С. 7–14. DOI 10.14529/law260101. EDN LGMOXP

4. Четверикова А.С. Внешняя торговля ЕС: трансформация экспортных потоков / А.С. Четверикова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2026. – №1. – С. 156–172. DOI 10.52180/2073-6487_2026_1_156_172. EDN QECCSC

5. Чувахина Л.Г. Еврозона: современные проблемы развития / Л.Г. Чувахина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 8. №4(169). – С. 137–147. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.04.08.015. EDN BPJETY

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ЭКОНОМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ КАК РАЗДЕЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация: *определенное внимание в статье уделяется экономическому подходу к преступлениям и наказаниям, предложенному Г.С. Беккером, который считается основоположником такого раздела экономической теории как экономика преступлений и наказаний. Г.С. Беккер рассматривал преступление как рациональный выбор на основе сопоставления издержек и выгод, а не как «продукт» плохого воспитания. В качестве методологической основы использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод. В статье делается вывод, что одним из достоинств экономического подхода к преступлениям и наказаниям является то, что с помощью него можно обосновать полезность использования административной преюдиции в уголовном праве.*

Ключевые слова: *экономика, экономический подход, преступление, Беккер, Достоевский, Раскольников, административная преюдиция, издержки, выгода.*

Предпосылкой формирования экономики преступлений и наказаний как раздела экономической теории выступает опубликование в 1968 году Гэри Стенли Беккером научного труда под названием «Grime and Punishment: An Economic Approach» [1], которое в переводе на русский язык означает «Преступление и наказание: экономический подход». Г.С. Беккер считается великим экономистом своего времени. В 1992 году он получил Нобелевскую премию по экономике за распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение [2, с. 32].

Иными словами, его научный труд, ставший фундаментом для развития экономики преступлений и наказаний, является одной из заслуг, принесших Г.С. Беккеру Нобелевскую премию по экономике.

Г.С. Беккер отстаивал мысль, что некоторые люди выбирают преступную деятельность в качестве постоянного способа заработка (экономии) в первую очередь в силу ее значительной выгодности, а не в силу плохого воспитания: «Люди решают стать преступниками по тем соображениям, по каким другие становятся столярами или учителям, а именно потому, что они ожидают, что «прибыль» от решения стать преступником – приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как денежными, так и неденежными, – превосходит «прибыль» от занятия иными профессиями» [3, с. 41].

До того, как Г.С. Беккер обосновал экономический подход к преступлениям и наказаниям, в науке доминирующим был подход, рассматривающий противоправную деятельность в качестве иррационального поведения [4, с. 42]. В свою очередь, Г.С. Беккер предлагал рассматривать преступление в первую очередь как продукт рационального выбора, сделанного в сложных обстоятельствах [2, с. 31]. В то же время Г.С. Беккер не отрицал, что помимо экономических причин существуют и другие обстоятельства, которые подталкивают людей к совершению преступлений. При анализе причин совершения преступлений корыстной направленности исследователи часто обращаются к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», главный герой которой Р. Раскольников совершил разбой, сопряженный с убийством двух женщин [5, с. 11; 6, с. 529].

На первый взгляд, мотивом столь чудовищных преступлений выступает «болезненная мономания» [5, с. 11] разбоя и убийств (зацикленность («помешанность») Р. Раскольникова на идее наличия у «необыкновенных людей» неофициального «права» на преступление ради всеобщего блага или спасения). На самом деле мотивы учиненного Р. Раскольниковым разбоя, сопряженного с убийством двух женщин, были намного прозаичнее. Р. Раскольников не имел работы и средств к существованию, заложил множество вещей, которые не мог выкупить, был должен денег за съемную квартиру, в любую минуту мог быть подвергнут выселению из нее и др. Налицо – чисто корыстный мотив, прекрасно вписывающийся в экономический подход Г.С. Беккера к преступлению. В то же время помехой совершения преступления Р. Раскольниковым выступал моральный барьер (осознание ужасности планируемых преступлений). И только для того, чтобы оправдаться перед самим собой и другими людьми он придумал теорию о наличии у «необыкновенных людей» неофициального «права» на преступление ради всеобщего блага или спасения. Убийство старухи-процентщицы трактовалось как спасение бедных людей от необоснованной эксплуатации зажиточных людей, как механизм более справедливого распределения имущества, что само по себе тоже не лишено экономического мотива. Если у Р. Раскольникова были бы средства к существованию и отсутствовали долги, он бы не совершил разбоя, сопряженного с двойным убийством, но, возможно, бы просто философствовал об «обыкновенных» и «необыкновенных» людях.

Экономический подход Г.С. Беккера к преступлениям и наказаниям получил большую популярность в научных кругах среди его современников, в связи с чем у Г.С. Беккера появились последователи. На сегодняшний день научный интерес к экономическому подходу к преступлениям и наказаниям, предложенному Г.С. Беккером, также не ослабевает. Экономика преступлений и наказаний выступает предметом исследования, в частности, в научных трудах В.И. Цурикова [84], А.М. Лушникова [6; 7], Ю.В. Андриенко [8].

Необходимо обратить внимание, что Г.С. Беккер применял свой экономической подход не только для обоснования совершения преступлений корыстной направленности. В частности, если речь шла о насильственных преступлениях, то, по мнению Г.С. Беккера, выгода от них заключается в психическом удовольствии от актов насилия, которое испытывает преступник [3, с. 42; 9, с. 650].

Г.С. Беккер пришел к выводу, что если какой-то вид преступлений совершается слишком часто, то, следовательно, за него предусмотрено либо слишком мягкое наказание (по

сравнению с размером выгоды, получаемой от совершения преступления), либо преступники заметили, что такие преступления часто остаются нераскрытыми. Из этого следует, что в первом случае законодателю необходимо повысить санкции, а во втором случае правоохранительным органам необходимо усовершенствовать тактику и методику расследования соответствующего вида преступления.

Кроме выявления в противоправной деятельности рационального начала, Г.С. Беккер подчеркивал, что для каждого индивида издержки в связи с совершением правонарушения и отбыванием наказания за него не одинаковы [3, с. 41]. Одни правонарушители тратят много денег для подготовки или сокрытия своего деяния, а у других затраты для реализации преступления минимальны. В каждом конкретном случае разнится также сумма приобретенных материальных благ в результате совершения правонарушения. Кроме того, для российского законодательства характерен принцип индивидуализации юридической ответственности в зависимости от личности нарушителя, а также его имущественного и семейного положения. В связи с этим вопрос о «выгодности» совершения того или иного правонарушения с учетом индивидуальных характеристик правонарушителя и разных обстоятельств совершения правонарушения решается для каждого человека по-разному.

Одним из достоинств экономического подхода к преступлениям и наказаниям является то, что с помощью него можно решить вопрос о полезности или недопустимости использования административной преюдиции в уголовном праве. Административная преюдиция представляет собой юридически доказанный факт подверженности административному наказанию по одному или нескольким аналогичным умышленным деяниям в течение определенного законом срока, учитываемый при последующем умышленном совершении аналогичного деяния для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности [10, с. 206]. На сегодняшний день признак административной преюдиции характерен для 29 составов преступлений. Конструкция административной преюдиции должна использоваться в ограниченном количестве случаев. Полагаем, речь должна идти о тех составах административных правонарушений, которые у правонарушителей входят в привычку, становятся постоянным способом их заработка или экономии (к примеру, мелкие хищения, неуплата алиментов). Если лицо пристрастилось к совершению административных правонарушений одного типа, то, значит, конкретно для него, несмотря на сумму административного штрафа («сумму издержек») такая модель поведения является выгодной, в связи с чем угроза административной ответственности не оказывают должного предупредительного эффекта на таких правонарушителей. Значит, в указанных случаях более эффективным является применение к такому лицу, вместо административной ответственности, более строгого (уголовного) вида ответственности, чтобы разорвать этот порочный круг.

Список литературы

1. Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1968. – Vol. 76. №2. – P. 169–217.

2. Дорохин В.С. Портреты ученых-юристов: Гэри Беккер / В.С. Дорохин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – №2. – С. 29–35. EDN SIIFVT

3. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г.С. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

4. Цуриков В.И. Экономический подход к проблеме сдерживания преступности. Часть 1 / В.И. Цуриков // Теоретическая и прикладная экономика. – 2017. – №3. – С. 41–54. EDN ZNELDN

5. Баранова Т.А. «Преступление и наказание» как источник для изучения законодательства России второй половины XIX века / Т.А. Баранова // Юридические записки студенческого научного общества: XII Международная научно-практическая конференция молодежная конференция. – Ярославль, 2023. – С. 11–12.

6. Лушников А.М. «Экономика преступлений и наказаний»: историко-правовой аспект / А.М. Лушников // Сто лет уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). – Т. 1. – Екатеринбург: УГЮУ, 2019. – С. 527–537. EDN CXNWZF

7. Лушников А.М. Право и экономика: монография / А.М. Лушников. – М.: Проспект, 2025. – 192 с. EDN NXKAOX

8. Андриенко Ю.В. Экономика преступления: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности: автореф. дис. … канд. экон. наук / Ю.В. Андриенко. – М., 2003. – 20 с. EDN ZMTGYN

9. Рожков К.К. Экономический анализ преступности Г. Беккера как средство усиления законности и правопорядка / К.К. Рожков // Актуальные вопросы публичного права: материалы XIX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых. – Екатеринбург, 2020. – С. 648–654. EDN KCQHPG

10. Леканова Е.Е. Административная преюдиция как межотраслевой механизм перехода от административной к уголовной ответственности / Е.Е. Леканова // Полицейская и следственная деятельность. – 2026. – №2. – С. 203–216. DOI 10.25136/2409-7810.2026.2.80738. EDN PUMEEK

Лукьянова Дарья Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ РИСКА ЛИКВИДНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ МСП

Аннотация: *в статье рассматривается проблема диагностики риска потери ликвидности у субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в контексте обеспечения их экономической безопасности. Обосновано, что традиционные коэффициентные методы оценки ликвидности, разработанные для крупных компаний, не учитывают отраслевые и масштабные особенности МСП, а также не интегрированы с системой индикаторов экономической безопасности. Для преодоления указанных ограничений предложен авторский набор из пяти диагностических показателей (коэффициенты текущей и срочной ликвидности, доля просроченной дебиторской задолженности, длительность финансового цикла, обеспеченность собственными оборотными средствами), скорректированы их пороговые значения. Разработан алгоритм расчёта интегрального индекса риска ликвидности, позволяющий классифицировать предприятия по четырём уровням угрозы (от низкого до критического). Методика доступна для применения на основе стандартной бухгалтерской отчётности и не требует привлечения сторонних экспертов, что делает её эффективным инструментом регулярного мониторинга для МСП.*

Ключевые слова: *риск потери ликвидности, экономическая безопасность, субъекты малого и среднего предпринимательства, интегральный индекс риска, диагностика, финансовый цикл, пороговые значения, мониторинг.*

В современных реалиях в РФ зарегистрировано порядка 7 млн субъектов малого и среднего предпринимательства [3]. Именно этот сектор экономики наиболее подвержен финансовым рискам [5]. Одной из главных угроз является потеря ликвидности [6]. Субъекты малого предпринимательства зачастую не обладают достаточными резервами, а иногда они и вовсе отсутствуют. В таком случае, дефицит денежных средств наносит серьезный удар по экономической безопасности предприятий, что актуализирует задачу ее обеспечения в соответствии со Стратегией экономической безопасности РФ [1].

Существующие методики оценки ликвидности, основанные на традиционных коэффициентах, разработаны преимущественно для крупных предприятий и не учитывают особенности МСП [5, 9]. Более того, эти методы, как правило, не связывают уровень ликвидности с системой индикаторов экономической безопасности, что не позволяет своевременно диагностировать угрозы и принимать превентивные меры [6].

Экономическая безопасность предприятия на микроуровне определяется как способность сохранять финансовую устойчивость и эффективно противостоять внутренним и внешним

угрозам, обеспечивая непрерывность основной деятельности и достижение стратегических целей [4]. В системе этой безопасности ликвидность занимает ключевое место, поскольку именно достаточный уровень ликвидности гарантирует своевременное погашение текущих обязательств и предотвращает кассовые разрывы [6].

У субъектов МСП риск потери ликвидности усиливается под воздействием ряда специфических факторов. Во-первых, ограниченный доступ к внешнему финансированию (кредиты, овердрафты) лишает их возможности быстро закрыть кассовый разрыв. Во-вторых, малые предприятия часто имеют узкую клиентскую базу, и задержка оплаты от одного крупного дебитора создаёт критическую ситуацию. В-третьих, у них, как правило, отсутствуют значительные финансовые резервы, а запасы и дебиторская задолженность составляют основную долю оборотных активов, при этом качество этих активов может быть низким (залежалые запасы, сомнительная дебиторская задолженность) [5; 8; 9]. Таким образом, уровень ликвидности для МСП является не просто одним из коэффициентов финансового анализа, а ключевым индикатором экономической безопасности. Его снижение ниже критической отметки должно рассматриваться как сигнал о возникновении прямой угрозы существованию бизнеса, что делает диагностику такого риска первостепенной задачей [6].

Существующий методический аппарат [7] финансового анализа не отвечает задаче ранней диагностики риска потери ликвидности у МСП, что диктует необходимость разработки адаптированного инструментария, сочетающего доступность исходных данных, учёт отраслевой специфики и возможность интегральной оценки угроз: коэффициентные методы статичны, унифицированные нормативные значения не дифференцированы по отраслям и масштабам, анализ денежных потоков не формирует интегральной оценки риска [6; 9].

В ответ на обозначенные методические пробелы предлагается система из пяти диагностических параметров. Каждый параметр количественно оценивает определённую зону ликвидностного риска и вычисляется по данным обязательной бухгалтерской отчётности (форма №1 и форма №2) [5; 6]. Отбор параметров осуществлён по трём критериям: достаточность аналитической ценности, минимальная трудоёмкость сбора исходной информации и высокая корреляция с изменениями реального финансового состояния предприятия [8].

Таблица 1

Состав индикаторов и их пороговые значения

Показатель	Формула/способ расчёта	Пороговое значение (критический уровень)
1. Коэффициент текущей ликвидности	Оборотные активы / Краткосрочные обязательства	< 1,2 (с учётом отраслевой корректировки)
2. Коэффициент срочной ликвидности	(ДС + КФВ + Дебиторская задолженность) / Краткосрочные обязательства	< 0,7
3. Доля просроченной дебиторской задолженности	Просроченная дебиторская задолженность / Общая дебиторская задолженность	> 20%
4. Длительность финансового цикла, дней	Оборачиваемость запасов + Оборачиваемость дебиторской задолженности – Оборачиваемость кредиторской задолженности	> 60 дней (для торговли), > 90 дней (для производства)
5. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	(Собственный капитал – Внеоборотные активы) / Оборотные активы	< 0,1

Пороговые значения скорректированы в сторону ужесточения по сравнению с общепринятыми, поскольку для МСП даже незначительное отклонение может стать критическим. В частности, норматив текущей ликвидности снижен с традиционных 2 до 1,2, что соответствует медианным значениям по большинству отраслей МСП по данным Росстата [2, 3], а

при падении ниже этого уровня риск признаётся высоким. Длительность финансового цикла дифференцирована по видам деятельности.

Для каждого из пяти показателей рассчитывается отклонение от порогового значения (в процентах или долях). Если показатель лучше порога – отклонение положительное, хуже – отрицательное.

Каждому показателю присваивается весовой коэффициент на основе экспертных оценок (сумма весов = 1). Предлагаются следующие веса: текущая ликвидность – 0,3; срочная ликвидность – 0,2; доля просроченной дебиторской задолженности – 0,2; длительность финансового цикла – 0,2; обеспеченность СОС – 0,1.

Интегральный индекс рассчитывается как взвешенная сумма нормированных отклонений. Итоговое значение интерпретируется по шкале: > 0,2 – низкий риск, от -0,2 до 0,2 – умеренный риск, от -0,5 до -0,2 – высокий риск, < -0,5 – критический риск (угроза экономической безопасности).

Предложенная методика не требует сложных дополнительных данных и может применяться для ежемесячного мониторинга силами самого предприятия, что особенно важно для существ с ограниченными финансовыми и кадровыми ресурсами [5].

Проведённое исследование подтвердило, что традиционные методы оценки ликвидности не позволяют своевременно диагностировать угрозы экономической безопасности субъектов МСП. Статичность коэффициентных методов и унифицированные нормативы не учитывают отраслевые и масштабные особенности малого бизнеса.

Предложенная система из пяти индикаторов и алгоритм расчёта интегрального индекса риска позволяют классифицировать предприятия по четырём уровням угрозы – от низкого до критического. Методика доступна для применения на основе стандартной бухгалтерской отчётности и не требует привлечения сторонних экспертов.

Полученные результаты являются основой для дальнейшей разработки управленческих механизмов снижения риска потери ликвидности в системе экономической безопасности субъектов МСП.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 15.06.2026).

2. Бакунова Т.В. Управление оборотными средствами предприятия в условиях нестабильности рынка / Т.В. Бакунова, П.М. Рябчиков, В.Р. Хайсаров // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XIX Международной конференции (Екатеринбург, 14–16 ноября 2024 г.). – Екатеринбург: Ажур, 2025. – С. 1246–1250. – URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/142910 (дата обращения: 07.06.2026). EDN XCVWNF

3. Доклад о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019–2023 гг. / под ред. Т.А. Илюшниковой. – М.: Регион-Бизнес, 2024. – 180 с. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_sostoyanii_malogo_i_srednego_predprinimatelstva_v_rf_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_20192023_gg.html (дата обращения: 07.06.2026).

4. Елкина О.С. Экономическая безопасность предприятия (организации): учебник / О.С. Елкина. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 313 с.

5. Морозко Н.И. Финансовый менеджмент в малом бизнесе: учебник / Н.И. Морозко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2023. – 320 с. – URL: https://api.libraryiksu.kg/elibrary/books/Morozko%20Finansovy%20menedjment4851.pdf (дата обращения: 07.06.2026).

6. Сергеева И.А. Методика оценки уровня и меры обеспечения экономической безопасности предприятия МСП в условиях неопределенности / И.А. Сергеева, С.В. Тактарова, А.Ю. Сергеев // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2023. – №4 (48). – С. 211–225. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-urovnya-i-mery-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya (дата обращения: 07.06.2026).

7. Спиридонов Е.Э. Адаптация подходов в управлении оборотным капиталом малого и среднего бизнеса в условиях экономической неопределенности / Е.Э. Спиридонов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2026. – №1. – С. 102–110. – URL: https://vest.rea.ru/jour/article/view/2758 (дата обращения: 07.06.2026).

8. Спиридонов Е.Э. Неэффективное управление оборотным капиталом как основной ограничивающий фактор устойчивого развития малых и средних предприятий / Е.Э. Спиридонов // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. – 2024. – Т. 13, №2. – С. 56–62. DOI 10.12737/2306-627X-2024-13-2-56-62. EDN CUJQDR

Пегушина Полина Ивановна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

СТРУКТУРНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ И УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ «РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ» В УСЛОВИЯХ ИСТОЩЕНИЯ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ РОССИИ

Аннотация: *в статье анализируется трансформация феномена «ресурсного проклятия» в российской экономике в условиях истощения минерально-сырьевой базы и внешнего санкционного давления. Рассматриваются структурные дисбалансы, порождаемые сырьевой специализацией экономики, и их влияние на экономическую безопасность государства. Обосновывается вывод о том, что исчерпание качественных запасов полезных ископаемых и технологические ограничения усугубляют традиционные проявления «ресурсного проклятия», требуя пересмотра стратегии структурной трансформации экономики.*

Ключевые слова: *ресурсное проклятие, структурные дисбалансы, экономическая безопасность, истощение сырьевой базы, диверсификация экономики, голландская болезнь.*

Феномен «ресурсного проклятия» (resource curse) – парадоксальная ситуация, при которой страны, обладающие значительными природными ресурсами, демонстрируют более низкие темпы экономического роста по сравнению с государствами, лишенными таких богатств. Впервые описанный в 1993 году экономистом Р. Аути, этот феномен в российской интерпретации приобрел устойчивое название «русской болезни» – особой формы «голландской болезни», характеризующейся гипертрофированной зависимостью национальной экономики от экспорта углеводородов при системной деградации обрабатывающей промышленности.

Особенность современного этапа заключается в наложении традиционных проявлений «ресурсного проклятия» на два новых фундаментальных вызова: объективное истощение минерально-сырьевой базы России и беспрецедентное санкционное давление. Цель настоящей статьи – выявить специфику трансформации «ресурсного проклятия» в современных условиях и определить связанные с этим угрозы экономической безопасности государства.

1. Теоретические основы «ресурсного проклятия» и российская специфика.

Механизм «голландской болезни» в классическом виде выглядит следующим образом: рост доходов от экспорта природных ресурсов приводит к укреплению национальной валюты, что делает продукцию отечественной обрабатывающей промышленности неконкурентоспособной как на внешних, так и на внутренних рынках. Как следствие, капитал, трудовые ресурсы и инвестиции перетекают из производственного сектора в сырьевой, запуская механизм деиндустриализации. Отечественный исследователь С.Г. Капканщиков характеризует этот процесс как циклический, предопределенный как избыточным укреплением курса рубля, так и кардинальными различиями нормы прибыли в добывающих и обрабатывающих отраслях.

Применительно к России специфика «ресурсного проклятия» усугубляется наследием советской экономики. Технологическая отсталость и низкая конкурентоспособность промышленных предприятий РСФСР, доставшиеся суверенной России по наследству, в условиях либерализации внешнеэкономической деятельности привели к ускоренному банкротству отечественных производителей, не выдержавших конкуренции с импортом. Сырьевая специализация экономики закрепилась как устойчивая структурная характеристика, порождающая так называемую рентоориентированную модель поведения экономических агентов.

2. Истощение сырьевой базы как новый фактор обострения дисбалансов.

Проблема «ресурсного проклятия» приобретает новое качество в условиях объективного истощения минерально-сырьевой базы России. Согласно данным, представленным на

Всероссийском форуме недропользователей, доля балансовых запасов месторождений, открытых после 1993 года, в суммарной структуре запасов по ряду критически важных видов сырья остается крайне низкой: по свинцу – 20%, по цинку – 14%, по меди – 32%, по никелю – 20%, по золоту – 35%. При этом основной прирост запасов золота в 2006–2024 годах обеспечили крупнейшие месторождения советского периода – Сухой Лог, Олимпиада и Наталкинское, что свидетельствует о системных проблемах с открытием новых объектов.

Дополнительным фактором риска выступает исчерпание фонда лицензирования значимых месторождений. Перспективные объекты зачастую расположены в пределах особо охраняемых природных территорий либо в зонах с инфраструктурными, экономическими и технологическими ограничениями, что затрудняет их вовлечение в хозяйственный оборот. В перспективе существует риск снижения вероятности обнаружения новых месторождений, при этом растет доля объектов с наименее достоверной категорией P_3.

Таким образом, если ранее «ресурсное проклятие» проявлялось преимущественно через эффекты «голландской болезни», то сегодня к этой проблеме добавляется фундаментальное ограничение самой ресурсной базы. Сокращение качественных запасов при одновременном усложнении условий добычи делает сырьевую модель все менее устойчивой.

3. Санкционное давление и технологические ограничения.

Введение беспрецедентных санкций против России создало дополнительные вызовы для структурной трансформации экономики. Как отмечают исследователи ИМЭМО РАН, крупномасштабное санкционное давление неизбежно меняет направления сотрудничества России с мировой экономикой, одновременно стимулируя структурную перестройку самой российской экономики. Ключевым вызовом в среднесрочной перспективе становятся ограничения на увеличение объемов сырьевого экспорта, что сужает возможности использования экспортных доходов для экономического роста.

Технологический аспект проблемы особенно остр. Создание при Президиуме РАН рабочих групп по обеспечению страны дефицитными видами минерального сырья – литием, титаном, рением – свидетельствует о признании на высшем уровне критической импортозависимости в стратегических направлениях. Достижение приемлемых темпов экономического роста в среднесрочной перспективе, по оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, возможно лишь при опережающей динамике несырьевого экспорта, снижении импортозависимости и устойчивом платежном балансе.

Показательно, что, несмотря на санкционное давление, в российской экономике наблюдаются и позитивные структурные сдвиги. В 2024 году рост обрабатывающей промышленности составил 8,5%, а в отдельных высокотехнологичных сегментах – транспортном машиностроении (+29,6%), производстве компьютерной техники и электроники (+28,8%), фармацевтике (+18%) – темпы оказались еще более впечатляющими. Однако этот рост происходит на фоне перегрева экономики, дефицита кадров при рекордно низкой безработице (2,3%) и высокой инфляции.

В заключение следует отметить, что феномен «ресурсного проклятия» в современной России претерпевает качественную трансформацию под воздействием трех взаимосвязанных факторов: объективного истощения минерально-сырьевой базы, технологических ограничений, наложенных санкциями, и устойчивых структурных диспропорций экономики.

Ключевым выводом исследования является то, что традиционная модель сырьевой специализации утрачивает свои фундаментальные основания: доля месторождений, открытых после 1993 года, в структуре запасов стратегических видов сырья критически мала, а рост обрабатывающей промышленности носит фрагментарный характер и не компенсирует системных рисков деиндустриализации. Это позволяет говорить о формировании нового качества угрозы – «*проклятия истощения*», при котором экономика сохраняет сырьевую зависимость, но сама ресурсная база перестает быть гарантом долгосрочной устойчивости.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности России в современных условиях требует не просто диверсификации, а кардинальной смены модели развития – от

экспорта сырья к экспорту продуктов его глубокой переработки и высокотехнологичных товаров, что невозможно без эффективных институтов изъятия и перераспределения природной ренты, а также последовательной промышленной политики, ориентированной на технологический суверенитет.

Список литературы

1. Алексеев А.В. Реструктуризация российского производственного сектора в условиях санкций / А.В. Алексеев // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, №8. – С. 5–15. – URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2025/8-t-69/restrukturizatsiya-rossiyskogo-proizvodstvennogo-sektora-v-usloviyah-sanktsiy (дата обращения: 14.07.2026). DOI 10.20542/0131-2227-2025-69-8-5-15. EDN YCWFOA

2. Капканщиков С.Г. «Русская болезнь» как этап эволюции эффекта Гронингена / С.Г. Капканщиков // Российский экономический журнал. – 2022. – №5. – С. 41–63. – URL: https://www.rej.ru/archive/2022/5/article_784 (дата обращения: 14.07.2026). DOI 10.33983/0130-9757-2022-5-41-63. EDN LURZEP

3. Костиков И.В. Макроэкономическая адаптация России в условиях санкций: структурные сдвиги, инфляция и научно-технологические вызовы (2024–2025 гг.) / И.В. Костиков. – URL: https://www.nifru.ru (дата обращения: 14.07.2026).

4. Мальцев Я.А. Ресурсозависимость экономики России и проблема так называемого «ресурсного проклятия». Поиск новых точек роста / Я.А. Мальцев // Молодой ученый. – 2018. – №52 (238). – С. 141–147. – URL: https://moluch.ru/archive/238/55173 (дата обращения: 14.07.2026). EDN VPUREG

5. Российская экономика – 2025: анализ структурных ограничений и сценариев развития. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2024/Prognoz-2025.pdf (дата обращения: 14.07.2026).

6. ЦНИГРИ предложил меры по восполнению минерально-сырьевой базы России. – URL: https://nedradv.ru/nedradv/ru/page_news?obj=b9575bf0464129d5d654e4c6472d19a3 (дата обращения: 14.07.2026).

7. Ерёмина М.Ю. Механизм «Ресурсного проклятия» и экономика региона / М.Ю. Ерёмина // Вестник КамчатГТУ. – 2010. – №12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-resursnogo-proklyatiya-i-ekonomika-regiona (дата обращения: 14.07.2026). EDN NDHBFF

Пронин Алексей Юрьевич
канд. техн. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
МОО «Академия военных наук»»
г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: *в статье рассмотрены тенденции развития экономики в современных условиях цифровой трансформации. Предложена авторская трактовка определения «промышленная экосистема». Описаны основные элементы промышленной экосистемы и приведены основные принципы эффективного ее функционирования. На основе анализа публикаций отечественных ученых предложены подходы к формированию промышленных экосистем. Показаны примеры успешного функционирования отечественных промышленных экосистем.*

Ключевые слова: *экономика, экосистема, цифровая промышленная экосистема, промышленность, организация производства, цифровая технология, цифровизация, цифровая экономика, цифровое производство, искусственный интеллект.*

Одним из глобальных трендов XXI века является структурная трансформация мировой экономики, связанная с активным развитием и повсеместным внедрением цифровых технологий в реальные экономические процессы. Трансформация экономики за счет использования цифровых технологий создает предпосылки для изменения бизнес-процессов и

принципов управления инновационным развитием как национальной экономики в целом, так и отдельных ее отраслей, включая промышленный сектор [1–3].

Вопросы развития промышленности в условиях цифровой трансформации экономики России достаточно подробно рассматриваются в публикациях отечественных ученых и аналитиков [1–10]. На основе анализа данных публикаций можно сформулировать следующее авторское определение промышленной экосистемы.

Промышленная экосистема – система (пространство) взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов среды (заказчиков, производственных предприятий, потребителей, сервисных компаний, цифровых платформ, приложений, устройств и др.), обеспечивающих повышение эффективности производства конечной продукции. Формирование и развитие экосистем, по мнению автора, может осуществляться двумя путями:

− развитие собственных производственных мощностей, цифровых платформ и сервисов;

− объединение двух и более предприятий в результате которого можно достичь синергетического эффекта от совместной работы и повысить конкурентоспособность и качество выпускаемой продукции.

Основными элементами промышленной экосистемы являются: участники, механизмы взаимодействия и технологическая база (рисунок 1).

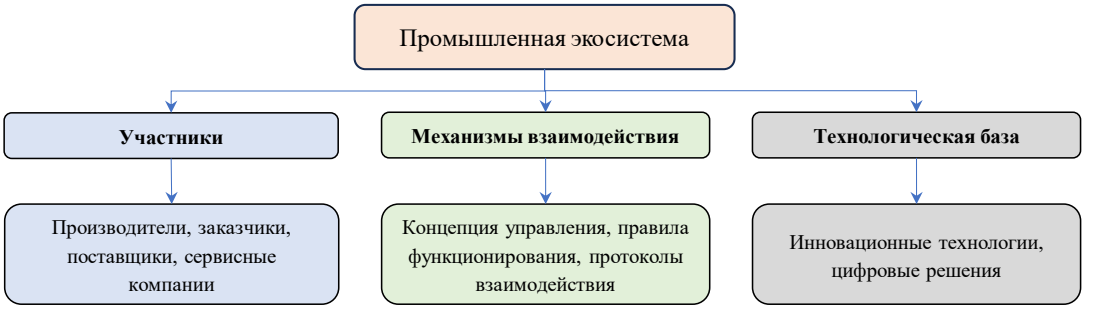

Рис. 1. Основные элементы промышленной экосистемы

В интересах обеспечения эффективного функционирования промышленной экосистемы она должна удовлетворять следующим принципам:

− модульность – каждый элемент экосистемы может развиваться отдельно, но при этом все компоненты должны эффективно взаимодействовать друг и другом;

− адаптируемость – промышленная экосистема должна иметь возможность «адаптироваться» под требования конкретного заказчика;

− многосторонние отношения – внутри экосистемы должно быть обеспечено взаимодействие со всеми ее участниками (производители, партнеры, заказчики, конкуренты и др.);

− координация – в интересах достижения общих целей и задач все действия участников экосистемы должны быть согласованы.

На основе анализа публикаций отечественных ученых и общемировых тенденций развития промышленности целесообразно выделить следующие базовые подходы к формированию промышленных экосистем [1–10]:

1) экосистема как инструмент государственной политики (т. е. инициирована властью). В качестве примера реализации данного сценария можно выделить национальные технологические инициативы (НТИ), которые направлены на развитие перспективных рынков и технологий, посредством консолидации усилий государства, науки и бизнеса. В настоящее время реализуются НТИ направленные на создание платформы для моделирования безэкипажного судовождения (цифровой сервис для проверки систем автономных и дистанционно управляемых надводных судов на соответствие нормативным требованиям безопасности мореплавания), создание национального логистического оператора в сфере беспилотной аэрологистики

(проект по формированию оператора с парком беспилотных авиационных систем для коммерческих воздушных перевозок грузов и почты) и др.;

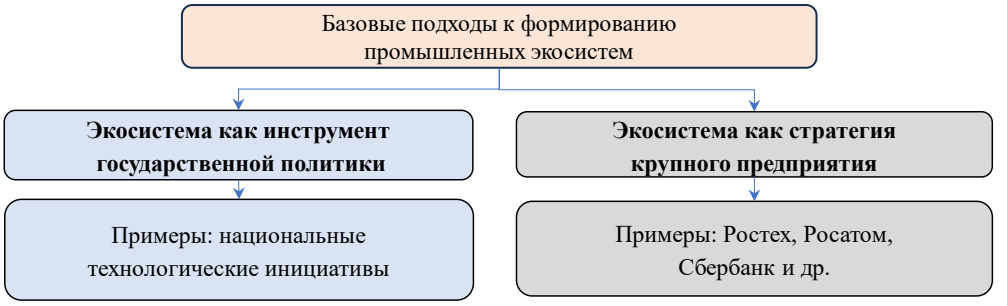

Рис. 2. Базовые подходы к формированию промышленных экосистем

2) экосистема как стратегия крупного предприятия. В качестве примера реализации данного сценария можно выделить крупные компании (Ростех, Росатом, Сбербанк и др.). В настоящее время реализация данного сценария осуществляется посредством следующих инструментов Big Data, индустриальный интернет вещей, системы управления базами данных (PDM, PLM), цифровое моделирование и проектирование (CAD, CAE), аддитивные технологии (3D-печать), промышленные роботы, сенсорика и др.

Реализация предложенных подходов к формированию промышленных экосистем позволит обеспечить синергетический эффект и комплексное развитие отечественной промышленности в современных условиях цифровой экономики с ориентацией на технологический суверенитет и устойчивый экономический рост.

Список литературы

1. Бабкин А.В. Многоуровневый матричный подход для стратегического управления формированием и реализацией гособоронзаказа промышленных экосистем / А.В. Бабкин, С.В. Михайлов, В.В. Михайлов // Вестник академии знаний. – 2023. – №1. – С. 37–44. EDN OPQYTC

2. Панфилова Е.Е. Формирование экосистем и платформ в цифровой экономике / Е.Е. Панфилова // Московский экономический журнал. – 2021. – №1. – С. 632–642.

3. Клейнер Г.Б. Промышленные экосистемы: взгляд в будущее / Г.Б. Клейнер // Экономическое возрождение России. – 2018. – №2(56).

4. Акбердина В.В. Цифровая трансформация промышленности: тенденции, управление, стратегии / В.В. Акбердина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2023. – 164 с.

5. Дадалко В.А. Инструменты цифровой экономики как способы обеспечения транспарентности хозяйствования промышленного предприятия / В.А. Дадалко, Д.Р. Назырова, П.П. Топчий // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – №5. DOI 10.26794/1999-849X-2018-11-5-84-91. EDN YLXNAT

6. Стратегическое управление промышленными экосистемами на основе платформенной концепции / В.В. Глухов, А.В. Бабкин, Е.В. Шкарупета, В.А. Плотников // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27. №10. – С. 752–766.

7. Кашеварова Н. Развитие производственных экосистем и платформ в условиях цифровой трансформации промышленности / Н. Кашеварова, В. Шиболденков // Сборник трудов IX Всероссийской научной конференции по организации производства. – 2020. – С. 71–80. EDN VZHGXX

8. Устинов Э.А. Производственный задел предприятия как основа развития экосистем инноваций / Э.А. Устинов, Р.М. Сиразетдинов, Л.Н. Устинова // Экономика промышленности. – 2019. – Т. 12. – №2. – С. 178–185.

9. Шабалина Л.В. Теоретические подходы к формированию промышленной экосистемы региона / Л.В. Шабалина, В.О. Огородник // Инновации и информационные технологии в условиях цифровизации экономики: сборник трудов III международной научно-практической конференции. – 2025. – С. 598–600. EDN EOXTJA

10. Тополева Т.Н. Моделирование цифровой платформы инновационной производственной экосистемы региона / Т.Н. Тополева // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2024. – Т. 19. №4(76). – С. 135–143. DOI 10.12737/2073-0462-2024-135-143. EDN CLZXTP

Тарасенков Петр Петрович
магистрант
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва

РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕНТЕ ОНЛАЙН-РИТЕЙЛА ОДЕЖДЫ И ОБУВИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация: *тема статьи связана с быстрым ростом генеративного искусственного интеллекта в digital-коммуникациях модного онлайн-ритейла. Цель работы – показать, почему AI-контент в соцсетях может давать не рост интереса, а репутационный ущерб. Материалом являются отраслевые отчёты, научные публикации и открытый кейс специализированного ритейлера Jeanswest, получившего волну критики за AI-видео и машинные визуалы в социальных сетях. В статье разобраны основные риски: потеря доверия, визуальный брак, неточные обещания и провал диалога с аудиторией. В финале предложены практические рекомендации для интернет-магазина одежды и обуви.*

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, онлайн-ритейл, одежда и обувь, социальные сети, fashion-контент, репутационные риски.*

Разговор о генеративном искусственном интеллекте в fashion-ритейле давно ушёл из зоны любопытного эксперимента. У интернет-магазинов одежды и обуви появился соблазн очень быстро выпускать посты, сторис, ролики, ответы в директе и рекламные подписи без долгой ручной работы. Для команды с плотным календарём публикаций подобный путь выглядит удобным. Однако в соцсетях темп сам по себе не даёт хорошего результата. Внимание аудитории держится на доверии к картинке, к тону подписи, к правде про товар и к качеству ответа в комментариях [15].

Для fashion-сегмента вопрос стоит особенно остро. Одежда и обувь продаются через визуальное впечатление, атмосферу, ощущение материала и уместность образа. По данным Data Insight, категория одежды и обуви давно закрепилась среди самых заметных направлений онлайн-покупок, а часть аудитории совмещает цифровой и офлайн-путь выбора [9]. Значит, пост в соцсети уже не просто развлекает. Он формирует ожидание, с которым человек потом идёт в карточку товара, в отзывы и в заказ.

На стороне бизнеса у генеративного ИИ есть понятные преимущества. McKinsey писал о росте интереса fashion-компаний к подобным технологиям из-за ускорения рутинной работы и более быстрого вывода идей в коммуникацию [15]. Трегубов тоже отмечает, что маркетинг стал одной из самых заметных областей применения генеративных моделей, поскольку там много текстовых черновиков и повторяющихся сценариев общения [17]. Проблема начинается в момент, когда бренд путает черновую помощь с полноценной заменой редактора, стилиста, продюсера и комьюнити-менеджера.

Отношение аудитории к AI-рекламе тоже далеко не однозначно. По материалам IAB, молодые пользователи видят AI-рекламу всё чаще, однако уровень симпатии к подобному контенту заметно ниже, чем предполагают рекламодатели [1]. Отдельно важно, что молодая аудитория чаще связывает подобные материалы с ощущением неподлинности и дистанции от реальной жизни бренда [2]. Исследование NielsenIQ добавляет ещё одну неприятную деталь: AI-реклама у части потребителей воспринимается более скучной, раздражающей и сбивающей с толку [16]. Для fashion-коммуникаций, где эмоция и эстетика часто решают больше цены, подобный фон особенно опасен.

Отдельная сложность связана с устройством самих социальных сетей. Лента не даёт бренду много времени на объяснение. Пользователь видит материал несколько секунд, затем либо задерживается, либо уходит. По данной причине любая слабость считывается очень

быстро. В обычной карточке товара часть сомнений можно снять характеристиками, отзывами и блоком вопросов. В ленте времени на такую компенсацию почти нет. Если ролик кажется неестественным, а подпись звучит пусто, публика редко даёт бренду второй шанс. Она листает дальше или оставляет язвительный комментарий. Для одежды и обуви подобный механизм особенно заметен, поскольку решение о переходе к покупке часто начинается с эмоции, а не с рационального сравнения параметров.

Нужно учитывать и различие между крупным универсальным игроком и специализированной маркой. Универсальный каталог может выпускать много контента и частично скрывать слабые публикации за счёт масштаба, скидок и постоянного потока трафика. Узкий ритейлер так не живёт. У него меньше права на ошибку, потому что аудитория приходит за определённым стилем, категорией и экспертностью. Для denim-магазина важны представление о посадке, ощущение настоящего материала, уверенная работа с casual-образом. Для магазина беговой обуви – понимание стопы, амортизации и сценария носки. Для outdoor-категории – доверие к функциональности. Когда такая марка начинает говорить безличным машинным голосом, она теряет собственное преимущество.

Наиболее показательный открытый кейс последних месяцев связан с Jeanswest. Речь идёт о специализированном австралийском ритейлере денима и casual-одежды, который в январе 2026 года попал под волну критики из-за применения AI в социальных сетях на сайте [10]. Выбор данного кейса оправдан по простой причине: специализированная марка продаёт не просто товар, а ещё и уверенность в собственной категории. Покупатель ждёт от подобной марки вкуса, точности и понятного отношения к вещи. По данной причине любая визуальная халтура бьёт сильнее, чем у безликого широкого каталога.

По данным B&T, 30 декабря и 6 января Jeanswest опубликовал два ролика длиной около 20 секунд для продвижения летней линейки [6]. Внешний вид материалов вызвал мгновенную негативную реакцию: зрители заметили мультяшную пластику, размытые движения и общее ощущение дешёвого цифрового ролика. В комментариях публика писала про «AI garbage», задавала вопрос, не шутка ли перед ней, и удивлялась, кто вообще одобрил выпуск подобных материалов [6]. 9News дополнил картину сообщением о том, что на сайте бренда тоже было много AI-фото и AI-видео, а представитель поддержки подтвердил журналистам применение генеративного ИИ в креативном процессе [10].

Данный кейс ценен не шумом вокруг бренда, а характером ошибки. Проблема Jeanswest не сводилась к самому факту применения нейросети. Негатив вырос из-за слабого качества, отсутствия внутреннего фильтра и неуважения к особенностям собственной категории. Деним – очень материальная группа товаров. Там важны плотность ткани, движение вещи, посадка, ощущение живого света и реального тела в кадре. Когда вместо подобной материальности пользователь видит пластиковую картинку, доверие к марке резко проседает.

Ещё один слой проблемы связан со смыслом сообщения. По данным B&T, один из визуалов породил у части аудитории путаницу вокруг магазинов бренда [6]. Вместо ясного сигнала пользователь получил сомнение и раздражение. В соцсетях подобный сбой развивается очень быстро: человек не тратит время на уточнение логики кампании, а просто пишет насмешливый комментарий и идёт дальше. Для интернет-магазина одежды и обуви подобный разворот особенно неприятен, поскольку social-контент часто должен переводить внимание в карточку товара и далее в покупку.

На стороне бизнеса часто слышен аргумент про экономию. Он понятен: съёмка дорогая, монтаж требует времени, дизайнер и копирайтер не могут бесконечно увеличивать объём выпуска. Однако экономия в social-контенте имеет предел. Если AI-ролик снижает доверие и становится предметом насмешки, стоимость подобной экономии резко возрастает. Бренду приходится вручную тушить негатив, объясняться в комментариях и восстанавливать ощущение нормального вкуса. В итоге часть сэкономленного бюджета сгорает уже после публикации. Кейс Jeanswest и показал подобный разворот: внимание к бренду выросло, однако выросло не в форме интереса к продукту, а в форме обсуждения неудачного решения [6].

Есть и ещё одна причина, по которой бездумная генерация опасна. В fashion-коммуникациях текст и картинка тесно связаны с товарной правдой. Если пост обещает мягкую посадку, «идеальную» длину или ощущение премиальной ткани, а реальный товар не подтверждает подобное обещание, проблема выходит за пределы эстетики. Дальше начинается спор о честности марки. Для онлайн-ритейла одежды и обуви подобный разрыв особенно неприятен, поскольку возврат и негативный отзыв здесь рождаются очень быстро. По данной причине AI-текст без связи с карточкой товара, отзывами, таблицей размеров и правилами доставки опасен даже тогда, когда выглядит грамотно.

Отдельный вопрос касается прозрачности. Исследования IAB показывают, что само упоминание AI в рекламе не всегда ведёт к негативу; многое зависит от качества материала, уместности применения и ясности сообщения [2]. Из данного вывода не следует, что марке нужно подписывать каждую публикацию словом «AI». Вывод другой: если бренд всё же использует машинную генерацию, ему нельзя выпускать сырой материал в надежде, что аудитория не заметит. Молодые пользователи замечают подобные вещи быстрее, чем думает часть рекламного рынка. А когда замечают, оценивают прежде всего не технологию, а уважение марки к собственной работе и к человеку по ту сторону экрана.

Отдельного внимания заслуживает тема диалога с аудиторией. Fashion-магазины давно используют соцсети не просто для публикаций, а для поддержки. В комментариях и личных сообщениях спрашивают про размер, наличие, доставку, возврат и уход за вещью. Аслэм пишет, что для fashion-чатботов важны понятность ответа, удобство и полезность [3]. Канг и Чхой добавляют к данной мысли быстрый отклик и ощущение эмпатии [12]. Если магазин подключает генеративный ИИ без нормальной базы знаний и без редакторского контроля, риск растёт сразу по двум линиям: по фактам и по тону. Машина может ответить грамотно, однако мимо вопроса. Либо дать уверенную формулировку с ложным обещанием. Опрос YouGov показал, что потребители склонны считать ответственным именно бренд, а не программу, которая говорила от его лица [18].

Есть и более общий вывод, связанный с восприятием подлинности. Кирк и Гиви показали, что указание на AI-авторство эмоционального маркетингового сообщения снижает положительный отклик и лояльность сильнее, чем в случае с более фактическим текстом [13]. Лоу и Коупленд на материале AI-fashion ads тоже связывают реакцию молодой аудитории с вопросами доверия и подлинности [14]. Для fashion-ритейла подобный вывод очень приземлённый: марка может спокойно применять ИИ для черновиков, однако в зонах, где нужна личная интонация и ощущение вкуса, беспечный автопилот приводит к обратному эффекту.

Из разобранного кейса и исследовательских работ вытекает довольно ясный набор рекомендаций. Во-первых, специализированному ритейлеру лучше отдавать генеративному ИИ подготовительный слой: идеи рубрик, черновики подписей, варианты call to action, сводку повторяющихся комментариев. Во-вторых, финальные ролики и крупные fashion-визуалы должны проходить жёсткую ручную проверку. Для денима, обуви, outdoor-одежды, белья и прочих категорий с сильной материальной составляющей подобная проверка обязательна. В-третьих, ответы про размеры, состав, доставку и возврат нельзя публиковать без сверки с внутренними данными магазина. В-четвёртых, марке нужен собственный словарь тона: без него нейросеть очень быстро делает коммуникацию обезличенной.

Для нишевого fashion-ритейлера главный риск связан даже не с отдельной ошибкой, а с накоплением слабых решений. Один неудачный ролик ещё можно пережить. Однако серия пустых подписей, пластиковых видео, странных ответов и двусмысленных сообщений постепенно разрушает образ марки. В ленте пользователь редко анализирует источник проблемы. Он просто ощущает, что бренд стал дешёвым, ленивым или чужим.

Итог статьи можно сформулировать прямо. Генеративный искусственный интеллект в контенте онлайн-ритейла одежды и обуви полезен ровно до той границы, где он остаётся помощником, а не заменой человеческого вкуса, фактической точности и уважения к покупателю. Кейс Jeanswest показал, что в соцсетях плохой AI-контент распознаётся быстро и

наказывает марку не снижением охвата, а потерей доверия. Для специализированного ритейлера подобная цена слишком высока. По данной причине лучший путь состоит не в бездумной автоматизации, а в осторожной работе: машина делает черновик, человек отвечает за смысл, правду и уровень публикации.

Список литературы

1. The AI Ad Gap: Why Young Consumers Aren't Yet Buying Into Gen AI Ads. URL: https://www.iab.com/insights/why-young-consumers-avoid-gen-ai-ads/ (дата обращения: 22.03.2026).
2. The AI Ad Gap Widens. URL: https://www.iab.com/insights/the-ai-gap-widens/ (дата обращения: 22.03.2026).
3. Аслэм У. Understanding the usability of retail fashion brand chatbots: Evidence from customer expectations and experiences / У. Аслэм // Journal of Retailing and Consumer Services. 2023. Vol. 74. Art. 103377. DOI: 10.1016/j.jretconser.2023.103377. EDN WCAJVY
4. Amazon launches generative AI to help sellers write product descriptions. URL: https://www.aboutamazon.com/news/small-business/amazon-sellers-generative-ai-tool (дата обращения: 22.03.2026).
5. Беланче Д. Customer reactions to generative AI vs. real images in high-involvement and hedonic services / Д. Беланче, Л.В. Касало, К. Флиавиан // International Journal of Information Management. – 2025. – Vol. 85. – Art. 102954. – DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2025.102954. EDN PULMIM
6. Are You Pranking Us? Jeanswest Ridiculed Online Over «AI Monstrosity». – URL: https://www.bandt.com.au/are-you-pranking-us-jeanswest-ridiculed-online-over-ai-monstrosity/ (дата обращения: 22.03.2026).
7. Бранд Дж.Л.М. Air Canada's chatbot illustrates persistent agency and responsibility gap problems for AI / Дж.Л.М. Бранд // AI & Society. – 2025. – Vol. 40. – P. 3361–3363. – DOI: 10.1007/s00146-024-02096-7.
8. Гурушкин П.Ю. Цифровые коммуникации в сегменте «e-commerce» / П.Ю. Гурушкин // Litera. – 2024. – №11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kommunikatsii-v-segmente-e-commerce (дата обращения: 22.03.2026).
9. Дата Инсайт (Data Insight). Маркетинговое исследование «Онлайн-покупка одежды и обуви. Анализ потребительского поведения». – URL: https://datainsight.ru/DI_Consumer_behaviors_fashion_2024 (дата обращения: 22.03.2026).
10. Australian retailer lashed over AI ads, which experts warn are on the rise. – URL: https://www.9news.com.au/national/jeanswest-ai-advertising-social-media-expert-reactions/a5a1d68d-45ee-44bb-bc77-38a59ccc0c29 (дата обращения: 22.03.2026).
11. Иванченко О.В. Влияние генеративного искусственного интеллекта на развитие клиентоцентричной экосистемы маркетинга / О.В. Иванченко // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2024. – Т. 31, №1. – С. 67–75. – DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.1.85.009. EDN TPCUVW
12. Канг Дж.-Я.М. Artificial intelligence-powered digital solutions in the fashion industry: a mixed-methods study on AI-based customer services / Дж.-Я.М. Канг, Д. Чхой // International Journal of Fashion Design, Technology and Education. – 2024. – Vol. 17, no. 2. – P. 162–176. – DOI: 10.1080/17543266.2023.2261019.
13. Кирк К.П. The AI-authorship effect: Understanding authenticity, moral disgust, and consumer responses to AI-generated marketing communications / К.П. Кирк, Дж. Гиви // Journal of Business Research. – 2025. – Vol. 186. – Art. 114984. – DOI: 10.1016/j.jbusres.2024.114984. EDN BZVZEG
14. Лоу К. Gen Z and AI-Generated Fashion Ads: A Qualitative Study to Understanding Female Consumer Perceptions and Reactions / К. Лоу, Л. Коупленд // Journal of Internet Commerce. – 2025. – Vol. 24. No. 3. – P. 131–152. DOI 10.1080/15332861.2025.2520194. EDN AHBMDC
15. Generative AI: Unlocking the future of fashion. – URL: https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/generative-ai-unlocking-the-future-of-fashion (дата обращения: 22.03.2026).
16. NIQ research uncovers hidden consumer attitudes toward AI-generated ads. – URL: https://nielseniq.com/global/en/news-center/2024/niq-research-uncovers-hidden-consumer-attitudes-toward-ai-generated-ads/ (дата обращения: 22.03.2026).
17. Трегубов В.Н. Перспективные направления исследований использования генеративного искусственного интеллекта в маркетинге / В.Н. Трегубов // International Journal of Open Information Technologies. – 2024. – Т. 12, №5. – С. 23–32. EDN RNREUK
18. Consumers hold companies responsible for AI chatbot errors. – URL: https://yougov.com/articles/49729-consumers-hold-companies-responsible-for-ai-chatbot-errors (дата обращения: 22.03.2026).

Тюдешева Анастасия Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ РИСКОВ НА УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *целью статьи является комплексное исследование влияния правовых рисков на уровень экономической безопасности организации на основе экономико-правового анализа. Особое внимание уделяется классификации правовых рисков, оценке их воздействия на финансово-экономические показатели деятельности организации, а также анализу действующих правовых механизмов управления и минимизации данных рисков в современных условиях хозяйствования.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность организации, правовые риски, управление рисками, правовое регулирование, комплаенс, устойчивость организации, финансовая устойчивость, нормативно-правовая среда, корпоративное управление, риск-ориентированный подход.*

В условиях трансформации мировой экономики, усиления регуляторного давления и роста неопределенности особую актуальность приобретает обеспечение экономической безопасности организации. Она характеризует способность хозяйствующего субъекта сохранять устойчивость, эффективно функционировать и противостоять внутренним и внешним угрозам, определяя его финансовую стабильность, конкурентоспособность, инвестиционную привлекательность и перспективы развития.

Понятие экономической безопасности имеет различные трактовки. Л.И. Абалкин определял ее как совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость, стабильность и способность экономики к развитию [2]. По мнению В.К. Сенчагова, экономическая безопасность представляет собой состояние экономики и институтов власти, при котором гарантируется защита национальных интересов государства даже в неблагоприятных условиях [3]. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года она рассматривается как состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее экономический суверенитет и реализацию стратегических национальных приоритетов [4].

Экономическая безопасность организации представляет собой состояние защищенности ее ресурсов, процессов и интересов, поддерживаемое эффективным управлением рисками. Особое значение приобретают правовые риски, обусловленные изменением нормативно-правовой базы и особенностями правового регулирования предпринимательской деятельности.

Правовые риски возникают вследствие несоблюдения законодательства, ошибок при оформлении договоров, нарушений правоприменительной практики и изменений нормативных правовых актов. В 2021–2025 гг. их значение возросло в связи с усилением налогового администрирования, антимонопольного регулирования, требований в сфере защиты персональных данных, корпоративного управления и раскрытия информации, что увеличивает вероятность наступления юридических последствий.

Реализация правовых рисков приводит к финансовым потерям в виде штрафов, налоговых доначислений, судебных расходов и компенсационных выплат, ухудшая финансовое состояние, ликвидность и платежеспособность организации. Кроме того, судебные споры, нарушения законодательства и претензии со стороны контролирующих органов негативно отражаются на деловой репутации, снижая доверие контрагентов, инвесторов и потребителей.

Правовые риски способны нарушить операционную деятельность организации. Ограничение отдельных видов деятельности, пересмотр договорных отношений, невозможность участия в государственных закупках и необходимость оперативной адаптации к изменениям

законодательства снижают эффективность управления и устойчивость организации, ограничивая ее способность поддерживать необходимый уровень экономической безопасности. Для выявления практических проявлений влияния правовых рисков на уровень экономической безопасности организации рассмотрим динамику ключевых показателей:

Таблица 1

Динамика ключевых показателей влияния правовых рисков на экономическую безопасность организаций (2021–2025 гг.)

Год	Доля правовых и комплаенс-издержек в общих операционных расходах, %	Коэффициент финансовой устойчивости (отношение собственных средств к обязательствам)	Уровень соблюдения нормативных требований (число выявленных нарушений на 100 организаций)
2021	1,5	0,63	7,8
2022	1,8	0,60	8,5
2023	2,2	0,57	9,3
2024	2,6	0,52	10,2
2025	3,1	0,48	11,0

Анализ ключевых показателей свидетельствует об усилении влияния правовых рисков на экономическую безопасность организаций в 2021–2025 гг. Рост доли правовых и комплаенс-издержек в структуре операционных расходов отражает увеличение затрат на соблюдение нормативно-правовых требований, обусловленное усложнением регулирования и усилением контроля со стороны государственных органов. Одновременно наблюдается снижение коэффициента финансовой устойчивости, указывающее на сокращение доли собственных средств, а также увеличение количества выявленных нарушений нормативных требований.

Практика показывает, что отсутствие системного управления правовыми рисками повышает вероятность возникновения кризисных ситуаций. В то же время внедрение механизмов правового комплаенса, мониторинг изменений законодательства, правовая экспертиза управленческих решений и повышение правовой грамотности персонала способствуют снижению уровня угроз и укреплению экономической безопасности организации.

В условиях усложнения правового регулирования и усиления ответственности хозяйствующих субъектов управление правовыми рисками становится элементом стратегического управления, ориентированного на предупреждение правовых угроз и их своевременную интеграцию в процесс принятия управленческих решений.

Список литературы

1. Вайвер Ю.М. Обеспечение экономической безопасности инвестиционно-строительного бизнеса России в условиях санкций / Ю.М. Вайвер // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, №12. – С. 5885–5898. DOI 10.18334/epp.13.12.120150. EDN HAOQWS

2. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России / В.К. Сенчагов. – М.: Дело, 2005. – 896 с. EDN POCTNV

3. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208. – URL: http://docs.cntd.ru/document/420398070 (дата обращения: 06.01.2026).

4. Радиков И.В. Санкции в мировой политике: гуманное или аморальное средство политического принуждения? / И.В. Радиков. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41419536 (дата обращения: 08.01.2026).

5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Черняева Полина Денисовна
студентка
Ступина Алёна Александровна
д-р техн. наук, профессор
Журавлев Михаил Владиславович
канд. физ.-мат. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

АДАПТИВНЫЙ ЭНЕРГОМЕНЕДЖМЕНТ НА ОСНОВЕ ПОТОКОВОГО МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация: *в статье обосновывается экономическая целесообразность перехода от статических моделей прогнозирования энергопотребления к адаптивным системам потокового машинного обучения (Online Learning) с детекцией концептуального дрейфа (Concept Drift). Показано, что внедрение инкрементальных алгоритмов (Adaptive Random Forest, ADWIN) в контур управления предприятием позволяет снизить операционные издержки (OPEX) на электроэнергию за счет предиктивного сглаживания пиковых нагрузок. Эмпирические данные подтверждают снижение среднеабсолютной ошибки (MAE) на 29% и задержку обновления моделей менее 2 мс, что обеспечивает готовность технологии к внедрению на периферийных (Edge) устройствах.*

Ключевые слова: *экономика предприятия, энергоменеджмент, потоковое машинное обучение, концептуальный дрейф, ESG-трансформация, операционные издержки, предиктивная аналитика.*

Введение. В условиях глобальной волатильности энергетических рынков и ужесточения ESG-стандартов управление энергопотреблением становится важнейшим фактором экономической устойчивости бизнеса. Исторически форкастинг (прогнозирование нагрузок) опирался на статистическую регрессию и физически обоснованные эквивалентные схемы, калибруемые по историческим профилям [1]. Однако современные экосистемы характеризуются нестационарностью: износ оборудования, сдвиги производственных графиков, сезонные климатические аномалии и интеграция распределенных энергоресурсов (ВИЭ) делают предположение о стационарности данных несостоятельным. Цель работы – оценить экономический эффект от внедрения систем онлайн-обучения, способных автономно адаптироваться к структурным сдвигам без остановки бизнес-процессов.

1. *Методология: от статистики к потоковой экономике переход к онлайн-обучению (Online Learning) меняет парадигму:* данные рассматриваются не как статический репозиторий, а как непрерывный поток обучающих сигналов. В экономике это эквивалентно переходу от плановой экономики к адаптивному рыночному реагированию в режиме реального времени. Ключевой проблемой является *концептуальный дрейф* (Concept Drift) – изменение совместного распределения $P(X,y)P(X,y)$ во времени. Для обнаружения дрейфа применяется алгоритм ADWIN (Adaptive Windowing), который не требует установки пороговых значений вручную и опирается на неравенство Хеффдинга. При обнаружении статистически значимого сдвига (например, перехода на зимний тариф или запуска новой производственной линии) система автоматически сжимает окно наблюдений, отбрасывая устаревшие данные и инициируя адаптацию весов модели [3]. В качестве базовых алгоритмов выступают инкрементальные модели:

− *SGDRegressor*: обеспечивает высокую скорость, но чувствителен к шуму;

− *Hoeffding Tree*: использует статистические границы для инкрементального разбиения узлов при ограниченном объеме памяти;

− *Adaptive Random Forest (ARF)*: ансамблевый метод, отслеживающий точность каждого дерева и заменяющий деревья с ухудшившимися показателями, что обеспечивает встроенную устойчивость к дрейфу.

2. *Эмпирические результаты и экономическая оценка.* Эксперимент проводился на реальных телеметрических данных промышленного объекта. Оценка проводилась по методологии *прекьюэнт* (прогноз →→ обновление), что исключает «утечку» из будущего и отражает реальную эксплуатацию.

Таблица 1

Сравнительный анализ точности моделей и скорости адаптации

Модель	MAE (Чт)	Улучшение vs Batch	Время реакции на дрейф	Экономический потенциал
Batch Linear Regression (База)	48.6	-	Требует ручного переобучения	Низкий (высокие пиковые штрафы)
SGDРегрессор	41.2	-15.2%	~45 шагов	Средний
Хеффдинговое Дерево	38.5	-20.8%	~25 шагов	Выше среднего
Адаптивный Случайный лес (ARF)	34.5	-29.0%	~18 шагов	Максимальный (Edge EMS)

3. *Обсуждение*. Трансформация операционных расходов и инвестиционных рисков – внедрение адаптивных систем дает экономический эффект по трем направлениям:

1) *сглаживание пиковых нагрузок (Peak Shaving);*

2) *оптимизация технического обслуживания и ремонта;*

3) *отложенные капитальные затраты.*

Заключение. Переход к адаптивному энергоменеджменту на основе потокового машинного обучения является не просто технической модернизацией, а фундаментальной трансформацией экономической модели предприятия. Способность алгоритмов (ARF + ADWIN) автономно отслеживать нестационарность среды без привлечения дорогостоящих специалистов по Data Science для периодического переобучения снижает барьеры для цифровизации малого и среднего бизнеса. Дальнейшие исследования должны быть направлены на интеграцию внешних рыночных сигналов (цен на оптовом рынке) в контур онлайн-обучения для максимизации маржинальности.

Список литературы

1. Сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов прогнозирования геоэкологических показателей горнодобывающих объектов / А.А. Ступина, М.В. Спринджук, М.В. Журавлев, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 125–130. EDN ITXOMF

2. Использование нейросетевых алгоритмов для прогноза коллекторских свойств нефтегазоносных пород по геофизическим данным скважин / В.В. Кукарцев, Б.В. Потапов, В.В. Пчелкин [и др.] // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 256–267. DOI 10.46698/VNC.2026.90.55.001. EDN KEEVXM

3. Применение методов машинного обучения для прогнозирования прочностных характеристик горных пород / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, А.С. Прудкий, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №2. – С. 406–411. EDN VSQHDC

4. Функциональное моделирование бизнес-процессов как основа проектирования информационных систем предприятия / М.В. Журавлев, В.Ю. Панченко, С.В. Кукарцева, А.Р. Глинская // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 февраля 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 163–167. EDN LVNZDY

5. Архитектура цифровых платформ экологического мониторинга горнопромышленных регионов с использованием облачных и интеллектуальных технологий / Б.В. Потапов, С.О. Курашкин, Н.В. Сергеева, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 113–118. -. EDN MXAZUV

6. Проектирование модуля информационной системы как фактор повышения качества сервисных услуг предприятия / Л.В. Красовская, С.В. Кукарцева, М.В. Журавлев, А.В. Низамеева // Право, экономика и управление: теория и практика: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 декабря 2025 г.). – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 191–194. EDN CHXXVN

7. Tudakov D.I. Adaptive Performance Management of Transactional Databases in Automated Process Control Systems Based on Probabilistic Fragmentation Prediction / D.I. Tudakov, B.V. Potapov, S.V. Pchelintseva // 2026 International Conference on Industrial Engineering, Applications and Manufacturing (ICIEAM). – IEEE, 2026. – P. 1178–1182.

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

Афанасенко Ирина Григорьевна
студентка
Салагина Анна Андреевна
студентка
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Михнев Илья Павлович
заслуженный работник науки и образования,
канд. техн. наук, доцент, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, волгоградская область

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается информационное сопровождение реализации национальных проектов в РФ, анализируется состояние информированности граждан, выявляются проблемы коммуникации между властью и обществом. Разработаны рекомендации по повышению эффективности информационного сопровождения с целью вовлеченности населения в стратегические процессы развития страны.*

Ключевые слова: *национальные проекты, информационное сопровождение, государственная информационная политика, управленческие решения.*

Эффективность реализации национальных проектов в РФ напрямую зависит от качества принимаемых управленческих решений на всех уровнях власти. В условиях цифровой трансформации системы государственного управления информационному сопровождению отводится особая роль. Данная функция не ограничивается лишь передачей сведений о деятельности органов власти. Она также выступает в качестве ключевого инструмента сбора обратной связи, позволяющего проводить анализ общественного мнения и при необходимости корректировать принятые стратегические ориентиры. В российской практике национальные проекты определяются как документы стратегического планирования, объединяющие комплекс мер, ориентированных на достижение целей развития страны и значимых социальных результатов [1]. Реализуемые с 2019 года проекты охватывают ключевые сферы жизни общества: здравоохранение, образование, развитие инфраструктуры, цифровизацию, а также охрану окружающей среды. Информационное обеспечение их выполнения представляет собой совокупность целенаправленных действий по выстраиванию эффективной коммуникации между государственными структурами, общественностью и иными заинтересованными сторонами, что обеспечивает прозрачность деятельности и формирует доверие к государственным инициативам [2].

Применительно к процессам принятия управленческих решений данная функция приобретает стратегическое значение, поскольку она дает возможность не только донести до граждан цели реализации проектов, но и собрать обратную связь, необходимую для управленческих действий. Анализ состояния системы информационного сопровождения позволяет утверждать, что в России сформирована разветвленная коммуникационная инфраструктура. В ее состав входят специализированные цифровые платформы («Национальные проекты» [3], «Госуслуги» [4], «Национальные приоритеты»), официальные интернет-сайты

профильных министерств, федеральные телеканалы. Информационное сопровождение касается как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления в условиях построения новой системы публичной власти [5].

По данным ВЦИОМ, наблюдается рост осведомленности населения: если в 2020 году о нацпроектах знали 65% респондентов [6], то к 2024 году этот показатель увеличился до 77% [7]. Около четверти жителей страны не имеют информации о проектах. Результаты опросов свидетельствуют, что за последний год уровень осведомленности стабилизировался и не демонстрирует дальнейшего прироста. Это указывает на ограниченность охвата текущими коммуникационными форматами. Следует отметить фрагментарный характер знаний о конкретных инициативах: лишь 21% опрошенных знакомы с «Платформой университетского технологического предпринимательства», 24% – с проектом «Международная кооперация и экспорт» и 30% – с «Передовыми инженерными школами» [7], что указывает на существование проблем. Во-первых, наличие информационного разрыва свидетельствует о недостаточной адресности проводимых коммуникационных мероприятий. Во-вторых, применяемые механизмы мониторинга не позволяют оперативно обнаруживать зоны низкой информированности населения. В-третьих, потенциал цифровых платформ с точки зрения адресного информирования граждан о нацпроектах и соответствующих госуслугах используется не в полной мере.

Для повышения эффективности информационного сопровождения как инструмента принятия управленческих решений предлагается система практических предложений, объединенных в три стратегических направления. Первое направление – нормативное закрепление и методологическая унификация. На современном этапе развития общества, несмотря на обширную правовую базу в области информационной сферы, понятие «государственная информационная политика» остается научной категорией, не закрепленной в законодательстве. Отсутствие единого понимания сущности, целей и компетенций в данной сфере приводит к несогласованности действий различных ведомств. Целесообразно внесение системных поправок в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» №149-ФЗ, включающих четкое определение целей, принципов и основных направлений государственной информационной политики. Требуется разработка единых методологических указаний по информационному сопровождению нацпроектов, устанавливающих стандарты целеполагания, использования каналов коммуникации и системы критериев оценки эффективности. Второе направление – внедрение цифровых технологий для персонализации коммуникаций и мониторинга обратной связи, для чего необходимо выстроить модель реагирования на запросы граждан. На базе портала «Госуслуги» предлагается формировать персонализированные информационные потоки для различных категорий пользователей с учетом их территориальной принадлежности, профессиональной деятельности и истории взаимодействия с государственными сервисами. Интеграция технологий больших данных позволит не только адресно информировать граждан о проектах, но и анализировать их запросы, выявлять наиболее востребованные госуслуги и своевременно корректировать управленческие решения. Третье направление – усиление регионального и локального компонента, а также развитие интерактивных форматов работы. Перспективным представляется распространение опыта Волгоградской области, где утвержден детальный порядок информационного сопровождения реализации нацпроектов, устанавливающий обязательное планирование, координацию и согласование информационных мероприятий [8]. Следует развивать интерактивные форматы взаимодействия, адаптируя контент под особенности социальных сетей. Реализация рекомендаций позволит выстроить систему информационного сопровождения, способную обеспечить взаимодействие всех уровней власти и гражданского общества. Это будет способствовать повышению качества управленческих решений, обеспечивая оперативное реагирование на общественные запросы, а также достижение национальных целей развития страны. Информационное сопровождение реализации национальных проектов в России на современном этапе развития общества не

только обладает значительным потенциалом, но и нуждается в дальнейшем совершенствовании управленческих подходов в данной сфере.

Список литературы

1. Федеральный закон «О стратегическом планировании в РФ» №172-ФЗ от 28.06.2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.06.2026).

2. Петросянец Д.В. Анализ информационного сопровождения реализации национальных проектов / Д.В. Петросянец, Д.Д. Осинина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – №10(6). – С. 105–112. DOI 10.26794/2226-7867-2020-10-6-105-112. EDN PGCDYF

3. Национальные проекты: офиц. сайт. – URL: https://национальныепроекты.рф/projects/ (дата обращения: 27.06.2026).

4. Портал государственных услуг Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: https://gosuslugi.ru/ (дата обращения: 27.06.2026).

5. Сорокина Н.В. Правовое регулирование и кадровая обеспеченность органов местного самоуправления: исторический аспект и современные основы: учебное пособие / Н.В. Сорокина, С.В. Михнева. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – 211 с. EDN SDOTLT

6. Национальные цели и «национальные проекты» // Всероссийский центр изучения общественного мнения: офиц. сайт. – 2020. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/naczionalnye/czeli-i-naczionalnye-proekty (дата обращения: 27.06.2026).

7. Национальные проекты – 2024 // Всероссийский центр изучения общественного мнения: офиц. сайт. – 2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2024 (дата обращения: 27.06.2026).

8. Постановление Администрации Волгоградской области «Об утверждении Порядка информационного сопровождения реализации на территории Волгоградской области национальных проектов и федеральных проектов, проведения социологических опросов и (или) исследований при их реализации» №409-п от 09.08.2021. – URL: https://docs.cntd.ru/document/574862868 (дата обращения: 27.06.2026).

Ахметов Азамат Амалкиндеевич
ассистент кафедры
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОДВИЖЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ТУРИСТСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

Аннотация: *статья посвящена обоснованию маркетинговых инструментов продвижения малых городов и сельских территорий как самостоятельных туристских направлений. Раскрываются принципы территориального позиционирования, сегментации аудитории, цифровой коммуникации и формирования партнёрских сетей. Предлагается матрица инструментов, связывающая каналы продвижения с содержанием туристского предложения и ожидаемыми эффектами. Сделан вывод о необходимости перехода от эпизодической рекламы к системному маркетингу места, основанному на локальной идентичности и качестве гостевого опыта.*

Ключевые слова: *маркетинг, туризм, территории, позиционирование, продвижение.*

Современное продвижение малых городов и сельских территорий требует перехода от разрозненной рекламы отдельных объектов к управлению целостным образом места. Е.С. Куликова, О.А. Рущицкая и Т.И. Кружкова рассматривают интернет-маркетинг как механизм расширения информационной доступности агротуристских услуг и формирования устойчивого интереса аудитории [3]. Их подход акцентирует значение цифровых каналов, позволяющих соединить производителя туристского впечатления и потенциального посетителя без существенного роста транзакционных издержек. Е.И. Артемова, А.С. Басюк и М.П. Зелинский связывают развитие сельского туризма с диверсификацией экономики

территории, сохранением локальной идентичности и вовлечением местных жителей в создание туристского продукта [1]. Данная позиция показывает, что маркетинг территории не может ограничиваться продвижением: он должен опираться на реально доступные услуги, маршруты и формы гостеприимства.

Е.В. Фролова и О.В. Рогач подчёркивают необходимость стратегического повышения привлекательности поселений через согласование инфраструктурных, культурных и коммуникационных решений [5]. Н.А. Кадетова и Н.А. Середа обращают внимание на зависимость спроса от предпочтений посетителей, включая интерес к аутентичности, природному окружению и возможности активного участия в сельской жизни [2]. Д.В. Ралык расширяет предмет исследования, отмечая потенциал делового туризма, связанного с агропромышленными мероприятиями, выставками и производственными визитами [4]. Следовательно, продвижение малых территорий должно сочетать сегментацию спроса, содержательное позиционирование и координацию действий органов местного самоуправления, бизнеса и местных сообществ.

Малый город или сельская территория становится туристским направлением не вследствие самого наличия природного либо культурного ресурса, а благодаря его превращению в понятное и доступное предложение. Посетитель должен быстро получить ответ на несколько практических вопросов: чем данная территория отличается от альтернатив, как до неё добраться, что можно увидеть и сделать, сколько времени займёт поездка, где остановиться и почему впечатление будет заслуживать повторного визита. Поэтому маркетинг в рассматриваемой сфере следует трактовать как систему выявления целевых аудиторий, проектирования ценностного предложения, организации коммуникаций и поддержания репутации территории.

Основанием для позиционирования выступает локальная идентичность. Она может формироваться вокруг исторической среды, ремёсел, гастрономии, сельскохозяйственного производства, природных ландшафтов, событийного календаря или сочетания нескольких элементов. Однако уникальность должна быть сформулирована конкретно. Общая формула о живописной природе не создаёт преимущества, тогда как предложение семейного маршрута на ферму, выходного дня в историческом посёлке или гастрономического путешествия с участием в местном производстве позволяет посетителю соотнести интерес с собственным сценарием поездки.

Важным условием продвижения является сегментация. Для семей с детьми приоритетны безопасность, интерактивность и предсказуемая логистика. Для молодёжной аудитории существенны визуальная выразительность, возможность самостоятельного планирования и наличие событийного повода. Для старшего поколения значимы комфорт, культурно-познавательное содержание и понятная организация маршрута. Отдельный сегмент образуют деловые посетители, приезжающие на отраслевые мероприятия, ярмарки, образовательные площадки и производственные экскурсии. Единый рекламный посыл для всех групп снижает точность коммуникации и делает расходование ресурсов менее результативным.

Цифровая среда выполняет не только информационную, но и репутационную функцию. Официальный сайт, карточки на геосервисах, страницы в социальных сетях, отзывы и пользовательские фотографии формируют доверие до фактического посещения. Их содержание должно быть синхронизировано: расхождение адресов, графиков работы, цен или описаний маршрута воспринимается как признак организационной ненадёжности. Особое значение приобретает регулярное обновление визуальных материалов в соответствии с сезоном, поскольку сельские территории часто предлагают разные виды активности в течение года.

Продвижение не должно подменять развитие продукта. Даже самая заметная информационная кампания не обеспечит устойчивого спроса при отсутствии навигации, санитарной инфраструктуры, доступного питания, обратной связи и подготовленных принимающих сторон. В связи с этим маркетинговое управление целесообразно строить как совместную работу муниципалитета, малого бизнеса, учреждений культуры, фермеров, объектов размещения и местных инициативных групп. Такая координация позволяет собирать разрозненные точки притяжения в единый маршрут и распределять ответственность за качество гостевого опыта.

Для практического выбора инструментов важно соотнести способ коммуникации не только с охватом аудитории, но и с задачей, которую он решает на разных этапах принятия решения о поездке. Ниже представлена матрица, позволяющая увязать ключевые маркетинговые действия с содержанием предложения и наблюдаемым результатом. Она применима при разработке муниципальной программы продвижения либо совместного плана локальных туристских участников.

Таблица 1

Матрица маркетинговых инструментов продвижения туристской территории

Маркетинговый инструмент	Содержательное наполнение	Ожидаемый эффект
Официальный цифровой ресурс	Маршруты, контакты, карта, календарь событий, варианты размещения	Снижение неопределённости при планировании поездки
Карточки на геосервисах	Актуальные адреса, графики, фотографии, отзывы, навигация	Рост доступности объектов и доверия посетителей
Социальные сети	Короткие видео, истории местных жителей, сезонные предложения	Формирование эмоционального интереса и узнаваемости
Событийный маркетинг	Ярмарки, фестивали, мастер-классы, тематические выходные	Создание конкретного повода для визита
Партнёрские программы	Совместные маршруты бизнеса, музеев, фермеров и размещения	Увеличение продолжительности пребывания и среднего чека

Представленная матрица показывает, что результативность продвижения определяется согласованностью инструментов, а не интенсивностью использования отдельного канала. Геосервисы и официальный ресурс снижают неопределённость при планировании поездки, социальные сети создают эмоциональный интерес, а событийные и партнёрские форматы превращают интерес в конкретный повод для визита. При этом репутационная работа имеет сквозной характер: каждый посетитель после поездки способен усилить или ослабить доверие к территории через отзыв и визуальный контент.

Для малых городов особенно важна концентрация ресурсов вокруг ограниченного числа сильных тем. Попытка одновременно продвигать все объекты обычно приводит к размыванию образа. Более эффективна последовательная стратегия: выбрать содержательное ядро, разработать несколько готовых сценариев посещения, обеспечить их цифровую видимость и закрепить результат через качество сервиса. Необходима также регулярная оценка обращений, посещаемости карточек, отзывов, повторных визитов и спроса на локальные услуги. Эти сведения позволяют корректировать коммуникации на основе поведения аудитории, а не только административных представлений о привлекательности территории.

Маркетинговое продвижение малых городов и сельских территорий следует рассматривать как элемент долгосрочного территориального развития. Его смысл состоит не в увеличении количества рекламных сообщений, а в формировании понятного образа места, доверия к нему и устойчивых связей между посетителем, местным бизнесом и сообществом.

Список литературы

1. Артемова Е.И. Сельский туризм как фактор устойчивого развития сельских территорий / Е.И. Артемова, А.С. Басюк, М.П. Зелинский // АПК: экономика, управление. – 2024. – №11. – С. 119–130. DOI 10.33305/2411-119. EDN TZBQLB

2. Кадетова Н.А. Анализ потребительских предпочтений в сфере сельского туризма / Н.А. Кадетова, Н.А. Середа // Экономика сельского хозяйства России. – 2025. – №3. – С. 73–79. DOI 10.32651/253-73. EDN QSJEYV

3. Куликова Е.С. Применение методов интернет-маркетинга для стимулирования агротуризма на сельских территориях / Е.С. Куликова, О.А. Рущицкая, Т.И. Кружкова // Аграрный вестник Урала. – 2024. – Т. 24. №8. – С. 1106–1114. DOI 10.32417/1997-4868-2024-24-08-1106-1114. EDN QXHLLM

4. Ралык Д.В. Перспективы организации и развития делового туризма в сфере сельского хозяйства / Д.В. Ралык // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2025. – №10–1(128). – С. 230–236. DOI 10.33938/25101-230. EDN TMTWFX

5. Фролова Е.В. Стратегические ориентиры повышения туристической привлекательности городских и сельских поселений / Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2023. – Т. 16. №4(79). – С. 289–298. DOI 10.53914/issn2071-2243_2023_4_289. EDN CVWQZZ

Бессонова Дарья Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
г. Тюмень, Тюменская область

УПРАВЛЕНИЕ ТАЛАНТАМИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СОЗДАНИЕ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РЕЕСТРА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ КОРПОРАТИВНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Аннотация: *в статье исследуется трансформация подходов к управлению талантами в условиях цифровой экономики с акцентом на корпоративные университеты. Рассмотрена необходимость перехода от традиционных кадровых моделей к гибким экосистемам, основанным на навыках (skills-based organization). В качестве ключевого инструмента решения проблем верификации компетенций и обеспечения внутренней мобильности предложено создание децентрализованного реестра профессиональных достижений на базе блокчейн-технологии. Рассматривается механизм применения смарт-контрактов для автоматизированной и криптографически защищённой фиксации результатов обучения и проектной деятельности. Интеграция технологии позволяет корпоративным университетам трансформироваться в динамичные маркетплейсы талантов, снижая транзакционные издержки на оценку персонала и формируя среду объективного доверия.*

Ключевые слова: *управление талантами, корпоративный университет, цифровая трансформация, децентрализованный реестр, блокчейн, смарт-контракт, организация, основанная на навыках, экосистема талантов, верификация компетенций.*

Глобальная цифровая трансформация бизнеса меняет не только технологические процессы, но и парадигму управления человеческим капиталом. В условиях высокой неопределённости и стремительного устаревания знаний традиционные модели управления персоналом, ориентированные на стабильность и жёсткую иерархию должностей, теряют свою эффективность. Основная задача – формирование гибкой и адаптивной рабочей силы, способной быстро осваивать новые цифровые компетенции. В этом контексте корпоративные университеты перестают быть центрами проведения тренингов и трансформируются в стратегические хабы, обеспечивающие связь между потребностями реального сектора экономики и образовательными практиками [1]. Ключевой функцией становится не повышение квалификации, а формирование кадрового резерва и обеспечение бесшовного перехода выпускников академических программ в производственные процессы, что требует принципиально новых инструментов учёта и развития потенциала сотрудников [1].

Современный вызов для сегодняшних компаний – это преодоление разрыва между имеющимися навыками у сотрудников и требованиями цифровых бизнес-стратегий. Классические подходы, такие как модели преемственности или централизованное управление кадровыми цепочками поставок, не справляются с динамикой рынка труда. Возникает дилемма: внутреннее выращивание талантов часто занимает слишком много времени, а внешний найм связан с высокими рисками и стоимостью [2]. Разрешением этого противоречия становится концепция «организации, основанной на навыках» (skills-based organization), где работа

декомпозируется на проекты и задачи, а карьерное развитие строится не вокруг фиксированных должностей, а вокруг портфолио уникальных компетенций сотрудника [2]. Реализация такой модели невозможна без создания прозрачного, надежного и проверяемого механизма фиксации и верификации этих навыков, что является слабым местом большинства существующих централизованных HR-систем.

Для преодоления непрозрачных и уязвимых к манипуляциям централизованных баз данных перспективное решение – внедрение технологии распределённых реестров. Создание децентрализованной информационной системы сертификации специалистов на основе блокчейна позволяет сформировать неизменяемый реестр профессиональных компетенций, доступ к которому имеют все авторизованные участники корпоративной экосистемы [3]. Традиционная система, управляемая единым администратором, отличается от децентрализованной архитектуры, которая предполагает, что полные или частичные копии данных хранятся у множества узлов сети; именно это повышает отказоустойчивость системы и исключает возможность несанкционированного изменения записей о достижениях сотрудника задним числом [3].

Механизм верификации компетенций в такой среде реализуется посредством смарт-контрактов, которые представляют собой программный код, автоматически исполняющий заранее заданные функции при наступлении определённых условий без дополнительного волеизъявления сторон [3]. В практике корпоративного университета это работает таким образом: при успешном завершении модуля обучения, прохождении ассессмента или защите внутреннего проекта система инициирует транзакцию. Данные о полученном навыке хешируются с использованием криптографических алгоритмов (например, SHA-256); это гарантирует целостность информации: любая попытка подменить результат изменит хеш-сумму и сделает блок невалидным для всей сети [3]. Подтверждённая запись навсегда сохраняется в реестре, формируя объективный и не подлежащий редактированию цифровой след профессионального роста специалиста.

Внедрение подобного децентрализованного реестра способствует качественной эволюции корпоративного университета – созданию полноценной «экосистемы талантов». Организация получает возможность выстраивать внутренние маркетплейсы навыков, где менеджеры проектов могут находить сотрудников с подтверждёнными компетенциями для решения конкретных задач, минуя бюрократические процедуры согласования [2]. Для самого сотрудника это означает переход к модели непрерывного образования и осознанного управления своей карьерой, где каждое полученное знание или успешно выполненный проект мгновенно отражается в его цифровом профиле, повышая внутреннюю мотивацию и вовлечённость [4]. Такая система легко масштабируется на внешних участников экосистемы: например, фрилансеры или партнёры, чьи компетенции также могут быть верифицированы через доверенные узлы сети, что расширяет базу доступных компании талантов [2].

Создание децентрализованного реестра профессиональных компетенций означает смену парадигмы в управлении талантами корпоративных университетов. Переход от субъективных оценочных суждений и бумажного документооборота к алгоритмизированной, криптографически защищённой системе учёта навыков позволяет существенно снизить транзакционные издержки бизнеса. Это формирование фундамента для построения гибких, основанных на доверии экосистем, способных оперативно адаптировать человеческий капитал к вызовам цифровой экономики и обеспечивать устойчивое конкурентное преимущество компании на рынке.

Список литературы

1. Позолотина Е.И. Будущее корпоративных университетов / Е.И. Позолотина // НСКР. – 2024. – №1–4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-korporativnyh-universitetov (дата обращения: 25.07.2026).

2. Виттенбек Н.В. Управление талантами внешнеторговых компаний в условиях цифровой трансформации: новый контекст или смена парадигмы / Н.В. Виттенбек // Лидерство и менеджмент. – 2023. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantami-vneshnetorgovyh-kompaniy-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-novyy-kontekst-ili-smena-paradigmy (дата обращения: 26.07.2026). DOI 10.18334/lim.10.4.119145. EDN IGBVBJ

3. Передерий В.А. Децентрализованная информационная система сертификации специалистов на основе технологии blockchain / В.А. Передерий, М.Л. Рысин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №5–2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/detsentralizovannaya-informatsionnaya-sistema-sertifikatsii-spetsialistov-na-osnove-tehnologii-blockchain (дата обращения: 26.07.2026). DOI 10.24412/2500-1000-2022-5-2-47-55. EDN HBCRXV

4. Цифровое наставничество в системе бенчмаркинга востребованных форматов образования и управления талантами / И.Ф. Сибгатуллина-Денис, А. Ванчова, И.Е. Нургатина, Е.В. Павлухина // Педагогика. Психология. Философия. – 2021. – №1(21). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-nastavnichestvo-v-sisteme-benchmarkinga-vostrebovannyh-formatov-obrazovaniya-i-upravleniya-talantami (дата обращения: 28.07.2026).

Блохина Марина Владимировна
аспирант
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
г. Санкт-Петербург

СБАЛАНСИРОВАННАЯ СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА И САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к формированию сбалансированной системы показателей (ССП) инновационной деятельности угольного предприятия в условиях двойного вызова – глобального энергоперехода и беспрецедентных санкционных ограничений. Обоснована необходимость адаптации классической модели Balanced Scorecard к специфике угольной отрасли России с учётом современных вызовов: падения мировых цен на уголь, потери традиционных экспортных рынков, ужесточения экологических требований и необходимости обеспечения технологического суверенитета.*

Ключевые слова: *сбалансированная система показателей, инновационная деятельность, угольное предприятие, энергопереход, санкционные ограничения, технологический суверенитет, импортозамещение, цифровизация.*

Угольная промышленность России оказалась в эпицентре сразу нескольких тектонических сдвигов, кардинально меняющих условия её функционирования. С одной стороны, глобальный энергопереход и климатическая повестка приводят к сокращению спроса на уголь на традиционных рынках – в Европе и Азии страны стремятся перейти на «зелёную» энергию. С другой стороны, санкционные ограничения лишили российских угольщиков доступа к значительной части экспортных рынков, финансовым инструментам и западным технологиям. По итогам 2025 года сальдированный убыток угледобывающих компаний России достиг 408 млрд рублей, а доля убыточных предприятий превысила 74%. По прогнозам Минэнерго, в 2026 году убытки отрасли могут составить до 570 млрд рублей.

В этих условиях инновационная деятельность перестаёт быть опционом для угольных предприятий – она становится необходимым условием выживания. Однако традиционные подходы к оценке эффективности инноваций, ориентированные преимущественно на финансовые показатели, не позволяют адекватно отразить многогранность задач, стоящих перед отраслью. Требуется комплексный инструмент, учитывающий не только экономические, но и технологические, экологические, социальные и рыночные аспекты инновационной деятельности в контексте энергоперехода и санкционных ограничений.

Таким инструментом может служить сбалансированная система показателей (Balanced Scorecard, BSC), которая уже зарекомендовала себя как эффективный метод стратегического управления и оценки эффективности в промышленности.

В данном случае классическая модель BSC, предложенная Р. Капланом и Д. Нортоном, предполагает оценку деятельности организации по четырём перспективам: финансовая, клиентская,

внутренних бизнес-процессов и обучения/развития. Ключевая идея ССП – переход от исключительно финансовой оценки к сбалансированному учёту как финансовых, так и нефинансовых показателей, позволяя объединить стратегические цели с операционной деятельностью.

Необходимо отметить тот факт, что угольная промышленность относится к капиталоёмким отраслям с длительным инвестиционным циклом и высокой степенью инерционности технологических решений. Инновации, как правило, носят не радикальный, а эволюционный характер и связаны с:

− повышением эффективности добычи и переработки угля;
− обеспечением промышленной безопасности;
− снижением нагрузки на окружающую среду;
− цифровизацией производственных процессов;
− созданием продуктов с высокой добавленной стоимостью.

Важной особенностью является то, что эффективность инновационной деятельности в угольной компании в значительной степени определяется состоянием человеческого капитала, его инновационной активностью и результативностью. Как отмечают исследователи [1–5], ключевыми факторами эффективности инновационной деятельности выступают субъектность персонала и организованность инновационной деятельности.

В данном случае целесообразно предложить систему показателей, которая встраивается на классических четырёх перспективах BSC (финансы, клиенты и рынки, внутренние бизнес-процессы, обучение и развитие) с учётом отраслевой специфики и современных вызовов. В каждой перспективе выделяются ключевые показатели, отражающие инновационную составляющую деятельности предприятия

В частности, в условиях кризиса финансовая устойчивость становится критическим фактором выживания. Инновационная деятельность в этой перспективе должна быть направлена на результативность (табл. 1).

Таблица 1

Система ключевых показателей эффективности инновационной деятельности

Показатель	Методика расчёта	Целевой ориентир
Доля инновационной продукции в выручке	Выручка от инновационной продукции / Общая выручка × 100%	Увеличение доли
ROI инновационных проектов	(Доход от инноваций – Затраты на инновации) / Затраты на инновации × 100%	Положительная динамика
Экономия от импортозамещения	Разница между стоимостью импортного и отечественного аналога	Рост экономии
Снижение себестоимости за счёт инноваций	(Себестоимость до – Себестоимость после) / Себестоимость до × 100%	≥ 5% в год
Доля инвестиций в НИОКР	Инвестиции в НИОКР / Общие инвестиции × 100%	≥ 3–5%

Особое значение в текущих условиях приобретает показатель «Экономия от импортозамещения», отражающий способность предприятия замещать критически важное импортное оборудование и технологии отечественными аналогами, связанными напрямую с обеспечением технологического суверенитета.

В условиях потери традиционных экспортных рынков и падения мировых цен способность адаптировать продуктовый портфель к новым требованиям рынка становится критической (табл. 2).

Таблица 2

Целевая модель коммерческой и маркетинговой стратегии

Показатель	Методика расчёта	Целевой ориентир
Доля новых рынков сбыта	Выручка на новых рынках / Общая выручка × 100%	Рост доли
Доля угля глубокой переработки	Объём угля глубокой переработки / Общий объём добычи × 100%	Увеличение доли
Соответствие экологическим стандартам рынков	Доля продукции, соответствующей стандартам целевых рынков	100%
Индекс удовлетворённости потребителей инновациями	Данные опросов	Рост индекса
Доля экспорта в восточном направлении	Экспорт на восточные рынки / Общий экспорт × 100%	Рост доли

Показатель «Доля угля глубокой переработки» отражает стратегический ориентир отрасли на создание продуктов с высокой добавленной стоимостью.

Перспектива «Внутренние бизнес-процессы» отражает эффективность самих инновационных процессов – от генерации идей до внедрения и коммерциализации (табл. 3).

Таблица 3

Показатели технологического суверенитета и цифровизации

Показатель	Методика расчёта	Целевой ориентир
Количество внедрённых инноваций	Число реализованных инновационных проектов за период	Рост количества
Доля цифровых технологий в производстве	Доля процессов, охваченных цифровизацией	≥ 50%
Уровень импортозамещения критического оборудования	Доля отечественного оборудования в критических узлах	≥ 80%
Срок окупаемости инноваций	Средний срок окупаемости инновационных проектов	Снижение срока
Коэффициент готовности к инновациям	(Количество подготовленных инноваций / Общее количество инициатив) × 100%	Рост коэффициента

Важно отметить, что система показателей должна отражать как сам процесс подготовки и реализации инноваций, так и его результаты. Показатель «Доля цифровых технологий в производстве» приобретает особую актуальность в свете активного внедрения интеллектуальных решений в угольной отрасли.

Перспектива «Обучение и развитие» традиционно считается «инновационной» в классической модели BSC, однако в предлагаемой системе она фокусируется на развитии человеческого капитала как ключевого ресурса инновационной деятельности (табл. 4)

Таблица 4

Показатели инновационной активности и развития персонала

Показатель	Методика расчёта	Целевой ориентир
1	*2*	*3*
Доля персонала, вовлечённого в инновации	Число сотрудников-новаторов / Общая численность × 100%	Рост доли
Инновационная активность персонала	Количество поданных рационализаторских предложений на 1 сотрудника	Рост показателя
Доля затрат на обучение в ФОТ	Затраты на обучение / Фонд оплаты труда × 100%	≥ 3%

Окончание таблицы 4

1	*2*	*3*
Индекс субъектности персонала	Комплексная оценка (опросы, тестирование)	Рост индекса
Квалификационный разрыв	Разница между требуемым и фактическим уровнем квалификации	Снижение разрыва

Как показывает практика, «субъектность персонала» направлена на способность сотрудников выступать активными агентами инновационных преобразований и является одним из ключевых факторов успеха инновационной деятельности в угольной компании. Инновационный производственный менеджмент должен рассматриваться как система организации и управления производственной деятельностью, в которой персонал является активно действующим субъектом, реализующим инновации.

Традиционная ССП для угольных предприятий, как правило, фокусировалась на финансовых и операционных показателях. Однако в текущих условиях требуется существенная корректировка в ряде направлений, а именно следующее.

1. Усиление экологической составляющей. Энергопереход делает экологические показатели не просто желательными, а критическими для доступа на рынки. Предприятиям необходимо отслеживать выбросы парниковых газов, эффективность рекультивации, обращение с отходами.

2. Акцент на импортозамещение. Санкции сделали технологическую независимость вопросом выживания. Показатели импортозамещения должны занять центральное место в системе.

3. Учёт геополитических рисков. Показатели диверсификации рынков сбыта и логистических маршрутов становятся не менее важными, чем традиционные финансовые метрики.

4. Цифровизация как приоритет. Внедрение интеллектуальных решений, систем поддержки принятия решений и цифровых двойников становится ключевым направлением инноваций.

Разработанная ССП должна учитывать государственные приоритеты поддержки угольной отрасли, включая:

− переход на современные технологии угольной генерации;

− обеспечение гарантированного вывоза угля железнодорожным транспортом;

− налоговые отсрочки и адресные меры поддержки предприятий.

Включение соответствующих показателей позволяет увязать корпоративную инновационную стратегию с общегосударственными задачами и повысить эффективность использования мер государственной поддержки.

Ключевая проблема управления инновациями в условиях кризиса сводится к необходимости балансировать между выживанием в краткосрочной перспективе и развитием в долгосрочной. Предлагаемая ССП позволяет решить обозначенную задачу через:

− одновременный мониторинг финансовых показателей (краткосрочных) и показателей обучения/развития (долгосрочных);

− оценку, как текущей эффективности инноваций, так и инновационного потенциала;

− учёт как затрат на инновации, так и их отдачи.

Таким образом, разработанная сбалансированная система показателей инновационной деятельности угольного предприятия представляет собой адаптивный инструмент стратегического управления, учитывающий специфику текущего момента – энергопереход и санкционные ограничения, где ключевыми особенностями выступают следующие.

1. Комплексность. Система охватывает все ключевые аспекты инновационной деятельности – от финансовых результатов до развития человеческого капитала, от рыночной адаптации до технологического обновления.

2. Адаптивность. Предложенные показатели могут быть скорректированы с учётом специфики конкретного предприятия, его размера, профиля деятельности и стратегических приоритетов.

3. Стратегическая ориентированность. ССП увязывает инновационную деятельность с долгосрочными стратегическими целями предприятия, включая обеспечение технологического суверенитета, импортозамещение и переход к «зелёным» технологиям.

4. Управленческая ценность. Система служит не только инструментом оценки, но и основой для принятия управленческих решений, распределения ресурсов и корректировки инновационной стратегии.

Практическая реализация предложенной ССП требует дальнейшей детализации показателей, определения пороговых значений и методов сбора данных, а также внедрения современных информационных систем для автоматизации мониторинга. Однако уже на концептуальном уровне представленная система позволяет угольным предприятиям выстроить целостное видение своей инновационной деятельности в условиях беспрецедентных вызовов и определить приоритетные направления развития.

Список литературы

1. Евтушенко Е.М. Методический подход к организации инновационного производственного менеджмента в угольной компании / Е.М. Евтушенко // Горная промышленность. – 2025. – №3. – С. 124–131. DOI 10.30686/1609-9192-2025-3-124-131. EDN LIVFPQ

2. Лукьянчикова Н.П. Реализация инновационной стратегии развития промышленной корпорации на основе сбалансированной системы показателей / Н.П. Лукьянчикова, Э.Л. Доржиева // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2013. – №11(82). – С. 355–359. EDN RPBKVZ

3. Молчанова Л.А. Особенности проектов альтернативной энергетики и специфика управления ими / Л.А. Молчанова, К.К. Молчанов // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2023. – №1. – С. 62–69. DOI 10.47576/2949-1894_2023_1_62. EDN UCFCLO

4. Молчанова Л.А. К вопросу концепции «зелёной экономики» как модели устойчивого развития государства / Л.А. Молчанова, Т.Г. Бендерук, М.С. Малых // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2023. – №1. – С. 8–12. DOI 10.47576/2949-1894_2023_1_8. EDN YVNHMX

5. Харченко Е.В. Повышение инновационной активности и результативности человеческого капитала угольной компании / Е.В. Харченко, С.А. Волков, С.И. Захаров // Уголь. – 2021. – №2. – С. 18–25. DOI 10.18796/0041-5790-2021-2-18-25. EDN EFMRQG

Илларионов Владислав Витальевич
студент
Науменко Никита Игоревич
студент
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: ОЦЕНКА И ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА

Аннотация: *в статье рассматриваются подходы к оценке эффективности государственных управленческих решений в условиях цифровой трансформации государственного управления РФ. Внимание уделяется критериям оценки качества принимаемых решений. Обоснована необходимость совершенствования существующих механизмов принятия и исполнения государственных решений.*

Ключевые слова: *государственное управление, государственные управленческие решения, эффективность управления, оценка эффективности.*

В современных условиях государственное управление оперативно реагирует на социально-экономические, политические и технологические изменения. Особое значение приобретает эффективность государственных управленческих решений, поскольку именно от их

качества зависит достижение стратегических целей развития РФ, повышение качества жизни населения и укрепление доверия граждан к институтам публичной власти. Эффективность государственного управления определяется не только достижением результатов, но и качеством организации управленческих процессов, способностью органов власти своевременно адаптироваться к изменяющимся условиям и использовать имеющиеся ресурсы [2]. Государственное управленческое решение представляет собой важнейший инструмент реализации государственной политики, а его эффективность определяется комплексом организационных, правовых, кадровых и информационных факторов [3]. Системный подход к организации процесса принятия и исполнения государственных решений способен обеспечить устойчивое развитие системы государственного управления. Цифровизация оказывает влияние на процессы подготовки и реализации государственных решений. Использование цифровых платформ, современных информационно-коммуникационных технологий и сетевых механизмов взаимодействия позволяет повысить прозрачность деятельности органов государственной власти, ускорить обмен информацией [4]. Эффективность государственных управленческих решений рассматривается как один из важнейших показателей качества государственного управления. Современная практика свидетельствует о том, что достижение поставленных государством целей зависит не только от содержания принимаемого решения, но и от качества его подготовки, механизма реализации, уровня межведомственного взаимодействия, а также организации контроля за исполнением. Поэтому оценка эффективности управленческих решений – это комплексный процесс, охватывающий все стадии управленческого цикла. Качество государственного управления определяется совокупностью факторов: результативность деятельности органов власти, эффективность использования государственных ресурсов и способность госаппарата реагировать на возникающие вызовы [2].

Государственное управленческое решение представляет собой итог сложного аналитического процесса, основанного на обработке значительных объемов информации, прогнозировании возможных последствий и выборе варианта достижения целей [3]. Научные управленческие подходы отмечают, что эффективность управленческого решения должна оцениваться комплексно. Недостаточно определить лишь факт достижения поставленной цели, поскольку не менее важными являются сроки реализации решения, экономическая обоснованность использования государственных ресурсов, степень удовлетворенности граждан результатами деятельности органов власти и возможность дальнейшего совершенствования управленческих механизмов. Государственные решения формируются на всех этапах управленческого процесса: от подготовки до оценки достигнутых результатов. Следовательно, эффективность решения представляет собой комплексную характеристику, отражающую качество подготовки, принятия, исполнения и результаты реализации государственной политики.

Современный этап развития государственного управления в РФ характеризуется активным внедрением цифровых технологий во все управленческие процессы. Использование информационных платформ, автоматизированных систем обработки данных, технологий искусственного интеллекта и цифровых сервисов существенно изменяет механизм принятия решений. Цифровизация управления способствует формированию новых моделей государственного взаимодействия, основанных на сетевом обмене информацией, использовании современных информационно-коммуникационных технологий и развитии цифровых платформ [4]. Подобные изменения позволяют повысить эффективность государственного управления за счет сокращения времени принятия решений, повышения прозрачности деятельности органов власти и расширения общественного контроля. Цифровая трансформация государственного управления является технологическим процессом и направлением развития публичной власти [1]. Использование современных цифровых инструментов способствует повышению качества информационного обеспечения государственных органов, улучшению межведомственного взаимодействия и снижению барьеров. Процесс цифровизации сопровождается определенными трудностями. В частности, сохраняются вопросы обеспечения информационной безопасности, защиты персональных данных, подготовки государственных служащих к использованию

цифровых технологий. Недостаточный уровень цифровых компетенций отдельных сотрудников способен снизить эффект от внедрения информационных систем.

Таким образом, цифровизация государственного управления является ключевым фактором повышения эффективности государственных управленческих решений, однако достижение положительных результатов возможно только при комплексном совершенствовании организационных, кадровых и технологических механизмов государственного управления. Значение приобретает совершенствование механизмов оценки качества государственных управленческих решений. Традиционные методы контроля постепенно уступают место комплексным подходам, основанным на использовании количественных и качественных показателей эффективности, аналитических систем мониторинга и постоянной оценке общественной удовлетворенности деятельностью органов государственной власти. Цифровизация управления открывает новые возможности для оценки эффективности деятельности органов власти, однако требует учета возможных рисков, связанных с цифровым неравенством, зависимостью государственных процессов от информационных технологий и необходимостью обеспечения устойчивости цифровой инфраструктуры.

Важнейшим условием повышения эффективности государственных управленческих решений является развитие профессиональных компетенций государственных служащих, совершенствование системы стратегического планирования и внедрение современных методов управленческого анализа [3]. Совершенствование государственных управленческих решений должно осуществляться одновременно по нескольким направлениям: развитие цифровых платформ госуправления, внедрение технологий анализа больших данных, повышение уровня профессиональной подготовки государственных служащих [5], совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия и развитие системы общественного контроля за исполнением государственных решений.

Список литературы

1. Акулов В.Б. Управление знаниями в сетевых взаимодействиях / В.Б. Акулов, Н.В. Василенко, А.Я. Линьков // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2014. – №1. – С. 124–130. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-znaniyami-v-setevyh-vzaimodeystviyah (дата обращения: 06.07.2026). EDN SHTNOD

2. Каленов О.Е. Характеристики и особенности виртуальных организаций / О.Е. Каленов // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. – 2018. – №5(101).

3. Катенев В.И. Перспективы развития сетевой экономики в условиях формирующегося общества знаний / В.И. Катенев // Проблемы современной экономики. – 2007. – №2(22).

4. Патюрель Р. Создание сетевых организационных структур / Р. Патюрель. – URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/15_3_97.htm (дата обращения: 06.07.2026).

5. Михнева С.В. Правовое обеспечение реформы государственного и муниципального управления в рамках концепции единой публичной власти Российской Федерации / С.В. Михнева, Е.С. Митячкина, А.В. Хачиров // Евразийский юридический журнал. – 2022. – №4(167). – С. 114–117. EDN RJSMHC

Круглов Владимир Николаевич
почётный работник сферы образования Российской Федерации,
д-р экон. наук, доцент, профессор
ЧОУ ВО «Институт управления, бизнеса и технологий»
г. Калуга, Калужская область

УПРАВЛЕНИЕ КРОСС-ПРОГРАММНЫМИ МЕХАНИЗМАМИ ПРИ АКТИВИЗАЦИИ ПРОЕКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА МАЛОГО БИЗНЕСА В СУБЪЕКТЕ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: *исходя из актуальности темы инновационного развития российских территорий, целью материала является анализ кросс-программных эффектов реализации государственных проектов в регионе и определение направлений повышения их эффективности. Модельный и инструментальный ряд исследования представлен системным, комплексным, ситуационным и процессным подходами, а также многофакторным анализом. Источниками информации послужили: нормативно-правовые акты РФ, труды ученых, статьи в периодических изданиях, данные, представленные в отчётах органов исполнительной власти разного уровня.*

Ключевые слова: *проектный подход, программа, регион, кросс- программный эффект, рост качества жизни населения, инструменты, модели, экономический эффект, демография, расшивка узких мест.*

Свердловская область образована 17 января 1934 года, административный центр – город Екатеринбург. Территория региона – 194,3 тыс. квадратных километров.

В плане демографического развития, оперируя данными региональной статистики, отметим, что в анализируемый период (2024–2025 гг.) количество умерших достигло 53 998 человек, что по отношению к 2024 году составило 76,9%. Другой показатель, характеризующий демографическое развитие [1, с. 13], – количество родившихся, которое в 2025 году составило 36 702 человека. Однако в связи с превышением смертности над рождаемостью в области наблюдается естественная убыль населения, но за минувший год она сократилась и составила 17 296 человек. Совершенствование данных параметров напрямую связано с системными программами, реализуемыми в субъектах хозяйственной деятельности Российской Федерации. Их структура на настоящий период представлена на рисунке 1.

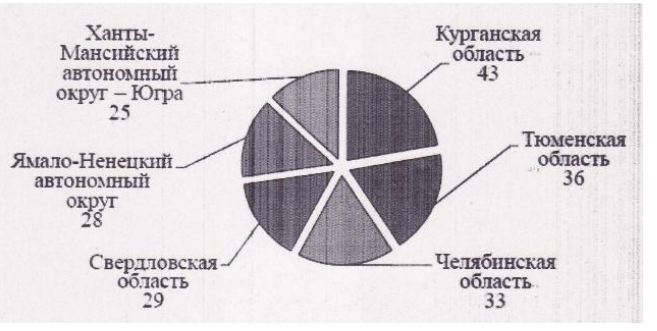

Рис. 1. Количество государственных программ в регионах УрФО

Из указанных выше программ 6 относятся только лишь к одному региону Уральского федерального округа, а 3 из них – к Свердловской области. Стоит также отметить соответствие 115 госпрограмм из 194 федеральным документам [2, с. 87]. Если рассматривать регионы между собой, то логично выделить Ханты-Мансийский автономный округ – Югру, где только 21 программа из 25 соответствует федеральным, что можно проследить по данным рисунка 2. В Свердловском регионе соответствие наблюдается у 17 программ из 29.

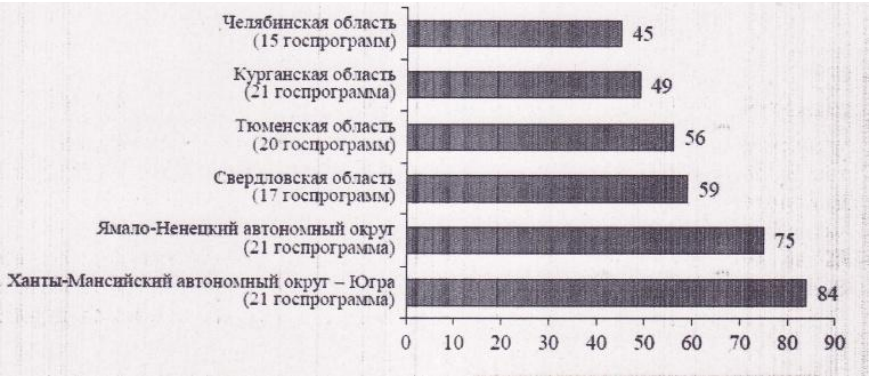

Рис. 2. Число государственных программ в регионах Уральского федерального округа, которые соответствуют федеральным документам, %

Если проводить структуризацию государственных программ, реализуемых в Уральском федеральном округе, то можно заметить, что большая их часть касается социальной сферы.

Согласно полученной в ходе исследования информации, можно отметить, что 29% всех мероприятий формируют финансовые эффекты, 22% – инфраструктурные эффекты, 17% – информационно-консультационные эффекты в области малого и среднего предпринимательства [3, с. 252].

Создавшееся положение отражает распределение всего спектра мероприятий, которые создают многообразные эффекты, в соответствии с задачами базовой госпрограммы [4, с. 504]. Как показывают объективные данные, максимальное число мероприятий формируют эффекты в рамках достижения тех или иных задач, например, 7 из них связаны с оказанием содействия укреплению кадрового потенциала предприятий, относящихся к малому и среднему предпринимательству, со стимулированием деловой активности. Пять мероприятий предусматривают развитие необходимой инфраструктуры поддержки субъектов и бесперебойное её функционирование.

Производя попарные сопоставления групп мероприятий, которые были выделены в результате анализа и демонстрируют программные эффекты в области малого и среднего предпринимательства, определим коэффициенты значимости. Такие коэффициенты рассмотрим по отношению ко всем задачам базовой госпрограммы развития МСП в Свердловской области, что нашло отражение в таблице 1.

Таблица 1

Коэффициенты значимости государственных программ по направлениям

Задача стимулирования спроса на продукцию МСП, содействие расширена рынков сбыта	Группа эффектов					Вектор приоритетов	Количество мероприятий	Проявление эффектов
	Финансовые	Сбытовые	Инновационные	Информационные	Прочие			
1. Финансовые	1	4	7	5	6	0,51	19	9,69
2. Сбытовые	1/4	1	6	3	6	0,25	8	2
3. Инновационные	1/7	1/6	1	1/5	1	0,04	1	0,04
4. Информационные	1/5	1/3	5	1	5	0,15	4	0,6
5. Прочие	1/6	1/6	1	1/5	1	0,05	2	0,1

Можно сделать выводы о том, что государственная поддержка малого и среднего бизнеса (МСП) в Свердловской области производится в полном соответствии с разработанным изначально программно-целевым обеспечением, что позволяет получать не только мультипликативные эффекты экономического развития, но и эффекты кросс-программного характера, которые сказываются во многом на опосредствованных индикаторах качества жизни местного населения: демографического, социального и культурологического плана.

Список литературы

1. Афанасьев М.П. Новый порядок управления государственными программами: преимущества и риски / М.П. Афанасьев, А.А. Беленчук, Н.Н. Шаш // Финансы. – 2021. – №7. – С. 8–15. EDN TGBXMX

2. Блинова Е.А. Мониторинг результативности социально-экономического развития в Санкт-Петербурге как разновидность оценивания программ / Е.А. Блинова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-rezultativnosti-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-v-sankt-peterburge-kak-raznovidnost-otsenivaniya-programm (дата обращения: 26.07.2026). EDN PENUNJ

3. Круглов В.Н. Пути совершенствования программно-целевого управления на муниципальном уровне / В.Н. Круглов // Управленческий учет. – 2026. – №2. – С. 249–256. EDN PUQRUM

4. Круглов В.Н. Возможности и проблемы внедрения программно-целевого метода в управленческий механизм социальной сферы российской экономики / В.Н. Круглов // Управленческий учет. – 2025. – №11. – С. 504–509. EDN GOGRRG

Матвеева Алла Ивановна
д-р филос. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

DOI 10.31483/r-168512

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ВОЗРАСТЕ 23–35 ЛЕТ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: *статья посвящена эмпирическому изучению креативного потенциала руководителей молодого возраста как ключевого ресурса эффективного управления в условиях неопределённости внешней среды. На выборке 100 руководителей в возрасте 23–35 лет (61 женщина, 39 мужчин) проведена комплексная диагностика вербальной, образной и управленческой креативности с использованием теста отдалённых ассоциаций С. Медника в адаптации А.Н. Воронина, теста Э. Торренса и авторской анкеты «Креативный потенциал руководителя». Установлено, что интегральный индекс креативного потенциала у женщин-руководителей статистически значимо превышает аналогичный показатель у мужчин по всем трём диагностическим методикам, при этом наибольшие различия зафиксированы в блоке вербальной креативности. Показано, что возрастной фактор внутри диапазона 23–35 лет не оказывает существенного влияния на уровень креативного потенциала, что подтверждает приоритетную роль личностных и профессиональных детерминант творческого мышления руководителя. Результаты исследования могут применяться в системе подготовки управленческих кадров, а также при разработке программ развития креативных компетенций менеджеров в организациях.*

Ключевые слова: *креативный потенциал, психология управления, креативное лидерство, гендерные различия, диагностика креативности, тест Медника, тест Торренса, руководители.*

Введение.

Способность руководителя действовать по заранее заданному алгоритму давно перестала быть достаточным условием управленческой успешности: экономическая среда меняется быстрее, чем формируются регламенты, и решения приходится принимать при нехватке

данных, времени и однозначных ориентиров. Именно в этой точке креативность из желаемой личностной черты превращается в рабочий инструмент, от которого напрямую зависит конкурентная позиция организации на рынке.

Отечественная психология управления традиционно рассматривает креативный потенциал руководителя в нескольких плоскостях: как устойчивую индивидуально-психологическую характеристику личности, как составную часть управленческих способностей и как ресурс, обеспечивающий инновационную активность организации в целом. Отдельного разговора заслуживает вопрос о том, различается ли структура этой креативности у мужчин и женщин, занимающих управленческие позиции [5, с. 123]. Накопленные к настоящему моменту данные скорее противоречивы, чем однозначны: одни авторы фиксируют у женщин более высокие показатели эмоционального тезауруса, экспрессивности и чувства стиля при заметном преимуществе мужчин в дивергентности интеллекта, прогностических способностях и умении строить ассоциативные связи; другие, напротив, обнаруживают у мужчин более высокую вербальную оригинальность, а у женщин – более выраженную беглость образного мышления. Такая неоднородность результатов указывает не столько на отсутствие гендерной специфики креативности, сколько на её зависимость от возраста, вида деятельности и конкретного диагностического инструментария выборки.

Применительно к руководителям молодого возраста – от 23 до 35 лет, то есть к тому управленческому поколению, которое формирует кадровый резерв большинства современных организаций, – эмпирическая база остаётся заметно более скудной, чем применительно к школьникам, студентам или руководителям старших возрастных групп. Это обстоятельство и определило направление настоящей работы.

Цель исследования – установить, каким образом гендерная принадлежность связана с уровнем и структурой креативного потенциала руководителей в возрасте 23–35 лет, диагностируемого через вербальный, образный и управленческо-поведенческий компоненты.

Рабочая гипотеза строилась на предположении о том, что гендерный фактор действительно связан с уровнем креативного потенциала руководителя, но эта связь неоднородна: она проявляется по-разному в вербальном, образном и поведенческо-управленческом компонентах креативности, а не задаёт единый вектор преимущества одного пола над другим.

Материалы и методы.

В исследовании приняли участие 100 руководителей организаций различных отраслей экономики в возрасте от 23 до 35 лет; такое возрастное ограничение позволило работать с достаточно однородной по управленческому опыту группой. Женщины составили 61 человека выборки (61%), мужчины – 39 человек (39%); средний возраст респондентов равнялся 28,7 года, и по этому параметру гендерные подгруппы между собой практически не различались.

Границы возрастного диапазона выбирались не произвольно, а под конкретный диагностический инструмент: тест отдалённых ассоциаций С. Медника в русскоязычной адаптации А.Н. Воронина стандартизирован именно на менеджерах 23–35 лет, и только при соблюдении этого условия полученные баллы можно корректно сопоставлять с нормативными данными методики [2].

Для оценки креативного потенциала использовался комплекс из трёх методик, каждая из которых закрывала свою содержательную область.

Тест отдалённых ассоциаций С. Медника (RAT) в адаптации А.Н. Воронина – респонденту предъявлялись три слова, между которыми требовалось найти скрытую смысловую связь; итоговый балл отражал способность выходить за пределы очевидных, шаблонных ассоциаций.

Краткая форма теста Э. Торренса – оценивала образную креативность через беглость, оригинальность и степень разработанности графических идей; методика давно применяется в отечественной практике диагностики творческих способностей взрослых и хорошо знакома специалистам по психологии способностей.

Авторский опросник «Креативный потенциал руководителя» – самооценочная методика, построенная вокруг трёх шкал: генерации альтернативных решений, толерантности к

неопределённости и готовности к обоснованному управленческому риску; содержательно она опирается на современные представления о креативном лидерстве в менеджменте [5].

Каждая методика давала балл в диапазоне от 0 до 100, а интегральный индекс креативного потенциала рассчитывался как простое среднее арифметическое трёх частных показателей. Для содержательной интерпретации результатов вся шкала была разбита на три уровня: низкий – до 55 баллов, средний – от 55 до 74 баллов, высокий – от 75 баллов и выше. Обработка данных свелась к расчёту средних значений и стандартных отклонений по гендерным подгруппам, а также к анализу распределения респондентов по уровням креативного потенциала и по возрастным подгруппам внутри диапазона 23–35 лет.

Результаты исследования.

Уже на этапе анализа средних баллов по трём методикам обозначилась устойчивая тенденция: женская подгруппа руководителей опережает мужскую по всем трём измеряемым компонентам креативности без исключения (табл. 1).

Таблица 1

Средние показатели креативности руководителей по гендерным подгруппам

Методика	Женщины (n=61)	Мужчины (n=39)
RAT (вербальная креативность)	68,2 ± 10,5	63,1 ± 10,5
Тест Торренса (образная креативность)	64,8 ± 12,8	64,0 ± 10,4
Анкета «Креативный потенциал руководителя»	71,1 ± 8,4	67,2 ± 11,1
Интегральный индекс	68,0 ± 6,8	64,8 ± 6,2

Наибольший разрыв между подгруппами пришёлся на вербальную креативность – 5,1 балла в пользу женщин, тогда как по образной креативности различие оказалось минимальным (0,8 балла) и по сути не выходит за пределы статистической погрешности. Такая картина неплохо укладывается в уже известную закономерность: у женщин обычно сильнее выражены эмоциональные, экспрессивные и вербально-семантические грани творческого мышления, а показатели образного и пространственного плана распределяются между полами гораздо равномернее.

Если смотреть на распределение по уровням интегрального индекса, картина получилась достаточно предсказуемой для действующих руководителей: средний уровень показали 86% выборки, высокий – 10%, низкий – всего 4%, а средний балл по всей группе составил 66,8. Обращает на себя внимание то, что среди тех, кто попал в категорию высокого уровня, женщины оказались представлены почти безальтернативно – 9 случаев из 10, то есть гендерная тенденция проявилась не только в средних цифрах, но и в том, кто оказывается на самом верху шкалы.

Возраст внутри выбранного диапазона практически ничего не объясняет: 66,9 балла у самых молодых (23–26 лет), 67,3 у средней подгруппы (27–30) и 66,2 у старшей (31–35) – разброс укладывается в статистический шум. Получается, что креативный потенциал руководителя в этом возрастном окне определяется не паспортным возрастом, а личностными особенностями и накопленным профессиональным опытом.

Обсуждение результатов.

Гипотеза о связи гендерного фактора с уровнем креативного потенциала в целом подтвердилась, но с важной оговоркой: связь эта неоднородна и по-разному проявляется в разных компонентах креативности [1]. Преимущество женщин-руководителей в вербальной креативности логично объясняется более развитыми коммуникативными и семантическими компетенциями, которые традиционно связывают с женским когнитивным стилем в психологии способностей.

Отсутствие ощутимых различий в образной креативности говорит о другом: этот компонент, судя по всему, гораздо слабее завязан на пол и сильнее – на отраслевую специфику работы и накопленный опыт решения задач, требующих визуально-пространственного мышления. Доминирование среднего уровня креативного потенциала (86% выборки) тоже

вписывается в общую логику: люди, успешно прошедшие отбор на управленческую должность и удержавшиеся на ней, реже демонстрируют крайние значения – как низкие, так и аномально высокие, – поскольку креативность здесь работает как один из факторов эффективности, а не как единственное условие управленческого успеха.

Практический выход из этих данных достаточно конкретный: для мужской части управленческой команды имеет смысл усиливать модули развития вербально-ассоциативного мышления, а вот работу с образным мышлением и управленческой гибкостью стоит вести одинаково интенсивно для обеих групп [3]. Кроме того, весь диагностический комплекс – тест Медника, тест Торренса и авторская анкета – можно напрямую встраивать в преподавание дисциплин психолого-управленческого цикла в магистратуре, включая курс «Психология креативного управления», используя его как инструмент входной оценки креативного потенциала обучающихся.

Заключение.

Исследование креативного потенциала 100 руководителей в возрасте 23–35 лет с использованием трёх взаимодополняющих методик (теста Медника, теста Торренса и авторской анкеты «Креативный потенциал руководителя») показало разнонаправленную картину гендерных различий: выраженное преимущество женщин по вербальной креативности и по управленческо-поведенческому компоненту, но практически полное отсутствие различий по образной креативности [4]. Возраст внутри изученного диапазона не оказался значимым фактором, что подтверждает: креативный потенциал молодого руководителя определяется скорее личностными характеристиками и профессиональным опытом, чем количеством прожитых лет.

Комплексное применение трёх методик позволило увидеть то, что осталось бы незамеченным при использовании одного инструмента: креативность руководителя – не монолитная характеристика, а структура с неравномерно выраженными гендерными различиями по отдельным компонентам. Эти данные расширяют представления психологии управления о внутренней организации креативного потенциала молодых руководителей и дают основание для дифференцированных программ его развития – с акцентом на вербально-ассоциативные техники для мужской подгруппы и на равномерное развитие образного мышления и управленческой гибкости для обеих групп. Дальнейшие исследования логично направить на более старшие возрастные группы и разные уровни управленческой иерархии, а также на изучение того, как целевые развивающие программы меняют структуру креативного потенциала во времени.

Список литературы

1. Асалиев А.М. Формирование профессиональных компетенций работников под потребности цифровой экономики / А.М. Асалиев // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2018. – №6 (102). – С. 67–76. – DOI: 10.21686/2413-2829-2018-6-67-76. EDN YQDPRB

2. Гревцева Г.Я. Педагогические условия формирования креативности студентов / Г.Я. Гревцева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2022. – Т. 14, №3. – С. 15–25. – DOI: 10.14529/ped220302. EDN GHGIRV

3. Воронин А.Н. Диагностика вербальной креативности (адаптация теста С. Медника) / А.Н. Воронин. – Минск: БГУ, 2015. – 12 с.

4. Калагина П.С. Особенности личностной и невербальной креативности у гендерно типизированных и гендерно нетипизированных руководителей / П.С. Калагина // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2012. – Т. 1, вып. 3. – С. 106–108. EDN PWEGLB

5. Матвеева А.И. Психология креативного управления в клиентоориентированных организациях: учебное пособие / А.И. Матвеева; рец. И.А. Грачев. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2025. – 214 с. EDN NKRXDJ

Смагина Эллина Сергеевна
студентка
Михнева Светлана Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ВИРТУАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация: *в статье исследуется специфика принятия и контроля исполнения управленческих решений в виртуальных организациях. На примере маркетплейса Wildberries рассмотрены ключевые типы управления в цифровых структурах, выявлены факторы их эффективности и сформированы рекомендации по минимизации операционных рисков в платформенных экосистемах.*

Ключевые слова: *виртуальная организация, управленческое решение, сетевые процессы, маркетплейс, Wildberries, децентрализованное управление, цифровая инфраструктура.*

Актуальность темы исследования обусловлена активным развитием цифровой экономики и распространением виртуальных организационных форм. В таких структурах процессы управления существенно отличаются от традиционных иерархических моделей: эффективность деятельности определяется скоростью принятия решений, качеством обработки данных и контролем их исполнения. Классический цикл менеджмента трансформируется – на смену жёстким вертикальным связям приходят горизонтальные контракты, распределённая ответственность и автоматизированные алгоритмы.

Теоретический анализ сущности виртуального предприятия позволяет охарактеризовать его как временную кооперационную сеть независимых в правовом отношении партнеров (организаций, отдельных коллективов и специалистов), обладающих ключевыми компетенциями для наилучшего выполнения конкретного рыночного заказа, базирующуюся на единой информационной системе [4]. Новизна такой структуры проявляется на всех уровнях. На стратегическом уровне ключевым ресурсом менеджмента становится время, существенно сокращающее цикл разработки и вывода на рынок новых решений. На структурном и организационном уровнях классическая административная иерархия вытесняется равноправными партнерскими отношениями и аутсорсингом, где границы организации размываются, вовлекая поставщиков, дистрибьюторов и клиентов в единую непрерывную цепь создания ценности [1].

В зависимости от конфигурации виртуальной структуры в научном дискурсе принято выделять три ключевых типа управления, непосредственно определяющих характер принятия решений: 1) централизованный тип управления, при котором один из участников сети единолично координирует выполнение рыночных заказов и транслирует обязательные директивы; 2) децентрализованный тип управления, базирующийся исключительно на локальных автономных взаимодействиях участников сети без единого управляющего центра; 3) распределенный тип управления, сочетающий сохранение общего координационного центра со значительной автономией периферийных узлов [3].

Основными факторами, ускоряющими переход к виртуальным моделям и определяющими характер управленческих воздействий, выступают скорость рыночной реакции, сокращение издержек на выход на рынок и глобализация конкуренции [2]. Процесс легитимации и реализации решений в таких условиях полностью опосредован стабильностью ИТ-инфраструктуры: компьютерная связь и облачные сервисы фактически замещают физическую структуру организации [5].

Ярким практическим примером виртуальной организации и платформенной бизнес-модели в Российской Федерации выступает маркетплейс Wildberries, с годовым доходом около 6 млрд долларов и более 4,5 млн заказов ежедневно. Эволюция компании доказывает, что в условиях нестабильной внешней среды наиболее эффективна модель распределенной сети, где продавцы автономно управляют ценообразованием, товарными потоками и маркетингом.

Анализ организации сетевых процессов внутри Wildberries демонстрирует дуалистическую природу принятия управленческих решений. С одной стороны, платформа выступает жестким централизованным координатором, формирующим ИТ-среду, стандарты упаковки, маркировки и применения логистических коэффициентов, невыполнение которых ведет к безальтернативным автоматическим штрафам или блокировкам. С другой стороны, операционные решения распределены по сети, включающей более 840 тысяч независимых продавцов. Взаимодействие реализуется через личный кабинет на основе пяти гибких логистических схем (FBW, FBS, DBS, EDBS, DBW), выбор которых является сугубо автономным решением продавца, исходя из специфики оборачиваемости его товара и наличия складских мощностей.

Вместе с тем функционирование столь масштабной виртуальной структуры сопряжено с серьезными управленческими девиациями и барьерами. Практика функционирования Wildberries выявила три ключевые группы трудностей в цикле принятия и исполнения решений.

1. Кризисы корпоративного управления и репутационные риски. Конфликт сооснователей в 2024 году, связанный со слиянием с Russ Group и образованием новой структуры РВБ, показал уязвимость структуры перед конфликтами топ-менеджмента. Силовой и юридический конфликт временно нарушил внутренние процессы компании и нанес ущерб доверию со стороны партнеров, что подтверждает необходимость прозрачных институциональных механизмов принятия стратегических решений.

2. Уязвимость автоматизированных алгоритмов и ИТ-сбои. Полнота контроля исполнения решений в виртуальной среде уязвима для технических неисправностей. Сбои в работе ИТ-инфраструктуры Wildberries (2022, 2024 гг.), вызванные техническими ошибками безопасности и потенциальными кибератаками, приводили к остановке личных кабинетов, несанкционированным отменам заказов и заморозке расчетов.

3. Конфликты в партнерской сети и жесткость комплаенса. Внедрение автоматических систем штрафов за нарушения стандартов упаковки или задержки поставок вызывает встречную негативную реакцию со стороны малого бизнеса. Ситуация усугубляется дефицитом качественной обратной связи: служба поддержки партнеров зачастую оперирует шаблонными алгоритмизированными ответами, не решая нестандартные операционные проблемы по существу.

Для оптимизации процессов принятия и исполнения управленческих решений в виртуальных организациях представляется целесообразным внедрение комплекса мероприятий по следующим направлениям. Во-первых, технологический контур требует перехода на передовые облачные решения с многоуровневым резервированием данных, внедрением систем предиктивного мониторинга активности и регулярным проведением стресс-тестов ИТ-архитектуры под пиковыми нагрузками.

Во-вторых, в рамках оптимизации отношений с партнерской сетью виртуальным платформам необходимо диверсифицировать инструментарий службы поддержки, осуществив переход от формальных метрик скорости ответа к оценке реальной удовлетворенности контрагентов. Сложные прецеденты должны автоматически передаваться экспертам. Наконец, диверсификация логистических рисков в периоды экстремального спроса должна осуществляться за счет принятия оперативных решений о привлечении внешних транспортных операторов, что позволяет сохранить общую устойчивость децентрализованной сети.

Таким образом, виртуальные организационные формы – высокоэффективный продукт постиндустриальной экономики. Опыт Wildberries подтверждает преимущества платформенного взаимодействия, однако устойчивость таких систем напрямую зависит от сбалансированности управленческого аппарата, надежности цифровой инфраструктуры и

способности менеджмента своевременно реагировать на регуляторные, технические и репутационные вызовы.

Список литературы

1. Акулов В.Б. Управление знаниями в сетевых взаимодействиях / В.Б. Акулов, Н.В. Василенко, А.Я. Линьков // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2014. – №1. – С. 124–130. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-znaniyami-v-setevyh-vzaimodeystviyah (дата обращения: 03.07.2026). EDN SHTNOD
2. Каленов О.Е. Характеристики и особенности виртуальных организаций / О.Е. Каленов // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. – 2018. – №5(101).
3. Катенев В.И. Перспективы развития сетевой экономики в условиях формирующегося общества знаний / В.И. Катенев // Проблемы современной экономики. – 2007. – №2(22).
4. Патюрель Р. Создание сетевых организационных структур / Р. Патюрель. – URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/15_3_97.htm (дата обращения: 03.07.2026).
5. Шерешева М.Ю. Формы сетевого взаимодействия компаний: монография / М.Ю. Шерешева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. – 339 с. EDN SUQBZT

Степанов Вячеслав Анатольевич
студент
Попов Евгений Александрович
д-р техн. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ СТРОЕК И ОБЪЕКТОВ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В НОТАЦИИ BPMN

Аннотация: *в работе описывается подход к формализации процесса по формированию и утверждению перечня строительных объектов, финансируемых за счет средств краевого бюджета, в нотации BPMN 2.0. Рассматривается действующая практика межведомственного согласования, при которой передача паспортов объектов, заключения и заявочных перечней между заявителем, министерством экономики и регионального развития и министерства финансов велась разрозненно. Предлагается модель процесса с явным отражением зон ответственности, регламентных сроков, циклов возврата документов, возможных путей согласования. Приводятся бизнес-модели процесса в традиционном и формализованном виде.*

Ключевые слова: *перечень строительных объектов, капитальные вложения, оценка эффективности, BPMN, межведомственное согласование, паспорт объекта капитального строительства.*

Формирование перечня строек и объектов, в котором отражаются бюджетные ассигнования на капитальные вложения в объекты государственной собственности Красноярского края, является ежегодно повторяющимся межведомственным процессом, затрагивающим заявителей, министерство экономики и регионального развития, министерство строительства, программные комитеты, Комиссию по вопросам социально экономического развития и Правительство края. Заявитель выступает в роли инициатора, именно он формирует паспорт объекта капитального строительства и пояснительную записку, после чего документы отправляют для прохождения оценки эффективности сначала в министерстве экономики и регионального развития, а затем в министерстве строительства. Все это является рутинной, но важной работой, которая создаёт основу для распределения бюджетных ассигнований на финансовый год и плановый период [1].

Однако данный процесс обычно ограничивается последовательной пересылкой документов без единой формализованной модели. Сроки оценки и основания для возврата документов фиксируются в тексте нормативного акта, но они не отражены в явном виде в исполняемой схеме, а существующие пути согласования для объектов, учитываемых в объёме государственных программ, и для объектов вне их, ведутся разными маршрутами без общей точки контроля. В результате таких действий возможны задержки между ведомствами, потери документов при возврате и неопределенность статуса объекта для заявителя. В данной работе предлагается подход к формализации процесса, позволяющий явно отразить зоны ответственности, регламентные сроки, циклы возврата и запросов дополнительной информации, а также альтернативные маршруты согласования, и тем самым превратить нормативное описание в исполняемую и контролируемую модель.

Формализация процесса формирования перечня строек и объектов.

Сам процесс сводится к последовательной передаче паспорта объекта и пояснительной записки от заявителя в министерство экономики и регионального развития, а затем в министерство строительства, после чего заявочный перечень направляется либо куратору государственной программы, либо в Комиссию. Циклы возврата документов при неполном комплекте и запросы дополнительной информации на этом этапе не формализованы, а переход между бумажным носителем, и электронной обработкой не зафиксирован. Обратная связь по статусу объекта и единая точка контроля сроков отсутствуют.

Линейное описание процесса может быть оправдано на начальном этапе, когда перечень формируется вручную и число объектов невелико, но для обеспечения соблюдения регламентных сроков и прозрачности межведомственного взаимодействия необходима формализованная модель с явным отражением решений, возвратов и электронных документов [2]. На рисунке 1 приведена формализованная модель процесса в нотации BPMN 2.0.

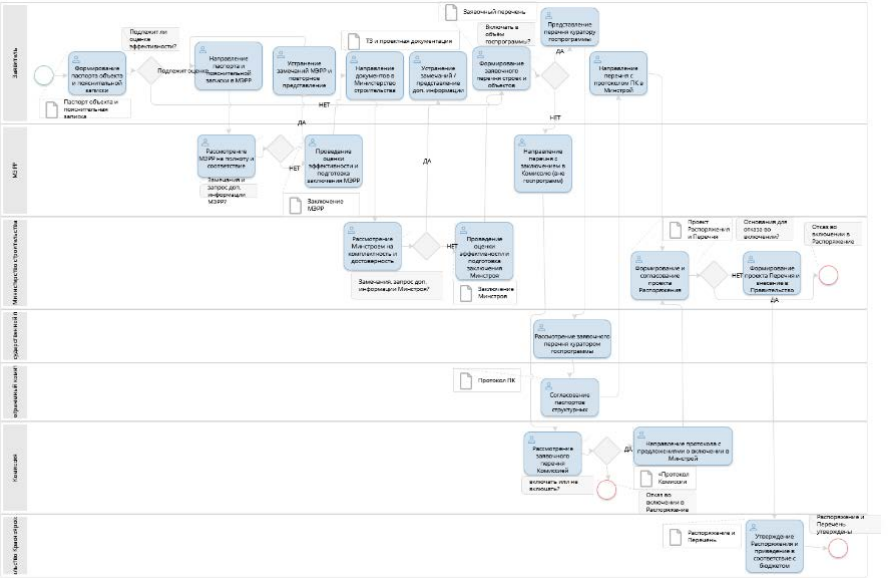

Рис. 1. Диаграмма формализованной модели процесса

Модель была разделена на три фазы и семь зон ответственности. В первой фазе «оценки эффективности» явно отражены исключающие шлюзы возврата документов и запросов дополнительной информации в обоих ведомствах, а также шлюз с учётом исключений, установленных порядком. Во второй фазе «рассмотрения заявочных перечней» зафиксированы два альтернативных маршрута, для объектов в объёме государственных программ при помощи куратора программы и программный комитет, а для объектов вне программ – через Комиссию. В третьей фазе «формирования и утверждения» отражены формирование проекта

распоряжения, процедура согласования, формирование проекта перечня и внесение проекта распоряжения в Правительство края. После выявления наиболее частых причин возврата документов, которыми может являться несоблюдение срока, неполный комплект, несоответствие формы бюджетных ассигнований, заявитель и министерства получают возможность целенаправленно устранять их путем:

− заполнения паспорта объекта капитального строительства и пояснительной записки по утверждённым формам с контролем полноты до направления в министерство экономики и регионального развития;

− проверки соответствия формы бюджетных ассигнований и года начала строительства требованиям порядка до передачи документов в министерство строительства;

− формирования заявочного перечня отдельно по каждой государственной программе и отдельно для объектов вне программ, что исключает смешение маршрутов согласования.

Формализация процесса в нотации BPMN 2.0 позволяет получить следующие преимущества перед текстовым описанием [3]:

− наглядность зон ответственности и стыков между ведомствами;

− явное отражение регламентных сроков и циклов возврата;

− однозначность альтернативных маршрутов;

− масштабируемость модели на процесс внесения изменений в течение финансового года;

− снижение влияния человеческого фактора при передаче документов;

− возможность контроля статуса каждого объекта.

Предложенная процессная модель переводит словесную регламентацию порядка, закреплённую в постановлении, в структурированную схему, пригодную для исполнения и последующего контроля. В схеме были разграничены полномочия каждого ведомства, явно заданы регламентные интервалы выполнения действий и предусмотрены маршруты возврата документов при выявлении недостатков. Так же действия межведомственного обмена, реализуемые в системе управления государственными программами края, отражены в модели набором информационных объектов, которыми являются паспорта объекта капитального строительства, заключений министерства экономики и регионального развития и министерства строительства, протоколов программного комитета и Комиссии. При помощи данной формализации становится возможно для Правительства края и заявителей осуществлять объективный, опирающийся на модель контроль соблюдения календарных ограничений при формировании перечня, который замещает собой ориентацию на экспертные суждения.

Таким образом, формализация процесса формирования и утверждения перечня строек и объектов в нотации BPMN 2.0 является эффективным инструментом повышения прозрачности и управляемости межведомственного согласования капитальных вложений. Полученная модель позволяет быстро и точно выявлять возможные проблемы между заявителем, министерством экономики и регионального развития и министерством строительства, явно отражать циклы возврата и запросов дополнительной информации и целенаправленно устранять причины задержек, что является особенно важным действием в условиях закрепленных регламентных сроков составления краевого бюджета на очередной финансовый год и плановый период.

Список литературы

1. Мошкалёв Д.С. Методы и инструменты управления стоимостью строительства на предпроектном этапе жизненного цикла объекта капитального строительства / Д.С. Мошкалёв, А.Р. Бахтизина // Вестник МГСУ. – 2023. – Т. 18. №1. – С. 132–142. DOI 10.22227/1997-0935.2023.1.132-142. EDN CBOQXR

2. Морозевич Е.С. Process Mining как инструмент совершенствования бизнес-процессов / Е.С. Морозевич, И.А. Панфилов // Решетневские чтения. – 2017. – Т. 2. – С. 228–229. EDN BQMOCC

3. Сивцова Е.И. Системы оперативного управления как инструмент цифрового менеджмента / Е.И. Сивцова, И.А. Панфилов, Д.С. Павлюкович // Индустрия 5.0, цифровая экономика и интеллектуальные экосистемы (ЭКОПРОМ-2021): сборник трудов IV Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции и XIX сетевой конференции с международным участием. – СПб., 2021. – С. 528–530. DOI 10.18720/IEP/2021.3/151. EDN ULPFGF

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ. ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Алексеева Дарья Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-168615

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАЛОГО БИЗНЕСА

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и методические аспекты обеспечения экономической безопасности малых предприятий. Раскрыто содержание понятия, выделены ключевые составляющие безопасности, систематизированы внешние и внутренние угрозы, характерные для малого бизнеса. Проведён анализ существующих методик оценки, предложены критерии выбора доступных и эффективных инструментов для малых предприятий. Обоснована необходимость адаптации теоретических подходов к ограниченным ресурсам и высокой зависимости малых фирм от внешней среды.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, малое предприятие, угрозы, оценка, риски, методика.*

Экономическая безопасность малого предприятия – это условие его выживания в условиях нестабильности. Малый бизнес в России особенно уязвим из-за скудных ресурсов, малой численности персонала и отсутствия собственных служб защиты. Теоретические разработки по безопасности преимущественно ориентированы на крупные компании, что делает их малопригодными для малых фирм. В связи с этим требуется адаптация понятийного аппарата и оценочных инструментов.

Наиболее адекватной для малого бизнеса признаётся трактовка, согласно которой экономическая безопасность – это «характеристика состояния предприятия, при которой оно способно достигнуть свои цели и результаты при ограниченных изменениях внешней и внутренней среды» [1, с. 65]. В отличие от узко защитного подхода, данное определение делает акцент на результативности использования ограниченных ресурсов. Безопасность складывается из финансовой, кадровой, информационной и технологической составляющих, которые взаимосвязаны: сбой в одной цепочке тянет за собой другие, а малый размер не даёт запаса для манёвра.

Законодательно к малым относят фирмы с численностью до 100 человек и годовым доходом до 800 млн рублей, однако большинство из них – микропредприятия. Их отличительные черты – ограниченность средств, узкий круг контрагентов, отсутствие служб безопасности – порождают специфический набор рисков. Как отмечается, малый бизнес «подвержен рискам замедления экономического роста и изменения рыночной конъюнктуры» в большей степени, и у него «нет запаса прочности» [2, с. 42]. При этом те же особенности дают гибкость и скорость реакции, поэтому задача – не устранять их, а минимизировать негативные последствия.

Угрозы делятся на внешние (рыночные, административные, геополитические) и внутренние (ошибки управления, текучесть кадров, утечки информации). Внутренние риски более контролируемы, и приоритет следует отдавать тем, чьи последствия наиболее разрушительны, а не самым вероятным [3, с. 108]. Финансовые угрозы (нехватка оборотных средств, долги) проявляются быстро, но коренные причины кризисов часто лежат в управленческой и кадровой сферах. Уход ключевого специалиста или отсутствие стратегии могут парализовать работу. Все риски взаимосвязаны, и укрепление самого слабого звена даёт эффект для всей системы.

Выбор методики оценки – непростая задача. Доходный, затратный и сравнительный подходы имеют ограничения: первый требует стабильных прогнозов, второй опирается на

прошлые затраты, третий – на аналоги, которых у малых фирм почти нет. Наиболее объективная оценка достигается при комплексном использовании всех трёх [1, с. 303], но для малого предприятия это слишком дорого. Альтернативой служат балльные методы с системой индикаторов, где предлагается оценивать пять сфер (кадровую, производственно-технологическую, финансовую, экологическую, цифровую) по нескольким показателям [4]. На практике для малой фирмы приемлем упрощённый балльный подход, который можно вести силами руководителя без специального ПО. Важна регулярность – ежеквартальный мониторинг даёт больше пользы, чем разовая точная оценка.

Малому предприятию необходимы адаптированные определения, акцент на внутренних рисках с катастрофическими последствиями и доступные методики, сочетающие финансовые коэффициенты с балльной оценкой нефинансовых аспектов. Рекомендуется внедрить простой мониторинг ликвидности, оборачиваемости, текучести и долговой нагрузки, а также периодическую самооценку угроз. Эти меры не требуют больших затрат, но повышают устойчивость. Перспективные направления – разработка отраслевых нормативов и цифровых помощников для самостоятельной оценки, а также учёт безопасности малого бизнеса в государственных программах поддержки, поскольку защищённость отдельных фирм влияет на национальную экономическую стабильность.

Список литературы

1. Экономическая безопасность предприятия / А.К. Моденов, Е.И. Белякова, М.П. Власов, Т.А. Лелявина; Мин-во науки и высшего образования РФ, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – СПб.: СПбГАСУ, 2019. – 550 с. EDN MORRVH

2. Банк С.В. Риски и угрозы экономической безопасности малого бизнеса / С.В. Банк // Вопросы региональной экономики. – 2020. – №2. – С. 41–47. DOI 10.21499/2078-4023-2020-43-2-41-47. EDN QJQVVA

3. Коноплина Ю.С. Особенности управления рисками на малом предприятии / Ю.С. Коноплина // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2025. – №2(53). – С. 106–114. DOI 10.21777/2587-554X-2025-2-106-114. EDN ULQYGB

4. Борок И.Г. Оценка уровня экономической безопасности предприятий малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации / И.Г. Борок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiy-malogo-i-srednego-biznesa-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 14.07.2026).

Головкина Ирина Михайловна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕРАСПРЕДЕЛЁННОЙ ПРИБЫЛИ В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *в статье исследуются теоретические аспекты формирования и распределения нераспределённой прибыли как ключевого элемента внутреннего финансирования предприятия. Анализируется экономическая сущность депонированной прибыли, её роль в обеспечении финансовой устойчивости и инвестиционной привлекательности хозяйствующего субъекта. Рассмотрены основные подходы российских учёных к дефиниции данного понятия и принципы формирования дивидендной политики.*

Ключевые слова: *нераспределённая прибыль, самофинансирование, собственный капитал, финансовый менеджмент, реинвестирование, структура капитала.*

В условиях макроэкономической нестабильности и ограниченного доступа к внешним источникам финансирования приоритетной задачей для компании становится использование внутренних финансовых ресурсов. В этом контексте нераспределённая прибыль

рассматривается как наиболее доступный, стабильный и экономически выгодный источник формирования собственного капитала.

Грамотное распоряжение нераспределённой прибылью обеспечивает предприятию не только поддерживать текущую ликвидность, но и реализацию инвестиционных проектов по модернизации, что ведёт у росту капитализации бизнеса. Данные обстоятельства подчёркивают актуальность исследования теоретических подходов к трактовке и использованию данного финансового инструмента.

В российской научно-практической литературе понятие «нераспределённая прибыль» дифференцируется на два ключевых подхода: бухгалтерский (учётно-аналитический) и финансовый (управленческий).

В рамках бухгалтерского методологического аппарата данная категория определяется как остаточная величина чистой прибыли, сформированная после исполнения налоговых обязательств, отчислений в резервные фонды и распределения дивидендных выплат. Указанный показатель отражается на счёте 84 «Нераспределённая прибыль (непокрытый убыток)» и представляет собой совокупный финансовый результат, накопленный за весь период деятельности организации.

С точки зрения финансового управления, нераспределённая прибыль рассматривается как инструмент реинвестирования, который обеспечивает приток капитала в активы компании. Согласно позиции профессора И.А. Бланка, прибыль выступает ключевым мотивом и конечной целью любого бизнеса, а её капитализация – фундаментальным условием для обеспечения самофинансирования будущего роста предприятия.

Профессор В.В. Ковалёв подчеркивает динамическую природу этого элемента капитала: нераспределённая прибыль не лежит на счетах в виде денежных средств, а распределена по различным видам активов (внеоборотным и оборотным).

Финансовая деятельность любого предприятия подчинена поиску оптимального соотношения между собственным и заёмным капиталом (целевая структура капитала). Использование нераспределённой прибыли имеет ряд классических преимуществ и ограничений в рамках теории корпоративных финансов:

Преимущества:

– использование нераспределённой прибыли выгоднее внешних источников финансирования, так как позволяет избежать затрат на выпуск ценных бумаг (андеррайтинг, регистрация) и выплату купонного дохода;

– реинвестирование прибыли позволяет сохранить структуру акционерного капитала без размытия долей и избежать жёстких ограничений, которые обычно сопровождают банковское кредитование;

– увеличение доли собственных средств в капитале компании способствует снижению финансового рычага, что напрямую укрепляет финансовую устойчивость и уменьшает вероятность банкротства.

Недостатки и ограничения:

– величина получаемой прибыли напрямую зависит от эффективности текущих операционных процессов;

– несмотря на кажущуюся безвозмездность данного источника, финансовая теория рассматривает его через призму альтернативных издержек: это доход, который акционеры упускают, не получая дивиденды для самостоятельного инвестирования.

Использование нераспределённой прибыли напрямую зависит от выбранной предприятием дивидендной политики. В мировой и российской практике выделяют три ключевых теоретических подхода (модели).

Таблица 1

Ключевые теоретические подходы к дивидендной политике

Название теории	Сущность подхода	Влияние на нераспределенную прибыль
Теория иррелевантности (Модильяни-Миллер)	Дивидендная политика не влияет на стоимость фирмы. Инвесторам всё равно: получить дивиденды сейчас или прирост капитала позже	Предприятие может максимизировать нераспределённую прибыль, если есть эффективные проекты
Теория «синицы в руках» (Гордон, Линтнер)	Инвесторы предпочитают текущие дивиденды будущему росту стоимости акций из-за высокого риска неопределённости	Ограничивает возможности наращивания нераспределённой прибыли, требуя высоких выплат
Теория налоговой дифференциации	Налог на доход от прироста капитала часто ниже, чем налог на дивиденды	Стимулирует предприятие удерживать прибыль и реинвестировать её для роста курсовой стоимости акций

В современных российских реалиях, как М.А. Федотова и соавторов, предприятия чаще придерживаются компромиссного (остаточного) принципа: прибыль направляется на инвестиции в первую очередь, а акционерам выплачивается лишь остаток.

Теоретико-методологический анализ использования нераспределённой прибыли в финансовой деятельности предприятия позволяет сделать ряд ключевых выводов:

Во-первых, нераспределённая прибыль представляет собой наиболее гибкий, экономически эффективный и стратегически безопасный компонент собственного капитала. Являясь базой самофинансирования, она снижает зависимость организации от внешних шоков, повышает её автономию и укрепляет платёжеспособность.

Во-вторых, принятие решений о пропорциях распределения чистой прибыли между потреблением (дивидендами) и капитализацией требует тонкого баланса. Финансовый менеджмент обязан сопоставлять стоимость удержанной прибыли с доходностью реализуемых инвестиционных проектов, не допуская как ущемления интересов собственников, так и недофинансирования операционной базы.

Список литературы

1. Ковалев В.В. Корпоративные финансы и учет: понятия, алгоритмы, показатели / В.В. Ковалев, В.В. Ковалев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 1000 с. – ISBN 978-5-392-13497-7. – EDN MQOHJV.

2. Корпоративные финансы: учебное пособие / М.А. Федотова, Т.В. Садовская, Л.В. Волков [и др.]. – М.: КноРус, 2026. – 496 с. – ISBN 978-5-406-15393-2. – EDN PKXYUZ.

3. Лукасевич И.Я. Финансовый менеджмент. – В 2 ч. Ч. 1. Основные понятия, методы и концепции: учебник и практикум / И.Я. Лукасевич. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 377 с. – ISBN 978-5-534-03726-5. – EDN FOUQTZ.

4. Теплова Т.В. Корпоративные финансы: учебник и практикум / Т.В. Теплова. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2016. – 655 с. – ISBN 978-5-9916-3769-5. – EDN VTWHJV.

Кыштымова Евгения Александровна
канд. экон. наук, доцент
Среднерусский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Орёл, Орловская область

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ АУДИТА СОБСТВЕННОГО КАПИТАЛА АУДИРУЕМЫХ ЛИЦ

Аннотация: *статья посвящена развитию методологии аудита собственного капитала организаций. Рассмотрены последовательные этапы проведения аудита и осуществления соответствующих аудиторских процедур элементов собственного капитала. Раскрыты понятие и сущность собственного капитала, понимание которых необходимо для планирования аудиторской проверки собственного капитала.*

Ключевые слова: *капитал, методы, аудиторские процедуры, прибыль, планирование, этапы.*

Одним из важных объектов аудита компании является проверка наличия, создания и достоверности накопления собственного капитала. В нормативную основу аудита включаются прежде всего Федеральный закон №307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», Федеральный закон «О бухгалтерском учёте», Международные стандарты аудита (МСА), федеральные и национальные стандарты бухгалтерского учёта (ФСБУ и ПБУ), а также положения, стандарты и инструктивные материалы СРО.

Для определения ключевых этапов аудиторской проверки собственного капитала необходимо первоначальное понимание данной научной категории. Все компании в процессе своей деятельности формируют собственный капитал как источник собственного финансирования производственного процесса; при этом возникает множество особенностей и вопросов, связанных с организационно-правовой формой, видом деятельности, составом участников, видом вложений, своевременностью оплаты долей учредителей в уставном капитале компании. Особый контроль имеет оплата капитала, которая может быть в денежной и натуральной форме [4].

Понятие капитала в научной литературе имеет глубокие корни познания; это фундаментальная категория, которая имеет дискуссионный характер на протяжении многих столетий. Первоначальным пониманием капитала служит категория, имеющая перевод латинского слова «capitalis», определяющая его как ведущий или значимый, основной. То есть капитал с древних времён характеризовал накопленное богатство, имущественное благосостояние. В своих трудах учёные разных времён рассматривали капитал как фактор равновесного, устойчивого финансового развития компании. Эволюционный процесс развития данной категории более предметно обозначил его сущность, увязывая его наличие с устойчивым функционированием предприятия.

Понятие капитала рассматривалось с имущественной и финансовой точки зрения, с последующим раскрытием его сущности, состава и структуры, а также влияния на процесс формирования прибыли. Многогранность источников формирования собственного капитала, особенности его формирования в компаниях с разными видами деятельности и организационно-правовой формой ведут к систематическому контролю и анализу его размера, законности и достоверности формирования, ведут к необходимости применения аналитических процедур в ходе осуществления аудита собственного капитала.

При составлении плана по аудиту собственного капитала внимание должно быть уделено имущественной и финансовой составляющей капитала, поскольку капиталу характерен процесс оборачиваемости. Принимая материальную сторону, капитал обращается по стадиям производственного процесса; принимая финансовую сторону, капитал характеризуется получением финансового результата.

Собственный капитал относится к основным финансовым показателям, которые являются индикаторами функционирования компании. Размер капитала, его рост определяет его накопление и способствует стабильности хозяйственной деятельности компании. Величина капитала служит фактором, влияющим на изменение платежеспособности, финансовой устойчивости, а также конкурентоспособности в жёстких конкурентных условиях современного экономического рынка.

С материальной точки зрения собственный капитал рассматривается рядом учёных как совокупность активов, вложенных учредителями в инвестиционный капитал как при его формировании, так и в процессе деятельности компании. А также использование прибыли характеризуется затратами на развитие производства или осуществление социальных мероприятий для персонала предприятия [3].

Таким образом, понятие собственного капитала характеризуется особой формой ресурсов, способной менять свою форму в процессе его создания, накопления и использования. Такое ресурс имеет безвозвратную форму; его движение, изменение основаны на нормативно-правовой основе. Начало функционирования компании и последующая её деятельность зависят от величины созданного и накопленного капитала.

К характерным особенностям собственного капитала относятся следующие:

− создание собственного капитала, в частности первоначального инвестиционного капитала, не зависит от внешних стейкхолдеров; решение по его созданию принимают учредители или акционеры, определяют размер капитала с учётом законодательства;

− является основным фактором обеспечения стабильного финансового положения и устойчивости развития бизнеса компании.

Аудит величины собственного капитала предусматривает проверку не только его формирования, а именно создание инвестированного капитала, но и его последующее накопление, которое в большинстве предприятий осуществляется за счёт прибыли.

Не менее важным является контроль использования собственного капитала; основными направлениями являются:

− обеспечение интересов собственников посредством начисления и выплаты дивидендов от заработанной прибыли;

− удовлетворение интересов персонала организации посредством различных видов материального стимулирования;

− обеспечение интересов предприятия посредством дополнительных инвестиций за счёт прибыли в развитие производства.

Схема этапов аудита собственного капитала, определяющих методологический подход к проверке достоверности его формирования и использования, представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Методологический подход к аудиту собственного капитала

Величина инвестированного капитала характеризуется номинальной стоимостью простых и привилегированных акций, размещённых среди акционеров, с учётом дополнительно

оплаченного капитала (сверх номинальной стоимости акций). К данной группе обычно относят и безвозмездно полученные ценности. Одним из элементов созданного инвестированного капитала является уставный капитал [1], вторым элементом является добавочный капитал в размере полученной величины эмиссионного дохода, третьим элементом является величина добавочного капитала, равная стоимости безвозмездно полученных активов [6].

Накопленный капитал формируется за счёт распределения полученной после налогообложения чистой прибыли; к элементам капитала в этом случае относятся: резервный капитал, сумма нераспределённой прибыли, полученной компанией в отчётном году, но не полностью использованная.

Несмотря на то, что источник образования отдельных составляющих накопленного капитала один – нераспределённая прибыль, цели и порядок формирования, направления и возможности использования каждой его статьи существенно отличаются.

Капитал как источник собственного финансирования способствует:

− снижению финансового риска зависимости компании от кредиторов, повышению независимости, равновесному функционированию компании с получением прибыли;

− обеспечению подконтрольности собственников над деятельностью компании, исключению появления новых финансовых кредиторов с повышением задолженности перед ними;

− укреплению финансового положения и прибыльных финансовых результатов от функционирования компании.

Практика показывает, что компании, которые используют в качестве источника финансирования собственный капитал, являются устойчивыми и в меньшей степени подвергаются финансовым рискам, возникающим при внешнем кредитовании, при росте заёмного капитала, поскольку снижены либо совсем отсутствуют затраты на кредитование в виде процентов.

В связи с этим аудиторам необходимо анализировать состав и структуру собственного капитала для принятия своевременных рациональных управленческих решений по инвестированию и использованию капитала [2].

Первоначальный уставный капитал отражается в уставе компании; его размер зависит от выбранной организационно-правовой формы компаний, которые должны быть официально зарегистрированы органами исполнительной власти по месту своего нахождения. Вместе с тем учредители могут принять решение об изменении величины уставного капитала, при этом изменения должны быть внесены в устав и официально зарегистрированы.

Таким образом, аудит процедур создания размера уставного капитала должен предусматривать анализ организационно-правовой формы предприятия.

Требование достоверного представления финансового положения предприятия, а также величины собственного капитала предусмотрено статьёй 13 Федерального закона №402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» от 06 декабря 2011 г.; правовые основы формирования вкладов и уставного капитала раскрыты в ст. 66.1 и 66.2 ГК РФ; учётное отражение элементов собственного капитала осуществляется, в частности, по бухгалтерским счетам 80, 82, 83, 84, предусмотренным Планом счетов [5]. Состав, содержание и формы бухгалтерской отчётности определяются Федеральным стандартом бухгалтерского учёта ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчётность», утверждённым приказом Минфина России от 04.10.2023 №157н [6].

Содержательно собственный капитал рассматривается как остаточный интерес собственников в активах организации после вычета обязательств. Для целей анализа этого общего определения недостаточно. Необходимо установить, за счёт каких элементов формируется капитал, насколько устойчива его структура, как быстро он изменяется и в какой мере обеспечивает доходность бизнеса. По этой причине исследование обычно строится не вокруг одного показателя, а вокруг нескольких взаимосвязанных направлений: оценка структуры капитала, анализ динамики его элементов, достоверности и достаточности, оборачиваемости и рентабельности.

Достаточность собственного капитала нельзя оценивать только по его абсолютной величине. Организация может иметь значительный объём собственного капитала, но при этом демонстрировать низкую манёвренность, если основная его часть закреплена во внеоборотных

активах. В такой ситуации формальная устойчивость не означает гибкости в финансировании текущей деятельности. Обратная картина тоже возможна: умеренная величина капитала при приемлемой автономии и положительных собственных оборотных средствах иногда обеспечивает более устойчивое текущее положение, чем крупный, но малоподвижный капитал.

Список литературы

1. Гончаров П.В. Аналитические возможности бухгалтерской (финансовой) отчетности в управлении инновационно-инвестиционной деятельностью предприятий АПК / П.В. Гончаров, Н.А. Лытнева // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2–5. – С. 1017–1022. EDN TLQZLH
2. Девяткин Е.Е. Финансовый анализ вероятности банкротства корпорации / Е.Е. Девяткин, Е.А. Захаров // Аудитор. – 2024. – №2. – С. 28–34. DOI 10.12737/1998-0701-2024-10-2-28-34. EDN FIOHMO
3. Демидова И.В. Пятифакторная лаговая модель оптимизации структуры корпоративного капитала по критерию обеспечения заданной доходности собственников / И.В. Демидова, М.И. Богатов // Финансовый менеджмент. – 2025. – №5. – С. 74–79. EDN EKVTVJ
4. Донской М.А. Влияние нефинансовых факторов на структуру капитала компаний в рамках динамической теории компромисса / М.А. Донской // Финансовый менеджмент. – 2025. – №12. – С. 85–92. EDN HIYDUP
5. Кыштымова Е.А. Развитие информативности отчета о финансовых результатах для анализа прибыльности организаций в условиях перехода к МСФО / Е.А. Кыштымова, Н.А. Лытнева // Вестник ОрелГИЭТ. – 2015. – №1(31). – С. 64–69. EDN UGRKZB
6. Шаповал Е.В. Актуальные вопросы развития методики анализа финансового состояния по данным бухгалтерской отчетности / Е.В. Шаповал, З.В. Чеботарева, Л.В. Жданова // Russian Journal of Management. – 2024. – №1. – С. 404–418. DOI 10.29039/2409-6024-2024-12-1-404-418. EDN BRBBMS

Лытнева Наталья Алексеевна
д-р экон. наук, профессор
Среднерусский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Орёл, Орловская область

УПРАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫМИ ЗАПАСАМИ, ИХ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *развитие бизнеса в современных реалиях экономики сталкивается с различными проблемами, возникающими в процессе хозяйственной деятельности организаций, решение которых требует поиска современных способов и приемов, способствующих оптимизации затрат, получению ожидаемого дохода, повышению прибыльности, укреплению устойчивости и финансового положения. В статье внимание уделено одной их таких проблем – управлению материальными запасами. В особенности такие проблемы возникают у строительных организаций, в активах которых основную долю занимают строительные материалы. В работе отражены ключевые позиции организации процесса управления запасами, необходимые для повышения его эффективности.*

Ключевые слова: *управление, анализ, методы, эффективность, строительство, материальные запасы.*

Трансформационные процессы, происходящие в экономике России, изменение внешнеполитических связей, введение экономических санкций рядом зарубежных стран связаны с возникновением рисков и угроз экономической безопасности предприятий. В особенности это касается строительной отрасли, поскольку основную долю активов строительных организаций составляют материально-производственные запасы, то есть строительные материалы, обеспечение которых необходимо для развития строительного бизнеса и повышения результативности строительной деятельности [7].

Современные строительные компании модернизируют систему управления, проводят новые реформы, используя современные управленческие способы и приёмы для расширения

видов строительных работ и услуг, повышая качество строительных объектов, удовлетворяющих потребности юридических лиц и населения, обеспечивая развитие имущественного комплекса на федеральном и региональном уровнях, способствуя успешному функционированию строительной отрасли, повышению её эффективности, а также повышая финансовую устойчивость, укрепляя конкурентоспособность в строительном бизнес-окружении, обеспечивая экономическую безопасность в стратегии управления строительным бизнесом.

Анализ литературных источников свидетельствует о том, что обеспечение экономической безопасности является одним из существенных факторов эффективного управления строительной компании, снижения рисков и угроз для поддержания внутреннего состояния предприятия, а также снижения негативного влияния внешних факторов на финансовое состояние, эффективное использование ресурсов, стабильное ведение бизнеса как в текущем периоде, так и в перспективе [12].

По мнению Крутикова В.К., в системе управления в широком смысле под экономической безопасностью следует понимать состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического, оборонного существования и прогрессивного развития субъекта безопасности, неуязвимость и независимость его экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам, обеспечение сохранности ресурсного потенциала [7].

Приоритетным элементом в системе управления для обеспечения экономической безопасности предприятия авторы Карпов и М.А. Миллер считают материальное производство, эффективное управление материальными ресурсами, необходимыми для создания продукта, пользующегося спросом у населения и приносящего доход экономическому субъекту [6].

Такой подход приемлем для строительной отрасли, поскольку в строительном бизнесе компаний особое значение имеет эффективное управление материальными ресурсами, достоверная их оценка, правильное формирование себестоимости, оптимизация затрат на логистику и хранение, что способствует увеличению материального оборота, способствует росту объёма строительных работ, снижает издержки строительства, повышает качество построенных объектов, способствует успешному устойчивому развитию бизнеса.

В современных условиях в строительной отрасли возрастает роль эффективного управления материальными ресурсами ввиду их ограниченности, снижения импортных поставок, что повышает требования к организации сохранности и рационального использования строительных материалов. Более пристальное внимание уделяется контролю и анализу материально-производственных запасов, разработке механизмов рационального их использования, повышению достоверности учёта поступления и отпуска в строительное производство отдельных видов материалов.

Процесс управления материальными запасами в строительной отрасли можно представить как совокупность взаимосвязанных стадий движения строительных материальных ресурсов, обеспечивающих бесперебойное возведение строительных объектов (рисунок 1).

Рис. 1. Процесс управления материальными ресурсами

Для обеспечения непрерывности процесса управления материальными запасами в строительных компаниях необходима разработка мероприятий, направленных на обеспечение функционирования всех стадий, определяющих строительную деятельность, своевременную закупку материальных ресурсов, доставку в организацию и на строительные площадки, обеспечение сохранности строительных материалов, в особенности на строительных площадках, и рациональное использование при возведении строительных объектов, что требует развития функции контроля в системе управления строительной деятельностью, способствующего снижению рисков порчи и хищения материальных ресурсов. Совершенствование способов и приёмов функции контроля сохранности материальных запасов связано с необходимостью более детального изучения понятий «материальные ресурсы» и «материальные запасы» в строительстве.

В современных условиях рыночной экономики вопросы эффективного использования материальных ресурсов приобретают первостепенное значение, поскольку рациональное управление данной категорией непосредственно влияет на конкурентоспособность продукции и финансовые результаты предприятия.

В экономической литературе существуют различные подходы к трактовке «материальных ресурсов» (таблица 1).

Таблица 1

Понятие «материальных ресурсов» в трактовке известных ученых

Автор	Определение
А.Х. Мирзаянова	Материальные ресурсы представляют собой совокупность предметов труда, используемых в процессе производства продукции, и включают в себя сырье, основные и вспомогательные материалы, покупные полуфабрикаты и комплектующие изделия, топливо, запасные части для ремонта [8]
Н.А. Калуцкая, В.Е. Дедюхина	Материальные ресурсы – часть оборотных фондов предприятия, которая целиком потребляется в каждом производственном цикле, полностью переносит свою стоимость на стоимость производимой продукции и в процессе производства меняет или теряет свои потребительские свойства [5]
Д.М. Аминова	Материальные ресурсы – это предметы труда, которые составляют материальную основу продукции, они участвуют в процессе производства однократно и полностью переносят свою стоимость на производимую продукцию [1]
А.Д. Пряничников, Е.И. Чибисова	Материальные ресурсы – совокупность всех видов сырья, основных и вспомогательных материалов, полуфабрикатов, комплектующих изделий, топлива, запасных частей, предназначенных для производства продукции, выполнения работ, оказания услуг, управленческих нужд и обслуживания населения [11]
Р.Ю. Никулин	Материальные ресурсы представляют собой потребляемые в процессе производства предметы труда, к которым относятся основные и вспомогательные материалы, полуфабрикаты и комплектующие изделия, топливо и энергия на технологические нужды [9]

Критический анализ представленных дефиниций позволяет выявить их общие и отличительные черты. Большинство авторов подчёркивают одноразовый характер потребления материальных ресурсов в производственном цикле и полный перенос их стоимости на готовую продукцию. При этом А.Х. Мирзаянова и Р.Ю. Никулин делают акцент на составе предметов труда, Н.А. Калуцкая и В.Е. Дедюхина рассматривают материальные ресурсы через призму оборотных фондов, а А.Д. Пряничников и Е.И. Чибисова расширяют сферу применения данной категории.

Исследование понятия и сущности материальных ресурсов невозможно без рассмотрения их классификации. На рисунке 2 систематизированы основные классификационные признаки материальных ресурсов предприятия.

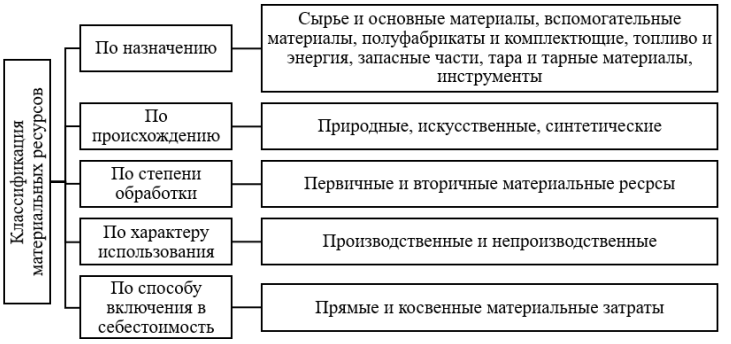

Рис. 2. Классификация материальных ресурсов предприятия

Представленная классификация демонстрирует многоаспектность категории материальных ресурсов. Особую практическую значимость имеет группировка по назначению, поскольку именно данный признак тесно связан со спецификой технологических процессов и напрямую влияет на формирование структуры материальных затрат в различных отраслях экономики. Отраслевые особенности хозяйствующих субъектов предопределяют вариативность структуры материальных ресурсов.

Как отмечает Д.А. Давыдов, «материальные ресурсы непосредственно влияют на непрерывность производственного процесса, ассортимент и качество выпускаемой продукции, а также на финансовое состояние предприятия в целом» [4]. Развивая данную мысль, стоит отметить, что именно рациональность использования материальных ресурсов зачастую становится решающим фактором поддержания стабильного финансового положения предприятия в условиях рыночной неопределённости.

Исследование трактовки понятия «материальных запасов» свидетельствует о его возникновении гораздо позже, причём возникновение связано с системой экономики. В работах Бутковой О.В. и Колесникова Р.В. материальные запасы рассмотрены относительно деятельности производственных организаций, а именно как сырьевые ресурсы для организации процесса производства [2].

В работах Гаджинского А.М. материально-производственные запасы связаны с производством продукции, которая проходит разные стадии производственного процесса [3].

В большей степени данная категория характерна для бухгалтерского учёта, в национальных стандартах которого приведено понятие материальных запасов [10]. В содержании ФСБУ 5/2019 материальные запасы рассматриваются с разных позиций: в узкой трактовке – как материалы, а также в широкой трактовке – как материальные ресурсы. Причём ФСБУ 5/2019 определил состав материальных запасов и выделил активы, которые не относятся к запасам, в том числе: финансовые активы; активы, принятые для хранения и переработки; активы, которые временно находятся в организации. Состав видов материальных запасов представлен на рисунке 3.

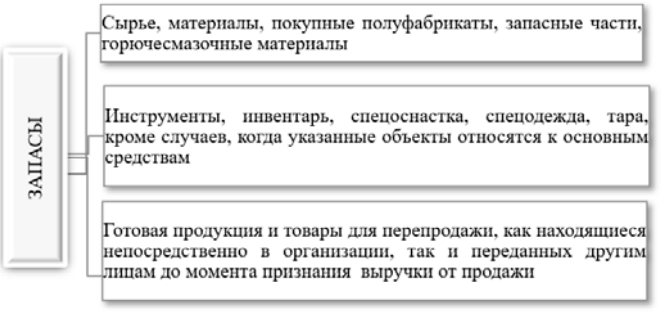

Рис. 3. Виды материальных запасов предприятия

Исследование материальных запасов направлено на выявление рисков и угроз в процессе их закупки, осуществляя выбор правильного решения для приобретения и использования, обеспечивает тем самым повышение эффективности деятельности организации.

Особое внимание необходимо уделять развитию функций управления материальными запасами, таких как анализ, контроль, оценка, наблюдение, развитию методического инструментария, направленного на выявление и предупреждение нерационального использования ценностей на всех стадиях их движения.

Проведение анализа требует комплексного подхода к оценке наличия, состояния и использования материальных запасов. Особенностью анализа в строительных организациях является оценка выполненных работ при равномерном их обеспечении строительными материалами. Важность анализа в управлении строительной организацией связана с тем, что материальные запасы являются одним из элементов себестоимости строительных объектов, оптимизация расхода материалов влияет на формирование стоимости строительства, что является превалирующим фактором на конкурентном строительном рынке.

Таким образом, всесторонний анализ материальных запасов строительной организации предполагает решение широкого круга управленческих задач стратегического и тактического характера, базируется на многоуровневой системе информационного обеспечения и требует применения разнообразных методов сбора и обработки данных. Качество подобранного методического инструментария и информационного обеспечения напрямую определяет эффективность принимаемых управленческих решений в области сохранности и использования материальных запасов.

Список литературы

1. Аминова Д.М. Материальные ресурсы: экономическая сущность, классификация и их значение для организации / Д.М. Аминова // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. – 2023. – С. 61. EDN QEFJUJ

2. Буткова О.В. Совершенствование бухгалтерского учета материально-производственных запасов / О.В. Буткова, Р.В. Колесников // Инновационная наука. – 2017. – №2–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-buhgalterskogo-ucheta-materialno-proizvodstvennyh-zapasov (дата обращения: 25.07.2026). EDN XVSKLB

3. Варлаков А.Ю. Запасы в экономической системе предприятия / А.Ю. Варлаков, В.Г. Подковыров, А.В. Резиков, А.Б. Морозов // ГИАБ. – 2007. – №2. – С. 54–90. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zapasy-v-ekonomicheskoy-sisteme-predpriyatiya (дата обращения: 25.07.2026).

4. Давыдов Д.А. Ресурсный потенциал предприятия и пути повышения эффективности его использования / Д.А. Давыдов // Экономика и социум. – 2024. – №9(124). – С. 489.

5. Калуцкая Н.А. Экономическая сущность и задачи учета материальных запасов в коммерческой организации / Н.А. Калуцкая, В.Е. Дедюхина // Перспективы науки и общества в условиях инновационного развития. – 2021. – С. 129. EDN KSRHLG

6. Карпов В.В. Материальное производство как компонент обеспечения экономической безопасности / В.В. Карпов, М.А. Миллер // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2021. – Т. 10. №4. – С. 41. EDN ULSMCN

7. Крутиков В.К. Экономическая безопасность: учебно-методическое пособие / В.К. Крутиков, Т.В. Дорожкина, О.И. Костина, М.В. Якунина. – Калуга: Эйдос, 2017. – С. 4.

8. Мирзаянова А.Х. Экономическая сущность и содержание материально-технических ресурсов предприятия / А.Х. Мирзаянова // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики. – 2023. – С. 108. EDN LNUPTN

9. Никулин Р.Ю. Методики анализа обеспеченности и эффективности использования материальных ресурсов предприятия / Р.Ю. Никулин // Стратегии бизнеса. – 2022. – Т. 10. №1. – С. 23. DOI 10.17747/2311-7184-2022-1-22-26. EDN PWXXKU

10. Положение по бухгалтерскому учету «Учет материально-производственных запасов» ПБУ 5/98: Приказ Минфина РФ №25Н от 15.06.1998. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=37063 (дата обращения: 25.07.2026).

11. Пряничников А.Д. Ресурсы предприятия: виды, классификация, характеристика / А.Д. Пряничников, Е.И. Чибисова // Вестник науки. – 2024. – Т. 5. №6(75). – С. 199.

12. Сергеева И.А. Комплексная система обеспечения экономической безопасности предприятия: учеб. пособие / И.А. Сергеева, А.Ю. Сергеев. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. – 124 с.

Помазкова Кристина Егоровна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ФИНАНСОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ (ОРГАНИЗАЦИИ)

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и прикладные вопросы анализа финансовой составляющей экономической безопасности предприятия. Обосновывается ключевая роль финансового аспекта в общей системе защиты экономических интересов хозяйствующего субъекта. Характеризуются основные методические подходы к оценке финансового состояния, используемые в практике экономической безопасности. Раскрывается содержание индикаторного, коэффициентного и интегрального методов диагностики. Акцентируется внимание на необходимости учёта отраслевой специфики при интерпретации расчётных показателей. Обсуждается значение факторного анализа качества прибыли и денежного потока для выявления скрытых угроз. Рассматривается роль стресс-тестирования как инструмента прогнозирования устойчивости предприятия к внешним воздействиям. Предлагаемый подход ориентирован на формирование обоснованных управленческих решений по результатам оценки.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность предприятия, финансовая составляющая, методика оценки, финансовые коэффициенты, пороговые значения, денежный поток, стресс-тестирование.*

Введение.

В системе экономической безопасности предприятия финансовая составляющая занимает особое место, поскольку финансовые результаты аккумулируют итоги всех хозяйственных операций и отражают эффективность использования ресурсов. Состояние финансовой сферы определяет способность субъекта выполнять обязательства, обновлять основные фонды, осуществлять инвестиции и противостоять внешним вызовам. В связи с этим оценка финансовой составляющей является обязательным элементом мониторинга экономической безопасности и основой для выработки корректирующих воздействий.

Методологическая база такой оценки включает различные подходы, отличающиеся набором показателей, способами расчёта пороговых значений и алгоритмами обобщения частных характеристик. Применение того или иного метода зависит от целей анализа, отраслевой принадлежности предприятия, масштаба деятельности и доступности исходных данных. Однако общим требованием выступает необходимость системного охвата всех ключевых аспектов финансового состояния – ликвидности, устойчивости, деловой активности, рентабельности и структуры капитала. Кроме того, оценка не должна ограничиваться констатацией текущего положения; она обязана включать прогнозные элементы, позволяющие предвидеть развитие негативных тенденций.

В практике экономической безопасности существуют устойчивые представления о критических значениях финансовых коэффициентов, однако универсальных порогов не существует: они варьируются по отраслям и зависят от конкретных условий деятельности. Это обстоятельство требует от специалиста не механического применения нормативов, а содержательного анализа причин отклонений и их возможных последствий. Также важным аспектом является различие между бухгалтерской прибылью и реальным денежным потоком; игнорирование этого различия может привести к ошибочным выводам о благополучии предприятия при наличии скрытых угроз.

Цель работы заключается в систематизации методических подходов к анализу финансовой составляющей и разработке целостного представления об алгоритме оценки,

применимом для предприятий различных сфер деятельности. В работе последовательно рассматриваются структурные элементы финансовой безопасности, методы индикаторного и коэффициентного анализа, способы интегральной оценки, факторный анализ качества прибыли, процедура стресс-тестирования и принципы интерпретации результатов.

1. Определение и структура финансовой составляющей экономической безопасности.

Финансовая составляющая экономической безопасности предприятия определяется как состояние финансовой системы субъекта, при котором гарантируется платёжеспособность, финансовая устойчивость и возможность самофинансирования в долгосрочном периоде при воздействии неблагоприятных факторов внешней и внутренней среды. В экономической литературе выделяются три базовых признака финансовой безопасности: достаточность финансовых ресурсов для выполнения текущих и будущих обязательств; эффективность использования ресурсов в процессе создания добавленной стоимости; защищённость от кредитных, процентных, валютных и операционных рисков. Структурно финансовая составляющая включает следующие блоки: управление активами и пассивами, управление денежными потоками, налоговое планирование, взаимодействие с кредитными организациями и инвесторами, бюджетирование. Отсутствие контроля в любом из перечисленных блоков создаёт канал реализации угроз. Например, неэффективное управление дебиторской задолженностью приводит к кассовым разрывам, а нерациональная структура заёмного капитала повышает чувствительность предприятия к изменению процентных ставок.

2. Методика оценки финансовой составляющей.

Оценка финансовой составляющей экономической безопасности строится на трехуровневом подходе. Первый уровень – индикаторный анализ – предполагает сопоставление фактических значений финансовых показателей с пороговыми (критическими) значениями. Пороговые значения дифференцируются по отраслям, масштабам деятельности и фазам экономического цикла. К числу базовых индикаторов относятся: доля собственных оборотных средств в покрытии запасов (нормативное значение – не менее 0,5), коэффициент автономии (норматив – не менее 0,5), коэффициент текущей ликвидности (нормативный диапазон 1,5–2,0), оборачиваемость дебиторской задолженности (не более 45 дней для промышленных предприятий), рентабельность продаж по чистой прибыли (не менее 5% для производственного сектора). Отклонение от пороговых значений более чем на 20% в течение двух смежных отчётных периодов служит основанием для проведения углублённого анализа. Например, значение коэффициента текущей ликвидности на уровне 1,2 при высокой скорости оборота запасов может считаться допустимым для торгового предприятия, но является критическим для предприятия с длительным производственным циклом.

Второй уровень оценки – коэффициентный анализ с группировкой показателей по функциональным признакам. Выделяются пять групп коэффициентов. Первая группа – показатели ликвидности и платежеспособности: коэффициенты абсолютной, быстрой и текущей ликвидности. Вторая группа – показатели финансовой устойчивости: коэффициенты автономии, финансового левериджа и маневренности собственного капитала. Третья группа – показатели деловой активности: оборачиваемость совокупных активов, запасов, дебиторской и кредиторской задолженности. Четвёртая группа – показатели рентабельности: рентабельность активов, собственного капитала, продаж. Пятая группа – показатели структуры капитала: доля краткосрочных обязательств в общей сумме заёмных средств, соотношение собственных и заёмных средств. Для каждого коэффициента рассчитывается тренд за период от трёх до пяти лет. Анализ тренда позволяет отделить краткосрочные колебания от устойчивых негативных изменений.

Третий уровень – интегральная оценка. Интегральная оценка предполагает объединение частных коэффициентов в единый индекс финансовой безопасности. Наиболее распространённым методом является многомерная средняя с весовыми коэффициентами, определяемыми экспертным путём с учётом отраслевой принадлежности. Для промышленного предприятия вес коэффициента обеспеченности запасов собственными источниками устанавливается на

уровне 0,25, для торгового – 0,15, поскольку для торговли более значимой является оборачиваемость. Интегральный индекс сравнивается с базовым периодом и среднеотраслевыми значениями. Однако интегральный показатель не должен использоваться изолированно, поскольку он сглаживает локальные отклонения и не позволяет идентифицировать единичные критические показатели – «красные флаги». К числу «красных флагов» относятся: отрицательная величина чистых активов, наличие просроченной кредиторской задолженности свыше 30 дней, снижение выручки при росте управленческих расходов более чем на 10%, снижение денежного потока от операционной деятельности при росте чистой прибыли.

3. Факторный анализ качества прибыли и денежного потока.

Чистая прибыль, отражаемая в отчёте о финансовых результатах, не всегда соответствует реальному притоку денежных средств. Причина расхождения заключается в наличии неденежных статей: амортизации, создании резервов, переоценке активов, изменении отложенных налоговых обязательств. Поэтому в составе оценки финансовой безопасности обязательно проводится анализ качества прибыли. Для этого сопоставляется чистый денежный поток от операционной деятельности (CFO) и чистая прибыль (NP). В нормальных условиях отношение CFO/NP должно находиться в интервале 0,8–1,2. Если значение данного показателя систематически опускается ниже 0,7, это означает, что прирост прибыли обеспечен ростом дебиторской задолженности или накоплением запасов готовой продукции. В такой ситуации предприятие вынуждено привлекать внешнее финансирование для пополнения оборотного капитала. Следовательно, даже рентабельное предприятие становится уязвимым при ужесточении условий банковского кредитования.

Дополнительно анализируется динамика собственного оборотного капитала. Прирост собственного оборотного капитала должен обеспечиваться преимущественно за счёт чистой прибыли и эффективного управления рабочим капиталом, а не только за счёт увеличения уставного капитала. Устойчивое снижение собственного оборотного капитала на фоне роста выручки интерпретируется как признак скрытого потребления капитала, что угрожает финансовой безопасности, поскольку ограничивает инвестиционные возможности предприятия.

4. Интерпретация результатов и управленческие решения.

Результаты анализа должны быть преобразованы в конкретные управленческие решения. Для этого строится карта финансовых рисков. На оси абсцисс откладывается вероятность наступления угрозы, на оси ординат – размер потенциальных потерь, выраженный в процентах от собственного капитала. Угрозы с высокой вероятностью и высоким размером потерь подлежат первоочередной нейтрализации. Примерами таких угроз являются: рост цен на сырьё, потеря ключевого заказчика, изменение курса валюты экспортных контрактов. Для каждой идентифицированной угрозы разрабатывается контрмера: хеджирование валютных рисков, заключение форвардных контрактов на поставку сырья, диверсификация клиентской базы. Оценка финансовой составляющей не является завершённым действием, она служит механизмом обратной связи, показывающим соответствие текущей финансовой политики стратегическим целям предприятия и её устойчивость к внешним изменениям.

Таким образом анализ и оценка состояния финансовой составляющей экономической безопасности должны проводиться с периодичностью не реже одного раза в квартал. При изменении макроэкономических условий или существенных внутренних параметров деятельности выполняется внеочередная углублённая проверка. Ключевыми элементами такой оценки являются: индикаторный анализ с обоснованными пороговыми значениями; коэффициентный анализ в динамике за 3–5 лет; факторный анализ качества прибыли и денежного потока; стресс-тестирование по трём негативным сценариям; построение карты финансовых рисков.

Список литературы

1. Шамрина С.Ю. Сценарный анализ стресс-тестирования при оценке основных видов рисков кредитной организации / С.Ю. Шамрина, А.Н. Ломакина // Дайджест-Финансы. – 2021. – Т. 26. №2(258). – С. 212–229. EDN JFNZSG

2. Соловьев С.С. Стресс-тестирование рыночных рисков финансовой организации в условиях кризиса / С.С. Соловьев // Финансы и кредит. – 2010. – №17(401). – С. 72–77.

3. Каранина Е.В. Формирование инновационной методики комплексной оценки рисков финансового состояния / Е.В. Каранина // Креативная экономика. – 2010. – Т. 4. №4. – С. 41–48. EDN LKEVHL
4. Крашенинников Н.В. Стресс-тестирование: применение к анализу финансовой устойчивости российскими и зарубежными банками / Н.В. Крашенинников // Финансы и кредит. – 2015. – №31(655). – С. 15–22. EDN UEACKN

Серова Вероника Владимировна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ НАДЁЖНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Аннотация: *в статье обосновывается методология комплексного экономико-правового анализа для оценки надёжности контрагентов. На примере АО «Форум Электро» и ООО «ЭлектроПартнер» апробирован интегральный подход, сочетающий финансовую диагностику, юридическую проверку и анализ арбитражной практики. Предложены алгоритмы оценки, формализующие принцип должной осмотрительности. Даны рекомендации по внедрению методики в риск-менеджмент.*

Ключевые слова: *экономико-правовой анализ, надёжность контрагента, финансовая диагностика, должная осмотрительность, Due Diligence, арбитражная практика, риск-менеджмент.*

Высокая динамика и ужесточение регулирования требуют управления контрагентскими рисками. Сотрудничество с несостоятельными или недобросовестными партнёрами грозит убытками и репутационными потерями. Налоговые органы и суды требуют должной осмотрительности (ст. 10 ГК РФ), что делает предварительную проверку обязательной. Традиционные методы (только финансы или только юриспруденция) недостаточны. Необходим интегральный экономико-правовой подход, синтезирующий оценку финансовой устойчивости и добросовестности.

Целью данной статьи является разработка и практическая апробация методики экономико-правового анализа надёжности хозяйствующего субъекта на примере конкретных компаний.

Задачи: систематизировать теорию, провести финансовую диагностику АО «Форум Электро», правовую проверку ООО «ЭлектроПартнер», проанализировать арбитражную практику, синтезировать интегральную оценку и рекомендации.

Основная часть.

Методология основана на интеграции коэффициентного финансового анализа, юридического Due Diligence и анализа судебной истории. Экономическая часть – классические коэффициенты ликвидности, устойчивости, рентабельности, деловой активности. Правовая – операционализация добросовестности через систему «красных флагов» (массовый адрес, налоговая дисциплина, смена руководства).

1. Финансово-экономический анализ АО «Форум Электро».

Анализ бухгалтерской отчётности компании за 2022–2024 гг. позволил рассчитать ключевые финансовые коэффициенты и сделать следующие выводы. Наблюдается стабильный рост выручки (с 4,9 до 6,3 млрд руб.) и активов. Коэффициенты абсолютной и быстрой ликвидности соответствуют нормативным значениям, подтверждая краткосрочную платёжеспособность. Вместе с тем коэффициент текущей ликвидности (1,05–1,25) устойчиво ниже рекомендуемого уровня ($\geq 1,5$), что указывает на потенциальный риск в покрытии текущих обязательств. Наиболее критичной является динамика операционной эффективности: рентабельность продаж по прибыли от реализации упала с 3,0% до 0,1%, что свидетельствует об опережающем росте расходов. По совокупности показателей финансовому состоянию

компании присвоен рейтинг «BBB» (положительное), что указывает на приемлемый уровень финансового риска при наличии областей для оптимизации затрат.

2. Правовой анализ добросовестности ООО «ЭлектроПартнер».

Проверка компании по формализованному чек-листу выявила отсутствие критических рисков: нет задолженности перед ФНС, руководитель не является массовым, негативная судебная практика отсутствует. Компания ведёт деятельность с 2005 года, что говорит об устойчивости. Однако выявлены два фактора, формирующие умеренный репутационный риск: регистрация по массовому адресу и отсутствие официального сайта. Данные признаки не являются основанием для отказа в сотрудничестве, но диктуют необходимость применения дополнительных контрольных процедур (установление лимита задолженности, запрос подтверждающих документов).

3. Анализ арбитражной практики как индикатор поведения.

Изучение судебной истории АО «Форум Электро» (47 дел за 2019–2024 гг.) показало, что компания в 81% случаев выступает истцом, преимущественно по делам о взыскании дебиторской задолженности. Доля дел в качестве ответчика минимальна (15%) и не носит системного характера. Такая модель поведения свидетельствует об активной правовой позиции, ориентированной на защиту финансовых интересов, и высокой договорной дисциплине, что является позитивным дополнением к выводам финансового анализа и снижает общий репутационный риск.

Заключение.

Исследование подтвердило эффективность интегрального подхода. Финансовый рейтинг даёт количественную меру риска неплатёжеспособности; правовой чек-лист выявляет признаки недобросовестности; арбитражная практика валидирует модель поведения. Разработанный алгоритм (чек-лист → финансовый анализ → судебная история) обладает высокой практической ценностью, может служить внутренним стандартом проверки контрагентов, отвечая требованиям должной осмотрительности, и способствует снижению рисков и укреплению экономической безопасности.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 24.02.2024).

2. Бочаров В.В. Финансовый анализ: краткий курс / В.В. Бочаров. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2022. – 256 с.

3. Ефимова О.В. Финансовый анализ: современный инструментарий для принятия экономических решений: учебник / О.В. Ефимова. – 6-е изд. – М.: Омега-Л, 2023. – 352 с.

4. Ковалев В.В. Финансы организаций (предприятий): учебник / В.В. Ковалев. – М.: Проспект, 2022. – 448 с.

5. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/ (дата обращения: 03.07.2026).

Сидорова Кристина Александровна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КАК ИНДИКАТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация: *в статье рассматриваются методические подходы к оценке финансовой устойчивости предприятий электроэнергетики как ключевого индикатора их экономической безопасности. Обоснована необходимость учета отраслевой специфики при разработке оценочного инструментария. Систематизированы существующие методические подходы, включая традиционный коэффициентный анализ, индикативный подход, балльно-рейтинговые методы, модели на основе теории нечетких множеств и интегральные модели оценки. Предложена авторская классификация методических подходов с выделением их преимуществ и ограничений применительно к предприятиям электроэнергетической отрасли. Сделан вывод о целесообразности комплексного применения различных методических подходов для получения достоверной оценки финансовой устойчивости как индикатора экономической безопасности.*

Ключевые слова: *финансовая устойчивость, экономическая безопасность, электроэнергетика, методические подходы, индикаторы, пороговые значения, оценка рисков.*

В современных условиях хозяйствования, характеризующихся высокой степенью нестабильности внешней и внутренней среды, обеспечение экономической безопасности предприятий приобретает особую значимость [6]. Электроэнергетика занимает стратегическое положение в российской экономике, обеспечивая нормальное функционирование всех ее отраслей и национальную безопасность в целом. Нарушения в работе предприятий электроэнергетики могут привести к значительным экономическим потерям, снижению качества жизни населения и появлению угроз национальной безопасности [1]. В этой связи финансовая устойчивость предприятий электроэнергетики выступает не только индикатором эффективности управления, но и ключевым фактором их жизнеспособности, способности противостоять внешним и внутренним угрозам.

Цель настоящего исследования заключается в систематизации и критическом анализе методических подходов к оценке финансовой устойчивости предприятий электроэнергетики как индикатора экономической безопасности, а также в обосновании направлений их совершенствования с учетом отраслевой специфики [2].

Финансовая устойчивость предприятия представляет собой отражение стабильного превышения доходов над расходами, обеспечивающее свободное маневрирование денежными средствами и способствующее бесперебойному процессу производства и реализации продукции [6]. В системе экономической безопасности предприятия финансовая устойчивость выполняет индикативную функцию, позволяя своевременно выявлять угрозы и принимать превентивные меры.

Экономическая безопасность региона (как хозяйственной единицы, имеющей закрепленные границы регулирования) определяется совокупностью факторов и условий, среди которых устойчивость функционирования предприятий электроэнергетики играет растущую роль [1]. Это влияние проявляется прямым образом – посредством устойчивого обеспечения все увеличивающегося потребления энергоресурсов бизнесом, объектами социальной сферы и населением, – и косвенным образом – как важный сектор региональной индустрии, развивающий инфраструктуру, создающий рабочие места и уплачивающий налоги [2].

Отраслевая специфика предприятий электроэнергетики накладывает существенные ограничения на применение универсальных методик оценки. Деятельность электросетевых организаций является естественно-монопольной и подлежит государственному регулированию, что оказывает непосредственное влияние на их финансовое состояние [3]. Предприятия энергетики вынуждены учитывать требования ценовых регуляторов, связанных со сдерживанием роста цен на электроэнергию, что зачастую приводит к занижению фактических тарифов и формированию финансовых проблем [3]. Существующие методики оценки носят универсальный характер и не учитывают отраслевую специфику хозяйствующего субъекта, что обусловливает необходимость адаптации оценочного инструментария [5].

В современной экономической науке сложилось несколько основных методических подходов к оценке финансовой устойчивости предприятий, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения применительно к электроэнергетической отрасли.

Традиционный коэффициентный анализ является наиболее распространенным подходом, сочетающим в себе определение типа финансовой устойчивости и анализ соответствующих коэффициентов [5]. Совокупность показателей финансовой устойчивости предприятия включает коэффициенты ликвидности (коэффициент текущей ликвидности – 2,0; коэффициент быстрой ликвидности – 0,7; коэффициент абсолютной ликвидности – 0,25), коэффициенты финансовой устойчивости (коэффициент финансовой независимости – 0,5; коэффициент устойчивости – 1,0), а также показатели рентабельности и деловой активности. Недостатком данного подхода является его статичность и отсутствие учета отраслевых особенностей.

Индикативный подход предполагает формирование системы индикаторов и их пороговых значений для оценки уровня экономической безопасности [4]. В рамках данного подхода разрабатываются системы индикаторов по различным сферам: экономической, финансовой, промышленной, социальной и энергетической. Расчет пороговых значений индикаторов экономической устойчивости предприятия осуществляется с помощью многомерной функции распределения вероятности [4]. Индикативный подход имеет широкое применение в силу приемлемого уровня его объективности и адекватности.

Балльно-рейтинговые методы предлагают использование системного подхода и балльно-рейтингового метода, разделяя совокупность показателей на две взаимодополняющие группы, характеризующие производственные ресурсы и финансовые результаты компании. Конкретный набор показателей формируется с учетом отраслевых особенностей, а рассчитанный обобщающий показатель служит основой для принятия управленческих решений [5].

Методы на основе теории нечетких множеств позволяют преодолеть ограничения традиционных подходов, связанные с неопределенностью и субъективностью оценок. Пороговое значение каждой группы индикаторов базируется на экспертных оценках, а качественные оценки экспертов подвергаются количественному анализу. Данный подход особенно актуален для предприятий электроэнергетики, деятельность которых характеризуется высокой степенью неопределенности.

Интегральные модели оценки предполагают разработку комплексных моделей, учитывающих множество факторов. В частности, предлагается модель оценки финансово-экономической устойчивости гарантирующего поставщика электроэнергии на основе четырех ключевых показателей его деятельности: «операционная прибыль», «сбор сбытовой надбавки», «чистый денежный поток» и «исполнение инвестиционной программы». Интеграция ресурсно-функционального подхода и модели FMEA позволяет не только систематизировать выявленные угрозы, но и проранжировать их по значимости для последующего устранения.

Анализ существующих методических подходов позволяет выделить основные направления их совершенствования применительно к предприятиям электроэнергетики.

Во-первых, необходима адаптация системы показателей с учетом отраслевых особенностей, включая специфику формирования выручки, структуру затрат, инвестиционный цикл и характер государственного регулирования [3]. Электроэнергетика является зрелой отраслью с медленным ростом, что требует особого внимания к показателям долгосрочной устойчивости [5].

Во-вторых, целесообразно развитие методов управления дебиторской задолженностью, которая представляет собой одну из ключевых угроз финансовой устойчивости предприятий электроэнергетики [2]. Использование АВС-анализа дебиторской задолженности позволяет формировать инструментарий управления для минимизации рисков ее наращивания и сокращения долгов потребителей за электроэнергию [1].

В-третьих, необходимо совершенствование тарифного регулирования для стимулирования инвестиционной активности и повышения уровня экономической безопасности как предприятий электроэнергетики, так и региона в целом [3].

В-четвертых, требуется внедрение систем раннего предупреждения, позволяющих своевременно выявлять критические риски и устранять угрозы. Разработка методики выявления и определения значений индикаторов финансово-хозяйственной деятельности электроэнергетических предприятий позволит обеспечить выбор параметров для индикации угроз устойчивости [4].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Финансовая устойчивость предприятий электроэнергетики выступает ключевым индикатором их экономической безопасности, что обусловлено стратегическим значением отрасли для национальной экономики и высокой степенью ее государственного регулирования [6]. Существующие методические подходы к оценке финансовой устойчивости – традиционный коэффициентный анализ, индикативный подход, балльно-рейтинговые методы, модели на основе теории нечетких множеств и интегральные модели – имеют как преимущества, так и ограничения, связанные с недостаточным учетом отраслевой специфики.

Перспективными направлениями совершенствования методического инструментария являются: адаптация системы показателей к отраслевым особенностям электроэнергетики; развитие методов управления дебиторской задолженностью; совершенствование тарифного регулирования; внедрение систем раннего предупреждения угроз. Комплексное применение различных методических подходов с учетом отраслевой специфики позволит повысить достоверность оценки финансовой устойчивости как индикатора экономической безопасности предприятий электроэнергетики и своевременно принимать превентивные меры по нейтрализации угроз.

Список литературы

1. Шестиперова Е.Ю. Повышение уровня экономической безопасности региона на основе обеспечения финансовой устойчивости предприятий электроэнергетики: дис. … канд. экон. наук: 5.2.3 / Е.Ю. Шестиперова. – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2026. – URL: http://elib.fa.ru/avtoreferat/SHestiperova_diss.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

2. Шестиперова Е.Ю. Повышение уровня экономической безопасности региона на основе обеспечения финансовой устойчивости предприятий электроэнергетики: автореф. дис. … канд. экон. наук: 5.2.3 / Е.Ю. Шестиперова. – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2025. – 26 с. – URL: http://elib.fa.ru/avtoreferat/SHestiperova_diss.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

3. Левченко Т.А. Методический подход к оценке финансового состояния электросетевых организаций России / Т.А. Левченко, Т.С. Штана // Экономика и бизнес. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-podhod-k-otsenke-finansovogo-sostoyaniya-elektrosetevyh-organizatsiy-rossii (дата обращения: 06.07.2026).

4. Чаленко Н.Н. Определение индикаторов устойчивости предприятий электроэнергетической отрасли / Н.Н. Чаленко // Мир новой экономики. – 2016. – № 2. – С. 75–78. – URL: http://elib.fa.ru/art2016/bv1910.pdf (дата обращения: 05.07.2026). EDN WEIMUN

5. Кривошеева В.А. Практические аспекты использования методики анализа финансовой устойчивости в оценке финансового состояния предприятия электроэнергетического комплекса / В.А. Кривошеева, Н.М. Баклаева // Молодой ученый. – 2016. – №24 (128). – С. 194–197. EDN XAEEAD

6. Мамаева Л.Н. Финансовая устойчивость предприятия как детерминанта экономической безопасности / Л.Н. Мамаева // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2025. – №5. – С. 199–207. – DOI: 10.21686/2413-2829-2025-5-199-207. – URL: https://vest.rea.ru/jour/article/view/2471/1422 (дата обращения: 25.06.2026). EDN VBMHVW

Сидорова Кристина Александровна
студентка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КАК ИНДИКАТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются методические подходы к оценке финансовой устойчивости строительных компаний как ключевого индикатора их экономической безопасности. Обоснована необходимость учёта отраслевой специфики (длительность производственного цикла, высокая капиталоёмкость, зависимость от внешнего финансирования, сезонность, особенности расчётов с заказчиками и субподрядчиками) при разработке оценочного инструментария. Систематизированы существующие методические подходы, включая традиционный коэффициентный анализ, индикативный подход, балльно-рейтинговые методы, модели на основе теории нечётких множеств и интегральные модели оценки. Предложена авторская классификация методических подходов с выделением их преимуществ и ограничений применительно к строительной отрасли. Сделан вывод о целесообразности комплексного применения различных методических подходов для получения достоверной оценки финансовой устойчивости как индикатора экономической безопасности строительной компании.*

Ключевые слова: *финансовая устойчивость, экономическая безопасность, строительная компания, методические подходы, индикаторы, пороговые значения, оценка рисков.*

В современных условиях хозяйствования, характеризующихся высокой степенью нестабильности внешней и внутренней среды, обеспечение экономической безопасности предприятий приобретает особую значимость [6]. Строительная отрасль занимает стратегическое положение в российской экономике, формируя значительную долю ВВП, обеспечивая занятость населения и создавая инфраструктурную базу для развития всех секторов. Нарушения в работе строительных компаний могут привести к срыву сроков ввода объектов, росту незавершённого строительства, снижению инвестиционной привлекательности регионов и появлению угроз национальной безопасности. В этой связи финансовая устойчивость строительных предприятий выступает не только индикатором эффективности управления, но и ключевым фактором их жизнеспособности, способности противостоять внешним и внутренним угрозам.

Цель настоящего исследования заключается в систематизации и критическом анализе методических подходов к оценке финансовой устойчивости строительных компаний как индикатора экономической безопасности, а также в обосновании направлений их совершенствования с учётом отраслевой специфики [2].

Финансовая устойчивость предприятия – это стабильное превышение доходов над расходами, обеспечивающее маневрирование денежными средствами и бесперебойный производственный процесс [6]. В системе экономической безопасности она выполняет индикативную функцию, позволяя своевременно выявлять угрозы

Экономическая безопасность региона во многом зависит от устойчивости строительных компаний, которые создают рабочие места, развивают инфраструктуру, обеспечивают ввод жилья и формируют мультипликативный спрос в смежных отраслях [1; 2].

Отраслевая специфика строительства накладывает ограничения на применение универсальных методик. Ключевые особенности:

1) длительный производственный цикл (6–36 месяцев), разрывающий связь затрат и выручки;
2) высокая капиталоёмкость и значительная доля внеоборотных активов;
3) сильная зависимость от заёмного финансирования;

4) сезонность работ;

5) значительные объёмы дебиторской и кредиторской задолженности, авансов;

6) государственное регулирование (214-ФЗ, лицензирование).

Эти факторы снижают информативность классических коэффициентов (ликвидности, автономии) на промежуточных стадиях проектов [3]. Поэтому необходима адаптация оценочного инструментария [5].

В современной науке сложилось несколько методических подходов.

Традиционный коэффициентный анализ – наиболее распространённый: определение типа устойчивости и расчёт коэффициентов (ликвидности, финансовой независимости, рентабельности). Его недостаток – статичность и игнорирование отраслевых особенностей (например, нормативы для строительства должны быть скорректированы с учётом длительного цикла и высокой доли незавершённого производства).

Индикативный подход предполагает формирование системы индикаторов и их пороговых значений для разных сфер (экономической, финансовой, производственной). Пороги рассчитываются статистически и экспертным путём. Подход объективен, но требует адаптации к цикличности строительства [4].

Балльно-рейтинговые методы разделяют показатели на группы, характеризующие ресурсы и финансовые результаты, и выводят обобщающий балл. Для строительных компаний включают показатели обеспеченности собственными оборотными средствами, доли просроченной дебиторской задолженности, покрытия инвестпрограммы [5].

Методы на основе теории нечётких множеств позволяют учесть неопределённость и субъективность оценок. Экспертные суждения формализуются количественно. Это актуально для строительства из-за трудно прогнозируемых факторов (колебания цен на материалы, задержки финансирования, изменения законодательства).

Интегральные модели объединяют множество факторов. Для строительных организаций предлагаются модели на основе денежных потоков по этапам проекта, коэффициента покрытия долговой нагрузки (EBITDA/проценты) и доли собственного капитала во внеоборотных активах. Интеграция с FMEA позволяет ранжировать угрозы.

Анализ подходов позволяет выделить направления их совершенствования применительно к строительным предприятиям.

Во-первых, необходима адаптация системы показателей с учётом формирования выручки по мере готовности, структуры затрат, инвестиционного цикла и госрегулирования [3]. Особое внимание следует уделить показателям долгосрочной устойчивости (коэффициент инвестирования, покрытие процентов).

Во-вторых, требуется развитие методов управления дебиторской задолженностью – одной из главных угроз [2]. Использование ABC-анализа и факторинга помогает минимизировать риски наращивания и просрочек [1].

В-третьих, необходимо совершенствование ценообразования и договорной работы: переход на контракты с промежуточными платежами, авансовые схемы, банковские гарантии – это синхронизирует денежные потоки и снижает кассовые разрывы. Важен мониторинг показателей на каждой стадии (СМР, отделка, сдача).

В-четвёртых, требуется внедрение систем раннего предупреждения, позволяющих выявлять критические риски. Разработка системы индикаторов и их пороговых значений (например, контроль соотношения кредиторской и дебиторской задолженности с учётом отсрочек) обеспечит своевременное реагирование [4].

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что финансовая устойчивость строительных компаний – ключевой индикатор их экономической безопасности в силу стратегического значения отрасли и высокой зависимости от внешних и внутренних факторов [6]. Существующие методические подходы (коэффициентный, индикативный, балльно-рейтинговый, нечёткие множества, интегральные модели) имеют как преимущества, так и ограничения, связанные с недостаточным учётом отраслевой специфики.

Перспективные направления совершенствования: адаптация показателей к отраслевым особенностям; усиление управления дебиторской задолженностью; совершенствование договорных отношений; внедрение систем раннего предупреждения. Комплексное применение разных подходов с учётом специфики строительства позволит повысить достоверность оценки финансовой устойчивости и своевременно нейтрализовать угрозы.

Список литературы

1. Шестиперова Е.Ю. Повышение экономической безопасности строительной организации на основе обеспечения финансовой устойчивости: дис.... канд. экон. наук: 5.2.3 / Е.Ю. Шестиперова. – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2026. – URL: http://elib.fa.ru/avtoreferat/Stroitelstvo_diss.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

2. Шестиперова Е.Ю. Повышение экономической безопасности строительной организации на основе обеспечения финансовой устойчивости: автореф. дис.... канд. экон. наук: 5.2.3 / Е.Ю. Шестиперова. – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2025. – 26 с. – URL: http://elib.fa.ru/avtoreferat/Stroitelstvo_diss.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

3. Левченко Т.А. Методический подход к оценке финансового состояния строительных организаций России / Т.А. Левченко, Т.С. Штана // Экономика и бизнес. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-podhod-k-otsenke-finansovogo-sostoyaniya-stroitelnyh-organizatsiy (дата обращения: 06.07.2026).

4. Чаленко Н.Н. Определение индикаторов устойчивости предприятий строительной отрасли / Н.Н. Чаленко // Мир новой экономики. – 2016. – №2. – С. 75–78. – URL: http://elib.fa.ru/art2016/bv1910.pdf (дата обращения: 05.07.2026). EDN WEIMUN

5. Кривошеева В.А. Практические аспекты использования методики анализа финансовой устойчивости в оценке финансового состояния предприятия строительного комплекса / В.А. Кривошеева, Н.М. Баклаева // Молодой учёный. – 2016. – №24(128). – С. 194–197. EDN XAEEAD

Труфанов Никита Андреевич
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ПРОДУКЦИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: *управление качеством продукции в промышленности обычно рассматривается через призму технологии, стандартов и контроля, однако его экономический смысл не менее значим. Предметом работы выступает связь между системой управления качеством и уровнем экономической безопасности предприятия. Объектом анализа выбрано промышленное предприятие как производственная система, в которой качество влияет не только на соответствие продукции требованиям, но и на устойчивость денежных потоков, издержек, деловой репутации и договорной дисциплины. Цель работы состоит в том, чтобы показать, каким образом управление качеством снижает хозяйственные риски и усиливает защищённость предприятия от потерь. В ходе рассмотрения темы были проанализированы нормативные основы технического регулирования и стандартизации, положения ГОСТ Р ИСО 9001-2015, подходы к оценке затрат на качество и публикации по экономической безопасности предприятия. Установлено, что качество нельзя сводить только к функции ОТК: оно связано с процессным управлением, внутренним контролем, управлением рисками, работой с поставщиками и проверкой экономического смысла операций. Показано, что слабая система качества ведёт к браку, переделкам, рекламациям, штрафам, возвратам и искажению управленческих решений. Сделан вывод о том, что устойчивость промышленного предприятия во многом зависит от того, насколько рано выявляются отклонения качества и насколько полно они связываются с финансовыми последствиями.*

Ключевые слова: *качество продукции, экономическая безопасность, промышленное предприятие, риск-ориентированный подход, затраты на качество, внутренний контроль.*

Для промышленного предприятия качество продукции связано не только с потребителем, но и с финансовой устойчивостью. Если продукция не соответствует требованиям,

предприятие теряет сырьё, рабочее время, деньги на переделку, сталкивается с претензиями и риском срыва контрактов. Нормативная база этой сферы строится на требованиях технического регулирования и стандартизации, а в стандарте ГОСТ Р ИСО 9001-2015 качество рассматривается как система процессов, измерений, ответственности и улучшения. В работах по экономической безопасности предприятия устойчивость обычно связывается с эффективным использованием ресурсов, финансовой стабильностью и способностью противостоять угрозам, а в публикациях по качеству подчёркивается связь качества с устойчивостью бизнеса.

Объектом работы выступает промышленное предприятие. Предметом являются управленческие и финансово-экономические отношения, возникающие в процессе обеспечения качества продукции. Цель работы – определить, как управление качеством продукции влияет на экономическую безопасность предприятия. Для достижения цели были поставлены задачи: раскрыть экономический смысл качества, рассмотреть нормативные и методические основы системы качества, выявить каналы возникновения рисков и предложить признаки операций, требующих дополнительной проверки. Гипотеза состоит в том, что снижение угроз экономической безопасности за счёт управления качеством и выявление связанных с ним фиктивных либо экономически необоснованных операций возможны только при комплексном анализе документов, денежных потоков, поведения контрагентов и экономического смысла сделок. Степень изученности темы можно оценить как достаточную по общим подходам и менее разработанную на уровне связки «качество – финансовый риск – экономическая безопасность предприятия».

Методы исследования.

Работа носит теоретико-аналитический характер. Были использованы анализ нормативных источников, анализ научной литературы, сравнительный анализ, обобщение, системный подход, анализ признаков фиктивных операций и финансово-экономический анализ. Рассматривались нормы технического регулирования и стандартизации, требования к системе менеджмента качества, а также подход к затратам на качество как к измеримому экономическому показателю. Эксперимент, опрос и собственная статистическая выборка не проводились. Количественные данные по конкретному предприятию в работе не приводятся, поскольку без внутренней управленческой отчётности такая оценка требует отдельной проверки.

Основная часть.

Система качества на предприятии нужна не только для выпуска «хорошей» продукции. По ГОСТ Р ИСО 9001-2015 и разъяснениям ISO она строится на процессном подходе, риск-ориентированном мышлении, документированной информации, мониторинге, измерении и постоянном улучшении. Иначе говоря, речь идёт о такой организации работы, при которой дефект не просто фиксируется на выходе, а предупреждается на этапе поставки сырья, настройки процесса, распределения ответственности и анализа данных. Для экономической безопасности это принципиально: чем раньше обнаружено отклонение, тем ниже вероятность каскадных потерь по всей цепочке производства и сбыта.

Экономический эффект качества хорошо просматривается через затраты на качество. ASQ выделяет профилактические затраты, затраты на оценку, а также внутренние и внешние потери от несоответствий. К внутренним потерям относятся брак, переделка, списание и анализ причин дефектов; к внешним – гарантийные расходы, возвраты, рекламации и издержки по обслуживанию жалоб. Для промышленного предприятия это означает, что слабое управление качеством бьёт сразу по нескольким контурам безопасности: снижает маржу, ухудшает ликвидность, повышает риск санкций по договору и ослабляет рыночные позиции. Если при этом дефекты маскируются под обычные хозяйственные расходы, руководство получает искажённую картину реального состояния производства.

С правовой стороны предприятие обязано учитывать требования к продукции и подтверждению её соответствия, закреплённые в сфере технического регулирования, а стандартизация направлена на социально-экономическое развитие и упорядочение требований. Поэтому управление качеством в промышленности представляется не отдельной функцией технического отдела, а элементом общей системы защищённости бизнеса. Если качество

рассматривается только как итоговая проверка на выходе, вне поля контроля остаются закупки, поведение поставщиков, достоверность документов, обоснованность скидок, списаний и услуг по доработке. Именно здесь часто и проявляются риски, которые затем переходят из производственной плоскости в финансовую.

Наиболее значимыми выглядят те признаки, которые одновременно затрагивают документы, деньги и поведение контрагентов. По отдельности каждый из них может объясняться обычным производственным сбоем. В совокупности они позволяют отличить разовый дефект от системной проблемы или от экономически сомнительной операции. Именно комплексная оценка даёт предприятию возможность не только снизить потери от брака, но и вовремя заметить фиктивные списания, формальный контроль и слабые места во внутреннем контроле.

Заключение.

Управление качеством продукции следует рассматривать как часть системы экономической безопасности промышленного предприятия. Оно влияет на себестоимость, устойчивость договорных связей, точность управленческой информации и способность предприятия сохранять рыночные позиции. Было установлено, что наибольший эффект достигается тогда, когда качество встроено в бизнес-процессы, а не сводится к финальной проверке готовой продукции.

Практический смысл темы состоит в том, что дефекты продукции почти всегда имеют финансовое продолжение: от скрытых внутренних потерь до прямых претензий со стороны покупателя. Поэтому финансовое расследование в такой сфере требует не только формальной проверки документов, но и анализа реального смысла операций, движения денежных средств и фактического состояния производственных процессов. При таком подходе управление качеством становится не затратной формальностью, а инструментом сохранения устойчивости предприятия.

Список литературы

1. Моденов А.К. Выбор экономически безопасной стратегии предприятия / А.К. Моденов, М.П. Власов // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы: материалы III Региональной научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2022 года) / Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 29–37. – EDN EVSFEB.

2. Моденов А.К. К вопросу влияния конкурентоспособности и риска на экономическую безопасность предприятия / А.К. Моденов, В.В. Усков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, №8–1. – С. 335–341. – DOI 10.34670/AR.2025.88.70.035. – EDN QZMNTK.

3. Усков В.В. Методы оценки влияния импортозамещения на стимулирование развития отечественного производства в РФ / В.В. Усков, Д.А. Дударов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, №9А. – С. 691–698. – DOI 10.34670/AR.2022.28.57.005. EDN UAZALQ

4. Усков В.В. Цифровой реинжиниринг как инструмент повышения конкурентоспособности малых предприятий на глобальных рынках / В.В. Усков, Д.А. Ильина // Московский экономический журнал. – 2025. – Т. 10, №1. – С. 162–171. – DOI 10.55186/2413046X_2025_10_1_11. – EDN WZNJIT.

5. Усков В.В. К вопросу анализа некоторых факторов оценки кредитоспособности и наступления банкротства физических лиц в РФ / В.В. Усков, М.А. Субботина // Человек. Общество. Инклюзия. – 2023. – Т. 14, №3–1 (55). – С. 150–158. – EDN CTOJZL.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Крапчунова Анастасия Юрьевна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

Научный руководитель
Левшиц Дмитрий Юрьевич
канд. юрид. наук, декан

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168580

РАССМОТРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ГЛОБАЛЬНОГО ДОГОВОРА ООН И ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Аннотация: *в статье исследуется трансформация современного корпоративного управления под влиянием десяти принципов Глобального договора ООН. Актуальность исследования обусловлена переходом бизнес-парадигмы от приоритета максимизации прибыли к модели, учитывающей интересы всех заинтересованных сторон, включая работников, потребителей, местные сообщества и государственные органы. Автором применяется комплекс правовых методов, включая историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, а также метод правового моделирования. Это позволяет выявить механизмы имплементации международных стандартов в сферах прав человека, трудовых отношений, экологии и противодействия коррупции. В работе доказано, что, являясь инструментом «мягкого права», принципы Глобального договора служат катализатором внутренних изменений в компаниях и формируют основу для будущих обязывающих нормативных актов. Особое внимание уделяется процессу интеграции принципов на стратегическом уровне, разработке внутренних политик, проведению оценки рисков (due diligence) и механизму корпоративной отчетности (Сообщение о прогрессе). Автор анализирует российский и зарубежный опыт внедрения ESG-стандартов, а также рассматривает правовые аспекты комплаенс-процедур в контексте устойчивого развития. Сделан вывод, что опыт участия в инициативе позволяет компаниям заблаговременно подготовиться к ужесточению ESG-регулирования и получить стратегическое конкурентное преимущество за счет сформированной культуры устойчивого развития и эффективной системы управления рисками. Результаты исследования представляют практическую ценность для специалистов в области корпоративного права, устойчивого развития и ESG-трансформации бизнеса.*

Ключевые слова: *Глобальный договор ООН, корпоративное управление, имплементация, устойчивое развитие, ESG, мягкое право, due diligence.*

1. Теоретико-правовые основы Глобального договора ООН как инструмента «мягкого права».

Современное корпоративное управление эволюционирует от приоритета прибыли акционеров к модели, учитывающей интересы всех заинтересованных сторон. Этот переход стимулируется международными инициативами, среди которых ключевое место занимает Глобальный договор ООН (UN Global Compact). Запущенный в 2000 году, он основан на десяти универсальных принципах в области прав человека, трудовых отношений, экологии и противодействия коррупции.

Как справедливо отмечает Е.В. Гринь, «Глобальный договор ООН представляет собой пример «мягкого права», которое, не имея обязательной юридической силы, тем не менее, оказывает значительное влияние на формирование корпоративных стандартов поведения». Добровольный характер инициативы позволяет компаниям гибко адаптировать принципы к своим условиям.

В этой связи заслуживает внимания позиция А.И. Землина, указывающего на необходимость системного подхода к правовому регулированию в условиях технологической и социальной трансформации. Историко-правовой анализ показывает, что эволюция международных подходов к корпоративной социальной ответственности прошла путь от декларативных заявлений до формирования конкретных механизмов контроля, и Глобальный договор стал важным этапом этого процесса. Принципы Глобального договора должны быть интегрированы в существующую нормативную среду с учетом отраслевой специфики.

Таким образом, на теоретическом уровне можно констатировать, что «мягкое право» Глобального договора выполняет не только регулятивную, но и ценностно-ориентирующую функцию, задавая вектор развития национального корпоративного законодательства и формируя универсальные ориентиры для бизнеса.

2. Имплементация принципов Глобального договора ООН в систему корпоративного управления: *организационно-правовой механизм.*

Имплементация принципов требует интеграции на всех уровнях управления: от утверждения приверженности советом директоров до разработки внутренних политик в области прав человека, деловой этики, экологии и противодействия коррупции.

Ключевой элемент – оценка рисков (due diligence). В соответствии с Руководящими принципами ООН по бизнесу и правам человека, компаниям рекомендуется проводить оценку рисков в своих операциях и цепочках поставок. Принципы также интегрируются в систему внутреннего контроля и комплаенс [1, с. 463]. Особое внимание следует уделять противодействию коррупции, которая представляет собой системную угрозу устойчивому развитию бизнеса.

Завершающий элемент – корпоративная отчетность (Сообщение о прогрессе). Как отмечает А.С. Михеева, «требование о регулярной публикации отчетности трансформирует принципы из декларации о намерениях в инструмент управления».

Следовательно, организационно-правовой механизм имплементации принципов Глобального договора включает четыре взаимосвязанных элемента: стратегическое целеполагание, разработку внутренних политик, оценку рисков и публичную отчетность, что в совокупности формирует замкнутый цикл корпоративного управления устойчивым развитием [2, с. 215].

3. Правовые аспекты due diligence и комплаенс-процедур в контексте ESG-трансформации.

Процедуры due diligence выступают не только как инструмент управления рисками, но и как элемент реализации принципов социальной ответственности. Их применение позволяет минимизировать риски нарушений и формировать устойчивую репутацию компании. Формально-юридический анализ позволяет выделить ключевые правовые признаки due diligence как инструмента корпоративного управления: добровольность применения, системный характер, направленность на выявление и предотвращение рисков [2, с. 220].

Внедрение ESG-стандартов требует пересмотра внутренних нормативных актов и разработки новых политик. Как подчеркивается в исследованиях, эффективное правовое регулирование должно строиться на принципах системности и учета отраслевых особенностей [3, с. 54]. В условиях цифровизации вопросы правового обеспечения безопасности и комплаенса приобретают особую значимость. Требуются новые подходы, основанные на прогнозировании рисков и своевременной адаптации нормативной базы. При этом сравнительно-правовой анализ имплементации принципов Глобального договора в различных правовых системах показывает, что механизмы внедрения ESG-стандартов варьируются в зависимости от уровня развития национального законодательства, степени государственного регулирования и сложившейся корпоративной культуры.

Таким образом, правовое оформление процедур due diligence и комплаенс-контроля является необходимым условием эффективной ESG-трансформации бизнеса, особенно в условиях цифровизации и появления новых технологических рисков.

4. Влияние принципов Глобального договора ООН на развитие национального законодательства и корпоративной культуры.

Несмотря на добровольность, Глобальный договор подготовил почву для более жесткого регулирования. Многие концепции, первоначально закреплённые в актах «мягкого права», постепенно находят отражение в национальных законодательствах и становятся основой для формирования новых правовых институтов [4, с. 157]. Компании, начавшие путь с Глобального договора, оказываются лучше подготовленными к выполнению обязывающих норм [12, с. 40].

Добровольные инициативы выполняют функцию «мягкого» правового регулирования, создавая основу для последующей институционализации новых подходов. Формирование у субъектов корпоративных отношений внутренней мотивации к соблюдению стандартов является не менее важным, чем внешнее принуждение.

Таким образом, принципы Глобального договора ООН являются действенным инструментом модернизации корпоративного управления, обеспечивая трансформацию корпоративной культуры и переход от добровольных к обязательным нормам. Системная интеграция этих принципов создаёт условия для устойчивого развития бизнеса, а накопленный опыт участия в инициативе становится стратегическим преимуществом в условиях ужесточения ESG-регулирования.

Список литературы

1. Агамагомедова С.А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения / С.А. Агамагомедова // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – №4. – С. 460–470. DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470. EDN PNRYZX

2. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. EDN ZFMLLM

3. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22, №1 (110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ

4. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Транспортное право. – 2022. – №4. – С. 13–20. DOI 10.18572/1812-3937-2022-4-13-20. EDN YNLWLS

5. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA

6. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с.

7. Землин А.И. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции / А.И. Землин, Д.А. Колоколова // Военное право. – 2025. – №3 (91). – С. 13–17. EDN DARBAZ

8. Землин А.И. Управление рисками безопасного использования высокоавтоматизированных транспортных средств в мегаполисе: системно-правовой анализ / А.И. Землин, М.А. Матвеева, Е.В. Гоц // Мир транспорта. – 2023. – Т. 21, №3 (106). – С. 115–122. DOI 10.30932/1992-3252-2023-21-3-11. EDN QTZKMJ

9. Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 290 с.

10. Михеева А.С. Нефинансовая отчетность как элемент современной системы корпоративного управления / А.С. Михеева // Правовое поле современной экономики. – 2019. – №12. – С. 34–42.

Паевская Светлана Леонидовна
старший преподаватель
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики»
г. Санкт-Петербург

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье исследуется роль Государственной Думы РФ в обеспечении конституционных прав и свобод граждан. На основе анализа Конституции РФ, федеральных законов и парламентской практики обосновано, что законодательная и контрольная функции ГД РФ служат правовым механизмом реализации конституционных прав. Особое внимание уделено роли комитетов и комиссий в законотворчестве и надзоре, а также значению парламентских запросов и слушаний для выявления нарушений и корректировки правоприменительной практики. Проанализированы ограничения контрольных полномочий и предложены направления совершенствования парламентских процедур.*

Ключевые слова: *гарантии, права, защита, пределы, полномочия, законотворчество, сотрудничество.*

На законодательную власть возлагается создание нормативных гарантий защиты прав личности, контроль за исполнением законодательства со стороны парламента и поддержание взаимодействия между обществом и государством.

Практика Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) показывает, что правомерность ограничения прав возникает лишь при соблюдении законности, пропорциональности и соразмерности; любое государственное вмешательство в область прав граждан допустимо только при строгом соответствии федеральным законам. Такой правовой стандарт придает правоприменению устойчивость и предсказуемость, сдерживает неправомерное использование власти и усиливает доверие общества к государственным институтам.

При обращении к историко-правовому аспекту видно, что даже после закрепления прав в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и федеральных законах речь не идет о безусловном их соблюдении [1]. Для реальной действенности нужна скоординированная работа механизмов реализации и контроля. Полноценная охрана прав складывается лишь там, где законодательные, контрольные и судебные органы действуют согласованно.

Среди них особое положение занимает Государственная Дума Российской Федерации (далее – ГД РФ), соединяя законотворчество с парламентским надзором, она способна оперативно реагировать на обнаруженные нарушения, в случае необходимости вносить поправки в нормативную основу и тем самым обеспечивать правовую защищенность граждан в обстановке ускоренных перемен в социальной, политической и технологической сферах.

К основным гарантиям прав личности причисляют защиту физической и психической неприкосновенности, свободу перемещения, охрану частной жизни, а также обеспечение сохранности чести и достоинства, свободы совести и права на выбор религии. Поскольку данные установления образуют правовую основу, защита должна осуществляться без перерыва через механизмы правоприменения. На практике данное положение проявляется в праве гражданина обратиться в суд для восстановления нарушенного права и в надзорной функции КС РФ, обеспечивающего соблюдение законности [3]. Сужение объема личных прав возможно лишь тогда, когда для него имеется прямое основание в виде федерального закона; одновременно применяемая мера обязана сохранять соразмерность поставленной цели и быть действительно необходимой. На практике именно личные права чаще других выступают полем для правовых столкновений, так, при сопоставлении интереса государства к безопасности и права на защиту частной жизни возникает ситуация, требующая не точечного, а

всестороннего рассмотрения. Поэтому и при подготовке нормативных актов, и при применении нормативных актов требуется комплексная оценка.

Участие в политической сфере выражается в том, что граждане могут влиять на состав органов государственной власти, публично обозначать свои политические позиции, учреждать партии и общественные объединения, а еще голосовать на выборах и референдумах. Результативность такого осуществления во многом связана с деятельностью ГД РФ, через законотворчество, парламентские слушания и контрольные запросы она помогает соблюдению политических свобод и препятствует возможным нарушениям со стороны исполнительной власти. В более широком плане указанные права вовлекают граждан в управление государством, создают устойчивую обратную связь между обществом и органами власти и тем самым укрепляют демократические основы государства.

В правовой сфере, действующей на международном уровне, гарантии базовых свобод и неотъемлемых прав личности выводятся из международных обязательств и предписаний, закрепленных в договорах международного характера, конвенциях и соглашениях. Истоки данной модели лежат в историческом опыте, накопленном международным сообществом в XX веке; он придал ей содержание, соотносимое с ценностями, разделяемыми большинством государств, – свободой, равенством и достоинством человека.

В международно-правовой системе именно на государства возлагается обязанность соблюдать и обеспечивать права и свободы человека. Подобная обязанность имеет двойное содержание, она предполагает и активные меры по охране прав, и воздержание от любых посягательств на них. Закрепление подобного режима осуществляется через договорные предписания и разъяснения профильных международных органов; за счет чего создается юридический фундамент для надзорных процедур и при выявлении нарушений – для применения санкций.

Система международной охраны прав человека строится на двух группах инструментов – тех, что рассчитаны на отдельного заявителя, и тех, что предназначены для коллективного уровня. В первом случае лицо может направить жалобу либо обращение напрямую в международный или региональный орган, что рассматривает такие вопросы. Во втором случае упор делается на гарантировании прав определенных сообществ, в том числе тех, что находятся в уязвимом положении.

Международные договоры служат механизмом сближения и выравнивания правовых предписаний. Например, «Международный пакт о гражданских и политических правах», который закрепляет универсальные ориентиры, обязательные для государств-участников. Так формируется общий правовой контур, а расхождения между национальными правовыми системами становятся менее заметными.

Для защиты, осуществляемой в международно-правовой сфере, главным признаётся её подвижный, изменяемый характер. Результативность действия подобных норм связана с тем, насколько добросовестно соблюдаются процедуры, закреплённые международными инстанциями, в том числе сроки, отведённые для разбора жалоб, и возможность немедленного отклика на нарушения. Быстрый отклик позволяет одновременно восстановить нарушенное право и снизить вероятность повторных посягательств в будущем.

Нормы международного характера нужно включать в систему внутригосударственного законодательства. Для действенного обеспечения прав человека государственным органам надлежит при создании и применении правовых актов сопоставлять свои решения с международными обязательствами; данный подход ведет к сближению внутренних правовых предписаний с принципами международного права.

Практика международных институтов в современный период показывает, что без постоянного наблюдения и проверки того, как исполняются гарантии в сфере базовых прав и свобод личности, правозащитный механизм утрачивает часть своей эффективности. Исследовательские материалы подтверждают, что регулярная оценка того, как государства выполняют взятые на себя международные обязательства, вместе с обнародованием аналитических отчетов и формулированием рекомендаций делает внутреннее правовое устройство более

открытым и более ответственным. Итогом служит то, что государства нередко соотносят свое поведение с нормами международного уровня, а у населения укрепляется уверенность в действующем правопорядке.

Беженцы, дети, лица с ограниченными возможностями и меньшинства находятся в центре международно-правового регулирования, для перечисленных групп действует усиленный режим охраны прав. Международное право задает данный режим через специальные конвенции, протоколы и рекомендации, направленные на пресечение дискриминационного обращения и на гарантирование равного доступа к правам.

В сфере международной охраны личности и ее базовых свобод действует не единичный инструмент, а разветвленный правовой комплекс, в котором соединяются предписания, процедурные правила и контрольно-надзорные средства. Но, одного лишь официального принятия международных документов недостаточно; результат возникает тогда, когда данные положения входят в национальные правовые порядки, на нарушения реагируют без промедления, а действенная защита действует на каждом уровне.

При рассмотрении данной части сквозь призму практического значения прежде всего нужно признать, что закрепленные Конституцией РФ возможности и гарантированные пределы поведения личности и гражданина составляют базовый несущий элемент. При отсутствии данного элемента режим верховенства права не сохраняет прочность. Для того чтобы указанная правовая конструкция действительно функционировала, одного провозглашения недостаточно; необходим согласованный набор нормотворческих, судебно-защитных и надзорных средств. Упорядочение правовых возможностей по группам и видам выступает инструментом навигации в правовой материи, данное упорядочение облегчает выявление несогласованностей и противоречий между правовыми предписаниями, а также создает ясные ориентиры для деятельности ГД РФ как при законотворчестве, так и при осуществлении надзорной функции парламента. Международное закрепление и регулирование прав человека заметно влияет на эволюцию внутренней правовой базы государства; практическая результативность охраны прав граждан связана с тем, насколько общепризнанные международные ориентиры отражены в правовой конструкции Российской Федерации и насколько согласованно действует система государственных институтов.

Конституция РФ закрепляет за ГД РФ статус нижней палаты Федерального Собрания и определяет круг полномочий данного органа [1]. В перечень входят разработка и принятие федеральных законов, парламентский контроль над деятельностью исполнительной власти, а также содействие в обеспечении прав и свобод граждан. Правовую основу работы ГД РФ образуют разделение властей, законность и демократическое представительство. Тем самым достигается согласование законодательной инициативы, исполнительной функции и интересов общества, то есть сохраняется нужный баланс между разными направлениями государственной деятельности. Указанные начала придают парламентской власти легитимный характер и создают условия, при которых задачи законодательного органа могут выполняться поэтапно в демократическом государстве.

Конституция РФ закрепляет статус ГД РФ как коллективного органа – это определяет специфику её работы: решения принимаются при поддержке большинства депутатских голосов [1].

Для сопоставления взаимодействия ГД РФ с прочими органами власти и удобства обзора главные направления и способы можно свести в табличную форму. В таблице 1 зафиксированы центральные органы власти, варианты взаимодействия ГД РФ с ними, функции указанных органов и периодичность взаимодействия.

Таблица 1

Основные формы взаимодействия ГД РФ с органами власти

Орган власти	Форма взаимодействия	Основная функция	Частота взаимодействия
Президент РФ	Рассмотрение инициатив, согласование законов	Координация законодательных инициатив	Постоянно
Правительство РФ	Заслушивание отчётов, консультации, подготовка законопроектов	Исполнение законов, бюджетное планирование	Ежеквартально
Совет Федерации	Согласование законопроектов, консультации	Законодательное одобрение и контроль	Постоянно
Судебные органы	Предоставление заключений по законопроектам	Правовая экспертиза, обеспечение конституционности	По мере необходимости

Исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что между ГД РФ и иными органами власти действует многоуровневая система связи. В ее пределах каждое направление опирается на собственные задачи и инструменты, что позволяет палате результативно реализовывать полномочия и параллельно защищать права граждан. В итоге складываются условия для согласованного продвижения законодательных инициатив, быстрого отклика на общественные запросы и стабильной работы государственных институтов.

Большую роль играет координация ГД РФ с региональными органами власти, она дает возможность при подготовке законопроектов опираться на особенности разных субъектов Федерации и добиваться того, чтобы правовые решения отвечали запросам граждан на местах. Благодаря такому подходу законотворческая работа становится более результативной, а отношение общества к парламенту – более доверительным.

В своей работе ГД РФ опирается на межпарламентское и международное взаимодействие, через него идет взаимный обмен практическими наработками, изучение того, как правовые нормы действуют при применении, а также внедрение более действенных инструментов охраны гражданских прав. Внутреннее регулирование сближается с международными ориентирами, возрастает общепризнанная применимость прав человека, а правовая система приводится в согласие с актуальными запросами времени.

Надлежащим образом выстроенная система контактов ГД РФ с иными органами власти предусматривает сотрудничество без перерывов, надзор, консультационные процедуры и согласование законотворческой работы. Такая модель обеспечивает реализацию конституционных полномочий парламента, выступает в качестве гарантии защиты прав и свобод личности и способствует стабильной и предсказуемой работе государственных институтов.

Таким образом, ГД РФ по своему конституционному положению выступает как постоянно действующий институт, которому принадлежат законодательная и контрольная функции; данная роль в системе публичной власти создаёт условия для воплощения разделения властей, законности и демократического представительства. Реализация конституционных полномочий парламента строится на постоянном взаимодействии ГД РФ с Президентом РФ, Правительством РФ, Советом Федерации РФ и судебными, региональными органами власти; такое сопряжение институтов служит охране прав и свобод граждан, сохранению устойчивости государственной системы и дальнейшему развитию законодательства. Внутреннее устройство – комитеты, комиссии, фракции и регламентные правила – выступает организационной основой, благодаря которой законодательная процедура сохраняет устойчивость, парламентский контроль действует результативно, нормативные акты проходят качественную подготовку [2].

В российской конституционной системе законодательные полномочия ГД РФ выступают правовым механизмом, через который права и свободы граждан, закрепленные в Конституции РФ [1], обретают реальное воплощение. Благодаря указанным полномочиям создается

нормативный каркас, упорядочивающий общественные отношения и задающий способы охраны прав личности. При такой деятельности ГД РФ готовит, рассматривает и принимает федеральные законы, где закрепляются гарантии прав человека в социальной, экономической, политической и культурной сферах.

В законотворческой сфере заметное место занимает право вносить законодательные предложения. Депутаты вправе выдвигать законопроекты и поодиночке, и совместно с комитетами, фракциями либо представителями исполнительной власти [2]. Благодаря такому порядку складывается демократический механизм правового нормотворчества, он дает ГД РФ возможность учитывать запросы широкого круга граждан и политических объединений.

Результативность законодательного процесса во многом задается тем, каким образом выстроен регламент деятельности ГД РФ. Опыт VII–VIII созывов подтвердил, при обновлении процедурной системы, в частности за счет более простого внесения поправок и более быстрого рассмотрения законопроектов, законотворческая работа становится и более оперативной, и более качественной, а контроль за исполнением принятых законов заметно усиливается. Такая схема работы даёт возможность заранее обнаруживать несогласованности и поддерживает надлежащий уровень итоговых законов.

Контрольная функция ГД РФ неразрывно связана с её законотворческими полномочиями. Механизм обратной связи формируется за счёт таких инструментов, как заслушивание отчётов Правительства, мониторинг исполнения законов и анализ практики их применения. Это позволяет своевременно корректировать законодательство и повышать его эффективность.

Среди ключевых законодательных полномочий ГД РФ – принятие федерального бюджета, а также нормативных актов в финансовой и налоговой сферах [2].

Результативность надзорной функции связана не с отдельным эпизодом контроля, а с тем, каким образом устроены внутренняя организация Думы и процедурные правила. Когда комитеты и комиссии действуют на постоянной основе, появляется возможность последовательно разбирать деятельность исполнительных органов, подготавливать экспертные заключения и вырабатывать рекомендации; затем они передаются на обсуждение всей палаты.

В системе правовой охраны контрольные функции выступают как один из базовых гарантийных инструментов, они служат обеспечению конституционно закреплённых прав и свобод граждан. Отдельное место в указанном механизме занимает парламентский контроль, поскольку он позволяет обнаруживать факты несоблюдения законов, посягательства на права граждан и неправомерного использования полномочий. За счёт такого контроля возникают инструменты незамедлительного реагирования и укрепляется общественное доверие к государственным институтам.

Под воздействием контрольных мер ГД РФ исполнительная власть, оказывается направленной на надлежащее исполнение своих обязанностей и соблюдение действующих законов и нормативных актов.

При осуществлении контрольных полномочий оценивается, каким образом исполняются федеральный бюджет и государственные программы.

Основу функционирования ГД РФ образуют комитеты и комиссии: через них проходят законотворческие предложения и реализуется механизм парламентского контроля. Задача этих звеньев – детально прорабатывать отдельные отрасли законодательства, готовить проекты нормативных актов, осуществлять экспертную оценку и отслеживать эффективность работы исполнительной власти. Когда в комитетах и комиссиях сосредоточены профильные знания и практический опыт, рассмотрение вопросов идет на более высоком уровне, а решения получают заметно более высокое качество. Львиная доля контрольной работы ГД РФ приходится на профильные комитеты и комиссии. Они изучают законопроекты, принимают к рассмотрению доклады, поступающие от исполнительной ветви власти, и готовят предложения для пленарного обсуждения. Такая организация делает надзор более упорядоченным и позволяет на ранней стадии замечать нарушения, а еще лакуны в правовом регулировании [2].

В ГД РФ каждому комитету и каждой комиссии установлен собственный набор полномочий и отдельный круг обязанностей. Такое разграничение не допускает повторения одних и тех же функций, а порядок деятельности выглядит более открытым. По сроку существования комитеты делятся на две категории, одни работают в течение всего созыва, другие создаются лишь для рассмотрения конкретного вопроса. Данная схема повышает оперативность и эффективность работы ГД РФ. В таблице 2 собраны комитеты ГД РФ, указаны функциональные направления и перечислены задачи, реализуемые в законотворческой и контрольной деятельности.

Таблица 2

Основные комитеты и комиссии Государственной Думы РФ и их функции

Комитет/комиссия	Функциональное направление	Основные задачи
Комитет по законодательству	Разработка правовой базы	Подготовка законопроектов, правовая экспертиза
Комитет по бюджету и налогам	Финансы и экономика	Анализ бюджета, контроль расходов, налоговая политика
Комитет по социальной политике	Социальные и трудовые права	Разработка законов о соцзащите, трудовых правах
Комитет по безопасности	Обеспечение законности и правопорядка	Контроль за деятельностью органов исполнительной власти
Временные комиссии	Специфические вопросы	Анализ и подготовка рекомендаций по отдельным вопросам

Из таблицы видно, что комитеты и комиссии выступают в роли элементов внутренней организации ГД РФ, на них возлагается более детальный разбор вопросов, а потому достигаются разделение направлений работы и упорядоченность в законодательной деятельности и при осуществлении контрольных функций.

При работе с законопроектами высокой комплексности, требующими специальных технических знаний, основная нагрузка ложится на комитеты и комиссии. На заседаниях комитетов и комиссий проводится экспертная оценка инициатив, разбираются отдельные положения и готовятся предложения для вынесения на пленарное заседание [2]. Благодаря такой процедуре правовая база становится качественнее, а риск ошибок заметно уменьшается.

В механизме согласования между парламентом и иными публичными институтами комитеты выполняют связующую и организующую роль. Регулярное взаимодействие комитетов с федеральными министерствами, органами исполнительной власти субъектов РФ, правоохранительными и судебными органами, а также международными организациями позволяет сформировать информационную базу, необходимую для разработки законопроектов и реализации парламентского контроля. При такой модели совместной работы решения оцениваются не только по реальным результатам, но и с учетом того, насколько результативен действующий в настоящий момент нормативный массив; одновременно удается выявлять затруднения, возникающие при использовании правовых норм. Для выработки обоснованной позиции комитеты направляют официальные запросы, проводят рабочие совещания и организуют консультационные встречи с экспертами и сотрудниками ведомств соответствующего профиля, за счет чего рассмотрение затрагиваемых вопросов получает всесторонний характер.

Важнейшим направлением деятельности комитетов выступает взаимодействие с региональными органами власти. Именно на уровне субъектов Федерации особенно наглядно видны проблемы, возникающие при реализации федерального законодательства [2].

Данный механизм позволяет ГД РФ не ограничиваться исключительно нормотворческой деятельностью: палата осуществляет мониторинг правоприменительной практики, что способствует обеспечению соблюдения конституционных прав граждан на всех уровнях публичной власти. Основание для такого подхода создают комитеты и комиссии ГД РФ, они берут на себя работу по обобщению сведений, упорядочивают поступающие данные, затем

проверяют, насколько результативно исполняются федеральные законы, после чего формулируют предложения по устранению выявленных нарушений. Далее накопленные итоги используют при подготовке парламентских слушаний, внесении изменений в законодательство и организации контрольных мероприятий.

Законодательная компетенция ГД РФ играет ключевую роль в механизме обеспечения конституционных прав граждан: именно посредством принятия федеральных законов закладывается правовая база для защиты прав и свобод личности. Равновесие между ветвями государственной власти сохраняется, когда ГД РФ применяет контрольные полномочия для последовательного наблюдения за работой органов исполнительной власти и оперативного выявления нарушений законодательства.

В ГД РФ поэтапно выстроенная законодательная процедура обеспечивает подготовку правовых решений, отвечающих запросам общества и служащих практическому воплощению конституционных прав граждан; она поднимает уровень законодательства.

Правоприменительная динамика подтверждает, акты, принимаемые ГД РФ, способны заметно менять социальное поведение и правовую действительность граждан. После начала действия изменений, внесенных в Федеральный закон №323-ФЗ [4], статистика по обращениям за медицинской помощью в сфере репродуктивных прав поднялась более чем на 15% [6]. Прирост указывает на практическую результативность законотворческой работы и показывает прямое укрепление охраны конституционных прав.

Охрана трудовых прав занимает заметное место среди приоритетов законотворческой работы. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» устанавливает правовой режим трудоустройства, гарантии для работников и меры поддержки безработных. После рассмотрения обращений граждан, поступающих в органы занятости, выясняется, более 60% таких обращений связаны с проверкой соблюдения положений данного акта; тем самым подтверждаются его прикладная востребованность и потребность в постоянном контроле за исполнением [5].

При поступлении сигналов о проблемах в сфере муниципального управления либо о посягательствах на права, совершенных на территории субъектов Федерации, материалы направляют в специализированные комитеты, где проводится изучение и формулируются предложения. За счет такого подхода учитывается специфика территории, а отклик на местные случаи ущемления прав ускоряется.

Статистика позволяет оценить результативность обработки обращений граждан, по данным проверки, по более чем 70% жалоб ответ дается без нарушения установленного срока. Одновременно предложения, вырабатываемые комитетами Думы, служат механизмом корректировки правоприменительной практики и ведут к повышению качества государственных услуг [6].

На практике именно рассмотрение жалоб и обращений граждан позволяет ГД РФ оперативно отвечать на проблемы, с которыми сталкиваются люди, и параллельно выявлять правовые противоречия, требующие устранения. Такой порядок служит не только формой контроля за соблюдением конституционных прав, но и основанием для законодательной инициативы, а еще для обновления нормативной базы. Тем самым права и свободы получают не декларативную, а действующую защиту.

Депутаты ГД РФ участвуют в законотворческой работе прежде всего через подготовку и последующее воплощение законодательной инициативы [2]. По данной причине правовое регулирование может соотноситься с запросами разных социальных групп и с интересами граждан в целом. Подобный порядок поддерживает согласование между законодательной и исполнительной властью, не допуская смещения равновесия в пользу одной из сторон. Итогом становится более тщательный, содержательно охватывающий множество аспектов процесс принятия законов.

Депутатская активность может воплощаться в двух формах, через выдвижение новых проектов нормативных актов и через подготовку изменений к уже действующим правовым нормам [2]. Подобные шаги служат делу упорядочивания системы регулирования, снятия

обнаруженных юридических противоречий и более надежного обеспечения конституционных прав граждан.

В сфере нормотворчества парламентарии нередко прибегают к праву внесения проектов, направляя его на области, обладающие общественной значимостью. За последние годы крупный массив инициатив был посвящен расширению объема правовых гарантий для граждан в здравоохранении, социальной защите и трудовых отношениях. Исходя из вышеизложенного видно, что запрос общества на действенную охрану своих интересов остается весьма заметным.

Любые ограничения, затрагивающие права и свободы граждан должны быть соразмерными. С помощью контрольных инструментов, в том числе запросов и слушаний, удается выявлять случаи несоразмерного вмешательства, оценивать результативность принимаемых мер и формулировать предложения по исправлению нарушений; тем самым сохраняется равновесие между публичными интересами государства и принадлежащими гражданам правами.

В таблице 3 содержится перечень типов запросов, ведомства исполнительной ветви власти, уполномоченные на изучение запросов, и выводы по итогам рассмотрения.

Таблица 3

Основные направления парламентских запросов и слушаний ГД РФ

Сфера запроса	Орган исполнительной власти	Основные результаты рассмотрения	Частота рассмотрения
Социальная защита	Министерство труда	Рекомендации по улучшению выплат и льгот	Ежеквартально
Здравоохранение	Министерство здравоохранения	Анализ доступности медицинской помощи	Ежегодно
Образование	Министерство науки и образования	Рекомендации по образовательным программам	По мере необходимости
Трудовые права	Федеральная служба по труду	Контроль соблюдения трудового законодательства	Ежеквартально

Главный акцент – охрана самых уязвимых слоев общества. Парламентские слушания и запросы дают возможность выявлять пробелы в исполнении правовых актов, направленных на поддержку инвалидов, ветеранов, семей, воспитывающих детей и иных граждан; по этой причине надзор приносит более высокую отдачу, а системе нормативного регулирования удается оперативно получать нужные поправки. Разбор жалоб и обращений, поступающих от граждан, повышает открытость работы государственных органов. Совокупность указанных мер позволяет обнаруживать нарушения и расхождения в правоприменении.

Временные комиссии выполняют функцию парламентского контроля в сфере соблюдения конституционных прав и свобод граждан. В рамках этой деятельности они проводят анализ судебной практики, сопоставляют правовые позиции конституционных и региональных судов, выявляют противоречия в действующих нормативных актах и формируют предложения по корректировке законодательства [2].

В таблице 4 показаны сферы деятельности временных комиссий, органы, участвующие во взаимодействии, и главные результаты деятельности комиссий.

Таблица 4

Направления работы временных комиссий ГД РФ

Область работы	Органы взаимодействия	Основные результаты работы	Период деятельности
1	*2*	*3*	*4*
Защита прав национальных меньшинств	Органы местного самоуправления	Выявлены системные проблемы, разработаны рекомендации	2000–2003 гг.

Окончание таблицы 4

1	*2*	*3*	*4*
Контроль исполнения законов	Министерства и ведомства	Подготовка отчётов, предложения по корректировке законов	По мере необходимости
Мониторинг судебной практики	Конституционный Суд РФ, региональные суды	Анализ решений, выявление коллизий, рекомендации	По мере необходимости
Социальная защита населения	Социальные службы и НКО	Подготовка рекомендаций по улучшению программ	2018–2021 гг.

Когда возникают новые управленческие задачи, временные комиссии служат механизмом, который обеспечивает быстрое приспособление к ним и помогает вырабатывать предложения для законодательной и исполнительной власти. За счёт такой работы деятельность органов власти делается более открытой, а практическое осуществление гражданских прав – более качественным.

В ходе этой работы приоритет отводится тому, как нормы действуют на практике. Комиссии изучают вынесенные судебные акты и конфликтные ситуации, сопоставляют положения федерального законодательства с региональными актами и, обнаружив расхождения, готовят предложения по устранению нарушений.

В результате формируется комплексная модель защиты прав и законных интересов граждан, а качество законодательной и контрольной деятельности парламента существенно повышается.

Сотрудничество ГД РФ с КС РФ и Уполномоченным по правам человека выстраивает целостный и многоаспектный механизм надзора. Нарушения обнаруживаются без промедления, законодательные решения удается уточнять еще до их принятия, уровень правовой защиты граждан возрастает, а доверие общества к институтам власти укрепляется.

Парламентский контроль в системе ГД РФ выполняет в первую очередь связующую функцию, через него законодательная и исполнительная ветви получают надежный канал обратной связи. Благодаря подобному средству становятся заметны изъяны в том, как нормы претворяются в жизнь, а выявленные несоответствия дают возможность без промедления откорректировать правоприменение. Поэтому мерилом результативности контрольной работы служит не одна лишь статистика по слушаниям, депутатским запросам и обращениям граждан, а прежде всего то, в какой степени удаётся обеспечить соблюдение и защиту прав, закреплённых Конституцией РФ [1].

Заметное воздействие парламентского контроля проявляется прежде всего в том, что растет качество применения правовых норм и улучшается уровень услуг, предоставляемых государственным аппаратом. За пятилетний период исследование деятельности комиссий, созданных на временной основе, показало, что свыше 70% инициатив Думы нашли практическое воплощение в работе как федеральных, так и региональных органов власти [5]. Из этого видно, мерилом результативности выступает степень отклика исполнительных органов на выводы и рекомендации, подготовленные по итогам парламентских слушаний, организованных парламентом, и запросов. При оценке результативности деятельности во внимание принимают и то, насколько качественны решения, вырабатываемые после проведения контроля.

Эффективность контрольной работы наглядно проявляется в правовых и социальных результатах. Так, по итогам слушаний, проведённых Комитетом по социальной политике, были скорректированы нормы Федерального закона «О социальной поддержке семей» и закона «О пенсионном обеспечении».

Хотя на стадии законопроектной работы международно-правовые предписания задействованы довольно активно, согласовать федеральные нормативные решения с международно-правовыми обязанностями удается не во всех случаях. Из-за чего возрастает риск нормативных противоречий и связанных с ними ограничений, а подобная ситуация способна ослабить практическую реализацию прав граждан.

Разбор обращений жителей показывает, большая часть поступающих материалов требует одновременной проверки по нескольким направлениям, привлечения специалистов соответствующего профиля и согласованной работы разных ведомств. Когда по таким обращениям допускается промедление, у населения ослабевает вера в государственные институты, а результативность правовой защиты снижается; поэтому процедуры нужно дорабатывать, а материально-организационное обеспечение – усиливать.

У ряда законопроектов, затрагивающих права социально-экономического характера, вопрос контроля за исполнением прописан не в полной мере.

За последние годы общественное обсуждение проектов законов, затрагивающих социальную поддержку, медицинское обеспечение и трудовые права граждан, встречается заметно чаще; именно такой сдвиг указывает на то, что гражданское общество сегодня играет все более весомую роль в политико-правовой сфере. Одновременно на появление законодательных инициатив ощутимо воздействует социально-политическая вовлеченность населения, при росте числа обращений граждан, при участии общественных организаций в обсуждении законопроектов и при высокой активности экспертного сообщества содержание будущих правовых предложений меняется под воздействием названных факторов.

Когда речь идёт о проектах нормативных актов, предполагающих сужение либо, наоборот, расширение отдельных правомочий и свобод, на первый план выходит политическая составляющая. В подобной плоскости на передний план выходит согласованность публичных интересов государства с требованиями, вытекающими из уважения к правам человека. На практике подобные инициативы почти всегда превращаются в предмет оживлённого политического спора; к обсуждению указанных инициатив подключаются общественные объединения и профессиональные экспертные структуры, что указывает на высокий общественный отклик по данной теме.

Говорить о повышении качества нормотворческой работы и практики применения права можно лишь тогда, когда принимается во внимание политико-организационная среда, в пределах которой действует государство.

Устойчивость законодательного регулирования, по мнению автора, напрямую связана с согласованностью работы государственных институтов, устойчивостью политического устройства и уровнем продуманности и последовательности правовой политики, проводимой органами власти.

Законодательная деятельность ГД РФ находится под заметным воздействием внешнего политико-правового контекста, международные обязательства России, участие в межгосударственных соглашениях и ориентир на международные стандарты прав человека влияют на содержание принимаемых законов. Когда внешнеполитическая ситуация обостряется, усиливается склонность к более строгой настройке отдельных правовых механизмов. Поэтому законодатель неизбежно сталкивается с задачей согласовать обеспечение государственной безопасности с соблюдением конституционных прав граждан.

В парламентской практике последних месяцев четко заметна связь темпа работы над нормативными предложениями с политической обстановкой. Когда проект затрагивает вопросы с повышенной общественно-государственной чувствительностью, его рассматривают быстрее стандартного и комитеты с фракциями уделяют ему больше внимания. Особенно ясно такая схема проявляется там, где речь идет о мерах социальной поддержки граждан, о правовом упорядочении информационной среды и о задачах, связанных с защитой национальной безопасности.

Развитие парламентской работы не может оцениваться вне политической среды, где действует государство, поскольку именно она задает пределы и возможности для такой деятельности. Одновременно сохранение равновесия между публичными интересами и защитой прав человека рассматривается как необходимое условие дальнейшего совершенствования парламента. В такой логике политические факторы можно считать определяющим звеном, от него зависит результативность ГД РФ в обеспечении конституционных прав граждан. Воздействие политических факторов распространяется на расстановку законодательных

акцентов, на построение парламентского контроля, на формат отношений с исполнительной властью и на уровень правоприменения.

Когда к созданию законов подключается научная среда, ГД РФ получает более выверенный инструмент для юридической проверки проектов законов, для предварительной оценки их общественных последствий и для обнаружения вероятных правовых противоречий уже на этапе подготовки нормативных актов. Со своей стороны, исследовательские выводы и экспертные материалы служат парламентским комитетам опорой при учете текущих направлений изменения общества и при корректировке законодательства под реальные запросы государства и граждан.

Сотрудничество с институтами гражданского общества здесь несет немалую функцию. На публичных слушаниях, при рассмотрении законопроектов и во время экспертных консультаций свои позиции заявляют представители профессиональных объединений, правозащитных структур и некоммерческих организаций.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.07.2026).

2. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: принят Постановлением ГД ФС РФ №2134-II ГД от 22.01.1998. – URL: https://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/ (дата обращения: 26.07.2026).

3. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» №1-ФКЗ от 21.07.1994. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172 (дата обращения: 26.07.2026).

4. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» №323-ФЗ от 21.11.2011. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 26.07.2026).

5. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» №1032–1 от 19.04.1991. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 26.07.2026).

6. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 26.07.2026).

Постриганов Евгений Александрович
канд. полит. наук, доцент
Дальневосточный юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
г. Владивосток, Приморский край

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация: *в статье анализируется современное реформирование местного самоуправления в России в связи с принятием нового закона, усиливающего контроль региональных властей над муниципальными, что возвращает систему к советской модели подчинения. Выявлены исторические факторы, снижавшие самостоятельность местной власти: низкая грамотность, занятость в натуральном хозяйстве, продовольственный кризис 1927 г., мобилизационная политика, усиление партийного контроля после 1953 г., экономическая неготовность населения к участию в управлении.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальное управление, механизм государства, муниципальное право, диктатура пролетариата, партийный аппарат, Власть Советов, СССР, РСФСР.*

В настоящее время Россия находится в процессе очередного реформирования муниципально-правовых отношений. Нынешний этап развития российского местного самоуправления концентрирует в себе все сложнейшие социально-экономические и политические проблемы переходного периода, поиска собственных путей развития, отражает его

противоречивость, незавершённость и неопределённость многих процессов и решений. Принятый в марте 2025 года новый закон о местном самоуправлении «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [1] запустил очередной этап в развитии местного самоуправления Российской Федерации, в котором государственные органы власти, прежде всего органы государственной власти субъектов Российской Федерации, приобретают формально-юридический контроль за органами муниципальной власти и, прежде всего, подчиняют себе глав муниципальных образований. Данный механизм приходит на смену формальной независимости местного самоуправления от государственных органов, существующих независимо от них в пределах своих полномочий и реализующих свои задачи с целью решения «вопросов местного значения» [2]. Данный этап в развитии местной власти, как движение маятника, возвращает нас к советскому и досоветскому периоду, когда отдельные элементы самостоятельности местных органов управления существовали в общем механизме полного подчинения вышестоящим органам власти.

Особенностью развития местной власти в советский период было то, что вопрос о самоуправлении решался в двух аспектах. Во-первых, демократия и самоуправление начинались с трудовых коллективов, потому что в основе механизма управления на этапе формирования советской государственной системы (20–30-е годы XX века) лежал производственный принцип. Поскольку, по мнению В.И. Ленина (Ульянова), реальная демократия возможна только в условиях преобладания большинства над меньшинством, причём большинства работающего. Поэтому у истоков процесса принятия государственных решений должны стоять трудящиеся массы, а это прежде всего трудовые коллективы, обладающие коллективистским самосознанием. Так, в предисловии к работе В.И. Ленина «Государство и революция» говорится о том, что большая часть народа получает возможность влиять на государственную власть посредством «диктатуры пролетариата…» [3]. Только в этом случае, по мнению В.И. Ленина, возможно публичную власть заставить действовать в интересах народа [4, с. 364].

Вопрос личного участия населения в управлении государством ставился с самого начала существования советского государства. И не просто трудящихся, а трудящихся, способных осознать собственную ответственность за свои действия и поступки, тех, кого Ленин называл пролетариатом, который будет способен понять последствия своих действий, а в случае ошибок признать их и способствовать исправлению.

В условиях реализации политических идей в структуре органов публичного управления советского государства постоянно происходит трансформация и органов публичного управления. Меняются названия основных органов власти – Советов. В Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР) 1925 года – это «Советы рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов» [5]. В Конституции Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) это уже «Советы депутатов трудящихся» [6]. Наконец, в Основном Законе РСФСР 1978 года – «Советы народных депутатов» [7]. При этом статья 2 Конституции 1978 года прямо указывает на их (Советов) основную роль в вопросе распределения полномочий между органами публичной власти: «Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов… Все другие государственные органы подконтрольны и подотчётны Советам народных депутатов» [7].

Конечно, изменения, произошедшие с Советами, могут говорить о их своеобразном выхолащивании, унификации как в наименовании, так и во внутреннем содержании, поскольку в процессе развития государства происходит потеря его революционности в пользу общенародности. На передний план выходит необходимость наполнения этих органов внутренним содержанием, способностью учитывать многочисленные требования и потребности, наполнять государственной значимостью.

Любой государственный орган, а если точнее – публичное лицо, обязано нести ответственность за свои действия и принимаемые решения. Если за действия назначаемого должностного лица обязан спросить его непосредственный руководитель, то лицо, избираемое в органы публичной власти, в советский период имело также вполне конкретного руководителя. И это были

те, кто его избрал. Это были вполне конкретные избиратели конкретного избирательного округа, которые приходили на конкретные избирательные участки в день голосования. Избиратели в советский период обладали вполне конкретным правом и механизмом оказания воздействия на депутата – правом досрочного отзыва депутата. Советское избирательное законодательство имело примеры досрочного отзыва депутатов и, прежде всего, отзыва депутатов городских советов [8]. Лишиться мандата можно было либо за «пассивное» поведение (невыполнение наказов избирателей), либо за невыполнение заданий совета [8].

В данной ситуации депутат зависел от избирателей, но избиратели могли в любой момент посчитать действия депутата несоответствующими требованиям и лишить депутата полномочий. Но в этом случае сами избиратели должны быть ответственными и активными хотя бы для посещения собраний, встреч и так далее.

Органы государственной власти, представляющие интересы избирателей, по своей природе обязаны соблюдать и согласовывать многочисленные интересы и, прежде всего, интересы избирателей. Заставить депутатов действовать в интересах избирателей могли только сами граждане, причём граждане, обладающие гражданской активностью. Какие же факторы способны повысить гражданскую активность населения или, наоборот, свести её на нет?

К сожалению, трудности внутреннего и внешнего характера, существовавшие на протяжении всего существования советского государства, не способствовали реализации этих во многом идеалистических идей и первых попыток их реализации. Можно выделить следующие факторы, влиявшие на снижение значимости местной власти в глазах граждан.

1. Одним из важных факторов, способствующих повышению гражданской активности, можно выделить уровень общего образования, которое может способствовать подготовке и осуществлению политической активности. Уровень грамотности в России в конце первой трети XX века продолжал оставаться весьма низким. Так, в 20-е годы XX века законченным средним и высшим образованием обладали не более 10% населения [9, с. 119].

2. В 20-е годы XX века большая часть населения СССР продолжала оставаться занятой сельскохозяйственным трудом и вела натуральное хозяйство. Будучи малоземельными, крестьянские хозяйства в большинстве своём не имели экономической возможности и не желали переходить к товарному производству.

3. Не имея экономической возможности для механизации производства, сельское хозяйство СССР в 20-е годы XX века не могло увеличить поставки сельскохозяйственной продукции на рынок. Как следствие, к 1927 году возникли проблемы с обеспечением городов продовольствием [10].

4. Политика мобилизации в городе (индустриализация), в деревне (коллективизация), собственно сама мобилизация в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления хозяйства способствовали концентрации внимания населения на производственной деятельности в условиях снижения уровня жизни и необходимости физического выживания.

5. Наконец, политика, проводимая в государстве после марта 1953 года, способствовала укреплению власти партийного аппарата, прежде всего усилению контроля партии за процессами в экономике, что привело практически к полному подчинению государственных органов. В этих условиях говорить о какой-либо самостоятельности местных органов власти вообще и советов в частности не представляется возможным.

6. Экономическая неготовность и психологическая неспособность большинства населения связывать участие в деятельности местной власти со своим уровнем доходов и благосостоянием. Это, в свою очередь, приводит к тому, что во власть идут либо политические авантюристы, либо те, кто стремится за счёт властных полномочий повысить материальное положение своё и своего окружения.

Любой механизм государственного управления, как и система его нормативного обеспечения, зависит от факторов внутреннего и внешнего характера, оказывающих влияние на процесс взаимоотношений между гражданами государства в конкретный момент времени.

Затянувшаяся реформа местного самоуправления в современной России является следствием, в том числе и указанных выше факторов, которые необходимо учитывать в настоящее время.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» принят Гос. Думой 20.03.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №12. – Ст. 1200.

2. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» принят Гос. Думой 06.10.2003 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – №40. – Ст. 3822.

3. Ленин В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 33. – URL: http://www.uaio.ru/vil/33.htm (дата обращения: 23.06.2026).

4. Ленин В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 32. – URL: http://www.uaio.ru/vil/32.htm (дата обращения: 23.06.2026).

5. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1925 года. – URL: https://k.rsfsr.su/1925/1.pdf (дата обращения: 23.06.2026).

6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 23.06.2026).

7. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1925 года. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/ (дата обращения: 23.06.2026).

8. Положение о городских советах: постановление ВЦИК от 20.01.1933 // СУ РСФСР. – 1933. – №29. – Ст. 103.

9. Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР: историко-статистические очерки / И.М. Богданов. – М.: Статистика, 1964. – 195 с.

10. Васильев А.А. Продовольственный вопрос в аграрной политике Советского государства: опыт решения в период НЭПа (на материалах областей Поволжья): автореф. дис.... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.А. Васильев. – Саратов, 2009. – 44 с. EDN ZNYVDN

Супрун Нелли Геннадьевна
канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
г. Магнитогорск, Челябинская область

ПОНЯТИЕ СЕМЬИ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСТАВЩИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы применения термина «семья» в нормативно-правовых актах социального обслуживания и социальной защиты. Выявляются проблемы согласования терминологии как со стороны государства, так и со стороны непосредственных поставщиков социальных услуг, проводится анализ норм, содержащих толкование базовых и производных терминов в сфере социального обслуживания «обычных» семей.*

Ключевые слова: *нормативно-правовой анализ, система социальной защиты, гражданин, семья, социальная защита, социальное обслуживание, социальное обеспечение.*

Российская Федерация позиционирует себя как государство с ярко выраженной социальной направленностью. В седьмой статье первой главы Конституции РФ закреплено, что политика страны ориентирована на формирование условий для достойной жизни людей и их всестороннего развития. Достижение целей социальной политики признается одной из ключевых стратегических задач государства. Особое место в этом направлении отведено поддержке института семьи и детства, что находит отражение в ряде приоритетных национальных проектов.

В центре современной государственной социальной политики – помощь семье, материнству и детству, что призвано смягчить острые демографические и социальные проблемы. Основной упор традиционно делается на материальное стимулирование: различные пособия, компенсации, регулярные выплаты и иные меры финансовой поддержки.

Вместе с тем правовое регулирование социального обслуживания семей с детьми остается недостаточно проработанным. Как справедливо отмечают исследователи (Шайхатдинов В.Ш., Ивашкина Ю.Ю., Храмцов А.Б., Боженов М.А., Волков К.В., Еремин Е.В., Дебердеев Р.И., Мирошниченко В.С.), в этой сфере существует множество законодательных пробелов. В научной литературе поднимаются вопросы о содержании ключевых понятий («социальное обслуживание», «социальная защита», «социальная поддержка», «социальная помощь», «социальное обеспечение»), о структурной организации обслуживания, о разграничении полномочий между федеральным центром и регионами, а также о месте норм, регулирующих соцобслуживание, в общей системе отрасли права социального обеспечения.

В российском законодательстве термин «социальная защита» употребляется как собирательный, объединяющий социальную помощь, обслуживание, обеспечение и поддержку. Провести строгую грань между понятиями «социальная помощь» и «социальная поддержка» достаточно сложно, хотя такая дифференциация актуальна для правоприменительной практики.

Государственная социальная помощь, согласно Федеральному закону №178-ФЗ от 17.07.1999, адресована малоимущим семьям, одиноким гражданам и некоторым другим категориям населения. Она может выражаться в виде социальных пособий, доплат к пенсиям, субсидий, предоставления социальных услуг или необходимых товаров. Социальная поддержка представляет собой комплекс мер по реализации социальных гарантий для отдельных групп граждан (исключая пенсионное обеспечение). Социальное обслуживание же понимается как деятельность по предоставлению социальных услуг.

Данную деятельность регламентирует Федеральный закон №442-ФЗ от 28.12.2013 (вступил в силу с 1 января 2015 года). Согласно этому документу, получателем услуг может стать гражданин, признанный нуждающимся в социальном обслуживании. Примечательно, что в нормативной терминологии отсутствует понятие «социальное обслуживание семьи» как системная деятельность по оказанию услуг именно семье. Однако на практике такое обслуживание ведется, например, в отношении семей, состоящих на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении или трудной жизненной ситуации. К многодетным и малообеспеченным семьям термин «обслуживание» также применяется, но зачастую под ним подразумевается не предоставление услуг по 442-ФЗ, а выплата льгот, пособий и субсидий (то есть меры социальной поддержки).

Иными словами, законодательство допускает полноценное социальное обслуживание лишь для отдельных категорий семей с детьми (в частности, тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении). Для таких семей разрабатывается индивидуальная программа предоставления услуг, и помощь оказывается комплексно, несмотря на отсутствие в законе термина «обслуживание семьи». Остальные категории получают лишь отдельные меры социальной поддержки.

Современные российские семьи сталкиваются с целым спектром проблем: жилищная неустроенность, финансовые трудности, психоэмоциональное напряжение, асоциальное поведение, внутрисемейное насилие. Очевидно, что необходимо развивать систему социальной поддержки и помощи семье, поскольку многие домохозяйства не способны справиться с этими проблемами самостоятельно, и доверие населения к социальным службам неуклонно растет.

Семья традиционно понимается как малая социальная группа, основанная на браке или родстве, объединяющая совместно проживающих людей, ведущих общее хозяйство (родители, дети, супруги, братья, сестры и пр.). Однако важно посмотреть, как этот термин раскрывается в нормативных актах системы социальной защиты.

Ключевым документом выступает закон №442-ФЗ. В его статье 3, где перечислены основные понятия, определение «семья» отсутствует (получателем услуги назван гражданин). Сам термин несколько раз упоминается в статье 20 (в контексте помощи семье в воспитании детей), но четкого определения не дается. В законе №178-ФЗ также нет дефиниции «семья», хотя малоимущая семья прямо названа объектом госпомощи. В законе №120-ФЗ дается лишь определение семьи, находящейся в социально опасном положении, – как семьи, где родители не исполняют обязанности по воспитанию детей или жестоко обращаются с ними. Парадоксально, но даже Семейный

кодекс не содержит легального определения семьи. Ученые объясняют это тем, что семья – прежде всего социальный, а уже затем правовой феномен.

Подзаконные акты, например, Постановление Правительства Челябинской области №546-П, также не дают определения семьи, оперируя понятиями «социально опасное положение» и «трудная жизненная ситуация» применительно к несовершеннолетним. Обратимся к национальным стандартам: ГОСТ Р 52495-2005 определяет семью как лиц, связанных родством или свойством, совместно проживающих и ведущих общее хозяйство. Там же перечислены типы: неполная, малообеспеченная, многодетная, семья в СОП. Однако это определение сложно назвать практико-ориентированным. ГОСТ Р 52885-2013 и ГОСТ Р 53063-2014 в вопросах терминологии отсылают к ГОСТ Р 52495.

Анализ нормативной базы показывает, что в фокусе внимания органов соцзащиты оказываются лишь определенные категории семей: малообеспеченные, многодетные, неполные, находящиеся в социально опасном положении. Объединяющий признак всех этих категорий – наличие несовершеннолетнего ребенка. Услуги предоставляются либо непосредственно детям, либо детям вместе с родителями. Таким образом, государство получает право вмешиваться в семейные отношения только при риске нарушения прав ребенка или угрозе неприкосновенности частной жизни. Следовательно, в контексте социальной защиты под «семьей» следует понимать не любую родственную группу, проживающую совместно, а группу, в которой есть несовершеннолетние дети.

На всех уровнях исполнительной власти назрела необходимость внедрения новых подходов к социальной работе с семьей. Защита интересов ребенка будет значительно эффективнее, если профилактическая работа начнется не на этапе борьбы с уже сложившимися неблагоприятными обстоятельствами, а до их возникновения. Одним из таких обстоятельств закон (ст. 15 №442-ФЗ) называет внутрисемейный конфликт.

В 2022 году Минтруд России совместно с Фондом поддержки детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, запустил пилотный проект по созданию Семейных многофункциональных центров (СМФЦ) в регионах. Это не просто новый тип учреждений, а изменение самой философии оказания поддержки семьям с детьми. СМФЦ – это центр, который оперативно и проактивно предоставляет социальные услуги, а также помогает в получении медицинской, психологической, педагогической и юридической помощи.

Ключевое нововведение Семейных МФЦ – расширение целевой группы за счет семей, которые ранее не входили в сферу внимания социальных учреждений. Появилась потребность в новом термине. Под ним понимается условно благополучная семья с несовершеннолетними детьми, не подпадающая ни под одну из категорий ГОСТ Р 52495-2005 (не малообеспеченная, не многодетная, не неполная, не находящаяся в СОП), но переживающая различные жизненные ситуации, способные привести к ухудшению условий жизнедеятельности.

Таким образом, обычная – не малообеспеченная, полная – так называемая среднестатистическая семья также нуждается во внимании государства, поддержке и защите своих интересов, что требует дальнейшего расширения приоритетов социальной политики России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.01.2026).

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон №120: принят Государственной Думой 24 июня 1999 г.; в ред. от 21 ноября 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – №26. – Ст. 3177.

3. О государственной социальной помощи: Федеральный закон №178: принят Государственной Думой 17 июля 1999 г.; в ред. от 29 декабря 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – №29. – Ст. 3699.

4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон №442: принят Государственной Думой 28 декабря 2013 г.; в ред. от 11 июня 2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – №52 (ч. I). – Ст. 7007.

5. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №223: принят Государственной Думой 29 декабря 1995 г.; в ред. от 19 декабря 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №1. – Ст. 16.

6. Валеева Р.Н. Семья как объект исследования социальной психологии / Р.Н. Валеева // Наука. Общество. Образование: материалы всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 25 марта 2018 года) / под ред. Е.В. Барашевой. – Иркутск: Сетевой институт дополнительного профессионального образования, 2018. – С. 23–27. EDN XUDYCL
7. Постановление Правительства Челябинской области от 21 октября 2015 г. №546-П «Об утверждении порядков предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг».
8. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения»
9. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТР 52885-2013 «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье»
10. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТР 53063-2014 «Социальное обслуживание населения. Контроль качества социальных услуг семье».

Филатова Диана Владимировна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ института уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. Рассматривается эволюция института от зарождения в отдельных регионах до повсеместного распространения после принятия Федерального закона №501-ФЗ от 27 декабря 2018 г., закрепившего основы правового статуса региональных детских омбудсменов. Особое внимание уделяется дуализму правового положения: уполномоченный является должностным лицом, учреждаемым законом субъекта для обеспечения государственной защиты прав детей, но его деятельность носит вневедомственный и независимый характер. Исследуются ключевые полномочия (право посещения органов власти, образовательных и медицинских учреждений, запроса сведений, проведения проверок, обращения в суд). На основе правоприменительной практики выделены проблемы: недостаточная кадровая и материальная обеспеченность, отсутствие единых стандартов, конфликт интересов. Рассмотрены механизмы взаимодействия с федеральным уполномоченным, прокуратурой и общественными организациями.*

Ключевые слова: *уполномоченный, ребенок, права, субъект, омбудсмен, защита, полномочия, статус, практика, регион, законодательство, проверка, жалоба, гарантия, независимость.*

Становление института уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации прошло несколько этапов. Первые детские омбудсмены появились в регионах в конце девяностых годов прошлого века [1]. Инициатива исходила от местных властей, которые стремились создать дополнительный механизм охраны прав несовершеннолетних. Долгое время деятельность этих должностных лиц регулировалась исключительно региональными законами, что порождало значительные различия в их статусе и возможностях. В одних субъектах уполномоченный работал на общественных началах, в других входил в структуру исполнительной власти, в-третьих, обладал формальной независимостью [3].

Лишь в 2018 году федеральный законодатель принял базовый акт, установивший общие принципы организации деятельности региональных уполномоченных. Несмотря на это, правовой статус детского омбудсмена в субъектах сохраняет определенную двойственность. С одной стороны, он действует на основании закона субъекта и финансируется из

регионального бюджета. С другой стороны, его ключевая функция заключается в независимом контроле за деятельностью тех же региональных органов власти [4].

Данное противоречие во многом определяет как сильные стороны института, так и его слабые места. Актуальность темы обусловлена высоким общественным запросом на эффективную защиту детства.

Правовой статус и гарантии независимости регионального уполномоченного.

Статистика показывает, что количество обращений к уполномоченным ежегодно растет, а спектр затрагиваемых проблем расширяется от семейных конфликтов до нарушений в медицинском обслуживании и образовании.

Правовой статус регионального детского омбудсмена представляет собой совокупность норм, закрепленных в Федеральном законе от 27 декабря 2018 года №501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» и в законах субъектов федерации. Федеральный закон устанавливает минимальные гарантии независимости. Уполномоченный назначается на должность и освобождается от должности законодательным органом субъекта.

Срок полномочий не может быть менее пяти лет. Закон запрещает совмещать эту деятельность с замещением иных государственных должностей, занятием предпринимательской деятельностью, а также с работой по совместительству, за исключением творческой и научной.

Важной характеристикой статуса является право уполномоченного на беспрепятственное посещение любых органов государственной власти субъекта, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, где находятся дети или которые решают вопросы детства. Сюда входят школы, детские сады, больницы, интернаты, социальные приюты и колонии для несовершеннолетних.

При этом омбудсмен не обязан предварительно уведомлять о своем визите. Однако на практике этот иммунитет часто ограничивается ведомственными инструкциями, требующими согласования [2]. Еще одним элементом статуса выступает право запрашивать и получать необходимые документы и материалы. Отказ в предоставлении информации может быть обжалован в судебном порядке.

Также закон наделяет уполномоченного правом проводить самостоятельно или совместно с компетентными органами проверку фактов нарушения прав ребенка. Результаты проверки оформляются в виде заключения, которое носит рекомендательный характер, но обязательно для рассмотрения. Финансовое обеспечение деятельности уполномоченного относится к расходным обязательствам субъекта. Это создает известную зависимость, поскольку глава региона утверждает смету и штатное расписание.

Основные направления реализации полномочий регионального уполномоченного.

Во многих субъектах аппарат уполномоченного состоит из двух-трех человек, что явно недостаточно для полноценной работы.

Реализация полномочий регионального уполномоченного по правам ребенка происходит по нескольким направлениям. Первое и самое массовое – рассмотрение обращений граждан. Жалобы могут поступать от самих детей, их родителей, законных представителей, а также от любых лиц, которым стало известно о нарушении прав несовершеннолетнего. Типичные темы обращений связаны с отказом в предоставлении жилья детям-сиротам, ненадлежащим качеством медицинской помощи, буллингом в школе, отказом в зачислении в дошкольное учреждение, спорами о порядке общения с ребенком после развода родителей [6].

По каждому обращению уполномоченный обязан провести проверку. На практике это означает направление запросов в профильные ведомства, изучение документов, беседы с участниками ситуации. В случае выявления нарушения омбудсмен направляет представление в орган или должностному лицу, допустившему нарушение.

Представление подлежит обязательному рассмотрению в течение установленного срока, обычно десяти или тридцати дней. Если нарушение не устранено, уполномоченный вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав конкретного ребенка [3]. Однако это полномочие используется редко, поскольку судебный процесс требует специальной квалификации и отвлекает ресурсы.

Гораздо чаще омбудсмен прибегает к медиации и переговорам, добиваясь компромисса между сторонами. Второе важное направление – профилактика нарушений. Уполномоченный участвует в разработке региональных законов и программ в сфере детства, дает заключения на проекты нормативных правовых актов, затрагивающих права несовершеннолетних [7]. Третье направление – правовое просвещение. Омбудсмен и его сотрудники проводят открытые уроки в школах, выступления в родительских собраниях, публикации в средствах массовой информации.

Анализ отчетов региональных уполномоченных за последние три года показывает высокую результативность. Ежегодно восстанавливаются права более чем двадцати тысяч детей.

Проблемы правоприменения и ограничения эффективности деятельности института.

Наиболее успешной практика признается в тех субъектах, где уполномоченный наделен правом законодательной инициативы и где создан достаточно многочисленный аппарат.

Несмотря на внешнее благополучие, институт сталкивается с серьезными проблемами.

Первая проблема связана с недостаточной унификацией статуса. Федеральный закон установил лишь общие рамки, оставив многие детали на усмотрение регионов. В результате одни уполномоченные имеют собственные аппараты и бюджет, другие вынуждены довольствоваться одним помощником на общественных началах.

Вторая проблема касается независимости. Поскольку омбудсмен назначается региональным парламентом, где большинство принадлежит правящей партии, а финансирование выделяется из бюджета, утверждаемого губернатором, возникает конфликт интересов. На практике уполномоченные крайне редко критикуют региональные власти. Большинство нарушений связывается с действиями муниципальных чиновников или руководителей учреждений, но не с решениями высших должностных лиц субъекта [10].

Третья проблема – отсутствие властных полномочий. Уполномоченный не может отменить незаконный акт, наложить взыскание, приостановить действие решения. Его главный инструмент – рекомендация и общественное порицание [4]. В ситуациях, когда чиновник не желает исправлять нарушение добровольно, омбудсмен вынужден обращаться в прокуратуру или суд, что затягивает процесс.

Четвертая проблема касается взаимодействия с уполномоченным при Президенте Российской Федерации. Закон определяет, что региональные омбудсмены направляют федеральному омбудсмену ежегодные доклады, но механизм реагирования на выявленные системные нарушения в конкретном регионе не прописан.

Пятая проблема – кадровая. Должность уполномоченного не требует специальной юридической квалификации. В ряде регионов на этот пост назначаются люди без высшего юридического образования и опыта правозащитной деятельности, что противоречит современным стандартам обеспечения прозрачности и профессионализма на государственной службе [5]. Это неизбежно сказывается на качестве работы.

Система межведомственного и общественного взаимодействия уполномоченного.

Эффективность деятельности уполномоченного во многом зависит от выстроенной системы взаимодействия. Ключевыми партнерами выступают органы прокуратуры. Прокурор обладает властными полномочиями по принесению протестов, внесению представлений и возбуждению административных производств. Уполномоченный же имеет возможность оперативно получать информацию от граждан и проводить проверки без бюрократических проволочек. Совместные проверки позволяют сочетать эти преимущества.

Второй важный партнер – комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Уполномоченный входит в состав этих комиссий во многих субъектах с правом совещательного голоса.

Третий партнер – общественные организации, в первую очередь детские правозащитные объединения. Неформальное сотрудничество с волонтерами и активистами расширяет возможности омбудсмена по сбору информации в удаленных районах.

Четвертый партнер – средства массовой информации. Публичное освещение конкретного случая нарушения часто оказывается более действенным механизмом, чем официальные запросы. Уполномоченные ведут страницы в социальных сетях, публикуют горячие линии, регулярно выступают в эфире региональных телеканалов, формируя позитивный имидж института в глазах населения [9].

Взаимодействие с федеральным уполномоченным по правам ребенка осуществляется в формате координационных советов и совместных приемов граждан. При этом отсутствует четкая иерархия: региональный омбудсмен не подчиняется федеральному. Это соответствует принципу независимости, но иногда порождает параллелизм в работе.

Перспективы совершенствования правового регулирования статуса регионального уполномоченного.

Анализ практики позволяет предложить несколько мер по улучшению работы региональных детских омбудсменов.

Первая мера – принятие типового закона о статусе уполномоченного, который бы содержал единые стандарты штатной численности, минимального бюджета и квалификационных требований. Регионы могли бы адаптировать этот типовой акт под свои условия, но без снижения базовых гарантий.

Вторая мера – наделение уполномоченного правом законодательной инициативы на региональном уровне [3]. Это позволило бы ему напрямую вносить проекты законов в парламент, не дожидаясь реакции профильных комитетов.

Третья мера – создание при уполномоченном общественных советов из представителей некоммерческого сектора для общественного контроля за его собственной деятельностью.

Четвертая мера – введение обязательной специализации сотрудников аппарата по направлениям: защита прав детей-сирот, детей с инвалидностью, детей в конфликте с законом.

Пятая мера – расширение права уполномоченного на обращение в Конституционный суд субъекта с запросом о проверке нормативных актов, ущемляющих права детей [4].

Шестая мера – создание единой информационной системы для обмена опытом между региональными уполномоченными и публикации обезличенных решений по типовым жалобам. Это повысит единообразие правоприменительной практики.

Седьмая мера – закрепление обязанности государственных органов и муниципалитетов не только рассматривать представления уполномоченного, но и в письменной форме сообщать о принятых мерах с приложением подтверждающих документов.

Восьмая мера – увеличение минимального срока полномочий до семи лет без права досрочного переизбрания для усиления независимости.

Институт уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации прошел путь от региональных экспериментов до общефедерального стандарта. Сегодня детские омбудсмены действуют во всех без исключения регионах. Их правовой статус определен как на федеральном, так и на региональном уровне.

Основные полномочия включают рассмотрение жалоб, проведение проверок, обращение в суд, участие в законотворчестве и правовое просвещение. Практика реализации этих полномочий показывает высокую востребованность института. Ежегодно региональные уполномоченные помогают десяткам тысяч детей восстановить нарушенные права.

Вместе с тем существуют серьезные проблемы: недостаточная унификация статуса, зависимость от региональных властей, отсутствие властных полномочий, слабая кадровая и материальная база. Перспективы развития института связаны с принятием типового закона, расширением права законодательной инициативы, созданием общественных советов и внедрением единой информационной системы.

Только комплексное решение этих задач позволит превратить институт регионального детского омбудсмена в реально действующий, а не декоративный механизм защиты прав ребенка [7]. Дальнейшие научные исследования должны быть направлены на сравнительный анализ эффективности работы уполномоченных в разных регионах и на выработку конкретных показателей результативности контрольно-надзорной и правозащитной деятельности [2].

Список литературы

1. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. EDN ZFMLLM

2. Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 290 с. – URL: https://book.ru/book/951503 (дата обращения: 01.07.2025).

3. Липунов В.И. Правовые основы государственной семейной политики Российской Федерации / В.И. Липунов // Актуальные проблемы и направления развития права, общества и государства в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 9 декабря 2016 г.). – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2017. – С. 343–350. EDN ZPTDIT

4. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – №1(6). – С. 27–30. EDN VHJAUH

5. Митячкина Е.С. Имидж муниципального служащего в Российской Федерации / Е.С. Митячкина // The Scientific Method. – 2018. – Т. 2. №16. – С. 38–40. EDN YOIVPN

6. Митячкина Е.С. Понятие муниципального служащего в Российской Федерации / Е.С. Митячкина // Результаты научных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции (Тюмень, 15 февраля 2016 г.): в 3 т. Т. 3 / отв. ред. А.А. Сукиасян. – Тюмень: Аэтерна, 2016. – С. 21–24. EDN VJYCCV

7. Михнева С.В. Правовые основы муниципальной политики в системе государственного управления / С.В. Михнева, Г.В. Панфилов, Е.С. Митячкина // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2022. – №1(58). – С. 71–74. EDN SIHDAG

8. Указ Президента РФ «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» №986 от 01.09.2009 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – №36. – Ст. 4311.

9. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» №124-ФЗ от 24.07.1998 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3802.

10. Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» №501-ФЗ от 27.12.2018 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – №53 (ч. I). – Ст. 8455.

Шамсутдинов Рустам Рамилевич
аспирант
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СООТНОШЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ И ГАРАНТИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается конституционно-правовой статус военнослужащих в Российской Федерации в контексте соотношения ограничений общегражданских прав и компенсирующих специальных гарантий. На основе анализа Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих», правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации раскрываются содержание понятия специального статуса, перечень и природа конституционно допустимых ограничений, система компенсирующих гарантий, а также принцип соразмерности, формируемый в практике Конституционного Суда. Проанализированы изменения законодательства, связанные с проведением специальной военной операции и частичной мобилизацией. Сформулированы выводы о необходимости поддержания баланса ограничений и гарантий для граждан, проходящих военную службу.*

Ключевые слова: *военнослужащие, конституционно-правовой статус, ограничение прав, специальные гарантии, статус военнослужащего, компенсаторный механизм.*

Конституционно-правовой статус военнослужащего представляет собой совокупность нормативно установленных прав, свобод, обязанностей и юридической ответственности, образующих правовое положение лица в связи с прохождением им военной службы. В отличие от общегражданского статуса, конституционно-правовой статус военнослужащего сочетает в себе три взаимосвязанных компонента: общий статус гражданина Российской Федерации, специальный статус лица, проходящего военную службу, и должностной статус, обусловленный замещаемой воинской должностью [7]. Указанное сочетание определяет особенности правового регулирования, в основе которого лежит сочетание ограничений общегражданских прав и компенсирующих гарантий.

Основания особого правового положения военнослужащих заложены в положениях Конституции Российской Федерации [1]. Часть 1 статьи 59 закрепляет защиту Отечества как долг и обязанность гражданина Российской Федерации; часть 2 указанной статьи устанавливает обязанность граждан Российской Федерации нести военную службу в соответствии с федеральным законом. Часть 3 статьи 55 допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Именно из последней нормы вытекает конституционная допустимость специальных ограничений прав лиц, проходящих военную службу.

Базовым нормативно-правовым актом, определяющим содержание специального статуса военнослужащих, является Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [2]. В системной связи с ним выступает Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», которым регулируются основания и порядок прохождения военной службы [3]. Согласно статье 1 Федерального закона № 76-ФЗ, статус военнослужащих представляет собой совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных законодательством и гарантированных государством. Особенностью указанной законодательной модели является то, что специальные права предоставляются военнослужащим в качестве компенсации возложенных на них дополнительных обязанностей и предусмотренных законом ограничений общегражданских прав.

Конституционно допустимые ограничения общегражданских прав военнослужащих, установленные федеральным законом, касаются ряда конституционно гарантированных свобод. Указанные ограничения обусловлены особенностями военной службы как вида федеральной государственной службы, связанного с непосредственным обеспечением обороны страны и безопасности государства. Они носят функциональный характер, поскольку имеют целью обеспечение боеспособности воинских формирований, политической нейтральности вооружённых сил и сохранения служебной дисциплины. Данная функциональная природа ограничений предопределяет их соразмерность задачам, ради достижения которых они вводятся, что соответствует требованиям части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации.

К числу таких ограничений относится прежде всего ограничение свободы передвижения и выбора места жительства, гарантированных статьей 27 Конституции Российской Федерации. Граждане, проходящие военную службу, ограничены территорией войсковой части, маршрутами перемещений и местом дислокации.

Ограничение свободы слова и публичных выступлений, гарантированной статьей 29 Конституции Российской Федерации, проявляется в установленном запрете на публичные обсуждения деятельности органов военного управления, на разглашение сведений, составляющих государственную, военную и служебную тайну.

Военнослужащие не вправе участвовать в политических партиях, а также в общественных объединениях, преследующих политические цели; они не могут использовать должностное положение в интересах политических партий, иных общественных объединений. Указанные ограничения призваны обеспечить политический нейтралитет вооруженных сил, что соответствует общепризнанным стандартам конституционно-демократических государств.

Ограничено право на занятие предпринимательской деятельностью и на осуществление иной оплачиваемой деятельности, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности, а также право на совмещение военной службы с замещением иных государственных или муниципальных должностей.

Конституционно-правовая природа специальных гарантий военнослужащих обусловлена компенсаторной функцией, которую они выполняют по отношению к вышеуказанным ограничениям общегражданских прав. По выраженной Конституционным Судом Российской Федерации позиции, специальные гарантии не являются привилегиями, а образуют систему мер, обеспечивающих эквивалентное возмещение издержек прохождения военной службы и адекватный уровень правовой и социальной защищённости военнослужащих [7].

Содержание системы гарантий охватывает экономические, социальные, организационные и юридические меры, закреплённые главным образом в разделах II и III Федерального закона № 76-ФЗ и в корреспондирующих нормах подзаконных нормативных правовых актов.

Важнейшими экономическими гарантиями военнослужащего являются: денежное довольствие, дополнительные и социальные выплаты.

Социальные гарантии включают право на жилищное обеспечение, реализуемое через предоставление служебных жилых помещений, жилых помещений по договору социального найма, государственного жилищного сертификата и накопительно-ипотечной системы; право на бесплатное медицинское лечение; право на компенсацию транспортных расходов при следовании к месту прохождения военной службы и к месту проведения отпуска; обязательное государственное страхование жизни и здоровья.

Юридические гарантии охватывают право на специальную правовую защиту, обеспеченную компетенцией военных судов и военных прокуратур, а также право на бесплатную юридическую помощь по вопросам, связанным с прохождением военной службы.

Особое место в системе гарантий занимает пенсионное обеспечение. Военнослужащим гарантируется право на досрочную пенсию за выслугу лет при достижении установленных законом сроков военной службы.

К членам семей военнослужащих, как состоящих на службе, так и уволенных, законом предусмотрены производные права на медицинское обеспечение, на санаторно-курортное лечение, на жилище, на компенсационные выплаты в случае гибели военнослужащего. Этот блок гарантий обеспечивает социальную защищённость не только самих военнослужащих, но и членов их семей, что соответствует принципу социального государства, закрепленному в статье 7 Конституции Российской Федерации.

Соотношение ограничений и гарантий конституционно-правового статуса военнослужащих неоднократно становилось предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В постановлении от 26 декабря 2002 г. № 17-П [4] Конституционный Суд указал, что обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих в случае повреждения здоровья при исполнении служебных обязанностей выступает необходимым элементом баланса между возложенным на военнослужащих повышенным риском и государственной обязанностью предоставить адекватное возмещение.

В постановлении от 5 июня 2013 г. № 12-П [5] выражена позиция о необходимости обеспечения преемственности и стабильности предоставленных военнослужащим гарантий жилищного обеспечения.

В постановлении от 14 декабря 2021 г. № 52-П [6] подтверждена обязанность государства обеспечить право военнослужащего на жилое помещение независимо от участия членов его семьи в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения.

В совокупности правовые позиции Конституционного Суда формируют принцип соразмерности ограничений и гарантий, согласно которому чем существеннее ограничение общегражданского права, тем выше требования к содержанию и реальной обеспеченности компенсирующей гарантии.

Современные вызовы конституционно-правовому статусу военнослужащих обусловлены ситуацией проведения специальной военной операции, объявлением частичной мобилизации и принятием комплекса актов, направленных на адаптацию правового регулирования к новым условиям.

С одной стороны, в условиях специальной военной операции и мобилизации, безусловно, допустимо расширение ограничений в части свободы передвижения, реализации трудовых прав по предыдущему месту работы и иных прав.

С другой стороны, государство приняло меры по расширению гарантий: прекращение кредитных обязательств для военнослужащих и членов их семей, запреты на возбуждение исполнительных производств, повышенные единовременные выплаты, льготы по

поступлению в высшие учебные заведения для членов семей, дополнительные меры социальной поддержки на уровне субъектов Российской Федерации. Подобное симметричное расширение является отражением сформулированного Конституционным Судом принципа соразмерности и подтверждает, что усиление ограничений должно сопровождаться эквивалентным усилением гарантий.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что конституционно-правовой статус военнослужащих в Российской Федерации основан на допустимых ограничениях общегражданских прав и соразмерных компенсирующих гарантиях.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации обеспечивают применение принципа соразмерности ограничений и гарантий, согласно которому усиление ограничений должно сопровождаться пропорциональным расширением гарантий.

Стремительное изменение законодательства, регулирующего военно-служебные отношения в условиях специальной военной операции, должно осуществляться с учетом необходимости поддержания указанного баланса как ключевой характеристики конституционно-правового статуса военнослужащих.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.06.2026).

2. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» №76-ФЗ от 27.05.1998 (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №22. – Ст. 2331.

3. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» №53-ФЗ от 28.03.1998 (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №13. – Ст. 1475.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2002 №17-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции» в связи с жалобой гражданина М.А. Будынина // Собрание законодательства РФ. – 2003. – №1. – Ст. 152.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2013 №12-П по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобами граждан А.С. Зорина, А.Г. Кожушного и других // Собрание законодательства РФ. – 2013. – №24. – Ст. 3050.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 №52-П по делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №51. – Ст. 8968.

7. Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования / А.В. Кудашкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 432 с. EDN ANETMD

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Азрапкина Виктория Владимировна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЗАКОННЫЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Аннотация: *предметом исследования выступает нормативная модель законного режима имущества супругов и возникающие при её применении трудности: разграничение общей и личной имущественной массы, учёт обязательств при разделе, определение правового статуса компенсационных выплат и корпоративных активов. Актуальность темы связана с тем, что формальная привязка к периоду брака не позволяет во всех случаях установить принадлежность актива и справедливо распределить имущественные последствия прекращения семейных отношений. Цель работы состоит в уточнении критериев квалификации имущества и долгов супругов, а также в разработке предложений по совершенствованию соответствующих норм. Методологическую основу составили формально-юридический и системный методы, анализ законодательства, научных подходов и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. Обосновано, что совместную собственность следует рассматривать как опровержимую презумпцию общности приобретённого в браке имущества, действие которой корректируется с учётом источника средств, основания поступления и целевого назначения блага. Разграничены принадлежность активов и распределение долгов при разделе. Показано, что обязательство одного супруга приобретает общий характер при доказанности совместной инициативы либо использования, полученного в интересах семьи. Для квалификации компенсационных выплат предложен функциональный критерий, позволяющий отличать замещение семейного дохода от возмещения личного вреда. При разделе долей участия рекомендовано учитывать стоимость актива, ограничения корпоративного законодательства, положения учредительных документов и права третьих лиц. Сформулированы предложения об уточнении бремени доказывания общности долга и критериев выбора между передачей корпоративной доли и денежной компенсацией. Сделан вывод, что такой подход способствует последовательности судебной практики, обеспечивает баланс интересов супругов и снижает риск формального разрешения имущественных споров.*

Ключевые слова: *законный режим имущества, супруги, правовой режим имущества, Семейный кодекс РФ, договорный режим имущества, совместная собственность, совместно нажитое имущество.*

Имущественный спор между супругами редко сводится к механическому распределению вещей. Суду приходится устанавливать происхождение денежных средств, назначение выплат, момент возникновения права на доход, цель получения кредита и последствия раздела для кредиторов или участников хозяйственного общества. Поэтому устойчивость норм главы 7 Семейного кодекса Российской Федерации сама по себе не означает полной определённости правового регулирования. Напротив, открытый перечень общего имущества и оценочные категории «нужды семьи» и «заслуживающий внимания интерес» переносят значительную часть работы по установлению границ законного режима в судебную практику.

Цель исследования состоит в уточнении содержания законного режима имущества супругов и в выработке предложений по разрешению трех наиболее заметных групп проблем:

квалификации долгов, определения режима индивидуально ориентированных выплат и раздела активов, с которыми связаны корпоративные права. Для достижения этой цели применены формально-юридический и системный методы, а также анализ судебных актов Верховного Суда Российской Федерации. Исходным является тезис о необходимости различать общность права на актив, общность обязательства и экономический результат расчётов при разделе имущества.

В пункте 1 статьи 33 СК РФ законный режим определен как режим совместной собственности супругов; он применяется постольку, поскольку брачным договором не установлено иное. Гражданско-правовую основу этой конструкции образуют нормы об общей собственности без предварительного определения долей её участников. Пока раздел не произведён, у каждого супруга отсутствует закреплённая за ним половина конкретной вещи: оба осуществляют правомочия в отношении общего имущества как единого объекта. Доли устанавливаются при разделе или выделе и предполагаются равными, если закон, договор или заслуживающие внимания обстоятельства не требуют иного решения [1, ст. 244, 253, 254, 256; 2, ст. 33, 39].

Из этого не следует, что все принадлежащее супругам образует одну имущественную массу. Внутри законного режима сосуществуют общая собственность и имущество каждого из супругов. Для их разграничения используются как минимум три критерия: время приобретения, источник предоставления и юридическое основание поступления имущества. Временной критерий создаёт презумпцию общности, но не имеет абсолютного значения. Имущество, купленное в браке на доказанные добрачные средства, может сохранить личный характер; напротив, существенные вложения общего имущества или труда в личную вещь способны повлечь применение статьи 37 СК РФ. Тем самым правовая квалификация требует проследить экономическую историю объекта, а не ограничиваться датой регистрации права [2, ст. 34, 36, 37; 3, п. 15].

Значение имеет и момент возникновения имущественного притязания. Денежные средства могут поступить уже после фактического прекращения семейных отношений, хотя право на них было заработано в период брака. В определении от 29 октября 2024 г. №18-КГ24-184-К4 Верховный Суд РФ указал на необходимость выяснять период, за который начислена трудовая выплата, а не считать решающей дату её зачисления на счёт [6]. Такой подход последовательно отделяет момент формирования имущественного права от технического момента исполнения обязательства.

Статья 34 СК РФ относит к общему имуществу доходы от труда и предпринимательства, полученные пенсии и пособия, не имеющие специального целевого назначения, а также приобретённые за счёт общих доходов вещи, ценные бумаги, вклады, паи и доли в капитале. Перечень сформулирован как открытый. Его практическое значение состоит не в перечислении всех возможных активов, а в закреплении связи между семейной экономической деятельностью и возникающим результатом. Не имеет определяющего значения, на чьё имя открыт счёт, оформлена недвижимость или выдан правоустанавливающий документ [2, ст. 34; 3, п. 15].

Приобретение имущества в период зарегистрированного брака создаёт опровержимую презумпцию его общности. Супруг, утверждающий личный характер объекта, должен представить сведения, позволяющие установить иной источник приобретения или безвозмездное основание его получения. Такой порядок соответствует природе совместной собственности: требовать от второго супруга доказательств участия в каждой покупке означало бы фактически отрицать законный режим. Вместе с тем презумпция не освобождает суд от исследования движения денег, если представлены документы о продаже добрачного имущества, наследовании, дарении или ином личном источнике [12, с. 8–9].

Право на общее имущество сохраняется и за супругом, который вёл домашнее хозяйство, осуществлял уход за детьми либо по уважительной причине не имел самостоятельного дохода. Пункт 3 статьи 34 СК РФ тем самым признает экономическую ценность неоплачиваемого домашнего труда и связывает равенство имущественных прав не с размером заработка, а со статусом супругов. Предложение распространить совместную собственность на иных

родственников, помогающих семье, встречается в литературе [9, с. 190], однако смешивает разные юридические основания. Участие родственника в быту может порождать договорное требование, право на возмещение расходов либо иное притязание при наличии предусмотренных законом условий, но само по себе не делает его участником супружеской совместной собственности.

Личную имущественную массу образуют добрачное имущество, полученное одним супругом в дар, по наследству или по иной безвозмездной сделке, а также вещи индивидуального пользования, кроме драгоценностей и предметов роскоши. Отдельно закон сохраняет за автором исключительное право на созданный им результат интеллектуальной деятельности, не исключая при этом общности доходов от использования такого результата в период брака [2, ст. 36]. Эти правила показывают, что закон охраняет не только семейную общность, но и имущественную автономию каждого супруга.

Наименее определенным остаётся режим компенсационных выплат. Закон относит к общей массе выплаты без специального целевого назначения, однако граница между замещением общего дохода и возмещением строго личного вреда проведена непоследовательно. Компенсация морального вреда, суммы на лечение, протезирование или уход связаны с личностью потерпевшего и предназначены для восстановления конкретного нематериального либо физического блага. Напротив, выплата, замещающая утраченный семейный заработок, экономически ближе к общему доходу. В литературе обоснованно предлагается учитывать назначение выплаты, а не только её наименование [14]. Целесообразно дополнить статьи 34 и 36 СК РФ функциональным критерием: индивидуальная компенсация должна признаваться личным имуществом в той мере, в какой она возмещает вред личному благу или покрывает специальные расходы потерпевшего.

Дискуссия о включении долгов в состав супружеского имущества во многом вызвана различием значений слова «имущество». В широком экономическом смысле имущественное положение семьи определяется и активами, и обязательствами. Л.М. Пчелинцева связывает учёт обязанностей с пунктом 3 статьи 39 СК РФ, предписывающим распределять общие долги пропорционально присуждённым долям [10, с. 688]. В. А. Рясенцев, напротив, предлагал понимать нажитое как приобретённое за вычетом долгов [11, с. 256]. Представляется, что спор снимается при разграничении вещной массы и расчётного баланса: долг не становится объектом права собственности, но учитывается при определении итоговых требований супругов друг к другу.

Общность актива и общность долга не образуют зеркальных презумпций. Сам факт заключения одним супругом кредитного договора во время брака не возлагает обязательство на другого. Согласно пункту 2 статьи 45 СК РФ взыскание может быть обращено на общее имущество, если обязательство является общим либо суд установил, что все полученное одним супругом было использовано на нужды семьи. Следовательно, требуется доказать совместную инициативу или семейную направленность использования средств. Эту логику Верховный Суд РФ последовательно проводит в определениях от 17 января 2017 г. №4-КГ16–67 и от 24 декабря 2019 г. №33-КГ19–8 [4; 5].

Доказывание не должно строиться на одном формальном признаке. О семейной цели могут свидетельствовать согласованное обращение за кредитом, поступление денег на общий счёт, приобретение общего объекта, платёжные документы и переписка супругов. Осведомлённость о займе сама по себе ещё не подтверждает согласие принять обязанность; равным образом отсутствие подписи второго супруга не исключает семейного назначения фактически использованных средств. Бремя доказывания общности долга следует возлагать на того, кто просит распределить его между супругами или обратить взыскание на общее имущество. Такое правило стоит прямо закрепить в статье 39 СК РФ, поскольку нынешняя отсылка к «общим долгам» не раскрывает ни критерии, ни процесс их установления.

Отдельная ситуация возникает, когда личный долг одного супруга погашается из общих доходов. Обязательство не становится общим задним числом, однако уменьшается совместная

имущественная масса. В определении №18-КГ24-184-К4 Верховный Суд РФ признал юридически значимым вопрос о компенсации супругу части средств, направленных в браке на исполнение добрачного кредитного обязательства другого супруга [6]. Такой механизм точнее восстановления баланса, чем формальное «превращение» личного долга в общий.

Владение, пользование и распоряжение общим имуществом основываются на обоюдном согласии супругов. Для повседневного оборота закон устанавливает презумпцию согласия второго супруга, иначе участие семьи в гражданских отношениях оказалось бы чрезмерно затруднено. В отношении сделок, требующих нотариального удостоверения либо государственной регистрации, действует усиленная гарантия в форме нотариально удостоверенного согласия [2, ст. 35]. Таким образом, закон дифференцирует контроль в зависимости от экономической и юридической значимости сделки.

Лично-доверительная природа брака, отмеченная С.А. Бабкиным и другими авторами, объясняет исходное предположение о согласованности действий супругов [7, с. 18; 8, с. 48; 13, с. 308–313]. Однако доверие не может подменять защиту имущественной автономии и интересов третьих лиц. Если один супруг отчуждает или скрывает общее имущество вопреки воле другого и не в интересах семьи, стоимость такого имущества учитывается при разделе [3, п. 16]. Этот способ защиты позволяет восстановить имущественный баланс, не разрушая автоматически уже возникшие отношения с добросовестным приобретателем.

При разделе совместной собственности исходной является равенство долей. Отступление от него допустимо судом в интересах несовершеннолетних детей либо с учётом заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности при недобросовестном уменьшении общей массы или объективной невозможности получать доход [2, ст. 39; 3, п. 17]. Наличие детей не означает автоматического увеличения доли проживающего с ними родителя: суду необходимо установить, какой конкретный интерес ребёнка требует изменения общего правила и почему его нельзя защитить иным способом. Мотивированность такого решения особенно важна, поскольку исключение затрагивает равенство имущественных прав супругов.

Наиболее сложным объектом раздела являются доли участия, акции и иные активы, объединяющие имущественную стоимость с возможностью влиять на управление организацией. Передача половины доли второму супругу может затронуть предусмотренные уставом ограничения, права других участников и устойчивость управления. Выплата компенсации, в свою очередь, способна лишить супруга возможности получить экономически полноценный эквивалент, если оценка произведена формально или у владельца отсутствуют ликвидные средства. Поэтому универсальный запрет на раздел «бизнес-активов», обсуждавшийся в юридической литературе [14], представляется слишком жёстким.

Более обоснован дифференцированный подход. Суду следует отдельно определить стоимость совместного вложения и допустимость передачи корпоративного статуса. Реальная передача доли возможна, когда она не противоречит корпоративному законодательству и учредительным документам, а супруг выражает намерение стать участником. Если такая передача нарушает права третьих лиц либо создаёт несоразмерные препятствия для деятельности общества, приоритет может быть отдан денежной компенсации. Для крупных сумм допустима рассрочка, но она должна сопровождаться индексацией, процентами или обеспечением, чтобы предпринимательский риск не перекладывался полностью на супруга, получающего компенсацию. Законодательное закрепление этих критериев сделало бы судебный выбор проверяемым и предсказуемым.

Законный режим имущества супругов представляет собой не простое правило о равных долях, а систему взаимосвязанных презумпций и исключений. Время приобретения запускает презумпцию общности актива, однако окончательная квалификация зависит от источника средств, основания поступления и назначения имущества. При этом режим обязательств определяется самостоятельно: долг одного супруга учитывается как общий лишь при доказанной совместной инициативе или семейном использовании полученного.

Для повышения определённости регулирования целесообразно: во-первых, закрепить в статье 39 СК РФ критерии общности долга и правило о бремени доказывания; во-вторых, разграничить в статьях 34 и 36 СК РФ выплаты, замещающие семейный доход, и суммы, компенсирующие личный вред либо специальные расходы; в-третьих, установить ориентиры для выбора между передачей доли участия и денежной компенсацией при разделе корпоративных активов. Такие изменения не отменяют судебную оценку обстоятельств конкретного дела, но задают ей более ясные границы и снижают риск противоречивой квалификации сходных имущественных ситуаций.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №1. – Ст. 16.

3. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 №15 (с изм. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №1.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2017 №4-КГ16–67. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1510154 (дата обращения: 17.07.2026).

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 №33-КГ19–8. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1850078 (дата обращения: 17.07.2026).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2024 №18-КГ24–184-К4. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2418092 (дата обращения: 17.07.2026).

7. Бабкин С.А. Владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в общей совместной собственности супругов / С.А. Бабкин. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – 82 с. – EDN PEAKPG

8. Максимович Л.Б. Брачный контракт: комментарии и разъяснения / Л. Б. Максимович. – М.: Ось-89, 1997. – 96 с.

9. Королев Ю.Л. Семья, государство, общество / Ю.Л. Королев. – М.: Юридическая литература, 2001. – 190 с.

10. Пчелинцева Л.М. Семейное право России / Л.М. Пчелинцева. – М.: Норма; Инфра-М, 2002. – 688 с.

11. Советское семейное право: учебник / А.М. Белякова, В.А. Рясенцев, В.Ф. Яковлев; под ред. В.А. Рясенцева. – М.: Юридическая литература, 1982. – 256 с.

12. Парамошкина А.С. Правовое регулирование споров, связанных с законным режимом имущества супругов / А.С. Парамошкина // Студенческий. – 2025. – №11–5 (307). – С. 8–9. – EDN ABVICL

13. Шаферова А.В. Проблемы и практика законного режима имущества супругов / А.В. Шаферова // Вопросы студенческой науки. – 2021. – №11 (63). – С. 308–313. – EDN JUBNNS

14. Шувалова М. Имущественные правоотношения супругов: проблемные положения Семейного кодекса РФ / М. Шувалова // ГАРАНТ.РУ. – 2017. – 12 октября. – URL: https://www.garant.ru/article/1141966/ (дата обращения: 17.07.2026).

Анисимов Алексей Анатольевич
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ КРЕДИТОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ДАВЛЕНИЯ НА АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация: *в статье исследуется проблема злоупотребления правами кредитора как инструмента давления на арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Актуальность темы обусловлена тем, что банкротная процедура предполагает активное участие кредиторов, контроль за действиями управляющего и возможность обращения в суд, саморегулируемую организацию и публичные органы. При добросовестном использовании эти механизмы обеспечивают законность процедуры и защиту имущественных интересов участников. Однако на практике они могут превращаться в способ затягивания дела, создания для управляющего дополнительных расходов, репутационных рисков и организационных препятствий. Особое внимание уделяется информационному, процессуальному и репутационному давлению, а также проблеме разграничения правомерной защиты интереса кредитора и недобросовестного поведения. В работе анализируются научные источники из цитатника, посвященные несостоятельности юридических лиц, объекту банкротных процедур, денежным обязательствам, контрольно-надзорной деятельности, представительству, частноправовым и публично-правовым механизмам защиты, а также возможностям медиации. Автор приходит к выводу, что противодействие злоупотреблениям должно строиться не на ограничении самого права кредитора на жалобу, а на установлении критериев добросовестности, оценке повторяемости обращений, их связи с реальным правовым интересом и влияния на ход процедуры. Дополнительно подчеркивается, что чрезмерная формализация контроля может ослабить защиту кредиторов, поэтому предлагаемые меры должны применяться адресно и только при наличии признаков злоупотребления. Предлагается закрепить более четкие ориентиры для оценки недобросовестных действий, совершенствовать распределение расходов, связанных с необоснованными жалобами, и развивать примирительные способы урегулирования конфликтов в банкротстве.*

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, кредитор, должник, банкротство, злоупотребление правом, жалоба, судебные расходы.*

Законодательство о несостоятельности предоставляет кредиторам широкий набор правовых средств для контроля за действиями арбитражного управляющего. К ним относятся подача жалоб в рамках дела о банкротстве, обращение в саморегулируемую организацию, инициирование административного производства, заявление ходатайств, участие в собраниях кредиторов и обжалование судебных актов. Эти механизмы необходимы для защиты нарушенных прав и поддержания законности процедуры [1, с. 121–123]. Однако на практике они могут использоваться не для восстановления баланса интересов, а как способ давления на арбитражного управляющего, затягивания процедуры либо создания для него репутационных и имущественных рисков [2, с. 150–158].

Актуальность темы обусловлена тем, что эффективность банкротной процедуры напрямую зависит от независимости и профессиональной устойчивости арбитражного управляющего. Если жалобы и процессуальные обращения используются недобросовестно,

управляющий вынужден тратить значительные ресурсы на защиту от формальных претензий, что снижает качество управления конкурсной массой и препятствует достижению целей банкротства [3, с. 139–146].

Целью настоящей статьи является выявление основных форм злоупотребления правами кредитора в отношении арбитражного управляющего и оценка действующих правовых механизмов противодействия таким действиям. Для достижения указанной цели использованы формально-юридический метод, сравнительно-правовой подход, анализ научных источников и обобщение практических проблем, возникающих при реализации кредиторами контрольных полномочий [8].

Общий запрет злоупотребления гражданскими правами имеет особое значение в банкротных отношениях, поскольку процедура несостоятельности строится на множественности участников, различии их экономических интересов и необходимости соблюдения баланса между правами кредиторов, должника и общественным интересом [1, с. 121–123]. Вопрос о правовом статусе юридического лица как объекта банкротной процедуры также показывает, что формальные права участников должны оцениваться через их влияние на достижение целей несостоятельности [2, с. 150–158].

Кредитор вправе защищать свои требования, контролировать действия арбитражного управляющего и добиваться устранения нарушений.

Вместе с тем реализация этих прав не должна превращаться в средство причинения вреда другим участникам процедуры. Особенно чувствительной является сфера денежных обязательств: именно наличие имущественного интереса побуждает кредитора активно участвовать в деле, но этот интерес не оправдывает использование процессуальных возможностей вопреки назначению банкротства [4, с. 181–184].

2. Формы давления на арбитражного управляющего.

Одной из распространенных форм недобросовестного воздействия является информационное давление. Оно выражается в направлении арбитражному управляющему чрезмерного количества запросов о предоставлении информации и документов, а также в злоупотреблении правом на ознакомление с материалами дела. Конкурсные кредиторы обладают правом получать информацию о ходе процедуры и знакомиться с материалами, имеющими значение для защиты их требований, однако такое право должно реализовываться соразмерно цели контроля [6].

Кредиторы по текущим обязательствам должника находятся в ином правовом положении: они не участвуют в собрании кредиторов и не обладают тем же объемом процессуальных прав. Тем не менее на практике именно текущие кредиторы могут направлять управляющему многочисленные запросы, требуя документы, которые не всегда относятся к их правовому интересу. В такой ситуации управляющий фактически оказывается между обязанностью раскрывать значимую информацию и необходимостью не допустить превращения процедуры в постоянный документооборот с отдельным кредитором [3, с. 139–146].

Процессуальное давление проявляется в подаче многочисленных жалоб на действия или бездействие арбитражного управляющего в арбитражный суд, Росреестр, саморегулируемую организацию, прокуратуру и иные органы. К этой же группе относятся ходатайства об истребовании документов, заявления о разногласиях, обжалование результатов торгов и иные процессуальные действия, если они совершаются не для защиты нарушенного права, а для затягивания процедуры [7, с. 126–130].

Само по себе обращение с жалобой не может рассматриваться как злоупотребление. Право на обращение является важной гарантией контроля за управляющим и публичными органами. Однако систематическая подача однотипных, необоснованных или заведомо малозначительных жалоб способна дестабилизировать процедуру банкротства [6]. В подобных случаях необходимо оценивать не только формальное наличие права на обращение, но и добросовестность поведения заявителя, повторяемость его действий, их влияние на сроки процедуры и последствия для конкурсной массы [8].

Репутационное давление выражается в распространении сведений, умаляющих деловую репутацию арбитражного управляющего, в том числе через обращения в контролирующие

органы, публичные комментарии и фиксацию сведений о жалобах в информационных ресурсах. Даже если жалоба в дальнейшем признается необоснованной, сам факт ее подачи может создавать для управляющего негативный профессиональный фон, увеличивать расходы на подготовку объяснений и снижать возможность участия в новых процедурах [5, с. 14–18].

3. Правовые способы противодействия недобросовестному поведению кредиторов.

Действующее регулирование не всегда позволяет оперативно отделить правомерную защиту интересов кредитора от недобросовестного давления. Поэтому представляется целесообразным закрепить критерии оценки поведения участников дела о банкротстве [2, с. 150–158]. К таким критериям могут относиться повторяемость необоснованных обращений, отсутствие реального правового интереса, несоразмерность запрашиваемой информации, причинение дополнительных расходов конкурсной массе и создание препятствий для проведения процедуры [3, с. 139–146].

Отдельного внимания заслуживает вопрос распределения расходов. Если жалоба признана необоснованной и установлено недобросовестное поведение заявителя, расходы арбитражного управляющего на защиту не должны перекладываться на конкурсную массу. Такой подход соответствует общей логике частноправовой защиты и позволяет снизить привлекательность жалобы как инструмента давления [8].

Кроме того, в банкротных спорах возможно развитие примирительных процедур. Медиация не заменяет судебный контроль и не ограничивает права кредиторов, но может использоваться для урегулирования конфликтов, связанных с информационными запросами, порядком взаимодействия с управляющим и согласованием процедурных позиций [9]. Для банкротства это особенно важно, поскольку длительный конфликт между кредитором и управляющим способен уменьшить экономический результат процедуры для всех участников [10].

Комплексное решение проблемы требует сочетания законодательных, судебных и организационных мер. Нужен баланс: право кредитора на контроль и жалобу должно сохраняться, но его реализация не должна разрушать цели банкротства, блокировать деятельность управляющего и создавать необоснованные издержки [6]. Поэтому совершенствование правового регулирования должно быть направлено не на формальное ограничение обращений, а на развитие критериев добросовестности и ответственности за очевидное злоупотребление правом [8].

Заключение.

Злоупотребление правами кредитора в деле о банкротстве представляет собой сложное правовое явление, при котором формально допустимые инструменты контроля используются вопреки их назначению. Наиболее распространенными формами такого поведения являются информационное, процессуальное и репутационное давление на арбитражного управляющего [1, с. 121–123] Указанные формы воздействия опасны не только для конкретного управляющего, но и для всей процедуры несостоятельности, поскольку увеличивают расходы, затягивают рассмотрение споров и снижают эффективность управления конкурсной массой [2, с. 150–158].

Баланс интересов в банкротстве требует сохранения права кредиторов на эффективную защиту и одновременно создания механизмов противодействия недобросовестным жалобам [3, с. 139–146]. Наиболее перспективными направлениями являются закрепление критериев недобросовестности, справедливое распределение расходов, развитие профессиональных стандартов взаимодействия с кредиторами и использование примирительных процедур [9] Такой подход позволяет не ослаблять контроль за арбитражным управляющим, но исключать ситуации, когда контроль превращается в средство давления [10].

Список литературы

1. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7 (211). – С. 121–123. – DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_121. – EDN: XXWNBG.

2. Куркина Н.В. Проблемы правового регулирования определения объекта процедур несостоятельности (банкротства) / Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина, И.В. Татьянов // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №2. – С. 150–158. – EDN: ARYYAG.

3. Казакова И.А. К вопросу анализа совершенствования института несостоятельности юридических лиц / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №4. – С. 139–146. – EDN: XLLPHQ.

4. Казакова И.А. К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №1 (217). – С. 181–184. – DOI: 10.47643/1815-1337_2023_1_181. – EDN: ANNOMC.

5. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Анапа, 7 марта 2022 года). – Анапа: НИЦ экономических и социальных процессов в Южном Федеральном округе, 2022. – С. 14–18. – EDN: XFAVIY.

6. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. – ISBN 978-5-406-10620-4. – EDN: ZFMLLM.

7. Колоколова Д.А. Некоторые вопросы представительства в гражданском процессуальном праве / Д.А. Колоколова // Современное состояние системы принудительного исполнения в Российской Федерации и пути ее совершенствования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 12 ноября 2020 года) / отв. ред. У.М. Мурзабулатов. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 126–130. – EDN: QNEEOM.

8. Актуальные проблемы частного и публичного права: монография / И.Ф. Колонтаевская, В.И. Липунов, Д.А. Самородов, С.Ф. Гуляйкин; под ред. И.Ф. Колонтаевской. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2016. – 156 с. – ISBN 978-5-9580-0290-0. – EDN: WHOAIX.

9. Медиация в социальной сфере: основы применения и перспективы развития: учеб. пособие / Е.В. Савельева, Е.С. Митячкина, М.А. Фастова [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2021. – 94 с. – ISBN 978-5-91910-964-8. – EDN: AZJGMX.

10. Медиация: от общих положений к интеграции в систему высшего образования / Е.В. Савельева, Е.С. Митячкина, М.А. Фастова [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2020. – 120 с. – ISBN 978-5-91910-906-8. – EDN: CFDNDG.

Денисов Владислав Дмитриевич
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО КАК ИНСТИТУТ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ опеки и попечительства как правового института, призванного обеспечивать защиту прав и законных интересов лиц, не способных самостоятельно осуществлять свои гражданские права и исполнять обязанности.*

Рассматриваются историко-правовые предпосылки формирования данного института, его нормативно-правовая база в современном российском законодательстве, а также особенности правового статуса подопечных и опекунов (попечителей). Особое внимание уделяется соотношению опеки и попечительства с другими формами устройства несовершеннолетних и недееспособных граждан, а также проблемам правоприменительной практики.

На основе проведённого исследования обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в целях повышения эффективности защиты уязвимых категорий граждан. Актуальность исследования обусловлена ростом количества граждан, нуждающихся в правовой защите, и выявленными пробелами в механизмах контроля за деятельностью опекунов.

В работе применяется системно-структурный и сравнительно-правовой методы анализа. Выявлены ключевые проблемы: недостаточная правовая грамотность опекунов, формальный подход к осуществлению государственного контроля, отсутствие эффективных механизмов защиты имущественных прав подопечных.

Предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства, включая усиление ответственности опекунов и внедрение цифровых технологий в систему опеки и попечительства.

Ключевые слова: *опека, попечительство, дееспособность, недееспособность, защита прав, семейное право, гражданское право, законодательство, подопечный, опекун.*

Опека и попечительство представляют собой один из фундаментальных институтов частного права, направленный на обеспечение правовой защиты лиц, лишенных или ограниченных в способности самостоятельно осуществлять свои гражданские права и обязанности. В российской правовой системе данный институт регулируется нормами как гражданского, так и семейного законодательства и играет ключевую роль в системе социальной защиты уязвимых групп населения – несовершеннолетних, лиц, признанных судом недееспособными, а также граждан, ограниченных в дееспособности.

Понятие и правовая природа института опеки и попечительства.

Согласно статье 31 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [3, ст. 31], опека устанавливается над малолетними (до 14 лет) и гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства. Попечительство, в свою очередь, назначается над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет и над гражданами, ограниченными судом в дееспособности (ст. 30 ГК РФ) [3, ст. 30].

Правовая природа опеки и попечительства носит публично-правовой характер, поскольку государство выступает гарантом защиты интересов подопечных, осуществляя надзор через органы опеки и попечительства. В то же время институт тесно связан с частноправовыми отношениями, поскольку опекун (попечитель) действует от имени и в интересах подопечного в гражданском обороте.

Нормативно-правовая база и правовой статус участников.

Основу законодательного регулирования составляют:

– Гражданский кодекс РФ (раздел I, глава 4) [3];

– Семейный кодекс РФ (раздел IV, главы 18–19);

– Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»;

– постановления Правительства РФ и нормативные акты органов исполнительной власти субъектов РФ.

Правовой статус опекуна (попечителя) включает широкий круг обязанностей: забота о физическом и психическом благополучии подопечного, защита его имущественных и личных неимущественных прав, представительство в суде и иных органах [4, с. 152]. При этом опекун не приобретает прав на имущество подопечного, а обязан обеспечивать его сохранность и рациональное использование (ст. 37 ГК РФ) [3, ст. 37].

Проблемы правоприменения и направления совершенствования.

Несмотря на развитую нормативную базу, в практике реализации института опеки и попечительства выявляются существенные проблемы:

– недостаточный контроль за деятельностью опекунов, особенно в отношении имущества подопечных;

– бюрократические барьеры при назначении опекунов из числа близких родственников;

– отсутствие единых критериев оценки благополучия подопечного;

– пробелы в регулировании отношений, связанных с цифровыми активами подопечных.

Современные вызовы требуют законодательного уточнения процедур отчёта опекунов, усиления роли прокурорского надзора и внедрения цифровых инструментов мониторинга (например, электронных реестров подопечных и их имущества).

Опека и попечительство остаются неотъемлемым элементом правовой системы, обеспечивающим баланс между защитой уязвимых лиц и сохранением их правосубъектности. Эффективность данного института зависит от согласованности норм гражданского и семейного права, качества работы органов опеки и уровня правовой культуры общества. Дальнейшее развитие института должно быть ориентировано на персонифицированный подход, усиление прозрачности и внедрение современных механизмов контроля и поддержки.

Список литературы

1. Белова Е.В. Семейное право России: актуальные проблемы теории и практики / Е.В. Белова. – М.: Юрайт, 2022. – 384 с.

2. Витрянский В.В. Гражданское право: учебник / В.В. Витрянский. – В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2021. – 720 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

4. Кравец О.Н. Семейное право России: учебник / О.Н. Кравец. – М.: Юрайт, 2023. – 416 с.

5. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №25. – Ст. 3855.

6. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008 №48-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – №17. – Ст. 1757.

7. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 №44 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – №1. – С. 2–15.

8. Сергеев А.П. Гражданское право: учебник / А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – В 3 т. Т. 1. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 720 с.

9. Семейный кодекс Российской Федерации: от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16.

10. Суханов Е.А. Проблемы теории и практики гражданского права / Е. А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2022. – 560 с.

Матвеева Ксения Васильевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДОБРОСОВЕСТНОГО СУПРУГА ПРИ ПРИЗНАНИИ БРАКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Аннотация: *в статье рассматривается правовая защита добросовестного супруга при признании брака недействительным в соответствии со ст. 30 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Анализируются предусмотренные законом меры защиты: право на алиментное содержание по аналогии со ст. 90–91 СК РФ, возможность применения режима совместной собственности к имуществу, приобретённому в период брака, сохранение действительности брачного договора полностью или частично, компенсация материального и морального вреда, а также право сохранить фамилию, избранную при регистрации брака. Оценивается эффективность этих мер через призму судебной практики и выявляются ключевые проблемы правоприменения: трудности доказывания добросовестности, диспозитивный характер защиты, зависимость от инициативы супруга, недостаточная конкретизация критериев оценки и ограниченность компенсаций. Актуальность исследования обусловлена ростом дел о фиктивных браках, международных союзах и сокрытии препятствий, что подчёркивает пробелы действующего регулирования. Предлагаются пути совершенствования: введение презумпции добросовестности, процессуальные обязанности суда по разъяснению прав, расширение гарантий (учёт домашнего труда, жилищные права, корпоративные доли), а также методические рекомендации Верховного Суда РФ по компенсации вреда. Исследование носит комплексный характер, сочетая нормативный анализ, практику и доктринальные подходы, что определяет его значение для развития семейного права.*

Ключевые слова: *добросовестный супруг, недействительность брака, совместная собственность, правовая защита, компенсация вреда, алименты, судебная практика.*

Институт признания брака недействительным выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он выступает мерой охраны публичных интересов, направленной на пресечение браков, заключённых с нарушением условий их действительности, с другой – затрагивает конституционное право граждан на семью и брак. В таких ситуациях особенно уязвимым оказывается добросовестный супруг, который, не зная о препятствиях к заключению брака, вынужден нести негативные имущественные и личные последствия признания брака недействительным [1].

Актуальность темы обусловлена ростом числа споров о признании брака недействительным, включая фиктивные браки и браки, заключённые при сокрытии существенных обстоятельств, а также недостаточной разработанностью механизмов защиты добросовестного супруга. Дополнительную значимость исследованию придаёт то, что практика нередко сталкивается с трудностями доказывания добросовестности, определения объёма подлежащего защите интереса, а также со злоупотреблением правом как со стороны недобросовестного супруга, так и самого добросовестного участника брака [2].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ мер правовой защиты добросовестного супруга при признании брака недействительным, оценка их эффективности и выработка предложений по совершенствованию семейного законодательства и

правоприменительной практики. В работе применяется формально-юридический анализ норм СК РФ и Гражданского кодекса Российской Федерации, сравнительное изучение судебной практики и профильных научных исследований, обобщение доктринальных подходов.

Правовой статус добросовестного супруга.

Семейный кодекс РФ исходит из общего правила, согласно которому брак, признанный судом недействительным, не порождает прав и обязанностей супругов, предусмотренных семейным законодательством, за исключением специально установленных законом случаев. Именно в этих исключениях закрепляется особый статус добросовестного супруга – лица, который не знал о наличии препятствий к заключению брака, впоследствии признанного недействительным [3, с. 658–682].

Добросовестность в контексте недействительности брака конституируется через отсутствие вины лица в возникновении незаконного брачного союза, что подчёркивается как в доктрине, так и в правовых позициях Верховного Суда РФ. Такой статус служит основанием для смягчений общих последствий недействительности брака. В отличие от общего правила (отсутствие прав и обязанностей супругов, включая режим совместной собственности, недействительность брачного договора, восстановление фамилии до брака), ст. 30 СК РФ предусматривает для добросовестного супруга следующие исключения: возможность получения алиментов, применение норм об общей совместной собственности к совместно нажитому имуществу, признание брачного договора действительным полностью или частично, право на возмещение материального и морального вреда, а также сохранение фамилии, избранной при регистрации брака.

Пункт 4 ст. 30 СК РФ предусматривает, что при признании брака недействительным суд вправе признать за добросовестным супругом право на получение от другого супруга содержания в соответствии со ст. 90–91 СК РФ. Это означает возможность сохранения алиментных отношений по аналогии с действительным браком, если нарушенные права и фактические обстоятельства дела свидетельствуют о необходимости такой защиты.

В отношении имущества, приобретённого совместно до момента признания брака недействительным, ст. 30 СК РФ допускает применение положений о совместной собственности супругов (ст. 34, 38, 39 СК РФ), а также сохранение действительности брачного договора полностью или частично. Тем самым законодатель отступает от общего подхода к недействительности брака и фактически ретроспективно приравнивает имущественный режим к режиму законного брака, если это оправдано защитой интересов добросовестного супруга.

Отдельно закреплено право добросовестного супруга требовать возмещения причинённого ему материального и морального вреда по правилам гражданского законодательства, что было подтверждено и подробно разъяснено в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ.

В качестве ещё одной гарантии названо право добросовестного супруга сохранить фамилию, избранную при государственной регистрации заключения брака, несмотря на признание этого брака недействительным.

Проблемы правоприменения.

Несмотря на сравнительно широкий перечень предусмотренных законом средств защиты, их реализация на практике далеко не всегда обеспечивает полноценное восстановление нарушенных прав добросовестного супруга [4, с. 3–9].

Во-первых, предоставление алиментного содержания и применение режима совместной собственности носят диспозитивный характер и зависят от заявления соответствующих требований, причём Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным прямо указывает, что суд не вправе выходить за пределы заявленных сторонами требований.

Во-вторых, серьёзные трудности возникают при доказывании статуса добросовестного супруга, особенно в случаях фиктивных браков, браков с иностранным элементом, а также при сокрытии одним из супругов существенных обстоятельств (например, наличия другого брака или тяжёлого заболевания) [5, с. 3–7]. Судебная практика демонстрирует, что оценка добросовестности носит высоко оценочный характер и связана с риском как отказа в защите

действительно добросовестному супругу, так и злоупотребления правом со стороны лица, формально отвечающего признакам добросовестности.

Из содержания ст. 30 СК РФ усматривается, что установление добросовестности супруга происходит исключительно в судебном порядке и не входит в обязанности суда при рассмотрении дел о признании брака недействительным, являясь лишь его дискреционным правом. Эта особенность приводит к тому, что без активного заявления требований добросовестный супруг рискует остаться без защиты даже при наличии всех оснований.

В-третьих, компенсация материального и морального вреда, хотя и признаётся возможной, на практике применяется достаточно редко, а размеры присуждаемой компенсации зачастую не соответствуют глубине нравственных страданий и реальным имущественным потерям добросовестного супруга.

Наконец, действующее регулирование практически не учитывает потребности защиты добросовестного супруга при сочетании спора о недействительности брака с иными спорами – об установлении отцовства, о защите жилищных прав, о разделе бизнеса, созданного в период недействительного брака.

Пути совершенствования.

Представляется целесообразным законодательное уточнение понятия добросовестного супруга, включая закрепление презумпции его добросовестности при отсутствии доказательств иного со стороны оппонента, что согласуется с общим подходом к добросовестности участников гражданского оборота [6, с. 14–17] и тенденциями, отражёнными в научной литературе. Это позволило бы снизить нагрузку по доказыванию и минимизировать риск отказа в защите из-за формальных пробелов в доказательственной базе добросовестного супруга.

В отношении алиментных и имущественных требований возможно установить более жёсткие гарантии, например, ввести правило о том, что при признании брака недействительным суд обязан обсудить с добросовестным супругом вопрос о защите его прав и разъяснить возможность заявить требования о содержании, разделе имущества, компенсации вреда [7, с. 128]. Практикоориентированным шагом могло бы стать также закрепление в ст. 30 СК РФ прямой отсылки к возможности применения норм о долевом участии каждого из супругов в формировании общего имущества, включая учёт вклада в домашний труд и воспитание детей, при определении долей в совместно нажитом имуществе.

В доктрине высказывается идея расширения перечня последствий недействительности брака, защищающих добросовестного супруга, например, через учёт его интересов при решении жилищных вопросов, а также при определении режима корпоративных прав, возникших в период существования недействительного брака. Учитывая значение компенсации морального вреда, представляется оправданным выработка Верховным Судом РФ более конкретных ориентиров для определения его размера по данной категории дел, в том числе с учётом степени вины недобросовестного супруга и продолжительности брачных отношений.

Вместе с тем анализ нормативного материала, судебной практики и доктринальных позиций показывает, что указанные механизмы не всегда позволяют в полной мере компенсировать те негативные последствия, которые добросовестный супруг испытывает вследствие участия в недействительном браке [8, с. 33–35].

Проблемы связаны как с оценочным характером критерия добросовестности, сложностью доказывания, так и с диспозитивностью предоставляемых мер защиты и ограниченностью объёма компенсации вреда. В этих условиях обоснованным представляется совершенствование ст. 30 СК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ в направлении конкретизации статуса добросовестного супруга, усиления процессуальных гарантий реализации его прав и расширения спектра последствий недействительности брака, ориентированных на реальное восстановление его нарушенных интересов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).

3. Ульянова М.В. Пределы осуществления семейных прав / М.В. Ульянова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – №4. – С. 658–682. – DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-658-682. EDN DXMTXX

4. Долинская В.В. Защита семейных прав: природа и тенденции развития / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – №1. – С. 3–9. EDN QBVWKK

5. Алейникова В.В. Принцип добросовестности в семейном праве: сфера применения и пути толкования / В.В. Алейникова // Семейное и жилищное право. – 2022. – №4. – С. 3–7; №5. – С. 3–7. – DOI: 10.18572/1999-477X-2022-4-3-7. EDN FFSDPY

6. Собенина М.А. Проблемы и перспективы развития института недействительности брака по семейному законодательству Российской Федерации / М.А. Собенина // Семейное и жилищное право. – 2024. – №5. – С. 14–17. – DOI: 10.18572/1999-477X-2024-5-14-17. EDN IRFKXT

7. Личные и имущественные правоотношения супругов: учеб. пособие / К.М. Арсланов, З.А. Ахметьянова, А.Г. Демиева [и др.]; отв. ред. О.Н. Низамиева. – М.: Проспект, 2023. – 128 с.

8. Беспалов Ю.Ф. О правовом значении и ценности некоторых философско-нравственных категорий в семейных отношениях / Ю.Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. – 2020. – №3. – С. 33–35. – DOI: 10.18572/1999-477X-2020-3-33–35. EDN ELKISF

9. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. – EDN: VHJAUH.

10. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978-5-406-13285-2. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 01.07.2025). – EDN: FJEQON.

Метелькова Екатерина Павловна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ В ИНТЕРЕСАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: *статья посвящена анализу правоприменительной практики по делам о взыскании алиментов в интересах несовершеннолетних. Исследуются нормы семейного и гражданского процессуального законодательства, регулирующие порядок установления, изменения и взыскания алиментных обязательств. Особое внимание уделяется проблемам неформализованных источников дохода плательщиков и исполнения судебных решений. На основе анализа ГПК РФ, Семейного кодекса РФ и Федерального закона «Об исполнительном производстве» выявлены ключевые пробелы: недостаточная определённость механизмов установления размера алиментов, ограниченная эффективность доказывания действительного материального положения плательщика и низкая результативность принудительного исполнения. Предложены меры по совершенствованию законодательства с учётом баланса интересов всех участников правоотношений. Результаты могут быть использованы при разработке законодательных инициатив и в правоприменительной практике.*

Ключевые слова: *интересы несовершеннолетних, взыскание алиментов, алиментные обязательства, исполнение судебного решения, плательщик, семейный кодекс, доказательства доходов.*

В связи с участившимися случаями уклонения от исполнения алиментных обязательств особую значимость приобретает более подробное изучение законодательства в части,

касающейся данной проблемы, а также особенностей правоприменительной практики по этой категории дел. Споры, связанные с взысканием и уплатой алиментов, отличаются повышенной степенью обусловленности конкретными обстоятельствами, поскольку зависят от социальных и имущественных обстоятельств сторон. При этом случаи недобросовестного уклонения от алиментных обязательств чаще всего приобретают общественный резонанс, затрагивая проблему баланса правовых и морально-нравственных аспектов.

Как отмечает Жан-Жак Руссо [7], «никакая бедность, никакие занятия, никакое человеческое величие не избавляют его от обязанности кормить и самому воспитать своих детей». То есть обязанность родителей по содержанию ребёнка имеет не только правовую, но и морально-нравственную основу. Проблема взыскания алиментов выходит за рамки исключительно имущественного спора, поскольку затрагивает вопросы родительской ответственности, добросовестности поведения обязанного лица и защиты интересов несовершеннолетнего.

Именно поэтому проблема взыскания алиментов отражает необходимость баланса между правовыми механизмами принудительного исполнения и морально-нравственной стороной родительской ответственности. Законодательство закрепляет обязанность родителей содержать несовершеннолетних детей, однако правоприменительная практика показывает, что каждое дело имеет свои особенности, связанные с положением сторон, потребностями ребёнка и поведением плательщика.

Целью настоящего исследования является анализ правоприменительной практики по делам о взыскании алиментов, выявление основных проблем их рассмотрения и исполнения, а также определение значения алиментных обязательств в системе защиты прав ребёнка.

1. Нормы семейного и гражданского процессуального законодательства, регулирующие порядок установления, изменения и взыскания алиментных обязательств.

Главная особенность системы норм семейного и гражданского процессуального законодательства о порядке установления, изменения и взыскания алиментных обязательств заключается в том, что её конечной целью является не формальное разрешение спора между родителями, а реальная защита имущественных интересов несовершеннолетнего ребёнка.

Согласно ст. 38 Конституции Российской Федерации, забота о детях является правом и обязанностью родителей [1]. Основу нормативного регулирования алиментных обязательств составляют нормы Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) [3]. Также применимы положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ [2] и Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4].

Обязанность по содержанию ребёнка связана не с фактом заключения брака между родителями и не с их совместным проживанием, а именно с фактом статуса родителя. Именно это подтверждается статьёй 80 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026). То есть прекращение семейных отношений между супругами не прекращает обязанности каждого из них в участии обеспечения ребёнка.

Кроме основных правил определения алиментов, Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) предусматривает и дополнительные механизмы защиты ребёнка. Так, статья 86 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) регулирует участие родителей в дополнительных расходах на детей, например при необходимости лечения, ухода или иных исключительных обстоятельствах. Статья 107 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) определяет порядок обращения за алиментами и допускает их взыскание за прошедший период при наличии предусмотренных законом условий. Статья 113 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) посвящена определению задолженности по алиментам, а статья 115 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) устанавливает ответственность за несвоевременную уплату алиментов. Кроме того, статья 119 Семейного кодекса

Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026) позволяет изменить установленный судом размер алиментов при изменении материального или семейного положения сторон.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) [2] регулирует процессуальный порядок взыскания алиментов. В свою очередь алиментное требование может рассматриваться как в приказном, так и в исковом порядке. В части касающейся можно отметить такие статьи Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026), как 121–122.

Также согласно статье 29 ГПК РФ иски о взыскании алиментов и об установлении отцовства могут быть предъявлены истцом в суд по месту его жительства. Можно говорить о том, что данная норма имеет не только техническое, но и социальное значение: она облегчает доступ к судебной защите для родителя, с которым проживает ребёнок. В противном случае взыскатель был бы вынужден обращаться в суд по месту жительства ответчика, что во многих ситуациях затрудняло бы защиту интересов несовершеннолетнего.

После вынесения судебного акта правовая защита ребёнка не заканчивается. Далее начинается стадия исполнения судебного решения, где применим Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4]. Именно данный закон обеспечивает механизм принудительного взыскания и подсвечивает проблему исполнения судебных решений.

Таким образом, нормы семейного, гражданского процессуального законодательства и законодательства об исполнительном производстве образуют единую систему регулирования алиментных обязательств. Семейный кодекс Российской Федерации определяет саму обязанность родителей и способы расчёта алиментов, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает порядок судебной защиты, а Федеральный закон «Об исполнительном производстве» обеспечивает механизм принудительного взыскания.

2. Особенности определения размера и формы взыскания алиментов.

Размер алиментов в общем порядке определяется по правилам статьи 81 Семейного кодекса Российской Федерации [3]. Она предусматривает взыскание алиментов в долях от заработка или иного дохода родителя. Но данное правило не является абсолютно механическим. Суд вправе изменить размер долей с учётом материального и семейного положения сторон, а также иных обстоятельств. То есть главная особенность определения размера взыскания алиментов – это индивидуальная оценка, так как идентичная формула расчёта размера выплаты не всегда одинаково справедлива для разных семейных ситуаций. При этом определение формы взыскания алиментов регулируется статьёй 83 Семейного кодекса Российской Федерации, которая допускает взыскание алиментов в твёрдой денежной сумме. Но при этом определение размера и формы взыскания алиментов не может рассматриваться только как технический расчёт денежной суммы.

Так, А.М. Нечаева раскрывает в своих трудах, что в основе алиментных обязательств находится более широкая идея – обязанность родителя обеспечить ребёнку необходимые условия жизни и развития. То есть алименты взыскиваются в интересах ребёнка и его развития [8].

Среди основных особенностей определения размера и формы взыскания алиментов стоит выделить следующие.

1. Индивидуальный подход к каждой семейной ситуации.
2. Приоритет интересов ребёнка при определении размера алиментов.
3. Выбор между долевой формой и твёрдой денежной суммой.
4. Алименты как форма семейной ответственности.
5. Связь правовой обязанности с морально-нравственной ответственностью родителя.
6. Государственная значимость проблемы взыскания алиментов.

Российский юрист М.В. Антокольская рассматривала алиментные обязательства в системе семейных правоотношений, подчёркивая их особую правовую природу [6]. Это важно для понимания формы взыскания алиментов: речь идёт не о стандартном гражданско-правовом долге, а об обязанности, возникающей из семейной связи и направленной на содержание конкретного ребёнка. Поэтому при определении размера алиментов суд учитывает не только имущественную сторону спора, но и социальное назначение выплаты.

Связь правовой обязанности с морально-нравственной ответственностью родителя можно заметить в трудах Жан-Жака Руссо [7]. Его мысль о том, что бедность не избавляет родителя от обязанности кормить и воспитывать ребёнка, показывает, что обязанность содержать ребёнка не сводится только к юридическому принуждению и имеет нравственную основу.

Проблема неуплаты алиментов неоднократно рассматривалась российскими политическими деятелями как социально значимая. Президент Российской Федерации В.В. Путин ещё в 2020 году поручал подготовить меры дополнительной поддержки детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, при сохранении ответственности для должников. В.И. Матвиенко подчёркивала необходимость применения строгих государственных мер к родителям, оставляющим детей без средств к существованию. Е.Б. Мизулина, в свою очередь, указывала на масштабность проблемы, отмечая, что многие дети, имеющие законное право на алименты, фактически их не получают [9]. Указанные позиции подтверждают, что алиментные обязательства имеют не только частноправовой, но и социально-публичный характер.

Таким образом, особенности определения размера и формы взыскания алиментов обусловлены не только положениями семейного законодательства, но и самой природой алиментных обязательств. С учётом позиций юристов, философов и политических деятелей алименты следует рассматривать как правовой механизм реализации родительской ответственности, имеющий одновременно имущественное, социальное и нравственное значение. Поэтому при выборе формы взыскания алиментов и определении их размера суд должен исходить из приоритета интересов ребёнка, индивидуальных обстоятельств семьи и необходимости обеспечить несовершеннолетнему достойные условия жизни.

3. Проблемы доказывания материального положения плательщика и исполнения судебных решений о взыскании алиментов.

Статья 98 Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» предусматривает обращение взыскания на заработную плату и иные доходы должника, а статья 102 данного закона регулирует порядок взыскания алиментов и задолженности по алиментным обязательствам [5].

На практике значение исполнительного производства особенно велико, поскольку наличие судебного решения само по себе ещё не гарантирует фактического получения денежных средств ребёнком. Проблемы возникают при сокрытии доходов, неофициальной занятости должника, смене места работы или уклонении от взаимодействия с судебным приставом-исполнителем.

Официальные сведения о доходах не всегда отражают фактическое финансовое состояние должника. Плательщик может получать часть дохода неофициально, скрывать дополнительные источники заработка, формально не трудоустраиваться либо переоформлять имущество на других лиц. Особенно сложно взыскателю доказать наличие у должника реальных доходов и имущества, поскольку доступ к таким сведениям ограничен. В связи с этим важное значение имеют судебные запросы, сведения из налоговых органов, банков, Росреестра, ГИБДД и иных государственных структур.

Не менее значимой является проблема исполнения судебных решений. Даже после вынесения судебного акта ребёнок не всегда фактически получает алименты. В практике также наблюдаются частые случаи, когда родитель формально не трудоустроен, но фактически имеет доход. При таком случае взыскание алиментов только в долях от дохода оказывается неэффективным и несправедливым.

4. Перспективы совершенствования законодательства.

Для устранения выявленных пробелов и противоречий в правовом регулировании взыскания алиментов в интересах несовершеннолетних представляется необходимым:

− совершенствовать механизмы выявления реальных доходов и имущества должника;

− расширять меры воздействия на недобросовестных плательщиков алиментов, в том числе при наличии значительной задолженности;

− усилить меры наказания за уклонение от исполнения судебных решений по вопросу исполнения алиментных обязательств;

− усилить меры принудительного воздействия в отношении должников по алиментам, уклоняющихся от явки в суд.

По словам директора ФССП России Д.В. Аристова, за девять месяцев 2025 года судебные приставы взыскали почти 74 млрд рублей алиментов, а за предыдущие пять лет – 258 млрд рублей. Эти данные показывают масштаб алиментных обязательств и необходимость дальнейшего совершенствования механизмов их исполнения [10].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Федеральный закон «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» №138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026).

3. Федеральный закон «Семейный кодекс Российской Федерации» №223-ФЗ от 29.12.1995 (ред. от 23.03.2026).

4. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» №229-ФЗ от 02.10.2007.

5. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» №229-ФЗ от 02.10.2007. – Ст. 98.

6. Антокольская М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 336 с.

7. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо. – URL: https://www.litres.ru/book/zhan-zhak-russo/emil-ili-o-vospitanii-18397944/chitat-onlayn/ (дата обращения: 21.07.2026).

8. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. – URL: https://zags.tatarstan.ru/file/pub/pub_93979.pdf (дата обращения: 21.07.2026).

9. Парламентская газета. – 2025. – URL: https://www.pnp.ru/ (дата обращения: 21.07.2026).

10. ТАСС. – 2025. – URL: https://tass.ru/obschestvo/25514487 (дата обращения: 21.07.2026).

Панфилова Лариса Сергеевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА С ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНИНОМ

Аннотация: *в наши дни все чаще возникает необходимость в составлении брачного контракта, так как он дает возможность упорядочить материальные связи между партнерами и обезопасить их интересы на случай развода. Осведомленность о процедуре оформления и прекращения брачного соглашения дает людям возможность разумно обезопасить свое материальное положение и избежать потенциальных семейных конфликтов. Тема смешанных брачных договоров обусловлена устойчивой тенденцией к увеличению числа международных браков в Российской Федерации. Оформление брачного контракта с лицом, не имеющим российского гражданства, порождает ряд специфических сложностей, обусловленных расхождениями между национальными правовыми системами и предписаниями международного частного права. В первую очередь следует принимать во внимание, что такой договор обязан соответствовать не только требованиям действующего законодательства Российской Федерации, но и нормативным актам страны, гражданином которой выступает другая сторона соглашения. В связи с количественным ростом смешанных браков, особую значимость приобретает вопрос гармонии российского законодательства с международными стандартами, в частности с положениями Конвенции о праве, которые применяются к брачным имущественным режимам. Отдельные вопросы заключения брачного договора с иностранным гражданином требуют комплексного подхода, который сочетает гражданско-правовые нормы России, международно-правовые принципы и законодательство иностранного государства. Внимательное соблюдение процедур, выбор применимого права, четкое определение содержания и формы сделки способствуют обеспечению защиты интересов обеих сторон и стабильности правовых отношений в сфере международных семейных правоотношений.*

В статье рассматривается проблема, заключающаяся в системных коллизиях между положениями российского Семейного кодекса и нормами иностранного семейного права. Автором проведена комплексная систематизация правовых аспектов заключения брачного договора с иностранным гражданином через призму российского и международного частного права.

Ключевые слова: *апостиль, брачный договор, имущество супругов, семейное законодательство, коллизионные нормы, международные браки, нотариальное удостоверение.*

Общая характеристика брачных договоров в России.

Брачный договор в системе российского семейного права – это соглашение супругов либо лиц, планирующих вступить в брак, регулирующее порядок владения, пользования и распоряжения имуществом во время брака и при его расторжении. Этот механизм закреплён в статье 40 Семейного кодекса РФ, которая предусматривает установление договорного режима совместной собственности вместо стандартного законодательного порядка.

Право на вступление в брак не подлежит ограничению исключительно территориальным критерием. Как указано в статье 16 Всеобщей декларации прав человека, лица обоего пола, достигшие возраста совершеннолетия, вправе свободно вступать в брачные отношения и создавать семью, не сталкиваясь с дискриминацией по признакам расы, вероисповедания или

национальности. аки, заключаемые между гражданами различных стран, традиционно именуются смешанными.

Особенность брачного договора состоит в жёсткой форме его оформления: он обязательно должен быть заверен нотариально и не допускает одностороннего изменения условий. В отличие от устных согласий или обычных письменных договорённостей, такой документ имеет юридическую силу и обеспечивает надлежащую исполнимость, что особенно важно при разрешении имущественных споров, затрагивающих международные аспекты.

Созданию современной российской правовой базы по брачным договорам должно сопутствовать учет положений международного частного права, поскольку семейные связи с участием иностранных граждан подлежат регулированию на пересечении разных правовых систем. Область международного частного права в сфере семьи охватывает множество вопросов – от оформления и прекращения брака, признания его незаконным, до установления имущественных условий супружеских пар, исполнения алиментных обязанностей, процедуры усыновления и прочих аспектов, связанных с межгосударственными правоотношениями.

Правовое регулирование заключения брачного договора с иностранным гражданином в России.

Международный статус семейных правоотношений обусловлен наличием иностранного элемента, проявляющегося не только в гражданстве одной из сторон, но и в местоположении рождения ребёнка за границей, наличии имущественных объектов или юридических фактов, связанных с иностранным законодательством, а также в том, что само правоотношение возникло вне территории РФ. Следовательно, даже взаимоотношения между двумя гражданами России могут быть охвачены нормами международного частного права, если соответствующие события произошли за пределами страны.

Согласно статье 42 Семейного кодекса Российской Федерации [1, с. 6], брачный договор подвергается определённым содержательным ограничениям, которые распространяются одинаково на соглашения, заключаемые как гражданами России, так и иностранными лицами. Установлено строгое соблюдение рамок при формировании условий договора. Запрещено затрагивать права и способности супругов, а также ограничивать их возможность обращаться в судебные органы. Нельзя регулировать личные неимущественные связи между супружеской парой и вопросы, связанные с детьми. Кроме того, недопустимо предусматривать условия, лишающие супруга, который является нетрудоспособным и нуждающимся в помощи, права на получение содержания. Недопустимы условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основам семейного законодательства. В отличие от российской практики, нормы права Соединённых Штатов Америки и Великобритании позволяют включать в соглашения условия, касающиеся личных связей и расширяемых имущественных обязательств.

Например, американские prenuptial agreements могут регулировать вопросы раздела долгов, алиментных обязательств и даже штрафных санкций за нарушение супружеской верности. Иностранные правовые системы, основанные на либеральных принципах, способны расходиться с требованиями российского публичного порядка. Как отмечает А.М. Нечаева, «признание иностранных брачных договоров, содержащих условия, недопустимые по российскому праву, возможно лишь при условии их непротиворечия основам правопорядка РФ» [1, с. 6]. Это создаёт дополнительные сложности при трансграничном признании договоров.

Заключение брачного договора с участием иностранного гражданина на территории Российской Федерации регулируется нормами Семейного кодекса РФ и принципами международного частного права. Согласно законодательству, иностранные граждане имеют возможность оформлять такие соглашения как с гражданами РФ, так и друг с другом, однако данная процедура обязывает к нотариальному заверению документа и прохождению государственной регистрации брака в органах записи актов гражданского состояния.

Статья 41 СК РФ регламентирует нотариальное удостоверение брачного договора и определяет роль нотариуса при совершении соглашений с участием иностранцев. Важно

отметить, что в некоторых иностранных юрисдикциях допускаются иные формы, например, письменный договор без нотариального подтверждения. Данный аспект может порождать проблему признания и исполнения документа в другой стране. Например, в Германии и Франции предусмотрено обязательное нотариальное удостоверение, тогда как в США и Великобритании допустима обычная письменная форма. «Гаагская конвенция о праве, применимом к имущественным режимам супругов» 1978 года рекомендует соблюдение формы, предписанной правом места заключения договора. Расхождения в формальных требованиях создают риски непризнания договора в иностранных юрисдикциях.

Согласование законодательства разных стран при заключении брачного договора.

Для признания брачного договора, заключённого за границей, действительным в Российской Федерации, ему необходимо пройти процедуру консульской легализации либо получить апостиль в стране оформления. Такие соглашения признаются в России, если их положения соответствуют требованиям российского законодательства, не нарушая общепризнанных принципов публичного порядка и норм Семейного кодекса РФ. Это требование исходит из статьи 27 Федерального закона №154-ФЗ от 5 июля 2010 года, регламентирующего порядок консульской легализации иностранных официальных документов.

В реальности в межэтнических семьях часто возникает ситуация, при которой брачный контракт, действительный в одной юрисдикции, не принимается в другой. Подобные расхождения вызваны различиями в законодательстве и традициях. Так, в ряде стран подобные соглашения допустимы лишь в ограниченной области – например, не охватывают вопросы имущественных отношений или личных взаимоотношений, а также не имеют юридической силы за пределами данной страны.

Соответственно, даже документ, нотариально удостоверенный и легализованный, может быть частично или полностью отклонён компетентными органами иностранного государства.

Согласно пункту 2 статьи 161 Семейного кодекса Российской Федерации, супруги вправе самостоятельно установить применимое к их брачному соглашению законодательство при отсутствии у них общего гражданства либо совместного места жительства. Такой самостоятельный выбор позволяет заранее закрепить юридическую базу регулирования имущественных связей и минимизировать возможные противоречия, обусловленные различиями в национальных правовых системах. На практике применение права территориальной принадлежности имущества часто становится решающим фактором для определения порядка владения и распоряжения имуществом, включённым в брачный договор [3, с. 6].

Еще одним важным аспектом является языковое обеспечение документа. Чтобы избежать неоднозначностей и ошибочного толкования, целесообразно оформить контракт на нескольких языках, заранее определив, какой из вариантов имеет преимущественную силу при расхождении интерпретаций. Перевод необходимо выполнить квалифицированным специалистом и заверить у нотариуса, если это предусмотрено условиями.

При оформлении брачного соглашения с иностранцем столь же важно учитывать порядок государственной регистрации и дальнейшего учёта такого документа. В РФ брачный договор должен быть зарегистрирован у нотариуса с фиксацией записи в реестре, что гарантирует ему юридическую силу внутри страны [4, с. 6]. Во многих зарубежных государствах действуют собственные процедуры – схожие либо отличные от российских; невнимание к их особенностям способно повлечь потерю правового охранного статуса договора.

В заключение, особую важность приобретает возможность внесения изменений или расторжения брачного соглашения в международной практике. Отметим, что нормативные акты различных государств по-разному устанавливают процедуры и основания для корректировки договора или его расторжения. Участникам необходимо чётко прописывать в документе условия и способы такой модификации, обеспечивая высокий уровень правовой определённости и прогнозируемости.

В России международное семейное право всё ярче формируется как самостоятельная отрасль, ориентированная на гармонизацию с международными стандартами, что проявляется

в совершенствовании институтов общего имущества супругов, алиментных обязательств и отношений между родителями и детьми.

Эффективное правовое регулирование заключения брачных договоров с иностранными гражданами возможно при условии системного подхода, предусматривающего не только формальное соблюдение процедур, но и глубокое понимание международных коллизионных норм, а также стратегическое согласование содержания договоров [5, с. 6]. Подобный путь обеспечивает защиту интересов супружеских пар и повышает юридическую достоверность в условиях разнообразия международных семейных отношений. Применение подобных подходов становится критически важным в свете усиления миграционных процессов, расширения межкультурного взаимодействия и глобализации, поскольку межгосударственные браки уже давно перестали быть исключением и требуют чёткого, надёжного законодательного регулирования.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026).

2. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов / А.М. Нечаева. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 251 с. – ISBN 978-5-534-17235-5.

3. Главы 8. Договорный режим имущества супругов // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/10105807/ece92382efb38f5899252c9982390b2d/ (дата обращения: 24.02.2026).

4. Иловайский И.Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом / И.Б. Иловайский. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 94 с.

5. Плечева М.В. Заключение брака, осложненного иностранным элементом: некоторые вопросы регулирования / М.В. Плечева // Эпомен. – 2020. – №48. – С. 210–214. EDN MYNNNF

6. Агапов С.В. Семейное право: учебник и практикум для вузов / С.В. Агапов. – М.: Юрайт, 2024. – 208 с.

7. Институт брачного договора в России: история // Правовой портал «Law.ru». – URL: https://www.law.ru/article/27426--institut-brachnogo-dogovora-v-rossii-istoriya (дата обращения: 24.02.2026).

8. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. – EDN VHJAUH.

9. Основы права: с практикумом: учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978-5-406-13285-2. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 24.02.2026).

10. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN AOPYTL.

11. Гостяева Е.В. Проблемы международного брачного договора: правовые аспекты и практика / Е.В. Гостяева, О.М. Степаненко // Молодой ученый. – 2024. – №46 (545). – С. 110–113. – URL: https://moluch.ru/archive/545/119253. – (дата обращения: 24.02.2026). EDN XQTQKN

Филиппова Виктория Олеговна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу договорного регулирования семейных отношений в условиях цифровизации правовой и технологической среды. Исследуются брачный договор, соглашение об уплате алиментов и соглашение о разделе общего имущества супругов как ключевые инструменты реализации частной автономии в семейном праве при одновременном действии публично-правовых ограничений. Особое внимание уделяется тому, как цифровые сервисы, электронная идентификация, платформенные решения и электронные реестры влияют на формы заключения, удостоверения и исполнения семейно-правовых соглашений, а также на доказательственный аспект семейных споров. Показано, что цифровая среда создает новые возможности для дистанционного взаимодействия с нотариусом, ускоряет подготовку документов и облегчает доступ к сведениям, необходимым для корректного определения состава имущества и условий содержания членов семьи. Вместе с тем акцентируется риск снижения уровня гарантий при переносе таких сделок в электронную форму: возрастает значение достоверной идентификации, проверки добровольности волеизъявления, противодействия психологическому давлению и злоупотреблениям зависимым положением стороны. Автор выделяет особую роль нотариата как посредника между договорной свободой и публичной защитой интересов детей, нетрудоспособных и иных социально уязвимых членов семьи, обосновывая необходимость развития электронного нотариата с учетом специфики семейных сделок. В статье формулируется принцип функциональной допустимости цифровых решений: цифровые инструменты могут применяться лишь постольку, поскольку они не подрывают гарантии, связанные с личным участием сторон, содержательной правовой экспертизой условий соглашений и возможностью эффективной судебной защиты. Сделан вывод о том, что цифровизация семейно-правовых договоров должна сочетать технологическую эффективность с приоритетом сохранения личной сферы и справедливого баланса интересов участников семейных правоотношений.*

Ключевые слова: *семейное право, договорное регулирование, цифровизация, брачный договор, алиментное соглашение, нотариат, электронный документ.*

Семейное право традиционно сочетает диспозитивные и императивные начала, что особенно ярко проявляется в сфере договорного регулирования [1]. По мере развития цифровой среды договорные конструкции в семейных отношениях сохраняют свое значение, однако формы их заключения, удостоверения и исполнения постепенно адаптируются к использованию электронных сервисов, цифровой идентификации и информационного взаимодействия между гражданами, нотариусами и государственными органами [4].

Договорное регулирование в семейном праве выражается прежде всего в возможности участников семейных правоотношений самостоятельно определять отдельные имущественные и связанные с ними организационные вопросы в пределах, установленных законом [2]. К числу наиболее значимых договорных инструментов относятся брачный договор, соглашение об уплате алиментов, соглашение о разделе общего имущества супругов, а также иные соглашения, не противоречащие существу семейных отношений и основам семейного законодательства [8].

Цифровизация в юридическом смысле охватывает не только перевод документов в электронную форму, но и внедрение новых механизмов подтверждения личности, фиксации волеизъявления, удаленного взаимодействия с нотариусом и последующего хранения юридически значимой информации [4]. В этих условиях возникает вопрос о том, насколько допустимо и безопасно переносить семейно-правовые договоры в цифровую среду, учитывая их личностный характер, повышенную социальную значимость и необходимость защиты прав уязвимых субъектов [4].

Правовую основу договорного регулирования семейных отношений составляет Семейный кодекс Российской Федерации, который исходит из принципов добровольности брачного союза, равенства прав супругов, приоритета семейного воспитания детей и необходимости защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи [1]. В отличие от классических гражданско-правовых договоров, соглашения в семейном праве ограничены публично-правовыми началами: стороны не вправе произвольно изменять объем правоспособности, ограничивать право на обращение в суд либо включать условия, противоречащие существу семейных обязанностей [8].

Брачный договор: *традиционная модель и цифровая трансформация.*

Брачный договор занимает центральное место среди договорных средств регулирования семейных имущественных отношений. Его значение заключается в возможности определить режим имущества супругов, порядок участия в доходах друг друга, распределение семейных расходов и иные имущественные аспекты брака либо его расторжения[9] Однако даже при широком усмотрении сторон семейное законодательство не допускает включения в брачный договор условий, ограничивающих правоспособность и дееспособность супругов, регулирующих личные неимущественные отношения между ними, права и обязанности в отношении детей, а также ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [11].

В условиях цифровизации брачный договор может рассматриваться не только как бумажный документ, подписываемый в присутствии нотариуса, но и как объект будущей цифровой трансформации процедуры удостоверения. Теоретически цифровые сервисы способны упростить предварительное согласование текста, дистанционную запись к нотариусу, проверку сведений о сторонах и последующее хранение документа [3]. Вместе с тем полная дематериализация брачного договора ограничивается необходимостью достоверной идентификации личности, проверки подлинности и добровольности волеизъявления, а также разъяснения правовых последствий заключаемого соглашения [6].

Соглашение об уплате алиментов в цифровой среде.

Не менее значимым инструментом договорного регулирования выступает соглашение об уплате алиментов. Данное соглашение представляет собой особую семейно-правовую сделку, сочетающую свободу усмотрения сторон с жесткими гарантиями защиты получателя алиментов и интересов несовершеннолетнего [9].

В цифровой среде для такого соглашения особенно важны надежные механизмы удостоверения личности, фиксации содержания обязательств, подтверждения нотариального действия и обеспечения последующего принудительного исполнения, поскольку нотариально удостоверенное соглашение обладает силой исполнительного документа.

Цифровизация может повысить доступность заключения алиментных соглашений за счет предварительного электронного взаимодействия, обмена проектами документов и использования государственных сервисов для получения сведений о доходах, составе семьи и иных обстоятельствах, имеющих юридическое значение [3].

Однако перенос подобных процедур в электронный формат не должен снижать уровень правовых гарантий, поскольку давление одной стороны на другую, формальное согласие либо недостаточное понимание условий соглашения в семейных отношениях создают повышенные риски злоупотреблений [11].

Соглашение о разделе имущества и цифровая инфраструктура.

Соглашение о разделе имущества супругов также приобретает новые особенности в цифровой среде. Цифровые реестры, сведения о правах на недвижимость, банковские сервисы, электронные данные о ценных бумагах и иных активах позволяют точнее определить состав совместно нажитого имущества и уменьшить вероятность сокрытия объектов раздела [13]. Одновременно цифровой след имущественных операций усложняет оценку добросовестности поведения сторон, поскольку для квалифицированного оформления соглашения требуется учитывать происхождение средств, момент приобретения имущества, наличие обременений и взаимосвязь с общими обязательствами супругов [10].

Цифровая среда меняет и доказательственный аспект семейно-правовых договоров. Электронная переписка, цифровые проекты соглашений, сведения из личных кабинетов, данные платформенных сервисов и иные электронные следы могут использоваться для подтверждения переговоров сторон, их намерений и фактического поведения после заключения договора. Вместе с тем такие сведения не заменяют установленную законом форму сделки в тех случаях, когда семейное законодательство требует письменного оформления и нотариального удостоверения.

Особую роль в цифровизации договорного регулирования семейных отношений играет нотариат. Именно нотариус в современных условиях становится ключевым посредником между семейно-правовой автономией сторон и публичной гарантией законности совершаемых действий [6]. Цифровые сервисы нотариата способны сократить временные издержки, повысить доступность юридически значимых процедур и обеспечить более надежное хранение сведений о совершенных нотариальных действиях. Однако для семейно-правовой сферы особенно важно, чтобы технологическое упрощение не вытесняло содержательную правовую проверку условий соглашения, выявление пороков воли и контроль за соблюдением интересов детей и иных уязвимых участников семейных отношений.

В научном плане цифровизация договорного регулирования семейных отношений демонстрирует двойственный эффект. С одной стороны, она расширяет возможности частной автономии, делает подготовку соглашений более удобной, ускоряет сбор документов и интегрирует семейно-правовые сделки в единую цифровую инфраструктуру юридически значимых действий. С другой стороны, цифровая форма усиливает требования к защите персональных данных, информационной безопасности, достоверности идентификации и профилактике манипулирования волеизъявлением стороны, находящейся в психологически или экономически зависимом положении [7].

При этом договорное регулирование семейных отношений не может быть сведено к обычной логике цифрового сервиса. В отличие от коммерческих сделок, семейно-правовые договоры затрагивают личную сферу жизни, интересы детей, вопросы содержания, собственности и социальной справедливости [8] Поэтому внедрение цифровых технологий здесь должно строиться на принципе функциональной допустимости: цифровой инструмент приемлем лишь постольку, поскольку он не разрушает гарантии, которые законодательство связывает с личным участием сторон, нотариальным контролем и судебной защитой [13].

Представляется, что дальнейшее развитие цифровизации в данной сфере должно идти по нескольким направлениям.

Во-первых, требуется совершенствование электронного нотариата применительно к семейным сделкам с учетом их специальной природы.

Во-вторых, необходимо разработать более четкие правила дистанционной идентификации и проверки добровольности волеизъявления.

В-третьих, важно обеспечить высокий стандарт конфиденциальности семейно-правовой информации, исключающий неправомерное распространение сведений о частной жизни, имущественном положении и содержании внутрисемейных соглашений.

Таким образом, договорное регулирование семейных отношений в контексте цифровизации представляет собой закономерное направление развития современного семейного права.

Цифровые технологии способны усилить эффективность договорных механизмов, упростить доступ к нотариальным и государственным сервисам, повысить предсказуемость оформления семейно-правовых соглашений [10]. Вместе с тем их применение допустимо только при сохранении специальных гарантий семейного законодательства, направленных на обеспечение реальной свободы волеизъявления, баланса интересов сторон и приоритета защиты детей и иных социально уязвимых членов семьи.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон №51-ФЗ: принят Гос. Думой 30.11.1994: (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

3. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978-5-406-13285-2. – EDN: FJEQON. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 01.07.2025).

4. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. – EDN: VHJAUH.

5. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 года). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. – EDN: PBDDMP.

6. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: AOPYTL.

7. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. – ISBN 978-5-406-10620-4. – EDN: ZFMLLM.

8. Агапов С.В. Семейное право: учебник и практикум для среднего профессионального образования / С.В. Агапов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2025. – 208 с.

9. Корнеева И.Л. Семейное право: учебник и практикум для вузов / И.Л. Корнеева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 285 с.

10. Пузиков Р.В. Семейное право: учебник для среднего профессионального образования / Р.В. Пузиков, Н.А. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 148 с.

11. Медиация в социальной сфере: основы применения и перспективы развития: учеб. пособие / Е.В. Савельева, Е.С. Митячкина, М.А. Фастова [и др.]. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2021. – 94 с. EDN AZJGMX

12. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования семейных отношений / В.И. Липунов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – №1 (6). – С. 27–30. EDN VHJAUH

13. Правоведение: учебник для вузов / под ред. В.А. Белова, Е.А. Абросимовой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 494 с.

ТРУДОВОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Авдеев Алексей Вячеславович
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБЛЮДЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРАВОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация: *в статье рассматривается правовой статус руководителя бюджетной организации и его роль арбитра, обеспечивающего соблюдение трудовых норм перед всеми заинтересованными лицами. Перечислены нормативные основы обязанностей руководителя и виды ответственности. Особое внимание уделено императивным требованиям статей 57, 72, 74, 113, 122, 136, 163, 261 Трудового кодекса РФ, регулирующим содержание и изменение трудового договора, изменение организационных условий труда, привлечение к работе в нерабочие дни, предоставление отпусков и выплату заработной платы. Рассматриваются уголовная и административная ответственность за правовой нигилизм руководителей. Научная новизна заключается в обосновании концептуальной связи между уровнем правовой дисциплины руководителя бюджетной организации и формированием социального доверия граждан к институтам государственной власти. Доказывается, что правовой нигилизм в государственном секторе ведёт к дестабилизации легитимности власти. Исследование базируется на судебной практике 2025–2026 годов.*

Ключевые слова: *руководитель бюджетной организации, трудовой договор, правовой нигилизм, дисквалификация руководителя, профессиональная этика, императивные требования, государственный строй.*

Государственные бюджетные учреждения формируют фундаментальный каркас социальной сферы России, обеспечивая реализацию базовых конституционных гарантий населения [1, ст. 164]. В этой связи руководитель бюджетной организации перестаёт быть исключительно управленцем, приобретая статус публичного субъекта, чья деятельность напрямую ассоциируется с авторитетом государства.

Далее отражены результаты комплексного анализа правовых обязанностей руководителя по соблюдению императивных норм трудового права в контексте обеспечения социальной стабильности и легитимности власти [2, ст. 75.1].

Трудовое законодательство в бюджетной сфере носит строго императивный характер. Руководитель должен соблюдать трудовое законодательство.

Безусловное соблюдение норм статьи 57 Трудового кодекса РФ является первичной обязанностью руководителя. Данная норма устанавливает исчерпывающий перечень сведений и условий, которые обязательно должны быть включены в трудовой договор.

Руководитель обязан не просто указать трудовую функцию, но и детально конкретизировать показатели эффективности, условия предоставления стимулирующих выплат и критерии оценки труда. Любая неопределённость в формулировках (например, ссылка на «решение руководителя» без чётких критериев) признаётся судами нарушением императивной обязанности работодателя по обеспечению прозрачности оплаты труда. Отсутствие в договоре обязательных условий (например, условий труда по результатам СОУТ) влечёт не только

штрафы, но и обязанность руководителя незамедлительно дополнить договор недостающими сведениями [3, с. 4].

Принцип стабильности трудовых отношений находит своё выражение в статье 72 ТК РФ. Императивность этой нормы заключается в безусловном запрете на изменение определённых сторонами условий трудового договора (должности, оклада, надбавок, трудовой функции) без письменного согласия работника. Уменьшение любой составной части зарплаты по устному распоряжению управленца бюджетной организации является нарушением трудового законодательства, часто влекущим за собой риск дисквалификации руководителя. Статья 72 ТК РФ требует заключения дополнительного соглашения, которое становится неотъемлемой частью трудового договора, фиксируя добровольное волеизъявление обеих сторон. Любое давление на сотрудника с целью подписания такого соглашения является нарушением профессиональной этики и правовых норм [1, ст. 72].

Особое место в системе управления занимает статья 74 ТК РФ, которая предоставляет руководителю право на одностороннее изменение условий труда, но обставляет это право жёсткими императивными процедурами. Императивность здесь проявляется в необходимости документального доказательства реальности организационных или технологических изменений. Руководитель бюджетного учреждения не может ссылаться на абстрактную «оптимизацию штата» или снижение бюджетных лимитов. Он обязан обосновать, что прежние условия не могут быть сохранены вследствие, например, внедрения новых цифровых платформ или реорганизации структуры учреждения.

Нарушение двухмесячного срока уведомления или несоблюдение обязанности по предложению всех имеющихся вакансий (включая нижестоящие и менее оплачиваемые) делает действия руководителя незаконными, что ведёт к восстановлению сотрудника на работе и взысканию компенсаций из бюджета, за которые руководитель несёт полную материальную ответственность [4, с. 3–30].

Императивные требования законодательства распространяются и на режим использования рабочего времени, а также на порядок выплаты вознаграждения. Статья 113 ТК РФ устанавливает общий запрет на работу в выходные и нерабочие праздничные дни. Императивность нормы заключается в том, что такое привлечение допускается только с письменного согласия работника и на основании письменного приказа. Исключения (аварии, катастрофы) строго лимитированы законом. Нарушение этой процедуры классифицируется как принудительный труд, что влечёт за собой серьёзные административные и уголовные риски.

Руководитель бюджетного учреждения несёт прямую ответственность за такую категорию трудовых отношений, как оплата труда.

Оплата труда определяет соответствующую деятельность работодателя по обеспечению выполнения им императивной обязанности по своевременной и полной выплате работнику заработной платы. Из содержания статьи 136 ТК РФ следует, что оплата труда должна: осуществляться регулярно и не реже, чем каждые полмесяца и в конкретные дни, установленные правилами внутреннего трудового распорядка; осуществляться в денежной форме; быть выше или равной МРОТ и не ограничиваться максимальным размером; быть защищённой от уменьшения размера путём одностороннего изменения условий труда [6, с. 163–164]. Судебная практика 2025–2026 гг. подтверждает, что отсутствие денежных средств на счёте учреждения не освобождает руководителя от осуществления выплат заработной платы и не является основанием для освобождения управленца бюджетной организации от ответственности. Следует отметить, что руководитель обязан письменно извещать каждого работника о составных частях заработной платы (расчётный листок), невыполнение чего является самостоятельным правонарушением.

Оплачиваемый отпуск должен предоставляться работнику ежегодно (статья 122 ТК РФ). Право на использование отпуска за первый год работы возникает у работника по истечении шести месяцев его непрерывной деятельности у данного работодателя. Руководитель бюджетного учреждения не вправе произвольно отказывать в предоставлении отпуска,

переносить его без согласования или заменять денежной компенсацией в нарушение установленного порядка.

Непредоставление отпуска в течение 2 лет подряд, равно как и нарушение графика отпусков, квалифицируются контролирующими органами как грубое нарушение императивных требований, влекущие административную и материальную ответственность.

Статья 261 ТК РФ закрепляет повышенные гарантии для беременных женщин и лиц с семейными обязанностями при расторжении трудового договора [7]. Увольнение женщины в период её беременности по инициативе руководителя бюджетной организации влечёт не только восстановление на работе сотрудницы со взысканием компенсаций, но и уголовную ответственность для управленца.

Обязанность по обеспечению нормальных условий для выполнения работниками норм выработки (статья 163 ТК РФ) в бюджетном секторе означает обеспечение исправного состояния оборудования, безопасные условия труда и наличие необходимых материалов (например, понятная документация для выполнения задания в полном объёме). Если руководитель не обеспечил данные условия, он не имеет права применять к сотруднику дисциплинарные взыскания за невыполнение трудового плана.

Таким образом, совокупность норм статей 57, 113, 72, 136, 74, 122, 261 и 163 ТК РФ формирует защитный контур, внутри которого руководитель обязан действовать как гарант правового статуса трудового коллектива.

Уголовная ответственность наступает за наиболее общественно опасные деяния в сфере трудового права для управленца бюджетной организации и носит исключительно персональный характер.

Невыплата заработной платы (в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации – далее УК РФ, статья 145.1 УК РФ): частичная невыплата свыше трёх месяцев или полная невыплата свыше двух месяцев, совершённые из корыстной или иной личной заинтересованности руководителем организации, наказываются штрафом в размере до 120 000 и в размере до 500 000 рублей соответственно, либо лишением свободы на срок до 1 года или до трёх лет соответственно. В бюджетной сфере под «личной заинтересованностью» часто понимается стремление руководителя направить средства фонда оплаты труда на иные хозяйственные нужды учреждения для создания видимости успешного выполнения плана перед учредителем [10, ст. 285.1].

Нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) наказывается штрафом в размере до четырёхсот тысяч рублей либо лишением свободы на срок до двух лет.

Увольнение защищённых категорий: необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста (ст. 144.1 УК РФ) или необоснованное увольнение женщины, имеющей детей в возрасте до трёх лет или по мотивам её беременности (ст. 145 УК РФ) наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей либо обязательными работами сроком до 360 часов.

Административная ответственность является одним из правовых инструментов контроля деятельности руководителя. Указанная ответственность регулируется главой 5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Статья 5.27 КоАП РФ охватывает любое нарушение норм трудового законодательства. Первое нарушение влечёт предупреждение или наложение административного штрафа. Совершение правонарушения повторно в период действия наказания влечёт административную дисквалификацию на срок от 1 года до трёх лет. Дисквалификация руководителя бюджетной организации влечёт автоматическое прекращение трудового договора и налагает запрет на управление юридическим лицом в течение срока, установленного судом.

Отдельно выделено нарушение по части шестой статьи 5.27 КоАП РФ, предусматривающее ответственность за несвоевременную или неполную выплату заработной платы и иных трудовых начислений [8, с. 45–57]. Согласно актуальной судебной практике 2025–2026 годов, отсутствие бюджетных лимитов не снимает с руководителя ответственности за образование задолженности. Обязанность заблаговременного уведомления учредителя о риске невыплат признана ключевым фактором, подтверждающим осмотрительность руководителя [5].

Для руководителя бюджетной организации ущерб часто выражается не в физической поломке оборудования, а в неэффективном расходовании бюджетных средств.

К такому ущербу, например, относится взыскание невыплаченной заработной платы и денежной компенсации морального вреда по решению суда в пользу работника или оплата наложенных штрафов на учреждение по вине руководителя.

Особенностью бюджетного сектора является обязанность учредителя или органов прокуратуры обратиться с регрессным иском к управленцу бюджетной организации. Если учреждение произвело выплаты за счёт средств соответствующего бюджета на покрытие штрафов или компенсаций, обусловленных правовым нигилизмом [9] руководителя, указанные суммы подлежат возврату в доход казны из личных средств виновного лица.

Процесс легитимации публичной власти как государственной требует наличия определенных структурно и содержательно взаимосвязанных элементов.

Важным аспектом при воплощении формирующихся отношений по легитимации государственной власти является соблюдение следующих принципов: законность, публичность, прозрачность решений субъекта бюджетной организации для коллектива, соблюдение всех норм трудового законодательства руководителями, равенство всех перед законом.

Следовательно, соблюдение руководителем бюджетной организации трудового законодательства является основополагающим критерием для обеспечения легитимации государственной власти [12].

Соблюдение руководителем трудового законодательства выполняет роль социального контракта. Правильное начисление стимулирующих выплат, прозрачность системы оплаты труда и соблюдение норм охраны труда создают у работников чувство справедливости и защищённости, которое напрямую ассоциируется с надёжностью государственного строя.

Выводы. Очевидно, что нарушения норм трудового права отдельно взятыми руководителями бюджетных организаций – это процессы, которые были и, вероятно, могут быть в будущем. Для прогнозирования и предотвращения будущих нарушений в трудовой сфере необходим учёт, как инструмент, который поможет привести количество нарушений трудового законодательства к нулевому значению. По мнению автора, для учёта нарушений трудового законодательства руководителями бюджетных организаций следует использовать квалиметрию [11, с. 117–124].

Современный лидер бюджетной сферы – настоящий профессионал, обладающий высокой юридической ответственностью, способный нивелировать риски и сводить их вероятность к нулю. Через понимание всей глубины ответственности за каждое беспечное кадровое решение по отношению к трудовому коллективу возможно построение эффективной модели государственного управления.

В конечном счёте, законность действий руководителя бюджетного учреждения выступает фундаментом, на котором аккумулируется и синтезируется государственная сила справедливости в глазах граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон «Трудовой кодекс Российской Федерации» №197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по трудовым спорам за 2025 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ.

4. Обзор: «Топ-3 «поворотных» дел кассации по трудовым спорам за ноябрь – декабрь 2025 года».

5. Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» №195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 09.04.2026, с изм. от 29.04.2026).

6. Землина О.М. Правовая культура: учебник для вузов / О.М. Землина; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: Юрайт, 2026. – 522 с.

7. Труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ №1 от 28.01.2014.

8. Андреев А.А. Руководитель бюджетного учреждения как субъект трудового права / А.А. Андреев // Трудовое право. – 2024. – №6. – С. 45–57.

9. Лыткина Д.И. Правовой нигилизм. Определение, признаки и пути преодоления / Д.И. Лыткина // Вестник науки. – 2023. – №6. – Серия «Право».

10. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 09.04.2026).
11. Бондаренко Н.Л. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Право.by. – 2022. – №5. – С. 117–124. EDN KCSRAO
12. Орлов К.А. Формы легитимации государственной власти / К.А. Орлов // Наука. Общество. Государство. – 2023. – Т. 11. №1. – С. 30–39. DOI 10.21685/2307-9525-2023-11-1-4. EDN YRDDWR

Андреева Екатерина Геннадьевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *актуальность исследования обусловлена комплексом социально-экономических вызовов, с которыми столкнулась Россия в последние годы. Санкционное давление и структурная трансформация ключевых отраслей экономики обострили проблему соблюдения трудовых прав граждан, особенно в регионах с высокой концентрацией промышленных предприятий. В этих условиях прокурорский надзор приобретает особое значение как механизм противодействия системным нарушениям работодателями норм трудового законодательства. Особую значимость проблема защиты трудовых прав приобретает в секторах с преобладанием неформальной занятости и значительной долей трудовых мигрантов. Несовершенство правового регулирования в сочетании с латентностью нарушений создаёт благоприятную среду для эксплуатации уязвимых категорий работников. Прокуратура как независимый надзорный орган призвана стать гарантом баланса интересов в условиях нарастающей социальной напряжённости.*

Целью работы является выявление институциональных пробелов в организации прокурорского надзора за соблюдением трудового законодательства и разработка практических мер по оптимизации его превентивного потенциала. Исследование направлено на создание методологической базы для повышения эффективности надзорной деятельности в условиях новых экономических реалий.

Исследования заключается в комплексном подходе к оценке эффективности прокурорского надзора в условиях изменения трудовых отношений. Работа впервые систематизирует проблемы надзорной деятельности прокуратуры, возникающие при защите прав работников в секторах с неформальной занятостью и высокой миграционной активностью. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов для укрепления социальной стабильности через совершенствование механизмов защиты трудовых прав. Предлагаемые рекомендации по оптимизации прокурорского надзора могут быть использованы при разработке ведомственных инструкций и методик раннего выявления системных нарушений.

Ключевые слова: *трудовые отношения, работодатель, работник, охрана труда, рынок труда, оплата труда, режим работы.*

Конституционные основы защиты трудовых прав и роль прокуратуры

Конституция Российской Федерации устанавливает фундаментальные гарантии защиты трудовых прав граждан [1, с. 5]. Статья 37 закрепляет принцип свободы труда, запрещая

принудительный труд в любой форме. Данные положения создают основу для формирования системы государственных гарантий в сфере трудовых отношений. Конституционные нормы предусматривают право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Государство обязано обеспечивать защиту от безработицы и гарантировать право на индивидуальные и коллективные трудовые споры. Эти принципы развиваются в отраслевом законодательстве, формируя правовую основу для прокурорского надзора.

Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением конституционных прав граждан в трудовой сфере в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [2, с. 5]. Ключевыми инструментами надзорной деятельности являются проведение проверок, вынесение предостережений и внесение представлений об устранении нарушений. Данные полномочия позволяют прокуратуре оперативно реагировать на факты несоблюдения трудового законодательства. Посредством своих надзорных функций прокуратура обеспечивает реализацию конституционных гарантий защиты трудовых прав. В случае выявления нарушений прокурор вправе инициировать административное производство или направлять материалы в правоохранительные органы. Систематический характер надзорной деятельности способствует укреплению законности в сфере трудовых отношений.

Законодательное регулирование прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства: *Федеральный закон* «*О прокуратуре Российской Федерации*»

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 №2202-1 закрепляет полномочия органов прокуратуры по надзору за исполнением трудового законодательства. Среди этих полномочий прямо указаны право истребования документов и проведение проверок работодателей и иных организаций. Эти инструменты обеспечивают сбор информации, необходимой для проверки соблюдения трудовых прав и установления фактов правонарушений. Закон устанавливает процессуальные основания и рамки применения указанных мер, что обеспечивает правовую определенность надзорной деятельности. Нормативное регулирование определяет также порядок взаимодействия прокуратуры с иными государственными органами при проведении проверок и рассмотрении материалов. Такая регламентация способствует системности надзорных действий и повышению их эффективности в обеспечении соблюдения трудового законодательства.

Закон предусматривает различные формы прокурорского реагирования на выявленные нарушения трудовых прав, включая протесты, представления, предостережения и административные иски

Трудовой кодекс Российской Федерации как объект прокурорского надзора.

Надзор за соблюдением норм Трудового кодекса Российской Федерации [3, с. 5] охватывает ключевые аспекты трудовых отношений, в том числе порядок заключения и изменения трудового договора, вопросы оплаты труда, а также режимы работы и отдыха. Прокуратура осуществляет проверку законности локальных актов и практики применения норм при оформлении трудовых отношений и при переходе работников на иные условия труда. Важной задачей надзорной деятельности является выявление фактов обхода трудового законодательства, в том числе незаключения трудового договора или введения в него условий, ущемляющих права работника [4, с. 5]. Контроль за соблюдением правового режима трудовых отношений реализуется посредством проверок, квалифицированного анализа представленных документов и взаимодействия с государственными органами, ответственными за трудовые правоотношения. В процессе надзора прокуратура оценивает соответствие условий труда нормам Трудового кодекса РФ и принимает меры прокурорского реагирования при выявлении нарушений.

Особое внимание со стороны прокуратуры направлено на соблюдение норм об охране труда и на полноту и объективность расследования несчастных случаев на производстве. Надзор включает проверку соблюдения работодателями требований по обеспечению безопасных условий труда, а также проверку порядка и качества расследований, инициируемых при возникновении происшествий [5, с. 5].

Прокурорский надзор распространяется также на соблюдение гарантий и льгот для отдельных категорий работников, включая несовершеннолетних, инвалидов и беременных женщин. Такая направленность контроля предполагает проверку особых условий приема на работу, режима труда и предоставления вспомогательных мер социальной и профессиональной поддержки. В случае выявления нарушений прокуратура выступает в защиту гарантированных законом прав указанных категорий работников и способствует их восстановлению в установленном порядке.

Оптимизация форм и методов прокурорского надзора: *профилактика и реагирование.*

Внедрение риск-ориентированного подхода в прокурорском надзоре обусловлено необходимостью повышения эффективности профилактики нарушений трудового законодательства при ограниченных ресурсах. Такой подход предполагает приоритетное внимание к объектам и ситуациям с наибольшим потенциальным вредом для прав работников. Выделение групп риска позволяет планировать инспекционные и аналитические мероприятия более целенаправленно, повышая результативность вмешательств. В условиях динамично меняющегося рынка труда это обеспечивает рациональное распределение надзорных усилий и сокращение числа повторных правонарушений.

Роль прокуратуры в механизме разрешения коллективных трудовых споров.

Правовые основания участия прокурора в досудебном урегулировании коллективных трудовых конфликтов закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и Трудовом кодексе РФ. Прокурорский надзор обеспечивает соблюдение установленных процедур примирительных процедур, включая формирование примирительных комиссий и привлечение посредников. Данная функция направлена на предотвращение нарушений прав работников и работодателей на стадии досудебного разрешения спора [6, с. 5].

Реализация предложенных мер позволит минимизировать социально-экономические последствия нарушений трудового законодательства через укрепление превентивной функции прокуратуры. Совершенствование надзорной деятельности обеспечит эффективную защиту конституционных прав работников в условиях текущих экономических вызовов. Это соответствует стратегическим задачам укрепления социальной стабильности и правопорядка в сфере трудовых отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 №2202-1.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 3.

4. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права: постановление Правительства Российской Федерации от 21.07.2021 №1230 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – №30. – Ст. 5432.

5. Об утверждении Положения о территориальном органе Федеральной службы по труду и занятости: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 26.06.2015 №318н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2015. – №30.

6. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. – ISBN 978-5-406-10620-4. – EDN ZFMLLM.

7. Колоколова Д.А. Недопустимость подмены трудовых отношений гражданско-правовыми / Д.А. Колоколова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – №4 (44). – С. 224–227. – EDN WVJLCL.

8. Митячкина Е.С. Имидж муниципального служащего в Российской Федерации / Е.С. Митячкина // The Scientific Method. – 2018. – Т. 2, №16. – С. 38–40. – EDN YOIVPN.

9. Основы права: с практикумом: учебник / под общ. ред. А.И. Землина; А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978-5-406-13285-2. – URL: https://book.ru/book/955241. – EDN FJEQON.

10. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN AOPYTL.

11. Правовое регулирование государственной службы: с практикумом: учебник / под общ. ред. А.И. Землина; А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]. – М.: КноРус, 2024. – 175 с. – ISBN 978-5-406-12337-9. – URL: https://book.ru/book/951504. – EDN VBONKD.

12. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / И.В. Мишуткин, А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – М.: Юрайт, 2022. – 194 с. – EDN DTUNKH.

Боцян Мария Леонидовна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Аннотация: *статья исследует трансформации рынка труда, вызванные цифровизацией экономики и развитием цифровых платформ. Цель – раскрыть сущность платформенной занятости, её признаки, выявить ключевые проблемы (недостаток социальных гарантий, сложность квалификации отношений, отсутствие механизмов коллективного отстаивания прав) и сформулировать направления регулирования для баланса между гибкостью платформенной экономики и социальной защищённостью работников. Методологическая основа – комплексный анализ динамики платформенной занятости и самозанятости в России на основе актуальных данных, методы классификации цифровых платформ, сравнительного анализа трёх подходов к правовому статусу платформенных работников (независимые подрядчики, трудовые отношения, промежуточные модели). Результаты включают систематизированные данные о масштабах платформенной занятости, классификацию платформ, обобщение подходов к правовому статусу. Выделены ключевые проблемы и предложены направления совершенствования регулирования.*

Ключевые слова: *платформенная занятость, цифровизация рынка труда, самозанятость, алгоритмическое управление, социальные гарантии, государственное регулирование, трудовые отношения.*

Актуальность исследования обусловлена масштабными трансформациями рынка труда, детерминированными процессами цифровизации экономики. Развитие цифровых платформ инициирует модификацию традиционных моделей занятости, формируя новые возможности и одновременно порождая комплекс вызовов для государства, работодателей и работников [11].

По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ и Росстата, в 2024 году 3,8 % занятых в России работали через цифровые платформы, а 13,5 % подрабатывающих использовали их для второй работы. К концу 2025 года число плательщиков налога на профессиональный доход превысило 15 млн человек (+26,8 % к 2024 году); значительная часть самозанятых действует через платформы, что затрудняет разграничение категорий.

Платформы алгоритмически регулируют распределение задач, ценообразование и оценку исполнителей, заменяя долгосрочные трудовые отношения разовыми заданиями. Это повышает гибкость труда, но размывает границы статусов и создаёт правовую неопределённость [10].

Платформенные работники, зачастую классифицируемые как самозанятые, лишены ключевых механизмов трудовой защиты (отпусков, больничных, пенсионных накоплений). В 2024 году около 83,4% занятых через платформы относились к неформальному сектору, что снижает защищённость граждан и создаёт макроэкономические риски – деформирует налоговую базу и увеличивает нагрузку на социальные программы из-за отсутствия стабильных страховых взносов [2].

Необходимо сбалансировать регулирование платформенной экономики: не подавлять её инновационный потенциал и одновременно обеспечить защиту прав работников, прозрачность и справедливость трудовых отношений.

Понятие платформенной занятости.

Платформенная занятость – форма экономической деятельности, при которой цифровые платформы выступают посредниками между заказчиками и исполнителями, обеспечивая инфраструктуру для поиска, согласования, выполнения и оплаты задач.

Её ключевые признаки: алгоритмическое управление заказами и контролем качества; фрагментация проектов на микрозадачи; оплата за результат, а не за отработанное время; гибкий график, повышающий автономию исполнителя, но снижающий стабильность дохода и доступ к соцгарантиям [6, с. 554–571].

Виды платформ и типы занятости.

Цифровые платформы подразделяются на две группы: для онлайн-задач (фриланс, микрозадачи, краудсорсинг) и офлайн-услуг (такси, доставка, бытовые услуги).

Основные модели взаимодействия с исполнителями: самозанятые, исполнители по договорам ГПХ, работники по трудовым договорам (последние – редко, в отдельных сегментах).

По данным Росстата и Минтруда (2023), в России преобладают самозанятость и ГПХ: это снижает нагрузку на платформы и позволяет контролировать качество услуг через рейтинговые и дисциплинарные механизмы.

Экономико-правовая природа платформенной занятости.

Статус платформенных работников остаётся предметом дискуссий в экономической и правовой науке [8, с. 260–268]. Основные подходы сводятся к трём позициям.

1. Независимые подрядчики – самостоятельные субъекты на конкурентном рынке.

2. Зависимые самозанятые – сохраняют статус самозанятых, но экономически зависят от платформы (алгоритмический контроль, рейтинговые санкции и др.).

3. Работники – трудовые отношения признаются при значительном контроле платформы, интеграции в операционную модель и регулярной занятости.

Роль цифровизации: технологические особенности и регулирование.

Цифровизация трансформирует характер занятости, усиливая роль технологий как инструмента управления и контроля.

Алгоритмы распределения заказов оптимизируют ресурсы, но порождают асимметрию информации и ослабляют переговорную позицию исполнителей.

Рейтинговые системы обеспечивают контроль качества, но могут применяться как инструмент дисциплинарного воздействия и ограничения доступа к заказам [1, с. 47–70].

Цифровые профили формируют «цифровую репутацию» исполнителя, влияя на его доход и карьерные возможности.

Автоматизированный контроль (трекинг, фотофиксация, анализ поведения) позволяет платформе управлять процессом без участия менеджеров [4, с. 391–393].

Правовой статус платформенных работников.

Ключевая проблема – неопределённость правового статуса платформенных работников: дискутируется их квалификация как независимых подрядчиков, зависимых самозанятых или фактических наёмных сотрудниками [7].

Исполнители могут быть самозанятыми (с применением НПД), работать по договору ГПХ либо фактически находиться в трудовых отношениях. При этом самозанятость – налоговый

статус, а платформенная занятость – модель взаимодействия через цифрового посредника; возможна комбинация нескольких форм.

Анализ государственного регулирования платформенной занятости в Российской Федерации.

Платформенная занятость долгое время оставалась вне правового регулирования. С июля 2025 года принят ФЗ №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ» (вступает в силу с 1 октября 2026 года), который закрепляет базовые понятия и предусматривает ведение реестра цифровых платформ [5, с. 156–163].

Постановление Правительства РФ от 19.06.2026 № 760 устанавливает критерий систематичности занятости: в течение любых шести месяцев подряд объём работы исполнителя на одного заказчика не должен превышать 60 часов в месяц – это позволяет разграничить разовую подработку и системную занятость.

Ключевые проблемы и направления развития.

Сохраняются ключевые пробелы в регулировании платформенной занятости: ограниченный доступ работников к социальным гарантиям (больничные, отпуска, пенсионное обеспечение), отсутствие механизмов коллективного представительства, сложность квалификации отношений из-за гибридности моделей. По данным опроса НИУ ВШЭ, респонденты в целом воспринимают преимущества платформенной занятости как более явные, чем недостатки.

Несмотря на наличие в трудовом законодательстве норм о гибких графиках, неполном рабочем времени и защите отдельных категорий работников, бизнес предпочитает привлекать персонал через цифровые платформы как более экономичный и легальный способ [3].

Для защиты прав платформенно занятых необходимо законодательно урегулировать их статус, введя в законодательство о занятости понятие «платформенные трудящиеся» с дифференциацией на «платформенных самозанятых» и «платформенных работников» [9].

Предлагается закрепить статус платформенных работников в ТК РФ, признав операторов платформ работодателями; внести изменения в законодательство о занятости и об охране труда для гарантии базовых трудовых прав (безопасные условия труда, минимальная оплата, продолжительность отдыха).

Платформенная занятость – динамично развивающийся сегмент рынка труда, сочетающий гибкость и риски для социальной защищённости работников. Правовая неопределённость статуса исполнителей остаётся ключевым барьером; дальнейшее совершенствование законодательства должно обеспечивать разграничение форм платформенной занятости и адаптацию механизмов соцзащиты к специфике алгоритмически управляемого труда.

Список литературы

1. Васина В.Н. Исследование структурной трансформации и поляризации российского рынка труда в условиях цифровой экономики / В.Н. Васина, Н.Р. Кельчевская // Экономика труда. – 2023. – Т. 10. №1. – С. 47–70. DOI 10.18334/et.10.1.117031. EDN SSJJAY

2. Глотова Н.И. Платформенная занятость – главный тренд развития рынка труда в современных условиях / Н.И. Глотова, Ю.В. Герауф // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2021. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/platformennaya-zanyatost-glavnyy-trend-razvitiya-rynka-truda-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 11.07.2026). DOI 10.14258/epb202151. EDN FQPAJF

3. Землин А.И. Правовое обеспечение профессиональной деятельности (для студентов транспортных вузов): учебник / А.И. Землин, С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц. – М., 2020. – С. 114. EDN OVSQWL

4. Занина О.В. Рынок труда в эпоху цифровой экономики: тренды и сценарии развития / О.В. Занина, И.И. Соломко // Актуальные вопросы устойчивого развития регионов, отраслей, предприятий. – 2023. – С. 391–393. EDN YZPMYV

5. Зубарев Н.С. Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» как реакция на вызовы цифровизации торговли / Н.С. Зубарев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2026. – №2(138). – С. 156–163. DOI 10.17803/2311-5998.2026.138.2.156-163. EDN VIWJRD

6. Камарова Т.А. Цифровизация занятости: понятийный аппарат / Т.А. Камарова, Н.В. Тонких // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2023. – Т. 14. №4. – С. 554–571. DOI 10.18184/2079-4665.2023.14.4.554-571. EDN TIHCUG

7. Колотова Н.В. Социальная защита лиц, выполняющих работу на цифровых платформах труда: подходы к проблеме / Н.В. Колотова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2025. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschita-lits-vypolnyayuschih-rabotu-na-tsifrovyh-platformah-truda-podhody-k-probleme (дата обращения: 11.07.2026). DOI 10.22363/2313-2337-2025-29-4-930-946. EDN LLUELN

8. Серова А.В. В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости / А.В. Серова // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – №477. – С. 260–268. DOI 10.17223/15617793/477/30. EDN FPEHUG

9. Святенко И. Платформенная занятость должна быть интегрирована в систему трудовых и экономических отношений / И. Святенко. – URL: http://council.gov.ru/events/news/155295/ (дата обращения: 11.07.2026).

10. Ямалова А.Р. Влияние цифровых платформ на структуру рынка труда: поляризация занятости и новые формы самозанятости / А.Р. Ямалова, И.З. Шарифуллин // Современные научные исследования и инновации. – 2026. – №6. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2026/06/104795 (дата обращения: 11.07.2026). EDN ORGPCZ

11. Яновская А.А. Платформенная занятость как одна из перспективных форм занятости на рынке труда / А.А. Яновская, Е.В. Романюк // Экономика труда. – 2025. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/platformennaya-zanyatost-kak-odna-iz-perspektivnyh-form-zanyatosti-na-rynke-truda-1 (дата обращения: 11.07.2026). DOI 10.18334/et.12.4.123062. EDN NXEWEU

Календарев Степан Дмитриевич
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ОПТИМИЗАЦИИ И УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: *в статье исследуются критерии разграничения налоговой оптимизации и уклонения от уплаты налогов. Прослежена эволюция регулирования от Постановления Пленума ВАС РФ №53 до статьи 54.1 НК РФ. Проанализированы ключевые судебные доктрины (деловая цель, существо над формой, налоговая реконструкция). Выявлены проблемы, препятствующие единообразному применению антиобходных норм.*

Ключевые слова: *налоговая оптимизация, уклонение от уплаты налогов, необоснованная налоговая выгода, деловая цель, должная осмотрительность, налоговая реконструкция.*

Усиление налогового контроля в Российской Федерации делает проблему разграничения правомерной налоговой оптимизации и противоправного уклонения одной из ключевых в современном налоговом праве. Налогоплательщик вправе выбирать наиболее выгодные формы хозяйствования, государство же обязано пресекать злоупотребления нормами НК РФ и УК РФ. Однако граница между законной минимизацией и уклонением остаётся размытой. Введённая в 2017 году статья 54.1 НК РФ оперирует оценочными категориями: «искажение сведений о фактах хозяйственной жизни», «основная цель сделки», «реальность исполнения обязательства надлежащим лицом». Из-за отсутствия чётких критериев налоговые органы и суды трактуют эти понятия по-разному, что создаёт непредсказуемую практику. Цель статьи – проанализировать эволюцию критериев разграничения и выявить неразрешённые проблемы.

В теории налогового права проводится чёткое разграничение между налоговой оптимизацией и уклонением от уплаты налогов. Под оптимизацией понимается правомерная минимизация фискальной нагрузки посредством использования предусмотренных законом льгот и преференций. В то же время уклонение квалифицируется как противоправное деяние, совершаемое с прямым умыслом и направленное на неисполнение налоговых обязательств. Между этими полюсами лежит зона агрессивного налогового планирования, когда

формально законные конструкции используются исключительно для налоговой экономии без деловой цели.

Формирование антиобходных механизмов в российском праве прошло два этапа. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 №53 ввело понятие «необоснованная налоговая выгода» и закрепило презумпцию добросовестности: выгода признаётся необоснованной, если операции учтены не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или не обусловлены разумными деловыми целями. Однако, как отмечает Д.М. Щекин, размытость критериев привела к тому, что в середине 2010-х годов вопросы необоснованной выгоды составляли до 90% налоговых споров.

Реакцией стало введение ст. 54.1 НК РФ – первой общей антиобходной нормы. Пункт 1 содержит безусловный запрет на искажение сведений о фактах хозяйственной жизни. Как разъяснила ФНС России (письмо от 10.03.2021 №БВ-4–7/3060@), этот пункт касается исключительно умышленных действий. Пункт 2 допускает налоговую выгоду при отсутствии искажений, если основной целью сделки не является неуплата налога и обязательство исполнено надлежащим лицом.

Ключевыми доктринами, через которые оцениваются действия налогоплательщика, выступают следующие.

Деловая цель. Любая хозяйственная операция должна обладать самостоятельной деловой целью, не сводящейся исключительно к получению налоговой выгоды. Согласно позиции А.В. Демина, критерием такой сделки выступает наличие обоснованного ожидания прибыли или иного экономического результата, не связанного с оптимизацией налогов. В 2025 году ФНС России дополнила данную трактовку, разъяснив, что деловая цель не обязательно предполагает немедленное получение прибыли – она может быть направлена на долгосрочное погашение эффективности бизнеса.

Существо над формой. При налоговом администрировании приоритет фактической экономической сути операция, а не их формальному правовому закреплению. Данный подход является ключевым инструментом в борьбе с дроблением бизнеса. В частности, в Письме ФНС России от 16.07.2024 №БВ-4–7/8051@ ведомство закрепило перечень критериев, свидетельствующих об искусственном разделении компании: использование единых кадров, материально-технических и IT-ресурсов, а также наличие общих учредителей.

Налоговая реконструкция. Верховный Суд РФ в Обзоре от 13.12.2023 закрепил обязанность налоговых органов при обнаружении налоговых схем определять реальный размер налоговых обязательств, исключая практику полного отказа в признании расходов. Справедливо указано, что отсутствие унифицированной методики проведения таких расчётов создаёт риски субъективного подхода со стороны фискальных органов.

Несмотря на прогресс, сохраняются проблемы. Во-первых, отсутствие законодательного определения термина «искажение фактов хозяйственной жизни» создаёт правовую неопределённость и допускает возможность его произвольной интерпретации. Во-вторых, противопоставление деловой и налоговой целей зачастую является искусственным, поскольку в основе большинства управленческих решений лежит комплексная мотивация, сочетающая как экономические, так и фискальные интересы. В-третьих, несоответствие критериев доказывания в налоговом и уголовном праве влечёт за собой автоматическую криминализацию налоговых правонарушений. В результате доначисления, произведённые на основании ст. 54.1 НК РФ, фактически исключают необходимость отдельного процессуального установления субъективной стороны преступления (умысла) при инициировании уголовного преследования. О.С. Кучин и В.В. Ефимова предлагают законодательно закрепить, что доначисление налогов не может служить достаточным поводом для уголовного преследования.

Таким образом, эволюция регулирования от судебного нормотворчества к кодифицированной антиобходной норме – существенный шаг вперёд. Однако оценочный характер ст. 54.1 НК РФ и отсутствие единых методик сохраняют риски. Дальнейшее совершенствование видится

в законодательной конкретизации ключевых понятий, гармонизации стандартов доказывания и развитии цифровых инструментов контроля, минимизирующих субъективные оценки.

Список литературы

1. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 06.04.2024).

2. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» №163-ФЗ от 18.07.2017 (последняя редакция).

3. Постановление Пленума ВАС РФ «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» №53 от 12.10.2006.

4. Письмо ФНС России «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» №БВ-4–7/3060@ от 10.03.2021.

5. Письмо ФНС России «О правовых позициях, сформированных судебной практикой и применяемых арбитражными судами при разрешении споров, связанных с установлением в действиях налогоплательщиков признаков «дробления бизнеса» №БВ-4–7/8051@ от 16.07.2024.

6. Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023.

7. Соловьев И.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и сборов / И.Н. Соловьев. – М.: Главбух, 2000. – 156 с.

8. Щекин Д.М. Налоговые риски и тенденции развития налогового права: монография / Д.М. Щекин. – М.: Статут, 2007. EDN QXJDTJ

9. Демин А.В. Налоговое право России: учеб. пособие / А.В. Демин. – М.: Юрлитинформ, 2006. EDN QWWMEN

10. Кучин О.С. Методика расследования криминальных налоговых схем / О.С. Кучин, В.В. Ефимова. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 256 с. EDN OJKPTF

Кукарцева Светлана Владиславовна
студентка
Потапов Борис Васильевич
д-р техн. наук, профессор
Журавлев Михаил Владиславович
канд. физ.-мат. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ПРЕДИКТИВНОЙ ВИДЕОАНАЛИТИКИ В ОХРАНЕ ТРУДА

Аннотация: *рассматривается проблема выполнения работодателем обязанностей по обеспечению безопасных условий труда в условиях высокой неопределенности и отсутствия размеченных баз данных производственных инцидентов. Обосновывается правомерность и экономическая эффективность применения систем неконтролируемого машинного обучения (Unsupervised Learning) на базе архитектур Vision Transformer (ViT) для выявления биомеханических аномалий и микротравм. Анализируются вопросы соответствия законодательству о персональных данных и биометрии. Экспериментально подтверждена способность системы детектировать отклонения в суставах на 3–5 градусов (AUC-ROC = 0.94), что формирует доказательную базу должной осмотрительности работодателя.*

Ключевые слова: *охрана труда, трудовое право, биометрия, искусственный интеллект, предиктивная аналитика, промышленная безопасность, Vision Transformer, приватность.*

Введение. Согласно ст. 212 (в ред. ст. 214) Трудового кодекса РФ, работодатель обязан обеспечить безопасные условия труда и профилактику травматизма. Однако традиционные методы аудита безопасности (хронометраж, выборочный контроль) не способны выявлять

скрытые биомеханические аномалии и микроотклонения, ведущие к хроническим профзаболеваниям или авариям на высокоскоростном оборудовании. Главная юридическая и техническая коллизия заключается в невозможности формирования репрезентативного датасета «ошибок» и «травм»: сбор таких данных неэтичен, а их количество статистически ничтожно для обучения классических нейросетей (CNN) [1]. Цель работы – разработать правовой и технический фреймворк использования систем предиктивного мониторинга, обучающихся исключительно на «эталонных» (нормальных) паттернах движения, что снимает проблему отсутствия размеченных инцидентов.

1. *Архитектура системы.* От надзора к предиктивной заботе Предлагаемая система базируется на архитектуре Video Vision Transformer (ViT) и стратегии маскированных автоэнкодеров (Masked Autoencoder, MAE). В отличие от тотального видеонаблюдения, нарушающего приватность, система анализирует не лица, а *пространственно-временные многообразия* (spatiotemporal manifolds) кинематики тела [2]. Входной видеопоток разбивается на 3D-токены (патчи 16×16×2). В процессе самообучения система скрывает до 90% патчей и учится восстанавливать физику нормального движения. Это позволяет ИИ интернализировать законы биомеханики без участия человека-оператора.

Таблица 1

Архитектурные и правовые параметры системы мониторинга

Параметр системы	Значение/Настройка	Правовое и организационное значение
Разрешение и FPS	224×224, 60–120 FPS	Достаточность для анализа кинематики, избыточность для идентификации личности (снижение рисков по 152-ФЗ)
Метод обучения	Unsupervised (MAE)	Отсутствие необходимости хранения баз данных инцидентов (травм), минимизация обработки ПДн
Метрика аномалии	Энтропия внимания (Attention Entropy)	Объективный математический критерий усталости или нарушения моторики, исключающий субъективизм инспектора
Задержка инференса	< 10 мс (на Edge GPU)	Возможность мгновенной остановки конвейера (ст. 219 ТК РФ – право на отказ от опасной работы)

2. *Механизм детекции и доказательственная база.* Индикатором аномалии выступает распределение весов в механизме Multi-Head Self-Attention (MHSA). В нормальном состоянии «внимание» нейросети сфокусировано на ключевых узлах (суставы, центр масс). При возникновении микротравмы, усталости или нарушении техники безопасности внимание «рассеивается», что фиксируется через дивергенцию Кульбака-Лейблера (DKL) относительно эталонного шаблона [3].

3. *Проблемы правового регулирования и приватности*. Внедрение систем видеоаналитики затрагивает Федеральный закон №152-ФЗ «О персональных данных». Ключевым решением является *обработка на краю сети* (Edge Computing): видеопоток не передается на серверы и не записывается. Нейросеть извлекает только математические векторы (эмбеддинги) и метрики энтропии, которые не позволяют идентифицировать личность. После вычисления Anomaly Score исходные кадры безвозвратно удаляются из буфера ОЗУ. Такой подход соответствует принципу минимизации данных (data minimization) и позволяет легально внедрять ИИ без получения сложных согласий на обработку биометрии, так как система анализирует *процесс труда, а не личность работника* [5].

Заключение. Применение систем неконтролируемого обучения на базе Vision Transformer трансформирует охрану труда из реактивной (расследование постфактум) в предиктивную дисциплину. С юридической точки зрения, это обеспечивает работодателю надежный щит от исков о халатности, а работникам гарантирует реальную защиту здоровья. Экономический эффект выражается в снижении страховых тарифов ФСС и предотвращении простоев.

Требуется разработка отраслевых стандартов (ГОСТ Р) по валидации алгоритмов предиктивной охраны труда.

Список литературы

1. Архитектура цифровых платформ экологического мониторинга горнопромышленных регионов с использованием облачных и интеллектуальных технологий / Б.В. Потапов, С.О. Курашкин, Н.В. Сергеева, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 113–118. EDN MXAZUV
2. Сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов прогнозирования геоэкологических показателей горнодобывающих объектов / А.А. Ступина, М.В. Спринджук, М.В. Журавлев, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 125–130. EDN ITXOMF
3. Stepantsevich M.N. Federated Learning for Privacy-Preserving Energy Consumption Prediction in Smart Buildings / M.N. Stepantsevich, B.V. Potapov // 2026 International Conference on Artificial Intelligence for Sustainable Engineering and Innovation (AISEI). – IEEE, 2026. – P. 1182–1187.
4. Прогнозирование тепловых процессов в подземных горных сооружениях с использованием рекуррентных нейронных сетей / М.В. Журавлев, О.А. Антамошкин, М.Н. Степанцевич, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №3. – С. 205–211. EDN LZFRCG
5. Кукарцев В.В. Использование нейросетевых алгоритмов для прогноза... / В.В. Кукарцев // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 256–267. DOI 10.46698/VNC.2026.90.55.001. EDN KEEVXM
6. Интеллектуальные модели анализа геоэкологических рисков... / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, Т.В. Бирюкова, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 108–112. EDN SJGJHI.
7. Курашкин С.О. Обнаружение аномалий в данных промышленных сенсорных систем добычи на основе алгоритмов кластеризации / С.О. Курашкин, Л.В. Красовская, М.В. Журавлев, Т.В. Бирюкова // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 382–388. EDN WMCTCH
8. Применение методов машинного обучения для автоматизированной классификации магнитных аномалий Северного Кавказа по данным аэрогеофизической съемки / В.С. Тынченко, М.В. Журавлев, Н.А. Ягудаева [и др.] // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 108–119. DOI 10.46698/VNC.2026.48.42.001. EDN CBGZAI
9. Kazakovtsev D.V. Intelligent Sensor Data Processing Methods for Real-Time Control of Mechatronic Manufacturing Systems / D.V. Kazakovtsev, B.V. Potapov // 2026 International Conference on Artificial Intelligence for Sustainable Engineering and Innovation (AISEI). – IEEE, 2026. – P. 1230–1235.
10. Tudakov D.I. Adaptive Performance Management of Transactional Databases... / D.I. Tudakov, B.V. Potapov, S.V. Pchelintseva // ICIEAM. – IEEE, 2026. – P. 1178–1182.

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

КОДИФИКАЦИОННЫЕ И ДЕКОДИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *статья посвящена кодификационным и декодификационным процессам в трудовом законодательстве. На основе формально-юридического и общенаучных методов (анализ, синтез, сравнение, обобщение) автором обосновано, что выбытие норм права социального обеспечения из кодифицированного акта, посвящённого трудовому праву, и их перемещение в текущее законодательство является масштабным декодификационным процессом. Сделан вывод, что в обозримом будущем данный процесс может дать импульс для разработки и принятия первого российского кодекса социального обеспечения.*

Ключевые слова: *кодификация, декодификация, право социального обеспечения, трудовое законодательство, социально-обеспечительные отношения, кодекс.*

В современной жизни массив норм права огромен, в связи с чем систематизация законодательства является необходимостью, без которой невозможно обеспечить эффективный

поиск требуемых нормативно-правовых предписаний для применения в конкретных делах. Кодификация, по сравнению с другими видами систематизации, является наиболее совершенной формой упорядочения законодательства и получила широкое распространение в правовом пространстве России.

Кодификационные процессы в общеправовом ракурсе выступали предметом исследования, в частности, в научных трудах А.Н. Чашина [1], А.И. Абрамовой [2]. В свою очередь, кодификация трудового законодательства входит в сферу научных интересов учёных-трудовиков, таких как А.Б. Иванов [3], Г.А. Рогалева [4]. Тема декодификации законодательства крайне слабо представлена в научной литературе, несмотря на то, что по значимости она не уступает кодификации законодательства в связи с тем, что является её обратным процессом. Декодификационные процессы нашли своё научное осмысление в трудах А.А. Петрова [5], А.М. Вартаняна [6].

Кодификация представляет собой объединение нескольких нормативных правовых актов в единый логически цельный нормативный правовой акт с изменением их содержания и с потерей ими самостоятельного юридического значения.

Кодификация трудового законодательства как форма систематизации берёт своё начало из советской эпохи. Первым кодексом, в котором были систематизированы нормы российского трудового права, является Кодекс законов о труде РСФСР 1918 года. На смену ему был принят Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года, который в свою очередь был заменён Кодексом законов о труде РСФСР 1971 года. Кроме того, в советскую эпоху существовал такой общесоюзный кодифицированный акт в сфере труда, как Основы законодательства СССР и союзных республик о труде 1970 года. В постсоветскую эпоху их правопреемником стал Трудовой кодекс РФ 2001 года.

Одним из актуальных аспектов в сфере кодификационных и декодификационных процессов является систематизация норм права социального обеспечения.

КЗоТ 1918 года содержал большой массив норм права социального обеспечения. Предписание ст. 5 КЗоТ 1918 года регулировало процедуру удостоверения факта постоянной или временной утраты трудоспособности. Согласно ст. 78 КЗоТ 1918 года во время болезни трудящегося причитающееся ему вознаграждение выдавалось в форме пособия, уплачиваемого больничными кассами. В свою очередь, в соответствии со ст. 79 КЗоТ 1918 года безработные получали пособие из фонда безработных. В дополнение к указанным статьям КЗоТ 1918 года содержал следующие приложения, нормы которых были посвящены социально-обеспечительным отношениям: 1) Приложение к ст. 5 «Правила о порядке установления нетрудоспособности», включающее в себя 18 статей; 2) Приложение к ст. 78 «Правила о выдаче пособий трудящимся во время их болезни», состоящее из 8 статей; 3) Приложение к ст. 79 «Правила о безработных и о выдаче им пособий», содержащее 16 статей. Приложения КЗоТ 1918 года утверждались вместе с текстом закона и имели такую же юридическую силу, как и основные статьи, и соответственно являлись частью трудового законодательства.

КЗоТ 1922 года имел раздел XVII «О социальном страховании» (ст. 176–192), что говорит о том, что в период с 1922 года по 1970 год нормы права социального обеспечения находились в кодифицированном состоянии, имея трудо-правовую отраслевую принадлежность. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Основах законодательства СССР и союзных республик о труде 1970 года, в которых содержалась гл. XIII «Государственное социальное страхование» (ст. 100–103). В свою очередь, КЗоТ 1971 года также содержал гл. XVI «Государственное социальное страхование» (ст. 236–243). Из этого следует, что в период с 1918 года по 2001 год нормы права социального обеспечения находились в кодифицированном состоянии, имея трудо-правовую отраслевую принадлежность.

Противоположная ситуация в 2001 году произошла в связи с принятием ТК РФ. В постсоветский период нормы права социального обеспечения подверглись декодификации и размещены в текущем законодательстве – в частности, в следующих нормативных правовых актах: Федеральном законе «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 №178-ФЗ,

Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» от 28.12.2013 №442-ФЗ, Федеральном законе «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» от 15.12.2001 №166-ФЗ, Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в РФ» от 24.11.1995 №181-ФЗ.

В научных кругах, представителями которых являются, в частности, С.А. Иванов, И.А. Ледях, С.М. Ковалевский, Н.Н. Никифорова, М.В. Лушникова, М.А. Лушников, доминирует позиция о том, что социально-обеспечительные отношения не входят в предмет трудового права [7, с. 20], который включает в себя трудовые и иные тесно связанные с ними отношения [3, с. 122; 8, с. 69]. Трудовые отношения возникают на основании трудового договора, а социально-обеспечительные отношения не отвечают данному критерию, так как могут существовать и без наличия трудового договора (например, отношения по государственной медицинской помощи с участием неработающего гражданина).

В свою очередь, отношения, непосредственно связанные с трудовыми отношениями, представляют собой отношения, имеющие в своём субъектном составе одного из участников трудового правоотношения (работника либо работодателя) и второго участника в лице гражданина, органа трудоустройства, контрольного органа или профсоюзного органа, предполагающие существование трудовых отношений в настоящем, будущем и прошлом. В свою очередь, социально-обеспечительные отношения имеют иной субъектный состав, а некоторые их виды вообще не предполагают существование трудовых отношений в настоящем, будущем и прошлом, в связи с чем очевидно, что социально-обеспечительные отношения не входят в состав предмета трудового права.

Таким образом, выбытие норм права социального обеспечения из кодифицированного акта, посвящённого трудовому праву, и перемещение их в текущее законодательство является масштабным декодификационным процессом в российском законодательстве. Вполне возможно, что в обозримом будущем данный декодификационный процесс даст импульс для разработки и принятия первого российского кодекса социального обеспечения.

Список литературы

1. Чашин А.Н. Кодификация в сфере российского законодательства: теория, история и перспективы: автореф. дис.... канд. юрид. наук / А.Н. Чашин. – М., 2013. – 22 с. EDN ZOQRCF

2. Абрамова А.И. Кодификационные процессы в российском законодательстве: вопросы методологии и практики / А.И. Абрамова // Журнал российского права. – 2023. – №11. – С. 15–25. DOI 10.61205/jrp.2023.124. EDN WWFGCW

3. Иванов А.Б. О некоторых проблемах кодификации трудового законодательства РФ / А.Б. Иванов, М.В. Миронова // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2012. – №11. – С. 118–125. EDN PAEDDG

4. Рогалева Г.А. Теоретические вопросы кодификации трудового законодательства: дис.... канд. юрид. наук / Г.А. Рогалева. – М., 1984. – 185 с. EDN NPCZEZ

5. Петров А.А. Тенденции декодификации в современном российском законодательстве / А.А. Петров // Юридическая наука и практика. – 2024. – №1. – С. 5–14.

6. Вартанян А.М. Кодификация, декодификация и рекодификация: понятие, сущность, взаимосвязь / А.М. Вартанян // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2015. – №6. – С. 20–25. EDN WJAWZV

7. Лушникова М.В. Предмет и метод права социального обеспечения: новые подходы / М.В. Лушникова, Т.Ю. Барышникова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2009. – №3. – С. 17–27. EDN KVTCVV

8. Лушников А.М. Трудовое право: учебник / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М.: Проспект, 2021. – 768 с.

Матвеева Анна Ильинична
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию трудовых отношений, возникающих у индивидуальных предпринимателей (ИП) в Российской Федерации, с акцентом на их особенности, проблемные аспекты и законодательные пробелы. Рассматривается специфика взаимодействия ИП с наемными работниками, включая прямой характер управления, малое число сотрудников и ограниченность социальных гарантий. Особое внимание уделяется анализу правового статуса трудовых и гражданско-правовых договоров, выявлению случаев их некорректного применения и изучению судебной практики по спорам, возникающим между ИП и работниками.*

В работе использованы методы системного анализа, сравнительного и критического исследования, а также статистические данные и эмпирические примеры из практики малого бизнеса. В результате выявлены основные проблемы правового регулирования: недостаточная защита работников, сложность контроля со стороны государства, неопределенность в квалификации трудовых отношений и ограниченные социальные гарантии.

Статья также формулирует предложения по совершенствованию законодательства, направленные на повышение прозрачности и правовой защищенности трудовых отношений у ИП, обеспечение соблюдения социальных гарантий, а также предотвращение злоупотреблений с использованием гражданско-правовых договоров. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования для разработки методических рекомендаций для индивидуальных предпринимателей, совершенствования правоприменительной практики и повышения эффективности государственного регулирования малого бизнеса в сфере трудовых отношений.

Ключевые слова: *индивидуальный предприниматель, трудовые отношения, трудовое законодательство, гражданско-правовой договор, права работников, правовые пробелы, социальная защита.*

Правовое регулирование трудовых отношений у индивидуальных предпринимателей.

Малое предпринимательство является важнейшим элементом экономической системы Российской Федерации, играя ключевую роль в создании рабочих мест, обеспечении конкурентоспособности и стимулировании инноваций. При этом индивидуальные предприниматели (ИП) представляют особую категорию хозяйствующих субъектов, поскольку действуют без образования юридического лица, что накладывает специфику на организацию и регулирование трудовых отношений с наемными сотрудниками.

Трудовые отношения у индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации имеют ряд особенностей, которые отличают их от трудовых отношений в организациях и создают как преимущества, так и риски. ИП является физическим лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, что обуславливает специфику взаимодействия с наемными работниками [1]. В большинстве случаев

предприниматель лично контролирует деятельность своих сотрудников, а численность работников у ИП обычно ограничена. По данным Росстата на 2024 год, более 60% индивидуальных предпринимателей имеют одного-двух сотрудников, что свидетельствует о малых масштабах предприятий и высокой персональной вовлеченности работодателя в процесс. Такая структура обеспечивает гибкость управления, но одновременно создает зависимость работников от предпринимателя и снижает формализацию трудовых отношений, повышая вероятность нарушений их прав.

Индивидуальный предприниматель, выступая работодателем, обладает всеми правами и обязанностями, предусмотренными трудовым законодательством для работодателей. Он самостоятельно принимает решения о приеме работников, определяет условия труда, организует рабочий процесс и несет ответственность за соблюдение требований трудового законодательства. При этом особенности деятельности малого бизнеса зачастую требуют совмещения предпринимателем функций руководителя, кадрового работника и бухгалтера, что оказывает влияние на качество оформления трудовых отношений.

Кроме Трудового кодекса Российской Федерации, регулирование трудовых отношений осуществляется и иными нормативными правовыми актами, включая федеральные законы об обязательном социальном страховании, охране труда, занятости населения и защите персональных данных. Комплексное применение этих нормативных актов обеспечивает реализацию конституционного права граждан на труд и социальную защиту независимо от организационно-правовой формы работодателя.

Проблемы реализации трудовых отношений у индивидуальных предпринимателей.

В соответствии с Трудовым кодексом РФ, индивидуальные предприниматели обязаны соблюдать права работников, включая выплату заработной платы, предоставление оплачиваемых отпусков, соблюдение норм охраны труда и безопасных условий работы (статьи 21, 22, 129–136 ТК РФ) [7]. Однако на практике многие ИП оформляют сотрудников через гражданско-правовые договоры (договора подряда, оказания услуг) для упрощения документооборота и снижения налоговой нагрузки. Это формально позволяет обойти трудовое законодательство, но лишает работников социальных гарантий, таких как оплачиваемые больничные, отпускные и компенсации при увольнении. Верховный Суд РФ в постановлении от 15 апреля 2021 года №18-П разъяснил, что если фактически трудовая деятельность осуществляется на постоянной основе, подчиняется внутреннему распорядку и выполняется лично работником, гражданско-правовой договор может быть переквалифицирован в трудовой. Таким образом, реальная практика работы часто не совпадает с формальным оформлением отношений, что создаёт правовую неопределенность и социальные риски.

Ограниченность социальных гарантий работников у ИП является одной из ключевых проблем. В отличие от сотрудников организаций, работающих по трудовым договорам, сотрудники ИП зачастую лишены доступа к социальным льготам, предусмотренным ТК РФ и Федеральным законом №125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании» (в редакции 2024 года). В частности, речь идет о больничных листах, оплате отпусков, компенсациях при увольнении и выплатах при производственных травмах. Сложность соблюдения этих обязательств связана с экономической ограниченностью малого бизнеса и отсутствием формализованных процедур внутри ИП [3].

Контроль за соблюдением трудового законодательства в секторе ИП также имеет свои ограничения. Инспекция труда часто сталкивается с проблемой фиктивного оформления работников как самозанятых или через сторонние организации. Согласно данным Федеральной службы по труду и занятости, в 2023–2024 годах более 25% проверок малого бизнеса выявляли нарушения оформления трудовых отношений, что подтверждает системную проблему недооценки риска социальной незащищенности.

Анализ судебной практики подтверждает высокий уровень правовой неопределенности. В делах Московского городского суда №33-3456/2022 и Санкт-Петербургского городского суда №10-1123/2023 работники ИП добились признания гражданско-правового договора

трудовым. В обоих случаях суд установил, что работники выполняли обязанности на постоянной основе, в рамках определенного графика и подчинялись указаниям предпринимателя, что соответствовало критериям, закрепленным в статье 21 ТК РФ. В результате суд обязал ИП выплатить недополученную заработную плату, компенсацию за отпуск и больничные, а также штрафы за нарушение трудовых прав. Эти примеры демонстрируют необходимость чёткого разграничения формальных договоров и фактических трудовых отношений, чтобы снизить риск конфликтов и судебных споров.

Следует отметить, что развитие цифровых технологий и распространение дистанционных форм занятости привели к появлению новых особенностей регулирования трудовых отношений у индивидуальных предпринимателей [4]. Все чаще сотрудники выполняют свои обязанности удаленно, используя электронные средства связи и цифровые платформы. Это требует от работодателя соблюдения дополнительных требований законодательства, связанных с электронным документооборотом, защитой персональных данных работников и организацией дистанционного труда.

Еще одной проблемой остается недостаточный уровень правовой грамотности отдельных индивидуальных предпринимателей. Многие начинающие предприниматели не обладают достаточными знаниями трудового законодательства, что приводит к нарушениям порядка оформления работников, ведения кадровой документации и исполнения обязанностей работодателя. В подобных случаях нарушения нередко являются следствием недостатка правовых знаний, а не умышленного уклонения от исполнения закона.

Направления совершенствования трудовых отношений у индивидуальных предпринимателей.

Для решения выявленных проблем необходим комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства, развитие механизмов государственного контроля и повышение уровня правовой культуры субъектов малого предпринимательства. Прежде всего, требуется законодательное закрепление более четких критериев разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений. Это позволит индивидуальным предпринимателям корректно оформлять взаимодействие с работниками, снизить количество случаев подмены трудовых договоров гражданско-правовыми соглашениями и уменьшить число судебных споров, связанных с переквалификацией договоров.

Важным направлением совершенствования является создание более доступных и упрощенных механизмов реализации социальных гарантий работников, занятых у индивидуальных предпринимателей. Речь идет о своевременной оплате отпусков и больничных листов, обязательном социальном страховании, а также обеспечении гарантий при увольнении работников. Дополнительная государственная поддержка малого бизнеса, включая консультационную помощь и компенсационные программы [8], позволит предпринимателям добросовестно исполнять обязанности работодателя без существенного увеличения финансовой нагрузки.

Особое внимание следует уделить развитию цифровых технологий в сфере трудовых отношений [5]. Использование электронного кадрового документооборота, цифровых сервисов государственных органов и автоматизированных систем учета позволит сократить административные издержки индивидуальных предпринимателей, повысить прозрачность оформления трудовых отношений и снизить вероятность нарушений законодательства. Одновременно необходимо совершенствовать деятельность органов государственного контроля, применяя риск-ориентированный подход, при котором основное внимание будет уделяться работодателям с наиболее высокой вероятностью нарушений трудового законодательства.

Не менее важным направлением является повышение уровня правовой грамотности индивидуальных предпринимателей. Разработка методических рекомендаций, проведение обучающих семинаров, создание бесплатных информационных ресурсов и консультационных центров позволят предпринимателям своевременно получать актуальную информацию об изменениях трудового законодательства и правильно применять его нормы на практике. Это будет способствовать снижению количества правонарушений, укреплению правовой дисциплины и формированию добросовестной практики ведения предпринимательской деятельности.

Таким образом, трудовые отношения у индивидуальных предпринимателей характеризуются рядом особенностей, обусловленных спецификой малого бизнеса. К основным проблемам относятся высокая степень личной зависимости работников от работодателя, случаи ненадлежащего оформления трудовых отношений, ограниченная социальная защищенность при нарушении законодательства и отдельные пробелы правового регулирования. Совершенствование законодательства, внедрение четких критериев квалификации договоров, развитие цифровых технологий, повышение эффективности государственного контроля и обеспечение надлежащей социальной защиты работников позволят сформировать стабильную, прозрачную и безопасную систему трудовых отношений в секторе индивидуального предпринимательства. Реализация указанных мер будет способствовать развитию малого бизнеса, укреплению доверия между предпринимателями, работниками и государственными органами, а также повышению уровня социальной защищенности граждан и эффективности российского рынка труда в целом.

Список литературы

1. Предпринимательское право: учебник для бакалавров / Л.В. Андреева, И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. – М.: Проспект, 2023. – 368 с.

2. Предпринимательское право России. Итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, Е.П. Губин, В.А. Вайпан [и др.]. – М.: Юстицинформ, 2023. – 664 с. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1078912 (дата обращения: 31.03.2026).

3. Белов А.В. Современные тенденции в правовом регулировании предпринимательской деятельности / А.В. Белов. – М.: Проспект, 2023. – 198 с. – ISBN 978-5-534-17929-3. – URL: https://urait.ru/bcode/400751 (дата обращения: 31.03.2026).

4. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. – EDN: OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

5. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – №6. – С. 54–62. – EDN: NPKRTA.

6. Землин А.И. Налоговое право: учебник / А.И. Землин. – М.: Форум, 2006. – EDN: QWNEIB.

7. Каминка А.И. Основы предпринимательского права / А.И. Каминка. – М.: Зерцало-М, 2015. – 320 с. EDN ZGKGDJ

8. Колоколова Д.А. Проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере АПК и предложения по совершенствованию её регулирования в муниципальном районе / Д.А. Колоколова, О.В. Саратова // Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 73-й национальной научно-практической конференции студентов и магистрантов (Воронеж, 1 марта – 31 декабря 2022 г.). – Т. V. – Воронеж: Воронежский ГАУ, 2022. – С. 449–456. – EDN: MTXWTY.

9. Колоколова Д.А. Недопустимость подмены трудовых отношений гражданско-правовыми / Д.А. Колоколова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – №4 (44). – С. 224–227. – EDN: WVJLCL.

10. Митячкина Е.С. Система способов защиты авторских и смежных прав / Е.С. Митячкина // Гуманитарные исследования. – 2012. – №3 (43). – С. 201–209. – EDN: PWKYVH.

Мирсаидова Нафисабону Сайфуллоджановна
доктор PhD
Национальная академия наук Таджикистана
г. Душанбе, Республика Таджикистан

DOI 10.31483/r-168146

СНИЖЕНИЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН В ТАДЖИКИСТАНЕ ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ПРОЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация: *в статье исследуются институциональные, финансовые и социально-культурные факторы, влияющие на участие женщин Таджикистана в формальной занятости и предпринимательстве. На основе анализа национальных программ, данных Всемирного банка, Азиатского банка развития, ЕБРР, UNFPA, AFI, WAGE и материалов профильных организаций обоснованы меры по снижению неформальной занятости женщин через финансовую инклюзию, профессиональное образование, цифровые навыки и ESG-ориентированные кредитные продукты [1; 2; 4; 5; 9].*

Ключевые слова: *женская занятость, неформальный сектор, женское предпринимательство, финансовая инклюзия, Таджикистан, ESG, международные организации.*

Введение.

Проблема неформальной занятости женщин в Таджикистане имеет двойственную природу. С одной стороны, она отражает ограниченность формального рынка труда: недостаток рабочих мест с достойной оплатой, слабую социальную защиту, отраслевую сегрегацию и зависимость от сезонных источников дохода. С другой стороны, она показывает наличие предпринимательского потенциала женщин, который пока не полностью интегрирован в официальную экономику [1; 7].

Актуальность темы усиливается современным макроэкономическим контекстом. Таджикистан сохраняет высокие темпы роста: по оценке Всемирного банка, экономика страны выросла на 8,4% в 2025 году, а АБР прогнозирует рост ВВП на 7,3% в 2026 году и 6,8% в 2027 году при прогнозируемой инфляции 4,0% и 4,5% соответственно [1; 2]. Однако высокий рост сам по себе не гарантирует равного участия женщин в экономике, если сохраняются барьеры доступа к финансированию, собственности, цифровым сервисам и профессиональным навыкам [1; 3; 4].

Исходный документ, положенный в основу настоящей статьи, показывает, что ключевыми препятствиями для развития женского предпринимательства в Таджикистане остаются дефицит стартового капитала, слабая финансовая и цифровая грамотность, гендерные стереотипы, ограниченный доступ к залогу и недостаток специальных кредитных продуктов [8; 9]. Эти положения дополнены свежими международными данными и практикой программ ЕБРР, АБР, USAID, WAGE и других партнеров [3; 2; 9].

Методология исследования.

Методологическую основу статьи составляют сравнительный анализ, институциональный подход и контент-анализ национальных и международных программ. В качестве информационной базы использованы положения Государственной программы развития женского предпринимательства на 2024–2027 годы, статистика World Bank Gender Data Portal, ADB Asian Development Outlook, материалы ЕБРР, AFI, UNFPA, Women, Business and the Law, а также данные и публикации организаций, работающих с женским предпринимательством в Таджикистане [1–6; 8; 9].

Под неформальной занятостью в статье понимается экономическая деятельность, которая не обеспечивает полной регистрации доходов, устойчивого трудового договора, социальных гарантий, пенсионных отчислений и доступа к официальным финансовым продуктам. Для женщин

такая занятость часто принимает форму домашнего микробизнеса, торговли, аграрной самозанятости, услуг по уходу, сезонных работ и неоплачиваемого труда в семейном хозяйстве [7; 10].

Современная статистическая картина: *рост экономики при низкой вовлеченности женщин.*

Демографический потенциал Таджикистана значителен: по данным UNFPA, численность населения страны в 2025 году оценивалась примерно в 10,8 млн человек [5]. При этом женский человеческий капитал остается недостаточно вовлеченным в формальную экономику: по данным Всемирного банка, участие женщин в рабочей силе в 2025 году составляло 21,9%, тогда как у мужчин – 55,8% [1]. Такой разрыв означает, что значительная часть трудового и предпринимательского ресурса страны остается вне формального экономического оборота.

Важной характеристикой является уязвимая занятость. По данным Всемирного банка, доля уязвимой занятости среди женщин в Таджикистане составляет 33,3% [1]. Это означает высокую зависимость от самозанятости, неоплачиваемого семейного труда и нестабильных источников дохода. В условиях отсутствия официально подтверждаемого дохода женщины хуже проходят банковскую оценку платежеспособности, что закрепляет их в неформальном секторе [4].

Финансовая инклюзия развивается, но сохраняет гендерный разрыв. Согласно данным Alliance for Financial Inclusion, в 2020–2024 годах банковские учреждения Таджикистана выдали женщинам кредиты на сумму свыше 2 млрд долларов США, а в 2024 году женщинам-предпринимательницам было предоставлено 18 968 кредитов, что на 27% больше, чем годом ранее [4]. Эти цифры показывают движение вперед, но также подтверждают необходимость расширения охвата сельских женщин, самозанятых и микропредприятий [4].

Таблица 1

Отдельные индикаторы, характеризующие экономическую активность женщин в Таджикистане

Показатель	Последнее значение	Год	Источник
Участие женщин в рабочей силе	21,9%	2025	World Bank Gender Data Portal [1]
Участие мужчин в рабочей силе	55,8%	2025	World Bank Gender Data Portal [1]
Уязвимая занятость среди женщин	33,3%	2025	World Bank Gender Data Portal [1]
Число женщин-предпринимателей	более 79 тыс.; 23,1% субъектов предпринимательства	2022	Госпрограмма 2024–2027 / исходный документ
Кредиты женщинам, совокупно	более 2 млрд долл. США	2020–2024	Alliance for Financial Inclusion
Кредиты женщинам за год	18 968 кредитов	2024	Alliance for Financial Inclusion
Рост ВВП	8,4%	2025	World Bank
Прогноз роста ВВП	7,3% в 2026 г.; 6,8% в 2027 г.	2026–2027	Asian Development Bank

Ключевые барьеры формализации женской занятости.

Первый барьер – финансовый. Женщины чаще сталкиваются с нехваткой стартового капитала, слабой залоговой базой и отсутствием официально подтверждаемого дохода. В традиционной кредитной модели банк оценивает клиента через имущество, кредитную историю и стабильную зарплату, тогда как женский микробизнес часто строится на малых оборотах, сезонности и неформальных денежных потоках [4; 9].

Второй барьер – имущественный и правовой. Женщины нередко имеют ограниченный контроль над активами домохозяйства, даже когда фактически участвуют в формировании семейного дохода. Отсутствие собственности, оформленной на женщину, снижает

возможность предоставить залог и усиливает зависимость от родственников или неформальных источников финансирования [6; 10].

Третий барьер – образовательный и цифровой. Низкая финансовая грамотность ограничивает способность женщин сравнивать кредитные продукты, рассчитывать реальную стоимость займа, планировать денежные потоки и пользоваться цифровыми финансовыми сервисами. Особенно заметна эта проблема в сельских районах, где слабее доступ к интернету, консультациям и предпринимательским сетям [4; 9].

Четвертый барьер – социальные нормы и неоплачиваемый труд. Женщины несут несоразмерно большую нагрузку по уходу за детьми, пожилыми родственниками и ведению домашнего хозяйства. Это сокращает время на обучение, поиск работы, регистрацию бизнеса, переговоры с банками и участие в деловых сетях [10; 2].

Роль государственных программ и международных организаций.

Государственная программа развития женского предпринимательства на 2024–2027 годы является важным институциональным шагом, поскольку признает женский бизнес отдельным объектом экономической политики. В программе отражены задачи расширения доступа женщин к финансированию, повышения профессиональных навыков, поддержки самозанятости и регионального предпринимательства [8].

ЕБРР играет заметную роль через программу Women in Business и развитие гендерно-чувствительного финансирования. В апреле 2024 года ЕБРР сообщил о сотрудничестве с Национальным банком Таджикистана по разработке Women Entrepreneurs Finance Code, а также о кредите в 5 млн долларов США Bank Arvand для поддержки женского предпринимательства [3]. В мае 2024 года ЕБРР объявил о финансировании HUMO, включая до 1 млн долларов США по линии Women in Business [3].

Программы USAID, MEDA, WAGE и TRIGGER дополняют финансовый компонент нефинансовой поддержкой. Их ценность заключается в том, что они работают с практическими дефицитами предпринимательниц: бизнес-планированием, маркетингом, цифровыми навыками, коучингом, наставничеством, правовой информированностью и связью с рынками [9].

Азиатский банк развития делает акцент на профессионально-техническом образовании, инклюзивном росте и модернизации навыков. Поддержка учебных мастерских, оборудования и практического обучения позволяет девушкам и женщинам осваивать профессии, которые традиционно считались «мужскими», но имеют более высокий рыночный потенциал [2].

Финансовая инклюзия как механизм выхода из неформальности.

Для сокращения неформальной занятости женское предпринимательство следует рассматривать не как вспомогательную социальную меру, а как полноценный экономический сектор. Если женщина получает доступ к счету, кредиту, цифровым платежам, регистрации бизнеса и консультациям, ее деятельность становится видимой для государства, банков и рынка [4].

Ключевым инструментом может стать внедрение альтернативной оценки кредитоспособности. Для женских микропредприятий традиционный залог часто недоступен, но существуют другие данные: регулярность поступлений на электронный кошелек, история коммунальных платежей, обороты по торговой точке, участие в групповых гарантиях, рекомендации поставщиков и цифровые следы продаж [4].

Второй инструмент – кредитные продукты с встроенной образовательной поддержкой. Практика показывает, что одноразовый тренинг редко меняет поведение. Более эффективна модель «финансирование плюс сопровождение»: краткая диагностика бизнеса, расчет оборотного капитала, обучение учету, консультации после выдачи кредита и мониторинг результата [3; 9].

Третий инструмент – гендерно-дезагрегированная отчетность. В исходном документе справедливо подчеркивается, что отсутствие детализированной банковской статистики по полу заемщика ограничивает анализ доступа женщин к финансированию. Women Entrepreneurs Finance Code может стать практической основой для сбора данных, разработки KPI и оценки реального эффекта кредитных программ [3; 4].

Профессиональное образование и цифровые навыки.

Формализация женской занятости невозможна без диверсификации профессиональных траекторий. Концентрация женщин в торговле, бытовых услугах, низкооплачиваемом аграрном труде, образовании и здравоохранении ограничивает доходы и карьерный рост. Поэтому профессионально-техническое образование должно стать не запасным вариантом, а инструментом входа женщин в более доходные сектора [2; 7].

Особое место занимают цифровые навыки. Для микробизнеса цифровизация означает не только программирование или IT-профессию. Это умение вести учет в приложении, принимать безналичную оплату, продвигать товар в социальных сетях, фотографировать продукцию, пользоваться маркетплейсами, защищаться от мошенничества и оформлять документы онлайн [4; 9].

В международной практике все большее значение приобретают бизнес-инкубаторы для женщин, программы наставничества и клубы предпринимательниц. Для Таджикистана целесообразно развивать региональные центры женского предпринимательства при сотрудничестве государственных органов, банков, микрофинансовых организаций, НАДЖТ и международных партнеров [9; 10].

ESG-подход и экономическая отдача поддержки женщин.

Поддержка женской занятости тесно связана с ESG-повесткой финансового сектора. Социальный компонент ESG включает финансовую инклюзию, равный доступ к продуктам, поддержку уязвимых групп, защиту клиентов и развитие человеческого капитала. Для банков и микрофинансовых организаций женское предпринимательство может быть одновременно социальным эффектом, клиентским сегментом и фактором устойчивости портфеля [3; 4].

Экономическая отдача проявляется на нескольких уровнях. На уровне домохозяйства рост дохода женщины повышает устойчивость семьи, инвестиции в образование детей и способность реагировать на шоки. На уровне региона женский микробизнес создает услуги и занятость там, где крупные предприятия отсутствуют. На уровне экономики формализация расширяет налоговую базу и снижает зависимость от денежных переводов [1; 4; 7].

Однако ESG-подход не должен превращаться в красивый лозунг. Для практического эффекта нужны измеримые показатели: доля женщин среди заемщиков, объем кредитов женщинам, процент новых женщин-клиентов, число женщин, перешедших от неформальной деятельности к регистрации, доля сельских клиенток, уровень просрочки, рост оборота бизнеса и изменение доходов домохозяйств [3; 4].

Предлагаемая модель сокращения неформальной занятости женщин.

На основе проведенного анализа предлагается семикомпонентная модель политики. Первый компонент – регуляторный: гендерный анализ нормативных актов Национального банка и устранение барьеров, которые косвенно ограничивают доступ женщин к кредитам. Второй – финансовый: развитие продуктов без классического залога, малых оборотных кредитов, групповых гарантий, лизинга оборудования и цифровых кредитных линий [3; 4; 6].

Четвертый компонент – профессиональный: расширение доступа женщин к техническим и высокодоходным специальностям, включая зеленую экономику, ремонтные услуги, переработку, логистику, цифровые сервисы и агробизнес. Пятый – инфраструктурный: развитие услуг ухода за детьми, безопасного транспорта, доступа к интернету и консультационным центрам. Шестой – информационный: создание единого портала программ, грантов, кредитов и обучения для женщин. Седьмой – мониторинговый: регулярная публикация гендерно-дезагрегированных данных [2; 4; 8; 10].

Главный принцип модели – сопровождение вместо разовой помощи. Женщина, занятая в неформальном секторе, часто не нуждается в абстрактном призыве «открыть бизнес». Ей нужен понятный маршрут: как зарегистрироваться, какой налоговый режим выбрать, где взять стартовый капитал, как рассчитать цену, как продвигать продукт, как вести учет и как не потерять социальную устойчивость семьи [9].

Заключение.

Сокращение неформальной занятости женщин в Таджикистане является не узкой гендерной задачей, а стратегическим условием инклюзивного экономического роста. Несмотря на позитивную динамику женского предпринимательства и активность международных

организаций, сохраняются системные барьеры: низкое участие женщин в рабочей силе, уязвимая занятость, ограниченный доступ к залогу, цифровой разрыв и социальные нормы, увеличивающие неоплачиваемый труд [1; 4; 6; 7; 10].

Наиболее перспективным направлением является интеграция финансовой инклюзии, профессионального образования, цифровых навыков и ESG-подхода. Государственная программа развития женского предпринимательства на 2024–2027 годы создает нормативную основу, а программы ЕБРР, USAID, WAGE, АБР, Всемирного банка и НАДЖТ формируют практическую инфраструктуру поддержки [2; 3; 8; 9].

Таким образом, женское предпринимательство способно стать мостом между неформальной самозанятостью и формальной экономикой. Но этот мост должен быть построен из конкретных элементов: доступного финансирования, данных, доверия, навыков, инфраструктуры ухода и партнерства государства, банков, бизнеса и международных организаций [2; 4].

Список литературы

1. World Bank. Tajikistan – Gender Data Portal, DataBank and Country Overview: labour force participation, vulnerable employment and macroeconomic indicators. 2025–2026.

2. Asian Development Bank. Tajikistan: Economy. Asian Development Outlook, April 2026; materials on skills, TVET, inclusive growth and gender components in Tajikistan.

3. European Bank for Reconstruction and Development. Women in Business programme in Tajikistan and 2024 materials on support to women and youth entrepreneurship through Bank Arvand and HUMO.

4. Alliance for Financial Inclusion. Examining the state of financial inclusion in Tajikistan. 27 August 2025.

5. UNFPA. World Population Dashboard: Tajikistan. Population and demographic indicators. 2025.

6. World Bank. Women, Business and the Law 2026: Tajikistan profile and flagship report. 2026.

7. International Labour Organisation. ILOSTAT country indicators and statistical guidance on employment, informality and vulnerable employment.

8. Правительство Республики Таджикистан. Государственная программа развития женского предпринимательства в Республике Таджикистан на 2024–2027 годы.

9. WAGE – Women and Girls Empowered; USAID Tajikistan; MEDA; Национальная ассоциация деловых женщин Таджикистана. Материалы о программах поддержки женского предпринимательства, наставничества, бизнес-обучения и экономического расширения возможностей женщин.

10. UN Women; OECD Social Institutions and Gender Index. Материалы по гендерному равенству, социальным нормам, участию женщин в экономике и неоплачиваемому труду в Таджикистане.

Никанорова Анастасия Павловна
студентка
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ЖЕНЩИН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются основные этапы формирования правового регулирования труда женщин, анализируются международные стандарты и национальное законодательство в этой сфере. Особое внимание уделено специальным нормам, направленным на охрану репродуктивного здоровья женщин, а также гарантиям для работающих женщин, имеющих детей.*

Ключевые слова: *труд женщин, гендерное равенство, дискриминация, охрана труда, беременность, материнство, трудовое законодательство.*

Вопросы правового регулирования труда женщин занимают особое место в системе трудового права любой страны. Исторически сложилось, что женщины наряду с выполнением профессиональных функций несут основную нагрузку по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, учет этого социально-экономического фактора предопределяет необходимость установления для них дополнительных гарантий и льгот. В то же время принцип

равенства прав и свобод человека независимо от пола требует недопущения дискриминации в сфере труда.

Формирование законодательства о труде женщин прошло несколько этапов. На рубеже XIX–XX веков в связи с промышленной революцией возникла потребность в ограничении эксплуатации женского труда. Первоначально правовые нормы носили преимущественно запретительный характер: вводились запреты на работу женщин в ночное время, в подземных работах, на тяжелых производствах. В Российской империи первые такие ограничения появились в фабричном законодательстве (законы 1885, 1897 гг.).

В советский период был провозглашен принцип равной оплаты за равный труд, но при этом сохранялись и расширялись льготы для женщин (отпуска по беременности и родам, запрет увольнения беременных, создание сети детских учреждений). Такой подход оказал значительное влияние на формирование международных стандартов.

Современный этап характеризуется смещением акцента с патерналистской защиты на обеспечение равных возможностей и недопущение дискриминации. Это нашло отражение в конвенциях Международной организации труда (МОТ), актах ООН и законодательстве развитых стран.

Базовым документом в сфере защиты прав женщин является Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.). Статья 11 Конвенции обязывает государства обеспечивать равные права женщин в области занятости, включая право на труд, одинаковые критерии отбора, равное вознаграждение, социальное обеспечение, охрану здоровья и безопасные условия труда.

Специализированные акты МОТ закрепляют особые гарантии для женщин-матерей. Конвенция №183 «О пересмотре Конвенции об охране материнства» (2000 г.) устанавливает минимальную продолжительность отпуска по беременности и родам (не менее 14 недель), право на сохранение заработной платы или пособие, запрет увольнения в период отпуска, право на кормление ребенка. Конвенция №156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (1981 г.) распространяет защиту на лиц обоего пола, имеющих семейные обязанности.

Региональные акты (например, Европейская социальная хартия) дополняют эти положения требованиями по созданию условий для совмещения трудовой деятельности с семейными обязанностями.

Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) содержит развернутую систему норм, регулирующих труд женщин. При этом законодатель использует два подхода: 1) запрет дискриминации (ст. 3 ТК РФ); 2) установление специальных правил для женщин в связи с материнством.

Статья 3 ТК РФ не допускает ограничений в трудовых правах в зависимости от пола. Однако судебная практика свидетельствует о сохраняющейся дискриминации при приеме на работу (требования указать наличие детей, планирование беременности). В 2021–2022 гг. внесены изменения в УК РФ, установившие уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу беременных женщин и женщин с детьми до трех лет, что стало значимым шагом в усилении защиты.

В соответствии со ст. 253 ТК РФ ограничивается применение труда женщин на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах (за исключением нефизических работ или санитарно-бытового обслуживания). Перечень таких работ утверждается Правительством РФ. Запрещается направлять в служебные командировки, привлекать к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни беременных женщин (ст. 259 ТК РФ). Для женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, такие ограничения действуют при условии их письменного согласия и при отсутствии медицинских противопоказаний.

Важнейшей гарантией является предоставление отпусков по беременности и родам (ст. 255 ТК РФ) и отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет (ст. 256 ТК РФ). Запрещается расторжение трудового договора по инициативе работодателя с

беременными женщинами, а с женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет, с одинокими матерями, воспитывающими детей до 14 лет, – допускается только по ограниченному кругу оснований (ст. 261 ТК РФ).

Несмотря на наличие развитой нормативной базы, практика выявляет следующие сложности: нежелание работодателей принимать на работу женщин репродуктивного возраста из-за риска предоставления отпусков и дополнительных гарантий, формальный подход к созданию рабочих мест для женщин, занятых во вредных условиях, – многие работодатели предпочитают не принимать женщин на «льготные» должности, чем создавать для них безопасные условия, недостаточная эффективность механизмов привлечения к ответственности за дискриминацию, сохранение «теневых» практик: оформление женщин на условиях гражданско-правовых договоров, не подпадающих под трудовые гарантии.

В современных условиях дискуссия о будущем регулирования труда женщин разворачивается вокруг нескольких направлений. Первое – переход от модели «специальной защиты» к модели «инклюзивного регулирования», где льготы адресуются не только женщинам, но и любому лицу с семейными обязанностями. Такой подход уже реализован во многих странах: отпуска по уходу за ребенком предоставляются на равных основаниях отцам, вводятся «отцовские» квоты. В России с 2021 года расширены возможности использования отпуска по уходу за ребенком отцами и другими родственниками, однако культурные стереотипы пока ограничивают применение этих норм.

Второе – дальнейшее развитие дистанционной и гибкой занятости. Законодательное закрепление права на удаленную работу для беременных и лиц с семейными обязанностями позволило бы совмещать трудовую деятельность с выполнением семейных функций. В ТК РФ в 2020 году введена глава 49.1 о дистанционной работе, но специальные гарантии для женщин в этой сфере отсутствуют. Третье – усиление антидискриминационного контроля. Необходимо совершенствовать механизмы внесудебной защиты прав женщин в сфере труда, в том числе через расширение полномочий инспекции труда и введение института коллективных исков о дискриминации.

Правовое регулирование труда женщин прошло длительный путь от запретительных норм до создания системы гарантий, направленных на обеспечение равных возможностей и защиту материнства. Современное законодательство в целом соответствует международным стандартам, однако сохраняются проблемы правоприменения, связанные с дискриминацией на рынке труда и недостаточной эффективностью механизмов защиты нарушенных прав.

Дальнейшее предполагаемое развитие законодательства должно идти по пути устранения гендерных стереотипов, распространения специальных гарантий на всех лиц с семейными обязанностями, внедрения гибких форм занятости и повышения ответственности работодателей за нарушение принципа равенства. Решение этих задач позволит не только обеспечить реализацию трудовых прав женщин, но и создать условия для устойчивого социально-экономического развития.

Список литературы

1. Билан Е.В. Охрана труда женщин: гендерное неравенство на рынке труда / Е.В. Билан // Промышленная безопасность и охрана труда: тезисы докладов I Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2023 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, 2024. – С. 24–26. EDN FTTQPW

2. Гурова А.Р. Проблема ограничения труда женщин во вредных и опасных условиях труда / А.Р. Гурова // Проблемы совершенствования российского законодательства: сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов (Барнаул, 10–12 апреля 2024 г.). – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. – С. 287–288. EDN FCSFUU

3. Хайретдинова З.М. Правовые особенности применения труда женщин / З.М. Хайретдинова, О.В. Кораблина // Приднепровский научный вестник. – 2023. – Т. 3. №1. – С. 95–97. EDN PCZCEF

Фалинская Людмила Евгеньевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ КАК ОБЪЕКТ ВНЕШНЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ: ПРАВОВОЙ СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация: *в статье исследуется правовой статус субъектов предпринимательской деятельности в качестве объектов внешнего государственного финансового контроля. Анализируются нормативные основы контроля, закрепленные в Бюджетном кодексе Российской Федерации, а также последствия реформы 2019 года, значительно расширившей круг проверяемых лиц. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения, возникающим при осуществлении контрольных мероприятий в отношении предпринимателей, включая разграничение компетенции между внешним и внутренним контролем, правовую неопределенность при проверке «цепочек» субподряда, а также риски, связанные с цифровизацией контрольной деятельности.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между фискальной эффективностью контрольных органов и обеспечением правовых гарантий для предпринимателей, участвующих в исполнении государственных контрактов, получении субсидий и иных форм бюджетного финансирования. На основе анализа правоприменительной практики, в том числе данных Счетной палаты РФ, в статье выявляются системные проблемы, такие как дублирование полномочий контролирующих органов, недостаточная процессуальная регламентация новых форм контроля и высокие административные издержки для бизнеса.

В работе рассматриваются проблемы реализации контрольных полномочий в условиях цифровизации, а также правовые риски, связанные с автоматизацией контрольных процедур и использованием информационных систем без надлежащих процессуальных гарантий для объектов контроля. Автором предлагаются направления совершенствования правового регулирования, направленные на повышение предсказуемости контрольных мероприятий, снижение административной нагрузки на предпринимателей и внедрение риск-ориентированного подхода, сочетающего эффективность государственного аудита с защитой прав субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: *внешний государственный финансовый контроль, предпринимательская деятельность, представления и предписания, контрольный мониторинг, цифровизация контроля, риск-ориентированный подход, правовые гарантии предпринимателей.*

Правовое регулирование внешнего государственного финансового контроля в Российской Федерации строится на положениях главы 26 Бюджетного кодекса Российской Федерации, которая закрепляет разделение контроля на внешний и внутренний, определяет методы его осуществления и устанавливает круг объектов контроля. Внешний контроль осуществляется Счетной палатой Российской Федерации, контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Именно эти органы уполномочены проверять законность, эффективность и целевое использование средств федерального бюджета,

бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, а также соблюдение условий государственных (муниципальных) контрактов и договоров о предоставлении бюджетных средств.

Ключевое значение для понимания правового положения предпринимателя как объекта контроля имеет перечень объектов, установленный Бюджетным кодексом Российской Федерации. В их число включены юридические лица, индивидуальные предприниматели, физические лица, получающие средства из соответствующего бюджета на основании договоров (соглашений) о предоставлении средств и (или) государственных (муниципальных) контрактов, а также исполнители (поставщики, подрядчики) по договорам, заключенным в целях исполнения таких контрактов. Таким образом, сфера действия внешнего контроля охватывает не только прямых получателей бюджетных средств, но и участников цепочек субподряда, что существенно расширяет категорию проверяемых предпринимателей.

Реформа 2019 года (Федеральный закон от 26 июля 2019 г. №199-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») целенаправленно расширила предмет государственного финансового контроля и детализировала перечень объектов, что позволило контролерам пресекать нарушения, которые наносили ущерб бюджету, но формально не являлись нарушениями бюджетного законодательства. Дифференциация подхода к объектам, основанная на принципе сопровождения средств до момента исполнения обязанностей государства перед гражданами, усилила влияние на нарушителей, не соблюдавших цели и условия предоставления «транзитных» субсидий [6].

Проверки, проведённые Счетной палатой Российской Федерации в 2025 году в сфере транспорта, дорожного строительства и субсидирования перевозок, охватили более 250 организаций-исполнителей и около 2,5 тыс. государственных контрактов [7]. По их результатам выявлены системные нарушения, допущенные со стороны государственных заказчиков при исполнении контрактных обязательств, которые повлекли за собой негативные последствия для предпринимателей – исполнителей по контрактам.

В частности, установлены факты необоснованного завышения начальной (максимальной) цены контрактов на сумму 5 млрд рублей, а также завышения размеров авансовых платежей на 23 млрд рублей, что создало для предпринимателей ситуацию, когда завышенный аванс впоследствии становился предметом претензий и требований о возврате средств. Кроме того, выявлена приемка и оплата работ, не соответствующих условиям контрактов, на сумму более 500 млн рублей, а в сфере дорожного строительства завышение стоимости фактически выполненных работ превысило 7 млрд рублей. Указанные нарушения свидетельствуют о ненадлежащем исполнении государственными заказчиками обязанностей по контролю за объёмом и качеством принимаемых работ, что, в свою очередь, влечёт для предпринимателей риски применения мер ответственности за неисполнение контрактных обязательств, инициирования проверочных мероприятий и судебных споров, а также создаёт угрозу включения в реестр недобросовестных поставщиков по формальным основаниям.

Таким образом, нарушения, формально допущенные со стороны публично-правовых образований (заказчиков), фактически оборачиваются дополнительной административной и финансовой нагрузкой на предпринимательское сообщество, что свидетельствует о дисбалансе в системе распределения ответственности в рамках бюджетного процесса.

Кроме того, на практике сохраняются риски дублирования полномочий между контрольными органами. Один и тот же предприниматель может быть проверен и Счетной палатой, и Федеральным казначейством, и контрольно-ревизионными органами субъекта Российской Федерации. Это приводит к избыточной административной нагрузке на бизнес, увеличению временных и финансовых затрат на прохождение контрольных процедур, а также к возможным противоречиям в выводах разных контролирующих органов. Отсутствие единой координации не позволяет в полной мере реализовать принцип однократности проверок, что снижает эффективность контрольной деятельности в целом.

Бюджетный кодекс Российской Федерации предусматривает такой метод контроля, как контрольный мониторинг, который проводится Федеральным казначейством в электронной форме с использованием информационных систем. Результатом такого мониторинга является не акт проверки, а мотивированное мнение. Неисполнение мотивированного мнения влечет досрочное прекращение контрольного мониторинга и переход к иным методам контроля. Мониторинг безопасности, предусмотренный законодательством о государственном контроле, позволяет контролирующим органам собирать информацию о предпринимателе в отсутствие процессуальных гарантий, предусмотренных для проверок. Это создает риск того, что предприниматель может быть привлечен к ответственности на основании данных, собранных автоматизированными системами, без непосредственного взаимодействия с инспектором.

Цифровизация контроля, наряду с очевидными преимуществами, порождает новые правовые риски для предпринимателей [4]. Индикаторы риска все чаще разрабатываются на основе технологий искусственного интеллекта, анализирующего данные из различных ведомственных информационных систем. Срабатывание такого индикатора является основанием для назначения внеплановой проверки, при этом сам предприниматель может не знать ни о работе алгоритмов, ни о факте срабатывания индикатора до момента получения уведомления о проверке. Это создает риск того, что проверка назначается без учета контекста деятельности предпринимателя. Кроме того, в бюджетном законодательстве и законодательстве о государственном контроле не урегулирован вопрос о том, имеют ли данные, полученные в ходе дистанционного мониторинга, такую же доказательственную силу, как документы, полученные при выездной проверке. При проведении контрольного мониторинга объект контроля получает не акт, а мотивированное мнение, порядок обжалования которого прямо в Бюджетном кодексе Российской Федерации не установлен (предусмотрена лишь взаимосогласительная процедура).

Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в современных условиях определяется не только качеством налогового администрирования, но и сбалансированностью системы государственного финансового контроля. Органы внешнего государственного финансового контроля, обеспечивая сохранность бюджетных средств, должны действовать в рамках правового режима, гарантирующего предпринимателям стабильность, предсказуемость и соразмерность мер ответственности характеру допущенных нарушений. Развитие системы внешнего контроля должно идти по пути внедрения новых методов, основанных на цифровых технологиях и направленных на предотвращение нарушений, а не на их постфактумную констатацию. Однако цифровизация не должна приводить к снижению процессуальных гарантий для предпринимателей. Создание более сбалансированной и предсказуемой системы внешнего государственного финансового контроля, в которой фискальная эффективность сочетается с защитой прав и законных интересов предпринимателей, остается важной задачей правовой политики в бюджетной сфере.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №31. – Ст. 3823.

2. Федеральный закон от 05.04.2013 №41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – №14. – Ст. 1649.

3. Федеральный закон от 07.02.2011 №6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СЗ РФ. – 2011. – №7. – Ст. 903.

4. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. EDN: OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

5. Землин А.И. Бюджетное право: схемы и комментарии / А.И. Землин. – М., 2001. – EDN: TSGAYR.

6. Казакова И.А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11 (227). – С. 310–313. – DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_310. – EDN: XHTEYO.

7. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2025 году. – М.: Счетная палата Российской Федерации, 2026. – 99 с.
8. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: AOPYTL.
9. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник для направления магистратуры «Юриспруденция» / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. – ISBN 978-5-406-10740-9. – EDN: VRIHNM.

Феоктистов Фёдор Михайлович
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРУПНЫХ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ: ПЕРЕХОД ОТ ФОРМАЛИЗМА К ЗАЩИТЕ СУЩЕСТВА ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию фундаментальной реформы института крупных сделок в российском корпоративном праве, осуществленной посредством принятия Федерального закона от 8 августа 2024 года №287-ФЗ.*

Актуальность темы обусловлена кардинальным изменением законодательного подхода, знаменующим отход от многолетней практики оспаривания сделок и признания их недействительными в пользу принципиально иной модели правовых последствий, основанной на механизмах защиты прав несогласного меньшинства.

Автор подробно анализирует ключевые новеллы реформы, среди которых особое место занимают: отказ от презумпции убыточности крупной сделки, совершенной без надлежащего одобрения; исключение из предмета судебной оценки оценочного критерия «обычной хозяйственной деятельности»; внедрение института заверений о крупности сделки как способа легитимации договорных отношений с добросовестным контрагентом; а также принципиально новое перераспределение бремени доказывания в корпоративных спорах.

Центральное внимание в работе уделено исследованию трансформации правовых последствий нарушения порядка одобрения: место двусторонней реституции занимает обязанность общества осуществить выкуп акций или долей по требованию акционеров (участников), голосовавших против соответствующего решения. Автор приходит к выводу, что законодатель сознательно смещает акцент с защиты активов юридического лица на защиту корпоративных прав участников, что соответствует общемировой тенденции имплементации конструкции «права на несогласие». Вместе с тем в статье выявляются существенные риски новой модели, включая потенциальную угрозу финансовой стабильности общества при массовом предъявлении требований о выкупе и возникновение коллизии между правом миноритария на выход и принципом сохранения действующего предприятия. Работа содержит прогностические оценки развития судебной практики и предлагает направления дальнейшего совершенствования законодательства в сфере защиты прав миноритарных акционеров.

Ключевые слова: *крупная сделка, корпоративное право, акционерное общество, одобрение сделок, выкуп акций, обычная хозяйственная деятельность.*

Правовой режим крупных сделок на протяжении десятилетий оставался одним из наиболее проблемных участков корпоративного законодательства России. Исторически сложившиеся

как императивный механизм защиты активов акционерных обществ от недобросовестного менеджмента, нормы о крупных сделках (гл. X Федерального закона «Об акционерных обществах» и ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью») стали инструментом корпоративного шантажа и массового оспаривания договоров, дестабилизируя гражданский оборот. Кульминацией кризиса прежней модели стало формирование судебной практики, ориентированной на «реабилитацию» сделок при отсутствии убытков (п. 3 ст. 79 Закона об АО в ред. до 2024 г., Постановление Пленума ВАС РФ №28).

Федеральным законом от 08.08.2024 №287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» завершена реформа, начатая еще в рамках Концепции развития гражданского законодательства. Законодатель кардинально пересмотрел правовые последствия нарушения порядка одобрения, перенеся акцент с защиты прав общества на защиту прав участников (акционеров), не согласных со сделкой. Целью настоящей статьи является структурный анализ ключевых новелл и прогнозирование правоприменительных проблем.

Изменение подхода к квалификации: *уход от критериев убыточности и обычной хозяйственной деятельности.*

Ключевой новеллой стало изменение диспозиции материальной нормы. Предыдущая редакция ст. 79 Закона об АО содержала закрытый перечень оснований для отказа в иске о признании сделки недействительной, центральным из которых было доказательство ответчиком отсутствия неблагоприятных последствий. Новая редакция [1, ст. 79] исключает возможность признания сделки недействительной по иску общества или акционера в принципе, если она совершена с нарушением порядка одобрения, но оставляет иные способы защиты.

Более того, реформа существенно сузила сферу применения самого понятия «крупная сделка». Согласно поправкам, правила о крупных сделках теперь не применяются к отношениям, возникающим при переходе прав на имущество в процессе реорганизации общества, а также к ряду сделок, совершаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности, однако критерии последней были деформированы. Если ранее понятие «обычной хозяйственной деятельности» использовалось как универсальное исключение из режима одобрения, то теперь законодатель пошел по пути исключения конкретных видов сделок из-под действия главы X закона (публичные договоры, сделки по цене, установленной регулятором, и т. д.). Это снижает дискреционные полномочия суда при квалификации, но одновременно лишает миноритарных акционеров возможности ссылаться на выход сделки за «пределы обычной деятельности» как на основание иска [5, ст. 128].

Принципиально новый механизм последствий: *право требовать выкупа акций.*

Наиболее радикальное изменение заключается в замене механизма двусторонней реституции на корпоративный механизм денежной компенсации.

В соответствии с обновленной ст. 75 Закона об АО [1, ст. 75], акционеры, голосовавшие против решения о согласии на совершение крупной сделки либо не принимавшие участия в голосовании, если решение принято советом директоров без общего собрания, приобретают право требовать выкупа обществом принадлежащих им акций. Выкуп осуществляется по рыночной цене, определяемой оценщиком.

Данная конструкция трансформирует природу ответственности. Общество не лишается актива по спорной сделке (договор с контрагентом остается в силе, за исключением случаев сговора – п. 4 ст. 79), однако несет финансовое бремя перед миноритариями, не согласными с управленческим решением мажоритария. По сути, это введение механизма «права на несогласие» в российское право в более широком контексте.

Здесь возникает коллизия интересов: мажоритарный акционер, уверенный в экономической выгоде сделки, может навязать ее обществу ценой размытия кассы из-за выкупа долей миноритариев. Для ООО последствия еще более жесткие: участник вправе требовать выкупа доли, а если общество не способно выплатить действительную стоимость в установленные

сроки (три месяца), участник восстанавливается в правах, что создает правовую неопределенность в корпоративном контроле.

Заверения о крупности сделки и добросовестность контрагента.

Существенной новеллой, направленной на защиту стабильности оборота, стало легальное закрепление механизма «заверений о крупности». Законодатель ввел норму, согласно которой контрагент общества вправе запросить, а общество обязано предоставить документы, подтверждающие, что сделка не является крупной, либо решение об ее одобрении.

Новая редакция закона вводит презумпцию добросовестности контрагента, если он полагался на данные Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) или предоставленное обществом письменное заверение. Это существенно ограничивает применение концепции «осведомленности» контрагента о характере сделки, которая ранее позволяла судам аннулировать договоры, ссылаясь на то, что любой разумный участник оборота должен был понимать масштаб операции [2, п. 18].

Однако норма сформулирована небезупречно. Отсутствие в ЕГРЮЛ сведений, необходимых для расчета балансовой стоимости активов, оставляет для контрагентов «серую зону» – при структурировании сделок с неторгуемыми обществами риски оспаривания полностью не снимаются, но трансформируются в риски взыскания убытков с директора, подписавшего недостоверное заверение.

Распределение бремени доказывания и роль суда.

Процессуальный ландшафт споров о крупных сделках изменился кардинально. Ранее истец (общество или акционер) должен был доказать факт выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности или наличие ущерба. Теперь, в связи с исключением реституции из числа способов защиты, бремя доказывания смещается в корпоративные споры о цене выкупа и в споры о взыскании убытков с директоров [11, с. 14].

Если акционер предъявляет иск о выкупе акций, именно общество (в лице мажоритариев или менеджмента) заинтересовано доказывать, что сделка не являлась крупной, либо что голосование истца не могло повлиять на результаты голосования. Если же акционер требует убытков с директора (ст. 71 Закона об АО) за совершение сделки без надлежащего одобрения, истцу необходимо доказать весь классический состав убытков, что на практике крайне сложно в условиях бизнес-решений, принимаемых в ситуации неопределенности (правило делового суждения) [10, с. 150].

Реформа правового регулирования крупных сделок 2024 года представляет собой не просто техническую корректировку законов о хозяйственных обществах, а смену фундаментальной концепции. Произошел отказ от патерналистской модели, при которой государство в лице суда защищало активы компании от «разбазаривания» путем аннулирования сделок, и переход к либерально-рыночной модели, где сделка не оспаривается, но несогласное меньшинство получает право на выход из бизнеса по справедливой цене.

Ожидаемые позитивные эффекты – стабилизация оборота крупных активов и снижение числа корпоративных захватов через механизм «рискованных сделок». Однако реформа обнажает проблему недостаточной ликвидности непубличных АО и ООО: бремя мгновенного выкупа долей по требованию миноритариев может привести к банкротству вполне успешного общества, совершившего экономически верную, но не одобренную должным образом сделку. Это ставит перед судебной практикой новую задачу – поиск баланса между правом на выход и принципом сохранения действующего предприятия.

Список литературы

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 №287-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – №33, ч. 1. – Ст. 4918.

2. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.05.2014 №28 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – №6. – Утратило силу, однако сохраняет доктринальное значение.

3. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. – ISBN 978-5-406-10620-4. – EDN ZFMLLM.

4. Артамонова, С. Н. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник для направления магистратуры «Юриспруденция» / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. – ISBN 978–5-406–10740–9. – EDN VRIHNM.

5. Основы права: с практикумом: учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978-5-406-13285-2. – URL: https://book.ru/book/955241. – EDN FJEQON.

6. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7 (211). – С. 121–123. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_7_121. – EDN XXWNBG.

7. Казакова И.А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11 (227). – С. 310–313. – DOI 10.47643/1815–1337_2023_11_310. – EDN XHTEYO.

8. Колоколова Д.А. Проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере АПК и предложения по совершенствованию ее регулирования в муниципальном районе / Д.А. Колоколова, О.В. Саратова // Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 73-й национальной научно-практической конференции студентов и магистрантов (Воронеж, 1–31 марта 2022 г.). – Ч. V. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет, 2022. – С. 449–456. – EDN MTXWTY.

9. Актуальные проблемы частного и публичного права: монография / И.Ф. Колонтаевская, В.И. Липунов, Д.А. Самородов, С.Ф. Гуляйкин; под ред. И.Ф. Колонтаевской. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2016. – 156 с. – ISBN 978-5-9580-0290-0. – EDN WHOAIX.

10. Куркина Н.В. Проблемы правового регулирования определения объекта процедур несостоятельности (банкротства) / Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина, И.В. Татьянов // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №2. – С. 150–158. – EDN ARYYAG.

11. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Анапа, 7 марта 2022 г.). – Анапа : Научно-исследовательский центр эволюции социально-экономических процессов в ЮФО, 2022. – С. 14–18. – EDN XFAVIY.

12. BRICS. Россия: приурочено к году председательства РФ в объединении БРИКС / А.Л. Хазин, Д.Ф. Алиев, С.В. Габестро [и др.]. – Т. 2. – М.: Символы, 2020. – 221 с. – ISBN 978-5-6045222-2-6. – EDN YSTEFB.

Черненко Валерия Андреевна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу проблемных аспектов правового регулирования государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях трансформации налогового и административного законодательства. Актуальность обусловлена необходимостью переосмысления соотношения стимулирующей и контрольной функций государства в контексте цифровизации экономики и возрастающей фискальной нагрузки на малый бизнес. Особое внимание уделено анализу механизма налоговых амнистий как инструмента легализации хозяйственной деятельности, включая условия и пределы применения амнистии дробления бизнеса (Федеральный закон №176-ФЗ). Выявлены системные проблемы: фрагментарность цифровых сервисов на региональном уровне, сохраняющиеся административные барьеры при получении субсидий, недостаточная интеграция контрольных и стимулирующих инструментов. Методологическая основа – диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный анализ. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования.*

Ключевые слова: *малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка предпринимательства, пропорциональность регулирования, цифровая инфраструктура поддержки, правовая определенность, административно-правовые барьеры, правовая дифференциация субъектов МСП, превентивные механизмы контрольно-надзорной деятельности.*

Институт малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) представляет собой фундаментальный и ключевой элемент современной рыночной экономики, который обеспечивает формирование конкурентной среды, инновационное развитие и занятость населения. В современной научной литературе отмечается, что малые и средние предприятия часто рассматриваются в качестве индикаторов предпринимательской активности, вносящих значительный вклад в создание рабочих мест и формирование валового регионального продукта [10, с. 111–122]. В существующих условиях экономической нестабильности, геополитических ограничений, а также цифровой трансформации значение эффективной государственной поддержки субъектов МСП существенно возрастает.

Вместе с тем, как показывают эмпирические исследования, связь между мерами государственной поддержки и реальными экономическими результатами не является линейной и однозначной. Существование субъектов МСП тесно связано с активной государственной поддержкой, однако эффективность ее реализации существенно варьируется в зависимости от региона, отрасли и конкретных механизмов предоставления. Более того, как подчеркивается в научной литературе, в регионах с низкой производительностью даже активная поддержка стартапов может не дать ожидаемого эффекта из-за слабой конкуренции и ограниченного спроса.

Государственное содействие субъектам МСП строится на двух уровнях. Федеральная поддержка финансируется из бюджета и реализуется через Корпорацию МСП и её партнёров, она направлена на создание стартовых условий для бизнеса, масштабирование производства, стимулирование инноваций и повышение конкурентоспособности. Предприниматели

получают доступ к грантам, льготным кредитам, гарантиям, цифровым сервисам и образовательным программам. Региональная поддержка учитывает специфику конкретного субъекта РФ и нацелена на локальные приоритетные отрасли. В каждом регионе действуют собственные программы: субсидии, льготная аренда, микрозаймы, поддержка экспорта. Реализацией этих мер занимаются центры «Мой бизнес» и местные фонды развития. Отличие двух уровней состоит в том, что федеральные меры охватывают стратегические направления, а региональные ориентированы на решение локальных задач.

Целью настоящей работы выступает выявление и систематизация ключевых проблем правового регулирования государственной поддержки субъектов МСП, а также обоснование направлений совершенствования действующего законодательства с учетом требований правовой определенности, пропорциональности и эффективности.

1. Теоретико-правовая характеристика критериев идентификации субъектов малого и среднего предпринимательства.

Предпринимательская активность субъектов предпринимательства в Российской Федерации на протяжении продолжительного периода находится под влиянием многообразных форм государственного контроля и административного надзора. Становление и функционирование бизнес-структур осуществляется при пристальном внимании со стороны уполномоченных должностных лиц органов исполнительной власти в различных сферах публичного управления, что, безусловно, оказывает негативное воздействие на само существование сектора малого и среднего предпринимательства. Не вызывает сомнений объективная необходимость государственного контроля и административного надзора, поскольку реализация данной значимой управленческой функции позволяет предотвращать возникновение разнообразных правонарушений и способствует обеспечению соблюдения законных прав и интересов граждан.

Вместе с тем осуществление контрольно-надзорной деятельности не должно приводить к ущемлению прав самих предпринимателей и оказывать дестабилизирующее влияние на устойчивость и поступательное развитие экономического сектора государства.

Критерии отнесения хозяйствующих субъектов к категории малого и среднего предпринимательства выполняют важнейшую функцию правовой дифференциации, выступая юридическими фактами, влекущими возникновение особого правового статуса и применение специального правового режима регулирования. И.М. Галин в своей статье писал: «Критерии должны быть однозначными, легко проверяемыми на основе данных бухгалтерской, налоговой отчетности и других официальных сведений. Одновременно они должны адекватно отражать экономическую сущность малого предприятия» [8, с. 15–29]. Если рассматривать критерии, которые характеризирует количественную сторону масштаба бизнеса и организационно-правовой статус предприятия, то можно выделить среднюю численность работников, которая показывает число занятых за определенный отчетный период, объем выручки, состав учредителей, а также выделяют виды деятельности и целевое назначение деятельности.

Если рассматривать законодательный уровень, то в Российской Федерации система критериев классификации субъектов МСП закреплена в Федеральном законе от 24.07.2007 №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [4] и включает три основных параметра: предельная численность работников, предельный годовой доход, а также требование независимости (доля участия других юридических лиц в уставном капитале.

В развитие изложенных положений следует указать на существенный дефект правоприменительной практики, выражающийся в неадекватности и моральном устаревании нормативных параметров легитимации предпринимательского статуса. Установленные законодателем лимиты – как финансового характера, так и касающиеся численности сотрудников – не сопровождаются механизмом периодической актуализации, вследствие чего их регулятивный потенциал со временем снижается.

2. Административно-правовые барьеры при реализации мер государственной поддержки.

Важно обратить внимание на то, что практическая реализация механизмов государственной поддержки малых и средних предпринимательств зачастую сопровождается различными административно-правовыми барьерами. Одной из распространенных проблем является получение субсидий, которое требует от предпринимателей обширного пакета документов, состав которого варьируется в зависимости от региона, а отсутствие унифицированных цифровых форматов подачи заявок создает дополнительную административную нагрузку.

Д.С. Олейник в своей статье пишет о том, что дополнительную нагрузку создает процесс дублирования функций между федеральными и региональными структурами. Автор отмечает: «Например, грантовую поддержку могут одновременно администрировать как региональные министерства экономического развития, так и федеральная Корпорация МСП, что нередко вызывает путаницу и жалобы на затягивание процедур. По сообщениям предпринимателей, аналогичные заявки нередко рассматриваются параллельно разными органами, без взаимной координации» [13, с. 215–221].

Также, рассматривая иные проблемы, стоит обратить внимание на то, что подчеркивает в своём исследовании Г.Г. Лянной. Автор пишет о том, что в современной правоприменительной практике складывается ситуация, когда некоторые государственные структуры, игнорируя требования законодательства, оказывают непосредственное давление на представителей малого и среднего предпринимательства. Более того, автор обращает внимание на то, что судебные инстанции зачастую выносят решения без достаточных на то оснований, привлекая бизнес-субъекты к административной ответственности и тем самым нанося ощутимый материальный ущерб их хозяйственной деятельности [12]. Подобные действия, в свою очередь, наносят ощутимый материальный ущерб предпринимательской деятельности предпринимателей, подрывая их финансовую устойчивость и дальнейшее развитие.

Одним из не менее важных недостатков и сложностей со стороны практической реализации механизмов поддержки являются ограниченный функционал платформ и нестабильная работа информационных систем. По данным мониторинга, в 37 процентах регионов предприниматели сообщали о технических сбоях при попытке подачи заявок через платформу «Мой бизнес». Особое значение имеет проблема недостаточной прозрачности критериев отбора заявок. Отсутствие четких методик оценки, особенно при конкурсах на гранты, снижает доверие бизнеса к институтам поддержки. Согласно опросам, примерно 45% предпринимателей считают систему оценки заявок непрозрачной и формальной [3].

3. Направления по модернизации правового механизма поддержки малого и среднего предпринимательства.

Ключевым направлением модернизации правового механизма поддержки малого и среднего предпринимательства должна стать законодательная фиксация обязанности государства по регулярному, например, один раз в три года, пересмотру финансовых критериев отнесения к категории МСП. И.М. Галин в своей работе вполне обоснованно связывает данную необходимость с тем, что инфляционные процессы и общее изменение макроэкономических параметров делают некогда установленные лимиты дохода неадекватными реальному положению дел. В связи с этим предлагается дополнить статью 4 Федерального закона №209-ФЗ положением о том, что предельные значения выручки ежегодно индексируются на уровень инфляции, установленный в федеральном законе о бюджете на соответствующий год. Параллельно следует законодательно закрепить применение отраслевых понижающих или повышающих коэффициентов к предельной штатной численности, чтобы предприятия обрабатывающей промышленности, объективно нуждающиеся в более многочисленном персонале, не теряли статус МСП по сравнению с компаниями из сферы услуг, где занято меньше людей.

Другим важным инструментом выступает реформирование процедуры ведения Единого реестра субъектов МСП. Сегодня исключение из него по формальным причинам, включая незначительные ошибки в отчётности, происходит без предварительного предупреждения, что моментально лишает бизнес доступа к льготам и субсидиям. Галин И.М. предлагает

внедрить уведомительный порядок, при котором налоговый орган обязан сначала направить предпринимателю перечень выявленных несоответствий с указанием разумного срока на их устранение, и только в случае игнорирования такого уведомления инициировать исключение из реестра. Целесообразно также дополнить Арбитражный процессуальный кодекс РФ специальной сокращённой процедурой обжалования подобных решений не более пятнадцати рабочих дней, что позволит оперативно восстанавливать нарушенные права.

Третье направление совершенствования касается устранения административных барьеров при получении финансовой поддержки. Как показал анализ, разрозненность и техническая нестабильность цифровых платформ, а также дублирование полномочий между федеральными и региональными структурами создают избыточную нагрузку. Олейник Д.С. предлагает на законодательном уровне утвердить единый общероссийский перечень документов для получения субсидий с прямым запретом для регионов его расширять. Кроме того, следует интегрировать все региональные порталы поддержки с федеральной системой «Электронный бюджет», чтобы предприниматель подавал заявку один раз, а данные автоматически распределялись между ведомствами. Дополнительно предлагается внедрить алгоритмизированную предпроверку заявок с использованием технологий искусственного интеллекта, которая будет выявлять формальные ошибки и направлять их на доработку в автоматическом режиме, сокращая тем самым время рассмотрения.

Наконец, важным вектором изменений выступает повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности. Лянной Г.Г. совершенно справедливо указывает, что институт предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований имеет размытую юридическую природу, вследствие чего его законность нередко оспаривается в судах. В этой связи предлагается внести изменения в Федеральный закон №294-ФЗ, прямо установив, что предостережение не является ненормативным правовым актом, не влечёт административной ответственности за его неисполнение и не может служить основанием для проведения внеплановой проверки. Одновременно целесообразно разработать для судей единые методические рекомендации по применению норм, улучшающих положение субъектов предпринимательства, включая замену административного штрафа на предупреждение и безусловный учёт действующего моратория на проверки. Реализация указанных предложений способна не только снизить избыточное давление на бизнес, но и сформировать долгосрочное доверие предпринимательского сообщества к институтам государственной поддержки.

Подводя итог проведённому исследованию, следует констатировать, что действующая система правового регулирования поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации страдает рядом системных недостатков. Финансовые критерии отнесения к категории МСП не индексируются, отраслевая специфика практически не учитывается, а требование независимости создаёт риски для добросовестных инвестиционных структур. Параллельно сохраняются значительные административные барьеры: от разрозненности цифровых платформ до неправомерного давления со стороны контролирующих органов и игнорирования судами мер поддержки.

Вместе с тем анализ научной литературы и правоприменительной практики позволяет предложить вполне реалистичные пути выхода из сложившейся ситуации. Регулярная индексация пороговых значений, введение отраслевых коэффициентов, переход на уведомительный порядок ведения реестра МСП, унификация документов для получения субсидий и законодательное уточнение правовой природы предостережений – все эти меры не требуют коренной ломки законодательства, но при их последовательной реализации способны кардинально снизить административную нагрузку.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.) // Российская газета. – 1993. – №237. – 25 дек.

2. Указ Президента РФ «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства» №287 от 05.07.2015 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №28. – Ст. 4163.

3. Постановление Правительства РФ «О предоставлении субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства» №1764 от 30.12.2018 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – №2. – Ст. 87.

4. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» №209-ФЗ от 24.07.2007 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – №31. – Ст. 4006.

5. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 3 и 8 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» №555-ФЗ от 29.12.2024 // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №1 (ч. I). – Ст. 12.

6. Адаманова З.О. Основные этапы формирования инфраструктурного обеспечения малого предпринимательства в Российской Федерации / З.О. Адаманова, С.С. Гафарова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2023. – №2(80). – С. 26–31. DOI 10.34771/UZCEPU.2023.80.2.005. EDN KJLDAU

7. Баранов Н.И. Инфраструктура поддержки предпринимательства в регионах России / Н.И. Баранов, Т.В. Евдокимова // Российское предпринимательство. – 2022. – №5. – С. 77–81.

8. Галин И.М. Право и масштаб бизнеса: пересмотр критериев малого и среднего предпринимательства в контексте теории государства и права / И.М. Галин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – №4. – С. 15–29. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.28.1. EDN TUTLHG

9. Грязнов С.А. Развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации / С.А. Грязнов, А.В. Левченко, М.Н. Налимова // Экономика и предпринимательство. – 2023. – №11(160). – С. 840–845. DOI 10.34925/EIP.2023.160.11.158. EDN BBNQZD

10. Евдокимов М.В. Механизм реализации политики регулирования и поддержки предпринимательства в Московской области / М.В. Евдокимов // Российский журнал управления. – 2025. – №9. – С. 111–122. – URL: https://doi.org/10.29039/2500–1469–2025–13–9-111–122 (дата обращения: 25.07.2026). EDN TAXAKV

11. Колоколова Д.А. Проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере АПК и предложения по совершенствованию ее регулирования в муниципальном районе / Д.А. Колоколова, О.В. Саратова // Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 73-й национальной научно-практической конференции студентов и магистрантов (Воронеж, 01–31 марта 2022 г.). – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет, 2022. – Т. V. – С. 449–456. EDN MTXWTY

12. Лянной Г.Г. Административные барьеры, препятствующие развитию малого и среднего предпринимательства / Г.Г. Лянной // Общество и право. – 2024. – №1(87). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-bariery-prepyatstvuyuschie-razvitiyu-malogo-i-srednego-predprinimatelstva (дата обращения: 25.07.2026).

13. Олейник Д.С. Административно-правовые инструменты поддержки малого и среднего бизнеса в Российской Федерации: экономический и правовой анализ / Д.С. Олейник // Журнал денежной экономики и управления. – 2025. – №8. – С. 215–221. – URL: https://doi.org/10.26118/2782–4586.2025.62.59.077 (дата обращения: 25.07.2026). EDN OVBKRD

14. Потемкин Е.С. Проблемы эффективности правового регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства / Е.С. Потемкин, А.И. Дихтяр // Вестник магистратуры. – 2025. – №1–3(160). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-effektivnosti-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-malogo-i-srednego-predprinimatelstva (дата обращения: 25.07.2026).

15. Савинова О.В. Тенденция и проблемы развития малого предпринимательства в РФ и Пензенской области / О.В. Савинова, И.Н. Рекаева, А.Д. Сысуева, А.Ю. Садовников // StudNet. – 2021. – Т. 4. №2. – С. 67. EDN VEFFQV

16. Федорова О.А. Микрофинансовые организации в развитии малого и среднего предпринимательства / О.А. Федорова, О.Г. Фокина // Экономические и гуманитарные науки. – 2022. – №5(364). – С. 57–66. DOI 10.33979/2073-7424-2022-364-5-57-66. EDN IIEQUQ

Эйфир Маргарита Михайловна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОТ МОББИНГА В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ правовой защиты работников от моббинга – систематического психологического преследования в сфере трудовых отношений. Российское законодательство закрепляет право работника на защиту достоинства, однако не содержит легального определения моббинга, специальных обязанностей работодателя по его предупреждению и адаптированных правил доказывания. Цель – выявление пробелов правового регулирования и формулирование предложений по его совершенствованию с учётом международных стандартов и зарубежного опыта. На основе формально-юридического, сравнительно-правового и системного методов исследуются понятие и признаки моббинга, его отличие от конфликта, буллинга и дискриминации, нормы Конституции РФ, ТК РФ, смежного законодательства, а также положения Конвенции МОТ №190. Особое внимание уделено проблемам доказывания: латентный характер действий, зависимое положение работника, сложность установления системности и причинно-следственной связи. Обоснована необходимость введения легального определения моббинга, закрепления обязанности работодателя управлять психосоциальными рисками, изменения распределения бремени доказывания и использования судебно-психологической экспертизы.*

Ключевые слова: *моббинг, психологическое насилие, трудовые отношения, достоинство работника, трудовое право, охрана труда, моральный вред.*

На сегодняшний день проблема психологической безопасности работника становится одним из значимых направлений развития трудового права. Трудовая деятельность связана не только с физическими условиями труда, но и с социально-психологической средой, в которой сотрудник реализует свои профессиональные функции. При этом систематическое унижение, изоляция, распространение порочащих сведений, искусственное ограничение доступа к информации и иные формы психологического давления способны причинять вред достоинству, психическому здоровью и профессиональной репутации работника. Международная организация труда рассматривает насилие и домогательства в сфере труда как явления, несовместимые с безопасной и достойной трудовой средой [6].

Актуальность исследования обусловлена тем, что в российском трудовом законодательстве отсутствует специальное понятие моббинга. Вместе с тем Трудовой кодекс Российской Федерации закрепляет право работника на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности и принцип недопустимости дискриминации в сфере труда [2].

Данное противоречие формирует практическую проблему: правовая ценность достоинства работника признается, однако юридический механизм защиты от систематического психологического преследования остается фрагментарным.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ российского законодательства на предмет наличия эффективных средств защиты от моббинга, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования с учетом международных стандартов и зарубежного опыта.

Понятие, признаки и последствия моббинга.

В научной литературе моббинг понимается не как разовый конфликт, а как длительная и повторяющаяся система враждебных действий, направленных против конкретного работника. Классические исследования Х. Леймана характеризуют моббинг как психологический террор, выражающийся в систематических неэтичных действиях в трудовом коллективе [10]. К числу таких действий относятся социальная изоляция, препятствование профессиональной коммуникации, распространение слухов, необоснованная критика, поручение унижающих заданий, игнорирование работника и иные формы давления. Принципиальное значение имеет разграничение моббинга со смежными явлениями. В отличие от межличностного конфликта, моббинг обладает устойчивостью, повторяемостью и направленностью на вытеснение или дискредитацию работника. В отличие от дискриминации, моббинг не всегда связан с признаком пола, возраста, национальности, социального положения или иного защищаемого законом основания. В отличие от буллинга, который может быть более широким социальным явлением, моббинг имеет выраженную организационно-трудовую природу и связан с реализацией работником своих трудовых функций. В зависимости от субъекта воздействия можно выделить горизонтальный моббинг, осуществляемый коллегами, вертикальный моббинг, исходящий от руководителя или поддерживаемый им, а также смешанные формы. Наиболее опасным с правовой точки зрения является вертикальный моббинг, поскольку работник оказывается в зависимом положении от лица, обладающего организационно-распорядительными полномочиями. В такой ситуации психологическое преследование может маскироваться под дисциплинарные требования, оценку эффективности труда или управленческие решения. Последствия моббинга имеют комплексный характер. На индивидуальном уровне они выражаются в хроническом стрессе, тревожности, эмоциональном истощении, снижении профессиональной мотивации, психосоматических проявлениях и ухудшении качества жизни. На организационном уровне моббинг приводит к снижению производительности труда, росту текучести кадров, ухудшению психологического климата и репутационным потерям работодателя. В юридическом аспекте особое значение имеет то, что подобные последствия могут затрагивать нематериальные блага гражданина, включая честь, достоинство, деловую репутацию и психическое благополучие [3].

Международные стандарты и зарубежный опыт противодействия моббингу.

Международно-правовое регулирование позволяет определить ориентиры для развития национального законодательства. Конвенция Международной организации труда №190 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда» закрепляет право каждого человека на сферу труда, свободную от насилия и домогательств, включая гендерное насилие и домогательства [6]. Важным является то, что Конвенция использует широкий подход и охватывает не только физическое, но и психологическое, сексуальное и экономическое причинение вреда. Дополняющая Конвенцию Рекомендация МОТ №206 ориентирует государства и работодателей на принятие профилактических мер, оценку рисков и создание эффективных процедур рассмотрения жалоб [11]. Схожая логика прослеживается в Европейской социальной хартии, статья 26 которой закрепляет право работников на достоинство в процессе работы и предусматривает необходимость предупреждения повторяющихся оскорбительных или явно отрицательных действий в отношении работников [7].

Зарубежный опыт показывает, что эффективная защита от психологического преследования требует не только общих норм о достоинстве и компенсации вреда, но и специальных трудоправовых конструкций. Во Франции Трудовой кодекс содержит самостоятельное регулирование морального преследования: работник не должен подвергаться повторяющимся действиям, целью или следствием которых является ухудшение условий труда, способное нарушить его права и достоинство, ухудшить физическое или психическое здоровье либо поставить под угрозу профессиональное будущее [8]. Особое значение имеет французская модель распределения бремени доказывания. Работник представляет факты, позволяющие предположить наличие морального преследования, после чего ответчик должен доказать, что соответствующие действия не являлись преследованием и были обусловлены объективными причинами [9]. Данный подход представляет интерес для российского права, поскольку в

делах о психологическом преследовании работнику объективно сложно доказать системность и скрытый характер давления.

Российское правовое регулирование и проблемы доказывания.

В Российской Федерации специальный закон о противодействии моббингу отсутствует. Потенциальная защита может осуществляться через нормы различных отраслей права. Конституция Российской Федерации закрепляет охрану достоинства личности, право на защиту чести и доброго имени, а также право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены [1]. Эти положения создают конституционную основу для признания необходимости защиты работника от психологического насилия. Трудовой кодекс РФ содержит ряд норм, которые могут применяться в ситуациях моббинга. Статьи 2 и 3 ТК РФ закрепляют принципы уважения достоинства работника и запрета дискриминации. Статья 21 ТК РФ предусматривает право работника на защиту достоинства в период трудовой деятельности. Статья 214 ТК РФ возлагает на работодателя обязанность создавать безопасные условия труда с учетом факторов производственной среды и трудового процесса, которые могут привести к причинению вреда здоровью работников. Однако данная норма прямо не раскрывает обязанность работодателя предотвращать психологическое преследование и управлять психосоциальными рисками. Компенсационные механизмы закреплены в статьях 234 и 237 ТК РФ. Они позволяют требовать возмещения неполученного заработка при незаконном лишении возможности трудиться и компенсации морального вреда, причиненного неправомерными действиями или бездействием работодателя [12]. Однако применение этих норм к моббингу затруднено тем, что сам моббинг не закреплен как самостоятельное правонарушение, а потому суд вынужден квалифицировать отдельные эпизоды, не всегда оценивая их как единую систему преследования.

Гражданско-правовые способы защиты также имеют значение. Статья 151 Гражданского кодекса РФ предусматривает компенсацию морального вреда при нарушении личных неимущественных прав, а статья 152 ГК РФ закрепляет защиту чести, достоинства и деловой репутации [3]. Эти нормы могут применяться, например, при распространении порочащих сведений, унижении достоинства работника или причинении нравственных страданий. Однако они не решают проблему профилактики моббинга внутри трудового коллектива. Отдельные проявления моббинга могут образовывать составы административных правонарушений и преступлений. Так, статья 5.61 КоАП РФ предусматривает ответственность за оскорбление, а статья 5.62 КоАП РФ – за дискриминацию [4]. Уголовно-правовая защита возможна в случаях клеветы, доведения до самоубийства, причинения вреда здоровью или применения насилия [5]. Но данные механизмы охватывают только наиболее очевидные и тяжкие проявления, тогда как типичный моббинг часто выражается в скрытых, повторяющихся и формально нейтральных действиях. Судебная практика по делам, прямо квалифицируемым как моббинг, в России остается ограниченной. Это связано прежде всего с отсутствием легального понятия и специального состава трудового правонарушения. На практике работники обращаются в суд с требованиями о восстановлении на работе, признании дискриминации, защите чести и достоинства, взыскании компенсации морального вреда или оспаривании дисциплинарных взысканий. В результате моббинг как система действий часто распадается на отдельные эпизоды, каждый из которых может выглядеть недостаточно значимым для удовлетворения иска. Ключевой проблемой является доказывание. Во-первых, моббинг часто осуществляется без прямых свидетелей, в форме игнорирования, исключения из коммуникаций, неформальных запретов, манипуляций с заданиями и оценки труда. Во-вторых, работник находится в зависимом положении и не всегда имеет доступ к документам, переписке и внутренним решениям работодателя. В-третьих, необходимо доказать не только отдельные действия, но и их системность, направленность и причинно-следственную связь с наступившими неблагоприятными последствиями.

Судебно-психологическая экспертиза могла бы стать важным инструментом доказывания по делам о моббинге. Ее значение состоит в установлении характера психологического воздействия, оценки глубины нравственных страданий, влияния ситуации на эмоциональное состояние работника и возможной связи между действиями в трудовом коллективе и ухудшением психического благополучия. Однако в настоящее время потенциал такой экспертизы

используется недостаточно, что связано с отсутствием специальных процессуальных ориентиров и единообразной правоприменительной практики.

Комплексная модель правовой защиты от моббинга.

Для устранения выявленных пробелов представляется необходимым введение в Трудовой кодекс РФ легального определения моббинга. Под моббингом целесообразно понимать систематические действия или бездействие работодателя, его представителей либо работников, выражающиеся в психологическом преследовании, унижении достоинства, социальной изоляции, дискредитации, создании враждебной трудовой среды или понуждении работника к увольнению. Одновременно следует закрепить обязанность работодателя принимать меры по предупреждению психологического преследования и управлению психосоциальными рисками. Такая обязанность должна включать разработку локальных актов о недопустимости моббинга, создание понятной процедуры подачи и рассмотрения жалоб, защиту заявителя от преследования, проведение внутренней проверки, применение дисциплинарных мер к виновным лицам и профилактическое обучение руководителей. Не менее важным является изменение правил распределения бремени доказывания. С учетом зарубежного опыта работник должен представлять совокупность фактов, позволяющих предположить наличие моббинга, а работодатель – доказывать, что его действия были объективно обусловлены законными организационными причинами и не имели характера психологического преследования. Такой подход позволит компенсировать фактическое неравенство сторон трудового отношения. Следует также дополнить регулирование компенсации морального вреда указанием на возможность учета заключения судебно-психологической экспертизы. Это позволит судам более обоснованно оценивать характер причиненных нравственных страданий, длительность воздействия, степень уязвимости работника и последствия для его профессиональной деятельности. До внесения федеральных изменений работодатели могут использовать локальные нормативные акты. В правила внутреннего трудового распорядка, коллективные договоры и кодексы корпоративной этики целесообразно включать положения о запрете психологического преследования, порядке обращения работника, сроках рассмотрения жалобы, гарантиях конфиденциальности и ответственности за нарушение достоинства работника. Такая практика позволит формировать корпоративную культуру нулевой терпимости к психологическому насилию.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №31. – Ст. 4398.

2. Федеральный закон «Трудовой кодекс Российской Федерации» №197-ФЗ от 30.12.2001 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 3.

3. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

4. Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» №195-ФЗ от 30.12.2001 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 1.

5. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

6. Конвенция №190 Международной организации труда «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда»: принята в г. Женеве 21.06.2019. – URL: https://www.ilo.org/ (дата обращения: 15.07.2026).

7. Европейская социальная хартия (пересмотренная): принята в г. Страсбурге 03.05.1996 // Бюллетень международных договоров. – 2010. – №4. – С. 17–67.

8. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с.

9. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 01.07.2025).

10. Баронов В.И. Международное право в схемах и таблицах: учебное пособие / В.И. Баронов, В.А. Батырь, В.И. Липунов. – М.: Альфа-Пресс, 2011. EDN QSCFZX

11. Печинская Е.В. Юридические механизмы защиты от проявлений моббинга: отечественные правовые реалии и опыт зарубежных стран / Е.В. Печинская // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2024. – №4(69). – С. 104–109. DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-104-109. EDN PJHGIG

12. Щербакова О.В. К вопросу о понятии психологического насилия (моббинга): социально-психологический и трудоправовой аспекты / О.В. Щербакова // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2018. – №4(57). – С. 118–123. DOI 10.25513/1990-5173.2018.4.118-123. EDN YQNXTN

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Аносов Матфей Витальевич
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ СООБЩЕНИЯ О ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТАХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена комплексному уголовно-правовому анализу ответственности за заведомо ложные сообщения об акте терроризма в условиях цифровизации общества. Актуальность обусловлена неуклонным ростом числа таких преступлений, совершаемых с использованием социальных сетей, мессенджеров и анонимных интернет-платформ, что усиливает дестабилизирующий эффект и наносит экономический ущерб. Цель – выявление системных проблем квалификации деяния по ст. 207 УК РФ и разработка предложений по совершенствованию законодательства. Предложены дифференциация ответственности за массовое распространение ложной информации, совершенствование взаимодействия правоохранительных органов с IT-компаниями и внедрение превентивных цифровых инструментов. Сделан вывод о необходимости точечной модернизации ст. 207 УК РФ для обеспечения баланса между антитеррористической безопасностью и свободой слова.*

Ключевые слова: *заведомо ложное сообщение, акт терроризма, цифровизация, статья 207 УК РФ, киберпространство, уголовная ответственность, цифровые следы.*

Одним из наиболее острых проявлений деструктивного использования информационно-телекоммуникационных сетей стало увеличение количества заведомо ложных сообщений об актах терроризма. Если ранее для распространения такой информации требовался физический звонок или письмо, то сегодня достаточно нескольких кликов в анонимном мессенджере или публикации в социальной сети.

Скорость распространения цифрового контента приводит к тому, что ложная информация о заложенном взрывном устройстве за считанные минуты охватывает огромную аудиторию, вызывая неконтролируемую панику, массовую эвакуацию объектов социальной и транспортной инфраструктуры и парализуя работу целых городов. Действующая редакция статьи 207 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающей ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, была принята в эпоху, когда цифровые технологии не имели такого масштаба влияния [1].

Уголовно-правовая характеристика деяния в цифровой среде.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, является общественная безопасность, а также нормальная деятельность государственных органов, органов местного самоуправления и организаций по обеспечению безопасности населения [3, с. 45].

В условиях цифровизации факультативным объектом все чаще выступает нормальное функционирование информационно-телекоммуникационных сетей, которые используются как орудие совершения преступления [5, с. 32].

Объективная сторона выражается в действии – сообщении о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей. В цифровой среде способы совершения данного преступления существенно диверсифицировались.

К традиционным формам добавились: публикация постов в социальных сетях и каналах мессенджеров, рассылка электронных писем (в том числе массовая, с использованием ботнетов), размещение комментариев на форумах, а также использование сервисов анонимной отправки сообщений. Особую криминологическую значимость приобретает признак «заведомости», который относится к субъективной стороне преступления.

Заведомость означает, что виновный достоверно знает об отсутствии реальной угрозы теракта, но умышленно создает видимость ее наличия [6, с. 23]. В цифровом пространстве доказывание этого признака усложняется. Например, лицо может утверждать, что восприняло недостоверную информацию из другого источника как истинную и действовало из ложного чувства гражданской бдительности, а не из хулиганских побуждений или желания сорвать учебный процесс.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Статистика последних лет неуклонно демонстрирует «омоложение» данного вида преступности [7]. Значительная доля ложных сообщений о минировании школ и торговых центров совершается несовершеннолетними, которые, не осознавая тяжести последствий, воспринимают свои действия как «пранк» или безобидную шутку, не подпадающую под уголовную ответственность.

Проблемы квалификации и правоприменения в условиях цифровизации.

Анализ следственной и судебной практики выявляет ряд системных проблем, препятствующих эффективному противодействию рассматриваемым деяниям [3].

Во-первых, проблема идентификации личности правонарушителя. Преступники активно используют средства анонимизации: виртуальные частные сети (VPN), подменные номера телефонов (IP-телефония), одноразовые аккаунты в мессенджерах, зарегистрированные на зарубежные сим-карты. Получение информации о владельце такого аккаунта требует направления международных правовых запросов к иностранным IT-компаниям, что в текущих геополитических условиях зачастую приводит к игнорированию запросов или затягиванию сроков их исполнения на месяцы, что недопустимо при расследовании преступлений против общественной безопасности.

Во-вторых, сложность сбора и фиксации цифровых доказательств. Цифровые следы (IP-адреса, логи серверов, метаданные сообщений) обладают свойством волатильности – они могут быть легко и бесследно удалены как самим пользователем, так и автоматически политиками конфиденциальности платформы. Нередко следственные органы сталкиваются с необходимостью проведения комплексной компьютерно-технической экспертизы для извлечения удаленных данных, что требует высокой квалификации экспертов и значительных временных затрат.

В-третьих, проблема квалификации массового распространения (репостов). В уголовном праве дискуссионным остается вопрос о квалификации действий лиц, которые, не являясь первоисточниками ложной информации, осуществляют ее перепубликацию (репост) в своих аккаунтах с целью привлечения внимания. Если такое лицо осознает ложность информации, его действия формально содержат признаки соучастия или самостоятельного состава преступления. Однако на практике такие эпизоды редко выделяются в отдельные производства, что создает иллюзию безнаказанности и способствует вирусному распространению панических настроений.

В-четвертых, проблема разграничения преступления и административного правонарушения. В условиях информационного шума порой сложно отграничить заведомо ложное сообщение от добросовестного заблуждения или панического слуха, не имеющего конкретного адресата и деталей, что требует тщательного анализа контекста цифровой переписки [4, с. 112].

Направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Для повышения эффективности противодействия заведомо ложным сообщениям о террористических актах в цифровой среде необходим комплексный подход, включающий как законодательные, так и организационные меры [5, с. 88].

1. Модернизация диспозиции статьи 207 УК РФ. Целесообразно дополнить статью 207 УК РФ новым квалифицирующим признаком: «совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в целях массового распространения информации». Это позволит судам назначать более строгое наказание за деяния, которые в силу цифрового охвата причиняют существенно больший общественный вред, чем единичный телефонный звонок.

2. Совершенствование механизмов взаимодействия с IT-сектором. Необходимо законодательное закрепление обязанности для владельцев популярных мессенджеров и социальных сетей, функционирующих на территории РФ, обеспечивать хранение метаданных о фактах отправки сообщений (без содержания самой переписки, чтобы не нарушать тайну связи) в течение определенного срока и предоставлять их по мотивированному запросу следственных органов в экстренном порядке (в течение 24 часов) при поступлении сигналов о минировании в рамках исполнения норм профильного законодательства [2].

3. Внедрение превентивных цифровых технологий. Правоохранительным органам следует активнее использовать системы на базе искусственного интеллекта для мониторинга открытых источников информации на предмет наличия ключевых слов и паттернов, характерных для угроз террористического характера. Такие системы должны работать в связке с Роскомнадзором для оперативной блокировки каналов, систематически распространяющих подобного рода дезинформацию

4. Развитие правовой грамотности и профилактика среди несовершеннолетних. Учитывая высокий процент несовершеннолетних правонарушителей, необходимо внедрение в образовательные программы модулей, разъясняющих уголовно-правовые последствия «цифрового вандализма» и «сваттинга». Кроме того, Верховному Суду РФ целесообразно дать дополнительные разъяснения в Постановлении Пленума о порядке оценки признака «заведомости» при совершении преступления с использованием сети Интернет, особенно в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста [3].

Цифровизация общества, при всех ее неоспоримых преимуществах, создала благоприятную среду для нового вида деструктивного поведения – массового и анонимного распространения заведомо ложных сообщений об актах терроризма. Действующая редакция статьи 207 УК РФ, сформированная в доцифровую эпоху, не в полной мере учитывает специфику киберпространства, что порождает проблемы при доказывании вины, установлении личности преступника и оценке степени общественной опасности деяния [1; 4]. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что борьба с данным видом преступности не может опираться исключительно на репрессивные меры.

Необходима точечная модернизация уголовного закона путем введения квалифицирующего признака, отражающего массовый цифровой характер распространения угрозы. Параллельно с этим требуется выстраивание эффективного правового диалога с IT-компаниями для обеспечения оперативного доступа к цифровым следам, а также внедрение автоматизированных систем мониторинга [5, с. 145].

Список литературы

1. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» №149-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (ч. 1). – Ст. 3448.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях террористической направленности» №47 от 29.11.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – №2.

4. Бабий Н.А. Преступления против общественной безопасности в условиях цифровизации: монография / Н.А. Бабий. – М.: Проспект, 2023. – 288 с.
5. Землин А.И. Правовые основы противодействия терроризму в цифровой среде: учебное пособие / А.И. Землин, И.В. Мишуткин. – М.: КноРус, 2024. – 156 с. EDN WLGMVK
6. Кибальник А.Г. Проблемы субъективной стороны заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного с использованием сети Интернет / А.Г. Кибальник // Российский следователь. – 2023. – №18. – С. 22–26.
7. Судебная статистика: обзор практики рассмотрения судами дел о преступлениях против общественной безопасности за 2023–2024 годы // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 15.05.2026).

Ибатуллина Диана Марсовна
преподаватель
ФГКОУ ВО «Казанский юридический институт МВД РФ»
г. Казань, Республика Татарстан

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРХИЩЕНИЯМ

Аннотация: *в статье анализируются развитие международной нормативной базы по противодействию киберхищениям, а также проблемы в области международного сотрудничества в указанной сфере. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования системы взаимопомощи при расследовании трансграничных киберпреступлений, внедрения более гибких и оперативных механизмов сотрудничества, в том числе на пространстве СНГ.*

Ключевые слова: *киберпреступления, киберхищения, противодействие, международные организации, ООН, СНГ.*

Трансграничная угроза распространения корыстных преступлений против собственности, совершаемых с использованием информационных технологий, обусловила необходимость выработки мер противодействия на международном уровне.

Меры противодействия преступлениям против собственности, совершенным с использованием информационных технологий, разрабатываются множеством международных организаций: Организацией объединенных наций (далее-ООН), Североатлантическим альянсом (далее-НАТО), Шанхайской организацией сотрудничества (далее-ШОС), Советом Европы (далее-СЕ), Европейским союзом (далее-ЕС), Содружеством независимых государств (далее – СНГ) и т. д.

Первые шаги по нормативно-правовому регулированию были реализованы 13 сентября 1989 года. Совет Европы принял Рекомендацию №89 [1], которой был установлен перечень цифровых преступлений. К корыстным преступлениям против собственности, совершаемым в виртуальной среде, были отнесены:

1) компьютерное мошенничество;

2) компьютерный подлог.

В дальнейшем, в связи с увеличением фактов совершения вышеуказанных преступлений, список был дополнен рядом противоправных деяний, среди которых было и «противозаконное применение компьютера». Данное преступление имело уже более широкую трактовку. «Противозаконное применение компьютера» не конкретизирует объективную сторону противоправного деяния, определяя обязательный признак объективной стороны – применение компьютера.

В 2001 году была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №55/63 «Борьба с использованием информационных технологий в преступных целях», указывает на необходимость международного сотрудничества в рамках борьбы в киберпреступностью, которая и на сегодняшний день остается ведущим документом в вопросах информационной безопасности [2].

На 20-ом Конгрессе ООН в 2010 году, была обозначена проблема дальнейшей разработки единой Глобальной Конвенции по борьбе киберпреступлениями.

В 2011 году Советом Европы была принята Конвенция «О преступности в сфере компьютерной информации» [3]. Указанная Конвенция включала в себе две наиболее значимые группы преступлений в исследуемой среде:

1) преступления, связанные с использованием компьютерных средств;

2) правонарушения, связанные с содержанием данных.

Но несмотря на то, что Конвенция объединила позиции ряда государственных систем, она по-прежнему включает в себя незначительный перечень преступлений, не отвечая объемам имеющейся угрозы.

В 2016 году был принят первый нормативный акт Европейского союза, регламентирующий вопросы безопасности сетей и информационных систем – *Директива ЕС о безопасности сетей и информационных систем (NIS Directive) [4]*. Директива призывает страны Европы к развитию устойчивости критической инфраструктуры, требует технического развития в области противодействия киберугрозам.

Как отмечает Н.О. Мороз, на сегодняшний день в международном сообществе все же отсутствует комплексный договор универсального характера, в сфере неправомерного использования информационных технологий [5]. Отсутствие подобного нормативного документа обусловлено двумя проблемами: различия в национальных подходах к информационной безопасности; недостаток международного сотрудничества.

Важнейшим этапом в рамках противодействия киберпреступлениям стало принятие *Конвенция ООН против киберпреступности* [6]. Принятие Конвенции послужило основанием для:

– криминализации ряда противоправных деяний, совершаемых с использованием информационных технологий (перехват данных, легализация денежных средств, хищения и т. д.);

– закрепления универсальных методов работы с электронными следами;

– взаимной межгосударственной помощи при расследовании киберпреступлений;

– создания сети контактных центров, работающих 24/7, для оперативной помощи.

Однако даже принятие вышеуказанной Конвенции не устранило проблемы противодействия киберхищениям на международном уровне. По-прежнему различными остаются подходы к криминализации киберхищений [7], в ряде стран законодательные акты устанавливают уголовную ответственность в рамках специальных норм, в иных случаях присутствуют лишь общие нормы.

Трансграничный характер анализируемых преступлений создает сложности и для определения правовой юрисдикции, т.е. зачастую возникает вопрос в какой именно стране правоохранительные органы должны расследовать совершенное противоправное деяние.

Безусловно, механизм взаимопомощи при расследовании такого рода преступлений также является несовершенным. Процессуальные процедуры занимают много времени, что зачастую приводит к потере цифрового следа. К тому же особенности политической обстановки в отдельных странах и на международной арене непосредственно влияет на взаимодействие правоохранительных органов.

Таким образом, сфера международного сотрудничества в рамках противодействия киберхищениям регулярно совершенствуется, но несмотря на это, действующие механизмы имеют несовершенства. Рациональным видится дальнейшее совершенствование системы взаимопомощи при расследовании киберхищений. Меры взаимопомощи должны быть более универсальным, гибкими, реализовываться в кротчайшие сроки. В ближайшее время возможно достичь создания единого наднационального механизма противодействия киберхищениям для всех стран СНГ, достаточно устранить практические барьеры в обмене данными и цифровыми доказательствами.

Список литературы

1. О преступлениях, связанных с компьютерами: Рекомендация Совета Европы от 13.09.1989 №89 (9). – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9cd68488-63d8e9b3-65be9571-74722d776562/https/itlaw.fandom.com/wiki/Recommendation_No._R(89)_9 (дата обращения: 18.06.2023).

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №55/63 «Борьба с использованием информационных технологий в преступных целях». – URL: https://docs.cntd.ru/document/901941379?ysclid=mbtdksusd7728248658 (дата обращения: 18.06.2026).

3. О преступности в сфере компьютерной информации: Конвенция ETS №185 от 23.11.2001 г. – URL: https://base.garant.ru/4089723/?ysclid=ldk2px5hk9362018531 (дата обращения: 20.06.2026).
4. Директива ЕС о безопасности сетей и информационных систем принята от 06.07.2016. – URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2020)654198 (дата обращения: 20.06.2026).
5. Мороз Н.О. Международно-правовые основы обеспечения международной информационной безопасности / Н.О. Мороз. – URL: http://elib.mitso.by/bitstream/edoc/1799/1/2016%20%20-%201-079-083.pdf (дата обращения: 22.06.2026).
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года). – URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243?ysclid=mraq3gq77x673440368 (дата обращения: 25.06.2026).
7. Чернякова А.В. Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации / А.В. Чернякова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – №4 (46). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-i-zarubezhnyy-opyt-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya-hischeniyam-sovershaemym-s-ispolzovaniem-kompyuternoy (дата обращения: 07.07.2026).
8. Солодовник В.В. Международная правовая помощь по уголовным делам: современное состояние, проблемы и перспективы развития / В.В. Солодовник // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2026. – №1. – DOI: 10.7256/2454-0633.2026.1.78653. EDN BAIDGK

Лаврентьев Максим Владимирович
канд. юрид. наук, преподаватель
ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»
г. Москва

Хасин Владимир Викторович
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»
г. Саратов, Саратовская область

РОДЕНПОЙСКАЯ (РИЖСКАЯ) ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-РЕМЕСЛЕННАЯ КОЛОНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В 1912 ГОДУ

Аннотация: *статья посвящена устройству и деятельности российского воспитательно-исправительного заведения для несовершеннолетних правонарушителей «Роденпойская колония», воспитании и обучении несовершеннолетних правонарушителей. Рассказывается об внешнем устройстве колонии, занятиях воспитанников, поощрительных и дисциплинарных мерах для воспитанников колонии.*

Ключевые слова: *Российская империя, конец XIX в. – начало XX в., Роденпойская (Рижская) колония, несовершеннолетние правонарушители, сельское хозяйство, ремесленное производство, наказание, пенитенциарная система, пенитенциарная педагогика.*

В 1866 г. императором Александром II был издан известный закон 5 декабря 1866 г. «Об исправительных приютах и колониях для несовершеннолетних». По этому закону в Российской Империи стали открываться «приюты для нравственного исправления несовершеннолетних, отдаваемых туда по судебным приговорам, – призываются также земство, общество и духовные установления, равно как и частные лица» [3, с. 352]. Закон позволил открывать частные земледельческие и ремесленные приюты для несовершеннолетних правонарушителей по всей стране.

Роденпойская колония для несовершеннолетних правонарушителей нечасто упоминается в литературе. Можно выделить работы Л.И. Беляевой [1] и Е.А. Брылевой [5], посвященные созданию и деятельности Роденпойской (Рижской) колонии. Также посвящена Роденпойской (Рижской) колонии книга Ю. Ге [2].

Роденпойская (Рижская) земледельческо-ремесленная колония находилась близ станции Роденпойс Псково-Рижской линии Северо-Западной железной дороги. Колония была учреждена «Лифляндским Обществом исправительных приютов и земледельческих колоний для несовершеннолетних в 1892 году» [4, с. 184–185].

Постепенно расширяясь, колония за предыдущие годы значительно увеличила свою приемоспособность, доведя число приемных мест до 100 воспитанников. Однако, в 1912 г. в колонии «находилось в среднем 71, 14 воспитанника, при чем на 1 января 1913 г. состояло 86 человек» [4, с. 184–185].

Членами Правления Лифляндского Общества состояло Председатель Общества и Правления Р.О. барон Фрейтаг фон Лорингoвен, Секретарь присяжный поверенный Г.Т. Гейнике, Губернский Тюремный Инспектор С.И. Новаков, Председатель Комиссии по призрению бедных города Риги Н.Д. Меркульев, Пастор К. Трей и присяжный поверенный А.Ф. Лебер. Директором колонии состоял личный почетный гражданин Э.Ю. Мейстер – с 5 декабря 1907 года [4, с. 185].

Воспитанники колонии в отношении школьных занятий распределялись на два класса, по два отделения в каждом. Учебный год продолжался с октября по май месяц, освобождались летние месяцы для земледельческого труда. Обучение воспитанников общеобразовательным предметам производилось «в размере программы двуклассных начальных училищ Министерства Народного Просвещения» [4, с. 185].

В воскресные, праздничные и другие свободные дни по вечерам воспитанникам устраивались чтения (духовного и исторического содержания, а также по географии, «естествоведению» и литературе) с «туманными картинами», которые колонии безвозмездно передавала Рижская Комиссия народных чтений. Общеобразовательные чтения «очень охотно посещаются воспитанниками и служат для них не только приятным и полезным времяпровождением, но вместе с тем и прекрасным средством воспитательного воздействия» [4, с. 185].

То же самое можно было сказать и о театральных представлениях и музыкальных вечерах, в которых участвовали воспитанники и приглашенные лица.

В мастерских колонии помимо «принадлежностей необходимых для самого заведения выполнялись частные заказы, давшие колонии чистый доход в размере 1 886 рубля 83 копейки» [4, с. 185].

Кроме учебы в школе воспитанники колонии, под руководством опытных мастеров, «обучались столярному, сапожному, портняжному и кузнечному ремеслам, причем некоторые из воспитанников по достижении ими предельного возраста остаются в колонии в качестве подмастерьев. Летом часть воспитанников занимается земледелием, огородничеством и садоводством» [4, С. 186]. Предельный возраст – восемнадцать лет, после этого воспитанник должен был покинуть колонию.

В целях физического развития воспитанники обучались военному строю и столь популярной в те годы гимнастике.

С 1912 года в колонии стала применяться так называемая «марочная» система воспитания – система поощрений и наград. Эта система «заставляет внимательно относиться к прилежанию и поведению воспитанников. По установленному обычаю каждый вечер перед уходом ко сну, достойным воспитанникам, за хорошее поведение и прилежание к работе выдаются марки с надписью «за усердие». Эта мера поощрения, действуя на самолюбие воспитанника, заставляет его более осмотрительно относиться к своему поведению. Тем, более что накопление достаточного количества марок имеет своим последствием получение денежного вознаграждения» [4, с. 186].

Денежное вознаграждение выплачивалось воспитаннику в связи с «выполнением воспитанником особых, установленных для того следующих правил: 1) за хороший день работы воспитанник получает 1 марку. Так продолжается два месяца; 2) следующие шесть месяцев он имеет право носить на рукаве красную ленточку; 3) четыре таких звездочки дают право носить серебряную ленточку. За каждую ленточку воспитанник получает ежемесячно 5 копеек, но не более 25 копеек в месяц; за каждую красную ленточку он получает месячно 50 копеек; за

каждую серебрянную ленточку выдается месячно 1 рубль. Кроме того за особое прилежание мастер может выдать в конце 2-х месяцев воспитаннику первого и второго разряда «похвальную марку», которая даст воспитаннику право получать ежемесячно 5 копеек» [4, с. 186].

В том случае, если воспитанник колонии: «а) 4 дня не получает марки, то лишается половины вознаграждения и ему делается замечание; б) 8 дней – всего вознаграждения и последует понижение на одно отделение; в) 10 дней – праздничного отдыха и части порции; г) 20 дней – не получает более звездочки и переводится в штрафной разряд; д) 30 дней – отбираются все знаки и кроме перевода в штрафной раздел налагается карцер до 3 суток» [4, с. 186].

Для получения отличия (звездочки) воспитанник должен был иметь не менее 3/4 рабочих дней по марке. Кража, побег и другие тяжелые проступки влекли за собой лишение всех знаков отличия, а остальные проступки – большей части знаков отличия.

Через каждые два месяца обсуждался вопрос о выдаче высших наград, причем низшие награды отбирались у воспитанников колонии.

С применением новой системы поощрения (марочная система) в поведении воспитанников произошли значительные улучшения. «Применением указанной системы воспитания до некоторой степени может быть объяснено и понижении в 1912 году случаев побегов воспитанников из колонии. Число побегов в процентах за последние четыре года выразится в следующих цифрах: в 1909 г. было 43 случая побега, что составляет 100,8%, в 1910 г. – 32 побега, что составляет 51%, в 1911 г. 18 побегов, что составляет 28, 7% и в 1912 г. 16 побегов, что составляет 22, 48%» [4, с. 187].

В материальном отношении положение колонии нельзя признать вполне удовлетворительным; хотя в 1912 году и было выплачено долгов на 8 000 с лишним рублей, тем не менее долгов за колонией числилось на сумму около 4 500 рублей. Стоимость годичного содержания одного воспитанника колонии обходился в 234 рубля 44 копейки, что было довольно большим для того времени [4, с. 187].

Кроме того, предполагалась в ближайшее время, близ города Риги открыть исправительную колонию для девушек.

В качестве вывода, можно сказать о том, что Роденпойская колония была одной из многих земледельческо-ремесленных колоний для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. Все недостатки и достоинства системы исправления несовершеннолетних правонарушителей в России того времени отразились в деятельности колонии: нехватка финансирования, нечеткое законодательство о несовершеннолетних правонарушителей, отсутствие учителей и смотрителей, быстрая смена административного состава. Все, что присуще и современному образованию.

Список литературы

1. Беляева Л.И. Учреждения для детей – правонарушителей в Балтии (XIX – нач. XX в.) / Л.И. Беляева // Administratava un kriminala justacija. – 2017. – №3 (80).

2. Ге Ю. Несчастные дети. Роденпойская исправительная колония для малолетних преступников и ее деятельность / Ю. Ге. – Рига: Типография, словолитня и фото-химиграфия Эрнста Платеса в г. Риге, у церкви Св. Петра, в собственном доме, 1901.

3. Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников: Закон от 5.12. 1866 // ПСЗ РИ. – Т. XLI. – Отд. II. – Док. № 43 949.

4. Рижская (Роденпойская) земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних мужского пола // Трудовая помощь. – 1913. – №7.

5. Брылева Е.А. Исторические традиции государственно-общественного партнерства на примере Роденпойской исправительной колонии для несовершеннолетних / Е.А. Брылева // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2026. – №1. EDN SGDMSM

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ЗАХВАТА И УДЕРЖАНИЯ ЗАЛОЖНИКА

Аннотация: *статья посвящена квалифицирующим признакам захвата и удержания заложника. В качестве методологической основы использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод. Наличие квалифицирующих признаков влечет усиление уголовной ответственности. В связи с этим законодатель в качестве квалифицирующих признаков должен избирать такие признаки, которые не характерны для большинства случаев захвата и удержания заложника, чтобы ч. 1 ст. 206 УК РФ, предусматривающая основной состав захвата и удержания заложника, тоже была востребована. В статье обосновывается избыточность в ч. 2 ст. 206 УК РФ такого квалифицирующего признака как «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия».*

Ключевые слова: *удержание заложника, захват заложника, применение оружия, квалифицирующие признаки, тяжкие последствия, убийство.*

Общественная опасность захвата и удержания заложника заключается в одновременном посягательстве на общественную безопасность и личную свободу заложника и оценивается как очень высокая, в связи с чем основной состав данного преступления отнесён к разряду тяжких преступлений, а составы захвата и удержания заложника с квалифицирующими признаками – к разряду особо тяжких преступлений [1, с. 4]. Кроме того, в большинстве случаев захват и удержание заложников совершаются с целью достижения каких-либо противоправных целей, как-то: неправомерное влияние на решение правоохранительных органов по другим уголовным делам, побег из исправительных учреждений, организация противозаконного освобождения заключённых, сокрытие от преследования после совершения иного преступления и многие другие. Эти обстоятельства также усиливают общественную опасность анализируемого преступления. Захват и удержание заложника опасны ещё и потому, что получают быстрое распространение. Прокатившаяся в России волна захватов и удержаний заложников в конце 80-х годов в местах лишения свободы, в начале 90-х годов – на воздушном транспорте, в последние годы – в школах, театрах и медицинских учреждениях заставила обратить на себя внимание всё население страны [2, с. 4].

Сопоставление названия ст. 206 УК РФ и диспозиции её первой части позволяет сделать вывод, что по своему содержанию название ст. 206 УК РФ «Захват заложника» является более узким по сравнению с объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ. В связи с этим при дальнейшем анализе указанного преступления мы будем именовать его как «захват или удержание заложника».

Квалифицирующие признаки являются признаками преступления с повышенной степенью общественной опасности по сравнению с признаками основного состава преступления [3, с. 40].

Совершение захвата или удержания заложника группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 206 УК РФ) означает заранее согласованное совместное выполнение объективной стороны преступления в виде частичного или полного участия двух или более исполнителей в захвате или удержании заложника [4, с. 91].

Одним из квалифицирующих признаков захвата или удержания заложника выступает применение насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ). В связи с тем, что Верховный Суд РФ не принял специального постановления, посвящённого захвату и удержанию заложника, обратимся к иной официальной правоинтерпретационной практике для уяснения смысла анализируемого квалифицирующего признака. В соответствии с

абз. 2 п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего или причинение легкого вреда его здоровью.

В качестве квалифицирующего признака захвата и удержания заложника п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ называет применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, под которым понимают как использование их для поражения живой цели, так и демонстрацию с целью оказания психологического воздействия на потерпевшего [4, с. 93]. На наш взгляд, данный признак в качестве квалифицирующего является излишним для захвата и удержания заложника. Большинство захватов заложников осуществляются с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, во-первых, потому что захватить заложника и подавлять его сопротивление «голыми руками» крайне затруднительно, тем более если требуется держать потерпевшего под контролем несколько часов; во-вторых, преступление, предусмотренное ст. 206 УК РФ, совершается с целью воздействия на третьих лиц, которые при помощи правоохранительных органов легко смогут освободить заложника, если преступник безоружен. В связи с этим считаем, что применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, должно охватываться ч. 1 ст. 206 УК РФ, а п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ необходимо исключить.

Признак заведомости, упомянутый при описании квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «д» и п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ, означает осознание преступником того, что лицо, которое он собирается захватить в качестве заложника, является несовершеннолетним или находится в состоянии беременности.

Квалифицирующий признак в виде множественности заложников (п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ) подлежит вменению, когда преступник до начала совершения захвата заложников имел умысел на его осуществление в отношении двух или более человек и привёл его в исполнение [4, с. 95].

Необходимо понимать, что квалифицирующий признак п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ является «подвижным» касательно захвата и удержания заложников, то есть может иметь место в начале совершения преступления, а затем исчезнуть в процессе дальнейшего его совершения, если преступник начнёт добровольно или по требованию властей отпускать заложников. В судебной практике встретился случай, когда преступник Г. взял в заложники троих людей – Я., Ю., П. Заложника Я. правоохранительные органы освободили самостоятельно, а двух других заложников Ю. и П. преступник освободил по их требованию, не получив взамен этого исполнения своих требований. Западно-Сибирский окружной военный суд квалифицировал его деяние по п. «г» и п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Военная коллегия Верховного Суда РФ 28 октября 2010 года, ссылаясь на примечание к ст. 206 УК РФ, пришла к выводу, что уголовно наказуемыми являются действия Г., связанные с захватом и удержанием в качестве заложника только одного Я., в связи с чем эти действия были квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ, а п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ был исключён из объёма обвинения осуждённого, что повлекло смягчение наказания (Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 28 октября 2010 года №206-О10–1).

Захват заложника, совершённый из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ), предполагает в качестве мотива стремление к минимизации материальных затрат и (или) приросту в имущественной сфере на стороне преступника или иных лиц. Захват заложника по найму (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ) означает, что данное преступление осуществляется за вознаграждение от третьих лиц. Не имеет юридического значения время получения вознаграждения – до или после совершения преступления. Также не играет никакой юридической роли факт невыполнения своего обещания «заказчиком» (организатором) захвата заложника по выплате вознаграждения исполнителю преступления: п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ будет вменён всем соучастникам преступления.

Особо квалифицирующими признаками захвата и удержания заложника законодатель признал совершение данного преступления организованной группой, а также причинение в

процессе захвата и удержания заложника смерти по неосторожности или иных тяжких последствий (ч. 3 ст. 206 УК РФ). К «иным тяжким последствиям» следует отнести самоубийство заложника, возникновение у него смертельно опасного заболевания или психического расстройства и тому подобное [5, с. 116].

Особо-особо квалифицирующим признаком захвата и удержания заложника выступает умышленное причинение смерти человеку в процессе захвата и удержания заложника (ч. 4 ст. 206 УК РФ). Часть четвёртая была включена в ст. 206 УК РФ в 2008 году. Ранее подобное деяние квалифицировалось по совокупности преступлений (ст. 105 и ст. 206 УК РФ). В 2009 году законодатель внёс изменения в текст ч. 2 ст. 105 УК РФ, исключив из п. «в» упоминание о захвате заложника. В настоящее время захват и удержание заложника, повлёкшие умышленное причинение смерти человеку, охватываются ч. 4 ст. 206 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требуют [6, с. 487].

Таким образом, наличие квалифицирующих признаков влечёт усиление уголовной ответственности. В связи с этим законодатель в качестве квалифицирующих признаков должен избирать такие признаки, которые не характерны для большинства случаев захвата и удержания заложника, чтобы ч. 1 ст. 206 УК РФ, предусматривающая основной состав захвата и удержания заложника, тоже была востребована. Квалифицирующие признаки в УК РФ изложены кратко и ёмко, как того требуют принципы юридической техники, в связи с чем полезным является их официальное и неофициальное толкование, последнее из которых было осуществлено нами в отношении квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ.

Список литературы

1. Осипов В.А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис.... канд. юрид. наук / В.А. Осипов. – М., 1999. – 21 с. EDN NLSUUH

2. Гущин М.Ю. Захват заложника: криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Ю. Гущин. – СПб., 2005. – 25 с.

3. Иванчин А.В. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений: понятие, значение, проблемы построения / А.В. Иванчин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2012. – №1. – С. 39–48. EDN ZAELEF

4. Бельский А.Е. К вопросу о содержании квалифицирующих признаков захвата заложника / А.Е. Бельский // Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современном этапе: межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск: СЮИ МВД РФ, 2018. – С. 91–96. EDN YOJBWP

5. Кудрявцев В.Л. Захват заложника: состав и разграничение с иными смежными составами преступлений / В.Л. Кудрявцев // Евразийский юридический журнал. – 2012. – №8. – С. 113–118. EDN PCBHVN

6. Синьков Д.В. Захват заложников: некоторые вопросы квалификации / Д.В. Синьков, Е.А. Редькина // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – №4. – С. 484–491. DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(4).484-491. EDN MCEOGU

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

КРИПТОВАЛЮТА КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ И ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: *в статье анализируются дискуссионные вопросы правовой регламентации конфискации криптовалюты как предмета преступления и средства совершения преступления. Актуальность обусловлена недостаточной законодательной урегулированностью оборота криптовалют, что создаёт проблемы для правоприменителей. Рассматриваются изменения, внесённые в примечание 2 к ст. 104.1 УК РФ в апреле 2025 года, а также возникающие в связи с ними практические сложности.*

Ключевые слова: *предмет преступления, криптовалюта, средство совершения преступления, цифровая валюта, конфискация.*

Проблемы регламентации уголовной ответственности за неправомерное использование или присвоение криптовалюты выступают предметом исследования в научных трудах Д.Н. Химеденовой, Т.И. Горбачевой [1; 2], А.А. Князькова [3], П.А. Ларионова [4; 5], Е.А. Русскевича, И.И. Малыгина [6], М.М. Долгиевой [7], И.Г. Переломовой [8; 9] и др.

Криптовалюта может выступать предметом коррупционных преступлений, хищений [6, с. 115–117; 10, с. 412] и т. п. Криптовалюта может выступать средством таких преступлений, как незаконное приобретение оружия, боеприпасов, наркотических и психотропных средств; банкротные преступления, финансирование террористической или экстремистской деятельности, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, а также деятельности, направленной против безопасности РФ; легализация имущества, полученного преступным путем [6, с. 108–115; 10, с. 411; 4, с. 719], и др.

Принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства (конфискации) подлежат предметы и средства преступления имущественного характера в случаях, указанных в ст. 104.1 УК РФ. Совсем недавно, в феврале 2026 года, было введено прим. 2 ст. 104.1 УК РФ следующего содержания: «Для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса цифровая валюта признается имуществом».

Под цифровой валютой законодатель понимает криптовалюту. В частности, в содержании Кассационного определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 июня 2021 г. №77–1411/2021 был поставлен знак равенства в понимании цифровой валюты и криптовалюты.

До 2021 года в правовом поле не имелось действующих предписаний об отнесении цифровой валюты к имуществу или иному объекту гражданских прав. В свою очередь, данная ситуация была изменена Федеральным законом от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2021 года.

С 2021 года цифровая валюта признавалась имуществом для целей четырех законов: 1) Федерального закона от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ст. 3); 2) Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 2); 3) Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ч. 4 ст. 68); 4) Федерального закона от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ч. 10 ст. 8).

Также цифровая валюта была недавно признана имуществом для целей НК РФ (абз. 33 п. 2 ст. 11 НК РФ в ред. Федерального закона от 28 ноября 2025 года №425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные

законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»).

В свою очередь, до 2026 года оставался открытым вопрос о правовой природе криптовалюты для остальных нормативных правовых актов. Такое положение дел объясняется тем, что специалисты узкой направленности (судебные приставы, следователи и т. п.) уже давно били тревогу о том, что крайне проблематично без соответствующего указания в законе обратить взыскание и конфисковать криптовалюту, тем самым инициировав соответствующие дополнения в отдельные нормативные правовые акты, в то время как цивилисты заняли более «инертную» позицию, в связи с чем ГК РФ до сих пор четко не «высказался» о правовой природе криптовалюты.

Еще до введения в действие прим. 2 ст. 104.1 УК РФ некоторые суды на основании толкования норм иной отраслевой принадлежности выносили решения о конфискации криптовалюты [3, с. 176]. Заслуга прим. 2 ст. 104.1 УК РФ состоит в том, что оно внесло ясность по поводу того, что цифровая валюта является имуществом, и, следовательно, может быть конфискована, хотя, на наш взгляд, данный вопрос должен был осветить ГК РФ, а не УК РФ.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 20.01.2026 №2-П, размышляя о правовой природе криптовалюты (цифровой валюты), проанализировав различные нормативные правовые акты, указал на следующие признаки цифровой валюты: 1) цифровая валюта, в отличие от вещей, не имеет осязаемого воплощения, а существует лишь в виртуальном пространстве в рамках определенной информационной системы; 2) цифровая валюта не относится к безналичным денежным средствам, существующим в виде записи на банковском счете, поскольку безналичные денежные средства представляют собой обязательственное требование к банку, а цифровая валюта не дает своим обладателям аналогичных прав в отношении какого-либо субъекта; 3) но в отличие от бездокументарных ценных бумаг, цифровая валюта не удостоверяет какого-либо права требования; 4) цифровая валюта не относится и к цифровым правам, поскольку последними признаются только те права, которые названы таковыми в законе (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ); 5) цифровая валюта имеет экономическую ценность, измеримую в денежном выражении или в ином стоимостном эквиваленте.

Исходя из указанных особенностей цифровой валюты Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 20.01.2026 №2-П сделал следующий вывод: «Хотя использование цифровой валюты ограничено и не урегулировано во всех возможных аспектах, гражданское законодательство принципиально не препятствует тому, чтобы рассматривать ее как объект гражданских прав – в качестве «иного имущества» по смыслу статьи 128 ГК РФ».

Следовательно, цифровая валюта на сегодняшний день признается имуществом не только в отдельных нормативных правовых актах, но и в гражданском законодательстве. И так как вопрос отнесения тех или иных объектов к имуществу регулируется именно гражданским правом, то с юридико-технической точки зрения является правильным размещение указания о том, что цифровая валюта признается имуществом, именно в ГК РФ, а не в УК РФ.

В связи с этим необходимо исключить прим. 2 к ст. 104.1 УК РФ. В свою очередь, в целях правовой определенности по вопросу динамично развивающихся в последние годы отношений по поводу цифровой валюты необходимо в ст. 128 ГК РФ упомянуть ее при конкретизации такого объекта гражданских прав как «иное имущество». Это в свою очередь поможет обеспечить соблюдение принципа экономии законодательного материала, так как отпадет необходимость указывать в УК РФ и в текущем законодательстве то, что криптовалюта (цифровая валюта) является имуществом.

Список литературы

1. Химеденова Д.Н. Криптовалюта как уголовно-правовая категория в отечественном праве: понятие, значение и проблемы законодательного регулирования / Д.Н. Химеденова, Т.И. Горбачева // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – №2. – С. 1–9. DOI 10.25136/2409-7810.2025.2.73682. EDN KQOVOG

2. Химеденова Д.Н. Актуальные проблемы нормативного закрепления феномена криптовалюты в Российской Федерации / Д.Н. Химеденова, Т.И. Горбачева // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – №3. – С. 1–14. DOI 10.25136/2409-7810.2025.3.73696. EDN QJHZNW

3. Князьков А.А. Уголовно-правовая конфискация криптовалюты: некоторые проблемы правоприменительной практики / А.А. Князьков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – №4. – С. 173–181. DOI 10.17803/2311-5998.2024.116.4.173-181. EDN DKVWTK

4. Ларионов П.А. Криптовалюта и уголовное право: de lege lata и de lege ferenda / П.А. Ларионов // International & domestic law: материалы XVI Ежегодной международной конференции по национальному и международному праву. – Екатеринбург, 2022. – С. 715–720.

5. Ларионов П.А. Цифровая валюта: эволютивное толкование предмета хищения / П.А. Ларионов // Право и правосудие в современном мире: сборник научных статей молодых исследователей. – СПб., 2024. – С. 474–481. EDN AWEAQC

6. Русскевич Е.А. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации / Е.А. Русскевич, И.И. Малыгин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – №3. – С. 106–125. DOI 10.17323/2072-8166.2021.3.106.125. EDN SVTKLI

7. Долгиева М.М. Противодействие криптопреступности уголовно-правовыми средствами / М.М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – №2. – С. 171–177. DOI 10.17803/1994-1471.2023.147.2.171-177. EDN VRTVYB

8. Переломова И.Г. Криптовалюта как средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности / И.Г. Переломова, А.В. Глухова, В.О. Ногинов // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2022. – С. 228–231. EDN RYGPJF

9. Переломова И.Г. Технологическое и правовое обеспечение безопасности цифровой экономики на современном этапе развития Российской Федерации / И.Г. Переломова, Е.М. Золотин, С.А. Крат // Инженерное образование в условиях цифровизации общества и экономики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2023. – С. 18–21. EDN YUTIBU

10. Коренная А.А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений / А.А. Коренная, Н.В. Тыдыкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – №3. – С. 408–415. DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415. EDN TRQLCS

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОРЧУ ЗЕМЛИ

Аннотация: *статья посвящена проблемам регламентации ответственности за совершение действий, предусмотренных ст. 8.6 КоАП РФ, ст. 254 УК РФ. В качестве методологической основы использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод. Выявлены проблемы регламентации ответственности за порчу земли: неудачная формулировка криминообразующего признака порчи земли, трудность квалификации деяния в виде убийства посредством порчи земли, отсутствие в законодательстве легальной дефиниции понятия «экологическая катастрофа», необходимого для разграничения составов экоцида и порчи земли. Даны соответствующие рекомендации относительно решения данных проблем.*

Ключевые слова: *административная ответственность, уголовная ответственность, порча земли, окружающая среда, убийство общеопасным способом, экоцид.*

Правовая охрана почвенного слоя земли обусловлена тем, что загрязненная почва представляет опасность для здоровья и жизни человека и животных в связи с поступлением в их организм токсичных веществ вместе с продуктами питания, выращенными на земле, подвергнутой порче. Кроме загрязнения, вредные вещества могут привести к деградации почвы (снижению плодородия), что в больших масштабах приведет к нехватке продуктов питания. За порчу земли может наступать как административная, так и уголовная ответственность (ст.

8.6 КоАП РФ, ст. 254 УК РФ). При этом неудачная законодательная конструкция ст. 254 УК РФ, посвященной порче земли, значительно снижает ее охранительный потенциал, а также затрудняет правоприменение, что ставит вопрос о необходимости корректировки ее содержания [1, с. 5; 2, с. 4].

Одной из проблем регламентации ответственности за порчу земли выступает трудность разграничения административно запрещенной и уголовно наказуемой порчи земли.

Как правило, законодатель при осуществлении градации юридической ответственности за аналогичные деяния в межотраслевом ракурсе стремится к единообразному формулированию диспозиций статей КоАП РФ и УК РФ с тем лишь различием, что в УК РФ добавляется какой-либо дополнительный признак или признаки, именуемые криминообразующими. К сожалению, в отношении порчи земли отсутствует лингвистическое единообразие в плане формулирования ее общих признаков, присущих ей и как административному правонарушению, и как преступлению.

Кроме того, не лишен изъяна и криминообразующий признак порчи земли, который звучит следующим образом: «повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде». В соответствии с п. 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 №21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» под причинением вреда здоровью человека при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 254 УК РФ, следует понимать причинение вреда здоровью любой степени тяжести, как минимум, одному лицу. Данная элемент криминообразующего признака является хорошим разграничителем при выборе правоприменителем вида ответственности за порчу земли. Однако нельзя тоже самое сказать о втором элементе криминообразующего признака – причинении вреда окружающей среде. Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» говорит нам, что окружающая среда представляет собой совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов. Согласно абз. 4 ст. 1 федерального закона от 10.01.2002 №7-ФЗ к компонентам природной среды, в частности, относятся «земля, недра, почвы». Из этого следует, что абсолютно любая порча земли влечет за собой вред окружающей среде в виде вреда, причиняемого почвенному слою земли, из-за чего криминообразующий признак порчи земли является дефективным и нуждается в корректировке. Для этого у законодателя есть два пути – исключить из ч. 1 ст. 254 УК РФ упоминание о причинении вреда окружающей среде, либо конкретизировать в ч. 1 ст. 254 УК РФ понятие «вред окружающей среды», исключив из него вред, причиняемый почвенному слою земли (к примеру, последний вариант законодатель избрал при конструировании состава загрязнение вод, предусмотренного в ст. 250 УК РФ).

Для правоприменителей актуальным также является вопрос о квалификации деяния в виде убийства посредством порчи земли таким способом, который неминуемо должен привести гибели людей, посещающих земельный участок или выращивающих на нем урожай. Проблема состоит в том, что ч. 3 ст. 254 УК РФ в качестве квалифицирующего признака содержит «причинение смерти по неосторожности», но ничего не говорит об умышленном лишении жизни. Для ответа на данный вопрос обратимся к позиции Верховного Суда РФ о квалификации разбоя, сопряженного с убийством, чтобы проследить логику Верховного Суда РФ, применяемую при толковании содержания квалифицирующих признаков. Согласно разъяснению п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» действия лица, совершившего убийство в процессе разбоя, квалифицируются по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего) и по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, сопряженное с разбоем). В добавление к этому необходимо учитывать, что порча земли с целью лишения человека жизни является общеопасным способом убийства, под которым в соответствии с разъяснением п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК

РФ)» понимается такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы для жизни еще одного лица. Используя указанную выше логику правоприменения, мы пришли к выводу, что убийство посредством порчи земли необходимо квалифицировать по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное общеопасным способом) и по ч. 3 ст. 254 УК РФ (порча земли, повлекшая по неосторожности смерть человека).

Также важным вопросом, связанным с применением ст. 254 УК РФ, выступает необходимость правильно соотносить составы преступлений в виде порчи земли (ст. 254 УК РФ) и экоцида (ст. 358 УК РФ) между собой. Под экоцидом законодатель понимает совершение действий, способных вызвать экологическую катастрофу. Одним из видов экоцида выступает порча земли, способная вызвать экологическую катастрофу [3, с. 208]. Для того, чтобы определить, какая из двух указанных статей УК РФ должна быть применена в конкретном деле, необходимо понимать, что такое экологическая катастрофа, наличие угрозы которой и является отграничительным признаком экоцида от порчи земли. Однако законодатель не ввел в правовой оборот такой легальной дефиниции, в связи с чем правоприменителям приходится полагаться в этом вопросе на позиции ученых-правоведов. Одним из наиболее содержательных является определение А.А. Жуковой, которая предлагает понимать под экологической катастрофой возникшее в результате антропогенного воздействия неравновесное состояние окружающей природной среды (существенное изменение качественных и количественных свойств ее отдельных компонентов), способное повлечь массовую гибель людей, представителей животного и растительного мира, значительное ухудшение условий их существования [4, с. 159]. Тем не менее несмотря на это, на наш взгляд, законодателю следует в целях правовой определенности охарактеризовать экологическую катастрофу, например, в примечании к ст. 358 УК РФ.

Список литературы

1. Клочкова А.А. Уголовная ответственность за порчу земли: автореф. дис.... канд. юрид. наук / А.А. Клочкова. – Саратов, 2010. – 31 с. EDN QHBNMZ

2. Попова Ю.В. Уголовно-правовая охрана земли: автореф. дис.... канд. юрид. наук / Ю.В. Попова. – Краснодар, 2004. – 32 с. EDN NHWEKD

3. Шикула И.Р. Уголовно-правовой анализ экоцида: объективные и субъективные признаки, вопросы квалификации / И.Р. Шикула, А.И. Проскуряков // Право: история и современность. – 2024. – №2. – С. 200–212. DOI 10.17277/pravo.2024.02.pp.200-212. EDN WWZEWY

4. Жукова А.А. Уголовно-правовая характеристика экоцида (ст. 358 УК РФ): целесообразность отнесения к альтернативно-экологическим преступлениям / А.А. Жукова // Юридическая наука. – 2024. – №1. – С. 157–162. EDN DXWGKZ

Однороженко Алина Викторовна
студентка

Научный руководитель
Кубанов Валерий Викторович
канд. юрид. наук, доцент

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются криминалистические аспекты расследования и предупреждения дезорганизации деятельности исправительного учреждения. Анализируются обстановка совершения деяния, способ противоправного воздействия, личность возможного виновного и потерпевшего, следовая картина, значение видеонаблюдения и режимной документации. Обосновывается необходимость комплексного подхода, при котором процессуальное доказывание сочетается с постоянным анализом оперативной обстановки, поддержанием установленного режима и адресной профилактической работой с осужденными.*

Ключевые слова: *дезорганизация деятельности исправительного учреждения, криминалистика, расследование, предупреждение, оперативная обстановка.*

Дезорганизация деятельности исправительного учреждения относится к числу деяний, общественная опасность которых не исчерпывается причинением вреда отдельному потерпевшему. В условиях учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, противоправное воздействие на сотрудника, осужденного либо иное лицо способно нарушить устойчивость режима, осложнить выполнение задач исправительного воздействия и создать ситуацию, при которой внутренний порядок учреждения становится объектом целенаправленного давления. Уголовно-правовое значение данного деяния определяется специальной направленностью посягательства, закрепленной в ст. 321 УК РФ, однако для расследования решающим становится не только установление формальных признаков состава, но и восстановление фактического механизма события [1].

Криминалистический подход к рассматриваемой категории дел предполагает выявление устойчивых сведений о способе совершения преступления, обстановке, личности виновного и потерпевшего, мотивах поведения, следовой картине, а также первоначальной информации, поступающей к администрации учреждения и органам расследования. Эти сведения имеют прикладное значение, поскольку позволяют сформировать рабочие версии, определить круг лиц, подлежащих проверке, своевременно обеспечить сохранность доказательственной информации и отделить дезорганизацию деятельности учреждения от бытового конфликта, дисциплинарного нарушения либо иного преступления против личности.

Особенность расследования заключается в том, что событие развивается в замкнутой режимной среде. Исправительное учреждение имеет собственный порядок передвижения, систему охраны, внутренний распорядок, распределение осужденных по отрядам и рабочим участкам, а также сложившиеся формальные и неформальные связи между участниками. Поэтому каждое сообщение о насилии, угрозе или ином давлении требует оценки с учетом места, времени, предшествующих конфликтов, характера служебных действий сотрудника, статуса потерпевшего и реакции иных осужденных. В отрыве от этих обстоятельств одно и то же внешнее действие может получить неполную либо ошибочную криминалистическую оценку.

Центральное место в криминалистической характеристике занимает способ совершения деяния. Для дезорганизации деятельности исправительного учреждения типичны действия, направленные на запугивание, месть, принуждение к определенному поведению либо

воспрепятствование законной деятельности администрации. При этом важно установить, была ли противоправная активность связана с исполнением сотрудником служебных обязанностей, с применением мер режима, с проведением обыска, составлением рапорта, пресечением нарушения или с содействием осужденного администрации. Именно эта связь показывает, что событие затрагивает не только межличностные отношения, но и установленный порядок исполнения наказания.

Обстановка совершения преступления также имеет самостоятельное доказательственное значение. События могут происходить в жилых помещениях отрядов, производственных зонах, коридорах, прогулочных дворах, медицинских частях, помещениях воспитательной работы и иных участках учреждения. На первоначальном этапе необходимо установить, кто имел доступ к конкретному месту, какие лица находились рядом, какие маршруты перемещения были возможны, какие камеры видеонаблюдения охватывали участок и какие режимные документы фиксировали нахождение участников. Сопоставление этих данных позволяет уточнить временные границы события и проверить достоверность показаний.

Личность возможного виновного должна анализироваться не формально, а через совокупность признаков, объясняющих механизм преступного поведения. Значение имеют отношение осужденного к требованиям администрации, наличие дисциплинарных взысканий, прежние конфликты, положение в неформальной среде, контакты с другими осужденными, поведение до и после события. Вместе с тем такие сведения не могут подменять доказывание. Они используются для построения и проверки версий, выявления возможных соучастников и установления мотива, но вывод о причастности должен основываться на совокупности процессуально закрепленных доказательств.

Не менее значима личность потерпевшего. Потерпевшими по делам данной категории могут быть сотрудники учреждения, выполняющие служебные обязанности, их близкие, а также осужденные, содействующие администрации либо воспринимаемые другими осужденными как лица, нарушающие неформальные правила поведения. Для расследования важно выяснить, какие действия потерпевшего предшествовали конфликту: участие в пресечении нарушения режима, сообщение администрации значимой информации, отказ поддерживать противоправное поведение других лиц, выполнение служебного распоряжения или оформление документов дисциплинарного характера. Эти обстоятельства позволяют установить направленность деяния и его связь с функционированием учреждения.

Мотивы дезорганизации обычно связаны с противодействием установленному порядку, стремлением сохранить неформальное влияние, местью за служебные действия, подавлением сотрудничества с администрацией либо демонстрацией силы перед другими осужденными. В криминалистическом смысле мотив важен потому, что соединяет отдельные факты в единую причинно-смысловую картину. Например, конфликт, возникший после применения дисциплинарной меры, может указывать на связь действий с законной деятельностью сотрудника, а давление на осужденного после его обращения к администрации – на попытку воспрепятствовать поддержанию режима и исправительному воздействию.

Следовая картина по делам о дезорганизации деятельности исправительного учреждения имеет комплексный характер. Она включает материальные, идеальные и документальные следы. Материальные следы выражаются в повреждениях одежды, предметов обстановки, следах физического воздействия, иных объектах, отражающих механизм происшествия. Идеальные следы содержатся в памяти потерпевших, очевидцев, сотрудников учреждения, медицинских работников и других лиц. Документальные следы представлены рапортами, объяснениями, актами медицинского освидетельствования, журналами учета, материалами служебной проверки, характеристиками осужденных и постановлениями о дисциплинарных взысканиях.

Особую роль играют видеозаписи и режимная документация. В исправительных учреждениях многие участки находятся под техническим контролем, поэтому записи камер могут подтвердить перемещение участников, время события, поведение до и после конфликта, наличие очевидцев и реакцию сотрудников. Однако видеозапись не всегда охватывает все

пространство, может не фиксировать звук или не отражать предшествующую угрозу. Поэтому ее доказательственное значение раскрывается только при сопоставлении с показаниями, медицинскими документами, рапортами, журналами учета и данными о предшествующих отношениях между участниками.

Первоначальный этап расследования обычно начинается с поступления сообщения о происшествии, рапорта сотрудника, материалов служебной проверки либо медицинских сведений о причиненном вреде. На этом этапе необходимо обеспечить сохранность следов, получить первичные объяснения, установить очевидцев, изъять и сохранить видеозаписи, проверить режимные документы и исключить давление на потерпевшего или свидетелей. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку участники события продолжают находиться в ограниченном пространстве, где возможны зависимость, страх, групповое влияние и попытки согласовать позиции.

Проверка криминалистических версий должна охватывать характер события, мотив, круг участников, роль каждого лица и связь деяния с деятельностью учреждения. Следователь устанавливает, имело ли место преступление, предусмотренное специальной нормой, либо событие подлежит иной правовой оценке; было ли насилие или угроза связано с исполнением служебных обязанностей; действовал ли виновный один или при поддержке других лиц; существовал ли предварительный конфликт; была ли цель воспрепятствовать исправлению осужденного или отомстить за содействие администрации. Такая проверка требует не только процессуальных действий, но и глубокого анализа внутренней документации учреждения.

Значимым направлением расследования является установление причинно-смысловой связи между конкретными действиями и дезорганизацией деятельности учреждения. Само по себе нарушение дисциплины или конфликт между осужденными не всегда образует рассматриваемое деяние. Криминалистический анализ должен показать, что действия были направлены на подрыв установленного порядка, воздействие на участников режима или воспрепятствование нормальной деятельности учреждения. Поэтому существенное значение приобретают сведения о предшествующих дисциплинарных мерах, обращениях к администрации, реакции других осужденных, изменении обстановки в отряде или на производственном участке.

В доказывании по делам данной категории могут использоваться судебно-медицинские, трасологические, видеотехнические, фоноскопические и психологические исследования, если необходимость их назначения вытекает из обстоятельств дела. Судебно-медицинское исследование помогает определить характер и степень вреда здоровью, видеотехническое – уточнить содержание записи и последовательность действий, фоноскопическое – оценить аудиоданные при наличии угроз или переговоров, а психологическое – учитывать особенности восприятия угрозы и поведения участников. При этом экспертное исследование не заменяет правовую оценку, а включается в общую систему доказательств [2].

Проблемы расследования связаны с закрытым характером учреждения, зависимостью участников от среды, возможным страхом потерпевших и свидетелей, влиянием неформальных правил и сложностью разграничения реального преступного воздействия с дисциплинарным конфликтом. Отдельные трудности возникают при оценке угроз, поскольку они не всегда оставляют материальные следы. В таких ситуациях значение приобретают показания, предшествующая переписка или обращения, сведения о конфликтах, оперативная информация, поведение участников до и после события и иные косвенные данные, которые в совокупности позволяют восстановить картину происшествия.

Предупреждение дезорганизации деятельности исправительного учреждения не может сводиться только к реагированию после совершенного конфликта. В условиях режимного объекта опасные ситуации часто формируются постепенно: через накопление напряженности в отряде, противодействие законным требованиям администрации, распространение неформального давления на отдельных осужденных, попытки запугивания сотрудников или лиц, содействующих поддержанию порядка. Поэтому профилактическая работа должна

опираться на постоянный анализ оперативной обстановки, дисциплинарной практики, обращений осужденных, рапортов сотрудников, сведений медицинской части и материалов воспитательной работы.

Важное значение имеет подготовка сотрудников к действиям в конфликтных ситуациях. Они должны своевременно распознавать признаки нарастающего напряжения, корректно фиксировать угрозы, обеспечивать безопасность потерпевших и свидетелей, сохранять видеозаписи и иные следы, а при необходимости незамедлительно докладывать руководству учреждения. Согласованность действий оперативных подразделений, дежурных смен, воспитательной службы, медицинской части и администрации позволяет не только быстрее расследовать уже совершенное деяние, но и предотвратить повторное давление либо насилие.

Профилактическая работа с осужденными включает индивидуальные беседы, воспитательные мероприятия, разъяснение правовых последствий угроз и насилия, работу с лицами, склонными к нарушениям режима, а также защиту осужденных, которые могут подвергаться давлению из-за содействия администрации. Особое значение имеет выявление лиц негативной направленности и групп, способных влиять на обстановку в отряде. Такая работа должна проводиться с учетом поведения конкретных лиц, их конфликтов, дисциплинарной истории и положения в среде осужденных, поскольку формальный подход снижает предупредительный эффект.

Не менее важным направлением выступает устойчивое поддержание установленного режима. Регулярные обходы, контроль перемещения осужденных, досмотры, проверка соблюдения распорядка дня, учет нахождения лиц на рабочих местах и в отрядах уменьшают возможность подготовки противоправных действий. Если администрация своевременно выявляет нарушения дисциплины, пресекает попытки группового давления и фиксирует конфликтные ситуации документально, риск перерастания бытового спора или неформального противостояния в дезорганизацию деятельности учреждения заметно снижается.

Система видеонаблюдения обладает двойным значением: доказательственным и профилактическим. С одной стороны, она позволяет закреплять сведения о перемещении участников, времени события и поведении до и после конфликта. С другой стороны, наличие технического контроля сдерживает противоправное поведение на наиболее конфликтных участках учреждения: в жилых секциях, коридорах, производственных зонах, прогулочных дворах и местах построения. Эффективность этой меры зависит от исправности оборудования, сохранности архивных записей, правильного расположения камер и своевременного реагирования дежурных смен.

Таким образом, расследование и предупреждение дезорганизации деятельности исправительного учреждения требуют комплексного подхода. Для расследования важны сведения о способе совершения преступления, обстановке, личности виновного и потерпевшего, мотивах, следовой картине и типичных направлениях доказывания. Для предупреждения имеют значение видеонаблюдение, поддержание режима, адресная профилактическая работа с осужденными, своевременное выявление конфликтов и согласованность действий сотрудников учреждения. Чем полнее установлены обстоятельства события и чем раньше выявлены конфликтные факторы, тем выше доказательственная устойчивость выводов следствия и тем ниже риск повторения подобных нарушений.

Список литературы

1. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 09.04.2026). – Ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

2. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. – М.: Проспект, 2023.

Озерский Сергей Владимирович
канд. физ.-мат. наук, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ (2021–2025 ГОДЫ)

Аннотация: *в статье представлен анализ динамики и структуры коррупционной преступности в Российской Федерации за период 2021–2025 гг. На основе официальных статистических данных МВД России, Генеральной прокуратуры и Судебного департамента при Верховном Суде РФ рассматриваются количественные и качественные изменения зарегистрированных преступлений коррупционной направленности. Особое внимание уделяется феномену опережающего роста взяточничества, изменению структуры преступности, а также проблеме латентности и оценки экономического ущерба. Анализируются региональные особенности и социально-демографический портрет коррупционера. В заключение предлагаются отдельные направления совершенствования антикоррупционной политики.*

Ключевые слова: *коррупционная преступность, правовая статистика, уголовно-правовая статистика, динамика преступности, взяточничество, латентность, экономический ущерб, УИС.*

Анализ официальных статистических данных демонстрирует устойчивую тенденцию к росту числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, особенно заметную в 2024–2025 годах. В 2024 году было зарегистрировано 38,5 тыс. таких преступлений, что на 5,7% больше, чем в 2023 году. По итогам 2025 года рост продолжился: зафиксировано 43,2 тыс. преступлений коррупционной направленности (+12,3% к 2024 году) [1, с. 436].

Примечательно, что на фоне умеренного роста общего массива преступлений экономической направленности (в 2025 году – 107,2 тыс., +1,7%) темпы прироста коррупционных преступлений являются опережающими. Это свидетельствует как об активизации правоохранительных органов, так и о сохранении высокого уровня латентности коррупционных практик.

Динамика числа выявленных лиц, совершивших коррупционные преступления, также демонстрирует рост. В первом полугодии 2024 года было выявлено 10 251 коррупционера – самый высокий полугодовой показатель с 2011 года. За весь 2025 год в поле зрения правоохранительных органов попало более 20 тыс. лиц. При этом наблюдается тенденция к «омоложению» коррупционеров: доля лиц в возрасте 18–24 лет выросла с 9,6% в 2018 году до 14,9% в 2025-м.

В структуре коррупционной преступности центральное место занимает взяточничество, доля которого неуклонно растет. Если в 2021 году на преступления, связанные со взяточничеством, приходилось около 48% всех коррупционных проявлений, то к 2025 году их доля достигла 67,4%. Абсолютное число зарегистрированных фактов взяточничества за пять лет выросло в разы: с 20,3 тыс. в 2023 году до 26,8 тыс. в 2025-м (+15,4%).

В 2025 году были зафиксированы следующие показатели: получение взятки (ст. 290 УК РФ) – 8 503 случая (+11,7%), дача взятки (ст. 291 УК РФ) – 8 766 фактов (+29,9%), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) – 3 649 эпизодов (+38,5%). Опережающий рост дачи взятки и посредничества указывает на институционализацию коррупционных отношений, формирование устойчивых коррупционных сетей с разделением ролей.

Социально-демографический портрет коррупционера.

Генеральная прокуратура РФ на основе данных за 2018–2025 годы составила криминологический портрет типичного коррупционера [2]. Это, как правило, наемный работник, мужчина с высшим образованием в возрасте от 30 до 49 лет. Доля женщин среди привлеченных за коррупционные преступления составила в 2025 году 19,5%. Среди взяткополучателей 33,1% являлись государственными или муниципальными служащими, 26,5% – служащими

коммерческих организаций. Уровень рецидива среди коррупционеров остается низким (около 5,8%), что объясняется их социальным статусом и отсутствием ранее судимостей.

Экономический ущерб и проблема латентности.

Материальный ущерб от коррупционных преступлений, учтенный в уголовных делах, в 2025 году составил около 16 млрд рублей (более 207 млн долл.), что на 10% больше, чем в 2024 году [3]. Однако, по оценкам исследователей, с учетом высокой латентности реальные потери значительно выше. Кириллова Т.К. и Сосновский Е.С. отмечают, что с применением коэффициентов латентности реальный ущерб по прямым каналам достигает 240–400 млрд рублей, а косвенные потери (снижение инвестиционной привлекательности, рост теневой экономики, трансакционные издержки) оцениваются в 2,5 трлн рублей ежегодно, что составляет около 2% ВВП [4, с. 28].

Проблемы кадрового обеспечения и коррупционные риски в УИС.

Анализ системы исполнения наказаний (УИС) выявляет дополнительные факторы, способствующие сохранению коррупционной преступности. По данным на 2025 год, некомплект сотрудников ФСИН России в целом по стране превышает 37%, а в отдельных регионах достигает 70%. Критический дефицит кадров, особенно младшего и среднего начальствующего состава, создает предпосылки для ослабления контроля и распространения коррупционных практик в местах лишения свободы. Как отмечают эксперты, в условиях кадрового голодания персонала коррупция может становиться одним из элементов неформальных компенсационных механизмов.

Проведенный анализ динамики коррупционных преступлений в России за 2021–2025 годы позволяет сделать следующие выводы.

1. Наблюдается устойчивый рост числа зарегистрированных коррупционных преступлений, особенно выраженный в 2024–2025 годах. Этот рост отчасти обусловлен активизацией правоохранительных органов, внедрением новых методов выявления и усилением контроля за расходованием бюджетных средств, особенно в условиях экономической трансформации.

2. Происходит изменение структуры коррупционной преступности в сторону увеличения доли взяточничества. Темпы роста дачи взятки и посредничества опережают темпы роста получения взятки, что свидетельствует об усложнении коррупционных схем и их организованном характере.

3. Высокая латентность остается ключевой проблемой, препятствующей объективной оценке реальных масштабов коррупции. Официально зафиксированный ущерб многократно ниже экспертных оценок.

4. Сложная кадровая ситуация в УИС, связанная с высоким некомплектом сотрудников, формирует среду, благоприятствующую сохранению коррупционных рисков в пенитенциарной системе.

Антикоррупционная политика 2026 года смещает акцент с ежегодных деклараций на цифровой мониторинг, расширяет конфискационные механизмы, ужесточает законодательные запреты и требует качественного совершенствования профилактических мер, особенно в пенитенциарной системе, с учетом ее кадровых и организационных особенностей.

Ведомственная антикоррупционная политика в УИС реализуется в рамках «Плана противодействия коррупции ФСИН на 2025–2028 годы» (утвержден 20.12.2024, с изменениями от 16.02.2026). Ключевые задачи включают: совершенствование системы запретов и ограничений, обеспечение неотвратимости ответственности, повышение эффективности предотвращения конфликта интересов, контроль за закупками товаров и услуг для нужд УИС, а также контроль за расходами сотрудников и обращение в доход государства имущества, в отношении которого не представлены сведения о законных доходах. Приказами ФСИН России от 28.04.2026 №254 и от 25.03.2026 актуализирован порядок уведомления о фактах склонения к коррупционным правонарушениям и использования системы «Посейдон» для запросов о доходах.

Антикоррупционная политика должна учитывать выявленные тенденции, смещая акцент с количественных показателей выявления на качественное совершенствование механизмов

предупреждения, повышение прозрачности процедур и устранение коррупциогенных факторов в законодательстве.

Список литературы

1. Перепилищенко Е.С. Коррупционные преступления как угроза общественной безопасности: уголовно-правовые и стратегические механизмы противодействия / Е.С. Перепилищенко // Молодой ученый. – 2026. – №19 (622). – С. 435–438. EDN UHZOHS

2. Официальные данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности. – URL: https:// www.rbc.ru/politics/20/04/2026 (дата обращения: 01.07.2026).

3. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России. – URL: https://www.rbc.ru/society/16/06/2025 (дата обращения: 05.07.2026).

4. Кириллова Т.К. Масштаб экономического ущерба Российской Федерации из-за коррупционных преступлений и методика его подсчета / Т.К. Кириллова, Е.С. Сосновский // Управленческий учет. – 2025. – №12. – С. 24–29. EDN JPMCPI

Озерский Сергей Владимирович
канд. физ.-мат. наук, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ДИНАМИКА И СПЕЦИФИКА

Аннотация: *в статье проведен анализ динамики количественных показателей женской преступности в России за последние годы и выявлена качественная специфика преступлений, совершаемых преступниками женского пола. Изучен структурный состав преступлений, совершаемых женщинами, составлен статистический «социальный портрет» женщины-преступницы на основе данных о возрасте, образовании, роде занятий и семейном положении.*

Ключевые слова: *криминология, женская преступность, динамика преступности, абсолютный показатель, относительный показатель.*

В криминологической науке женская преступность традиционно определяется как совокупность преступлений, совершенных лицами женского пола, и как самостоятельный объект изучения выделяется в силу специфики криминогенных детерминант, мотивации и социальных последствий. Принципиальное отличие женской преступности от мужской состоит в том, что она в меньшей степени связана с профессиональной криминальной средой и организованной преступностью, но при этом в большей мере обусловлена психоэмоциональными факторами, семейно-бытовыми конфликтами и экономической зависимостью [1, с. 117].

Анализ динамики женской преступности целесообразно начать с рассмотрения абсолютных показателей – численности выявленных женщин, совершивших преступления. Как следует из официальных данных МВД России, в первом полугодии 2024 года было выявлено 64,6 тысячи женщин-преступниц, что является самым низким показателем с 2008 года [3]. Для сравнения, в аналогичный период 2008 года этот показатель составлял 110 тысяч. Таким образом, за 16 лет число выявленных женщин-преступниц сократилось практически в два раза (на 41,3%).

Более детальную картину динамики за последние пять лет позволяют восстановить данные Генпрокуратуры РФ о количестве женщин, привлеченных к уголовной ответственности.

Таблица 1

Динамика женской преступности за 2019–2023 годы

Год	Численность женщин, привлеченных к уголовной ответственности, чел.	Абсолютный прирост (к предыдущему году), чел.	Темп прироста (к предыдущему году), %
1	*2*	*3*	*4*
2019	142 505	-	-

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*	*4*
2020	136 318	-6 187	-4,3%
2021	137 724	+1 406	+1,0%
2022	133 507	-4 217	-3,1%
2023	126 326	-7 181	-5,4%

Представленные данные свидетельствуют о последовательном сокращении абсолютного числа женщин, вовлекаемых в сферу уголовной юстиции. За пятилетний период (2019–2023 гг.) этот показатель снизился на 16 179 человек, или на 11,4%. Наибольшее снижение зафиксировано в 2023 году (-5,4% к уровню 2022 года).

Анализ динамики женской преступности демонстрирует разнонаправленные тенденции: при устойчивом снижении абсолютного числа выявленных женщин-преступниц их доля в общей структуре преступности и судимости постепенно возрастает. Данный парадокс требует дальнейшего углубленного изучения, в том числе в разрезе видовой структуры преступлений, совершаемых женщинами.

Характерной особенностью является то, что женщины значительно реже мужчин совершают тяжкие насильственные преступления, бандитизм, разбои. Однако, как отмечают криминологи, в структуре женской преступности наблюдается тенденция к увеличению доли насильственных преступлений, которые порой совершаются с особой жестокостью.

Обращает на себя внимание и появление новых криминальных практик. Так, в 2023 году 47% осужденных по статье «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации» (ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ) составили женщины. Примечательно, что до 2022 года женщин вообще не судили по этой статье. Это свидетельствует о вовлечении женщин в новые, ранее не свойственные им виды преступной активности.

Таким образом, качественный анализ позволяет сделать вывод о том, что женская преступность, при общем снижении абсолютных показателей, приобретает новые черты: она становится более «экономической» и «корыстной», вовлекает женщин с более высоким образовательным уровнем и характеризуется появлением новых, ранее не свойственных ей видов преступлений, связанных с экстремизмом и киберпреступностью.

Проведенное статистическое исследование женской преступности в Российской Федерации за период 2019–2024 гг. позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

1. Динамика женской преступности характеризуется разнонаправленными трендами. Абсолютное число выявленных женщин-преступниц устойчиво снижается: за пять лет (2019–2023 гг.) оно сократилось на 11,4%, а в первом полугодии 2024 года достигло исторического минимума (64,6 тыс. человек) [3]. Однако одновременно наблюдается рост удельного веса женщин в общей структуре преступности (с 16,1% до 17% за тот же период) и среди осужденных (также до 17% в 2023 г.). Это свидетельствует о том, что женская преступность снижается медленнее, чем мужская, и её относительное значение в криминальной картине страны постепенно возрастает [4].

2. Видовая структура женской преступности имеет ярко выраженную корыстную направленность. Доминирующее положение занимают хищения (кражи, мошенничество, присвоение и растрата), при этом мошенничество женщины совершают в два раза чаще мужчин. Значительную долю составляют преступления в сфере экономической деятельности и незаконного оборота наркотиков. В то же время фиксируется появление новых для женщин видов преступной активности, ранее им не свойственных, в частности, вовлечение в экстремистскую деятельность (в 2023 году 47% осужденных по ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ составили женщины) [2, с. 97]. Насильственные преступления (убийства, причинение тяжкого вреда) остаются на второстепенных позициях, но совершаются, как правило, на почве бытовых конфликтов и отличаются импульсивностью.

3. Социально-демографический портрет женщины-преступницы претерпел изменения. Пик криминальной активности смещается в возрастную группу 30–45 лет, что связывается с высокой экономической нагрузкой (ипотека, содержание детей, уход за пожилыми) и социальной неустроенностью. Отмечается рост образовательного уровня осужденных женщин – все чаще преступления совершают лица с высшим и средним специальным образованием. При этом значительную долю составляют безработные и одинокие женщины, что указывает на тесную корреляцию между социальным неблагополучием и криминогенным поведением.

4. Факторный анализ позволил выявить основные детерминанты наблюдаемых тенденций. Снижение абсолютных показателей связано с общим улучшением социально-экономической ситуации, гуманизацией уголовной политики и повышением стандарта доказывания в правоохранительной системе. Рост относительной доли женщин объясняется, с одной стороны, их более высокой устойчивостью к криминогенным рискам в условиях улучшения общей обстановки, а с другой – активным вовлечением в новые сферы преступной деятельности (кибермошенничество, финансовая преступность, экстремизм), где они выступают как удобные и доверенные исполнители.

Практические рекомендации по профилактике женской преступности должны носить комплексный и адресный характер. Ключевыми направлениями являются: усиление социальной поддержки женщин в трудной жизненной ситуации (особенно одиноких матерей и представителей возрастной группы 30–45 лет) через программы трудоустройства и профессиональной переподготовки; повышение финансовой и правовой грамотности для снижения рисков вовлечения в мошеннические схемы; расширение сети психологических служб и кризисных центров для профилактики бытового насилия; а также совершенствование системы ресоциализации женщин, отбывших наказание, с акцентом на их интеграцию в трудовую деятельность и восстановление социальных связей.

В заключение следует отметить, что перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с необходимостью углубленного корреляционного анализа между женской преступностью и экономическими индикаторами (безработица, уровень доходов, инфляция) на региональном уровне, а также с изучением влияния цифровизации на динамику и структуру женской преступности. Кроме того, актуальным представляется сравнительное исследование женской преступности в России и зарубежных странах для выявления универсальных и национально-специфических закономерностей.

Список литературы

1. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций / А.И. Алексеев. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Щит-М, 2005. – 342 с.

2. Отчет Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности в России за 2023 год. – М., 2024. – 145 с.

3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 28.06.2026).

4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 04.07.2026).

Руденок Василий Петрович
канд. полит. наук, профессор
Магамедрасулова Эмилия Закировна
руководитель
Москаленко Максим Александрович
студент

НОУ ВО «Московский технологический институт»
г. Москва

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МЕТОДЫ, РИСКИ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: *в условиях форсированной цифровизации финансового сектора наблюдается экспоненциальный рост киберпреступности. В статье исследуется проблематика имущественных преступлений, совершаемых дистанционным способом. С применением методов системного анализа и поведенческой психологии рассматривается эволюция мошеннических схем – от классического фишинга до использования нейросетей. Выявлена корреляция между уровнем цифровой грамотности населения и степенью виктимизации. Результатом исследования стала классификация актуальных психологических триггеров, используемых злоумышленниками, а также обоснование необходимости внедрения концепции «нулевого доверия» как базового элемента защиты граждан в информационном пространстве.*

Ключевые слова: *ИТТ-мошенничество, киберпреступность, социальная инженерия, фишинг, вишинг, дипфейки, цифровая гигиена, финансовая грамотность, антифрод-системы, виктимология.*

В последние годы глобальное общество столкнулось с кардинальной трансформацией структуры имущественной преступности. Классические виды хищений стремительно уступают место правонарушениям, совершаемым в виртуальной среде. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) превратилось в одну из главных угроз экономической безопасности граждан. Развитие онлайн-банкинга, внедрение электронных государственных услуг и цифровизация торговли создали беспрецедентные удобства для пользователей, но одновременно сформировали обширную базу для криминальных структур.

Фундаментальной проблемой противодействия ИТТ-мошенничеству является смещение фокуса атаки. Современные информационные системы банков обладают высокой степенью криптографической защиты, взломать которые техническим путём крайне сложно. Поэтому преступники выбирают путь наименьшего сопротивления: главным объектом взлома становится сам человек. Этот подход базируется на методах социальной инженерии – комплексе психологических манипуляций, направленных на то, чтобы жертва добровольно передала злоумышленникам конфиденциальные данные (пароли, коды) или самостоятельно осуществила перевод средств.

Системный анализ показывает, что современное ИТТ-преступление состоит из двух компонентов: высокотехнологичной базы (IP-телефония, вредоносное ПО) и глубокого психологического воздействия. Наиболее массовым методом сегодня является вишинг (vishing) – телефонное мошенничество. Используя технологию подмены номера (Caller ID spoofing), злоумышленники добиваются того, что на экране смартфона жертвы высвечивается официальный номер реального банка или правоохранительного ведомства, что создаёт первичный уровень доверия.

Анализ типовых мошеннических скриптов (сценариев разговора операторов криминальных колл-центров) показывает, что психологическое давление базируется на нескольких базовых триггерах. Во-первых, это страх и паника: жертве сообщают о несанкционированном доступе к её счетам или попытке оформления кредита, блокируя рациональное мышление. Во-вторых, создаётся искусственный дефицит времени – человеку не дают возможности остановиться и перезвонить в банк. В-третьих, используется апелляция к авторитету: мошенники представляются «следователями ФСБ» или «специалистами Центробанка», используя

строгий тон и специфическую терминологию. Наконец, жертву запугивают уголовной ответственностью за разглашение «тайны следствия», изолируя её от помощи реальных сотрудников банка и родственников.

Помимо вишинга, колоссальную угрозу представляет фишинг (phishing) и взлом аккаунтов в мессенджерах (Telegram, WhatsApp). Преступники рассылают по списку контактов взломанного пользователя сообщения с просьбой срочно одолжить денег или проголосовать в конкурсе по прикреплённой ссылке, ведущей на сайт для кражи учётных данных. Доверие к «знакомому» контакту усыпляет бдительность.

Новым, стремительно развивающимся вектором ИТТ-мошенничества стало применение технологий искусственного интеллекта. Используя нейросети, злоумышленники генерируют дипфейки (deepfakes) – аудио- и видеоподделки. Получив образец голоса жертвы из социальных сетей, алгоритм синтезирует речь с идеальной имитацией интонации. Схема «Fake Boss», при которой сотруднику звонит или пишет голосовые сообщения мнимый «генеральный директор» с требованием срочно перевести средства, уже наносит значительный ущерб бизнесу.

Виктимологические исследования опровергают миф о том, что жертвами мошенников становятся исключительно пожилые люди. Сегодня от социальной инженерии страдают люди с высшим образованием, государственные служащие и IT-специалисты. Это доказывает, что уровень академического интеллекта не защищает от профессиональных манипуляций. Единственным фактором, определяющим уязвимость, является отсутствие специфических навыков цифровой гигиены.

Для эффективного противодействия этой криминальной эпидемии необходим многоуровневый подход. На технологическом уровне требуется внедрение операторами связи и банками продвинутых антифрод-систем (Anti-Fraud), использующих машинное обучение для блокировки подменных номеров и приостановки аномальных транзакций. Однако любые технические решения бессильны, если жертва сама снимает наличные в банкомате и переводит их мошенникам.

Ключевым рубежом обороны является когнитивный уровень. В обществе необходимо сформировать парадигму «нулевого доверия» (Zero Trust) к любым неинициированным контактам в цифровой среде и по телефону. Базовые правила цифровой гигиены должны стать нормой поведения:

− категорический отказ от сообщения кому-либо паролей, CVC-кодов и кодов из SMS, пуш-уведомлений;

− мгновенное прерывание телефонного звонка при первых словах о «подозрительной активности на счёте» и самостоятельный перезвон в банк по официальному номеру;

− обязательное использование двухфакторной аутентификации (2FA) для защиты социальных сетей, мессенджеров и портала государственных услуг;

− критическая проверка любой информации о просьбах финансовой помощи от друзей или родственников путём установления альтернативного канала связи (личный созвон).

Подводя итоги, следует констатировать, что ИТТ-мошенничество представляет собой высокотехнологичную, адаптивную индустрию. Цифровые технологии сами по себе нейтральны, а главным звеном, определяющим надёжность системы информационной безопасности, всегда остаётся человек. Преодоление угрозы кибермошенничества невозможно исключительно техническими или уголовно-правовыми методами; оно требует непрерывного просвещения граждан, развития критического мышления и внедрения культуры безопасного поведения в современном цифровом пространстве.

Список литературы

1. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В.С. Овчинский, Э.Г. Жмудь; ред. В.С. Овчинский. – М.: Норма: Инфра-М, 2018. – 352 с.

2. Противодействие мошенничеству в финансовой сфере. – URL: https://www.cbr.ru/information_security/pmp/ (дата обращения: 26.07.2026).

3. Виды мошенничества в интернете и как не стать жертвой. – URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/top-scams-how-to-avoid-becoming-a-victim (дата обращения: 26.07.2026).

Соловьев Олег Геннадиевич
канд. юрид. наук, доцент
Баумова Марина Георгиевна
канд. юрид. наук, доцент
Смирнов Роман Юрьевич
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК В СТ. 256, 258 УК РФ: ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИКИ ТОЛКОВАНИЯ

Аннотация: *в статье предлагается нормативный анализ квалифицирующего обстоятельства, характеризующего использование служебного положения в нормах о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов и о незаконной охоте. Рассматриваются особенности интерпретации данного признака, позиции пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения норм об экологических и служебных преступлениях.*

Ключевые слова: *уголовное право, преступление, незаконная добыча водных биологических ресурсов, незаконная охота, юридическая техника, интерпретационная техника, дифференциация ответственности, квалифицирующий признак, служебное положение.*

Статья публикуется в рамках проекта: ЯрГУ (проект VIP-022).

Охрана и защита благоприятной для человека окружающей среды, особое внимание со стороны государства к рациональному использованию природных ресурсов на данный момент является одной из важных задач государства. Ввиду этого в настоящее время реализуется немалое количество национальных проектов федерального уровня экологической направленности. Основным фактором влияния на природную среду являются организации, заводы по производству древесины, синтетических материалов и иной продукции. В местах нахождения рек, водохранилищ, где на берегу располагаются организации по добыче водных биологических ресурсов, существует больший риск злоупотребления полномочиями, ведь именно сотрудники и руководители данных предприятий больше других осведомлены о возможности безнаказанно обогатиться за счет нелегальной добычи природных ресурсов. Ввиду этого особое внимание законодатель уделяет ответственности лиц, использующих свое служебное положение не во благо защиты вверенной им сферы отношений, а во имя собственной выгоды, корыстного интереса [1, с. 16].

К использованию своего служебного положения в данном случае относят: 1) должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными пунктом 1 примечаний к статье 285 УК РФ; 2) государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами; 3) лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным пунктом 1 примечаний к статье 201 УК РФ [2, с. 45]. Такая позиция отражена в п. 3 ППВС РФ от 18.10.2012 №21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – ППВС №21). Отличительными признаками первого и второго специальных субъектов является наличие у них организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Ввиду того, что делается отсылка к ст. 201, 285, мы имеем возможность обратиться к более подробному разъяснению этих признаков в Постановлении Пленума ВС РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – ППВС №19) [3, с. 153].

Перечень примеров, приводимых в официальных и доктринальных источниках, далеко не исчерпывающий, что подчёркивает широкую интерпретацию указанного квалифицирующего

обстоятельства. В контексте нашей темы к данным функциям можно отнести обязанность полномочного субъекта доложить о факте незаконной охоты или добычи водных биологических ресурсов, обязанность надлежащего контроля нормального использования биологических объектов, соблюдение режима охраняемых территорий [2, с. 46; 4, с. 35].

Также лесничий, которому вверена определенная территория лесного фонда, при обходе должен сообщить об обнаруженных нарушениях; данные его функции имеют юридическое значение и юридические последствия, так как в таком случае нарушающее закон лицо будет задержано и привлечено к ответственности.

Однако на практике возникает вопрос: справедливо ли привлекать так называемого обычного служащего по ч. 3 ст. 256 УК РФ? Исследовав статистику, можно сказать, что чаще всего по данной статье привлекались сотрудники Росрыболовства. Обычно это рядовые инспекторы, организующие надзор за соблюдением законодательства на вверенной им территории. Так как они обладают властными полномочиями составлять протокол об административных правонарушениях, имеют обязанность сообщать о преступлении на поднадзорной территории, справедливо привлекать их к ответственности по ч. 3 ст. 256 УК РФ [2, с. 49; 3, с. 154].

Анализируя ППВС №19, можно сказать, что в данном случае толкование лица, использующего свое служебное положение, идет в расширительном значении. Это обусловлено самой спецификой охраны окружающей среды; реальный её механизм – это осуществление надзора на местах. Также местность, на которой осуществляется надзор или работа по заготовке древесины, либо по производству охоты, не является людной, а наоборот является отдаленной и труднодоступной. Использование специальной служебной техники, автомобилей, плавательных средств зачастую необходимо только для того, чтобы добраться до места назначения. Сделать заключение о том, исполняет ли лицо обязанности представителя власти, реализует ли вышеуказанные функции, позволяет изучение действующих законов, регулирующих деятельность органа, инструкций и прочих нормативных актов, устанавливающих права и обязательства тех или иных госслужащих. Верно установить наличие у лица полномочий, связанных с властью, можно лишь при исследовании должностных инструкций и регламентов, которые устанавливают его обязанности по работе [3, с. 155; 4, с. 37].

На практике для вменения лицу вины за исследуемые преступления необходимо отдельно доказать, что лицо использовало свое влияние или полномочия именно в связи с занимаемой им должностью. Доказыванию также подлежит умысел виновного.

Отдельную сложность представляют ситуации, при которых должностное лицо утверждает, что не знало о том, что распоряжение, которое оно издало, носило незаконный характер. В таком случае при сборе доказательств необходимо сопоставлять все обстоятельства дела: распорядилось ли лицо полученной от распоряжения выгодой, собиралось ли распорядиться; могут также быть опрошены работники, которые могут сообщить, говорил ли руководитель о том, что его распоряжение является законным, что он это проверял, и другое. Зачастую о ясности использования служебного положения свидетельствуют обстоятельства, при которых лицо незаконно проникало на ту или иную территорию для добычи природных ресурсов.

Так, Ю.А. Тимошенко обращает внимание на то, что использование служебного положения подразумевает использование должностным лицом полномочий, полученных им при реализации своей трудовой функции, для того чтобы облегчить совершение преступления [2, с. 51]. Судебная же практика чаще трактует использование служебного положения как осуществление лицом властных функций либо иных профессиональных возможностей, таких как предоставление прерогатив благодаря наличию форменной одежды, доверия со стороны работников к выполнению указаний, удостоверений, отличительных служебных знаков и т. п. В доктрине также отмечается, что использование своего служебного положения может включать и поведение с использованием неофициального влияния и возможностей в связи со службой, а не только само противоправное поведение в отношении интересов службы [1, с. 17]. Например, капитан судна в нарушение полученного разрешения на добычу

водных биологических ресурсов в специально отведенном месте приказывает добыть осетра в количестве 500 кг. Он уверяет в правомерности своего указания подчиненных ему на борту судна работников и в том, что они находятся в разрешенном для добычи рыбы месте. Подчиненные, доверяя авторитету капитана и не желая нарушать субординацию, выполнили его указания. В результате была произведена добыча в запрещенное время в местах нереста осетра, ввиду чего осетровая популяция сократилась, что причинило крупный ущерб окружающей среде. Действия капитана следует квалифицировать по ч. 3 ст. 256 УК РФ [2, с. 156].

В литературе освещается вариант квалификации деяний, охватываемых ч. 3 ст. 256 или ч. 2 ст. 258 УК РФ, в случае если лицо, используя свое служебное положение, издает распоряжение или поручает подчиненным ему работникам осуществить незаконную добычу биоресурсов, однако сам участия в их добыче, охоте не принимает [3, с. 159; 4, с. 36].

Виновный должен осознавать, что данное распоряжение или указание носит общественно опасный и противоправный характер и что оно может привести к причинению вреда окружающей среде, желает этого, при этом может относиться безразлично к тому, как понимают работники характер данного им распоряжения на совершение действий. В свою очередь, субъекты понесут уголовную ответственность за совершение соответствующего экологического преступления в том случае, если они осознавали, что данное распоряжение незаконно, но никаких мер для избежания соответствующих последствий не приняли.

Список литературы

1. Соловьев О.Г. Правоприменительная техника в уголовном праве: понятие, виды, значение / О.Г. Соловьев, Ж.С. Грачинян, С.А. Силантьев // Бюллетень экономики, политики и права. – 2020. – №1. – С. 15–22. EDN OLDXNB

2. Тимошенко Ю.А. Ответственность за экологические преступления (научно-практический комментарий к постановлениям Пленума ВС РФ). Теория и практика: научно-практическое пособие / Ю.А. Тимошенко. – М.: Проспект, 2017. – 229 с.

3. Элекина С.В. О некоторых вопросах квалификации экологических преступлений, совершенных с использованием служебного положения / С.В. Элекина // Реализация и защита экологических прав граждан: сборник материалов Всероссийской конференции по вопросам реализации и защиты экологических прав граждан (Самара, 19 октября 2017 г.) / под ред. А.Г. Безверхова, А.В. Юдина. – Самара: Вектор, 2018. – С. 152–164. EDN MJTEDR

4. Коростелев В.С. О правовой природе экологических служебных преступлений по российскому уголовному праву / В.С. Коростелев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2013. – №2(14). – С. 34–39.

Шматченко Мария Александровна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ В ЦЕЛЯХ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация: *статья посвящена исследованию актуальных проблем противодействия использованию компьютерных технологий в незаконном обороте наркотических средств, преимущественно в целях их сбыта. Анализируются современные тенденции развития цифрового наркобизнеса, включая использование даркнет-маркетплейсов, зашифрованных мессенджеров и криптовалютных систем для обеспечения анонимности. Рассматриваются трудности расследования: проблемы установления территориальной подсудности, сбора и закрепления цифровых доказательств, трансграничного характера наркотранзакций. Отдельное внимание уделяется правовым аспектам квалификации сбыта с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (момент окончания преступления, разграничение форм соучастия). Предлагаются направления совершенствования межведомственного взаимодействия, повышения квалификации сотрудников в сфере цифровой криминалистики и внедрения программно-аппаратных комплексов для мониторинга теневого сегмента сети. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к противодействию цифровому наркотрафику, сочетающего правовые, организационные и технологические меры.*

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, компьютерные технологии, сеть Интернет, даркнет, криптовалюты, противодействие, расследование, подсудность.*

Настоящий материал подготовлен исключительно в информационных, научных и профилактических целях. Упоминание наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов не является пропагандой, оправданием либо популяризацией их незаконного употребления, хранения, изготовления или распространения. Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий в последние десятилетия привело к кардинальной трансформации многих сфер общественной жизни, включая и криминальную деятельность [3, с. 9]. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, традиционно являющийся одной из наиболее опасных форм преступности, активно адаптируется к современным цифровым реалиям, переносясь в виртуальное пространство [8]. Использование компьютерных средств и сети Интернет открыло перед организаторами наркобизнеса принципиально новые возможности: анонимность, трансграничность, масштабируемость и минимизацию рисков непосредственного контакта с потребителями.

Незаконный сбыт наркотиков с использованием сети Интернет в настоящее время выражается преимущественно в «бесконтактном способе», а именно распространением закладок [9, с. 106]. Указанный способ обеспечивает анонимность связи между сбытчиком, закладчиком и приобретателем. Общение участников преступной цепочки происходит исключительно в виртуальном пространстве, в различных анонимных мессенджерах, где стороны известны друг другу лишь по никнеймам. Такие преступления носят выраженный трансграничный характер.

Местонахождение продавца и покупателя может находиться в разных регионах страны и даже в разных государствах. Это создает серьезные трудности для правоохранительных органов, ограниченных в своих полномочиях национальными юрисдикциями.

Продажа наркотиков осуществляется через сайты автоматических продаж, которые в обывательской среде именуют интернет-магазинами, а также через мессенджеры. Особое место в системе цифрового наркотрафика занимает даркнет – сегмент сети Интернет, недоступный для обычных поисковых систем и требующий специального программного обеспечения для доступа. Именно в даркнете функционируют крупнейшие анонимные торговые площадки по сбыту наркотических средств или, другими словами, товара. Показательным примером является даркнет-платформа, в отношении одного из создателей которой в Кировский районный суд г. Перми поступило уголовное дело. По версии следствия, деятельность платформы была связана с совершением 540 тяжких и особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

В теневом сегменте Интернета действуют многоуровневые системы распространения запрещенных веществ: от оптовых закладок до розничной продажи через тайники-закладки. Организаторы создают сложные иерархические структуры, где участники зачастую не знакомы друг с другом, что существенно осложняет установление всех звеньев преступной цепи.

Важнейшим элементом современного наркобизнеса является использование криптовалют для осуществления расчетов. Преступные сети активно используют современные технологии: интернет-площадки, электронные кошельки, криптовалюты и банковские карты, оформленные на «дропов». В связи с активным развитием цифровых технологий, доступностью и простотой использования криптовалют участились случаи использования крипторынков для осуществления наркоторговли. Росфинмониторинг неоднократно акцентировал внимание на рисках использования преступниками криптовалют в расчетах за наркотики. Транзакции с использованием криптовалют характеризуются высокой степенью анонимности, что существенно затрудняет их отслеживание и идентификацию участников.

Для сокрытия противоправной деятельности преступники применяют широкий спектр технологических решений: зашифрованные мессенджеры, анонимные браузеры, стеганографию. Активно используются средства, позволяющие изменять IP-адрес технического устройства, что делает практически невозможной идентификацию местонахождения продавца. Роскомнадзор производит ежедневную блокировку сайтов, распространяющих предметы, изъятые из гражданского оборота, но с такой же скоростью создается большое количество программ, позволяющих беспрепятственно обходить блокировки данных сайтов. Отсутствие у правоохранительных органов возможности контролировать сервисы анонимного общения не позволяет оперативно регистрировать факты совершения сбыта, финансовых транзакций и сообщений координат расположения тайников-закладок.

Проблемы противодействия.

Однако существует целый ряд проблем противодействия использованию компьютерных технологий в наркотрафике. Ключевой проблемой противодействия цифровому наркотрафику является обеспечение анонимности субъектов преступной деятельности. Это делает практически невозможным установление личности организаторов, закладчиков и потребителей без проведения сложных оперативно-технических мероприятий.

Сложность состоит в том, что производители так называемых «дизайнерских» наркотиков предлагают огромное их количество на различных закрытых форумах. Государство не успевает отслеживать и регистрировать новые вещества, поэтому до тех пор, пока они не попали в перечень запрещенных веществ, они фактически свободно распространяются, не нарушая формальных требований законодательства [4, с. 118].

В правоприменительной деятельности трудности вызывают не только квалификация деяния и установление всех элементов состава преступления, но и процесс выявления и раскрытия преступных деяний наркотической направленности [11, п. 14]. Особую сложность представляет определение формы соучастия при сбыте наркотических средств через Интернет. При определении формы соучастия и квалификации содеянного необходимо учитывать степень вовлеченности лица в организованную преступную деятельность, выражающуюся в наличии системной структуры, масштабах и объеме реализуемых наркотиков [6, с. 95]. Однако даже в случае установления и задержания отдельных участников организованной преступной группы, как правило, организатор остается неустановленным. Формальное установление признаков организованной группы без достаточных доказательств не позволяет осуществить квалификацию деяния по соответствующему квалифицирующему признаку.

Практически единственной зацепкой при расследовании данных преступлений являются технические составляющие деятельности преступников – компьютеры, телефоны, платежные карты, по которым можно провести экспертизу и подтвердить факт поступления денег с подозрительных счетов, обнаружить тайные переписки, фотографии мест закладок. Однако сбор и процессуальное закрепление электронных доказательств требует специальных знаний и технического оснащения, которыми правоохранительные органы располагают далеко не в полном объеме.

Кроме того, еще одна проблема заключается в техническом отставании правоохранительных органов. Преступники активно используют новейшие технологические разработки, в то время как правоохранительные органы зачастую вынуждены применять устаревшие методы и средства.

Направления совершенствования противодействия.

Для изучения и решения проблем противодействия цифровому наркотрафику ежегодно выделяется дополнительное финансирование, создаются специализированные подразделения для раскрытия и расследования, привлечено повышенное внимание со стороны ученых и правоприменителей. Однако, несмотря на весь объем проводимых мероприятий, проблемы остаются. Необходимо дальнейшее развитие специализированных структурных подразделений, оснащенных современным техническим оборудованием и укомплектованных квалифицированными кадрами, обладающими знаниями в области информационных технологий.

Также, значительное внимание должно уделяться профилактическому воздействию как элементу противодействия правонарушениям в области незаконного оборота наркотиков, организуемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [3, с. 9]. Основные направления профилактического воздействия включают снижение спроса на наркотические средства, распространяемые при помощи сети Интернет, и создание организационных сложностей и издержек для наркобизнеса. Важным аспектом является повышение качества взаимодействия органов внутренних дел с общественными структурами правоохранительной направленности.

Учитывая трансграничный характер преступлений, особое значение приобретает укрепление механизмов международного сотрудничества. Предлагается расширять и совершенствовать антинаркотическое сотрудничество подразделений финансовой разведки в рамках СНГ и БРИКС.

Международное сотрудничество должно включать обмен оперативной информацией, проведение совместных следственных действий, унификацию законодательства в сфере противодействия цифровому наркотрафику и координацию усилий по блокировке анонимных платежных систем и криптовалютных площадок, используемых преступниками.

Список литературы

1. Землин А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 151–154.

2. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. – EDN DLIPYY

3. Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России / А.И. Землин // Военное право. – 2022. – №5(75). – С. 8–14. – EDN ZNMXLD

4. Гераскина Д.С. Распространение наркотиков с использованием сети Интернет: вопросы, касающиеся действий соучастников / Д.С. Гераскина // Молодой ученый. – 2025. – №43(594). – С. 94–97. – EDN HAPIDX

5. Красинский В.В. Противодействие финансированию наркобизнеса и отмыванию преступных доходов с использованием криптовалют / В.В. Красинский // Современное право. – 2025. – С. 105–111. – URL: https://lyl.su/j4rS (дата обращения: 15.07.2026).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» №14 от 15.06.2006.

7. Хохлова А.Ю. Современное состояние незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемого с использованием компьютерных технологий, в Российской Федерации. Проблемы противодействия / А.Ю. Хохлова // Молодой ученый. – 2025. – №35(586). – С. 105–109. – URL: https://moluch.ru/archive/586/128244 (дата обращения: 15.07.2026). – EDN IPSPZI

8. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с.

9. Землин А.И. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 03.08.2026).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Васильева Наталья Васильевна
канд. юрид. наук, доцент
Восканян Эрик Овикович
студент

Северо-Западный филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-168408

ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРИНЯТИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается цифровая трансформация государственного управления и администрирования в Российской Федерации, которая становится ключевым компонентом модернизации. Отмечаются специфические подходы к внедрению технологий искусственного интеллекта, а также возникающие в связи с этим специфические вызовы.*

Ключевые слова: *государственное управление, искусственный интеллект, администрирование, цифровая трансформация.*

Современное развитие цифровых технологий и активное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) стали ключевыми факторами, определяющими трансформацию всех отраслей права и публичного управления. Эффективная интеграция ИИ требует комплексного подхода, включающего не только формирование нормативно-правовой базы, но и разработку механизмов защиты персональных данных, а также обеспечение высокого уровня подготовки кадров в сфере цифровых компетенций.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в систему государственного управления является одной из магистральных тенденций развития публичной власти на современном этапе. Потенциальные области применения ИИ охватывают автоматизацию и оптимизацию принятия управленческих решений, совершенствование административных процедур и прогнозирование социальных процессов. Так, в 2024 году Высшая школа государственного администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ представила исследование «Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти», которое зафиксировало текущий уровень цифровизации и определило перспективные направления развития [1].

Вместе с тем цифровая трансформация государственного управления ставит перед правовой системой новые вызовы. Применение систем ИИ при принятии административных решений требует пересмотра классических правовых доктрин, в частности таких принципов, как законность и прозрачность административных процедур. Это порождает фундаментальную проблему опережающего развития технологий при сохранении значительного отставания правового регулирования, что создает риски для соблюдения прав граждан.

В публичном дискурсе обозначились различные позиции относительно допустимых пределов использования ИИ в управлении. Мэр Москвы С.С. Собянин акцентировал внимание на необходимости сохранения участия человека в принятии решений по социально значимым вопросам, подчеркивая важность баланса между деятельностью человека и применением технологий искусственного интеллекта [2]. В свою очередь, глава Сбербанка Г.О. Греф отметил значимость использования ИИ для оперативного принятия решений на федеральном уровне, полагая, что такие системы способны минимизировать влияние человеческого фактора, включая коррупционные риски и субъективную предвзятость [3, с. 8].

На нормативном уровне в Российской Федерации Указом Президента РФ от 10.10.2019 №490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [4]. Однако российское законодательство до настоящего времени не содержит специальных норм, регламентирующих использование ИИ в сфере публичной власти и административных процедур. Данный пробел обусловлен объективным отставанием законотворческого процесса от темпов технологического развития. Кроме того, расширение сфер применения ИИ актуализирует вопросы безопасности, защиты систем от внешнего вмешательства и охраны персональных данных, что приобретает особое значение в контексте государственного администрирования, носящего обязательный юридический характер.

На международном уровне отдельные государства уже предпринимают меры по усилению контроля за использованием ИИ. В Китае, где технологии ИИ активно внедряются во все сферы общественной жизни, введены механизмы мониторинга работы систем искусственного интеллекта, а при выявлении нарушений предусмотрено включение таких систем в «черный список» [5]. Тем не менее проблема безопасности и защиты персональных данных сохраняет свою остроту даже в условиях жесткого регулирования.

В российской правовой науке отмечается, что главной проблемой легитимности административных решений, принятых с использованием ИИ, является необъяснимость (непрозрачность) алгоритмов их выработки [6, с. 29]. Современные системы ИИ способны генерировать ложную информацию, которая может быть представлена в правдоподобной форме. Как справедливо отмечается в зарубежных исследованиях (Yale Journal on Regulation), если искусственный интеллект используется при выработке политических решений, суды должны осуществлять повышенный контроль над такой деятельностью.

Основным аргументом в пользу внедрения ИИ является экономия ресурсов и времени. Однако практика показывает, что системы искусственного интеллекта наиболее эффективны при решении формализованных задач – сборе информации, расчете налоговых обязательств, где условия однозначны и не требуют глубокого этического анализа. Напротив, решения, предполагающие учет морально-этических аспектов, человеческого опыта и эмпатии (например, при предоставлении статуса беженца беременной женщине-иммигрантке), не могут быть возложены на ИИ. В таких случаях участие человека является критически важным, поскольку позволяет оценить эмоциональное состояние заявителя, достоверность его истории и принять решение, основанное не только на формальных критериях, но и на принципах гуманности и доверия.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что на современном этапе системы искусственного интеллекта не могут выступать самостоятельным субъектом принятия административных решений. ИИ следует рассматривать в качестве важного и незаменимого инструмента поддержки государственного управления, анализа данных и стратегического планирования. Высокий потенциал таких технологий может быть реализован при условии разработки комплексного правового регулирования, которое бы не только устанавливало порядок и требования к использованию ИИ, но и вводило четкую юридическую ответственность (в том числе административную) за нарушение установленных норм, а также предусматривало жесткий контроль за деятельностью технологических систем.

Технологии искусственного интеллекта не должны подменять право в современных и будущих реалиях. Принципы правового государства – справедливость, верховенство права, законность – должны оставаться незыблемыми, а их обеспечение в условиях активного использования ИИ требует особого внимания. В перспективе ИИ может стать мощным инструментом поддержки и повышения эффективности человеческой деятельности при принятии административных решений, однако человек обязан сохранять ведущую позицию и нести полную ответственность за решения, затрагивающие качество жизни и благополучие граждан.

Список литературы

1. Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: аналитический доклад. – М., 2024.

2. Демченко Д. Карта применения технологий искусственного интеллекта: медицина, образование, транспорт и другие сферы / Д. Демченко. – URL: https://vc.ru/future/18790-ai-map (дата обращения: 25.05.2026).

3. Косоруков А.А. Технологии искусственного интеллекта в современном государственном управлении / А.А. Косоруков // Социодинамика. – 2019. – №5. – С. 3–58. DOI 10.25136/2409-7144.2019.5.29714. EDN PLDBPY

4. Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» №490 от 10.10.2019 (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 26.05.2026).

5. China's Algorithm Filing Regime: Transparency, Compliance, and Oversight // Lexology. – 2025. – URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3c7273cf-8f85–4702-af70–6edf394ff1c3 (date of access: 01.07.2026).

6. Кабытов П.П. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений / П.П. Кабытов, Н.В. Назаров // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18. №3. – С. 28–55.

Верчук Диана Николаевна
студентка

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУР НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ С УЧЕТОМ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

Аннотация: *в статье исследуется проблема баланса между эффективностью налогового контроля и защитой прав налогоплательщиков в современной российской экономике. Анализируются действующие процедуры налогового контроля (камеральные и выездные проверки), закреплённые в НК РФ, механизмы защиты прав налогоплательщиков (ст. 21 НК РФ) и обязанности налоговых органов (ст. 32 НК РФ). На основе анализа судебной практики арбитражных судов РФ (2022–2025 гг.) и статистических данных ФНС выявлены ключевые проблемы: избыточная административная нагрузка на бизнес (особенно на МСП), неопределённость правовых норм, сложности доказывания добросовестности налогоплательщиков, недостаточная прозрачность процедур обжалования, технические сложности электронного взаимодействия. Отмечены как позитивные эффекты цифровизации (сокращение сроков проверок), так и риски (утечка данных, технические сбои). Предложен комплекс мер: совершенствование нормативной базы, развитие досудебных механизмов, безопасная цифровизация, профилактические меры, повышение прозрачности деятельности налоговых органов. Реализация предложенных мер позволит повысить доверие к системе контроля, снизить число споров и улучшить собираемость налогов.*

Ключевые слова: *налоговый контроль, права налогоплательщиков, оптимизация процедур, баланс интересов, налоговое администрирование, цифровизация, защита прав, эффективность контроля.*

В современных экономических условиях особую актуальность приобретает вопрос достижения баланса между эффективностью налогового контроля и защитой прав налогоплательщиков. С одной стороны, государство заинтересовано в максимальной собираемости налогов и эффективном контроле за соблюдением законодательства. С другой стороны, налогоплательщики имеют право на справедливое и прозрачное налоговое администрирование. Цель данной

статьи – выявить пути оптимизации процедур налогового контроля при сохранении защиты прав налогоплательщиков и предложить конкретные меры совершенствования системы.

Налоговый контроль в Российской Федерации регулируется разделом V Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) и включает различные формы: камеральные (ст. 88 НК РФ) и выездные (ст. 89 НК РФ) проверки, получение объяснений, проверку данных учёта и отчётности (ст. 82 НК РФ). Права налогоплательщиков закреплены в ст. 21 НК РФ, обязанности налоговых органов по их защите – в ст. 32 НК РФ [1]. Однако на практике возникает ряд проблем, препятствующих достижению баланса интересов.

Ключевые проблемы взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов.

Ключевыми проблемами взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов являются избыточная административная нагрузка на бизнес, особенно на субъекты малого и среднего предпринимательства. Длительные сроки проверок, многочисленные требования документов создают существенные трудности. Кроме того, отмечается неопределённость отдельных правовых норм, позволяющая неоднозначную трактовку, например, критериев отбора налогоплательщиков для выездных проверок. Также возникают сложности в доказывании добросовестности налогоплательщиков, когда бремя доказывания фактически перекладывается на них. К числу проблем относится недостаточная прозрачность процедур обжалования решений налоговых органов и технические сложности при взаимодействии в электронном формате: сбои в работе сервисов, проблемы с электронной подписью, недостаточная техническая поддержка.

Особого внимания заслуживает влияние цифровизации на процедуры налогового контроля. С одной стороны, внедрение цифровых технологий (система АСК-НДС, личные кабинеты налогоплательщиков, электронный документооборот) даёт существенные преимущества: сокращает сроки проверок, уменьшает субъективизм при принятии решений, повышает прозрачность процедур и упрощает взаимодействие. С другой стороны, возникают новые риски: рост нагрузки из-за необходимости ведения электронного документооборота, угрозы утечки персональных данных, технические сбои, сложность понимания алгоритмов автоматизированных систем [9].

Авторская позиция заключается в том, что оптимизация процедур налогового контроля должна идти по пути снижения административной нагрузки на бизнес при одновременном повышении прозрачности и предсказуемости действий налоговых органов. Ключевой принцип – смещение акцента с карательных мер на профилактические и разъяснительные. Необходимо создать систему, в которой налогоплательщик не чувствует себя объектом преследования, а выступает равноправным участником отношений с государством.

Предлагаемые меры усовершенствования налогового контроля.

На основе анализа проблем и тенденций развития налогового контроля предлагается комплекс мер по его оптимизации. Прежде всего, необходимо совершенствование нормативной базы: чёткое закрепление сроков и процедур на всех этапах налогового контроля, конкретизация критериев отбора налогоплательщиков для проверок с публикацией соответствующей методики, законодательное закрепление презумпции добросовестности налогоплательщика, установление чётких правил взаимодействия при запросе документов, включая ограничение количества запросов и стандартизацию форм [4].

Важным направлением является развитие досудебных механизмов разрешения споров: упрощение процедуры обжалования решений налоговых органов, создание специализированных комиссий по досудебному урегулированию споров с участием независимых экспертов, обязательное рассмотрение возражений налогоплательщика перед вынесением итогового решения и введение обязательного мотивированного ответа на каждое возражение [3].

Цифровизация должна сопровождаться мерами по защите прав налогоплательщиков: обеспечением надёжной защиты персональных и коммерческих данных при электронном взаимодействии, разработкой понятных инструкций и обучающих материалов по работе с электронными сервисами, созданием единой системы технической поддержки для

налогоплательщиков с круглосуточным доступом, внедрением «цифрового помощника» – чат-бота с базой типовых вопросов и ответов [5].

Профилактические меры вместо карательных также способны улучшить ситуацию: расширение разъяснительной работы через регулярные вебинары, семинары, публикации методических рекомендаций; публикация типовых ошибок и способов их исправления до начала проверок; внедрение риск-ориентированного подхода с акцентом на предупреждение нарушений (предупреждения вместо штрафов за первые нарушения); предоставление «налоговых каникул» для новых предприятий.

Повышение прозрачности деятельности налоговых органов может быть достигнуто через публичную отчётность о результатах проверок (без раскрытия персональных данных), обобщение и публикацию практики рассмотрения жалоб с указанием типичных нарушений со стороны налоговых органов, открытые данные о критериях отбора налогоплательщиков для проверок, ежегодные отчёты о снижении административной нагрузки на бизнес.

Особое внимание следует уделить поддержке малого и среднего бизнеса: внедрению упрощённых процедур отчётности для субъектов МСП, снижению частоты проверок для добросовестных налогоплательщиков, предоставлению налоговых льгот за внедрение электронного документооборота и современных учётных систем.

Ожидаемые результаты реализации предложенных мер.

Реализация предложенных мер позволит достичь следующих результатов: повысить доверие налогоплательщиков к системе налогового контроля и снизить уровень конфликтности; сократить количество споров и судебных разбирательств между налогоплательщиками и налоговыми органами; улучшить собираемость налогов за счёт добровольного соблюдения законодательства и снижения теневого сектора; создать более благоприятный деловой климат, способствующий развитию предпринимательства; снизить административные издержки как для бизнеса, так и для налоговых органов; обеспечить справедливое и прозрачное налоговое администрирование, учитывающее интересы всех сторон.

Выводы исследования таковы: достижение баланса интересов в сфере налогового контроля возможно только при комплексном подходе, сочетающем усиление эффективности контроля с реальной защитой прав налогоплательщиков; цифровизация налогового администрирования должна сопровождаться мерами по защите данных и технической поддержке налогоплательщиков; смещение акцента с карательных мер на профилактические позволит снизить нагрузку на бизнес и повысить добровольное соблюдение налогового законодательства; прозрачность и предсказуемость действий налоговых органов – ключевые факторы доверия и сотрудничества; особое внимание следует уделить поддержке малого и среднего бизнеса как наиболее уязвимой категории налогоплательщиков.

Предложенные меры не требуют кардинального изменения законодательства, но способны существенно улучшить качество налогового администрирования и создать более справедливую и эффективную систему налогового контроля в России. Их поэтапная реализация может стать важным шагом на пути к формированию партнёрских отношений между государством и бизнесом в сфере налогообложения.

Список литературы

1. Федеральный закон «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» №146-ФЗ от 31.07.1998 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3824.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» №302-ФЗ от 03.08.2018 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – №32. – Ст. 5127.

3. Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» №57 от 30.07.2013.

4. Приказ ФНС России «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» №ММ-3–06/333@ от 30.05.2007.

5. Доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ «О состоянии защиты прав налогоплательщиков». – 2025.

6. Александров И.В. Основы налогового права: учебник / И.В. Александров. – М.: Проспект, 2023. – 320 с.

7. Борисов А.Н. Налоговые споры: досудебное урегулирование и судебная практика / А.Н. Борисов. – М.: Статут, 2024. – 280 с.
8. Петрова Г.В. Налоговое право: учебник для вузов / Г.В. Петрова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 412 с.
9. Подольская Т.В. Внедрение передовых цифровых технологий в транспортно-логистической сфере в современных условиях / Т.В. Подольская, А.Г. Сотников // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – №4. DOI 10.18334/vinec.14.4.121649. EDN YTRGQT

Керимов Магомед Алибекович
магистрант
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
государственной противопожарной службы МЧС РФ»
г. Санкт-Петербург

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: ОПЫТ МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ КООРДИНАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные вопросы организации работы органов публичной власти в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС). Автор анализирует теоретико-прикладные аспекты функционирования единой государственной системы предупреждения и ликвидации ЧС (далее – РСЧС). Особое внимание уделяется проблеме межведомственной координации как ключевому фактору эффективности реализации государственной политики в исследуемой сфере. На основе анализа нормативно-правовых актов и эмпирических материалов выявлены институциональные барьеры, препятствующие оперативному реагированию, а также предложены подходы к оптимизации управленческих процедур в рамках горизонтального и вертикального взаимодействия органов власти.*

Ключевые слова: *государственное управление, чрезвычайные ситуации, защита населения, РСЧС, межведомственное взаимодействие, институциональный анализ, управленческие процедуры.*

Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) перестала восприниматься исключительно как прерогатива Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее – МЧС России). В последние годы в научной литературе всё чаще акцентируется внимание на том, что эффективность противодействия катастрофам определяется не столько наличием технических ресурсов и спасателей, сколько качеством организационных связей между субъектами управления и их способностью к оперативной координации в условиях стресса и неопределенности.

Для специальности «Государственное и муниципальное управление» данная проблематика представляет особый интерес, поскольку управление в сфере защиты от ЧС является своеобразным «стресс-тестом» для всей вертикали власти. Ошибки в распределении полномочий, нечеткое разграничение зон ответственности, бюрократизация процессов принятия решений или дублирование функций здесь имеют непосредственную цену – жизнь и здоровье граждан, а также сохранность материальных и культурных ценностей.

В последнее десятилетие в Российской Федерации была создана разветвленная нормативно – правовая база, включающая Федеральный закон от 21 декабря 1994 года №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», а также подзаконные акты, регламентирующие деятельность единой государственной системы предупреждения и ликвидации ЧС (далее – РСЧС).

Несмотря на впечатляющую правовую основу, на муниципальном и межрегиональном уровне продолжают фиксироваться системные сбои, связанные с задержками передачи информации, неполнотой данных о развитии ЧС и дублированием управленческих функций. Статистика МЧС России за последние пять лет свидетельствует о сохраняющейся высокой динамике чрезвычайных ситуаций: ежегодно в стране происходит от 150 до 250 ЧС различного масштаба, при этом количество пострадавших и размер материального ущерба остаются значительными.

Ключевая особенность системы защиты населения и территорий от ЧС в России заключается в ее двойственной природе.

С одной стороны, нормативное регулирование задает жесткую иерархическую структуру, включающую пять уровней: федеральный, межрегиональный (федеральных округов), региональный (субъектов РФ), муниципальный и объектовый (организации).

С другой стороны, реальный процесс ликвидации последствий ЧС требует максимальной гибкости и развития горизонтальных связей, которые зачастую вступают в противоречие с вертикалью подчиненности и жесткой ведомственной принадлежностью.

Был проведен анализ региональных планов действий по предупреждению и ликвидации ЧС на примере субъектов Южного федерального округа. В качестве источников использовались открытые данные, опубликованные на официальных сайтах главных управлений МЧС по регионам, а также отчеты о результатах деятельности комиссий по предупреждению и ликвидации ЧС за период 2022–2025 годов.

Результаты анализа показали, что наибольшее количество задержек происходит на этапе перехода между уровнями: от местного (муниципального) к региональному. Данная проблема известна в теории управления как «эффект колодца» – информация, поднимающаяся снизу вверх, теряет свою оперативность и насыщенность деталями из-за необходимости прохождения множества согласующих инстанций. Так, при ликвидации последствий паводков в Краснодарском крае и Ростовской области в 2024 году отмечалось дублирование действий эвакуационных комиссий и оперативных штабов при МЧС России, что создавало излишнюю бюрократическую нагрузку на глав муниципалитетов, которые формально являются председателями муниципальных комиссий по ЧС, но фактически зависят от методических указаний и оперативных команд вышестоящего регионального штаба. В результате время принятия решений о начале эвакуации увеличивалось в среднем на 2–3 часа, что в условиях стремительного подъема воды являлось критическим фактором.

Основной институциональный конфликт, выявленный в ходе исследования, лежит в плоскости разграничения полномочий между МЧС России и Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее – Минприроды России) в части прогнозирования природных катастроф. Хотя формально Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) находится в ведении Минприроды России, в оперативном режиме ее данные критически необходимы МЧС России для принятия упреждающих мер. Существующие регламенты обмена данными, как показывает анализ, часто не учитывают временной лаг, необходимый для верификации этих данных, что приводит к ситуации «либо поздно, либо неточно».

Подобный дисбаланс подтверждает тезис о том, что формальная структура подчиненности не должна препятствовать формированию ситуационных центров, работающих в режиме единой диспетчерской сети. В этой связи заслуживает внимания предложение о создании на базе Национального центра управления в кризисных ситуациях (НЦУКС) постоянно действующей межведомственной рабочей группы с участием представителей Росгидромета, Минприроды России, Минздрава и Минтранса.

Говоря об организации работы органов власти, нельзя обойти стороной вопрос материально-технического резервирования. Анализ нормативных требований к созданию резервов материальных ресурсов для ликвидации ЧС показывает значительный разрыв между федеральными стандартами и реальными возможностями региональных и, особенно, местных бюджетов. В соответствии с постановлением Правительства РФ №794, на каждом уровне

РСЧС должны формироваться резервы продовольствия, медицинского имущества, строительных материалов, топлива и средств индивидуальной защиты. Однако исследование отчетов муниципальных образований за 2023–2024 годы свидетельствует о том, что лишь 35–40% муниципалитетов имеют резервы в объеме, предусмотренном номенклатурой. Причиной является так называемое «финансовое недофинансирование полномочий» – ситуация, при которой государство обязывает муниципалитеты содержать спасательные формирования и резервы, но не предоставляет в достаточном объеме субвенции или трансферты из регионального бюджета. Как следствие, муниципальные звенья РСЧС существуют номинально, а реальная нагрузка ложится на аварийно-спасательные службы субъекта Федерации, что нарушает принцип территориальной приближенности помощи к месту ЧС и увеличивает время прибытия сил до 40–60 минут в сельской местности.

С точки зрения организации работы с населением, в исследовании выявлена еще одна проблема: низкая вовлеченность институтов местного самоуправления в разъяснительную и профилактическую работу. Законодательством установлена обязанность органов власти информировать население об угрозах и способах защиты, однако пропаганда знаний в области гражданской обороны и защиты от ЧС часто носит формальный характер. Периодичность проведения инструктажей и учений с населением (в соответствии с типовыми программами – один раз в полугодие) не учитывает социально-демографические особенности конкретного поселения – наличие маломобильных групп граждан, лиц пожилого возраста, удаленных хуторов или территорий с сезонным отселением.

В качестве примера может быть приведен опыт Курганской области в период паводка 2024 года, где отсутствие адресного информирования о маршрутах эвакуации для жителей отдаленных деревень привело к ситуации, когда люди покидали жилье с опозданием на 5–6 часов.

Для решения обозначенных проблем в работе предлагается не ужесточать административную ответственность, что часто является «стандартным» управленческим решением, а пересмотреть подход к регламентации процедур.

Данный элемент подразумевает отработку взаимодействия не по стандартной схеме «доклад – команда», предполагающей вертикальный канал связи, а с использованием методов ситуационного анализа (метода Case Study), имитационного моделирования и штабных тренировок с участием всех заинтересованных ведомств. Такой подход позволил бы выявить слабые звенья в межведомственной связи и отработать алгоритмы их устранения заранее, в мирное время, а не в условиях реальной угрозы.

Кроме того, заслуживает внимания зарубежный опыт организации управления в кризисных ситуациях. В частности, модель Федерального агентства по управлению чрезвычайными ситуациями (FEMA) в США, а также системы управления в странах Европейского союза (Механизм гражданской защиты ЕС) демонстрируют смещение центра тяжести координации в сторону создания постоянных совместных оперативных групп, состоящих из представителей разных ведомств – полиции, здравоохранения, инженерных служб, гидрометслужб и волонтерских организаций. Эти группы работают под единым оперативным руководством на принципах «команды одного руководителя» (Unified Command), независимо от ведомственной принадлежности участников.

В Великобритании аналогичный подход реализован через систему «Золотая – Серебряная – Бронзовая» командная структура, где руководители разных служб совместно разрабатывают стратегию на стратегическом уровне (Gold), тактику на оперативном (Silver) и исполнение на полевом (Bronze) без дублирования приказов. Адаптация такого подхода к российской административной системе видится затруднительной из-за жесткости законодательства и исторически сложившейся ведомственной обособленности, однако отдельные элементы, в частности создание межведомственных «когнитивных центров» ситуационного анализа на уровне федеральных округов, могут быть успешно имплементированы.

В качестве пилотного проекта предлагается создание таких центров на базе существующих региональных центров МЧС Росси с включением в их состав представителей Росгидромета, Роспотребнадзора и региональных органов управления здравоохранением.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько обобщающих выводов.

1. Текущая модель организации работы органов власти в области защиты населения и территорий от ЧС является достаточно стройной с точки зрения законодательной формализации и иерархического структурирования. Федеральный закон №68-ФЗ и подзаконные акты, включая постановление Правительства РФ №794, создают необходимую правовую основу для функционирования РСЧС. Однако данная модель оказывается крайне уязвимой в части оперативной управляемости и межведомственной координации в условиях реальных кризисных ситуаций, требующих немедленного реагирования.

2. Основная проблема заключается не в недостатке полномочий у того или иного ведомства и не в несовершенстве законодательства как такового, а в отсутствии устойчивых горизонтальных координационных механизмов, которые не подкреплены ни финансовыми, ни кадровыми, ни мотивационными стимулами. Муниципальный уровень остается самым слабым звеном системы – не столько из-за отсутствия компетенций или кадрового потенциала, сколько из-за перегруженности глав муниципалитетов текущими хозяйственными и социально-экономическими вопросами, которые в повседневном режиме отодвигают вопросы гражданской обороны и защиты от ЧС на второй план. В результате, как показано в работе, лишь треть муниципальных образований имеют в полном объеме укомплектованные резервы материальных ресурсов.

3. Сформулированы практические рекомендации, направленные на совершенствование управленческих процедур координации.

К ним относятся следующие.

Внедрение цифровой платформы оперативного управления, объединяющей все службы экстренного реагирования (МЧС, МВД, Росгвардия, скорая медицинская помощь, аварийные службы ЖКХ) в едином информационном контуре без необходимости дополнительного согласования по иерархической лестнице. Предлагается реализовать принцип «единого окна» для передачи первичных данных о ЧС, при котором информация от диспетчера объекта поступает одновременно на все уровни РСЧС в течение 2–3 минут.

Усиление роли общественных институтов и добровольческих (волонтерских) формирований через официальное закрепление их статуса в региональных планах управления. Целесообразно разработать типовой регламент привлечения волонтеров к ликвидации последствий ЧС с четким распределением зон ответственности и обеспечением страхования жизни и здоровья добровольцев на период проведения аварийно-спасательных работ.

Пересмотр критериев оценки эффективности работы глав муниципальных образований, а также руководителей территориальных органов МЧС, с включением в перечень показателей таких индикаторов, как время реагирования на сигнал о ЧС (норматив – не более 10 минут с момента поступления сообщения), полнота и своевременность эвакуационных мероприятий, процент выполнения планов по созданию и обновлению резервов материальных ресурсов, а также доля населения, обученного действиям в условиях ЧС.

Организация ежегодных межведомственных штабных тренировок с использованием методов сценарного моделирования, в которых участвуют не только МЧС, но и представители всех органов исполнительной власти субъекта РФ, а также руководители системообразующих организаций и объектов критической инфраструктуры.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть связаны с углубленным изучением механизмов информационного обмена в условиях цифровизации государственного управления, а также с разработкой методик оценки эффективности межведомственного взаимодействия на основе социологических опросов участников ликвидации ЧС.

Список литературы

1. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» №68-ФЗ от 21.12.1994 (ред. от 14.04.2023). – М., 2023.

2. Постановление Правительства РФ «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» №794 от 30.12.2003 (ред. от 15.04.2024). – М., 2024.

3. Воробьев Ю.Л. Катастрофические наводнения начала XXI века: уроки и выводы / Ю.Л. Воробьев, В.А. Акимов, Ю.И. Соколов. – М.: ДЭКС-пресс, 2003. – 351 с. EDN UCTFUX

4. Воробьев Ю.Л. Комплексная безопасность человека: учебное пособие / Ю.Л. Воробьев, В.А. Акимов, Ю.И. Соколов. – М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2011. – 360 с. EDN OJWWOD

5. Быков А.А. Грозят ли России техногенные катастрофы? / А.А. Быков // Проблемы анализа риска. – 2009. – Т. 6. – №2. – С. 8–19.

6. Булгаков М.А. Система безопасности территории: институциональная структура и межведомственное взаимодействие / М.А. Булгаков, Е.В. Щербенко // Актуальные проблемы безопасности в техносфере. – 2022. – №4(8). – С. 77–80. DOI 10.34987/2712–9233.2022.20.87.015. EDN JJYNRF

7. Приказ МЧС России «Об утверждении положения о территориальном органе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» №217 от 27.03.2020.

8. Приказ МЧС России «Об утверждении Положения об организации информационного взаимодействия в рамках Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» №496 от 26.08.2009.

9. Приказ МЧС России «Об утверждении Порядка регистрации аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований» №99 от 12.03.2018.

10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. EDN YQDVYE

Левшиц Дмитрий Юрьевич
канд. юрид. наук, декан
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ВОПРОСЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Аннотация: *в статье представлены результаты комплексного исследования правовых актов и научных работ в сфере правового обеспечения социальной поддержки участников СВО и членов их семей. Осуществлена научная проработка некоторых вопросов публично-правового регулирования системы правовой поддержки семей участников СВО и участников СВО в процессе ресоциализации. По результатам формально-догматического анализа правовых актов различного уровня сделан вывод о наличии пробелов и коллизий, нуждающихся в устранении, сформулированы соответствующие предложения по совершенствованию российского законодательства в исследуемой сфере, унификации подходов в правоприменительной практике. Реализация обоснованных предложений позволит обеспечить повышение качества правовой поддержки семей участников СВО и участников СВО.*

Ключевые слова: *публичное право, правовая поддержка, ресоциализация, ветераны войны, участники специальной военной операции и члены их семей, бесплатная юридическая помощь.*

При осуществлении анализа с использованием инструментария правовой герменевтики понятия и содержания системы правовой поддержки семей участников СВО и участников СВО в процессе ресоциализации мы солидаризируемся с авторами, отмечающими то обстоятельство, что процесс ресоциализации участников СВО, предполагающий повторное усвоение военнослужащим социальных норм и правил поведения, адаптацию к новым условиям жизнедеятельности, имеет комплексный характер, а механизмы социального сопровождения ветеранов специальной военной операции отличаются сложностью и вовлечённостью в процесс целого ряда субъектов [1, с. 38–44].

Основным законодательным актом, регулирующим вопросы социальной поддержки названных граждан, является Федеральный закон от 17 июля 1999 г. №178-ФЗ «О государственной социальной помощи». Термин «социальная поддержка» в этом законе отсутствует, но в его ст. 1 имеется следующее определение: государственная социальная помощь – предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также

иным категориям граждан, указанным в данном законе, социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров.

Социальная поддержка со стороны государства участников войн традиционно имеет особое значение для обеспечения обороны государства, сплочения населения на принципах формирования и развития духовно-нравственных ценностей [2, с. 204–212].

Что касается термина «правовая поддержка», то следует отметить, что легального определения он не имеет. Однако, исходя из результатов правового анализа имеющейся юридической терминологии, предлагается понимать его содержание, во-первых, в широком смысле слова, когда правовая поддержка участников СВО и их семей понимается как деятельность государственных органов по разработке, принятию и практической реализации правовых актов, содержащих нормы о социальных гарантиях, предоставляемых указанным категориям граждан, а также, во-вторых, в узком смысле слова, предполагающем рассмотрение правовой поддержки участников СВО и их семей в качестве деятельности по оказанию указанным лицам бесплатной юридической помощи [3].

На участников СВО и членов их семей в полной мере распространяются гарантии по получению бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы такой помощи.

Значимость правового сопровождения процесса ресоциализации участников СВО предопределена тем, что законодательно установленные социальные гарантии, льготы и компенсации представляют собой одновременно и основу материального благополучия участников СВО, их уверенности в завтрашнем дне, без которых процессы ресоциализации изначально невозможны.

Формально-догматический анализ свидетельствует о том, что при этом имеется ряд нуждающихся в уточнении и дополнении вопросов. В частности, когда речь идёт о субстратной составляющей системы, очевидно, что многочисленные нормативные правовые акты высшей юридической силы федерального и регионального уровня, подзаконные акты ведомственного уровня, регулирующие указанные отношения, имеют высокую степень динамики их разработки и принятия. В частности, как отметила Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.М. Матвиенко, с февраля 2022 г. по 1 августа 2024 г. принято 238 законов, связанных с СВО [4]. Тенденция сохраняется: только в июле 2025 года было принято 17 законопроектов. Всего же в 2025 году принято 30 законов, направленных на обеспечение СВО, помощь солдатам и офицерам, их родным и близким. «В совокупности с 2022 года принято 154 закона в этой сфере», – отмечал в своём выступлении на завершающем пленарном заседании девятой сессии VIII созыва Государственной Думы председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII и VIII созывов В.В. Володин [5].

Высокая степень оперативности при недостаточности научного осмысления большинства вопросов влечёт за собой пробельность и коллизионность правовых актов, что, в свою очередь, детерминирует отсутствие единства правоприменения и последующий рост жалоб со стороны ветеранов и членов их семей. Отмечается, что в 2024 году уполномоченный по правам человека Т.Н. Москалькова получила свыше 68 тысяч обращений от участников специальной военной операции (СВО). Таким образом, жалоб стало в 2,3 раза больше по сравнению с 2023 годом [6]. Тенденция сохранилась и в 2025 году, в котором «получено 70 тысяч обращений о поиске без вести пропавших, социальных льготах и гарантиях» [7]. Отмечаются существенные проблемы и в практике правоприменения [8, с. 240]. В частности, неоднозначны подходы судов по вопросу о предоставлении единовременной выплаты в связи с участием в специальной военной операции. Речь идёт о позициях, представленных в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2025 по делу №88–262/2025; апелляционном определении Южного окружного военного суда от 23.08.2024 №33а-923/2024; апелляционном определении Южного окружного военного суда от 06.12.2024 №33а-1386/2024 и др. по поводу признания за отдельными категориями лиц статуса участника добровольного формирования и, соответственно, права на реализацию мер

правовой и социальной защиты, предусмотренных законодательством Российской Федерации для участников специальной военной операции.

Учитывая то обстоятельство, что правовую поддержку получают различные категории лиц, в том или ином качестве участвующие в СВО, а также члены их семей, вполне естественно недостаточное знание ими перечня и оснований получения социальных гарантий, льгот и компенсаций; непонимание механизма получения дополнительных социальных гарантий в различных сферах.

В настоящее время уже разработан ряд учебно-методических и научно-справочных пособий, предназначенных для организации правовой поддержки участников СВО, которые могут быть использованы в деятельности специалистов юридических, медицинских служб, органов по военно-политической работе, социальных работников, а также социальных координаторов, подготовленных Фондом «Защитники Отечества», при осуществлении персонального сопровождения участников СВО. В частности, в одном из учебно-методических пособий рассмотрены правовые основы, порядок и особенности оказания правовой поддержки участникам специальной военной операции в военно-медицинских учреждениях, а также реабилитационных центрах [9].

Рекомендации, предназначенные для организации правовой поддержки участников СВО в сфере образования, могут быть использованы в деятельности юридических служб и подразделений по привлечению и приёму поступающих образовательных организаций высшего образования, социальных работников, а также социальных координаторов, подготовленных Фондом «Защитники Отечества», при осуществлении персонального сопровождения участников СВО. В издании рассмотрены правовые основы и механизмы реализации социальных гарантий участников специальной военной операции и членов их семей в сфере образования, порядок и особенности оказания правовой поддержки при поступлении на обучение и обучении указанных категорий лиц в организациях высшего образования. Особое внимание обращено вопросам правовой поддержки студентов из числа участников специальной военной операции и членов их семей с ограниченными возможностями здоровья [10].

Рекомендации по организации правовой поддержки военнослужащих – участников специальной военной операции и членов их семей при обеспечении жильём могут быть использованы в деятельности субъектов оказания бесплатной юридической помощи, органов исполнительной власти и соответствующих юридических служб, социальных работников, а также социальных координаторов, подготовленных Фондом «Защитники Отечества», при осуществлении персонального сопровождения участников СВО. В издании рассмотрены правовые основы, порядок и специфика предоставления социальных гарантий в жилищной сфере военнослужащим – участникам специальной военной операции и членам их семей. Пособие содержит глоссарий, рекомендованные для изучения и использования нормативные правовые акты, справочную, научную и учебную литературу. На основе опыта практической работы с военнослужащими из числа участников СВО и их семьями представлены рекомендации, способные оказать помощь и оптимизировать процессы реализации социальных гарантий указанных лиц в жилищной сфере [11].

Рекомендации по организации правовой поддержки военнослужащих – участников специальной военной операции и членов их семей при получении ими причитающихся денежных выплат могут быть использованы в деятельности должностных лиц юридических служб, военных комиссариатов, Военно-социальных центров, субъектов оказания бесплатной юридической помощи, органов исполнительной власти и соответствующих юридических служб, социальных работников, а также социальных координаторов, подготовленных Фондом «Защитники Отечества», при осуществлении персонального сопровождения участников СВО. В издании рассмотрены правовые основы, порядок и особенности организации правовой поддержки участников специальной военной операции и членов их семей при получении денежных выплат [12].

Рекомендации по организации правовой поддержки участников специальной военной операции и членов их семей как получателей социальных услуг, а также в сфере труда и занятости посвящены рассмотрению правовых основ, порядка и особенностей организации правовой поддержки участников специальной военной операции и членов их семей при предоставлении социальных гарантий участникам специальной военной операции и членам их семей как получателям социальных услуг, а также в сфере труда и занятости [13].

Полагаем, что полученный задел, опыт исследования правоотношений, возникающих в процессе и по поводу организации правового сопровождения ресоциализации участников СВО, может послужить базой для дальнейшей работы над указанной проблематикой, имеющей существенное теоретическое и значимое практическое значение, может способствовать формированию направлений оптимизации российского законодательства в указанной сфере.

Список литературы

1. Цивилева А.Е. Механизмы социального сопровождения ветеранов специальной военной операции / А.Е. Цивилева // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. – 2023. – №4. – С. 38–44. DOI 10.52135/2410-4124_2023_4_38. EDN CNMIGH

2. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих: социально-философский и системно-правовой аспекты: монография / П.В. Петрий, А.И. Землин, О.М. Землина, А.Н. Каньшин. – М.: КноРус, 2024. EDN VIYZOQ

3. Петрий П.В. Духовно-нравственные ценности и их роль в защите и укреплении государственного суверенитета Российской Федерации: социально-философский анализ / П.В. Петрий, А.И. Землин, А.И. Конуров // Социальная политика и социология. – 2025. – Т. 24. №3(156). – С. 204–212. DOI 10.17922/2071-3665-2025-24-3-204-212. EDN DBBPTV

4. Правовая поддержка в процессе ресоциализации участников специальной военной операции и членов их семей. Со словарем-справочником (с комментариями): учебное пособие / отв. ред. А.И. Землин. – М.: Кнорус, 2024.

5. Матвиенко: Совфед одобрил 238 законов о поддержке участников СВО. – URL: https://www.pnp.ru/politics/matvienko-s-nachala-svo-bylo-prinyato-138-zakonov-o-podderzhke-ee-uchastnikov.html (дата обращения: 26.07.2026).

6. Госдума за год приняла 30 законов, направленных на обеспечение СВО. – URL: https://ria.ru/20251223/gosduma-2064056870.html (дата обращения: 26.07.2026).

7. Москалькова: в 2024 году получено более 68 тыс. обращений от участников СВО. – URL: https://www.vesti.ru/article/4365530 (дата обращения: 26.07.2026).

8. Москалькова получила более 70 тысяч обращений от бойцов СВО в 2025 году. – URL: https://ria.ru/20260304/moskalkova-2078388662.html (дата обращения: 26.07.2026).

9. Социальные гарантии участникам специальной военной операции: учебное пособие со справочником / Р.А. Закиров, О.М. Землина, А.С. Сливков [и др.]. – М.: Военный университет, 2024. – 240 с.

10. Рекомендации по организации и оказанию правовой помощи участникам специальной военной операции в учреждениях здравоохранения: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024.

11. Рекомендации по организации правовой поддержки лицам из числа участников специальной военной операции и членов их семей при поступлении и обучении в образовательных организациях высшего образования: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024.

12. Рекомендации по организации правовой поддержки военнослужащих – участников специальной военной операции и членов их семей при обеспечении жильем: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024.

13. Рекомендации по организации правовой поддержки участников специальной военной операции и членов их семей при получении денежных выплат: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024.

14. Рекомендации по организации правовой поддержки участников специальной военной операции и членов их семей как получателей социальных услуг, а также в сфере труда и занятости: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024.

Шамсутдинов Рустам Рамилевич
аспирант
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОМПЕТЕНЦИЯ ВОЕННЫХ СУДОВ И ПРОБЛЕМЫ ПОДСУДНОСТИ

Аннотация: *в статье исследуются актуальные проблемы судебной защиты прав военнослужащих в Российской Федерации через анализ компетенции военных судов и вопросов подсудности. На основе Федерального конституционного закона от 23.06.1999 №1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», Федерального закона от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих», практики Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации выявлены коллизии в разграничении компетенции военных и общегражданских судов. Предложены возможные варианты устранения выявленных проблем.*

Ключевые слова: *военные суды, подсудность, компетенция, судебная защита, военнослужащие, военно-служебные отношения, доступ к правосудию.*

Право на судебную защиту является одним из фундаментальных конституционных прав, гарантированных статьей 46 Конституции Российской Федерации [1]. Для военнослужащих, чья деятельность сопряжена с особыми условиями и ограничениями, эффективность такой защиты имеет принципиальное значение.

Институциональной основой судебной защиты прав военнослужащих являются военные суды – специализированные федеральные суды общей юрисдикции, действующие на основании Федерального конституционного закона от 23.06.1999 №1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» [2]. Военные суды осуществляют судебную власть в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Создание системы военных судов как специализированных судов обусловлено рядом факторов: необходимостью учёта специфики военно-служебных отношений при отправлении правосудия; требованием обеспечения оперативности рассмотрения дел, связанных с обороной и безопасностью; потребностью в судьях, обладающих специальными знаниями в области военного законодательства.

Военные суды входят в единую судебную систему Российской Федерации и являются федеральными судами общей юрисдикции. В соответствии со статьей 8 Закона о военных судах система военных судов включает: гарнизонные военные суды, окружные (флотские) военные суды, апелляционный военный суд, кассационный военный суд. Высшей судебной инстанцией по делам, отнесённым к компетенции военных судов, является Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации.

Военным судам подсудны гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав и свобод военнослужащих, граждан, проходящих военные сборы, от действий органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений; уголовные дела о преступлениях, совершённых военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы; дела об административных правонарушениях, совершённых военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы. К ведению военных судов отнесены также дела, связанные с государственной тайной, при особых условиях, и иные категории, перечень которых конкретизирован в специальных нормах процессуального законодательства.

Правовое регулирование статуса военнослужащих закреплено в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [3], которым определены основания возникновения, изменения и прекращения военно-служебных отношений, объём специальных прав и обязанностей, а также гарантий, в том числе судебных. В системной взаимосвязи

положения указанного закона с нормами ФКЗ №1-ФКЗ образуют материально-процессуальную основу специальной подсудности. Однако правоприменительная практика свидетельствует о наличии существенных проблем разграничения компетенции военных судов и судов общей юрисдикции, отдельные из которых заслуживают специального рассмотрения.

Первая проблема связана с подсудностью дел лиц, утративших на момент обращения в суд статус военнослужащего. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в постановлении от 29 мая 2014 г. №8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» [6], критерием отнесения дел к подсудности военных судов служит то, в какой период произошло оспариваемое действие или бездействие органов военного управления. Если оспариваемое действие (бездействие) происходило в период прохождения военной службы заявителя, то такой спор должен рассматриваться военными судами и в случае отсутствия у заявителя статуса военнослужащего к моменту обращения в суд за защитой своих прав.

Между тем критерий времени совершения оспариваемого действия далеко не всегда позволяет однозначно определить надлежащий суд. В практике распространены ситуации, при которых нарушение прав становится очевидным лишь спустя длительное время после увольнения. К таким ситуациям относятся, в частности, перерасчёт пенсии, выплата невыданных надбавок, реализация права на жилищное обеспечение. Если момент нарушения локализован в период прохождения службы, но оспариваемый акт (отказ в постановке на учёт, отказ в предоставлении жилищной субсидии и тому подобное) принят уже после увольнения, разграничение между военным судом и судом общей юрисдикции становится дискуссионным [7].

Судебная практика по таким делам не отличается единообразием: одни составы судей квалифицируют отношения как имеющие своим источником статус военнослужащего, передавая дело в военный суд, тогда как другие, исходя из того, что на момент принятия оспариваемого решения заявитель не являлся военнослужащим, оставляют дело в суде общей юрисдикции. Подобная практика противоречит принципу правовой определённости как одному из основных начал справедливого правосудия.

Вторая проблема касается подсудности дел членов семей военнослужащих. Прямого указания на распространение компетенции военных судов на споры о правах членов семей военнослужащих действующее законодательство не содержит. В то же время члены семьи военнослужащего обладают рядом производных прав. К ним относятся право на медицинское обеспечение, на санаторно-курортное лечение, на жилище, а также право на компенсационные выплаты в случае гибели военнослужащего. Споры о реализации таких прав часто инициируются после прекращения статуса военнослужащего у самого военнослужащего (в связи с увольнением или гибелью) и адресованы органам военного управления.

На уровне отдельных категорий дел (например, оспаривание отказа в назначении и осуществлении единовременных выплат членам семьи погибшего военнослужащего) вопрос о компетенции продолжает решаться как в военных судах, так и в районных.

Следующая проблема связана с разграничением подсудности по отношению к лицам, проходящим службу в иных силовых структурах. Согласно статье 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [4], военная служба исполняется не только в Вооружённых Силах, но и в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в спасательных воинских формированиях МЧС России, в Службе внешней разведки, в органах федеральной службы безопасности, в органах государственной охраны, в военной прокуратуре, в военных следственных органах.

Соответственно, компетенция военных судов распространяется на дела с участием военнослужащих этих ведомств. Однако в указанных органах одновременно проходят службу как военнослужащие, так и сотрудники, имеющие специальные звания (например, сотрудники с правоохранительным статусом в составе войск национальной гвардии, гражданский персонал в органах федеральной службы безопасности), а также гражданские государственные служащие.

Выбор надлежащего суда зависит от формального статуса заявителя, что нередко не очевидно для самого заявителя. Особенно остро проблема проявляется при рассмотрении дел сотрудников войск национальной гвардии, поскольку часть из них является военнослужащими, тогда как другая часть проходит службу как сотрудники с правом ношения оружия в порядке, аналогичном службе в органах внутренних дел.

Ошибочное определение подсудности влечёт необходимость передачи дела по подсудности, удлинение сроков рассмотрения и нарушение принципа разумного срока судопроизводства.

Сложившаяся практика разграничения подсудности свидетельствует о том, что критерий «связь с прохождением военной службы» как основополагающий критерий компетенции военных судов нуждается в нормативной конкретизации.

Возможные пути решения изложенных проблем могут включать: внесение в статью 7 ФКЗ №1-ФКЗ нормы, прямо относящей к подсудности военных судов все споры, имеющие источником право, возникшее в связи с прохождением военной службы, независимо от момента возникновения спора.

Подводя итог, следует констатировать, что система военных судов в Российской Федерации обеспечивает специализированную судебную защиту прав военнослужащих с учётом особенностей военно-служебных отношений. Конституционно-правовой и федерально-конституционный фундамент компетенции военных судов соответствует требованиям эффективного правосудия. Однако правоприменительные проблемы подсудности, особенно по делам уволенных военнослужащих, по жилищным спорам, по делам членов семей, по разграничению с делами сотрудников иных силовых ведомств, указывают на необходимость дальнейшего совершенствования законодательного регулирования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.07.2026).

2. Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» №1-ФКЗ от 23.06.1999 // Собрание законодательства РФ. – 1999. – №26. – Ст. 3170.

3. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» №76-ФЗ от 27.05.1998 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №22. – Ст. 2331.

4. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» №53-ФЗ от 28.03.1998 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №13. – Ст. 1475.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. №9-П // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №14. – Ст. 2192.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» №8 от 29.05.2014 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – №7.

7. Корякин В.М. Судебная защита прав военнослужащих: учебник / В.М. Корякин. – М.: РГУП, 2020. – 295 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Абакарова Виктория Олеговна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *статья посвящена исследованию института банкротства в российском законодательстве через призму его исторического развития и современного теоретико-правового осмысления. Показано, что современная модель банкротства формировалась на основе длительной эволюции нормативного регулирования – от древнерусских представлений об имущественной ответственности и дореволюционных торгово-правовых конструкций до возрождения института в условиях рыночной экономики. Особое внимание уделено соотношению понятий «несостоятельность» и «банкротство», месту института в системе российского права, его межотраслевой природе. Банкротство представляет собой комплексный правовой институт, сочетающий частноправовые, публично-правовые, процессуальные и организационные начала. Проанализированы цели процедур банкротства, значение Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 65 ГК РФ и судебного толкования высших судебных инстанций. Развитие института характеризуется переходом от преимущественно карательной модели к системе, ориентированной на баланс публичных и частных интересов.*

Ключевые слова: *банкротство, несостоятельность, должник, кредиторы, конкурсное производство, арбитражный управляющий, субсидиарная ответственность.*

Институт банкротства занимает особое место в системе российского права, поскольку отражает состояние экономики, уровень развития гражданского оборота и степень правовой защищенности его участников. В современной правовой системе банкротство перестало пониматься исключительно как прекращение деятельности должника. Оно стало сложным юридическим механизмом, направленным на установление справедливого соотношения интересов кредиторов, должника, работников, государства и иных участников оборота [1, ст. 65].

Обращение к историческим и теоретическим аспектам данной темы позволяет показать, что несостоятельность – это не только практическая процедура, но и правовая конструкция, в которой концентрируются фундаментальные вопросы ответственности, имущественного риска, добросовестности, судебного контроля и экономической свободы. Российское законодательство о банкротстве прошло длительный путь развития: от фрагментарных норм древнерусского права до современного специального регулирования, основанного на Федеральном законе от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2].

1. Историческое развитие института банкротства в России.

Истоки российского регулирования несостоятельности прослеживаются уже в памятниках древнерусского права, где закладывались основы имущественной ответственности должника. Однако на ранних этапах речь шла не о банкротстве в современном смысле, а скорее о последствиях невозврата долга и распределении имущественной ответственности между должником и кредиторами. Более системное оформление институт получил в период

развития торговых отношений, когда возникла потребность разграничивать случайную неплатежеспособность и недобросовестное поведение должника.

Существенный этап развития приходится на XVIII–XIX века. Банкротский устав 1740 года, Устав о банкротах 1800 года и Устав о торговой несостоятельности 1832 года заложили основы специального регулирования, связанного с торговым оборотом. Для дореволюционного законодательства было характерно внимание к причинам несостоятельности, статусу купца, очередности удовлетворения требований и дифференциации добросовестного и злонамеренного поведения. Именно в этот период банкротство начинает осмысляться как особое юридическое состояние должника, требующее специальной судебной процедуры.

В советский период классический институт банкротства фактически утратил самостоятельное значение. Это было связано с господством государственной собственности, централизованным планированием и отсутствием полноценной конкурентной рыночной среды. Экономическая неэффективность хозяйствующего субъекта решалась преимущественно административными, а не судебными средствами [12].

Возрождение института банкротства относится к постсоветскому периоду. Закон Российской Федерации от 19.11.1992 №3929–1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» стал первым системным актом новой России в данной сфере. Затем был принят Федеральный закон от 08.01.1998 №6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)", а действующая модель получила развитие в Федеральном законе от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)". Эта эволюция отражает переход от упрощенной ликвидационной конструкции к более сложному механизму, сочетающему реабилитационные и ликвидационные начала [8].

2. Теоретические аспекты института банкротства.

В теории права институт банкротства рассматривается как комплексный межотраслевой институт. Такой подход обусловлен тем, что его регулирование невозможно свести исключительно к нормам гражданского права. С одной стороны, банкротство связано с имущественными обязательствами, правами требования, корпоративной структурой должника и оборотом имущества. С другой стороны, оно включает процессуальную форму, публичный контроль, участие уполномоченных органов, налоговые и трудовые последствия, а также элементы административной и уголовной ответственности [13].

Особое значение имеет вопрос о соотношении понятий «несостоятельность» и «банкротство». В законодательстве используется единая формула – «несостоятельность (банкротство)", что указывает на их легальное сближение. Вместе с тем в доктрине нередко проводится различие: несостоятельность трактуется как объективное экономико-правовое состояние невозможности исполнить обязательства, а банкротство – как признание этого состояния в установленной судебной процедуре. Данное разграничение представляется теоретически продуктивным, поскольку позволяет отделить материальное состояние неплатежеспособности от его процессуального оформления [10].

Важнейшим теоретическим вопросом является определение целей банкротства. Их нельзя свести только к соразмерному удовлетворению требований кредиторов. Современная модель института включает по меньшей мере четыре взаимосвязанные функции:

− *охранительную*, выражающуюся в защите прав кредиторов и иных участников оборота;

− *реабилитационную*, направленную на восстановление платежеспособности должника;

− *ликвидационную*, связанную с прекращением деятельности субъекта, утратившего экономическую жизнеспособность;

− *превентивную*, препятствующую злоупотреблениям, выводу активов и недобросовестному поведению контролирующих лиц [9].

С теоретической точки зрения банкротство представляет собой форму коллективного удовлетворения требований. Это означает, что интерес отдельного кредитора подчиняется интересу конкурсной массы и общему порядку распределения имущества. Именно поэтому банкротное право ограничивает индивидуальные способы взыскания и концентрирует разрешение споров в рамках единого дела. Такой подход обеспечивает равенство кредиторов и предсказуемость правового режима [4].

3. Современная модель правового регулирования несостоятельности.

Место института банкротства в системе российского частного права закреплено уже на уровне Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ, статья 65 которого посвящена несостоятельности (банкротству) юридического лица. Однако базовое специальное регулирование содержится в Федеральном законе от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)", который устанавливает основания признания должника банкротом, регулирует меры по предупреждению несостоятельности, виды процедур и правовые последствия их введения [6].

Для юридических лиц российское право предусматривает наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство и мировое соглашение. Для граждан действуют специальные процедуры, связанные с реструктуризацией долгов и реализацией имущества. Такая дифференциация показывает, что законодатель стремится учитывать различие экономической природы субъектов и целей процедур.

Судебная практика подчеркивает, что дело о банкротстве носит повышенно концентрированный и контролируемый характер. Это проявляется в особом статусе арбитражного управляющего, специфике установления требований кредиторов, порядке оспаривания сделок должника, а также в расширенной роли суда, который не ограничивается пассивным разрешением спора, а обеспечивает законность всей процедуры. По смыслу подходов высших судов, банкротство – это не обычный имущественный спор, а особый режим судебного контроля за перераспределением имущественной массы должника [7].

Современная модель также связана с развитием института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Усиление этой конструкции свидетельствует о смещении акцента от формального установления неплатежеспособности к анализу причин кризиса и оценке поведения лиц, реально определявших деятельность организации. В теоретическом плане это означает, что банкротство все в большей степени становится инструментом восстановления нарушенного баланса интересов, а не только процедурой распределения оставшегося имущества [3].

4. Проблемы и направления развития института банкротства.

Несмотря на развитие законодательства, современный институт банкротства сохраняет ряд системных проблем.

Во-первых, в российской практике по-прежнему заметно преобладание ликвидационной направленности над реабилитационной. Формально закон содержит механизмы восстановления платежеспособности, однако на практике наиболее распространенным итогом становится конкурсное производство. Это снижает экономическую ценность института и превращает его в инструмент «юридического завершения» бизнеса, а не в способ его сохранения.

Во-вторых, сохраняется проблема злоупотреблений. К ним относятся вывод активов, искусственное формирование кредиторской задолженности, использование аффилированных лиц, оспаривание сделок в недобросовестных целях, а также манипулирование корпоративными решениями накануне банкротства. Сходные проблемы добросовестности и законности поведения субъектов отмечаются и в исследованиях, посвященных исполнению денежных обязательств, корпоративным сделкам и защите имущественного оборота [11].

В-третьих, институт банкротства отличается высокой степенью правовой сложности. Он требует одновременного применения норм гражданского, корпоративного, налогового, трудового, процессуального и даже уголовного законодательства. Такая сложность повышает требования к качеству судебного контроля и к уровню профессиональной подготовки участников процедуры.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства должно идти по нескольким направлениям:

− усиление реабилитационных механизмов;

− совершенствование критериев добросовестности поведения должника и контролирующих лиц;

− повышение прозрачности деятельности арбитражных управляющих;

− снижение возможностей для процессуальных злоупотреблений;

− развитие единообразной судебной практики по вопросам субсидиарной ответственности, оспаривания сделок и распределения конкурсной массы [5].

Институт банкротства в российском законодательстве имеет сложную историческую судьбу и выраженную межотраслевую природу. Его развитие показывает, что несостоятельность не может рассматриваться только как частноправовой конфликт между должником и кредиторами. Это особый правовой механизм, в котором соединяются интересы частного оборота, публичного контроля, судебной защиты и экономической стабильности.

Исторический анализ позволяет сделать вывод, что российская правовая традиция уже в дореволюционный период выработала значимые подходы к дифференциации видов несостоятельности, оценке поведения должника и судебной организации конкурсного процесса. Советский период прервал эволюцию классического банкротного права, но не устранил объективную потребность в механизме разрешения кризиса неплатежеспособности. Современное законодательство, напротив, стремится построить системную модель, сочетающую ликвидационные и реабилитационные процедуры.

Теоретически институт банкротства следует определять как комплексный правовой институт, регулирующий порядок установления, судебного признания и правового преодоления состояния неплатежеспособности должника в целях защиты кредиторов, восстановления платежеспособности и обеспечения устойчивости гражданского оборота. Перспективы его дальнейшего развития связаны прежде всего с укреплением реабилитационной функции, снижением злоупотреблений и обеспечением более последовательного баланса частных и публичных интересов.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 65.

2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26.10.2002 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №43. – Ст. 4180.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» №53 от 21.12.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – №4.

4. Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» №35 от 22.06.2012 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – №8.

5. Зуева Е.Р. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с помощью сети интернет / Е.Р. Зуева, Е.С. Митячкина // Вестник науки. – 2022. – Т. 5. №1(46).

6. Казакова И.А. К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №1(217).

7. Казакова И.А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11(227).

8. Казакова И.А. К вопросу анализа совершенствования института несостоятельности юридических лиц / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №4. – С. 139–146. EDN XLLPHQ

9. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7(211). – С. 121–123.

10. Куркина Н.В. Проблемы правового регулирования определения объекта процедур несостоятельности (банкротства) / Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина, И.В. Татьянов // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №2. – С. 150–158. EDN ARYYAG

11. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Анапа, 7 марта 2022 г.). – Анапа: Научно-исследовательский центр эволюции социально-экономических процессов в ЮФО, 2022. – С. 14–18. EDN XFAVIY

12. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. EDN VRIHNM

13. Колонтаевская И.Ф. Актуальные проблемы частного и публичного права: монография / И.Ф. Колонтаевская, В.И. Липунов, Д.А. Самородов, С.Ф. Гуляйкин. – М., 2016. EDN WHOAIX

Алексеева Кристина Александровна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования обработки персональных данных с использованием систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в условиях цифровизации публичного и частного секторов. Анализируются ключевые риски для прав субъектов персональных данных: непрозрачность алгоритмических решений, расширение масштабов профилирования, смещение целей обработки, рост вероятности дискриминации, сложности реализации прав на доступ, исправление и удаление данных, а также вопросы распределения ответственности между оператором, разработчиком и поставщиком ИИ-решений. Особое внимание уделяется соотношению общих норм законодательства о персональных данных и специальных требований к высокорисковым ИИ-системам, формирующихся в зарубежных правопорядках, прежде всего в Европейском союзе. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего риск-ориентированное регулирование, усиление требований к качеству данных и управлению жизненным циклом моделей, документирование и аудит, механизмы объяснимости и оценку воздействия на права и свободы человека. Предлагаются направления совершенствования российского регулирования: уточнение правил о профилировании и автоматизированном принятии решений, закрепление требований к прозрачности и прослеживаемости алгоритмов, развитие практики DPIA-подобных оценок, а также внедрение стандартов и сертификации в сфере ИИ при сохранении технологической нейтральности законодательства.*

Ключевые слова: *персональные данные, искусственный интеллект, профилирование, дискриминация, прозрачность алгоритмов, ответственность, оценка воздействия.*

Общие основы правового режима персональных данных при использовании ИИ.

Трансформация цифровой экономики обусловила переход от традиционных способов обработки персональных данных к интенсивному использованию интеллектуальных технологий, способных осуществлять прогнозирование, классификацию, ранжирование и принятие решений в отношении физических лиц [6, с. 54]. Системы искусственного интеллекта, включая машинное обучение и иные методы анализа больших массивов данных, выступают не только инструментом повышения эффективности управления и оказания услуг, но и источником новых правовых рисков, связанных с изменением природы обработки: возрастают масштабы и скорость обработки, усложняются технологические цепочки, усиливается зависимость результата от качества обучающих данных и архитектуры модели [3, с. 310]. В таких условиях традиционные конструкции законодательства о персональных данных испытывают нагрузку, поскольку многие гарантии прав субъектов строились с расчетом на преимущественно «понятные» и проверяемые процедуры обработки, тогда как ИИ-решения зачастую характеризуются ограниченной объяснимостью, вероятностным характером вывода и распределенностью ответственности между участниками жизненного цикла системы.

В России базовые требования к обработке персональных данных закреплены в Федеральном законе от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» [2], который устанавливает

принципы законности, справедливости, соразмерности целей, минимизации данных, ограничения хранения и обеспечения безопасности. Указанные принципы формально технологически нейтральны и применимы к обработке с использованием ИИ. Однако при внедрении ИИ проявляются специфические проблемы правоприменения: во-первых, усложняется идентификация цели и правового основания обработки в условиях вторичного использования данных для обучения моделей и последующего дообучения; во-вторых, возникает риск «смещения цели» и фактического расширения состава обрабатываемых сведений за счет производных данных и выводов, формируемых алгоритмами; в-третьих, повышается вероятность несоответствия принципу точности, поскольку данные и модели подвержены дрейфу, а ошибки обучения могут приводить к систематическим искажениям.

Ключевые вызовы: профилирование, непрозрачность, дискриминация, безопасность и ответственность.

Существенным вызовом является профилирование и автоматизированное принятие решений [11, с. 10]. Хотя российское законодательство содержит ограничения на принятие решений, порождающих юридические последствия, исключительно на основе автоматизированной обработки (при наличии условий и исключений), практические сценарии ИИ часто строятся как «человек в контуре» формально, но по существу решение определяется рекомендацией системы. При таком дизайне возрастает риск обхода гарантий: лицо получает отказ в услуге или неблагоприятный рейтинг, но оператор заявляет, что решение принял сотрудник, не предоставляя эффективных механизмов проверки влияния алгоритма. Следовательно, перспективным направлением является нормативное и методическое уточнение критериев «существенного влияния» автоматизированной обработки на итоговое решение, а также введение обязанностей по фиксации роли системы ИИ в процессе принятия решений (журналы событий, протоколы, карточки модели), что позволит обеспечить доказуемость соблюдения требований закона и реальность права на оспаривание.

Непрозрачность алгоритмических моделей формирует системный конфликт между интересами инноваций и правом на информированность [7, с. 56]. В классических моделях обработки субъект персональных данных может получить сведения о составе данных, целях, сроках и способах обработки. В ИИ-контуре требуется более сложный уровень прозрачности: необходимо раскрывать не только формальные сведения об операторе и цели, но и сведения о логике обработки, категориях используемых данных, источниках обучающих выборок, критериях ранжирования, а также о факторах, существенно повлиявших на результат в конкретном случае [12, с. 105]. При этом следует учитывать баланс с охраной коммерческой тайны и безопасностью, поскольку чрезмерное раскрытие может облегчить злоупотребления (например, «обход» скоринговых моделей). В качестве компромисса представляется обоснованным развитие подходов к объяснимости в формате «понятных причин» решения и «проверяемых процедур» разработки и тестирования модели, а также закрепление права на получение значимой информации о применении ИИ и об основаниях неблагоприятного решения без раскрытия исходного кода.

Отдельное измерение проблемы связано с качеством данных и недискриминацией. ИИ-системы способны воспроизводить и усиливать предвзятость, содержащуюся в исторических данных, что приводит к различиям в доступе к услугам, кредитам, трудоустройству и социальным гарантиям. В российском праве запрет дискриминации закреплен на конституционном уровне и в отраслевом законодательстве, однако механизмы выявления алгоритмической дискриминации остаются недостаточно разработанными [8, с. 72]. Для повышения эффективности защиты прав требуется институционализация процедур оценки рисков дискриминации: тестирование моделей на репрезентативных выборках, мониторинг показателей справедливости, анализ прокси-признаков, которые косвенно кодируют чувствительные характеристики. В правовом плане это может выражаться в обязанности операторов проводить оценку воздействия на права и свободы при использовании ИИ в высокорисковых сферах (кредитование, труд, образование, здравоохранение, публичные услуги), а также в

расширении компетенций надзорного органа по проверке алгоритмических систем на предмет соблюдения принципов недискриминации и соразмерности.

Вопрос распределения ответственности при обработке персональных данных системами ИИ осложняется множественностью участников: оператор данных, заказчик решения, разработчик модели, поставщик облачной инфраструктуры, провайдер данных, а также организации, выполняющие разметку и подготовку наборов данных. Российская модель ответственности преимущественно ориентирована на оператора как на лицо, определяющее цели и состав обработки, однако в ИИ-цепочке фактическая возможность влиять на параметры обработки может быть распределена. Перспективным является развитие договорных и деликтных конструкций, обеспечивающих регресс и распределение рисков, а также закрепление минимальных требований к документации и управлению жизненным циклом модели, позволяющих установить причинно-следственную связь между дефектом данных/модели и нарушением прав субъектов. При этом важно избегать размывания ответственности: для субъектов персональных данных должен сохраняться понятный адресат требований – оператор, а внутреннее распределение рисков должно решаться между участниками рынка на основе контрактов, стандартов и страховых механизмов [5, с. 63].

Особую значимость имеет обеспечение безопасности персональных данных в условиях ИИ. Помимо традиционных угроз несанкционированного доступа и утечек, возникают специфические угрозы: извлечение данных из модели, восстановление элементов обучающей выборки, атаки с отравлением данных, подмена входных данных для манипулирования результатом. Следовательно, меры защиты должны учитывать не только информационную безопасность инфраструктуры, но и безопасность модели как объекта, включая контроль доступа к весам модели, аудит тренировочных данных, мониторинг аномалий, а также применение методов приватности (дифференциальная приватность, федеративное обучение, минимизация логирования). С правовой точки зрения это требует уточнения перечней организационных и технических мер с учетом специфики ИИ, развития подзаконного регулирования и стандартов, а также внедрения обязательного документирования принятых мер и результатов тестирования.

Перспективы развития регулирования: риск-ориентированный подход, комплаенс и стандартизация.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в Европейском союзе складывается двухконтурная модель: общий режим защиты данных дополняется специальным регулированием ИИ на основе риск-ориентированного подхода. Такой подход представляется методологически значимым, поскольку позволяет не «переписывать» персональные данные под ИИ, а вводить дополнительный слой требований для высокорисковых ИИ-систем: управление рисками, качество данных, техническая документация, ведение логов, прозрачность, человеческий надзор, устойчивость и кибербезопасность [9, с. 245]. Для российского правопорядка перспективным является заимствование логики риск-ориентированности при сохранении национальных особенностей: целесообразно разграничивать ИИ-применения по степени влияния на права и свободы и устанавливать более строгие требования к тем, которые используются в сферах повышенной социальной значимости.

Представляется, что перспективы развития правового регулирования обработки персональных данных ИИ-системами в России должны включать: во-первых, нормативное уточнение режима профилирования и автоматизированных решений, включая обязанность информировать о применении ИИ и обеспечивать эффективный механизм оспаривания и пересмотра решения человеком [4, с. 49]; во-вторых, внедрение обязательств по оценке воздействия на права субъектов при высоких рисках, с минимальными требованиями к содержанию такой оценки (цели, правовое основание, карта данных, риски дискриминации, меры снижения рисков, результаты тестирования модели); в-третьих, развитие стандартов прозрачности и прослеживаемости, включая требования к документации модели, описанию обучающих данных, метрик качества и процедур мониторинга дрейфа; в-четвертых, укрепление

договорной дисциплины в цепочках поставки ИИ, включая требования к процессорам и поставщикам по обеспечению безопасности и предоставлению информации для аудита; в-пятых, развитие механизмов независимой оценки соответствия (сертификация, аудит) для ИИ-решений в чувствительных сферах, при этом такие механизмы должны быть соразмерны и не создавать необоснованных барьеров инновациям.

Таким образом, обработка персональных данных системами искусственного интеллекта требует комплексной модернизации правового инструментария: общие принципы защиты данных сохраняют применимость [10, с. 150], но должны быть дополнены процедурами управляемости ИИ-рисков, обеспечивающими реальность прав субъектов и доказуемость добросовестного поведения оператора. Вектор развития регулирования целесообразно строить на сочетании технологической нейтральности, риск-ориентированного подхода и усиления процедурной прозрачности, что позволит обеспечить баланс между стимулированием внедрения ИИ и гарантией конституционно значимых прав личности [1].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 01.07.2020 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – №31. – Ст. 4398.

2. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №31 (ч. I). – Ст. 3451.

3. Альпидовская М.Л. Цифровой постимпериализм: время определяемого будущего: коллективная монография / М.Л. Альпидовская, С.М. Аракелян, К.В. Воденко; отв. ред. М. Л. Альпидовская, О. В. Карамова. – М.: Прометей, 2022. – 408 с. – ISBN 978-5-00172-351-6 // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/290462 (дата обращения: 10.07.2026).

4. Бембеева Б.С. Право на защиту персональных данных и различные категории персональных данных / Б.С. Бембеева // Право в сфере Интернета: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – С. 48–61. – EDN VNLNWS.

5. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. – EDN OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

6. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – №6. – С. 54–62. – EDN NPKRTA.

7. Бессмертный И.А. Интеллектуальные системы: учебник и практикум для вузов / И.А. Бессмертный, А.Б. Нугуманова, А.В. Платонов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2026. – 211 с. – ISBN 978-5-534-22201-2.

8. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. – EDN DLIPYY.

9. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. – EDN PBDDMP.

10. Липчанская М.А. Реализация конституционных социальных прав и свобод с использованием искусственного интеллекта: монография / М.А. Липчанская. – М.: Проспект, 2022. – 208 с. – ISBN 978-5-392-36451-0 // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/280754 (дата обращения: 10.07.2026). DOI 10.31085/9785392364510-2022-208. EDN KNVRCX

11. Нугуманова А.Б. Автоматизированная обработка текстовых массивов: учебник и практикум для вузов / А.Б. Нугуманова. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2026. – 70 с. – ISBN 978-5-534-22198-5 // Образовательная платформа Юрайт: сайт. – URL: https://urait.ru/bcode/600891/p.1 (дата обращения: 10.07.2026).

12. Раханов К.Я. Обеспечение конфиденциальности информации в сети Интернет: учебное пособие / К.Я. Раханов, Н.А. Раханова. – Новополоцк: ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, 2021. – 192 с. – ISBN 978-985-531-723-5. – URL: https://e.lanbook.com/book/366821 (дата обращения: 21.10.2025).

Байгужина Диана Флорисовна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ДОГОВОР АУТСОРСИНГА: СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию договора аутсорсинга в российской правовой системе. Цель – анализ правовых основ договора, выделение существенных условий, изучение практики применения и выявление типичных рисков. Раскрывается правовая природа договора аутсорсинга при отсутствии прямого закрепления в законодательстве: отношения регулируются нормами о возмездном оказании услуг (глава 39 ГК РФ) или подряде (глава 37 ГК РФ). Детально разобраны существенные условия: предмет, срок, цена, обязанности и ответственность сторон, конфиденциальность и качество услуг. Особое внимание уделено разграничению аутсорсинга, аутстаффинга и заёмного труда, анализу распространённых видов аутсорсинга (бухгалтерский, IT, кадровый). На основе судебной практики выявлены ключевые риски (утечка информации, низкое качество услуг, налоговые проблемы) и предложены способы их минимизации. Сформулированы рекомендации по составлению юридически грамотных договоров аутсорсинга.*

Ключевые слова: *аутсорсинг, заёмный труд, заказчик, исполнитель, оптимизация, условия договора, сроки договора.*

Аутсорсинг – это передача непрофильных функций или бизнес-процессов сторонней организации, обладающей необходимыми компетенциями. В современной экономике он стал важным инструментом оптимизации затрат, повышения эффективности и концентрации на ключевых задачах бизнеса.

В России понятие «аутсорсинг» не закреплено в законодательстве, поэтому отношения сторон оформляются через договоры возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ) или подряда (глава 37 ГК РФ). Это создаёт определённые сложности в правоприменении, требующие тщательной проработки условий договора.

Цель статьи – проанализировать существенные условия договора аутсорсинга и особенности его практического применения, выявить типичные риски и предложить пути их минимизации.

1. Правовая природа договора аутсорсинга.

Договор аутсорсинга не является самостоятельным видом договора в ГК РФ. Он оформляется как:

− договор возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ), если акцент на процессе оказания услуг;

− договор подряда (ст. 702 ГК РФ), если важен конкретный результат работ;

− смешанный договор, сочетающий элементы разных видов соглашений.

− Ключевые отличия аутсорсинга от заёмного труда (аутстаффинга):

− исполнитель управляет своим персоналом и несёт за него ответственность;

− заказчик не руководит сотрудниками исполнителя [11, с. 15];

− цель – получение результата, а не предоставление персонала.

2. Существенные условия договора аутсорсинга.

Существенные условия – это положения, без согласования которых договор считается незаключённым. Для аутсорсинга к ним относятся следующие.

Предмет договора: максимально детальное описание передаваемых функций. Например, при бухгалтерском аутсорсинге нужно указать: ведение первичной документации; расчёт заработной платы; формирование и сдачу отчётности; подготовку управленческих отчётов.

Срок действия: указываются дата начала и окончания договора; порядок пролонгации (автоматическая или по соглашению сторон); условия досрочного расторжения.

Цена и порядок оплаты: фиксированная ежемесячная плата; оплата по объёму выполненных операций; почасовая ставка.

Важно прописать периодичность и сроки оплаты, валюту расчётов. При отсутствии цены действует правило «обычной цены» (п. 2 ст. 424 ГК РФ) [10, с. 52].

1. *Обязанности сторон*: исполнитель обязан качественно и в срок оказывать услуги, соблюдать конфиденциальность; заказчик обязан своевременно предоставлять информацию и документы, вовремя оплачивать услуги.

2. *Ответственность сторон*: финансовые санкции за нарушение сроков, некачественное оказание услуг, разглашение конфиденциальной информации.

3. *Конфиденциальность*: обязательство не разглашать коммерческую тайну, персональные данные и/или иную информацию.

Это условие может действовать и после прекращения договора [2].

4. *Качество услуг*. Может определяться через: соответствие законодательным требованиям; внутренние стандарты заказчика или исполнителя; оглашение об уровне сервиса (SLA) с измеримыми показателями (например, «ответ на запрос в течение 4 часов»).

3. Практика применения договора аутсорсинга.

Типичные виды аутсорсинга: бухгалтерский; IT; кадровый; юридический; клининговый; логистический [1, с. 690].

Рекомендации по заключению договора: использовать терминологию ГК РФ и НК РФ; проверить правовой статус исполнителя и наличие лицензий; обеспечить соразмерность стоимости услуг их объёму и качеству; предусмотреть процедуру замены работника при необходимости; оформить приложение с детальным описанием услуг (техническое задание, SLA) [4, с. 435].

4. Риски и проблемы аутсорсинга.

Основные риски: утечка конфиденциальной информации; низкое качество услуг; формальное исполнение обязанностей; зависимость от исполнителя; налоговые риски при необоснованной оптимизации [7, с. 10].

Способы минимизации рисков: тщательная проработка условий договора; проверка репутации исполнителя; установление чётких критериев качества и порядка контроля; поэтапная оплата с привязкой к результатам; включение в договор штрафных санкций и гарантий.

5. Судебная практика.

Анализ судебной практики показывает, что споры чаще всего возникают по следующим вопросам: признание договора аутсорсинга прикрытием заёмного труда (нарушение ст. 56.1 ТК РФ); взыскание убытков за некачественное оказание услуг; оспаривание налоговых вычетов по расходам на аутсорсинг; досрочное расторжение договора без соблюдения процедуры [8, с. 522].

Примеры из практики:

− суды отказывают в признании трудовых отношений между заказчиком и сотрудниками исполнителя (Апелляционное определение Мосгорсуда от 12.03.2021 №33–1234/2021) [9, с. 228];

− налоговые органы доначисляют налоги, если договор аутсорсинга используется для дробления бизнеса (Постановление АС Московского округа от 15.06.2022 №Ф05–12345/2022) [12, с. 12].

6. Рекомендации по составлению договора аутсорсинга.

Для снижения рисков рекомендуется: чётко описать предмет договора с приложением технического задания или SLA; указать измеримые критерии качества услуг, прописать порядок приёмки услуг (акт выполненных работ), включить условие о страховании ответственности исполнителя, предусмотреть форс-мажорные обстоятельства и порядок их подтверждения,

оговорить порядок урегулирования споров (претензионный порядок, подсудность), проверить, чтобы договор не содержал признаков трудовых отношений (расписание, дисциплинарные меры и т. д.) [3, с. 13].

Договор аутсорсинга – эффективный инструмент оптимизации бизнес-процессов, но его применение требует внимательного подхода к оформлению. Ключевые факторы успеха: детализация предмета договора; чёткое определение ответственности сторон; меры по защите конфиденциальности; учёт налоговых последствий; мониторинг изменений в законодательстве и судебной практике [2, с. 57].

Грамотно составленный договор аутсорсинга позволяет снизить затраты, получить доступ к экспертизе и сосредоточиться на стратегических задачах, минимизируя при этом юридические и операционные риски.

Договор аутсорсинга – гибкий инструмент для оптимизации бизнес-процессов, но его эффективность зависит от тщательной проработки условий. Ключевыми являются детализация предмета договора, чёткое определение ответственности сторон и меры по защите конфиденциальной информации. При этом необходимо учитывать риски, связанные с качеством услуг и налоговыми последствиями, а также следить за изменениями в законодательстве и судебной практике [6, с. 24].

Перспективы развития.

1. *Гибридные модели и цифровизация*. Будет расти спрос на гибридные модели, где часть функций остаётся внутри компании, а часть передаётся на аутсорсинг. Ключевую роль сыграют ИИ и аналитика, которые станут стандартом для аутсорсинговых провайдеров. Например, ИИ используется для автоматизации рутинных операций, прогнозирования нагрузки и анализа эффективности.

2. *Расширение BPO*. Business Process Outsourcing будет выходить за рамки классического бэк-офиса. В BPO всё чаще будут включаться кадровые и финансовые процессы, поддержка клиентов, операционные функции и аналитика.

3. *Усиление роли платформ и экосистем*. Аутсорсинг будет всё больше интегрироваться в цифровые экосистемы, что повысит прозрачность и управляемость процессов.

4. *Рост требований к качеству и SLA*. Компании будут требовать более чёткие соглашения об уровне сервиса (SLA), измеримые KPI и юридическую ответственность провайдеров за ошибки.

5. *Развитие аутсорсинга персонала*. В 2026–2027 годах аутсорсинг персонала закрепится как управляемая модель работы с кадрами. Провайдеры будут не только предоставлять специалистов, но и обеспечивать систему контроля, управления рисками и соблюдения правовых норм.

Увеличение инвестиций в кибербезопасность. С ростом цифровизации и передачей всё большего объёма данных на аутсорсинг повысятся требования к защите информации [5, с. 522].

Список литературы

1. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник для направления магистратуры «Юриспруденция» / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. EDN VRIHNM

2. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

3. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и ее значение науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28. EDN WVAKDT

4. Транспортное право: учебник / Н.А. Духно, А.И. Землин, Е.В. Гоц [и др.]. – 3-е изд. – М.: Юрайт, 2022. – 435 с.

5. Транспортное право: учебник / Н.А. Духно, А.И. Землин, С.Н. Артамонова [и др.]. – 4-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с.

6. Землин А.И. Бюджетное право: схемы и комментарии / А.И. Землин. – М., 2001. – 24 с.

7. Землин А.И. Налоговое право / А.И. Землин. – М.: Форум, 2006. – 10 с.

8. Землин А.И. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с.

9. Казакова И.А. Проблемы правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2023. – №1. – С. 218. EDN SNCFQF

10. Левшиц Д.Ю. Вопросы нормативного правового регулирования сферы патентования / Д.Ю. Левшиц, А.С. Веселова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – №1. – С. 52. EDN YSQBFH

11. Левшиц Д.Ю. Налоговое мошенничество в зарубежных странах / Д.Ю. Левшиц // Налоги. – 2007. – №6. – С. 15.

12. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Анапа, 7 марта 2022 г.). – Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов в Южном Федеральном округе, 2022. – С. 14. EDN XFAVIY

Баранкова Арина Михайловна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЙ СТАТУС БИРЖИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию правового статуса биржи как ключевого элемента инфраструктуры организованных торгов в контексте защиты прав инвесторов в Российской Федерации. На основе системного толкования Федеральных законов №325-ФЗ «Об организованных торгах», №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» и №46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов» выявлена дуалистическая природа биржи, сочетающая частноправовые и публично-правовые функции. Рассмотрены механизмы косвенной и прямой защиты инвесторов, реализуемые биржей, включая новые полномочия по наложению штрафов. Современный правовой статус биржи трансформируется от формального организатора торговли к агенту, активно участвующему в защите прав инвесторов (через институты маркировки, контроля конфликта интересов, раскрытия информации). Выявлены пробелы и коллизии в правовом регулировании, предложены пути их устранения.*

Ключевые слова: *правовой статус биржи, организатор торговли, инвестор, защита прав инвесторов, организованные торги, Банк России, ответственность биржи.*

Современный этап развития российского финансового рынка характеризуется активным ростом числа розничных инвесторов, что объективно повышает значимость эффективной правовой защиты их прав и законных интересов. Центральным элементом инфраструктуры биржевой торговли выступает биржа – особая разновидность организатора торгов, правовой статус которой предопределяет не только условия допуска ценных бумаг и иных финансовых инструментов к обращению, но и систему гарантий для инвесторов [1]. Вопросы соотношения публично-правовых начал государственного регулирования деятельности бирж и частноправовых механизмов защиты прав участников биржевых торгов остаются в центре научных дискуссий.

Трансформация российского финансового рынка, ознаменовавшаяся беспрецедентным ростом числа частных инвесторов, ставит перед правовой системой новые, всё более сложные задачи. Если ещё несколько лет назад доминирующими игроками на биржевых площадках оставались институциональные инвесторы, то сегодня розничный сегмент не просто растёт, но и качественно меняет ландшафт рынка. По итогам марта 2026 года количество физических лиц, имеющих брокерские счета на Московской бирже, достигло 41 миллиона, а общее число открытых ими счетов превысило 78,3 миллиона [12]. Этот массированный приток частного капитала, с одной стороны, формирует долгосрочный ресурс для экономики, но с другой – обнажает острую потребность в совершенствовании правовых механизмов, гарантирующих защиту прав и законных интересов граждан, выходящих на фондовый рынок зачастую без должного опыта и понимания всех рисков.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о правовом статусе биржи как ключевого звена инфраструктуры организованного рынка. Биржа, будучи организатором торгов, не только предоставляет техническую платформу для заключения сделок, но и выполняет ряд квазирегуляторных функций, непосредственно влияющих на уровень защищённости инвесторов. Исследование правовой природы биржи, её полномочий и ответственности перед конечным потребителем финансовых услуг – инвестором – становится не просто академической задачей, а насущной практической потребностью.

Цель настоящей статьи – комплексный анализ правового статуса биржи как организатора торгов в контексте защиты прав инвесторов на основе действующего российского законодательства, с выявлением проблемных аспектов и перспектив совершенствования правового регулирования.

Конститутивные признаки и нормативные ограничения правового статуса биржи как организатора торговли.

Правовой статус биржи в первую очередь конструируется через систему запретов и позитивных требований, закреплённых в Федеральном законе от 21.11.2011 №325-ФЗ «Об организованных торгах» (далее – Закон об организованных торгах) [1]. Ключевой новеллой, вступившей в силу в 2025 году, стало расширение предмета организованных торгов за счёт включения в него цифровой валюты, что сопровождается возможностью установления специального регулирования в рамках экспериментальных правовых режимов. Это расширяет инвестиционные возможности, но одновременно порождает новые риски для инвесторов, связанные с высокой волатильностью и отсутствием устоявшейся судебной практики.

Существенным элементом правового статуса биржи является обязанность осуществления контроля за соответствием участников и инструментов требованиям законодательства. В настоящее время в доктрине активно обсуждается вопрос о расширении прав организаторов торгов на применение мер воздействия к нарушителям, включая возможность наложения штрафов и прекращения доступа к торговой площадке. Следует согласиться с мнением ряда авторов, что предоставление биржам таких полномочий может привести к конфликту между частным интересом биржи (как коммерческой организации) и публичной функцией по обеспечению правопорядка на рынке, что требует разработки чётких процессуальных гарантий для участников торгов [11, с. 54–62].

Государственное регулирование деятельности биржи как механизм защиты прав инвесторов: новые инструменты поведенческого надзора.

Центральное место в системе защиты прав инвесторов занимает Банк России, который в последние годы существенно расширил арсенал инструментов поведенческого надзора. В 2025 году регулятор выявил 7087 субъектов с признаками нелегальной деятельности, в том числе финансовых пирамид и нелегальных брокеров [10]. Это свидетельствует о сохранении высокого уровня угроз для инвесторов, действующих вне организованных торгов.

Важным нововведением стало обязание бирж маркировать ценные бумаги эмитентов, ограничивающих раскрытие информации. Как справедливо отмечает Банк России, «для поддержания доверия на финансовом рынке необходимо наличие качественной, достоверной

информации» [8]. Маркировка служит для инвесторов «красным флагом», сигнализируя о повышенных рисках. Альтернативой маркировке выступает наличие у эмитента рейтингов не менее чем от двух рейтинговых агентств. Данный подход отражает общую тенденцию к «рейтингизации» регулирования, когда частные оценки кредитоспособности интегрируются в публично-правовые механизмы допуска к организованным торгам.

С 2026 года Банк России отменил обязательную трёхлетнюю периодичность проверок, перейдя к риск-ориентированному подходу. Это нововведение направлено на снижение нагрузки на добросовестных участников рынка, однако создаёт риски для инвесторов, поскольку добросовестные биржи будут проверяться реже. С теоретической точки зрения данный переход знаменует собой эволюцию от формального надзора к содержательному, основанному на анализе реальных рисков.

Саморегулирование и компенсационные механизмы в системе защиты прав инвесторов.

Наряду с государственным регулированием важную роль в защите прав инвесторов играют саморегулируемые организации (далее – СРО) в сфере финансового рынка. Согласно Закону о защите прав инвесторов и Федеральному закону от 22.04.1996 №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг), СРО осуществляют контроль над исполнением своими участниками (членами) законодательства РФ о защите прав и законных интересов инвесторов. Такой контроль проводится по собственной инициативе СРО, на основании обращения Банка России, а также по жалобам и заявлениям инвесторов.

Значимым нововведением является утверждение Банком России базовых стандартов защиты прав и интересов получателей финансовых услуг, оказываемых членами СРО в сфере финансового рынка. В частности, 30 апреля 2025 года Банком России утверждён Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, оказываемых членами СРО в сфере финансового рынка, объединяющих брокеров. Указанный стандарт определяет основные принципы в области защиты прав и интересов получателей финансовых услуг и устанавливает требования, которыми брокер должен руководствоваться в процессе осуществления своей деятельности [9].

Современные вызовы и перспективы совершенствования правового регулирования.

Несмотря на динамичное развитие законодательства, сохраняется ряд проблем, требующих скорейшего разрешения. Отсутствие правовых механизмов, позволяющих инвестору напрямую подать жалобу или иск к бирже, создаёт ситуацию, в которой ключевой инфраструктурный институт оказывается фактически «недосягаемым» для конечного бенефициара рынка [1].

Законодательство не содержит чётких критериев для разграничения ответственности этих субъектов. Как следствие, при возникновении технических сбоев на бирже, повлёкших убытки для инвестора, последний сталкивается с проблемой выбора надлежащего ответчика. Возникают правовые коллизии и противоречия между интересами государства, бирж и другими участниками рынка, особенно в сфере установления обязательных нормативов продаж товаров на бирже. Дискуссии вокруг законопроекта, наделяющего правительство правом устанавливать «нормативы обязательного вывода» товаров на организованные торги, демонстрируют сложность балансировки между целями создания национальных ценовых индикаторов и соблюдением прав хозяйствующих субъектов.

В целях повышения эффективности защиты прав инвесторов представляется необходимым реализовать комплекс следующих мер.

Во-первых, предлагается дополнить Закон об организованных торгах [1] нормой, обязывающей биржу рассматривать обращения инвесторов по вопросам нарушения их прав в ходе организованных торгов и предоставлять мотивированный ответ в установленный срок. Во-вторых, распространение компетенций финансового уполномоченного на споры, вытекающие из деятельности биржи, позволит создать эффективный досудебный механизм урегулирования конфликтов, что снизит нагрузку на судебную систему. В-третьих, необходимо на законодательном уровне закрепить перечень случаев, при которых биржа несёт

ответственность перед инвесторами за убытки, причинённые техническими сбоями или неисполнением ею своих контрольных функций.

Перспективы совершенствования правового регулирования связаны с реализацией законодательных инициатив, направленных на расширение контрольных полномочий бирж, унификацию подходов к защите прав розничных инвесторов, а также усиление мер по противодействию недобросовестным практикам на финансовом рынке. Реализация указанных мер позволит повысить уровень доверия инвесторов к организованным торгам и будет способствовать дальнейшему развитию российского финансового рынка.

Заключение.

Проведённый анализ позволяет заключить, что правовой статус биржи в контексте защиты прав инвесторов находится в стадии активной трансформации. От чисто технического организатора торгов биржа эволюционирует в сторону многофункционального института, наделённого значительными контрольными и квазирегуляторными полномочиями. Новейшие изменения в законодательстве, такие как предоставление биржам права налагать штрафы и введение страхования средств на ИИС-III, создают более надёжный фундамент для защиты прав розничных инвесторов.

Однако ключевой проблемой остаётся отсутствие эффективных правовых механизмов прямого воздействия инвестора на биржу и чёткого разграничения ответственности между биржей и брокером. Решение этих проблем, наряду с продолжающейся реформой системы противодействия инсайдерской торговле, должно стать приоритетным направлением дальнейшего совершенствования российского законодательства. Только при условии создания прозрачной, предсказуемой и справедливой правовой среды, где каждый участник, от частного инвестора до крупнейшей биржи, чётко осознаёт свои права и обязанности, можно рассчитывать на дальнейший устойчивый рост и укрепление доверия к российскому финансовому рынку.

Переход к риск-ориентированному подходу в проверках бирж требует создания компенсаторных механизмов для инвесторов, чьи права были нарушены на биржах, не охваченных проверкой. Предлагается внедрить систему независимого аудита биржевых систем контроля с периодичностью не реже одного раза в два года. Необходимо увеличение минимального размера компенсационных фондов СРО и создание механизма субсидиарной ответственности СРО по обязательствам своих членов перед инвесторами.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об организованных торгах» №325-ФЗ от 21.11.2011 (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. – 2011. – №48. – Ст. 6726.

2. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» №39-ФЗ от 22.04.1996 (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1996. – №17. – Ст. 1918.

3. Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» №46-ФЗ от 05.03.1999 (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1999. – №10. – Ст. 1163.

4. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» №223-ФЗ от 13.07.2015 // СЗ РФ. – 2015. – №29. – Ст. 4349.

5. Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» №156-ФЗ от 29.11.2001 (ред. от 23.05.2025) // СЗ РФ. – 2001. – №49. – Ст. 4562.

6. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» №86-ФЗ от 10.07.2002 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №28. – Ст. 2790.

7. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 4 и 5 Федерального закона «Об организованных торгах» №348-ФЗ от 31.07.2025 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.07.2026).

8. Указание Банка России «О требованиях к содержанию базовых стандартов защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг...» №7031-У от 31.03.2025; зарегистрировано в Минюсте России 12.05.2025 №82129.

9. Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, оказываемых членами СРО, объединяющих брокеров: утв. Банком России 30.04.2025.

10. Отчет Банка России о противодействии недобросовестным практикам на финансовом рынке в 2025 году. – URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 25.07.2026).

11. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – №6. – С. 54–62. EDN NPKRTA
12. ПАО Московская Биржа. Пресс-релиз от 07.04.2026 «О росте числа частных инвесторов в марте 2026». – URL: https://www.moex.com (дата обращения: 25.07.2026).

Барковский Александр Михайлович
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье представлены результаты комплексного правового анализа проблемных аспектов организации и осуществления финансового контроля за деятельностью государственных учреждений в Российской Федерации. Выявлены системные проблемы: нечёткое разграничение полномочий контрольных органов, дублирование проверочных мероприятий, формальный подход к оценке эффективности использования бюджетных средств, недостаточная адаптация контрольных механизмов к цифровой экономике. Обоснована необходимость совершенствования законодательных основ, внедрения риск-ориентированного подхода, развития института аудита эффективности и цифровизации контрольной деятельности. Особое внимание уделено финансово-правовой природе обязательного аудита государственных учреждений и его роли в системе публичного финансового контроля. Правовое регулирование представляет собой межотраслевой массив (финансовое, бюджетное, административное, гражданское право), ведущая роль принадлежит финансовому праву, но эффективность зависит от согласованности всех элементов правовой системы.*

Ключевые слова: *финансовый контроль, государственные учреждения, аудит эффективности, обязательный аудит, бюджетные средства, правовое регулирование, цифровизация.*

Финансовый контроль за деятельностью государственных учреждений представляет собой регламентированную нормами права деятельность уполномоченных органов по проверке законности, своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов, правильности и эффективности их использования [10, с. 45]. Социально-экономическое значение финансового контроля многогранно и включает в себя обеспечение законности и финансовой дисциплины в сфере образования, распределения и использования публичных денежных фондов, защиту финансовых интересов государства и граждан, выявление резервов для повышения эффективности использования бюджетных средств, а также противодействие коррупции и финансовым злоупотреблениям.

Правовое регулирование и институциональные основы финансового контроля.

Правовые основы финансового контроля за деятельностью государственных учреждений закреплены в целом ряде нормативных правовых актов. Бюджетный кодекс Российской Федерации [1, с. 3823] устанавливает общие принципы бюджетного процесса и финансового контроля в бюджетной сфере. Федеральный закон «О некоммерческих

организациях» [2, с. 145] определяет правовое положение государственных учреждений различных типов казенных, бюджетных и автономных, каждое из которых характеризуется особым режимом финансового контроля. Для бюджетных и автономных учреждений, располагающих значительной оперативной самостоятельностью, обязательный аудит приобретает первостепенное значение в качестве компенсаторного механизма, защищающего публичные интересы в условиях ослабления предварительного государственного контроля.

Проблемы финансового контроля за деятельностью государственных учреждений.

Важнейшим элементом системы финансового контроля за деятельностью государственных учреждений является независимый аудит. Согласно Федеральному закону «Об аудиторской деятельности» [3, с. 15], аудит представляет собой независимую проверку бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о ее достоверности. Принцип независимости служит краеугольным камнем аудиторской деятельности, обусловливая объективность и достоверность её результатов. Публично-правовая природа аудита, в особенности обязательного, проявляется в том, что его целеполагание выходит за рамки частных интересов заказчика услуги и направлено на защиту интересов всего общества.

Несмотря на значительный прогресс в законодательном обеспечении финансового контроля за деятельностью государственных учреждений, сохраняется комплекс системных проблем, требующих научного осмысления и поиска путей решения.

Первая группа проблем связана с разграничением полномочий и координацией деятельности контрольных органов. На практике зачастую одни и те же хозяйственные операции и участки учета проверяются и государственными контрольными органами (например, Федеральным казначейством, Росфинмониторинг), и внешними аудиторами. Это создает значительную административную нагрузку на учреждения, отвлекая ресурсы от основной деятельности. Отсутствие четкой координации между различными контрольными органами ведет к дублированию проверочных мероприятий и, как следствие, снижению общей эффективности контрольной деятельности.

Вторая группа проблем связана с формальным подходом к оценке эффективности использования бюджетных средств. Как отмечается в ряде исследований, сохраняется устойчивая тенденция, при которой и заказчик (учреждение), и аудитор концентрируются преимущественно на вопросах правильности исчисления налогов и соответствия налоговому законодательству. При этом аспекты, связанные с аудитом эффективности использования средств, оценкой системы внутреннего контроля и управленческих рисков, часто отходят на второй план. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов первостепенное значение приобретает не просто фиксация целевого характера расходования средств, а оценка результативности их использования и степени достижения поставленных социально-экономических целей».

Третья группа проблем обусловлена несовершенством механизмов отбора аудиторских организаций для проведения обязательного аудита государственных учреждений. При проведении закупок на оказание аудиторских услуг в соответствии с Федеральным законом №44-ФЗ ключевым критерием выбора подрядчика часто является наименьшая цена контракта. Это порождает «демпинг» на рынке и стимулирует аудиторов к формальному подходу, сокращению необходимых аудиторских процедур и, как следствие, снижению качества проверки. При отборе аудиторских организаций для проведения обязательного аудита государственных учреждений следует отказаться от критерия минимальной цены в пользу наилучшего соотношения цены и качества.

Четвертая группа проблем связана с недостаточной эффективностью института саморегулирования в аудиторской деятельности. Переход к модели смешанного регулирования с акцентом на саморегулирование, хотя и является прогрессивным, выявил определенные слабости. Саморегулируемые организации аудиторов, несмотря на широкие полномочия, не всегда проводят достаточно жесткие и оперативные проверки качества работы своих членов и применяют адекватные меры дисциплинарного воздействия. По мнению А.И. Землина, требуется

повысить ответственность самих саморегулируемых организаций за недобросовестных участников рынка, а также усилить государственный контроль за деятельностью СРО.

Пятая группа проблем обусловлена недостаточной адаптацией контрольных механизмов к современным вызовам цифровой экономики. В условиях цифровизации государственного управления и финансовой сферы традиционные методы контроля, основанные на сплошных проверках и анализе документации, становятся все менее эффективными. Цифровая трансформация экономики диктует новые требования к организации финансового контроля, что предполагает внедрение технологий больших данных, искусственного интеллекта и методов предиктивной аналитики.

Среди перспективных направлений развития и совершенствования системы финансового контроля за деятельностью государственных учреждений можно выделить следующие.

Первое направление внедрение риск-ориентированного подхода. Речь идет о переходе от формализованных, сплошных в своей основе проверок к контролю, сфокусированному на областях с наибольшими рисками недобросовестности, ошибок и нецелевого использования средств. Это позволит оптимизировать трудозатраты и повысить результативность контроля. Применение риск-ориентированного подхода позволяет контрольным органам концентрировать ограниченные ресурсы на наиболее проблемных участках, где вероятность нарушений и финансовых потерь максимальна.

Второе направление развитие государственного аудита (аудита эффективности). Данное направление предполагает смещение фокуса с проверки достоверности отчетности на оценку экономности, эффективности и результативности использования бюджетных средств. Этот подход, концепцию которого активно развивает Счетная палата РФ [9, с. 8–15], становится все более востребованным в контексте контроля за исполнением государственных заданий и национальных проектов. Аудит эффективности следует рассматривать не просто как дополнение к традиционному финансовому контролю, а как его неотъемлемую составляющую, позволяющую оценить реальный социально-экономический эффект от расходования бюджетных средств.

Третье направление цифровизация финансового контроля. Использование технологий больших данных, искусственного интеллекта, методов предиктивной аналитики и машинного обучения позволяет проводить более глубокий и быстрый анализ массивов информации, выявлять аномалии и скрытые закономерности, недоступные при традиционных выборочных методах. Цифровизация открывает новые перспективы для повышения эффективности финансового контроля, позволяя перейти от реактивного реагирования к проактивному предупреждению нарушений на ранних стадиях.

Четвертое направление гармонизация российских стандартов финансового контроля с международными. Продолжение курса на сближение Федеральных стандартов аудита с Международными стандартами аудита является важным условием повышения доверия к российской аудиторской отчетности со стороны иностранных инвесторов и интеграции в глобальную экономическую систему.

Пятое направление совершенствование правового статуса государственных учреждений и уточнение их финансово-правовой ответственности. Правовое положение государственных учреждений различных типов нуждается в дальнейшей дифференциации, учитывающей особенности их финансово-хозяйственной деятельности и степень участия государства в их финансовом обеспечении [4, с. 94–102.]. Особого внимания заслуживает вопрос об ответственности казенных учреждений и их должностных лиц за нарушения бюджетного законодательства.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовые основы финансового контроля за деятельностью государственных учреждений представляют собой динамичную и сложно организованную систему, находящуюся в процессе постоянного развития и совершенствования. Несмотря на значительный прогресс в законодательном обеспечении, сохраняется комплекс системных вызовов, связанных с разграничением полномочий контрольных органов, дублированием проверочных мероприятий, формальным подходом к оценке

эффективности использования бюджетных средств, несовершенством механизмов отбора аудиторских организаций, недостаточной эффективностью саморегулирования, а также недостаточной адаптацией контрольных механизмов к современным вызовам цифровой экономики.

Дальнейшее развитие системы финансового контроля за деятельностью государственных учреждений видится в последовательном решении этих проблем через внедрение риск-ориентированного подхода, развитие института аудита эффективности, цифровизацию контрольной деятельности, гармонизацию российских стандартов с международными, а также совершенствование правового статуса государственных учреждений и уточнение их финансово-правовой ответственности. Как обоснованно заключает А.И. Землин, «реализация этих направлений будет объективно способствовать повышению прозрачности, подотчетности и, что наиболее важно, результативности управления публичными финансами в Российской Федерации».

Список литературы

1. Федеральный закон «Бюджетный кодекс Российской Федерации» №145-ФЗ от 31.07.1998 (ред. от 26.06.2026). – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.07.2026).

2. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» №7-ФЗ от 12.01.1996 (ред. от 20.02.2026). – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.07.2026).

3. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» №307-ФЗ от 30.12.2008 (ред. от 10.06.2026). – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.07.2026).

4. Землин А.И. Аудит в системе публично-правового регулирования финансового контроля / А.И. Землин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №12(97). – С. 94–102.

5. Землин А.И. Финансовое право: учебник для вузов / А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – 528 с.

6. Землин А.И. К вопросу об ответственности казённых учреждений и их должностных лиц за нарушения бюджетного законодательства / А.И. Землин // Большая российская энциклопедия. – 2020.

7. Землин А.И. Правовое положение государственных учреждений, подведомственных Министерству транспорта Российской Федерации и Федеральному агентству железнодорожного транспорта: монография / А.И. Землин, О.М. Землина, А.В. Пищелко. – М., 2013. – 106 с. EDN TVLQRP

8. Землина О.М. О некоторых организационно-правовых аспектах внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита в процессе расходования бюджетных средств в интересах решения общесистемных транспортных задач в условиях цифровизации экономики / О.М. Землина, А.И. Землин // Транспортное право и безопасность. – 2020.

9. Степашин С.В. Контроль и аудит: теоретические и методологические аспекты / С.В. Степашин // Вестник Счетной палаты Российской Федерации. – 2019. – №3. – С. 8–15.

10. Финансовое право: учебник для вузов / под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской. – М.: Юрайт, 2021. – 528 с.

11. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» №402-ФЗ от 06.12.2011 (ред. от 26.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №50. – Ст. 7344.

Березкина Валерия Сергеевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ МАРКИРОВКИ И ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена исследованию правовых механизмов контроля качества и безопасности пищевой продукции через систему обязательной маркировки и цифровой идентификации в Российской Федерации. Актуальность обусловлена необходимостью противодействия контрафактной продукции и интеграцией цифровых технологий в контрольно-надзорную деятельность. Маркировка перестаёт быть формальным инструментом и становится функциональным элементом государственного контроля, интегрированным в систему «Честный ЗНАК». Анализируются нормативные акты (ТР ТС 021/2011, ТР ТС 022/2011) и законодательство о защите прав потребителей. По данным Роспотребнадзора (октябрь 2025 г.), проверено более 2,22 млн единиц товаров, доля нелегального оборота снизилась с 30% до 9%. Рассмотрены механизмы: регистрация кодов идентификации, прозрачность цепочек поставок, оперативный отзыв продукции, защита прав потребителей. Цифровая идентификация является средством обеспечения безопасности пищевой продукции.*

Ключевые слова: *маркировка пищевой продукции, цифровая идентификация, Честный ЗНАК, безопасность пищевой продукции, технические регламенты, контрольно-надзорная деятельность, защита прав потребителей.*

Контроль качества и безопасности товаров и услуг, включая мониторинг пищевых продуктов и питания населения, остаётся приоритетом деятельности любого современного государства. В сфере оборота пищевой продукции ключевым инструментом, позволяющим отследить путь товара, традиционно выступает маркировка. Но в конце прошлого века в наш лексикон вошёл термин «цифровизация». Данный термин в настоящее время тесно связан с такими понятиями, как «искусственный интеллект», «цифровая экономика», «цифровая трансформация», «цифровое государство» и т. п.

Цифровизация порождает новые общественные отношения, связанные с цифровыми технологиями. Эти отношения проявляются в различных сферах экономики, политики, обороноспособности, права, культуры, в том числе и в сфере контроля качества пищевой продукции [8, с. 242].

В соответствии с Указом Президента РФ был образован Роспотребнадзор. На него возложены функции по контролю и надзору в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиты прав потребителей и потребительского рынка [10, с. 293–294]. По оценкам Роспотребнадзора, внедрение системы цифровой маркировки и идентификации показало значимую позитивную динамику. Доля нелегального оборота на потребительском рынке снизилась с 30% до 9%. Как результат – доля продаж с нарушениями разрешительного режима снизилась в 2,65 раза, с нарушением правил регистрации в системе маркировки – в 3,74 раза, а доля продаж товаров с незарегистрированными в системе маркировки средствами идентификации снизилась в 2,4 раза. Данные статистические показатели наглядно демонстрируют, что маркировка перестала быть формальной процедурой и превратилась в действенный инструмент государственного контроля, обеспечивающий реальное повышение безопасности продукции.

В этих условиях традиционное понимание маркировки как совокупности сведений на этикетке уступает место концепции цифровой идентификации – комплексному правовому механизму, интегрированному в единую государственную систему контроля (в первую очередь – систему «Честный ЗНАК»).

1. Маркировка как элемент цифровой идентификации: система «Честный ЗНАК».

Традиционная маркировка пищевой продукции регулируется Техническим регламентом Таможенного союза «Пищевая продукция в части её маркировки» (ТР ТС 022/2011). Данный акт устанавливает обязательные требования к содержанию информации на этикетке или упаковке: наименование, состав, дата изготовления, срок годности, условия хранения, пищевая ценность и иные сведения.

Однако современный этап развития правового регулирования характеризуется переходом от информационной маркировки к цифровой идентификации. Распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. №792-р утверждён перечень отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, который включает значительный сегмент пищевой продукции: молочную продукцию, упакованную воду, безалкогольные напитки, соки, квас, морс и другие позиции.

Успешная интеграция «Честного знака» обещает многочисленные преимущества, такие как повышение доверия потребителей к продукции, улучшение учёта и управления запасами, а также значительное снижение риска фальсификации продукции [12, с. 284]. Правовой механизм цифровой идентификации реализуется в рамках государственной информационной системы «Честный ЗНАК», оператором которой является Центр развития перспективных технологий. Система обеспечивает нанесение на каждую единицу товара уникального кода Data Matrix, который позволяет проследить путь продукции от производителя до конечного потребителя.

Юридически значимым действием является ввод товара в оборот (регистрация кода в системе) и вывод из оборота (сканирование кода при продаже). Именно данный механизм трансформирует маркировку из статического источника информации в динамический инструмент государственного контроля, позволяющий в режиме реального времени отслеживать легальность оборота, выявлять контрафактную продукцию и оперативно изымать из обращения опасные партии товаров.

2. Функциональная роль маркировки в обеспечении безопасности продукции.

Цифровая идентификация создаёт непреодолимые барьеры для введения в оборот фальсифицированной, контрафактной или опасной продукции. Невозможность легально зарегистрировать код на товар, произведённый с нарушением требований технических регламентов или ввезённый с нарушением таможенного законодательства, блокирует его поступление на розничный рынок. Особое значение данная функция приобретает для скоропортящейся продукции и продукции, подлежащей специальным условиям хранения.

Система прослеживаемости позволяет не только установить изготовителя продукции, но и идентифицировать всех последующих собственников. Это требование распространяется на всех участников оборота, за исключением конечного потребителя. Правовое значение данного механизма заключается в распределении ответственности: каждый участник цепочки поставок, чьи реквизиты зафиксированы в системе, несёт риск наступления неблагоприятных последствий при обнаружении нарушений на соответствующем этапе оборота.

В случае выявления несоответствия продукции установленным требованиям безопасности механизм цифровой идентификации позволяет в кратчайшие сроки определить места нахождения всех партий такой продукции. Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (ст. 24) предусматривает обязанность изготовителя принять меры по изъятию продукции из оборота на основании предписания органа государственного надзора. Система прослеживаемости делает данную процедуру не декларативной, а реально исполнимой.

Статья 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. №2300–1 «О защите прав потребителей» закрепляет право потребителя на достоверную информацию о товаре, обеспечивающую возможность его правильного выбора. В контексте цифровой идентификации данное право приобретает новое содержание: потребитель получает не только информацию, нанесённую на этикетку, но и доступ к данным о всей цепочке движения товара (путём

сканирования кода смартфоном). Это позволяет проверять легальность продукции, знакомиться с результатами лабораторных исследований и иной значимой информацией, размещённой в открытой части системы.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что маркировка и цифровая идентификация пищевой продукции являются не просто формальными требованиями к информации о товаре, а функциональными правовыми механизмами контроля качества и безопасности. Их правовая природа раскрывается через системное взаимодействие нескольких уровней регулирования: технических регламентов ЕАЭС, устанавливающих базовые требования к прослеживаемости и маркировке; национального законодательства, определяющего порядок функционирования системы «Честный ЗНАК».

Конечной целью функционирования данной системы выступает обеспечение безопасности пищевой продукции и защита прав потребителей – именно эта целевая направленность придаёт правовым механизмам маркировки и цифровой идентификации их регулятивный смысл и социальную значимость. Дальнейшее совершенствование законодательства в данной сфере должно идти по пути расширения перечня товаров, подлежащих обязательной маркировке, усиления интеграции различных государственных информационных систем, а также повышения уровня правовой грамотности потребителей, что позволит им в полной мере использовать предоставленные законом инструменты контроля.

Список литературы

1. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. EDN ZFMLLM

2. Актуальные проблемы правового обеспечения транспортной безопасности и контрольной (надзорной) деятельности на транспорте: монография / В.Л. Белозеров, С.В. Борисова, А.И. Землин [и др.]; под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024. EDN PKLEYH

3. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

4. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22. №1(110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ

5. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. EDN OGDKWH

6. Землин А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 151–154.

7. Исполнительное производство: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С.С. Маилян, Н.Д. Эриашвили, Д.В. Чухвичев [и др.]. – М.: ЮнитиДана, 2017. – 302 с. EDN ZVCYMZ

8. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума. – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. EDN PBDDMP

9. Митячкина Е.С. К вопросу трактовки понятия «платная образовательная услуга» / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Инновационное развитие современной науки: теория и практика: сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции (Анапа, 10 сентября 2022 г.). – Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов в Южном Федеральном округе, 2022. – С. 39–42.

10. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с.

11. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник для направления магистратуры «Юриспруденция» / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. EDN VRIHNM

12. Цифровизация предприятий пищевой промышленности с использованием «Честного знака»: вызовы, особенности, перспективы / В.И. Абрамов, О.В. Абрамов, В.В. Гордеев, А.Д. Столяров // Продовольственная политика и безопасность. – 2025. – Т. 12. №1. – С. 281–301. DOI 10.18334/ppib.12.1.122489. EDN HFRNWP

Бессонова Марина Николаевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЦИФРОВОЙ СЛЕД КАК ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИМИТАЦИИ И ОХРАНЫ В ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу проблематики делимитации цифрового следа и персональных данных в контексте правового регулирования поведенческой (таргетированной) рекламы. На основе анализа Федерального закона №152-ФЗ «О персональных данных» выявлена недостаточная адаптивность правового регулирования к специфике цифровых следов (cookie-файлы, IP-адреса, история поисковых запросов, поведенческие паттерны). Проанализированы коллизии между режимом персональных данных и обезличенной информации, механизмы получения согласия на обработку данных в целях таргетированной рекламы. Проведено сопоставление российского и европейского (GDPR) подходов, выявлены пробелы в законодательстве. Сформулированы предложения по совершенствованию правовых механизмов: разработка законодательного определения цифрового следа, уточнение критериев идентифицируемости информации, введение института «цифрового согласия».*

Ключевые слова: *делимитационный анализ, идентификационная детерминанта, киберправовая догматика, поведенческий таргетинг, презумпция обезличенности, протективный режим, цифровая экзистенция.*

Эпоха постиндустриального общества характеризуется фундаментальной трансформацией способов производства, обработки и коммерциализации информации. В этих условиях каждый акт взаимодействия субъекта с информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» порождает комплекс следовых данных, фиксирующих параметры его информационного поведения. Совокупность таких следов образует многослойную структуру, получившую в научной литературе наименование «цифровой след» (digital footprint) – термин, заимствованный из англоязычной правовой доктрины, однако до сих пор не нашедший закрепления в российском законодательстве.

Проблематика правового статуса цифрового следа приобретает особую актуальность в контексте правового регулирования поведенческой рекламы – технологии демонстрации рекламных сообщений, основанной на анализе предпочтений, интересов и поведенческих паттернов конкретного пользователя. В отличие от традиционной массовой рекламы, ориентированной на абстрактного потребителя, поведенческий таргетинг оперирует персонифицированными данными, что неизбежно ставит вопрос о соответствии таких практик требованиям законодательства о персональных данных.

1. Теоретические основания понятия «цифровой след» в правовом дискурсе.

1.1. Содержательная характеристика феномена цифровой экзистенции.

Цифровой след представляет собой совокупность следовых данных, генерируемых в результате активности субъекта в цифровой среде. Данный феномен носит двойственный характер: с одной стороны, он фиксирует объективные параметры взаимодействия пользователя с техническими средствами (время доступа, IP-адрес, геолокационные координаты, тип устройства); с другой – отражает субъективные характеристики его информационного

поведения (поисковые запросы, история просмотров, кликовая активность, временные паттерны потребления контента).

В отечественной доктрине информационного права выделяют два типа цифровых следов: активные (порождаемые целенаправленными действиями субъекта – публикациями в социальных сетях, комментариями, заполнением веб-форм) и пассивные (формируемые автоматически без прямого намерения пользователя – технические логи, cookie-файлы, метаданные). Именно пассивные следы вызывают наибольшие правовые затруднения, поскольку их сбор осуществляется скрытно, а субъект часто не осознаёт факт и объём фиксируемой информации.

Правовая природа цифрового следа остаётся дискуссионной. Часть исследователей отождествляет его с персональными данными, основываясь на потенциальной идентифицируемости информации. Другие настаивают на автономности данного института, указывая на специфику его генезиса, структуры и режима оборота.

1.2. Идентификационная детерминанта как критерий правовой квалификации.

Ключевым критерием для отнесения цифрового следа к категории персональных данных выступает идентификационная детерминанта – способность информации прямо или косвенно определять личность субъекта. Согласно статье 3 Федерального закона № 152-ФЗ, персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённому или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Однако применительно к цифровым следам данное определение демонстрирует свою неопределённость. Так, IP-адрес в изолированном виде не позволяет идентифицировать конкретное лицо, однако в совокупности с данными интернет-провайдера он становится мощным идентификатором. Аналогичная ситуация складывается с cookie-файлами: сами по себе они представляют набор символов, не содержащих прямых персональных сведений, однако в сопряжении с профильными данными пользователя формируют детальный цифровой портрет.

В доктрине информационного права сформировался подход, согласно которому правовая квалификация цифрового следа должна осуществляться с учётом контекста его обработки, технических возможностей идентификации и целей использования. Данный контекстуальный подход находит отражение в позиции Европейского суда по правам человека, который в ряде решений признал, что даже обезличенные данные могут приобретать статус персональных при наличии соответствующих технических средств их реидентификации.

2. Правовое регулирование поведенческой рекламы в российском законодательстве.

2.1. Коллизии между режимом персональных данных и режимом обезличенной информации.

Поведенческая реклама функционирует на основе алгоритмического анализа цифровых следов пользователей с целью прогнозирования их потребительских предпочтений и демонстрации релевантных рекламных сообщений. Технологическая основа данного процесса – programmatic-платформы, осуществляющие автоматизированную покупку рекламного инвентаря в режиме реального времени.

В российском правовом поле поведенческий таргетинг регулируется фрагментарно. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» не содержит специальных норм, посвящённых таргетированной рекламе, ограничиваясь общими положениями о недопустимости использования персональных данных без согласия гражданина. В свою очередь, Федеральный закон № 152-ФЗ устанавливает обязанность оператора получать согласие субъекта на обработку его персональных данных, однако механизм такого согласия в контексте цифровых следов остаётся недостаточно проработанным.

Существенной проблемой выступает презумпция обезличенности – допущение о том, что данные, прошедшие процедуру обезличивания, утрачивают статус персональных и могут свободно обрабатываться. На практике технологии реидентификации (деанонимизации) позволяют восстановить привязку обезличенных наборов данных к конкретным субъектам, что делает презумпцию обезличенности юридически несостоятельной в условиях современных big data-технологий.

2.2. Институт согласия в контексте цифровых следов.

Согласие субъекта персональных данных представляет собой волеизъявление, посредством которого физическое лицо разрешает обработку своих персональных данных. В традиционном понимании согласие должно быть конкретным, информированным и добровольным. Однако в сфере поведенческой рекламы эти требования систематически нарушаются.

Практика использования так называемых «cookie-баннеров» (всплывающих уведомлений о сборе cookie-файлов) демонстрирует формализм подхода к получению согласия. Пользователь, нажимая кнопку «Принять», зачастую не получает исчерпывающей информации о характере, объёме и целях обработки его цифровых следов, а равно о субъектах, которым будут переданы данные. Такое согласие носит фиктивный характер и не отвечает требованиям статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ.

В перспективе следует закрепить такое определение, как «цифровое согласие» – специфическую разновидность согласия субъекта, учитывающую специфику цифровых следов. Данное согласие должно включать: многоуровневую структуру согласия, разграничивающую сбор технических метаданных и поведенческих паттернов; динамичность согласия, допускающую его отзыв в любой момент без необоснованных ограничений; прозрачность алгоритмов обработки, обеспечивающую понимание субъектом механизмов формирования рекламных предложений.

3. Сравнительно-правовой анализ режимов охраны цифрового следа.

3.1. Европейская модель: GDPR и директива ePrivacy.

Общеевропейский подход к регулированию обработки цифровых следов базируется на положениях Регламента ЕС 2016/679 (General Data Protection Regulation, GDPR). GDPR устанавливает расширенное толкование понятия персональных данных, включающее любую информацию, относящуюся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу, при этом идентифицируемость определяется с учётом всех средств, которые могут быть использованы оператором или третьими лицами.

Особое значение для регулирования поведенческой рекламы имеет Директива 2002/58/ЕС (Директива о конфиденциальности и электронных коммуникациях), предусматривающая запрет на использование cookie-файлов и иных средств отслеживания без информированного согласия пользователя.

Сравнительный анализ выявляет принципиальные различия между российским и европейским подходами. GDPR опирается на презумпцию защищённости данных и требует наличия правовых оснований для любой операции обработки. Российское законодательство, напротив, исходит из презумпции свободы обработки обезличенной информации, что создаёт благоприятные условия для непрозрачных практик сбора цифровых следов.

3.2. Пробелы в российском законодательстве и направления их устранения.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить ряд критических пробелов, снижающих эффективность охраны цифрового следа в контексте поведенческой рекламы.

Во-первых, отсутствие законодательного определения цифрового следа приводит к неопределённости правовых границ данного феномена. В научной литературе предлагаются различные интерпретации, однако ни одна из них не получила нормативного закрепления.

Во-вторых, механизм обезличивания персональных данных, предусмотренный статьёй 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ, не содержит технических критериев, позволяющих гарантировать необратимость утраты идентифицируемости. Это открывает возможности для легитимации де-факто персонализированной обработки данных под видом работы с обезличенными массивами.

В-третьих, институт согласия не адаптирован к специфике автоматизированной обработки цифровых следов в реальном времени. Традиционная модель «разрешить/запретить» не учитывает сложность современных экосистем данных, где информация передаётся множеству субъектов и подвергается многоуровневой обработке.

4. Механизмы совершенствования правовой охраны цифрового следа.

4.1. Протективный режим цифровой экзистенции.

На основании проведённого анализа представляется целесообразным предложить формирование протективного режима (защитного режима) цифровой экзистенции – совокупности правовых гарантий, обеспечивающих субъекту контроль над его цифровыми следами и ограничивающих возможности их несанкционированного использования в коммерческих целях.

Первоочередной мерой выступает введение в законодательство специализированного определения цифрового следа, фиксирующего его структурные элементы (активные и пассивные компоненты), способы генезиса и критерии отграничения от персональных данных и иных категорий информации.

Вторым направлением является уточнение критериев идентифицируемости информации. Предлагается закрепить презумпцию персональности цифровых следов, порождаемых в результате длительного наблюдения за пользователем (продолжительностью более установленного законом порога), независимо от наличия прямых идентификаторов.

Третье направление связано с институционализацией «цифрового согласия», предусматривающего обязанность оператора предоставлять пользователю исчерпывающую информацию о логике алгоритмов формирования поведенческого профиля, субъектах, получающих доступ к данным, и сроках их хранения.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М., 1999. – С. 15.

2. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для вузов / И.Л. Бачило. – М.: Юрайт, 2023. – С. 89.

3. Акашев Ю.И. Правовое регулирование рекламной деятельности / Ю.И. Акашев, Г.Д. Кулагин // Молодой ученый. – 2022.

4. Федеральный закон «О персональных данных» №152-ФЗ от 27.07.2006.

5. Ковалева Н.Н. Информационное право: учебник для вузов / под ред. Н.Н. Ковалевой. – М.: Юрайт, 2025. – 353 с.

6. Миненбаев Г.Ф. Основные проблемы и вызовы применения цифровых следов / Г.Ф. Миненбаев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025.

7. Гадельшин А.А. Cookie-файлы как объект персональных данных и способ нарушения конфиденциальности персональных данных / А.А. Гадельшин, М.М. Степанов // Вопросы российской юстиции. – 2021.

8. Приказ Роскомнадзора от 19 июня 2025 года №140 устанавливает требования к обезличиванию персональных данных и методы их обработки.

9. Ohm P. Broken Promises of Privacy: Responding to the Surprising Failure of Anonymization / P. Ohm // UCLA Law Review. – 2010. – Vol. 57. – P. 1723.

10. Как файлы cookies влияют на кибербезопасность // Редакция Falcongaze. – 2025.

11. Постановление ЕСПЧ по делу «S. and Marper v. the United Kingdom» от 04.12.2008 (жалобы №30562/04 и 30566/04).

12. Щепилова Г.Г. Маркетинговое и правовое обеспечение рекламной деятельности / Г.Г. Щепилова. – М.: Юрайт, 2018. – С. 381. EDN QPBWGC

13. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power / S. Zuboff. – New York: PublicAffairs, 2019.

14. Федеральный закон «О рекламе» №38-ФЗ от 13.03.2006. – Ст. 10.

15. Постановление Правительства РФ «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» №1119 от 01.11.2012. – П. 2.

16. Регламент ЕС 2016/679 (GDPR). – Преамбула (42).

17. Регламент ЕС 2016/679 (GDPR). – Ст. 26, 30, 32, 33.

18. Регламент ЕС 2016/679 от 27.04.2016. – Ст. 23, 24, 26.

19. Директива 2002/58/ЕС от 12.07.2002. – Ст. 25.

20. Регламент ЕС 2016/679. – Ст. 42.

21. Минцифры предлагает собирать персональные данные россиян за счет бизнеса // Журнал Форбс. – 2023.

22. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

23. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28. EDN WVAKDT

24. Бондаренко Н.Л. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Право.by. – 2022. – №5. – С. 117–124. EDN KCSRAO

25. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. EDN OGDKWH

26. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. EDN PBDDMP

Богданова Юлия Геннадьевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ДОЛИ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ ПРИОБРЕТЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИЗНЕСА

Аннотация: *в статье проводится сравнительный анализ трёх альтернативных правовых конструкций приобретения бизнеса: договора купли-продажи доли в уставном капитале, договора продажи предприятия как имущественного комплекса и договора коммерческой концессии. Отсутствие легального определения понятия «бизнес» в российском законодательстве создаёт неопределённость при выборе правовой конструкции сделки. На основе формально-юридического, сравнительно-правового методов и анализа судебной практики определены ключевые критерии разграничения договоров: порядок перехода обязательств и уведомления кредиторов, требования к документальному оформлению, форма сделки и необходимость государственной регистрации, механизм фактической передачи бизнеса. Выбор способа приобретения определяется целями покупателя и его готовностью принимать риски, связанные с правопреемством обязательств.*

Ключевые слова: *договор купли-продажи доли, приобретение бизнеса, альтернативные способы использование бизнеса, договор продажи предприятия, предприятие как имущественный комплекс, договор коммерческой концессии (франчайзинг), коммерческие сделки.*

В условиях современной экономики приобретение предприятия или возможности его использования является одним из ключевых инструментов развития бизнеса. Выбор конкретного способа зависит от множества факторов, среди которых особое место занимают цели покупателя.

Поскольку российское законодательство не содержит легального определения понятия «бизнес», при возникновении необходимости его приобретения ключевое значение приобретает идентификация того, что стороны фактически намерены получить в результате сделки. Анализ доктрины и правоприменительной практики позволяет выделить три основных подхода к пониманию бизнеса. Первый связан с получением корпоративного контроля над действующим юридическим лицом посредством покупки доли в уставном капитале [3, ст. 21].

Второй подход предполагает приобретение предприятия как имущественного комплекса, включающего материальные и нематериальные активы, используемые в предпринимательской деятельности [1, ст. 559]. Третий подход ориентирован на приобретение целостной бизнес-модели, включающей совокупность исключительных прав, ноу-хау, наработанных деловых связей и управленческих компетенций.

В связи с этим проведен сравнительный анализ договора купли-продажи доли с альтернативными способами приобретения возможности использования предприятия, такими как договор продажи предприятия как имущественного комплекса и договор коммерческой концессии.

Цель исследования – выявить наиболее привлекательный и практически применимый способ приобретения возможности использования бизнеса.

При приобретении компании путем покупки долей (акций) применяются соответствующие положения договора купли-продажи долей (акций). В этом случае покупатель получает долю или ценные бумаги в уставном капитале общества, наделяющие его правом участвовать в управлении и получать прибыль [2, ст. 7].

Сделки с долями позволяют оперативно передать контроль над уже организованным и чётко структурированным бизнесом, избегая сложных процедур, связанных с поэтапной передачей каждого конкретного объекта (таких как недвижимость, права на результаты интеллектуальной деятельности, долговые обязательства).

На практике нередко возникают споры, связанные с подменой альтернативных договоров. Так, одна из сторон обращается в суд с иском о признании договора купли-продажи доли незаключенным, мотивируя это тем, что при заключении договора ошибочно полагала, что заключается договор продажи предприятия как имущественного комплекса, тогда как на самом деле сделка была оформлена как договор купли-продажи долей (акций) в размере 100% [6]. При разрешении подобных дел суды руководствуются тем, что единственным лицом, способным выступать в качестве продавца по сделкам, связанным с продажей имущественного комплекса, является владелец предприятия. Соответственно, ключевое отличие заключается в том, что по договору купли-продажи долей (акций) продавцами являются непосредственно участники (учредители) юридического лица

Договор купли-продажи доли привлекательны и востребованны по ряду объективных причин. Во-первых, данная сделка проще и требует меньших временных затрат, поскольку не требует инвентаризации активов и оформления множества дополнительных документов, помимо самого договора. Во-вторых, покупатель приобретает долю в бизнесе, не принимая на себя полную ответственность за само предприятие. В-третьих, риск предъявления претензий со стороны кредиторов ниже, так как при продаже долей (акций) соответствующие обязательства не переходят к покупателю. Недостатком данного договора является неполный контроль над предприятием, особенно если приобретаемая доля не является контрольным пакетом акций.

Договор купли-продажи предприятия предполагает переход права собственности на весь имущественный комплекс, включая материальные и нематериальные активы, а также обязательства, от продавца к покупателю. Существенным отличием от иных смежных договоров является сложный предмет, представляющий собой единый имущественный комплекс, состав и стоимость которого определяются на основе полной инвентаризации предприятия [7].

Преимуществами данной конструкции являются: во-первых, передача всех активов и обязательств предприятия, что дает покупателю полный контроль над бизнесом, во-вторых, возможность продажи части имущественного комплекса, при условии, что он признан как целостный и единый объект, и в-третьих, все активы и обязательства передаются в рамках одной сделки.

К недостаткам сделки относятся: наличие многочисленных пробелов в правовом регулирования договора; риски, связанные со скрытыми долгами, так как покупатель принимает на

себя все обязательства предприятия; а также сложность оформления договора, связанная с подготовкой и согласованием значительного количества документов, требующих существенных временных затрат.

При этом договор продажи предприятия не предполагает приобретение акций или долей участия в уставном капитале хозяйственного общества. Вместо этого покупатель приобретает активы компании продавца.

Если правообладатель (франчайзер) намерен передать право на использование совокупности исключительных прав, то заключается договор коммерческой концессии, также известный как франчайзинговый договор [10, с. 318]. Сущность данной конструкции заключается в том, что владелец бизнеса предоставляет третьим лицам право использовать свою бизнес-модель, технологии и иные элементы бизнеса за определенную плату.

Отличительной особенностью является предмет договора, состоящий из набора исключительных прав, который может включать в себя: торговые марки или товарные знаки, фирменный стиль, технологии и ноу-хау, бизнес-модель и стандарты ведения бизнеса, а также иные элементы, связанные с брендом и бизнес-процессами [9, с. 140]. Предмет договора коммерческой концессии намного уже чем предмет договора продажи предприятия, поскольку передаются только нематериальные активы (результаты интеллектуальной деятельности), а право собственности на предприятие остается у правообладателя.

Одним из ключевых отличий выступает срочный характер договора коммерческой концессии: стороны вправе определить конкретный период действия договора. Данная особенность принципиально отличается от договоров купли-продажи доли и предприятия, которые предполагают бессрочный переход прав к приобретателю. Кроме того, при передаче бизнес-модели, правообладатель контролирует соответствие стандартов и качества передаваемой модели [11, с. 125]. Приобретение франшизы предполагает передачу прав на использование готовой бизнес-модели без возникновения права собственности на само предприятие. Франчайзи, получая исключительные права, не приобретает возможность управления головной компанией и влиять на ее развитие, так как он остается собственником только своего бизнеса, но работая под брендом франчайзера.

Среди преимуществ договора коммерческой концессии можно выделить возможность начать бизнес с минимальными рисками; использование готовой бизнес-модели и поддержка франчайзера; доступ к узнаваемому бренду и уже наработанной клиентской базе. Однако есть и недостатки: ограниченная самостоятельность в корпоративном управлении, связанная с тем, что право собственности на саму компанию и право участия в ее управлении не передается, предоставляется только возможность работать по готовой схем; а также зависимость от франчайзера.

При сравнении рассмотренных видов договоров можно выделить несколько ключевых критериев: экономическая суть договора и возможность управления предприятием, передача обязательств и уведомление кредиторов, документальное оформление, форма договора, государственная регистрация и переход права собственности.

Выбор конкретного способа приобретения возможности использования бизнеса напрямую зависит от целей покупателя и его готовности принимать на себя соответствующие риски. Договор продажи предприятия применим к покупателям, которые хотят получить полный контроль над компанией и стать владельцем всех ее активов. Если инвестор планирует участвовать в управлении, но не готов брать на себя полную ответственность за предприятие, оптимальным будет договор купли-продажи долей (акций). Для тех, кто хочет начать свое дело под известным брендом с минимальными рисками, не приобретая само предприятие и возможность участия в его управлении, идеальным вариантом станет договор коммерческой концессии.

Важным отличительным критерием выступает необходимость уведомления кредиторов. Из-за специфики предмета договора продажи предприятия в обязательном порядке

необходимо письменно уведомлять кредиторов о предстоящей сделке [5]. Как следствие, законодатель установил жёсткие императивные требования к порядку уведомления кредиторов продаваемого предприятия. С одной стороны, это защищает права кредиторов, а с другой, усложняет и замедляет сделку. При заключении договора купли-продажи долей (акций) компании и договора коммерческой концессии сторонам договора не требуется уведомлять о предстоящей сделке кредиторов предприятия ввиду отсутствия законодательных требований на этот счёт, что значительно упрощает данные сделки. Это объясняется тем, что при продаже долей или акций сам собственник бизнеса не меняется, изменяется только участник либо акционер компании. Для кредиторов должник остается прежним.

Особого внимания требует вопрос о документальном оформлении сделок и обязательных процедурах. Применительно к договору продажи предприятия законодатель устанавливает императивное требование к проведению полной инвентаризации, при которой необходимо определить состав и стоимость продаваемого предприятия. Для этого необходимо подготовить акт инвентаризации, заключение внешнего (независимого) аудитора, бухгалтерский баланс, перечень долгов и иных обязательств с указанием кредиторов, а также документ об оценке предприятия. При отсутствие этих документов договор считается незаключенным. В отношении альтернативных правовых конструкций подготовка указанных документов не требуется.

Следует также сравнить форму договоров и порядок их регистрации. Договор купли-продажи предприятия как имущественного комплекса заключается в простой письменной форме и в обязательном порядке подлежит государственной регистрации в Росреестре [4]. Договор купли-продажи долей (акций) в капитале общества заключается в письменной нотариальной форме. Договор коммерческой концессии заключается в письменной форме, и только в случае передачи прав на использование результатов интеллектуальной деятельности, требующих обязательной регистрации, будет подлежать государственной регистрации в Роспатенте. Отсюда следует, что договор купли-продажи доли (акций) и договор коммерческой концессии имеют более простую форму и порядок заключения, что делает их более привлекательными в данном аспекте.

Наконец, отличительной особенностью данных видов договора также является процесс передачи бизнеса. При передаче имущественного комплекса законодатель предусматривает составление и подписание передаточного акта, в котором указываются данные о составе предприятия, об уведомлении кредиторов, а также выявленные недостатки переданного имущества [8]. В случае продажи долей (акций) компании передаточный акт составлять не нежно, достаточно заключения договора купли-продажи и указания в нём порядка передачи соответствующей информации и документации. Передача прав на использование комплекса нематериальных активов правообладателя в бизнесе по договору коммерческой концессии составление передаточного акта также не предусмотрено.

Проведенный компаративный анализ способов приобретения бизнеса демонстрирует многовариантность правовых конструкций, каждая из которых характеризуется специфическим набором преимуществ и недостатков. Выбор конкретной модели зависит от целей покупателя и готовности брать на себя риски. Юридическая конструкция договора продажи предприятия является уникальной, поскольку опосредует переход права собственности на все активы предприятия, образующих имущественный комплекс, что принципиально выделяет данную сделку на фоне иных правовых инструментов. Сдерживающими факторами широкого внедрения данного договора в деловой оборот выступают значительные проблемы правового регулирования и сложная процедура заключения сделки. Выбор этого способа оправдан для покупателей, которые стремятся полностью контролировать бизнес, несмотря на значительные временные ресурсы на его заключение. Купля-продажа долей (акций) позиционируется как более гибким и востребованный вариант среди инвесторов. Однако ее сущностное ограничение состоит в том, что приобретатель получает опосредованный доступ к

деятельности общества, не становясь собственником его активов. При заключении договора купли-продажи долей (акций) прослеживается более упрощенная процедура заключения, связанная с минимальным документальным оформлением. Сделка, как правило, совершается в пределах одного месяца, то есть не требует больших временных затрат. Рассматривая договор коммерческой концессии, следует отметить более узкий предмет, в сравнения с другими способами приобретения бизнеса, а также отсутствие права владения или управления предприятием. При этом именно данная конструкция является оптимальной для предпринимателей, ориентированных на минимизацию рисков, но готовых пожертвовать частью самостоятельности и готовых мириться с контролем и рядом ограничений.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая» №14-ФЗ от 26.01.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410.

2. Федеральный закон «Об акционерных обществах» №208-ФЗ от 26.12.1995 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 1.

3. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» №14-ФЗ от 08.02.1998 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №7. – Ст. 785.

4. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» №302-ФЗ от 30.12.2012 // Российская газета. – 2013. – №3.

5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.11.1997 №21. – URL: https://arbitr.ru/materials/3030?path=%2Farxiv%2Fvas_info_letter%2F (дата обращения: 18.03.2026).

6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.02.2022 №Ф04–6628/2022 по делу №А67–6289/2022. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/pgiKQfN9xQ6h/ (дата обращения: 05.08.2026).

7. Решение Анапского районного суда от 05.10.2023 по делу №2–2253/2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/7LcSdkstiAWV/ (дата обращения: 20.07.2026).

8. Конькова С.В. Правовое обеспечение оценки имущественного комплекса предприятий / С.В. Конькова, С.А. Анисимов, Д.Ю. Левшиц // Теория и практика современной юридической науки: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Самара, 11 апреля 2017 г.). Вып. IV. – Самара: Инновационный центр развития образования и наук, 2017. – С. 34–37. EDN YNQGCX

9. Коршунов Н.М. Право интеллектуальной собственности: учебное пособие / Н.М. Коршунов, Н.Д. Эриашвили, В.И. Липунов. – М.: Юнити-Дана, 2011. – 327 с. EDN RAZFHZ

10. Митячкина Е.С. Проблемы и перспективы развития института интеллектуальной собственности / Е.С. Митячкина // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Сусликова В.Н. (Курск, 13–14 декабря 2019 г.). – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 317–320. EDN NMXOEO

11. Самигулина А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений по продаже предприятия в Российской Федерации: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Самигулина. – М., 2009. – 198 с. EDN QEIQBJ

Бойко Александра Павловна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

РОЛЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу роли и эффективности общественного контроля в контрактной системе Российской Федерации. На основе статистических данных ФАС и Минфина показано, что при формальном расширении инструментария общественного контроля его реальное влияние на качество закупочных процедур остаётся ограниченным. Проанализированы причины низкой результативности общественных обсуждений крупных закупок, невысокого качества жалоб, несогласованности сроков рассмотрения обращений. Выявлено, что существующие механизмы не обеспечивают системного участия квалифицированных общественных объединений в мониторинге закупочной деятельности, а процедуры общественных обсуждений носят формальный характер. Сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство о контрактной системе: создание реестра аккредитованных общественных контролёров, внедрение обязательной обратной связи от заказчиков по результатам экспертиз, установление ответственности за игнорирование замечаний.*

Ключевые слова: *общественный контроль, государственные закупки, контрактная система, прозрачность закупок, эффективность расходования бюджетных средств, общественное обсуждение.*

Институт общественного контроля в сфере государственных и муниципальных закупок представляет собой относительно молодое явление российской правовой системы. Его нормативное закрепление произошло с вступлением в силу Федерального закона от 5 апреля 2013 года №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Статья 102 данного закона определила цели, субъектов и основные полномочия лиц, осуществляющих такой контроль [2, с. 79].

Согласно действующему законодательству, субъектами общественного контроля выступают граждане, общественные объединения и объединения юридических лиц, независимые от органов государственной власти и местного самоуправления [3, с. 113].

Впрочем, этот перечень не является исчерпывающим и порождает определенные правоприменительные коллизии. В частности, Федеральный закон от 21 июля 2014 года №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» относит к субъектам контроля общественные палаты, которые формально не включены в перечень общественных объединений по смыслу закона от 19 мая 1995 года №82-ФЗ. Подобная несогласованность нормативных актов создает неопределенность в вопросе о том, какие именно структуры вправе на законных основаниях осуществлять функции общественного контроля [3, с. 115].

Полномочия субъектов общественного контроля довольно широки – от подготовки предложений по совершенствованию законодательства до обращения в суд в защиту групповых интересов участников закупок. Общественные объединения вправе направлять запросы заказчикам, осуществлять независимый мониторинг закупок, обращаться в контрольные

органы с заявлениями о проведении проверок, а при выявлении признаков преступления – в правоохранительные органы [7, с. 45].

Однако перечень этих прав является закрытым, что ограничивает возможности оперативного реагирования на выявленные нарушения. Особенностью российской модели общественного контроля в сфере закупок следует признать ее факультативный характер. В отличие от обязательного государственного контроля, общественный контроль осуществляется на добровольной основе и не предполагает прямого властного воздействия на заказчика. Единственным исключением является процедура обязательного общественного обсуждения закупок, предусмотренная для ряда крупных контрактов, превышающих установленные пороговые значения. Тем не менее, даже в этом случае результаты обсуждения носят рекомендательный, а не императивный характер [2, с. 81].

Контрактная система РФ включает несколько уровней контроля – внутриведомственный, ведомственный, контроль контрольно-счётных органов, ФАС России и общественный контроль. При этом общественный контроль занимает особое место: не обладая властными полномочиями, он реализуется через обращения в госорганы и выполняет функцию «сигнализатора» нарушений, а его эффективность напрямую зависит от оперативности реагирования уполномоченных структур [9, с. 88].

Основная масса жалоб поступает от участников закупок (поставщиков, подрядчиков), заинтересованных экономически, тогда как доля обращений от общественных объединений и граждан, действующих в публичных интересах, остаётся незначительной.

Проблемы эффективности общественного контроля: статистический анализ.

Основным инструментом реализации общественного контроля выступает право на подачу жалоб в контролирующие органы – прежде всего, в территориальные управления Федеральной антимонопольной службы. Статистика ФАС России свидетельствует о значительных масштабах такой деятельности: в 2023 году в службу поступило 53955 жалоб участников закупок, что на 14,3% больше, чем годом ранее. Впрочем, уже в 2024 году наметилась противоположная тенденция – количество жалоб сократилось до 39201 (снижение на 27,3%), что связано, по заявлению ведомства, с исключением из рассмотрения обращений так называемых «профессиональных жалобщиков» [10].

Качество поступающих в ФАС жалоб, однако, остается невысоким. Из 45900 жалоб, рассмотренных по существу в 2023 году, обоснованными были признаны лишь 19503 (42,5%). В 2024 году доля обоснованных жалоб снизилась до 39,8% – из 31769 рассмотренных обоснованными признаны 12659. Подобная картина указывает на то, что значительная часть субъектов общественного контроля либо не обладает достаточной квалификацией для выявления реальных нарушений законодательства о закупках, либо использует механизм жалоб в качестве инструмента недобросовестной конкуренции [1, с. 148].

Между тем, существует противоречие процедурного характера, снижающее оперативность общественного контроля. Согласно части 4 статьи 102 Закона №44-ФЗ, обращения субъектов общественного контроля рассматриваются в порядке, установленном Федеральным законом от 2 мая 2006 года №59-ФЗ, то есть в течение 30 дней. Жалобы же участников закупок по части 3 статьи 106 того же закона рассматриваются в течение 5 рабочих дней. Учитывая, что сроки проведения большинства закупочных процедур составляют от 5 до 20 дней, подобный разрыв фактически лишает общественных контролеров возможности повлиять на ситуацию до заключения контракта – закупка будет завершена до получения ответа на обращение [3, с. 117].

Еще одним механизмом общественного контроля выступает обязательное общественное обсуждение закупок. По данным Министерства финансов, в 2024 году было проведено 1818 таких процедур. Однако их реальная эффективность вызывает серьезные сомнения. В 98,8% случаев в обсуждении не принял участия ни один представитель бизнеса или общественности – лишь 22 обсуждения прошли с реальным участием заинтересованных лиц. Подобная статистика свидетельствует о том, что обязательное общественное обсуждение в

значительной степени превратилось в формальную процедуру, не влияющую на содержание закупочной документации и выбор поставщика [7, с. 112].

Масштабы государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации определяют значимость эффективного контроля за расходованием бюджетных средств. По данным Федерального казначейства, объем госзаказа по итогам 2023 года составил 32 трлн рублей, из которых 12,6 трлн пришлось на закупки по 44-ФЗ, 10,5 трлн – на закупки государственных компаний, публикующих информацию в Единой информационной системе, и около 9 трлн – на закупки подсанкционных госкомпаний [8, с. 95].

В 2024 году тенденция роста сохранилась: госзаказчики разместили извещения о закупках на 11,98 трлн рублей и заключили контракты на сопоставимую сумму [4, с. 60]. Важным индикатором эффективности контрактной системы выступает уровень экономии бюджетных средств при проведении закупок.

По итогам 2024 года общая экономия составила 438 млрд рублей, что незначительно превышает показатель 2023 года (434 млрд рублей). Впрочем, следует критически оценивать этот показатель, поскольку экономия может достигаться не только за счет эффективной конкуренции и качественного контроля, но и вследствие изначально завышенной начальной (максимальной) цены контракта. Более того, в условиях роста числа несостоявшихся закупок (увеличение на 20% в 2024 году) значительная часть контрактов заключается с единственным поставщиком по итогам несостоявшихся процедур, что снижает конкурентность и создает коррупциогенные факторы [5, с. 240].

Статистика деятельности ФАС России по результатам плановых и внеплановых проверок также заслуживает внимания. В 2024 году служба проанализировала 33917 процедур определения поставщика, выявив нарушения в 52% случаев (17637 нарушений). При этом по сравнению с предыдущим периодом число выявленных нарушений сократилось на 52%, что может свидетельствовать как о совершенствовании закупочной практики, так и об изменении методологии контроля.

Важно отметить, что по итогам проверок было выдано лишь 1641 предписание об устранении нарушений – то есть далеко не все выявленные факты несоблюдения законодательства повлекли за собой меры реагирования со стороны контролирующего органа [1, с. 150].

Направления совершенствования института общественного контроля.

Несмотря на формальное признание значимости общественного контроля, действующее законодательство содержит ряд пробелов и противоречий, ограничивающих его эффективность. Прежде всего, это касается отсутствия исчерпывающего перечня субъектов общественного контроля. Указание в статье 102 Закона №44-ФЗ на граждан, общественные объединения и объединения юридических лиц порождает вопросы о правовом статусе таких структур, как общественные палаты, общественные советы при органах власти, инициативные группы граждан [3, с. 118]. Целесообразно законодательно закрепить исчерпывающий перечень субъектов, включив в него общественные палаты, общественные движения, фонды, организации, политические партии и объединения юридических лиц [9, с. 120].

Второй блок проблем связан с процедурными аспектами осуществления контроля. Как отмечалось выше, 30-дневный срок рассмотрения обращений субъектов общественного контроля не соответствует динамике закупочных процедур. Представляется обоснованным унифицировать сроки рассмотрения жалоб и обращений, установив единый пятидневный срок для всех категорий контролеров. Это позволит обеспечить оперативное устранение нарушений и предотвратить заключение контрактов на заведомо невыгодных для бюджета условиях [3, с. 118].

Третья группа проблем касается квалификации субъектов общественного контроля. Введение требований к уровню образования и профессиональной компетенции участников общественных объединений, осуществляющих контроль, могло бы существенно повысить качество выявляемых нарушений и обоснованность подаваемых жалоб. При этом критерии квалификации должны включать не только формальное наличие профильного образования, но и способность критически и независимо оценивать деятельность органов власти. Подобный подход

позволит обеспечить участие в контроле «разумных граждан», обладающих необходимыми знаниями и навыками, а не случайных активистов [9, с. 125]. Отдельного внимания заслуживает вопрос о расширении возможностей превентивного общественного контроля.

Целесообразно предусмотреть обязательную общественную экспертизу закупочной документации для определенных категорий контрактов – например, в социально значимых сферах (здравоохранение, образование, строительство объектов инфраструктуры). Проведение экспертизы независимыми общественными организациями на этапе формирования документации позволило бы выявлять и устранять потенциальные нарушения до начала закупочной процедуры, что значительно сократило бы количество обращений в контролирующие органы и судебных споров [7, с. 150].

Дальнейшее совершенствование института общественного контроля в сфере государственных и муниципальных закупок требует комплексного подхода, сочетающего изменения законодательства, повышение квалификации контролеров и создание стимулов для участия общественности в надзоре за закупками.

Одним из приоритетных направлений является цифровизация процедур общественного контроля. Единая информационная система (ЕИС) предоставляет широкие возможности для автоматизированного мониторинга закупочных процедур, выявления подозрительных патернов и повышения общей прозрачности финансовых потоков [8, с. 110].

Список литературы

1. Кириллова О.Ю. Общественный контроль как инструмент предотвращения недобросовестной конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок / О.Ю. Кириллова, Р.М. Хальфин, Г.К. Малышев // Российское конкурентное право и экономика. – 2021. – №1(25). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-kak-instrument-predotvrascheniya-nedobrosovestnoy-konkurentsii-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh (дата обращения: 20.07.2026).

2. Урюпина Н.А. Общественный контроль в системе закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд / Н.А. Урюпина // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2014. – №3–2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-v-sisteme-zakupok-tovarov-rabot-uslug-dlya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-nuzhd (дата обращения: 20.07.2026). EDN TIYONL

3. Петелин А.Л. Проблемы правового регулирования деятельности субъектов общественного контроля в сфере государственных и муниципальных закупок / А.Л. Петелин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2021. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-subektov-obschestvennogo-kontrolya-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok (дата обращения: 20.07.2026). DOI 10.34076/22196838_2021_3_59. EDN TUCLUC

4. Землин А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы применения программно-целевого метода финансового обеспечения развития железнодорожного транспорта в России / А.И. Землин, О.М. Землина, Ю.В. Денисова // Транспортное право и безопасность. – 2017. – №12(24). – С. 57–71. EDN ZXMJEL

5. Землин А.И. Актуальные правовые аспекты противодействия коррупции при осуществлении закупок для государственных нужд / А.И. Землин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – №1. – С. 238–244. EDN RMDAVK

6. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для вузов / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов; под общ. ред. А.И. Землина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 198 с. – URL: https://urait.ru/bcode/565312 (дата обращения: 03.08.2026).

7. Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2025. – 290 с. – URL: https://book.ru/book/957081 (дата обращения: 15.05.2026).

8. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / И.В. Мишуткин, А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 182 с. – URL: https://urait.ru/bcode/568219 (дата обращения: 03.08.2026).

9. ФАС изучила более 39 000 жалоб от участников закупок в 2024 году // Ведомости. – 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/01/24/1088192-fas-izuchila-zhalob (дата обращения: 15.05.2026).

Болденко Ольга Алексеевна
канд. пед. наук, доцент
Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-168772

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ЮРИДИЧЕСКАЯ РИТОРИКА» В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ

Аннотация: *статья посвящена актуальным вопросам изучения дисциплины «Юридическая риторика» в вузах правового профиля. Рассматриваются методы преподавания с использованием проблемного метода на примере ролевой игры «Судебный процесс», а также формирование правовой культуры средствами юридической лексики и терминологии. Цель – показать взаимосвязь юридической риторики с культурой речи и правовой культурой студентов. Методологию составили теоретические (анализ, синтез, моделирование) и эмпирические методы, проблемный метод, системно-деятельностный подход. Научная новизна заключается в междисциплинарном подходе и анализе взаимосвязи юридической риторики, культуры речи и правовой культуры. Особое внимание уделено активности студентов и формированию их правовой культуры. Роль юридической риторики заключается в расширении представлений о чёткости и однозначности юридических терминов, формировании правового мышления и качественного образования будущего юриста. Результаты могут быть применены в учебном процессе при изучении дисциплин «Юридическая риторика» и «Культура речи юриста».*

Ключевые слова: *правовая культура, юридическая риторика, культура речи, юридический документ, профессиональная юридическая лексика, юридические термины, юридические клише, юридические штампы, нормы права.*

В современном мире умение говорить, обладать ораторским мастерством является важной составляющей профессионализма студента в вузах правового профиля. Особенность дисциплины «Юридическая риторика» состоит в том, что она даёт представление об ораторском искусстве в юриспруденции для успешного применения в правоприменительной и правозащитной практике.

И в данном контексте немаловажными факторами является то, что изучение ораторского мастерства в судебном заседании безусловно необходимо для изучения «Юридической риторики» в вузе правового профиля на лекциях, семинарских и практических занятиях. По мнению Сагирян И.Г., «Юридическая риторика» даёт возможность будущему специалисту в сфере юриспруденции на стадии обучения стать профессионалом, посещая судебные заседания, где можно наблюдать за состязательным процессом, который основан на риторическом методе познания [1, с. 23–26].

По мнению автора, дисциплина «Юридическая риторика» важна для студентов правовых вузов, так как благодаря этой дисциплине становится доступной юридическая лексика и терминология для оттачивания навыков ораторского мастерства публичного выступления. Воздействуя на сознание будущего юриста, рассматриваемая нами дисциплина направлена и на изучение принципов судебного красноречия.

Целью данной дисциплины является способствование развитию коммуникативных умений юриста в практике публичных выступлений.

В связи с этим формирование правовой культуры средствами юридической лексики, изучение профессиональной юридической терминологии является чрезвычайно важными,

актуальными вопросами образования будущего квалифицированного специалиста в сфере юриспруденции. Кроме того, важным аспектом при изучении дисциплины «Юридической риторики» студентами в вузах правового профиля является формирование правовой культуры средствами юридической лексики. Это сможет повысить уровень правовой культуры студентов в вузах правового профиля.

Под правовой культурой нами понимается набор необходимой информации, её значимости и установок личности в соответствии с их правами и возможностью реального практического осуществления, создаваемого в результате взаимосвязи субъектов правовых отношений. Развитие правовой культуры прежде всего невозможно без совместных усилий учёных-юристов, лингвистов, культурологов. Мы заострим своё внимание на формировании правовой культуры средствами юридической лексики. И в этом отношении неотъемлемой частью обучения студентов юридических вузов является изучение юридической лексики и терминологии, помогающей в освоении дисциплины «Юридическая риторика» и профессиональных навыков будущей профессии.

В условиях формирования законодательства актуальное значение приобретает культура речи будущего юриста, которая тесно связана с юридической риторикой [6, с. 27]. Являясь тесно связанной с правовой культурой, культура речи с её профессиональной юридической документацией (законы, подзаконные акты и др.), лексикой и терминологией способствует достижению определенных коммуникативных целей. Главными коммуникативными качествами речи будущего юриста являются богатство и разнообразие юридической лексики.

Для освоения профессиональным уровнем правовой культуры будущих юристов характерны: высокая степень овладения профессией, высокий уровень специальной подготовки, общая культура поведения и профессиональной деятельности, речевая культура.

Основу профессиональной юридической лексики составляют юридические термины. Известный учёный Д.С. Лотте говорил о теории «идеального термина» [2, с. 117]. Она определила главное свойство, которым должен обладать юридический термин, а именно: конкретность, однозначность, отсутствие разночтения и эмоциональной окрашенности.

На наш взгляд, помимо перечисленных характеристик «идеальный юридический термин» должен быть общепризнанным, устойчивым, системным (предполагает целостность и внутреннее единство), точным, актуальным, то есть соответствующим эпохе употребления. Юридическому термину необходима лингвистическая правильность, то есть соответствие языковым нормам, но нельзя допускать инвариативности, так как студент вузов правового профиля не должен допускать инотолкования, поливариативности в их толковании.

Многие современные лингвисты, активно работающие с юридической терминологией, поднимают вопрос о её единообразии, которая значима для верного применения права. Следование этому принципу является показателем уровня юридической культуры правотворчества.

Ещё одна проблема – это проблема унификации терминов, которая понимается как «применение логико-семантического анализа всей структуры отрасли права, пересмотр существующих понятий… проверка их научных определений и соответствующего терминирования» [4, с. 125].

Для успешного выполнения коммуникативных задач в профессиональной сфере будущего юриста необходимо учитывать требования, предъявляемые к его речи: точность, понятность, правильность. А также, на наш взгляд, правовая аргументация, требовательность к действенности и ясности также непосредственно связаны с формированием юридического мышления студента вуза правового профиля [3, с. 27].

Практика показывает, что подготовка студентов вузов правового профиля к будущей профессии невозможна без изучения дисциплины «Юридическая риторика», так как в современном обществе квалифицированному юристу необходимо написание служебных документов (исковых заявлений, обвинительных заключений, протоколов допроса и осмотра места происшествия, договоров, соглашений и т. д.). Кроме того, изучение «Юридической риторики» необходимо, чтобы избежать стилистических, грамматических, орфографических и других видов ошибок. Как мы

полагаем, показателем уровня правовой культуры будущего специалиста в сфере юриспруденции будет, согласно требованиям, прежде всего, речевая грамотность.

Правовой документ – это прежде всего документ, обладающий юридически значимой информацией и используемый для координации общественных отношений. Мы считаем, что правовой документ выражает несколько стадий правового упорядочения, а именно: правотворчество, правовая культура и т. д. Такой документ или порождает, или удостоверяет правовые права и обязанности субъектами правоотношений. Остановимся на основных признаках правовых документов, среди которых можно выделить следующие: чистота и точность слога, использование в речи юридических клише и минимизация в речи юридических клише, шаблонов. Использование речевых шаблонов – это своеобразная специфика юридического языка, которая определяет его скрупулёзность, лаконизм, так как речевые шаблоны и клише являются безусловными языковыми стандартами, готовыми устойчивыми оборотами, речевыми стереотипами. Если сравнивать юридический штамп и клише, то первый нецелесообразен в речи юриста. Штамп в правовой документации – это привычный, часто употребляющийся шаблон, избитая форма выражения, придающая речи неопределённо-обобщённое, стёртое значение. И если клише – это помощник составляющего юридический документ, то использование штампов – это нарушение правил официально-делового стиля правовых документов. По мнению Певцова Е.Л., клишированная лексика – это такая лексика, имеющая устойчивые единицы юридического характера, являющаяся важными элементами нормативных и процессуальных документов (был осуждённым, завести уголовное дело по статье, привести в исполнение и т. п.) [8, с. 207]. Указывая на негативное влияние клишированных штампов на создание правового документа, употребляемых студентами правового вуза зачастую бездумно, излагать мысль недостаточно точно, необходимо использовать в профессиональной речи юриста лаконичные клише (наступает ответственность, прошу определить меру наказания и т. п.). Клише в юридической лексике используется не только в судебном процессе, но и в профессиональной деятельности юриста. Клишированность понимается как упорядоченность коммуникативной деятельности. Н.А. Власенко утверждал, что проблема использования устойчивых словосочетаний в праве тесно связана с вопросом о юридических штампах и клише [5, с. 164].

Формирование юридического мышления использованием этимологических словарей в целом поможет студентам в вузах юридического профиля уделять особое внимание выбору необходимой юридической лексики и грамматических конструкций, тем самым поможет совершенствовать язык юридических документов и законодательства в целом.

Основным показателем профессионализма в деятельности будущего специалиста в сфере юриспруденции станет речевая культура. Владение культурой речи студентами вузов юридического профиля является актуальным требованием современных реалий правового мышления.

Будущий специалист в сфере юриспруденции, на наш взгляд, должен уметь контактировать с людьми различных профессий, вступать в многочисленные коммуникативные процессы, чтобы прежде всего осваивать через дисциплину «Юридическая риторика» такие юридически значимые действия, как допрос свидетеля, вынесение судебного решения, предъявление обвинения. Студенту-юристу для освоения профессии следователя, прокурора, судьи, адвоката, нотариуса, юрисконсульта и т. д.) важно научиться составлять правовые документы, не бояться публичных выступлений, в том числе устных выступлений в суде и в других компетентных органах, а также владеть правовой культурой.

С нашей точки зрения будущему юристу необходимо оберегать нормы права. Формулируя и оберегая нормы права, специалист в сфере юриспруденции должен охранять нормы родного языка, что необходимо для сохранения высокого статуса права.

Заострим внимание на общении в правовой сфере, которое, по нашему мнению, должно соотноситься с требованиями правовой культуры, частью которой юристы-теоретики представляют культуру речи [6, с. 74]. Для студента юридического вуза, связывающего свой профессиональный путь с правовыми органами, важно достигнуть высокого уровня культуры

речи, правовой культуры, ведь именно это во многом определяет престиж органов правосудия, выполнение будущим юристом его общественно значимой функции.

На наш взгляд, прежде всего необходимо разобраться в термине «правовая культура» и его взаимосвязи с юридической риторикой, культурой речи будущего юриста. Мы считаем, что правовую культуру можно определить как «качественное состояние использования права в жизни общества, то есть своего рода барометр спроса и использования возможностей права в разрешении повседневных проблем и вопросов» [7, с. 184].

Существуют и другие определения понятия «правовая культура», которые наиболее связаны с культурой речи и юридической риторикой. Например, «правовое поведение – соблюдение основ культуры общения и речевого этикета» или «правовое поведение – умение юриста общаться с гражданами, вести себя в суде, прокуратуре, следственных органах». Отличительными особенностями будущих юристов следует отнести высокую правовую и речевую культуру. В процессе обучения студентам в вузах правового профиля необходимо приобщаться к ценностям правовой культуры, развитому правосознанию, высокой речевой культуре.

Ещё один актуальный вопрос изучения дисциплины «Юридическая риторика» – проблема формирования методики преподавания дисциплины «Юридическая риторика», которая в последнее время привлекает пристальное внимание учёных, работающих в этой области науки. Для разработки методики преподавания «Юридической риторики» важно иметь представление о научном методе юридической риторики, то есть методика – это пользование определёнными методами. Проанализируем методику практического занятия «Юридической риторики» на примере проблемного метода ролевой игры «Судебный процесс», который включает ряд этапов.

В подготовительном этапе деловой игры всех участников деловой игры следует разделить на микрогруппы. Выбирается ведущий, который объясняет ход игры, роль каждого игрока, её основную проблематику (задачу). Например, юная девушка стала матерью без вступления в брак. Отец ребенка – её одноклассник, желающий в своё время жениться на девушке, делая ей неоднократно предложения. Однако девушка уехала работать в другую страну, оставив новорождённого своей матери. Она успешно вышла замуж, попала в состоятельную семью, но тщательно скрыла факт рождения ребенка вне брака. Отец её ребенка не хочет отдавать новорождённого ни матери, ни бабушке. На попечении второй в данный момент находится новорождённый. Бабушка ребенка отцу тоже не готова отдать.

Основные действующие лица деловой игры: отец ребенка, бабушка (официальный представитель матери ребенка), судья и социальный работник.

Первый этап – подготовительный, когда в каждой группе определяется, кто возьмёт на себя роль отца новорождённого, бабушки, судьи и социального работника. Затем за одним столом отдельно собираются «отцы», за другим – «бабушки», за третьим – «судьи», за четвёртым – «социальные работники». В каждой группе в течение пятнадцати минут разрабатываются аргументы в защиту тезиса – кому должен принадлежать ребенок. У «судей» и «социальных работников» может возникнуть так называемая конфликтная ситуация, когда необходимо будет разработать аргументы к их двум противоположным точкам зрения.

Цели игры: формирование интереса к дисциплине «Юридическая риторика».

Задачи игры:

− расширение знаний обучающихся в сфере «Юридической риторики»;

− развитие у обучающихся интереса к изучению дисциплины «Юридическая риторика»;

− формирование коммуникативных навыков;

− развитие умения доказывать свою точку зрения, ведя себя корректно;

− формирование способности к диалогу, воспитание у ребят уважения к закону, своим правам и правам других людей.

Конечный результат заключается в подведении итогов деловой игры.

Методика проведения деловой игры.

1. Вступительное слово преподавателя (модератора деловой игры).
2. Игровая (основная) часть:

− подготовка студентов к выступлению;
− сообщения студентов;
− непосредственная дискуссия;
− краткие заключительные выступления докладчиков;
− подведение итогов дискуссии.

В первую группу входят: «отец», «бабушка», «судья», «социальный работник». «Судья» ведёт в течение двадцати минут судебный процесс, давая поочерёдно слово «бабушке», «отцу», «социальному работнику». Студентам следует заранее изучить специальную правовую литературу, в том числе «Семейный кодекс», чтобы разобраться в данной правовой ситуации.

Судья организует прения, задаёт вопросы и выносит аргументированный вердикт. Остальные участники игры отслеживают технику спора (каждый по одной операции), а затем анализируют её. Далее игра повторяется в составе другой группы. В конце деловой игры преподаватель (модератор) анализирует наиболее интересные варианты решения, удачные приёмы полемики, изложенные аргументы, уместность использования юридической лексики и др.

Подводя итог вышесказанному, мы констатируем, что студенту вузов правового профиля, для которого язык является показателем уровня его правовой грамотности, так как инструментом его будущей работы будет являться слово, необходимо хорошо освоить процесс формирования правовой культуры методики, используя проблемный метод на примере ролевой игры «Судебный процесс». Кроме того, изучить особенности правовой культуры и её взаимосвязь с культурой речи и юридической риторикой.

Список литературы

1. Сагирян И.Г. Юридическая риторика в профессиональной деятельности будущего юриста / И.Г. Сагирян, М.А. Василенко // Молодой ученый. – 2017. – №22.

2. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д.С. Лотте. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

3. Антонова К.О. Юридические термины: вчера, сегодня, завтра / К.О. Антонова. – 2018.

4. Бойко А.И. Язык Фемиды: О формировании речевой культуры будущего юриста / А.И. Бойко // Высшее образование в России. – 1999. – №5. – С. 58–68.

5. Голуб И.Б. Искусство риторики: пособие по красноречию / И.Б. Голуб. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 374 с.

6. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста: учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Норма: Инфра-М, 2026. – 448 с.

7. Золотова Г.А. Слово и штамп / Г.А. Золотова // Вопросы культуры речи. – Вып. 7. – М., 1966.

8. Певцова Е.А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию / Е.А. Певцова // Журнал российского права. – 2004. – №3. – С. 70–81. EDN VVKTHL

Бондаренко Ангелина Владимировна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА ПРИ БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена исследованию правового положения гражданина-должника в процедуре банкротства физических лиц. Рассматриваются природа специального статуса должника, содержание прав и обязанностей, ограничения права собственности и неприкосновенности частной жизни, а также последствия завершения процедуры. Особое внимание уделено добросовестности должника, деятельности финансового управляющего и судебному контролю. Статус гражданина-должника представляет собой особый правовой режим, при котором имущественная самостоятельность временно ограничивается в рамках процедуры банкротства. Подчёркнуто значение специального законодательства о банкротстве для устойчивости гражданского оборота и возвращения добросовестного должника к нормальной экономической жизни. Предложено конкретизировать критерии добросовестности, усилить гарантии сохранения необходимого уровня существования гражданина, повысить прозрачность работы финансового управляющего и укрепить защиту интересов кредиторов.*

Ключевые слова: *несостоятельность, правовой статус, гражданин-должник, денежное обязательство, неприкосновенность, индивидуальный предприниматель, персональные данные.*

Институт несостоятельности (банкротства) физических лиц занимает особое место в современной системе гражданско-правового регулирования. Сущностное значение банкротства заключается в возможности финансового оздоровления граждан, а также в выравнивании экономической ситуации в государстве. Представляется, что высокие ставки кредитования, возрастающие ежемесячные платежи приводят к невозможности добросовестной оплаты основного долга по кредиту, что в конечном итоге со временем приводит гражданина к неизбежной «долговой яме». В связи с этим актуальность темы обусловлена тем, что в процедуре банкротства физических лиц сталкиваются разные объекты права. В первом случае объектом права выступают экономические отношения физических лиц. Во втором случае объектами права выступают кредиторы, требования которых необходимо удовлетворить.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в исследовании специфики правового регулирования положения гражданина-должника в рамках процедуры банкротства физических лиц, а также в выявлении ключевых проблем, возникающих в процессе правоприменения. Для достижения поставленной цели применяются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы исследования, дополненные анализом актуальной судебной практики.

1. Правовая природа статуса гражданина-должника.

Правовой статус гражданина-должника в процедуре банкротства определяется прежде всего Федеральным законом от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1]. Согласно статье 2 данного закона, должником может быть признан гражданин или организация, которые не способны в полном объёме рассчитаться с кредиторами по

денежным обязательствам, выплатить заработную плату и выходные пособия действующим либо бывшим работникам, а также исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Следует отметить, что правовое положение гражданина-должника в деле о банкротстве имеет сложную, комплексную природу, поскольку складывается под одновременным воздействием норм частного и публичного права. Безусловно, признание гражданина банкротом не лишает его статуса самостоятельного участника гражданского оборота, поскольку за ним сохраняются правоспособность, дееспособность и основные конституционные гарантии. Однако введение процедуры банкротства (реализация имущества или реструктуризация долгов) неизбежно ограничивает его право на распоряжение имуществом. Представляется, что такие ограничения обусловлены необходимостью защитить права кредиторов, сохранить конкурсную массу и обеспечить законное и последовательное проведение всей банкротной процедуры.

Между тем правовое положение гражданина-должника нельзя рассматривать лишь как совокупность обязанностей, запретов и ограничений, поскольку оно включает и целый ряд правовых гарантий, среди которых: возможность защищать свои интересы в суде, участвовать в разработке плана реструктуризации долгов, сохранять имущество, на которое по закону не может быть обращено взыскание (обладает исполнительским иммунитетом), а при соблюдении необходимых условий – рассчитывать на освобождение от дальнейшего исполнения обязательств.

Сущностное содержание правового статуса гражданина-должника во многом зависит от того, насколько добросовестно он вёл себя как до обращения с соответствующим заявлением в суд, так и непосредственно в ходе процедуры банкротства. Так, предоставление сведений об имуществе, доходах и долгах, взаимодействие с финансовым управляющим и арбитражным судом, а также отсутствие действий во вред кредиторам позволяют в полной мере реализовать восстановительное назначение процедуры (а также последующее списание задолженности). Несколько иная оценка даётся поведению, связанному с сокрытием активов, сообщением недостоверных сведений или заключением фиктивных сделок. Как правило, в таких случаях должнику может быть отказано в освобождении от обязательств, а его действия способны повлечь и другие неблагоприятные правовые последствия.

Резюмируя сказанное, отметим, что правовое положение гражданина-должника представляет собой особое состояние, которое возникает после установления арбитражным судом его неспособности надлежащим образом исполнять денежные обязательства. Данная категория объединяет ограничения имущественной самостоятельности, дополнительные обязанности, специальные процессуальные возможности и социальные гарантии.

И.В. Фролов [2] в своих исследованиях выделяет банкротство гражданина-должника в самостоятельный вид несостоятельности и предлагает рассматривать его как «потребительское банкротство». Авторский подход связывается с особыми целями и содержанием данного института. Прежде всего, процедуры банкротства физических лиц ориентированы не только на удовлетворение требований кредиторов, но и на восстановление финансового положения должника. Представляется, что их применение преследует специальные социально-экономические цели, позволяя освободить гражданина от чрезмерной долговой зависимости. Как итог, правовой механизм списания обязательств приобретает выраженное социальное значение, предоставляя добросовестному должнику возможность вернуться к полноценной экономической жизни.

Специальное законодательство предусматривает критерии, позволяющие оценить добросовестность поведения гражданина-должника. Так, при выявлении злоупотреблений, сокрытии значимых обстоятельств или мошеннических действий для него могут наступить неблагоприятные правовые последствия, включая отказ арбитражного суда в освобождении от обязательств. Отдельного внимания заслуживает регулирование ответственности супруга или бывшего супруга по обязательствам гражданина, поскольку при банкротстве необходимо разграничить его личные обязательства и задолженность, связанную с общим имуществом либо общими интересами семьи.

В этой связи В.Н. Ткачев [3] предлагает классифицировать должников в зависимости от характера их поведения и наличия нарушений требований уголовного или административного законодательства.

Так, к первой категории относятся полностью добросовестные должники, в отношении которых в ходе процедуры банкротства отсутствуют основания для применения мер уголовной или административной ответственности. Вторую категорию составляют должники, которые лично не совершали противоправных действий, однако иные участники процедуры допустили нарушения уголовно-правовых или административно-правовых запретов. При этом сам должник не знал и с учётом обстоятельств дела не должен был знать о незаконном поведении соответствующих лиц. К третьей категории относятся должники, непосредственно нарушившие нормы уголовного или административного законодательства. В эту же группу включаются случаи, когда конкурсные кредиторы либо третьи лица совершали противоправные действия с ведома должника.

2. Ограничение права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (статья 23 Конституции Российской Федерации).

Несмотря на наличие строгих ограничений, гражданин-должник сохраняет базовые процессуальные гарантии, среди которых: право участвовать в судебных разбирательствах, представлять доказательства, заявлять возражения, обжаловать судебные акты, давать пояснения относительно своего имущественного положения и причин неплатежеспособности. Безусловно, указанные права имеют не формальный, а содержательный характер, поскольку через них обеспечивается возможность должника влиять на оценку своей добросовестности.

В процедуре банкротства при проверке обоснованности заявления гражданина суд вправе в определении указать перечень необходимых документов для введения процедуры, среди которых: сведения и подтверждающие документы о супруге (бывшем супруге) должника (Ф.И.О., место жительства, место пребывания), который в порядке пункта 6 статьи 213.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» приобретает статус лица, участвующего в деле о банкротстве.

При раздельном проживании супругов необходимо представить документы, подтверждающие направление супругу или бывшему супругу копии заявления о признании гражданина банкротом. Кроме того, следует:

− указать, затрагивает ли рассматриваемое дело права несовершеннолетнего либо лица, признанного судом недееспособным. При наличии таких обстоятельств необходимо сообщить место жительства и (или) пребывания указанных лиц для привлечения органа опеки и попечительства к участию в деле в порядке пункта 6 статьи 213.1 указанного закона;

− представить сведения о составе и размере просроченной задолженности по основным обязательствам с учётом начисленных процентов по состоянию на дату составления списка кредиторов и должников гражданина;

− приложить выданные кредитными организациями сведения о размере текущей и просроченной задолженности по договорам потребительского кредита или займа, графики платежей по договорам, заключённым с указанными в заявлении кредиторами, а также информацию из бюро кредитных историй. При наличии следует представить и другие документы, подтверждающие размер задолженности, основания её возникновения и неспособность гражданина полностью исполнить требования кредиторов;

− представить копии документов по сделкам с недвижимостью, ценными бумагами, долями в уставном капитале и транспортными средствами, совершённым гражданином в течение трёх лет до подачи заявления. Это же требование распространяется на иные сделки, сумма которых превышает триста тысяч рублей;

− представить сведения о доходах гражданина и удержанных с них суммах налога за три года, предшествовавшие обращению в суд с заявлением о признании его банкротом.

Данные мероприятия по сбору доказательств очевидно могут нанести ущерб частной жизни должника, оставляя его данные в открытом доступе; участники процесса могут воспользоваться личной информацией и вторгнуться в частную жизнь и семейные тайны должника. Однако специальный закон допускает подобное вторжение в жизнь должника, так как в случае отсутствия информации о должнике ведение процедуры невозможно обеспечить суду.

3. Ограничения права собственности (статья 35 Конституции Российской Федерации) должника: пределы допустимого вмешательства.

По мнению автора публикации, ограничение отдельных прав гражданина-должника представляет собой необходимый элемент процедуры банкротства. Установление таких ограничений обусловлено необходимостью предотвратить сокрытие или отчуждение имущества, обеспечить сохранность конкурсной массы и соблюсти принцип равенства кредиторов.

Вместе с тем применяемые меры в деле о несостоятельности (банкротстве) должны отвечать требованию соразмерности, поскольку признание гражданина банкротом не лишает его конституционных и гражданских прав. Исследование финансового положения должника, включая оценку его платежеспособности и установление наличия принадлежащего ему имущества, позволяет арбитражному суду определить процедуру, наиболее соответствующую обстоятельствам дела.

Так, при введении реализации имущества гражданина требования кредиторов удовлетворяются за счёт сформированной конкурсной массы. Имущество должника, включённое в конкурсную массу, подлежит продаже посредством проведения торгов. В связи с этим правомочия собственника существенно ограничиваются: в конкурсную массу включается выявленное имущество гражданина, принадлежащее ему как на праве личной собственности, так и в составе совместной собственности, с учётом исключений, предусмотренных законодательством [4].

С момента признания гражданина банкротом он уже не вправе самостоятельно распоряжаться имуществом, включённым в конкурсную массу. Согласно абзацу второму пункта 5 статьи 213.25 указанного закона, все соответствующие полномочия от имени должника осуществляет исключительно финансовый управляющий.

Таким образом, после признания банкротом гражданин утрачивает право самостоятельно распоряжаться имуществом, вошедшим в конкурсную массу. Помимо этого, в силу пункта 1 статьи 213.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в процедуре реализации имущества должник обязан передать принадлежащее ему имущество финансовому управляющему в течение трёх дней со дня его утверждения.

Следовательно, с началом процедуры реализации имущества гражданин уже не может самостоятельно осуществлять права собственника в отношении объектов, вошедших в конкурсную массу и подлежащих продаже по правилам законодательства о банкротстве. При этом должник обязан предпринять все необходимые действия для фактической передачи данного имущества финансовому управляющему.

4. Правовые последствия после завершения процедуры реализации.

Второй блок ограничений связан с последствиями завершения процедуры. Статья 213.30 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что в течение пяти лет гражданин не вправе принимать на себя обязательства по кредитным договорам и договорам займа без указания факта своего банкротства; также в течение пяти лет дело о его банкротстве не может быть возбуждено по заявлению самого гражданина. Кроме того, предусмотрены ограничения на участие в управлении юридическими лицами, кредитными организациями и некоторыми финансовыми организациями.

Данные последствия, по мнению автора публикации, выполняют предупредительную функцию. Безусловно, они не запрещают гражданину возвращаться к экономической активности, но требуют учитывать его прежний статус банкрота. Вместе с тем эти ограничения должны применяться строго в пределах закона. Распространённые «бытовые представления»

о том, что банкротство автоматически означает пожизненный запрет на кредиты или постоянный запрет на выезд за границу, не соответствуют нормативному регулированию. Так, ограничение выезда возможно только при наличии соответствующего судебного акта и не является автоматическим последствием банкротства.

Резюмируя сказанное, отметим, что ограничения статуса должника имеют двойственную природу. С одной стороны, они необходимы для защиты кредиторов. С другой стороны, чрезмерное расширение этих ограничений способно превратить банкротство из реабилитационной процедуры в форму социально-экономического клейма, что противоречит назначению института.

5. Судебная практика и баланс интересов должника и кредиторов.

Судебная практика по банкротству граждан развивается вокруг вопроса о балансе интересов. Безусловно, арбитражный суд в ходе рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) должен одновременно обеспечить защиту кредиторов и не допустить необоснованного отказа гражданину в восстановлении финансовой состоятельности. В связи с этим каждое дело о банкротстве фактически требует индивидуальной оценки поведения должника.

Существенное влияние на обеспечение единообразия судебной практики оказывают разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Базовые ориентиры применения процедур банкротства граждан были сформулированы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 года №45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». В дальнейшем эти подходы получили развитие в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённом Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 года. В документе обобщены правовые позиции по вопросам возбуждения дела о банкротстве, освобождения гражданина от обязательств, оценки его добросовестности и применения исключений из общего правила о списании долгов [5].

Принципиальное значение имеет положение о том, что процедура банкротства гражданина-должника не должна превращаться в «законный инструмент» ухода от исполнения сознательно принятых обязательств. Если гражданин продолжал увеличивать долговую нагрузку, понимая, что не сможет рассчитаться с кредиторами, скрывал существенные сведения или совершал действия в ущерб их интересам, освобождение от долгов может противоречить назначению данного института и потому подлежит ограничению. Вместе с тем сам факт финансовой неудачи ещё не свидетельствует о недобросовестности. Утрата дохода, заболевание, сложные семейные обстоятельства или неудачный предпринимательский риск должны оцениваться с учётом конкретной ситуации, а не автоматически рассматриваться как основание для отказа в списании задолженности.

Как следствие, в научном осмыслении правовой статус гражданина-должника целесообразно раскрывать через идею «ответственной реабилитации». Возможность освободиться от обязательств предоставляется гражданину не безусловно – он обязан раскрывать сведения о своём имуществе и обязательствах, добросовестно взаимодействовать с судом и финансовым управляющим, а также не использовать процедуру в ущерб интересам других лиц. Кредиторы, со своей стороны, наделяются процессуальными механизмами, позволяющими проверить поведение должника и оспорить совершённые им недобросовестные действия.

В.В. Витрянский [6] в своих исследованиях обращает внимание на необходимость соблюдения прав не только кредиторов, но и иных лиц, чьи имущественные интересы затрагиваются банкротством гражданина. В частности, учёный критически оценивает порядок реализации общего имущества супругов, указывая, что пункт 7 статьи 213.26 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» нарушает основополагающие принципы регулирования отношений общей собственности. Данная позиция, по мнению автора публикации, подтверждает, что ограничения, вводимые в отношении

гражданина-должника, не должны автоматически распространяться на имущественные права третьих лиц и обязаны соответствовать требованиям законности и соразмерности.

По мнению В.С. Белых [7], правовой статус гражданина-должника в процедуре банкротства не означает утраты им общей гражданской дееспособности. В данном случае речь идёт о специальном и временном ограничении возможности самостоятельно осуществлять отдельные имущественные права. Безусловно, такое ограничение обусловлено необходимостью сохранить имущество должника, обеспечить исполнение плана реструктуризации и предотвратить совершение действий, способных причинить ущерб кредиторам.

Завершая настоящее исследование, отметим, что среди наиболее заметных проблем действующего регулирования следует выделить неопределённость критериев добросовестности должника, высокую стоимость самой процедуры и неоднородность судебных подходов. Не менее важным остаётся вопрос о том, как обеспечить интересы кредиторов, не лишая гражданина минимально необходимых социальных гарантий и средств для достойного существования. Представляется, что дальнейшее развитие института банкротства граждан должно строиться на разумном балансе двух задач. С одной стороны, процедура призвана обеспечить максимально возможное удовлетворение законных требований кредиторов. С другой – она должна предоставлять гражданину реальный, а не формальный шанс преодолеть долговую нагрузку и восстановить финансовую самостоятельность.

Список литературы

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26.10.2002 (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №43. – Ст. 4190; Российская газета. – 2002. – №209–210.

2. Фролов И.В. Банкротство гражданина: проблемы введения и модели правового регулирования / И.В. Фролов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – №2. – С. 95–102. EDN VOCAXT

3. Ткачев В.Н. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / В.Н. Ткачев. – М.: Городец, 2006. – 528 с.

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – №237; 2020. – №144.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» №45 от 13.10.2015 (ред. от 17.12.2024) // Российская газета. – 2015. – №235; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – №12; Изменения внесены постановлением Пленума Верховного Суда РФ №40 от 17.12.2024 // Российская газета. – 2024. – №295.

6. Витрянский В.В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями / В.В. Витрянский // Хозяйство и право. – 2015. – №4(459). – С. 3–29. EDN UFFALN

7. Белых В.С. Банкротство граждан. Критерии. Статус. Процедуры: учебно-практическое пособие / В.С. Белых, В.М. Богданов, В.А. Запорощенко; под общ. ред. В.С. Белых. – М.: Проспект, 2016. – 127 с.

Бондаренко Светлана Викторовна
студентка

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЮРИСТА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА

Аннотация: *правовая культура охватывает как внутренние механизмы восприятия права (правосознание), так и реальные поведенческие практики, является фундаментом гражданского общества и правового государства. Правосознание является психологической основой правовой культуры, через которую индивид оценивает справедливость и обязательность норм. Высокий уровень правосознания необходим для развития гражданского общества и правового государства. В отличие от формализма европейского подхода, российское правосознание базируется на категориях справедливости, совести, доброты и искренности. Выявлено, что для российского гражданина определяющей правосознания является категория справедливости, основанная на традиционных нравственных ценностях. Особое значение придается профессиональной правовой культуре юристов, которая должна интегрировать теоретические знания с морально-этическими нормами, эмпатией и критическим мышлением. Эффективность деятельности правоохранительных органов и судов, а также соблюдение профессиональной этики напрямую влияют на уровень доверия граждан к праву и преодоление правового нигилизма. В качестве мер по совершенствованию профессиональной культуры юристов предлагается не только непрерывное обучение и переподготовка, но и внедрение системного психологического сопровождения, расширения программы обязательной диспансеризации на адвокатов, нотариусов и частнопрактикующих юристов с включением оценки когнитивных способностей для предотвращения профессиональной деформации.*

Ключевые слова: *правовая культура, правосознание, профессиональная деформация, эмпатия, гласность, правовой нигилизм, этика профессиональной деятельности.*

Правовая культура как ведущий фактор устойчивого социального развития, выступает комплексом убеждений, ценностей и навыков, определяющих отношение человека к праву. Правосознание один из ключевых элементов структуры правовой культуры, определяя ее направленность, выступает как внутренний механизм восприятия права, где индивид или группа формирует оценки норм через личный опыт и социальные влияния, определяя, насколько закон воспринимается справедливым или обязательным, психологическая основа, где эмоции, убеждения и стереотипы окрашивают отношение к юридическим предписаниям, без обязательного перехода к действиям. В отличие от правосознания, правовая культура охватывает не только мысли, но и реальные практики: от повседневного следования правилам до функционирования институтов: судов, административных органов, где право воплощается в поведенческих моделях и институциональных механизмах. Средства массовой информации играют значительную роль в формировании уровня как правосознания, так и правовой культуры, влияя на духовную и культурную жизнь общества, его стабильность и безопасность [9, с. 13–15]. Без соответствующего уровня правосознания нельзя представить развитие гражданского общества и становление правовой государственности. Законодатель отмечает, что избиратель, обладающий правовой культурой обладает позитивным

правосознанием, имеет навыки применения норм закона [3], обращает внимание на необходимость проведения правового просвещения. Отмечено, что ни в одном из многочисленных исследований разных возрастных групп, включая подростков, не было обнаружено ни одного испытуемого, который не имел бы определенных правовых представлений, оценочных отношений к явлениям правовой жизни [8, с. 201–214].

Особенности российского правосознания.

Европейскому правосознанию присуща формальность, в то время как русский человек ценит, прежде всего, доброту, совесть и искренность, отдавая предпочтение свободе духа перед формальной правовой свободой. Ключевым мотивом правосознания российского гражданина является справедливость [7, с. 85]. Сквозным лейтмотивом правосознания российского гражданина проходит справедливость, следовать которой надлежит. Через сказки народ передавал молодому поколению ценности, описывал правомерные нормы поведения, отражал злоупотребления правом и нарушения права, указывал на способы защиты своих прав. Образ царя и суда в фольклоре отражает представления народа о справедливости, отношения между властью и подданными, указывая, что истинная справедливость в сердцах людей.

В основу государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания положен принцип ориентации государства на исторически сложившиеся нормы морали и общепризнанные нравственные ценности многонационального народа России, направленные на обеспечение правомерного и добропорядочного поведения граждан, преодоление правового нигилизма [2]. Проблема правового нигилизма существовала и ранее, что также нашло отражение в фольклоре русского народа: «Закон – дышло, куда повернул туда и вышло», «пути ясны – да очи слепы», «кто законы пишет, тот их и ломает» [5]. Безупречность и эффективность деятельности судов, правоохранительных органов, исполнение судебных решений, соблюдение служащими норм закона и профессиональной этики доминирующие факторы формирования правовой культуры и позитивного типа правосознания российского гражданина.

Роль юристов в правовой системе.

В этой связи обретает значение правовая культура юристов, ведь именно правоведы, разрабатывая правовые механизмы, должны ставить во главу права и свободы человека [1]. В условиях социальных трансформаций управление профессиональной культурой юристов становится приоритетной задачей, необходимой для адаптации специалистов к новым вызовам и обеспечения устойчивости правовой системы.

С развитием общества растет и осознание необходимости права, его справедливости. Это народное сознание, проникающее в самую суть общественной жизни, находит свое воплощение в особой группе людей – юристах. Они, таким образом, выступают носителями и выразителями коллективного понимания права [10, с. 58].

Значимой частью профессиональной правовой культуры юриста является моральная культура, поскольку этические нормы регулируют качество взаимодействия с клиентами, коллегами и обществом в целом. В понимании индивида юрист воплощение морали и нравственности, и именно юристу надлежит вежливо относиться к чести и достоинству личности, проявлять корректность, уважать и соблюдать права, свободы и законные интересы граждан. Взвешенные решения юристу помогают принимать эмпатия и критическое мышление. Именно воспитание в юристах и привитие им нравственных ценностей выступает залогом подготовки качественного специалиста, ориентирующегося не только в принятии решения на основе полученных теоретических знаний, но и морали, убежденности в правильности поступка, верности принятого решения, осознания последствий принятых решений и сознательного их допущения. Именно осознание роли права, атмосфера формирования правосознания юриста отражается в его мыслительной деятельности, реализуется в законотворческой и правоприменительной деятельности, качество которой оценивается гражданином, результат оценки впоследствии влияет на его принятие права, понимания его ценности и главенства.

Практическая деятельность судов, правоохранительных органов, прокуратуры, государственных органов, адвокатов, нотариусов оказывает позитивное воздействие на формирование правовой культуры индивида и общества в целом. Закрепление принципа гласности позволяет гражданину присутствовать в открытых судебных процессах, знакомится с текстами опубликованных решений судов, также как и публикация нормативных актов, принятые на законодательном уровне условия оказания бесплатной юридической помощи выступают инструментами доступными юристам для развития правовой грамотности и формирования правосознания гражданина.

Нормативно-правовое закрепление этики профессиональной деятельности не только устанавливают критерии поведения, создают облик юриста, но и в условиях гласности признаны укрепить доверие граждан к лицам, принимающим решения, укрепить в сознании граждан понимание справедливости, обоснованности принимаемых решений, препятствовать развитию правого нигилизма.

Развитие и управление профессиональной культурой юристов.

Профессиональная переподготовка и повышение квалификации, совершенствование систем подготовки и переподготовки служащих, сотрудников правоохранительных органов и их дополнительное обучение как одна из меры государственной политики призваны совершенствовать правовую культуру. В то же время низкий уровень обучаемости, профессиональная деформация снижают эффективность разработанных мер и требуют принятия нестандартных решений.

Процесс формирования правовой культуры юристов требует чёткого управления, направленного на координацию взаимоувязанных действий различных субъектов и институтов, обеспечивающих комплексное развитие правовой среды. Требуется не только теоретическая подготовка кадров, закрепление знаний и навыков в реальных условиях деятельности, но и формирование устойчивых профессиональных ценностей, адекватного правового поведения. Учитывая возможную профессиональную деформацию юристов и как следствие правовой нигилизм, цинизм, обвинительный уклон, правовой конформизм, чрезмерную педантичность и бюрократизм наряду с повышением профессиональной подготовки и непрерывного обучения следует использовать психологическое сопровождение. Законодателем закреплены положения прохождения ежегодного медицинского осмотра государственных, муниципальных служащих для раннего (своевременного) выявления состояний, заболеваний и факторов риска их развития, препятствующих прохождению государственной гражданской службы Российской Федерации и муниципальной службы [4]. Данная мера охватывает не в полном объеме юридическое сообщество, следовало бы предусмотреть прохождение диспансеризации также адвокатами, нотариусами, частнопрактикующих юристов, а также включить оценку когнитивных способностей, что имеет существенное значение для реализации профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 1993. – №3. – Ст. 28. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.02.2026).

2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом РФ 28.04.2011 №Пр-1168. – URL: https://sudact.ru/law/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/?ysclid=mrk9n2gzzm700624378 (дата обращения: 14.07.2026).

3. Постановление ЦИК России от 25.12.2024 №191/1493-8 (ред. от 16.07.2025) «О Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 годы». – URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-tsik-rossii-ot-25122024-n-1911493–8/?ysclid=mrk8h8xqo228123076 (дата обращения: 14.07.2026).

4. Федеральный закон от 30.12.2012 №283-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 03.03.2026) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-30122012-n-283-fz-o/?ysclid=mrk8o2h72b435877966 (дата обращения: 14.07.2026).

5. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – URL: https://azbyka.ru/fiction/poslovicy-russkogo-naroda/#toc (дата обращения: 14.07.2026).
6. Землин А.И. Правовая культура современной российской молодежи / А.И. Землин // Основы государства и права. – 1999. – №6. – С. 50–55. EDN TXDLKN
7. Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи / И.А. Ильин. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. – 85 с. EDN QXBWRF
8. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования / А.Р. Ратинов // Методология и методы социальной психологии. – 1981. – С. 201–214.
9. Склифус С.В. Правосознание и правовая культура гражданского общества как источник развития Российского государства / С.В. Склифус // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – №9. – С. 13–15. DOI 10.18572/1813-1247-2021-9-13-15. EDN NPTAUY
10. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / К.Д. Ушинский. – Т. 1. – СПб., 1971. – 58 с.

Булахова Юлия Андреевна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ К ЦИФРОВОМУ ПРОФИЛЮ

Аннотация: *статья посвящена цифровой трансформации процесса взаимодействия с государством физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Автор исследует правовую природу автоматизации регистрационных действий и переход на электронный документооборот между предпринимателями и государством. Особое внимание уделяется перспективам создания единой цифровой среды. На основе анализа действующего законодательства, включая Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», выявлены ключевые аспекты цифровизации предпринимательской деятельности. Статья содержит анализ современного подхода к государственной регистрации и перспективы совершенствования нормативного регулирования легитимации предпринимательской деятельности в контексте развития единой цифровой среды. Результаты исследования могут быть использованы при разработке законодательных инициатив и в правоприменительной практике.*

Ключевые слова: *цифровой профиль, индивидуальный предприниматель, цифровизация, электронная подпись, электронный документооборот, налог на профессиональный доход, Федеральная налоговая служба, государственная регистрация.*

Современные этапы цифровизации правоотношений в России коснулись и ведения бизнеса, что привело к формированию новых способов взаимодействия государства с представителями индивидуального предпринимательства. На процессе вывода из теневой экономики данной категории субъектов экономической деятельности положительно отразилось упрощение получения государственных услуг в части легитимации предпринимательства путем автоматизации и информатизации экономики в данном секторе.

Как отмечают Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневич, «внедрение цифровых технологий не оказывает существенного воздействия на характер материальных и нематериальных потребностей индивида, оно лишь изменяет способы, подходы и средства к их удовлетворению» [6, с. 61].

Стремительный переход экономических правоотношений в цифровое поле неизбежно подлежит комплексному правовому регулированию со стороны государства и вместе с тем становится средством правового механизма, направленного на повышение прозрачности бизнеса, непрерывный мониторинг, и автоматизацию государственных услуг.

1. Современные подходы к государственной регистрации предпринимателей.

В Российской Федерации ведется государственный реестр, содержащий сведения об индивидуальных предпринимателях – Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГРИП). ЕГРИП является федеральным информационным ресурсом и ведется регистрирующим органом – Федеральной налоговой службой (ФНС России), в том числе на электронных носителях. В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 08.08.2001 г. №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» разработан сервис, предусматривающим бесплатное предоставление сведений из ЕГРИП в форме электронного документа [1, ст. 3431].

Государственная регистрация предпринимателя и изменения сведений о нем в классическом варианте в законодательстве осталась – подать документы в ФНС возможно лично. Однако наряду с классическим способом подачи документов у заявителей есть альтернативный: подача электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП).

Имеет большое значение процесс цифровизации налогового администрирования – активное внедрение электронных сервисов Федеральной налоговой службы, личные кабинеты налогоплательщиков, автоматизированные системы учёта.

Принимая во внимание государственную регистрацию статуса индивидуального предпринимателя с использованием УКЭП в рамках данной тематики важно выделить, что данный процесс также может подразумевать личный визит в многофункциональный центр предоставления государственных услуг или к нотариусу, или в банк – банки, в частности, контролируют постановку индивидуальных предпринимателей на налоговый учет при открытии ими счета [8, с. 79]. При таких способах регистрации документы подписываются электронной подписью должностного лица.

К вопросу пути онлайн-регистрации ФНС России представлено несколько сервисов: «Государственная онлайн-регистрация бизнеса» (в сервисе заявление формируется, подписывается УКЭП заявителя и онлайн направляется в ФНС России), «Подача документов на государственную регистрацию в электронном виде» (сервис исключительно передает пакет документов, подписанный УКЭП в другой специальной программе) [12]. Последний предназначен для всех заявлений, направленных на государственную регистрацию изменений индивидуальных предпринимателей, содержащихся в ЕГРИП.

Помимо указанных, также имеет место отдельно разработанное мобильное приложение «Личный кабинет предпринимателя» (ЛК ИП), в котором возможно подготовить пакет документов на первичную регистрацию, но после обязателен визит в ФНС России. Его ключевой функционал в электронном документообороте с госорганом, не связанном со сведениями, содержащимися в ЕГРИП (единый налоговый счет, налоговые декларации, переходы между налоговыми режимами, учет имущества).

Е.В. Трофимовой зафиксировано, что с 2018 г. появилась возможность получать от регистрирующего органа электронные документы, подписанные УКЭП ФНС России [11, с. 31].

Результатами рассмотрения представленных в ФНС России электронных документов являются решение ФНС России, направленное в электронном виде с файлом с УКЭП по адресу электронной почты заявителя [5]. Вследствие всего вышеизложенного формируется цифровая среда: ФНС России (сервисы) – предприниматели – ФНС России (регистрирующий орган).

К предпринимателям – физическим лицам также относятся граждане, применяющие налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в соответствии с Федеральным законом от 27.11.2018 N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [3, ст. 7494]. Постановка на учет осуществляется на основании заявления, формирующегося с использованием мобильного приложения «Мой налог», то есть онлайн в электронном формате. Отказ от применения специального налогового режима производится подобным образом через то же приложение.

2. Цифровой профиль: компоненты, функции и технологические инструменты.

Одним из устоявшихся, в том числе в учебной литературе, определений цифрового профиля является следующее: совокупность цифровых записей о гражданине, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций [7, с. 7]. Цифровые записи о гражданине, содержащиеся в государственных информационных базах, – это данные о физическом лице, включая персональные, биометрические и специальные.

К персональным данным относят фамилию, имя, отчество, паспортные данные, СНИЛС, ИНН, дату и место рождения, адрес, семейное, социальное и имущественное положение и т. д. Кроме того в целях улучшения защиты и упрощения процедуры идентификации и аутентификации для получения услуг без личного присутствия в России производится сбор биометрических данных [10, с. 245].

Биометрические персональные данные – это данные о физиологических и биологических особенностях человека, которые позволяют установить его личность (ДНК, голос, радужная оболочка глаза, отпечатки пальцев, изображение лица и т. д.) [9, с. 326].

Вышеуказанные данные являются компонентами цифрового профиля. Также к компонентам цифрового профиля предпринимателя возможно причислить и другие данные, находящиеся в государственных информационных системах, такие как: сведения из ЕГРИП, сведения о лицензиях, налоговые и бухгалтерские данные, информация о судебных процессах и исполнительном производстве, сведения о дисквалифицированных лицах, кредитная история и др.

С точки зрения государственного регулирования основными функциями цифрового профиля можно выделить: идентификационно-верификационную (подтверждение личности и статуса без личного присутствия и дополнительных документов) и контрольно-надзорную (автоматизированный мониторинг). Дополнительной функцией в рамках существующей цифровой среды стала репутационная, имеющая значение для контрагентов предпринимателей, формируемая из публичных данных, предоставляемых государственными органами.

К технологическим инструментам цифрового профиля предпринимателя представляется возможным отнести следующее: использование электронной подписи (в том числе УКЭП) в соответствии с Федеральным законом от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи» [2, ст. 2036]; Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) [4, ст. 7284] – авторизацию на других платформах, в том числе в сервисах ФНС России при помощи логина и пароля федерального портала «Госуслуги»; сервисы для электронного документооборота («Государственная онлайн-регистрация бизнеса», «Подача документов на государственную регистрацию в электронном виде»); мобильные приложения – программное обеспечение, разработанное специально для налогоплательщиков («Налоги ФЛ», «Мой налог», «ЛК ИП»); публичные информационные реестры, информационные сервисы и ресурсы (ЕГРИП, сервис «Прозрачный бизнес», Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности, Федресурс).

Е.В. Трофимова упоминает, что на сайтах ФНС России функционируют около 50 интерактивных сервисов, которые охватывают все категории налогоплательщиков и сферы их интересов [11, с. 34]. Часть компонентов цифрового профиля находится на публичных электронных информационных ресурсах, предоставляются круглосуточно и бесплатно.

3. Проблемы и перспективы совершенствования цифрового профиля предпринимателя.

Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневич подчеркивают, что цифровизация – всего лишь инструмент совершенствования механизма хозяйственных (экономических) отношений и одновременно новый способ возможных злоупотреблений в экономической сфере [6, с. 62].

В.И. Липунов, как и большинство других авторов, констатирует наличие угрозы безопасности цифровых данных [10, с. 246]. Статистика в сравнении 2024 года с 2023 годом говорит о том, что около 90% всех зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), составляет неправомерный доступ к учетным записям пользователей «Госуслуг» [13]. Большая часть этих преступлений были совершены с применением методов социальной инженерии (основанные на психологии, а не на техническом взломе), таких как рассылка поддельных писем или сайтов-клонов, телефонное мошенничество, мошенничество через SMS-сообщения, создание вымышленного сценария, чтобы жертва поверила мошеннику и раскрыла данные и т. д.

К рискам применения цифрового профиля можно добавить возможные сбои и уязвимости информационных систем – периодически происходящие технические проблемы в работе сервисов ФНС России. В контексте электронного взаимодействия с государственным органом, этот аспект всегда необходимо учитывать.

Возможное нивелирование права на личное присутствие, право на устные разъяснения и разрешение исключительных ситуаций – аспект, противостоящий автоматизации процессов. Важно помнить, что цифровой профиль формируется государством в первую очередь для граждан, а не граждане вынуждены использовать цифровые платформы в отсутствии альтернативных вариантов.

Еще одним негативным аспектом выступает разрозненность цифровых сервисов и платформ, имеющих, по сути своей, одни и те же цели и чаще всего одного и того же оператора, но разработанных для конкретизированной узкой государственной услуги или предоставления узконаправленной информации. Как ранее уже сообщалось, на сайтах ФНС России функционируют около 50 интерактивных сервисов для разных категорий и разных задач. Это препятствует быстрому сбору необходимой информации, общей видимости процессов предпринимательской деятельности, затрудняет работу и снижает эффективность.

Таким образом, ключевые проблемы цифрового профиля предпринимателя включают в себя угрозу безопасности данных, нестабильную работу сервисов регистрирующего органа по техническим причинам, нивелирование права на личное присутствие и устные консультации регистрирующего органа, разрозненность и разобщенность цифровых сервисов.

Проблема безопасности конфиденциальных данных в первую очередь связана с прогрессирующей киберпреступностью. В условиях использования обширного набора средств безопасности: межсетевых экранов, средств анализа содержимого, средств предотвращения вторжений, антивирусных средств, средств мониторинга и контроля защищенности, чаще всего мошенникам удается обмануть физическое лицо при помощи методов социальной инженерии. Решение этой проблемы должно быть комплексным: предупреждение граждан о возможных схемах мошенничества, непрекращающееся повышение уровня защищенности государственных цифровых платформ, популяризация повышения уровня защищенности рабочего устройства, с которого производится взаимодействие с регистрирующим органом.

Е.В. Трофимова отмечает, что процедуры коммуникации бизнеса с ФНС России через телекоммуникационные каналы связи прошли период адаптации, технические возможности возросли, контроль за субъектами предпринимательства вышел на новый уровень [11, с. 34]. Следует отметить, что технические сбои в работе сервисов ФНС России наблюдаются всё реже и их поддержка стала более стабильной и отлаженной.

У заявителей есть выбор формата подачи документов в регистрирующий орган: лично или в электронном виде – что предоставляет возможность предпринимателям самостоятельно принимать решение о более комфортном для них способе взаимодействия в процессе получения государственной услуги.

Электронное взаимодействие обеспечивает большую простоту и доступность процедуры государственной регистрации предпринимателей. Однако, важно акцентировать внимание на том, что способ взаимодействия путем личного визита в регистрирующий орган категорически нельзя отменять. Это связано и с маловероятной, но тем не менее возможной нестабильной работой сервисов, а также с правом человека на неиспользование электронных сервисов по личным мотивам.

В.И. Липунов считает, что цифровое будущее человечества означает новый, намного более совершенный уровень организации человеческого общества, опирающийся на применение цифровых технологий [10, с. 248].

Перспектива совершенствования цифрового профиля предпринимателя связана с сокращением многочисленных сервисов регистрирующего органа до одной цифровой платформы, совмещающей в себя следующий функционал: такую же единую авторизацию через ЕСИА; все этапы регистрационных действий в ЕГРИП (от формирования заявления до получения ответа регистрирующего органа); переход между налоговыми режимами; формирование и направление отчетности; контроль кассового оборудования; учет имущества; подтягивание сведений из всех информационных ресурсов ФНС России, в том числе для проверки контрагентов, и другое. В дальнейшем это приведет к созданию единой платформы для налогоплательщика со множеством ответвлений в различные категории и выведет электронное взаимодействие предпринимателя с регистрирующим органом на уровень единого окна в электронном виде.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» №129-ФЗ от 08.08.2001 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №33 (ч. I). – Ст. 3431.

2. Федеральный закон «Об электронной подписи» №63-ФЗ от 06.04.2011 (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №15. – Ст. 2036.

3. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» №422-ФЗ от 27.11.2018 (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – №49 (ч. I). – Ст. 7494.

4. Постановление Правительства РФ «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» №977 от 28.11.2011 (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №49 (ч. 5). – Ст. 7284.

5. Приказ ФНС России «Об утверждении Порядка взаимодействия с регистрирующим органом при направлении документов, необходимых для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в форме электронных документов, а также требований к формированию таких электронных документов» №ЕД-7–14/1267@ от 28.12.2022. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.05.2026).

6. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

7. Виноградова Е.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации / Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. №4. – С. 5–19. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19. EDN NZFOBQ

8. Землин А.И. Налоговое право: учебник / А.И. Землин. – М.: Форум: Инфра-М, 2005. – 304 с.

9. Землина О.М. Правовая культура: учебник для вузов / О.М. Землина; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: Юрайт, 2026. – 522 с. – URL: https://urait.ru/bcode/589051/p.326 (дата обращения: 01.05.2026).

10. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. EDN PBDDMP

11. Трофимова Е.В. Электронная легитимация и взаимодействие субъектов предпринимательства с регистрирующими (налоговыми) органами / Е.В. Трофимова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – №7(71). – С. 29–36. DOI 10.17803/2311-5998.2020.71.7.029-036. EDN HKTCMY

12. Как зарегистрировать ИП быстро и просто: пошаговая инструкция: информация ФНС России. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn26/news/activities_fts/16501782/ (дата обращения: 30.04.2026).
13. МВД: взломы «Госуслуг» составляют 90% преступлений с незаконным доступом к данным // ТАСС. – 01.06.2025. – URL: https://tass.ru/obschestvo/24104331 (дата обращения: 01.05.2026).

Внукова Анна Дмитриевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Аннотация: *в статье исследуется правовая природа, сущность, функции и значение корпоративного договора как инструмента регулирования взаимоотношений между участниками хозяйственных отношений. Рассматривается нормативно-правовое регулирование корпоративного договора в Российской Федерации: ст. 67.2 ГК РФ, а также нормы Федерального закона от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах» и Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Определены преимущества заключения корпоративного договора и выявлены возможные риски на основе мнений учёных и практикующих юристов. На основе анализа судебной практики сформулированы возможные пути предотвращения рисков. Сделан вывод, что корпоративный договор является действенным механизмом для осуществления корпоративных прав, управления обществом, а также предотвращения и урегулирования споров между участниками.*

Ключевые слова: *корпоративный договор, корпоративный спор, акционерное соглашение, договор об осуществлении прав участников общества, хозяйственное общество, устав общества, юридические лица.*

Взаимоотношения участников хозяйственных обществ является важной составляющей для обеспечения эффективной работы при осуществлении предпринимательской деятельности. Грамотно определенные и закрепленные внутри организации условия взаимодействия участников хозяйственного общества не только способствуют соблюдению законодательства, но и позволяют принимать эффективные управленческие решения и избежать внутренних конфликтов.

В настоящее время законодательством предусмотрено достаточно способов для урегулирования взаимоотношений между участниками хозяйственных обществ. К ним можно отнести устав общества, который является основным и обязательным учредительным документом, регулирующим деятельность общества. Регулирование корпоративных отношений возможно также через решения общего собрания участников общества, на которых принимаются решения, влияющие на деятельность организации.

Помимо перечисленных способов регулирования взаимоотношений участников хозяйственных обществ отдельное внимание такому способу как заключение корпоративного договора, который введен в российское законодательство Федеральным законом от 05.05.2014 №99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [4] в рамках реформы корпоративных отношений.

Цель настоящего исследования – раскрыть сущность корпоративного договора, определить его функции и значение для урегулирования взаимоотношений участников хозяйственных обществ.

1. Правовое регулирование корпоративного договора.

Корпоративный договор регулируется нормами несколькими нормативно-правовыми актами, которые определяют его правовую основу, содержание и последствия нарушения.

Основные положения о корпоративном договоре содержаться в статье 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), которая закрепляет основные правила составления и применения корпоративного договора.

В соответствии с п. 1 ст. 67.2 ГК РФ корпоративный договор – это договор, заключаемый участниками хозяйственного общества или некоторыми из них об осуществлении ими своих корпоративных прав и в соответствии с которым участники хозяйственного общества (или некоторые из них) обязуется осуществлять свои права определенным образом или воздержаться от их осуществления.

Данный пункт указанной статьи также перечисляет возможные права участников, которые могут быть предусмотрены в корпоративном договоре, а именно голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств.

Также п. 2 ст. 67.2 ГК РФ прямо перечислены обязательства, которые не могут предусмотрены корпоративным договором, среди которых: голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру органов общества и их компетенцию. При включении таких условий в договор, данные условия будут ничтожны.

Таким образом, необходимо обозначить, что для заключения корпоративного договора необходимо волеизъявление каждого участника общества, ведь он может быть заключен только с некоторыми из них, и, соответственно будет распространять свое действие только на тех участников, которые его подписали.

В силу положений, предусмотренных п. 4 ст. 67.2 ГК РФ участники общества, заключившие корпоративный договор обязаны уведомить об этом общество, но без раскрытия его содержания, в противном случае участники, не являющиеся стороной такого договора вправе потребовать возмещения причиненных им убытков.

Корпоративный договор заключается в простой письменной форме (п. 2 ст. 67.2 ГК РФ) и не требует государственной регистрации, поскольку основным учредительным документом общества является устав, а корпоративный договор заключается отдельно и не заменяет устав, а действует вместе с ним, то возможен риск включения в такой договор положений, противоречащих уставу. В этой связи, согласно п. 7 ст. 67.2 ГК РФ, стороны не вправе ссылаться на недействительность всего договора при его противоречии уставу, не действуют лишь положения, которые противоречат уставу. Но в случае такого противоречия сторона не лишается права на предъявление требований другой стороне, основанных на положениях корпоративного договора, о чем разъяснено в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 №О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5].

На уровне специального законодательства корпоративный договор регулируется положениями ст. 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах» [3] (далее – ФЗ об АО), которая закрепляет возможность заключения акционерного соглашения об осуществлении своих прав определенным образом, а также ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] (далее – ФЗ об ООО), которая закрепляет, что участники общества вправе заключить договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью.

В этой связи необходимо отметить, что положения ст. 67.2 ГК РФ являются общими и устанавливают общие правила заключения и содержания корпоративного договора, в то время как в зависимости от организационно-правовой формы организации возможно заключение акционерного соглашения или договора об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, которые в свою очередь регулируются и ст. 67.2 ГК РФ и специальными законами, указанными выше.

Говоря о существенных различиях корпоративного договора, акционерного соглашения и договора об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, следует указать, что главное их различие заключается в содержании. Содержание корпоративного договора может включать нормы, направленные на осуществление прав участников при управлении юридическим лицом, в то время как договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью может включать нормы, связанные с созданием общества с ограниченной ответственностью (ч. 3 ст. 8 ФЗ об ООО), а содержания акционерного соглашения включать условия, затрагивающие права и обязанности акционеров, связанные с реорганизацией и ликвидацией акционерного общества (ч. 1 ст. 32.1 ФЗ об АО).

Таким образом, основная цель корпоративного договора направлена на урегулирование взаимоотношений между участниками хозяйственного общества для обеспечения стабильной работы общества, защитить права и интересы сторон договора, предотвратить возможные споры путем определения порядка взаимодействия участников при управлении организацией.

2. Преимущества заключения корпоративного договора.

При создании хозяйственного общества, стороны в первую очередь стремятся обеспечить для себя стабильный доход от осуществления ими предпринимательской деятельности, а также избежать возможных рисков, которые появляются при осуществлении управления хозяйственным обществом. Корпоративный договор имеет ряд преимуществ и недостатков как для самих сторон такого договора, так и для лиц, являющихся участниками общества, но не являющимися сторонами корпоративного договора. Преимущества корпоративного договора обусловлены, как и положениями законодательства, так и мнением практикующих юристов.

Говоря о преимуществах корпоративного договора, прежде всего стоит отметить, что он позволяет учитывать особенности деятельности конкретной организации, что в свою очередь позволяет выстроить эффективную систему управления таким образом, чтобы удовлетворить интересы участников общества в полном объеме.

В первую очередь, стоит отметить гибкость корпоративного договора. Как уже упоминалось, корпоративный договор не заменяет устав общества, а действует на ряду с ним. Однако, в отличие от устава, корпоративный договор позволяет вносить в него изменения по соглашению сторон без государственной регистрации. Также корпоративный договор позволяет зафиксировать положения, которые в силу закону являются не обязательными для включения в устав. Например, условия о порядке созыва и проведения общих собраний.

В силу положений п. 9 ст. 67.2 ГК РФ стороной корпоративного договора могут быть кредиторы и третьи лица, что расширяет возможности для защиты прав кредиторов и третьих лиц, имеющих законный интерес в деятельности общества.

Конфиденциальность корпоративного договора, закрепленная в п. 4 ст. 67.2 ГК РФ также является преимуществом корпоративного договора, потому что позволяет участникам общества защитить свои коммерческие интересы, что является важным в условиях конкуренции.

А. Голощапов, кандидат юридических наук, отмечает, что широкая предметная область является преимуществом корпоративного договора в виду того, что именно благодаря такой широкой предметной области возможно добиться гибкого управления деятельностью юридического лица.

Таким образом, корпоративный договор рассматривается как гибкий инструмент, позволяющий учитывать интересы участников общества, выстраивать эффективное управление обществом в рамках конкретной организации, учитывая ее специфику, а также быть вспомогательным инструментом для разрешения или недопущения корпоративных споров.

3. Возможные риски при заключении корпоративного договора.

Применения корпоративного договора может сопровождаться рядом рисков, которые связаны как с неопределенной правовой природой такого договора, так и с практикой его применения.

Многие ученые до сих пор дискутируют на тему правовой природы корпоративного договора.

Например, Е.А. Суханов высказывал мнение о том, что конструкция корпоративного договора, принятая в ст. 67.2 ГК РФ не характерна для российского законодательства и в большей степени опирается на страны с англо-саксонской правовой системой, поскольку практика применения корпоративного договора опирается на прецедентное, которое не применяется в России.

В.К. Андреев полагает, что корпоративный договор является гражданско-правовой сделкой и имеет управленческо-предпринимательский характер. Такой договор направлен на осуществление уже имеющихся у участников корпоративных прав [6].

Также стоит отметить, что в науке корпоративного права существует мнение, согласно которому корпоративный договор вовсе не является видом договора, поскольку он определяется через стороны и материальный объект, но не имеет своего предмета [7].

В.М. Перепелкин считает, что корпоративный договор прежде всего является гражданско-правовой сделкой, которая заключается на основании публично правовых дозволений и предметом которой выступают корпоративные права и обязанности, порядок осуществления или неосуществления которых определяется участниками данной сделки [8].

Таким образом, отсутствие единого подхода к понимаю правовой природы корпоративного договора могут создавать риски при его толковании судами.

Риски, связанные с заключением корпоративного договора, как и любого другого договора прежде всего связаны с его содержанием. Риски корпоративного договора – это возможные негативные последствия, которые могут произойти в связи с заключением, исполнением или нарушением корпоративного договора. Наиболее полное представление о корпоративном договоре, а также его возможных рисках может помочь анализ судебной практики.

Так, например, условия корпоративного договора могут носить характер крупной сделки, которая выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности и при этом цена или балансовая стоимость которой составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества [2]. В этой связи стоит обратить внимание на Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.12.2024 № Ф05–25738/2024 по делу № А40–247645/2023, в рассматриваемом споре два участника заключили корпоративный договор, согласно условиям которого один участник обязался голосовать на общих собраниях в соответствии с указаниями другого участника. Если же общество голосовало иначе, то участник вправе требовать перевода доли на себя. Общество обратилось в суд о признании корпоративного договора недействительным. Позиция истца заключалась в том, что договор имеет признаки крупной сделки и сделки с заинтересованностью, однако общее собрание на его заключение согласия не давало, а также сам корпоративный договор подписан лицом, не имеющим на это полномочий. Позиция ответчика является полностью противоположной позиции истца. Суд отказал в удовлетворении иска, посчитав, что договор не является крупной сделкой, поскольку главное обязательство по договору – это голосовать определенным образом и не выражается в деньгах и не имеет денежной оценки.

При составлении корпоративного договора, необходимо полностью и корректно формулировать права и обязанности сторон, а также ответственность за невыполнение условий договора. Так, в Арбитражном суде города Москвы рассматривалось дело № А40–217225/2016 о принуждении к заключению договора купли-продажи доли в уставном капитале общества. В рамках данного дела истец выполнил все условия оферты, предусмотренные корпоративным договором, однако ответчик не явился на подписание сделки, что расценивается как отказ от акцепта оферты. Суд удовлетворил иск, мотивируя тем, что односторонний отказ ответчика от совершения сделки является нарушением корпоративного договора и действующего законодательства. Вместе с тем суд также обратил внимание на

важность корректного составления условий корпоративного договора, которые бы детально отображали права, обязанности и ответственность сторон договора.

Корпоративный договор является гибким инструментом, который необходим не только для управления организацией, но и может применяться для разрешения уже существующих споров между участниками, а также для защиты законных прав участников и третьих лиц. Так, корпоративным договором может быть ограничено право на обращение в суд. Например, в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.02.2025 № Ф03–206/2025 по делу № А59–6561/2023, в данном деле рассматривались условия корпоративного договора, заключенный с целью урегулирования уже имеющегося спора между участниками. В рамках такого корпоративного договора стороны согласовали условие, согласно которому одна сторона прекращает текущие иски против другой стороны и не будет подавать новые, взамен на это другая сторона выплачивает образовавшуюся задолженность определенными частями в течение длительного промежутка времени. Соответственно, истец просил признать недействительным корпоративный договор в связи с ограничением его конституционного права на обращение в суд. Суды отказали в удовлетворении иска, поскольку посчитали, что порядок выплаты денежных средств неразрывно связан с основной целью договора, истец добровольно принял такое решение в обмен на материальную компенсацию.

Таким образом, для снижения количества рисков, связанных с заключением и исполнением корпоративного договора, следует внимательно относится к составлению условий договора. Во-первых, необходимо корректно, грамотно прописывать права, обязанности и ответственность сторон, а также избегать неоднозначных и двусмысленных формулировок. Во-вторых, проверять не содержит ли договор условий, которые должны регулироваться уставом или законом, в противном случае договор ничтожен (п. 2 ст. 67.2 ГК РФ). В-третьих, при составлении корпоративного договора стороны должны учитывать свои права и обязанности не только на текущий момент времени, но и учитывать будущие возможные изменения как внутри организации, так и на рынке, потому что если корпоративный договор будет содержать условия о показателях бизнеса, которые хотят достичь к определенному времени, но по какой-либо причине не достигнут такого показателя, то это не считается нарушением договора, так как это предпринимательский риск.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3302.

2. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» №14-ФЗ от 08.02.1998 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №7. – Ст. 785.

3. Федеральный закон «Об акционерных обществах» №208-ФЗ от 26.12.1995 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 1.

4. Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» №99-ФЗ от 05.05.2014 // Российская газета. – 2014. – №101. – 07.05.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» №25 от 23.06.2015 // Российская газета. – 2015. – №140. – 30.06.

6. Андреев В.К. Природа корпоративного соглашения / В.К. Андреев // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2014. – №2.

7. Суворов Е.Д. Договоры об осуществлении корпоративных прав / Е.Д. Суворов // Вестник ВАС РФ. – 2011. – №10. – С. 45–46. EDN ODSKKJ

8. Перепелкин В.М. Корпоративный договор: гражданско-правовая сделка или публично-правовое дозволение? / В.М. Перепелкин // Теория и практика общественного развития. – 2024. – №9. – С. 131–136. DOI 10.24158/tipor.2024.9.17. EDN YBMZNQ

Войдат Вероника Андреевна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА АКЦИОНЕРОВ ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ АО: ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АКТИВОВ

Аннотация: *в статье анализируются имущественные права акционеров при реорганизации и ликвидации акционерного общества, а также особенности их защиты и порядка распределения активов. Рассматриваются правовые основы, закреплённые в Федеральном законе «Об акционерных обществах» и Гражданском кодексе РФ, с акцентом на механизмы конвертации акций, выкупа акций несогласным акционерам и распределения оставшегося имущества пропорционально долям в уставном капитале. Особое внимание уделено балансу интересов акционеров и кредиторов. Анализируется судебная практика по спорам, связанным с компенсацией имущественных прав акционеров, включая случаи оспаривания решений общих собраний, нарушения порядка уведомления и недооценки активов. Обсуждаются риски для миноритарных акционеров и способы юридической защиты (иски о признании недействительными корпоративных решений, требования о возмещении убытков). Сформулированы выводы о необходимости усиления правовых гарантий участников корпоративных отношений.*

Ключевые слова: *акционерное общество, доля в уставном капитале, акции, ликвидация АО, реорганизация АО, имущественное права акционеров, защита прав акционеров.*

Акционерное общество представляет собой коммерческую организацию, уставный капитал которой разделён на определённое число акций. Ключевыми признаками данной организационно-правовой формы выступают: формирование капитала через выпуск акций, ограниченная ответственность участников и наличие системы корпоративного управления. Особенностью акционерных обществ является четкое разделение функций собственности и управления. Акционеры как собственники капитала реализуют свои права через участие в общем собрании акционеров, тогда как текущее управление осуществляется исполнительными органами под контролем совета директоров. Такая структура обеспечивает баланс интересов различных групп участников и способствует стабильности хозяйственной деятельности.

Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные гарантии защиты права собственности, что формирует основу обеспечения имущественных прав акционеров. Статья 35 Конституции РФ [1] гарантирует право частной собственности и её наследования, а также устанавливает, что никто не может быть лишён своего имущества иначе как по решению суда. Эти положения создают конституционную основу для защиты доли участия акционеров в имуществе акционерного общества. Принцип неприкосновенности собственности распространяется и на корпоративные права, обеспечивая стабильность правового статуса акционеров. Конституционные нормы получают развитие в корпоративном законодательстве, направленном на защиту интересов акционеров, особенно миноритарных [6, с. 11–28].

1. Защита прав акционеров при ликвидации АО.

Право на долю в имуществе общества закреплено статьёй 67.1 Гражданского кодекса РФ [2] и конкретизировано в Федеральном законе «Об акционерных обществах» [3]. Данное право реализуется акционером при распределении активов в процессе ликвидации общества после удовлетворения требований кредиторов. Размер доли определяется пропорционально количеству принадлежащих акций, что обеспечивает соблюдение принципа равного отношения к

акционерам одной категории. Особенности определения размера доли зависят от категории акций, что установлено статьёй 32 Федерального закона «Об акционерных обществах». Владельцы привилегированных акций имеют преимущественное право на получение ликвидационной стоимости перед владельцами обыкновенных акций. При этом уставом общества могут быть предусмотрены различные номинальные стоимости для разных типов привилегированных акций, что влияет на окончательный расчёт доли каждого акционера.

Законодательство РФ устанавливает чёткие критерии пропорционального распределения ликвидной массы между участниками ликвидационного процесса. В соответствии со статьёй 63 Гражданского кодекса РФ требования кредиторов удовлетворяются в установленной законом очерёдности, тогда как акционеры получают право на оставшееся имущество лишь после полного расчёта с кредиторами. Судебная практика последовательно придерживается данного принципа, что подтверждается анализом дел о банкротстве акционерных обществ. Постановление Пленума ВАС РФ №29 от 08.12.2005 [4] подтверждает, что при распределении конкурсной массы соблюдение принципа пропорциональности является обязательным условием законности процедуры ликвидации. Пропорциональность распределения активов между акционерами определяется их долей участия в уставном капитале общества. Однако в случаях, когда ликвидационная масса недостаточна для удовлетворения требований всех акционеров, суды применяют принцип соразмерности, учитывая реальную стоимость активов общества. Особую сложность представляют ситуации, когда часть акционеров уже получила выплаты до возбуждения процедуры ликвидации.

Анализ судебной практики выявляет дифференцированный подход к определению приоритетности требований различных категорий участников ликвидационного процесса. Требования кредиторов, обеспеченные залогом имущества общества, традиционно имеют преимущественный характер перед иными финансовыми обязательствами. В отношении акционеров суды признают приоритетными требования о выплате объявленных, но не выплаченных дивидендов перед общими имущественными правами на ликвидационную квоту.

Коллизии права наиболее остро проявляются при конкуренции требований в условиях недостаточности ликвидной массы. В таких ситуациях суды сталкиваются с необходимостью балансирования между интересами кредиторов и акционеров, что не всегда находит однозначное решение в законодательстве [12, с. 150–158].

2. Особенности защиты имущественных прав акционеров при реорганизации.

Преемственность имущественных прав акционеров при различных формах реорганизации гарантируется положениями ст. 58 ГК РФ, устанавливающей универсальное правопреемство. Данная норма обеспечивает переход прав и обязанностей реорганизуемого общества к вновь создаваемым юридическим лицам в соответствии с передаточным актом. Особое значение имеет сохранение имущественных прав акционеров, включая право на долю в уставном капитале и получение дивидендов, независимо от выбранной формы реорганизации. Законодательное закрепление правопреемства минимизирует риски ущемления интересов владельцев акций при корпоративных преобразованиях [11, с. 150–158]. Однако анализ правоприменительной практики выявляет необходимость совершенствования механизмов преемственности, особенно в части передачи специальных правомочий.

Правовые последствия реорганизации акционерных обществ включают трансформацию структуры корпоративных обязательств и изменение пропорций участия акционеров в уставном капитале. При слиянии и присоединении происходит консолидация активов и пассивов участвующих обществ, что влечёт перераспределение долей в новом юридическом лице. Разделение и выделение, напротив, предполагают дифференциацию имущественных комплексов с соответствующим изменением номинальной стоимости акций. Указанные процессы требуют тщательного документального оформления, включая разработку передаточного акта и внесение изменений в уставные документы. Практическая реализация указанных изменений сталкивается с организационными сложностями, связанными с процедурами государственной регистрации. Несовершенство административных процедур может создавать риски нарушения сроков реорганизации и искажения данных о размере долей участия акционеров в результирующих обществах [8, с. 192–198].

Законодательные гарантии защиты миноритарных акционеров при слиянии и присоединении акционерных обществ включают обязательное предложение о выкупе акций по справедливой цене. Данное положение закреплено в статье 75 Федерального закона «Об акционерных обществах» и направлено на обеспечение баланса интересов всех участников корпоративных отношений. Норма предусматривает право акционеров, голосовавших против реорганизации или не участвовавших в собрании, требовать выкупа принадлежащих им ценных бумаг. Установленный механизм служит важным инструментом защиты имущественных прав миноритариев в условиях корпоративных преобразований. Реализация положений статьи 75 Федерального закона «Об акционерных обществах» на практике сопряжена с необходимостью соблюдения процедурных требований, включая сроки направления предложения о выкупе.

Процедура независимой оценки стоимости акций выступает ключевым инструментом предотвращения дискриминации миноритарных акционеров при корпоративных преобразованиях. Требование о привлечении независимого оценщика закреплено законодательно и направлено на установление объективной рыночной цены выкупаемых ценных бумаг. Независимая экспертиза позволяет минимизировать риски занижения стоимости активов в интересах контролирующих акционеров. Результаты оценки становятся основой для определения справедливой цены выкупа, обеспечивая защиту имущественных прав миноритариев [9, с. 225–228]. Эффективность независимой оценки напрямую зависит от профессиональных качеств привлекаемого специалиста и соблюдения стандартов оценочной деятельности. Законодательство устанавливает требования к квалификации оценщиков и процедуре проведения экспертизы, что снижает риски конфликта интересов. Обязательность проведения оценки при реорганизации способствует повышению доверия миноритарных акционеров к корпоративным решениям. Данный механизм служит дополнительной гарантией соблюдения принципа пропорциональности при распределении активов.

Судебная защита прав акционеров реализуется через механизмы оспаривания решений общих собраний, утвердивших условия реорганизации. Законодательство предоставляет возможность признания таких решений недействительными при наличии нарушений процедуры созыва или проведения собрания. Основаниями для обращения в суд могут служить недостаточность раскрытия информации, ограничение доступа к участию в собрании или фальсификация результатов голосования [12, с. 14–18]. Данный правовой инструмент позволяет восстановить нарушенные права миноритариев и обеспечить соблюдение баланса интересов.

При разделении и выделении акционерных обществ ключевое значение приобретает принцип пропорциональности распределения активов согласно долям участия акционеров. Данный принцип закреплён в законодательстве, однако его практическая реализация сталкивается с проблемами объективной оценки передаваемого имущества. Сложности возникают при определении рыночной стоимости активов, особенно нематериальных активов и деловой репутации общества. Несовершенство методик оценки может привести к нарушению баланса интересов участников реорганизации [13, с. 54–62]. Особую актуальность вопросы оценки приобретают в контексте установленных законом требований к размеру уставного капитала. Для ПАО он должен составлять сто тысяч рублей, для АО – 10 000 рублей. Представляется, что данные нормы не отвечают современным экономическим реалиям. Несоответствие минимальных размеров уставного капитала масштабам деятельности обществ усложняет адекватное отражение стоимости бизнеса при разделении. Некорректная оценка активов при разделении создаёт риски нарушения имущественных прав акционеров, особенно миноритарных. Непропорциональное распределение имущества может выражаться в занижении стоимости передаваемых активов новым юридическим лицам.

3. Выявление пробелов в законодательстве и предложения по совершенствованию защиты имущественных прав акционеров.

Действующее законодательство содержит системные пробелы в регулировании порядка выплат акционерам при ликвидации акционерных обществ. Отсутствие детализированных процедур определения сроков и механизмов расчёта стоимости долей приводит к существенным задержкам в удовлетворении имущественных требований. Особую проблему представляет неясность критериев оценки активов общества, что создаёт почву для злоупотреблений

со стороны контролирующих лиц. Эти правовые лакуны прямо влияют на невозможность реализации акционерами своих законных прав в полном объёме. Анализ правоприменительной практики выявляет коллизии между нормами о приоритете требований кредиторов и имущественных прав акционеров. Ситуация усугубляется недостаточной регламентацией порядка оспаривания решений ликвидационных комиссий, что особенно затрагивает интересы миноритарных акционеров. Указанные пробелы требуют системного законодательного решения для обеспечения баланса интересов всех участников корпоративных отношений.

В качестве первоочередной законодательной инициативы предлагается установление жёстких сроков осуществления выплат акционерам после завершения расчётов с кредиторами. Целесообразно введение обязательной независимой оценки активов общества на этапе ликвидационного баланса с участием представителей миноритарных акционеров. Дополнительной гарантией могло бы стать закрепление в законе права акционеров на получение промежуточной отчётности в ходе ликвидационной процедуры.

Эти меры позволили бы минимизировать риски нарушения имущественных прав вследствие недобросовестных действий контролирующих лиц. Особое внимание следует уделить совершенствованию механизмов защиты миноритарных акционеров путём введения специальных компенсационных фондов на этапе ликвидации. Требуется законодательное закрепление обязанности ликвидационных комиссий раскрывать информацию о ходе процедуры в стандартизированной форме. Целесообразно предусмотреть возможность приостановления ликвидации при выявлении нарушений имущественных прав акционеров до полного восстановления их законных интересов. Реализация данных предложений создаст дополнительные правовые гарантии справедливого распределения активов общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3302.

3. Федеральный закон «Об акционерных обществах» №208-ФЗ от 26.12.1995 (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 1.

4. Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» №29 от 15.12.2004 (ред. от 17.12.2024) // Специальное приложение к Вестнику ВАС РФ. – 2005. – №12.

5. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник для направления магистратуры «Юриспруденция» / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. EDN VRIHNM

6. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28. EDN WVAKDT

7. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – №6. – С. 54–62. EDN NPKRTA

8. Битар Д. Теоретические и практические проблемы правового регулирования акционерных обществ в РФ / Д. Битар // Вопросы российского и международного права. – 2023. – №12. – С. 192–198. DOI 10.34670/AR.2024.54.54.037. EDN EVSHMG

9. Глухова Т.В. Некоторые проблемы определения понятия «корпоративное правоотношение» / Т.В. Глухова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. – 2011. – №1. – С. 225–228.

10. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7(211). – С. 121–123.

11. Конькова С.В. Правовое обеспечение оценки имущественного комплекса предприятий / С.В. Конькова, С.А. Анисимов, Д.Ю. Левшиц // Теория и практика современной юридической науки: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Самара, 11 апреля 2017 г.). Вып. IV. – Самара: Инновационный центр развития образования и наук, 2017. – С. 34–37. EDN YNQGCX

12. Куркина Н.В. Проблемы правового регулирования определения объекта процедур несостоятельности (банкротства) / Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина, И.В. Татьянов // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №2. – С. 150–158. EDN ARYYAG

13. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Анапа, 7 марта 2022 г.). – Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов в Южном Федеральном округе, 2022. – С. 14–18. EDN XFAVIY

Волина Надежда Владимировна
магистрант

Научный руководитель
Левшиц Дмитрий Юрьевич
канд. юрид. наук, декан

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК – МЕГАРЕГУЛЯТОР ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Аннотация: *в статье на основе формально-догматического анализа нормативных правовых актов Российской Федерации рассмотрены этапы развития Центрального банка Российской Федерации как мегарегулятора финансового рынка. Актуальность статьи определяется повышением значения регулирования финансового рынка в экономике страны. Финансовый рынок играет важнейшую роль в современных экономических отношениях. Для государства он является объектом регулирования, а также механизмом, с помощью которого происходит управление экономикой. В условиях беспрецедентного санкционного давления на Российскую Федерацию особое значение приобретает государственное регулирование и надзор за деятельностью финансовых организаций. Банк России играет ключевую роль в регулировании финансового рынка страны, выступая его мегарегулятором с 2013 года. В сферу деятельности Банка России входит регулирование и надзор всех секторов финансового рынка, а именно банковской системы, страхования, негосударственных пенсионных фондов, рынка ценных бумаг, микрофинансовых организаций и др. Целью данной статьи является рассмотрение процесса становления Банка России как мегарегулятора, его деятельности и мер, принимаемых для стабилизации финансового рынка. Автор рассматривает предпосылки создания мегарегулятора финансового рынка, его деятельность, функции и этапы развития. Автор в статье рассматривает как менялась деятельность Банка России в зависимости от потребностей государства, какие меры предпринимались Банком для поддержания стабильности финансового рынка. Автор приходит к выводу, что несмотря на сложности, связанные с геополитической и экономической ситуацией в стране, финансовая система России показала свою устойчивость, в том числе благодаря гибкому регулированию со стороны Банка России.*

Ключевые слова: *контроль, надзор, Банк России, регулирование, финансовый рынок, кредитные организации, некредитные финансовые организации.*

Контроль (надзор) в финансовой сфере является важнейшим способом обеспечения законности и эффективности формирования доходов бюджетов и осуществления бюджетных

расходов [1, с. 296–300] и приобретает в настоящее время все большее значение, что детерминирует необходимость четкого закрепления направлений, форм и методов его осуществления в различных областях финансово-хозяйственной деятельности государства [2, с. 233–237; 3] в условиях проектного и программно-целевого финансирования [4, с. 57–71]. Контрольная (надзорная) деятельность в сфере финансов имеет особую значимость в числе средств противодействия коррупции [5, с. 47–53].

Формирование мегарегулятора финансового рынка.

Формирование мегарегулятора финансового рынка в России происходило в несколько этапов. В 2004 г. была упразднена Федеральная комиссия по ценным бумагам и создана Федеральная служба по финансовым рынкам (далее – ФСФР). В 2011 г. была упразднена Федеральная служба страхового надзора, и ее функции переданы ФСФР, а в 2013 г. ФСФР была присоединена к Банку России. С этого момента Банк России стал осуществлять регулирование и надзор не только за кредитными, но и за некредитными финансовыми организациями.

Предпосылками для создания мегарегулятора в России являлись высокая фрагментарность регулирования финансового рынка; крупные затраты бюджетных средств на содержание многочисленных регулирующих органов, дублирование их функций и низкая эффективность деятельности последних; слабая конкурентоспособность отечественного финансового рынка.

Другими предпосылками создания мегарегулятора в лице Банка России были недостаточность правового обеспечения деятельности субъектов финансового рынка и отсутствие единого центра контроля, координирующего усилия по регулированию финансового рынка [6, с. 2].

В соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» статус, цели деятельности, функции и полномочия Центрального банка Российской Федерации (Банка России) определяются Конституцией Российской Федерации, данным Федеральным законом и другими федеральными законами.

Функции и полномочия, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и указанным федеральным законом, Банк России осуществляет независимо от других федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления [7, с. 243].

При этом следует отметить, что независимость касается только реализации функций и полномочий, которые прямо предусмотрены Конституцией и законом. Банк России взаимодействует с другими органами (например, с Правительством при разработке денежно-кредитной политики), а также подотчётен Государственной Думе.

Основными функциями Банка России в отношении финансового рынка являются.

1. Развитие финансового рынка и обеспечение стабильности его функционирования. В частности, Банк России:

– во взаимодействии с Правительством Российской Федерации разрабатывает и проводит политику развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка Российской Федерации;

– осуществляет мониторинг состояния финансового рынка Российской Федерации, в том числе для выявления ситуаций, угрожающих финансовой стабильности Российской Федерации;

– один раз в год представляет в Государственную Думу проект основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации;

– реализует мероприятия по повышению уровня финансовой грамотности населения и субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации;

– разрабатывает и проводит политику по обеспечению доступности финансовых услуг для населения и субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации.

2. Банковское регулирование и банковский надзор.

3. Регулирование контроль и надзор в сфере финансовых рынков. К некредитным финансовым организациям относятся: профессиональные участники рынка ценных бумаг, управляющие компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда; специализированные депозитарии инвестиционного фонда,

паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда; акционерные инвестиционные фонды; клиринговые компании; микрофинансовые организации и др.

При становлении Банка России как мегарегулятора финансового рынка, Банк столкнулся с такими проблемами, как недостаточное регулирование, неэффективность законодательной базы, недостатки координации действий и обмена информацией, технологические вызовы [8, с. 2].

Это требовало от регулятора способности адаптироваться к миру инноваций, разработки новых подходов и инструментов для ведения контроля, постоянного повышения качества работы для обеспечения условий развития и стабильности финансового рынка.

Деятельность Банка России по регулированию финансового рынка.

Следует отметить, что финансовый рынок представляет собой достаточно разнообразную сферу деятельности и сосредоточение регулирования в руках одной организации могло привести к упущению специфики той или иной сферы финансовых рынков, к бюрократизации в принятии решений, отсутствии гибкости в регулировании и закреплении жестких методов и правил банковского надзора. Единственный субъект регулирования мог просто не справиться с тем объемом и задачами, которые необходимы для всестороннего регулирования [9, с. 3].

Рассмотрим деятельность Банка России по регулированию финансового рынка в период с 2015 по 2025 год, который охватывает как уже завершившиеся этапы «расчистки» рынка, так и текущий этап внедрения цифровых технологий и ужесточения требований.

Период с 2015 по 2019 г. можно охарактеризовать как очищение рынка от недобросовестных игроков, что выразилось в массовом отзыве лицензий у банков, в жестком ограничении процентных ставок у МФО, акционирование и укрупнение негосударственных пенсионных фондов, введении механизма досудебного урегулирования споров между потребителями финансовых услуг и страховщиками (в 2018 году введен институт финансового уполномоченного).

Период с 2019 по 2022 г. характеризуется как ужесточение регулирования и «поведенческий надзор». ЦБ активно внедряет механизмы по выявлению «финансовых пирамид» и нелегальных кредиторов в интернете. С 2020 года регулятор получил право блокировать сайты нелегальных участников рынка без решения суда (по согласованию с Генпрокуратурой), внедрение продвинутых подходов «Базеля III» (достаточность капитала, норматив краткосрочной ликвидности), усиление требований к резервированию по необеспеченным потребительским кредитам [7, с. 243].

В 2020–2021 годах Банк России начал развитие концепции Открытых API, позволяющей банкам обмениваться данными о клиентах с их согласия. Это заложило основу для создания открытого финансового рынка.

Период с 2022 по 2025 гг. в связи с вызовами, связанными с геополитическими событиями, Банк России кардинально изменил вектор регуляторной политики и перешел от «ужесточения» к «обеспечению стабильности» [10, с. 243].

В частности, ЦБ временно отменил требования к соблюдению норматива достаточности капитала для банков и отменил резервирование по пролонгированным кредитам, ввел жесткие ограничения на снятие наличной валюты и временный запрет на продажу валюты физическим лицам (впоследствии смягчено), кредитные каникулы для мобилизованных и граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию, на законодательном уровне.

С 2023 года запущен пилот по внедрению третьей формы денег (цифровой рубль). С 2026 года внедрение цифрового рубля в массовый оборот.

С 2024–2025 годах началось легализация майнинга (как вида деятельности) и тестирование трансграничных расчетов в криптовалютах в рамках ЭПР.

С 2023 по 2026 год вводятся прямые ограничения на долю необеспеченных потребительских кредитов и ипотеки (особенно с околонулевыми ставками от застройщиков), которые банки могут выдать.

Таким образом, деятельность Банка России в период с 2015 по 2025 год отвечала потребностям государства, а предпринимаемые меры, были направлены на поддержание стабильности финансового рынка. Несмотря на сложности, связанные с геополитической и

экономической ситуацией в стране, финансовая система России показала свою устойчивость, в том числе благодаря гибкому регулированию со стороны Банка России. Деятельность Банка с учетом беспрецедентного санкционного давления, направленная на регулирование финансовых организаций и стабилизацию финансовых рынков с особым фокусом на суверенитет и структурную трансформацию, доказала свою эффективность.

Список литературы

1. Землин А.И. Вопросы обеспечения законности закупочной деятельности бюджетными учреждениями высшего образования с использованием правовых средств / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, М.Г. Логинов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №7. – С. 296–300. – EDN: JVYVFE. DOI 10.47643/1815-1337_2025_7_296

2. Транспортное право: учебник для вузов / Н.А. Духно [и др.]; отв. ред. Н.А. Духно, А.И. Землин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 380 с.

3. Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение / А.И. Землин // Военное право. – 2022. – №6 (76). – С. 233–237. – EDN: SLNHFA.

4. Землин А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы применения программно-целевого метода финансового обеспечения развития железнодорожного транспорта в России / А.И. Землин, О.М. Землина, Ю.В. Денисова // Транспортное право и безопасность. – 2017. – №12 (24). – С. 57–71. – EDN: ZXMJEL.

5. Землин А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России / А.И. Землин // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. – 2014. – №2. – С. 47–53. – EDN: SIAPMB.

6. Заитова А.И. Центральный банк как финансовый мегарегулятор: проблемы, задачи, пути решения / А.И. Заитова. – URL: https://www.bankdelo.ru/fingram/press-center/pub/6562?ysclid=mrjk43pg2h787969071 (дата обращения: 14.07.2026).

7. Рождественская Т.Э. Банковское регулирование и надзор. Банкротство финансовых организаций. Меры воздействия Банка России: учебник для среднего профессионального образования / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 243 с. – ISBN 978-5-534-17318-5. – URL: https://urait.ru/bcode/584686 (дата обращения: 14.07.2026).

8. Заитова А.И. Центральный банк как финансовый мегарегулятор: проблемы, задачи, пути решения / А.И. Заитова. – URL: https://www.bankdelo.ru/fingram/press-center/pub/6562?ysclid=mrjk43pg2h787969071 (дата обращения: 14.07.2026).

9. Аранжереев М.М. Государственный контроль и надзор за деятельностью негосударственных пенсионных фондов / М.М. Аранжереев. – 2008. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-kontrol-i-nadzor-za-deyatelnostyu-negosudarstvennyh-pensionnyh-fondov?ysclid=mhjkof5ab3461391706 (дата обращения: 14.07.2026).

10. Панкратов Д.В. Трансформация контрольно-надзорной деятельности в отношении негосударственных пенсионных фондов / Д.В. Панкратов. – URL: https://api.law-journal.ru/wp-content/uploads/202309 (дата обращения: 14.07.2026).

Ворошилова Виктория Геннадьевна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

САНКЦИОННЫЕ РИСКИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: УСЛОВИЯ ПРИЗНАНИЯ САНКЦИЙ ФОРС-МАЖОРОМ ПО РОССИЙСКОМУ ПРАВУ

Аннотация: *в статье освещаются проблемы квалификации экономических санкций как обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора) в предпринимательской деятельности. На основе системного толкования ст. 401 и 451 ГК РФ, Постановления Пленума ВС РФ №7 от 24 марта 2016 г., а также анализа судебной практики и заключений ТПП РФ обосновывается, что санкционные ограничения не имеют автоматического характера признания форс-мажором. Исследуются ключевые условия форс-мажора: чрезвычайность, непредотвратимость и внешний характер по отношению к должнику. Особое внимание уделяется обязанности предпринимателя принимать меры по минимизации негативных последствий (поиск альтернативных контрагентов, механизмы альтернативного импорта). Санкции являются потенциальным юридическим фактом, подлежащим индивидуальной оценке в каждом конкретном споре, а не самостоятельным видом форс-мажора. Сформулированы рекомендации по включению в договоры специальных санкционных оговорок для минимизации рисков.*

Ключевые слова: *непреодолимая сила, санкционный комплаенс, внешнеэкономические ограничения, предпринимательский риск, освобождение от ответственности, существенное изменение обстоятельств, арбитражная практика.*

В современных условиях внешнеэкономического давления на экономику Российской Федерации субъекты предпринимательской деятельности всё чаще используют введённые ограничения как основания для освобождения от ответственности за неисполнение договорных обязательств. Правоприменительная практика показывает, что не все санкционные ограничения признаются форс-мажором в соответствии со статьёй 401 Гражданского кодекса Российской Федерации. Расхождение, возникающее между ожиданиями субъектов финансово-хозяйственной деятельности и юридической реальностью, объясняется необходимостью изучения и проведения научного анализа условий, при которых санкции могут быть квалифицированы как обстоятельства непреодолимой силы.

1. Правовая природа санкций как непреодолимой силы (форс-мажора).

Согласно п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), непреодолимая сила включает в себя две важные составляющие: чрезвычайность и непредотвратимость при данных условиях обстоятельств [1]. Чрезвычайность представляется как исключительность обстоятельства, то есть его выход за рамки обычных жизненных явлений. Применительно к санкциям это означает, что не все ограничительные меры, вводимые иностранными государствами, рассматриваются как чрезвычайность. Если санкции вводятся систематически и на протяжении длительного периода времени, а также в отношении конкретных отраслей экономики, они теряют свойство внезапности и тем самым становятся частью экономической системы. Предприниматель в свою очередь должен учитывать сложившуюся конъюнктуру экономики при планировании своей деятельности, в том числе и те ограничения в виде санкций, которые она в себя включает.

Непредотвратимость же есть не что иное, как невозможность должника избежать наступления обстоятельства либо его негативного последствия, используя при этом все доступные данной конкретной ситуации меры по его предотвращению. Непредотвратимость оценивается применительно к конкретному обстоятельству и конкретному должнику, то есть если хозяйствующий субъект мог перестроить цепочку поставок, перевести расчёты в другую валюту или найти другого контрагента, но не сделал этого, санкции в данном случае не признаются непредотвратимыми [2].

Важно также отметить, что благодаря правоприменительной практике на сегодняшний день существует ещё один дополнительный критерий – внешний характер по отношению к деятельности должника. Он означает, что препятствие, возникшее при выполнении обязательств, не должно быть связано с процессами внутри организации. Однако судебная практика говорит о том, что наличие внешнего характера недостаточно для освобождения от ответственности, необходимо также, чтобы данный внешний фактор полностью блокировал возможность исполнения обязательств, а не просто делал их экономически невыгодными.

А.И. Землин, анализируя специфику правового регулирования в особые периоды, отмечает необходимость системного подхода к оценке влияния внешнеполитических факторов на обязательственные отношения [3]. Необходимо отметить, что в условиях давления на экономику применение форс-мажора должно быть адресным, а не служить основанием для массового освобождения от ответственности. Это обусловлено тем, что экономические ограничения, в отличие от природных катаклизмов, носят адресный характер и преодолеть их можно различными способами, например, посредством изменения логистических маршрутов, модификации продукции или изменения расчётов через нейтральные юрисдикции.

Практика арбитражных судов показывает, что одним из наиболее сложных вопросов является разграничение ситуаций, когда санкции делают исполнение обязательств невозможным, и случаев, когда исполнение остаётся возможным, но становится более обременительным, а порой экономически невыгодным. В первом случае речь идёт о правовой невозможности исполнения, например, когда вводятся персональные санкции, блокирующие любое взаимодействие с контрагентом, а нарушение данного запрета способно привести к аресту активов и возбуждению уголовного дела. Во втором же случае мы говорим об экономической целесообразности, которая как таковая не образует состава непреодолимой силы, а скорее относится к зоне предпринимательского риска [4].

Согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ, к обстоятельствам непреодолимой силы не относятся «нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника», «отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров» и «отсутствие у должника необходимых денежных средств»; это свидетельствует о том, что даже при введении санкций, если определённый товар исчезнет с рынка или его цена резко возрастёт, должник не освобождается автоматически от обязательств. Предприниматель должен будет доказать, что данный товар был уникальным и никакая альтернатива не может быть использована для исполнения обязательств.

Следует также учитывать, что санкционные ограничения вводятся не хаотично, а поэтапно с различными переходными периодами, таким образом у участников сделки появляется возможность адаптироваться к новым экономическим условиям рынка. Авторы в свою очередь отмечают, что даже высокотехнологичные отрасли, которые время от времени подвергаются санкционному давлению, не всегда оказываются в ситуации полной невозможности ведения финансово-хозяйственной деятельности [5].

На наш взгляд, основным отличием между правовой невозможностью и экономической нецелесообразностью выступает наличие у должника альтернативных способов исполнения. Другими словами, если существует легальный способ исполнения обязательств, пусть и более затратный, чем изначально планировалось, но предприниматель им не воспользовался, то он не может ссылаться на форс-мажор; если же введение санкций создаёт ситуацию, при которой любое действие при исполнении обязательств способно привести к нарушению

закона либо ставит под угрозу существование деятельности как таковой, то допускается постановка вопроса о форс-мажоре.

2. Роль судебного толкования и торгово-промышленных палат в квалификации санкций.

Как мы отмечали ранее, п. 3 ст. 401 ГК РФ также устанавливает ответственность предпринимателя за неисполнение обязательств, но при этом освобождение от неё допускается лишь в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы. Таким образом, можно сделать вывод, что предпринимательская деятельность постоянно соприкасается с рисками; в правовой доктрине под предпринимательским риском следует понимать вероятность наступления неблагоприятных имущественных последствий, которые предприниматель должен предусмотреть и принять меры по их минимизации [6].

Анализ судебных практик по арбитражным делам показывает, что всё чаще суды отказывают в признании таких обстоятельств, как колебания валютного курса, возникшие на фоне санкций, увеличение сроков логистики, повышение стоимости страхования грузов, форс-мажором, определяя их при этом как проявления обычных рыночных колебаний, усиленных внешнеполитическими факторами, мотивируя это тем, что предприниматель обязан учитывать соответствующие риски при заключении договора либо своевременно принимать меры к их хеджированию [7].

На наш взгляд, если ограничения вводятся неожиданно и носят тотальный характер, например полное отключение банковской системы страны от международных расчётов, а также исключают любую возможность исполнить обязательства, они могут быть квалифицированы как непреодолимая сила; если же санкции только усложняют финансово-хозяйственную деятельность субъекта, но при этом оставляют возможности для исполнения обязательств, то в данном случае мы говорим о предпринимательском риске, который не влечёт освобождение от ответственности. Важно также отметить, что согласно п. 2 ст. 401 ГК РФ, доказывание невозможности исполнения обязательств лежит на самом должнике; другими словами, именно он должен предоставить суду исчерпывающие доказательства того, что он предпринял все возможные меры для надлежащего исполнения обязательств, однако столкнулся с обстоятельствами непреодолимой силы; непредставление же таких доказательств влечёт отказ в применении форс-мажора.

Как мы уже отмечали ранее, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 играет основную роль в определении стандартов доказывания обстоятельств непреодолимой силы; также важно отметить, что именно сторона, ссылающаяся на санкции как на основание для освобождения от исполнения обязательств, обязана предоставить суду исчерпывающие доказательства того, что введённые санкции сделали исполнение обязательства невозможным. Анализ правоприменительной практики показывает, что суды всё чаще оценивают возможности должников на предмет принятия всех возможных мер по исполнению обязательств; при этом введение санкций не освобождает предпринимателей от доказывания причинно-следственной связи между ограничением и неисполнением договора [8].

Некоторые авторы также отмечают, что немаловажным фактором является возможность хозяйствующих субъектов адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Так, по мнению А.И. Землина, предприниматель должен не просто зафиксировать факт введения ограничений, но и продемонстрировать, что использовал все возможные, а также правомерные способы для преодоления возникших препятствий [9].

Отсутствие же таких доказательств способно повлечь отказ в признании обстоятельств форс-мажором, что также подтверждается судебной практикой за последние годы.

Торгово-промышленная палата Российской Федерации (далее – ТПП РФ) является органом, уполномоченным на выдачу заключений об обстоятельствах непреодолимой силы для участников внешнеэкономической деятельности. Как показывает практика, ТПП РФ не признаёт санкции автоматическим основанием для освобождения от ответственности. В процессе рассмотрения каждого отдельного случая ТПП РФ изучает каждое обращение индивидуально, оценивая при этом характер обязательств, условия конкретного договора, а также

наличие причинно-следственной связи между введёнными ограничениями и невозможностью исполнения.

Как известно, заключения ТПП РФ являются письменным доказательством, которое оценивается судом в совокупности с другими материалами дела. Суд, как правило, не связан выводами ТПП РФ и может отказать в признании форс-мажора, если будет установлено, что должник не принял достаточных мер для минимизации негативных последствий санкционных ограничений [10]. Таким образом, мы можем наблюдать, что практика ТПП РФ и судов имеют общую тенденцию: она подчёркивает, что санкции не создают презумпции непреодолимой силы, так как каждый отдельный случай требует индивидуального подхода и точечной оценки обстоятельств.

Как мы говорили ранее, согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7, одним из основных требований для признания санкций форс-мажором является принятие всевозможных мер по минимизации убытков должником. Необходимо отметить, что под разумными мерами имеется в виду поиск альтернативных контрагентов, изменение логистических маршрутов, перевод расчётов в валюты, не попавшие под санкционные ограничения, а также использование механизмов параллельного импорта.

На сегодняшний день исследования в области транспортного права свидетельствуют о том, что предпринимательская деятельность в условиях санкционных ограничений требует повышения адаптивности и готовности к мгновенной перестройке бизнес-процессов; если же субъект финансово-хозяйственной деятельности не выполняет данных действий, он не вправе ссылаться на форс-мажор [11]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что лишь в ситуации, когда предприниматель использовал все доступные способы исполнения обязательств, но столкнулся с непреодолимым препятствием, допускается использование форс-мажора как такового.

3. Критерии признания санкций форс-мажором и разграничение их с понятием существенного изменения обстоятельств.

Для квалификации санкционных ограничений в качестве обстоятельств непреодолимой силы необходимо, чтобы они соответствовали ряду критериев, таких как: чрезвычайность, непредотвратимость, а также имели внешний характер. Также, как мы упоминали ранее, санкционные ограничения должны обладать прямой причинно-следственной связью с невозможностью исполнения обязательств. Ниже мы систематизируем указанные критерии применительно к санкционным спорам, а также проведём различие между форс-мажором и смежным механизмом существенного изменения обстоятельств, предусмотренным ст. 451 ГК РФ.

Объективная непредотвратимость санкций, как правило, подтверждается доказательствами того, что любой из участников оборота, действующий в аналогичных условиях, не сможет избежать последствий наступления негативного события. Применительно к санкциям ограничения будут носить блокирующий характер, например, полный запрет на совершение операций с конкретными лицами или товарами без возможности исполнения обязательств; если же техническая возможность исполнить обязательства всё же присутствует, санкции не признаются форс-мажором [12].

Внешний характер санкций как таковой не вызывает споров, поскольку их источник находится «за пределами воли» хозяйствующего субъекта, в актах иностранных государств или международных организаций. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, должник обязан доказать, что предпринял все разумные меры для минимизации негативных последствий; применительно к санкциям это предполагает поиск новых контрагентов, способов поставки и другое; невыполнение же хотя бы одного из этих требований влечёт отказ в признании обстоятельств непреодолимой силой. На наш взгляд, ключевым фактором при оценке санкционных рисков выступает наличие прямой причинно-следственной связи между введёнными ограничениями и невозможностью исполнения обязательств; если же неисполнение вызвано не санкциями, а ошибкой в бизнес-стратегии или нежеланием искать

альтернативные способы исполнения обязательств, то основания для освобождения от ответственности отсутствуют.

Важно также различать и разграничивать форс-мажор и механизм существенного изменения обстоятельств, предусмотренный ст. 451 ГК РФ. В случаях, когда санкции делают исполнение обязательств невозможным, применяется статья 451 ГК РФ, которая в свою очередь освобождает должника от ответственности. В той ситуации, когда исполнение обязательств представляется возможным, но для финансово-хозяйствующего субъекта является обременительным, например, в связи с резким ростом цен на комплектующие изделия или при увеличении сроков поставки, то в данном случае мы имеем дело с существенным изменением обстоятельств. При наступлении последнего должник имеет право запросить изменение отдельных частей договора либо его полное расторжение в судебном порядке, однако автоматическое освобождение от ответственности не допускается.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что международные экономические санкции не являются новым видом форс-мажора, а также не могут выступать автоматическим основанием для признания обстоятельств непреодолимой силы. В соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ, а также с учётом разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7, для классификации санкционных ограничений в качестве форс-мажора необходимо соблюдение ряда условий; кроме того, должник обязан доказать, что предпринял все разумные меры для минимизации убытков, в ином случае признать обстоятельства форс-мажором суд не имеет права. Анализ судебной практики также показал, что арбитражные суды последовательно отказывают в признании санкций форс-мажором тогда, когда исполнение обязательств остаётся возможным, но становится обременительным для должника; суды относят данные обстоятельства к категории предпринимательского риска и не освобождают от ответственности. Правовая же невозможность исполнения обязательств возникает при наложении прямого запрета на совершение операций, то есть когда любые действия по их исполнению влекут за собой нарушение закона. Санкционные споры также рассматриваются в соответствии со ст. 451 ГК РФ, однако в данном случае также не происходит освобождения от ответственности, а предоставляется возможность изменения или расторжения договора в судебном порядке при доказывании условий форс-мажорных обстоятельств (критериев). Таким образом, мы не можем утверждать, что санкционные ограничения представляют самостоятельный юридический институт, так как они будут являться юридическим фактом, который подлежит индивидуальной оценке судом в каждом конкретном случае. Участникам же предпринимательской деятельности для минимизации правовой неопределённости следует отражать в договорах отдельные оговорки, связанные с санкционными рисками.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 401. Основания ответственности за нарушение обязательства. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/94ebfa384dd37d9377ee7b78ab23c150ff69e5b4/ (дата обращения: 25.07.2026).

2. Общие положения об ответственности и о возмещении убытков. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/dd54f63ca57e4a41893cbce8b8006cf8b615121c/ (дата обращения: 25.07.2026).

3. Землин А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-obespecheniya-antiterroristicheskoy-bezopasnosti-v-osobye-periody (дата обращения: 29.04.2026).

4. Казакова И.А. К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №1(217). – С. 182.

5. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22. №1(110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ

6. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник для направления магистратуры «Юриспруденция» / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. EDN VRIHNM

7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №1: утв. Президиумом Верховного Суда РФ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения: 25.07.2026).

8. Непрерывное образование как условие повышения эффективности контроля (надзора) на транспорте в условиях санкций / А.И. Землин, Е.Г. Багреева, С.В. Карпова, О.М. Землина // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnoe-obrazovanie-kak-uslovie-povysheniya-effektivnosti-kontrolya-nadzora-na-transporte-v-usloviyah-sanktsiy (дата обращения: 25.07.2026). DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-4-53-63. EDN ZKBTKL

9. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA

10. Актуальные проблемы правового обеспечения транспортной безопасности и контрольной (надзорной) деятельности на транспорте / В.Л. Белозеров, С.В. Борисова, А.И. Землин [и др.]. – М.: КноРус, 2024. – 464 с. EDN PKLEYH

11. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Транспортное право. – 2022. – №4. – С. 13–20. DOI 10.18572/1812-3937-2022-4-13-20. EDN YNLWLS

12. Вестник военного права. – 2024. – №1. – URL: https://vumo.mil.ru/upload/site57/8ifNqU9iqc.pdf (дата обращения: 25.07.2026).

Галицкая Ольга Николаевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СМАРТ-КОНТРАКТОВ: ПРИРОДА И КВАЛИФИКАЦИЯ

Аннотация: *статья посвящена анализу правовой природы смарт-контрактов в контексте классического гражданского права. Исследуются доктринальные подходы к квалификации смарт-контракта как формы сделки, способа исполнения обязательств или особого правового феномена. Выявляются основные цивилистические противоречия: соотношение программного кода и волеизъявления сторон, проблема оферты и акцепта в автоматизированной среде, природа автоматического исполнения. Обосновывается вывод, что смарт-контракт не является самостоятельным видом договора, но может быть признан специальным способом фиксации и автоматического исполнения договорных условий, что требует корректировки доктрины воли и волеизъявления.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, умный контракт, гражданское право, форма сделки, исполнение обязательств, юридическая квалификация, волеизъявление, блокчейн, автоматизация договора.*

Цифровая трансформация имущественного оборота привела к появлению феномена, получившего в доктрине и правоприменительной практике наименование «смарт-контракт» (smart contract).

Несмотря на широкое использование этого термина в IT-среде и коммерции, цивилистическая наука до сих пор не выработала единого подхода к его правовой квалификации. *Возникают принципиальные вопросы*. Является ли смарт-контракт договором в смысле ст. 420 ГК РФ (или аналогов в зарубежных правопорядках)? Особой формой сделки?

Способом исполнения? Или же это уникальная конструкция, не укладывающаяся в традиционную договорную парадигму?

Цель данной статьи – выявить и систематизировать цивилистические проблемы квалификации смарт-контрактов и предложить научно обоснованное решение.

Определение и техническая сущность смарт-контракта.

С технической точки зрения смарт-контракт (термин введён Н. Сабо в 1994 г.) представляет собой компьютерный протокол, основанный на технологии распределённого реестра (блокчейн), который автоматически исполняет заранее определённые условия при наступлении обусловленных обстоятельств.

Ключевая характеристика – «самоисполнимость»: после активации контракта вмешательство сторон или третьих лиц (включая суд) для непосредственного исполнения не требуется.

Однако гражданское право оперирует категориями субъективных прав и обязанностей, воли, волеизъявления, правомерности действий. Именно здесь возникает разрыв между техническим и юридическим пониманием.

Основные цивилистические подходы к квалификации.

В литературе сложилось несколько основных позиций относительно природы смарт-контракта.

1. Смарт-контракт как форма сделки (письменная или электронная).

Согласно ст. 160 ГК РФ, сделка в письменной форме может быть совершена с использованием электронных или иных технических средств, позволяющих достоверно установить содержание сделки и волю сторон. Сторонники этого подхода (Л.А. Новосёлова, А.А. Иванов) утверждают, что программный код смарт-контракта – это просто специфическая форма фиксации договорённостей. Недостаток: форма не включает в себя автоматическое исполнение, тогда как смарт-контракт неотделим от исполнения.

2. Смарт-контракт как способ исполнения обязательств.

Согласно данной позиции (М.И. Брагинский, ван Берг), сам договор заключается традиционным способом, а смарт-контракт представляет лишь технический механизм автоматического списания денежных средств, передачи токенов или доступа к данным. Проблема: при таком подходе игнорируется, что во многих случаях условия о цене, предмете и сроке существуют только в коде, а отдельного «бумажного» договора нет.

3. Смарт-контракт как самостоятельный объект интеллектуальных прав.

Встречается реже. Код смарт-контракта может охраняться как программа для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ), но это никак не объясняет его обязательственно-правовую функцию. Смешение охраны программы и регулирования сделки методологически неверно.

4. Смарт-контракт как гибридная конструкция (lex informatica).

Радикальный подход (К. Верстрейт, Ф. Пасхейл): смарт-контракт образует собственную нормативную среду, не требующую признания со стороны государства. Код – это закон. Для цивилистики такой подход неприемлем, поскольку он отрицает возможность судебной защиты и принцип диспозитивности гражданского права.

Ключевые цивилистические проблемы.

Основные проблемы, которые возникают.

1. Проблема воли и волеизъявления.

Классическое учение о сделке предполагает, что волеизъявление является внешним выражением внутренней воли, которая может быть изменена до момента совершения сделки. В блокчейн-смарт-контракте после его публикации и получения акцепта (в виде отправки транзакции) техническая возможность одностороннего изменения воли отсутствует. Это порождает вопрос: не является ли смарт-контракт сделкой с полностью подавленной возможностью отказа, что противоречит принципу свободы договора?

Выход: следует признать, что смарт-контракт – это сделка с особым порядком выражения воли, где момент связанности наступает не при подписании, а при совершении технического

акта (транзакции). Однако это требует законодательного урегулирования «периода охлаждения» для определённых типов смарт-контрактов.

2. Проблема оферты и акцепта.

Классическая модель (ст. 435–438 ГК РФ) предполагает, что акцепт должен быть полным и безоговорочным, а молчание не является акцептом. В среде смарт-контрактов молчаливый акцепт через отправку криптовалюты на адрес контракта признаётся системой. При этом «молчание» здесь технически является конклюдентным действием, что допустимо.

Сложнее с квалификацией момента акцепта: в публичном блокчейне транзакция может зависнуть. Большинство доктрин предлагает считать моментом акцепта включение транзакции в блок (подтверждение сетью).

3. Проблема недействительности и «ошибки кода».

Классические основания недействительности сделок (ст. 166–179 ГК РФ): заблуждение, обман, порок воли. В смарт-контракте ошибка в коде (баг) может привести к исполнению, не соответствующему истинной воле. Вопрос: является ли это заблуждением относительно природы сделки (ст. 178 ГК РФ)? Судебная практика (например, дело DAO в Швейцарии) показывает, что ошибка в коде приравнивается к ошибке в волеизъявлении, но только если контрагент знал или должен был знать об ошибке. Однако алгоритмическая невиновность создаёт риски.

Цивилистическая проблема: отсутствие механизма «реституции в натуре» в блокчейне – однажды исполненный смарт-контракт может быть необратим.

4. Проблема третьих лиц и судебного принуждения.

Классический договор предполагает возможность принудительного исполнения через суд. Смарт-контракт исполняется автоматически, минуя суд. Если автоматическое исполнение противоречит закону (например, незаконное списание), то встаёт вопрос: как привести стороны в первоначальное положение? Правовая система может признать транзакцию недействительной, но технически откатить её невозможно.

Решение: использовать «гибридные смарт-контракты» с оракулами и механизмом приостановки, предусматривающим арбитраж. Однако это противоречит идее децентрализации.

Аргументированный авторский подход к квалификации.

Проанализировав существующие концепции, автор приходит к следующим выводам.

Смарт-контракт не является самостоятельным типом или видом договора, так как он не обладает самостоятельным предметным содержанием, отличным от известных договорных конструкций (купля-продажа, подряд, заём и т. д.). Он может фиксировать любое обязательство.

Смарт-контракт не является просто формой сделки, поскольку он не только фиксирует, но и исполняет условия автоматически. Форма сделки пассивна, а смарт-контракт активен.

Смарт-контракт не является способом исполнения в чистом виде, потому что консенсуальная модель договора (достижение соглашения) и его исполнение разделены во времени. В смарт-контракте соглашение и исполнение практически совпадают (так называемый реальный договор в цифровой среде).

Наиболее адекватной представляется следующая квалификация.

Смарт-контракт – это электронная форма договора, содержащая условие об автоматическом исполнении обязательств путём совершения строго определённых программных операций при наступлении заранее согласованных сторонами обстоятельств, причём момент заключения договора совпадает с моментом начала его исполнения (если иное не предусмотрено кодом).

С юридико-технической точки зрения смарт-контракт следует рассматривать как специальный договорный режим – разновидность сделки, совершаемой с использованием программного кода, где условие об автоматическом исполнении является существенным условием, а волеизъявление выражается в форме криптографически завершённых транзакций.

Для целей Гражданского кодекса необходимо дополнить главу о сделках положениями о «сделках, исполняемых автоматизированным способом» (программный код), установив:

− презумпцию того, что корректно работающий код выражает волю сторон;

− возможность оспаривания сделки по основаниям ошибки в коде;

− невозможность одностороннего отказа от исполнения, если кодом не предусмотрено иное.

Цивилистические проблемы смарт-контрактов являются следствием противоречия между линейной, основанной на человеческом факторе моделью традиционного договора и дискретной, детерминированной, машинно-исполняемой природой автоматизированных протоколов.

Квалификация смарт-контракта не должна сводиться к крайностям (отрицание правовой природы или признание «кода законом»). Наиболее перспективным является понимание смарт-контракта как автоматизированной электронной формы исполняемого договора, где воля объективируется в коде, а исполнение встроено в само определение условий.

Такая квалификация позволяет сохранить основные достижения договорного права (свобода договора, защита слабой стороны, недействительность) и одновременно адаптировать их к цифровой реальности. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку критериев «существенной ошибки в коде» и механизмов судебной реституции в децентрализованных системах.

Список литературы

1. Шушканов П.А. Смарт-контракты в российской правовой системе / П.А. Шушканов, Я.О. Ряховская // Право и управление. – 2022. – №10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-v-rossiyskoy-pravovoy-sisteme (дата обращения: 15.07.2026). DOI 10.24412/2224-9125-2022-10-99-105. EDN VKGJGO

2. Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта / Е.Ю. Матвеева // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – №6(273). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-smart-kontrakta-2 (дата обращения: 20.07.2026).

3. Werbach K. Contracts Ex Machina / K. Werbach, N. Cornell // Duke Law Journal. – 2017. – Vol. 67. – P. 313–382. – URL: https://scholarship.law.duke.edu/dlj/vol67/iss2/2 (дата обращения: 15.07.2026).

4. Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts / M. Raskin // Georgetown Law Technology Review. – 2017. – Vol. 1. – P. 305.

Галкина Виталина Васильевна
магистрант

Научный руководитель
Левшиц Дмитрий Юрьевич
канд. юрид. наук, декан

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНОГО ЗНАКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: *в статье проводится комплексный доктринальный анализ гражданско-правового режима ответственности за неправомерное использование товарных знаков на основе норм Гражданского кодекса РФ, регламентирующих материально-правовые основания защиты исключительных прав (изъятие контрафактных носителей, реституционные меры). Особое внимание уделено проблематике квалификации и доказывания размера компенсации по ст. 1515 ГК РФ (взыскание сумм, эквивалентных двукратной стоимости товаров либо лицензионных выплат). Дискутируются коллизии между частноправовыми механизмами защиты и публично-правовыми режимами административной и уголовной ответственности. На основе анализа прецедентного права высших судебных инстанций и ведомственных разъяснений обосновывается концепция ограниченного объёма правовой охраны незарегистрированных обозначений.*

Ключевые слова: *товарный знак, исключительное право, гражданско-правовая ответственность, контрафактная продукция, компенсация, незаконное использование, защита интеллектуальной собственности.*

В современных условиях рыночной экономики товарный знак выполняет не только функцию идентификации товаров и услуг конкретного производителя, но и является ключевым нематериальным активом, способствующим формированию деловой репутации и

конкурентного преимущества [13, с. 55]. В связи с этим защита исключительных прав на средства индивидуализации становится одним из приоритетных направлений гражданско-правового регулирования интеллектуальной собственности [9, с. 193].

Однако, несмотря на наличие детализированной нормативно-правовой базы, вопрос привлечения к гражданско-правовой ответственности за незаконное использование товарного знака остается дискуссионным и сопряженным с рядом правоприменительных сложностей [10, с. 56]. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью системного осмысления механизмов защиты прав правообладателей в условиях цифровизации оборота товаров и изменения подходов высших судебных инстанций к определению размера компенсации.

На сегодняшний день правовое поле защиты товарных знаков в Российской Федерации характеризуется тесной взаимосвязью частноправовых институтов (взыскание убытков, компенсации, требование об изъятии контрафакта) с элементами публично-правового принуждения, закрепленными в нормах административного и уголовного законодательства. Особую сложность в юридической практике вызывает разграничение данных режимов ответственности, а также интерпретация статуса незарегистрированных обозначений в свете недавних разъяснений профильных ведомств и правовых позиций Суда по интеллектуальным правам.

Компенсация как инструмент восстановления прав.

В системе гражданско-правовых средств защиты исключительных прав законодатель отдает приоритет мерам, направленным на пресечение нарушения в натуре и компенсацию имущественных потерь правообладателя. В соответствии с положениями ст. 1515 ГК РФ, ключевым признаком неправомерности является использование товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения. При этом правовая природа ответственности здесь дуалистична: она сочетает в себе как виндикационный характер (изъятие и уничтожение контрафактных товаров, этикеток, упаковок), так и пресекательный эффект (обязанность удаления обозначений с рекламных материалов, вывесок, документации).

Особого внимания заслуживает процедурный аспект защиты прав в арбитражном процессе. Согласно п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ, соблюдение досудебного претензионного порядка является обязательным условием для обращения в суд между субъектами предпринимательской деятельности. Данное требование, будучи процессуальным фильтром, направлено на стимулирование внесудебного разрешения споров, однако на практике зачастую становится лишь формальным этапом перед предъявлением исковых требований о взыскании убытков или компенсации [6, с. 213].

Пересечение ответственности и незапантованные знаки: коллизии и решения.

При квалификации нарушения следует учитывать положения п. 1.1 ст. 1252 ГК РФ, согласно которым незаконное использование одного средства индивидуализации одним способом образует самостоятельный состав правонарушения. Данная норма позволяет правообладателю дифференцированно подходить к защите прав, в зависимости от масштабов и способов незаконной деятельности нарушителя [3, с. 89].

Центральным институтом защиты исключительных прав в рассматриваемой сфере выступает компенсация. Ее специфика заключается в том, что она является не только мерой ответственности, но и упрощенным способом защиты, освобождающим правообладателя от бремени доказывания размера фактически понесенных убытков (п. 1 ст. 1252.1 ГК РФ). При выборе способа расчета компенсации (в двукратном размере стоимости товаров или стоимости права использования) правообладатель руководствуется стратегией максимизации защиты своих интересов [11, с. 254].

Несмотря на законодательное закрепление возможности выбора правообладателем между возмещением убытков и взысканием компенсации (пп. 2, 3 п. 4 ст. 1515 ГК РФ), ключевым моментом в судебной практике является верификация фактической базы для расчета [7, с. 149]. Как следует из анализа судебных решений, при заявлении требования о компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров, существенным является не только сам факт незаконного размещения обозначения, но и определение точного количества реально

существующего товара и его рыночной стоимости, по которой он фактически предлагался к продаже (абз. 6 п. 61 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 №10).

В случаях, когда истец выбирает компенсацию в пределах, установленных пп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ (от 10 000 до 10 000 000 руб.), на суде лежит обязанность, по субсидиарной оценке, заявленной суммы. Данная оценка должна быть произведена соразмерно объему и характеру нарушения с обязательным учетом принципов разумности и справедливости (п. 2 ст. 1252.1 ГК РФ).

Институт компенсации демонстрирует мультипликативный характер ответственности. Являясь по своей сути штрафной санкцией, направленной на превенцию нарушений в сфере интеллектуальной собственности, компенсация сохраняет свою принадлежность к институтам частного права. При этом Конституционный Суд РФ неоднократно подтверждал возможность кумулятивного взыскания компенсации сверх доказанных убытков, что подчеркивает её автономность и карательный потенциал (Определение КС РФ от 27.02.2025 №496-О).

Взыскание компенсации за нарушение интеллектуальных прав, будучи штрафной санкцией, преследующей в том числе публичные цели пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности, является тем не менее институтом частного права. При этом компенсация может взыскиваться и сверх убытков, но лишь при наличии таковых.

Нарушение исключительного права на товарный знак неизбежно влечет за собой диверсификацию юридической ответственности: административная ответственность (ст. 14.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)): регулирует незаконное использование знака и производство/реализацию контрафакта, если деяние не достигло порога уголовной наказуемости. Особое место занимает ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ, направленная против недобросовестной конкуренции, выражающейся во введении в оборот продукции с незаконно используемыми средствами индивидуализации.

Уголовная ответственность (ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)): наступает при совершении деяния неоднократно или при причинении крупного ущерба (свыше 400 000 руб.). Законодатель предусматривает квалифицированные составы (группа лиц, организованная группа), что отражает повышенную общественную опасность этих действий [12, с. 207].

Особую аналитическую сложность представляет ситуация с товарными знаками, не получившими правовой охраны на территории РФ вследствие отсутствия регистрации [8, с. 232]. Общее правило ГК РФ о том, что незарегистрированному знаку правовая охрана не предоставляется, сохраняет свою силу. Тем не менее, действующее законодательство оперирует ответственностью за неправомерное использование предупредительной маркировки (п. 5 ст. 1515 ГК РФ) в отношении таких обозначений. Это создает юридический парадокс: отсутствует защита самого знака, но наступает ответственность за имитацию процедуры его охраны. Эта ситуация требует от правоприменителей использования положений о недобросовестной конкуренции как основного инструмента пресечения использования чужого обозначения без формальной регистрации.

Как было указано ранее, незарегистрированному товарному знаку не предоставляется правовая охрана на территории РФ. Вместе с тем, в вопросе использования обозначений, не получивших формального статуса, наблюдается тенденция к либерализации, что создает определенную правовую неопределенность. Письмо Роспатента от 05.03.2025 №02/4–21–3731/08 указывает на отсутствие императивного запрета на использование обозначений без регистрации, ссылаясь на конституционные начала гражданского права о свободе волеизъявления (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Таким образом, решение о необходимости государственной регистрации остается в сфере частного интереса конкретного субъекта [4, с. 7]. Эта позиция косвенно подводит к выводу, что защита прав на обозначения, не доведенные до стадии регистрации, должна осуществляться преимущественно через иные институты гражданского права, в первую очередь, через

запрет недобросовестной конкуренции (ст. 14.33 ГК РФ и ст. 14.10 КоАП РФ), а не через иски, основанные исключительно на нарушении исключительного права на товарный знак.

Проведенное исследование свидетельствует о многоуровневом характере гражданско-правовой ответственности за нарушение прав на товарные знаки. Установлено, что существующий механизм взыскания компенсации, обладая превентивным потенциалом, требует от правообладателя высокой доказательственной активности, особенно в части верификации объема контрафактного оборота. Сочетание частноправовых мер защиты с публично-правовыми режимами ответственности позволяет обеспечить комплексную охрану средств индивидуализации, однако вопрос статуса незарегистрированных обозначений остается дискуссионным. Представляется, что в условиях цифровизации оборота приоритетным направлением совершенствования правоприменительной практики должно стать развитие институтов недобросовестной конкуренции, позволяющих нивелировать правовую неопределенность при защите интересов субъектов предпринимательской деятельности, использующих незарегистрированные знаки.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» №230-ФЗ от 18.12.2006 (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №52 (ч. 2). – Ст. 5496.

2. Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» №195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 1.

3. Бубнова О.Ю. Актуальные проблемы защиты прав на товарные знаки / О.Ю. Бубнова // Вестник современных исследований. – 2017. – №8–1(11). – С. 87–91. EDN ZMISUB

4. Городов О.А. Коммерческое обозначение как средство индивидуализации предприятия / О.А. Городов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2017. – №9. – С. 2–9. EDN ZFBFWV

5. Землин А.И. Актуальные проблемы правового обеспечения профессиональной деятельности: учебник / А.И. Землин, С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц [и др.]. – М., 2020. – 398 с. EDN QHGYPM.

6. Землин А.И. Актуальные проблемы правового обеспечения профессиональной деятельности: учебник для вузов / А.И. Землин, С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц. – М.: Юрайт, 2026. – 459 с.

7. Правовое обеспечение профессиональной деятельности (для студентов транспортных вузов): учебник / А.И. Землин, С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц [и др.]. – М., 2020. EDN OVSQWL

8. Колмыкова А.Д. Защита прав на товарный знак / А.Д. Колмыкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – №11. – С. 230–232. EDN ZWJJWR

9. Право интеллектуальной собственности: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.М. Коршунов, Н.Д. Эриашвили, В.И. Липунов [и др.]. – М.: Юнити-Дана, 2017. – 327 с. EDN ZVCXSZ

10. Левшиц Д.Ю. Вопросы нормативного правового регулирования сферы патентования / Д.Ю. Левшиц, А.С. Веселова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – №1. – С. 52–61. EDN YSQBFH

11. Митячкина Е.С. Проблемы и перспективы развития института интеллектуальной собственности / Е.С. Митячкина // Актуальные вопросы права в банковской сфере: материалы Международного правового банковского форума (Самара, 23–24 сентября 2021 г.) / редкол.: В.Д. Богатырев, А.Г. Безверхов, А.В. Юдин, И.В. Кондрашов, А.Г. Анащенко. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, 2022. – С. 251–255. EDN NWLVZK

12. Митячкина Е.С. Система способов защиты авторских и смежных прав / Е.С. Митячкина // Гуманитарные исследования. – 2012. – №3(43). – С. 201–209. EDN PWKYVH

13. Шульга А.К. Товарные знаки как средство индивидуализации товара, работ и услуг: монография / А.К. Шульга. – М.: Юрист, 2010. – 167 с. EDN QRYRVJ

Галочкина Элеонора Андреевна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ДОГОВОРНОЙ СИСТЕМЫ В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ОТ ТИПОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ К ПРИНЦИПУ СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Аннотация: *статья представляет собой комплексное исследование эволюции договорных механизмов в праве интеллектуальной собственности, акцентируя внимание на историческом контексте формирования договорного регулирования и современных тенденциях в законодательстве. Рассматривается процесс перехода от стандартизированных договорных конструкций к принципу свободы договора. Особое место занимает анализ советского периода, характеризующегося значительным ограничением принципа свободы договора в силу доминирования планово-административной экономики, его фактическим вытеснением и последующим возрождением с переходом к рыночной экономике в постсоветской России. Также рассматривается проблема интеграции принципа свободы договора в систему регулирования интеллектуальной собственности в контексте специфических правовых норм и принципов, присущих данной области.*

Ключевые слова: *право интеллектуальной собственности, принцип свободы договора, лицензионный договор, интеллектуальная собственность, авторское право, свобода договора, издательский договор.*

1. Формирование института авторского права.

Анализ эволюции договорной системы в сфере права интеллектуальной собственности требует детального рассмотрения исторических корней формирования данной правовой парадигмы.

Истоки защиты авторского права восходят к эпохе становления книгопечатания в XV веке, когда технологическая революция позволила массово тиражировать литературные произведения. В этот исторический период в средневековых государствах начали формироваться правовые механизмы, направленные на защиту прав издателей. Значимым событием в этом контексте стало предоставление привилегии Антонио Сабеллико в 1486 году, которая считается одной из первых формализованных мер по защите авторских прав [5, с. 129].

В XVII веке в Англии был принят «Статут королевы Анны» (Statute of Anne), который принято считать первым законодательным актом, регулирующим авторские права. Данный нормативный документ ввёл понятие копирайта, наделяя авторов исключительными правами на их произведения. Впоследствии аналогичные законодательные акты были приняты в Соединённых Штатах Америки и ряде европейских стран, что способствовало унификации правовых норм в области интеллектуальной собственности.

Процесс становления авторского права в Российской империи характеризуется значительной задержкой, обусловленной недостаточным уровнем развития социально-экономических предпосылок, необходимых для его эффективного функционирования. Так, в контексте эволюции правового регулирования интеллектуальной собственности Цензурный устав 1828 года стал первым нормативно-правовым актом, направленным на защиту авторского права [10, с. 168]. Данный документ предоставил автору или его правопреемникам, включая переводчиков, исключительное право на использование произведения в течение всей их

жизни. Это право, закреплённое в законодательстве, обеспечивало возможность автору извлекать материальную выгоду из своего интеллектуального труда, что являлось важным аспектом стимулирования творческой деятельности. В этот исторический период были заложены первые нормы, регулирующие оборот объектов интеллектуальной собственности, что ознаменовало начало формирования комплексной системы правовых механизмов защиты авторских прав.

2. Становление авторского права и договорных конструкций в Российской империи (1828–1911 гг.).

Значительным шагом вперёд в развитии правовой охраны интеллектуальной собственности стало принятие Закона «О правах сочинителей» 8 января 1830 года. Этот законодательный акт по своей сути приравнял авторское право к праву собственности, что обеспечило авторам более надежную правовую защиту их произведений и стимулировало творческое развитие.

В контексте эволюции договорных аспектов в праве интеллектуальной собственности следует отметить ряд ключевых моментов. Первоначальные договоры, регулирующие гражданский оборот произведений, включали в себя договор отчуждения авторских прав и издательский договор. Первые нормативные упоминания об издательском договоре можно обнаружить в законодательных актах царского периода, в частности, в законе 1911 года «Об авторском праве» [5, с. 129].

Законодательство того времени также предусматривало регулирование отдельных категорий произведений интеллектуальной собственности и вводило ограничение на отчуждение будущих произведений автора сроком в пять лет, что придавало отчуждению произведений временный характер. Согласно издательскому договору, издатель был обязан осуществить публикацию произведения автора в оговорённых объёмах и в установленный срок, обеспечивая тем самым его распространение в обществе за счёт собственных ресурсов. Автор, в свою очередь, получал вознаграждение, а издатель извлекал коммерческую выгоду от реализации произведения. Важно подчеркнуть, что автор имел право заключать аналогичные договоры с другими издателями только после того, как первое уступленное издание было полностью реализовано первоначальным издателем.

Кроме того, вышеупомянутый закон содержал указания на иные договоры, регулирующие оборот объектов интеллектуальной собственности, такие как договор об уступке права на издание и договор о предоставлении права перевода. Однако, несмотря на наличие этих упоминаний, законодательство не содержало детальных правовых норм, регламентирующих условия и порядок заключения данных договоров, оставляя их регулирование в значительной степени на усмотрение сторон.

3. Договорное регулирование интеллектуальной собственности в советскую эпоху (1917–1991 гг.).

После распада Российской империи и прихода советской власти произошла радикальная трансформация правовой системы, что сопровождалось отменой ранее действовавших законодательных актов и принятием новых, соответствующих новой государственной идеологии и политике. 21 мая 1919 года было принято Постановление ЦИК «О государственном издательстве», которое наделяло Госиздат эксклюзивным правом регулировать и контролировать деятельность всех издательских организаций. 10 октября того же года последовал Декрет «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства», который объявлял недействительными все ранее заключённые договоры между издательствами и авторами, в соответствии с которыми литературные, художественные или музыкальные произведения переходили в собственность издательств [10, с. 168]. Согласно новому законодательству, для каждого вновь создаваемого произведения, предназначенного к публикации, необходимо было заключать новый издательский договор, в котором предусматривались обязательные условия, а также гарантировалась выплата вознаграждения авторам в размере не ниже установленного тарифа Народным комиссариатом просвещения РСФСР.

Важно обратить внимание на то, что специальное законодательство в области авторского права было введено только в 1925 году, когда были утверждены «Основы авторского права» ЦИК и СНК СССР [5, с. 30]. Этот общесоюзный закон предусматривал широкую регламентацию договорных отношений между авторами и издательствами, а также устанавливал перечень случаев, при которых использование произведений могло осуществляться без согласия автора, но с обязательной выплатой ему вознаграждения.

В результате советская власть установила тотальный контроль над деятельностью всех издательств на территории государства.

В 1928 году Президиум Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и Совет Народных Комиссаров (СНК) СССР утвердили новые «Основы авторского права». Эти нормативные акты установили пятнадцатилетний срок охраны авторских прав, который исчислялся со дня смерти автора применительно к основной массе произведений. За принятием общесоюзного закона последовало издание аналогичных законодательных актов во всех союзных республиках [8]. В республиканских нормативных документах особое внимание уделялось регламентации договорных отношений по реализации авторских прав.

Значительное распространение получила практика разработки типовых издательских договоров, которые стали важным инструментом унификации правоприменительной практики. Примечательно, что Закон РСФСР включал положение о недействительности условий издательских договоров, ухудшающих положение автора по сравнению с нормами типового договора, что свидетельствовало о стремлении законодателей защитить интересы авторов.

Существовавшая правовая база не обеспечивала адекватного регулирования в данной сфере, что обусловило необходимость принятия соответствующего законодательного акта уже в 1925 году. В рамках данного нормативного документа было установлено, что авторское право распространяется на произведения, как опубликованные на территории Союза Советских Социалистических Республик (СССР), так и находящиеся на территории СССР в любой объективной форме. Данное право признаётся за автором и его правопреемниками, независимо от их гражданства, что подчёркивает универсальный характер правового регулирования. В соответствии с пунктом 12 указанного акта авторское право может быть частично или полностью отчуждено по издательскому договору или иными законными способами. При этом характер использования авторского права должен быть чётко определён договором, что обеспечивает правовую определённость и защиту интересов всех участников правоотношений [8].

С 1929 года правовое регулирование отношений в сфере авторского права претерпело значительные изменения в соответствии с Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 8 октября 1928 года «Об авторском праве». Данный нормативный акт внес существенные коррективы в правовую регламентацию, способствуя более эффективному и комплексному подходу к защите авторских прав [5, с. 31].

В качестве важного уточнения следует отметить, что издательский договор должен был содержать такие ключевые параметры, как тираж издания, срок выпуска произведений, размер авторского вознаграждения и срок действия договора. Взаимодействие сторон по издательскому договору ограничивалось четырёхлетним периодом. Переиздание произведения могло осуществляться исключительно с предварительного согласия автора. Минимальный размер вознаграждения автора за отчуждение исключительных прав на произведение в пользу издательства не мог быть ниже ставок, установленных Советом Народных Комиссаров РСФСР.

К числу существенных условий постановочного договора следует отнести территорию действия договора, размер авторского вознаграждения, количество публичных исполнений произведения, срок действия договора и срок первого публичного исполнения.

Следующим ключевым этапом в развитии советского авторского права стало принятие «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» 1961 года и Гражданского кодекса РСФСР 1964 года. В этот период нормативно-правовое регулирование авторского права было впервые интегрировано в кодифицированный закон, что отличало его

от Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, где нормы авторского права не были включены в общий кодифицированный акт.

В 1961 году произошла кардинальная трансформация советского законодательства об авторском праве, когда соответствующие нормы были инкорпорированы в Гражданский кодекс, тем самым утратив статус самостоятельного акта. Восьмого декабря 1961 года Верховный Совет СССР утвердил закон, в котором раздел IV был посвящён авторскому праву. Этот законодательный акт ввёл новую классификацию прав на «личные» и «имущественные», которые распространялись как на физических, так и на юридических лиц [8].

Следует отметить, что в статье 503 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года были детально регламентированы положения об авторском лицензионном договоре и авторском договоре о передаче произведения для использования. Так, авторский лицензионный договор закреплял право на использование произведения посредством его перевода или переделки в пределах, установленных договором. Примечательно, что в Гражданском кодексе РСФСР было впервые введено понятие «лицензионный договор», что стало важным нововведением в правовой системе.

4. Реформирование авторского права в постсоветской России.

Следующий этап развития правового регулирования авторского договора в законодательстве СССР ознаменовался принятием Основ гражданского законодательства от 31 мая 1991 года. Анализ правовых норм данного документа показывает, что на данном этапе законодатель не внёс существенных изменений в правовое регулирование отношений по предоставлению права использования произведений. Однако важно отметить, что законодатель вернулся к использованию термина «авторский договор», отказавшись от термина «лицензионный договор», что свидетельствует о переосмыслении концептуальных основ правового регулирования в данной сфере.

В 1993 году произошло значительное обновление нормативно-правовой базы в сфере авторского права, что было обусловлено принятием Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах». Этот законодательный акт стал ключевым документом, регламентирующим имущественные права авторов и пользователей произведений [10, с. 169].

Принятие четвёртой части Гражданского кодекса Российской Федерации стало важным этапом в эволюции отечественного законодательства об авторском праве. Однако процесс совершенствования правового регулирования данной области не прекратился: в Гражданский кодекс были и продолжают вноситься многочисленные изменения. Это обусловлено постоянным развитием технологий и появлением новых объектов охраны, требующих актуализации правовых норм. В связи с этим можно с уверенностью утверждать, что действующая редакция четвёртой части Гражданского кодекса ещё не раз претерпит модификации, направленные на адаптацию законодательства к новым реалиям и вызовам.

5. Принцип свободы договора и его ограничения в сфере интеллектуальной собственности.

Что же касается непосредственно принципа свободы договора, то важно обратить внимание на тот факт, что он впервые получил нормативное закрепление с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации. Его предшественником выступал принцип нормативной регламентации договоров, охватывающий все сферы деятельности, включая интеллектуальную. В советской правовой доктрине использовались типовые договоры в различных областях, таких как авторские, издательские, сценарные и другие [9].

В контексте патентных правоотношений принцип нормативной регламентации договоров предполагал применение лицензионных соглашений, которые также известны и современной правовой доктрине. Однако в отличие от современных лицензионных договоров, которые широко используются всеми участниками патентных правоотношений, в советском праве лицензионные соглашения применялись преимущественно в сфере внешнеэкономической деятельности [4]. Участниками таких договоров, как правило, выступали советское государство и его зарубежные партнёры.

В целом же принцип свободы в современных договорах интеллектуальной собственности означает, что участники правоотношений в сфере интеллектуальной собственности имеют определённые права и возможности при заключении договоров, связанных с созданием, использованием и распоряжением объектами интеллектуальной собственности. Этот принцип включает в себя:

− во-первых, свободу выбора контрагентов – участники могут самостоятельно выбирать партнёров для заключения договоров об интеллектуальной собственности;

− во-вторых, свободу определения условий договоров – стороны могут согласовывать условия использования объектов интеллектуальной собственности, включая права и обязанности сторон, сроки, территорию действия прав и другие важные параметры;

− в-третьих, возможность свободного распоряжения правами на объекты интеллектуальной собственности – владельцы интеллектуальных прав могут передавать свои права другим лицам через лицензирование, уступку прав или иные способы распоряжения;

− в-четвёртых, свободу использования объектов интеллектуальной собственности в определённых пределах – правообладатели могут разрешать или запрещать использование своих объектов другим лицам, при этом должны учитываться ограничения, установленные законодательством об интеллектуальной собственности [6].

Однако принцип свободы не является абсолютным и может быть ограничен в целях защиты прав других лиц, общественных интересов, предотвращения недобросовестной конкуренции и обеспечения правопорядка в сфере интеллектуальной собственности. Законодательство многих стран устанавливает определённые правила и ограничения, которые стороны должны учитывать при заключении договоров.

Так, в частности, в контексте правоприменительной практики наблюдаются случаи, когда нормы принципа свободы договора не находят своего прямого применения, уступая место специальным принципам, регулирующим патентное право. Например, принцип защиты общественных интересов выступает в роли альтернативного регулятора при вынесении судом решения о выдаче принудительной лицензии лицу, желающему использовать объект интеллектуальной собственности, который не используется патентообладателем.

Одной из существенных особенностей лицензионного договора является возможность передачи как исключительных, так и неисключительных прав на объект интеллектуальной деятельности. Идентификация содержания передаваемых прав может представлять значительные трудности, несмотря на формальное определение вида договора. Действия, предпринимаемые правоприобретателем, в первую очередь направлены на экономическую целесообразность, поскольку основной целью лица, приобретающего право на использование результата интеллектуальной деятельности, является максимально быстрая окупаемость затрат, связанных с приобретением лицензии [11, с. 251].

Таким образом, возникает коллизия между принципом свободы договора, являющимся одним из основополагающих принципов современного гражданского права, и спецификой регулирования интеллектуальных правоотношений, закреплённой в части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации. В целях совершенствования гражданского законодательства и устранения данной коллизии представляется необходимым в рамках разработки нового Гражданского кодекса Российской Федерации оптимизировать процесс заключения и применения лицензионного договора, регулирующего передачу прав на использование объектов интеллектуальной деятельности от правообладателей третьим лицам [4].

6. Историко-правовые итоги и современные тенденции развития договорных моделей.

В результате проведённого историко-правового анализа трансформации нормативно-правовой базы, регулирующей договорные отношения в контексте права интеллектуальной собственности, можно констатировать, что генезис данного правового института берёт своё начало в эпоху Российской империи. В этот период был сформирован прообраз договоров, определяющих права и обязанности сторон, а также гражданско-правовую ответственность за несоблюдение договорных условий.

В эпоху Советского Союза правовая конструкция и значимость данного договора претерпели значительные трансформации, обусловленные новой государственной политикой и идеологическими установками.

В прошлом были широко распространены типовые конструкции договоров, регулирующих отношения в сфере интеллектуальной собственности, включая авторские права, патенты, товарные знаки и другие виды прав на результаты интеллектуальной деятельности. Эти стандартные формы договоров охватывали такие ключевые аспекты, как условия использования объектов, передача прав, лицензирование, выплата вознаграждений и другие важные элементы. Однако с развитием современных технологий и изменениями в законодательстве данные конструкции претерпели значительные трансформации, адаптируясь к новым реалиям и дополняясь новыми положениями. В настоящее время договоры в области интеллектуального права демонстрируют повышенную гибкость и индивидуализацию, что позволяет учитывать специфику конкретных проектов и цели сторон. Наблюдается активное развитие новых видов лицензий, нестандартных моделей сотрудничества между авторами и правообладателями, а также инновационных механизмов защиты интеллектуальных прав. Эти нововведения отражают общую тенденцию к более точной и гибкой регламентации договорных отношений в условиях динамично развивающегося правового поля, что способствует более эффективному управлению интеллектуальной собственностью и защите прав её владельцев.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (дата обращения: 27.04.2026).

2. Андреева В.В. Возникновение принципа «свобода договора» в отечественной литературе / В.В. Андреева // Молодой ученый. – 2021. – №25(367). – С. 251–253. EDN NSRXXU

3. Бузова Н.В. Договоры в сфере интеллектуальной собственности: единство и многообразие / Н.В. Бузова. – 2022. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/322302/1/Buzova%20N.V.%20Dogovory%20v%20sfere%20intellectualnoj.pdf (дата обращения: 27.04.2026).

4. Воронин А. Проблемы и противоречия в законодательстве о защите интеллектуальной собственности (Часть 1. Правовой анализ) / А. Воронин. – 2025. – URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/28/problemy_i_protivorechiya_v_zakonodatelstve_o_zaschite_intellektualnoj_sobstvennosti_chast_1_pravovo (дата обращения: 27.04.2026).

5. Закиматов М.А. Договоры о распоряжении исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности через призму исторического развития / М.А. Закиматов, А.Л. Саченко // Экономика и право XXI век. – 2025. – С. 29–34.

6. Змановская И.М. Исторические основы становления и развития принципа свободы договора / И.М. Змановская // Юридические науки. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-osnovy-stanovleniya-i-razvitiya-printsipa-svobody-dogovora (дата обращения: 27.04.2026).

7. Каитова Д.Х. Регулирование права интеллектуальной собственности в современном международном частном праве с учетом территориальности / Д.Х. Каитова // Молодой ученый. – 2022. – №1(291). – С. 167–170.

8. Коршунов Н.М. Право интеллектуальной собственности: учебное пособие / Н.М. Коршунов, Н.Д. Эриашвили, В.И. Липунов. – М.: Юнити-Дана, 2011. – 327 с. EDN RAZFHZ

9. Круглов Г.В. Понятие интеллектуальной собственности: историческая ретроспектива / Г.В. Круглов. – 2023. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-intellektualnoy-sobstvennosti-istoricheskaya-retrospektiva (дата обращения: 27.04.2026).

10. Мимеева Н.Н. История возникновения и развития авторского права в России и за рубежом / Н.Н. Мимеева // Молодой ученый. – 2020. – №8(298). – С. 167–172. EDN XPHUYU

11. Митячкина Е.С. Проблемы и перспективы развития института интеллектуальной собственности / Е.С. Митячкина // Актуальные вопросы права в банковской сфере: материалы Международного правового банковского форума (Самара, 23–24 сентября 2021 г.) / редкол.: В.Д. Богатырев, А.Г. Безверхов, А.В. Юдин, И.В. Кондрашов, А.Г. Анащенко. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, 2022. – С. 251–255. EDN NWLVZK

12. Паферова О. Защита авторского права, нарушенного в Интернете. Практика российских арбитражных судов / О. Паферова, Е. Соколова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2009. – №7. – С. 56–62. EDN MWOUYR

13. Право интеллектуальной собственности: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.М. Коршунов, Н.Д. Эриашвили, В.И. Липунов [и др.]. – М.: Юнити-Дана, 2017. – 327 с. EDN ZVCXSZ

Гасинец Олеся Александровна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ СПОРОВ О ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ

Аннотация: *в статье на основе анализа судебной практики 2025 года и доктринальных подходов исследуется влияние эффективности управления публичной собственностью на возникновение споров о приобретательной давности. Обосновывается, что длительное бездействие государственных и муниципальных органов, не исполняющих обязанности по своевременной регистрации и защите имущества, является ключевым фактором, порождающим коллизии между формальной записью в ЕГРН и фактическим владением. С использованием инструментария системно-правового анализа и на основе принципов эффективного государственного управления выявлены проблемы правовой неопределенности критериев добросовестности владения. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на обеспечение баланса интересов публичных собственников и добросовестных владельцев. Особое внимание уделяется анализу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, сформированных в 2025 году по спорам о признании права собственности в силу приобретательной давности. Рассматривается проблема бездействия Министерства обороны Российской Федерации и органов местного самоуправления, не регистрирующих право собственности на объекты недвижимости и не передающих их в муниципальную собственность, что создает условия для возникновения судебных споров. На основе проведенного исследования предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательного регулирования института приобретательной давности, включая уточнение критериев добросовестности владения и закрепление последствий длительного бездействия публичного собственника. Сделан вывод о необходимости системного подхода к управлению публичной собственностью и повышения правовой культуры государственных и муниципальных служащих как условия минимизации споров о приобретательной давности.*

Ключевые слова: *приобретательная давность, публичная собственность, эффективность управления, добросовестный владелец, судебная практика, правовая неопределенность, правовая определенность.*

Институт приобретательной давности (статья 234 ГК РФ) занимает особое место в системе оснований возникновения права собственности. В последние годы наблюдается устойчивый рост числа судебных споров, связанных с его применением к жилым помещениям. Данная тенденция обусловлена наличием значительного количества объектов недвижимости, не прошедших государственную регистрацию, а также длительным бездействием публичных собственников, не реализующих свои правомочия. Особую остроту приобретают ситуации, в которых публичный собственник спустя длительное время (нередко превышающее срок приобретательной давности) инициирует процедуры регистрации своего права и последующего истребования имущества у фактических владельцев. В таких случаях добросовестные владельцы, на протяжении десятилетий открыто проживавшие в жилых помещениях и

несшие бремя их содержания, оказываются в положении, требующем судебной защиты, что является основной проблемой данного исследования, так как недостаточная разработанность критериев оценки добросовестности владения порождает неопределенность в правоприменении. Одним из факторов, усугубляющих указанную проблему и создающих благоприятную среду для злоупотреблений, является низкая эффективность управления публичным имуществом и отсутствие должного контроля за его сохранностью. Как обоснованно отмечается в научной литературе, противодействие коррупции и повышение финансовой дисциплины в организациях, в том числе при осуществлении хозяйственной деятельности и расходовании ресурсов, является важнейшей политической задачей, связанной с недопущением нецелевого использования имущества и бюджетных средств [4, с. 101]. Распространяя данный подход на сферу управления государственной и муниципальной собственностью, следует признать, что длительное бездействие публичного собственника, не предпринимающего мер к регистрации своего права и защите имущества от фактического владения иными лицами, не может служить основанием для последующего истребования этого имущества у добросовестного владельца, открыто и непрерывно владевшего им в течение срока приобретательной давности.

Цель исследования – выявление на основе анализа судебной практики 2025 года основных подходов к разрешению коллизий между зарегистрированным правом публичного собственника и давностным владением, а также определение критериев оценки добросовестности владельца. Научная новизна заключается в комплексном анализе правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, сформированных в 2025 году, в их соотношении с доктринальными разработками российских цивилистов в области приобретательной давности [1, с. 56].

Критерий добросовестности в доктрине и правоприменении.

Вопрос о содержании критерия добросовестности относится к числу наиболее дискуссионных в науке гражданского права. Как справедливо подчёркивается в исследованиях, посвящённых вопросам правовой культуры, стабильность правового регулирования является фундаментом доверия граждан к государству, что в полной мере относится и к институту приобретательной давности [5, с. 110]. Формирование правовой культуры предполагает не только знание норм, но и их добросовестное применение, что особенно актуально при разрешении споров о давностном владении. Примечательно, что в условиях особых периодов государство должно гарантировать повышенную защиту прав граждан, что, на наш взгляд, распространяется и на давностных владельцев, чьи интересы могут быть ущемлены действиями публичных собственников.

Проблема неопределённости правовых категорий в полной мере проявляется и при толковании добросовестности как условия приобретательной давности, что требует выработки единообразных подходов в судебной практике [5, с. 111]. Сложность разграничения добросовестного и недобросовестного владения сопоставима с проблемами правовой квалификации в иных отраслях, в частности, в транспортном праве, где отсутствие чётких критериев ведёт к противоречивым судебным решениям.

Позиции высших судебных инстанций.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ. Определение Конституционного Суда РФ от 27 марта 2025 г. №820-О имеет существенное значение для понимания современной интерпретации добросовестности. Конституционный Суд подчеркнул, что разрешение вопроса о добросовестном, открытом и непрерывном владении относится к компетенции суда, который рассматривает дело на основе оценки всех его обстоятельств. В рассматриваемом деле суды отказали в удовлетворении иска, поскольку общество знало об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Данная позиция подтверждает высказанные в доктрине суждения о том, что определяющим фактором становится судейское усмотрение.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 апреля 2025 г. №27-ПЭК25 по делу АО «Воентелеком» против Министерства обороны РФ

Верховный Суд указал на необходимость оценки добросовестности владения. Суд отметил, что приобретательная давность распространяется лишь на случаи фактического, беститульного владения чужим имуществом, исключая переход прав от иного лица по основаниям, установленным законом. Поскольку спорное имущество ранее было закреплено за предприятием на праве хозяйственного ведения, собственник сохранил его в федеральной собственности и не отказывался от него. Данное дело иллюстрирует принцип: длительность владения сама по себе не создаёт презумпции добросовестности, если владелец изначально знал или должен был знать о публично-правовом режиме имущества.

Проблема управления публичной собственностью.

Вопросы эффективности управления государственной и муниципальной собственностью напрямую связаны с проблемой длительного бездействия публичных собственников, которое создаёт почву для возникновения споров о приобретательной давности [3, с. 75]. Как справедливо отмечается в научной литературе, правовое регулирование статуса муниципальных служащих требует дальнейшего совершенствования, что позволит повысить их ответственность за своевременную регистрацию прав и защиту муниципального имущества.

Анализ решений судов общей юрисдикции 2025 года показывает, что при доказанности открытого, непрерывного и добросовестного владения в течение установленного срока суды удовлетворяют требования. Так, Моршанский районный суд Тамбовской области в решении от 22 октября 2025 г. по делу №2–1082/2025 удовлетворил иск Лазаревой В. М. о признании права собственности на долю жилого дома, которой она фактически владела с 2003 года. Ответчики признали иск, администрация возражений не представила.

Коллизии в правоприменении и пути их преодоления.

Проведённый анализ позволяет выявить следующие коллизии в правоприменении:

– неопределённость критериев добросовестности. В спорах с публичными собственниками суды применяют различные стандарты оценки – от строгого до более гибкого, что создаёт неопределённость в правоприменении;

– неопределённость момента возникновения права. Остаётся неразрешённым вопрос о том, возникает ли право собственности у давностного владельца по истечении срока или только с момента государственной регистрации;

– коллизия с принципом публичной достоверности реестра. Ситуации, при которых публичный собственник инициирует регистрацию права спустя длительное время, демонстрируют противоречие между формальной записью в ЕГРН и фактическими отношениями владения.

Как подчёркивается в научных исследованиях, деформации в системе предупреждения коррупции часто выражаются в неэффективном управлении государственным имуществом, что приводит к необходимости судебной защиты добросовестных владельцев. Эффективное применение института приобретательной давности требует высокого уровня правовой подготовки судей и адвокатов, что созвучно задачам по формированию компетенций в сфере правового обеспечения профессиональной деятельности. Аналогичная коллизия между реестром и фактическим состоянием имущества существует в транспортном праве, где формальная регистрация не всегда отражает реальное правообладание.

В правоприменительной практике остро стоит проблема выявления недобросовестного поведения участников правоотношений. Как справедливо отмечается в научной литературе, эффективное правовое регулирование предполагает соблюдение баланса интересов всех участников обязательственных отношений [8, с. 22]. В сфере приобретательной давности аналогичный баланс должен соблюдаться между публичным собственником, формально сохраняющим право на имущество, и добросовестным владельцем, длительное время открыто и непрерывно владеющим этим имуществом и несущим бремя его содержания.

Предложения по совершенствованию законодательства.

На основе анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения.

Уточнение критериев добросовестности, а именно представляется необходимым закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ перечня обстоятельств,

свидетельствующих о добросовестности (отсутствие уведомления о правах третьих лиц, длительное бездействие собственника, исполнение обязанностей по содержанию имущества).

Дифференциация сроков, а именно увеличение давностного срока до тридцати лет экономически нецелесообразно и приведёт к увеличению издержек участников оборота. Вместе с тем целесообразно установить сокращённые сроки приобретательной давности для добросовестных владельцев, получивших имущество по возмездной сделке от неуправомоченного отчуждателя, что соответствует подходу, закреплённому в пункте 2 статьи 234 ГК РФ.

Совершенствование механизма защиты прав владельцев, а именно целесообразно закрепить в законодательстве положение о том, что государственная регистрация права публичным собственником, осуществлённая после истечения срока приобретательной давности, не может служить основанием для отказа в защите прав давностного владельца. Как отмечается применительно к налоговым правоотношениям, добросовестность участника должна оцениваться с учётом его реального поведения, а не только формальных признаков – данный подход может быть экстраполирован и на споры о давностном владении [6, с. 182].

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что институт приобретательной давности в современной российской правоприменительной практике приобретает значение правового инструмента, обеспечивающего защиту интересов добросовестного владельца, в особенности в спорах с публичными собственниками. Анализ судебной практики 2025 года показывает, что определяющим фактором при разрешении таких споров становится оценка поведения сторон: проявлял ли собственник интерес к своему имуществу, не допускал ли злоупотребления правом; был ли владелец добросовестным в момент вступления во владение и осуществлял ли он правомочия собственника. Правовые позиции высших судебных инстанций определяют направления развития практики, однако сохраняющаяся неопределённость критериев требует дальнейшего совершенствования законодательного регулирования и правоприменительных подходов [7, с. 75].

Как справедливо подчёркивается в научной литературе, посвящённой вопросам правовой культуры, стабильность правового регулирования и неотвратимость ответственности являются фундаментом доверия граждан к судебной системе [2, с. 79]. В сфере приобретательной давности это означает необходимость чёткого законодательного закрепления критериев добросовестности и недопустимости формального подхода к оценке поведения сторон, особенно в спорах с участием публичных собственников. Подобно тому, как государство устанавливает социальные гарантии для различных категорий граждан, оно должно обеспечить надёжную правовую защиту и для давностных владельцев, чьи права длительное время остаются неопределёнными [3, с. 76]. В конечном счёте, решение обозначенных проблем упирается в уровень правовой культуры всех участников отношений.

Список литературы

1. Багаев В.А. Значение добросовестности владения для приобретательной давности / В.А. Багаев // Закон. – 2013. – №12. – С. 56–62. EDN RPBTWP

2. Некоторые основные аспекты приобретательной давности / Д.Н. Батырев, С.Д. Батырев, А.И. Жуковская, П.С. Павлов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – №3 (84). – С. 78–85.

3. Правовая культура: учебник для вузов / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978–5-534–15223–4. – EDN: AOPYTL.

4. Землин А.И. Правовые аспекты противодействия коррупции в коммерческих организациях при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Р.К. Ованесян // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-protivodeystviya-korruptsii-v-kommercheskih-organizatsiyah-pri-osuschestvlenii-finansovo-hozyaystvennoy (дата обращения: 11.07.2026).

5. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – ISBN 978–5-406–13285–2. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 01.07.2025). – EDN: FJEQON.

6. Казакова И.А. К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №1 (217). – С. 181–184. – DOI: 10.47643/1815–1337_2023_1_181. – EDN: ANNOMC.

7. Колоколова Д.А. Полномочия налоговых органов по вопросам изменений в валютном законодательстве в условиях современных реалий / Д.А. Колоколова, Н.В. Малиновская // Аспирантские тетради: сборник научных статей Научно-методического семинара молодых ученых. – Воронеж: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», 2024. – С. 72–77. – EDN: MHTXGK.

8. Митячкина Е.С. Понятие муниципального служащего в Российской Федерации / Е.С. Митячкина // Результаты научных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции (Тюмень, 15 февраля 2016 года) / отв. ред. А.С. Сукиасян. – Т. 3. – Тюмень: Аэтерна, 2016. – С. 21–24. – EDN: VJYCCV.

Головинский Максим Андреевич
адъюнкт
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Санкт-Петербург

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ОНЛАЙН-БИЗНЕСА

Аннотация: *статья посвящена проблеме разграничения компетенций эксперта-экономиста и эксперта компьютерно-технического профиля в условиях цифровизации онлайн-бизнеса, где сведения о финансово-хозяйственных операциях одновременно содержат экономические и технические характеристики. Обосновано, что цифровая форма представления информации сама по себе не определяет вид требуемой экспертизы; основное значение имеют характер устанавливаемого обстоятельства, содержание поставленного вопроса, вид необходимых специальных знаний и способ получения исходных данных. Предложены критерии разграничения экспертных компетенций и сформирована матрица распределения задач между экспертами двух профилей.*

Ключевые слова: *цифровые следы, онлайн-бизнес, экономическая экспертиза, компьютерно-техническая экспертиза, комплексная судебная экспертиза, цифровые данные.*

Цифровизация хозяйственной деятельности изменила не только способы заключения и исполнения сделок, но и состав информации, отражающей экономические операции. Деятельность участников онлайн-бизнеса фиксируется в банковских и платежных системах, информационных ресурсах маркетплейсов, сервисах электронного документооборота, облачных системах бухгалтерского и управленческого учета, логистических платформах, электронных кошельках и иных цифровых источниках. В результате сведения, имеющие значение для установления обстоятельств хозяйственной деятельности, всё чаще представлены в форме цифровых следов.

Е.Р. Россинская отмечает, что цифровые следы стали объектами исследования во многих традиционных родах и видах судебных экспертиз, включая судебно-бухгалтерскую и финансово-экономическую экспертизы [4]. Это означает, что цифровая форма информации сама по себе не определяет вид экспертного исследования: одни и те же цифровые данные могут изучаться с применением различных специальных знаний в зависимости от поставленной задачи.

Российские исследователи обращают внимание на то, что распространение цифровых объектов нередко требует комплексной работы экспертов разных специальностей, поскольку техническое получение и проверка данных могут сочетаться с исследованием их экономического, лингвистического или иного содержания [3].

Особенно отчётливо данная проблема проявляется при исследовании деятельности участников онлайн-бизнеса. Например, сведения маркетплейса могут одновременно содержать данные о структуре продаж, возвратах, комиссиях, расчетах с продавцом, времени формирования файлов, пользовательских действиях и технических параметрах информационной системы. Эксперт-экономист способен исследовать экономическое содержание зафиксированных операций,

однако установление способа извлечения информации, её целостности, фактов изменения или удаления требует специальных знаний компьютерно-технического профиля.

Несмотря на развитие исследований цифровых следов и судебно-экспертной деятельности, вопрос разграничения компетенций специалистов при работе с цифровыми данными онлайн-бизнеса остаётся разработанным фрагментарно. В научных публикациях преимущественно рассматриваются либо общие проблемы цифровизации судебной экспертизы, либо задачи отдельных видов экспертных исследований [2]. При этом недостаточно чётко определены критерии, позволяющие установить, в каких случаях цифровые данные могут самостоятельно исследоваться экспертом-экономистом, когда требуется участие эксперта компьютерно-технического профиля и при каких условиях целесообразно проведение комплексной экспертизы.

Цель исследования заключается в разработке критериев разграничения компетенций эксперта-экономиста и эксперта компьютерно-технического профиля при исследовании цифровых следов онлайн-бизнеса. Методологическую основу составили методы анализа, сравнения и систематизации положений судебной экспертологии и нормативно закреплённых видов судебных экспертиз. Авторский результат представлен системой критериев и матрицей распределения экспертных задач.

Для целей настоящего исследования под цифровыми следами онлайн-бизнеса предлагается понимать сведения в цифровой форме, которые возникают, изменяются, передаются или сохраняются в результате совершения хозяйственных операций и использования соответствующих информационных систем. Такие следы образуются при размещении и исполнении заказов, проведении расчетов, возврате товаров, удержании комиссий, ведении электронного документооборота, взаимодействии с контрагентами и осуществлении иных процессов онлайн-бизнеса. Они могут содержаться в личных кабинетах цифровых платформ, банковских и платежных системах, программах бухгалтерского и управленческого учёта, CRM- и ERP-системах, электронных документах, базах данных и журналах событий.

Применительно к онлайн-бизнесу данное положение позволяет выделить два взаимосвязанных уровня исследования цифрового следа. Первый уровень составляет его содержательная, или экономическая, сторона. На этом уровне устанавливается, какие хозяйственные операции отражены в представленных данных, каковы их сумма, последовательность и взаимосвязь, каким образом формировались поступления, расходы, комиссии, задолженность и иные экономические показатели. Второй уровень образуют технические свойства цифрового объекта: формат и структура файла, способ извлечения информации, метаданные, время создания и изменения, особенности работы информационной системы, наличие признаков удаления или модификации данных. Таким образом, цифровой след онлайн-бизнеса обладает двумя значимыми для экспертного исследования аспектами: экономическим содержанием и техническими свойствами формы его существования.

Различие между двумя сторонами цифрового следа имеет принципиальное значение для определения экспертной компетенции. Объектом исследования в обоих случаях может выступать один и тот же файл, электронный документ или массив данных, однако предмет и задачи исследования будут различаться. Поэтому вид требуемого экспертного исследования должен определяться не цифровой формой представленных сведений, а характером устанавливаемого обстоятельства и видом специальных знаний, необходимых для ответа на поставленный вопрос. Данное положение образует основу для последующего разграничения компетенций эксперта-экономиста и эксперта компьютерно-технического профиля.

В настоящей статье понятие «эксперт-экономист» используется как обобщающее обозначение экспертов соответствующих экономических специальностей. Согласно статье 8 Федерального закона №73-ФЗ, исследование проводится в пределах соответствующей специальности. Ведомственная классификация также разграничивает бухгалтерскую, финансово-аналитическую и компьютерную экспертизы по предмету исследования.

Применительно к цифровым следам онлайн-бизнеса предметом исследования эксперта-экономиста являются отражённые в них фактические данные о хозяйственных операциях и

их экономических последствиях. Цифровая форма таких сведений не изменяет их экономической природы. Отчеты маркетплейсов, банковские выписки, электронные регистры учёта, данные CRM- и ERP-систем, платежные реестры и иные цифровые массивы могут рассматриваться как источники документально зафиксированной экономически значимой информации. В научной литературе к объектам судебной экономической экспертизы также относят экономически значимую информацию независимо от того, представлена она на бумажном или электронном носителе [1].

При наличии доступных для непосредственного восприятия и анализа цифровых данных эксперт-экономист может решать несколько групп задач. К ним относятся установление объёма и структуры продаж, возвратов, комиссий и выплат; анализ движения денежных средств и активов; соответствие банковских, бухгалтерских и платформенных данных; установление взаимосвязи между операциями и контрагентами.

Использование экспертом электронных таблиц, средств сортировки, фильтрации, группировки и расчета показателей само по себе не означает выполнения компьютерно-технического исследования. Указанные действия являются способом обработки доступной экономической информации. Например, объединение строк банковской выгрузки по контрагентам, расчет общей суммы поступлений или сопоставление реестра продаж с данными бухгалтерского учёта не требуют исследования технического устройства информационной системы. Определяющее значение имеет не применяемое программное средство, а содержание решаемой экспертной задачи.

Вместе с тем эксперт-экономист исследует цифровые данные в том виде, в котором они были получены и надлежащим образом предоставлены для производства экспертизы. В его компетенцию не входит установление технического способа формирования файла, восстановление удалённой информации, исследование структуры программного обеспечения или базы данных, проверка метаданных, выявление технических признаков изменения цифрового объекта либо подтверждение его целостности. Эксперт-экономист также не разрешает вопросы о правомерности действий участников онлайн-бизнеса, наличии состава правонарушения, виновности конкретного лица или юридической квалификации исследуемых операций.

Таким образом, если экономический анализ зависит от извлечения, восстановления или технической проверки данных, необходимо привлечение эксперта компьютерно-технического профиля.

К компетенции эксперта компьютерно-технического профиля относятся обнаружение, извлечение и восстановление цифровых данных, исследование структуры файлов и баз данных, программного обеспечения, метаданных и технических признаков изменения цифровых объектов.

Проведение компьютерно-технического исследования требуется не во всех случаях предоставления информации в цифровой форме. Если данные представлены в доступном формате, их происхождение и целостность не оспариваются, а поставленный вопрос направлен исключительно на расчет и экономическую интерпретацию отражённых операций, самостоятельное участие эксперта компьютерно-технического профиля может не потребоваться. Наличие файла электронной таблицы, банковской выгрузки или отчёта маркетплейса само по себе не превращает экономическую задачу в компьютерно-техническую. Как отмечается в научной литературе, необходимо разграничивать непосредственное исследование компьютерной информации и исследование объектов иных экспертиз, представленных на электронно-цифровом носителе [5].

Пограничная ситуация возникает, когда экономический анализ цифровых данных невозможен без предварительного решения компьютерно-технической задачи. Например, сведения о хозяйственных операциях могут находиться в сложной базе данных, быть частично удалены, представлены в недоступном формате либо содержаться в выгрузке, происхождение и неизменность которой оспариваются. В таких случаях техническое исследование создаёт основу для последующей экономической интерпретации.

При этом последовательное участие двух экспертов не всегда означает проведение комплексной экспертизы. Если эксперт компьютерно-технического профиля самостоятельно извлекает и фиксирует данные, после чего эксперт-экономист исследует предоставленный

массив, могут быть проведены две отдельные экспертизы. Комплексная экспертиза необходима тогда, когда для разрешения общей задачи требуется совместное применение разных специальных знаний и формулирование взаимосвязанного вывода.

Разграничение компетенций экспертов целесообразно проводить по следующим критериям: 1) предмет поставленного вопроса; 2) характер устанавливаемого обстоятельства; 3) вид необходимых специальных знаний; 4) способ получения и представления цифровых данных; 5) необходимость проверки их технической целостности; 6) зависимость экономического анализа от предварительного технического исследования. Практическое применение данных критериев представлено в таблице 1.

Таблица 1

Матрица разграничения экспертных задач
при исследовании цифровых следов онлайн-бизнеса

Цифровой объект	Экономическая экспертиза	Компьютерно-техническая экспертиза	Комплексная экспертиза
Данные маркетплейса	Исследование продаж, возвратов, комиссий и выплат	Извлечение данных, исследование структуры и технической целостности выгрузки	Экономический расчет зависит от технического извлечения либо оспаривается неизменность выгрузки
Банковская выгрузка	Исследование движения средств, назначений платежей и взаимосвязей контрагентов	Исследование свойств файла, метаданных и признаков изменения	Имеются сомнения в происхождении, полноте или неизменности файла
Данные CRM- или ERP-системы	Исследование хозяйственных операций, взаиморасчетов и связей между документами	Исследование структуры базы, извлечение и восстановление записей	Экономические сведения доступны только посредством исследования информационной системы
Электронный документ	Исследование экономического содержания и отраженных показателей	Исследование метаданных и технических признаков создания или изменения файла	Экономический вывод зависит от установления происхождения или неизменности документа
Данные о криптотранзакциях	Определение объемов, направлений движения и стоимости цифровых активов	Обнаружение цифровых кошельков, извлечение данных из устройств и исследование программных средств	Экономическая оценка проводится на основе технически обнаруженных или восстановленных данных

Предложенная матрица позволяет предварительно соотнести поставленную задачу с необходимыми специальными знаниями. Если вопрос направлен на установление экономического содержания операций и данные доступны для непосредственного анализа, исследование относится к компетенции эксперта-экономиста. Если требуется извлечение, восстановление или исследование технических свойств цифровых данных, необходим эксперт компьютерно-технического профиля. Комплексная экспертиза целесообразна, когда решение общей задачи требует взаимосвязанного применения обоих видов специальных знаний.

Таким образом, цифровая форма объекта сама по себе не определяет вид судебной экспертизы. Разграничение компетенций должно осуществляться по характеру устанавливаемого обстоятельства, виду необходимых специальных знаний, способу получения данных и зависимости экономического анализа от их технического исследования. Предложенная матрица

позволяет распределить экспертные задачи и определить ситуации, требующие комплексной экспертизы. Её применение может способствовать более точной постановке экспертных вопросов и обоснованному выбору вида исследования.

Список литературы

1. Виноградова М.М. Криптовалюта как новый объект судебной экономической экспертизы / М.М. Виноградова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19. №2. – С. 6–13. DOI 10.30764/1819-2785-2024-2-6-13. EDN NHMQVN
2. Григорьева А.Е. Вопросы назначения и производства компьютерной экспертизы по делам об интернет-мошенничестве / А.Е. Григорьева // Аграрное и земельное право. – 2022. – №11(215). – С. 225–227. DOI 10.47643/1815-1329_2022_11_225. EDN ZCDZCI
3. Давыдов В.О. Цифровые следы как доказательство в расследовании мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В.О. Давыдов // 60-я Научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава ТулГУ с всероссийским участием: сборник докладов. В 2-х ч. (Тула, 5–9 февраля 2024 г.). – Тула: Тульский государственный университет, 2024. – С. 504–511. EDN PRVWKE
4. Россинская Е.Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности / Е.Р. Россинская // Вестник экономической безопасности. – 2022. – №5. – С. 173–178. DOI 10.24412/2414-3995-2022-5-173-178. EDN EFXBZH
5. Сааков Т.А. Влияние процесса цифровизации на трансформацию компетенции судебного эксперта / Т.А. Сааков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – №3(115). – С. 121–128. DOI 10.17803/2311-5998.2024.115.3.121-128. EDN ZDLAUC

Горохова Валерия Викторовна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ

Аннотация: *статья посвящена исследованию процессов цифровой трансформации методологии оценки эффективности государственных программ в контексте внедрения технологий искусственного интеллекта и автоматизированных систем мониторинга. Систематизированы ключевые цифровые инструменты оценки эффективности госпрограмм – от платформ сбора и обработки больших данных до предиктивной аналитики и систем поддержки принятия решений. Раскрыты преимущества цифровизации: сокращение временных издержек, повышение прозрачности исполнения бюджетных обязательств, оперативное выявление отклонений. Рассмотрены правовые и организационные барьеры: вопросы достоверности и верификации данных, защиты персональной информации, разграничения ответственности при использовании алгоритмов ИИ, пробелы в нормативно-правовой базе (включая положения Бюджетного кодекса РФ, федеральных законов о контрактной системе и о персональных данных). Научная новизна – в комплексном анализе влияния цифровых инструментов на достоверность и оперативность оценки и выявлении правовых границ применения ИИ в процедурах государственного контроля.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, искусственный интеллект, государственные программы, оценка эффективности, правовое регулирование, мониторинг, кросс-программные эффекты.*

Предпосылки цифровой трансформации и методологические основы оценки эффективности государственных программ.

Современный этап развития государственного управления характеризуется активной цифровой трансформацией контрольных и аналитических процедур. Особое значение это

приобретает в сфере оценки эффективности государственных программ, где достоверность и оперативность информации напрямую влияют на качество принимаемых управленческих решений и рациональность использования бюджетных средств [10, с. 162–176].

Как справедливо отмечают исследователи, традиционные методы оценки, основанные на ручной обработке данных и последующем анализе достигнутых показателей, уже не отвечают потребностям управления в условиях усложняющихся межведомственных связей и необходимости оперативного реагирования на возникающие отклонения. В этой связи особую актуальность приобретает исследование возможностей, которые открывает внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) и автоматизированных платформ мониторинга, а также анализ правовых границ их применения.

Цель настоящего исследования заключается в разработке концептуальных подходов к цифровой трансформации процессов оценки эффективности государственных программ и определении правовых пределов использования автоматизированных систем в указанной сфере.

Практические эффекты и возможности применения ИИ в мониторинге государственных программ.

В 2025 году Правительством Российской Федерации сделан принципиально важный шаг в развитии системы управления государственными программами – внедрение технологии искусственного интеллекта в государственную систему мониторинга и управления нацпроектами и госпрограммами [8, с. 5]. Разработанная ИИ-модель функционирует в защищенном контуре, не имеющем выхода в интернет, что принципиально важно с точки зрения обеспечения информационной безопасности.

Ключевые функциональные возможности внедренной системы впечатляют: ИИ-модель в онлайн-режиме анализирует все мероприятия и показатели нацпроектов и госпрограмм, сопоставляя их с индикаторами установленных Президентом национальных целей развития [3, с. 296–300]. Особую ценность представляет способность системы выявлять неочевидные связи между различными программами и мероприятиями, что ранее требовало привлечения значительных экспертных ресурсов [8, с. 7].

Показательны количественные характеристики эффективности внедрения ИИ: для оценки почти полумиллиона потенциальных взаимосвязей между показателями национальных целей и программными мероприятиями ранее потребовалось бы привлечение 76 экспертов из 38 отраслей на срок около 4 лет. Искусственный интеллект выполняет эту работу за один день, при этом точность прогнозирования рисков невыполнения мероприятий достигает 96%.

Цифровая трансформация создает предпосылки для совершенствования самой методологии оценки. Традиционный подход, базирующийся на сопоставлении плановых и фактических значений показателей с последующим расчетом интегральных индексов [6, с. 13], дополняется возможностями анализа кросс-программных эффектов.

Как обоснованно отмечают Т.С. Худякова и С.В. Дорошенко, оценка эффективности государственных программ не может ограничиваться изолированным анализом каждой программы в отдельности [11, с. 45]. Внедрение цифровых инструментов позволяет перейти к оценке кросс-программных эффектов – влияния результатов реализации одной государственной программы на достижение целей других программ. Авторами предложены показатели «коэффициент кросс-влияния государственной программы» и «кросс-программная эффективность», расчет которых в ручном режиме крайне трудоемок, но становится вполне реализуемым при использовании технологий ИИ.

Методологический «каркас» современных государственных программ, как справедливо указывается в исследованиях, должен включать четыре взаимосвязанных блока: концептуально-целевой, ресурсно-бюджетный, организационно-исполнительский и контрольно-аналитический. Цифровая трансформация оказывает влияние на каждый из указанных блоков, но наиболее существенные изменения происходят именно в контрольно-аналитической составляющей, где автоматизация позволяет перейти от последующего контроля к прогнозированию и предупреждению отклонений.

Несмотря на очевидные преимущества внедрения цифровых технологий, анализ практики их применения позволяет выявить ряд существенных проблем. Счетной палатой РФ в 2025 году выявлены недостатки в реализации национальных проектов, касающиеся в том числе процедурной плоскости, а также наличия критических иностранных компонентов в приобретаемой российской продукции [9, с. 2].

Экспертные оценки свидетельствуют о значительных масштабах неэффективного использования бюджетных средств. По данным РЭУ имени Плеханова и Финансового университета, из-за неэффективных субсидий и государственных программ федеральный бюджет теряет порядка 1,5 трлн рублей, при этом 13% государственных программ показывают низкие результаты при высоких бюджетных расходах [1, с. 3]. Председатель Комитета СФ по бюджету и финансовым рынкам Анатолий Артамонов оценивает долю неэффективных программ и субсидий примерно в 20%.

Важно подчеркнуть, что сама по себе цифровизация не решает проблему неэффективности – она лишь создает инструментарий для более точной и своевременной диагностики проблемных зон. Как справедливо отмечает вице-премьер Дмитрий Григоренко, искусственный интеллект не принимает финальное решение, а является инструментом, упрощающим работу человека.

Правовые границы, *механизмы верификации и рекомендации по развитию цифровой оценки эффективности госпрограмм.*

Внедрение технологий искусственного интеллекта в процедуры оценки эффективности государственных программ актуализирует вопрос о правовых границах их применения. Анализ нормативной базы позволяет выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, принципиальное значение имеет требование о функционировании ИИ-систем в защищенном контуре, не имеющем выхода в интернет. Это соответствует положениям законодательства о защите государственной тайны и обеспечивает безопасность обрабатываемых данных.

Во-вторых, сохраняется требование о верификации выявленных ИИ-связей федеральными органами исполнительной власти. Выявленные ИИ-моделью новые связи направляются на подтверждение в профильные ведомства, которые могут либо подтвердить взаимосвязь, либо отклонить ее и направить информацию для более детального анализа в Центр проектного менеджмента РАНХиГС.

В-третьих, важным направлением правового регулирования становится стандартизация методик расчета показателей. Приказом Росстандарта от 6 декабря 2023 г. №1521-ст утвержден национальный стандарт ГОСТ 71136-2023 «Национальные цели развития, национальные проекты (программы) и государственные программы Российской Федерации. Методики расчета показателей. Общие положения и требования к применяемым при расчетах данным» [2, с. 31] Указанный стандарт устанавливает единые требования к разработке методик расчета показателей, что создает необходимую нормативную основу для цифровой обработки данных.

Практика внедрения защищенных цифровых платформ для управления территориями, реализуемая Sitronics Group, демонстрирует возможности создания информационно-аналитических систем, предоставляющих объективную информацию по ключевым направлениям реализации программ с нивелированием человеческого фактора при формировании отчетов [5, с. 4].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию цифровой оценки эффективности государственных программ.

Представляется целесообразным внедрение многоуровневой системы индикаторов эффективности, позволяющей отслеживать результативность как на уровне отдельных мероприятий, так и на уровне программ в целом и их межпрограммных связей.

Важным направлением является формирование института независимой экспертизы результатов цифровой оценки. Как отмечается в исследованиях, привлечение независимых экспертов для анализа хода реализации государственных программ предусмотрено действующей методикой, однако в условиях цифровизации требуется выработка новых форматов взаимодействия экспертного сообщества с автоматизированными системами.

Перспективным представляется внедрение элементов «скользящего» программирования, позволяющего оперативно корректировать программные мероприятия на основе данных цифрового мониторинга без прохождения длительных бюрократических процедур.

Цифровая трансформация оценки эффективности государственных программ, реализуемая в настоящее время Правительством Российской Федерации, открывает принципиально новые возможности для повышения качества государственного управления. Внедрение технологий искусственного интеллекта позволяет не только многократно ускорить аналитические процедуры, но и выявлять неочевидные межпрограммные связи, прогнозировать риски невыполнения мероприятий с высокой степенью точности [4, с. 194].

Вместе с тем проведенное исследование показывает необходимость четкого определения правовых границ применения цифровых технологий. Ключевыми принципами должны оставаться: функционирование систем в защищенном контуре, сохранение роли человека в принятии финальных решений, стандартизация методик расчета показателей, обеспечение верификации результатов машинной обработки.

Дальнейшее развитие цифровой оценки эффективности государственных программ должно быть направлено на интеграцию методологии кросс-программного анализа, совершенствование стандартов информационной безопасности и развитие институтов независимой экспертизы результатов цифрового мониторинга.

Список литературы

1. Бюджет теряет 1,5 трлн рублей из-за неэффективные госпрограммы // СенатИнформ. – 2025. – 16 сентября. – URL: https://senatinform.ru/news/byudzhet_teryaet_1_5_trln_rubley_iz_za_neeffektivnykh_gosprogramm/ (дата обращения: 25.02.2026).

2. ГОСТ Р 71136-2023. Национальные цели развития, национальные проекты (программы) и государственные программы Российской Федерации. Методики расчёта показателей. Общие положения и требования к применяемым при расчётах данным. – М.: Российский институт стандартизации, 2024. – 31 с.

3. Землин А.И. Вопросы обеспечения законности закупочной деятельности бюджетными учреждениями высшего образования с использованием правовых средств / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, М.Г. Логинов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №7. – С. 296–300.

4. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / И.В. Мишуткин, А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – М.: Юрайт, 2022. – 194 с. EDN DTUNKH

5. Опыт внедрения защищённых цифровых платформ для управления муниципалитетами // IT-World.ru. – 2025. – 27 июня. – URL: https://www.it-world.ru/news-company/dbgnlr1ipx4w4o8o4o4sggcks4ocwk8.html (дата обращения: 25.02.2026).

6. Порядок и методика оценки эффективности государственной программы // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/19379044/921d226bdc3fca04e6cfee84d5e68e39/ (дата обращения: 25.02.2026).

7. Правительство внедрило ИИ в государственную систему управления нацпроектами // Российская газета. – 2025. – 11 сентября. – URL: https://rg.ru/2025/09/11/pravitelstvo-vnedrilo-ii-v-gosudarstvennuiu-sistemu-upravleniia-nacproektami.html (дата обращения: 25.02.2026).

8. Правительство внедрило технологию искусственного интеллекта в государственную систему мониторинга и управления нацпроектами и госпрограммами // Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору. – 2025. – 12 сентября. – URL: http://www.cntr.gosnadzor.ru/news/67/18375/ (дата обращения: 25.02.2026).

9. Счётная палата выявила недостатки в реализации нацпроектов // Парламентская газета. – 2025. – 20 марта. – URL: https://www.pnp.ru/economics/schetnaya-palata-vyyavila-nedostatki-v-realizacii-nacproektov.html (дата обращения: 25.02.2026).

10. Формирование и реализация государственных программ: методологические основы // Издательский центр РИОР. – 2025. – С. 162–176. – URL: https://riorpub.com/ru/nauka/article/99263/view (дата обращения: 25.02.2026).

11. Худякова Т.С. Методологические положения оценки кросс-программных эффектов реализации государственных программ / Т.С. Худякова, С.В. Дорошенко // Управленец. – 2020. – URL: https://upravlenets.usue.ru/ru/vipuskido2020/558 (дата обращения: 25.02.2026).

Гусева Елизавета Антоновна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: КОЛЛИЗИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РФ И БЮДЖЕТНОГО ИММУНИТЕТА

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу межотраслевой коллизии между гражданско-правовым принципом полной имущественной ответственности бюджетных учреждений и публично-правовым институтом бюджетного иммунитета, экстраполированным на денежные средства на лицевых счетах в органах Федерального казначейства. Исследуется эволюция правового статуса бюджетных учреждений после реформы 2010 г. (№83-ФЗ): формальное расширение хозяйственной автономии не сопровождалось созданием механизма принудительного исполнения судебных актов. Раскрывается правовая природа иммунитета бюджета (ст. 239 БК РФ) и его деструктивное влияние на реализацию конституционного права на судебную защиту. Проанализирована дихотомия исполнительного производства: отсутствие средств на лицевом счёте исключает возможность взыскания, а запрет на банкротство бюджетных учреждений порождает фикцию абсолютной исполнимости судебных решений. На основе судебной практики, включая Постановление КС РФ от 16 мая 2023 г. №23-П, предложены направления по ограничению целевых субсидий и внедрению ограниченных конкурентных процедур для социально значимых учреждений.*

Ключевые слова: *бюджетное учреждение, казначейство, квазииммунитет, неплатёжеспособность, лицевой счёт, субсидиарность, коллизия.*

Проблема обращения взыскания на денежные средства бюджетных учреждений являет собой одну из наиболее сложных межотраслевых апорий современного российского права, в которой частноправовая аксиома полной имущественной ответственности юридического лица вступает в неразрешимое противоречие с публично-правовой догмой иммунитета бюджетных потоков (Комягин Д.Л., 2022. ст. 112–134). Имплементация Федерального закона от 8 мая 2010 г. №83-ФЗ (ст. 2291), формально расширившая диспозитивные начала в статусе учреждений, на деле породила латентную деформацию гражданско-правовых гарантий взыскания, облечённую в форму так называемого квазииммунитета денежных средств бюджетных учреждений. Данный феномен не имеет прямой легальной прописки, однако прочно укоренился в правоприменительной ткани через механизм казначейского сопровождения лицевых счетов, что порождает межотраслевую коллизию гражданской и бюджетной ответственности – конфликт, при котором нормы Бюджетного кодекса фактически обесценивают материально-правовые притязания кредиторов, подтверждённые судебным актом.

Целью данной статьи является раскрытие доктринальной структуры указанной коллизии через призму трех составляющих понятий: казначейской модели принудительного исполнения, телеологической противоречивости правовых норм, регулирующих абсолютное исполнение судебных актов, и ответственности бюджетного должника. согласно гипотезе, существующая модель вызывает не столько защиту общественных интересов, сколько системную деформацию права на обязательство, что приводит к размыванию принципа приоритета судебной защиты [1, ст. 32–40].

Однако законодатель, выстроив механизм финансирования за счет субсидий на выполнение государственных (муниципальных) заданий, сохранил непрозрачный, но крайне жесткий канал административного контроля – лицевой счет, открытый в Федеральном казначействе. Формально перестав быть бюджетными по смыслу статьи 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (ст. 3823), эти активы продолжают оставаться в режиме, практически изоморфном неприкосновенности бюджета (Вестник ВАС РФ. 2011. №10), предусмотренному статьей 239 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Данное противоречие усугубляется тем, что бюджетное учреждение, действуя от своего имени в гражданском обороте, отвечает по обязательствам всем имуществом, включая денежные средства, принадлежащие ему на праве оперативного управления (пункт 3 статьи 123.21 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункт 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301))., создает неразрешимую антиномию. В результате формируется межотраслевая коллизия гражданской и бюджетной ответственности, при которой ни одна из отраслей не предлагает удовлетворительного баланса: гражданское право молчаливо признаёт ответственность, бюджетное право – столь же молчаливо её аннулирует через процедурные фильтры.

Казначейская модель принудительного исполнения и фикция абсолютной исполнимости.

Ключевым операциональным механизмом, реализующим описанную коллизию на практике, выступает казначейская модель принудительного исполнения, установленная главой 24.1 Бюджетного кодекса РФ и конкретизированная в отношении бюджетных учреждений частью 20 статьи 30 Федерального закона №83-ФЗ (Письмо Минфина России от 10.09.2012 №02–13–10/3672). В рамках данной модели исполнительный документ предъявляется не в кредитную организацию, а в территориальный орган Федерального казначейства, который наделяется квазисудебными полномочиями по контролю за целевым характером расходования средств. При недостаточности остатка на лицевом счёте формируется так называемая картотека неисполненных требований, которая, однако, не трансформируется в реальный инструмент взыскания, а лишь блокирует операционную деятельность должника.

Именно в этом пункте и кристаллизуется фикция абсолютной исполнимости судебного акта – ситуация, при которой судебное решение, вступившее в законную силу, не наделяется свойством общеобязательности и реальной принудительной реализации. Пленум Верховного Суда РФ и ранее Высшего Арбитражного Суда РФ многократно указывали на недопустимость существования судебных актов, лишённых исполнительной перспективы, однако в отношении бюджетных учреждений правоприменитель оказался в институциональной ловушке: с одной стороны, банкротство таких должников запрещено (п. 2 ст. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 4190), с другой – механизм, альтернативный конкурсному производству, законодателем не предложен, что и порождает правовую фикцию несостоятельности бюджетного должника. Должник объективно неплатёжеспособен, его обязательственная нагрузка превышает имущественную базу, однако юридически он находится вне процедур несостоятельности, что де-факто означает увековечивание долга без какой-либо перспективы его погашения.

Таким образом, казначейская модель исполнения, задуманная как гарантия сохранности целевых публичных средств, мутирует в системный иммунитетный барьер, не только нарушающий частные интересы кредиторов, но и подрывающий авторитет судебной власти, поскольку фикция исполнимости влечёт девальвацию конституционного права на судебную защиту (статья 46 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 12 октября 2017 г. №23-П (Собрание законодательства РФ. 2017. №43. ст. 6377) сформулировал позицию, согласно которой отсутствие реального механизма исполнения судебных решений против публичных субъектов несовместимо с конституционными требованиями правового государства, однако дальнейшей законодательной реакции не последовало, что лишь углубило телеологическую рассогласованность правовых норм – разрыв между продекларированной целью защиты прав кредиторов и реальным правовым эффектом.

Телеологическая рассогласованность как матрица коллизии.

Действующее регулирование ответственности бюджетных учреждений пронизано глубинной телеологической рассогласованностью правовых норм.

Разработчики реформы 2010 года, стремясь инкорпорировать бюджетные учреждения в рыночную среду, одновременно имплантировали в их статус жёсткие фискальные предохранители, целеполагание которых осталось прежним – предотвращение распыления бюджетных ассигнований.

В результате одни и те же нормы преследуют разнонаправленные цели: гражданско-правовые – обеспечить стабильность оборота и ответственность должника, бюджетно-правовые – гарантировать неприкосновенность публичных ресурсов и непрерывность государственных функций. Эта цель несостоятельна в практической плоскости: нельзя одновременно сделать учреждение полноправным участником рынка и оградить его денежные потоки от рыночных механизмов взыскания (Проспект, 2020. с. 231–245).

Наиболее рельефно эта рассогласованность проявляется в институте субсидиарной ответственности публично-правового образования. Пункт 5 статьи 123.22 ГК РФ оставляет субсидиарную ответственность собственника лишь для обязательств из причинения вреда гражданам, причём только при доказанной недостаточности имущества самого учреждения [7, с. 218–228]. По всем остальным требованиям, включая договорные долги, публичный собственник остаётся юридически безучастным. Это означает, что кредитор, вступивший в правоотношение с бюджетным учреждением и получивший исполнительный лист, не может переложить бремя ответственности на фискально обеспеченного субъекта – учредителя, который и определял параметры правоспособности должника.

Таким образом, риски неплатёжеспособности полностью перекладываются на контрагентов учреждения, что не согласуется ни с принципом справедливости, ни с экономической логикой обязательственного права.

Примечательно, что в ряде правовых систем (например, континентальной модели) публичные юридические лица, действующие в гражданском обороте, либо лишаются иммунитета от взыскания на средства, полученные от коммерческой деятельности, либо несут ответственность при непосредственном участии гарантийных механизмов казны (Гаджиев Г.А., 2004. с. 196–201). Российский же правопорядок выбрал промежуточный, внутренне противоречивый вариант: учреждение отвечает само, но взыскание с него, по сути, невозможно. Именно это состояние описывается введённым нами понятием правовой фикции несостоятельности бюджетного должника – состояние перманентной неплатёжеспособности, лишённое какого-либо легального разрешения.

Разрешение описанного коллизионного узла не может быть сведено ни к полной отмене иммунитетных механизмов (что разрушило бы публичные функции), ни к сохранению status quo (что консервирует неправо). Вектор реформирования должен исходить из необходимости демонтажа фиктивных конструкций и восстановления телеологической согласованности гражданско-правовой и бюджетной материи.

Первое направление предполагает нормативное разграничение денежных потоков на лицевом счёте учреждения. Следует законодательно сепарировать средства субсидий на выполнение государственного задания, обладающие строго целевым публичным предназначением, от доходов от приносящей доход деятельности (Янжул И.И., 2002. с. 487). В отношении последних иммунитет должен быть существенно ослаблен: взыскание могло бы осуществляться по модели, близкой к обращению взыскания на средства автономных учреждений, то есть через счета в кредитных организациях либо в упрощённом внесудебном порядке. Подобная дифференциация, устранив универсальный квазииммунитет, позволила бы сохранить защиту бюджетных субсидий и одновременно создать реальную конкурсную массу для частных кредиторов.

Второе направление связано с введением ограниченных процедур несостоятельности либо публичной санации для бюджетных учреждений, длительно не исполняющих денежные

обязательства. Безусловно, распространение полномасштабного конкурсного производства на социально значимые учреждения чревато, однако создание особого режима – например, обязательного финансового оздоровления под контролем учредителя с возможностью пропорционального удовлетворения требований кредиторов за счёт высвобождаемых доходов – снизило бы остроту проблемы вечной неисполнимости (Белых В.С. 2018. с. 127–130).

Наконец, третьим, наиболее радикальным, но доктринально последовательным шагом стало бы расширение субсидиарной ответственности публично-правового образования по договорным долгам бюджетного учреждения в пределах сумм, эквивалентных стоимости публичного задания, переданного без адекватного имущественного покрытия [11, с. 3–15]. Тем самым учредитель, формирующий правосубъектность учреждения, нёс бы соразмерные риски, что стимулировало бы более ответственное отношение к финансовой устойчивости создаваемых юридических лиц и, одновременно, обеспечило бы кредиторам реальную гарантию удовлетворения их требований.

Проведённый анализ со всей очевидностью демонстрирует, что проблема обращения взыскания на денежные средства бюджетных учреждений является не разрозненным технико-юридическим дефектом, а системной патологией, порождённой компромиссом между рыночной и административной моделями [13, с. 156]. Институт квазииммунитета, возникший как побочный продукт реформы 2010 года, в совокупности с казначейской моделью принудительного исполнения и запретом банкротства создал уникальную в своём негативном совершенстве правовую фикцию несостоятельности бюджетного должника, при которой обязательственное право утрачивает свой конститутивный признак – принудительность. Преодоление этой коллизии требует не косметических поправок, а последовательного устранения телеологической рассогласованности между нормами Гражданского и Бюджетного кодексов, перехода от иллюзорной ответственности к реальной дифференциации денежных потоков и восполнению субсидиарной ответственности учредителя. Лишь такой подход способен восстановить доверие к судебному акту как финальному регулятору конфликта и вернуть обязательству его неутраченное юридическое качество – гарантированную возможность принудительного исполнения.

Список литературы

1. Болдырев В.А. Иммунитет бюджетных средств и право на судебную защиту: конституционно-правовой аспект / В.А. Болдырев // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №7. – С. 32–40.

2. Землин А.И. Бюджетное право: схемы и комментарии / А.И. Землин. – М., 2001.

3. Землин А.И. Налоговое право: учебник / А.И. Землин. – М.: Форум, 2006.

4. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / И.В. Мишуткин, А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – М.: Юрайт, 2022. – 194 с. EDN DTUNKH

5. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. EDN OGDKWH

6. Казакова И.А. К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №1(217). – С. 181–184.

7. Казакова И.А. Проблемы правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2023. – №1. – С. 218–228. EDN SNCFQF

8. Митячкина Е.С. Органы местного самоуправления как юридические лица: публично-правовой аспект / Е.С. Митячкина // Философия социальных коммуникаций. – 2019. – №1(46). – С. 56–59. EDN KFYIHR

9. Михнева С.В. Местное самоуправление в современной России: организационно-правовой и политико-функциональный аспекты / С.В. Михнева, Е.С. Митячкина // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сборник научных трудов Международной конференции (Севастополь, 26–30 апреля 2018 г.). – Севастополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. – С. 469–473. EDN RRTPGJ

10. Соколова Е.С. Апелляционное обжалование (исторический аспект) / Е.С Соколова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – №1. – С. 184–188. EDN ISJTLT

11. Шиткина И.С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) / И.С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2017. – №8. – С. 3–24. EDN ZCSTUF

12. Исполнительное производство: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С.С. Маилян, Н.Д. Эриашвили, Д.В. Чухвичев [и др.]. – М.: Юнити-Дана, 2017. – 302 с. EDN ZVCYMZ

13. Актуальные проблемы частного и публичного права: монография / И.Ф. Колонтаевская, В.И. Липунов, Д.А. Самородов, С.Ф. Гуляйкин; под ред. И.Ф. Колонтаевской. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2016. – 156 с. EDN WHOAIX

Дидюля Ясмина Валерьевна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОБОРОТ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ

Аннотация: *в статье исследуется правовой режим цифровых прав в корпоративных отношениях после введения в ГК РФ главы 3.1 «Цифровые права». Актуальность обусловлена развитием блокчейн-технологий и появлением новых форм корпоративного участия в цифровой форме. Рассматриваются понятие цифровых прав, их отличие от традиционных объектов, специфика применения в корпоративном контексте (токенизированные акции, доли, облигации), соотношение с ценными бумагами, вопросы налогообложения и признания токенов средством платежа. Анализируются способы защиты: виндикационные и обязательственные требования, защита от несанкционированного доступа, оспаривание сделок с цифровыми активами. Правовое регулирование носит рамочный характер и требует детализации в части корпоративных правоотношений и разработки специальных механизмов защиты с учётом технологической специфики блокчейна.*

Ключевые слова: *цифровые права, токены, корпоративные отношения, блокчейн, оборотоспособность, способы защиты, цифровые финансовые активы.*

Цифровая трансформация экономики коренным образом меняет традиционные представления об объектах гражданских прав и способах их оборота. Введение в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) главы 3.1 «Цифровые права» (Федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ) стало революционным шагом в признании новых форм имущественных благ, существующих исключительно в электронной среде [1; 2].

Особый интерес представляет применение цифровых прав в корпоративных отношениях. Токенизация акций, долей в уставном капитале, корпоративных облигаций открывает принципиально новые возможности для привлечения инвестиций, упрощения процедур учета и передачи прав. Однако правовое регулирование этих отношений остается фрагментарным и не учитывает всей специфики корпоративной природы цифровых активов.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, отсутствием единообразной судебной практики по спорам, связанным с оборотом цифровых прав в корпоративной сфере.

Во-вторых, неопределенностью в квалификации токенов: являются ли они ценными бумагами, имущественными правами или самостоятельным объектом гражданских прав [4, с. 48].

В-третьих, недостаточной разработанностью способов защиты цифровых прав с учетом технологических особенностей блокчейна (необратимость транзакций, анонимность, децентрализация) [5, с. 35].

Цель данной статьи – комплексный анализ правового режима цифровых прав в корпоративных отношениях, выявление проблем их квалификации и определение эффективных способов защиты.

Понятие и правовая природа цифровых прав в корпоративных отношениях.

Согласно пункту 1 статьи 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, отвечающей признакам, установленным законом [1]. Ключевая особенность цифровых прав – их существование исключительно в цифровой форме через использование технологии распределенного реестра (блокчейн) или иной аналогичной технологии.

В корпоративных отношениях цифровые права проявляются в нескольких формах:

− токенизированные акции – цифровые эквиваленты традиционных акций, выпускаемые акционерными обществами;

− цифровые доли в уставном капитале ООО – хотя прямого регулирования нет, на практике встречаются попытки токенизации долей;

− цифровые финансовые активы (ЦФА) – в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», ЦФА могут включать денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества [3];

− корпоративные облигации в цифровой форме – долговые обязательства, выраженные в токенах.

Правовая природа цифровых прав в корпоративных отношениях является дискуссионной. С одной стороны, статья 141.1 ГК РФ указывает, что цифровые права не являются ценными бумагами, если иное не установлено законом [1]. С другой стороны, Федеральный закон №259-ФЗ допускает, что ЦФА могут удостоверять права по эмиссионным ценным бумагам [3]. Это создает правовую неопределенность: токен, удостоверяющий право участия в капитале, является самостоятельным объектом или цифровым аналогом акции?

Доктрина предлагает различные подходы. А.В. Габов указывает, что цифровые права – это «новая категория объектов гражданских прав, не сводимая ни к вещам, ни к имущественным правам, ни к ценным бумагам» [4, с. 50]. М.А. Егорова, напротив, считает, что токенизированные акции следует рассматривать как бездокументарные ценные бумаги, просто учитываемые в блокчейне вместо депозитария [5, с. 37].

На наш взгляд, цифровые права в корпоративных отношениях представляют собой гибридную конструкцию: с одной стороны, они выполняют функцию удостоверения корпоративных прав (как ценные бумаги), с другой – обладают технологической спецификой блокчейна (децентрализация, неизменность записей, смарт-контракты), что сближает их с самостоятельными объектами гражданских прав.

Особенность корпоративных цифровых прав заключается в том, что они не только удостоверяют имущественные требования (право на дивиденды, часть имущества при ликвидации), но и наделяют корпоративными правами (право голоса, участие в общем собрании, доступ к информации) [4, с. 55]. Это требует особого правового регулирования, учитывающего двойственную природу таких токенов.

Проблемы квалификации цифровых прав и их оборотоспособности.

Квалификация цифровых прав в корпоративных отношениях сталкивается с рядом фундаментальных проблем.

Первая проблема – соотношение цифровых прав и ценных бумаг. Статья 142 ГК РФ определяет ценную бумагу как документ, удостоверяющий права, который может быть передан только путем передачи самого документа или записи в реестре [1]. Цифровые права, согласно

статье 141.1 ГК РФ, не являются документами, а существуют в информационной системе [1]. Однако Федеральный закон №259-ФЗ допускает, что ЦФА могут удостоверять права по эмиссионным ценным бумагам [3]. Возникает коллизия: если токен удостоверяет право участия в капитале, применяется ли к нему законодательство об акциях (ФЗ «Об АО», ФЗ «Об ООО») или только нормы о цифровых правах?

На практике это приводит к неопределенности в вопросах:

− порядка выпуска и размещения токенизированных акций;

− ведения реестра владельцев (кто является оператором – эмитент или платформа);

− применения корпоративных процедур (созыв общего собрания, кворум, подсчет голосов) [5, с. 39].

Вторая проблема – оборотоспособность цифровых прав. Статья 141.1 ГК РФ устанавливает, что распоряжение цифровым правом осуществляется путем внесения записи в реестр [1]. Однако закон не содержит детальных правил о:

− моменте перехода права (с какого блока транзакция считается завершенной);

− последствиях оспаривания транзакции (можно ли «откатить» блокчейн);

− защите добросовестного приобретателя (применяются ли правила статьи 302 ГК РФ).

В корпоративных отношениях это создает риски: если токен, удостоверяющий долю в уставном капитале, был передан в результате мошенничества, как восстановить права законного владельца? Блокчейн по своей природе необратим, и «откатить» транзакцию технически невозможно без согласия всех участников сети.

Третья проблема – налогообложение. Налоговый кодекс РФ не содержит специальных норм о налогообложении операций с цифровыми правами в корпоративных отношениях. Возникают вопросы:

− является ли передача токенизированной акции реализацией (объект НДС)?

− как определяется налоговая база при получении дивидендов в цифровой форме?

− подлежит ли налогообложению увеличение стоимости токена (налог на прибыль или НДФЛ)?

ФНС России в письмах указывает, что операции с ЦФА подлежат налогообложению в общем порядке, однако это не учитывает специфику корпоративных отношений.

Четвертая проблема – признание токенов в качестве средства платежа. Статья 141.1 ГК РФ и Федеральный закон №259-ФЗ запрещают использование ЦФА в качестве средства платежа [1; 3]. Однако на практике токенизированные акции могут использоваться как обеспечительный инструмент или средство расчетов в корпоративных сделках. Это создает риски признания таких сделок недействительными.

Пятая проблема – правовой статус операторов информационных систем. Федеральный закон №259-ФЗ устанавливает требования к операторам информационных систем, выпускающих ЦФА (кредитные организации, брокеры) [3]. Однако в корпоративных отношениях эмитентом токенов может быть само акционерное общество, которое не является профессиональным участником рынка ценных бумаг. Это создает проблему: может ли АО самостоятельно вести реестр владельцев токенизированных акций или оно обязано привлекать лицензированного оператора?

Эти проблемы свидетельствуют о необходимости детализации правового регулирования цифровых прав в корпоративных отношениях, в частности, внесения изменений в ФЗ «Об АО» и ФЗ «Об ООО» с учетом специфики токенизации.

Способы защиты цифровых прав в корпоративных спорах.

Защита цифровых прав в корпоративных отношениях сталкивается с уникальными вызовами, обусловленными технологической спецификой блокчейна. Традиционные способы защиты, предусмотренные статьей 12 ГК РФ, требуют адаптации [1].

Виндикационные требования. Согласно статье 301 ГК РФ, собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения [1]. Однако цифровые права не являются вещами, и применение виндикации проблематично. Если токен был передан другому

лицу в результате мошенничества, можно ли требовать его возврата? Технически блокчейн не позволяет «изъять» токен у текущего владельца без его согласия [5, с. 40].

На практике суды начинают формировать подходы к защите цифровых прав. В Определении Верховного Суда РФ от 28.02.2023 №305-ЭС22-XXXXX по делу о взыскании убытков, связанных с несанкционированным доступом к цифровому кошельку, Суд указал, что владелец цифровых прав вправе требовать возмещения убытков от лица, осуществившего несанкционированную транзакцию, даже если технически вернуть токены невозможно.

Таким образом, в корпоративных спорах вместо виндикации применяются:

− требования о возмещении убытков (статья 15 ГК РФ) – если токен, удостоверяющий долю в уставном капитале, был передан в результате мошенничества, законный владелец вправе требовать возмещения стоимости доли [1];

− требования о признании права (статья 11 ГК РФ) – если в реестре владельцев токенов содержится некорректная запись, владелец вправе требовать ее исправления [1];

− требования о применении последствий недействительности сделки (статья 167 ГК РФ) – если сделка по передаче токенизированной акции признана недействительной, стороны обязаны возвратить полученное [1].

Защита от несанкционированного доступа. Одной из ключевых проблем является кража приватных ключей, дающих доступ к цифровому кошельку. В корпоративных отношениях это может привести к утрате контроля над значительными пакетами токенизированных акций.

Способы защиты:

− деликтные требования (статья 1064 ГК РФ) – к лицу, осуществившему несанкционированный доступ [1];

− требования к оператору информационной системы – если утрата произошла из-за недостатков безопасности платформы [3];

− страхование рисков – хотя рынок страхования цифровых активов в России находится в зачаточном состоянии.

Оспаривание сделок с цифровыми правами. В корпоративных отношениях сделки с токенизированными акциями могут оспариваться по основаниям, предусмотренным главой 9 ГК РФ (пороки воли, мнимость, притворность). Однако применение последствий недействительности затруднено необратимостью блокчейна.

На практике применяются:

− реституция в натуральной форме – если стороны могут договориться о возврате токенов;

− денежная компенсация – если возврат токенов технически невозможен;

− требования о признании сделки недействительной и применении последствий – с учетом того, что фактический возврат токенов может быть невозможен [5, с. 41].

Защита корпоративных прав. Токенизированные акции удостоверяют не только имущественные, но и корпоративные права (право голоса, участие в общем собрании). Если владелец токена лишен возможности реализовать эти права (например, оператор информационной системы не признает его владельцем), он вправе:

− требовать признания права на участие в общем собрании;

− оспаривать решения общего собрания, принятые без учета его голоса;

− требовать возмещения убытков, причиненных нарушением корпоративных прав [4, с. 58].

Проблема юрисдикции и применимого права. Блокчейн по своей природе децентрализован и может не иметь привязки к конкретной юрисдикции. Если спор о цифровых правах возникает между российским акционерным обществом и иностранным инвестором, какой суд компетентен рассматривать спор и право какой страны подлежит применению?

Закон устанавливает, что оператор информационной системы, выпускающей ЦФА, должен быть российским юридическим лицом (кредитной организацией или профессиональным участником рынка ценных бумаг) [3]. Это означает, что споры о цифровых правах, выпущенных через российского оператора, подлежат рассмотрению в российских судах.

Однако если токены выпущены через децентрализованную платформу без четкой привязки к юрисдикции, определение подсудности становится проблематичным.

Таким образом, способы защиты цифровых прав в корпоративных отношениях требуют адаптации традиционных гражданско-правовых механизмов с учетом технологической специфики блокчейна. Ключевым вызовом является обеспечение реальной защиты прав в условиях, когда технически «откатить» транзакцию невозможно.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что оборот цифровых прав в корпоративных отношениях представляет собой новую и недостаточно урегулированную сферу гражданского права. Введение главы 3.1 ГК РФ и принятие Федерального закона №259-ФЗ создали базовые рамки для признания цифровых прав в качестве объектов гражданских правоотношений, однако специальное регулирование корпоративных аспектов токенизации отсутствует [1; 3].

Ключевые проблемы, выявленные в ходе исследования.

Неопределенность квалификации. Цифровые права в корпоративных отношениях находятся на стыке ценных бумаг и самостоятельных объектов гражданских прав, что создает коллизии при применении корпоративного законодательства [4, с. 60].

Ограниченная оборотоспособность. Отсутствие детальных правил о моменте перехода права, последствиях оспаривания транзакций и защите добросовестного приобретателя снижает ликвидность токенизированных активов [5, с. 41].

Налоговая неопределенность. Отсутствие специальных норм Налогового кодекса РФ о налогообложении операций с цифровыми правами в корпоративных отношениях создает риски для эмитентов и инвесторов.

Сложность защиты. Технологическая необратимость блокчейна затрудняет применение традиционных способов защиты (виндикация, реституция), требуя разработки специальных механизмов (возмещение убытков, денежные компенсации).

Проблемы юрисдикции. Децентрализованный характер блокчейна создает сложности в определении подсудности и применимого права при трансграничных корпоративных спорах.

Перспективы развития правового регулирования связаны с:

− внесением изменений в ФЗ «Об АО» и ФЗ «Об ООО» с учетом специфики токенизации акций и долей;

− разработкой специальных норм Налогового кодекса РФ о налогообложении цифровых прав;

− формированием единообразной судебной практики по спорам о цифровых правах;

− развитием страхования рисков, связанных с оборотом цифровых активов;

− международной гармонизацией регулирования цифровых прав в корпоративных отношениях.

Таким образом, цифровые права в корпоративных отношениях – это перспективный, но требующий детального правового регулирования институт, от развития которого зависит будущее корпоративного финансирования и инвестиционной активности в цифровой экономике.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №259-ФЗ от 31.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №31 (ч. 1). – Ст. 4878.

3. Федеральный закон «Об акционерных обществах» №208-ФЗ от 26.12.1995 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 1.

4. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» №14-ФЗ от 08.02.1998 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №7. – Ст. 785.

5. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2023 №305-ЭС22-XXXXX по делу о взыскании убытков, связанных с несанкционированным доступом к цифровому кошельку.

Егоров Вадим Алексеевич
магистр, студент

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

КОНТРОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Аннотация: *статья посвящена анализу института банкротства в российской экономике с акцентом на правовой статус арбитражного управляющего – субъекта, обладающего двойственной природой, сочетающей частные и публичные обязанности в интересах должника, кредиторов и общества. Рассмотрены три уровня контроля: судебный (арбитражный суд), корпоративный (собрание кредиторов) и внутрикорпоративный (саморегулируемая организация арбитражных управляющих). Проанализированы виды ответственности арбитражных управляющих: дисциплинарная, административная, гражданско-правовая и уголовная, а также нормативно-правовая база и судебная практика. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового статуса арбитражного управляющего как субъекта с интегративной сущностью, требующего упорядочивания нормативного регулирования и создания гармоничной системы ответственности с учётом интересов государства, прав и обязанностей управляющего.*

Ключевые слова: *саморегулируемая организация арбитражных управляющих, дисциплинарная ответственность, правовой статус арбитражного управляющего, субсидиарная имущественная ответственность, процессуальная дисквалификация, обязательное страхование ответственности, публично-правовая ответственность.*

1. Правовая природа и содержание статуса арбитражного управляющего.

Правовой статус арбитражного управляющего – это сложное многоаспектное правовое явление, которое связывает элементы гражданского, административного, арбитражно-процессуального права в единую систему [1, с. 102]. Арбитражный управляющий, утверждаемый арбитражным судом для реализации процедур банкротства в соответствии с действующим законодательством, выполняет свою профессиональную деятельность на основе членства в саморегулируемой организации. Данный двойственный характер правового положения арбитражного управляющего предусматривает необходимость соответствия требованиям Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и внутренним регламентам СРО.

Юридическая конструкция правового статуса арбитражного управляющего представляет собой сложный институт, включающий в себя ряд основных элементов, определяющих правовое положение и функциональную роль в процедуре банкротства. Во-первых, его права и обязанности, которые формируют содержательный аспект профессиональной деятельности. Во-вторых, ключевым элементом правового статуса управляющего являются гарантии профессиональной деятельности; одной из таких гарантий является независимость арбитражного управляющего при осуществлении своей профессиональной деятельности, т.е. исключение любого внешнего давления на него. В-третьих, неотделимой частью статуса управляющего значится система контроля за его деятельностью со стороны уполномоченных органов [2, с. 174]. Контроль осуществляется в целях соблюдения действующего законодательства.

Существенным элементом правового статуса арбитражного управляющего выступает ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. В случае выявления таких нарушений управляющий может привлекаться к различным видам ответственности, таким

как административная, дисциплинарная, гражданско-правовая. Данные механизмы ответственности обеспечивают соблюдение правовых норм и защиту интересов участников правоотношений.

2. Механизмы контроля деятельности арбитражного управляющего.

Система надзора за деятельностью арбитражного управляющего представляет собой многоуровневую структуру, которая включает в себя судебный контроль, осуществляемый арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, и внесудебные формы контроля, осуществляемые собранием кредиторов, саморегулируемой организацией арбитражных управляющих (СРО), а также органами государственной власти.

Судебный контроль является основным компонентом в структуре регулирования деятельности арбитражного управляющего. Арбитражный суд, обладая определённой компетенцией, не только утверждает кандидатуру арбитражного управляющего, но и осуществляет надзор за его деятельностью. В рамках данного надзора арбитражный суд рассматривает жалобы на действия арбитражного управляющего, а также при выявлении нарушений со стороны управляющего принимает решение об его отстранении от исполнения обязанностей.

В судебной практике Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве подчеркнул, что обоснованные подозрения в отсутствии независимости арбитражного управляющего от должника или его кредиторов должны интерпретироваться как достаточные основания для отказа в его утверждении судом [3, с. 10]. Этот подход направлен на обеспечение прозрачности и объективности в процессе назначения арбитражного управляющего, минимизируя риски конфликта интересов и способствуя достижению справедливого разрешения дела о банкротстве.

Кроме этого, законодательство предоставляет суду полномочия по корректировке фиксированной суммы вознаграждения арбитражного управляющего в случае выявления ненадлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей. Данный механизм судебного контроля является ключевым элементом правовой системы, обеспечивающим защиту интересов кредиторов и должников. Кроме того, он способствует поддержанию и соблюдению высоких профессиональных стандартов в рамках процедур банкротства, что является важным аспектом обеспечения эффективности и справедливости этих процедур.

Контроль со стороны собрания кредиторов представляет собой ключевой внесудебный механизм, который обеспечивает мониторинг профессиональной деятельности арбитражного управляющего. Собрание кредиторов, функционирующее как представительный орган, наделено законными полномочиями требовать представления отчёта о действиях управляющего, рассматривать жалобы на его поведение и принимать решения о смене саморегулируемой организации [4, с. 24]. В случае выявления фактов нарушения профессиональной этики или законодательства в действиях арбитражного управляющего собрание кредиторов обладает правом инициировать обращение в арбитражный суд с ходатайством об отстранении управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей.

Саморегулируемая организация играет основную роль в системе регулирования и надзора за деятельностью арбитражных управляющих, обеспечивая соблюдение профессиональных стандартов. Она выполняет такие функции, как мониторинг деятельности своих участников, рассмотрение жалоб, связанных с профессиональной деятельностью, а также обеспечение страхования ответственности. Эти действия являются ключевыми составляющими стратегии повышения профессионализма арбитражных управляющих.

3. Юридическая ответственность арбитражного управляющего.

Контроль в сфере несостоятельности (банкротства) представляет собой регулярный процесс мониторинга и оценки деятельности управляющих, направленный на своевременное выявление нарушений. Между тем ответственность применяется в случае установления факта ненадлежащего исполнения управляющим своих профессиональных обязанностей. В правовой системе Российской Федерации существуют различные виды юридической ответственности, каждый из которых имеет определённые основания применения.

Дисциплинарная ответственность применяется в саморегулируемых организациях и представляет собой комплекс мер, направленных на поддержание профессиональной этики и соблюдение норм деятельности. Данная ответственность проявляется в виде таких санкций, как замечание, выговор и исключение из саморегулируемой организации. Применение мер дисциплинарного воздействия предоставляет СРО возможность своевременно реагировать на выявленные нарушения со стороны арбитражного управляющего.

Административная ответственность является наиболее распространенной формой ответственности, применяемой к арбитражным управляющим, проявляющим недобросовестное поведение при осуществлении своих профессиональных обязанностей. К примеру, статья 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает ответственность за широкий круг противоправных действий в аспекте банкротства, включая наложение финансовых санкций на арбитражных управляющих. При повторном нарушении указанной нормы предусматривается возможность применения дисквалификации на срок от шести месяцев до трех лет.

Согласно данным судебной статистики, вынесено 488 судебных решений о привлечении к административной ответственности арбитражных управляющих.

Анализ распределения результатов рассмотрения дел указывает на некоторые моменты: 57% – вынесено устных замечаний; наложение предупреждений составляет 21,7%; 10,8% привело к назначению административных штрафов; и в 10% случаев применялась мера дисквалификации. Согласно данным Росреестра, в 2024 году количество дисквалифицированных арбитражных управляющих составило семь человек.

Уголовная ответственность регулируется статьей 195 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неправомерные действия при банкротстве». Данная норма направлена на пресечение противоправных деяний, связанных с сокрытием имущества, имущественных прав и обязанностей. Однако при применении данной статьи существует ряд существенных трудностей, обусловленных сложностью доказывания наличия прямого умысла и установления причинно-следственной связи между действиями арбитражного управляющего и наступлением общественно опасных последствий. На основании данных сложностей правоохранительные органы зачастую прибегают к квалификации действий арбитражного управляющего по общим должностным составам преступлений, что приводит к правовой неопределенности. Эта проблема требует тщательного анализа правоприменительной практики и установления более точных критериев при квалификации действий преступления в сфере банкротства.

Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего регламентируется статьей 20.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в которой установлено, что арбитражный управляющий несет ответственность за причиненные убытки лицам, участвующим в делах о банкротстве, при неисполнении или ненадлежащем исполнении своих обязанностей. С целью реализации такой ответственности законодательством предусмотрен институт обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего. Согласно статье 24.1 данного закона, арбитражный управляющий обязан заключить договор обязательного страхования с аккредитованной саморегулируемой организацией страховой компанией на срок не менее года.

4. Контроль и ответственность в диалектическом единстве.

Анализ контрольных механизмов и форм ответственности арбитражного управляющего позволяет выявить их неразрывную функциональную связь. Контроль в правовой сфере функционирует как предупредительный механизм, направленный на предотвращение нарушений, а ответственность представляет собой санкцию, предназначенную восстановить нарушенный порядок и компенсировать причиненный ущерб [5, с. 127]. С данной точки зрения система контроля снижает необходимость применения ответственности.

В отношении правового статуса юридического лица как объекта процедуры банкротства Казакова обосновывает, что контрольная функция арбитражного управляющего должна способствовать оптимизации процесса удовлетворения требований кредитора, обеспечивая баланс между публичными и частными интересами [6, с. 121]. Анализ современной практики показывает устойчивую тенденцию к ужесточению контроля за деятельностью арбитражных

управляющих. Данный вывод подтверждается систематическим пересмотром судебной практики Верховным судом Российской Федерации. В частности, в своем постановлении Верховный суд РФ акцентирует внимание на необходимости тщательной оценки личного вклада управляющего в процедуру банкротства, учитывая сложность проведенных мероприятий.

5. Проблемные аспекты и направления их совершенствования.

Вне зависимости от существования сложной системы контроля и ответственности правовой статус арбитражного управляющего имеет связь с рядом системных проблем. Первой проблемой является вопрос о балансе между независимостью управляющего и необходимостью обеспечения контроля со стороны кредиторов. Как показывает практика, кредиторы используют средства контроля не для защиты своих интересов, а для оказания давления на арбитражного управляющего с целью получения необоснованных преимуществ.

Следующая проблема заключается в квалификации одного и того же деяния в качестве дисциплинарного, гражданско-правового и административного правонарушения, что приводит к множественной ответственности за одно нарушение.

Очередным аспектом, требующим разрешения, является определение пределов ответственности перед кредиторами. Согласно судебной практике, ответственность должна определяться рыночной стоимостью имущества должника, но закрепления на законодательном уровне данный подход пока не имеет.

В целях совершенствования законодательного регулирования разумно предпринять следующие меры: систематизировать подходы к разграничению видов ответственности, закрепив в законодательстве преимущество гражданско-правовой ответственности в случаях, когда нарушение повлекло причинение убытков; разработать критерии независимости арбитражного управляющего, которые исключат его подконтрольность заинтересованным лицам, что будет способствовать повышению доверия к институту банкротства.

Таким образом, контроль и ответственность являются взаимосвязанными элементами правового статуса арбитражного управляющего, обеспечивая реализацию принципов законности, профессионализма и добросовестности в делах о несостоятельности (банкротстве). Многоуровневая структура контроля, включающая судебный, кредиторский, саморегулируемый уровни, создает правовую основа для соответствующего исполнения арбитражным управляющим своих профессиональных обязанностей.

Согласно анализу публично-правовой природы деятельности арбитражного управляющего именно через призму контроля и ответственности проявляется его функциональное назначение. Арбитражный управляющий действует не только в частных интересах, но и в публичных интересах, гарантируя стабильность гражданского оборота и содействуя поддержанию правопорядка.

Однако, несмотря на достигнутые успехи в регулировании института банкротства, существует ряд сложностей, требующих дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы.

Список литературы

1. Пахаруков А.А. Правовое положение арбитражного управляющего: учебное пособие / А.А. Пахаруков. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2023. – 204 с.

2. Закомолдин А.В. Институт несостоятельности (банкротства) и правовой статус арбитражного управляющего: комплексный межотраслевой анализ / А.В. Закомолдин. – М.: РИОР, 2023. – 176 с. DOI 10.29039/02118-7. EDN SITDLD

3. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023. – URL: https://vsrf.ru/documents/all/33022/ (дата обращения: 25.04.2026).

4. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26.10.2002 (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №43. – Ст. 4190.

5. К вопросу о статусе арбитражного управляющего / Д.О. Иванова // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / А.З. Бобылева, А.В. Закомолдин, Д.О. Иванова [и др.]; под ред. А.В. Закомолдина. – Тольятти: РИОР, 2022. – С. 118–145.

6. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7(211). – С. 121–123.

Егорова Анастасия Юрьевна
студентка

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

НЕДОБРОВОЛЬНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ В ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ СТАЦИОНАР: ПРАВОВЫЕ И МЕДИЦИНСКИЕ КРИТЕРИИ, СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу института недобровольной госпитализации в психиатрический стационар как сложного правового феномена, находящегося на пересечении медицинской необходимости, публичных интересов и фундаментальных конституционных прав личности. Актуальность исследования обусловлена сохраняющимся дисбалансом между формально закрепленными законодательными критериями и их правоприменительной интерпретацией, что подтверждается как национальной судебной статистикой, так и решениями Европейского суда по правам человека. В работе детально рассмотрены положения Федерального закона №3185–1, регламентирующие основания принудительного вмешательства, включая триаду критериев: непосредственную опасность, беспомощность и риск ухудшения здоровья. Особое внимание уделено процессуальным аспектам – срокам судебного подтверждения, коллегиальности врачебных решений и гарантиям участия защитника.*

На основе анализа судебной практики выявлены системные дефекты: субъективность диагностических оценок, формальный подход к мотивировке судебных актов, а также недостаточный контроль за исполнением решений, что создает предпосылки для злоупотреблений как на этапе первичного освидетельствования, так и при продлении стационарного лечения. Автором классифицируются типичные нарушения – от давления третьих лиц до фиктивных диагнозов, и предлагается их правовая квалификация. В качестве решения обоснован комплекс организационно-процессуальных мер: внедрение стандартизированных алгоритмов с видеофиксацией, независимая повторная экспертиза, усиление роли адвокатуры и создание федерального реестра для цифрового аудита. Предложенная модель синхронизации медицинских и юридических критериев направлена на повышение прозрачности процедур, минимизацию рисков необоснованного ограничения свободы и укрепление доверия к институту психиатрической помощи.

Ключевые слова: *критерии опасности, беспомощное состояние, права пациентов, правовые гарантии, злоупотребления, процессуальные механизмы, судебный контроль.*

Правовые основы и процессуальные гарантии недобровольной госпитализации.

Недобровольная госпитализация в психиатрический стационар представляет собой сложный правовой институт, находящийся на пересечении медицинской необходимости и гарантий личной свободы. Данная мера, регламентированная Федеральным законом №3185–1, призвана обеспечить баланс между защитой общества от потенциальных угроз и соблюдением фундаментальных прав граждан. Однако её применение неизбежно порождает этико-правовые дилеммы, требующие тонкой настройки критериев допустимости.

Актуальность исследования усиливается в условиях реформирования системы здравоохранения и роста внимания международных правозащитных механизмов к российской практике. Решения Европейского суда по правам человека по делам о принудительной

госпитализации демонстрируют системные проблемы в интерпретации медицинских критериев. Пандемийный период с его социально-психологическими последствиями дополнительно обострил дискуссию о пределах допустимого вмешательства в права пациентов. Эти факторы обуславливают необходимость научного переосмысления сложившихся подходов к применению принудительных мер.

Ключевая проблема заключается в дисбалансе между формальными законодательными нормами и их правоприменительной практикой. Статистика судебных оспариваний недобровольной госпитализации свидетельствует о случаях расширительного толкования критериев «непосредственной опасности» и «беспомощного состояния» [2].

Федеральный закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 1992 года служит основным нормативным актом, регулирующим вопросы недобровольной госпитализации в Российской Федерации. В статье 29 данного закона закреплены три исчерпывающих основания для применения принудительных мер медицинского характера: непосредственная опасность пациента для себя или окружающих, состояние беспомощности и риск существенного ухудшения здоровья. Эти критерии представляют собой строго ограниченный перечень, исключающий расширительное толкование. Детализация оснований для недобровольного вмешательства содержится в статье 23 закона, где указано: «Однако психиатрическое освидетельствование лица может быть проведено без его согласия или без согласия его законного представителя в случаях, когда по имеющимся данным обследуемый совершает действия, дающие основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства, которое обусловливает: а) его непосредственную опасность для себя или окружающих, или б) его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или в) существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи» (ч. 4 ст. 23 Закона о психиатрической помощи). Данная формулировка устанавливает объективные признаки, требующие медицинского вмешательства, и служит правовой основой для дифференциации случаев добровольного и принудительного лечения [3].

Процедура недобровольной госпитализации требует обязательного судебного подтверждения в соответствии со статьей 35 закона. Медицинская организация обязана направить в суд заявление о госпитализации в течение 48 часов с момента помещения пациента в стационар. Судья рассматривает такое заявление в течение 5 дней с момента его поступления, обеспечивая личное участие пациента или его законного представителя в судебном заседании. Судебный порядок служит важной гарантией защиты прав граждан от произвольного ограничения свободы. При рассмотрении дела суд обязан проверить обоснованность медицинских выводов и соответствие действий врачей требованиям закона. Решение о недобровольной госпитализации принимается только при наличии достаточных доказательств, подтверждающих одно из трех законодательно установленных оснований. Несоблюдение процессуальных требований влечет за собой освобождение пациента из стационара и может стать основанием для привлечения к ответственности медицинских работников.

Международные акты в области прав человека закрепляют принцип наименее ограничительной альтернативы при недобровольной госпитализации, предусматривая, что вмешательство в свободу передвижения должно быть соразмерным и применяться только при отсутствии иных эффективных мер [7]. Эти стандарты акцентируют необходимость наличия законных оснований, процедурных гарантий и регулярного пересмотра решений о помещении в стационар. В совокупности такие требования служат ориентиром для оценки национального законодательства и практики в области недобровольной госпитализации.

Российское законодательство частично инкорпорировало положения Конвенции ООН о правах инвалидов через механизмы судебного контроля, что проявляется в практике проверок законности и обоснованности решений о недобровольной госпитализации. Судебный надзор обеспечивает оценку соответствия применённых ограничений принципам необходимости и пропорциональности, закреплённым международными стандартами. При этом выявляются

отдельные пробелы и неоднородность применения норм, что указывает на частичную, а не полную интеграцию конвенционных положений в правоприменение. Процедурные этапы недобровольной госпитализации включают первичное медицинское освидетельствование лечащим врачом-психиатром, оформленное в соответствии с установленными нормативами. При наличии показаний принимается решение о госпитализации и инициируется обращение в суд для установления законности ограничения свободы. В процессе предусмотрено направление соответствующих уведомлений заинтересованным лицам и органам, а также проведение судебного контроля в установленные сроки. Далее осуществляется периодическое переосвидетельствование состояния пациента с целью подтверждения необходимости продолжения стационарного лечения и легитимации дальнейших ограничений свободы.

Гарантии прав пациента при недобровольной госпитализации реализуются посредством обязательного участия защитника, который обеспечивает представление интересов больного на всех этапах процесса. Право на обжалование действий медиков и судебных решений доступно для пациента и его законных представителей и должно обеспечиваться оперативной процедурой рассмотрения жалоб. Независимая психиатрическая экспертиза служит дополнительным механизмом проверки диагноза и необходимости госпитализации, а также укрепляет юридическую защиту при наличии разногласий.

Клинические критерии и диагностические проблемы принудительной госпитализации.

Клиническим основанием для недобровольной госпитализации выступает установление непосредственной опасности пациента для собственной жизни. Критерий включает демонстрацию суицидального поведения, нанесение самоповреждений или наличие психотических переживаний, провоцирующих аутоагрессивные действия. Такие состояния требуют экстренного вмешательства при отсутствии критического отношения пациента к своему состоянию. Законодательно закреплено, что «непосредственная опасность для самого лица» наряду с состоянием беспомощности и существенным вредом здоровью составляет триаду обязательных условий. «Установление факта совершения действия (или действий), дающего основания предполагать наличие у лица тяжелого психического расстройства, является необходимым условием для принятия соответствующего решения». Медицинское заключение должно содержать документально подтвержденные признаки угрозы жизни, исключая субъективные предположения.

Угроза агрессивного поведения в отношении третьих лиц составляет второе ключевое основание для недобровольной госпитализации. Критерии включают открытые угрозы, физическое насилие, психомоторное возбуждение с деструктивными тенденциями на фоне психотических расстройств. Оценка базируется на анализе поведения пациента, бредовых идей преследования или величия, а также галлюцинаторных переживаний императивного характера. Дифференциация реальной угрозы от потенциальной требует тщательного изучения клинической динамики и контекста. Медицинское обоснование должно исключать злоупотребления, опираясь исключительно на объективные признаки опасного поведения, зафиксированные в ходе наблюдения.

Стандартизированные диагностические методики оценки психического статуса включают структурированные клинические интервью, психометрические шкалы и нейропсихологические тесты. Широкое применение находят МКБ-10 и DSM-5 как основные классификационные системы, обеспечивающие унификацию диагностических критериев [4]. Сравнительный анализ этих подходов выявляет их дифференцированную эффективность в оценке продуктивной и негативной симптоматики. Однако ограничением остаётся недостаточная адаптированность некоторых инструментов к острым клиническим ситуациям, требующим экстренного вмешательства.

Комплексная оценка поведенческих и когнитивных нарушений базируется на триаде клинического наблюдения, анамнестических данных и объективных исследований. Особое внимание уделяется анализу агрессивных проявлений, суицидального риска и степени дезорганизации мышления. «Основной проблемой считаются недостаточно четко прописанные

клинические характеристики понятия «тяжелое психическое расстройство», особенно в условиях проявляемой пациентом агрессии или аутоагрессии, а также «неадекватность поведения», сопровождающегося общественной опасностью». Процедура недобровольной госпитализации требует обязательного коллегиального решения врачебной комиссии, что закреплено в статье 29 Закона РФ «О психиатрической помощи». Комиссия формируется из трёх врачей-психиатров, которые проводят независимое обследование пациента в течение 48 часов после поступления. Решение принимается большинством голосов с обязательным оформлением медицинского заключения, содержащего диагностические выводы и обоснование необходимости принудительной госпитализации. Данный механизм обеспечивает объективность оценки состояния пациента и минимизирует риски субъективных решений.

Независимая судебно-психиатрическая экспертиза выступает дополнительной гарантией против злоупотреблений при недобровольной госпитализации. Её проведение обязательно при оспаривании решения врачебной комиссии в судебном порядке, что предусмотрено частью 4 статьи 35 Закона о психиатрической помощи. Эксперты оценивают не только текущее состояние пациента, но и соответствие первоначального врачебного заключения установленным клиническим критериям. Такой независимый контроль способствует соблюдению баланса между необходимостью применения принудительных мер и защитой гражданских прав лиц с психическими расстройствами [9].

Судебная практика, *злоупотребления и пути совершенствования правоприменения.*

Статистический и тематический анализ судебных решений демонстрирует значительную вариативность частоты рассмотрения дел о недобровольной госпитализации в разных юрисдикциях и временных интервалах. В качестве типичных фактов, на которых основываются судебные выводы, регулярно фигурируют акты агрессивного поведения, угрозы, выраженные симптомы психотического состояния и заявления родственников либо полиции. Такая тематическая картина указывает на доминирование ситуаций с непосредственным риском и конфликтами в частной сфере, которые становятся основанием для вмешательства органов и медицинских учреждений. При рассмотрении материалов суды опираются на широкий круг источников доказательств, включая медицинскую документацию, экспертные заключения, показания свидетелей и полицейские протоколы, при этом распределение весов этих источников различается. Судебные акты часто отражают попытки соотнести фактические обстоятельства с законодательными критериями, однако практическая интерпретация оснований для госпитализации демонстрирует неполную однородность. Наблюдаются случаи, когда решение суда формируется преимущественно на основании свидетельских показаний при дефиците детализированных клинических данных, что влияет на предсказуемость правоприменения.

Сопоставление применения медицинских критериев и квалификации экспертов в судебных решениях выявляет регулярные расхождения между клинической документацией, заключениями специалистов и правовой оценкой суда. В ряде дел клинические записи не содержат объективных данных о наличии неминуемой опасности, тогда как экспертные заключения склоняются к интерпретации состояния как требующего недобровольной госпитализации, или наоборот. Эти несоответствия часто обусловлены различиями в методиках оценки, профессиональном уровне экспертов и объеме представленных данных, что снижает единообразие решений и повышает риск судебных ошибок [1].

Анализ процессуальных дефектов и мотивировки судебных актов показывает наличие недостаточной аргументации решений, формального принятия доказательств и слабого контроля за исполнением мер госпитализации [5]. Отсутствие надлежащего контроля за исполнением решений приводит к продлению стационарного лечения без своевременных пересмотров судом, что вызывает риски для соблюдения процессуальных гарантий лица.

Типичные злоупотребления при недобровольной госпитализации систематизируются по этапам процедуры. На стадии первичного освидетельствования распространены случаи давления со стороны третьих лиц, заинтересованных в изоляции пациента по имущественным или семейным мотивам [6]. При доставке в стационар фиксируются нарушения

процессуальных норм, включая отсутствие надлежащего оформления направления. Фиктивная госпитализация квалифицируется как превышение должностных полномочий по статье 286 УК РФ, однако пробелы в доказывании умысла снижают эффективность правоприменения. Санкции за неправомерное помещение в стационар недостаточно дифференцированы в гражданском законодательстве, что ограничивает компенсационные механизмы. Отсутствие чётких критериев ответственности медицинских комиссий создаёт предпосылки для повторных нарушений процессуальных гарантий пациентов.

Ключевым медицинско-организационным механизмом предотвращения злоупотреблений является внедрение стандартизированных алгоритмов первичного освидетельствования, включающих обязательную видеофиксацию процедуры и детальные протоколы оценки состояния [8]. Требования к содержанию медицинской документации, предусматривающие фиксацию объективных клинических показателей и их соответствие диагностическим критериям, минимизируют риски формальных оснований для госпитализации.

Процессуальные гарантии защиты включают оперативные процедуры обжалования госпитализации через круглосуточный доступ к адвокату и незамедлительное судебное рассмотрение ходатайств. Санкционные меры за нарушение процессуальных гарантий, такие как дисциплинарная ответственность медицинских работников и исключение доказательств, полученных с нарушениями, создают действенные превентивные механизмы.

Недобровольная госпитализация в психиатрические стационары представляет собой комплексный институт, требующий точного соблюдения баланса между защитой общественных интересов и гарантиями прав пациентов. Как показало исследование, этот баланс достигается через строгую регламентацию Федеральным законом «О психиатрической помощи» и клиническими критериями непосредственной опасности. Синхронизация правовых норм с медицинскими стандартами диагностики остается ключевым условием легитимности принудительных мер, что подтверждается анализом как законодательных основ, так и врачебных практик.

Анализ судебной практики выявил системные проблемы в применении норм о недобровольной госпитализации, включая субъективность оценки медицинских показаний и недостаточную коллегиальность при принятии решений. Нарушения процессуального характера, такие как формальный подход к освидетельствованию или ограничение доступа к независимой экспертизе, подрывают доверие к системе психиатрической помощи. Эти проблемы актуализируют необходимость унификации экспертных подходов и усиления судебного контроля на всех этапах процедуры.

Для минимизации рисков злоупотреблений предложен комплекс мер, включающий обязательный аудит случаев недобровольной госпитализации силами независимых экспертных советов. Расширение практики независимой психиатрической экспертизы и цифровизация процессов через создание федерального реестра позволят повысить прозрачность системы. Указанные механизмы направлены на укрепление гарантий прав пациентов при сохранении эффективности мер общественной защиты [10].

Проведенное исследование вносит вклад в совершенствование правового регулирования психиатрической помощи, предлагая модель сбалансированного учета медицинских и юридических критериев. Разработанные рекомендации по синхронизации законодательства и клинических практик создают основу для повышения качества правоприменения. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на оценке эффективности предложенных механизмов с учетом региональных особенностей реализации психиатрической помощи в Российской Федерации.

Список литературы

1. Абрамов М.И. Пробелы и противоречия законодательства о судебно-психиатрической экспертизе по уголовным делам / М.И. Абрамов // Эпомен. – 2021. – №58. – С. 119–122. EDN CAFJIZ

2. Гуреева О.А. Некоторые вопросы принудительной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях: конституционно-правовой аспект / О.А. Гуреева, Я.К. Чепенко // Вопросы российского и международного права. – 2024. – №3. – С. 53–60. EDN MGDSIJ

3. Колмаков П.А. Есть ли разница между недобровольным и принудительным психиатрическим лечением? / П.А. Колмаков // Человек. Культура. Образование. – 2017. – №3. – С. 133–137. EDN YNFNQJ

4. Ломакина Г.В. Этическая и правовая компетентность врача-психиатра как проблема последипломного образования / Г.В. Ломакина, Н.А. Косенко // International journal of applied and fundamental research. – 2016. – №4. – С. 216–219. EDN VPVZXJ

5. Принуждение и насилие при оказании психиатрической помощи: правовой и этический аспект (результаты межрегионального исследования) / Н.К. Ржевская, В.А. Руженков, Н.Я. Оруджев [и др.] // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. – 2020. – №10. – С. 80–84. DOI 10.33920/med-01-2010-09. EDN BBTNWL

6. Менделевич В.Д. Казус недобровольной госпитализации: вместо пациента госпитализировали сопровождавшую его психически здоровую мать / В.Д. Менделевич, В.В. Руженкова // Клинический разбор в общей медицине. – 2025. – №8. – С. 6–10. DOI 10.47407/kr2025.6.8.00652. EDN HFYUVF

7. Салагай О.О. Исследование правовых позиций европейского суда по правам человека в отношении защиты лиц, страдающих психическими расстройствами / О.О. Салагай // Право и политика. – 2012. – №4. – С. 751–755.

8. Старченко А.А. Контроль диспансерного наблюдения в системе ОМС: решение задачи формирования защиты прав пациента в рамках федерального направления «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» Национального проекта «Здравоохранение» / А.А. Старченко // Менеджер здравоохранения. – 2019. – №6. – С. 65–71. EDN BJFREL

9. Строкина В.Д. Вопросы принудительного медицинского вмешательства / В.Д. Строкина, М.Д. Дроздова // Молодой ученый. – 2025. – №20 (571). – С. 571–573. EDN IGIZZS

10. Руденко В.П. Уголовно-правовые аспекты незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях / В.П. Руденко // Теория и практика общественного развития. – 2025. – №9. – С. 123–130. DOI 10.24158/tipor.2025.9.23. EDN HKOBYF

Жаренкова Татьяна Васильевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

САМОЗАНЯТЫЕ ГРАЖДАНЕ РОССИИ: СМЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ТРУДА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *в статье проводится комплексный социально-правовой анализ режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) в Российской Федерации по состоянию на 2026 год. Исследуется трансформация экспериментального налогового режима в фундаментальный элемент национального рынка труда, охватывающий более 15,2 млн граждан. Основное внимание уделяется междисциплинарным проблемам на стыке трудового и предпринимательского права. Рассматриваются риски «прекаризации» занятости – формирования слоя населения без стабильных социальных гарантий, оплачиваемых отпусков и больничных. Анализируются системные барьеры в банковском секторе (115-ФЗ) и сложности судебной защиты интересов самозанятых. Особое место занимает вопрос «ловушки бедности», создаваемой статичным лимитом дохода в 2,4 млн рублей, который в условиях инфляции стал препятствием для легального масштабирования микробизнеса. Обоснована необходимость институционализации статуса самозанятого, внедрения механизмов обязательного гибкого социального страхования и профессионализации судебных споров.*

Ключевые слова: *самозанятые, налог на профессиональный доход, прекариат, социальная защита, трудовое право, предпринимательство, цифровые платформы.*

Режим самозанятости часто преподносится как символ свободы: «работай из любой точки мира», «будь сам себе начальником». Но к 2026 году стало очевидно, что эта свобода имеет

обратную сторону – полный переход всех рисков на плечи самого гражданина. Если классический работник защищен профсоюзами и государственным надзором, то самозанятый остается один на один с проблемами рынка. Это порождает несколько глубоких противоречий. Во-первых, большая часть самозанятых сегодня – это не свободные художники, а «винтики» огромных цифровых платформ (курьеры, водители, мастера по ремонту, продавцы на маркетплейсах). Платформа не является работодателем, но она диктует цену, штрафует за опоздания и может «отключить» человека от дохода в один клик. Мы видим ситуацию, где вместо живого начальника человеком управляет программа. В научной литературе это называют «новой зависимостью», где прав меньше, чем у рабочего на заводе XIX века, а контроль – тотальнее.

Во-вторых, лимит дохода в 2,4 млн рублей в год не менялся с самого начала эксперимента (2019 г.). С учетом инфляции к 2026 году эта сумма стала серьезным барьером для развития. Но как только самозанятый начинает работать успешно и «расти», система выталкивает его в зону индивидуального предпринимательства, где налоги выше, а отчетность сложнее. Это создает «ловушку бедности»: многим выгоднее оставаться мелкими игроками и скрывать часть доходов, чем переходить на следующий уровень и становиться полноценным бизнесом [7].

Многие эксперты задаются вопросом: является ли НПД долгосрочной стратегией или это просто способ государства «посчитать» всех, кто раньше работал за наличные? К 2026 году данные о каждом чеке самозанятого мгновенно попадают в систему контроля. Человек становится «прозрачным» для государства. Если завтра правила изменятся или налоги вырастут, «вернуться в тень» будет уже практически невозможно, так как цифровой след уже оставлен.

То, что в 2019 году начиналось как локальный налоговый эксперимент в четырех регионах, к 2026 году превратилось в фундамент российского рынка труда. Если в 2024 году мы говорили о 10 миллионах участников, то к середине 2026 года число плательщиков налога на профессиональный доход (НПД) перешагнуло отметку в 15,2 миллиона человек. По данным ФНС России, сегодня самозанятые обеспечивают значительную долю услуг в строительстве, логистике и IT, а их суммарный доход за прошлый год превысил 3 триллиона рублей. Однако стремительный рост обнажил глубокий системный конфликт. Самозанятость создала уникальный для российского права слой граждан, находящихся в своего рода «юридической пограничности».

Основная проблема введения этого режима заключается в его гибридности. Самозанятый – это «человек-оркестр», который в глазах закона застрял между двумя классическими ролями.

1. Не наемный работник – на него не распространяется Трудовой кодекс. У него нет гарантированных выходных, оплачиваемых отпусков и защиты от внезапного увольнения.

2. Не полноценный предприниматель – его возможности ограничены лимитом дохода (2,4 млн рублей в год), запретом на наем штата и специфическим статусом в судах.

К 2026 году государство перешло от политики «мягкого вовлечения» к этапу структуризации. Введение с 1 января 2026 года эксперимента по добровольному социальному страхованию (№456-ФЗ от 15.12.2025) стало первой попыткой дать самозанятым подобие больничных. Это признание того, что «серая зона» больше не может оставаться полностью вне системы социальной защиты.

При этом бизнес продолжает использовать режим как инструмент оптимизации. Компании всё чаще отказываются от классического найма в пользу модели экономики по требованию, где вместо сотрудника покупается конкретная услуга. Это порождает жесткое противодействие со стороны контролирующих органов: ФНС в 2026 году использует нейросети для выявления скрытых трудовых отношений, анализируя регулярность выплат и геолокацию чеков [6].

Таким образом, введение НПД перестало быть просто вопросом налогов. Это масштабная перестройка социальных связей, где личная свобода и низкая ставка (4–6%) вступают в конфликт с потребностью в защищенности и честной конкуренции на рынке.

Одной из самых серьезных междисциплинарных проблем самозанятости является разрыв между трудовым и социальным правом. В классической трудовой модели работодатель выступает «социальным агентом»: он удерживает и перечисляет взносы, обеспечивая сотруднику страховку на случай болезни, рождения ребенка или старости. В режиме НПД эта связь разорвана. Самозанятый платит только за право легально работать, но не за право быть защищенным государством [11].

К 2026 году ситуация с краткосрочной социальной защитой остается неоднозначной. В отличие от штатных сотрудников, самозанятый не застрахован в системе обязательного социального страхования по умолчанию. Если дизайнер на фрилансе ломает руку и не может работать две недели, его доход падает до нуля, а никаких компенсаций от государства он не получает. С 1 января 2026 года в силу вступили поправки, позволяющие самозанятым добровольно платить взносы на случай временной нетрудоспособности. Однако, по данным опросов, более 70% самозанятых считают ежемесячный платеж обременительным. Для женщин-самозанятых это становится критической проблемой. Чтобы получить пособие по беременности и родам, им нужно заблаговременно (минимум за год) вступить в добровольные отношения с Социальным фондом и исправно платить взносы. Многие узнают об этом слишком поздно, оставаясь без значительной части государственной поддержки.

Пенсионный вопрос – это «мина замедленного действия» всей реформы НПД. Налог в 4% или 6% физически не может содержать в себе пенсионные отчисления (для сравнения: обычный работодатель платит в СФР 22% от фонда оплаты труда).

Годы, проведенные в статусе самозанятого, попросту «выпадают» из страхового стажа. Для получения страховой пенсии к 2026 году требуется минимум 15 лет стажа и определенное количество пенсионных коэффициентов (ИПК). Самозанятый, работающий так 10 лет и не платящий взносы, в 60–65 лет обнаружит, что его стаж равен нулю. Закон позволяет самозанятым самостоятельно «покупать» стаж (в 2026 году стоимость одного года стажа составляет фиксированную сумму, привязанную к МРОТ). Но, согласно статистике СФР, добровольные взносы делают менее 5% от общего числа самозанятых. Те, кто не набрал стаж, смогут претендовать только на социальную пенсию.

Социальная пенсия не только значительно ниже страховой по размеру, но и назначается на 5 лет позже установленного пенсионного возраста. Это создает прямую угрозу бедности для миллионов людей в будущем.

Несмотря на законодательное разрешение, работа крупного бизнеса с самозанятыми напоминает ходьбу по минному полю. Основные барьеры лежат не в плоскости желания сторон, а в системных ограничениях банковского и судебного секторов.

Главным «врагом» самозанятого часто становится не налоговая, а автоматизированная система банковского мониторинга. Банки обязаны исполнять Федеральный закон №115-ФЗ (о противодействии отмыванию доходов). Если компания переводит крупную сумму (например, 200–300 тысяч рублей) на счет физического лица, система часто маркирует это как «обналичивание». Алгоритмы банков настроены на поиск подозрительных операций, а самозанятый, получающий нерегулярные крупные платежи, идеально вписывается в профиль нарушителя. В отличие от компаний, у самозанятого нет штата юристов. При блокировке счета ему приходится лично предоставлять «кипу» доказательств: договоры, акты, скриншоты переписки с заказчиком, фотографии результата работы и даже подтверждение закупки материалов. Хотя Центробанк в своих письмах призывает банки не блокировать самозанятых бездумно, на практике «разморозка» счета может занимать недели, что для микробизнеса означает финансовую смерть [4].

Если заказчик не платит по договору, самозанятый сталкивается с процессуальной несправедливостью. Важный момент также заключается в месте разрешения конфликтов. Споры между ИП/компаниями рассматриваются в арбитражных судах, процессы идут быстрее, есть электронный документооборот и судьи специализируются именно на коммерции. Поскольку самозанятый без статуса ИП остается «физическим лицом», большинство споров уходит в суды общей юрисдикции (ст. 22 ГПК РФ). Там его иск попадает в одну очередь с делами о разводах, кражах и спорах о заборах на дачах. Рассмотрение дела может затянуться на 6–10 месяцев против 3–4 в арбитраже. Судьи общей юрисдикции реже сталкиваются со спецификой B2B-контрактов (например, сложной разработкой ПО или маркетинговыми стратегиями), что повышает риск некомпетентного решения [12].

В научной литературе эксперты указывают на незавершенность интеграции самозанятых в экосистему малого и среднего предпринимательства. Согласно Закону №209-ФЗ, самозанятые получили доступ к некоторым мерам поддержки МСП (льготная аренда, участие в

госзакупках). Но крупные фирмы боятся риска переквалификации отношений. Если ФНС решит, что самозанятый – это «замаскированный» сотрудник, компании доначислят налоги за все время работы. Из-за отсутствия четкого «профессионального» статуса (как у ИП), самозанятый воспринимается бизнесом как «нестабильный элемент», от которого проще отказаться в пользу более дорогого, но «безопасного» подрядчика со статусом ИП или ООО.

Понятие «прекариат» (от англ. precarious – рискованный, нестабильный) описывает людей, чья жизнь лишена устойчивости. Академики РАН выделяют самозанятых как одну из самых ярких групп этого сословия.

Прекариат это новый социальный класс, главная черта которого – тотальная нестабильность. Если пролетариат в XX веке имел постоянную работу, профсоюзы и социальные гарантии, то прекариат лишен этого «фундамента». У этих людей нет оплачиваемых отпусков, больничных и пенсионных отчислений со стороны работодателя. Работа по краткосрочным договорам, «нулевым» контрактам или вообще без оформления. Из-за нерегулярных доходов представителям этого класса сложно планировать бюджет и получать кредиты. Человек часто не может ответить на вопрос «кто я по профессии?», так как сегодня он курьер, завтра – копирайтер, а послезавтра – таксист.

Британский экономист Гай Стэндинг, автор термина, делит прекариат на три группы.

1. «Старики» – бывшие рабочие, потерявшие стабильность из-за закрытия заводов.

2. Мигранты – люди без гражданства и прав, готовые на любую подработку.

3. Образованная молодежь – выпускники вузов, которые не могут найти постоянную работу по специальности и вынуждены перебиваться случайными заказами.

В России к прекариату часто относят большинство самозанятых, фрилансеров и сотрудников платформ. Академик РАН Жан Тощенко называет прекариат «социальным громоотводом». С одной стороны, эти люди выручают экономику, быстро подстраиваясь под спрос. С другой – они постоянно находятся в состоянии стресса. Отсутствие уверенности в завтрашнем дне ведет к психологическому выгоранию и социальной апатии. Люди перестают верить в государственные институты, так как чувствуют, что система их не защищает. Стэндинг называет прекариат «опасным классом», потому что его представители склонны к радикальным протестам – им попросту нечего терять, кроме своих временных контрактов.

Главная черта прекария – отсутствие долгосрочной связи с работодателем или государством. В отличие от штатного сотрудника, самозанятый не включен в коллектив, у него нет профессиональной среды, которая защитила бы его интересы. Человек сам себе и юрист, и бухгалтер, и курьер. Тощенко называет это «отчуждением от профессионализма»: человек вынужден тратить 50% времени не на созидание, а на поиск заказов и администрирование своего статуса.

Жан Тощенко справедливо замечает, что самозанятость – это палка о двух концах. С одной стороны – гибкий график, с другой – «размывание» времени. Психологи отмечают, что у самозанятых исчезает деление на «дом» и «работу». Это ведет к состоянию постоянной мобилизации. Выходной воспринимается не как отдых, а как «недополученная прибыль. Отсутствие предсказуемости рождает хроническую тревогу. В 2026 году этот феномен называют «тревогой ожидания»: самозанятый постоянно проверяет уведомления в приложениях (маркетплейсах, агрегаторах), опасаясь пропустить заказ или получить плохой рейтинг. Рейтинг становится новым «начальником», который гораздо беспощаднее живого человека. Академик Тощенко подчеркивает: прекариат – это первая жертва любого экономического спада. В кризис компании первым делом сокращают расходы на внешних подрядчиков. Самозанятые не могут уйти под защиту Трудового кодекса или получить выплаты по сокращению. Они просто «исчезают» из платежных ведомостей бизнеса.

Из-за неуверенности в завтрашнем дне самозанятые переходят на модель сверхэкономного потребления. Они реже берут ипотеку и крупные кредиты, так как не могут гарантировать доход на годы вперед. Люди не вкладываются в свое долгосрочное развитие (обучение, здоровье), предпочитая копить «на черный день». Это тормозит развитие человеческого капитала в стране.

Если рассматривать статус самозанятого не как «удобное приложение в телефоне», а как серьезный социально-экономический инструмент, то к 2026 году обозначились пять ключевых проблем. Они находятся на стыке трудового права и малого бизнеса.

Скрытая трудовая эксплуатация – самая масштабная проблема для государства и самих граждан. Крупный бизнес часто принуждает сотрудников переходить на НПД, чтобы не платить страховые взносы (30%) и не предоставлять социальные гарантии. Человек продолжает ходить в офис к 9:00, подчиняться начальнику и работать на оборудовании фирмы, но юридически он – «независимый подрядчик». При любом конфликте такого «сотрудника» выставляют за дверь без выходного пособия. По данным проверок Роструда и ФНС, ежегодно выявляются тысячи случаев, когда самозанятость используется как инструмент обхода Трудового кодекса.

Самозанятые находятся вне системы обязательного социального страхования. Это создает проблему «отложенного кризиса». В налог (4–6%) не входят пенсионные отчисления. Если самозанятый не платит взносы в Социальный фонд добровольно (а это делают менее 5% от общего числа), его стаж равен нулю. В будущем это приведет к появлению миллионов пожилых людей с минимальной социальной пенсией. К 2026 году запущен эксперимент по добровольному страхованию, но он платный и не покрывает все риски. Больничный лист для большинства самозанятых – просто дни без дохода.

Несмотря на легальный статус, банки до сих пор относятся к самозанятым с подозрением. Поступление крупных сумм от юридических лиц часто расценивается алгоритмами как «обналичивание». Самозанятому приходится доказывать реальность каждой сделки, предоставляя переписки и акты. Даже при высоком доходе самозанятому в 2026 году всё еще сложнее получить ипотеку, чем человеку с официальной справкой 2-НДФЛ. Банки считают такой доход «нестабильным».

Лимит выручки в 2,4 млн рублей в год не менялся с 2019 года. С учетом инфляции последних лет эта сумма стала серьезным барьером. Как только микробизнес начинает расти, он упирается в этот порог. Переход на статус ИП с другими налоговыми режимами пугает сложностью отчетности и кратным ростом налогов. Это провоцирует «дробление» доходов или уход части выручки в тень, чтобы не потерять выгодный статус самозанятого.

Самозанятый без статуса ИП в юридическом смысле остается «просто гражданином», что создает проблемы в обе стороны. Если самозанятый оказал плохую услугу, закон «О защите прав потребителей» (ЗоЗПП) срабатывает не всегда. Суды часто рассматривают это как спор двух физлиц, где нет штрафа 50% за отказ платить и упрощенного доказывания. Если заказчик не платит, самозанятый идет в суд общей юрисдикции, а не в арбитраж. Это дольше, дороже и менее профессионально в вопросах бизнеса.

В социологии (согласно работам академика Ж. Тощенко) это называется прекаризацией – созданием класса людей, лишенных стабильности. Самозанятость дала свободу, но отобрала «фундамент». Главная проблема 2026 года – как сделать этот статус профессиональным, сохранив его простоту, но добавив в него реальную социальную защиту.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 11.03.2024).

2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по добровольному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности для плательщиков налога на профессиональный доход» №456-ФЗ от 15.12.2025.

3. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» №422-ФЗ от 27.11.2018 (ред. от 28.12.2022).

4. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» №115-ФЗ от 07.08.2001 (ред. от 11.03.2024).

5. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» №209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 12.12.2023).

6. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. EDN VRIHNM

7. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22. №1(110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ

8. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – №6. – С. 54–62. EDN NPKRTA
9. Непрерывное образование как условие повышения эффективности контроля (надзора) на транспорте в условиях санкций / А.И. Землин, Е.Г. Багреева, С.В. Карпова, О.М. Землина // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17. №4. – С. 53–63. DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-4-53-63. EDN ZKBTKL
10. Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 290 с.
11. Колоколова Д.А. Недопустимость подмены трудовых отношений гражданско-правовыми / Д.А. Колоколова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – №4(44). – С. 224–227. EDN WVJLCL
12. Колоколова Д.А. Проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере АПК и предложения по совершенствованию ее регулирования в муниципальном районе / Д.А. Колоколова, О.В. Саратова // Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 73-й нац. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов. – Воронеж: Воронежский ГАУ, 2022. – С. 449–456. EDN MTXWTY
13. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. EDN PBDDMP

Жарикова Татьяна Геннадьевна
студентка

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЛЬГОТЫ УЧАСТНИКАМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ИХ СЕМЬЯМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация: *в статье исследуется система социальной поддержки участников специальной военной операции (СВО) и членов их семей как важнейший элемент государственной политики. Основное внимание уделено правовым механизмам реализации социальных гарантий и проблемам правоприменения. Проанализирована нормативно-правовая база: Конституция РФ, Федеральный закон «О статусе военнослужащих», Указ Президента РФ №797, постановления Правительства. Рассмотрены основные направления поддержки – денежные выплаты, налоговые, жилищные и образовательные льготы, медицинская помощь. Выявлены системные проблемы: правовая неопределённость статуса отдельных категорий участников, отсутствие единого стандарта на региональном и муниципальном уровнях, незащищённость фактических супругов, недоработки в трудовой и реабилитационной сферах, низкая информированность граждан. Предложены меры по совершенствованию: унификация стандартов, цифровизация, развитие правовой помощи. Практическая значимость заключается в выработке рекомендаций по повышению эффективности социальной поддержки.*

Ключевые слова: *специальная военная операция, льготы, социальная поддержка, ветераны, семьи военнослужащих, правовое регулирование, социальная защита, государственные гарантии.*

В условиях проведения специальной военной операции значительно возросла роль государства в обеспечении социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Труд военнослужащих, сопряжённый с риском для жизни и многочисленными ограничениями, требует адекватного воздаяния со стороны государства [7, с. 8–14].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности механизмов социальной поддержки участников СВО и членов их семей. Несмотря на значительные шаги государства по расширению перечня социальных гарантий, в практике их реализации сохраняются системные проблемы.

Цель статьи – выявить основные проблемы правового регулирования и правоприменения в данной сфере и предложить пути их решения.

Методологическую основу исследования составили системный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы [8, с. 15–18].

Правовая основа и направления государственной поддержки.

Система льгот и гарантий для участников СВО и их семей формируется на основе Конституции РФ [1], Федерального закона «О статусе военнослужащих» [2], Указа Президента РФ от 3 ноября 2022 г. №797 [3] и иных нормативных актов [4]. Ключевые направления поддержки включают: денежные выплаты и компенсации, налоговые льготы, жилищные гарантии, медицинскую и психологическую помощь, образовательные преференции [5, с. 20–22]. Как отмечает А.И. Землин, эффективность поддержки напрямую зависит от своевременного выявления проблемных аспектов правоприменения [10, с. 5].

Проблемы правового статуса и региональной унификации.

Одна из фундаментальных проблем – неопределённость правового статуса отдельных категорий участников СВО (военные корреспонденты, волонтёры, лица на приграничных территориях). Отсутствие чёткого порядка подтверждения участия приводит к тому, что де-факто участвующие в боевых действиях лица де-юре не всегда признаются участниками СВО и лишаются мер поддержки [14, с. 125]. Как подчёркивает А.И. Землин, это создаёт риски нарушения их социальных прав.

Другая проблема – отсутствие единого стандарта мер поддержки на региональном и муниципальном уровнях. Объём получаемых льгот зависит от места проживания, что порождает социальное неравенство [15]. Необходима выработка обязательных минимальных стандартов на федеральном уровне.

Проблемы защиты семей и трудовых отношений.

Остро стоит вопрос защиты прав членов семей, не состоящих в зарегистрированном браке. По данным Совета Федерации, около 10% детей участников СВО остаются без господдержки из-за отсутствия официального брака. Законопроект о «фактически брачных отношениях» находится на рассмотрении, но его принятие затягивается. А.И. Землин отмечает, что отсутствие правового механизма признания фактических брачных отношений – это не только социальная, но и нравственная проблема.

В сфере трудовых отношений выявлены недостатки: отсутствие законодательно закреплённых оснований для отказа в возобновлении трудового договора при медицинских противопоказаниях, незащищённость супругов участников СВО от увольнения [14, с. 127].

Организационные проблемы реабилитации и информирования.

Практика организации реабилитации и санаторно-курортного лечения сталкивается с трудностями – дефицит центров в регионах, сложности с приобретением субсидированных билетов. Кроме того, сохраняется недостаточная информированность участников СВО и их семей о полагающихся мерах, а также бюрократические барьеры при оформлении документов [10, с. 12]. Важную роль в решении этих проблем играет государственный фонд «Защитники Отечества» и деятельность социальных координаторов [5, с. 30–35], а также научно-методические разработки под руководством профессора А.И. Землина [10].

Для решения выявленных проблем необходим комплексный подход:

− внесение изменений в законодательство для чёткого определения

− статуса всех категорий участников СВО;

− принятие единых минимальных стандартов социальной поддержки, обязательных для всех регионов и муниципалитетов;

− ускорение принятия законопроекта о фактических брачных отношениях;

− совершенствование трудового законодательства в части гарантий для мобилизованных и контрактников;

− развитие сети реабилитационных центров и упрощение механизма компенсации проезда;

− расширение системы информирования и правовой помощи.

Проведённый анализ показал, что система социальной поддержки участников СВО и их семей, несмотря на концептуальную обоснованность, на практике реализует свой потенциал не в полной мере. Основные проблемы – правовая неопределённость статуса, отсутствие единых стандартов, незащищённость фактических супругов, недоработки в трудовой и реабилитационной сферах, а также низкая информированность граждан.

Решение этих проблем требует системного подхода: совершенствования законодательства, внедрения единых стандартов, цифровизации процессов и развития правовой помощи. Только такая комплексная мера позволит превратить систему социальной поддержки в эффективный инструмент, обеспечивающий социальную справедливость и укрепляющий доверие граждан к государству.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №31. – Ст. 4398.

2. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» №76-ФЗ от 27.05.1998 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №22. – Ст. 2331.

3. Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению социальной поддержки военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей» №797 от 03.11.2022.

4. Постановление Правительства РФ «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания» №640 от 26.06.2015.

5. Социальные гарантии участникам специальной военной операции: учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. – М.: Красная звезда, 2024. – 240 с.

6. Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России / А.И. Землин // Военное право. – 2022. – №5(75). – С. 8–14. EDN ZNMXLD

7. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с.

8. Рекомендации по организации правовой поддержки участников СВО и членов их семей при получении денежных выплат: учеб.-метод. пособие / А.И. Землин, Р.А. Закиров, О.М. Землина [и др.]; под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024. – 80 с. EDN IAYETP

9. Кузьменко А.В. Социальная поддержка участников специальной военной операции и членов их семей: некоторые проблемы правоприменения / А.В. Кузьменко, М.В. Филиппова // Ежегодник трудового права. – 2025. – Т. 15. – С. 332–353. DOI 10.21638/spbu32.2025.123. EDN DGRGBX

10. Меры поддержки бойцов СВО и их семей хотят прописать единый стандарт // Парламентская газета. – 2025. – URL: https://www.pnp.ru (дата обращения: 03.08.2026).

11. Землин А.И. Правовая поддержка в процессе ресоциализации участников СВО и членов их семей: учеб. пособие / под ред. А.И. Землина. – М.: КНОРУС, 2024. – 250 с.

12. Рекомендации по организации правовой поддержки военнослужащих – участников СВО и членов их семей при обеспечении жильём: учеб.-метод. пособие / А.И. Землин, Р.А. Закиров, О.М. Землина [и др.]; под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024. – 120 с. EDN IAYETP

13. В СФ изучат региональные практики по реабилитации и трудоустройству бойцов СВО // СенатИнформ. – 2026. – URL: https://senatinform.ru (дата обращения: 03.08.2026).

14. Рекомендации по организации правовой поддержки участников СВО и членов их семей как получателей социальных услуг, а также в сфере труда и занятости: учеб.-метод. пособие / А.И. Землин, Р.А. Закиров, О.М. Землина [и др.]; под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024. – 169 с. EDN IAYETP

15. Рекомендации по организации и оказанию правовой помощи участникам СВО в учреждениях здравоохранения: учеб.-метод. пособие / А.И. Землин, Р.А. Закиров, О.М. Землина [и др.]; под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2024. – 85 с. EDN KMXCIQ

Жилкин Никита Михайлович
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ (ВКЛЮЧАЯ ДИСТАНЦИОННОЕ УЧАСТИЕ)

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу правового регулирования нотариального удостоверения решений органов управления юридических лиц в условиях стремительной цифровизации корпоративных процедур.*

Актуальность исследования обусловлена масштабным переходом бизнеса на электронные формы взаимодействия, что порождает новые вызовы для нотариальной практики и требует переосмысления традиционных подходов к удостоверению корпоративных решений.

Исследование основано на системном анализе действующего законодательства, включая ключевые новеллы 2024–2025 годов, доктринальных подходов отечественных цивилистов и складывающейся судебной и нотариальной практики.

С применением формально-юридического и сравнительно-правового методов выявлен существенный пробел в правовом регулировании, выражающийся в отсутствии чёткой регламентации порядка удостоверения решений, принимаемых в смешанной форме (заседание с дистанционным участием и заочное голосование), а также в неопределённости статуса электронных документов, формируемых на цифровых платформах.

Обоснована необходимость законодательного закрепления механизмов интеграции нотариального удостоверения с электронными платформами голосования, включая разработку единого порядка идентификации участников корпоративных отношений с использованием усиленных квалифицированных электронных подписей и биометрических данных.

Сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и Гражданский кодекс Российской Федерации, направленные на устранение существующей правовой неопределённости, повышение гарантий достоверности корпоративных решений и развитие института электронного нотариата. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности, правоприменительной практике нотариусов, а также в учебном процессе при преподавании корпоративного и нотариального права.

Ключевые слова: *нотариальное удостоверение, решение органа управления, электронное голосование, дистанционное участие, корпоративное управление, подтверждение решений, электронная форма.*

Современное состояние правового регулирования нотариального удостоверения корпоративных решений в условиях цифровизации

Активная цифровизация корпоративных отношений, ускоренная в постпандемийный период, привела к широкому распространению дистанционных форм участия в заседаниях органов управления юридических лиц. Федеральный закон от 8 августа 2024 года №287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные

законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ №287) внёс существенные изменения в законодательство о хозяйственных обществах, в том числе связанные с возможностью удалённого участия в заседаниях органов управления и удостоверения их решений [3; 4].

С 1 марта 2025 года на законодательном уровне зафиксирован порядок работы совета директоров и общего собрания участников Общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), которые теперь вправе принимать решения как на заседаниях (в том числе с дистанционным участием), так и путём заочного голосования [2]. Кроме того, законом введены правила идентификации дистанционных участников: с 1 сентября 2027 года идентификация будет осуществляться с помощью квалифицированной электронной подписи, при этом уставом или внутренним документом допускается использование неквалифицированной ЭП или авторизация через портал «Госуслуги» [6].

Параллельно с 1 сентября 2024 года вступили в силу изменения в статью 103.10 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, значительно расширившие полномочия нотариуса при удостоверении решений органов юридических лиц [5]. В частности, нотариус теперь вправе устанавливать личность участников, принимающих дистанционное участие, путём проверки принадлежащей им усиленной квалифицированной электронной подписи. Одновременно установлено, что нотариус для удостоверения факта принятия решения проверяет правоспособность юридического лица, определяет компетенцию органа в части принятия решения, наличие кворума и на основании подсчёта голосов – наличие необходимого количества голосов для принятия решения в соответствии с законодательством и учредительными документами.

Однако, несмотря на декларируемую законодателем гибкость, на стыке двух реформируемых институтов – корпоративного и нотариального – возникает серьёзная коллизия, существенно затрудняющая правоприменение.

Проблемы правоприменения на стыке корпоративного и нотариального законодательства.

Статья 67.1 ГК РФ содержит императивное требование: принятие общим собранием участников ООО решения на заседании и состав участников, присутствовавших при его принятии, удостоверяются нотариусом, если иной (альтернативный) способ не предусмотрен уставом или единогласным решением участников [1].

При этом Федеральный закон от 8 февраля 1998 года №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО) с 1 марта 2025 года разрешил проведение заседаний, совмещаемых с заочным голосованием, а также полностью заочное голосование [2].

Однако законодателем чётко не регламентирована процедура удостоверения нотариусом факта принятия решения органом юридического лица на заседании, совмещаемом с заочным голосованием. Неясно, в какой момент нотариус должен фиксировать волеизъявление участников: в ходе «очной» части или по итогам всего смешанного процесса. Отсутствие алгоритма удостоверения таких решений создаёт риск признания их недействительными из-за несоблюдения нотариальной формы.

Хотя часть 7 статьи 103.10 ФЗ «О нотариате» позволяет нотариусу устанавливать личность дистанционного участника путём проверки его усиленной квалифицированной электронной подписи, механизм реализации этой нормы на практике отсутствует [5].

Нотариус, физически находясь в помещении нотариальной конторы (или выезжая на место проведения собрания), не имеет технического доступа к проверке электронной подписи в режиме реального времени в ходе заседания. Более того, у нотариуса нет инструментов для фиксации того, что именно тот участник, чья подпись проверена, действительно голосовал предложенным образом, а не передал управление своей учётной записью третьему лицу.

В Методических рекомендациях Федеральной нотариальной палаты от 28 июля 2025 года, регулирующих удостоверение решений органов юридических лиц, вопрос технической интеграции нотариуса с платформами электронного голосования также остаётся не проработанным [9].

Отдельного внимания заслуживает судебная практика.

Так, Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утверждён Президиумом 25 декабря 2019 года) разъяснил, что решения общего собрания, удостоверенные с нарушением требований статьи 67.1 ГК РФ, могут быть признаны ничтожными [8].

Впоследствии суды пришли к выводу о невозможности применения альтернативного порядка подтверждения решений без принятия нотариально удостоверенного решения, одобряющего применение данного порядка, и, следовательно, о ничтожности решения, принятого с нарушением процедуры удостоверения. В ряде дел суды удовлетворяли требования о признании недействительными решений общих собраний участников ООО именно по причине отсутствия надлежащего нотариального удостоверения, когда участники не могли доказать факт принятия собранием оспариваемого решения в установленной законом форме [7].

Пути совершенствования законодательства и предложения по устранению правовых коллизий.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства.

Во-первых, целесообразно дополнить Гражданский кодекс РФ статьёй 67.1–1 «Особенности удостоверения решений, принятых с использованием электронных и дистанционных технологий», в которой закрепить:

обязанность общества при проведении заседания в смешанной форме обеспечить техническую интеграцию платформы электронного голосования с Единой информационной системой нотариата;

право нотариуса запрашивать в режиме реального времени данные о ходе голосования дистанционных участников;

правило о том, что решение считается принятым в надлежащей нотариальной форме, если нотариус зафиксировал итоговый протокол, сформированный интегрированной системой.

Во-вторых, Федеральной нотариальной палате целесообразно разработать и утвердить типовой технический регламент взаимодействия нотариуса с корпоративными информационными системами при удостоверении решений, принятых с дистанционным участием. Это снизит правовую неопределённость и минимизирует риски признания корпоративных решений недействительными из-за процедурных нарушений.

Предлагаемые меры позволят устранить указанные коллизии, обеспечить баланс между цифровизацией корпоративного управления и необходимостью гарантированной защиты прав участников юридических лиц, а также повысить доверие к нотариату как к институту, подтверждающему законность решений органов управления в условиях повсеместного перехода на электронный документооборот.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №7. – Ст. 785.

3. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №1. – Ст. 1.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 №287-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – №33, ч. I. – Ст. 4918.

5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 №4462-1 (ред. от 2024 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – №10. – Ст. 357.

6. Об электронной подписи и об электронных документах: Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – №15. – Ст. 2036.

7. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.05.2014 №28 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – №6.

8. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – №5.
9. Методические рекомендации по совершению нотариальных действий при удостоверении решений органов юридических лиц: утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 28.07.2025 // Нотариальный вестник. – 2025. – №8.
10. Гонгало Б.М. Корпоративные отношения: актуальные проблемы правового регулирования / Б.М. Гонгало, А.В. Габов. – М.: Статут, 2022. – 416 с.
11. Крашенинников Е.А. Нотариальное удостоверение факта принятия решения органом юридического лица: проблемы и перспективы / Е. А. Крашенинников // Журнал российского права. – 2023. – №11. – С. 78–89. – EDN YZKMTB.
12. Суханов Е.А. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 512 с.

Жильцов Макар Геннадьевич
студент

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: МЕЖДУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ И ОРГАНОМ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ)

Аннотация: *исследование направлено на установление правовой природы саморегулируемых организаций (СРО), функционирующих в строительной сфере. Анализ нормативных актов позволяет заключить, что СРО регистрируются как некоммерческие корпорации, однако объём делегированных им полномочий существенно превышает стандартный набор прав обычного юридического лица: они устанавливают обязательные стандарты деятельности, наделены контрольно-надзорными полномочиями в отношении своих членов и вправе применять дисциплинарные санкции вплоть до исключения. Признаётся публично-частный характер СРО, поскольку строительная отрасль связана с безопасностью объектов капитального строительства и жизнью граждан. Градостроительный кодекс РФ детально регламентирует деятельность СРО: количественные требования выше, предусмотрены специальные правила о компенсационном фонде и территориальные ограничения. СРО в строительстве рассматриваются как некоммерческие организации особого рода, сочетающие частноправовую форму с публичным содержанием деятельности. Государство, делегируя властные полномочия, сохраняет механизмы надзора (проверки, предписания). СРО выступают проводниками государственной политики.*

Ключевые слова: *саморегулируемая организация, публично-правовая функция, делегирование полномочий, строительная отрасль, государственный контроль, корпоративные стандарты, компенсационный фонд.*

1. Теоретические основы определения правовой природы СРО в строительстве.

Правовая природа саморегулируемых организаций (далее – СРО) в строительной сфере вызывает устойчивые дискуссии в доктрине. Легальное определение, содержащееся в ст. 2 Федерального закона №315-ФЗ [1, с. 7], фиксирует самостоятельный и инициативный

характер деятельности таких объединений. Дефиниция, закрепленная в законе, не раскрывает публично-правового компонента статуса СРО. Возникает закономерный вопрос о месте СРО в системе юридических лиц. Ответ на него предопределяет объем и содержание делегируемых полномочий.

Строительная отрасль до 2010 г. находилась под жестким контролем государства через механизм лицензирования. М.Д. Молчанов справедливо указывает, что переход к саморегулированию стал «реакцией на избыточную бюрократизацию разрешительных процедур» [1, с. 7]. Лицензирование требовало значительных административных ресурсов. При этом качество строительных работ оставалось неудовлетворительным. Законодатель избрал альтернативную, гибкую модель, передав часть контрольных функций профессиональным объединениям.

Градостроительный кодекс РФ [1, с. 7] устанавливает детальное регулирование деятельности СРО (Глава 6.1 ГрК РФ), что говорит о повышенной значимости саморегулирования в сфере строительства (ввиду возможного влияния качества работ на безопасность), поскольку ошибки при производстве строительных работ могут привести к негативным последствиям для жизни и здоровья граждан. Количественные критерии создания СРО в строительстве существенно выше, чем в иных отраслях. Требуется объединение не менее 100 индивидуальных предпринимателей или юридических лиц. Кроме того, законодатель ввел территориальное ограничение. Строительная СРО не может иметь обособленных подразделений за пределами субъекта РФ, где она зарегистрирована. Исключение сделано только для изыскательских и проектных организаций.

2. Публично-властные функции СРО: нормотворчество, контроль и юрисдикция.

Компенсационный фонд выступает ключевым элементом имущественной основы деятельности СРО. Федеральный закон №315-ФЗ требует формирования такого фонда исключительно в денежной форме. Взносы членов организации аккумулируются для покрытия возможных убытков третьих лиц. Т.Х. Аблязов рассматривает компенсационный фонд как инструмент дополнительной ответственности профессионалов в сфере строительства перед потребителями [1, с. 7]. Данный механизм заменяет обязательное страхование ответственности. Эффективность такого подхода остается предметом научных дискуссий.

Делегирование публично-властных функций СРО имеет объективные экономические причины. В.В. Мирончуковская, К.П. Иншакова аргументируют эту позицию необходимостью снижения нагрузки на федеральный бюджет [1, с. 7]. Создание новых государственных органов для контроля строительной отрасли потребовало бы значительных расходов. Расширение полномочий существующих структур породило бы дублирование функций. Передача контроля негосударственным организациям оказалась компромиссным решением законодателя, призванным установить регулирование (в том числе в части контрольных функций) на основе СРО.

Регулирующая функция СРО проявляется в установлении стандартов деятельности. Т.В. Солдатова анализирует нормотворческие полномочия таких объединений и приходит к выводу об их значительном объеме [2, с. 7]. Стандарты СРО обязательны для всех членов организации. Государство не участвует в утверждении этих документов. Контроль за их содержанием осуществляется через механизмы надзора. Такая модель порождает риск злоупотреблений со стороны доминирующих участников рынка.

Контрольная функция реализуется через проведение проверок деятельности членов СРО. А.А. Матвеева, А.В. Никитин выделяют два уровня такого контроля: внутренний и внешний (государственный) [3, с. 7]. Внутренний контроль осуществляется самой СРО. Его предметом выступает соблюдение стандартов и правил профессиональной деятельности. Внешний контроль проводится уполномоченными органами исполнительной власти. Основанием для внеплановой проверки могут служить жалобы граждан и юридических лиц.

Юрисдикционная функция СРО вызывает наибольшее количество критических замечаний. Организация вправе рассматривать обращения на действия своих членов. По результатам такого рассмотрения применяются меры дисциплинарного воздействия. В.В. Фрибус

обращает внимание, что перечень возможных санкций не является исчерпывающим [4, с. 7]. СРО может лишить нарушителя членства. Это лишает его права осуществлять профессиональную деятельность в легальном поле. Подобные полномочия традиционно относились к прерогативе государства.

Представительная функция СРО позволяет наладить диалог между публичной властью и профессиональным сообществом.

3. Частноправовые начала и имущественная основа деятельности СРО.

Двойственность правового статуса СРО проявляется в механизмах ответственности. С одной стороны, организация отвечает по своим обязательствам как некоммерческое юридическое лицо. С другой стороны, законодательство предусматривает специальные основания для административного принуждения. Л.Б. Ситдикова, П.С. Соловьева [2, с. 7] указывают на статью 19.5 КоАП РФ, устанавливающую ответственность за невыполнение предписаний надзорных органов. Штрафные санкции могут применяться как к самой СРО, так и к ее должностным лицам. При этом гражданско-правовая ответственность СРО перед ее членами практически не разработана.

4. Государственный надзор как гарантия публичных интересов и зарубежный опыт.

Государственный надзор за деятельностью СРО осуществляется по правилам Федерального закона №294-ФЗ. А.А. Матвеева, А.В. Никитин выделяют пять элементов этого механизма:

− определяются субъекты контроля – уполномоченные федеральные органы;
− устанавливается предмет проверок – соблюдение требований закона о СРО;
− закрепляется процедура выдачи предписаний;
− осуществляется мониторинг информации, размещаемой на сайте организации;
− готовятся ежегодные доклады о состоянии надзора [3, с. 7].

Срок устранения нарушений, выявленных в ходе проверки, не может превышать 60 дней. По мотивированному обращению СРО этот период продлевается однократно. А.Р. Никифорова, А.С. Семенов полагают, что такой подход «недостаточно стимулирует организации к оперативному реагированию» [1, с. 7]. Злоупотребление правом на продление становится обычной практикой. Исключения возможны только при объективной невозможности быстрого устранения нарушений.

Не все участники строительного рынка обязаны состоять в СРО. Исключения составляют государственные и муниципальные унитарные предприятия, организации с объемом обязательств до 10 млн руб., юридические лица с долей публично-правовых образований более 50%. Индивидуальные предприниматели, строящие объекты индивидуального жилищного строительства, также освобождены от членства в СРО. Такие изъятия создают неравные конкурентные условия. Крупные компании несут дополнительные расходы на взносы и стандартизацию.

Сравнительный анализ зарубежных моделей саморегулирования показывает разнообразие подходов. Д.А. Фельдшеров, Т.А. Бардакова отмечают, что в странах континентальной Европы преобладает публично-правовая модель [1, с. 7]. СРО там рассматриваются как часть административной системы. В англо-саксонской традиции доминирует частноправовая концепция. Государство минимально вмешивается в деятельность профессиональных ассоциаций. Российская модель занимает промежуточное положение. Она сочетает элементы обоих подходов.

5. Выводы и рекомендации по совершенствованию правового статуса СРО.

Проведенное исследование позволяет рассматривать СРО в сфере строительства как некоммерческие организации особого рода. Данный вывод основывается на анализе полномочий, задач и функций. СРО принимают общеобязательные (для членов СРО) правила. Они осуществляют контроль и применяют санкции. Эти признаки сближают их с органами публичной власти. В то же время, имущественная обособленность и добровольность вхождения (за некоторыми исключениями) указывают на частноправовую природу.

Проведенное исследование позволило сформулировать рекомендации, направленные на уточнение статуса СРО:

− необходимо утвердить закрытый перечень публичных функций, передаваемых СРО. Каждая такая функция должна корреспондировать с конкретным механизмом государственного контроля;

− следует установить судебный порядок обжалования нормативных актов СРО;

− требуется ввести обязательную антикоррупционную экспертизу стандартов СРО.

Перспективы развития института саморегулирования в строительстве связаны с цифровизацией. Аистов А.Г. полагает, что внедрение распределенных реестров повысит прозрачность контроля [2, с. 7]. Электронный документооборот между СРО и надзорными органами сократит административные издержки. Однако технические решения не отменяют фундаментальной проблемы правовой природы. Пока сохраняется двойственность статуса, сохранятся и риски злоупотреблений.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов относительно правовой природы саморегулируемых организаций в строительной отрасли. СРО представляют собой особый механизм публично-правового регулирования. Данный механизм замещает традиционный государственный контроль в определенных законодательством сферах. В строительстве такая замена произошла в 2010 г., когда лицензирование уступило место саморегулированию. Переход был обусловлен избыточной бюрократизацией разрешительных процедур. Государство стремилось снизить нагрузку на органы власти, одновременно ставилась задача повысить гибкость регулирования. Участники рынка получили возможность участвовать в разработке обязательных требований. Приоритетом СРО выступает обеспечение качества строительных работ. Не менее значимыми целями являются безопасность объектов и соблюдение профессиональных стандартов. Закон прямо закрепляет предупреждение причинения вреда жизни или здоровью граждан. Повышение качества выполнения инженерных изысканий и проектирования также названо в числе приоритетов. Можно заключить, что СРО в сфере строительства служат инструментом реализации публичных задач. Компенсационный фонд призван покрывать возможные убытки третьих лиц. Это имущественное обеспечение ответственности перед потребителями.

Саморегулируемые организации выполняют публичные функции, делегированные государством. К числу таких функций относятся нормотворчество и контроль. Регулирующая функция выражается в принятии стандартов и правил профессиональной деятельности. Контрольная функция реализуется через проверки членов СРО. Юрисдикционная функция позволяет применять дисциплинарные взыскания. Представительная функция обеспечивает коммуникацию с органами власти. Все перечисленные функции ранее осуществлялись исключительно государственными структурами. При этом объем передаваемых полномочий не означает полной самостоятельности СРО. Государство сохраняет механизмы надзора за деятельностью саморегулируемых организаций. Уполномоченные органы исполнительной власти проводят плановые и внеплановые проверки, в случае выявления нарушений выдается предписание об их устранении. СРО подотчетны государству по результатам своей деятельности. Ежегодные доклады о состоянии надзора публикуются в открытом доступе. Такая конструкция исключает произвол со стороны профессиональных объединений, государственные интересы сохраняют приоритет.

Формальное отнесение СРО к некоммерческим организациям фактически не отражает содержательный характер деятельности (ее двойственный характер). Промежуточный характер порождает теоретические и практические проблемы. До сих пор не выработана единая концепция правовой природы СРО. Законодательство не предлагает специальной организационно-правовой формы для таких организаций. На практике это ведет к судебным спорам о пределах компетенции СРО, возникают вопросы об обжаловании нормативных актов,

принятых СРО, остается неясным порядок привлечения СРО к гражданско-правовой ответственности. Требуется дальнейшее совершенствование нормативной базы.

Список литературы

1. Аблязов Т.Х. Систематизация научных подходов исследования саморегулирования в строительстве / Т.Х. Аблязов // Экономика и предпринимательство. – 2024. – №12(173). – С. 730–738. DOI 10.34925/EIP.2024.173.12.129. EDN XTHZGI

2. Аистов А.Г. Саморегулирование: сущность и соотношение с государственным регулированием / А.Г. Аистов // Пролог: журнал о праве. – 2024. – №3(43). – С. 17–23. DOI 10.21639/2313-6715.2024.3.2. EDN SQPCGX

3. Федеральный закон «Градостроительный кодекс Российской Федерации» №190-ФЗ от 29.12.2004 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №1 (ч. 1). – Ст. 16.

4. Матвеева А.А. Механизм государственного контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций / А.А. Матвеева, А.В. Никитин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №4. – С. 226–230.

5. Мирончуковская В.В. Вопросы наделения саморегулируемых организаций публично-властными функциями: проблемы и пути совершенствования / В.В. Мирончуковская, К.П. Иншакова // Вопросы государства и права. – 2024. – №1(4). – С. 29–37. DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-29-37. EDN XABKLH

6. Молчанов М.Д. Правовой статус саморегулируемых организаций в сфере строительства в России и за рубежом / М.Д. Молчанов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – №29. – С. 234–253. EDN AFAWSA

7. Никифорова А.Р. Проблемы и перспективы развития саморегулируемых организаций в строительстве / А.Р. Никифорова, А.С. Семенов // Дни науки студентов ИАСЭ – 2025: материалы научно-практической конференции. – Владимир: Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2025. – С. 320–325. EDN TBIMQA

8. Ситдикова Л.Б. Институт саморегулирования в строительной отрасли: правовые проблемы и возможные пути обеспечения приоритетного развития саморегулируемых организаций / Л.Б. Ситдикова, П.С. Соловьева // Правовые вопросы недвижимости. – 2024. – №1. – С. 20–23. EDN TRCOGR

9. Солдатова Т.В. Нормотворчество как основная функция саморегулируемых организаций в сфере строительства: анализ и перспективы развития / Т.В. Солдатова // Закон и право. – 2024. – №2. – С. 177–181. DOI 10.24412/2073-3313-2024-2-177-181. EDN LHEVIB

10. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» №315-ФЗ от 01.12.2007 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – №49. – Ст. 6076.

11. Фельдшеров Д.А. Роль саморегулированных организаций (СРО) в обеспечении безопасности и качества строительных работ / Д.А. Фельдшеров, Т.А. Бардакова // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов XXX Международной научно-практической конференции. – М.: Центр развития образования и науки, 2024. – С. 39–42. EDN KOTRHR

12. Фрибус В.В. К вопросу о правоспособности саморегулируемых организаций / В.В. Фрибус // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №4(232). – С. 345–347.

Жмуркина Анастасия Дмитриевна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАДАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ

Аннотация: *в статье исследуется государственное задание как инструмент управления бюджетными расходами в условиях реформирования бюджетного сектора. Основное внимание уделено его роли в обеспечении прозрачности распределения средств и ориентации учреждений на достижение конкретных результатов.*

Проанализирована нормативно-правовая база формирования и исполнения государственного задания (Бюджетный кодекс РФ, постановления Правительства, ведомственные акты). Изучены три метода расчета нормативных затрат (нормативный, структурный, экспертный) и проведена их сравнительная характеристика применительно к образованию, здравоохранению и культуре с учетом отраслевой специфики.

Выявлены основные недостатки действующей практики. Применение усредненных нормативов нередко приводит к дисбалансу: одни учреждения испытывают дефицит средств, другие располагают избыточными ресурсами. Система показателей результативности преимущественно ориентирована на количественные индикаторы и не всегда отражает реальное качество услуг. Кроме того, отсутствие связи между результатами работы и объемом последующего финансирования снижает мотивацию учреждений к повышению эффективности.

Предложены меры по совершенствованию механизма государственного задания: дифференциация нормативов с учетом территориальных и инфраструктурных особенностей; включение в систему оценки качественных и клиентских метрик (в т. ч. данных опросов и статистики обращений); внедрение цифровых инструментов мониторинга; формирование стимулов к рациональному использованию ресурсов при сохранении качества услуг. Практическая значимость мер заключается в повышении обоснованности распределения бюджетных средств и улучшении качества государственных услуг. Реализация предложенных подходов способна оказать существенное влияние на результативность работы учреждений и укрепить доверие граждан к системе государственного обслуживания.

Ключевые слова: *государственное задание, бюджетное учреждение, нормативные затраты, бюджетирование, ориентированное на результат, субсидия, оценка эффективности.*

Итогом бюджетной реформы после принятия Федерального закона от 8 мая 2010 г. №83-ФЗ стал переход бюджетных учреждений со сметного финансирования на субсидии под государственное задание. Вместо финансирования содержания учреждений средства стали выделять за конкретные результаты – оказанные услуги и выполненные работы.

Сегодня государственное задание выступает связующим звеном между объемом бюджетных ассигнований и ожидаемыми результатами деятельности учреждений. Его задача не просто фиксировать плановые показатели, а создавать реальные стимулы для грамотного расходования средств и роста качества услуг.

Актуальность работы обусловлена необходимостью повышения эффективности управления бюджетными средствами в рамках механизма государственного задания. Несмотря на то, что проведенная реформа направлена на результативность и прозрачность расходования финансов, на практике сохраняется ряд проблем.

Цель этой статьи – проанализировать, как сегодня устроен механизм формирования государственного задания, какие «узкие места» мешают ему работать на полную мощность и какие изменения способны сделать его по-настоящему эффективным инструментом управления расходами.

Теоретико-методологические основы исследования государственного задания.

Методологическая основа исследования включает системный, статистический, экономический, правовой, сравнительно-правовой, логический, диалектический и формально-юридический методы, позволяющие комплексно изучить механизм формирования государственного задания и его роль в повышении эффективности бюджетных расходов.

В рамках работы был проведен анализ нормативно-правовой базы, регламентирующий порядок формирования и исполнения государственного задания, включения основные положения Бюджетный кодекс Российской Федерации[1], Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2], приказ Минфина России от 31 августа 2018 г. №186н «О Требованиях к составлению и утверждению плана финансово-хозяйственной деятельности государственного (муниципального) учреждения» [3], приказ Минфина России от 21 июля 2011 г. №86н «Об утверждении порядка предоставления информации государственным (муниципальным) учреждением, её размещения на официальном сайте в сети Интернет и ведения указанного сайта» [4], Постановление Правительства РФ от 26 июня 2015 №640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания» [5].

Согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации: «государственное (муниципальное) задание – документ, устанавливающий требования к составу, качеству и (или) объему (содержанию), условиям, порядку и результатам оказания государственных (муниципальных) услуг (выполнения работ)». Его формирует учредитель для каждого подведомственного учреждения, опираясь на утвержденный ведомственный перечень услуг. При этом учреждение не вправе отказаться от задания, так как оно становится обязательной основой его работы.

Финансовое обеспечение государственного задания.

Финансовое обеспечение задания происходит за счет субсидий из соответствующего бюджета. Их объем рассчитывают на базе нормативных затрат на оказание услуг или выполнение работ. Данный порядок закреплен в постановлении Правительства РФ от 26 июня 2015 г. №640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания».

В основе расчета лежит детализация расходов по группам затрат, что теоретически должно обеспечивать прозрачность и обоснованность сумм.

Финансовый контроль – не формальность, а инструмент обеспечения целевого и эффективного использования бюджетных средств. Для его результативности необходимы четкое определение сущности, выстроенная классификация и отлаженные организационные механизмы. Без этого контрольные процедуры остаются фрагментарными и не дают системного эффекта [8, с. 174].

Проблема особенно остро проявляется в рамках механизма государственного задания, если система ответственности фактически не работает. У учреждений объективно снижается мотивация неукоснительно соблюдать установленные параметры задания. Как следствие, возрастают риски как нецелевого, так и неэффективного использования бюджетных ресурсов.

Действующие методики оценки нередко строятся на упрощенных подходах, а критерии результативности оказываются недостаточно четкими. Такая конструкция системы контроля позволяет маскировать реальные отклонения [6 с. 592].

Формальное выполнение отдельных показателей создает видимость эффективности, скрывая реальные проблемы, из-за чего контроль утрачивает действенность и прозрачность.

Государственное задание изначально задумывалось как инструмент увязки финансирования с результатами: деньги должны выделяться за услуги, а не на содержание учреждений.

Одна из ключевых проблем – отрыв государственного задания от реальных потребностей: проекты подгоняют под утвержденные лимиты, а не под объективную потребность в услугах. Планово-экономический отдел берет расходы прошлых лет, корректирует на инфляцию и рассчитывает нормативы. Учредитель согласовывает их, поскольку они вписываются в лимиты.

В итоге отправной точкой становится не научно обоснованная потребность в услугах и не технологические нормы, а исторически сложившийся объем финансирования [12, с. 194].

Для преодоления этой проблемы необходимо отказаться от «исторического» метода расчета и перейти к формированию нормативных затрат на базе объективных натуральных норм. В качестве базы для расчетов должны использоваться:

– межгосударственные и национальные стандарты;

– строительные нормы и правила;

– санитарные и иные обязательные нормы;

– отраслевые регламенты выполнения работ и оказания услуг.

Такой подход обеспечит прозрачность и сопоставимость расчетов, а также позволит увязать объемы финансирования с реальными потребностями в услугах.

Еще одна проблема – несовершенство оценки выполнения задания. Сопоставление плановых и фактических показателей, особенно с использованием усредненных метрик, искажает реальность: перевыполнение по одному параметру маскирует провалы по другим, создавая иллюзию успеха и скрывая проблемные зоны.

В связи с этим целесообразно внедрить дифференцированную систему оценки, включающую несколько взаимосвязанных направлений:

– оценка выполнения плановых объемов оказания услуг;

– оценка качества оказания услуг (включая удовлетворенность потребителей, соответствие стандартам);

– оценка результативности: достижения конечных социально значимых эффектов;

– оценка полноты использования бюджетных средств;

– оценка экономической эффективности: соотношения затраченных ресурсов и полученных результатов.

Особую роль в финансовом контроле выполняют методы планирования бюджетных расходов. Именно они позволяют обеспечить достоверность данных и объективность оценки, проводимой в организации.

Еще одна проблема – низкая мотивационная функция государственного задания. Предполагалось, что увязка субсидии с результатами будет стимулировать экономию и качество, но на деле прямой зависимости между итогами работы и будущим финансированием нет. Сэкономленные средства не остаются у учреждения для развития.

При этом у многих учреждений есть доходы от приносящей доход деятельности – это дополнительно снижает заинтересованность в оптимизации бюджетных расходов. Без четкой связки «результат – ресурсы» стимулы к повышению эффективности не возникают: у учреждений просто нет экономического интереса сокращать издержки или улучшать качество услуг за счет бюджетных средств [7, с. 46–51].

Для решения проблемы необходимо законодательно закрепить механизм корректировки субсидии по итогам выполнения задания, выстроив четкую связь между результатами и будущим финансированием. Учреждения, экономящие средства без потери качества, должны

направлять часть экономии на развитие; для не выполняющих план – предусматривать снижение субсидии или дополнительные требования.

Кроме того, требуется цифровизация всех этапов формирования и контроля государственного заданий. Автоматизация стандартизирует расчеты, обеспечит прозрачность, сохранность данных и оперативное выявление отклонений.

В условиях цифровизации экономики особую значимость приобретает интеграция контрольных процедур в единую информационную среду, что упрощает взаимодействие между учредителями и учреждениями, а также повышает управляемость бюджетных расходов.

В 15 регионах Российской Федерации, в рамках пилотного внедрения цифровых инструментов мониторинга, был введен «Электронный бюджет» для ускорения процессов при согласовании государственного задания. Данные инструменты позволили сократить сроки согласования государственного заданий в среднем на 30% и снизить долю корректировок после утверждения с 22% до 9%, подтверждая потенциал цифровизации для повышения прозрачности и управляемости бюджетных расходов.

Проведенный анализ показал, что механизм государственного задания, несмотря на концептуальную обоснованность, на практике реализует свой потенциал не в полной мере. Одна из причин – недостаточная проработанность правового регулирования ответственности за нарушения при расходовании бюджетных средств, что снижает мотивацию учреждений соблюдать параметры задания.

Решение проблем требует системного анализа теоретических основ и действующих норм с последующей легализацией выработанных принципов в законодательстве. Необходим комплексный подход: переход к планированию на базе натуральных норм, внедрение многокритериальной оценки, цифровизация процессов и законодательное закрепление зависимости финансирования от результатов. Только тогда государственного задание перестанет быть формальностью и станет инструментом управления эффективностью.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // СПС «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «Консультант Плюс».

3. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 31 августа 2018 г. №186н «О Требованиях к составлению и утверждению плана финансово-хозяйственной деятельности государственного (муниципального) учреждения» // СПС «Консультант Плюс».

4. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 21 июля 2011 г. №86н «Об утверждении порядка предоставления информации государственным (муниципальным) учреждением, её размещения на официальном сайте в сети Интернет и ведения указанного сайта» // СПС «Консультант Плюс».

5. Постановление Правительства РФ от 26 июня 2015 №640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания».

6. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Ёдигарева [и др.]. – М.: КноРус. 2023. – 592 с. EDN ZFMLLM

7. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. EDN OGDKWH

8. Землин А.И. Актуальные проблемы правового регулирования финансового контроля за бюджетными расходами на развитие транспортной системы Российской Федерации: монография / А.И. Землин, О.М. Землина, И.П. Назарчук; под ред. А.И. Землина. – М.: Русайнс, 2025. – 174 с.

9. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 года). – М.: Российский университет транспорта. 2021. С. 241–249. EDN PBDDMP

10. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Анапа, 7 марта 2022 года). – Анапа: «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе. 2022. С. 14–18. EDN XFAVIY

11. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с.
12. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / И.В. Мишуткин, А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – М.: Юрайт, 2022. – 194 с. EDN DTUNKH

Зеленина Маргарита Алексеевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОКУМЕНТООБОРОТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье представлен сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Европейского союза о правовом регулировании электронного документооборота. Актуальность обусловлена всеобщей цифровизацией и возрастающей ролью электронных документов в хозяйственной, управленческой и личной деятельности. Исследование фокусируется на выявлении общих тенденций и различий в подходах к регулированию, уделяя особое внимание правовому статусу и видам электронной подписи, признанию юридической значимости электронных документов и механизмам их развития. Произведён анализ Федерального закона «Об электронной подписи» в РФ и Регламента №910/2014 в ЕС. Сформулированы выводы о проблемах и возможностях гармонизации правовых систем для формирования единого цифрового пространства, развития цифровой экономики и международной интеграции.*

Ключевые слова: *электронный документооборот, правовое регулирование, Российская Федерация, Европейский союз, электронная подпись, законодательство, электронный документ.*

Динамичное развитие информационных технологий привело к повсеместному внедрению электронного документооборота (ЭДО), являющегося неотъемлемым инструментом современного бизнеса, государственного управления и межличностных коммуникаций. Понятие «электронный документооборот» имеет существенные отличия от традиционного представления о документообороте, так как предполагает использование технических и программных средств (системы электронного документооборота), управление всеми формами документов (бумажными и электронными) и системами документации, автоматизацию всех этапов документооборота организации (в том числе внешнего документооборота) [1, с. 36].

Система электронного документооборота в современных условиях должна рассматриваться не только как «транспорт» для движения документов (исходя из базового определения понятия документооборота), а прежде всего – как информационная система, обеспечивающая внедрение концепции управления документами [6, с. 102].

В условиях глобализации обеспечение юридической значимости электронных документов, защита участников ЭДО и создание надежной правовой основы для цифровых коммуникаций становятся приоритетными задачами для государств.

Российская Федерация и страны Европейского союза (ЕС) являются активными участниками глобального процесса цифровизации, стремясь создать эффективные и безопасные

системы электронного документооборота. Однако, несмотря на общие цели, национальные законодательства и подходы к правовому регулированию ЭДО имеют свои особенности, обусловленные историческими, правовыми и экономическими факторами. Сравнительный анализ правового регулирования ЭДО в Российской Федерации и странах Европейского союза позволяет выявить как общие закономерности, так и существенные расхождения, что, в свою очередь, является необходимым условием для выработки эффективных мер по гармонизации правовых норм.

1. Правовое регулирование электронного документооборота в Российской Федерации.

Развитие электронного документооборота как системы создания, передачи, хранения и обработки документов в электронном виде было начато путём создания Федеральной целевой программы «Электронная Россия на 2002–2010 гг.». В 2012 г. завершилось формирование нормативно-правовой базы, необходимой для повсеместного введения ЭДО.

Одним из основных нормативно-правовых актов в сфере электронных документов является Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи», который регулирует отношения в области использования электронных подписей при совершении гражданско-правовых сделок, а также оказании государственных и муниципальных услуг. В соответствии со ст. 6, электронная подпись в электронном документе при выполнении ряда условий признаётся равнозначной собственноручной подписи.

Также в законе не была предусмотрена возможность выдачи сертификатов электронной цифровой подписи юридическим лицам, при том что именно они активно используют электронный документооборот в финансово-хозяйственной деятельности. Теперь такое ограничение снято [7, с. 132]. В 2022 году в Российской Федерации была утверждена Концепция электронного документооборота в хозяйственной деятельности, что стало важным шагом в развитии нормативно-правового регулирования в данной сфере. Концепция направлена на реализацию комплексного подхода к регулированию в нескольких ключевых областях: использование электронной подписи, архивное хранение электронных документов и обеспечение юридической значимости электронного документооборота в хозяйственной деятельности [5, с. 116].

Необходимо отметить Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так как он закрепляет точное определение электронного документа. В соответствии с п. 11.1 ст. 2 под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Не менее важным является Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 №125-ФЗ, в соответствии с которым в архивном деле в состав Архивного фонда входят находящиеся на территории РФ архивные документы, в том числе электронные и телеметрические. Рекомендации по работе с электронными документами содержат Правила организации хранения, комплектования, учёта и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях, утверждённые приказом Росархива от 31.07.2023 №77. Они регламентируют порядок подготовки дел, содержащих документы на бумажном носителе и электронные документы, к передаче в архив организации [4, с. 23].

Правовую базу ЭДО составляет Положение о системе межведомственного электронного документооборота, утверждённое постановлением Правительства РФ от 22 сентября 2009 г. №754, которое является нормативной основой для создания единого образца электронного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с юридической точки зрения.

Федеральный закон «О персональных данных» №152-ФЗ от 27 июля 2006 года также имеет значение в области регулирования электронного документооборота, так как административно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности персональных

данных и стандартизации электронного межведомственного документооборота развивается стремительно. Законодатель не успевает за развитием общественных отношений в этой сфере, что ведёт к возникновению проблем в правоприменительной практике [10, с. 516].

Таким образом, в Российской Федерации разработан ряд законодательных актов по регулированию электронного документооборота, однако в настоящее время в российском законодательстве отсутствует единый правовой акт, в полной мере регламентирующий вопросы создания, использования и хранения электронных документов. Анализ правового регулирования ЭДО показал, что для обеспечения эффективного управления электронными документами необходима нормативная правовая база, всесторонне регламентирующая их использование и хранение.

2. Правовое регулирование электронного документооборота в странах Европейского союза.

Развитие правового регулирования ЭДО в Европейском союзе проходило поэтапно, начиная с основополагающих документов и заканчивая комплексными регламентами. Первым шагом к гармонизации законодательства стран-членов ЕС в области электронных подписей стала Директива 1999/93/ЕС о торговых марках Европейского сообщества. В ней предусмотрена двухуровневая система электронных подписей: электронная подпись (п. 1 ст. 2) и квалифицированная электронная подпись (п. 2 ст. 2). При этом юридическую силу имеет не только электронная подпись, основанная на сертификате, но и простая электронная подпись.

Одним из инициаторов правовых основ электронного документооборота в области обеспечения и расширения международного торгового сотрудничества называют Комиссию ООН по праву международной торговли (United Nations Commission on International Trade Law, UNCITRAL), которая наряду с Комиссией по предпринимательству, упрощению деловой практики и развитию в рамках Конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD) и Центром по упрощению процедур международной торговли (United Nations Centre for Facilitation of Procedures and Practices for Administration, Commerce and Transport, UN/CEFACT) подготовила ряд важных документов: в 1996 г. – Типовой закон «Об электронной коммерции», в 2001 г. – Типовой закон «Об электронных подписях» [7, с. 132]. Результатом деятельности международных организаций стало создание стандартов и правил электронного документа и электронного документооборота. В дальнейшем они должны быть имплементированы в национальные законодательства, чтобы во всём мире существовала единообразная система электронного документооборота и, следовательно, электронной коммерции [3, с. 490–497].

Не менее важное правовое регулирование осуществляет Директива 97/7/ЕС о защите потребителей в отношении дистанционных договоров (дистанционная продажа) от 20 мая 1997 г., которая касается вопросов защиты прав потребителей в отношении дистанционных договоров, предоставляя им дополнительные права и гарантии. Важным положением Директивы стало признание контрактов, заключаемых без непосредственного контакта сторон, т.е. с использованием дистанционных средств, юридически действительными.

Позже выпускаются Регламент №910/2014/ЕС об электронной идентификации и доверительных услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке, который определяет различные виды электронных подписей (простая, усовершенствованная, квалифицированная) и их юридическую силу, и Директива 2014/55/ЕС об электронных счетах-фактурах при государственных закупках, которая требует, чтобы все государственные учреждения в Европейском союзе были способны принимать и обрабатывать электронные счета-фактуры, соответствующие европейскому стандарту EN 16931, что стимулирует широкое внедрение электронного документооборота в сфере государственных закупок.

В европейских странах принятие ряда директив поспособствовало развитию унификации своих законов. Зарубежные страны вводят в действие законы различными способами: либо в форме единого законодательного акта, либо в форме отдельных положений, включаемых в действующие нормативные правовые акты. Например, в Германии юридическое признание электронных документов осуществлено в общем законодательстве (Германском гражданском

уложении, ГПК Германии). В Ирландии в июле 2000 г. был принят Закон об электронной торговле. В Испании в 2002 г. принят Закон об услугах информационного общества и электронной торговле [9].

Во Франции Законом от 13 марта 2000 г. №2000–230 «О придании доказательственной силы информационным технологиям и об электронной подписи» была изменена гл. VI Гражданского кодекса о принципах доказывания существования договора: электронные документы и электронные подписи признаны юридически эквивалентными документам и подписям, сделанным от руки.

Не менее важную роль играет Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета от 8 июня 2000 г. по определённым правовым аспектам сферы информационных услуг, в частности, электронной коммерции на рынке. Интернет имеет целью обеспечение надлежащего функционирования внутреннего рынка ЕС посредством свободного движения услуг информационной сферы, что, в свою очередь, достигается путём создания гармонизированной правовой системы по предоставлению электронных подписей и смежных услуг [12, с. 118].

Подводя итоги, можно сказать, что в международном праве достигнуты некоторые результаты по единообразию регулирования электронного документооборота. Дальнейшее развитие ЭДО в странах Европейского союза будет определяться способностью правовой системы адаптироваться к новым технологическим вызовам и потребностям цифрового общества.

3. Сравнительно-правовой анализ и перспективы гармонизации.

Правовое регулирование электронного документооборота играет ключевую роль в создании доверия к электронным документам и обеспечении их юридической силы. Однако, в зависимости от различных факторов, в Российской Федерации и странах Европейского союза существуют ключевые различия в подходах к регулированию, структуре нормативных актов и принципах функционирования систем.

Регулирование ЭДО в России не осуществляется через единый правовой акт и базируется на ряде федеральных законов и подзаконных актов. В частности, законодательно закреплено понятие электронного документа, а также развито правовое регулирование об электронной подписи, устанавливающее её различные виды (простая, усиленная неквалифицированная, усиленная квалифицированная) и определяющее их юридическую силу. Некоторые сделки, для которых ранее закон предусматривал нотариальную форму или государственную регистрацию, теперь переведены в «цифру»: например, договоры долевого участия в строительстве теперь могут регистрироваться онлайн через портал Госуслуг.

Российские суды признают переписку по электронной почте, в мессенджерах и на других цифровых каналах в качестве доказательства факта заключения соглашения, если можно идентифицировать отправителя. Отдельно стоит выделить внесённые изменения в правовые нормы о номинальных банковских счетах и договорах страхования. Соответствующие положения закона теперь прямо предусматривают, что указанные договоры могут быть заключены путём обмена электронными документами или путём исполнения одного электронного документа (т.е. электронного соглашения). В целом, российская правовая база ЭДО осуществляет развитие, особенно в части электронных сделок. При этом в Российской Федерации существует неполная автоматизация делопроизводственных процессов либо полное отсутствие элементов электронного документооборота, что существенно затрудняет законодательное регулирование [2, с. 54–65].

В странах Европейского союза регулирование осуществляется на наднациональном уровне через регламенты, директивы и другие нормативные акты, которые гармонизируют правила в сфере электронных транзакций и документооборота.

Основным документом, определяющим рамки для ЭДО, является Регламент №910/2014 Европейского парламента и Совета от 23 июля 2014 года, в соответствии с которым любая электронная подпись не может быть признана недействительной только из-за своей электронной формы, а электронный документ не может быть отвергнут судом лишь потому, что

он электронный. Квалифицированная электронная подпись априори признаётся равноценной собственноручной подписи во всех юрисдикциях Европейского союза.

Таким образом, регулирование электронного документооборота в ЕС стремится к гармонизации, но также учитывает национальные особенности. Развит принцип взаимного признания, который гарантирует, что электронные документы и подписи, действительные в одном государстве-члене, будут признаваться в других.

Правовое регулирование электронного документооборота в Российской Федерации имеет прочную основу, особенно в части регулирования электронной подписи. Однако, в сравнении с Европейским союзом, оно находится на более раннем этапе развития в плане унификации и трансграничного признания. В обеих системах действуют нормы, направленные на защиту информации и обеспечение безопасности электронных документов. Гармонизация электронного документооборота представляется возможной через заимствование опыта. Представляется, что для нашей страны наиболее подходящим является использование опыта Германии, включающего разумное вмешательство государства в деятельность участников электронного документооборота [11, с. 10–14]. Объясняется это тем, что правоотношения по использованию электронных средств телекоммуникаций в коммерческой деятельности возникли относительно недавно, ещё ни одна страна не имеет эффективно действующего законодательства в данной области. Необходимо отметить, что гармонизация правового регулирования электронного документооборота между Россией и Европейским союзом является важным направлением для развития двусторонних экономических и информационных связей, которое способствует развитию единого цифрового пространства.

Список литературы

1. Абламейко М.С. Электронный документооборот в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ и пути унификации / М.С. Абламейко, А.А. Андрончик // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – №2. – С. 36–47. DOI 10.12737/jflcl.2020.009. EDN JAZNYJ

2. Анисимов А.П. Цифровизация гражданского права в России и странах Европейского союза: вопросы теории и практики / А.П. Анисимов // Правовой порядок и правовые ценности. – 2025. – С. 54–65. EDN XGDQRI

3. Билокапич А.В. Международный опыт и зарубежное законодательство в сфере регулирования электронного документооборота / А.В. Билокапич // Молодой ученый. – 2016. – №20(124). – С. 490–497. – URL: https://moluch.ru/archive/124/34241 (дата обращения: 22.07.2026). EDN WWSVYH

4. Будник Р.А. Правовое регулирование электронного документооборота: учебник для вузов / Р.А. Будник; под ред. М.А. Федотова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 68 с. – URL: https://urait.ru/bcode/589231/p.23 (дата обращения: 26.04.2026).

5. Волинец К. Нормативно-правовое регулирование электронного документооборота / К. Волинец // Вестник науки. – 2024. – №7. – С. 116. EDN QWJAFX

6. Доронина Л.А. Организация и технология документационного обеспечения управления: учебник и практикум для вузов / Л.А. Доронина, В.С. Иритикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 270 с. – URL: https://urait.ru/bcode/583339/p.102 (дата обращения: 26.04.2026).

7. Звонарева А.Ю. Зарубежный опыт внедрения и использования электронного документооборота / А.Ю. Звонарева // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – №2(62). – С. 128–138. DOI 10.24412/2072-9391-2022-262-128-138. EDN IMPFUD

8. Ковалева Н.Н. Информационное право: учебник для вузов / под ред. Н.Н. Ковалевой. – М.: Юрайт, 2025. – 353 с. – URL: https://urait.ru/bcode/567645/p.195 (дата обращения: 26.04.2026).

9. Козинец Н.В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли: дис.... канд. юрид. наук / Н.В. Козинец. – М., 2017. EDN ZQDFSH

10. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 516. EDN PBDDMP

11. Новиков М. Электронная коммерция через призму Российского Интернет Форума / М. Новиков // Банковские технологии. – 1999. – №4. – С. 10–14.

12. Шелепина Е.А. Международная унификация законодательства об электронном документообороте / Е.А. Шелепина // Трибуна молодого ученого. – 2004. – №7. – С. 118.

Злобина Зоя Анатольевна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЭТИКА И ПРАВО ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕДИЦИНЕ

Аннотация: *в статье представлен детализированный анализ этических и правовых вызовов, сопровождающих интеграцию цифровых технологий в систему здравоохранения. На основе обзора российской нормативно-правовой базы исследуются ключевые направления цифрового здравоохранения: телемедицина, Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), применение искусственного интеллекта и машинного обучения для клинических решений, диагностики и административной автоматизации. Рассматриваются проблемы защиты медицинских данных, обеспечения прозрачности и объяснимости алгоритмических решений, распределения юридической ответственности между разработчиками, медицинскими учреждениями и операторами систем, а также риски предвзятости и неравенства доступа. Особое внимание уделено моделям информированного согласия, интероперабельности, кибербезопасности, сертификации и клинической валидации цифровых продуктов. На основе сопоставления российских подходов с международными стандартами предложен пакет политико-правовых рекомендаций: принятие прозрачных технических и этических стандартов, усиление институционального надзора, разработка профессиональных этических кодексов и устойчивых механизмов вовлечения заинтересованных сторон.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация здравоохранения, телемедицина, искусственный интеллект, этика, персональные данные, ЕГИСЗ, законодательство РФ, кибербезопасность.*

ЕГИСЗ: *архитектура и ключевые реестры.*

Цифровизация здравоохранения – глобальный тренд, который позволяет улучшить качество медицинской помощи и доступность услуг. В России с 2006 г. формируется единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ). Она стала ядром электронного здравоохранения и частью масштабной цифровизации государственных услуг. Организации с медицинской лицензией обязаны передавать данные в систему, которая должна повысить эффективность, прозрачность и доступность медицины, сделав её удобной и качественной для пациентов, врачей, учреждений и страховщиков [4, с. 24].

Система имеет трёхуровневую архитектуру (федеральный уровень Минздрава, региональные информационные системы и локальные медицинские информационные системы) и включает важные реестры: федеральный реестр медорганизаций (ФРМО), медработников (ФРМР), интегрированные электронные медицинские карты (ИЭМК), реестр электронных меддокументов (РЭМД), федеральную электронную регистратуру (ФЭР), систему мониторинга лекарств (ИАС ЛП) и реестр нормативно-справочной информации (НСИ). ЕГИСЗ обеспечивает безопасность персональных данных, автоматизацию документооборота и доступ врачей к актуальной информации о пациенте, что создаёт цифровую инфраструктуру для телемедицины и ИИ [5].

Телемедицина, *искусственный интеллект и этические вызовы.*

Телемедицина – оказание медицинских услуг на расстоянии с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. По данным Всемирной организации здравоохранения, телемедицина применяется для диагностики, лечения, профилактики, исследований и обучения, когда расстояние является критическим фактором [6].

Искусственный интеллект в медицине охватывает анализ медицинских изображений, системы поддержки клинических решений, дистанционный мониторинг и прогнозирование рисков. Российские разработки (Botkin.ai, DIMA, «МосМедИИ») уже анализируют снимки КТ/МРТ, помогают подбирать терапию и автоматизируют диагностику, что ускоряет процесс и повышает точность.

Цифровое здравоохранение предполагает интеграцию электронных медицинских карт, порталов пациентов и мобильных приложений, что обеспечивает непрерывность и персонализацию медицинской помощи.

Классические принципы биоэтики (автономия пациента, благодеяние, отсутствие вреда, справедливость) дополняются требованиями цифровой эпохи [7]:

ЮНЕСКО в Рекомендации по этике ИИ подчёркивает необходимость прозрачности, объяснимости алгоритмов, пропорциональности и принципа «не навреди».

Сохранение врачебной тайны и конфиденциальности данных – базовая обязанность. ИИ должен использоваться как инструмент принятия решений под контролем врача, а не заменять специалиста. В свою очередь, алгоритмы не должны усиливать социальное неравенство.

Всемирная организация здравоохранения в руководстве по этике ИИ для здравоохранения выделила шесть принципов: защита автономии человека, содействие благополучию и общественным интересам, обеспечение прозрачности, ответственность, инклюзивность и устойчивость [8].

Конституция РФ закрепляет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41). Федеральный закон №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» регулирует деятельность медицинских организаций. В 2018 г. законом №242-ФЗ в него была добавлена ст. 36.2 о телемедицинских технологиях, норма определяет, что медицинская помощь с использованием телемедицины предоставляется в порядке, установленном Минздравом, и в соответствии со стандартами медицинской помощи. Она допускает дистанционное наблюдение и коррекцию ранее назначенного лечения, но только после очного визита. Консультации проводятся с целью профилактики, сбора жалоб, оценки лечения и принятия решения о необходимости очного приёма; применяемые технологии должны соблюдать законы о персональных данных и врачебную тайну.

Федеральный закон №258-ФЗ (2020) об экспериментальных правовых режимах устанавливает возможность тестирования инновационных ИИ-решений с временными послаблениями. Федеральный закон №123-ФЗ (2020) создал специальный правовой режим для искусственного интеллекта в городе Москве.

Указ Президента №490 (2019) утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 г., а правительство разработало национальную программу «Цифровая экономика», включающую направление «Искусственный интеллект».

Приказ Минздрава РФ №965н (2017 г.) действовал до 1 сентября 2025 г. и был заменён приказом Минздрава №193н от 11.04.2025. Новый порядок допускает отложенные консультации с использованием зарегистрированных ИИ-систем и снимает прямую ответственность врача за рекомендации, если они основаны на данных ИИ. Приказ подчёркивает, что телемедицина должна применяться в соответствии с порядками оказания медпомощи и на основе клинических рекомендаций [3].

Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья (версия 2.1, 2025 г.) – основополагающий документ, утверждённый межведомственной рабочей группой. Кодекс разрабатывается на основе Конституции, указа №490, федеральных законов №258-ФЗ и №323-ФЗ, закона «О персональных данных» и национального стандарта PNST 961-2024. В нём прописаны принципы профессиональной ответственности, прозрачности

оценки эффективности и безопасности, права пациента на информирование об использовании ИИ и необходимость его согласия. Документ описывает риски: отсутствие доказательной базы, «чёрный ящик» алгоритмов, ошибки данных, непрерывное обучение моделей и киберугрозы [1].

Обработка данных о здоровье относится к специальной категории и требует особого правового режима. Как отмечает юридический обзор, медицинские сведения (диагноз, результаты анализов, генетическая информация) относятся к персональным данным, и их обработка требует письменного согласия пациента, за исключением случаев, предусмотренных законом. Федеральный закон №323-ФЗ дополняет это требование понятием врачебной тайны, согласно которому сведения о здоровье не подлежат разглашению без согласия гражданина [2].

Медицинская организация должна чётко определять цель обработки, перечень данных и срок хранения. Согласие на обработку персональных данных не должно совмещаться с согласием на медицинское вмешательство; документ должен содержать цель (диагностика, лечение, ведение учёта), перечень сведений, способы обработки и срок действия. Кроме того, новая редакция ст. 13.11 КоАП (вступила в силу с 30.05.2025) предусматривает серьёзные штрафы за обработку данных с использованием иностранных информационных ресурсов и за раскрытие врачебной тайны, что усиливает ответственность медицинских учреждений.

Согласно российскому законодательству, телемедицина не является отдельным видом медицинской помощи. Порядок оказания услуг определён законом №323-ФЗ и приказом №193н. Согласно этим нормам, дистанционные консультации проводятся для профилактики, сбора анамнеза, контроля эффективности лечения и определения необходимости очного визита; коррекция ранее назначенного лечения допускается только лечащим врачом при условии первичного очного визита. Дистанционное наблюдение назначается только после очного осмотра, а данные мониторинга берутся из медицинских изделий и сведений, внесённых в ЕГИСЗ или МИС.

Этические проблемы телемедицины связаны с возможным нарушением принципа автономии, недостаточной информированностью пациента и вопросами справедливости доступа. Исследователи отмечают, что телемедицина должна рассматриваться как новая социальная практика, в которой технологическое решение переплетается с ценностями врача и пациента. Необходимо соблюдать принципы конфиденциальности, информированного согласия и справедливого доступа, адаптируя технологии к культурным и национальным особенностям, чтобы не усиливать социальное неравенство [10].

В международном сравнении многие страны требуют проведения первичного очного визита перед телемедицинской консультацией, предусматривают лицензирование врачей, использование утверждённых платформ, обязательное информирование пациента о преимуществах и рисках телемедицины и получение информированного согласия.

Российские разработчики активно внедряют ИИ в диагностику, персонализированное лечение и административную автоматизацию. По данным аналитической статьи ITWeek, алгоритмы Botkin.ai анализируют снимки компьютерной и магнитно-резонансной томографии с точностью до 95%, платформа DIMA помогает врачам подбирать терапию, а система «МосМедИИ» автоматизирует диагностику. Нейросеть MD.School и сервис Lexema-Medicine поддерживают персонализированное лечение, телемедицинские платформы «Доктор рядом» и «СберЗдоровье» используют ИИ для анализа симптомов, а умные устройства для мониторинга хронических заболеваний снижают риски ошибок терапии. Голосовые ассистенты и системы электронных карт оптимизируют документооборот, а прогнозная аналитика улучшает управление ресурсами.

В 2023 г. в Москве впервые была внедрена скрининговая маммография с использованием ИИ в систему ОМС; за два года обработано более 200 тыс. рентгенограмм. На рынке Medtech телемедицина демонстрирует наибольший рост: в I полугодии 2025 г. выручка сегмента увеличилась на 19,39%, а лидером является сервис «СберЗдоровье». Эксперты отмечают, что прорыв возможен только при разрешении ставить диагнозы и выписывать рецепты дистанционно; ожидается, что с 1 сентября 2025 г. новое регулирование разрешит врачам

использовать зарегистрированные ИИ-системы для поддержки решений, создавая гибридную модель «ИИ + врач» [13].

Несмотря на быстрый прогресс, развитие ИИ сопровождается рядом вызовов. Важнейшая проблема – нехватка единой базы обезличенных медицинских данных для обучения моделей. Информация разрознена, что ограничивает качество алгоритмов. Следующий вызов – отсутствие регуляторных стандартов одобрения ИИ-решений; в отличие от США, где FDA сертифицирует алгоритмы, в России система сертификации только формируется. Особое внимание привлекают вопросы кибербезопасности и защиты персональных данных, поскольку утечки информации становятся серьёзной угрозой.

Кодекс этики Минздрава (2025) предлагает стандарты безопасного и этичного внедрения ИИ и призван обеспечить человеческий контроль над системами. Но эксперты подчеркивают, что для полноценной интеграции требуется также подготовка кадров, повышение цифровой грамотности медперсонала и информирование пациентов.

Меры по развитию цифрового здравоохранения.

Для сбалансированного развития цифрового здравоохранения необходим комплекс мер [11]:

– совершенствование законодательства. Требуется закрепление в федеральных законах обязательных требований к ИИ-решениям (прозрачность, контроль качества данных, сертификация) и создание механизма регистрации медицинского ПО по аналогии с FDA;

– нужно формировать национальные базы обезличенных данных в рамках ЕГИСЗ, обеспечивая правовую защиту и прозрачность использования;

– законодательно закреплять необходимость информировать пациента об использовании ИИ, получать его согласие и обеспечивать доступ к интерпретируемому результату. Усилить ответственность за разглашение врачебной тайны и незаконный трансграничный перенос данных [12].

Особое значение в контексте внедрения цифровых технологий в медицинскую сферу приобретает уровень правовой культуры общества и профессионального сообщества. Как отмечается в учебнике Правовая культура под редакцией А.И. Землина, правовая культура представляет собой совокупность правовых знаний, ценностных установок и моделей поведения, которые определяют отношение личности и общества к праву и правовым институтам. В условиях цифровизации медицины правовая культура медицинских работников, разработчиков программного обеспечения и пациентов становится ключевым фактором соблюдения этических норм и требований законодательства. Именно высокий уровень правовой культуры позволяет корректно применять нормы о защите персональных данных, обеспечивать соблюдение врачебной тайны, формировать ответственное отношение к использованию искусственного интеллекта и телемедицинских технологий.

Цифровые технологии предоставляют огромные возможности для повышения эффективности и качества медицинской помощи. Однако их использование требует тщательного соблюдения этических и правовых норм. Российское законодательство постепенно адаптируется к новым реалиям: приняты кодекс этики ИИ, национальные стандарты, обновлены правила телемедицины и ужесточены требования по защите персональных данных.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон №323-ФЗ: принят 21.11.2011: ред. от 29.12.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №48. – Ст. 6724.

2. О персональных данных: Федеральный закон №152-ФЗ: принят 27.07.2006: (ред. от 30.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31. – Ст. 3451.

3. Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 193н // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505150033 (дата обращения: 28.07.2026).

4. Организационно-правовые аспекты оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий в Российской Федерации и зарубежных странах / М.А. Мурашко, А.И. Панин, В.П. Чигрина [и др.] // Национальное здравоохранение. – 2024. – Т. 5, №4. – С. 5–19. DOI 10.47093/2713-069X.2024.5.4.5-19. EDN XZQTKA

5. Золотарёва А. Обработка и защита персональных данных пациентов в медицинских организациях / А. Золотарёва. – URL: https://pod-ft.ru/baza-znaniy/obrabotka-i-zashchita-personalnykh-dannykh-patsientov-v-meditsinskikh-organizatsiyakh/ (дата обращения: 03.03.2026).

6. Стройков С. Искусственный интеллект в здравоохранении РФ: тренды, вызовы и перспективы / С. Стройков. – URL: https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php (дата обращения: 03.03.2026).
7. Кочетов А.Н. Этические проблемы телемедицины / А.Н. Кочетов // Вестник медицинских наук. – 2025. – №3. – С. 45–52.
8. Организационно-правовые аспекты телемедицины в России и зарубежных странах // Национальное здравоохранение. – 2024. – №2 (3). – С. 103–125.
9. Землин А.И. Ценности здравоохранения на языке права: критические размышления об этических и правовых основах стандартов медицинской сортировки в российской военно-медицинской службе / А.И. Землин, П.Ю. Наумов, Р.Н. Шепель // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2024. – Т. 23, №4. – С. 115–120. – DOI: 10.15829/1728-8800-2024-4023. EDN KSLWJM
10. Российский medtech за I полугодие 2025 г. заработал 27,6 млрд рублей. – URL: https://smartranking.ru/ru/analytics/medicinskie-tehnologii/rossijskij-medtech-za-i-polugodie-2025-goda-zarabotal-276-mlrd-rublej/ (дата обращения: 03.03.2026).
11. Орлов Г.М. Цифровое здравоохранение в России: история трех десятилетий развития и тренды перехода к ориентации на пациента / Г.М. Орлов // Врач и информационные технологии. – 2024. – №1. – С. 6–27. DOI 10.25881/18110193_2024_1_6. EDN QUCHSJ
12. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: AOPYTL.
13. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. – UNESCO, 2021. – URL: https://en.unesco.org/artificial-intelligence/ethics (дата обращения: 03.03.2026).

Иванова Карина Алексеевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ: ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОБОСОБЛЕННОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: *в статье рассматриваются ключевые аспекты гражданско-правовой ответственности юридических лиц в Российской Федерации с акцентом на принципы разделения собственности и пределы ответственности. Исследуется эволюция принципа раздельной ответственности (юридическое лицо не отвечает по обязательствам участников, участники – по долгам организации), а также системные исключения из этого правила для отдельных организационно-правовых форм (полные товарищества, учреждения, государственные предприятия). Особое внимание уделено доктрине «снятия корпоративной вуали» (piercing the corporate veil) и институту субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Пределы ответственности разделены на два вида: абсолютные (законодательные изъятия, иммунитет исполнительной власти) и относительные (фактическая достаточность, ликвидность активов, соотношение чистых активов и уставного капитала). Классическая конструкция раздельной ответственности сохраняет значение, но её применение корректируется институтами субсидиарной ответственности и судебной доктриной.*

Ключевые слова: *юридическое лицо, имущественная обособленность, пределы ответственности, раздельная ответственность, корпоративная вуаль, субсидиарная ответственность, уставный капитал.*

1. Имущественная обособленность как основа и граница ответственности.

Принцип имущественного разделения юридического лица является краеугольным камнем всей системы корпоративного права. Именно отделение имущества юридического лица от

имущества его учредителей, участников и сотрудников создает правовую структуру, позволяющую организации выступать в гражданском обороте как самостоятельному субъекту – носителю прав и обязанностей. Однако, сам по себе факт разделения имущества не решает всех вопросов, связанных с ответственностью по обязательствам [8, с. 145]. Напротив, он порождает ключевую проблему: В какой степени юридическое лицо несет ответственность за свои долги, и в каких случаях «эта ответственность» может быть возложена на других лиц?

Практическая значимость исследования обусловлена растущим числом случаев банкротства, когда недостаточное имущество должника вынуждает кредиторов искать альтернативные способы удовлетворения требований. В этом случае должник может обратиться в суд по делам о банкротстве [6, с. 121–123]. С одной стороны, законодатель защищает участников обращения, гарантируя, что каждое юридическое лицо несет ответственность только в пределах своего индивидуального имущества, а с другой стороны, он допускает исключения из этого правила, чтобы предотвратить злоупотребления. Таким образом, необходимо иметь четкое представление, как о стандартном режиме ответственности, так и о его пределах.

Имущественная обособленность означает, что имущество, принадлежащее юридическому лицу на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, учитывается на независимом балансе и не смешивается с активами своих партнеров и участников (ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации) [3]. Именно наличие обособленного имущества позволяет предъявлять к организации имущественные требования и обращать взыскание на принадлежащие ей объекты.

Однако имущественная обособленность является не только основанием для привлечения к ответственности, но и ее естественным пределом. Кредитор не может требовать исполнения за счет имущества, не принадлежащего организации-должнику. Это классическое правило «отвечай только своим имуществом» создает риск невыполнения, если активов недостаточно.

На практике бывает сложно определить границы раздела имущества, особенно в ситуациях банкротства или при наличии аффилированных структур. Часто имущество [выводится из-под контроля юридического лица с целью уклонения от обязательств перед кредиторами. В таких случаях суды и арбитражные управляющие сталкиваются с необходимостью доказать факт злоупотребления законом и привлечь виновных к ответственности.

Примером из судебной практики, когда арбитражный управляющий выявил вывод активов в пользу аффилированного лица путем зачета однородных встречных требований при отсутствии реальной экономической цели, а суд признал сделку недействительной, указав на формальное соответствие закону, #прикрывающее снижение имущественного положения должника в ущерб что касается кредиторов, является дело №А40 -233689/2015.

В данном случае должник заключил соглашение с аффилированным лицом, проведен ряд сделок. В период с 2012 по 2014 год должник предоставил предприятию кредит в размере 700 миллионов рублей. В 2014 году «Строй Гарант» стал генеральным подрядчиком строительства электростанции в Щербинке, получив от должника предоплату в размере 656 млн рублей. В 2015 году аффилированное лицо расторгло контракт из-за того, что заказчик не предоставил рабочую документацию. Вместо возврата аванса компания подала встречные иски и использовала 656 млн рублей для погашения задолженности должника по кредитам. В ближайшее время после этого должник обанкротился, и конкурсный управляющий начал оспаривать сделки компании, в том числе взаимозачет.

Суд признал сделку недействительной. В то же время суд отверг выводы об отсутствии взаимосвязи сторон, отметив, что фактическая взаимосвязь существовала как из-за того, что должник, так и кредитор входили в совет директоров. Из этого следует, что суд пришел к выводу, что, зная о наличии невыполненных обязательств перед банком, аффилированная компания получила преимущественное удовлетворение своих требований к другим кредиторам.

Кроме того, поднимаются вопросы о взаимосвязи имущественной обособленности с другими корпоративными принципами, такими как прозрачность управления и защита прав миноритарных акционеров.

В литературе справедливо отмечается, что обособленность является не абсолютной, а функциональной. Юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем своим имуществом, но это «все» ограничено двумя факторами: во-первых, перечнем объектов, которые могут быть взысканы (исполнительный иммунитет), и, во-вторых, фактической стоимостью активов за вычетом обременений. Например, учреждения, кто владеет имуществом с правом оперативного управления, несут ответственность по обязательствам только в пределах, имеющихся в их распоряжении средств, а в случае их недостаточности владелец несет субсидиарную ответственность. Это прямое законодательное исключение, демонстрирующее, как режим имущественной обособленности влияет на объем ответственности.

2. Принцип раздельной ответственности и исключения из него.

Господствующая доктрина гражданского права исходит из принципа раздельной ответственности: юридическое лицо не отвечает по долгам своих участников, а участники отвечают по долгам юридического лица. Этот принцип закреплен в пункте 2 статьи 56 Гражданского кодекса Российской Федерации. Экономическое обоснование этого правила очевидно: ограничение риска учредителя размером взноса стимулирует предпринимательскую активность.

Однако анализ правовых норм показывает, что принцип раздельной ответственности не является универсальным и абсолютным. Во-первых, для полных партнеров и участников полных товариществ установлена солидарная субсидиарная ответственность всем движимым имуществом, что обусловлено отсутствием полной имущественной обособленность в этой форме корпоративной структуры. Во-вторых, в компаниях с дополнительной ответственностью (в настоящее время это исключенная форма, но показательная для теории) участники несут ответственность, кратную стоимости депозитов [7, с. 509].

Таким образом, чем выше степень имущественной обособленности (наличие самостоятельного баланса, уставного капитала, прав собственности), тем уже круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по долгам организации. И наоборот, в структурах, где обособленность ослаблена (например, в крестьянских хозяйствах, созданных без образования юридического лица), ответственность распределяется по-другому.

Наиболее ярким отступлением от классического правила является институт, известный в англо-американском праве как «piercing the corporate veil» (снятие корпоративной вуали). В российском праве эта конструкция закреплена в ст. 53.1 ГК РФ и п. 3 ст. 56 ГК РФ, которые допускают возложение ответственности на контролирующее лицо, если оно использовало корпоративную форму для причинения вреда кредиторам.

Для применения данной конструкции необходимо доказать совокупность условий: наличие контролирующего лица, факт дачи обязательных указаний или иного определения воли юридического лица, а также недобросовестность (злоупотребление правом). С теоретической точки зрения, данное исключение не разрушает принцип имущественной обособленности полностью, а лишь указывает на его пределы в условиях фиктивного разделения активов.

Существенно, что когда контролирующее лицо привлекается к ответственности, речь идет не об ответственности юридического лица по его собственному обязательству, а о производной ответственности учредителя (или другого выгодоприобретателя) по долгам организации. Юридическое лицо продолжает реагировать в обычном порядке, однако, если его имущества недостаточно, кредитор получает возможность обратить взыскание на личные активы контролирующего лица.

3. Пределы ответственности: абсолютные и относительные ограничения.

Понятие «пределы ответственности» следует отличать от понятия «объем ответственности». Если объем указывает на размер требований, которые могут быть предъявлены (полные, ограниченные, субсидиарные), то пределы определяют границы, за которые ответственность не может выходить в принципе. В науке гражданского права традиционно существует два вида ограничений.

Абсолютные пределы установлены законодательно и не зависят от воли сторон или фактических обстоятельств. К ним относятся следующие.

1. Ограничение ответственности государственных предприятий и учреждений.

В соответствии со статьей 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации государственное учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. В случае недостаточности средств субсидиарную ответственность по обязательствам казенного учреждения несет собственник его имущества. Данное положение закреплено в пункте 4 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Другие типы учреждений (бюджетных и автономных) имеют иные правила ответственности, но они также определяются законом, а не волей сторон.

2. Невозможность обращения взыскания на имущество, пользующееся административным иммунитетом.

Статьей 79 Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» установлено, что взыскание не может быть обращено на имущество, перечень которого определен законом. В частности:

− для должника-гражданина перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание, установлен Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (ГПК РФ);

− для организации-должника перечень такого имущества установлен федеральным законом;

− для иностранного должника перечень определен Федеральным законом от 3 ноября 2015 года №297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и собственности иностранного государства в Российской Федерации» [2].

Например, согласно абзацу 3 части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, обращение взыскания по исполнительным документам не может быть обращено на предметы обычной домашней мебели и предметы домашнего обихода, личные вещи и другие категории имущества, перечисленные в этой норме [3].

3. Ограничения по корпоративным формам.

В соответствии со статьей 56 Гражданского кодекса Российской Федерации учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом или иным законом.

Это общее правило распространяется и на фонды. Как правило, владелец (учредитель) фонда не несет ответственности по своим долгам, однако есть исключения, которые могут быть установлены законом.

Индивидуальный фонд (за исключением наследственного) несет субсидиарную ответственность по обязательствам учредителя в течение 3 лет после его создания. В исключительных случаях срок может быть продлен судом, но не более чем на 5 лет с момента создания фонда, если кредиторы по уважительным причинам не смогли предъявить требования в установленный срок (ст. 123.20 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Относительные пределы связаны с фактическим состоянием имущественной обособленностью. Даже при наличии официально обособленное имущество на балансе, юридическое лицо может быть не в состоянии удовлетворить требования кредиторов, если:

− активы с низкой ликвидностью (например, дебиторская задолженность неплатежеспособных партнеров);

− стоимость чистых активов меньше суммы обязательств (признак объективного банкротства);

− недвижимость является технологически неотъемлемой и не может быть реализовано без прекращения ее основной деятельности.

Важно подчеркнуть, что недостаточность имущества не означает отсутствия оснований для ответственности – это только порождает конкурентные процедуры, но не освобождает юридическое лицо от долгов.

Таким образом, имущественная обособленность выступает ресурсной основой для погашения обязательств, а пределы ответственности определяются не только правовыми нормами, но и экономическими реалиями конкретного должника.

4. Субсидиарная ответственность как механизм преодоления имущественной обособленности.

В последние годы институт субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, активно развивается в российском корпоративном законодательстве, особенно в процедурах банкротства (статья 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») [1]. С формальной точки зрения это ответственность не юридического лица, а иных субъектов. Однако это напрямую влияет на выполнение обязательств самим юридическим лицом.

В соответствии с темой статьи следует отметить, что субсидиарная ответственность не разрушает имущественную изоляцию, а, скорее, дополняет ее. Кредитор сначала обязан предъявить требования к юридическому лицу-должнику, и только в том случае, если невозможно получить удовлетворение за счет его отдельного имущества (в том числе в случае ликвидации или недостачи активов), это может быть запрошено у контролирующего лица. Данный механизм регулирует относительные пределы ответственности, не нарушая абсолютных пределов.

Существует научное мнение, что чрезмерное расширение субсидиарной ответственности может привести к подрыву самого принципа имущественной обособленности, поскольку участники будут нести риск не только суммы вклада, но и всего своего личного состояния. Однако судебная практика (в рамках данной статьи, не касаясь конкретных случаев) выработала сдержанный подход: привлечение к субсидиарной ответственности требует доказательства вины и причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и невозможностью погашения требований кредиторов [9].

5. Обзор судебной практики. основания для привлечения и отказа в субсидиарной ответственности.

Примером отказа в привлечении бывшего директора к субсидиарной ответственности из-за отсутствия прямой причинно-следственной связи между его действиями и банкротством является дело, в котором суд установил, что убытки компании были вызваны объективным ухудшением рыночной конъюнктуры, а не преднамеренным выводом активов. В таких случаях ключевым фактором является доказательство того, что действия управляющего не выходили за рамки обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав кредиторов.

Одним из примеров судебной практики, когда контролирующее лицо давало указания о заключении заведомо невыгодных сделок с аффилированным лицом, а суд привлекал должника к субсидиарной ответственности в связи с ухудшением финансового состояния должника и нарушением прав кредиторов, является дело №А40–122605/2017 (постановление Судебной коллегии по экономическим спорам, Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2023 №305-ЭС18–17629(5–7).

С доводами конкурсного управляющего согласился суд первой инстанции и признал, что «ПрофИнвест» стал выгодоприобретателем от совместных действий, причинивших ущерб кредиторам.

Список литературы

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26.10.2002.

2. Федеральный закон «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» №297-ФЗ от 03.11.2015 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №45. – Ст. 6198.

3. Федеральный закон «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» №138-ФЗ от 14.11.2002 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст. 4532.

4. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025).

5. Белов В.А. Гражданско-правовая ответственность: вопросы теории / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2021. – С. 112.

6. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7(211). – С. 121–123.

7. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д.В. Ломакин. – М.: Статут Медиа, 2019. – С. 509.
8. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2022. – С. 145.
9. Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника: монография / Е.Д. Суворов. – М.: Статут, 2020. – С. 205. EDN KFYAEA
10. Телюкина М.В. Конкурсное право / М.В. Телюкина. – М.: Деловой двор, 2020. – С. 89.

Изъюрова Ярославия Юрьевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ вызовов, с которыми сталкивается правовая система защиты авторских прав в условиях цифровизации. Рассматриваются противоречия между традиционными механизмами охраны и новыми технологическими реалиями (глобальный интернет, социальные сети, генеративный искусственный интеллект). Особое внимание уделяется системным проблемам: анонимности нарушителей, трансграничному пиратству, технологическому отставанию законодательства. Анализируются пробелы в российском гражданском законодательстве, неэффективность досудебной блокировки против эволюции пиратских сервисов, риски использования голоса и изображений без согласия, неопределённость авторства AI-генерируемого контента. Предложена концепция цифровизации права интеллектуальной собственности: создание государственных цифровых реестров прав, внедрение технологических инструментов защиты (цифровые водяные знаки, криптография), адаптация правовых норм к виртуальной реальности.*

Ключевые слова: *юриспруденция, дематюриализация, аппроприация, десубъективизация, гипертекстуальность, интертекстуальность, криптография.*

1. Системные вызовы цифровой среды. Анонимность и трансграничность.

В условиях цифровизации экономики и общества институт интеллектуальной собственности сталкивается с новыми вызовами, связанными с массовым распространением объектов авторского права в сети Интернет, что требует модернизации правовых механизмов их защиты [9, с. 252]. Цифровизация привела к явлению, которое можно охарактеризовать как дематюриализация авторского права. Произведение искусства, литературы или музыки перестало быть привязанным к физическому носителю. Оно существует в виде кода, битов и байтов, что делает его копирование технически тривиальной и практически бесплатной операцией. Это порождает ряд системных проблем. Также можно отметить, что вопрос охраны авторских прав затрагивает сферу архитектурного проектирования. Цифровизация архитектурного проектирования и распространение проектов через электронные платформы требуют новых подходов к охране авторских прав на архитектурные произведения [7, с. 378].

Вдобавок, можно отметить, что в цифровой среде особую актуальность приобретает вопрос о защите прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые в транспортных системах [6, с. 3].

Одной из ключевых проблем является анонимность нарушителей и трансграничный характер пиратства. В отличие от физического мира, где нарушение территориально ограничено, интернет не знает границ. Пиратский контент может быть загружен на сервер в одной юрисдикции, а потребляться миллионами пользователей по всему миру. Правообладатель

сталкивается с трудностями идентификации нарушителя, который может скрываться за псевдонимами или использовать технологии анонимизации (VPN, TOR).

Как отмечают исследователи, интернет-провайдеры зачастую становятся невольными посредниками в распространении контрафактного контента, что порождает дискуссию о пределах их ответственности за нарушение авторских прав [11, с. 34], а также затрудняет эффективную защиту правообладателей в цифровой среде.

2. Технологическое отставание законодательства.

Законодательство традиционно носит реактивный характер. Пока норма права пишется и принимается, технологии успевают уйти далеко вперёд. Это особенно заметно на примере генеративного искусственного интеллекта (ИИ) и блокчейн-платформ.

Появление нейросетей, способных создавать изображения, музыку и тексты по текстовому описанию, ставит перед правом фундаментальный вопрос: кто является автором? Человек, написавший промпт (запрос), разработчик алгоритма или сама нейросеть? Текущее законодательство РФ не даёт ответа на этот вопрос. Использование голоса и изображений известных личностей для создания дипфейков без их согласия является ярким примером нарушения прав, которое сложно квалифицировать в рамках существующих норм.

3. Трансформация произведений и гипертекстуальность.

Цифровая среда поощряет трансформацию произведений (ремиксы, мэшапы) и гипертекстуальность (создание новых смыслов через ссылки и цитирование). В то время как культура ремиксов процветает, право часто трактует любое использование фрагмента без разрешения как нарушение.

Проблема усугубляется тем, что автоматизированные системы поиска совпадений (Content ID) не всегда способны отличить плагиат от добросовестного использования или цитирования.

4. Пробелы в российском законодательстве. Неэффективность досудебной блокировки.

В условиях развития цифровых технологий традиционные способы защиты авторских прав оказываются недостаточно эффективными, что требует внедрения новых правовых инструментов [8, с. 205]. Российское право интеллектуальной собственности базируется на Гражданском кодексе РФ (ГК РФ). Однако его инструменты оказались недостаточно эффективными против эволюции пиратских сервисов.

Важно отметить, что заключение сделок в сети Интернет требует особого внимания к вопросам охраны авторских прав на цифровые объекты и электронные документы [3, с. 143]. Согласно, ФЗ №187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» законодательством регулируется защита авторских прав и применение мер до судебного разбирательства.

Также, Постановление Правительства РФ от 07.10.2017 №1225 утверждает «Правила принятия мотивированного решения о признании сайта в сети «Интернет» копией заблокированного сайта».

Статья 1302 ГК РФ предусматривает меры по защите авторских прав, включая блокировку доступа к пиратскому контенту [1, ст. 1302]. Однако этот механизм работает медленно и неэффективно против современных угроз.

Во-первых, блокировка одного зеркала сайта приводит к появлению приблизительно десяти новых. Согласно, ст. 15.2, ФЗ №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», существует механизм блокировки сайтов с пиратским контентом.

Во-вторых, автоматизированное копирование контента происходит быстрее, чем правообладатель успевает подать жалобу.

В-третьих, как показывает судебная практика по делам о нарушении авторских прав в сети Интернет свидетельствует о необходимости унификации подходов к определению вины нарушителей и интернет-посредников [10, с. 59].

5. Проблема контента, генерируемого искусственным интеллектом и десубъективизация права.

Развитие цифровых технологий поставило перед правом интеллектуальной собственности задачу адаптации к новым формам использования и распространения охраняемых объектов [4, с. 327]. ГК РФ определяет автора как гражданина, творческим трудом которого

создано произведение [1, ст. 1257] (ст. 1257). Это определение вступает в противоречие с реальностью генеративного ИИ. Неопределенность авторства создает риски для правообладателей: если компания использует изображение, созданное нейросетью, она не может гарантировать отсутствие претензий со стороны третьих лиц (например, если нейросеть использовала защищенные элементы для обучения).

В цифровой среде происходит процесс десубъективизации: правообладатель теряет контроль над судьбой своего произведения сразу после его публикации онлайн. Произведение становится частью интертекстуального поля интернета, где границы между оригиналом и копией стираются.

6. Цифровизация права как путь решения проблем. Предложение о создании государственных цифровых реестров и внедрение инструментов защиты.

Для решения накопившихся проблем необходим переход от реактивных мер к проактивной стратегии цифровизации права интеллектуальной собственности.

Ключевым предложением является создание государственных реестров объектов интеллектуальной собственности с подреестрами передачи прав, что позволит сделать следующее.

1. Обеспечить прозрачность оборота прав.

2. Автоматизировать процесс сбора роялти (авторских вознаграждений).

3. Мгновенно проверять легитимность использования контента.

Также, немаловажную роль может сыграть внедрение технологических инструментов защиты. Право должно идти рука об руку с технологиями защиты.

1. Цифровые водяные знаки. Внедрение невидимых меток в контент для отслеживания его распространения. Цифровые технологии трансформируют процессы патентования, что требует совершенствования законодательства для обеспечения эффективной охраны результатов интеллектуальной деятельности [5, с. 55].

2. Криптография. Использование блокчейн-технологий для фиксации времени создания произведения и передачи прав на него. Это обеспечит неизменяемость доказательств авторства.

3. Автоматизированные системы мониторинга. Развитие более совершенных алгоритмов поиска нелегального контента.

7. Стратегия цифровизации: новые подходы к защите интеллектуальной собственности и адаптация норм в существующей системе.

Также необходимо отметить укрепление диалога между государством, правообладателями и цифровыми платформами (соцсетями, стриминговыми сервисами). Платформы должны нести большую ответственность за контент пользователей («знание о нарушении»), но взамен получать понятные алгоритмы фильтрации, так даже внедрение искусственного интеллекта и цифровых платформ в транспортную сферу требует пересмотра подходов к охране авторских прав на программное обеспечение и базы данных [2, с. 52].

Адаптация норм к виртуальной реальности (VR) также необходима: определение статуса аватаров, виртуальных предметов и пространств как объектов авторского права.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» №230-ФЗ от 18.12.2006 (ред. от 22.07.2024).

2. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22. №1(110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ

3. Зуева Е.Р. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с помощью сети интернет / Е.Р. Зуева, Е.С. Митячкина // Вестник науки. – 2022. – Т. 5. №1(46). – С. 140–147. EDN OGCUWH

4. Коршунов Н.М. Право интеллектуальной собственности: учебное пособие / Н.М. Коршунов, Н.Д. Эриашвили, В.И. Липунов; под ред. Н.М. Коршунова. – М.: Юнити-Дана, 2011. – 327 с. EDN RAZFHZ

5. Левшиц Д.Ю. Вопросы нормативного правового регулирования сферы патентования / Д.Ю. Левшиц, А.С. Веселова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – №1. – С. 52–61. EDN YSQBFH

6. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования транспортных отношений в Российской Федерации / В.И. Липунов // Цифровой суверенитет и кибербезопасность: материалы Четвертого международного транспортно-правового форума (Москва, 9–10 февраля 2022 г.) / под ред. А.А. Чеботаревой, В.Е. Чеботарева; Российский университет транспорта (МИИТ). – М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. EDN SICMCQ

7. Митячкина Е.С. Авторское право на архитектурный проект / Е.С. Митячкина // Потенциал интеллектуально одаренной молодежи – развитию науки и образования: материалы XI Международного научного форума молодых ученых, инноваторов, студентов и школьников (Астрахань, 17–18 мая 2022 г.) / под общ. ред. Т.В. Золиной. – Астрахань: Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 377–379. EDN KHPFVJ

8. Митячкина Е.С. Система способов защиты авторских и смежных прав / Е.С. Митячкина // Гуманитарные исследования. – 2012. – №3(43). – С. 201–209. EDN PWKYVH

9. Митячкина Е.С. Проблемы и перспективы развития института интеллектуальной собственности / Е.С. Митячкина // Актуальные вопросы права в банковской сфере: материалы Международного правового банковского форума (Самара, 23–24 сентября 2021 г.); Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, 2022. – С. 251–255. EDN NWLVZK

10. Паферова О. Защита авторского права, нарушенного в Интернете. Практика российских арбитражных судов / О. Паферова, Е. Соколова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2009. – №7. – С. 56–62. EDN MWOUYR

11. Паферова О. Ответственность интернет-провайдера за нарушение авторского права в сети интернет / О. Паферова, Е. Соколова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2009. – №11. – С. 31–39. EDN MWOTYN

Ипкаева Эльнара Айдаровна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ИНСТИТУТ, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

Аннотация: *в статье анализируется текущая законодательная база энергетического права Российской Федерации как комплексного межотраслевого института, соединяющего частноправовые конструкции (договоры поставки и купли-продажи энергии) и публично-правовые инструменты (лицензирование, тарифы, требования к безопасности). Рассматриваются положения Конституции РФ, Гражданского кодекса о договоре энергоснабжения, Федеральные законы №35-ФЗ «Об электроэнергетике» и №261-ФЗ об энергосбережении. Выявлены правовые лакуны в сфере киберзащиты объектов ТЭК: принятые акты (№187-ФЗ и №256-ФЗ) имеют общий характер или нацелены на физическую охрану, не учитывая угрозы автоматизированным системам управления. Рассмотрены внешние риски, связанные с переходом на новые источники энергии, введением углеродных пошлин и ограничением доступа к инвестициям и технологиям. Обоснована необходимость принятия стратегии развития энергетического предпринимательства до 2035 г. и отдельного федерального закона о кибербезопасности объектов ТЭК.*

Ключевые слова: *энергетическое предпринимательство, комплексный межотраслевой институт, инфраструктурная киберустойчивость, публично-частное нормирование, углеродное протекционистское регулирование, критическая информационная инфраструктура, технологическая автономия ТЭК.*

1. Роль топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и необходимость специального правового регулирования.

Современная экономика Российской Федерации держится на работе топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Деятельность компаний, которые добывают нефть и газ,

производят электричество и поставляют тепло, напрямую связана с получением прибыли. Эти же компании обеспечивают энергетическую безопасность государства.

Такая двойная природа отношений требует особого правового регулирования. Простых норм гражданского кодекса о сделках здесь недостаточно. Не подходят и чисто административные методы управления. В связи с этим в юридической науке сформировалось понимание энергетического права как комплексного института, который специально создан для руководства предпринимательской работой в сфере энергетики [1, с. 400].

Г.М. Нуруллина и Н.Х. Мугинова объясняют, что истоки этой отрасли находятся в экономическом праве, а как самостоятельная ветвь энергетическое право сложилось только в начале XXI века [2, с. 67–69]. Сегодня нормы этой отрасли охватывают не только добычу и переработку ресурсов, но и строительство электростанций, вопросы инноваций и промышленную безопасность. Данное обстоятельство подтверждает, что перед нами не просто набор правил, а целостное образование, соединяющее частные интересы бизнеса и публичные интересы государства.

2. Место энергетического права в системе отраслей права.

Чтобы понять, как энергетическое право работает, нужно определить его место среди других отраслей. С.А. Алиева предлагает рассматривать энергетическое предпринимательство как комплексный межотраслевой правовой институт. При этом основная отраслевая принадлежность отдается именно энергетическому праву [3, с. 84–92]. С данным мнением следует согласиться по следующим причинам.

1. Предпринимательская деятельность здесь всегда связана с энергией, энергетическими ресурсами или объектами. Энергия – это особый товар, процесс передачи которого нельзя остановить мгновенно, а права на него сложно зафиксировать как на обычную вещь.

2. В энергетическом праве сочетаются частноправовые методы (договор поставки, купля-продажа) и публично-правовые (лицензирование, установление тарифов, требования безопасности).

3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) [4] регламентирует договор энергоснабжения (ст. 539–548), но этого недостаточно. Детальные правила содержатся в специальном Федеральном законе «Об электроэнергетике» [5] №35-ФЗ и законе №261-ФЗ «Об энергосбережениии и о повышении энергетической эффективности...» [6]. Эти акты работают только в связке.

Таким образом, предприниматель не может вести бизнес в энергетике исключительно на основе Гражданского кодекса. Ему приходится соблюдать технические регламенты, экологические нормы и правила подключения к сетям. Это и есть проявление комплексности.

3. Принципы государственного регулирования предпринимательства в ТЭК.

Государство устанавливает особые правила для бизнеса в ТЭК в силу стратегического значения этой сферы. М.И. Клеандров обращает внимание, что доходы от энергетической отрасли составляют значительную долю всех доходов страны. Если повысится эффективность правового обеспечения, эффект для экономики будет огромным [7, с. 7–15]. Отсюда вытекает несколько базовых принципов.

1. Принцип взаимной пользы. Государство защищает предпринимателей и дает им льготы, а бизнес, в свою очередь, берет на себя повышенные обязательства.

2. Принцип энергетической сверхдержавы. Россия является мировым хранителем широкого спектра энергоресурсов. Задача права – обеспечить их справедливое использование и защиту от политических угроз.

3. Принцип социальной и экологической ответственности. Крупные компании должны не просто платить налоги, но и развивать инфраструктуру в регионах присутствия, внедрять безопасные технологии. Например, «Газпром» принял Экологическую политику еще в 1995 году, а «ЛУКОЙЛ-Экоэнерго» считает социальную ответственность не дополнением, а частью основной работы.

Для реализации этих принципов используется система стратегического планирования. Конституция РФ относит федеральные энергетические системы и ядерную энергетику к ведению Федерации (ст. 71) [8]. Энергетическая стратегия России до 2050 года [9] и Доктрина

энергетической безопасности [10] задают векторы развития, хотя и не содержат прямых механизмов защиты.

4. Кибербезопасность в энергетическом предпринимательстве.

Одним из новых направлений регулирования предпринимательства в ТЭК является кибербезопасность.

Цифровизация энергетики создает новые риски для бизнеса. Следует отметить, что в современной Энергетической стратегии РФ до 2050 года прямо указана необходимость цифровой зрелости процессов. Однако С.А. Лобанов, А.У. Назарова и А.А. Найденов отмечают, что в самой Стратегии отсутствуют механизмы кибербезопасности [11, с. 26–34]. Проведенный анализ выявил следующие проблемы:

− федеральный закон №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры» [12] носит общий характер и не учитывает специфику ТЭК;

− федеральный закон №256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [13] направлен в основном на физическую охрану периметра и борьбу с терроризмом, а не на защиту от вредоносного ПО;

− отсутствует специальный закон о кибербезопасности объектов ТЭК, что создает риск масштабных аварий из-за атак на SCADA-системы (системы управления технологическими процессами).

В качестве решения предлагается создать специальную правовую модель. Она должна включать обязательную сертификацию средств защиты, регулярные независимые аудиты и отраслевые центры мониторинга инцидентов. Международный опыт (стандарты NERC CIP в США, Директива NIS 2 в ЕС) показывает, что без жестких обязательных требований бизнес часто экономит на безопасности.

5. Климатическая повестка как фактор геоэкономической борьбы и ответные меры России.

Климатическая повестка сегодня превращается в инструмент геоэкономической борьбы. А.В. Филиппова, А.У. Назарова и И.В. Гудков отмечают, что западные страны продвигают сценарий «зеленой энергетической революции», который предполагает полный отказ от ископаемого топлива к 2050 году [14, с. 83–93]. Для российских предпринимателей это создает конкретные внешние угрозы: введение углеродных налогов на границах ЕС, которые делают российский уголь и нефть дороже; ограничение доступа к международным инвестициям и технологиям; снижение спроса на углеводороды в странах-импортерах.

Чтобы защитить свой бизнес, Россия вынуждена формировать альтернативную повестку. И.В. Гудков предлагает использовать площадку БРИКС для продвижения инициатив, признающих роль природных поглотителей парниковых газов и низкоэмиссионных невозобновляемых источников энергии [15, с. 393]. Кроме того, активно работают двусторонние договоры о защите инвестиций и механизмы экспортного страхования (ЭКСАР), которые позволяют компаниям минимизировать риски.

6. Необходимость систематизации правил и понятий в энергетическом праве.

Н.В. Квициния и А.А. Букреева подтверждают, что энергетическая отрасль нуждается в систематизации правил и понятий. Энергия является главным источником возникновения общественных отношений в этой сфере, но правовое регулирование часто отстает от технологического развития [16, с. 76–79]. К числу неурегулированных вопросов относятся:

− правила доступа к энергетическим сетям для малого и среднего бизнеса;

− порядок ценообразования на розничных рынках электрической энергии;

− статус «квалифицированного потребителя» и его обязанности.

Решением могло бы стать принятие Энергетического кодекса или отдельного закона «Об энергетическом предпринимательстве». С.А. Алиева предлагает разработать Стратегию развития энергетического предпринимательства до 2035 года, которая закрепила бы дорожную карту поддержки стартапов (например, в области водородной энергетики или плавучих солнечных станций). Такие меры помогут не только крупным корпорациям, но и малому бизнесу, который сегодня часто остается без поддержки.

7. Выводы и предложения по совершенствованию энергетического права.

Таким образом, энергетическое право выступает комплексным институтом, который регулирует предпринимательскую деятельность в ТЭК через сочетание частноправовых и публично-правовых методов. Нормы Конституции РФ, Гражданского кодекса и специализированных законов (№35-ФЗ, №261-ФЗ, №187-ФЗ) создают основу для работы компаний. Однако действующая система обладает пробелами: отсутствует специальный закон о кибербезопасности объектов ТЭК, не решены проблемы углеродного регулирования на внешних рынках, а малые инновационные предприятия остаются без поддержки. Для устранения этих недостатков необходимо принять комплексный стратегический документ, развивать механизмы взаимной пользы государства и бизнеса, а также активнее использовать международные площадки (БРИКС, ОПЕК+) для продвижения российских интересов. Формирование единой и отвечающей вызовам времени законодательной платформы выступает тем необходимым условием, при котором субъекты энергетического предпринимательства способны отстоять технологическую независимость государства и надежность энергоснабжения на фоне общемировой конкурентной борьбы.

Список литературы

1. Актуальные задачи энергетического права и современной правовой науки / В.В. Романова, М.И. Клеандров, Е.А. Нахова [и др.]. – М.: Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», 2024. – 400 с. DOI 10.61525/978-5-6050667-8-1. EDN VAGDEK

2. Нуруллина Г.М. Современное состояние энергетического права в Российской Федерации / Г.М. Нуруллина, Н.Х. Мугинова // Рефлексия. – 2025. – №4. – С. 67–69. EDN OGCRZA

3. Алиева А.С. Методологические аспекты современного понимания и регулирования предпринимательской деятельности в сфере энергетики / А.С. Алиева // Журнал правовых и экономических исследований. – 2024. – №4. – С. 84–92. DOI 10.26163/GIEF.2024.56.89.011. EDN DMOAPC

4. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» №14-ФЗ от 26.01.1996 (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025).

5. Федеральный закон «Об электроэнергетике» №35-ФЗ от 26.03.2003 (ред. от 23.03.2026).

6. Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №261-ФЗ от 23.11.2009 (ред. от 31.07.2025).

7. Клеандров М.И. О кодификации энергетического законодательства: размышления, общие подходы / М.И. Клеандров // Правовой энергетический форум. – 2025. – №1. – С. 7–15. DOI 10.61525/S231243500034715-4. EDN CJNUJO

8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

9. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» №908-р от 12.04.2025.

10. Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» №216 от 13.05.2019.

11. Лобанов С.А. Правовое обеспечение кибербезопасности топливно-энергетического комплекса России в контексте реализации Энергетической стратегии до 2050 года / С.А. Лобанов, А.У. Назарова, А.А. Найденов // Право и управление. XXI век. – 2025. – Т. 21. №2(75). – С. 26–34. DOI 10.24833/2073-8420-2025-2-75-26-34. EDN TFCDXZ

12. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» №187-ФЗ от 26.07.2017 (ред. от 07.04.2025).

13. Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» №256-ФЗ от 21.07.2011 (ред. от 07.07.2025).

14. Филиппова А.В. Глобальный энергетический переход: вызовы и механизмы защиты интересов топливно-энергетического комплекса России / А.В. Филиппова, А.У. Назарова, И.В. Гудков // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 1. №8(161). – С. 83–93. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.08.01.009. EDN RZOOWT

15. Гудков И.В. Энергетический переход и право: климат, торговля, инвестиции / И.В. Гудков. – М.: МГИМО, 2024. – 393 с. EDN SZACJA

16. Квициния Н.В. Значимость энергетического права в современном обществе / Н.В. Квициния, А.А. Букреева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №2–3(89). – С. 76–79. DOI 10.24412/2500-1000-2024-2-3-76-79. EDN OSWQYH

Казаков Станислав Борисович
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА МСП К ЗАКУПКАМ ПО 44-ФЗ И 223-ФЗ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Аннотация: *в рамках данного исследования проводится комплексный анализ актуальных проблем, с которыми сталкиваются субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) при участии в государственных и корпоративных закупках, регламентируемых Федеральными законами №44-ФЗ и №223-ФЗ. Несмотря на декларируемую государством политику импортозамещения и поддержки малого бизнеса, правоприменительная практика 2024–2025 годов демонстрирует сохранение и даже усугубление ряда системных барьеров, препятствующих полноценной интеграции МСП в закупочную деятельность крупнейших заказчиков.*

Ключевой проблемой остается системное неисполнение заказчиками установленных законодательством квот на закупки у малого и среднего бизнеса. Зачастую заказчики искусственно дробят крупные лоты или устанавливают невыполнимые требования к участникам, чтобы формально отчитаться о проведенных торгах, но фактически заключить контракт с «нужным» поставщиком. Особую остроту приобретает проблема хронических неплатежей и затягивания сроков оплаты по уже исполненным контрактам, что ставит малые предприятия, не обладающие значительным запасом финансовой прочности, на грань банкротства. Высокие административные и финансовые издержки входа на рынок, включая затраты на оформление банковских гарантий и обеспечение заявок, также остаются серьезным препятствием.

Кроме того, в 2024–2025 годах усугубились последствия исключения ряда социально значимых товарных групп из расчета квот, что еще больше сузило рыночные ниши для добросовестных производителей из сектора МСП. Нельзя обойти вниманием и проблему «формального» МСП, когда статус малого предприятия используется крупным бизнесом для получения преференций, а также риски малых технологических компаний, которые проигрывают ценовые войны «серым» посредникам, торгующим контрафактом.

Для исправления сложившейся ситуации необходима глубокая гармонизация закупочного законодательства, внедрение эффективных механизмов антидемпинга, защищающих рынок от недобросовестной конкуренции, а также активное развитие специализированных цифровых сервисов поддержки поставщиков, которые могли бы обеспечить прозрачность финансовых потоков и оперативное решение споров без административного давления.

Ключевые слова: *МСП, 44-ФЗ, 223-ФЗ, госзакупки, квотирование, доступ к закупкам, правоприменительная практика, неплатежи, реестр недобросовестных поставщиков, импортозамещение.*

Участие субъектов малого и среднего предпринимательства в системе государственных и корпоративных закупок является одним из ключевых драйверов развития экономики. Государство традиционно рассматривает МСП как основу экономической стабильности, обеспечивающую занятость и социальную устойчивость. Для выполнения этой функции

законодательно установлены преференции: согласно ч. 1 ст. 30 Закона №44-ФЗ заказчики обязаны осуществлять закупки у МСП в объеме не менее 25% совокупного годового объема закупок, а по Закону №223-ФЗ (Постановление Правительства №1352) для госкомпаний установлена аналогичная квота в 25%, причем 20% от этого объема должны реализовываться через специализированные торги.

Однако статистика 2025 года демонстрирует тревожные тенденции. Как сообщал РБК со ссылкой на данные Корпорации МСП, впервые за семь лет объем закупок госкомпаний у МСП сократился почти на 10% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, составив 4,6 трлн рублей. При этом парадоксально выросло количество поставщиков, что, по мнению экспертов, опрошенных «Коммерсантом», свидетельствует о «дроблении» крупных лотов и снижении средней стоимости контракта. Данная ситуация требует глубокого анализа правоприменительной практики для выявления причин стагнации и выработки мер по совершенствованию законодательства.

Ключевой проблемой остается недисциплинированность самих заказчиков. Заместитель министра финансов А. Лавров в ходе ПМЭФ-2025, как передавал ТАСС, констатировал, что около четверти заказчиков по 223-ФЗ не выдерживают установленные квоты по закупкам у малого бизнеса. При этом, как отмечалось в журнале «Конкуренция и право» со ссылкой на выступление Лаврова, доля конкурентных закупок по 223-ФЗ искусственно занижается: почти 90% процедур проводятся «прочими» способами, которые фактически являются неконкурентными, что не позволяет регулятору увидеть реальную картину [5, с.49–52].

Особую озабоченность вызывает практика использования «серых схем», когда крупные компании создают формально подходящие под определение МСП структуры, дробят бизнес или используют аффилированных ИП для участия в торгах. Это снижает шансы реальных малых компаний на победу и искажает статистику. Также следуя логике законодателя, конфликт интересов возникает между юридическими лицами (заказчиком и исполнителем), но характеризуется наличием родственных отношений между физическими лицами (определенными должностными лицами заказчика, с одной стороны, и должностными лицами исполнителя либо иными выгодоприобретателями – с другой) [3].

В 2025 году существенно обострилась проблема хронических неплатежей со стороны госкомпаний. Как отмечал замглавы Казначейства А. Катамадзе в интервью «Интерфаксу», Закон №223-ФЗ менее требователен к заказчикам, чем Закон №44-ФЗ, что позволяет госкомпаниям переносить сроки оплаты по своему усмотрению, прокручивая средства на депозитах. Для МСП, у которых оборотные средства ограничены, задержки оплаты создают критические кассовые разрывы. Напомним, что в условиях высокой ключевой ставки (достигавшей 21% в 2024 году, по данным РИА Новости, и сниженной до 16% к декабрю 2025 года, о чем сообщал The Moscow Times) [7, с. 48–50], стоимость кредитования для малого бизнеса остается запредельной, что нивелирует эффект от формально сокращенных сроков оплаты.

Несмотря на цифровизацию, многие предприниматели сталкиваются со сложностями при подаче заявок. В ходе V ежегодной конференции «Эксперт РА» «Будущее закупок» в июне 2025 года были озвучены результаты опроса заказчиков: главными барьерами развития рынка названы киберриски (30%) и нехватка экспертизы о надежности поставщиков (26%) [11, с.69–78] Опросы Корпорации МСП показывают, что более 70% малых предприятий испытывают трудности при участии в тендерах. Основные ошибки связаны с незнанием законодательства, неумением искать релевантные процедуры и оформлять документацию.

В условиях санкционного давления и политики импортозамещения государственные закупки должны были стать ключевым инструментом поддержки отечественного производителя. Представитель Минпромторга Алан Фаизов на конференции «Эксперт РА» отметил положительное влияние нацрежима: с 1 января 2025 года реестр российской промышленной продукции ежемесячно пополняется на 5–7%, что говорит о вовлеченности

производителей [11, с. 69–78] Однако, как показывают исследования, рост доли МСП в закупках не всегда носит устойчивый характер.

Существенным ударом по доступу МСП к закупкам стало Постановление Правительства РФ №708 от 22 мая 2025 года. Как сообщает официальный портал правовой информации и разъясняет «Фармацевтический вестник», документ исключил из расчета совокупного годового объема закупок (СГОЗ) дорогостоящие категории: лекарственные препараты и медицинские изделия (при годовом объеме закупок от 20 млн рублей), а также закупки для космической деятельности и наркотических средств [8, с. 161–165]. Формально закупать эти позиции у МСП не запрещено, но мотивация заказчиков резко снизилась. В результате малый бизнес фактически выдавливается из высокобюджетных и маржинальных сегментов рынка.

Отдельного внимания заслуживает положение малых технологических компаний (МТК). Формально подпадая под критерии МСП, они часто не могут конкурировать в рамках стандартных процедур из-за специфики продукции (НИОКР, ПО, инжиниринг). Эксперт Андрей Пожаров в колонке для портала «Закупки.рф» отмечает, что в этих условиях малые технологические компании оказываются в зоне риска: стандартные процедуры не учитывают специфику НИОКР, а программы «выращивания» пока не масштабированы. Существует риск, что компании, достигшие успеха и переросшие формальные параметры МСП, теряют доступ к мерам поддержки, что создает «потолок» для развития.

На основе выявленных проблем можно сформулировать следующие предложения.

1. Ужесточение санкций за нарушение сроков оплаты. Необходимо сближение норм 44-ФЗ и 223-ФЗ в части ответственности заказчиков за просрочку исполнения денежных обязательств. В условиях сохранения высокой ключевой ставки целесообразно ввести автоматическое начисление пеней в повышенном размере для заказчиков по 223-ФЗ без судебного порядка.

2. Борьба с «формальным» МСП. Внедрение механизмов антиаффилированности и проверки цепочек собственников для исключения ситуаций, когда крупные холдинги участвуют в торгах для МСП через подставные лица. Интересен опыт Татарстана, где, как сообщают региональные издания, «Интерфакс» и Минцифры РТ объединили усилия для внедрения цифровых систем выявления конфликтов интересов в госзакупках [5–9].

3. Пересмотр последствий Постановления №708. Рекомендуется провести мониторинг влияния исключения лекарств и медизделий из квот на доступ МСП к этим рынкам. В случае резкого падения доли МСП рассмотреть вопрос о возврате этих позиций в расчет СГОЗ или введении отдельной «медицинской» квоты.

4. Развитие преференциальных режимов и нацрежима. Активное использование механизма импортозамещения (правило «второй лишний») и офсетных договоров, где малый бизнес может получить гарантированный спрос в обмен на инвестиции в производство. Расширение практики проведения конкурсов только для новых участников рынка с пониженными требованиями к обеспечению.

5. Цифровизация и образовательная поддержка. Масштабирование пилотного проекта Минэкономразвития «Госзакупки для МСП», включающего интеллектуальный подбор закупок, а также развитие системы бесплатного консультирования и обучения предпринимателей работе на электронных площадках.

Доступ субъектов МСП к закупкам по 44-ФЗ и 223-ФЗ остается сложной, многофакторной проблемой. Несмотря на формально установленные квоты, правоприменительная практика 2024–2025 годов свидетельствует о наличии системных барьеров: от недисциплинированности заказчиков до сужения товарных ниш, доступных малому бизнесу. Решение этих проблем требует не точечных изменений, а комплексной гармонизации законодательства, смещения фокуса с количественных показателей (доля закупок) на качественные (реальная платежная дисциплина, доступность торгов для новичков, антидемпинговые меры). Как резюмируют авторы обзора «Эксперт РА», рынок электронных закупок вышел из кризисного этапа, но продолжает трансформироваться под влиянием регулирования, и только системный подход

позволит превратить госзаказ в полноценный локомотив роста малого и среднего предпринимательства в России [11, с. 69–78].

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон № 44-ФЗ: принят Государственной Думой 22 марта 2013 года: одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 года // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 24.02.2026).

2. Российская Федерация. Законы. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон № 223-ФЗ: принят Государственной Думой 8 июля 2011 года: одобрен Советом Федерации 13 июля 2011 года // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 24.02.2026).

3. Российская Федерация. Правительство. Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: постановление Правительства РФ №1352: утверждено Правительством РФ 11 декабря 2014 года // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172655/ (дата обращения: 24.02.2026).

4. Российская Федерация. Правительство. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ №708: утверждено Правительством РФ 22 мая 2025 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 23. – Ст. 4125.

5. Алибакова Г.А. Проблемы государственного регулирования закупок по Федеральному закону №44-ФЗ: выявленные нарушения, обновления нормативной базы / Г.А. Алибакова // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 25 октября 2025 г.) / редколл.: В.И. Григорьев [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 49–52. – DOI 10.31483/r-150955. EDN QDPAYX

6. Добрецов Г.Б. Некоторые вопросы национального режима закупки: различия в законах № 44-ФЗ и № 223-ФЗ / Г.Б. Добрецов, А.Н. Вдовина, В.Ф. Лукиных // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2024. – Т. 4, вып. 3. – С. 382–390. – DOI 10.34130/2070-4992-2024-4-3-382. – EDN TAVZMQ.

7. Кванина В.В. Национальный режим при осуществлении публичных закупок как фактор обеспечения национальных интересов / В.В. Кванина // European and Asian Law Review. – 2018. – №2. – С. 48–55. – EDN YUSJWF.

8. Меджидова З.К. Организация госзакупок с учетом последних изменений в законодательстве / З.К. Меджидова, М.М. Османова // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – №1. – С. 161–165. – EDN YWEPJR. DOI 10.26118/2782-4586.2024.88.89.022

9. Морин А.В. Проблемные вопросы применения национального режима при осуществлении государственных закупок / А.В. Морин, К.В. Быкова // Аграрное и земельное право. – 2023. – №11 (227). – С. 198–202. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_11_198. – EDN ORBQFW.

10. Новицкая Л.Ю. Нормативные аспекты применения промышленных товаров, происходящих из иностранных государств / Л.Ю. Новицкая, М.А. Орловская // Образование и право. – 2022. – №10. – С. 168–172. – DOI 10.24412/2076-1503-2022-10-168-172. – EDN ERIZMS.

11. Рехтина Н.В. Вопросы правового регулирования предоставления национального режима при осуществлении закупок / Н.В. Рехтина, Е.А. Линник // Экономика космоса. – 2024. – №10. – С. 69–78. – DOI 10.48612/agat/space_economics/2024.03.10.07. – EDN JKLHFD.

12. Яремченко Т.С. О некоторых особенностях правового регулирования в сфере государственных закупок / Т.С. Яремченко, Т.В. Воротилина // Актуальные вопросы современной экономики. – 2022. – №12. – С. 510–516. – EDN GLEZRK.

13. Землин А.И. Актуальные правовые аспекты противодействия коррупции при осуществлении закупок для государственных нужд / А.И. Землин // Russian Journal of Economics and Law. – 2015. – №1 (33). – С. 74–79. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-pravovye-aspekty-protivodeystviya-korruptsii-pri-osuschestvlenii-zakupok-dlya-gosudarstvennyh-nuzhd (дата обращения: 28.07.2026).

Казанцев Олег Вячеславович
студент

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация: *в статье проанализированы ключевые моменты становления и развития контрактной системы в сфере государственных закупок, а также гражданско-правовые нормы, обеспечивающие её функционирование. Цель работы – выявление основных этапов становления и развития правового регулирования контрактной системы в России и анализ влияния ключевых законодательных изменений на эффективность закупок. Исследование построено на сочетании историко-правового, системного и сравнительного методов, что позволяет рассматривать контрактную систему в динамике и одновременно анализировать её как целостный юридический механизм. Результат исследования позволяет сделать вывод о закономерной эволюции правового регулирования государственных закупок – от процедур размещения к более комплексной модели контрактной системы. Современная контрактная система является итогом последовательного наращивания регулятивных инструментов: от процедурной регламентации к институциональному обеспечению контроля и эффективности.*

Ключевые слова: *государственные закупки, контрактная система, правовое регулирование контрактной системы, систематизация, цифровизация, электронные государственные закупки.*

Эволюция правового регулирования контрактной системы в сфере государственных закупок в России является предметом повышенного научного интереса, поскольку именно нормативные изменения формировали «каркас» управления публичными расходами. В переходный период и на последующих стадиях реформ закупочное регулирование отражало общие экономические сдвиги и задачи государства по повышению эффективности использования бюджетных средств. Соответственно, анализ становления контрактного механизма позволяет раскрыть причинно-следственные связи между реформами законодательства и фактическими параметрами закупочной деятельности, включая организацию процедур выбора контрагента и правовой режим договорных обязательств [10, с. 233].

Контрактная система рассматривается как механизм, охватывающий весь жизненный цикл контракта – от планирования до исполнения, тем самым закрепляя единые правила для участников и обеспечивая прозрачность и эффективность [15, с. 35]. В связи с этим исследование ее нормативной эволюции становится особенно значимым в условиях продолжающейся трансформации экономики и законодательства: меняются требования к обоснованию потребностей, дисциплине договорного исполнения, а также к инструментам контроля. В такой ситуации историко-правовой взгляд позволяет оценить, какие правовые конструкции оказались устойчивыми, а какие – требовали корректировки.

Наконец, изучение развития правового регулирования контрактной системы важно и с позиции практики: современное правоприменение опирается на сформированные ранее принципы и модели регулирования закупок [11, с. 39]. Понимание логики реформ дает возможность корректнее интерпретировать действующие требования, выявлять системные риски и обосновывать направления дальнейшего совершенствования механизма закупок, сохраняя приоритет публичных интересов и конкурентных начал.

1. Становление правового регулирования (1990–2004 гг.).

Переход к рыночной экономике в России сопровождался перестройкой отношений публичного сектора с хозяйственным оборотом, что затронуло и сферу государственных закупок. В этот период формировались первые контуры нормативного управления закупочной деятельностью, ориентированные на снижение коррупциогенных факторов и повышение эффективности бюджетных расходов, прежде всего через процедурные механизмы выбора поставщика [10, с. 123]. Исследовательские подходы подчёркивают, что закупочная деятельность как правовой феномен имеет длительную историческую основу: следовательно, задачи становления 1990–2000-х гг. заключались не в «создании с нуля», а в переносе и адаптации управленческих инструментов к новым экономическим условиям [17, с. 20].

Нормативное регулирование в ранний период носило фрагментарный характер и развивалось посредством отдельных федеральных решений и их имплементации на уровне субъектов. Показательно, что базовые подходы к правительственным закупкам задавали направление развития общественных закупок, а использование закона на региональном уровне зачастую предполагало необходимость принятия собственных актов из-за проблем коррупции и неэффективности бюджетных расходов, наблюдавшихся на всех уровнях управления [16, с. 10]. В результате формировался предпосылочный правовой режим: закреплялись общие требования к закупочным процедурам, усиливалась потребность в согласованных правилах и повышалась значимость профилактики злоупотреблений.

На качественном уровне это означало постепенное «встраивание» закупок в систему публичного финансового контроля и договорной дисциплины. Хотя полноценная контрактная система как комплексный механизм ещё не была сформирована, уже проявлялась тенденция к процедурной регламентации и к связыванию закупочного решения с последующим исполнением обязательств. Иными словами, 1990–2004 гг. следует рассматривать как период институционального накопления правового инструментария, который впоследствии был преобразован в более системные модели регулирования.

2. Этап систематизации: закон 94-ФЗ (2005–2012 гг.).

Этап систематизации связан с введением Федерального закона №94-ФЗ, который закрепил базовую модель регулирования отношений, возникающих при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг [10, с. 23]. В отличие от фрагментарных подходов переходного периода, данный акт сформировал единый правовой контур процедур выбора поставщика для государственных и муниципальных нужд, обеспечив стандартизацию требований к документам и порядку размещения. Тем самым 94-ФЗ стал нормативным «каркасом», на который впоследствии опирались последующие реформы, ориентированные на переход к контрактной системе.

Структурно закон 94-ФЗ предполагал формализацию ключевых стадий закупочного цикла через установление последовательности действий заказчика и процедурных сроков. В частности, законодатель закреплял временной разрыв между размещением на официальном сайте протокола рассмотрения и возможностью заключения государственного или муниципального контракта: контракт мог быть заключен не ранее чем через десять дней со дня размещения соответствующего протокола [11, с. 39]. Такая конструкция выполняла одновременно гарантийную и дисциплинирующую функции: с одной стороны, предоставляла участникам разумный временной интервал для реакции на результаты рассмотрения заявок, с другой – снижала риск немотивированной спешки в оформлении договорных отношений.

Регуляторный эффект систематизации проявлялся и в том, что закон задавал предсказуемость процедурных решений через понятные правила вступления в договорные обязательства. Формирование устойчивой логики «процедура → протоколы → заключение контракта» усиливало управляемость закупок и создавало основания для выстраивания последующей политики контроля и мониторинга. При всей значимости 94-ФЗ, его модель носила характер этапа накопления регулирования: она структурировала размещение заказов, но еще не

обеспечивала целостного охвата жизненного цикла контракта в той степени, которая характерна для последующего режима контрактной системы.

В исследовательском плане анализ 94-ФЗ позволяет выделить институциональные основания, которые затем были преобразованы: усиление роли официального информационного массива, процедурная регламентация сроков и формирование процедурного стандарта как критерия законности действий заказчика. Таким образом, именно на этапе систематизации были сформированы предпосылки для дальнейшего «усиления» и «связывания» закупочных процедур с последующим исполнением контракта.

3. Корректировка и усиление регулирования (2009 г.).

Подраздел, посвященный 2009 году, характеризуется переходом от модели «первичной систематизации» к фазе корректировок, направленных на повышение качества регулирования. Ключевую роль в этом процессе сыграл Федеральный закон №308-ФЗ, принятый 30.12.2008 г. и внесший изменения в Федеральный закон «О размещении заказов…» (94-ФЗ) и отдельные законодательные акты [14, с. 32]. Тем самым нормативная реформа была ориентирована не на отмену базового каркаса, а на его настройку под возникавшие практические потребности и выявленные пробелы.

Значимость 308-ФЗ проявлялась прежде всего в том, что он закреплял точечную модернизацию процедур размещения заказов, согласуя регуляторные требования с логикой эффективного исполнения договорных обязательств [16, с. 10]. В рамках данной логики коррекция правил отражала стремление устранить неоднородность практики и повысить управляемость закупочных решений заказчиков. Иными словами, усиление правового режима выражалось в уточнении отдельных элементов размещения заказа, что влияло на предсказуемость действий участников и на устойчивость правоприменения.

Отдельного внимания заслуживает и нормативно-временной аспект реформы: изменения вносились на фоне уже сформированного в 94-ФЗ процедурного стандарта, поэтому их эффект заключался в «уплотнении» регулятивной модели. Корректировки позволяли снижать число спорных ситуаций, возникающих на стыке процедурных действий и последующих договорных шагов. Это, в свою очередь, подготавливало нормативную почву для последующего перехода к более целостной конструкции контрактной системы, где акцент переносится с чисто процедурного подхода на регулирование всего жизненного цикла контракта.

4. Укрепление конкурентных принципов (с 2006 г.).

Укрепление конкурентных принципов в сфере государственных закупок в анализируемый период связано с тем, что конкуренция стала рассматриваться не как факультативная характеристика процедур, а как устойчивый критерий законности правоприменения. Практическая значимость этого подхода проявляется в усложнении оценочных процедур: заказчик обязан выстраивать закупку так, чтобы обеспечивались условия для состязательности участников и одинаковости доступа к формированию предложения. В этой логике особое значение приобретает взаимодействие закупочного регулирования с антимонопольными требованиями, задающими пределы допустимого усмотрения заказчика.

Правовой механизм конкуренции становится особенно заметным в связи с развитием электронных форм размещения заказа: открытый аукцион в электронной форме предусматривает участие только аккредитованных пользователей, при этом законодатель связывает соответствующие права участников с их действиями на электронной площадке [14, с. 33]. Тем самым конкурентность обеспечивается не только содержанием процедуры, но и архитектурой взаимодействия участников с информационной инфраструктурой. Это оказывает влияние и на процедурную дисциплину: конкурентные начала реализуются через технологически закрепленные правила участия и коммуникации.

В рассматриваемом контексте Федеральный закон №135-ФЗ играет роль нормативного «усилителя» конкурсной логики закупок: он ориентирует правоприменение на недопущение действий, которые могут искажать конкурентную среду, ограничивать круг участников или создавать преимущество отдельным лицам. В итоге конкуренция выступает интеграционным

критерием, позволяющим оценивать закупку не только с точки зрения соблюдения формальных шагов, но и с точки зрения ее влияния на рынок и равные условия участия.

5. Переход к контрактной системе: закон 44-ФЗ (с 2013 г.).

Переход к контрактной системе в России обусловлен принятием Федерального закона №44-ФЗ, который установил комплексный правовой режим для закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [2, с. 11]. В отличие от прежней логики регулирования, ориентированной преимущественно на выбор контрагента в рамках «размещения заказа», новый подход связывает правовой контроль не только с процедурой заключения контракта, но и с более широким контуром обязанностей заказчика и результатами исполнения.

Содержательно 44-ФЗ закрепляет существенные изменения по сравнению с регулированием 94-ФЗ. В частности, в доктринальных обзорах отмечается, что 44-ФЗ меняет структуру регулирования: если закон №94-ФЗ включал 9 глав и регулировал размещение государственных и муниципальных заказов через проведение конкурсов, то переход к контрактной системе предполагает более развернутый перечень элементов закупочного цикла и иных процедурных механизмов [11, с. 40]. Тем самым расширяется «инструментарий» заказчика при сохранении ориентации на законность, обоснованность закупок и достижение целей публичного расходования средств.

Отдельным направлением реформы стала институционализация конкурентных и контрольных начал, в том числе через усиление общественного измерения закупочной деятельности. Введение общественного контроля в модели контрактной системы обеспечивает дополнительный канал оценки закупок со стороны общества, повышая прозрачность и дисциплинируя правоприменение [16, с. 10]. Подобная конструкция встраивает внешний по отношению к заказчику контроль в общую систему гарантий, что повышает значимость процедурных правил как механизма предотвращения злоупотреблений и снижения регуляторных рисков.

Наконец, переход к контрактной системе следует рассматривать как правовую интеграцию этапов: выбор контрагента рассматривается как составная часть более широкого процесса закупки, а требования к действиям заказчика приобретают системный характер. В этой связи 44-ФЗ закрепляет логику «контракт как результат» и тем самым создаёт предпосылки для последующего развития электронных закупок и иных механизмов повышения эффективности [10, с. 302].

6. Переход к электронным государственным закупкам.

Развитие электронных государственных закупок в России следует рассматривать как закономерное продолжение реформ, начатых на предшествующих этапах становления контрактного регулирования. Переход к электронной форме изменил не только технологию проведения процедур, но и правовую архитектуру публичной закупки: электронная коммуникация становится каналом обеспечения прозрачности и фиксации юридически значимых действий заказчика и участников. В этом смысле электронные закупки выступают инструментом реализации целей контрактной системы, формируя более связный правовой режим по всей закупочной цепочке.

Нормативные предпосылки электронной формы складывались постепенно. Так, в контексте действия 94-ФЗ правовое регулирование электронного аукциона получало развитие через установление правил его проведения, особенностей процедур и одновременно обозначение проблематики правоприменения со стороны заказчиков [12, с. 60]. Данный этап важен тем, что он демонстрирует переход от «бумажной» модели процедур к регламентированным электронным форматам, где меняются способы соблюдения сроков, подготовки документации и документирования решений.

Связь электронных закупок с более поздним режимом контрактной системы проявляется в логике преемственности: электронные инструменты усиливают контрольные и конкурентные механизмы, снижая информационную асимметрию и повышая прослеживаемость действий сторон. В результате развитие цифровых процедур стало не самостоятельным

направлением «поверх» контрактного регулирования, а фактором его эффективности: именно через электронные формы обеспечивается практическая реализуемость единых требований к закупочному циклу [16, с. 23]. На дальнейших этапах цифровизация становится одним из ключевых условий согласованности правовых стандартов и реального поведения субъектов закупок.

7. Перспективы работы по совершенствованию контрактной системы.

Перспективы дальнейшей работы в области контрактной системы связаны с углублением анализа того, как цифровизация влияет на устойчивость и результативность контрактной системы в правовом измерении. В частности, представляется значимым исследовать исторические траектории становления регулирования государственных закупок в электронной форме и выявить, какие нормы обеспечивали юридическую определенность в условиях технологического изменения процедур [17, с. 19]. Такой анализ позволит точнее оценить регуляторные эффекты электронных инструментов и выявить проблемные зоны правоприменения.

Дальнейшая работа может быть направлена на совершенствование модели «контракт как результат», то есть на изучение того, как правовые механизмы обеспечения исполнения и контроля за контрактными обязательствами соотносятся с конкуренцией на этапе определения поставщика. Не менее перспективным направлением является исследование взаимосвязи электронных процедур с рисками злоупотреблений и с механизмами общественного контроля, поскольку цифровой след закупки формирует основу для последующей проверки законности действий.

В качестве практико-ориентированных задач целесообразно выделить разработку предложений по повышению согласованности нормативных требований в течение всего жизненного цикла закупки, а также оценку того, каким образом совершенствование электронных регламентов отражается на предсказуемости процедур и на эффективности использования бюджетных средств. Реализация этих направлений позволит уточнить критерии качества правового регулирования контрактной системы и предложить более точечные меры по её дальнейшему развитию.

Список литературы

1. Федеральный закон «Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая» №51-ФЗ от 30.11.1994; часть вторая» №14-ФЗ от 26.01.1996. – URL: http://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 25.07.2026).

2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» №44-ФЗ от 05.04.2013. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 25.07.2026).

3. Федеральный закон «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» №60-ФЗ от 13.12.1994. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5205/ (дата обращения: 25.07.2026).

4. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» №94-ФЗ от 21.07.2005 (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/ (дата обращения: 25.07.2026).

5. Указ Президента РФ «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» №305 от 08.04.1997. – URL: http://base.garant.ru/10200555/ (дата обращения: 25.07.2026).

6. Федеральный закон «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» №2859–1 от 28.05.1992 (утратил силу). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516/ (дата обращения: 25.07.2026).

7. Постановление Правительства РФ «Об организации работ по реализации Закона Российской Федерации «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» №638 от 27.08.1992 (утратило силу). – URL: http://base.garant.ru/10104687/ (дата обращения: 25.07.2026).

8. Федеральный закон «О конкурсах на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд» №97-ФЗ от 06.05.1999. – URL: http://base.garant.ru/180403/ (дата обращения: 25.07.2026).

9. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» №94-ФЗ от 21.07.2005 (утратил силу). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/ (дата обращения: 25.07.2026).

10. Андреева Л.В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование: монография / Л.В. Андреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2011. EDN QRTJBR

11. Бертунова Б.Б. Этапы реформ государственной системы в сфере государственных закупок / Б.Б. Бертунова // Universum: экономика и юриспруденция. – 2016. – №11(32).
12. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE
13. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с.
14. Сидорович А.Р. Новации законодательства в сфере государственных закупок: ключевые аспекты Федерального закона №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» / А.Р. Сидорович // Молодой ученый. – 2013. – №6(53).
15. Тасалов Ф.А. Контрактная система в сфере государственных закупок России и США: сравнительно-правовое исследование: монография / Ф.А. Тасалов. – М.: Проспект, 2016. EDN UBBJGQ
16. Шацкий Д.Е. Система контрактных отношений в России: анализ проблем реализации федерального законодательства / Д.Е. Шацкий // Вестник ГУУ. – 2018. – №3. DOI 10.26425/1816-4277-2018-3-109-114. EDN LBSCEX
17. Система госзакупок: на пути к новому качеству / А.А. Яковлев, И.В. Кузнецова, А.Т. Шамрин [и др.] // Вопросы экономики. – 2010. – №6. – URL: https://www.vopreco.ru/jour/article/view/1037/0 (дата обращения: 25.07.2026). DOI 10.32609/0042-8736-2010-6-88-107. EDN MNGUBR

Казнина Екатерина Викторовна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ актуальных проблем правоприменения лицензионных требований в сфере медицинской деятельности в Российской Федерации. Лицензирование как ключевой административно-правовой механизм обеспечения качества и безопасности медицинских услуг сталкивается с трудностями, связанными с изменчивостью и сложностью нормативно-правовой базы, что создаёт барьеры для добросовестных участников рынка и оставляет пробелы для недобросовестных. На основе системно-правового, сравнительно-правового и формально-юридического методов анализируется правоприменительная и судебная практика, выявляющая расхождения в трактовке требований контролирующими органами. Рассматриваются проблемы формального подхода при проверках, недостаточной эффективности последующего контроля, квалификации правонарушений, а также сложности лицензирования высокотехнологичных видов медпомощи (телемедицина). Предложены меры по гармонизации нормативной базы, внедрению риск-ориентированного подхода и повышению прозрачности процедур.*

Ключевые слова: *медицинская деятельность, лицензирование, лицензионные требования, правоприменение, государственный контроль, качество медицинской помощи, юридическая ответственность.*

Обеспечение права граждан на охрану здоровья и качественную медицинскую помощь является одной из приоритетных задач любого социального государства [12]. В Российской Федерации ключевым инструментом государственного регулирования, призванным гарантировать безопасность и профессионализм в сфере здравоохранения, выступает институт

лицензирования медицинской деятельности. Несмотря на регулярное обновление нормативно-правовой базы, в том числе принятие нового Положения о лицензировании медицинской деятельности [4], правоприменительная практика свидетельствует о наличии целого комплекса нерешенных проблем. Данные проблемы лежат в плоскости как избыточного административного давления на медицинские организации, так и недостаточной эффективности существующих механизмов выявления и пресечения грубых нарушений лицензионных требований, что напрямую угрожает жизни и здоровью пациентов [13]. В связи с этим актуализируется потребность в научном осмыслении дефектов правоприменения и поиске путей оптимизации лицензионных процедур.

Правовая природа и значение лицензирования медицинской деятельности.

Лицензирование медицинской деятельности представляет собой сложный межотраслевой институт, сочетающий в себе элементы административного, гражданского и медицинского права. Как справедливо отмечается в научной литературе, правовое регулирование любой профессиональной сферы, сопряженной с рисками для общества, требует четко выверенного баланса между свободой предпринимательства и государственным принуждением. В этом контексте ряд авторов, например, С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц и др., указывают на важность актуализации проблем правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности в современных условиях [6].

Основная цель лицензирования заключается в предотвращении ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан. Для получения лицензии медицинская организация обязана подтвердить свое соответствие ряду строгих критериев: наличие принадлежащих ей на законном основании помещений, соответствующих санитарно-эпидемиологическим нормам; наличие медицинских изделий и оборудования, зарегистрированных в установленном порядке [3]; укомплектованность штата квалифицированными медицинскими работниками с соответствующим образованием и аккредитацией.

Однако на практике правовая природа лицензионных требований зачастую искажается формальным подходом лицензирующих органов. Проверка соответствия соискателя лицензии нередко сводится к «документарному» контролю, при котором оценивается правильность заполнения форм, а не фактическая способность клиники оказывать безопасную медицинскую помощь [10].

Проблемы правоприменения при лицензировании новых форматов оказания медицинской помощи.

Стремительное развитие медицинских технологий и цифровизация здравоохранения бросают новые вызовы системе правового регулирования. Внедрение телемедицины, использование систем искусственного интеллекта для диагностики и применение высокоавтоматизированных медицинских комплексов требуют адаптации лицензионных требований. Как отмечают Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневич, правовая и организационная природа процессов цифровизации требует новой регуляторной функции государства [7].

На сегодняшний день лицензирование телемедицинских услуг сопряжено с правовой неопределенностью. Законодательство рассматривает телемедицину не как отдельный вид медицинской деятельности, а как технологию ее оказания. Это означает, что клиника должна получать лицензию на конкретный вид услуг (например, «кардиология» или «терапия»), просто заявляя о намерении использовать телемедицинские технологии. Тем не менее, правоприменители часто сталкиваются с трудностями при проверке соблюдения требований информационной безопасности, защиты врачебной тайны и идентификации пациентов в цифровой среде [2]. Учитывая рост рисков в информационной сфере, актуальным становится подход к обеспечению информационной безопасности, который в иных отраслях исследовали А.И. Землин и Д.А. Колоколова [11].

Кроме того, законодательство слабо регулирует вопросы использования медицинского программного обеспечения. Отсутствие четких критериев разграничения медицинских и

немедицинских ИТ-продуктов создает трудности при определении необходимости их включения в лицензируемый периметр медицинской организации.

Особенности контрольно-надзорной деятельности и привлечения к ответственности.

После получения лицензии медицинская организация попадает в сферу постоянного лицензионного контроля. Практика показывает, что контрольно-надзорная деятельность в этой сфере зачастую страдает обвинительным уклоном. Органы Росздравнадзора при выявлении малейших несоответствий стремятся квалифицировать их как грубые нарушения лицензионных требований, что влечет за собой строгие санкции вплоть до административного приостановления деятельности [6].

Интересным представляется анализ деформаций системы предупреждения правонарушений. Как подчеркивает А.И. Землин, деформации системы предупреждения и направления совершенствования законодательства требуют пристального внимания [9]. В сфере медицины такие деформации проявляются в ситуациях, когда медицинские работники, стремясь выполнить все бюрократические требования, вынуждены уделять меньше времени непосредственному лечению пациентов.

Привлечение к административной ответственности по ст. 14.1 или 19.20 КоАП РФ [1] за осуществление деятельности с нарушением лицензионных требований также порождает споры. Часто возникают проблемы разграничения понятий «недостаток качества медицинской помощи» (регулируемого гражданским законодательством и законодательством о защите прав потребителей) и «нарушение лицензионных требований» [5].

Судебная практика по делам о нарушении лицензионных требований.

Анализ судебной практики демонстрирует отсутствие единообразия в разрешении споров, связанных с привлечением медицинских организаций к ответственности. Суды по-разному трактуют понятие «грубое нарушение лицензионных требований».

В ряде случаев суды встают на сторону медицинских организаций, признавая незаконными предписания Росздравнадзора, если выявленные нарушения носили формальный характер и не повлекли реальной угрозы причинения вреда здоровью граждан. Например, отсутствие в кабинете врача определенного медицинского изделия, предусмотренного стандартом оснащения, но фактически не используемого применяемой в клинике методике лечения, суды часто признают малозначительным правонарушением.

С другой стороны, суды жестко реагируют на нарушения, связанные с отсутствием у медицинского персонала действующих сертификатов специалиста или свидетельств об аккредитации, а также на использование незарегистрированных медицинских изделий. В таких ситуациях, как отмечают исследователи правовых проблем, например Е.С. Митячкина в рамках анализа нарушений корпоративных требований, необходимо строго следовать букве закона во избежание системных рисков [13].

Существенной проблемой остается доказывание причинно-следственной связи между нарушением лицензионных требований и наступившими негативными последствиями для здоровья пациента, что часто требует проведения сложных комиссионных судебно-медицинских экспертиз.

Перспективы совершенствования законодательства.

Для преодоления выявленных проблем правоприменения необходима комплексная модернизация лицензионного законодательства в сфере здравоохранения. Во-первых, целесообразно перейти от жесткой регламентации стандартов оснащения к более гибким, функциональным требованиям, учитывающим реальные потребности конкретной клиники и применяемые в ней медицинские технологии. Это перекликается с развитием юридической квалиметрии, о которой пишут Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневич, предлагая новые методы оценки правовых явлений [8].

Во-вторых, требуется дальнейшее развитие риск-ориентированного подхода при осуществлении лицензионного контроля. Частота и глубина проверок должны напрямую зависеть от категории риска медицинской организации, которая должна определяться не только

формальными признаками (видами оказываемой помощи), но и историей предыдущих проверок, наличием обоснованных жалоб пациентов и результатами внутреннего контроля качества. О важности непрерывного образования как условия повышения эффективности контроля (надзора) обоснованно заявляют А.И. Землин и соавторы [10].

В-третьих, необходимо уточнить правовой статус телемедицины и разработать специализированные лицензионные требования для организаций, оказывающих помощь исключительно в дистанционном формате, с акцентом на кибербезопасность и защиту персональных данных.

Институт лицензирования медицинской деятельности в Российской Федерации находится на этапе трансформации. Выявленные проблемы правоприменения свидетельствуют о том, что действующая система все еще страдает излишним формализмом и не всегда способна оперативно реагировать на технологические изменения в здравоохранении. Совершенствование лицензионных требований должно идти по пути их разумной либерализации для добросовестных участников рынка при одновременном ужесточении контроля за наиболее рискоемкими аспектами медицинской деятельности. Только системный, научно обоснованный подход к реформированию законодательства и унификации судебной практики позволит превратить лицензирование из административного барьера в реально работающий механизм обеспечения качества и безопасности медицинской помощи.

Список литературы

1. Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» №195-ФЗ от 30.12.2001 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 1.

2. Федеральный закон «О персональных данных» №152-ФЗ от 27.07.2006 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (ч. 1). – Ст. 3451.

3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» №323-ФЗ от 21.11.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №48. – Ст. 6724.

4. Постановление Правительства РФ «О лицензировании медицинской деятельности» №852 от 01.06.2021 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №23. – Ст. 4091.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» №17 от 28.06.2012 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – №9.

6. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. EDN ZFMLLM

7. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

8. Бондаренко Н.Л. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Право.by. – 2022. – №5. – С. 117–124. EDN KCSRAO

9. Землин А.И. К вопросу о некоторых деформациях системы предупреждения коррупции и направлениях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.И. Землин // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – 2018. – №4. – С. 32–45. EDN YSGERN

10. Непрерывное образование как условие повышения эффективности контроля (надзора) на транспорте в условиях санкций / А.И. Землин, Е.Г. Багреева, С.В. Карпова, О.М. Землина // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17. №4. – С. 53–63. DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-4-53-63. EDN ZKBTKL

11. Землин А.И. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции / А.И. Землин, Д.А. Колоколова // Военное право. – 2025. – №3(91). – С. 13–17. EDN DARBAZ

12. Землин А.И. Ценности здравоохранения на языке права... / А.И. Землин, П.Ю. Наумов, Р.Н. Шепель // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2024. – Т. 23. №4. – С. 115–120. DOI 10.15829/1728-8800-2024-4023. EDN KSLWJM

13. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования. – Анапа, 2022. – С. 14–18. EDN XFAVIY

Кем Наталья Александровна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»,
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: *в статье исследуются особенности защиты вещных прав на недвижимое имущество в условиях цифровизации гражданского оборота. Основное внимание уделяется проблемам, возникающим при электронной государственной регистрации прав, функционировании Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), межведомственном информационном обмене и использовании цифровых сервисов в обороте недвижимости. Анализируются риски технических ошибок в реестре, дублирования записей, незаконного внесения сведений, а также проблемы защиты добросовестных приобретателей и собственников в случаях реестровых противоречий. Выявляются особенности действующей модели защиты вещных прав на недвижимое имущество, производится её сопоставление с направлениями реформы гражданского законодательства и предлагаются научно обоснованные пути совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики в условиях цифровизации. На основе анализа положений Гражданского кодекса РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования и судебной практики.*

Актуальность темы обусловлена тем, что цифровизация одновременно ускоряет оборот недвижимости и повышает уязвимость правообладателей. Нарушения вещных прав всё чаще связаны не с традиционными способами посягательства, а с ошибками программного обеспечения, недостаточной защищённостью электронных сервисов, подачей фиктивных заявлений через цифровые каналы, а также с несвоевременным обновлением данных в государственных системах. Эта тема позволяет увязать классическую проблематику вещно-правовой защиты (виндикационный, негаторный иск, признание права, освобождение вещи от ареста и др.) с современной реформой вещного права в условиях повсеместной цифровизации.

Ключевые слова: *вещные права, недвижимое имущество, цифровизация, государственная регистрация, добросовестный приобретатель, публичная достоверность реестра, защита права собственности.*

Защита вещных прав на недвижимое имущество занимает ключевое место в системе гражданско-правовых гарантий, обеспечивающих устойчивость имущественного оборота и реализацию конституционного принципа неприкосновенности собственности. Конституция Российской Федерации закрепляет равную защиту всех форм собственности и гарантии права частной собственности [1, с. 7], что на уровне гражданского законодательства конкретизируется через институт права собственности и иных вещных прав, а также систему способов их защиты.

Гражданское законодательство основывается, в частности, на признании неприкосновенности собственности и недопустимости произвольного вмешательства в частные дела [2, с. 7]. Право собственности в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) раскрывается как совокупность правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом. В то же время статьи 12, 301–305 ГК РФ формируют рамочную конструкцию

защиты гражданских, в том числе вещных прав, задавая общие и специальные способы реагирования на нарушения.

Реформа гражданского законодательства, отражённая в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и проектах изменений раздела II ГК РФ, предполагает существенное обновление вещно-правовых институтов, включая систематизацию норм о защите вещных прав и возможное введение владельческой защиты. На этом фоне цифровизация имущественного оборота и развитие Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) создают новые вызовы для механизма защиты вещных прав, связанные с техническими ошибками, межведомственным взаимодействием и балансом интересов собственников и добросовестных приобретателей.

Правовая природа вещных прав на недвижимость и их значение для механизма защиты.

Вещные права традиционно рассматриваются в доктрине как абсолютные субъективные права, обеспечивающие непосредственное господство управомоченного лица над индивидуально-определённой вещью [3, с. 7]. Перечень вещных прав закреплён в статье 216 ГК РФ, согласно которой к вещным правам относятся право собственности, а также ограниченные вещные права. К числу ограниченных вещных прав относятся: право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитуты, право хозяйственного ведения и право оперативного управления. При этом, пункт 3 той же статьи устанавливает принцип следования: вещные права следуют за имуществом при переходе права собственности на это имущество к другому лицу.

Особый режим недвижимости вытекает из статьи 130 ГК РФ, в которой закрепляется: «К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно».

Таким образом, недвижимость характеризуется повышенной устойчивостью оборота и тесной связью с территорией, что обуславливает необходимость строгого учета и регистрации вещных прав, а также особых способов их защиты.

Наиболее полное выражение вещная природа имеет в праве собственности. Статья 209 ГК РФ определяет, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам.

Система ограниченных вещных прав (пожизненное наследуемое владение, постоянное пользование, сервитут, хозяйственное ведение, оперативное управление) опосредует различные модели участия субъектов в имущественном обороте, сохраняя при этом характер непосредственного господства над вещью. Для механизма защиты это означает, что специальные способы (виндикационный, негаторный иски) должны быть доступны не только собственнику, но и титульным владельцам, что прямо закреплено в статье 305 ГК РФ.

Общие и специальные способы защиты вещных прав на недвижимость.

Общая конструкция защиты гражданских прав в российском праве сформулирована в статье 12 ГК РФ.

Специальные способы защиты вещных прав регламентированы в статьях 301–305 ГК РФ.

Системное толкование этих норм дано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. №10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (ред. от 12.12.2023).

Государственная регистрация прав и публичная достоверность ЕГРН как элементы механизма защиты.

Особенности защиты вещных прав на недвижимость неразрывно связаны с институтом государственной регистрации. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ «О

государственной регистрации недвижимости» устанавливает, что государственной регистрации подлежат права собственности и другие вещные права на недвижимое имущество (пункт 6 статьи 1). Пункт 5 той же статьи закрепляет фундаментальный принцип: «Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним является единственным доказательством существования зарегистрированного права».

Гражданский кодекс РФ, дополняя эти положения, в статье 8.1 регламентирует момент возникновения зарегистрированных прав: «Права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не предусмотрено законом».

Эти нормы формируют связку: право – запись в реестре – доказательство существования права, которая лежит в основе современной модели защиты вещных прав на недвижимость. Ошибки в ЕГРН, несоответствие записей действительному правовому состоянию, а также проблемы межведомственного взаимодействия приводят к тому, что судебная защита вещных прав должна учитывать как титул, основанный на реестре, так и материальное право, вытекающее из договора или иных юридических фактов.

Постановление Пленума №10/22 в контексте добросовестного приобретения и публичной достоверности реестра указывает, что при разрешении споров суды должны учитывать презумпцию достоверности сведений государственного реестра и необходимость защиты лица, разумно полагавшегося на эти сведения. В последующих обзорах судебной практики Верховного Суда РФ подчёркивается, что добросовестность приобретателя предполагает отсутствие у него сведений о нарушении прав третьих лиц и разумность проверки правомочий отчуждателя, прежде всего через ЕГРН [15].

Основные проблемы защиты вещных прав на недвижимость в условиях цифровизации

В условиях цифровизации одна из наиболее острых проблем – недостоверность сведений ЕГРН при массовом использовании электронных сервисов. Технические ошибки при внесении данных, дублирование записей, некорректное указание правообладателя способны привести к фактическому нарушению права собственности: лицо лишается возможности зарегистрировать сделку, подтвердить своё право или защитить его от посягательств.

Значительным вызовом является цифровое мошенничество [4, с. 7]: использование поддельных электронных подписей, незаконный доступ к личным кабинетам, подача фиктивных заявлений о регистрации перехода права через электронные каналы. В таких случаях собственник может узнать о нарушении уже после внесения записи в ЕГРН, а восстановление права потребует сложной судебной процедуры.

Кроме того, проблемы защиты вещных прав усиливаются из-за несогласованности данных различных государственных информационных систем [5, с. 7]. В ряде случаев сведения ЕГРН не совпадают с данными муниципальных реестров, БТИ, налоговых органов, что вызывает отказы в регистрации и необходимость обращения в суд.

Все это приводит к тому, что классические способы защиты (виндикационный и негаторный иски, иск о признании права) должны дополняться требованиями об оспаривании регистрационных действий, исправлении ошибок реестра, признании недействительной записи в ЕГРН и взыскании убытков, причинённых дефектами цифровой инфраструктуры.

Особенности защиты прав добросовестных приобретателей и титульных владельцев.

Один из наиболее сложных аспектов цифровизации – защита добросовестного приобретателя, ориентирующегося на сведения ЕГРН. При множественности сделок с одним и тем же объектом недвижимого имущества и конфликте титулов возникает вопрос: кто должен нести риск недостоверности реестровых данных – первоначальный собственник, который утратил владение, или приобретатель, действовавший разумно и добросовестно.

Пленум №10/22 исходил из необходимости учитывать добросовестность приобретателя и публичную достоверность реестра. Разъясняется, что если приобретатель действовал разумно и добросовестно, полагаясь на сведения государственного реестра, риск

недостоверности этих данных не может быть возложен исключительно на него. Эта позиция подтверждается и в обзорах практики Верховного Суда РФ [6, с. 7].

Вместе с тем применение статей 301–305 ГК РФ в подобных спорах неоднородно. В цифровой среде защита добросовестного приобретателя требует более чётких критериев: какие действия по проверке правомочий отчуждателя считаются достаточными, в какой мере лицо должно проверять дополнительные источники информации помимо ЕГРН, как распределяются убытки при реестровых ошибках.

Для титульных владельцев (лиц, владеющих имуществом по ограниченному вещному праву или договору) цифровизация также создаёт риски: любые изменения записи в реестре могут затронуть их права, и при этом они не всегда являются сторонами спорной сделки. Поэтому механизм защиты должен обеспечивать их информирование и возможность оперативного реагирования на цифровые нарушения.

Направления реформирования механизма защиты вещных прав на недвижимость.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации и проекты реформ вещного права предполагают создание в ГК РФ специальной главы о защите вещных прав и введение подраздела, посвящённого владению и владельческой защите [7, с. 7]. С учётом анализа действующих норм и правовой позиции высших судов представляется целесообразным выделить следующие направления реформирования механизма защиты вещных прав на недвижимость:

1. *Систематизация и уточнение перечня вещно-правовых исков*. В соответствии со статьями 301–305 ГК РФ и разъяснениями Пленума №10/22 следует законодательно закрепить закрытый перечень вещно-правовых исков (виндикационный, негаторный, иск о признании права, об освобождении имущества от ареста и др.) с указанием их целей, оснований и пределов применения. Это позволит снизить неопределённость при квалификации требований и повысит предсказуемость судебных решений.

2. *Развитие владельческой защиты*. Введение норм о владельческой защите как самостоятельном способе охраны фактического владения недвижимым имуществом, независимо от наличия зарегистрированного права, позволит более эффективно реагировать на нарушения, связанные с самовольным завладением, препятствованием доступу к объекту и иными фактическими деликтами. При этом необходимо согласовать владельческую защиту с существующими нормами статей 301–305 ГК РФ и принципом публичной достоверности ЕГРН.

3. *Уточнение правового режима добросовестного приобретателя*. Следует детализировать в законе критерии добросовестности приобретателя, последствия обнаружения недостоверных сведений реестра и порядок компенсации убытков лицам, чьи права нарушены реестровыми ошибками. При этом целесообразно закрепить в законе базовую позицию высших судов о недопустимости возложения всего риска недостоверности реестровых данных на приобретателя, действовавшего разумно и добросовестно.

4. *Цифровая модернизация системы государственной регистрации прав*. Закон о государственной регистрации недвижимости должен быть дополнен нормами, направленными на внедрение автоматизированного контроля качества записей, интеграцию ЕГРН с другими государственными информационными системами, а также развитие защищённых электронных сервисов для собственников и иных правообладателей. Это повысит уровень доверия к реестру и снизит количество споров, связанных с техническими ошибками.

5. *Унификация судебной практики и повышение квалификации судей*. Пленум Верховного Суда РФ должен продолжить работу по подготовке разъяснений, учитывающих цифровизацию имущественного оборота и новые формы нарушения вещных прав, а также регулярно обобщать судебную практику по спорам о недвижимости. Параллельно требуется развитие программ повышения квалификации судей и работников органов регистрации по вопросам вещного права и цифровых технологий.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Цифровизация имущественного оборота значительно изменила характер нарушений вещных прав на недвижимость. На первый план вышли проблемы достоверности ЕГРН, технических ошибок, межведомственных расхождений, электронной мошеннической активности и неопределённости положения добросовестного приобретателя.

2. Действующие гражданско-правовые способы защиты -виндикационный и негаторный иски, иск о признании права, взыскание убытков – сохраняют фундаментальное значение, однако нуждаются в адаптации к цифровой среде. Защита вещных прав в новых условиях должна быть более оперативной, технологичной и предсказуемой.

Реформа гражданского законодательства должна быть направлена на укрепление публичной достоверности реестра, развитие электронных гарантий для собственников, совершенствование судебной практики и создание эффективных механизмов предотвращения цифровых нарушений. Только при таком подходе можно обеспечить реальную защиту вещных прав на недвижимое имущество в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – Ст. 8, 35.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон №51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. – Ст. 1.

3. Бакунов А.В. Вещное право (курс лекций): учеб. пособие / А.В. Бакунов, И.В. Сазанова. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2020.

4. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 года). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. – EDN: PBDDM. EDN PBDDMP

5. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. – EDN: OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

6. Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 14.07.2026).

7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009.

8. Бегичев А.В. Вещное право: исторические условия становления, систематика, формы защиты: монография / А.В. Бегичев, С.А. Деханов. – М.: Проспект, 2024.

9. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и её значение для цивилистической науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. – EDN: WVAKDT. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28

10. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: TVZPRJ.

Кириллин Александр Александрович
бакалавр, студент

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

Аннотация: *в статье исследуется современное состояние государственной службы в России и ключевые вызовы, с которыми она сталкивается в условиях трансформации управленческих подходов и роста требований к профессиональным качествам сотрудников. Рассматривается влияние цифровизации на кадровую работу – в частности, внедрение дистанционных процедур отбора, автоматизированной проверки сведений и цифровых профилей компетенций, – а также связанные с этим требования к навыкам госслужащих. Анализируются проблемы конкурсного отбора, включая поверхностную оценку кандидатов, ограниченность используемых методов, риски субъективности и недостаточную прозрачность промежуточных этапов. Отдельное внимание уделено системе антикоррупционного контроля, её сложностям (избыточная отчётность, формальный подход, слабая межведомственная координация) и возможностям повышения эффективности за счёт технологических инструментов. В качестве путей совершенствования предложены комплексные методики оценки компетенций, создание единой цифровой кадровой платформы, развитие непрерывного обучения, усиление общественного контроля и интеграция вузовской подготовки с практикой госорганов; итогом выступает идея сбалансированного подхода, сочетающего правовую регламентацию, гибкость кадровых механизмов и применение современных технологий. В статье сформулированы перспективные направления совершенствования государственной службы – от внедрения комплексных методик оценки компетенций до развития непрерывного профессионального обучения и усиления общественного контроля.*

Ключевые слова: *государственная, государственная гражданская служба, цифровая трансформация, конкурс, квалификационные требования, служебный контракт, кадровая политика, противодействие коррупции.*

Государственная служба – важнейший инструмент исполнения государственных функций и поддержания упорядоченного развития общества. Сегодня сфера госслужбы находится в состоянии постоянных изменений: эволюционируют управленческие подходы, трансформируются требования к профессиональным качествам сотрудников. В этих условиях система государственной службы должна своевременно адаптироваться к этим изменениям, сохраняя при этом правовую устойчивость и принципы законности [6, с. 248].

Основным нормативным актом, определяющим статус и порядок функционирования государственной гражданской службы, является Федеральный закон от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №79-ФЗ). Он закрепляет основные принципы службы, категории и группы должностей, права и обязанности служащих, порядок поступления и прохождения службы, а также систему ограничений и запретов.

Существенное значение для организации кадровой работы имеет Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. №112 (далее – Указ №112), закрепляющий порядок конкурсного отбора на вакантные должности. Конкурс остаётся главным способом

обеспечить равные возможности для всех претендентов и отобрать тех, кто максимально соответствует требованиям должности.

Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2024 г. №871 (далее – Указ №871) был утверждён типовой вариант служебного контракта. Такая мера направлена на стандартизацию условий работы госслужащих, чёткое закрепление их полномочий, обязательств и критериев оценки эффективности.

Вместе с тем, государственная служба – это не только административная деятельность, но и публично-правовой институт, сочетающий элементы трудового и административного регулирования [4, с. 576]. Правовое обеспечение госслужбы должно учитывать как управленческие задачи, так и социальные гарантии служащих, обеспечивая баланс интересов государства и личности.

Тенденции к цифровизации и их влияние на кадровую политику.

Одной из наиболее заметных тенденций последних лет является цифровизация в том числе государственного управления, которая напрямую затрагивает и сферу государственной службы. Традиционные процессы постепенно переводятся в электронный формат, и задача состоит в том, чтобы при такой трансформации не утратить юридическую силу процедур и надёжно защитить права всех участников [12, с. 5–14].

Технологические изменения существенно влияют на характер труда: рутинные операции всё чаще автоматизируются, активно применяются инструменты анализа больших массивов данных, а алгоритмы помогают принимать управленческие решения. В результате к сотрудникам предъявляются расширенные требования: помимо отраслевых знаний, они должны уверенно пользоваться цифровыми сервисами, разбираться в вопросах информационной безопасности и соблюдать этические нормы при работе с данными [10, с. 212].

На практике цифровизация проявляется в следующих направлениях.

Электронные процедуры отбора. Подача документов, тестирование, анкетирование и даже отдельные этапы собеседования всё чаще реализуются в дистанционном формате. Это расширяет географию участия в конкурсах и снижает административные барьеры, но одновременно требует надёжных механизмов идентификации и защиты персональных данных.

Автоматизированная проверка сведений. Интеграция кадровых систем с базами данных ФНС России, МВД России, образовательных учреждений позволяет оперативно проверять достоверность представленных кандидатами сведений.

Цифровые профили компетенций. Формируются базы данных о квалификации, опыте и результатах служебной деятельности, которые могут использоваться для ротации, повышения квалификации и планирования карьеры.

При этом важно, чтобы технологический прогресс не подменял собой реальную оценку профессионализма: цифровые инструменты должны усиливать, а не заменять содержательный анализ компетенций [7, с. 135–154].

Проблемы конкурсного отбора.

Даже при наличии проработанной нормативной базы на практике конкурсный отбор нередко сталкивается с рядом трудностей [11, с. 192]:

1) поверхностная оценка. В ряде случаев конкурсные процедуры сводятся к проверке формальных требований (образование, стаж), а реальная оценка профессиональных навыков остаётся недостаточно проработанной;

2) ограниченность методов оценки. Тестирование и собеседование не всегда позволяют выявить управленческие и коммуникативные компетенции, важные для эффективной работы на госслужбе;

3) риск субъективности. Даже при наличии конкурсной комиссии возможны элементы предвзятости или влияния неформальных факторов.

Указ №112 предусматривает чёткую процедуру конкурса, включая формирование комиссии, критерии оценки и порядок принятия решений. Однако на практике реализация этих

норм может различаться в зависимости от ведомства и региона, что снижает единообразие подходов.

Ещё одной проблемой является недостаточная прозрачность промежуточных этапов отбора. Хотя результаты конкурса публикуются, детали оценки (баллы по каждому критерию, обоснование выбора победителя) не всегда доступны для общественного контроля, что может порождать сомнения в справедливости решений.

Контроль за соблюдением ограничений.

Контроль за соблюдением антикоррупционных требований – неотъемлемый элемент системы госслужбы. К числу основных инструментов относятся обязательное декларирование доходов и имущества, выявление и урегулирование конфликта интересов, ограничения на совмещение деятельности и другие профилактические меры. Эти механизмы закреплены в Федеральном законе №79-ФЗ и развиваются в рамках государственной политики противодействия коррупции.

Современные технологии способны повысить эффективность контроля: например, с помощью алгоритмов машинного обучения можно выявлять нетипичные закономерности в декларациях или подозрительные связи между должностными лицами и контрагентами [13, с. 416].

Однако и здесь есть свои ограничения:

1) перегрузка отчётностью. Объём деклараций и проверок может отвлекать служащих от основной работы;

2) бюрократический подход. В отдельных случаях контроль сводится к проверке наличия документов, а не к анализу реальных рисков;

3) недостаточная координация между ведомствами. Обмен информацией между контролирующими органами не всегда оперативен, что снижает эффективность превентивных мер.

Перспективные направления развития.

Для преодоления существующих проблем и дальнейшего развития государственной службы целесообразно реализовать следующие меры:

1) совершенствование методик оценки кандидатов. Внедрение комплексных инструментов, позволяющих оценить не только знания, но и практические навыки, способность к аналитическому мышлению и принятию решений;

2) унификация цифровых платформ. Создание единой федеральной системы для проведения конкурсов, подачи документов и отслеживания статуса заявок. Это повысит прозрачность и доступность госслужбы для граждан из разных регионов;

3) развитие системы непрерывного обучения. Включение в программы повышения квалификации модулей по цифровой грамотности, управлению данными, этике и противодействию коррупции;

4) усиление общественного контроля. Публикация детальных результатов конкурсных процедур, создание механизмов обратной связи для кандидатов, рассмотрение жалоб в упрощённом порядке;

5) интеграция образовательных и кадровых практик. Взаимодействие вузов, готовящих специалистов для госслужбы, с государственными органами для актуализации учебных программ и организации стажировок.

Такой комплексный подход позволит сделать систему госслужбы более эффективной, открытой и ориентированной на реальные потребности общества [7, с. 135–154].

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. №112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №6. – Ст. 459.

2. Указ Президента РФ от 10 октября 2024 г. №871 «Об утверждении примерной формы служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – №41. – Ст. 7021.

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон №79-ФЗ: принят 27 июля 2004 г. // Собрание законодательства РФ. – 2004. – №31. – Ст. 3215.

4. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник для вузов / Д.Н. Бахрах. – М.: Юрайт, 2023. – 576 с.
5. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22, №1 (110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ
6. Гришковец А.А. Правовое обеспечение государственной гражданской службы / А.А. Гришковец. – М.: Проспект, 2022. – 248 с.
7. Правовое регулирование гражданской службы с практикумом / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина, Т.Ю. Сухондяева; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: Изд-во РГСУ, 2023. – С. 135–154.
8. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2025. – 384 с. – ISBN 978-5-406-14734-4. – EDN: OYPYOL.
9. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: учеб. пособие / Д.М. Овсянко. – М.: Юрайт, 2023. – 320 с.
10. Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография / С.А. Синицын. – М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 212 с.
11. Тихомиров С.В. Проблемы государственной службы в России / С.В. Тихомиров. – М.: Юристъ, 2021. – 192 с.
12. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – №9. – С. 5–14. DOI 10.12737/art_2018_9_1. EDN OZGIAV
13. Чиркин В.Е. Государственное и муниципальное управление: учебник / В.Е. Чиркин. – М.: Юрайт, 2022. – 416 с.

Кожевникова Анастасия Ильинична
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСТАВОЧНО-ЯРМАРОЧНОЙ И КОНГРЕССНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена анализу особенностей правового регулирования выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности (ВЯКД) в городе Москве – ведущем центре деловой активности в России и странах СНГ. На основе системного анализа нормативно-правовых актов, сравнительно-правового и формально-юридического методов выявлена специфика московской модели регулирования ВЯКД, формируемой на основе Закона города Москвы от 12 июля 2005 г. №40 как системообразующего акта, восполняющего пробелы федерального регулирования. Проанализированы понятийный аппарат, меры государственной поддержки, порядок проведения мероприятий на городских площадках, договорные модели, проблемы разграничения компетенции между федеральными и городскими органами власти и вопросы ответственности организаторов. Московское законодательство создаёт относительно благоприятную правовую среду, но нуждается в унификации договорных практик и развитии механизмов страхования рисков.*

Ключевые слова: *выставочно-ярмарочная деятельность, конгрессная деятельность, правовое регулирование, региональное законодательство, Закон города Москвы №40, государственная поддержка, договорные модели.*

Москва, будучи столицей Российской Федерации, является ключевой площадкой для проведения крупнейших национальных и международных деловых мероприятий. Концентрация

выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности (далее – ВЯКД) в мегаполисе создает предпосылки для формирования особой, столичной модели ее правового регулирования. В условиях отсутствия единого федерального закона, посвященного ВЯКД, региональное законодательство приобретает первостепенное значение, выполняя не только регулятивную, но и стимулирующую функцию [6, с. 52–53; 7, с. 34].

Значимость московского рынка.

Значимость московского рынка ВЯКД для экономики России обуславливает актуальность детального анализа правовых основ его функционирования. Несмотря на наличие ряда научных публикаций, посвященных общим вопросам правового регулирования ВЯКД, комплексные исследования, сфокусированные именно на московском региональном аспекте, в настоящее время отсутствуют.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ системы правового регулирования ВЯКД в городе Москве, выявление ее достоинств, недостатков и разработка рекомендаций по ее совершенствованию.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

– проанализировать структуру и содержание Закона города Москвы от 12.07.2005 №40 как основного регулятора ВЯКД в столице;

– исследовать взаимодействие федерального и московского законодательства в данной сфере;

– выявить особенности договорного регулирования отношений между субъектами ВЯКД в Москве;

– оценить эффективность мер государственной поддержки, предусмотренных московским законодательством.

Методологическая основа.

Методологическую основу исследования составили системный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы [3, с. 15–18; 4, с. 22–25].

Правовая база ВЯКД в Москве имеет двухуровневую структуру, основанную на разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами РФ.

Как и в целом по России, на федеральном уровне отсутствует специализированный закон о ВЯКД. Базовыми актами являются Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, а также нормативные акты, устанавливающие требования к безопасности массовых мероприятий. Отсутствие единых федеральных дефиниций создает правовой вакуум, который восполняется на региональном уровне [6, с. 54–55; 7, с. 35].

Основным правовым актом, определяющим специфику ВЯКД в столице, является Закон города Москвы от 12 июля 2005 года №40 «О выставочно-ярмарочной деятельности в городе Москве» (далее – Закон №40). Данный закон выполняет системообразующую функцию, вводя в правовое поле ключевые понятия, такие как «выставочно-ярмарочная деятельность», «организатор выставочно-ярмарочного мероприятия», «экспонент», «конгрессно-выставочный центр» [1; 2, с. 88–90].

Закон №40 закрепляет принципы государственной поддержки ВЯКД в Москве, к которым относятся:

– содействие развитию конкуренции;

– обеспечение равных условий для доступа организаторов к городской инфраструктуре;

– поддержка мероприятий, имеющих социально-экономическую значимость для города.

Важным элементом регулирования является ведение Реестра организаторов выставочно-ярмарочных мероприятий, которое носит заявительный характер и призвано упорядочить рынок профессиональных услуг в данной сфере [5, с. 210–212].

Отношения между организаторами мероприятий, экспонентами и владельцами выставочных площадей в Москве складываются преимущественно на договорной основе.

На практике используется комплекс договоров. Основным является договор об участии в выставочно-ярмарочном мероприятии, заключаемый между организатором и экспонентом. Его правовая природа, как правило, квалифицируется как смешанный договор, содержащий элементы аренды, возмездного оказания услуг и агентирования [7, с. 36]. Специфика Москвы, где действуют крупные конгрессно-выставочные центры («Экспоцентр», «Крокус Экспо» и др.), заключается в использовании типовых договоров, разработанных администрациями этих комплексов, что способствует унификации правоприменительной практики [10, с. 15–17].

Высокая концентрация участников и посетителей на столичных мероприятиях обуславливает повышенное внимание к вопросам ответственности. Закон №40 возлагает на организаторов обязанность по обеспечению безопасности мероприятий, включая противопожарную безопасность и соблюдение санитарных норм. Риски материальных потерь и ответственности перед третьими лицами диспозитивно распределяются в договорах, при этом все более распространенной практикой становится обязательное страхование гражданской ответственности организаторов [9, с. 48–49].

Москва демонстрирует активную политику в области поддержки и развития ВЯКД, что находит отражение в ее законодательстве.

К мерам государственной поддержки, предусмотренным московским законодательством, относятся:

– предоставление на конкурсной основе городских площадок для проведения социально значимых мероприятий;

– информационное и организационное содействие;

– реализация целевых программ развития туристско-рекреационного и выставочного комплекса города [1; 11, с. 430–435].

Несмотря на относительно развитую правовую базу, система регулирования ВЯКД в Москве сталкивается с рядом вызовов:

– координация с федеральным центром: необходимость согласования крупных мероприятий с федеральными органами власти может создавать административные барьеры [6, с. 58];

– налоговая нагрузка: высокая стоимость аренды городских помещений и общее налоговое бремя остаются сдерживающими факторами для малых и средних организаторов [2, с. 120–122; 9, с. 50];

– цифровизация: требуется дальнейшее развитие норм, регулирующих проведение гибридных и полностью онлайн-мероприятий [8, с. 60–63].

Перспектива.

В качестве перспективных направлений совершенствования можно выделить:

– разработку и внедрение типовых форм договоров, рекомендованных для использования в сфере ВЯКД в Москве [7, с. 37];

– расширение практики предоставления налоговых льгот для организаторов мероприятий, соответствующих приоритетам стратегического развития города [9, с. 51];

– активное развитие саморегулирования в профессиональном сообществе организаторов ВЯКД [10, с. 22–25; 11, с. 520–525].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Москва обладает одной из наиболее развитых в России систем правового регулирования выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности. Закон города Москвы №40 стал важным шагом в формировании предсказуемой и стимулирующей правовой среды для данной отрасли [4, с. 310–312].

Московская модель регулирования успешно сочетает в себе элементы публично-правового воздействия (регистрация организаторов, требования безопасности) с диспозитивным договорным регулированием. К ее несомненным преимуществам следует отнести наличие четкого понятийного аппарата и системы мер государственной поддержки.

В то же время дальнейшее развитие правового регулирования ВЯКД [6, с. 60; 8, с. 65] в Москве видится в усилении стимулирующей функции, особенно в части налоговых

преференций, а также в более тесной интеграции с федеральным законодательством, в идеале – через принятие базового федерального закона о ВЯКД. Опыт Москвы в данном случае может стать ценным ориентиром для федерального законодателя и других регионов России [11, с. 600–605].

Список литературы

1. Землин А.И. Бюджетное право: схемы и комментарии / А.И. Землин. – М., 2001. – EDN: TSGAYR.

2. Землин А.И. Налоговое право: учебник / А.И. Землин. – М.: Форум, 2006. – EDN: QWNEIB.

3. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: AOPYTL.

4. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. – ISBN 978-5-406-10620-4. – EDN: ZFMLLM.

5. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4. – EDN: TVZPRJ.

6. Левшиц Д.Ю. Вопросы нормативного правового регулирования сферы патентования / Д.Ю. Левшиц, А.С. Веселова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – №1. – С. 52–61. – EDN: YSQBFH.

7. Конькова С.В. Правовое обеспечение оценки имущественного комплекса предприятий / С.В. Конькова, С.А. Анисимов, Д.Ю. Левшиц // Теория и практика современной юридической науки: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, Самара, 11 апреля 2017 года. – Вып. IV. – Самара: Инновационный центр развития образования и наук, 2017. – С. 34–37. – EDN: YNQGCX.

8. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. – EDN: OZFAFE. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

9. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. – DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. – EDN: OGDKWH.

10. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. – EDN: WVAKDT. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28

11. Страновой маркетинг: монография / Н.Л. Бондаренко [и др.]; под ред. Н.Л. Бондаренко. – Минск: Ковчег, 2022. – 652 с. – EDN: JRSRRP.

Коновалова Елизавета Александровна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА РОССИЙСКУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ: ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: *статья посвящена исследованию прецедентного характера постановлений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе. Производится анализ эволюции подходов к признанию решений ЕСПЧ в качестве источника российского права, начиная с момента ратификации Конвенции (1998 г.) до прекращения членства России в Совете Европы (2022 г.).*

Рассматриваются доктринальные дискуссии о правовой природе данных актов и сложившиеся правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Особое внимание уделяется доктринальной дискуссии о правовой природе постановлений ЕСПЧ.

Отмечается, что в юридической науке сложилось три основных подхода к данному вопросу: признание постановлений ЕСПЧ актами правосудия, отнесение их к судебным прецедентам – источникам процессуального права, либо рассмотрение в качестве актов официального толкования Конвенции.

Приводится обоснование позиции, согласно которой наиболее предпочтительной является точка зрения о двойственной природе данных актов, сочетающих свойства правоприменительных актов и актов толкования Конвенции. Отдельно изучаются последствия решения Конституционного Суда РФ №23-П от 2015 года и последующие изменения в судебной практике. Вместе с тем анализируется конституционно-правовой механизм, закрепляющий приоритет Основного закона страны над решениями наднационального судебного органа в случае их противоречия.

В заключение формулируется вывод о фактическом признании за постановлениями ЕСПЧ прецедентного характера в российской правовой системе, несмотря на отсутствие формального законодательного закрепления данного статуса. Предлагаются пути совершенствования механизма имплементации правовых позиций наднациональных судебных органов в национальную правоприменительную практику.

Ключевые слова: *правовая система, прецедентный характер, источники права, Европейский Суд по правам человека, судебный прецедент, судебная практика, правоприменительная практика.*

Введение. *Проблема* заключается в концептуальной неопределенности места и юридической силы постановлений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе, которая усугубляется кардинальным изменением геополитических и правовых реалий – выходом России из Совета Европы и прекращением действия Конвенции. На фоне признания прецедентного характера решений ЕСПЧ в российской судебной практике и доктрине, отсутствие их формальной легитимации в качестве источника права, а также возникшая коллизия между конституционным суверенитетом и наднациональным правопорядком создают системную проблему: каким образом и в каком объеме правовые позиции

Страсбургского Суда могут сохранять регулирующее воздействие на российское правотворчество и правоприменение после 2022 года, и существует ли объективная потребность в формировании новых внутригосударственных механизмов, компенсирующих утрату прецедентного влияния ЕСПЧ.

Кардинальные изменения правового статуса постановлений ЕСПЧ вследствие прекращения членства России в Совете Европы, порождают неопределенность относительно их дальнейшего применения и требует выработки новых доктринальных подходов. Длительный период интеграции прецедентных позиций Страсбургского Суда в российскую судебную практику создал объективную потребность в теоретическом осмыслении их юридической природы, особенно на фоне отсутствия единого мнения о признании судебного прецедента источником права в романо-германской правовой семье. Законодательные изменения последних лет (Конституционная поправка 2020 г., Федеральный конституционный закон от 04.06.2022 №3-ФКЗ), закрепившие приоритет национального правопорядка над международными обязательствами, *актуализируют* вопрос о балансе суверенитета и использовании прецедентного инструментария ЕСПЧ в качестве ориентира для правоприменения.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ юридической природы и прецедентного характера постановлений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе, а также определение их места и роли в иерархии источников российского права в условиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы.

Для достижения этой цели поставлены следующие *задачи*:

– проанализировать теоретические подходы к определению правовой природы постановлений ЕСПЧ;

– исследовать эволюцию нормативно-правового регулирования статуса решений ЕСПЧ в российской правовой системе на различных этапах;

– проанализировать правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ об обязательности исполнения постановлений ЕСПЧ;

– выявить формы и способы учета решений ЕСПЧ в правоприменительной практике российских судов;

– оценить последствия выхода России из Совета Европы для дальнейшего использования правовых позиций ЕСПЧ.

Теоретические подходы к определению правовой природы постановлений Европейского Суда по правам человека. Проблема определения юридической природы постановлений Европейского Суда по правам человека остается одной из наиболее дискуссионных в современной юридической доктрине. В научной литературе сформировались три основных концептуальных подхода к квалификации данных актов.

Сторонники первого подхода рассматривают постановления ЕСПЧ в качестве актов правосудия, однако данная позиция подвергается обоснованной критике, поскольку Европейский Суд не является наднациональным судебным органом в классическом понимании, а его правовые позиции носят абстрактно-нормативный характер, выходящий за рамки правоприменительного акта по конкретному делу.

Вторая концепция квалифицирует постановления ЕСПЧ как судебный прецедент, аргументируя это систематическим обращением Суда к ранее сформулированным правовым позициям, признанием Российской Федерацией юрисдикции ЕСПЧ в качестве обязательной, а также фактическим учетом его решений высшими судебными органами России. Вместе с тем оппоненты данной позиции справедливо указывают, что компетенция Европейского Суда ограничена толкованием Конвенции, а в романо-германской правовой семье судебные решения традиционно не признаются источником права в формально-юридическом смысле [3, с. 12].

Третья концепция определяет постановления ЕСПЧ как акты толкования Конвенции, однако их нельзя признать официальным толкованием, поскольку оно принадлежит исключительно государствам-участникам. Также высказываются подходы к постановлениям ЕСПЧ как к «прецедентам толкования».

Наконец, встречается точка зрения о двойственной природе постановлений ЕСПЧ, сочетающей свойства правоприменительного акта и акта толкования Конвенции. Представляется, что именно двойственная природа наиболее точно отражает реальное положение дел: с одной стороны, постановления ЕСПЧ выносятся по конкретному делу и являются обязательными для государства-ответчика, с другой – они формируют авторитетные стандарты толкования Конвенции для всех государств-участников. Обобщая изложенные подходы, следует констатировать, что дискуссия о правовой природе постановлений ЕСПЧ далека от завершения, а отсутствие единой теоретической платформы создает существенные сложности для правоприменительной практики.

Эволюция нормативно-правового регулирования статуса решений ЕСПЧ в российской правовой системе.

Анализ эволюции статуса решений ЕСПЧ позволяет выделить 4 этапа.

Первый этап (1998–2015 гг.): после ратификации Конвенции постановления ЕСПЧ стали частью российской правовой системы. Постановление Пленума ВС РФ №21 (2013) обязывало суды учитывать практику ЕСПЧ, а его решения служили основанием для пересмотра дел;

Второй этап (2015–2022 гг.): ФКЗ №7-ФКЗ позволил Конституционному Суду РФ признавать решения ЕСПЧ неисполнимыми при противоречии Конституции (дело «ЮКОС») [6, с. 212]. Россия стала избирательно подходить к исполнению постановлений. Внешнеполитическое обострение, начиная с 2014 года, усилило тенденцию к дистанцированию от европейских правовых институтов;

Третий этап (2022 г.): после выхода из Совета Европы ФЗ №180-ФЗ установил, что постановления ЕСПЧ от 15 марта 2022 г. не подлежат исполнению. Выплата денежных компенсаций по ранее вынесенным решениям допускалась, но исключительно в российских рублях на счета в российских кредитных организациях. Ссылки на применение практики ЕСПЧ были исключены из части 2 статьи 2 Федерального закона от 30 апреля 2010 года №68-ФЗ;

Четвертый этап (2025 г.): Пленум ВС РФ признал утратившим силу Постановление №21, исключив практику ЕСПЧ из судопроизводства. Ориентиром служат нормы Пакта ООН [1, с. 182].

Таким образом, статус решений ЕСПЧ прошел путь от полной интеграции до полного исключения из национального правопорядка.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ об обязательности исполнения постановлений ЕСПЧ. В российской правоприменительной практике сложились основные формы учета решений ЕСПЧ, которые трансформировались со временем.

Основным механизмом являлся пересмотр судебных актов по новым обстоятельствам, закрепленный в процессуальных кодексах, где установление ЕСПЧ нарушения Конвенции служило основанием для пересмотра дела. Кроме того, суды активно использовали правовые позиции ЕСПЧ при непосредственной мотивировке решений, ссылаясь на них в описательной и мотивировочной частях для обоснования своих выводов и толкования норм.

Перелом наступил 9 декабря 2025 года, когда Пленум Верховного Суда РФ признал утратившим силу Постановление №21 от 27 июня 2013 года, полностью исключив практику ЕСПЧ из российского судопроизводства. С этого момента суды не руководствуются решениями Страсбургского Суда, ориентируясь вместо этого на нормы Международного пакта ООН о гражданских и политических правах [4, с. 25]. Изменения носят всеобъемлющий характер: они затрагивают оценку разумных сроков судопроизводства, условий содержания под стражей, процедуры задержания и избрания меры пресечения, регулирование деятельности СМИ, рассмотрение дел о защите чести и достоинства, а также коррупционных дел. Кроме того, из судебной практики исключены ссылки на Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, денонсированную Россией в феврале 2023 г.

Последствия выхода России из Совета Европы. После выхода России из Совета Европы (март 2022 г.) правовые позиции ЕСПЧ были последовательно выведены из национального правопорядка. Федеральный закон №180-ФЗ установил, что постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в России; из процессуальных

кодексов исключены нормы о пересмотре дел по новым обстоятельствам на основании решений ЕСПЧ. Выплаты по старым постановлениям допускаются только в рублях на счета в российских банках.

Точкой стала отмена Пленумом Верховного Суда РФ 09.12.2025 г. Постановления №21, обязывавшего суды учитывать практику ЕСПЧ [7, с. 116]. Суды ориентируются на Международный пакт ООН о гражданских и политических правах; все ссылки на ЕСПЧ исключены из актов Верховного Суда.

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что постановления ЕСПЧ прошли в российской правовой системе полный цикл – от полной интеграции с фактическим признанием их прецедентного характера до последовательного вывода из правоприменения после выхода из Совета Европы, завершившегося отменой Постановления Пленума ВС РФ №21. Несмотря на утрату формальной обязательности, правовые позиции ЕСПЧ сохраняют доктринальное значение как акты авторитетного толкования, учитываемые судами в качестве дополнительной аргументации.

В условиях трансформации международного правопорядка на смену прецедентному влиянию ЕСПЧ приходит ориентация на иные международно-правовые стандарты, в первую очередь – Международный пакт о гражданских и политических правах ООН, что требует дальнейшего осмысления и формирования новых подходов к интеграции международно-правовых норм в российскую правовую систему.

Список литературы

1. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 06.07.2026).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «Гарант».

3. Куксин И.Н. Конституционный и уголовно-правовой аспект задержания лица, совершившего преступление / И.Н. Куксин, В.И. Липунов // Годичные научные чтения: материалы международной научно-практической конференции (Клин, 28 ноября 2024 года). – Тверь: Тверской государственный университет, 2024. – С. 6–13. EDN DSRLNV

4. Левшиц Д.Ю. Уголовная ответственность за финансовое мошенничество по законодательству России и зарубежных стран: 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Ю. Левшиц. – М., 2007. – 25 с. EDN NJKCGJ

5. Межнациональные конфликты и этномедиация / Е.В. Савельева, И.В. Иванова, Е.С. Митячкина. – Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2021. – 52 с. EDN LPMJDT

6. Митячкина Е.С. Понятие узуфрукта в зарубежном законодательстве / Е.С. Митячкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – №3. – С. 210–213. EDN RCCYCH

7. Михнева С.В. Правовое обеспечение реформы государственного и муниципального управления в рамках концепции единой публичной власти Российской Федерации / С.В. Михнева, Е.С. Митячкина, А.В. Хачиров // Евразийский юридический журнал. – 2022. – №4 (167). – С. 114–117. EDN RJSMHC

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №180-ФЗ: принят 11 июня 2022 г. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.06.2026).

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2025 г. №33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года №21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №3. – Ст. 49.

10. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ: принят Государственной Думой 4 декабря 2015 г.: одобрен Советом Федерации 9 декабря 2015 г. // СПС «Гарант».

Корнеев Илья Владимирович
студент

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАЗМЕЩЕНИЮ ЯДЕРНЫХ УСТАНОВОК КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена исследованию правового института лицензирования деятельности по размещению ядерных установок в контексте обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации. Актуальность обусловлена необходимостью интеграции разрешительных процедур в механизмы стратегического планирования развития атомной энергетики и совершенствованием нормативно-правового регулирования (включая изменения 2025 г.). На основе анализа Федерального закона «Об использовании атомной энергии» и подзаконных актов рассматриваются материально-правовые и процедурные аспекты выдачи лицензий на размещение. Особое внимание уделено полномочиям Ростехнадзора, содержанию лицензионных требований и условиям лицензионного контроля. Исследуется корреляция лицензирования размещения ядерных установок с задачами энергетической безопасности – минимизация рисков аварийного выбытия мощностей и обеспечение долгосрочной устойчивости энергосистемы. Лицензирование выполняет превентивную, контрольную и стратегическую функции. Предложены направления совершенствования: внедрение риск-ориентированного подхода и гармонизация с международными стандартами МАГАТЭ.*

Ключевые слова: *лицензирование, ядерные установки, размещение, энергетическая безопасность, Ростехнадзор, атомная энергия, разрешительная система.*

Энергетическая безопасность является одной из ключевых составляющих национальной безопасности Российской Федерации. В условиях развития атомной энергетики, обеспечивающей значительную долю генерации электроэнергии, особое значение приобретает правовое регулирование деятельности по размещению ядерных установок. Как справедливо отмечают А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц и О.Э. Урманов, «правовые основы обеспечения безопасности в особые периоды требуют системного подхода и учёта специфики объектов повышенной опасности» [1]. Размещение ядерной установки – это первый и во многом определяющий этап её жизненного цикла, поскольку ошибочный выбор площадки может привести к необратимым последствиям как для окружающей среды, так и для устойчивости энергоснабжения регионов.

Правовым инструментом, посредством которого государство допускает хозяйствующие субъекты к осуществлению деятельности по размещению ядерных установок, выступает лицензирование. Цель настоящей статьи – анализ нормативно-правового регулирования лицензирования деятельности по размещению ядерных установок и его значения для обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации.

1. Нормативно-правовая основа лицензирования в сфере использования атомной энергии.

Правовой институт лицензирования деятельности по размещению ядерных установок базируется на иерархически выстроенной системе нормативных правовых актов. Вершину этой системы составляет Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. №170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» (далее – Федеральный закон №170-ФЗ). Статья 26 указанного Закона

определяет перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию, включая размещение, проектирование, сооружение, эксплуатацию и вывод из эксплуатации ядерных установок. Статья 30 закрепляет основные требования к безопасности намечаемых к размещению объектов [2].

Базовым подзаконным актом является постановление Правительства РФ от 29 марта 2013 г. №280 «О лицензировании деятельности в области использования атомной энергии» (далее – Положение №280). Пункт 2 Положения №280 определяет Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) в качестве лицензирующего органа [3]. Как отмечает А.И. Землин в своих работах, посвящённых контрольно-надзорной деятельности, «эффективность лицензионного контроля напрямую зависит от чёткости нормативного закрепления процедур и компетенции органов».

Важным элементом правовой основы являются также федеральные нормы и правила в области использования атомной энергии, в частности НП-050–03 «Размещение ядерных установок ядерного топливного цикла. Основные критерии и требования по обеспечению безопасности», утверждённые постановлением Госатомнадзора России от 31 декабря 2003 г. №11 [4]. Кроме того, следует учитывать международные стандарты МАГАТЭ, включая Серию норм безопасности № NS-R-3 (Rev.1) «Оценка площадок для ядерных установок» [5].

2. Деятельность по размещению ядерных установок как объект лицензирования.

Согласно пункту 1 Положения №280, размещение ядерных установок является самостоятельным лицензируемым видом деятельности. Для получения лицензии соискатель представляет в Ростехнадзор заявление и пакет документов, включающий учредительные документы, обоснование безопасности ядерной установки применительно к конкретной площадке, положительное заключение государственной экологической экспертизы, а также документы, подтверждающие наличие финансовых, материальных средств и квалифицированных работников.

Пунктом 10 Положения №280 установлен срок принятия решения о предоставлении лицензии – не более 45 рабочих дней со дня регистрации документов. Постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2025 г. №1435 в этот механизм внесены важные изменения: соискатель получил право приостанавливать рассмотрение поданных документов, но только однократно и на срок не более 40 рабочих дней, а решение о выдаче лицензии может быть принято только при условии, что безопасность объекта использования атомной энергии должным образом обоснована [6]. Данные новации, как представляется, направлены на повышение предсказуемости лицензионных процедур.

В контексте обеспечения энергетической безопасности важно подчеркнуть, что лицензирование размещения выполняет превентивную функцию. Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич и Е.Н. Гладкая обоснованно указывают на необходимость «фискального регулирования и институционализации публичных процедур» в сферах, связанных с использованием объектов повышенной опасности [7]. Выбор площадки ядерной установки должен исключать риски, связанные с природными и техногенными воздействиями, что непосредственно влияет на бесперебойность генерации электроэнергии.

3. Лицензионный контроль как гарантия соблюдения требований безопасности.

Выдача лицензии на размещение не прекращает контрольных функций государства. Постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2025 г. №1435 внесены изменения в Правила формирования и ведения единого реестра проверок (утв. постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2015 г. №415). В соответствии с этими изменениями в единый реестр проверок в обязательном порядке включаются сведения о плановых и внеплановых проверках и инспекциях, проводимых Ростехнадзором, их результатах, а также о принятых мер по пресечению нарушений [8].

Д.А. Колоколова и Н.В. Малиновская в своих исследованиях обращают внимание на важность «полномочий контрольных органов по вопросам изменений в законодательстве в

условиях современных реалий» [9]. Применительно к атомной отрасли это означает, что лицензионный контроль должен оперативно реагировать на изменения в нормативно-технической базе. Особый режим лицензионного контроля установлен на территориях новых субъектов Российской Федерации (Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области), где до 1 января 2027 года не проводятся плановые проверки, а меры ответственности применяются лишь в исключительных случаях – при неисполнении предписаний или причинении вреда жизни и здоровью граждан.

Следует также отметить, что эффективность лицензионного контроля невозможна без высокой правовой культуры как лицензиатов, так и сотрудников регулирующих органов. Как подчёркивают А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова и другие, «правовая культура является фундаментальным условием законности и правопорядка в любой сфере государственного управления» [10]. В атомной отрасли это утверждение приобретает особое звучание ввиду повышенной опасности объектов.

4. Лицензирование размещения как элемент обеспечения энергетической безопасности.

Корреляция между лицензированием размещения ядерных установок и энергетической безопасностью проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, лицензионные требования к выбору площадки (учёт сейсмичности, гидрологии, розы ветров, удалённости от населённых пунктов и т. д.) направлены на минимизацию риска аварийного выбытия генерирующих мощностей. Авария на ядерной установке, вызванная внешним воздействием, которое могло быть исключено при надлежащем обосновании площадки, приводит к потере генерации и создаёт дефицит электроэнергии в регионе.

Во-вторых, лицензирование размещения выступает инструментом долгосрочного стратегического планирования. Срок службы современной ядерной установки составляет 60 и более лет. Ошибочный выбор площадки невозможно исправить без колоссальных затрат. Поэтому процедура лицензирования, включающая многоступенчатую экспертизу, призвана минимизировать риск стратегических ошибок. В.И. Липунов в своих работах, посвящённых проблемам правового регулирования, отмечает, что «современные вызовы требуют от законодателя учёта техногенных рисков на самом раннем этапе проектирования» [11].

В-третьих, само наличие эффективной, прозрачной и предсказуемой системы лицензирования является условием общественного доверия к атомной энергетике. Без общественной поддержки невозможно развитие атомной генерации, а следовательно, и обеспечение энергетической безопасности в долгосрочной перспективе. А.И. Землин и П.Ю. Наумов обоснованно связывают «этические и правовые основы стандартов безопасности с ценностями здравоохранения и защиты населения» [12], что полностью применимо к процедурам размещения ядерных установок.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что лицензирование деятельности по размещению ядерных установок является неотъемлемым элементом системы обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации. Нормативно-правовую основу этого института составляют Федеральный закон №170-ФЗ, Положение №280, а также федеральные нормы и правила в области использования атомной энергии. Принятые в 2025 году изменения (постановление Правительства РФ №1435) направлены на повышение эффективности лицензионных процедур и контроля.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно идти по пути внедрения риск-ориентированного подхода, сокращения административных барьеров при сохранении высочайшего уровня требований к безопасности, а также гармонизации с международными стандартами МАГАТЭ. Как справедливо отмечают Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич и А.И. Землин, «правовой режим объектов, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта и высоких технологий, требует особого внимания законодателя» [13]; ядерные установки в полной мере относятся к таким объектам. Энергетическая

безопасность начинается с правильного выбора площадки, и лицензирование – тот правовой инструмент, который позволяет государству обеспечить этот выбор на основе закона.

Список литературы

1. Землин А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 151–154.

2. Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» №170-ФЗ от 21.11.1995 (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №48. – Ст. 4552.

3. Постановление Правительства РФ «О лицензировании деятельности в области использования атомной энергии» №280 от 29.03.2013 (ред. от 18.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – №14. – Ст. 1705.

4. НП-050–03 «Размещение ядерных установок ядерного топливного цикла. Основные критерии и требования по обеспечению безопасности»: утв. постановлением Госатомнадзора России №11 от 31.12.2003.

5. МАГАТЭ. Серия норм безопасности №NS-R-3 (Rev.1). Оценка площадок для ядерных установок. – Вена, 2016.

6. Постановление Правительства РФ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности при использовании атомной энергии» №1435 от 18.09.2025 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025.

7. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. EDN OGDKWH

8. Постановление Правительства РФ «О Правилах формирования и ведения единого реестра проверок» №415 от 28.04.2015 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №18. – Ст. 2701.

9. Колоколова Д.А. Полномочия налоговых органов по вопросам изменений в валютном законодательстве в условиях современных реалий / Д.А. Колоколова, Н.В. Малиновская // Аспирантские тетради. – Воронеж, 2024. – С. 72–77. EDN MHTXGK

10. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с.

11. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования транспортных отношений в Российской Федерации / В.И. Липунов, А.С. Кочетков // Цифровой суверенитет и кибербезопасность. – М.: РУТ (МИИТ), 2022. – С. 164–168. EDN SICMCQ

12. Землин А.И. Ценности здравоохранения на языке права: критические размышления об этических и правовых основах стандартов медицинской сортировки в российской военно-медицинской службе / А.И. Землин, П.Ю. Наумов, Р.Н. Шепель // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2024. – Т. 23. №4. – С. 115–120. DOI 10.15829/1728-8800-2024-4023. EDN KSLWJM

13. Постановление Правительства РФ «О Правилах принятия решений о размещении и сооружении ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения» №306 от 14.03.1997 // Собрание законодательства РФ. – 1997. – №12. – Ст. 1445.

Коршунова Екатерина Денисовна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

АБОНЕНТСКИЙ ДОГОВОР В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРИРОДА, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию правовой природы абонентского договора и его места в системе гражданско-правовых обязательств. Рассматриваются признаки абонентского договора (консенсуальный, возмездный, длящийся, организационно-сервисный характер), его отличие от обычного договора возмездного оказания услуг. Анализируются проблемы квалификации смешанных договоров, момента исполнения обязательства, распределения рисков неиспользования услуги и допустимости одностороннего отказа. На основе анализа норм гражданского законодательства, доктрины и судебной практики выявлены пробелы: отсутствие легального определения, неясность критериев эквивалентности встречного предоставления, недостаточная защита слабой стороны. Обоснована необходимость уточнения главы 39 ГК РФ, закрепления критериев надлежащего исполнения, правил информирования абонента, пределов удержания абонентской платы и последствий прекращения договора. Специальное регулирование позволит повысить предсказуемость судебной практики и обеспечить баланс интересов сторон.*

Ключевые слова: *абонентский договор, гражданско-правовой договор, возмездное оказание услуг, консенсуальный договор, исполнение обязательств, абонентское обслуживание, правовое регулирование.*

В последние годы участники гражданского оборота нередко применяют модель, когда платеж совершается не за одну оказанную услугу, а за право предъявлять требования об исполнении обязательства в течение установленного срока. Такой подход используется при заключении абонентского договора. Абонентский договор применяется в различных областях: телекоммуникациях, предоставлении доступа к информационным ресурсам, фитнес-центрах, сервисном обслуживании техники.

А.И. Землин подчёркивает, что расширение спектра гражданско-правовых связей (среди прочего появление нетрадиционных моделей) приводит к необходимости корректировать устоявшиеся правовые схемы.

Когда анализируется абонентский договор, рассматриваемая идея приобретает дополнительную весомость, а в такой ситуации широко применяется определённая модель на практике, однако её правовое регулирование в российском законодательстве носит неполный характер. Статья 429.4 ГК РФ (посвящённая абонентскому договору) содержит лишь отдельные положения, касающиеся этого типа договоров (т.е. договоров с исполнением по требованию) [1].

В исследовании ставится задача установить, какое положение абонентский договор занимает среди обязательств, регулируемых гражданским правом, и охарактеризовать его основные черты (скажем, условия и признаки).

1. Правовая природа абонентского договора и его место в системе договорных обязательств.

Определение абонентского договора, закреплённое в пункте 1 статьи 429.4 Гражданского кодекса Российской Федерации, фиксирует его как соглашение, в ходе которого одна сторона

обязуется перечислять плату за возможность требовать от второй стороны выполнения определённых действий или предоставления услуг в установленном объёме либо с регулярностью на протяжении срока договора. Этот подход принят законодателем и закреплён в тексте. Плата взимается за право требования.

В публикациях Д.Ю. Левшица и А.С. Веселовой отмечено, что для надлежащей регламентации патентных и аналогичных длящихся правоотношений требуется провести чёткое разграничение между разовыми обязательствами и абонентскими (т.е. теми, что продолжаются во времени). В секторе услуг наблюдается сходная ситуация. Анализ показывает, что абонентский договор не совпадает по своей природе с договором возмездного оказания услуг. Основное отличие состоит в содержании предмета. В пределах абонентского договора исполнитель берёт на себя обязанность поддерживать готовность предоставить услугу, а не выполнять отдельную работу по требованию клиента [7].

Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневич подчёркивают, что обсуждение структуры системы права и её роли в изучении гражданского права тесно связано с задачей выявления ранее неидентифицированных типов договоров: именно это позволяет расширить понимание правовых отношений. Новый договорной тип может быть установлен только после тщательного анализа подобных дискуссий, включающих как теоретические аспекты, так и практические примеры. В частности, авторы обращают особое внимание на абонентский договор, отмечая, что этот вид соглашения изначально отражает специфику организационного преддоговорного обязательства – то есть обязательства, возникающего до заключения основного договора и регулирующего подготовительные действия сторон [2].

Особое место в анализе абонентских договоров занимает фидуциарная составляющая. Её присутствие отличает такие отношения от традиционных договоров оказания услуг, а в классических случаях при заключении соглашения на оказание услуг личность исполнителя чаще всего не играет большого значения. Для абонентских договоров (например, заключаемых для посещения закрытых клубов или проведения персональных тренировок) принципиальное значение приобретает личность клиента. Право абонента требовать предоставления услуги в любой момент сохраняется на всём протяжении действия договора. Персональные тренировки обычно оформляются подобным образом. В своих исследованиях Е.С. Митячкина подчёркивает: вопросы, связанные с развитием института интеллектуальной собственности и смежных отраслей права, должны рассматриваться с учётом длительности правовых связей между сторонами [9].

2. Особенности заключения и содержания абонентского договора.

Заключение абонентского договора регулируется положениями о согласовании оферты и акцепта. В большинстве случаев применяется конструкция присоединения – именно исполнитель готовит типовой текст договора, который остаётся неизменным для всех сторон.

В своих публикациях В.И. Липунов анализирует проблемы, которые появляются при правовом регулировании транспортных отношений, и среди прочего затрагивает вопросы, связанные с абонентским обслуживанием. При подобной системе обслуживания возникают споры по поводу того, какой параметр признаётся существенным: сам временной период действия абонемента либо число разрешённых парковочных сеансов [8].

Колоколова Д.А. и Малиновская Н.В. при рассмотрении полномочий, предоставленных контролирующим структурам, отмечают следующий момент: если абонентское соглашение используется для сокрытия регулярной трудовой деятельности, то такой подход не должен расцениваться как законная альтернатива трудовому контракту. На практике наблюдаются ситуации, когда работодатель заключает с работником договор на абонентское обслуживание, а такой подход противоречит требованиям законодательства (так, ст. 19.1 Трудового кодекса РФ), что ведёт к изменению квалификации заключённого соглашения [5].

Определить точный момент заключения абонентского договора оказывается затруднительно. Такой договор относят к консенсуальным контрактам. Соглашение считается достигнутым уже тогда, когда стороны договорились о его условиях, вне зависимости от того, начал

ли абонент реализовывать своё право требования. Для договора хранения, который относится к реальным договорам, ситуация иная: там заключение происходит только с момента передачи вещи.

3. Исполнение, прекращение и проблемы квалификации споров.

Абонентский договор устроен так, что его исполнение связано с накоплением прав и обязанностей на протяжении всего срока действия соглашения. Это означает, что требования могут заявляться абонентом на любом этапе до окончания договора. Абонент обладает возможностью обратиться с соответствующим требованием в течение всего времени действия договора. Однако в законодательстве отсутствует указание на то, что происходит, если абонент не воспользовался этим правом и не инициировал ни одного требования к исполнителю. Платёж, внесённый по договору, по общему правилу возврату не подлежит, за исключением ситуаций, когда в договоре установлены иные условия (к примеру, возможность возврата может быть прямо предусмотрена соглашением сторон) [1].

Расторгнуть абонентский договор допустимо по универсальным основаниям, включающим исполнение, расторжение по соглашению или односторонний выход из обязательств. Однако при самостоятельном прекращении договора одной стороной действует особый порядок. Абзац 2 статьи 429.4 Гражданского кодекса РФ фиксирует следующее: если договором не предусмотрено иное, абонент может выйти из договора, но при этом деньги, уже выплаченные за обслуживание, возврату не подлежат, если договор не предусматривает возврат (этот пункт актуален для большинства подобных соглашений) [1]. Это положение в ряде случаев вызывает негативную оценку судов, особенно когда дело касается абонентских договоров с потребителями; судьи склонны считать это несправедливым при рассмотрении споров между организациями и гражданами, приобретающими услуги для личных нужд.

При рассмотрении споров по договорам суды обычно выбирают линию, при которой приоритет отдаётся интересам экономически менее защищённой стороны – абонента. В ряде случаев, когда причиной отказа от исполнения договора становятся уважительные обстоятельства (например, заболевание или смена места жительства), суды взыскивают с исполнителя сумму, рассчитанную пропорционально оставшемуся сроку действия соглашения.

В исследовании, подготовленном Е.С. Митячкиной и Н.В. Куркиной, подробно рассматриваются вопросы, связанные с правовыми аспектами определения состава объектов процедур несостоятельности. Особое внимание уделяется, например, специфике абонентских договоров – это договоры, заключённые между абонентом и поставщиком услуг, которые устанавливают взаимные обязательства сторон. При рассмотрении банкротства абонента его право требовать исполнение обязательств от другой стороны приобретает статус актива, то есть становится имуществом, подлежащим учёту и последующей оценке в процессе банкротства.

4. Судебная практика по спорам, связанным с абонентскими договорами.

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько категорий споров, возникающих из абонентских договоров.

Вопрос о взыскании абонентской платы, не относящейся к оказанным услугам при одностороннем отказе абонента, вызывает противоречия в судебной практике. По делам, связанным с фитнес-абонементами, мировые судьи зачастую отказывают клиенту в возврате денежных средств, ориентируясь на буквальное прочтение пункта 2 статьи 429.4 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако иная позиция также встречается. Иногда суд удовлетворяет исковые требования частично, используя аналогию с положениями статьи 782 ГК РФ, а также руководствуясь запретом на неосновательное обогащение (включая ситуации, когда услуга не была предоставлена). Анализ, проведённый И.А. Казаковой, Н.В. Куркиной и Е.С. Митячкиной, представлен в их публикации «К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств», и авторы утверждают, что корректное исполнение денежного обязательства означает равнозначность встречных действий [4].

Обсуждение допустимости односторонней корректировки условий договора исполнителем возникает регулярно при анализе абонентских соглашений. Часто компании,

заключающие абонентские договоры, закладывают в текст положения, позволяющие им изменять стоимость или перечень предоставляемых услуг без получения отдельного согласия абонента. В судебной практике (включая решения Верховного Суда РФ по делам, связанным с защитой прав потребителей) подобные условия квалифицируются как ничтожные, и причиной этого считается нарушение баланса интересов сторон и ущемление прав потребителя. Решения Верховного Суда РФ анализировались неоднократно. К примеру, большинство таких дел связано с односторонним повышением тарифа. Суды указывают на недопустимость изменения существенных условий без явного согласия клиента.

Дискуссии, связанные с прекращением действия абонентского договора по причине серьёзных перемен в обстоятельствах, ведутся преимущественно вокруг ситуаций, где причиной могут выступать продолжительная болезнь пользователя услуг или его переезд за пределы прежнего населённого пункта. В судебной практике иски, подаваемые по основаниям существенного изменения обстоятельств, как правило, отклоняются. Основной аргумент заключается в том, что возникновение таких событий отнесено к риску самого абонента, если в контракте не зафиксированы иные условия. Суды придерживаются этой позиции. Такие дела встречаются нечасто. Вместе с тем определённые исключения допускаются. Например, если имеется в виду призыв гражданина на военную службу, суды нередко принимают решения в пользу абонента, предоставляя ему возможность расторгнуть соглашение.

5. Перспективы совершенствования законодательного регулирования.

Для устранения выявленных пробелов и противоречий в правовом регулировании абонентских договоров представляется необходимым.

1. В главе 39 ГК РФ предлагается добавить отдельную статью, посвящённую абонентскому договору возмездного оказания услуг.

2. Предлагается внести императивное положение, требующее возвращать абоненту-гражданину часть абонентской платы пропорционально оставшемуся сроку действия договора в тех случаях, когда абонент прекращает использование услуги по собственной инициативе.

3. Нужно установить обязательное требование к заключению абонентских договоров с потребителями исключительно в письменной форме, при этом в документе должны быть чётко прописаны период действия, процедура информирования о расторжении и список услуг, относящихся к абонентскому обслуживанию. Перечисленные условия должны фиксироваться в каждом договоре.

4. Законодательное закрепление презумпции о недобросовестности условий абонентских договоров присоединения необходимо в ситуациях, когда исполнитель самостоятельно (то есть без согласия абонента) изменяет стоимость либо объём предоставляемых услуг. При этом абонент лишён возможности отказаться от договора с возвратом денежных средств, относящихся к неиспользованной услуге – что создаёт неравные условия и ограничивает права потребителя.

5. Для достижения согласованности судебных решений предлагается направить Пленуму Верховного Суда РФ инициативу о принятии специального постановления – документа, необходимого для разъяснения порядка применения статьи 429.4 Гражданского кодекса Российской Федерации. В этом постановлении следует подробно определить признаки, которые отличают абонентский договор от других, сходных по своей сути, видов договорных отношений (например, от договора возмездного оказания услуг или договора подряда). Такие критерии важны для обеспечения единообразия в правоприменительной практике и требуют официального толкования, поскольку их отсутствие приводит к разночтениям и неоднозначным судебным решениям.

В гражданском праве абонентский договор выделен как отдельный вид обязательств – в нём объединяются элементы, характерные для организационных и имущественных отношений. Такой договор не сводится только к механизму исполнения по требованию – его условия допускают как платные, так и бесплатные варианты, а также помогают применять как продолжительное, так и ограниченное по времени действие.

В сфере разрешения коллизий судебные органы постепенно вырабатывают определённые подходы, однако наблюдается немалая вариативность решений, что указывает на потребность в корректировке законодательства. Анализ показывает, что дальнейшее развитие института абонентского договора связано с введением специальных положений в Гражданский кодекс с акцентом на равновесие между интересами абонента и исполнителя. Абонент в этих отношениях рассматривается как более уязвимая сторона, исполнитель вынужден нести постоянные издержки на поддержание готовности. Императивные требования к форме, содержанию и правилам расторжения абонентского договора могут быть закреплены только многоаспектным регулированием.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28. EDN WVAKDT

3. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA

4. Казакова И.А. К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №1(217). – С. 181–184.

5. Колоколова Д.А. Недопустимость подмены трудовых отношений гражданско-правовыми / Д.А. Колоколова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – №4(44). – С. 224–227. EDN WVJLCL

6. Колоколова Д.А. Некоторые вопросы представительства в гражданском процессуальном праве / Д.А. Колоколова // Современное состояние системы принудительного исполнения в Российской Федерации и пути ее совершенствования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 126–130. EDN QNEEOM

7. Левшиц Д.Ю. Вопросы нормативного правового регулирования сферы патентования / Д.Ю. Левшиц, А.С. Веселова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – №1. – С. 52–61. EDN YSQBFH

8. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования транспортных отношений в Российской Федерации / В.И. Липунов, А.С. Кочетков // Цифровой суверенитет и кибербезопасность: материалы Четвертого международного транспортно-правового форума. – М., 2022. – С. 164–168. EDN SICMCQ

9. Митячкина Е.С. Проблемы и перспективы развития института интеллектуальной собственности / Е.С. Митячкина // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей. – Курск, 2019. – С. 317–320. EDN NMXOEO

Крупин Владимир Александрович
студент

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ВИДОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ (ПЭП, УНЭП, УКЭП) ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ МЕЖДУ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу применения электронной подписи (ЭП) в договорной практике предпринимательского сектора Российской Федерации. Автор исходит из того, что формальная легализация ЭП (Федеральные законы №63-ФЗ и №476-ФЗ) не устранила разрыва между нормативным регулированием и реальными потребностями бизнеса. Исследуется проблема дифференцированной юридической силы простой (ПЭП), усиленной неквалифицированной (УНЭП) и усиленной квалифицированной (УКЭП) подписей применительно к договорам поставки, аренды, оказания услуг. Установлено, что подмена УКЭП на ПЭП без прямого соглашения сторон влечёт ничтожность сделки. Рассмотрены технологические и организационные риски: компрометация ключей, сбои удостоверяющих центров, реестровая уязвимость. Особое внимание уделено доказыванию факта подписания конкретным лицом. На основе анализа судебной практики и ст. 434, 160 ГК РФ предложены способы снижения рисков: аудиты безопасности, описание порядка фиксации времени, страхование ответственности удостоверяющих центров.*

Ключевые слова: *квалифицированная электронная подпись, детерминированное волеизъявление, декомпозированная аутентификация, компрометация ключа шифрования, реестровая транзакционная уязвимость, компрометация криптографического носителя, метаданные цифровой подписи.*

Нормативный контекст и проблема экономического оборота.

Электронная подпись (ЭП) перестала быть вспомогательным инструментом. Для предпринимателей электронная подпись стала основным способом выражения воли при дистанционном заключении договоров [1, ст. 5] закрепил три вида ЭП, однако на практике смешение режимов использования порождает споры, длящиеся годами.

Российский бизнес в 2024–2026 годах столкнулся с парадоксом: чем доступнее технологии ЭП, тем труднее доказать суду, что договор подписан надлежащим лицом. Это остро проявляется при сделках между юридическими лицами, где контрагенты экономят на усиленной подписи и некорректно регламентируют (или не регламентируют) порядок использования цифровых подписей [2, с. 5].

Ниже рассматриваются две подтемы, которые структурируют ответы на эти вызовы.

Юридическая сила и соотношение видов электронной подписи: простая электронная подпись, усиленная квалифицированная электронная подпись, усиленная неквалифицированная электронная подпись при заключении договоров между юридическими лицами

Градация силы: ПЭП, УНЭП, УКЭП.

Согласно п. 2 ст. 160 ГК РФ, использование электронной подписи допускается в случаях и порядке, предусмотренных законом или соглашением сторон, а ст. 434 ГК РФ допускает заключение договора в электронной форме. Для подтверждения подлинности электронные документы подписывают электронной подписью (ЭП). Это специальный персональный цифровой код, который прикрепляют к документу. Такие подписанные электронной подписью

электронные документы равнозначны бумажным документам с обычной рукописной подписью и имеют такую же юридическую силу.

Простая электронная подпись (ПЭП) и неквалифицированная электронная подпись (УНЭП), о которых пойдёт речь ниже, придают документу юридическую силу только на основании нормативных актов Правительства Российской Федерации или соглашений сторон электронного документооборота. В обоих случаях должна быть возможность проверить личность подписанта.

Электронный документ с квалифицированной электронной подписью (КЭП) обладает такой же юридической силой, что и бумажный с собственноручной подписью, без заключения каких-либо дополнительных соглашений, утверждения нормативных актов.

Если действующее законодательство не обязывает применять конкретный вид подписи для тех или иных действий, то участники электронного документооборота могут использовать любой вид подписи по договоренности между собой [3, с. 21].

Случаи, когда УКЭП не спасает: проблема фактического лица.

УКЭП технически подтверждает владельца сертификата – директора или уполномоченного сотрудника. Но что, если директор уволен, а его сертификат ещё не отозван? Или подписант временно не исполняет обязанности, а на документах появляется его электронная подпись? Суды указывают на то, что электронная подпись является аналогом собственноручной подписи, и Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи» не предусматривает возможность передачи права использования электронной подписи от её владельца иному лицу [4, с. 5].

Вывод: юридическая сила ЭП условна. Она зависит не только от вида подписи, но и от добросовестности проверяющей стороны.

Соглашение об использовании ЭП: обязательный элемент или формальность?

Для того чтобы избежать проблем в договорных отношениях, юридическим лицам желательно заранее письменно согласовать в договоре порядок электронного документооборота. Это критически важно, когда стороны пользуются не усиленной квалифицированной (УКЭП), а иными видами подписей.

Порядок электронного документооборота сторон как минимум должен содержать следующую информацию: конкретный вид ЭП для каждого типа документа (например, счёт – ПЭП, договор – УКЭП), порядок фиксации точного времени подписания (например, через штамп времени удостоверяющего центра), порядок действий при компрометации ключа (например, в течение 6 часов уведомить контрагента).

Без такого соглашения даже УКЭП превращается в дорогой, но бесполезный инструмент.

Например, по одному из арбитражных дел суд удовлетворил иск о взыскании задолженности, приняв в качестве доказательства электронную накладную. При этом суд пояснил, что простой или неквалифицированной электронной подписью можно подтвердить документ только при наличии особого письменного соглашения сторон (в соответствии с законом №63-ФЗ). Данная позиция отражена в постановлении 13-го арбитражного апелляционного суда от 1 октября 2020 года [5, с. 5].

Проблема легитимности клона документа.

Стороны не могут подписывать один и тот же документ дважды: и по ЭДО (ЭЦП), и на бумаге (собственноручно). В силу закона №63-ФЗ допустим только один из этих двух вариантов. В противном случае произойдёт необоснованное задвоение документа путём создания его нелегитимного оригинала.

Суды указывают, что направление претензии по юридическому адресу не имеет правового значения, если документ получен по ЭДО [6, с. 9].

Технологические и организационные риски использования ЭП в договорной работе: защита от компрометации, подтверждение воли стороны и другое.

Использование электронной подписи ускоряет документооборот, но создаёт ряд технологических уязвимостей. Главные риски: компрометация ключа (несанкционированный доступ

к носителю или облаку), сбои в работе криптопровайдеров и устаревание алгоритмов шифрования, отсутствие декомпозированной аутентификации. Отдельная проблема – зависимость от аккредитованных удостоверяющих центров: их аннулирование или технический коллапс (например, отключение электричества) может парализовать подписание контрактов. Кроме того, при использовании простой ЭП (логин/пароль через почту) высок риск подделки воли стороны из-за взлома учётной записи.

Компрометация криптографического носителя (токена).

Ключевым технологическим риском остаётся физическая или сетевая компрометация носителя ключа ЭП. Не исключена возможность того, что ЭП на том или ином документе была проставлена после кражи токена, но до момента отзыва сертификата. Банки и контрагенты не могут отличить легитимную подпись от несанкционированной.

Существует страхование ответственности удостоверяющих центров, которое предусматривает компенсацию расходов на возмещение убытков третьим лицам, если они пострадали из-за некорректной информации в сертификате ключа проверки электронной подписи или реестре сертификатов. Однако в таких договорах обычно есть исключения из покрытия, которые подробно описаны в правилах страхования, например: утрата токена владельцем подписи.

В договоре следует прописывать, что сторона, не отозвавшая сертификат в течение 1 рабочего дня с момента обнаружения пропажи, несёт все риски как свои.

Доказывание: презумпция авторства подписи.

Судебная практика постепенно отходит от презумпции «есть подпись – значит, подписал владелец». Суды требуют дополнительные доказательства детерминированного волеизъявления: логи доступа к рабочему месту, видеозапись из офиса, данные геолокации. Для предпринимателя это означает, что одного файла с УКЭП недостаточно. Нужно вести журнал сессий подписания и фиксировать, какой сотрудник в какое время открывал КриптоПро.

В деле №2–1113/2014 суд сделал вывод о фактическом выполнении бухгалтером трудовых обязанностей «на основании данных, содержащихся в файлах регистрации работы в СЭД» [7, с. 2].

Если сторона дела сомневается в подлинности электронного документа или переписки, суд может назначить судебную компьютерно-техническую экспертизу.

Экспертиза ЭП становится рутинной: проверяется не только криптоматематика, но и метаданные (атрибуты файла, время, устройство).

Реестровая транзакционная уязвимость и проблема отзыва сертификата.

В случае отзыва сертификата в реестре ФНС это происходит не мгновенно. Всегда имеют место человеческий фактор (время на формирование обращения) и технические особенности процесса отзыва. По данным портала государственных услуг, процесс может занимать до нескольких часов. Это «окно уязвимости». Злоумышленник может за эти часы подписать договор, который нанесёт ущерб сторонам.

Решением служит техническое условие в договоре: «Подпись не считается действительной, если сертификат был отозван ранее времени подписания, даже если факт отзыва ещё не отражён в локальном менеджере сертификатов контрагента». Такая оговорка перекладывает проверку на сторону, принимающую подпись.

Способы снижения рисков: от теории к формулировкам в договоре.

На основе анализа двух подтем предлагаются конкретные редакции договорных условий для предпринимателей.

Для снижения рисков по первому блоку (юридическая сила):

− прямо перечислить все виды ЭП, допустимые для каждого документа;

− установить, что споры о подлинности подписи решаются экспертизой, но бремя предоставления журналов подписания лежит на стороне, возражающей против подписи.

Для снижения технологических рисков:

− необходимы регулярные аудиты безопасности, двухфакторная аутентификация и строгое разграничение доступа к ключам;

− обязать каждую сторону страховать риск компрометации ключей;

− включить условие о форс-мажоре при технических сбоях.

Применение электронной подписи в коммерческих договорах не следует рассматривать ни как абсолютный гарант юридической безопасности, ни как безусловный фактор уязвимости сделок. Это инструмент, безопасность и юридическая сила которого прямо пропорциональны уровню проработки договорных условий и технической составляющей. Первая подтема показала, что разграничение ПЭП, УНЭП и УКЭП без прямого соглашения сторон – путь к ничтожности. Вторая подтема обнаружила глубинные технологические бреши: зависимость от инфраструктуры, окна уязвимости реестров, компрометацию токенов.

Предпринимателям сегодня недостаточно купить УКЭП в аккредитованном центре. Необходимо пересмотреть тексты договоров, внедрить внутренние регламенты фиксации сессий и страхование. ЭДО требует не только техники, но и новой договорной культуры.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об электронной подписи» №63-ФЗ от 06.04.2011 (ред. от 31.07.2025).

2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2025 №Ф07–13006/2025 по делу №А21–16552/2024.

3. Методические рекомендации по внедрению электронного документооборота в целях обеспечения популяризации использования электронного документооборота среди граждан и организаций Российской Федерации: утв. ФНС России.

4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.03.2021 №Ф06–42411/2018 по делу №А12–35538/2017; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2019 №09АП-31911/2019 по делу №А40–42134/2019.

5. Постановление 13-го Арбитражного апелляционного суда от 01.10.2020 №13АП-17288/2020 по делу №А56–3662/2020.

6. Постановление 11-го Арбитражного апелляционного суда от 04.04.2025 по делу №А72–2927/2024.

7. Решение Вязниковского городского суда (Владимирская область) от 01.07.2014 по делу №2–1113/2014.

8. Достовалов П.В. Правомерность использования электронно-цифровой подписи при заключении гражданско-правовых договоров / П.В. Достовалов, О.В. Плетнева // Новое в бухгалтерском учете и отчетности. – 2012.

9. Соловяненко Н.И. Юридическая роль электронной подписи в электронной коммерции / Н.И. Соловяненко // Предпринимательское право в XXI веке: преемственность и развитие. – М.: МЗ Пресс, 2012.

10. Помогаева М.А. Электронное учебное пособие «Электронно-цифровая подпись»: выпускная квалификационная работа / М.А. Помогаева; Рос. гос. проф.-пед. ун-т, Ин-т инж.-пед. образования, Каф. информ. систем и технологий. – Екатеринбург, 2019.

11. Крамаров С.О. Криптографическая защита информации: учеб. пособие / С.О. Крамаров, О.Ю. Митясова, С.В. Соколов, Е.Н. Тищенко, П.С. Шевчук. – М.: РИОР: Инфра-М, 2018. EDN YUWDVH

12. Бачило И.Л. Информационное право: учебник / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, М.А. Федотов. – СПб., 2015.

13. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. EDN DLIPYY

14. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

15. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA

16. Основы права (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 05.08.2026).

17. Коршунов Н.М. Право интеллектуальной собственности: учебное пособие / Н.М. Коршунов, Н.Д. Эриашвили, В.И. Липунов. – М.: Юнити-Дана, 2011. – 327 с. EDN RAZFHZ

Кузнецов Алексей Николаевич
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация: *в статье рассматривается состояние и перспективы государственно-частного партнёрства (ГЧП) в Российской Федерации. ГЧП анализируется как многоаспектный и относительно новый институт, значимый для инфраструктурного развития. Определены ключевые преимущества (софинансирование, привлечение частных инвестиций, оптимизация проектов для улучшения качества общественных услуг) и недостатки (потенциальные риски на этапах проектирования и реализации). Успешность ГЧП зависит от чёткой правовой базы и эффективного управления проектами, что может способствовать социальному и экономическому развитию государства. Статья обогащает понимание ГЧП и может служить основой для дальнейших исследований.*

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, тенденции развития, взаимодействие государства и бизнеса, преимущества и недостатки, возможные риски, публичный партнер, инвестор.*

Государственно-частное партнерство (ГЧП) представляет собой институциональный и организационный альянс между государством и частным бизнесом, направленный на реализацию общественно значимых проектов (строительство дорог, больниц, школ, ЖКХ, энергетика). В условиях бюджетных ограничений и необходимости модернизации инфраструктуры, ГЧП стало одним из наиболее востребованных инструментов экономической политики. Однако, как и любая сложная система, ГЧП имеет как бесспорные преимущества, так и существенные недостатки, которые необходимо учитывать при принятии решений.

1. Понятие государственно-частного партнерства.

В Российской Федерации ГЧП – институт новый, тогда как система государственных закупок в современном ее понимании насчитывает более четверти века [13, с. 11–14].

Понятие государственно-частного партнерства является разноплановым. В широком смысле под государственно-частным партнерством понимают любое взаимодействие бизнеса и государства, в частности, государственное частное партнерство представляет собой весь спектр взаимодействия бизнеса и власти, нацеленный на решение глобальных и локальных задач социально-экономического развития [12, с. 18]. Также, по мнению И.А. Губанова, ГЧП в широком смысле – это система правовых норм, образующая самостоятельный институт, в узком же смысле – это система конкретных правовых норм взаимодействия государства и бизнес структур [5, с. 14].

В узком же понимании ГЧП – это механизм софинансирования инфраструктурных проектов государством и бизнесом [11, с. 16]. При этом ГЧП предусматривает два рода деятельности – инвестиции в объекты инфраструктуры и оказание услуг с помощью данных объектов либо их эксплуатация.

В Российской Федерации ГЧП основывается на таких принципах, как принцип публичности и открытости, принцип свободы выбора и равноправия сторон, принцип справедливого распределения рисков и обязательств, а также на принципе выгоды соглашения для каждой стороны [7, с. 133–134].

Таким образом, государственно-частное партнерство является одной их ключевых и эффективных форм взаимодействия государства и бизнеса по реализации инфраструктурных проектов. Механизмы государственно-частного партнерства позволяют на взаимовыгодных условиях привлекать частные инвестиции и компетенции для создания качественной общественной инфраструктуры и оказания услуг на базе создаваемого и реконструируемого имущества.

2. Модели работы по проекту в сфере государственно-частного партнерства.

Модели работы по проекту в сфере ГЧП можно систематизировать, представив их в виде формул.

Первая формула состоит из наличия заинтересованности со стороны органов публичной власти. При этом инвестор отсутствует.

Причины, по которым проект невозможно реализовать:

− не утверждается и не публикуется перечень объектов, в отношении которых возможно заключение соглашения;

− не проводятся мероприятия для потенциальных инвесторов;

− в регионе отсутствует ведомство, оказывающее консультации и поддержку инвесторам по вопросам ГЧП.

Таким образом, проект может быть реализован только в случае успешного поиска инвестора.

Вторая формула напротив, предусматривает наличие идеи реализации проекта у потенциального инвестора, но отсутствует возможность реализации проекта, в связи с различного рода причинами:

− отсутствует четкое понимание выгодности механизмов ГЧП у органа публичной власти;

− в органах исполнительной власти региона отсутствуют компетентные специалисты в сфере ГЧП;

− в регионе отсутствует необходимая нормативная база, определяющая механизмы реализации ГЧП-проектов для публичной стороны.

Кроме этого, проект невозможно будет реализовать в связи с невозможностью обеспечения снятия ограничений и обременений с земельных участков, отсутствием необходимых объемов финансовых ресурсов у сторон, а также отсутствием необходимых полномочий у публичной стороны.

Третья формула позволяет успешно осуществить подготовительную работу и впоследствии реализовать проект, поскольку в данном случае есть заинтересованность у обеих сторон и отсутствуют факторы, препятствующие реализации проекта.

3. Общемировые тенденции в развитии государственно-частного партнерства.

В настоящее время эксперты фиксируют ряд общемировых тенденций в развитии ГЧП, среди которых можно выделить следующее.

Стоимость проектов неуклонно растет, а набор механизмов возврата инвестиций ограничен. Реализация проектов за счет пользователей не всегда возможна, так как это снижает доступность инфраструктуры. Требуется одновременно снизить издержки бюджетов на создание и эксплуатацию инфраструктуры и при этом не допустить удорожания услуг для граждан, что открывает возможности для применения ГЧП.

Проекты ГЧП зачастую дорогие и длительные, что требует для их реализации долгосрочного планирования. Многие страны, следом за Великобританией, Австралией и Канадой, создают государственные органы управления в сфере инфраструктуры и принимают многолетние планы ее развития, в том числе на принципах ГЧП.

Усиливается роль цифровой инфраструктуры и цифровизация управления ГЧП. В ряде стран реализуются проекты по созданию интернет-сетей 5G, крупные страны стремятся к полному покрытию своей территории широкополосным Интернетом. Цифровые решения применяются на транспорте и в энергетике.

В Российской Федерации уровень износа основных фондов в общественной инфраструктуре оценивается как высокий: в среднем 45–55%. По прогнозам, к 2040 г. Россия войдет в пятерку стран с наибольшим дефицитом инфраструктурных инвестиций (после США, Китая

и Бразилии). Уже сегодня степень износа основных объектов по отраслям составляет: системы связи – 60%; добыча полезных ископаемых – 58%; транспорт – 53%; здравоохранение – 52%; обрабатывающие производства – 51%; наука – 48%; электроэнергетика – 47%; образование – 46%; водоснабжение, водоотведение, утилизация ТКО – 44%; культура и спорт – 42% [1, с. 24–25].

4. Преимущества и недостатки государственно-частного партнерства.

Если говорить о преимуществах ГЧП, то необходимо отметить, что использование механизмов ГЧП позволяет инвестору:

− взаимодействовать с государством на основе долгосрочного соглашения;

− пользоваться долгосрочным, возвратным вложением инвестиций;

− получить земельный участок в целях реализации соглашения без торгов по «льготной цене», рассчитываемой по кадастровой стоимости и поправочным коэффициентам;

− реализовывать проект с участием государства (возможность получения софинансирования проекта за счёт средств бюджета);

− получить дополнительные гарантии (в т.ч. минимальный гарантированный доход);

− разделить риски с публичной стороной;

− самостоятельно определить параметры проекта (в рамках частной инициативы).

Напротив, использование механизмов ГЧП позволяет государству:

− привлекать частные инвестиции в экономику, а также снизить и распределить во времени расходы бюджета;

− обеспечить эффективное использование имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности;

− разделить риски с частными инвесторами при реализации проектов;

− повысить качество товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям в рамках проекта;

− получить эффективное управление госимуществом.

К.В. Пьянкова и Н.Н. Косвинцев к преимуществам ГЧП для всех его участников относят высокий профессионализм принятия решений, экономию времени при реализации проекта, гибкость в проектировании, модернизацию государственного сектора, а также в рамках ГЧП выделяют такие термины, как «синергия», «инновации» и «эффективность» [9, с. 19].

Недостатками ГЧП для инвестора являются:

− необходимость вложения собственных или заемных финансовых средств в проект (в рамках классического государственного заказа подобной необходимости нет);

− низкая норма прибыли (так как ограничена возможность взимания платы с пользователей инфраструктуры, доходность ГЧП ниже, чем у чисто коммерческих проектов);

− ввиду долгосрочного характера ГЧП бизнес несет больше обязательств, чем в краткосрочных проектах.

Для публичного партнера недостатками в рамках взаимоотношений ГЧП будут являться:

− дополнительные бюджетные расходы (проекты ГЧП, где источник дохода – платежи из бюджета, увеличивают общую нагрузку на бюджет);

− необходимость гибкого регулирования (чтобы участие в ГЧП было интересно для бизнеса, государство должно создать привлекательные правовые и институциональные условия);

− необходимость создания преференций для бизнеса (например, освобождение от ряда налогов) создает выпадающие доходы бюджета.

Таким образом, необходимо отметить, что государственно-частное партнерство предполагает баланс как публичных, так и частных интересов [2, с. 33–37].

5. Риски в проектах государственно-частного партнерства.

Говоря о преимуществах и недостатках ГЧП, необходимо также отметить возможные риски при реализации инфраструктурных проектах.

Единого понятия рисков при воплощении проектов ГЧП не существует. При этом эксперты в понятие «риски в проектах ГЧП» включают «возможность возникновения условий, приводящих

к негативным последствиям для всех или отдельных участников проекта» [6], а также вероятные изменения показателей проекта, прежде всего связанные с доходами и расходами.

По мнению В.Г. Варнавского, А.В. Клименко, В.А. Королева, можно выделить четыре основные категории рисков при осуществлении проектов ГЧП: политические и правовые; технические; коммерческие; экономические, валютные и финансовые [4, с. 56].

Т.М. Матаев предлагает иную типологию рисков в проектах ГЧП: классические (риски, возникающие по ходу развития, ценовые риски и производственные риски) и специальные (рыночные риски, валютные риски, риски изменения процентов, политические риски, эксплуатационные и управленческие риски, риски нехватки сырья и материалов, а также форс-мажорные события), проектные (коммерческие, конструкционные, риски эксплуатации), политические и регулятивные риски (потенциальные конфликты между различными регулирующими органами, адекватность государственной структуры и риск изменения в регулятивной среде, политика установления цен и тарифов, риск изменения экономической и политической ситуации; перераспределение публичного управления, проведение переговоров после подписания контрактов), объективные риски (происходят в произвольном случае, например от изменений в спросе или факторов, влияющих на затраты по строительству и эксплуатации) и субъективные риски (возникают в результате поведения участников проекта) [8, с. 4–10].

Помимо этого, по мнению М.Ю. Соколова, С.В. Масловой, риски при реализации проектов ГЧП можно разделить по следующим основаниям.

По сфере отношений, в которой риск может возникнуть, выделяют:

− финансовые риски (риск изменения процентных ставок, курсов валют, уровня инфляции, а также риск неполучения (недополучения) финансирования проекта, в том числе за счет привлекаемых средств, недостижения финансового закрытия и др.);

− правовые риски (риск ослабления системы средств регулятивного воздействия на «участников отношений в сфере публично-частного партнерства, представляющих собой определенные методы, приемы и способы, регулируемые специальными нормами права» [3, с. 31–45], изменения законодательства, риск недоступности судебной защиты);

− политические риски (риск изменения политической конъюнктуры и управленческой структуры, риск забастовок и волнений, риск национализации, риск коррупции и др.);

− экологические и социальные риски (риск причинения вреда окружающей среде, риск социальной напряженности среди местного населения и др.);

− риски проектирования (риск ошибок проектирования, риск несоответствия объекта заданным технико-экономическим показателям, риск задержек при получении лицензий, разрешений и согласований и др.);

− строительные риски (риск несоблюдения сроков строительства или его незавершения, риск ненадлежащего качества строительства, земельный риск и др.);

− эксплуатационные риски (риск спроса, наличия необходимых расходных материалов и др.).

По этапу проекта ГЧП:

− риски на этапе проектирования;

− риски на этапе строительства;

− риски на этапе эксплуатации;

− риски на этапе передачи объекта соглашения;

− риски на любом этапе проекта ГЧП.

Помимо этого, выделяются общие риски, которые могут возникнуть в любом проекте ГЧП вне зависимости от сферы его реализации (строительные, финансовые, правовые, политические и социальные) и специфические риски, которые присущи проектам ГЧП в зависимости от того, что является объектом проекта ГЧП и в какой сфере он реализуется (дорожные, медицинские и т. д.) [10, с. 101–102].

Принципиальным моментом, гарантирующим минимизацию рисков и повышение эффективности ГЧП в целом, является управление.

Предполагается, что посредством концепции, стратегии, доктрины и законодательства по управлению различными формами государственно-частного партнерства они могут четко очертить границу своей ответственности перед обществом за результаты проектов. Правовой вакуум в этом вопросе способствовал бы коррупции и приводил бы к появлению частной монополии со всеми негативными последствиями как для государства, общества, так и для бизнеса [14, с. 15–17].

Список литературы

1. Борщевский Г.А. Государственно-частное партнёрство: учебник и практикум для вузов / Г.А. Борщевский. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – С. 24–25.

2. Белицкая А.В. Государственно-частное партнёрство как альтернатива контрактной системе / А.В. Белицкая // Юрист. – 2014. – №5. – С. 33–37.

3. Бондаренко Н.Л. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко, А.Г. Костенко // Право.by. – 2022. – №6. – С. 31–45. EDN HLDLVT

4. Государственно-частное партнерство: теория и практика / В.Г. Варнавский, А.В. Клименко, В.А. Королев [и др.]. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2010. – 56 с. EDN TRHFVP

5. Губанов И.А. Государственно-частное партнерство в реализации функций Российского государства (вопросы теории и практики): автореф. дис.... канд. юрид. наук / И.А. Губанов. – СПб., 2010. – 14 с. EDN ZODUGB

6. Косов В.В. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов / рук. авт. кол. В.В. Косов, В.Н. Лившиц, А.Г. Шахназаров. – 2-е изд. – М.: Экономика, 2000.

7. Марковская Е.И. Механизмы государственно-частного партнерства. Теория и практика: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Е.И. Марковской. – М.: Юрайт, 2026. – С. 133–134.

8. Матаев Т.М. Типология рисков по проектам государственно-частного партнерства / Т.М. Матаев // Российское предпринимательство. – 2012. – №3(201). – С. 4–10. EDN OOUISP

9. Пьянкова К.В. Государственно-частное партнерство: преимущества и недостатки для государства и бизнеса / К.В. Пьянкова, Н.Н. Косвинцев // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2010. – Вып. 4(7). – С. 19.

10. Соколов М.Ю. Государственно-частное партнерство: учебник для вузов / М.Ю. Соколов, С.В. Маслова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – С. 101–102.

11. Ткаченко И.Н. Государственно-частное партнерство: учебник для вузов / под ред. И.Н. Ткаченко. – М.: Юрайт, 2026. – С. 16.

12. Феоктистов К.С. Тенденции взаимодействия власти и бизнеса в отечественной экономике / К.С. Феоктистов // Экономика и бизнес: материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 18.

13. Храмкин А.А. Контрактная система – особенности и отличия от действующего законодательства / А.А. Храмкин // Право и экономика. – 2013. – №8. – С. 11–14. EDN RIFXXN

14. Шапкина Е.А. О повышении эффективности государственно-частного партнерства в России / Е.А. Шапкина // Юридический мир. – 2014. – №4. – С. 15–17. EDN SDAEMR

Кузьмина Ульяна Михайловна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ИНЫЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию правового института иных (производных) прав собственности на жилое помещение в российском законодательстве, рассматриваемых как необходимый баланс между частным интересом собственника и публично-значимой функцией жилья. Анализируются теоретические конструкции ограниченных вещных прав применительно к жилищной сфере, а также практические аспекты реализации прав членов семьи собственника, бывших членов семьи и иных лиц, вселяемых на основании договоров или закона. Особое внимание уделяется коллизионным вопросам соотношения титульного права собственности и производных прав пользования, определению пределов осуществления правомочий собственника при наличии обременений, а также судебным механизмам защиты прав пользователей. На основе анализа норм ГК РФ и ЖК РФ, разъяснений Верховного Суда РФ и региональной судебной практики выявлены системные пробелы и противоречия в регулировании (прекращение права пользования, выселение). Сформулированы предложения по совершенствованию законодательной техники для усиления гарантий прав обеих сторон и снижения судебных рисков.*

Ключевые слова: *право собственности, жилое помещение, иные вещные права, члены семьи собственника, право пользования жилым помещением, ограниченные вещные права, защита жилищных прав.*

Институт права собственности на жилые помещения занимает центральное место в системе российского гражданского и жилищного законодательства. Вместе с тем, наряду с правом собственности, законодательство предусматривает существование иных прав на жилые помещения, которые принадлежат лицам, не являющимся собственниками. Данная категория прав, получившая в доктрине наименование «ограниченные вещные права» или «иные права собственности», имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку затрагивает интересы широкого круга лиц – членов семей собственников, бывших супругов, нанимателей и других пользователей жилых помещений [4, с. 79].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления правовой природы, содержания и пределов осуществления производных от права собственности прав на жилые помещения, а также выявления проблем правоприменительной практики в данной сфере. Как справедливо отмечает И.А. Емелькина, «сегодня экономические преобразования в нашей стране потребовали внесения серьезных изменений в ГК РФ в области вещного права», что делает исследование данной тематики особенно своевременным.

Правовая природа иных прав на жилое помещение.

В российском гражданском праве традиционно выделяется триада правомочий собственника: владение, пользование и распоряжение. Однако в отношении жилых помещений законодатель устанавливает особый правовой режим, обусловленный социальной значимостью данного объекта и необходимостью защиты жилищных прав граждан [5, с. 19].

Иные права на жилое помещение представляют собой производные от права собственности правомочия, которые принадлежат лицам, не являющимся собственниками, но имеющим

законные основания для проживания и пользования жилым помещением. Как указывается в юридической литературе, «в отношениях, складывающихся при осуществлении гражданами правомочий владения, пользования и распоряжения жилыми помещениями, наряду с собственниками жилья в целом ряде случаев выступают лица, имеющие самостоятельное право на данное жилище» [4, с. 76].

Основополагающее значение для понимания природы иных прав на жилое помещение имеет положение о том, что право собственности на жилое помещение не является абсолютным и безграничным. Законодатель устанавливает пределы осуществления права собственности, которые заключаются в обязанности собственника использовать жилое помещение по назначению, поддерживать его в надлежащем состоянии, соблюдать права и законные интересы соседей. Эти ограничения создают правовую основу для возникновения и существования прав иных лиц на жилое помещение.

Права членов семьи собственника жилого помещения.

Наиболее значимой разновидностью иных прав на жилое помещение являются права членов семьи собственника. Согласно статье 31 Жилищного кодекса РФ, члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между ними [7, с. 74].

Законодательное определение круга лиц, относящихся к членам семьи собственника, имеет важное практическое значение. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, к членам семьи собственника относятся проживающие совместно с ним супруг, дети и родители. При этом для признания указанных лиц членами семьи достаточно установления факта их совместного проживания с собственником, и не требуется подтверждения ведения общего хозяйства.

Иные родственники (бабушки, дедушки, братья, сестры и другие) могут быть признаны членами семьи собственника при наличии двух условий: они должны быть вселены собственником в жилое помещение в качестве членов семьи, и между ними должны существовать семейные отношения, характеризующиеся взаимным уважением и заботой, общими интересами, ведением общего хозяйства. В исключительных случаях к членам семьи могут быть отнесены и иные граждане, например, лицо, проживающее совместно с собственником без регистрации брака.

Статья 292 Гражданского кодекса РФ закрепляет права членов семьи собственника, проживающих в принадлежащем ему жилом помещении, на условиях, предусмотренных жилищным законодательством. При этом дееспособные члены семьи собственника несут солидарную с ним ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования жилым помещением [10, с. 115].

Особого внимания заслуживает вопрос о праве членов семьи собственника на вселение в жилое помещение других лиц, в частности несовершеннолетних детей. Хотя часть 2 статьи 31 ЖК РФ прямо не наделяет членов семьи собственника таким правом, на основе аналогии закона (статья 7 ЖК РФ) за ними может быть признано право на вселение своих несовершеннолетних детей в жилое помещение с целью обеспечения прав детей.

Правовое положение бывших членов семьи собственника.

Существенной особенностью правового регулирования отношений по пользованию жилым помещением является правило о прекращении права пользования за бывшими членами семьи собственника. Согласно части 4 статьи 31 ЖК РФ, в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным помещением за бывшим членом его семьи не сохраняется, если иное не установлено соглашением между ними [7, с. 75].

Под прекращением семейных отношений между супругами следует понимать расторжение брака в органах ЗАГС или в судебном порядке, а также признание брака недействительным. Для иных лиц о прекращении семейных отношений могут свидетельствовать: отказ от ведения общего хозяйства, отсутствие общего бюджета и общих предметов быта, неоказание взаимной поддержки, выезд в другое место жительства [4, с. 78].

Вместе с тем законодатель предусматривает исключения из общего правила. Суд может сохранить за бывшим членом семьи собственника право пользования жилым помещением на определенный срок, если у него отсутствуют основания для приобретения или осуществления права пользования иным жилым помещением, а его имущественное положение и другие заслуживающие внимания обстоятельства не позволяют ему обеспечить себя иным жильем. Кроме того, суд вправе обязать собственника обеспечить иным жилым помещением бывшего супруга и других членов его семьи, в пользу которых собственник исполняет алиментные обязательства.

Специальное правило установлено для бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения. В соответствии со статьей 18 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», бывшие члены семьи собственника приватизированного жилого помещения сохраняют право пользования данным помещением, если они в момент приватизации имели равные права пользования им [5, с. 108].

Иные виды прав на жилое помещение.

Помимо прав членов семьи собственника, российское законодательство предусматривает и другие виды производных прав на жилые помещения.

Особый интерес представляет право пожизненного пользования жилым помещением. Статья 101 Жилищного кодекса РФ определяет основания возникновения данного права: заключение договора пожизненного содержания с иждивением; наследование, когда завещатель возложил на наследника, к которому переходит жилое помещение, обязательство предоставить третьему лицу пожизненное пользование этим жилым помещением. Данный институт имеет важное социальное значение, позволяя обеспечить жильем лиц, которые по тем или иным причинам не могут самостоятельно приобрести жилое помещение.

Значительная часть жилищного фонда находится в пользовании граждан на основании договоров социального найма, найма жилого помещения, аренды, безвозмездного пользования. Собственник жилого помещения вправе предоставить его во владение и пользование гражданину на основании договора найма, договора безвозмездного пользования или на ином законном основании, а юридическому лицу – на основании договора аренды [7, с. 76].

Важно отметить, что при предоставлении жилого помещения в пользование иным лицам должны соблюдаться права и законные интересы соседей, правила пользования жилыми помещениями, правила содержания общего имущества в многоквартирном доме. При этом размещение в жилых домах промышленных производств не допускается, а использование жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности возможно только при условии соблюдения установленных ограничений.

Защита иных прав на жилое помещение.

Вопросы защиты прав лиц, не являющихся собственниками жилых помещений, имеют особое значение в свете конституционных гарантий права на жилище. Статья 2 Конституции РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а обязанность государства – признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Статья 35 Конституции РФ гарантирует защиту частной собственности, а статья 46 – судебную защиту прав и свобод гражданина.

В цивилистической доктрине право на защиту рассматривается как неотъемлемое правомочие, входящее в содержание субъективного гражданского права, наряду с правомочием на осуществление собственных действий и правомочием требования от обязанных лиц определенного поведения. Соответственно, лица, обладающие иными правами на жилое помещение, имеют право на защиту этих прав всеми способами, предусмотренными статьей 12 Гражданского кодекса РФ.

Среди способов защиты жилищных прав особое значение имеет признание права. Как отмечается в юридической литературе, иски о признании права собственности и иных прав на жилое помещение рассматриваются судами, и признание права служит необходимой

предпосылкой для принудительного осуществления других требований. Например, признание права пользования жилым помещением может быть необходимо для защиты от неправомерных действий собственника или третьих лиц [4, с. 81].

Члены семьи собственника жилого помещения вправе требовать устранения нарушений их прав на жилое помещение от любых лиц, включая собственника помещения (статья 292 ГК РФ). Данное положение имеет принципиальное значение, поскольку закрепляет самостоятельный характер прав членов семьи и их защищенность от произвола собственника [7, с. 74].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт иных прав на жилое помещение в российском законодательстве представляет собой сложную, многогранную правовую конструкцию, имеющую важное социальное значение. Производные от права собственности права членов семьи, бывших супругов, иных пользователей жилых помещений обеспечивают баланс между интересами собственника и потребностями граждан в жилище, что соответствует конституционным принципам социального государства [7, с. 75].

Вместе с тем, анализ законодательства и правоприменительной практики выявляет ряд проблем, требующих дальнейшего теоретического осмысления и законодательного решения. Как справедливо отмечается в юридической литературе, нормы раздела II ГК РФ, касающиеся вещных прав, «существенно отстали от современных жизненных реалий». В частности, остается дискуссионным вопрос о необходимости законодательного закрепления закрытого перечня ограниченных вещных прав на жилые помещения, определения их содержания и пределов осуществления.

Представляется, что дальнейшее совершенствование законодательного регулирования в данной сфере должно быть направлено на обеспечение стабильности жилищных прав граждан, защиты интересов социально уязвимых категорий населения (несовершеннолетних, нетрудоспособных, бывших супругов) и одновременно на создание эффективных механизмов защиты прав собственников жилых помещений. Решение этих задач возможно только при комплексном подходе, учитывающем как частноправовые, так и публично-правовые аспекты жилищных отношений.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994.

2. Федеральный закон «Жилищный кодекс Российской Федерации» №188-ФЗ от 29.12.2004.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» №14 от 02.07.2009.

4. Бодяк Н.Е. Право собственности и иные вещные права на жилые помещения / Н.Е. Бодяк // 30 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации. – Тамбов, 2025. EDN LBDGEX

5. Емелькина И.А. Право собственности и другие вещные права в Гражданском кодексе Российской Федерации: итоги и перспективы / И.А. Емелькина // Вестник Пермского университета. – 2015.

6. Иваненко А.В. Право собственности на жилые помещения и его защита: учебное пособие / А.В. Иваненко, Э.О. Осадченко; Российский университет кооперации, Волгоградский кооперативный институт (филиал). – Волгоград: Изд-во ВОЛГГМУ, 2018. – 234 с. EDN FSUUNS

7. Исмаилов С.Н.О. Формы и способы защиты права собственности на жилые помещения и иных жилищных прав / С.Н.О. Исмаилов // Пробелы в российском законодательстве. – 2015.

8. Корнеева И.Л. Жилищное право: учебник и практикум для СПО / И.Л. Корнеева. – 4-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 450 с. – URL: https://urait.ru (дата обращения: 07.07.2025).

9. Николюкин С.В. Жилищное право. Практикум: учебник для вузов / С.В. Николюкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 275 с. – URL: https://urait.ru/bcode/564871 (дата обращения: 07.07.2025).

10. Овинников В.А. Некоторые аспекты реализации защиты жилищных прав: формы и способы (анализ правоприменения) / В.А. Овинников // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №8(224). – С. 293–296.

11. Осадченко Э.О. Правомочия владения и пользования жилым помещением: понятие и некоторые пределы осуществления / Э.О. Осадченко // Juvenis scientia. – 2017.

Курмачева Анастасия Дмитриевна
магистрант

Научный руководитель
Левшиц Дмитрий Юрьевич
канд. юрид. наук, декан

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168774

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНОГО ЦИКЛА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу правовой неопределённости юридического статуса участников строительного цикла в условиях цифровизации строительной отрасли Российской Федерации, закреплённой в национальной программе «Цифровая экономика». Внедрение государственных информационных систем обеспечения градостроительной деятельности (ГИСОГД), технологий информационного моделирования (ТИМ) и электронного документооборота в ИСУП кардинально меняет среду правоотношений, однако нормативно-правовое регулирование существенно отстаёт от технологического прогресса. Традиционные конструкции Градостроительного кодекса РФ оперируют понятиями, сформированными в аналоговую эпоху, что порождает коллизии (например, квалификация юридических последствий действий алгоритмов автоматического согласования документации). На основе формально-юридического и сравнительно-правового методов выявлены нормативные пробелы, создающие риски для участников рынка, инвесторов и государственных органов. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.*

Ключевые слова: *инвестиционно-строительный цикл, строительная отрасль, электронный документооборот, правовое регулирование, информационные системы, технологии информационного моделирования, участники строительного цикла.*

Традиционное понимание статуса участника строительного цикла в российской доктрине базируется на чёткой идентификации субъекта права через организационно-правовую форму, наличие лицензии (или допуска СРО) и физическое присутствие представителя при совершении юридически значимых действий [4, с. 45]. Застройщик, подрядчик и проектировщик взаимодействуют посредством бумажного документооборота, где воля субъекта фиксируется собственноручной подписью и печатью.

Однако появление современных цифровых платформ, таких как Государственная информационная система обеспечения градостроительной деятельности (ГИСОГД) и информационные системы управления проектами (ИСУП), коренным образом меняет устоявшуюся парадигму [5, с. 46]. Теперь статус каждого участника формируется двойственно: с одной стороны, остаётся привычное юридическое лицо, зарегистрированное в реальности, а с другой – появляется виртуальная учетная запись в государственных системах электронного документооборота. Как отмечается в юридической литературе, цифровое право постепенно

вытесняет традиционные физические носители, заменяя их электронными данными, что формирует новую цифровую реальность.

Это влечёт за собой новые проблемы юридического характера. Действия компаний в цифровой среде осуществляются отдельными лицами через использование усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) [2, ст. 6]. Несмотря на это, действующее российское законодательство зачастую слабо дифференцирует уровень ответственности между обладателем сертификата ключа электронной подписи и непосредственным сотрудником, чьи ошибочные действия могли привести к искажению сведений в цифровой системе. Цифровой профиль участника строительства превращается в ключевой инструмент подтверждения законности его действий, однако недостаточная регламентация вопросов передачи полномочий и потери контроля над таким профилем (например, при смене сотрудников, имеющих доступ к ключам) порождает потенциальные риски возникновения правоприменительных конфликтов [7, с. 112].

Источники правовой неопределенности.

Анализ нормативно-правовой базы позволяет выделить несколько ключевых источников правовой неопределённости. Прежде всего, это отсутствие законодательных дефиниций. В отраслевом законодательстве, в частности в Градостроительном кодексе РФ, отсутствуют понятия «цифровой двойник участника», «электронный журнал работ» в контексте их юридической силы [1, ст. 55.1]. Это приводит к тому, что данные, внесённые в информационную систему, могут трактоваться судами неоднозначно.

Вторым существенным источником неопределённости является статус автоматизированных решений. Современные системы внедряют модули автоматической проверки проектной документации на соответствие нормативам. В случае ошибочного отклонения проекта алгоритмом возникает вопрос о субъекте ответственности. Разработчик программного обеспечения не является участником строительного цикла, оператор системы (государственный орган) часто защищён иммунитетом, а застройщик несёт убытки из-за простоя. В исследованиях, посвящённых высокоавтоматизированным системам, подчёркиваются риски цифровизации, когда автоматизация процессов без чёткого правового регулирования может привести к нарушению прав субъектов [6, с. 245].

Третьим аспектом является доказательственная сила данных. Лог-файлы информационных систем, хеш-суммы файлов и метаданные становятся ключевыми доказательствами при спорах о качестве работ или сроках строительства. Однако единые стандарты фиксации и хранения таких данных отсутствуют. Судебная практика пока не выработала единого подхода: в одних случаях скриншоты из ИСУП принимаются как надлежащее доказательство, в других – требуют нотариального заверения протокола осмотра сайта, что удорожает и замедляет процесс защиты прав.

Риски и пути совершенствования законодательства.

Выявленные пробелы в регулировании порождают существенные риски для участников инвестиционно-строительной деятельности. Первый риск – возможность уклонения от ответственности. Недобросовестный участник может заявить о компрометации ключа электронной подписи или несанкционированном доступе третьих лиц к его учётной записи в информационной системе, чтобы оспорить внесённые данные о выполненных работах. Доказать обратное в условиях несовершенства журналов аудита бывает крайне сложно.

Для минимизации выявленных проблем необходим комплексный подход к совершенствованию законодательства. Во-первых, требуется внесение изменений в Градостроительный кодекс РФ и отраслевые нормативно-правовые акты РФ. Необходимо законодательно закрепить понятия «учётная запись участника строительства» и «цифровой след», установив презумпцию достоверности действий, совершенных через защищённый контур информационной системы с использованием УКЭП, если не доказано иное.

Также целесообразно внедрение технических стандартов аудита. Разработка и обязательное внедрение неизменяемых журналов аудита (например, с использованием технологии распределённых реестров) в строительных информационных системах позволит обеспечить

независимую фиксацию действий участников. Такие журналы могли бы служить безусловным доказательством в суде, снижая правовую неопределённость [4, с. 60].

Наконец, перспективным направлением является развитие страхования цифровых рисков. Страховые продукты должны покрывать убытки, связанные с ошибками в электронном документообороте, сбоями систем и кибератаками на инфраструктуру строительства. Это создаст дополнительный финансовый механизм защиты прав участников цикла.

Исследование показало, что современное традиционное понимание статуса участника строительного цикла, основанное на физических атрибутах и бумажном документообороте, сталкивается с серьёзными изменениями в условиях перехода к цифровым технологиям. Появление электронных платформ, таких как ГИСОГД и ИСУП, требует переосмысления роли физического присутствия и традиционного документирования в формировании правового статуса субъектов строительства.

Основной вывод заключается в следующем: переход к использованию цифровых технологий создаёт новый слой взаимодействия, характеризующийся появлением цифрового профиля участника, что существенно усложняет идентификацию субъекта права и вызывает необходимость учёта особенностей нового формата взаимодействия. Ключевыми проблемами являются: недостаточное различие уровней ответственности владельцев электронной подписи и исполнителей, отсутствие чётких понятий и определений в законодательстве («цифровой двойник участника», «электронный журнал работ»), сложности доказывания фактов и риска автоматизации принятия решений.

Решение указанных проблем предполагает разработку поправок в Градостроительный кодекс РФ, введение стандартов фиксации и хранения цифровых доказательств, создание механизмов временного ограничения полномочий пользователей и проведение независимой экспертизы результатов автоматизированных проверок.

Список литературы

1. Федеральный закон «Градостроительный кодекс Российской Федерации» №190-ФЗ от 29.12.2004 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №1 (ч. I). – Ст. 16.

2. Федеральный закон «Об электронной подписи» №63-ФЗ от 06.04.2011 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №15. – Ст. 2036.

3. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения об информационной системе обеспечения градостроительной деятельности» №785 от 18.05.2023 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – №21. – Ст. 3567.

4. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. EDN DLIPYY

5. Копылов В.В. Правовое регулирование информационного моделирования в строительстве (ТИМ) в Российской Федерации / В.В. Копылов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – №4. – С. 45–53.

6. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Материалы Третьего Международного транспортно-правового форума. – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. EDN PBDDMP

7. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А.И. Савельев. – М.: Статут, 2014. – 543 с. EDN ULJDVZ

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ЦЕЛЯХ ОКАЗАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ ОФИЦИАЛЬНОГО СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ ИЛИ ЗРЕЛИЩНОГО КОММЕРЧЕСКОГО КОНКУРСА

Аннотация: *статья посвящена проблемам регламентации уголовной ответственности за совершение действий, предусмотренных ст. 184 УК РФ. В качестве методологической основы использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод. Выявлены недостатки, присутствующие в ст. 184 УК РФ: неудачность названия, отсутствие легальной дефиниции понятия «зрелищный коммерческий конкурс», спорность отнесения совершения вымогательства другими лицами в отношении субъекта преступлений, предусмотренных ч. 1, ч. 2 и ч. 5 ст. 184 УК РФ, к условию освобождения от ответственности за совершение указанных преступлений. Даны соответствующие рекомендации относительно указанных недостатков.*

Ключевые слова: *официальное спортивное соревнование, публичный конкурс, зрелищный коммерческий конкурс, противоправное влияние, подкуп, спорт.*

Договорные матчи и «продажа призовых мест» в конкурсах красоты и иных зрелищных коммерческих конкурсах, а также другие противоправные деяния, связанные с подготовкой, организацией и проведением таких мероприятий, негативно сказываются не только на внутренней политике государства, но и на имидже страны на международной арене [1, с. 20]. Указанные противоправные деяния необоснованно существенно улучшают материальное благосостояние лиц, их совершивших, а также могут способствовать незаслуженному построению ими успешной карьеры в сфере спорта и культуры. Кроме того, договорные матчи и «продажа призовых мест» в различных зрелищных коммерческих конкурсах отрицательно сказываются на конкурентоспособности РФ в сфере культуры и спорта из-за того, что для участия в спортивных соревнованиях и зрелищных коммерческих конкурсах на международном уровне выдвигаются лица, незаконно одержавшие победу на внутригосударственных спортивных соревнованиях и зрелищных конкурсах, которые де-факто имеют более слабые спортивные данные и результаты, чем их внутригосударственные и международные соперники.

В первоначальной редакции УК РФ ст. 184 имела название «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов». В 2013 году ст. 184 УК РФ стала называться «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» в связи со следующими причинами. Слово «профессиональные», означающее обязательное наличие трудовых отношений с профессиональным спортивным клубом для допуска спортсмена к участию (п. 10.3 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»), являлось слишком узким для охвата всех спортивных соревнований, в рамках которых могли быть совершены действия коррупционной направленности с целью необоснованного завладения призовым фондом. В связи с этим в ст. 184 УК РФ «профессиональные спортивные соревнования» были переименованы в «официальные спортивные соревнования». Кроме того, законодатель убрал термин «подкуп» из названия ст. 184 УК РФ, заменив его термином «противоправное влияние», так как способы искажения результатов (например, шантаж, психологическое давление или принуждение) выходили за рамки подкупа [2, с. 188].

Однако новый вариант наименования ст. 184 УК РФ тоже не лишён недостатка. Проблема состоит в том, что оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса выступает целью преступлений, предусмотренных ст. 184 УК РФ. Цель является признаком субъективной стороны преступления, в связи с чем нынешнее название ст. 184 УК РФ не охватывает всех элементов составов преступлений, предусмотренных в ней. Проанализировав в целях соблюдения принципа единообразного изложения нормативно-правового материала названия статей Особенной части УК РФ, в частности ст. 267.1 «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств», считаем необходимым переименовать ст. 184 УК РФ следующим образом: «Действия, совершённые в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса».

Для применения на практике положений ст. 184 УК РФ необходимо чётко понимать, какие мероприятия относятся к официальным спортивным соревнованиям и зрелищным коммерческим конкурсам.

О ключевых признаках официальных спортивных соревнований правоприменители могут узнать из п. 9 и п. 18 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Иначе обстоит дело со зрелищными коммерческими конкурсами.

В свою очередь, в законодательстве отсутствует легальная дефиниция понятия «зрелищный коммерческий конкурс», что является ещё одной проблемой регламентации и применения ст. 184 УК РФ [3, с. 56]. В связи с этим предпримем попытку выявить смысл указанного понятия посредством системного толкования положений, связанных со смежными явлениями. В соответствии с п. 1 ст. 1057 ГК РФ публичный конкурс представляет собой состязание на основе заранее объявленных условий с целью определения лучшего выполнения работы (достижения иного результата), участие в котором направлено на получение денежного или иного вознаграждения. Анализ положений ГК РФ о публичных конкурсах позволяет сделать вывод, что любой публичный конкурс является коммерческим, так как за победу в нём организаторы конкурса обязаны предоставить материальное вознаграждение. И.В. Серебруев и С.В. Кузьмин предлагают раскрывать понятие «зрелищность» через понятие «публичность»: согласно такой трактовке, зрелищность конкурса выражается, прежде всего, в публичности показа самого конкурсного процесса широкому кругу лиц [3, с. 57; 4, с. 24]. Данный подход к раскрытию понятия «зрелищный» можно считать весьма приемлемым с юридической точки зрения, однако законодателю всё-таки следует высказаться по данному поводу, например, в прим. 3 к ст. 184 УК РФ.

Кроме того, нам представляется спорной идея законодателя отнести совершение вымогательства другими лицами в отношении субъекта преступлений, предусмотренных ч. 1, ч. 2 и ч. 5 ст. 184 УК РФ, к условию освобождения от ответственности за совершение указанных преступлений. Во-первых, совершение вымогательства другими лицами не зависит от воли субъекта преступлений. Во-вторых, факт вымогательства имеет место быть до, а не после совершения преступления, а по закону «уголовного жанра» предполагается, что условия освобождения от уголовной ответственности являются действиями субъекта преступления, совершаемыми им в целях способствования раскрытию совершённого им деяния и (или) в целях заглаживания вреда, причинённого им в результате совершения уголовно наказуемого деяния. В связи с этим в научной литературе совершение вымогательства другими лицами в отношении субъекта преступлений коррупционной направленности предлагают квалифицировать как крайнюю необходимость [5, с. 110; 6, с. 16]. В связи с этим следует в прим. 2 к ст. 184 УК РФ из состава условий освобождения от ответственности исключить совершение вымогательства другими лицами в отношении субъекта преступления. Полагаем, что далее требуется добавить отдельное примечание к ст. 184 УК РФ о том, что лицо не подлежит

уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1, ч. 2 и ч. 5 ст. 184 УК РФ, если в отношении него имело место вымогательство.

Список литературы

1. Сулейманов С.К. Объект и предмет преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ / С.К. Сулейманов // Наука. Образование. Современность. – 2019. – №3–4. – С. 19–23. EDN CCBTKY
2. Иванов А.С. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса как преступление коррупционной направленности / А.С. Иванов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – №2. – С. 188–194. EDN SHRQFV
3. Серебруев И.В. Об уголовно-правовой оценке оказания противоправного влияния на результат публичного конкурса / И.В. Серебруев // Российское право: образование, практика, наука. – 2015. – №6. – С. 56–58. EDN VINOSZ
4. Кузьмин С.В. Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: дис.... канд. юрид. наук / С.В. Кузьмин. – М., 2002. – 185 с. EDN NLYVHD
5. Акопян А.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности взяткодателя, если имело место вымогательство взятки / А.В. Акопян // Право: история, теория, практика: материалы III Международной научной конференции. – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 108–111. EDN UEDZYN
6. Яни П.С. Вымогательство взятки как признак крайней необходимости, исключающей ответственность за дачу взятки / П.С. Яни // Законность. – 2012. – №5. – С. 16–19. EDN OXZLTR

Литвинова Светлана Сергеевна
курсант
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-168327

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ХУЛИГАНА: МОТИВЫ И ЦЕЛЬ ЕГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: *статья посвящена криминологическому анализу личности хулигана. Рассматриваются социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые особенности данной категории преступников. Особое внимание уделяется разграничению мотива и цели хулиганских действий, анализируется природа «хулиганских побуждений» как специфического мотивационного комплекса. Автор приходит к выводу, что мотивация хулигана, как правило, полимотивна, а цель деяния часто сливается с самим действием, направленным на демонстративное самоутверждение через нарушение общественного порядка.*

Ключевые слова: *криминология, личность преступника, хулиганство, хулиганские побуждения, мотивация преступного поведения, цель преступления, общественный порядок, девиантное поведение.*

На фоне общей картины преступности хулиганство долгое время оставалось своеобразным индикатором социального неблагополучия. Несмотря на декриминализацию ряда составов и административно-правовую преюдицию, введённую в ст. 213 УК РФ, грубые нарушения общественного порядка, сопряжённые с явным неуважением к социуму, по-прежнему занимают заметное место в структуре уличной и бытовой насильственной преступности. Сложность научного осмысления этого явления во многом вызвана размытостью самой категории «хулиганские побуждения», через которую законодатель описывает криминообразующий мотив. Для эффективной превенции недостаточно констатировать внешние обстоятельства содеянного – необходим глубинный разбор личности хулигана, того внутреннего стержня, который превращает ситуативный конфликт или потребность в развлечении в уголовно наказуемое деяние.

Криминологическое изучение личности хулигана имеет относительно устоявшиеся традиции. Ещё в советский период такие исследователи, как Ю.М. Антонян, А.И. Долгова, Э.Ф. Побегайло, обращали внимание на существенные деформации в ценностно-нормативной сфере этих преступников [1; 3; 8]. Однако динамика социальных процессов, трансформация уличной культуры и появление новых форм досуга заставляют вновь обратиться к мотивационно-целевому блоку хулиганского поведения, в котором, как будет показано ниже, цель неразрывно сливается с мотивом, образуя феномен «самоцельного» нарушения порядка.

Переходя непосредственно к характеристике личности, следует сразу сделать методологическую оговорку. Личность хулигана – не монолит, а довольно пёстрая типологическая группа. Было бы некорректно ставить знак равенства между дебоширом, который в состоянии сильного алкогольного опьянения учинил драку в баре на почве внезапно возникшей неприязни, и молодым человеком из неформальной агрессивной группы, целенаправленно ищущим повода для демонстрации силы в публичном пространстве. Тем не менее есть устойчивое сочетание черт, которое, по меткому выражению С.М. Иншакова, позволяет говорить о «синдроме хулиганствующей личности» [5, с. 312].

Социально-демографический портрет такой личности достаточно традиционен, но каждая его деталь криминологически значима. Подавляющее большинство хулиганов – мужчины молодого возраста (от 18 до 30 лет), что объясняется как психофизиологическими особенностями (импульсивность, незавершённость социализации), так и спецификой досуговой активности. Для них характерен невысокий образовательный и культурный уровень, причём речь идёт не столько о формальном отсутствии диплома, сколько о крайней узости познавательных интересов и примитивности потребностей [6, с. 88]. Трудовой статус в последние годы претерпел изменения: если раньше типичный хулиган был выходцем из среды неквалифицированных рабочих, то сейчас значительную долю составляют лица без постоянного источника дохода, которые, однако, вовсе не маргиналы, а так называемые «социальные иждивенцы», существующие на случайные заработки или средства родственников. Их досуг, как правило, бессодержателен и алкоголизирован, что выступает мощным катализатором агрессии.

Нравственно-психологическая подструктура здесь выходит на первый план. Ядром личности хулигана является глубоко укоренённый эгоцентризм, доходящий до пренебрежения интересами, здоровьем и достоинством незнакомых людей. Социум воспринимается такими лицами либо как враждебная, либо как безликая масса, на фоне которой нужно возвыситься любой ценой. Как подчёркивал В.В. Лунеев, для хулиганских побуждений типична «деформация потребностно-мотивационной сферы, при которой потребность в самоутверждении гипертрофируется и реализуется в уродливых, противоправных формах» [7, с. 156]. Личность хулигана характеризуется низким уровнем эмпатии: чужая боль, страх или возмущение служат не сдерживающим фактором, а, напротив, желаемым «вознаграждением», подтверждающим власть субъекта над ситуацией.

Нельзя обойти вниманием и волевую сферу. Принято считать хулиганов импульсивными, но это не совсем верно. Разрядка эмоционального напряжения часто происходит молниеносно, по малейшему поводу или вовсе без повода – достаточно косого взгляда или спокойного замечания. Однако в значительном числе случаев, особенно при групповом хулиганстве, мы видим вполне осознанное, преднамеренное поведение, когда субъект ищет или даже искусственно моделирует конфликтную среду. В.Н. Кудрявцев справедливо отмечал, что хулиганские действия – это, как правило, не реактивный ответ на внешний стимул, а результат внутренней готовности к противоправному способу удовлетворения потребностей, своего рода «активная оборона» от собственной несостоятельности [4, с. 201]. Это подтверждается и данными опросов осуждённых: многие из них заранее предвкушали «веселье», предполагая, что вечер закончится дракой или актами вандализма.

Таким образом, на личностном уровне мы сталкиваемся с сочетанием примитивных гедонистических установок, общей внутренней агрессивности и полного либо частичного отказа от легитимных способов снятия внутреннего дискомфорта. Именно эта совокупность

порождает специфический мотивационный комплекс, разобрать который по привычной схеме «мотив – цель» довольно трудно.

Мотив хулиганства не случайно остаётся дискуссионной категорией в науке уголовного права. Законодатель использует формулировку «хулиганские побуждения», отграничивая их от иных низменных мотивов (корысти, мести, национальной ненависти и т. д.). Как писал Б.С. Волков, хулиганский мотив находит выражение в «стремлении показать пренебрежение к окружающим, открыто противопоставить своё поведение общепринятым нормам» [2, с. 43]. Позволю себе уточнить: пренебрежение – это не только демонстрация, но и глубинное самоощущение «над», при котором общежитейские правила воспринимаются как удел слабых, недостойных уважения людей.

В криминологической литературе можно выделить три наиболее распространённых группы мотивов хулиганского поведения. Первая – это самоутверждение, точнее, его гипертрофированная, патологическая форма. Субъект, не обладая реальным авторитетом ни в трудовом коллективе, ни в семье, пытается обрести значимость через грубую физическую силу и публичный эпатаж. Показательно, что всплеск агрессии часто направлен на лиц, заведомо не способных дать отпор, – на более слабых, женщин, случайных прохожих. Здесь срабатывает компенсаторный механизм: глубинное чувство ущербности, вызванное низким социальным статусом, на время заглушается иллюзией всевластия. Ю.М. Антонян метко охарактеризовал это как «самоутверждение через уничтожение» [1, с. 234].

Вторая группа мотивов проистекает из примитивных форм досуга и бытовой распущенности. В этих случаях хулиганство – это трансформировавшаяся под влиянием алкоголя или наркотиков потребность в развлечении. Скука, отсутствие позитивных увлечений, суженный кругозор толкают индивида к поиску острых ощущений, причём грань между игрой и преступлением стремительно стирается. Подросткам и молодым людям в таких группах свойственен феномен «героической модели поведения»: битьё стёкол, нецензурная брань, приставание к гражданам воспринимаются как проявления удали и смелости [9, с. 117]. Психологическая подоплёка здесь – конформизм внутри референтной группы, где, чтобы не прослыть «слабаком», нужно постоянно доказывать свою приверженность криминализированным нормам.

Наконец, третий, относительно немногочисленный, но наиболее социально опасный тип мотивации – циничное, осознанное противопоставление себя общественным устоям. Лица с устойчивой антисоциальной установкой совершают хулиганские действия не ради развлечения и не для самоутверждения в локальной группе, а как бы отстаивая собственное право на аморализм. Ими движет своего рода идеология вседозволенности: «Я так хочу, и никто мне не указ». Это «идейные» хулиганы, часто с криминальным опытом, которым важен резонанс, вызов правоохранительной системе. В их действиях уже просматривается смыкание с преступлениями против порядка управления.

Однако каким бы ни был ведущий мотив, цель хулиганского поведения почти никогда не бывает направлена на достижение какого-то материального или сугубо рационального результата. Именно в этом заключается главная сложность анализа: классическая конструкция «мотив – цель» в хулиганстве даёт сбой, так как процесс и есть результат. Как точно подметил А.И. Рарог, цель здесь – «само преступное действие, его совершение, что характерно для формальных составов» [10, с. 78]. Расшифровывая этот тезис, подчеркнём: цель хулигана – воплотить вовне своё неуважение, превратить внутреннее презрение в зримый, осязаемый акт насилия или грубого озорства. Он хочет не столько наступивших последствий (хотя к ним может относиться равнодушно или даже желать их), сколько процесса их причинения, сопровождающегося эмоциональной разрядкой и чувством мнимого превосходства.

Если всё же пытаться вычленить типичные цели, то их можно классифицировать следующим образом: а) непосредственная цель – демонстрация физического превосходства и вседозволенности; б) опосредованная, психологическая цель – получение удовлетворения от испуга или боли жертвы (своеобразный эмоциональный «пинок»); в) социально-психологическая цель – изменение статуса в референтной группе через публичный акт агрессии. Важно,

что ни одна из этих целей не является конструктивной, они принципиально деструктивны. Хулиган не созидает и не присваивает, он разрушает – будь то телесная неприкосновенность, общественное спокойствие или имущество. И в этом плане его личность типологически близка к вандалу, хотя вандализм часто опосредован другими мотивами.

Следует упомянуть и о механизме влияния ситуации. Даже у сформированной хулиганствующей личности мотив может до поры находиться в «дремлющем» состоянии. Но виктимное поведение потерпевшего (например, резкое замечание, которое задело самолюбие), подогревающее воздействие толпы, безнаказанность, типичная для спальных районов в ночное время, играют роль спускового крючка. Однако сводить детерминацию хулиганства к ситуативной нельзя: в отличие от бытового насильника, хулиган часто сам активно конструирует криминогенную ситуацию, провоцируя конфликт на ровном месте. Это подчёркивает ведущую роль личностной диспозиции.

В заключение необходимо ещё раз акцентировать, что личность хулигана – это продукт дефектной социализации в сочетании с гедонистической ориентацией и примитивной мотивационной сферой. Мотив его поведения – не «бессодержательная злоба», как иногда пишут в судебных приговорах, а сложный, хотя и деформированный, психологический конструкт, базирующийся на эгоцентризме и потребности в сверхкомпенсации. Цель же хулиганства всегда лежит в плоскости демонстрации пренебрежения к норме; это деяние с «короткой» целевой перспективой, где действие и его публичная оценка важнее результата. Для практики предупреждения таких преступлений важен вывод о необходимости ранней социальной диагностики агрессивных гедонистов и организации не репрессивной, а замещающей досуговой занятости, которая хотя бы отчасти могла бы направить жажду признания и острых ощущений в легальное русло. Без перестройки глубинных личностных структур любое ужесточение наказания будет работать лишь как временная мера сдерживания, не затрагивающая корней явления.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2004. – 448 с.

2. Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / Б.С. Волков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.

3. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.

4. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 2003. – 352 с. EDN QVQRDB

5. Иншаков С.М. Криминология: учебник / С.М. Иншаков. – М.: Юриспруденция, 2010. – 432 с.

6. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.

7. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения / В.В. Лунеев. – М.: Наука, 1991. – 383 с.

8. Побегайло Э.Ф. Борьба с тяжкими насильственными преступлениями и роль органов внутренних дел в ее осуществлении (криминологический и уголовно-правовой аспекты): дис.... д-ра юрид. наук / Э.Ф. Побегайло. – М., 1988. – 431 с.

9. Сухарев А.П. Социально-психологические детерминанты молодежного хулиганства / А.П. Сухарев // Российский криминологический взгляд. – 2008. – №3. – С. 115–119.

10. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 304 с. EDN XUASAX

Милованова Татьяна Львовна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В СПОРАХ С УЧАСТИЕМ ОРГАНИЗАЦИЙ С ПУБЛИЧНЫМ КАПИТАЛОМ

Аннотация: *статья посвящена эффективности медиации как способа защиты прав предпринимателей в спорах с организациями с публичным капиталом. Авторская позиция строится на том, что судебная система всё чаще прибегает к медиации, однако существует ряд нерешённых вопросов, требующих законодательного урегулирования. На основе формально-юридического и сравнительно-правового методов выявлено противоречие между универсальным нормативным регулированием медиации и правовым статусом субъектов с публичным капиталом, что снижает реальную доступность медиации для бизнеса. На основе сравнительного анализа выделены ключевые критерии отличия применения медиации в публичном секторе от частных коммерческих споров. На примерах из арбитражной практики иллюстрируются успешные случаи применения медиации и её принципиальные границы. Сформулированы предложения по повышению реальной доступности медиации для предпринимателей и устранению выявленных коллизий.*

Ключевые слова: *защита прав, предпринимательские споры, медиативное разрешение споров, публичный капитал, сравнительный анализ, арбитражный процесс, ограничения медиации.*

Предпринимательские правоотношения предполагают возникновение споров в части нарушений существенных условий договора, тогда в данном случае отдельный интерес составляют отношения между субъектами с публичным капиталом и лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью, а также разнообразие способов защиты прав, одним из которых является медиативное разрешение конфликта.

1. Правовой статус субъектов предпринимательской деятельности и организаций с публичным капиталом.

Категория лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, включает юридические лица – коммерческие организации (ООО, АО и др.), физические лица, зарегистрированные в качестве самозанятых, хотя формально самозанятые не признаются предпринимателями, но их деятельность фактически направлена на получение дохода, а также, безусловно, индивидуальные предприниматели, обладающие особым правовым статусом субъекта. Все перечисленные субъекты объединяет основная цель – извлечение материальной выгоды, а значит, их деятельность является предпринимательской. Данное утверждение прямо подтверждается п. 1 ст. 2 ГК РФ: предпринимательская деятельность определяется как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли. Пункт 3 ст. 23 ГК РФ дополнительно устанавливает, что к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, применяются правила ГК РФ, регулирующие деятельность коммерческих организаций [1].

Что касается стороны с публичным капиталом, то здесь сразу следует обозначить, что это – юридические лица различных организационно-правовых форм (государственные корпорации, публично-правовые компании, хозяйственные общества, унитарные предприятия),

в которых Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование прямо или косвенно владеют долей в уставном капитале либо осуществляют контроль через специальные правовые механизмы [6]. Данные механизмы позволяют государству определять решения организаций, в том числе в сфере распоряжения имуществом и урегулирования споров. Примерами таких организаций могут служить АО «ФПК», ОАО «РЖД», ГК «Росатом», АО «Почта России», ППК «Роскадастр» и другие. Особенность правового статуса таких организаций заключается в том, что волеизъявление, включая распоряжение имуществом и урегулирование споров, подчинена целям, определённым государством-собственником, что накладывает императивные ограничения на возможность свободы усмотрения при заключении мировых и медиативных соглашений [3].

2. Сравнительный анализ: медиация в частных коммерческих спорах и в спорах с участием публичной стороны.

Арбитражный процесс, где разбираются непосредственно споры, связанные с предпринимательской деятельностью, предоставляет сторонам процессуальную альтернативу – медиацию.

Легальное определение медиации содержится в статье 2 Закона о медиации) [2]: это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон.

Для понимания сути медиации принципиально важно следующее: закон прямо указывает, что процедура медиации может применяться к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Принципы медиации закреплены в статье 1 того же закона: взаимное волеизъявление сторон, добровольность, конфиденциальность, равноправие сторон, независимость медиатора. По сути, медиатор организует переговорный процесс, помогая участникам спора самостоятельно выработать решение, устраивающее всех. Именно этот признак – самостоятельное принятие решения сторонами – отличает медиацию от иных способов защиты прав.

Медиация в сфере предпринимательства обладает рядом объективных преимуществ, которые объясняют её растущую популярность в коммерческом обороте.

А.Д. Кремнева в своём исследовании указывает: «Медиация в предпринимательской среде позволяет сохранить деловые отношения, снизить издержки и конфиденциально урегулировать спор» [7]. Одно из ключевых преимуществ – высокий процент успешного разрешения споров: добровольное исполнение медиативных соглашений достигает более 85% [12].

Конечно, ситуация меняется, когда одной из сторон выступает субъект с публичным капиталом.

Отсюда возникает ключевой вопрос, в чём состоят особенности и различия между обычными предпринимательскими спорами и спорами, в которых частный предприниматель противостоит организации с публичным капиталом?

Для ответа на этот вопрос необходимо провести сравнительный анализ.

В существующей практике присутствуют кейсы, иллюстрирующие случаи, когда медиация полезна в частно-публичных спорах.

В теории медиация не применяется тогда, когда затрагиваются публичные интересы. Однако арбитражные суды демонстрируют как успешные примеры применения медиации в частных предпринимательских спорах, так и принципиальные ограничения её использования в конфликтах с публичной стороной.

В спорах между коммерческими организациями медиация зарекомендовала себя как эффективный инструмент, позволяющий сторонам избежать длительного судебного разбирательства. А.А. Мариничев и В.В. Зайцев подчеркивают, что «арбитражное судопроизводство обеспечивает правовую определённость, однако медиация предлагает гибкий и менее конфронтационный подход» подход» [9]. Особый интерес представляют случаи, где медиация успешно применяется даже при участии организации с публичным капиталом.

Показательный пример – дело № А40–59322/2014, где суд прекратил производство по искам ООО «РВД-Сервис» к ОАО «РЖД» о взыскании 5,4 млн руб. в связи с заключением

медиативного соглашения. В ходе рассмотрения споров стороны обратились в «комнату примирения». В итоге «РВД-Сервис» и РЖД по обоюдному согласию заключили медиативное соглашение, истец отказался от исков, а на основании определений суда производство по делам прекращено. Данный пример показывает коммерческую целесообразность медиации в спорах с участием госкомпании.

Второй успешный кейс – дело № А41–74421/2019 с участием ГК «Росатом» – пример прямого упоминания медиации в судебном акте. Арбитражный суд Московской области утвердил медиативное соглашение, заключенное сторонами при участии посредника. Данный случай демонстрирует, что государственные корпорации при определённых условиях готовы использовать медиацию для урегулирования конфликтов, если это не противоречит их уставным целям.

Третий пример – дело по иску ООО «Строй Транс Сервис» против ОАО «РЖД» и СПАО «Ингосстрах» о возмещении ущерба почти на 9,5 млн рублей. Спор завершился утверждением судом мирового соглашения, что привело к прекращению производства по делу, а судебные акты нижестоящих инстанций были отменены.

Кроме того, в практике судов общей юрисдикции также встречаются случаи утверждения мировых соглашений, основанных на медиации.

Так, по делу по делу №2–1-8697/2016, где стороны обратились в суд для утверждения добровольной договорённости, оформленной в рамках медиативной процедуры. Такие кейсы подтверждают, что медиация успешно работает даже вне арбитражного процесса.

Принципиальные сложности возникают, когда спор затрагивает публичные интересы либо связан с исполнением государственного контракта.

Наиболее показательным является резонансное дело по иску Генеральной прокуратуры РФ к ООО «Сирена-Трэвел» о расторжении контрактов и возврате имущества в публичную собственность.

Как отмечает Е.С. Любовенко, «процедура медиации не применяется к спорам, затрагивающим или могущим затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в медиации, а также публичные интересы» [8].

В деле «Сирена-Трэвел» государство выступало от имени публичного интереса, что практически исключало возможность компромисса, который бы не нарушал публичный порядок. Суд, руководствуясь ст. 12 ГК РФ и нормами о защите публичной собственности, отказался от утверждения каких-либо медиативных соглашений.

Кроме того, организации с публичным капиталом связаны требованиями закона «О закупках отдельными видами юридических лиц» [10], которые требуют прозрачности закупочных процедур и контроля за расходованием средств.

Как указывают Е.С. Митячкина и Н.В. Куркина, «нарушения требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями, являются распространенными, и любые компромиссные соглашения могут быть признаны недействительными как противоречащие уставным целям и закону» [10], что означает следующие: представитель публичной стороны, даже при желании пойти на уступку, часто лишён реальных полномочий на это без сложных внутрикорпоративных согласований, что превращает медиацию из быстрого способа в дополнительный административный барьер для предпринимателя.

3. Системные проблемы применения медиации в спорах с публичным капиталом.

Проведенный анализ позволяет выделить системные проблемы, препятствующие эффективному использованию медиации в спорах между предпринимателями и организациями с публичным капиталом.

Отсутствие у представителей публичной стороны надлежащих полномочий на поиск компромисса.

Конфликт принципа конфиденциальности медиации и требований прозрачности публичных расходов.

Высокие транзакционные издержки для предпринимателя. В.В. Журавчак в своем исследовании отмечает, что «на практике медиативные соглашения, хотя и признаются судами, не всегда обладают той же юридической силой, что и судебные решения, что может создавать сложности» [5]. Для предпринимателя это означает дополнительные риски неисполнения достигнутых договоренностей.

4. Предложения по совершенствованию правового регулирования.

Как справедливо отмечают А.Ю. Пиддубривная и Г.В. Лукьянова, в России сохраняется ряд причин невостребованности коммерческой медиации, среди которых недостаточная информированность субъектов и недоверие к процедуре [11].

Сравнительный анализ частных коммерческих споров и конфликтов с участием публичной стороны выявил принципиальные различия. Если в частноправовых спорах медиация успешно применяется и поддерживается арбитражной практикой [9], то при участии юридических лиц, где капитал государственный, возникают системные ограничения. Кроме того, организации с публичным капиталом связаны императивными требованиями законодательства о закупках и внутренними регламентами, что, безусловно, означает издержки и риски [10].

Как обоснованно отмечают М.А. Фастова, Е.С. Митячкина и А.В. Хачиров, посредничество выступает самостоятельным социальным институтом, интегрированным в правовую систему и призванным гармонизировать отношения участников экономического оборота [11]. Однако для реализации этого потенциала требуется преодоление существующих правовых и организационных барьеров.

Так, предлагаются следующие решения по совершенствованию правового регулирования:

Внесение изменений в Закон №223 и типовые положения о закупках, закрепляющих право организаций с публичным капиталом на участие в процедуре медиации без обязательного согласования с вышестоящими органами по спорам, цена которых не превышает установленного порога.

Разработка ведомственных регламентов, устанавливающих упрощённый порядок одобрения медиативных и мировых соглашений, введение перечня типовых ситуаций, где медиация допускается по умолчанию, с последующим уведомительным контролем, а не предварительным разрешением.

Введение закрытого перечня сведений, подлежащих раскрытию, при сохранении конфиденциальности переговорного процесса и мотивов компромисса.

Введение в программы повышения квалификации для юристов государственных корпораций, посвящённых медиации в публичной сфере, с разбором успешных примеров.

Реализация указанных предложений позволит медиации занять достойное место в системе защиты прав предпринимателей при их взаимодействии с организациями, обладающими публичным капиталом.

Как верно отмечают С.В. Васильева и Н.Н. Федоскин, защита прав предпринимателей напрямую влияет на экономическую безопасность государства, поэтому внедрение эффективных альтернативных механизмов разрешения споров является стратегической задачей [4].

Таким образом, медиация в её нынешнем виде пока не может считаться полноценным и равнодоступным способом защиты прав предпринимателя в конфликтах с публичным капиталом – однако при условии устранения выявленных правовых и организационных барьеров посредством предложенных законодательных и институциональных изменений её потенциал может быть реализован в полной мере.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).

2. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» №193-ФЗ от 27.07.2010 (ред. от 26.07.2019).

3. Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции (Волгоград, 1 апреля 2025 г.) / отв. ред. Э.В. Голоманчук. – Волгоград: РАНХиГС, 2025. – 217 с

4. Васильева С.В. Особенности практики защиты прав предпринимателей в Российской Федерации и их влияние на экономическую безопасность / С.В. Васильева, Н.Н. Федоскин // Российский научный вестник. – 2026. – №2. – С. 98–103. DOI 10.24412/2782-3830-2026-2-98-103. EDN XVQADS

5. Журавчак В.В. Медиация в предпринимательской деятельности: анализ правового регулирования и практики / В.В. Журавчак // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2025. – №2(52). – С. 125–127. EDN GUPKKA

6. Казакова И.А. Проблемы правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2023. – №1. – С. 218–228. EDN SNCFQF

7. Кремнева А.Д. Медиация и альтернативные варианты решения споров как способы защиты прав предпринимателей / А.Д. Кремнева // Инновационная наука. – 2025. – №9–1. – С. 81–83. EDN PWQKHA

8. Любовенко Е.С. Проблема законных интересов третьих лиц и публичного интереса в процедуре медиации / Е.С. Любовенко // Интерес вчера, сегодня и навсегда...: сборник научных работ (Тверь, 08 февраля 2024 г.). – Тверь: Тверской государственный университет, 2024. – С. 120–124. EDN LRFXZG

9. Мариничев А.А. Современные аспекты защиты прав предпринимателей в арбитражных судах / А.А. Мариничев, В.В. Зайцев // Образование и право. – 2025. – №12. – С. 802–812. DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-802-812. EDN AMGDHF

10. Митячкина Е.С. К вопросу о нарушениях требований законодательства по вопросам заключения сделок, заключенных корпорациями / Е.С. Митячкина, Н.В. Куркина // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Анапа, 7 марта 2022 г.). – Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов в Южном Федеральном округе, 2022. – С. 14–18. EDN XFAVIY

11. Фастова М.А. Теоретико-правовой аспект посредничества с позиции институционального подхода / М.А. Фастова, Е.С. Митячкина, А.В. Хачиров // Евразийский юридический журнал. – 2022. – №6(169). – С. 437–439. EDN NQLGSY

12. Шамликашвили Ц.А. Юридические аспекты и правовые «гарантии» процедуры медиации / Ц.А. Шамликашвили. – URL: http://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili (дата обращения: 15.07.2026).

Минеева Дарья Олеговна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Российский государственный

социальный университет»
г. Москва

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Аннотация: *в статье подробно проанализированы современные инновационные технологии и передовые методологические подходы, внедряемые в систему государственного финансового контроля, а также детально исследована действующая нормативно-правовая база государственного финансового контроля на примере города Москвы. Подробно рассмотрены актуальные вопросы комплексной цифровизации контрольных процессов, включая создание единых информационных платформ, активное внедрение систем электронного мониторинга, автоматизацию отчетности и сквозного цифрового документооборота. Оценено их непосредственное влияние на общую эффективность современного финансового мониторинга. В качестве стратегически перспективных направлений государственного аудита выделены следующие элементы: оперативное развитие правового регулирования технологий искусственного интеллекта, системное совершенствование новых методов внутреннего аудита (таких как «наблюдение» и «экспертно-аналитическое мероприятие»), а также углубление общей цифровизации. Это обеспечивает превентивность и максимальную «незаметность» проверок для всех добросовестных участников финансово-хозяйственной деятельности. В заключительной части данной научной статьи содержатся практические рекомендации по дальнейшему долгосрочному совершенствованию инновационного подхода к государственному контролю. Они включают острую необходимость непрерывного развития профессионального кадрового потенциала различных ведомств, строгого обеспечения сквозной информационной безопасности важных конфиденциальных данных и налаживания тесной координации между федеральными и региональными органами государственного контроля. Кроме того, предложены конкретные направления расширения опыта успешных московских передовых цифровых инноваций, масштабирования лучших практик на местах и их последующей адаптации к специфическим экономическим условиям других субъектов Российской Федерации для всестороннего укрепления финансовой системы нашей огромной страны в современных условиях.*

Ключевые слова: *государственный финансовый контроль, риск-ориентированный подход, бюджетные средства, цифровая трансформация, электронная база, внутренний аудит, государственный аудит.*

Автор выражает благодарность заведующему кафедрой за мотивацию и поддержку при подготовке данной работы.

Современное государственное управление находится в процессе глубокой трансформации под влиянием цифровых технологий и изменения требований общества к прозрачности и эффективности процессов, поскольку государственный финансовый контроль в Российской Федерации традиционно реализуется широким кругом органов как общей, так и специальной компетенции.

В городе Москве ключевую роль в этом процессе играют Контрольно-счетная палата Москвы, осуществляющая внешний контроль от имени законодательной власти и органы исполнительной власти, в первую очередь, финансовый блок Правительства Москвы. Их

деятельность в последние годы претерпевает качественные изменения, движимые необходимостью адаптации к вызовам цифровой экономики и растущим общественным запросам на эффективность и открытость.

Актуальность темы исследования обусловлена стратегическим переходом от традиционных ретроспективных проверок к превентивному управлению рисками и комплексному анализу эффективности бюджетных расходов в системе государственного финансового контроля.

Этот глобальный тренд в России усилен курсом на технологический суверенитет и цифровую трансформацию государства. В городе Москве, как в крупнейшем субъекте Российской Федерации с масштабным бюджетом и высокоразвитой цифровой инфраструктурой, внедрение инноваций в практику финансового контроля приобретает особую значимость – опыт столицы становится флагманским не только с точки зрения применения передовых технологий, но и как модель методологического переосмысления контрольной деятельности, вызывающая активный интерес других регионов.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими государственные закупки, являются:

– Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных муниципальных нужд» [1];

– Федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2].

В части применения методологических концепций основополагающими являются следующие нормативно-правовые акты:

– Федеральный закон от 06.12.2011 №402-ФЗ «О бухгалтерском учете»;

– Бюджетный кодекс Российской Федерации (ст. 160.2–1);

– Приказ Минфина России от 01.09.2021 №120н «Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Осуществление внутреннего финансового аудита в целях подтверждения достоверности бюджетной отчетности и соответствия порядка ведения бюджетного учета единой методологии бюджетного учета, составления, представления и утверждения бюджетной отчетности» и о внесении изменений в некоторые приказы Министерства финансов Российской Федерации по вопросам осуществления внутреннего финансового аудита».

Основные элементы технологической трансформации финансового государственного контроля.

Говоря о важности применения методологических изменений, по мнению С.Я. Боженок: «В качестве таковых выделяют отдельные этапы (процедуры) реализации конкретных мероприятий, направленных на недопущение рисков или снижение негативных последствий от них: идентификацию (выявление) рисков, их оценку, распределение, формирование и внедрение инструментов управления рисками, мониторинг и контроль за их изменением.» [3, с. 8].

Таким образом методологические изменения были бы невозможны без глубокой цифровизации, сделавшей Москву лидером в этом направлении, что подтверждается многочисленными российскими и международными наградами.

По словам руководителя Федерального казначейства Романа Артюхина: «Искусственный интеллект с опорой на цифровые данные может заметить риски, оценить квалификацию нарушений, обратить внимание контролера на потенциальное нарушение, а в каких-то случаях и подготовить проекты процессуальных документов» [4].

Технологическая трансформация в столице базируется на нескольких ключевых элементах.

1. Создание цифровых баз, как например, Аналитическая информационная система города Москвы (BI) в сфере закупок («1С Аналитика»): внедрение единых автоматизированных систем позволяет консолидировать данные из различных источников, сформировать единое информационное пространство, в котором возможен сквозной мониторинг финансовых операций от планирования до исполнения [5].

2. Внедрение риск-ориентированного подхода и анализа больших данных: системы анализа данных позволяют автоматически выявлять аномалии, нехарактерные операции и зоны повышенного риска.

3. Повышение прозрачности и открытости: технологии служат не только внутреннему контролю, но и росту доверия общества, а также пресечения коррупционных составляющих при осуществлении закупок.

Публикация ключевых показателей эффективности, обеспечение доступа к обезличенным данным о госрасходах и вовлечение гражданского общества в обсуждение результатов – все это становится возможным благодаря цифровым платформам.

По мнению экспертов электронного журнала РБК: «Система бизнес-аналитики помогает финансовому подразделению отслеживать расходы на закупки по временным периодам, категориям, географическому признаку и т. д., а также сравнивать плановые и фактические затраты. Это позволяет принимать решения о возможной оптимизации затрат и логистических цепочек, не допускать отклонений от бюджета» [6].

Система бизнес-аналитики является одним из ключевых моментов в прозрачности финансовых процессов, а также универсальным инструментом по борьбе с коррупционными проявлениями.

По мнению Землина А.И., одним из направления по противодействию коррупции является: «обеспечение доступа граждан к информации о деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» [7, с. 72].

В соответствии с приказом Главконтроля от 14.02.2019 №8 (ред. от 14.09.2023) «Об утверждении Методических рекомендаций по созданию и организации органами исполнительной власти города Москвы системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» органами исполнительной власти города Москвы проводятся ежегодные мероприятия по антимонопольному комплаенсу с целью:

а) выявления рисков нарушения антимонопольного законодательства;

б) управления рисками нарушения антимонопольного законодательства;

в) контроля за соответствием деятельности органов исполнительной власти города Москвы требованиям антимонопольного законодательства;

г) оценки эффективности функционирования в органах исполнительной власти города [8].

В тесном взаимодействии Главконтроля с Управлением Федеральной антимонопольной службы по г. Москве организованы необходимые мероприятия для исключения вышеуказанных проблем в части финансового контроля. Необходимо отметить, что в рамках представленных Методических рекомендаций органы исполнительной власти города Москвы в ежегодном режиме публикуют на официальных сайтах в информационного-телекоммуникационной сети Интернет карту рисков, «дорожную карту» организации по потенциальным рискам, а также доклад о деятельности организации за предшествующий отчетный период, что, в свою очередь, формирует общую электронную базу по антимонопольному комплаенсу в городе Москве.

Современная проблематика цифровизации в сфере государственного финансового контроля.

Несмотря на впечатляющие успехи применения электронных баз и искусственного интеллекта дальнейшая эволюция системы государственного финансового контроля в Москве и ее масштабирование на другие регионы сталкиваются с рядом системных вызовов.

Первым и фундаментальным является проблема цифрового неравенства между регионами: как показывает исследование Агентства политических и экономических коммуникаций, разрыв между лидерами (Москва, Татарстан, Санкт-Петербург) и аутсайдерами (ряд республик Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока) является колоссальным. Регионы-аутсайдеры страдают от недостаточного финансирования, слабой ИТ-инфраструктуры, дефицита квалифицированных кадров и географической удаленности. Высокая стоимость разработки сложных цифровых экосистем становится для них непреодолимым барьером, что ставит под вопрос равную доступность современных контрольных технологий для всех граждан страны.

Второй вызов лежит в организационно-правовой плоскости: внедрение превентивных методов, таких как непрерывный мониторинг требует их четкого законодательного закрепления и разграничения с традиционными формами контроля (проверкой, ревизией). Необходима

разработка стандартизированных подходов к сбору и обработке разнородных данных, поступающих из множества информационных систем.

Третий блок проблем связан с человеческим капиталом: переход к датацентричной модели требует от контролеров принципиально новых компетенций: навыков работы с аналитическими платформами, понимания основ работы с большими данными и алгоритмами ИИ, умения интерпретировать результаты автоматизированного анализа. Формирование таких кадров является длительным и ресурсоемким процессом.

Однако эти вызовы определяют и перспективные векторы развития:

– углубленная разработка и внедрение онтологических моделей для стандартизации данных в сфере ГФК, что позволит создать единое смысловое пространство для всех участников контрольной деятельности;

– развитие платформенных решений по модели «услуга как платформа». Опыт Москвы, тиражирующей свои решения (mos.ru, Социальное казначейство), показывает путь, при котором регионы-аутсайдеры могут отказываться от дорогостоящей самостоятельной разработки в пользу адаптации готовых, проверенных платформ;

– смещение фокуса с технологий на пользовательский опыт. Даже у лидеров может наблюдаться дисбаланс, когда мощные технологические решения (ИИ, чат-боты) сопровождаются неудобным интерфейсом или сложной навигацией. Дальнейшая эволюция будет направлена на обеспечение простоты, скорости и понятности взаимодействия как для контролеров, так и для конечных получателей услуг.

Таким образом, Москва, успешно прошедшая этап технологического внедрения, стоит на пороге нового этапа глубокой интеграции данных, методологий и человеко-ориентированного дизайна систем контроля.

Ее опыт служит не только доказательством эффективности избранного пути, но и картой потенциальных рисков и возможностей для построения государственного финансового контроля будущего в масштабах всей страны.

Заключение.

Основной итог проведенного анализа заключается в качественном переосмыслении роли и инструментария ГФК. Контроль эволюционирует от ретроспективной фиксации нарушений к интеллектуальной системе управления финансовыми рисками и обеспечения эффективности бюджетных расходов. Это достигается за счет синергии двух ключевых факторов.

Перспективы развития связаны с преодолением ряда вызовов. К ним относятся необходимость окончательного законодательного разграничения новых методов контроля для обеспечения единообразия практики, ликвидация цифрового неравенства между регионами при масштабировании московских решений, а также постоянное развитие компетенций контролеров, которые теперь должны сочетать финансовую экспертизу с продвинутыми цифровыми навыками. Стратегической задачей на будущее является полная интеграция превентивных методов и технологий ИИ в повседневную управленческую практику, что окончательно превратит финансовый контроль из ограничивающего надзора в конструктивный элемент клиентоцентричного государственного управления.

Таким образом, инновационные подходы в сфере государственного финансового контроля города Москвы представляют собой успешную модель адаптации ключевого института управления к требованиям цифровой эпохи. Этот опыт, сочетающий законодательные инициативы, технологический прорыв и новую философию контрольной деятельности, обладает высокой ценностью для дальнейшего совершенствования системы публичных финансов как на региональном, так и на общенациональном уровне.

Список литературы

1. Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – №14. – Ст. 1652.

2. Федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №30 (ч. I). – Ст. 4259.

3. Боженок С.Я. Понятие правового механизма управления рисками финансовой безопасности / С.Я. Боженок // Финансовое право. – 2020. – №5. – С. 6–10. DOI 10.18572/1813-1220-2020-5-6-10. EDN IBSECW

4. На МФФ обсудили цифровизацию финансового контроля // Московский финансовый форум: сайт. – URL: https://mff.minfin.ru/news/na-mff-obsudili-tsifrovizatsiyu-finansovogo-kontrolya/ (дата обращения: 19.12.2025).

5. Аналитика для 1С:Предприятие 8: официальный сайт. – URL: https://analitica.ru/ (дата обращения: 28.01.2026).

6. BI-аналитика в закупках как конкурентное преимущество бизнеса // БФТ: сайт. – URL: https://bft.ru/company/media/publikatsii/statya-na-rbk-bi-analitika-v-zakupkakh-kak-konkurentnoe-preimushchestvo-biznesa/ (дата обращения: 23.12.2025).

7. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для вузов / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов; под общ. ред. А.И. Землина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 198 с. – ISBN 978-5-534-16419-0. – URL: https://urait.ru/bcode/565312 (дата обращения: 23.12.2025).

8. Об утверждении Методических рекомендаций по созданию и организации органами исполнительной власти города Москвы системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства: приказ Главконтроля города Москвы от 14.02.2019 №8 // Сайт Мэра Москвы. Главконтроль. – URL: https://www.mos.ru/glavkontrol/documents/view/226466220/ (дата обращения: 24.12.2025).

Мирзялалова Гузель Рустамовна
магистрант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И СПОСОБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются правовые и технические аспекты регулирования рекламной деятельности в РФ. Описаны методы регулирования: регистрация СМИ, антимонопольный контроль, ГОСТы, разрешения на наружную рекламу. Отмечено, что создание рекламы лицензированию не подлежит. Подробно рассмотрен процесс установки наружной рекламы: разрешение органов местного самоуправления, договор с собственником, техническая экспертиза, монтаж с учётом региональных регламентов и требований ГИБДД.*

Ключевые слова: *реклама, правовое регулирование, отраслевое регулирование, защита потребителей, честная конкуренция.*

Фундаментом всего правового регулирования рекламной деятельности является 29 статья Конституции Российской Федерации. Она гарантирует каждому право свободно распространять любую информацию, не запрещенную законом. Это базовый принцип: рекламные сообщения могут распространяться и доводиться до потребителя любыми способами, если они не нарушают установленные ограничения. Однако конституционная свобода конкретизируется отраслевым законодательством. Специфика способов распространения рекламы подробно раскрывается в главе 2 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 №38-ФЗ. Именно здесь свобода слова в коммерческих целях обретает строгие юридические рамки.

Законодатель разделяет требования к рекламе на две группы: общие (применимые ко всей рекламе, независимо от того, в какой форме происходит распространение) и специальные (зависящие от вида товара или канала коммуникации). Несоблюдение требований к обеим группам влечет определенную закрепленную на законодательном уровне ответственность [1, с. 80].

Классическими примерами специальных требований являются запрет на рекламу алкогольной продукции в эфире телеканалов, а также реклама безрецептурных лекарственных средств: законодательно закреплено требование о сопровождении ее предупреждением о

необходимости ознакомления с инструкцией по применению или консультации со специалистом. Без такой маркировки реклама признается ненадлежащей.

Для контроля за соблюдением этих требований государство использует различные методы регулирования экономических отношений. К числу ключевых инструментов воздействия государственных органов на рекламную деятельность относятся:

− государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности. Чтобы оказывать рекламные услуги, агентство должно быть зарегистрировано в установленном порядке как юридическое лицо или индивидуальный предприниматель;

− государственная регистрация средств массовой информации (СМИ). Если реклама распространяется через СМИ, сама площадка должна иметь соответствующий правовой статус;

− защита конкуренции на рекламном рынке, осуществляемая в рамках антимонопольного регулирования;

− установление обязательных стандартов и нормативов (ГОСТы, технические регламенты);

− выдача разрешений на размещение рекламы (в особенности наружной рекламы).

Говоря о лицензировании, необходимо выделить существенную деталь: создание и распространение рекламы как таковое не подлежит лицензированию. Рекламное агентство выступает посредником между СМИ и клиентами, и для начала его работы дополнительного разрешения, кроме государственной регистрации, не требуется.

Важно отметить, что ранее действовавшая редакция Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 №99-ФЗ предусматривала лицензирование деятельности по воспроизведению экземпляров аудиовизуальных произведений на любых видах носителей. Однако Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 17.06.2019 №148-ФЗ данная норма была исключена. В настоящее время тиражирование рекламных видеороликов не требует наличия специальной лицензии и регулируется нормами гражданского права, в частности главой 70 Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященной авторскому праву.

Деятельность по распространению рекламы неразрывно связана с соблюдением технических норм. Закон о рекламе содержит отсылочные нормы к техническим регламентам, которые устанавливают требования к порядку вещания, монтажа конструкций и безопасности.

Например, требования к распространению телевизионной и радиорекламы регулируются не только законами, но и национальными стандартами в сфере телерадиовещания. В частности, ГОСТ 7845–92 «Система вещательного телевидения. Основные параметры. Методы измерений» устанавливает технические параметры системы вещательного телевидения, однако его применение в рекламной деятельности носит косвенный характер, а именно относится к техническим аспектам вещания.

Самой сложной с точки зрения документооборота является установка наружной рекламы. Помимо общих требований, установленных в статье 19 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 №38-ФЗ, рекламораспространитель обязан учитывать конкретные нормы, установленные региональным законодательством того субъекта РФ, где планируется монтаж. В каждом регионе существует свой административный регламент получения разрешения.

Процесс установки рекламной конструкции состоит из нескольких ключевых этапов.

1. Получение разрешения. Разрешение на установку выдается органом местного самоуправления муниципального района или городского округа. Заявление подает либо законный владелец земельного участка или здания, либо непосредственный собственник рекламной конструкции (при наличии договора с владельцем объекта). Важно отметить, что орган местного самоуправления должен самостоятельно осуществить согласование с уполномоченными ведомствами (ГИБДД, архитектурные и градостроительные ведомства, служба охраны объектов культурного наследия, управление дорогами и т. д.). Заявитель вправе представить часть согласований самостоятельно.

2. Договор с собственником. Если конструкция монтируется на чужом здании или сооружении, обязательно наличие договора с собственником данного имущества или лицом, обладающим вещными правами. В договоре определяются размер арендной платы и условия размещения.

3. Технический проект и экспертиза. Проект рекламной конструкции должен пройти обязательную техническую экспертизу. Только при наличии положительного заключения о безопасности проектной документации можно приступать к следующему шагу.

4. Монтаж и эксплуатация. Монтаж производится строго по утвержденной документации. Для начала работ часто требуются дополнительные документы: ордер на земляные работы, уведомление органов о необходимости занятия проезжей части или полосы отвода дороги. В процессе эксплуатации уполномоченные организации осуществляют постоянный контроль за техническим состоянием установки [2, с. 139].

Рекламный рынок – сложная и динамичная система, требующая грамотного правового сопровождения. Законодательная база в этой сфере постоянно совершенствуется, чтобы соответствовать новым технологиям и вызовам. Особенностью отрасли является то, что предприниматели и маркетологи, стремясь к быстрому продвижению товаров и услуг, зачастую не ознакомлены с действующими строительными нормами, правилами лицензирования или требованиями к государственному языку. Между тем, знание процесса получения разрешений, соблюдение технических регламентов и корректное оформление информационных материалов являются не просто юридической формальностью, а неотъемлемой частью повседневной жизни рекламного сообщества, гарантирующей как безопасность граждан, так и добросовестную конкуренцию на рынке.

Список литературы

1. Растяпина Е.Ю. Исторический аспект законодательного регулирования отношений в области рекламы и рекламной деятельности в России / Е.Ю. Растяпина // Вестник науки и образования. – 2017. – №1(25). – С. 79–81. EDN XICEGV

2. Саргизов Л.А. Ответственность за нарушение законодательства о рекламе / Л.А. Саргизов // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2016. – №2. – С. 136–147. EDN ZVFIIR

3. Семенова Д.Д. Пробелы в нормативном регулировании защиты от недобросовестной конкуренции в рекламе / Д.Д. Семенова // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – №3. – С. 149–153. EDN VUYHKR

Мучкаева Эльзята Владимировна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168784

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ: АНАЛИЗ РИСКОВ И ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Аннотация: *статья посвящена правовым последствиям использования электронной подписи без надлежащего разрешения в условиях активного смещения гражданского оборота в цифровую среду. Электронная подпись служит надежным способом подтверждения юридически значимых действий (удалённое оформление договоров, направление заявлений, государственная регистрация прав, корпоративные процедуры). Однако с расширением технологий растёт число злоупотреблений: незаконное использование ключей, оформление сертификатов на основе похищенных персональных данных, совершение сделок без подлинной воли владельца. Автор обосновывает, что один лишь факт использования сертификата не подтверждает подлинность волеизъявления; необходима оценка совокупности обстоятельств (способ получения подписи, порядок хранения, процедуры идентификации, поведение сторон после возникновения спора). Предложены меры: ужесточение идентификации, уведомление владельца при каждом обращении, увеличение ответственности удостоверяющих центров, выработка единого судебного подхода.*

Ключевые слова: *электронная подпись, гражданское право, недействительность сделки, цифровой оборот, убытки, удостоверяющий центр, судебная защита.*

Правовое регулирование электронной подписи закреплено в Федеральном законе от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи» [1]. Указанный инструмент имеет высокую значимость в обстановке, когда через информационные системы удалённо оформляется заметная доля юридически значимых действий. Для договорной, корпоративной и регистрационной сфер подобная ситуация означает необходимость надёжного механизма, позволяющего достоверно установить личность участника и подтвердить волеизъявление, исходящее от него. В подобных условиях цифровые технологии заняли прочное место в гражданском обороте на его нынешнем этапе развития.

Электронная подпись служит средством для установления лица, подписавшего электронный документ, и удостоверения того, что после её применения содержащиеся в документе сведения сохранились без изменений. В сфере гражданского оборота наибольшую правовую значимость приобретает усиленная квалифицированная электронная подпись; при прямом указании закона на соответствующий случай она обладает тем же юридическим эффектом, что и собственноручная подпись, а ещё формирует высокий уровень доверия к электронному документу [4].

Массовое внедрение электронной подписи породило новый круг юридических угроз. В практике фиксируются случаи, когда сертификаты оформляются на основе незаконно полученных персональных данных, посторонние лица получают доступ к ключам подписи, используется вредоносное программное обеспечение, а гражданам сообщают недостоверные сведения о содержании документов, предлагаемых к подписанию. Итогом подобных действий становятся сделки,

по форме соответствующие установленным требованиям, однако в действительности не выражающие волеизъявление лица, указанного в качестве подписанта.

В спорах о применении электронной подписи расхождение между внешним видом действия и тем, было ли оно в действительности выражением воли соответствующего лица, приобретает особую роль. Иная картина складывается при сделках, оформленных в обычной письменной форме: подпись, сам момент подписания, поведение участников и дополнительные обстоятельства нередко поддаются прямой проверке, благодаря чему заметны признаки подделки и ситуации, в которых на сторону сделки оказывалось давление. Иначе устроена цифровая фиксация юридически значимого действия: при внешне безупречном техническом исполнении она способна не показать отсутствие согласия владельца электронной подписи. Поэтому при гражданско-правовой оценке подобных конфликтов нужно обращаться не только к формальным признакам, но и к подробному изучению фактических обстоятельств дела.

При рассмотрении подобных ситуаций одного лишь действующего сертификата ключа проверки электронной подписи недостаточно; отдельно нужно установить лицо, фактически совершившее спорное действие в информационной системе [6, с. 183]. Когда одно устройство используют несколько лиц, токен находится у родственников или работников, пароли доступны посторонним, а сведения для входа в учётную запись сохраняются автоматически, между формальным подписантом и реальным исполнителем возникает расхождение. Тогда предмет спора не сводится к вопросам техники и подлежит оценке как спор гражданско-правового характера.

На практике именно те правовые связи, возникающие при оформлении кредитных договоров, совершении регистрационных действий, принятии корпоративных решений, распоряжении недвижимым имуществом, участии в торгах и заключении договоров поставки, нередко служат источником споров. В перечисленных сферах электронная подпись служит средством, позволяющим быстрее совершать юридически значимые действия, но ускорение цифрового документооборота неизбежно уменьшает срок, необходимый для проверки подлинности намерений сторон. Так, по мере того как возрастает имущественный эффект сделки, для всех её участников должен повышаться уровень осмотрительности.

При рассмотрении документа, удостоверенного электронной подписью, на первый план выходит поведение стороны, принимающей его. Когда участнику были известны сомнительный характер операции, расхождение действий с обычной деловой практикой, явная экономическая невыгодность согласованных условий либо признаки постороннего вмешательства, на безусловную защиту закона он рассчитывать не вправе. Из требований гражданского законодательства проистекает обязанность действовать добросовестно, а потому одна лишь внешняя корректность подписи не способна легализовать поведение, заведомо противоречащее такому стандарту [7, с. 251].

Вопрос о том, каким образом очертить допустимое поведение держателя сертификата ЭП, не имеет простого решения. Полное возложение на него последствий за каждый поступок, совершённый при использовании сертификата, исключается. Одновременно игнорирование базовых требований защиты в цифровой среде не может оставаться без правовой оценки. В случае передачи носителя ключа посторонним, размещения PIN-кодов рядом с устройством, использования заведомо ненадёжных программ либо отсутствия реакции владельца на сигналы о возможной компрометации такое поведение подлежит оценке как грубая неосторожность. При подобных обстоятельствах при распределении убытков необходимо принимать во внимание собственную степень вины владельца подписи.

Правовое положение удостоверяющего центра заслуживает отдельного рассмотрения. Для удостоверяющих центров характерна деятельность, не сводящаяся к обычной коммерческой посреднической модели, поскольку государство наделило такие организации функцией официально удостоверять соответствие выданного сертификата конкретному лицу [8, с. 7]. При ошибках при установлении личности, оформлении сертификата на основании подложных документов, ненадлежащем сохранении сведений либо игнорировании обязательных

правил информационной безопасности возникает комплекс неблагоприятных последствий. По данной причине усиленный стандарт требований к удостоверяющим центрам выглядит оправданным как для частноправовой сферы, так и для публичных интересов.

При цифровых отношениях на первый план выходит надлежащее документирование электронных следов. Для действенного восстановления и охраны правового статуса лица, чьи интересы затронуты, требуется сохранять сведения о моменте входа в систему, о последовательности действий пользователя, об использованном IP-адресе, о модели устройства, о способе прохождения идентификации, о направлениях отправки уведомлений и об истории изменения сведений учётной записи. При утрате таких сведений либо неполном отражении выяснение фактических обстоятельств во время разбирательства заметно усложняется. По этой причине обязанность сохранять служебные записи системы о значимых операциях и событиях на разумный срок должна пониматься как значимый компонент правового механизма защиты участников цифрового оборота.

В сфере использования электронной подписи у граждан особенно заметен дефицит правового понимания. Для многих пользователей подобный механизм служит лишь средством технической авторизации в цифровых сервисах, а его правовой эффект нередко остаётся вне поля внимания. Подтверждение документа в электронной форме способно породить кредитные обязательства, выразить согласие на отчуждение имущества, повлечь изменение корпоративных прав и создать иные имущественные обязанности. При непонимании правового смысла совершаемого волеизъявления риск недобросовестных действий возрастает заметно.

Для предотвращения нарушений полезно развивать механизм обязательных уведомлений для пользователей. Пользователю направляют ясные, без задержки поступающие сообщения, где отражены не только само применение подписи, но и правовая природа совершаемой операции: речь идёт о заключении договора займа, направлении заявления о регистрации, изменении корпоративных сведений, представлении налоговой отчётности и иных действиях, имеющих юридическое значение [9, с. 31]. При более высокой точности таких уведомлений владелец быстрее обнаружит подозрительную активность и уменьшит возможный ущерб.

Когда цифровой контроль выстроен по риск-ориентированному принципу, проверочные действия соотносят с характером операции. При необычном действии программа вправе без участия человека запросить ещё одно удостоверение личности, временно заблокировать использование подписи либо инициировать повторную идентификацию. Усиленная верификация уместна там, где затрагивается недвижимое имущество, происходит смена руководителя юридического лица, оформляется крупный кредит или передаются корпоративные права. Такой набор инструментов отвечает задаче сдерживания возможных злоупотреблений на разумной и юридически корректной основе.

В судебном разбирательстве приоритет должен принадлежать не внешней безупречности, а содержательной проверке обстоятельств. Когда спор пытаются свести лишь к вопросу о технической правильности подписи, а фактические условия дела остаются вне рассмотрения, возникает риск, что противоправное поведение получит вид правомерного. По этой причине суду надлежит исследовать не отдельный признак, а всю совокупность значимых данных: каким способом был получен сертификат, какой режим доступа существовал к устройству, как действовали стороны до спорной сделки и после неё, имелась ли у операции хозяйственная логика, насколько быстро она была совершена и каким образом владелец отреагировал после выявления нарушения [10, с. 194].

Для споров, в которых фигурируют электронный документооборот и электронная подпись, оправдано продолжение выработки адресных разъяснений со стороны высших судебных инстанций. При закреплении единых ориентиров по доказыванию, распределению бремени ответственности, проверке добросовестности сторон и правовой оценке последствий несанкционированного применения подписи правоприменение приобретёт большую предсказуемость, а число противоречивых судебных решений уменьшится.

Результативность использования электронной подписи опирается на два основания: надёжность криптографических механизмов и чёткость системы юридических правил, задающих порядок её использования. Когда правовой режим не закрепляет, кто и в каком объёме несёт неблагоприятные последствия спорной ситуации, не предусмотрено быстрое прекращение действия сертификата, не действуют реальные процедуры возмещения потерь, а судебные органы не придерживаются согласованного подхода к сходным делам, участники электронного обмена начинают воспринимать его как менее надежный. Иная картина возникает там, где прочность технологической инфраструктуры сочетается с детально выстроенными нормами частноправового характера; при такой конфигурации возникают условия для стабильного роста электронных сделок и удалённого взаимодействия субъектов рынка.

Для гражданско-правовой сферы первоочередная задача – установить, сохраняют ли подобные сделки юридическую силу. Когда установлено отсутствие у участника самостоятельного намерения либо искажение его воли обманом, заблуждением или недобросовестным использованием доверия, правовая система получает основание признать сделку недействительной. Наличие актуального сертификата само по себе не служит безусловным подтверждением надлежащего совершения волеизъявления.

При разрешении споров данной категории суд не ограничивается одним лишь фактом технического удостоверения подписи. Он сопоставляет, каким образом был выдан сертификат, соблюдалась ли процедура идентификации личности, имел ли соответствующий участник реальную возможность пользоваться носителем сведений о ключе, как стороны вели себя после заключения сделки и отвечала ли сама операция критерию экономической оправданности. При опоре лишь на техническое подтверждение подписания необходимый баланс между участниками гражданского оборота не достигается.

Вопрос о том, на кого должны лечь неблагоприятные последствия, подлежит самостоятельной правовой оценке. При явной недобросовестности контрагента либо при его молчании при признаках сомнительной сделки соответствующие потери допустимо отнести на его счет. Когда удостоверяющий центр допускает ненадлежащую идентификацию заявителя или не исполняет обязательные требования безопасности, основание для возложения последствий возникает уже в отношении центра. Иной вариант касается владельца подписи: при грубом несоблюдении правил хранения данных ключа риск неблагоприятного исхода допустимо переложить на него.

Для работы подобных центров оправдана повышенная требовательность к внимательности и проверке сведений. Подобный подход объясняется тем, что они выполняют обязанность с общественной значимостью, удостоверяют, насколько верны данные о лице, которому принадлежит сертификат. При неверном установлении личности либо нарушении порядка выдачи сертификатов возникает риск серьёзного имущественного ущерба для граждан и организаций [11, с. 117]. По указанной причине в работе указанных субъектов нужен усиленный уровень заботливости и осмотрительности.

Обязанность направлять владельцу уведомление при каждом использовании электронной подписи служит действенным средством предупреждения нарушений. При поступлении сообщения без задержки через государственные сервисы, мобильную связь либо электронную почту владелец получает возможность быстро распознать несанкционированное применение. Затем допускается незамедлительно поставить вопрос о приостановлении сертификата, не дожидаясь серьёзных последствий.

Одним из перспективных векторов нормативного развития выступает дальнейшее укрепление механизмов дистанционной идентификации. Вероятность оформления подписи на иное, подменяющее лицо заметно снижается при сочетании многофакторной проверки личности, сверки данных по государственным информационным массивам, биометрических методов и видеофиксации процедуры.

Для данной категории споров единообразие правоприменения имеет первостепенное значение. При поступлении дел на рассмотрение суд не может ограничиваться автоматическим

признанием любой электронной подписи безусловно надёжным доказательством; напротив, ему требуется проверить весь комплекс обстоятельств, относящихся к делу. Лишь при подобной оценке сохраняются добросовестное поведение, справедливое разрешение и устойчивость гражданско-правового оборота.

Для цифровой экономики и гражданского оборота электронная подпись выступает не факультативным дополнением, а базовым условием работы. Её юридическая сила существует лишь при доверительной среде: участники надлежаще идентифицированы, риски распределены разумным образом, а судебная защита выстроена надлежащим образом. При последовательном обновлении законодательства на удостоверяющие центры ложится более высокая ответственность, а практические механизмы защиты пользователей получают развитие; число конфликтов сокращается, устойчивость электронного документооборота возрастает.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об электронной подписи» №63-ФЗ от 06.04.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №15. – Ст. 2036.

2. Федеральный закон «О персональных данных» №152-ФЗ от 27.07.2006 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (ч. I). – Ст. 3451.

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» №149-ФЗ от 27.07.2006 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (ч. I). – Ст. 3448.

4. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

5. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» №14-ФЗ от 26.01.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410.

6. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для магистров / И.Л. Бачило. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 564 с.

7. Копылов В.А. Информационное право: учебник / В.А. Копылов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 512 с.

8. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – №1(253). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti (дата обращения: 30.07.2026).

9. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека / Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2020. – №10. – С. 25–39. DOI 10.12737/jrl.2020.118. EDN DLFNEL

10. Гусаим И.В. Мошенничество при сделках по распоряжению недвижимым имуществом с использованием электронно-цифровой подписи / И.В. Гусаим // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – №2. – С. 193–197.

11. Минбалеев А.В. Перспективные направления правового регулирования персональных данных / А.В. Минбалеев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2024. – Т. 52. №4. – С. 115–121. DOI 10.21779/2224-0241-2024-52-4-152-156. EDN BJNVQZ

Носков Александр Юрьевич
магистрант

Научный руководитель
Каменева Зоряна Викторовна
канд. юрид. наук, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ: ОТ ПЕРВЫХ ДЕКРЕТОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ДО СОВРЕМЕННОГО АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: *в статье рассматривается историко-правовая эволюция механизмов предупреждения коррупции в России с 1918 года до современного антикоррупционного законодательства. На основе историко-правового, сравнительно-правового и системного методов анализа исследуются три этапа: репрессивно-карательные меры раннего советского периода; период позднего СССР и 1990-х годов, характеризующийся латентностью коррупционных процессов и формированием первых декларативных норм; современный этап, ознаменованный принятием Федерального закона №273-ФЗ и переходом к системной профилактике (контроль доходов, урегулирование конфликта интересов, антикоррупционное просвещение). Эволюция шла от точечных карательных мер к целостной национальной системе предупреждения коррупции, однако её эффективность зависит от уровня правовой культуры и неотвратимости ответственности.*

Ключевые слова: *предупреждение коррупции, антикоррупционное законодательство, советские декреты, конфликт интересов, правовая эволюция, национальная система противодействия, профилактика правонарушений.*

Коррупция представляет собой системную угрозу национальной безопасности, экономической стабильности и социальному доверию в любом государстве. В современной российской правовой доктрине акцент неуклонно смещается с карательного преследования коррупционеров на превентивные меры, то есть на предупреждение коррупции. Однако понимание современных механизмов профилактики невозможно без ретроспективного анализа того, как формировалось правовое регулирование данной сферы на протяжении последнего столетия.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия коррупции в России.

Предметом исследования является эволюция нормативно-правовых актов, регулирующих предупреждение коррупционных проявлений, от 1918 года до настоящего времени.

Цель статьи – проследить трансформацию подходов законодателя к предупреждению коррупции и выявить преемственность или разрывы в правовом регулировании на разных исторических этапах.

Репрессивно-карательный подход в ранний советский период (1917–1930-е гг.).

Становление советского государства сопровождалось жесткой борьбой с наследием прошлого, в котором взяточничество рассматривалось не просто как преступление, а как «пережиток капиталистического общества». Первые правовые акты были направлены не столько на системное предупреждение, сколько на устрашение и ликвидацию явления посредством репрессий.

Ключевым документом стал Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», который устанавливал беспрецедентно суровые меры: не менее 5 лет тюремного заключения с принудительными работами или, при отягчающих обстоятельствах, расстрел.

Предупреждение коррупции в этот период носило идеологический и карательный характер. Оно обеспечивалось через деятельность Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), созданной в 1920 году, которая должна была привлекать широкие массы к контролю за государственным аппаратом.

Несмотря на жесткость норм, профилактика была неэффективной из-за тотального дефицита кадров, низкой заработной платы служащих и разрушения традиционных правовых институтов. Предупреждение подменялось репрессией, что не устраняло коренных причин коррупционного поведения, а лишь загоняло его в глубокую латентность.

Латентность и декларативность: от позднего СССР к становлению новой России (1960–1990-е гг.).

В период развитого социализма (1960–1980-е гг.) термин «коррупция» отсутствовал в советском уголовном законодательстве [2, с. 23]. Вместо него использовались составы «получение взятки», «злоупотребление служебным положением» и «халатность». Система предупреждения носила формальный характер: партийный контроль, товарищеские суды и ведомственные проверки часто замыкали проблемы внутри аппарата, способствуя формированию «теневой экономики» и системных коррупционных связей.

С распадом СССР и переходом к рыночной экономике в 1990-е годы коррупция приобрела масштабный характер, проникнув в процессы приватизации и распределения государственных ресурсов. Первым шагом к системному регулированию стал Закон РСФСР от 1992 г. «О борьбе с коррупцией». Впервые на законодательном уровне было дано определение коррупции и закреплена обязанность государственных служащих сообщать о случаях склонения к ней [2, с. 25].

Однако этот закон носил преимущественно декларативный характер. Механизмы предупреждения (такие как проверка деклараций о доходах) не были обеспечены реальными институциональными инструментами и процедурами контроля. Правоприменительная практика сводилась к эпизодическим уголовным делам, а профилактика оставалась на уровне лозунгов, что не позволяло переломить негативную тенденцию.

Формирование современной национальной системы предупреждения коррупции (с 2008 г. по настоящее время).

Кардинальный перелом в правовом регулировании произошел в 2008 году с принятием Национального плана по противодействию коррупции и базового Федерального закона от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции». Законодатель впервые закрепил приоритет предупреждения коррупции над ее преследованием (ст. 1 ФЗ-273).

Современная система предупреждения базируется на трех китах.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов на наличие коррупциогенных факторов (широких дискреционных полномочий, неопределенных сроков).

Урегулирование конфликта интересов и обязательное декларирование доходов, расходов и имущества не только самих служащих, но и членов их семей, с механизмом обращения в доход государства средств, законность приобретения которых не доказана.

Антикоррупционное просвещение и формирование правовой культуры, что напрямую коррелирует с научными разработками в области комплексной безопасности, ведущимися в ведущих вузах страны, включая РГСУ [1, с. 45].

Кроме того, современное регулирование вышло за рамки государственной службы, внедрив институты комплаенс-контроля в корпоративном секторе и расширяя субъектный состав лиц, обязанных соблюдать антикоррупционные стандарты.

Эволюция правового регулирования предупреждения коррупции в России прошла сложный путь от репрессивно-карательных декретов 1918 года и декларативных норм 1990-х годов до формирования целостной, многоуровневой национальной системы профилактики, закрепленной в ФЗ-273. Исторический анализ показывает, что исключительно силовые методы не способны искоренить коррупцию. Современный этап характеризуется грамотным внедрением превентивных механизмов: контроля за доходами, антикоррупционной экспертизы и комплаенса.

Тем не менее, эффективность этих правовых средств напрямую зависит от правоприменительной практики и уровня антикоррупционного сознания граждан. Как отмечают исследователи в области комплексной безопасности, дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на усиление неотвратимости ответственности и интеграцию антикоррупционных стандартов в повседневную правовую культуру общества, особенно в молодежной среде.

Список литературы

1. Иванников В.Н. Комплексная безопасность личности, общества и государства: учебное пособие / В.Н. Иванников. – М.: Издательский центр РГСУ, 2021. – 284 с.

2. Смирнов В.В. Эволюция понятия «коррупция» в отечественном законодательстве XX-XXI вв. / В.В. Смирнов // История государства и права. – 2021. – №8. – С. 22–26. DOI 10.18572/1812-3805-2021-8-22-26. EDN XPOGIL

Озерский Сергей Владимирович
канд. физ.-мат. наук, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ПРАВОВАЯ СТАТИСТИКА В УСЛОВИЯХ ЗАКРЫТОСТИ СУДЕБНЫХ ДАННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема доступности судебной статистики в условиях, когда доступ к данным о работе судов и правоохранительных органов ограничен. Анализируются причины закрытости статистической информации и её влияние на качество правоприменения и доверие граждан к судебной системе. Рассматриваются возможности автоматизированных систем для повышения достоверности учёта, а также риски, связанные с человеческим фактором, несовместимостью программ и другими сложностями.*

Ключевые слова: *правовая статистика, судебная статистика, доступность информации, достоверность данных, ГАС «Правосудие», автоматизация, закрытость судов, судебное делопроизводство.*

Проблема доступности и достоверности судебной статистики имеет давнюю историю. Ещё в Концепции судебной реформы в Российской Федерации отмечалось, что система уголовной юстиции не обеспечивает общество необходимой информацией о состоянии преступности и о результатах своей деятельности. Тогда же был поставлен вопрос о создании независимого органа, который собирал бы такую информацию, однако до сих пор его нет. Учёт всех совершённых преступлений остаётся прерогативой Министерства внутренних дел, которое одновременно отвечает за их раскрытие, что создаёт объективные предпосылки для искажения данных. Как ранее отмечал бывший заместитель министра внутренних дел Александр Чекалин: «старая инструкция по учёту преступлений была сложной и допускала двусмысленность, позволяя «перекидывать» преступления из одного учёта в другой для улучшения показателей». В результате в 2005 году после совместных проверок с прокуратурой на учёт было поставлено более 158 тысяч ранее незарегистрированных преступлений, среди которых оказалось более 700 убийств [1]. Сейчас ситуация приближается к совершенствованию данного недостатка.

Практика не ушла в прошлое. Стремление «улучшить» статистику ради отчётности порождает не только сокрытие преступлений, но и более изощрённые манипуляции: прекращение дел по нереабилитирующим основаниям, необоснованные отказы в возбуждении, переквалификацию деяний в менее тяжкие. Как подчёркивал Александр Кизлык: «число укрытых от регистрации преступлений не уменьшается, несмотря на принимаемые меры». Более того,

попытки «научить» систему работать по-новому часто приводят к обратному эффекту – искажения переходят из одних показателей в другие, сохраняя свою суть.

Острой проблемой остаётся закрытость судебных данных. В апреле 2026 года Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации прекратил публикацию развёрнутой судебной статистики на официальном сайте. Доступ к информации о движении дел, результатах рассмотрения, судимости и процессуальных сроках был ограничен. Данное решение вызвало широкую дискуссию как в профессиональной среде, так и среди граждан. Со стороны критиков прозвучали обвинения в нарушении Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», закрепляющего принцип открытости правосудия.

Закрытие статистических данных не сводится к имиджевым потерям. Без открытых источников невозможно оценить реальную нагрузку на суды, выявить системные проблемы в правоприменении, провести научные исследования или организовать общественный контроль. Если доступ к агрегированной информации о работе судебной системы ограничен, иные меры по обеспечению открытости правосудия утрачивают практический смысл.

Автоматизированные системы, в первую очередь Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», позволяют значительно повысить достоверность первичного учёта. Как показывает исследование И.Н. Андрюшечкиной, использование программных изделий судебного делопроизводства обеспечивает централизованную настройку форм статистической отчётности и формально-логический контроль данных [2, с. 16]. Современные автоматизированные системы позволяют выявлять ошибки на этапе ввода данных. Это касается как неверно выбранной категории дела, так и технических опечаток, например, в суммах исковых требований. Кроме того, модули расчёта статистики дают возможность детализировать показатели и переходить непосредственно к списку производств, по которым нарушены контрольные соотношения. Такая функция помогает оперативно находить неточности и своевременно их исправлять.

Однако полностью устранить «человеческий фактор» автоматизация не способна. Как подчёркивает И.Н. Андрюшечкина, наиболее сложные ошибки связаны с выбором категории гражданских или административных дел, недоучётом дополнительных признаков преступлений (экстремистской или коррупционной направленности), а также путаницей статей УК РФ и КоАП РФ, особенно редких. Такие ошибки невозможно выявить программными средствами. Для их обнаружения требуется анализ текста судебного решения. Именно поэтому доступ к судебным актам и статистическим данным имеет критическое значение для контроля качества правоприменения.

В судебной системе используется несколько различных автоматизированных систем делопроизводства. Наряду с централизованными программными изделиями, такими как «Судебное делопроизводство» и «Автоматизированное место информационно-расчётной системы» (АМИРС), существуют и региональные разработки («КРОК» и др.). Это создаёт риск нестыковок и усложняет ведение единой статистики. Программные шаблоны на базе MS Excel с контрольными соотношениями выступают универсальным форматом, но их корректность зависит от своевременных обновлений и квалификации пользователей. Практика показывает, что ручные корректировки в отчётах нередко приводят к существенным искажениям. Например, в графу «количество требований» может быть проставлена сумма исковых требований, что многократно завышает итоговые показатели. Всё это означает, что автоматизация не гарантирует достоверности, а открытые данные ограничиваются. В такой ситуации вопрос обеспечения качества статистики остаётся открытым. Выход видится в нескольких взаимосвязанных направлениях [3, с. 7].

Первым шагом должно стать законодательное закрепление права на доступ к судебным актам и обязанности судов публиковать агрегированную статистическую информацию в единых форматах и в машиночитаемом виде. Граждане и исследователи смогут сопоставлять

показатели работы судов с общероссийскими данными. Сами суды также получат возможность выявлять аномалии в своей работе и своевременно на них реагировать.

Также одним из направлений совершенствования системы судебной статистики является создание независимого органа учёта преступлений и судебной статистики. Такой орган не должен находиться в подчинении правоохранительных ведомств, которые заинтересованы в улучшении отчётных показателей. Это позволило бы координировать межведомственный обмен данными и проводить объективный анализ.

Другим важным направлением выступает совершенствование контрольных алгоритмов в ГАС «Правосудие». Наряду с формальной логикой предлагается внедрять семантический анализ текстов судебных решений для выявления ошибок в квалификации. Технологии обработки естественного языка позволяют сопоставлять описания деяний с выбранными статьями и выявлять несоответствия.

Важным направлением остаётся возвращение к идее общественного контроля за статистикой. Открытые данные сделают невозможным бесконтрольное манипулирование показателями и повысят доверие граждан к правоохранительной и судебной системам. Лучшим критерием оценки судебной системы является рост доверия в обществе. Без открытости и достоверности статистики такого доверия достичь невозможно.

Закрытость судебных данных является системной проблемой, коренящейся в устаревших подходах к учёту и контролю. Её решение требует как технологических улучшений, так и политической воли к реальной транспарентности правосудия. В противном случае любые реформы будут разбиваться о стену «лукавых цифр», за которыми теряется судьба конкретных людей.

Список литературы

1. Фалалеев М. Преступление и указание / М. Фалалеев, Н. Козлова // Российская газета. – 2006.

2. Андрюшечкина И.Н. Автоматизация ведения достоверной статистики в судебной системе / И.Н. Андрюшечкина // Правовая информатика. – 2021. – №2. – С. 15–27. DOI 10.21681/1994-1404-2021-2-15-27. EDN FTZRBQ

3. Сушина Т.Е. К вопросу о совершенствовании системы статистического учета обращений в суд на начальном этапе уголовного судопроизводства в цифровую эпоху / Т.Е. Сушина // Lex Russica. – 2019. – №10(155). – С. 1–9.

Перелыгина Александра Дмитриевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА В РОССИИ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена сравнительно-правовому анализу принципа свободы договора в Российской Федерации и в англо-американской правовой системе. Рассматривается нормативное закрепление принципа, допустимые пределы его ограничения, а также проблемы реализации, связанные со злоупотреблением договорной свободой. В российском праве принцип закреплён в ст. 421 ГК РФ, однако отсутствие легального понятия «злоупотребление принципом свободы договора» порождает правовую неопределённость. В англо-американской системе принцип сформирован прецедентным правом, доктриной freedom of contract и статутными ограничениями (Закон о несправедливых договорных условиях 1977 г. в Англии, «договорная оговорка» в Конституции США). Ключевые различия: форма закрепления (прямое законодательное vs. прецедентно-доктринальное), характер ограничений (формализованные пределы vs. гибкие судебные стандарты) и исходная презумпция. Делается вывод, что при едином сущностном ядре – признании автономии воли сторон – механизмы ограничения договорной свободы в сравниваемых правовых семьях существенно различаются.*

Ключевые слова: *свобода договора, принцип свободы договора, ограничение свободы договора, злоупотребление принципом свободы договора, прецедент, договорная оговорка, публичный порядок, добросовестность.*

В российской правовой системе принцип свободы договора имеет прямое конституционно-правовое и гражданско-правовое закрепление. Так, часть 1 статьи 34 Конституции РФ провозглашает свободу экономической деятельности, а часть 3 статьи 55 устанавливает допустимые пределы ограничения прав и свобод, включая свободу договора, исключительно в конституционно значимых целях: защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [2]. На уровне отраслевого законодательства статья 1 и статья 421 Гражданского кодекса РФ закрепляют, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора, выборе контрагента, определении вида договора и его условий, даже если такие условия прямо не предусмотрены законом [1]. Однако российское законодательство также устанавливает систему ограничений свободы договора, которые могут быть прямыми (императивные нормы, запрещающие определенные условия) или косвенными (нормы публичных отраслей, антимонопольные требования, правила о защите прав потребителей). Важно подчеркнуть, что, по мнению исследователей, всякое ограничение свободы договора в России должно быть соразмерным по объему и значимости тем благам, ради которых оно вводится, иначе такое ограничение может быть признано конституционно необоснованным [5]. Тем не менее ключевая проблема для российского законодателя заключается в обеспечении баланса между достижением публичных целей и сохранением разумной свободы усмотрения сторон, поскольку чрезмерная опека государства, даже действующего во благо общества, способна нивелировать саму суть договорной автономии.

Несмотря на доктринальную и нормативную значимость принципа свободы договора в российском гражданском праве, его практическая реализация сопряжена с рядом системных проблем, обусловленных прежде всего высоким уровнем абстрактности легальных дефиниций, содержащихся в части 1 статьи 421 Гражданского кодекса РФ. Как справедливо отмечается в доктрине, именно абстрактность указанных норм создает благоприятную среду для злоупотребления принципом свободы договора, когда стороны сделки формально ссылаются на свободу договорных отношений, но при этом намеренно игнорируют императивные требования [11]. Такое поведение нередко выражается во включении в договор заведомо обременительных условий для слабой стороны, навязывании дополнительных услуг, а также в установлении несоразмерно высоких неустоек, что фактически представляет собой завуалированное злоупотребление правом. Показательным примером служат ситуации, когда банк, действуя якобы в рамках свободы договора, включает в кредитный договор условие о неустойке, размер которой значительно превышает размер «законной» неустойки. Кроме того, существенной проблемой является отсутствие легального определения самого понятия «принцип свободы договора», равно как и категории «злоупотребление принципом свободы договора», что порождает правовую неопределенность при квалификации недобросовестных действий контрагентов. В связи с этим в науке обоснованно предлагается дополнить Гражданский кодекс РФ нормой, прямо запрещающей осуществление гражданских прав с намерением причинить вред другой стороне договорных отношений, действовать в обход закона при вступлении в такие отношения и установить последствия подобного злоупотребления в виде обязанности виновного лица возместить причиненные убытки в размере, определяемом судом исходя из степени злоупотребления [9, с. 57]. Таким образом, ключевая проблема реализации принципа свободы договора в Российской Федерации заключается не в недостатках самого принципа как такового, а в отсутствии эффективных механизмов противодействия его недобросовестному использованию [7, с. 450], что требует как совершенствования законодательной техники, так и формирования единообразной судебной практики, основанной на критериях добросовестности и разумности.

Свобода договора в англо-американском праве.

В отличие от континентального подхода, англо-американская правовая система (в данной статье пойдет речь о праве Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки) исторически развивалась на основе прецедента и доктрины свободы договора (freedom of contract), которая получила классическое обоснование в решениях судов XIX века [10]. В англо-американском праве принцип свободы договора традиционно понимается как право сторон добровольно принимать на себя обязательства на любых условиях, не противоречащих публичному порядку и добросовестности. В частности, в праве США, как отмечается в доктрине, стороны вправе включать в договор такие условия и сроки, которые они сами считают для себя удобными, при условии, что эти условия не противоречат закону, морали, обычаям и государственной политике (аналогично подходу, закрепленному, например, в статье 1305 Гражданского кодекса Филиппин, испытавшего сильное влияние американского права). Важной особенностью англо-американской модели является признание возможности заключения безымянных (непоименованных) контрактов, которые регулируются соглашением сторон, а также аналогией с поименованными договорами и торговыми обычаями. Это свидетельствует о значительно более высокой степени договорной свободы по сравнению с классическими континентальными кодификациями, где перечень договорных типов зачастую является более закрытым.

Как уже отмечалось выше, в англо-американской правовой системе принцип свободы договора не имеет единого кодифицированного акта. В США конституционной основой выступает «договорная оговорка» (статья I, раздел 10 Конституции), запрещающая штатам принимать законы, нарушающие обязательства по договорам, а также Пятая и Четырнадцатая поправки (доктрина надлежащей правовой процедуры). Ключевыми источниками являются также Свод договорного права (Restatement (Second) of Contracts) и Единообразный торговый

кодекс (UCC), стандартизирующий коммерческие договоры [4, с. 108]. В Англии принцип сформирован судебными прецедентами общего права (common law), а основным статутным ограничением выступает Закон о несправедливых договорных условиях 1977 года (Unfair Contract Terms Act) [12, с. 243], устанавливающий критерий разумности. Таким образом, в отличие от континентальной кодификации, англо-американское право закрепляет свободу договора через конституционные нормы (в США), прецеденты и специальные статуты.

Сравнение правового регулирования принципа свободы договора.

Сравнивая российский и англо-американский подходы, можно выделить несколько существенных различий. Во-первых, в России принцип свободы договора закреплен в писаной конституции и кодифицированном акте (Гражданском кодексе), тогда как в англо-американской системе он существует преимущественно как судебная доктрина, выведенная из прецедентов и общих принципов права. Во-вторых, система ограничений в российском праве носит более формализованный и иерархический характер: ограничения следуют непосредственно из закона и подзаконных актов, часто с указанием конкретных составов недопустимых условий [8, с. 67]. В англо-американском праве ограничения свободы договора в большей степени определяются судебным усмотрением через категории публичного порядка (public policy), добросовестности (good faith) и недопустимости несправедливых условий (unconscionability). В-третьих, если в российской доктрине доминирует представление о необходимости соразмерного ограничения договорной свободы ради защиты слабой стороны и публичных интересов, то англо-американская традиция длительное время исходила из презумпции равенства переговорных возможностей и минимального вмешательства суда в договорные отношения, хотя в XX веке под влиянием концепции «договоров присоединения» и защиты потребителей этот подход также претерпел изменения.

В целом проведенный сравнительный анализ позволяет заключить, что принцип свободы договора в Российской Федерации и в англо-американской правовой системе имеет единое сущностное ядро – признание автономии воли сторон как основы договорного обязательства. Однако объем допустимых ограничений, способы их нормативного закрепления и механизмы судебного контроля существенно различаются. Российская модель опирается на формально определенные законодательные пределы, тогда как англо-американская модель – на гибкие судебные стандарты. Оба подхода сталкиваются с общей дилеммой: как сохранить свободу договора как катализатор экономического развития, не допустив при этом злоупотреблений и не нарушив баланс интересов сильной и слабой сторон. Именно степень развития рыночных отношений и уровень правовой культуры в каждом конкретном государстве определяют, какой из механизмов ограничения договорной свободы оказывается более эффективным.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).

3. Баронов В.И. Международное право в схемах и таблицах: учебное пособие / В.И. Баронов, В.А. Батырь, В.И. Липунов. – М.: Альфа-Пресс, 2011. ISBN 978–5-94280–529–6. EDN QSCFZX.

4. Белых В.С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография / В.С. Белых. – М.: Проспект, 2017. – 208 с. ISBN 978–5-392–23911–5. EDN WYYWPR

5. Гольдин Е.Т. Принцип свободы договора: понятие и содержание / Е.Т. Гольдин // International scientific review. – 2022. – №LXXXV. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-ponyatie-i-soderzhanie (дата обращения: 18.03.2026).

6. Гражданское право: в 3 т. Т. 1: Общая часть / А.В. Асосков, В.С. Ем, В.В. Витрянский [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 622 с. ISBN 978–5-8354–1888–6.

7. Колоколова Д.А. Проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере АПК и предложения по совершенствованию ее регулирования в муниципальном районе / Д.А. Колоколова, О.В. Саратова // Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 73-й национальной научно-практической конференции студентов и магистрантов (Воронеж, 1–31 марта 2022 г.). – Ч. V. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет, 2022. – С. 449–456. EDN MTXWTY.

8. Основы права: с практикумом: учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, А.А. Агешин [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 373 с. ISBN 978–5-406–13285–2. – URL: https://book.ru/book/955241 (дата обращения: 01.07.2025). EDN FJEQON.
9. Полякова А.С. Реализация принципа свободы договора в современном гражданском праве: проблемы и практика заключения договоров sui generis в Российской Федерации / А.С. Полякова // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – №1(18). – С. 55–62.
10. Полынков Д.А. Эволюция принципа свободы договора как основополагающего принципа гражданского права / Д.А. Полынков // Российские исследования. Право и политика. – 2025. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-printsipa-svobody-dogovora-kak-osnovopolagayuschego-printsipa-grazhdanskogo-prava (дата обращения: 08.04.2026).
11. Ситникова А.С. Злоупотребление принципом свободы договора / А.С. Ситникова // Столыпинский вестник. – 2020. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-printsipom-svobody-dogovora (дата обращения: 08.04.2026). EDN TJOOID
12. Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии: монография / Е.Н. Тонков. – СПб.: Алетейя, 2013. – 352 с. ISBN 978–5-91419–932–3. EDN TZQEKR

Полякова Марина Романовна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация: *статья представляет всестороннее исследование принципов справедливости и пропорциональности при назначении мер юридической ответственности за налоговые правонарушения в Российской Федерации. Анализируются теоретические основы принципов в контексте налоговых правоотношений, их нормативное закрепление в Налоговом кодексе РФ, а также вопросы практического применения при определении видов и размеров санкций (включая вопросы вины, соразмерности наказания тяжести деяния и размера ущерба). Исследуются подходы судебных органов к толкованию принципов, выявляются распространённые ошибки и пробелы. Предложены пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики, направленные на обеспечение соответствия мер ответственности характеру и общественной опасности налоговых правонарушений, а также рекомендации по минимизации рисков необоснованного привлечения к ответственности. Цель работы – разработка научно обоснованных предложений по повышению уровня справедливости и пропорциональности в системе налоговых обязательств, укреплению верховенства права и доверия к налоговой системе.*

Ключевые слова: *принцип справедливости, принцип пропорциональности, налоговое законодательство, судебная практика, санкции, вина, соразмерность.*

Сущность принципов справедливости и пропорциональности в налоговом праве.

Судебная власть, реализуя конституционное право граждан и организаций на справедливое правосудие, призвана обеспечивать единство правового пространства и законность в сфере налоговых правоотношений [3].

Одним из фундаментальных принципов, лежащих в основе правосудия и, в частности, правоприменительной деятельности в области налогов, являются принципы справедливости

и пропорциональности [12]. Эти принципы, будучи тесно взаимосвязанными, служат ориентиром для законодателя при определении мер ответственности и для правоприменителя при их назначении.

Принцип справедливости в налоговом праве предполагает, что налоговая политика государства должна быть ориентирована на достижение баланса интересов общества, государства и индивида, обеспечивая равное участие в формировании бюджета [2]. Применительно к ответственности за налоговые правонарушения, справедливость означает, что мера наказания должна соответствовать характеру и тяжести совершенного деяния, а также степени вины правонарушителя. Недопустимо применение чрезмерно суровых санкций, равно как и неоправданно мягких, не достигающих целей предупреждения и восстановления нарушенных прав.

Принцип пропорциональности, являясь развитием принципа справедливости, требует, чтобы применяемая мера ответственности была адекватна преследуемой законной цели. В налоговом праве такими целями выступают обеспечение поступления налогов и сборов в бюджет, пресечение налоговых правонарушений, формирование добросовестного налогового поведения [14]. Пропорциональность означает, что применяемая санкция не должна влечь за собой для налогоплательщика чрезмерных негативных последствий, превышающих достижимый юридический эффект. Например, при назначении штрафа за незначительное нарушение, повлекшее незначительный ущерб бюджету, необходимо учитывать, не приведет ли такой штраф к банкротству индивидуального предпринимателя или малому предприятию [8].

Правовая основа и практика применения принципов справедливости и пропорциональности.

Правовую основу применения принципов справедливости и пропорциональности при назначении мер ответственности за налоговые правонарушения составляют нормы Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [4]. Так, в статье 3 НК РФ закреплен принцип всеобщности и равенства налогообложения, который также тесно связан со справедливостью. Статья 112 НК РФ предусматривает обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, что напрямую влияет на определение размера санкции и, следовательно, на ее соразмерность.

Анализ судебной практики демонстрирует неоднозначный подход к применению принципов справедливости и пропорциональности. В ряде случаев суды, удовлетворяя иски налоговых органов, назначают штрафы, размер которых превышает причиненный ущерб, ссылаясь на буквальное толкование норм законодательства. В других случаях, напротив, суды, руководствуясь принципами справедливости и пропорциональности, снижают размеры штрафов, учитывая смягчающие обстоятельства, отсутствие умысла, незначительность ущерба или тяжелое материальное положение налогоплательщика [11].

Например, при назначении ответственности за неправомерное возмещение НДС, суды анализируют:

– *наличие умысла*: было ли нарушение допущено сознательно с целью незаконного получения возмещения, или же это результат ошибки, добросовестного заблуждения [10];

– *размер причиненного ущерба*: насколько существенной была сумма неправомерно возмещенного налога для бюджета;

– *обстоятельства*, *смягчающие ответственность*: наличие предыдущих нарушений, добросовестное исполнение налоговых обязанностей, активное содействие расследованию, тяжелое финансовое положение [9].

– *соразмерность санкции*: не приведет ли наложенный штраф или иная санкция к невозможности дальнейшей экономической деятельности налогоплательщика.

Проблемы возникают при квалификации действий налогоплательщика, когда необходимо разграничить административную и уголовную ответственность. Например, значительный размер ущерба, причиненный бюджету, может повлечь уголовное преследование по статье 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов), тогда как меньший размер может подпадать под административную ответственность по ст. 15.11 КоАП РФ [7]. Именно здесь принципы

справедливости и пропорциональности должны играть ключевую роль в определении адекватной меры воздействия.

Пути совершенствования применения принципов справедливости и пропорциональности и их значение для налоговой системы.

Для обеспечения более справедливого и пропорционального применения мер ответственности за налоговые правонарушения, представляется целесообразным:

– *совершенствование законодательства*: В НК РФ могли бы быть более детализированы критерии оценки тяжести правонарушения и вины, а также перечень обязательных смягчающих обстоятельств;

– *развитие рекомендательной практики*: Верховному Суду РФ и Высшему Арбитражному Суду РФ (до его упразднения), а также иным высшим судебным инстанциям, целесообразно давать более четкие разъяснения по вопросам применения принципов справедливости и пропорциональности, формируя единообразную судебную практику;

– *повышение квалификации судей и налоговых инспекторов*: специализированное обучение по вопросам применения принципов справедливости и пропорциональности, включая анализ зарубежного опыта [15], будет способствовать повышению качества принимаемых решений;

– *использование риск-ориентированного подхода*: применение современных аналитических инструментов позволит налоговым органам более точно оценивать степень риска умышленного нарушения и, соответственно, более дифференцированно подходить к назначению мер ответственности, не оказывая избыточного давления на добросовестных налогоплательщиков [1].

Применение принципов справедливости и пропорциональности в сфере налоговой ответственности является важнейшим условием построения справедливой и эффективной налоговой системы [13]. Их неукоснительное соблюдение как на законодательном, так и на правоприменительном уровне способствует укреплению доверия между государством и налогоплательщиками [6], стимулирует правомерное поведение и обеспечивает стабильность бюджетных поступлений [5].

Список литературы

1. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. – ISBN 978-5-406-10620-4. – EDN ZFMLLM.

2. Грачева Е.Ю. Налоговое право: учебник для вузов / Е.Ю. Грачева, Э.Д. Соколова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020.

3. Землин А.И. Бюджетное право: схемы и комментарии / А.И. Землин. – М., 2001. – EDN TSGAYR.

4. Землин А.И. Историко-правовые основы противодействия коррупции в системе государственного управления / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Ш.А. Шарипов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №7. – С. 240–243. – EDN WHDMYJ. DOI 10.47643/1815-1337_2025_7_240

5. Землин А.И. Налоговое право: учебник / А.И. Землин – М.: Форум, 2006. – EDN QWNEIB.

6. Землин А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России / А.И. Землин // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. – 2014. – №2. – С. 47–53. – EDN SIAPMB.

7. Землин А.И. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум / А.И. Землин [и др.]. – М.: Юрайт, 2019. – EDN AVALAX.

8. Землин А.И. Теоретико-правовые основы противодействия коррупции при осуществлении коммерческой деятельности / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, А.А. Мкртчян // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №7. – С. 126–130. – EDN CFFXTV. DOI 10.47643/1815-1337_2025_7_126

9. Колоколова Д.А. Полномочия налоговых органов по вопросам изменений в валютном законодательстве в условиях современных реалий / Д.А. Колоколова, Н.В. Малиновская // Аспирантские тетради: сборник научных статей Научно-методического семинара молодых ученых (Воронеж, 18 декабря 2023 года). – Воронеж: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. – С. 72–77. – EDN MHTX. EDN MHTXGK

10. Левшиц Д.Ю. Налоговое мошенничество в зарубежных странах / Д.Ю. Левшиц // Налоги. – 2007. – №6. – С. 15–17. – EDN IJQYVL.

11. Малиновская Н.В. История развития и становления налоговых органов и налоговой системы в Российской Федерации / Н.В. Малиновская, Д.А. Колоколова // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика: материалы 22-й заочной Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 11 апреля 2024 года). – Воронеж: Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2024. – С. 67–73. – EDN AKUUVY.

12. Новая реальность международного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Я.Н. Аду [и др.]. – М.: Норма, 2026. – 268 с. – DOI 10.12737/2192056. – EDN MQRYJL.

13. Правовое регулирование государственной службы: с практикумом: учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 175 с. – ISBN 978-5-406-12337-9. – URL: https://book.ru/book/951504. – EDN VBONKD.

14. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / И.В. Мишуткин, А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – М.: Юрайт, 2022. – 194 с. – EDN DTUNKH.

15. Холиков И.В. Сущностные конструкты риска и особенности его функционирования в международном праве / И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, №12. – С. 149–171. – DOI 10.61205/S160565900030994-7. – EDN FCYPDJ.

Попов Игорь Алексеевич
студент

Научный руководитель
Левшиц Дмитрий Юрьевич
канд. юрид. наук, декан

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168593

ОБУЧЕНИЕ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В МЧС РОССИИ

Аннотация: *в статье исследуется роль обучения и повышения квалификации сотрудников МЧС России как механизма минимизации коррупционных рисков. На основе анализа нормативных правовых актов (Федеральный закон №273-ФЗ, Национальный план противодействия коррупции, Приказ МЧС России №1071 от 03.12.2024) и ведомственных документов рассмотрены теоретические основы влияния образовательных программ на коррупционное поведение через когнитивный, поведенческий и этический каналы. Проанализирована организационная структура обучения (первичное обучение, периодическое повышение квалификации, семинары, консультирование, дистанционное обучение). Выделены и систематизированы четыре группы факторов, снижающих эффективность антикоррупционного обучения: организационные (формальный характер, отсутствие дифференциации), содержательные (преобладание общей правовой информации), кадровые (низкая мотивация, отсутствие связи результатов обучения с кадровыми решениями) и институциональные (рекомендательный характер требований). Сделан вывод, что эффективность обучения остаётся ограниченной вследствие преобладания пассивных форм, отсутствия систематической оценки результативности и недостаточной интеграции с кадровыми механизмами. Предложены направления совершенствования системы.*

Ключевые слова: *коррупция, риск, МЧС России, антикоррупционное обучение, повышение квалификации, кадровые механизмы, образовательные программы.*

В научной литературе и нормативных правовых актах коррупционные риски определяются как вероятность возникновения условий, при которых должностное лицо может использовать свои служебные полномочия в целях получения личной выгоды в ущерб законным интересам общества и государства. Обучение и повышение квалификации как механизм минимизации

коррупционных рисков ориентировано преимущественно на кадровую составляющую, однако при определенных условиях способно воздействовать и на иные группы рисков через формирование у сотрудников устойчивых антикоррупционных установок и компетенций [3, с. 148].

Основные аспекты обучения и повышения квалификации, как способ минимизации коррупционных рисков.

В контексте противодействия коррупции указанные образовательные мероприятия могут принимать различные формы: первичное антикоррупционное обучение при поступлении на службу, периодическое повышение квалификации по программам в области противодействия коррупции, тематические семинары и круглые столы, индивидуальное консультирование, а также дистанционное обучение с использованием электронных образовательных ресурсов [8, с. 290]. В числе рекомендуемых форм антикоррупционного обучения федеральных государственных служащих – ежегодное ознакомление сотрудников под роспись с нормативными документами, проведение обучающих мероприятий по вопросам профилактики и противодействия коррупции, а также индивидуальное консультирование работников по вопросам применения антикоррупционных стандартов и процедур.

Целевыми ориентирами антикоррупционного обучения выступают три взаимосвязанных результата: информирование, формирование компетенций и этическая социализация. Информирование предполагает доведение до сотрудников содержания основных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции, включая установленные запреты, ограничения и обязанности, а также меры ответственности за их нарушение. Формирование компетенций направлено на выработку у служащих способности распознавать коррупционно опасные ситуации, применять механизмы предотвращения и урегулирования конфликта интересов, а также действовать в соответствии с антикоррупционными стандартами при выполнении служебных задач [5, с. 290]. Этическая социализация, в свою очередь, предполагает усвоение сотрудниками системы ценностей, исключающих коррупционное поведение как приемлемый способ достижения служебных или личных целей [9, с. 107]. Указанные цели не являются взаимоисключающими, напротив, они дополняют друг друга, образуя комплексный механизм воздействия на коррупционное поведение через когнитивный, поведенческий и ценностный каналы.

Механизмы влияния образовательных программ на коррупционное поведение могут быть классифицированы по характеру воздействия. Когнитивные механизмы связаны с повышением уровня правовой грамотности и осведомленности сотрудников о коррупционных рисках, присущих их должностным обязанностям. Чем выше информированность служащего о конкретных коррупционных схемах, характерных для его сферы деятельности, и о правовых последствиях участия в них, тем ниже вероятность вовлечения в коррупционные отношения при прочих равных условиях. Поведенческие механизмы предполагают отработку алгоритмов действий в типовых коррупционно опасных ситуациях. Этические механизмы направлены на формирование внутреннего неприятия коррупции как недопустимого способа поведения, что может быть достигнуто через обсуждение этических дилемм, анализ кейсов из практики и формирование профессиональной идентичности, несовместимой с коррупционными практиками. В совокупности указанные механизмы способны оказывать значимое влияние на коррупционное поведение, однако их эффективность существенно зависит от качества образовательных программ, их соответствия должностным категориям слушателей и наличия механизмов оценки результативности обучения.

Нормативно-правовые основы антикоррупционного обучения.

Нормативно-правовое регулирование антикоррупционного обучения в системе государственной службы Российской Федерации основывается на ряде федеральных законов и подзаконных актов. Такая подготовка рекомендована как часть профессионального развития служащих. Рекомендуется руководителям органов государственной власти и местного самоуправления организовать обучение работников, замещающих должности, связанные с коррупционными рисками, по дополнительным профессиональным программам в области противодействия коррупции.

Важным элементом нормативного регулирования антикоррупционного обучения стали типовые дополнительные профессиональные программы повышения квалификации, в частности: «Основы профилактики коррупции», «Функции подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений», «Предупреждение коррупции в организациях», «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов».

Наряду с федеральными актами значительную роль в регулировании антикоррупционного обучения в МЧС России играют ведомственные нормативные правовые акты. Ключевым документом является Приказ МЧС России от 3 декабря 2024 г. №1071 «Об утверждении Плана противодействия коррупции в системе МЧС России на 2025–2030 годы» [1, с. 1]. В рамках реализации указанного Плана организуется и антикоррупционное обучение сотрудников, однако конкретные формы, периодичность и содержание такого обучения в открытом доступе представлены фрагментарно.

Организационная структура обучения и повышения квалификации сотрудников МЧС России включает несколько уровней. На федеральном уровне ключевую роль играют образовательные организации высшего образования, находящиеся в ведении МЧС России, а также ведомственные институты повышения квалификации.

Периодичность и порядок прохождения антикоррупционного обучения различными категориями сотрудников МЧС России в нормативных документах прямо не унифицированы. Из анализа ведомственных актов и практики их применения следует, что обучение проводится преимущественно в рамках планов повышения квалификации, а также в форме ежегодных антикоррупционных совещаний и инструктивных занятий. При этом дифференциация программ по должностным категориям и уровням коррупционных рисков выражена недостаточно.

Проблемные вопросы антикоррупционного обучения.

Антикоррупционное обучение сотрудников МЧС России, несмотря на наличие нормативной базы и сложившейся системы образовательных мероприятий, сталкивается с рядом факторов, существенно снижающих его потенциальную эффективность [10, с. 104] Выявление и анализ указанных факторов необходимы для последующей разработки мер по совершенствованию системы обучения в целях реальной минимизации коррупционных рисков. В настоящей главе выделяются и анализируются четыре группы таких факторов: организационные, содержательные, кадровые и институциональные.

Организационные факторы, снижающие эффективность обучения, связаны прежде всего с формальным характером проводимых мероприятий и отсутствием дифференциации образовательных программ по должностным группам и уровням коррупционных рисков [2, с. 3].

Содержательные факторы выражаются в преобладании общей правовой информации над ситуационными и практическими модулями, а также в недостаточной интеграции анализа конкретных коррупционных схем в учебные программы. Как показывают исследования, посвященные формированию антикоррупционного поведения у курсантов и студентов высших учебных заведений МЧС России, для повышения эффективности образовательного процесса необходимо внедрение комплексного подхода, включающего не только правовое информирование, но и формирование ценностно-нравственных установок [4, с. 17].

Кадровые факторы связаны с низкой мотивацией сотрудников к обучению и отсутствием механизмов оценки изменения поведения после обучения. Проблема заключается в том, что прохождение антикоррупционного обучения зачастую воспринимается сотрудниками как формальная обязанность, не имеющая реальных последствий для их служебного положения, карьерного продвижения или оценки эффективности деятельности. При отсутствии системы, увязывающей результаты обучения с кадровыми решениями, у сотрудников снижается внутренняя мотивация к усвоению материала и его применению на практике [6, с. 17].

В ряде территориальных подразделений МЧС России проводятся мероприятия по контролю знаний антикоррупционного законодательства. Устанавливается перечень правовых актов в сфере противодействия коррупции, обязательных для ознакомления лицами, поступающими на государственную службу, и федеральными государственными служащими, а также форма листа беседы по вопросам соблюдения законодательства и уголовной ответственности за преступления против государственной власти [7, с. 37] Данный документ

фиксирует минимальный объем антикоррупционного информирования, обязательного для сотрудников столичного главка. Однако ознакомление с перечнем актов и проведение беседы представляют собой пассивные формы обучения, эффективность которых в формировании антикоррупционного поведения является ограниченной.

Следует отметить отсутствие в открытых источниках систематизированных ведомственных данных, позволяющих установить корреляцию между этими переменными.

Таким образом, проведенное исследование показало, что обучение и повышение квалификации сотрудников МЧС России в области противодействия коррупции теоретически способны минимизировать коррупционные риски через формирование правовых знаний, поведенческих компетенций и этических установок. Однако анализ нормативно-правовой базы выявил преимущественно рекомендательный характер требований к антикоррупционному обучению и отсутствие унифицированных ведомственных стандартов. Эмпирические данные свидетельствуют о формальном присутствии обучения в системе МЧС России: разработаны программы повышения квалификации, проводятся тестирования и ознакомительные мероприятия. Вместе с тем масштаб охвата ограничен, преобладают пассивные формы обучения (лекции, беседы, ознакомление с документами), а систематическая оценка эффективности отсутствует. Сохраняющийся уровень коррупционных правонарушений в МЧС России при наличии формальной системы антикоррупционного обучения указывает на то, что в текущем виде обучение не в полной мере выполняет функцию минимизации коррупционных рисков.

Список литературы

1. Приказ МЧС России «Об утверждении Плана противодействия коррупции в системе МЧС России на 2025–2030 годы» №1071 от 03.12.2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_492915/ (дата обращения: 01.07.2026).

2. Приказ МЧС России «Об утверждении карты коррупционных рисков и мер по их минимизации при осуществлении надзорных и контрольных функций, отнесенных к компетенции Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» №332 от 11.04.2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455324/ (дата обращения: 01.07.2026).

3. Амиантова И.С. Противодействие коррупции: учебник для вузов / И.С. Амиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 148 с.URL: https://urait.ru/bcode/567311 (дата обращения: 19.06.2026).

4. Бабушкин Д.О. Современные способы борьбы с коррупцией на государственной службе / Д.О. Бабушкин // Материалы XXIX региональной конференции молодых ученых и исследователей Волгоградской области: сборник статей молодых ученых. – Волгоград: РАНХиГС, 2025. – С. 16–18. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82307263 (дата обращения: 10.07.2026). EDN QGUIUE

5. Ванновская О.В. Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография / О.В. Ванновская. – 2-е изд., стер. – М.: Юрайт, 2025. – 251 с. – URL: https://urait.ru/bcode/562845 (дата обращения: 12.07.2026).

6. Актуальные проблемы правового обеспечения профессиональной деятельности: учебник / А.И. Землин, С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц. – М., 2020. EDN QHGYPM

7. Землин А.И. К вопросу о некоторых деформациях системы предупреждения коррупции и направлениях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.И. Землин, Р.Ф. Идрисов // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2018. – №4. – С. 32–45. EDN YSGERN

8. Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 290 с. – URL: https://book.ru/book/951503 (дата обращения: 07.07.2026).

9. Костина Т.В. Повышение правовой культуры граждан как фактор противодействия коррупции / Т.В. Костина // Актуальные вопросы противодействия коррупции: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием совместно с Гродненским государственным университетом имени Янки Купалы. – Белгород, 2025. – С. 106–111. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80672602 (дата обращения: 11.07.2026). EDN AOCGXC

10. Колесниченко К.Е. Причины и условия коррупционной преступности / К.Е. Колесниченко, Л.В. Готчина // Актуальные вопросы противодействия коррупции: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием совместно с Гродненским государственным университетом имени Янки Купалы. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2025. – С. 102–105. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80672921 (дата обращения: 11.07.2026). EDN TQSUUK

Попова Екатерина Алексеевна
студентка

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168594

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ КОРРУПЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЧС РОССИИ

Аннотация: *в статье исследуются факторы, способствующие коррупции в деятельности МЧС России. На основе комплексного анализа нормативных правовых актов, судебной практики за 2019–2024 гг. и ведомственных антикоррупционных документов выделены и систематизированы четыре группы факторов: институциональные (совмещение контрольно-надзорных и разрешительных функций, дискреционные полномочия, отсутствие эффективного внешнего контроля), процедурные (многоступенчатость административных процедур, отсутствие чётких временных регламентов, недостаточная цифровизация), ресурсные (высокая концентрация госзакупок, непрозрачность ценообразования) и кадровые (низкая ротация персонала, недостаточное материальное стимулирование на коррупционно опасных должностях, длительный период профессиональной социализации). Предложены направления минимизации факторов: функциональное разделение надзорных и разрешительных полномочий, автоматизированные регламенты выдачи лицензий, повышение прозрачности закупок, обязательная ротация кадров (3–5 лет), усиление внешнего мониторинга. Сделан вывод о системном характере коррупции в ведомстве и необходимости комплексного подхода в рамках Плана противодействия коррупции в системе МЧС России на 2025–2030 годы.*

Ключевые слова: *коррупция, МЧС России, профилактика коррупции, государственное управление, коррупционное проявление, коррупциогенный фактор, контрольно-надзорная функция.*

В юридической науке и законодательстве Российской Федерации коррупция определяется как многоплановое социально-правовое явление, включающее злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, коммерческий подкуп и иное незаконное использование должностным лицом своих полномочий в целях получения выгоды. Определение коррупции содержится в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3, с. 145].

Коррупциогенные факторы в МЧС России.

Применительно к деятельности контрольно-надзорных и обеспечительных государственных органов в МЧС России коррупция приобретает специфические черты.

В МЧС России к указанным функциям относятся: осуществление государственного пожарного надзора, лицензирование деятельности по тушению пожаров в населенных пунктах, на производственных объектах и объектах инфраструктуры, аттестация аварийно-спасательных служб и спасателей, организация закупок специальной техники, оборудования и услуг для нужд ведомства, выдача разрешений на применение пожаровзрывоопасных веществ и материалов, проведение экспертизы проектной документации в части соблюдения требований пожарной безопасности [4, с. 432].

В рамках разрешительных процедур коррупционные схемы могут проявляться в ускорении (или необоснованном замедлении) выдачи лицензий и разрешений за вознаграждение, в

принятии решений о выдаче лицензии при отсутствии необходимых условий безопасности, в игнорировании установленных административных регламентов. В сфере контрольных процедур коррупция может выражаться в составлении заведомо недостоверных актов проверки, в сокрытии выявленных нарушений, в снижении суммы административного штрафа или замене его предупреждением за вознаграждение.

Классификация коррупциогенных факторов.

В рамках настоящего исследования представляется обоснованным выделение следующих групп факторов, способствующих коррупции в государственных органах.

Институциональные факторы – обусловлены особенностями правового регулирования и сложившейся системой норм и правил, определяющих порядок осуществления государственных функций. К данной группе относятся: нечеткость и противоречивость нормативных предписаний, наличие у должностных лиц дискреционных полномочий, отсутствие эффективных механизмов внешнего контроля; низкий уровень санкций за коррупционные правонарушения.

Процедурные факторы – связаны с порядком реализации государственных функций и предоставления государственных услуг. К ним относятся: многоступенчатость и длительность административных процедур, дублирование функций различными подразделениями, отсутствие четких временных регламентов, низкий уровень автоматизации и цифровизации процедур.

Ресурсные факторы – обусловлены распределением и использованием материальных, финансовых и иных ресурсов. К данной группе относятся: высокая концентрация государственных закупок, непрозрачность механизмов ценообразования, дефицит бюджетного финансирования, создающий стимулы к получению неформальных доходов, неравномерное распределение ресурсов между подразделениями.

Кадровые факторы – связаны с характеристиками сотрудников. К ним относятся: низкая ротация кадров на коррупционно опасных должностях, длительный период профессиональной социализации, в ходе которого могут формироваться неформальные нормы поведения, отсутствие эффективных механизмов отбора и оценки персонала, недостаточный уровень материального обеспечения, снижающий стимулы к добросовестному исполнению обязанностей.

Ключевым документом является Приказ МЧС России от 3 декабря 2024 г. №1071 «Об утверждении Плана противодействия коррупции в системе МЧС России на 2025–2030 годы» [1, с. 2]. План включает следующие основные направления: повышение эффективности механизмов урегулирования конфликта интересов, обеспечение соблюдения должностными лицами МЧС России ограничений, запретов и принципов служебного поведения, обеспечение функционирования комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, ежегодное проведение антикоррупционных совещаний, проведение проверок территориальных органов МЧС России на предмет соблюдения антикоррупционных требований.

План направлен на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов МЧС России, осуществление контроля за соблюдением установленных запретов и ограничений, проведение служебных проверок по фактам коррупционных проявлений, обеспечение взаимодействия с правоохранительными органами, организацию антикоррупционного просвещения и обучения сотрудников.

Преступления, связанные с коррупцией в МЧС России, обладают высокой латентностью. Указанная латентность отчасти обусловлена недостатками правового регулирования, в частности отсутствием эффективных механизмов выявления коррупционных схем на ранних стадиях.

Организационно-управленческие факторы занимают центральное место в структуре причин коррупции в МЧС России. Ключевым из них является совмещение в одном органе и, зачастую, в полномочиях одного должностного лица контрольно-надзорных и разрешительных функций. Приказом МЧС России от 11 апреля 2023 г. №332 утверждена карта коррупционных рисков МЧС России и мер по их минимизации при осуществлении надзорных и

контрольных функций, что свидетельствует о признании ведомством наличия указанной проблемы на институциональном уровне. Однако, как показывает практика, наличие формальных механизмов оценки рисков не исключает их реализации [2, с. 2].

Значимым организационно-управленческим фактором выступает также наличие дискреционных полномочий у должностных лиц при проведении проверок и принятии решений о применении мер административного воздействия. Широкий диапазон возможных санкций создает условия для злоупотреблений. Процедура аттестации аварийно-спасательных служб, порядок которой устанавливается Правительством РФ, содержит коррупционные риски, связанные с возможностью неформального влияния на решения аттестационных комиссий. Как указывается в публикациях, отдельными должностными лицами МЧС разрабатывались способы обхода установленных запретов при выдаче свидетельств об аттестации на право ведения аварийно-спасательных работ, в том числе посредством внесения в бланки свидетельств дополнительных сведений, не предусмотренных утвержденной формой [6, с. 45].

Экономические факторы коррупции в деятельности МЧС России связаны прежде всего с высокой концентрацией государственных закупок и непрозрачностью механизмов ценообразования. Согласно карте коррупционных рисков, возникающих при осуществлении закупок для нужд МЧС России, к числу основных коррупционных рисков на этапе планирования закупок относятся использование при расчете НМЦК заведомо завышенных ценовых предложений поставщиков [5, с. 56].

Кадровые факторы коррупции связаны с характеристиками сотрудников, занимающих должности в системе МЧС России. К числу наиболее значимых из них относятся низкая ротация кадров на коррупционно опасных должностях и длительный период профессиональной социализации в служебной среде.

Значимым кадровым фактором выступает также недостаточный уровень финансового обеспечения отдельных категорий сотрудников. Дефицит бюджетного финансирования создает стимулы к получению неформальных доходов. При этом следует подчеркнуть, что низкий уровень оплаты труда сам по себе не является прямой причиной коррупции, однако в сочетании с другими факторами он может выступать в качестве значимого условия, способствующего коррупционному поведению.

К числу кадровых факторов относится также низкая эффективность механизмов отбора и оценки персонала. В перечне функций МЧС России, при реализации которых наиболее вероятно возникновение коррупционных рисков, указана, в частности, организация и осуществление предоставления государственных услуг гражданам и организациям, включая лицензирование отдельных видов деятельности и выдачу разрешений на отдельные виды работ.

Недостаточная цифровизация разрешительных и контрольных процедур также выступает в качестве информационного фактора, способствующего коррупции.

Проведенный анализ позволяет заключить, что факторы, способствующие коррупции в деятельности МЧС России, носят системный характер и не могут быть сведены исключительно к личностным качествам отдельных сотрудников. Организационно-управленческие, экономические, кадровые и информационные факторы находятся в сложном взаимодействии, взаимно усиливая друг друга.

Основные направления минимизации коррупциогенных факторов.

Направлениями минимизации выявленных факторов является:

− разделение надзорных и разрешительных функций внутри ведомства (в целях снижения указанных рисков представляется целесообразным создание независимых структурных подразделений, осуществляющих исключительно разрешительные функции, и подразделений, ответственных за контроль и надзор);

− внедрение автоматизированных регламентов выдачи лицензий и регистрации деклараций;

− повышение прозрачности закупочных процедур, включая закупки, осуществляемые в условиях чрезвычайных ситуаций;

− развитие механизмов внутреннего аудита и обязательной ротации кадров на коррупционно опасных должностях [9, с. 75];

− цифровизация контрольно-надзорных процедур, направленная на минимизацию непосредственного контакта инспектора с контролируемым лицо (необходимо закрепить использование мобильного приложения «Инспектор» и видеоконференцсвязи для проведения профилактических визитов, выездных проверок, рейдовых осмотров, а также опросов и осмотров. Однако, как справедливо отмечается, данный сервис не способен полностью заменить инспектора, поскольку помехи в связи и неподходящее техническое устройство могут стать препятствием для его использования) [7, с. 40];

− усиление внешнего независимого мониторинга деятельности МЧС России (в целях минимизации указанного фактора представляется обоснованным создание общественного совета при МЧС России с правом аудита экстренных закупок и анализа результатов контрольных мероприятий) [8, с. 230].

Таким образом, реализация указанных направлений требует комплексного подхода и не может быть сведена к отдельным организационно-распорядительным мерам. Приоритетными направлениями дальнейшего совершенствования антикоррупционной деятельности МЧС России являются функциональное разделение надзорных и разрешительных полномочий, автоматизация разрешительных процедур, централизация контроля за закупочной деятельностью и внедрение обязательной ротации кадров на коррупционно опасных должностях [10, с. 104].

Список литературы

1. Приказ МЧС России «Об утверждении Плана противодействия коррупции в системе МЧС России на 2025–2030 годы» №1071 от 03.12.2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_492915/ (дата обращения: 01.07.2026).

2. Приказ МЧС России «Об утверждении карты коррупционных рисков и мер по их минимизации при осуществлении надзорных и контрольных функций, отнесенных к компетенции Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» №332 от 11.04.2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455324/ (дата обращения: 01.07.2026).

3. Аванесян Н.Л. Национальные концепции создания и функционирования электронного правительства / Н.Л. Аванесян // материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – М.: Мир науки, 2016. – С. 143–151. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27562892 (дата обращения: 19.06.2026). EDN XFEDCH

4. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. EDN ZFMLLM

5. Землин А.И. Актуальные проблемы правового обеспечения профессиональной деятельности: учебник / А.И. Землин, С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц. – М., 2020. EDN QHGYPM

6. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум / А.И. Землин, С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: Юрайт, 2019. EDN AVALAX

7. Землин А.И. К вопросу о некоторых деформациях системы предупреждения коррупции и направлениях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.И. Землин, Р.Ф. Идрисов // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2018. – №4. – С. 32–45. EDN YSGERN

8. Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 290 с. – URL: https://book.ru/book/951503 (дата обращения: 07.07.2026).

9. Куракин А.В. Противодействие коррупции посредством применения мер дисциплинарного характера: учебник для вузов / А.В. Куракин, В.Г. Коврова. – М.: Юрайт, 2025. – 90 с. – URL: https://urait.ru/bcode/567419 (дата обращения: 18.06.2026).

10. Колесниченко К.Е. Причины и условия коррупционной преступности / К.Е. Колесниченко, Л.В. Готчина // Актуальные вопросы противодействия коррупции: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием совместно с Гродненским государственным университетом имени Янки Купалы. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2025. – С. 102–105. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80672921 (дата обращения: 18.06.2026). EDN TQSUUK

Приступа Софья Владимировна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЧЛЕНОВ НЕКОММЕРЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА ПРИ ЕГО ЛИКВИДАЦИИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ И СУДЕБНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ

Аннотация: *в статье исследуются особенности защиты имущественных прав членов некоммерческого партнерства на стадии его ликвидации в условиях неоднозначного правового регулирования и противоречивой судебной практики. Цель работы – выявление проблем правоприменения и формирование подходов к эффективной защите имущественных интересов участников. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ судебных актов и правовых позиций высших судебных инстанций. Особое внимание уделено определению состава ликвидационной массы, допустимости возврата членских взносов и очередности удовлетворения требований членов партнерства. Выявлены ключевые противоречия в судебных толкованиях, связанные с правовой природой членских прав и их трансформацией в имущественные требования. Обоснована необходимость уточнения законодательных положений и выработки единообразных подходов в судебной практике.*

Ключевые слова: *некоммерческое партнерство, ликвидация, имущественные права, членские взносы, судебная практика, ликвидационная масса, защита прав.*

Актуальность темы исследования обусловлена несовершенством правового регулирования ликвидации некоммерческих партнёрств, в частности порядка и условий удовлетворения имущественных требований их членов. Правовая природа членства в некоммерческом партнёрстве сочетает в себе корпоративные и обязательственные элементы, что на стадии прекращения деятельности организации порождает коллизии между нормами Гражданского кодекса РФ, Федерального закона «О некоммерческих организациях» и сложившейся правоприменительной практикой. Особую остроту приобретают вопросы определения состава ликвидационной массы, допустимости возврата членских взносов, а также очередности удовлетворения требований членов партнёрства по отношению к кредиторам третьей очереди. Противоречивость судебных толкований, включая позиции высших судебных инстанций, затрудняет эффективную защиту имущественных прав заинтересованных лиц и требует системного научного осмысления.

В соответствии со ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) юридическим лицом признаётся организация, которая, во-первых, имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, во-вторых, отвечает по своим обязательствам этим имуществом, в-третьих, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, и, в-четвёртых, может быть истцом и ответчиком в суде. В основе разделения лиц на коммерческие и некоммерческие организации лежит цель деятельности. Коммерческие организации, по их замыслу, должны иметь целью достижение прибыли, некоммерческие – достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, охрану здоровья граждан, развитие физической культуры и спорта, удовлетворение духовных

и иных нематериальных потребностей граждан, защиту прав, законных интересов граждан и организаций, разрешение споров и конфликтов, оказание юридической помощи, достижение иных общественных благ. Разделив организационно-правовые формы юридических лиц по целям, законодатель оставил без внимания средства их достижения, поэтому легитимировалось занятие некоммерческими организациями предпринимательской деятельностью в любом размере, главное – не распределять прибыль. Ситуация усугубилась разрешением создавать юридические лица в формах, вводимых после вступления в действие части первой ГК РФ иными федеральными законами. Поэтому к настоящему времени их перечень перевалил за десяток, причём некоторые из них по конструкции мало отличаются друг от друга.

Целью настоящей статьи является выявление основных правоприменительных проблем в сфере защиты имущественных прав членов некоммерческого партнёрства при его ликвидации и формирование на этой основе научно обоснованных подходов к обеспечению эффективной защиты их имущественных интересов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

− проанализировать правовую природу имущественных прав членов некоммерческого партнёрства и их трансформацию в денежное требование в процессе ликвидации;

− исследовать судебную практику по спорам, связанным с возвратом членских взносов и распределением ликвидационного остатка;

− выявить ключевые противоречия в толковании норм, регулирующих очередность удовлетворения имущественных требований членов партнёрства;

− обосновать предложения по уточнению законодательства и формированию единообразных подходов в судебном правоприменении.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также метод анализа судебных актов и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. Применение указанных методов позволило обеспечить всестороннее изучение нормативного материала и правоприменительной практики, выявить существующие коллизии и выработать практические рекомендации по совершенствованию механизма защиты имущественных прав членов некоммерческого партнёрства на стадии его ликвидации.

1. Понятие имущественных прав членов некоммерческих партнёрств.

Итак, в настоящее время юридическое лицо, которое создаётся для достижения непредпринимательских целей, может быть организовано в следующих формах, установленных ГК РФ:

− потребительский кооператив (в форме потребительских обществ, жилищных, жилищно-строительных, гаражных, гаражно-строительных кооперативов, садоводческих обществ, обществ взаимного страхования, кредитных товариществ и т. д.);

− общественные и религиозные организации (объединения);

− фонд;

− учреждение;

− ассоциация;

− союз.

Иными федеральными законами были введены: некоммерческое партнёрство; автономная некоммерческая организация; государственная корпорация; товарищество собственников жилья; товарная биржа; торгово-промышленная палата; другие, которые, по мнению отдельных учёных, выступают в качестве самостоятельных организационно-правовых форм, например коллегии адвокатов [1].

В рамках российского правопорядка имущественные права членов некоммерческого партнёрства представляют собой совокупность обязательственных прав, возникающих из участия (членства) в этой корпоративной некоммерческой организации. Согласно Федеральному закону от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [1], к таким правам относится, прежде всего, право на получение части имущества партнёрства (или его стоимости)

при выходе из состава членов либо при ликвидации организации. Размер причитающейся доли ограничен стоимостью имущества, переданного членом в собственность партнёрства (вступительных и целевых взносов, иного имущества), если иной порядок не установлен федеральным законом или уставом [2]. Данное право имеет имущественный характер: оно не предоставляет члену вещных прав на конкретные активы, но даёт право требования к партнёрству при наступлении указанных юридических фактов. В научной и методической литературе подчёркивается, что членские взносы формируют обособленное имущество партнёрства, а член сохраняет лишь обязательственно-правовую связь, которая трансформируется в ликвидационную квоту [3].

Защита имущественных прав членов при ликвидации партнёрства необходима, поскольку именно на этой стадии происходит окончательное прекращение организации и распределение её активов. Без должной защиты члены рискуют утратить стоимость переданных взносов – например, из-за недобросовестных действий ликвидационной комиссии, иных членов или вследствие предпочтительного удовлетворения требований кредиторов, которые в норме должны погашаться в первую очередь. Гарантии справедливого распределения остаточного имущества вытекают из принципов неприкосновенности собственности, добросовестности и запрета неосновательного обогащения (ст. 35 Конституции РФ, ст. 1, 10, 1102 ГК РФ). Кроме того, законодательное закрепление ликвидационной квоты (п. 3 ст. 20 Закона №7-ФЗ) придаёт имущественным правам членов качество охраняемого законом интереса, что позволяет обжаловать неправомерные действия при ликвидации и требовать восстановления нарушенного права. Таким образом, защита этих прав выступает необходимым элементом стабильности гражданского оборота и доверия к некоммерческим организационно-правовым формам.

В судебной практике и доктрине возникает ряд вопросов, касающихся содержания и реализации рассматриваемых прав, а также сформировались следующие значимые толкования.

2. Правовая природа имущественных прав членов.

Суды последовательно признают их имущественными правами обязательственного типа, подлежащими защите наравне с иными гражданскими правами. Например, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29.05.2012 №9 «О судебной практике по делам о наследовании» (п. 68) разъяснил, что в состав наследства включаются права наследодателя, вытекающие из членства в некоммерческих партнёрствах, в том числе право на получение денежных сумм или иного имущества, причитавшегося ему при выходе или ликвидации. Тем самым подтверждён экономический характер этого права и его оборотоспособность в рамках универсального правопреемства.

В отличие от организационных правомочий (участие в управлении), право на ликвидационную квоту, как правило, неотчуждаемо путём сделок между живыми лицами, поскольку тесно связано с личностью члена и не может быть уступлено отдельно от статуса – если только устав не предусмотрит иное. Суды исходят из того, что само членство в некоммерческом партнёрстве не допускает замены лица без согласия остальных членов (п. 3 ст. 8 Закона №7-ФЗ), соответственно, и имущественное притязание не может быть оторвано от членства до наступления юридического факта (выхода или ликвидации).

При возникновении споров о размере причитающейся доли суды анализируют стоимость переданных взносов на момент их внесения, однако если устав связывает размер выплаты с рыночной стоимостью на дату расчёта, применяется последняя. Практика Конституционного Суда РФ ориентирует на то, что порядок определения доли должен быть ясным и исключать произвол, обеспечивая конституционно-правовую защиту имущественных прав (см., напр., Определение КС РФ от 03.07.2007 №681-О-П).

В деле о несостоятельности (банкротстве) некоммерческого партнёрства требования членов, вытекающие из их участия, носят не текущий характер и удовлетворяются после полного расчёта с кредиторами, то есть фактически являются замыкающими. Судебные разъяснения подчёркивают, что члены не вправе конкурировать с независимыми кредиторами,

поскольку их волеизъявление на создание организации предполагает принятие риска утраты взносов при недостаточности имущества.

Члены вправе оспаривать действия ликвидационной комиссии, если она, например, преждевременно распределила имущество, нарушила пропорции или необоснованно отказала в выплате. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 №62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» были сформулированы подходы, применимые и к ликвидаторам некоммерческих партнёрств, допускающие взыскание убытков в пользу организации, а после её ликвидации – непосредственно в пользу бывших членов (при определённых условиях).

Таким образом, имущественные права членов некоммерческого партнёрства гарантированы как на уровне специального законодательства, так и через общегражданские механизмы защиты, а их сущностные характеристики уточнены правоприменительной практикой, что обеспечивает баланс интересов членов, кредиторов и публичного порядка при прекращении деятельности партнёрства.

В рамках научного анализа имущественных отношений, складывающихся при прекращении корпоративных некоммерческих организаций, необходимо прежде всего определить ключевые понятия: ликвидация и имущественные права членов некоммерческого партнёрства. Ликвидация представляет собой установленную законом процедуру прекращения юридического лица без перехода его прав и обязанностей в порядке универсального правопреемства к другим лицам (ст. 61 ГК РФ). В отношении некоммерческого партнёрства она осуществляется по общим правилам статей 61–64 Гражданского кодекса с учётом специальных положений, закреплённых в статьях 18–20 Федерального закона от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Имущественные права члена партнёрства, в свою очередь, суть обязательственные требования, производные от статуса участия (членства). Они не дают члену вещных прав на конкретное имущество организации, но порождают право на получение стоимости имущества, переданного в собственность партнёрства, при выходе из его состава либо при ликвидации, после завершения расчётов с кредиторами.

Объём указанных прав очерчен пунктом 3 статьи 8 и пунктом 3 статьи 20 Закона №7-ФЗ. Член вправе претендовать на часть имущества партнёрства, равную стоимости внесённого им вклада (вступительного или дополнительного имущественного взноса), если иное не предусмотрено федеральным законом или уставом, причём членские взносы возврату не подлежат. Кроме того, член наделён правом на получение ликвидационной квоты – части остаточного имущества, распределяемого после удовлетворения требований всех кредиторов. Процедурные гарантии включают право участвовать в работе ликвидационной комиссии, знакомиться с промежуточным и окончательным ликвидационными балансами, а также оспаривать действия комиссии в случае нарушения очерёдности, объёмов или принципов распределения активов, в том числе требовать возмещения убытков, причинённых такими нарушениями.

Судебная практика конкретизирует содержание и пределы защиты данных прав, предлагая наглядные примеры разрешения споров. Показательным является Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2018 г. №305-ЭС18–13067 по делу № А40–134467/2017. Бывший член саморегулируемой организации, созданной в организационно-правовой форме некоммерческого партнёрства, после начала добровольной ликвидации организации потребовал возврата денежных средств, ранее внесённых им в компенсационный фонд. Суды трёх инстанций, а впоследствии и Верховный Суд, отказали в иске, указав, что компенсационный фонд имеет строго целевое назначение, обособлен от иного имущества партнёрства и не может рассматриваться в качестве актива, подлежащего распределению между членами при ликвидации. Данная позиция подтвердила, что имущественный интерес члена не охватывает средства целевых фондов, правовой режим которых принудительно исключает их из состава ликвидационной массы.

Другой значимый аспект – необходимость своевременного и надлежащего заявления требований – иллюстрирует Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 апреля 2017 г. по делу № А56–64414/2016. Член партнёрства, не предъявивший своё требование к ликвидационной комиссии в установленный двухмесячный срок с момента публикации о ликвидации, после исключения организации из Единого государственного реестра юридических лиц обратился с иском о взыскании стоимости внесённого им целевого взноса. Суд округа, оставляя без удовлетворения кассационную жалобу истца, указал, что прекращение правоспособности ликвидированного партнёрства влечёт необратимое прекращение всех обязательственных прав, в том числе права на получение имущества, не заявленного до завершения ликвидационной процедуры, за исключением случаев, когда будет доказана недобросовестность ликвидатора, скрывшего наличие кредиторской задолженности.

Список литературы

1. Конькова С.В. Правовое обеспечение оценки имущественного комплекса предприятий / С.В. Конькова, С.А. Анисимов, Д.Ю. Левшиц // Теория и практика современной юридической науки. – Самара, 2017. – С. 34–37. EDN YNQGCX

2. Бондаренко Н.Л. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – №4. – С. 11–28. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28. EDN WVAKDT

3. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. EDN OGDKWH

4. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – №6. – С. 54–62. EDN NPKRTA

5. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко, А.Г. Костенко // Право.by. – 2022. – №6. – С. 31–45. EDN HLDLVT

6. Казакова И.А. К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №1(217). – С. 181–184.

7. Казакова И.А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11(227). – С. 310–313.

8. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7(211). – С. 121–123.

Пугоев Артур Русланович
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ ВЗЫСКАНИИ ДОГОВОРНОЙ НЕУСТОЙКИ С КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ СТОРОН

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ проблемы злоупотребления правом при взыскании договорной неустойки с коммерческих организаций. Исследуется соотношение принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) и императивных требований о добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ). Особое внимание уделено механизму снижения неустойки (ст. 333 ГК РФ) как ключевому инструменту судебного контроля за соразмерностью последствий нарушения обязательства. На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов выявлены типичные случаи злоупотребления правом со стороны кредиторов: установление явно несоразмерных размеров неустойки, использование неустойки как инструмента шантажа должника и получения необоснованного обогащения. Обоснован тезис, что свобода договора в части установления неустойки не абсолютна и ограничивается принципом добросовестности и требованием соблюдения баланса интересов сторон. Сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики для повышения предсказуемости судебных актов и предотвращения злоупотреблений.*

Ключевые слова: *договорная неустойка, злоупотребление правом, свобода договора, добросовестность сторон, снижение неустойки, статья 333 ГК РФ, коммерческая организация.*

Институт неустойки занимает центральное место в системе мер гражданско-правовой ответственности, выполняя одновременно компенсационную, стимулирующую и обеспечительную функции. Для коммерческих организаций, чья деятельность неразрывно связана с заключением многочисленных договоров и принятием на себя различных обязательств, неустойка выступает одним из ключевых инструментов минимизации рисков неисполнения обязательств контрагентами. Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), предоставляет сторонам широкую свободу в определении условий договора, включая размер и порядок взыскания неустойки [1, ст. 421].

Однако абсолютная свобода в установлении неустойки неизбежно вступает в противоречие с фундаментальными началами гражданского законодательства, среди которых особое место занимает требование добросовестности участников гражданских правоотношений (статья 1 ГК РФ) и запрет злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ) [1, ст. 1, 10]. На практике все чаще возникают ситуации, когда кредитор, пользуясь более сильным переговорным положением, навязывает должнику явно несоразмерные размеры неустойки, а затем, ссылаясь на свободу договора, требует ее взыскания в полном объеме, несмотря на отсутствие реальных убытков или их незначительный размер.

Актуальность исследования обусловлена устойчивой тенденцией роста числа судебных споров, связанных с взысканием договорной неустойки с коммерческих организаций, а также необходимостью выработки единообразных подходов к разграничению законного поведения кредитора и злоупотребления правом.

Цель настоящей статьи – выявить критерии злоупотребления правом при взыскании неустойки и определить пределы свободы договора в свете требования добросовестности.

Злоупотребление правом при взыскании неустойки: понятие и признаки.

Институт злоупотребления правом, закрепленный в статье 10 ГК РФ, направлен на защиту правопорядка и нравственных начал общества от недобросовестного использования субъективных гражданских прав [1, ст. 10]. Применительно к договорной неустойке злоупотребление правом проявляется в использовании кредитором своего правомочия на взыскание неустойки не в целях защиты нарушенного интереса, а для получения необоснованной выгоды или оказания давления на должника.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о договорной неустойке указал, что неустойка не должна превращаться в инструмент неосновательного обогащения кредитора [2]. Квалифицирующими признаками злоупотребления правом при взыскании неустойки следует признать:

Явную несоразмерность размера неустойки последствиям нарушения обязательства. Если сумма неустойки многократно превышает реальные убытки кредитора или стоимость самого нарушенного обязательства, это свидетельствует о нарушении баланса интересов.

Использование неустойки в качестве инструмента шантажа должника. Ситуации, при которых кредитор намеренно затягивает предъявление требования о взыскании неустойки, чтобы увеличить ее размер, или отказывается от исполнения встречных обязательств, требуя уплаты неустойки, квалифицируются как недобросовестное поведение [3, с. 45].

Злоупотребление доминирующим переговорным положением. Когда одна из сторон договора, являясь более сильным контрагентом, навязывает другой стороне заведомо обременительные условия о неустойке, это противоречит требованиям добросовестности и разумности.

Отсутствие реального интереса в обеспечении обязательства. Если неустойка устанавливается в размере, заведомо превышающем любые возможные убытки кредитора, и ее фактическая цель – не обеспечение исполнения, а извлечение прибыли, налицо злоупотребление правом [4, с. 33].

Особую сложность представляет квалификация злоупотребления правом в случаях, когда неустойка установлена в договоре, подписанном обеими сторонами. Казалось бы, свободное волеизъявление сторон должно исключать возможность последующих претензий. Однако судебная практика исходит из того, что формальное согласие с условиями договора не легитимирует недобросовестное поведение кредитора при взыскании неустойки [5, с. 56].

Пределы свободы договора при установлении неустойки.

Принцип свободы договора, являясь одним из основополагающих начал гражданского права, не носит абсолютного характера. Статья 422 ГК РФ устанавливает, что договор должен соответствовать императивным нормам, действующим в момент его заключения, а статья 10 ГК РФ прямо ограничивает осуществление гражданских прав требованием добросовестности [1, ст. 422]. В контексте договорной неустойки пределы свободы договора определяются несколькими факторами.

Во-первых, императивное требование о соразмерности неустойки. Несмотря на то, что статья 333 ГК РФ предусматривает возможность снижения неустойки только по заявлению должника, сам факт наличия такой нормы свидетельствует о законодательном ограничении свободы сторон в определении размера неустойки [1, ст. 333]. Судебная практика исходит из того, что неустойка должна быть разумной и соразмерной, а чрезмерно высокий ее размер может быть квалифицирован как злоупотребление правом независимо от волеизъявления сторон.

Во-вторых, требование баланса интересов сторон. Свобода договора не может реализовываться за счет явного ущемления интересов одной из сторон. В случае, когда коммерческая организация, обладающая значительными ресурсами, навязывает малому предприятию кабальные условия о неустойке, суд вправе квалифицировать такое поведение как злоупотребление правом [6, с. 89].

В-третьих, запрет на получение неосновательного обогащения. Если взыскание неустойки в полном объеме приводит к тому, что кредитор получает сумму, значительно превышающую

его реальные убытки, это противоречит компенсационной природе гражданско-правовой ответственности и может быть квалифицировано как злоупотребление.

Важно отметить, что Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал: свобода договора не является абсолютной и может быть ограничена в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. В сфере договорной неустойки это ограничение проявляется в обязанности суда оценивать не только формальную законность требований кредитора, но и их соответствие принципу добросовестности.

Таким образом, пределы свободы договора при установлении неустойки определяются императивными требованиями закона, принципом добросовестности и запретом злоупотребления правом. Стороны не вправе устанавливать условия, которые заведомо ведут к неосновательному обогащению одной из сторон или создают явный дисбаланс в распределении рисков.

Добросовестность сторон как критерий снижения неустойки.

Принцип добросовестности, закрепленный в пункте 3 статьи 1 и пункте 4 статьи 10 ГК РФ, выступает не только общим ориентиром для участников гражданского оборота, но и конкретным критерием судебной оценки при применении статьи 333 ГК РФ о снижении неустойки [1, ст. 1, 10]. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 22.12.2015 №92 разъяснил, что при решении вопроса о снижении неустойки суд должен учитывать не только соразмерность неустойки последствиям нарушения, но и поведение сторон, их добросовестность.

Добросовестность кредитора при взыскании неустойки проявляется в следующем.

Отсутствие намерения получить неосновательную выгоду. Кредитор не должен использовать неустойку как основной источник дохода, подменяя ею реальные убытки.

Соразмерное поведение при исполнении обязательства. Если кредитор сам допускал просрочки или препятствовал исполнению обязательства, его требование о взыскании полной суммы неустойки может быть признано недобросовестным [3, с. 48].

Разумность при предъявлении требований. Кредитор обязан принимать разумные меры по уменьшению убытков, в том числе не допускать искусственного наращивания суммы неустойки.

Добросовестность должника, в свою очередь, оценивается по следующим критериям.

Признание нарушения обязательства. Если должник не оспаривает факт нарушения и предпринимает меры по его устранению, это свидетельствует о его добросовестности и служит основанием для снижения неустойки [4, с. 36].

Отсутствие умышленного характера нарушения. Случайные или вызванные объективными обстоятельствами нарушения оцениваются судом более лояльно, чем умышленные [5, с. 59].

Соотношение неустойки с финансовым положением должника. Для малых коммерческих организаций чрезмерно высокая неустойка может привести к банкротству, что противоречит принципу соразмерности.

Судебная практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к активному применению принципа добросовестности при разрешении споров о неустойке. Верховный Суд РФ последовательно указывает, что механическое взыскание неустойки в полном размере, без учета реальных последствий нарушения и поведения сторон, недопустимо [6, с. 92]. В случаях, когда кредитор, зная о тяжелом финансовом положении должника, намеренно не предъявлял требование о взыскании неустойки в течение длительного времени, чтобы увеличить ее размер, суды квалифицируют такое поведение как злоупотребление правом и снижают неустойку до разумных пределов.

Особое значение принцип добросовестности приобретает в отношениях между коммерческими организациями, где предполагается высокий уровень профессионализма и понимания рисков. В таких случаях суды исходят из того, что стороны должны были предвидеть возможные последствия нарушения обязательства и соразмерно этому определять размер неустойки. Если одна из сторон, воспользовавшись более сильным переговорным положением,

установила явно завышенный размер неустойки, а затем требует ее взыскания в полном объеме, это может быть квалифицировано как злоупотребление правом.

Таким образом, добросовестность сторон выступает не абстрактным этическим понятием, а конкретным юридическим критерием, позволяющим суду корректировать последствия реализации свободы договора и предотвращать злоупотребления при взыскании неустойки.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, злоупотребление правом при взыскании договорной неустойки с коммерческих организаций представляет собой сложное правовое явление, которое проявляется в использовании кредитором своего правомочия не в целях защиты нарушенного интереса, а для получения необоснованной выгоды или оказания давления на должника. Квалифицирующими признаками такого злоупотребления являются явная несоразмерность размера неустойки последствиям нарушения, использование неустойки в качестве инструмента шантажа, злоупотребление доминирующим переговорным положением и отсутствие реального интереса в обеспечении обязательства.

Во-вторых, принцип свободы договора при установлении неустойки не является абсолютным и ограничен императивными требованиями закона, принципом добросовестности и запретом злоупотребления правом. Стороны не вправе устанавливать условия, которые заведомо ведут к неосновательному обогащению одной из сторон или создают явный дисбаланс в распределении рисков. Пределы свободы договора определяются необходимостью соблюдения баланса интересов сторон и компенсационной природы гражданско-правовой ответственности.

В-третьих, принцип добросовестности выступает не только общим ориентиром для участников гражданского оборота, но и конкретным юридическим критерием, позволяющим суду корректировать последствия реализации свободы договора. Добросовестность кредитора и должника оценивается по совокупности факторов, включая отсутствие намерения получить неосновательную выгоду, соразмерное поведение при исполнении обязательства, признание нарушения и его характер.

Для совершенствования правоприменительной практики представляется целесообразным сделать следующее.

Разработать более детальные методические рекомендации по применению статьи 333 ГК РФ с учетом принципа добросовестности.

Закрепить на уровне разъяснений Верховного Суда РФ критерии квалификации злоупотребления правом при взыскании неустойки.

Активнее использовать механизм снижения неустойки в случаях, когда ее взыскание в полном объеме приводит к неосновательному обогащению кредитора.

Таким образом, баланс между свободой договора и требованием добросовестности является ключевым условием эффективного функционирования института неустойки в современных гражданско-правовых отношениях.

Список литературы

1. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 3-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2020. – 847 с.

2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

3. Карапетов А.Г. Неустойка как правовое средство защиты прав кредитора / А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2021. – 512 с.

4. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о договорной неустойке: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.03.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – №7.

5. Постановление Пленума ВАС РФ «О применении статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» №92 от 22.12.2015 // Вестник ВАС РФ. – 2016. – №2.

6. Попондопуло В.Ф. Неосновательное обогащение и неустойка: проблемы разграничения / В.Ф. Попондопуло // Civilist. – 2022. – №3. – С. 62–71.

Рзаева Саида Поладовна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ РИСК КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: РОЛЬ СТИМУЛОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается предпринимательский риск как ключевой элемент экономической деятельности и объект правового регулирования. Актуальность обусловлена необходимостью формирования эффективного механизма взаимодействия государства и бизнеса в нестабильной экономической среде. Особое внимание уделено правовым стимулам (налоговые льготы, субсидирование, упрощение административных процедур) и ограничениям, устанавливаемым государством для защиты публичных интересов, обеспечения экономической безопасности и предотвращения злоупотреблений. Обоснована необходимость баланса между стимулирующими и ограничительными мерами: чрезмерное усиление ограничений снижает предпринимательскую активность, тогда как недостаточность регулирования повышает уровень правовых и экономических рисков. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования предпринимательской деятельности.*

Ключевые слова: *предпринимательский риск, правовое регулирование, экономическая деятельность, государственное регулирование, правовые стимулы, правовые ограничения, риск-менеджмент.*

Перспективы развития российского законодательства о предпринимательском риске.

Предпринимательский риск представляет собой вероятность возникновения неблагоприятных последствий в процессе осуществления экономической деятельности. С точки зрения права, риск выступает как допустимый элемент предпринимательства, что закреплено в гражданском законодательстве [1]. Кроме того, риск тесно связан с принципом свободы предпринимательской деятельности, который предполагает самостоятельное принятие решений субъектом хозяйствования [8].

Учитывая международный опыт и внутренние потребности хозяйственной деятельности, российское законодательство о предпринимательском риске будет развиваться в сторону создания более интегрированной и системной правовой базы. Появление комплексных кодифицированных актов, таких как банковский, страховой и инвестиционный кодексы, позволит устранить фрагментарность регулирования и повысить его предсказуемость. Важным направлением станет более чёткое законодательное определение категорий и видов предпринимательских рисков, что даст возможность как субъектам бизнеса, так и контролирующим органам лучше адаптировать механизмы управления риском к реальным условиям экономической деятельности.

Кроме того, внедрение новых технологий автоматизированного анализа рисков в налоговом администрировании и применение риск-ориентированных подходов к государственному контролю будет способствовать снижению административных барьеров и повышению эффективности взаимодействия предпринимателей с государственными структурами. Учёт динамических изменений предпринимательских рисков, связанных с пандемиями и экономическими санкциями, потребует гибкого и своевременного обновления законодательства.

Параллельно с расширением стимулирующих механизмов совершенствование правового регулирования должно охватывать защиту финансовой устойчивости бизнеса через развитие законодательства о страховании предпринимательских рисков и системах раннего предупреждения. Особое значение будет иметь развитие институтов корпоративного управления и повышение финансовой грамотности, что укрепит внутренние ресурсы предприятий по управлению неопределённостью.

Таким образом, российское правовое поле будет ориентироваться на баланс между поддержкой инициативы предпринимателей и обеспечением общественной безопасности в условиях изменяющихся экономических реалий.

Правовые стимулы в регулировании предпринимательской деятельности.

Рассмотрим основные стимулы для управления рисками, применяемые в правовом поле предпринимательской деятельности. Одним из ключевых механизмов является страхование, предоставляющее предпринимателям возможность переводить определённые виды рисков на страховые организации. Законодательство способствует развитию этого института за счёт признания страховых выплат надёжным инструментом компенсации убытков, что снижает финансовую нагрузку и обеспечивает стабильность при управлении неопределённостями. Страхование охватывает широкий спектр предпринимательских рисков, включая имущественные, финансовые и производственные, а также ответственность перед третьими лицами. Эффективность такого подхода зависит от правильного определения страхового случая и условий договора, что закреплено как в гражданском, так и в страховом законодательстве [3].

Другим инструментом поддержки риск-менеджмента является лизинг, который позволяет предпринимателям приобретать основное средство производства с минимальными первоначальными расходами и воспользоваться гибкими финансовыми схемами оплаты. Правовое регулирование лизинга обеспечивает баланс интересов лизингодателя и лизингополучателя, а также стабильность и прозрачность сделок, что создаёт благоприятные условия для инновационного и капиталоёмкого бизнеса. Лизинговые отношения регулируются гражданским законодательством и специальными нормативными актами, в том числе предусматривающими аспекты залога и налогового учёта, что даёт предпринимателям возможность более рационально распределять риски, связанные с владением и использованием имущества [12].

Налоговые льготы и специальные налоговые режимы играют важную роль в стимулировании предпринимателей к активному принятию рисков. Законодательство предусматривает различные формы поддержки – снижение ставок, освобождение от ряда налогов, упрощённые процедуры учёта и отчётности, что особенно актуально для малого и среднего бизнеса. Такие меры снижают финансовое давление и повышают инвестиционную привлекательность проектов с неопределёнными исходами. Налоговые стимулирующие инструменты направлены на создание условий, позволяющих предпринимателям более свободно экспериментировать с новыми идеями и технологиями без риска полной потери вложений.

Кроме перечисленных стимулов, институциональная поддержка со стороны уполномоченных органов и проектов по развитию предпринимательства также способствует снижению неопределённости и стимулирует грамотное управление предпринимательскими рисками. Совокупность этих мер создаёт благоприятную правовую среду, в которой предприниматели имеют возможность принимать решения, учитывающие не только потенциальные убытки, но и направления для роста и инноваций.

Однако неотъемлемой частью системы являются также юридические ограничения, призванные обеспечить баланс интересов бизнеса и общества, минимизируя возможные негативные последствия предпринимательских рисков.

Ограничения как инструмент минимизации рисков.

Правовое поле содержит ряд ограничений, воздействующих на предпринимательскую деятельность с целью минимизации негативных последствий рисков для общества и государства. Одним из значимых направлений регулирования являются экологические стандарты и

требования к охране окружающей среды. Законодательство устанавливает жёсткие нормативы по выбросам вредных веществ, утилизации отходов и использованию природных ресурсов, которые предприниматели обязаны соблюдать в процессе деятельности [7]. Несоблюдение данных требований влечёт не только административные санкции, но и может стать основанием для прекращения деятельности или наложения уголовной ответственности при причинении экологического ущерба, что предусматривает специальное экологическое законодательство и общие нормы административного права.

Технические требования выступают ещё одной категорией юридических ограничений. Они устанавливаются в отраслевых стандартах и регламентируются техническими регламентами, направленными на обеспечение безопасности продукции, технологий и услуг. Эти требования содержат обязательные нормы, связанные с качеством, безопасностью и экологичностью выпускаемой продукции [10]. Несоответствие стандартам ведёт к административным штрафам, приостановлению деятельности или отзыву сертификатов соответствия, что напрямую влияет на управление предпринимательским риском, вынуждая бизнес работать в рамках жёстких технических норм [8].

Система административной ответственности составляет важный компонент правового ограничения предпринимательского риска. Согласно статье 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации влечёт штрафы в размере от 500 до 2000 рублей, а осуществление деятельности без обязательной лицензии – более значительные штрафные санкции с возможным изъятием продукции и оборудования. Также предусмотрены штрафы за нарушение налогового законодательства – вплоть до 40% от суммы недоимки при уклонении от уплаты налогов. За более серьёзные нарушения, включая незаконную предпринимательскую деятельность с причинением крупного ущерба, наступает уголовная ответственность, предусматривающая штрафы, принудительные работы или лишение свободы до 5 лет по статье 171 УК РФ.

Административные меры включают проверочные мероприятия, при этом законодательство России ориентировано на защиту прав предпринимателей от чрезмерного давления со стороны контролирующих органов. Однако при выявлении нарушений применяются штрафы, предписания и иные санкции, направленные на обеспечение законности и правопорядка в сфере бизнеса. Для исключения риска привлечения к ответственности предпринимателю необходимо соблюдать требования законодательства, своевременно регистрировать деятельность, получать необходимые лицензии и подтверждать соответствие продукции и процессов установленным стандартам [2].

В совокупности юридические ограничения в виде экологических и технических требований, а также система административной и уголовной ответственности формируют правовые рамки, обеспечивающие общественную безопасность и легитимность предпринимательской деятельности. Они выступают необходимым сдерживающим фактором в управлении предпринимательским риском, предотвращая злоупотребления и способствуя соблюдению интересов всех участников рынка.

Баланс стимулов и ограничений.

Комплексное рассмотрение стимулирующих мер и юридических ограничений выявляет их взаимодополняющую функцию в системе правового регулирования предпринимательского риска. Правовые стимулы создают условия для активизации предпринимательской инициативы и развития инноваций, обеспечивая предпринимателям возможность эффективно управлять рисками посредством института страхования, лизинга, налоговых льгот и стандартизации. В то же время ограничения выступают как механизмы контроля и защиты общественных интересов, предотвращая злоупотребления и обеспечивая соблюдение норм, направленных на безопасность, экологическую устойчивость и честную конкуренцию. Такая двойственность является отражением исторического развития правовых систем от

карательного к балансовому подходу, где свобода предпринимательства уравновешивается необходимостью государственного регулирования и общественного контроля [6].

Современное российское законодательство опирается на конституционные принципы, устанавливая правовой каркас, в котором реализуются оба полюса – стимулирование и ограничение. Это позволяет формировать среду, в которой предпринимательская активность не выходит за рамки закона, а государственные меры не подавляют инициативу, а действуют как ориентиры и страховка от неоправданных рисков [9]. В частности, система предварительного разрешительного регулирования и ограничений прав на участие в определённых сделках служит гарантией стабильности и честности рыночных отношений, одновременно сохраняя право субъектов экономики на свободу действий.

Однако достижение баланса осложняется новыми вызовами, такими как цифровизация и глобализация, которые трансформируют социально-экономические реалии и требуют адаптации правовых механизмов. Возникает потребность в гибких, прозрачных и технологичных инструментах регулирования, способных оперативно реагировать на изменения и сохранять конкурентоспособность бизнеса без ущерба для правопорядка и интересов общества. Параллельно поддержание конкурентной среды требует ограничения чрезмерного государственного вмешательства, повышения прозрачности процедур и усиления борьбы с коррупцией, что является неотъемлемой частью устойчивого развития экономики [7].

Таким образом, баланс стимулирующих мер и ограничений представляет собой сложный, но необходимый элемент правового регулирования предпринимательского риска, связующий экономическую свободу с обязанностью соблюдать правовые нормы и обеспечивать общественную безопасность. На основе выявленных закономерностей следует разработать рекомендации по совершенствованию системы правового регулирования, направленные на оптимизацию взаимодействия между стимуляторами и ограничениями, адаптацию к современным вызовам и усиление механизмов защиты интересов всех участников предпринимательской деятельности.

Практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования предпринимательского риска.

Основываясь на проведённом анализе баланса стимулирующих мер и юридических ограничений в правовом регулировании предпринимательского риска, можно выделить ряд конкретных рекомендаций, направленных на повышение эффективности законодательства.

Во-первых, необходимо продолжать и углублять упрощение налоговой системы, расширяя применение специальных налоговых режимов, таких как упрощённая система налогообложения, патентная система и единый налог на вменённый доход. Одновременно с этим следует продвигать цифровизацию налогового администрирования, что позволит снизить ошибки и риски при уплате налогов, повысить прозрачность и упростить взаимодействие предпринимателей с налоговыми органами [4].

Во-вторых, требуется совершенствовать трудовое законодательство с акцентом на баланс интересов работодателей и работников. Упрощение порядка регистрации трудовых отношений и усиление защиты прав работников будут способствовать снижению числа трудовых споров и уменьшению правовых рисков. Это создаст более стабильные условия для ведения бизнеса и повысит доверие между сторонами трудовых отношений.

Третьей ключевой мерой должно стать дальнейшее снижение административных барьеров. Внедрение в правоприменительную практику принципа «разрешено всё, что не запрещено законом» позволит предпринимателям действовать более гибко и независимо, уменьшит количество ненужных проверок и штрафов. Важно также расширять использование риск-ориентированного подхода в системе контроля и надзора, что позволит концентрировать внимание контролирующих органов на реальных угрозах и снизить обременение для добросовестных предприятий.

Четвёртый важный блок рекомендаций связан с усилением мер по защите персональных данных и цифровой безопасности. Законодательство должно учитывать вызовы электронной коммерции, регулировать содержание рекламных материалов и обеспечивать защиту информации, чтобы снизить юридические и репутационные риски предпринимателей [11].

Кроме того, необходимо совершенствовать систему информирования предпринимателей о текущих правовых рисках и недопустимости злоупотреблений, таких как «дробление бизнеса» с целью получения льготных налоговых режимов [5]. Организация совместных форумов, консультаций и других мероприятий с участием законодательных, бизнес- и экспертных сообществ способствует развитию конструктивного диалога и совместной выработке эффективных механизмов защиты бизнеса.

Наконец, важной задачей остаётся постоянный мониторинг и адаптация законодательства к условиям быстро меняющейся экономической и технологической среды. Внедрение механизмов обратной связи и реагирования на вызовы цифровой экономики позволит поддерживать законодательство в актуальном и эффективном состоянии.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» №195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 1.

3. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» №209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – №31. – Ст. 4006.

4. Бутов С.В. Правовые стимулы и ограничения в правовом регулировании: историко-теоретический анализ / С.В. Бутов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – №4(47). – С. 11–15. DOI 10.47475/2311-696X-2025-47-4-11-15. EDN MEGLVG

5. Ветрова Н.М. О регулировании уровня налоговых санкций для индивидуальных предпринимателей / Н.М. Ветрова, А.А. Гайсарова, А.С. Аблякимова // Экономика строительства и природопользования. – 2021. – №1. – С. 61. DOI 10.37279/2519-4453-2021-1-61-68. EDN DSUNAV

6. Предпринимательское право: правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / Р.Н. Аганина, В.К. Андреев, Л.В. Андреева [и др.]; отв. ред. И.В. Ершова. – М.: Проспект, 2017.

7. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA

8. Зубова А.О. Социальное предпринимательство: учебное пособие / А.О. Зубова, Н.А. Волкова, М.О. Скивко. – Самара: Издательство Самарского университета, 2023. EDN BYBXDM

9. Зыкин Б.В. Административная ответственность индивидуальных предпринимателей / Б.В. Зыкин, Е.В. Зыкина // Административное право и процесс. – 2019. – №7. – С. 47–48. EDN MDUQEF

10. Кугай И.А. Перспективы совершенствования правового регулирования предпринимательства / И.А. Кугай // Вестник науки. – 2026. – Т. 2. №1(94). – С. 209–214. EDN AHIIIC

11. Карсетская Е.В. Индивидуальный предприниматель / Е.В. Карсетская. – М.: Айси Групп, 2021.

12. Ручкина Г.Ф. Риск в предпринимательской деятельности и его правовое отражение / Г.Ф. Ручкина // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – №4. – С. 21. EDN RBLIMZ

Салманова Гюнель Илгамовна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»,
г. Москва

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СЛОЖНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена исследованию проблемы определения размера гражданско-правовой ответственности за распространение ложной информации в сети «Интернет». Действующее гражданское законодательство (ст. 152 ГК РФ) не содержит чётких критериев исчисления компенсации морального вреда или вреда деловой репутации, отсылая к оценочным категориям «разумности» и «справедливости». На основе анализа судебной практики (апелляционное определение Нижегородского областного суда от 10 февраля 2026 г. по делу №33–1787/2026, решение Дзержинского городского суда от 5 декабря 2025 г., решение Кузнецкого районного суда от 20 января 2026 г., решение Мытищинского городского суда от 20 февраля 2026 г.) выявлены ключевые проблемы: значительный разброс присуждаемых сумм (от 10 000 до 50 000 рублей по однородным делам), сложность доказывания причинно-следственной связи, анонимность интернет-среды, необходимость разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений. Обоснована необходимость законодательного закрепления минимальных и максимальных пределов компенсации и разработки формализованных критериев (количество просмотров, охват аудитории, статус потерпевшего) для обеспечения единообразия судебной практики.*

Ключевые слова: *гражданско-правовая ответственность, ложная информация, сеть Интернет, компенсация морального вреда, деловая репутация, судебная практика, защита чести и достоинства.*

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни распространение ложной информации в сети «Интернет» приобрело масштабный и системный характер, создавая реальные угрозы для чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц. Несмотря на наличие законодательных механизмов защиты, предусмотренных статьёй 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, правоприменительная практика сталкивается с фундаментальной проблемой – отсутствием чётких и единообразных критериев определения размера компенсации за причинённый репутационный вред [12, с. 126].

Сложность усугубляется анонимностью интернет-среды, высокой скоростью распространения информации, а также необходимостью доказывания причинно-следственной связи между противоправными действиями и наступившими негативными последствиями. В текущем году, с учётом внесённых изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ, касающихся апелляционного производства, вопрос унификации подходов к исчислению компенсации приобрёл ещё большую остроту, что обусловливает безусловную актуальность и востребованность настоящего исследования [10, с. 13].

Правовым основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности за распространение ложной информации выступает статья 152 ГК РФ, согласно которой гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. При этом, как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства

граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [1], под распространением сведений, порочащих честь и достоинство, в том числе понимается опубликование их в сети Интернет. Сложностью для истца является необходимость одновременного доказывания трёх фактов: самого факта распространения сведений ответчиком, их порочащего характера и несоответствия действительности [6, с. 121].

Однако наиболее дискуссионным в правоприменительной практике остаётся вопрос определения размера компенсации морального вреда (для физических лиц) или вреда деловой репутации (для юридических лиц); анализ судебной практики демонстрирует значительный разброс присуждаемых сумм, что свидетельствует о высокой степени судейского усмотрения. Так, Нижегородский областной суд в апелляционном определении от 10 февраля 2026 г. по делу №33–1787/2026 рассмотрел иск ФИО1 к ФИО2 о компенсации морального вреда за оскорбительное высказывание, размещённое в групповом чате мессенджера Viber [2]. Суд первой инстанции взыскал 30 000 рублей, однако суд апелляционной инстанции, руководствуясь принципами разумности и справедливости (ст. 151, 1101 ГК РФ), а также учитывая публичный характер оскорбления (чат насчитывал 185 участников), личность истца (пенсионер МЧС) и отсутствие попыток ответчика загладить вину, увеличил размер компенсации до 50 000 рублей. Данное дело наглядно иллюстрирует, что даже при доказанности факта распространения ложной информации оценка степени нравственных страданий носит субъективный характер.

Ещё более показательным является решение Дзержинского городского суда Нижегородской области от 5 декабря 2025 года по делу №2–3090/2025 [3], где бывший сотрудник полиции Б.Н. требовала компенсацию морального вреда в размере 3 000 000 рублей за распространённые ответчиком С. в социальной сети «ВКонтакте» заведомо ложные сведения, порочащие её честь и достоинство. Истец связывала столь высокий размер компенсации с длительностью конфликта, публичностью распространения и унизительным характером высказываний. Суд, установив факт несоответствия сведений действительности и их порочащий характер, частично удовлетворил иск, но снизил размер компенсации до 50 000 рублей.

Аналогичная тенденция наблюдается и в других регионах. Так, Кузнецкий районный суд Пензенской области решением от 20 января 2026 г. по делу №2–63/2026 [4] рассматривал иск депутата Думы города Иркутска К. к гражданке Г. о защите чести, достоинства и деловой репутации в связи с публикацией в социальной сети, где истца называли «махинатором» и использовали оскорбительную лексику. Истец, обосновывая размер компенсации в 649 940,53 рубля суммой долга, взысканного с компании ответчика в пользу его юридического лица, мотивировал это тем, что порочащие сведения наносят ущерб его политической и предпринимательской репутации. Суд, признав сведения не соответствующими действительности, тем не менее посчитал предложенный истцом метод расчёта компенсации несостоятельным, взыскав лишь 10 000 рублей, указав на необходимость соблюдения баланса интересов и недопустимость неосновательного обогащения потерпевшего.

В противовес приведённым решениям Мытищинский городской суд Московской области в решении от 20 февраля 2026 г. по делу №2–394/2026 [5] полностью отказал в удовлетворении иска председателю НП «Цернское 2» Ш. к члену этого же партнёрства Е. и ВГТРК. Ответчик в эфире программы «Вести» на канале «Россия» заявила, что истец «занимает свою должность незаконно, потому что встал на должность по поддельным документам». Суд, отказывая в иске, исходил из того, что данное высказывание является оценочным суждением, основанным на достоверных фактах – заключениях почерковедческих экспертиз и материалах проверки полиции, установивших факт поддельности подписи в протоколе собрания. Суд подчеркнул, что распространение соответствующих действительности сведений о нарушении прав граждан является обязанностью СМИ, а негативное мнение, даже выраженное в резкой форме, само по себе не может рассматриваться как порочащее честь и достоинство, если оно основано на фактах. Данный пример демонстрирует, что успех в подобных делах напрямую зависит от того, удастся ли истцу доказать, что распространённые сведения являются не оценочным суждением, а утверждением о фактах, не имевших места в реальности [7, с. 57].

Основные сложности определения размера компенсации сводятся к следующим аспектам: законодательство (ч. 2 ст. 151, п. 2 ст. 1101 ГК РФ) отсылает суды к принципам разумности и справедливости, не устанавливая ни минимальных, ни максимальных пределов компенсации за репутационный вред, что порождает разброс взыскиваемых сумм от нескольких тысяч до нескольких миллионов рублей, как это отмечено в арбитражной практике [8, с. 15].

Для взыскания компенсации истец должен доказать не только факт распространения ложных сведений, но и причинно-следственную связь между этими сведениями и негативными последствиями (например, уход клиентов, падение стоимости акций), что на практике сделать крайне затруднительно, особенно если речь идёт о нематериальном вреде. Следующей проблемой является анонимность распространителя в сети Интернет, что осложняет идентификацию ответчика и, как следствие, взыскание с него компенсации. В 2026 году вступили в силу изменения в Гражданский процессуальный кодекс РФ, касающиеся порядка апелляционного производства (подача жалоб через суд первой инстанции, изменение правил восстановления сроков), которые, хотя напрямую не регулируют вопросы размера компенсации, могут повлиять на процедурные сроки рассмотрения дел и стабильность судебных актов, что косвенно отразится на стратегии поведения истцов и ответчиков [11, с. 145].

Проблема определения размера компенсации за распространение ложной информации в сети «Интернет» остаётся одной из наиболее сложных в современном гражданском праве [9, с. 39]. Отсутствие формализованных критериев, необходимость оценки нематериального вреда и субъективный характер судейского усмотрения приводят к формированию разнонаправленной судебной практики, где схожие по тяжести нарушения могут повлечь кардинально разные суммы компенсации. Как показал анализ дел, суды в 2025–2026 годах чаще присуждают относительно умеренные суммы (в пределах 10 000–50 000 рублей для физических лиц), отказывая в удовлетворении многомиллионных требований [10, с. 19].

Перспективным направлением развития правового регулирования видится внесение изменений в ГК РФ, устанавливающих как нижний порог компенсации, так и критерии, которые суды обязаны учитывать (например, количество просмотров публикации, количество подписчиков, статус истца). Кроме того, особую значимость приобретает развитие института досудебного урегулирования и использование цифровых доказательств (нотариальные протоколы осмотра, лингвистические экспертизы), позволяющих более объективно подойти к оценке репутационных потерь. Только комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства и унификацию судебной практики, способен обеспечить баланс между правом на свободу слова и правом на защиту чести и достоинства в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» №3 от 24.02.2005 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – №4.

2. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 10.02.2026 по делу №33–1787/2026 (УИД 52RS0001–02–2025–000051–45).

3. Решение Дзержинского городского суда Нижегородской области от 05.12.2025 по делу №2–3090/2025.

4. Решение Кузнецкого районного суда Пензенской области от 20.01.2026 по делу №2–63/2026 (УИД 58RS0017–01–2025–002727–90).

5. Решение Мытищинского городского суда Московской области от 20.02.2026 по делу №2–394/2026 (УИД 50RS0028–01–2025–008658–53).

6. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. EDN ZFMLLM

7. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

8. Землин А.И. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции / А.И. Землин, Д.А. Колоколова // Военное право. – 2025. – №3(91). – С. 13–17. EDN DARBAZ

9. Землин А.И. К вопросу о некоторых деформациях системы предупреждения коррупции и направлениях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.И. Землин, Р.Ф. Идрисов // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2018. – №4. – С. 32–45. EDN YSGERN

10. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Транспортное право. – 2022. – №4. – С. 13–20. DOI 10.18572/1812-3937-2022-4-13-20. EDN YNLWLS

11. Зуева Е.Р. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с помощью сети интернет / Е.Р. Зуева, Е.С. Митячкина // Вестник науки. – 2022. – Т. 5. №1(46). – С. 140–147. EDN OGCUWH

12. Колоколова Д.А. Некоторые вопросы представительства в гражданском процессуальном праве / Д.А. Колоколова // Современное состояние системы принудительного исполнения в Российской Федерации и пути ее совершенствования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 12 ноября 2020 г.) / отв. ред. У.М. Мурзабулатов. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 126–130. EDN QNEEOM

Светашева Ирина Владимировна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

КОНКУРЕНЦИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И РЕЗУЛЬТАТОВ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ И ОХРАНЫ

Аннотация: *в статье исследуются правовые проблемы конкуренции различных средств индивидуализации (товарных знаков, фирменных наименований, коммерческих обозначений, доменных имен) в российском праве, как следствие факторов правового, экономического и правоприменительного характера. Анализируется принцип старшинства права, закрепленный в п. 6 ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации, и практика его применения судами. Рассматриваются типичные сценарии столкновений, особенности доказывания приоритета, а также тенденции разрешения доменных споров в России и за рубежом. На основе анализа научных позиций А. Серобяна, Ю.С. Талянского, А.Г. Серго, М.А. Рожковой, Е.В. Евтеевой, И.Е. Титова и материалов судебной практики включая решения Суда по интеллектуальным правам и заключения Роспатента формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования. В работе выявлены системные недостатки: отсутствие единой регистрации коммерческих обозначений, непризнание доменных имен объектами интеллектуальной собственности, слабая координация ФНС и Роспатента при регистрации фирменных наименований и товарных знаков. Обосновано, что принцип старшинства не всегда достаточен – суды вынуждены учитывать добросовестность сторон и фактическую известность обозначения, что порождает неопределенность. Особое внимание уделено проблемам доказывания приоритета для нерегистрируемых средств и злоупотреблениям при регистрации знаков. Предложены меры: признать доменные имена самостоятельными средствами индивидуализации, создать внесудебный механизм разрешения споров в зонах.RU и.РФ, обязать ФНС проверять новые фирменные наименования на сходство с зарегистрированными товарными знаками, а также ввести факультативную регистрацию коммерческих обозначений в Роспатенте.*

Ключевые слова: *средства индивидуализации, конкуренция средств индивидуализации, принцип старшинства права, товарный знак, фирменное наименование, коммерческое обозначение, доменное имя.*

Актуальность и цели исследования.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов правового, экономического и правоприменительного характера.

В условиях рыночной экономики и цифровизации возрастает роль средств индивидуализации (товарных знаков, фирменных наименований, коммерческих обозначений, доменных имен) как ключевых инструментов идентификации бизнеса и продукции. Принцип старшинства (п. 6 ст. 1252 ГК РФ) не гарантирует однозначного разрешения споров при совпадении обозначений: суды вынуждены учитывать добросовестность сторон и известность бренда на конкретной территории. Законодательство содержит пробелы: коммерческие обозначения не регистрируются, что усложняет доказывание момента возникновения прав; доменные имена не отнесены ГК РФ к объектам интеллектуальной собственности, но фактически выполняют индивидуализирующую функцию в сети, порождая коллизии. К тому же отсутствуют эффективные внесудебные механизмы для зон «.RU» и «.РФ», а координация между ФНС (регистрация фирм) и Роспатентом (регистрация знаков) недостаточна.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовых проблем конкуренции средств индивидуализации юридических

лиц и результатов их деятельности в российском праве, выявление недостатков действующего законодательства и правоприменительной практики в части установления приоритетов и охраны, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

– раскрыть понятие и правовую природу конкуренции средств индивидуализации, определить основные виды столкновений;

– проанализировать принцип старшинства права, закрепленный

– в п. 6 ст. 1252 ГК РФ, и практику его применения судами, включая критерии сходства до степени смешения и однородности товаров и услуг;

– исследовать тенденции разрешения доменных споров в России и за рубежом, оценить эффективность существующих судебных и внесудебных механизмов;

– сформулировать предложения по совершенствованию части четвертой ГК РФ, направленные на устранение выявленных пробелов и обеспечение предсказуемой защиты прав на средства индивидуализации.

Понятие и правовая природа конкуренции средств индивидуализации.

Под конкуренцией средств индивидуализации в юридической литературе понимается ситуация, при которой исключительные права на разные объекты интеллектуальной деятельности принадлежат разным лицам, но обозначения являются схожими и используются в отношении однородных товаров и услуг, что создает риск введения потребителя в заблуждение [5; 6].

Основополагающим правилом разрешения таких конфликтов выступает принцип старшинства права, закрепленный в п. 6 ст. 1252 ГК РФ. Согласно данной норме права, если различные средства индивидуализации оказываются тождественными или сходными до степени смешения и это вводит в заблуждение потребителей, преимущество имеет то средство, исключительное право на которое возникло ранее [1]. Для применения принципа необходимо доказать совокупность трех факторов: сходство до степени смешения, однородность товаров и услуг, вероятность введения в заблуждение [10].

Фирменное наименование считается наиболее «надежным» средством индивидуализации в силу его фиксации в едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ), однако оно может противопоставляться товарному знаку только при условии реального использования [11]. Простой факт регистрации юридического лица недостаточен для оспаривания чужого товарного знака, если фирменное наименование не использовалось для аналогичных товаров или услуг.

Самый частый конфликт – отсутствие сверки данных между ФНС и Роспатентом. При регистрации компании ФНС не проверяет уникальность наименования по отношению к зарегистрированным знакам, что ведет к совпадениям. Суд, разрешая спор, сравнивает дату регистрации компании и дату приоритета знака. Если право на товарный знак возникло раньше,

суд может обязать юридическое лицо изменить фирменное наименование или запретить его использование в определенных видах деятельности [15].

Однако противопоставляться товарному знаку могут только те фирменные наименования, которые реально используются в предпринимательской деятельности. Простого факта регистрации недостаточно [10].

Главная проблема с коммерческим обозначением – доказывание момента возникновения права из-за отсутствия регистрации. Правообладатель должен подтверждать фактическое использование и известность на конкретной территории (расходы на рекламу, объем продаж, опросы). В отличие от фирменного наименования, право на коммерческое обозначение не возникает автоматически, а требует доказательств различительной способности и известности [11].

Тенденции разрешения доменных споров в России и за рубежом.

Доменное имя, не являясь объектом интеллектуальной собственности, часто проигрывает в столкновении с товарным знаком. Однако судебная практика выработала механизмы противодействия доменов, когда товарный знак регистрируется специально для предъявления претензий к добросовестному администратору домена. В таких случаях применяются нормы ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом.

Следует обратить внимание на коллизию между законодательством и правилами координаторов доменных зон: даже выиграв суд, правообладатель товарного знака не всегда может получить права администрирования домена из-за особенностей процедур регистраторов [12]. В зонах «.RU» и «.РФ» отсутствует единая система внесудебного разрешения споров, что создает дополнительные сложности [9]. Важно также отметить существующие механизмы рассмотрения доменных споров, которые включают в себя судебный и внесудебный порядок [3].

Сравнивая российский опыт с зарубежным важно отметить, что зарубежные страны признают доменные имена самостоятельными объектами прав [2].

Зарубежом действует система Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (далее – UDRP) для зон «.COM» и «.NET». Система UDRP сталкивается с иными вызовами, например, с ростом числа киберсквоттеров – людей, которые занимаются перепродажей доменных имен, а также с использованием автоматизированных средств регистрации доменов [7].

Если в России доменное имя не имеет статуса самостоятельного объекта права и в основном конфликты происходят именно на этой почве, то зарубежом данные проблемные зоны более расширены в связи с правовым статусом доменных имен.

В отечественном опыте чаще всего доменные споры имеют судебный порядок, однако, внесудебное разрешение доменных споров могло бы разгрузить суды и ускорить защиту прав, однако требует адаптации международного опыта к российской правовой системе [9].

Правовые проблемы в сфере конкуренции средств индивидуализации и пути их решения.

Анализ позволяет выделить ключевые проблемы. Одна из главных – злоупотребления при регистрации товарных знаков: недобросовестные лица регистрируют обозначение, давно используемое другим лицом без регистрации, и затем требуют запрета. В таких случаях регистрация может быть признана недействительной по ст. 10 ГК РФ [1; 10].

Важно обратить внимание на такие аспекты как определение сильных и слабых элементов товарного знака, использование писем о согласии как инструмента регистрации, оценивание широкой популярности знака. Эти инструменты важны для предотвращения конфликтов на стадии экспертизы.

Заключение Роспатента от 02.12.2024 по возражению ИП Вингрис Я.В. против товарного знака №1040121 демонстрирует, как административный орган оценивает наличие более ранних прав и вероятность смешения.

В данном случае Роспатент отказал в удовлетворении возражения, признав, что противопоставленное обозначение не обладает достаточной различительной способностью [14].

Следующей проблемой является отсутствие единых реестров для коммерческих обозначений и доменных имен, что затрудняет проведение предварительных проверок перед регистрацией нового товарного знака.

Для минимизации рисков необходимо проверять не только базу товарных знаков Роспатента, но и ЕГРЮЛ, реестры доменов и публичные источники, маркетплейсы [13].

Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП) играет ключевую роль в формировании единообразных подходов к разрешению конфликтов средств индивидуализации. Сборник судебной практики СИП за 2021–2023 гг. [15] содержит ряд важных позиций:

– приоритет имеет то средство индивидуализации, которое раньше начало использоваться, даже если регистрация товарного знака была произведена позднее, при условии доказывания известности;

– при оценке сходства до степени смешения суды учитывают не только словесные, но и графические, звуковые элементы;

– недобросовестное поведение правообладателя товарного знака может служить основанием для отказа в защите.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Принцип старшинства права п. 6 ст. 1252 ГК РФ является основным, но не единственным критерием разрешения конфликтов. Суды также учитывают добросовестность сторон и известность обозначения. Основные проблемы охраны связаны с отсутствием единой системы регистрации коммерческих обозначений, правового статуса доменных имен как объектов прав, эффективного внесудебного механизма разрешения доменных споров в зонах «.RU» и «РФ», а также обязанности ФНС проверять фирменные наименования на тождество с товарными знаками. Тенденции судебной практики показывают усиление роли добросовестности и защиты лица, которое первым начало реально использовать обозначение в бизнесе.

В заключение важно обозначить предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения.

Во-первых, считается необходимым внесение изменения в часть четвертую ГК РФ, признав доменное имя самостоятельным средством индивидуализации с установлением момента возникновения права и порядка его охраны по аналогии с товарным знаком.

Во-вторых, стоит рассмотреть возможность создать национальную систему внесудебного разрешения доменных споров на базе Координационного центра национального домена сети Интернет.

Рассмотреть возможность ФНС при регистрации юридических лиц проводить проверку заявляемого фирменного наименования на тождество или сходство до степени смешения с зарегистрированными товарными знаками, хотя бы в отношении однородных видов деятельности.

В-третьих, имеет смысл введение регистрации коммерческих обозначений в Роспатенте с установлением приоритета по дате подачи заявки.

Реализация указанных мер позволит снизить количество конфликтов, обеспечить предсказуемость судебной защиты и закрыть существующий пробел в российском законодательстве относительно средств индивидуализации юридических лиц и результатов их деятельности.

Также результатом выдвинутых предложений станет развитие практики применения ст. 10 ГК РФ для пресечения злоупотреблений при регистрации товарных знаков.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №52 (ч. 1). – Ст. 5496.

2. Геец К.В. Доменные имена и доменные споры в России и за рубежом / К.В. Геец. – М.: Проспект, 2023. – 192 с. EDN POQRWN

3. Голубев А.Е. Существующие механизмы рассмотрения и разрешения доменных споров / А.Е. Голубев // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – №1. – С. 118–125. – URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729102/ (дата обращения: 03.04.2026). EDN SITBPS

4. Евтеева Е.В. Обзор судебной практики в сфере доменных имен: тенденции и проблемы / Е.В. Евтеева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – №4. – С. 134–146. – URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1762366/ (дата обращения: 03.04.2026). DOI 10.58741/23134852_2024_4_13. EDN JQMMTZ

5. Кащеева А.Е. Принцип старшинства средств индивидуализации / А.Е. Кащеева // Молодой ученый. – 2024. – №25 (524). – С. 195–198. – URL: https://moluch.ru/archive/524/115836 (дата обращения: 03.04.2026). EDN KYNMMC

6. Рогозина Н. Конкуренция в сфере использования прав на средства индивидуализации / Н. Рогозина. – М., 2025. – 87 с.

7. Рожкова М.А. Доменные споры и арбитраж по UDRP: правовые проблемы и новые (старые) вызовы / М.А. Рожкова, Е.В. Алымова // Цифровое право. – 2025. – Т. 6, №9. – С. 44–71. DOI 10.38044/2686-9136-2025-6-9. EDN IDQJBB

8. Рожкова М.А. Доменные споры и арбитраж по UDRP: правовые проблемы и новые (старые) вызовы / М.А. Рожкова, Е.В. Алымова // Цифровое право. – 2025. – Т. 6. – №9. – С. 44–71. – URL: https://www.garant.ru/article/1543647/ (дата обращения: 03.04.2026). DOI 10.38044/2686-9136-2025-6-9. EDN IDQJBB

9. Серго А.Г. Внесудебное разрешение доменных споров: мировая практика и отечественные перспективы / А.Г. Серго // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – №2 (40). – С. 128–145. – URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729291/ (дата обращения: 03.04.2026). DOI 10.58741/23134852_2023_2_128. EDN ZIYQSJ

10. Серобян А. Столкновение разных средств индивидуализации: актуальная практика / А. Серобян // Pravo.ru: сайт. – 2025. – 14 февр. – URL: https://pravo.ru/story/246452/ (дата обращения: 03.04.2026).

11. Талянский Ю.С. Соотношение исключительных прав на фирменное наименование и коммерческое обозначение / Ю.С. Талянский // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, №8А. – С. 228–234. DOI 10.34670/AR.2022.18.98.032. EDN VFNOYO

12. Титов И.Е. Исковые требования в доменных спорах: сравнительно-правовое исследование российского и германского правовых подходов / И.Е. Титов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – №1. – С. 159–177. – URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1796268/ (дата обращения: 03.04.2026). DOI 10.58741/23134852_2025_1_14. EDN HKRYDV

13. Шевченко А.К. Приоритет средств индивидуализации / А.К. Шевченко // JBI Group: аналитика. – 2025. – 23 апр. – URL: https://jbi-group.ru/analytics/analytics_of_intellectual_property_rights/prioritet-sredstv-individualizatsii/ (дата обращения: 02.04.2026).

14. Заключение Роспатента по результатам рассмотрения возражения ИП Вингрис Я. В. против предоставления правовой охраны товарному знаку по свидетельству №1040121: решение от 02.12.2024. – URL: https://www1.fips.ru/pps/28_12_24/2023B01943.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

15. Сборник судебной практики и решений Суда по интеллектуальным правам 2021–2023 гг. – М.: РГ-Пресс, 2023. – 320 с.

Сердюкова Екатерина Сергеевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОВАРОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОНТРОЛЮ И УЧЁТУ

Аннотация: *в статье исследуются особенности правового регулирования оборота товаров, подлежащих государственному контролю и учёту в Российской Федерации. Анализируются нормативно-правовые акты, определяющие категории таких товаров (продукция военного назначения, драгоценные металлы, этиловый спирт, наркотические средства, отдельные виды химической продукции), а также механизмы их идентификации, регистрации и прослеживаемости. Особое внимание уделяется соотношению императивных и диспозитивных начал в регулировании, обусловленному необходимостью обеспечения национальной безопасности, общественного порядка и защиты здоровья населения. Государственный контроль рассматривается как инструмент публично-правового обеспечения устойчивости гражданского оборота. Рассматриваются современные вызовы, связанные с цифровизацией учётных систем (ЕГАИС, «Честный ЗНАК»), а также пробелы в законодательстве, порождающие правоприменительные коллизии. На основе анализа доктринальных подходов и судебной практики сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования.*

Ключевые слова: *государственный контроль, товарный учёт, публичное право, императивность, оборот товаров, прослеживаемость, специальные режимы оборота.*

В условиях развития рыночной экономики принцип свободы договора и автономии воли участников гражданского оборота остаётся доминирующим. Однако в отношении отдельных категорий товаров законодатель устанавливает специальные правовые режимы, основанные на императивных началах и сопровождаемые обязательным государственным контролем и учётом.

Такой подход обусловлен необходимостью защиты конституционно значимых ценностей: национальной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения (ст. 55 Конституции РФ). Как отмечает В.В. Лаптев, «государство вправе вводить ограничения в гражданском обороте, если они необходимы для защиты основ конституционного строя, прав и свобод человека» [7, с. 45].

Правовое регулирование таких товаров представляет собой сложный комплекс норм гражданского, административного, уголовного и международного права, что делает его предметом межотраслевого исследования [5, с. 65].

Цель настоящей статьи – выявить особенности правового статуса товаров, подлежащих государственному контролю и учёту, проанализировать механизмы их регулирования и обозначить направления совершенствования законодательства.

Понятие и правовая природа товаров, подлежащих государственному контролю и учёту.

Под товарами, подлежащими государственному контролю и учёту, понимаются объекты гражданских прав, оборот которых ограничен или полностью запрещён, либо допускается только при соблюдении специальных условий, установленных законом.

Перечень таких товаров закреплён в различных нормативных актах: Федеральном законе «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта…», ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», ФЗ «Об оружии», ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и др. [2; 5].

С юридической точки зрения, такие товары характеризуются ограниченной оборотоспособностью. По классификации М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, они относятся к

категории «товаров с особым правовым режимом», где частноправовая автономия сторон подчиняется публично-правовым интересам [6, с. 120].

Это означает, что даже при наличии согласованной воли сторон сделка может быть признана недействительной, если нарушены требования учёта или контроля.

Государственный учёт таких товаров осуществляется через специализированные информационные системы: Единая государственная автоматизированная информационная система учёта объёмов производства и оборота этилового спирта (ЕГАИС), система «Честный ЗНАК» для маркированных товаров, Государственный гербарий для наркотических средств и др. Эти системы обеспечивают прослеживаемость на всех этапах – от производства до конечного потребителя [4, с. 80].

Механизмы государственного контроля и правовые последствия их нарушения.

Государственный контроль за оборотом указанных товаров реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов.

Лицензирование деятельности – предприниматель вправе осуществлять производство, хранение, перевозку или реализацию только при наличии специального разрешения (лицензии). Отсутствие такого разрешения делает деятельность незаконной [5, с. 68].

Обязательная маркировка и идентификация – с 2020 года в РФ введена поэтапная маркировка товаров (обувь, одежда, лекарства, фотоаппараты и др.), что позволяет отслеживать легальность каждой единицы продукции.

Декларирование и отчётность – участники оборота обязаны предоставлять сведения в учётные системы в установленные сроки [4, с. 82].

Надзор и проверки – уполномоченные органы (Росалкогольрегулирование, Роспотребнадзор, ФСБ) проводят плановые и внеплановые проверки.

Нарушение требований влечёт многоуровневую ответственность:

− административную (ст. 14.17, 15.12 КоАП РФ – штрафы, конфискация);

− уголовную (ст. 238, 234 УК РФ – за оборот запрещённых товаров);

− гражданско-правовую – сделка может быть признана ничтожной в силу нарушения императивных норм (п. 2 ст. 168 ГК РФ) [1, ст. 168].

Как справедливо замечает А.П. Сергеев, «публичный интерес в данном случае превалирует над частным, и суды последовательно отказывают в защите прав тем, кто уклонился от соблюдения режима контроля».

Проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования.

Несмотря на развитую систему контроля, в правоприменительной практике возникают существенные проблемы.

Фрагментация законодательства: нормы разбросаны по множеству законов, что затрудняет их применение. Отсутствует единый кодифицированный акт, регулирующий все аспекты оборота товаров с особым режимом [5, с. 70].

Технические сбои в учётных системах: ошибки в ЕГАИС или «Честном ЗНАКе» могут привести к необоснованному приостановлению оборота легальной продукции.

Неопределённость границ ответственности: не всегда ясно, кто несёт ответственность – производитель, поставщик или ритейлер – при нарушении условий учёта.

В научной литературе высказываются предложения по:

− созданию единого реестра товаров, подлежащих контролю;

− унификации санкций за нарушения;

− внедрению блокчейн-технологий для повышения надёжности учётных систем [4, с. 84].

Особое внимание следует уделить балансу между эффективностью контроля и поддержкой добросовестного бизнеса. Избыточное регулирование может подавлять предпринимательскую инициативу, что противоречит целям экономического развития.

Правовое регулирование товаров, подлежащих государственному контролю и учёту, представляет собой важнейший элемент публично-правового воздействия на гражданский оборот. Его особенность заключается в приоритете императивных норм над диспозитивными, что оправдано защитой общественных интересов.

Современные вызовы – цифровизация [4], глобализация, рост контрафакта – требуют гибкого, но чёткого правового регулирования. Для этого необходимо не только

совершенствовать технические системы учёта, но и гармонизировать законодательство, устраняя пробелы и противоречия. Только такой подход позволит обеспечить баланс между безопасностью общества и свободой предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения: в 2 т. Т. 1 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2021. – 688 с.
2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.
3. Лаптев В.В. Государственное вмешательство в частноправовые отношения / В.В. Лаптев. – М.: Статут, 2020. – 312 с.
4. Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня товаров, подлежащих маркировке средствами идентификации» №427 от 05.04.2019 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – №14. – Ст. 3512.
5. Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» №171-ФЗ от 22.11.1995 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №48. – Ст. 4558.
6. Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» №41-ФЗ от 26.03.1998 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №13. – Ст. 1435.
7. Сергеев А.П. Публичные ограничения в гражданском праве / А.П. Сергеев. – М.: Юрайт, 2019. – 256 с.

Смирнов Илья Антонович
студент

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПЕРЕХОД ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ПРИ РАЗДЕЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ СОЛИДАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: *статья посвящена анализу правового механизма солидарной ответственности, возникающей при реорганизации юридического лица в форме разделения. В условиях активной корпоративной реструктуризации защита интересов кредиторов сталкивается с проблемой размывания имущественной базы должника, когда после разделения удовлетворить требования становится затруднительно либо невозможно. Институт солидарной ответственности правопреемников служит способом защиты интересов кредиторов, чьи обязательства ещё не наступили к моменту реорганизации. Однако с расширением практики недобросовестных реорганизаций разделение используется для вывода активов и уклонения от исполнения просроченных обязательств. Для оценки защищённости прав кредиторов необходимо рассматривать совокупность обстоятельств: момент наступления срока обязательства, поведение контролирующих лиц, распределение активов и добросовестность действий кредитора. Предложены корректировка нормативного регулирования, распространение солидарной ответственности на всех кредиторов и усиление ответственности контролирующих лиц.*

Ключевые слова: *реорганизация юридического лица, разделение, солидарная ответственность, защита прав кредиторов, правопреемство, добросовестность, гражданско-правовая ответственность.*

Правовое регулирование реорганизации и место солидарной ответственности в механизме защиты кредиторов.

Основные правила реорганизации юридических лиц содержит Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [7]. Согласно ст. 57 ГК РФ, разделение представляет

собой такую форму реорганизации, при которой первоначальное юридическое лицо прекращает свою деятельность, а все его права и обязанности распределяются между вновь образованными организациями на основании передаточного акта. Данный инструмент оказывается особенно востребованным в современной экономической ситуации, когда бизнес-структуры активно оптимизируют свою деятельность, выделяют отдельные направления или обособляют определенные активы. Для кредиторов здесь возникает принципиальная проблема: как сохранить возможность взыскания долгов после того, как первоначальный должник юридически перестает существовать.

Пункт 3 ст. 60 ГК РФ вводит солидарную ответственность правопреемников именно на тот случай, когда по передаточному акту невозможно достоверно установить, какое именно из вновь созданных лиц отвечает по конкретному обязательству. В корпоративной сфере данная правовая конструкция работает как эффективный инструмент расширения имущественной базы, за счет которой кредитор может получить удовлетворение своих требований [8].

Как поясняют Байбак, Бевзенко и Беляева, увеличение количества должников автоматически расширяет круг активов, на которые кредитор вправе обратить взыскание, и одновременно снижает риски возникновения внутренних споров между самими правопреемниками по поводу распределения долгов [2, с. 161]. Таким образом, солидарная ответственность выполняет здесь не столько карательную, сколько компенсаторно-обеспечительную функцию, что принципиально отличает ее от традиционных мер гражданско-правовой ответственности.

Природа солидарной ответственности: способ защиты, а не санкция.

В классической цивилистике ответственность традиционно рассматривается через призму государственно-принудительной санкции за совершенное правонарушение. Грибанов, например, характеризовал гражданско-правовую ответственность как принудительную меру государства, применяемую к нарушителю и влекущую для него исключительно негативные последствия имущественного или личного характера [9, с. 315]. Однако при анализе солидарной ответственности, возникающей при разделении юридического лица, более убедительной выглядит иная точка зрения.

Агапова в своем диссертационном исследовании доказывает, что в данном случае солидарная ответственность работает не как санкция за нарушение установленного порядка реорганизации, а как самостоятельный правовой инструмент, направленный исключительно на защиту законных интересов кредиторов [1, с. 15]. Схожую позицию последовательно отстаивают Брагинский и Витрянский, которые подчеркивают, что при солидарной обязанности все должники занимают равное положение перед кредитором, а сам механизм строится на принципе «один за всех», что принципиально отличает его от долевой или субсидиарной ответственности [3].

Системный анализ показывает, что аналогичный методологический подход обнаруживается и при исследовании других правовых институтов, выполняющих преимущественно обеспечительную функцию. В частности, Фастова, изучая посредничество в международном праве, определяет его как инструмент, позволяющий привлечь независимого и беспристрастного консультанта, а также максимально сблизить позиции сторон, находящихся в правовом конфликте [14, с. 94–95]. При этом, как подчеркивает автор, подлинно научный анализ требует изучения любого правового института не в изоляции, а в тесной взаимосвязи с другими правовыми явлениями, что позволяет увидеть его истинную природу и функциональное назначение [14, с. 95].

Солидарная ответственность при разделении юридического лица требует именно такого комплексного анализа. Сводить ее к формальной санкции за нарушение порядка реорганизации – значит упрощать правовую природу института. Речь идет об элементе общего механизма защиты прав кредиторов. Этот механизм включает также правила о поведении контролирующих лиц и о справедливом распределении активов между правопреемниками.

Пробелы в правовом регулировании.

При детальном анализе положений п. 3 ст. 60 ГК РФ выявляется весьма серьезный законодательный дефект, который до настоящего времени не устранен. Миткалев обоснованно

указывает: гарантия в виде солидарной ответственности правопреемников предоставляется законом только тем кредиторам, у которых срок исполнения обязательства еще не наступил на дату официального опубликования уведомления о реорганизации [10, с. 45]. Логика законодателя здесь внешне понятна: кредиторы с ненаступившим сроком объективно лишены возможности требовать досрочного погашения долга, поэтому именно для них и создается дополнительный механизм защиты. Однако при ближайшем рассмотрении эта логика обнаруживает свою уязвимость.

На практике наиболее острые проблемы возникают по тем обязательствам, срок исполнения по которым уже наступил. Это прежде всего кредитные договоры, договоры поставки, аренды, возмездного оказания услуг. Кредитор в такой ситуации формально мог предъявить требование к должнику, но по самым разным причинам этого не сделал. Ускоренная процедура реорганизации, начатая должником, не должна автоматически умалять объем прав такого кредитора и ставить его в заведомо худшее положение.

Проведенная законодателем дифференциация правового положения кредиторов в зависимости от момента наступления срока исполнения обязательства прямо противоречит основополагающим началам гражданского законодательства. Вавилин, раскрывая содержание принципа равенства участников гражданско-правовых отношений, определяет его как такое состояние, при котором все участники правоотношений обладают сопоставимым объемом субъективных прав и находятся в одинаковом имущественном положении [4]. Волос, в свою очередь, обоснованно выделяет специальный отраслевой принцип защиты прав кредиторов, который производен от более общего принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав [5, с. 83].

Следовательно, кредиторы, чьи требования к моменту реорганизации уже стали срочными, но не были удовлетворены, оказываются в заведомо худшем положении по сравнению с теми кредиторами, чьи требования еще не наступили. Такое положение дел несовместимо ни с принципом равенства, ни с принципом защиты прав кредиторов, ни с самой сущностью гражданского оборота, основанного на добросовестности и разумности действий его участников.

Поведенческие аспекты.

Определение круга лиц, которые могут быть привлечены к солидарной ответственности при недобросовестном разделении юридического лица, представляет собой непростую теоретическую и практическую задачу. Пункт 3 ст. 60 ГК РФ относит к ним тех, кто фактически мог определять действия реорганизуемого юридического лица, членов его коллегиальных органов (например, совет директоров или наблюдательный совет), а также единоличный исполнительный орган (директора, генерального директора).

Возлагать на этих лиц ответственность за любое действие, совершенное в ходе реорганизации, было бы явно неоправданно и противоречило бы общим принципам юридической ответственности. В то же время игнорирование ими элементарных требований добросовестности и разумности, особенно когда речь идет о заведомо несправедливом распределении активов, не должно оставаться без правовой реакции.

Галазова в своем исследовании обоснованно констатирует, что кредиторы в процессе реорганизации обладают весьма ограниченным набором правовых инструментов влияния. По существу, они вправе лишь потребовать досрочного исполнения обязательства или возмещения причиненных убытков, а их прямое влияние на саму процедуру реорганизации и на распределение активов между правопреемниками минимально [6, с. 143].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) в своих определениях №846-О-О от 15 ноября 2007 г [11] и №453-О-О от 8 апреля 2010 г [12] разъяснил принципиально важную позицию: для квалификации отношений как отношений основного и дочернего хозяйственных обществ достаточно установить фактическую способность одного общества определять решения, принимаемые другим; наличие письменного договора или прямое закрепление такого права в уставе для этого вовсе не обязательно. Аналогичный подход допустим и при разделении юридического лица. Решающее значение имеет

фактическое обстоятельство: определяли ли контролирующие лица, в каком объеме и между какими правопреемниками распределяются активы.

Аналогичный принцип закреплен и в отраслевом корпоративном законодательстве. В частности, Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах» прямо предусматривает солидарную ответственность основного общества по обязательствам дочернего, если последнее действовало во исполнение обязательных для него указаний основного [15]. Это свидетельствует о системном подходе законодателя к проблеме контроля в корпоративных отношениях.

Направления совершенствования правового регулирования.

Повышение эффективности защиты прав кредиторов при разделении юридического лица невозможно без дальнейшего последовательного развития механизма солидарной ответственности правопреемников. Первоочередной и наиболее очевидной задачей является законодательное распространение действия п. 3 ст. 60 ГК РФ на всех кредиторов без какого-либо исключения, независимо от того, наступил срок исполнения соответствующего обязательства к моменту публикации уведомления о реорганизации или еще не наступил.

Миткалев в своей статье прямо и недвусмысленно говорит о том, что в настоящее время назрела настоятельная необходимость применять положения ст. 60 ГК РФ, исходя из фундаментального принципа равенства прав всех без исключения кредиторов, и устранить существующий законодательный пробел, возложив на участников реорганизации солидарную ответственность также и по тем обязательствам, срок исполнения по которым уже наступил к моменту реорганизации [10, с. 45].

Высшая судебная инстанция – Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) – в постановлении №16246/12 от 28 мая 2013 г. по делу № А56–65460/2011 сформулировала принципиально важную позицию: реорганизация по своей экономической сути призвана оптимизировать предпринимательскую деятельность, а не служить удобным инструментом для недобросовестного уклонения от исполнения принятых на себя долговых обязательств [13]. Однако, как с сожалением констатирует Миткалев, действующее российское законодательство все еще содержит отдельные нормы, которые вступают в прямое противоречие с принципами равноправия сторон, защиты прав кредиторов и, более того, с самой сущностью гражданского оборота как добросовестного и разумного взаимодействия его участников [10, с. 46].

Фастова применительно к общим вопросам совершенствования национального права формулирует важный методологический тезис: глубокое и всестороннее изучение международных принципов и стандартов в соответствующей сфере напрямую способствует более эффективному и поступательному развитию отечественного законодательства, его гармонизации с общепризнанными мировыми подходами [14, с. 94]. В контексте солидарной ответственности при разделении юридического лица это означает, что судам, законодателю, а также иным правоприменителям следует принимать во внимание не только формальные и буквальные требования закона, но и такие фундаментальные, общеправовые начала, как добросовестность, равенство всех участников гражданско-правовых отношений и справедливое, экономически обоснованное распределение рисков между кредиторами и правопреемниками.

Заключение.

Проведенное в настоящей статье исследование позволяет сформулировать следующие обоснованные выводы, имеющие как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, солидарная ответственность, возникающая при разделении юридического лица, по своей правовой природе работает именно как элемент правового механизма защиты интересов кредиторов, а не как традиционная мера ответственности за совершенное правонарушение. Этот ключевой тезис находит убедительное подтверждение как в работах Агаповой и Миткалева, так и в методологии системного анализа правовых институтов, предложенной Фастовой при исследовании посредничества;

Во-вторых, действующая в настоящее время редакция п. 3 ст. 60 ГК РФ объективно ставит кредиторов с наступившим сроком требования в заведомо неравное, ущемленное положение по сравнению с теми кредиторами, чей срок исполнения обязательства к моменту реорганизации еще не наступил. Такая дифференциация прямо противоречит как общеправовому принципу равенства всех участников гражданско-правовых отношений (Вавилин), так и специальному отраслевому принципу защиты прав кредиторов (Волос);

В-третьих, в целях устранения выявленного пробела необходимы либо целенаправленные изменения в законодательном тексте (в частности, исключение из абз. 2 п. 3 ст. 60 ГК РФ прямого указания на момент наступления срока исполнения обязательства), либо последовательное формирование единообразной судебной практики, которая бы распространяла действие солидарной ответственности на всех кредиторов без исключения, независимо от того, когда конкретное обязательство должно было быть исполнено. Пока такие изменения не внесены, судам при толковании и применении п. 3 ст. 60 ГК РФ следует исходить из необходимости обеспечения равной и полной защиты всех без исключения кредиторов реорганизованного юридического лица, не допуская дискриминации по признаку момента наступления срока исполнения обязательства.

Список литературы

1. Агапова О.И. Защита прав кредиторов при реорганизации юридических лиц: автореф. дис.... канд. юрид. наук / О.И. Агапова. – М., 2007. – 32 с. EDN NIQVMT

2. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. – 1120 с.

3. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 3-е изд., стереотип. – Кн. 1. – М.: Статут, 2001. – 848 с.

4. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – 416 с.

5. Волос А.А. Принципы обязательственного права / А.А. Волос; под ред. Е.В. Вавилина. – М.: Статут, 2016. – 176 с. EDN YSGBJV

6. Галазова З.В. Реорганизация юридического лица: теоретико-правовое обоснование: монография / З.В. Галазова. – М.: Юстицинформ, 2017. – 188 с. EDN UPRVHY

7. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» №14-ФЗ от 26.01.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410.

8. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

9. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – 411 с.

10. Миткалев Р.С. Солидарная ответственность по обязательствам реорганизованного юридического лица как элемент механизма защиты прав кредиторов / Р.С. Миткалев // Евразийская адвокатура. – 2021. – №1(50). – С. 44–47. DOI 10.52068/2304–9839_2021_50_1_44. EDN MCHQMH

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 №846-О-О.

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2010 №453-О-О.

13. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.2013 №16246/12 по делу №А56–65460/2011.

14. Фастова М.А. Посредничество в международном праве: теоретико-правовые аспекты / М.А. Фастова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2016. – №9. – С. 94–96. EDN XAETNP

15. Федеральный закон «Об акционерных обществах» №208-ФЗ от 26.12.1995 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 1.

Стопкевич Дарья Игоревна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРИ ВКЛЮЧЕНИИ ДОЛГОВ ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ В КОНКУРСНУЮ МАССУ: БАНКРОТСТВО И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Аннотация: *в статье проанализированы правовые коллизии при включении долгов одного из супругов в конкурсную массу, обусловленные отсутствием в законодательстве о банкротстве точных критериев дифференциации в зависимости от семейного статуса должника. Выявлены проблемы разграничения общих и личных обязательств, определения подсудности, порядка выделения супружеской доли и юридической судьбы совместного имущества. Систематизированы нормативные условия отграничения личных долгов от общих, подлежащих погашению за счёт совместно нажитого имущества. Анализируются нормы СК РФ (ст. 34, 45) во взаимосвязи с положениями Закона о банкротстве (ст. 213.26). Особое внимание уделено проблеме определения доли супруга-должника в общем имуществе и обращения взыскания на единственное жильё. Доказана необходимость внесения изменений в Закон о банкротстве в части специальной процедуры учёта семейного статуса и унификации подходов к оспариванию брачных договоров. Предложены правовые механизмы минимизации выявленных коллизий.*

Ключевые слова: *банкротство, совместно нажитое имущество, состав конкурсной массы, супруги, долги, солидарные должники, выдел доли.*

Институт банкротства физических лиц, введённый в российское законодательство в 2015 году Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [3], породил обширный массив практических коллизий, часть из которых до сих пор не получила однозначного разрешения. Особое место среди них занимает проблема включения долгов одного из супругов в конкурсную массу. Такая категория дел, находящаяся на стыке банкротства и семейного права, требует одновременного применения разноотраслевых норм.

Нормы Семейного кодекса Российской Федерации [1], закрепляющие режим совместной собственности супругов и правила обращения взыскания по их обязательствам, исторически складывались без учёта возможных процедур несостоятельности. Законодательство о банкротстве, в свою очередь, не содержит специальных механизмов, учитывающих особенности семейных имущественных отношений.

Как справедливо отмечается в научной литературе, проблема правовых коллизий в рамках процедуры банкротства является одной из ключевых: рассматривая аналогичные споры с релевантным набором фактических обстоятельств, суды выносят диаметрально противоположные решения, что приводит к отсутствию единой судебной практики [11, с. 69–70].

Цель статьи – выявить и систематизировать основные правовые коллизии, возникающие при включении долгов одного из супругов в конкурсную массу, проанализировать складывающуюся судебную практику.

1. Проблема квалификации обязательств супругов в банкротстве.

Центральным вопросом, определяющим состав конкурсной массы и судьбу обязательств, является разграничение личных и общих долгов супругов. Пункт 1 статьи 45 Семейного кодекса РФ [1, ст. 45] устанавливает общее правило: по обязательствам одного из супругов

взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга. При недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы ему при разделе общего имущества, для обращения на неё взыскания. Пункт 2 статьи 45 СК РФ [1, ст. 45] предусматривает, что взыскание обращается на общее имущество супругов, если судом установлено, что всё полученное по обязательствам одним из супругов было использовано на нужды семьи. Таким образом, ключевым критерием для признания долга общим выступает факт расходования полученных средств на семейные нужды.

Однако практическое применение этих норм в делах о банкротстве порождает существенные коллизии.

1. Коллизия первая: бремя взыскания. Пункт 2 статьи 45 СК РФ [1, ст. 45] возлагает бремя доказывания факта использования средств на нужды семьи на сторону, претендующую на распределение долга. В банкротстве эта сторона – как правило, кредитор или финансовый управляющий. При этом бремя доказывания, как показывает практика, является крайне обременительным. Кредитору необходимо подтвердить не только факт получения денежных средств должником, но и их расходование именно на семейные нужды, что в отсутствие внутрисемейных документов практически невозможно.

2. Коллизия вторая: отсутствие солидарной ответственности. В одном из своих определений 2022 года (дело о банкротстве Темниковой) [7] Верховный Суд РФ сформулировал принципиальную позицию: «признание обязательств супругов общими не является основанием для возникновения солидарной обязанности по погашению общей задолженности». Иными словами, даже если долг признан общим, отвечать по нему будет только тот супруг, который является стороной обязательства. Последствием признания обязательства общим является лишь возникновение у кредитора права на обращение взыскания на общее имущество супругов.

Следует признать, что данная позиция Верховного Суда нуждается в уточнении: разграничение понятий «общее обязательство» и «солидарное обязательство» действительно имеет теоретическое обоснование, однако на практике это приводит к существенному ущемлению прав кредиторов, особенно в ситуациях, когда второй супруг фактически пользовался полученными средствами [8, с. 25–37].

2. Взыскание на общее имущество. Конкуренция норм гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Принципиальная коллизия обнаруживается при сопоставлении механизмов обращения взыскания на долю супруга-должника в общем имуществе, предусмотренных гражданским и семейным законодательством, с одной стороны, и законодательством о банкротстве – с другой.

Статья 256 ГК РФ пункт 3 [2, ст. 256] и статья 45 СК РФ пункт 1 [1, ст. 45] предусматривают, что для обращения взыскания на долю супруга-должника необходимо предварительно выделить эту долю из общего имущества. Однако положения пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве [3, ст. 213.26] допускают реализацию общего имущества целиком с последующей выплатой супругу (бывшему супругу) денежной компенсации, соответствующей его доле. Данная коллизия порождает как минимум две проблемы:

Во-первых, продажа имущества целиком на торгах зачастую экономически более выгодна для конкурсной массы, нежели продажа доли в праве общей собственности. Однако супруг должника при этом утрачивает право на имущество в натуре, получая лишь денежный эквивалент, который может быть несоразмерен реальной рыночной стоимости доли с учётом специфики торгов [14, с. 26–28].

Во-вторых, процедура раздела имущества, инициированная в суде общей юрисдикции, может конкурировать с процедурой реализации в деле о банкротстве. Как показывает практика, супруги нередко инициируют раздел имущества параллельно с банкротством, пытаясь вывести активы из-под взыскания [12, с. 108–111].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. №48 [5] закреплён подход, согласно которому финансовый управляющий вправе обратиться в суд с требованием

о разделе общего имущества супругов. Однако это не снимает общего противоречия между двумя правовыми механизмами.

3. Брачный договор как инструмент «защиты» и «обхода» закона.

Институт брачного договора в банкротстве порождает многочисленные коллизии, связанные с его оспариванием по общегражданским основаниям (статьи 10 и 168 ГК РФ) [2] и специальным основаниям несостоятельности (статья 61.2 Закона о банкротстве) [3, ст. 61.2].

Позиция Верховного Суда Российской Федерации в определении СКЭС Верховного Суда РФ от 27 июня 2025 г. №305-ЭС25–2188 [6] сформулировала ключевые правовые позиции. Не всякий брачный договор нарушает интересы кредиторов; оспаривание по общегражданским основаниям брачного договора, заключённого за пять лет до возбуждения дела о банкротстве, может свидетельствовать о попытке банка в отсутствие объективных предпосылок преодолеть трёхлетний период подозрительности, предусмотренный пунктом 2 статьи 61.2 Федерального Закона о несостоятельности (банкротстве) [3, ст. 61.2].

Особого внимания заслуживает дело Дегтярева, в котором Верховный Суд рассматривает вопрос о действительности брачного договора, устанавливающего режим раздельной собственности на будущее время. Ключевой аргумент супруги должника: спор сложился не в отношении имущества, которое уже было у супругов, а в отношении тех активов, которые она приобрела в будущем на собственные средства [6].

Коллизия брачного договора и интересов кредиторов проявляется в следующем: с одной стороны, брачный договор является легитимным инструментом регулирования имущественных отношений супругов, предусмотренным главой 8 Семейного Кодекса Российской Федерации [1, гл. 8]. С другой – его заключение в преддверии банкротства нередко используется для вывода активов из конкурсной массы [13].

Критически важным становится вопрос о моменте возникновения обязательства: если брачный договор заключён до возникновения долга, оспорить его существенно сложнее. Однако на практике суды не всегда последовательны в оценке добросовестности супругов. Сам факт заинтересованности сторон сделок (родственные связи) не может служить основанием для признания их недействительными, но в совокупности с иными обстоятельствами (наличие признаков неплатёжеспособности, отсутствие раздельного режима доходов) может привести к аннулированию договора [10, с. 179–185].

4. Залоговое имущество и совместное банкротство. Пробелы законодательства.

Ещё одна коллизия возникает при реализации заложенного имущества, находящегося в совместной собственности супругов. Согласно сложившейся судебной практике, после реализации заложенного имущества первым делом погашаются требования залогового кредитора, и только после этого оставшаяся сумма распределяется между супругами. При этом не имеет значения, давал ли второй супруг согласие на передачу имущества в залог и был ли он осведомлён об этом [4].

Данный подход обосновывается тем, что супруги рассматриваются как созалогодатели, а залоговое право имеет приоритет перед правом супруга на выдел доли. Однако такая позиция фактически лишает добросовестного супруга, не знавшего о залоге, возможности защитить своё имущество [14, с. 26–28].

Законодательство о банкротстве не содержит механизма совместного банкротства супругов, что порождает необходимость либо возбуждения двух отдельных дел, либо их последующего объединения. Как отмечается в литературе, это является существенным законодательным пробелом, влекущим правоприменительные коллизии [9, с. 235–239].

Практика выработала подход, при котором подаётся совместное заявление супругов о банкротстве, а суд впоследствии объединяет дела в одно производство. Однако данный подход не имеет прямого нормативного закрепления и основан исключительно на судейском усмотрении [12, с. 108–111].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства и судебной практики.

1. Законодательное закрепление механизма совместного банкротства супругов. Необходимо дополнить главу X Закона о банкротстве [3] положениями, регулирующими особенности совместного банкротства супругов, включая порядок формирования конкурсной массы, очерёдность удовлетворения требований кредиторов, правила реализации общего имущества.

2. Дифференциация понятий «общее» и «солидарное» обязательство. Следует на законодательном уровне разграничить общие и солидарные обязательства супругов, предусмотрев для кредиторов эффективные механизмы взыскания при признании долга общим, в том числе возможность привлечения второго супруга к солидарной ответственности [8, с. 25–37].

3. Защита добросовестного супруга при реализации заложенного имущества. Необходимо предусмотреть механизмы защиты супруга, не дававшего согласия на залог общего имущества и не знавшего о нём, в частности, путём установления обязанности залогодержателя по уведомлению супруга залогодателя [14, с. 26–28].

Решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, включающего как точечные изменения в Семейный кодекс Российской Федерации [1] и Федеральный Закон о банкротстве [3], так и формирование единообразной судебной практики на уровне разъяснений высшей судебной инстанции.

Список литературы

1. Федеральный закон «Семейный кодекс Российской Федерации» №223-ФЗ от 29.12.1995 (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16, 34, 45.

2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 256.

3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26.10.2002 (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №43. – Ст. 61.2, 213.26.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» №45 от 13.10.2015 (ред. от 17.12.2024).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» №48 от 25.12.2018.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.06.2025 №305-ЭС25–2188 по делу №А40–244083/2022.

7. Определение Верховного Суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.12.2022 по делу №А71–2503/2021.

8. Будылин С. Долги супругов в банкротстве: долг общий, но отвечает только один? / С. Будылин // Юридическая работа в кредитной организации. – 2023. – С. 25–37.

9. Бушев Ю.В. Банкротство супругов: проблемы теории и практики / Ю.В. Бушев // Молодой учёный. – 2026. – С. 235–239.

10. Казакова И.А. К вопросу определения способов приобретения имущества: сравнительно-правовой анализ современного гражданского законодательства и Свода законов Российской империи / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №3. – С. 179–185. EDN QIMAOA

11. Летова Н.В. Проблемы обеспечения защиты прав супругов в делах о банкротстве: тенденции и перспективы / Н.В. Летова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – С. 69–70.

12. Начарова А.В. Защита имущественных интересов супруга должника при исполнении долговых обязательств в процедуре банкротства / А.В. Начарова, И.Д. Борисова // Электронный научный журнал. – 2025. – С. 108–111.

13. Панина С.А. Банкротство физического лица: аспекты семейных правоотношений / С.А. Панина // Образование и право. – 2020.

14. Салимов А.С. Конкурсная масса супруга-должника: межотраслевой аспект / А.С. Салимов, С.В. Воронина // Российско-азиатский юридический журнал. – 2020. – С. 26–28.

Стрелкова Виктория Александровна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПУБЛИЧНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ СВЕДЕНИЙ ЕГРЮЛ И ЕГРИП КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕЕСТРОВ

Аннотация: *статья посвящена анализу правового значения принципа публичной достоверности сведений ЕГРЮЛ и ЕГРИП. На основе анализа Федерального закона №129-ФЗ (ст. 11, 13) и Гражданского кодекса РФ (ст. 51, 52) выявлены ключевые пробелы и противоречия между оценкой достоверности сведений регистрирующими органами и судебной практикой их оспаривания. Расхождения в подходах приводят к правовой неопределённости, увеличивая количество споров и затрудняя защиту прав добросовестных участников оборота, особенно в контексте защиты интересов кредиторов и контрагентов. Статья содержит анализ судебной практики и нормативных положений, что позволяет выработать рекомендации по совершенствованию правоприменительной деятельности и административных процедур для формирования единообразных подходов к оценке достоверности сведений и укрепления доверия к институтам государственной регистрации.*

Ключевые слова: *Единый государственный реестр юридических лиц, Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей, достоверность сведений, верификация информации, правовое значение государственных реестров, правовая система, судебная практика.*

В условиях интенсивного развития корпоративных отношений и расширения гражданско-правового оборота государственные реестры юридических лиц (ЕГРЮЛ) и индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) приобретают ключевое значение как источники официальной информации. Публичная достоверность содержащихся в них сведений выступает неотъемлемым элементом правовой системы, обеспечивающим юридическую определённость и снижающим транзакционные риски. Данный институт формирует основу для предсказуемости поведения участников оборота, создавая баланс между интересами государства и субъектов предпринимательской деятельности.

Как отмечает Бояринцева О.А. [3, с. 68], «в связи с вступлением в информационную фазу развития в современном обществе ведущим товаром стали знания. При этом достаточно очевидно, что все важнейшие информационные ресурсы государства сосредоточены в базах данных. В условиях развития новых форм взаимодействия между государством и гражданским обществом органы публичной власти, граждане и организации вынуждены постоянно обращаться к официальной информации. Такая информация необходима для предоставления публичных услуг и исполнения публичных функций, часто она служит основой реализации прав и законных интересов граждан и совершения юридически значимых действий. Поэтому с её достоверностью напрямую связано правовое качество жизни общества».

Таким образом, достоверность реестровых данных становится фундаментом доверия к системе государственной регистрации в целом.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ механизмов обеспечения публичной достоверности сведений в ЕГРЮЛ и ЕГРИП и оценка их влияния на правовое значение реестров в российской правовой системе. Особое внимание уделяется вопросу о том, в какой мере существующие нормативные гарантии и процедуры верификации информации способны обеспечить её надёжность для участников гражданского оборота.

Исследование призвано определить, насколько эффективно действующие правовые инструменты минимизируют риски, связанные с использованием недостоверных данных, в контексте гражданско-правовых и административных правоотношений.

1. Нормативные основы публичной достоверности ЕГРЮЛ и ЕГРИП.

Достоверность сведений в государственных реестрах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей представляет собой юридическую категорию, отражающую соответствие зарегистрированных данных фактическому состоянию субъекта. Это соответствие охватывает все существенные характеристики, включая организационно-правовую форму, состав участников, размер уставного капитала и иные юридически значимые параметры. Законодатель устанавливает обязательность такого соответствия как необходимое условие легитимности хозяйственной деятельности. От степени достоверности сведений напрямую зависит стабильность гражданского оборота и уровень доверия между его участниками. Юридическое значение достоверности проявляется в обеспечении публичного доступа к проверенной информации о субъектах предпринимательства. «Поэтому система ЕГРЮЛ создана и поддерживается в значительной мере для того, чтобы обеспечить доступность точной и верной информации о любом российском юридическом лице как субъекте гражданского права любому субъекту гражданского оборота» [4, с. 22]. Данный подход закрепляет особый правовой режим реестров как официальных источников сведений. Обязанность по поддержанию соответствия между фактическими данными и их регистрационным отражением лежит как на самих субъектах, так и на регистрирующих органах.

Система принципов обеспечения достоверности реестровых сведений формирует методологическую основу их функционирования. Ключевым из них выступает презумпция правильности записей. Принцип единства информационного пространства обеспечивает согласованность данных между различными государственными реестрами и информационными системами. Непрерывность актуализации данных гарантирует своевременное отражение изменений в статусе субъектов предпринимательства. Презумпция правильности реестровых записей создаёт основу для защиты добросовестных участников гражданского оборота, полагающихся на официальные данные. Единство информационного пространства минимизирует риски противоречий между сведениями из разных государственных источников. Принцип непрерывной актуализации реализуется через установленные законом сроки внесения изменений и процедуры их проверки. Совокупное действие этих принципов направлено на поддержание баланса между публичными интересами и правами отдельных субъектов.

2. Законодательное регулирование формирования и ведения ЕГРЮЛ и ЕГРИП: анализ ключевых норм.

Законодательное регулирование формирования и ведения ЕГРЮЛ и ЕГРИП основано на иерархии нормативных актов, возглавляемой Гражданским кодексом РФ (ГК РФ). Федеральный закон №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» конкретизирует общие положения ГК РФ. «Как следует из содержания п. 1 и п. 3 ст. 49 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), юридическое лицо, с учётом целей его деятельности (определённых в учредительных документах), может иметь гражданские права, а также нести соответствующие обязанности с момента внесения сведений о его создании в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ)» [5, с. 128]. Данная норма определяет юридическое значение записей в реестре как основу правового статуса субъектов. Подзаконные акты Федеральной налоговой службы России детализируют процедурные аспекты ведения реестров. «С 1 июля 2002 г. ФНС России осуществляет функцию по государственной регистрации юридических лиц и ведёт Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ)» [6, с. 30]. Ведомственные приказы и методические рекомендации ФНС устанавливают порядок взаимодействия регистрирующих органов с заявителями, формы документов и электронные форматы обмена данными. Эта система нормативного регулирования обеспечивает единство правоприменительной практики на всей территории Российской Федерации.

Ключевые законодательные требования к ведению реестров включают чёткие сроки внесения изменений в ЕГРЮЛ и ЕГРИП. Федеральный закон №129-ФЗ устанавливает «пятидневный срок для регистрации изменений с момента представления документов» [1]. Основания для отказа в государственной регистрации исчерпывающе перечислены в ст. 23 указанного закона и включают непредставление необходимых документов или несоответствие их формы установленным требованиям. Данные нормы направлены на обеспечение оперативности и достоверности регистрационных действий. Порядок исправления технических ошибок в реестрах регламентирован ст. 21 Федерального закона №129-ФЗ. Исправление осуществляется регистрирующим органом в трёхдневный срок с момента выявления недостоверных сведений или получения заявления заинтересованного лица. Законодатель предусмотрел возможность оспаривания записей в реестре в судебном порядке при наличии спора о достоверности сведений. Эти механизмы обеспечивают баланс между принципом публичной достоверности реестра и защитой прав участников гражданского оборота.

3. Публичная достоверность как основа правового значения ЕГРЮЛ и ЕГРИП.

Нормативное закрепление публичной достоверности сведений ЕГРЮЛ и ЕГРИП является фундаментом их правового статуса. Законодательство определяет достоверность как обязательное качество информации, содержащейся в реестрах, что обеспечивает их юридическую значимость. Данное положение зафиксировано в Федеральном законе №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», а также «в статье 51 ГК РФ закреплён принцип публичной достоверности Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ), данные которого являются открытыми, а лицо, опирающееся на них, обоснованно может полагаться на их действительность и соответствие фактическим обстоятельствам» [7]. Принцип публичной достоверности ЕГРЮЛ должен способствовать снижению рисков в предпринимательской деятельности и реализации принципа добросовестности при её осуществлении. Публичная достоверность выступает гарантом доверия участников гражданского оборота к официальной информации, содержащейся в государственных реестрах.

Роль публичной достоверности проявляется в придании юридической силы записям ЕГРЮЛ и ЕГРИП для участников гражданско-правовых отношений. Третьи лица вправе полагаться на содержащиеся в реестрах сведения, что обеспечивает стабильность гражданского оборота и снижает риски добросовестных приобретателей. Данный принцип создаёт правовую основу для защиты интересов субъектов, действующих в соответствии с официально опубликованной информацией. Таким образом, публичная достоверность сведений реестра служит механизмом минимизации юридических рисков в хозяйственной деятельности.

4. Судебная практика, связанная с оспариванием записей ЕГРЮЛ и ЕГРИП.

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько категорий споров, связанных с оспариванием записей в ЕГРЮЛ и ЕГРИП.

К первой категории относятся споры, связанные с оспариванием факта внесения записи как таковой, например, при отсутствии волеизъявления лица на регистрацию или при нарушении процедуры.

Вторая категория включает споры о содержании записи, когда оспаривается её достоверность или полнота. Важным аспектом является то, что «при наличии спора о праве на недвижимое имущество ни государственная регистрация, ни действия регистрирующего органа не могут быть оспорены в судебном порядке» [8, с. 54], что подчёркивает разграничение между оспариванием записи и оспариванием самого права.

Внесение недостоверных сведений в ЕГРЮЛ и ЕГРИП влечёт за собой значительные правовые последствия для всех участников гражданского оборота. К.И. Забоева считает, что «современный гражданский оборот немыслим без заслуживающих доверия информационных ресурсов, ориентируясь на которые его участники имеют возможность минимизировать риски крушения бизнеса из-за недостоверной информации о личностях контрагентов и их имуществе» [9, с. 94]. Эти последствия могут проявляться в виде нарушения прав и законных

интересов третьих лиц, которые полагались на публичную достоверность реестровых данных. Недостоверные сведения способны создать ложное представление о правовом статусе субъекта, его полномочиях или имущественном положении. Такая ситуация может привести к заключению недействительных сделок, возникновению необоснованных обязательств или невозможности исполнения уже существующих. В результате участники гражданского оборота, действующие добросовестно и полагающиеся на данные реестров, оказываются в уязвимом положении. Судебная практика подтверждает, что оспаривание недостоверных записей является важным механизмом защиты прав, пострадавших от таких нарушений.

5. Правовые коллизии и проблемы доказывания недостоверности сведений в судебной практике.

Судебная практика выявляет существенные коллизии между принципом публичной достоверности реестровых данных и требованием установления материальной истины. Формальная достоверность сведений ЕГРЮЛ и ЕГРИП, закреплённая законодательно, вступает в противоречие с необходимостью исследования фактических обстоятельств дела. Это создаёт правовую неопределённость при разрешении споров, связанных с оспариванием записей в государственных реестрах. Суды сталкиваются с дилеммой: признать приоритет публичной достоверности или установить действительное положение дел. Указанная коллизия наглядно проявляется в ситуациях, когда формальное соблюдение процедуры регистрации усугубляет нарушения существенных принципов гражданского оборота. Рудченко А.Д., Малеев В.И. приводят пример конфликта: «Формально не запрещено? Не можем вмешиваться, так как нарушим закон. И это может быть верно, ведь бывшие партнёры по бизнесу могли стать конкурентами. Но тогда почему цена не слишком различается? Другая позиция: есть признаки согласованных действий, нет сделки. А как может быть иначе, если нарушается основной принцип (ст. 8) – конкурентности закупки?» [10, с. 62–69]. Данный пример иллюстрирует конфликт между буквальным толкованием норм и необходимостью защиты основополагающих принципов права.

Распределение бремени доказывания недостоверности реестровых записей вызывает значительные сложности в судебной практике. Законодатель не предусмотрел чётких критериев определения стороны, обязанной представлять доказательства ошибочности сведений. Это приводит к противоречивым подходом в судебных решениях: в одних случаях бремя возлагается на заявителя, в других – на регистрирующий орган. Отсутствие единообразной практики затрудняет защиту прав добросовестных участников гражданского оборота.

Процессуальные проблемы установления факта недостоверности сведений связаны с ограниченными возможностями суда при оценке реестровых данных. Судебные органы сталкиваются с трудностями при истребовании документов, подтверждающих недостоверность записей, особенно если информация была представлена третьими лицами. Отсутствие механизма оперативного внесения изменений в реестр после вынесения судебного решения дополнительно осложняет восстановление нарушенных прав.

6. Перспективы совершенствования законодательства.

Проведённое исследование подтвердило, что публичная достоверность сведений ЕГРЮЛ и ЕГРИП выступает краеугольным камнем юридической инфраструктуры российского корпоративного права. Нормативный анализ выявил, что принцип достоверности закреплён как системообразующий элемент, обеспечивающий стабильность гражданского оборота. Практическое значение этого принципа проявляется в снижении транзакционных издержек и минимизации рисков при заключении сделок. Таким образом, достоверность реестровых данных формирует основу для предсказуемости правоотношений и правовой определённости в экономической деятельности.

Анализ нормативно-правовых механизмов показал, что действующее законодательство содержит достаточные основания для обеспечения достоверности записей в реестрах. Однако исследование выявило существенный разрыв между законодательными установлениями и их практической реализацией. Проблемы операционной верификации представляются

ключевым ограничением, поскольку отсутствие эффективных процедур проверки поступающих сведений снижает качество данных. Это создаёт предпосылки для возникновения правовых коллизий на последующих стадиях использования информации.

Систематизация судебной практики продемонстрировала устойчивую тенденцию к росту споров, связанных с недостоверностью реестровых сведений. Центральной проблемой выступает отсутствие единообразия в подходах к оценке достоверности между регистрирующими органами и судебными инстанциями. Выявленные противоречия в правоприменении подрывают доверие к реестрам как к авторитетным источникам информации. Следствием этого становится нарастание юридической неопределённости, что противоречит изначальным целям создания единых государственных реестров.

Укрепление правового значения ЕГРЮЛ и ЕГРИП требует комплексного совершенствования механизмов обеспечения достоверности. Ключевыми направлениями должны стать повышение качества административных процедур верификации и гармонизация стандартов доказывания. Реализация этих мер позволит усилить защиту прав участников гражданского оборота через повышение надёжности реестровой информации. В результате реестры смогут в полной мере выполнять функцию публичного гаранта достоверности сведений о субъектах предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» №129-ФЗ от 08.08.2001 (последняя редакция).

2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).

3. Бояринцева О.А. Публичная достоверность баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления / О.А. Бояринцева // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по мат-лам LXIV-LXV международной научно-практ. конф-ции. – Новосибирск: СибАК, 2016. – №8–9(59). – С. 68–74.

4. Корпоративное право: учебный курс / И.С. Шиткина, Е.П. Губин, Н.В. Козлова [и др.]. – М.: Статут, 2025. – 592 с.

5. Василишин И.И. Отдельные вопросы государственного регулирования процедур легитимации правового статуса и деятельности субъектов предпринимательства / И.И. Василишин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2024. – №1. – С. 126–130. EDN KYWSKM

6. Гладилин С.В. Проверь себя и контрагента / С.В. Гладилин // Налоговая политика и практика. – 2012. – №9. – С. 30–33. EDN PFPLSF

7. Бондаренко С.А. Публичная достоверность ЕГРЮЛ как инструмент безопасности бизнеса в российском законодательстве / С.А. Бондаренко // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. – 2023.

8. Тамазян С.К. Проблемы обжалования акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним / С.К. Тамазян // Урбанистика и рынок недвижимости. – 2014. – №2. – С. 50–54. DOI 10.7256/2313-0539.2014.2.10039. EDN TEORXH

9. Забоев К.И. Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица / К.И. Забоев // Закон. – 2015. – №3. – С. 94. EDN TOMOOV

10. Рудченко А.Д. Особенности применения инструментальных средств анализа информации об участниках закупок / А.Д. Рудченко, В.И. Малеев // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. – 2014. – №37. – С. 62–69.

Сулейманов У. Г.
магистрант

Научный руководитель
Анисимова Марина Анатольевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация: *совершенствование процедур и механизм государственных закупок является эффективным инструментом, способствующим повышению уровня обеспечения экономической безопасности страны. Выявлены основные проблемы в организации закупочной деятельности и их причины. Отмечаются задачи по развитию системы государственных закупок.*

Ключевые слова: *государственные закупки, контрактная система, закупочный механизм.*

Государственные закупки являются важным механизмом поддержки экономики, так как создают спрос на продукцию, товары и услуги различных секторов, стимулируя развитие бизнеса в регионах, а также малого и среднего предпринимательства [1]. Государство вводит приоритеты для отечественных поставщиков, что способствует развитию национальной промышленности. Внедрение открытых и прозрачных процедур позволяет избежать коррупционных схем и обеспечивает равный доступ для всех участников закупок [2]. Государственные закупки способствуют развитию инноваций, если государство предоставляет поддержку компаниям, внедряющим новые технологии и подходы [3]. Заказы на продукцию с высокими техническими или экологическими требованиями, например, могут способствовать развитию инновационных производств и «зеленых» технологий [4].

Вместе с тем проведенный анализ позволил выявить проблемы в организации закупочной деятельности:

1. Низкий уровень качества предмета государственных закупок. Необходимо решать проблему, связанную с недостаточным уровнем качества приобретаемых в рамках закупок товаров. Причин, в связи с которыми заказчики получают некачественные товары и услуги, может быть множество. Первая и наиболее распространенная из них заключается в некорректно сформулированном техническом задании. Такая проблема в основном присуща закупкам в отношении технологически сложной, а сотрудники не всегда имеют возможность разобраться в таких технологических тонкостях.

Эту проблему видится целесообразным решать путем разработки типовых технических заданий в отношении конкретных групп, на которые необходимо будет ориентироваться заказчику, улучшить быстроту процесса, подбора технологически сложных и наукоемких товаров.

2. Существенной проблемой является коррупция в сфере государственных закупок. Стоит отметить, что удалось достичь определенных позитивных тенденций, в частности, сокращена численность контрактов с одним поставщиком, усилена конкурентная борьба между поставщиками. Практическими шагами в данном направлении может выступать исследование причин, схем коррупции, разработка методов противодействия и пресечения коррупционных схем, применимо к каждому из этапов осуществления государственных закупок, с характерным применением для каждого этапа специфического инструментария со стороны надзорных органов (к примеру, на этапе, предшествующем началу торгов, на этапе осуществления торгов и на этапе заключения, исполнения контракта), с детализацией четких

критериев отбора победителей, изучением условий каждого контракта, осуществлением полноценного контроля за оплатой и исполнением контракта.

3. Особого внимания заслуживает кадровая проблема. Учитывая то, что в законе прописаны требования к профессиональной подготовке сотрудников контрактной службы, либо контрактного управляющего, то соответственно большое количество людей должно пройти переподготовку в соответствии с требованиями нового закона, что невозможно сделать в кротчайшие сроки. Переподготовка специалистов займет достаточно большое количество времени, что в свою очередь может отразиться на качестве госзакупок в настоящее время. В соответствии с требованиями законодательства о контрактной системе, сотрудники контрактной службы и члены закупочных комиссий должны проходить профессиональную переподготовку и повышение квалификации в сфере закупок.

Анализ позволил систематизировать ключевые проблемы в работе закупочного механизма и установить их основные причины (табл. 1).

Таблица 1

Проблемы и причины, возникающие при закупочной деятельности

Проблемы	Причины
Низкое качество закупочных процедур	Неэффективное планирование закупок (срыв сроков, аварийные закупки). Неправильный выбор способа определения поставщика (аукцион, конкурс, запрос котировок). Отсутствие мониторинга исполнения контрактов
Проблемы с подрядчиками	Недобросовестные исполнители (срыв сроков, некачественные работы). Отсутствие конкурентной среды (мало участников тендеров). Невыполнение условий контракта без последствий для поставщика
Технические и административные сложности	Ошибки при работе с ЕИС (Единая информационная система в сфере закупок). Нехватка квалифицированных специалистов по госзакупкам

Пути решения указанных проблем в закупочной деятельности систематизированы в табл. 2. В круг задач по развитию системы государственных закупок входят, по нашему мнению, следующие:

а) расширение круга участников закупок за счет привлечения поставщиков из всех регионов РФ, включая малый и средний бизнес, с использованием цифровых торговых площадок;

б) формирование прозрачного и доверительного имиджа закупочной системы через повышение открытости процедур, развитие института общественного контроля;

в) диверсификация закупочных механизмов путем внедрения современных цифровых инструментов с применением дистанционных технологий взаимодействия;

г) развитие цифровой инфраструктуры закупок, направленной на удовлетворение потребностей участников и обеспечивающей персонализированный подход к различным категориям поставщиков;

д) модернизация технологической базы закупочной деятельности, включая обновление программного обеспечения, внедрение систем электронного документооборота и средств защиты информации для обеспечения эффективного проведения закупочных процедур с использованием цифровых технологий.

Таблица 2

Примеры решения проблем в закупочной деятельности

Проблемы	Пути решения
Низкое качество закупочных процедур	Планирование закупок: заблаговременное формирование планов-графиков, резервирование средств. Внедрение антикоррупционных мер: внутренний аудит, ротация ответственных лиц
Проблемы с подрядчиками	Повышение прозрачности: публикация всех этапов закупок, обоснование выбора поставщиков
Технические и административные сложности	Обучение сотрудников: регулярные тренинги по 44-ФЗ Автоматизация: использование электронных торговых площадок, цифровых сервисов для контроля

Проведённое исследование системы государственных закупок позволило выявить ключевые направления совершенствования закупочной деятельности. Анализ существующей практики закупок показал, что, несмотря на соответствие законодательным требованиям, система обладает значительным потенциалом для оптимизации.

Список литературы

1. Скворцов Е.А. Управление закупками / Е.А. Скворцов, А.С. Лылов. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2023. – 84 с. – EDN TYRZSF.

2. Эффективность госзакупок и изменение способов определения поставщиков в условиях внешнеэкономических ограничений: правовые аспекты / Е.А. Скворцов, М.А. Анисимова, В.П. Черданцев, И.М. Гулиев // Международный правовой курьер. – 2025. – №1. – С. 62–67. – EDN WMUWYV.

3. Лылов А.С. Цифровые закупки в государственном секторе / А.С. Лылов, А.Г. Николаева // Мир Инноваций. – 2024. – №3 (30). – С. 39–42. – EDN FDUQLF.

4. Анисимова М.А. Регулирование конкуренции в сфере интеллектуальной собственности как условие развития наукоемкой экономики / М.А. Анисимова // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы III Уральского экономического форума (Екатеринбург, 21–22 октября 2021 года). – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2021. – С. 71–74. – EDN ENSRVH.

5. Садикова Л.Ф. Совершенствование механизмов осуществления закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд в РФ / Л.Ф. Садикова. – URL: https://clck.ru/3UTHiY (дата обращения: 03.07.2026).

Толистикова Алёна Юрьевна
магистр, студентка
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

САМОЗАНЯТОСТЬ В ЮРИДИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ института самозанятости в Российской Федерации применительно к юридической сфере. Актуальность обусловлена широким распространением специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД), введённого Федеральным законом от 27.11.2018 №422-ФЗ. Раскрывается правовая природа самозанятости как особого налогового режима, условия его применения (ограничения по доходу, запрет на наёмных работников, налоговые ставки). Исследуются правовые пределы использования самозанятости в юридической сфере: разграничение между допустимыми видами деятельности (консультирование, подготовка документов) и деятельностью, требующей специального статуса (адвокатская, нотариальная). Анализируются вопросы участия самозанятых в судебном представительстве и риски переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые. Рассмотрены виды юридической ответственности самозанятых (гражданско-правовая, налоговая, административная). Сформулированы выводы о перспективах развития института.*

Ключевые слова: *самозанятость, НПД, самозанятые юристы, самозанятость в юридической практике, оказание юридических услуг самозанятыми, субъекты НПД.*

1. Правовая природа и нормативные основы самозанятости.

В современных условиях институциональной трансформации экономики и ускоренной цифровизации управленческих процессов институт самозанятости приобретает статус одного из ключевых правовых инструментов, обеспечивающих формализацию индивидуальной профессиональной активности граждан. Его возникновение в российской правовой системе обусловлено объективной необходимостью адаптации традиционных моделей регулирования занятости к изменившейся структуре экономических отношений, в рамках которой классические формы трудовой деятельности и предпринимательства перестают охватывать весь спектр способов получения дохода.

Введение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» представляет собой не точечную фискальную меру, а комплексный регуляторный механизм, направленный на институциональное сокращение теневого сектора экономики, упрощение налогового администрирования и расширение возможностей легального участия физических лиц в экономическом обороте [7, ст. 7494].

В данном контексте самозанятость следует рассматривать как элемент более широкой трансформации модели взаимодействия государства и налогоплательщика, основанной на цифровых технологиях и автоматизации учетных процессов.

В научной доктрине подчеркивается, что развитие данного института отражает тенденцию усиления регулирующей функции государства в экономике, а также переход к цифровым форматам правового взаимодействия между публичной властью и участниками гражданского оборота [4, с. 10, 11, 23, 24, 146].

При этом самозанятость не ограничивается исключительно налоговой функцией, а приобретает комплексный межотраслевой характер, находясь на пересечении норм налогового, гражданского и трудового права.

Нормативной основой регулирования выступает Федеральный закон от 27.11.2018 №422-ФЗ, устанавливающий правовой режим налога на профессиональный доход. Принципиально важно отметить, что самозанятость не формирует самостоятельной организационно-правовой формы и не порождает нового субъекта права. Она представляет собой исключительно специальный налоговый режим, влияющий на порядок исчисления и уплаты обязательных платежей, а также на отдельные элементы правового положения лица, осуществляющего деятельность [7, ст. 4–6].

Законодатель допускает применение указанного режима как физическими лицами без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, так и самими индивидуальными предпринимателями. Такая конструкция свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить гибкость правового регулирования и предоставить участникам экономической деятельности возможность выбора наиболее рациональной модели ведения деятельности [15].

При этом переход индивидуального предпринимателя на режим налога на профессиональный доход не приводит к прекращению его регистрации. Он сохраняет статус субъекта предпринимательской деятельности, что обусловливает более широкий объем его правосубъектности по сравнению с самозанятым лицом, включая возможность участия в сложных гражданско-правовых конструкциях и применения законодательства о несостоятельности (банкротстве) [1].

Самозанятое лицо действует в гражданском обороте как физическое лицо, самостоятельно осуществляющее профессиональную деятельность без приобретения статуса индивидуального предпринимателя. Данное различие определяет особенности правового режима ответственности и участия в экономических отношениях.

2. Условия применения и особенности налогового режима налога на профессиональный доход.

Правовой режим налога на профессиональный доход характеризуется наличием четко установленных условий применения, имеющих императивный характер. Центральным ограничением выступает предельный размер дохода, который не должен превышать 2,4 млн рублей в год; его превышение влечет утрату права на применение специального налогового режима [7, ст. 4–6].

Существенным элементом является запрет на привлечение наемных работников, что подчеркивает индивидуальный характер деятельности самозанятого лица. Дополнительно установлены ограничения на осуществление посреднической деятельности (агентские, комиссионные договоры), а также на перепродажу товаров, за исключением продукции собственного производства.

Налоговая модель режима отличается упрощенностью и минимальной нагрузкой: применяются ставки 4% при расчетах с физическими лицами и 6% при взаимодействии с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями [4, с. 10, 11, 23, 24, 146]. При этом отсутствует обязанность представления налоговой отчетности и применения контрольно-кассовой техники.

Функции фиксации доходов и расчета налога реализуются через цифровую платформу «Мой налог», что обеспечивает автоматизированный учет операций. Дополнительно предусмотрен налоговый вычет в размере 10 000 рублей, направленный на снижение фискальной нагрузки на начальном этапе деятельности [15].

Цифровая трансформация налогового администрирования в рамках режима налога на профессиональный доход представляет собой качественно новый этап взаимодействия между государством и налогоплательщиками. Внедрение мобильных платформ и автоматизированных систем учета формирует «безбумажную» модель администрирования, снижая административную нагрузку и повышая прозрачность операций [8, с. 56–67].

3. Ограничения применения самозанятости и её место в юридической деятельности.

При этом законодатель достаточно четко определяет круг субъектов, не имеющих права на применение данного режима. К их числу относятся юридические лица, лица,

использующие наемный труд, а также субъекты, осуществляющие деятельность на основании агентских, комиссионных и поручительских договоров. Особое регулирование предусмотрено в отношении профессиональных участников отдельных сфер: адвокатов, нотариусов и арбитражных управляющих, которые исключены из сферы действия режима в силу специфики их правового статуса [3, ст. 122].

Подобные ограничения свидетельствуют о том, что институт самозанятости не носит универсального характера и не предназначен для регулирования всех видов экономической активности. Напротив, законодатель сознательно ограничивает его применение в тех сферах, где требуется повышенный уровень профессиональной квалификации и специальные механизмы контроля. В полной мере это относится к юридической деятельности.

Юридическая деятельность связана с оказанием квалифицированной правовой помощи и предполагает наличие специальных знаний, навыков правоприменения и процессуальной подготовки. В рамках режима самозанятости допускается оказание отдельных видов юридических услуг, включая консультирование по правовым вопросам, подготовку договоров, составление процессуальных документов и правовой анализ сделок. Однако такие услуги должны рассматриваться исключительно как гражданско-правовые и не могут подменять собой деятельность адвокатов и нотариусов, осуществляемую на основе специального законодательства [7, ст. 2–3].

Отдельного внимания заслуживает вопрос участия самозанятых лиц в судебном представительстве. Процессуальное законодательство Российской Федерации допускает участие представителя в суде на основании доверенности, а в ряде случаев – при наличии высшего юридического образования [1, ст. 49; 6, ст. 59].

Формально данные нормы позволяют самозанятым юристам представлять интересы доверителей в суде. Однако их процессуальный статус существенно отличается от статуса адвокатов. Самозанятые лица не обладают режимом адвокатской тайны, не имеют процессуальных иммунитетов и не включены в систему профессионального саморегулирования. Это приводит к снижению уровня институциональной защищенности.

Указанные различия формируют неоднородность правового положения субъектов, оказывающих юридическую помощь. С одной стороны, самозанятость расширяет доступ к рынку юридических услуг и снижает барьеры входа. С другой стороны, отсутствие единых стандартов качества создает риски для потребителей.

Качество юридической помощи в условиях самозанятости во многом зависит от уровня подготовки конкретного специалиста. Отсутствие институционального контроля приводит к значительной дифференциации качества оказываемых услуг.

Дополнительным фактором является отсутствие у самозанятых статуса профессионального участника юридического сообщества, что ограничивает доступ к механизмам профессиональной поддержки и взаимодействия с государственными органами.

Таким образом, самозанятость в юридической сфере представляет собой допустимую, но ограниченную форму профессиональной деятельности, не обладающую тем уровнем гарантий, который характерен для традиционных юридических профессий.

4. Проблемы правоприменения: подмена трудовых отношений.

Одной из ключевых проблем правоприменительной практики является использование режима самозанятости для маскировки трудовых отношений. Несмотря на формальную законность применения налога на профессиональный доход, на практике возникают ситуации, при которых гражданско-правовые конструкции используются для оптимизации налоговой нагрузки работодателей [14, с. 32–41].

Согласно статье 15 Трудового кодекса Российской Федерации, при наличии признаков трудовых отношений они подлежат юридической переквалификации независимо от формы их оформления [2, ст. 15].

К таким признакам относятся устойчивый характер работы, подчинение внутреннему распорядку, выполнение функций в интересах одного заказчика, включенность в

организационную структуру и отсутствие самостоятельности. Наличие совокупности данных признаков свидетельствует о фактическом существовании трудовых отношений.

На практике работодатели нередко оформляют работников как самозанятых, сохраняя элементы трудовой зависимости. Это позволяет снизить расходы на страховые взносы и соблюдение трудового законодательства. Однако при выявлении подобных схем налоговые органы и суды переквалифицируют отношения, что влечет доначисление налогов, страховых взносов и привлечение к ответственности.

В научной литературе данная проблема рассматривается как один из ключевых рисков института самозанятости, способный снижать его правовую устойчивость при злоупотреблениях.

5. Юридическая ответственность самозанятых лиц.

Юридическая ответственность самозанятых лиц носит комплексный и многоуровневый характер, формируясь на стыке различных отраслей права. В отличие от субъектов, обладающих специальным профессиональным статусом, самозанятые лица несут ответственность на основании общих норм гражданского, налогового и административного законодательства.

Прежде всего, следует выделить гражданско-правовую ответственность, возникающую при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договорам оказания услуг. В соответствии с положениями гражданского законодательства она выражается в возмещении убытков, уплате неустойки и компенсации причиненного вреда [1, ст. 393–394]. Данный вид ответственности имеет ключевое значение, поскольку непосредственно связан с результатами профессиональной деятельности.

В юридической сфере гражданско-правовая ответственность приобретает особую значимость. Ошибки при подготовке договоров, процессуальных документов или правовом консультировании могут повлечь существенные негативные последствия для клиента, включая финансовые потери и ухудшение правовой позиции.

Налоговая ответственность регулируется нормами Налогового кодекса Российской Федерации. В частности, статья 122 НК РФ предусматривает ответственность за неуплату или неполную уплату налога в виде штрафных санкций. Дополнительно начисляются пени за просрочку исполнения налоговой обязанности.

Систематические нарушения могут повлечь утрату права на применение режима налога на профессиональный доход, что ведет к увеличению налоговой нагрузки и усложнению налогового администрирования.

Административная ответственность может наступать при нарушении законодательства о защите прав потребителей и иных смежных правовых сфер. В отдельных случаях возможно привлечение к уголовной ответственности при наличии состава преступления [5, ст. 14.1].

Особое внимание следует обратить на отсутствие профессиональной дисциплинарной ответственности у самозанятых лиц. В отличие от адвокатов и нотариусов, они не подлежат контролю со стороны профессиональных объединений. Это формирует нормативный пробел и приводит к отсутствию единых стандартов качества юридических услуг.

6. Преимущества, ограничения и перспективы развития института самозанятости.

Комплексный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт самозанятости обладает выраженной дуалистической природой. С одной стороны, он является эффективным инструментом легализации доходов и вовлечения граждан в экономический оборот. С другой стороны, его конструкция содержит ограничения, сужающие сферу применения.

К числу преимуществ режима относятся упрощенная регистрация, минимальная налоговый нагрузка, отсутствие отчетности и высокий уровень цифровизации взаимодействия с государством. Эти характеристики способствуют снижению административных барьеров и повышению доступности экономической деятельности.

Одновременно с этим сохраняются ограничения: предельный уровень дохода, запрет на привлечение наемных работников и отсутствие социальных гарантий. Это формирует определенные риски для участников.

С теоретической точки зрения самозанятость представляет собой промежуточную правовую модель между трудовыми и предпринимательскими отношениями. Такая гибридная природа обусловливает сочетание гибкости и ограниченности правовых гарантий.

В юридической сфере данные особенности проявляются особенно ярко. С одной стороны, расширяется доступ к рынку юридических услуг. С другой стороны, отсутствие единых стандартов качества и механизмов контроля формирует неоднородность правовой помощи.

В перспективе развитие института самозанятости требует дальнейшего совершенствования правового регулирования. Это включает уточнение допустимых видов деятельности, развитие механизмов контроля и формирование минимальных стандартов качества юридических услуг.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. действующая).

2. Федеральный закон «Трудовой кодекс Российской Федерации» №197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. действующая).

3. Федеральный закон «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» №146-ФЗ от 31.07.1998 (ред. действующая).

4. Федеральный закон «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» №117-ФЗ от 05.08.2000 (ред. действующая).

5. Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» №195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. действующая).

6. Федеральный закон «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» №95-ФЗ от 24.07.2002 (ред. действующая).

7. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» №422-ФЗ от 27.11.2018.

8. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

9. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. EDN OGDKWH

10. Казакова И.А. Определение правового статуса юридического лица как объекта процедур несостоятельности (банкротства) / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7(211). – С. 121–123.

11. Колоколова Д.А. Недопустимость подмены трудовых отношений гражданско-правовыми / Д.А. Колоколова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – №4(44). – С. 224–227. EDN WVJLCL

12. Куркина Н.В. Проблемы правового регулирования определения объекта процедур несостоятельности (банкротства) / Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина, И.В. Татьянов // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №2. – С. 150–158. EDN ARYYAG

13. Носырева И.Г. Институционализация самозанятости в современной России / И.Г. Носырева, Н.А. Белобородова // Вестник экономического права. – 2023. – №2. – С. 75–83.

14. Петрушкин А.В. Риски подмены трудовых отношений гражданско-правовыми при применении НПД / А.В. Петрушкин // Трудовое право. – 2023. – №4. – С. 32–41.

15. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Налог на профессиональный доход (самозанятые). – URL: https://npd.nalog.ru (дата обращения: 20.07.2026).

Третьякова Мария Николаевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПОСТАВЩИКА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу правовых рисков поставщика при исполнении договора поставки для государственных и муниципальных нужд в условиях контрактной системы РФ. Актуальность обусловлена высокой степенью императивности регулирования закупок, асимметрией правовых возможностей сторон и существенными негативными последствиями для поставщика. Исследована гражданско-правовая природа государственного (муниципального) контракта как особой разновидности купли-продажи, сочетающей частноправовые и публично-правовые начала. Систематизированы ключевые группы правовых рисков: договорной ответственности (взыскание неустоек, штрафов, пеней), одностороннего расторжения контракта заказчиком, включения сведений в реестр недобросовестных поставщиков, удержания обеспечения контракта, налоговые и административные риски. На основе анализа ГК РФ, БК РФ, Федерального закона №44-ФЗ и судебной практики определены механизмы минимизации рисков. Особое внимание уделено трансформации подходов к форс-мажору в условиях санкционного давления.*

Ключевые слова: *правовые риски, договор поставки, государственные нужды, муниципальные нужды, контрактная система, ответственность поставщика, реестр недобросовестных поставщиков.*

Договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд выступает одним из ключевых инструментов удовлетворения публичных потребностей в материальных ресурсах. Правовая конструкция данного договора, урегулированная нормами параграфа 4 главы 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), отличается сложным переплетением частноправовых и публично-правовых элементов, что предопределяет наличие у поставщика целого ряда специфических рисков [5, с. 220] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон №44-ФЗ), обладая приоритетом перед общими положениями гражданского законодательства, устанавливает императивные требования к порядку заключения, исполнения, изменения и расторжения государственных и муниципальных контрактов [1, ст. 2].

Целью настоящего исследования является комплексное выявление, классификация и анализ правовых рисков поставщика при исполнении договора поставки для государственных и муниципальных нужд, а также определение правовых средств их минимизации [12, с. 112].

1. Гражданско-правовая характеристика договора поставки для государственных и муниципальных нужд.

Поставка товаров для государственных или муниципальных нужд является разновидностью отношений по договору купли-продажи и регулируется параграфом четвертым главы 30 ГК РФ, применяемым с учетом параграфов первого и третьего данной главы (п. 5 ст. 454, п. 2 ст. 525 ГК РФ). В соответствии со ст. 526 ГК РФ, по государственному (муниципальному) контракту на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд поставщик

(исполнитель) обязуется передать товары государственному или муниципальному заказчику либо по его указанию иному лицу, а государственный или муниципальный заказчик обязуется обеспечить оплату поставленных товаров [2, ст. 526].

Специфика данного договора состоит в том, что его существенные условия, порядок заключения и исполнения определяются не только гражданским законодательством, но и бюджетным законодательством, а также Законом №44-ФЗ. Бюджетный кодекс Российской Федерации устанавливает особые требования к расходованию бюджетных средств, что налагает на поставщика дополнительные обязанности и риски. Квалифицирующим признаком данного контракта выступает участие в качестве заказчика публично-правового образования в лице уполномоченного органа, действующего в рамках бюджетных обязательств.

Правовая конструкция договора поставки для публичных нужд характеризуется неравенством сторон. Заказчик не только формулирует условия контракта, но и наделен властными полномочиями по контролю за ходом его исполнения, что значительно увеличивает риски поставщика (исполнителя). Как справедливо отмечается в научной литературе, контрактная система предъявляет повышенные требования к поставщику, и любое отступление от них влечет серьезные правовые последствия [8, с. 164–168].

2. Классификация правовых рисков поставщика.

Анализ нормативных правовых актов и материалов судебной практики позволяет выделить несколько ключевых групп правовых рисков, с которыми сталкивается поставщик в процессе исполнения обязательств по государственному (муниципальному) контракту.

Риски договорной ответственности (штрафы, пени, неустойки).

Закон №44-ФЗ в императивной форме предписывает включение в контракт условия об ответственности заказчика и поставщика за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств (ч. 4 ст. 34). Размер ответственности поставщика устанавливается Постановлением Правительства РФ от 30 августа 2017 г. №1042. За каждый факт неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств поставщик уплачивает штраф, размер которого дифференцирован в зависимости от цены контракта. Нарушение сроков поставки влечет начисление пеней за каждый день просрочки в размере 1/300 ключевой ставки ЦБ РФ от цены контракта [3, ст.3].

Судебная практика 2024–2025 гг. демонстрирует устойчивый подход судов к взысканию неустоек с поставщиков, не исполнивших либо ненадлежащим образом исполнивших контрактные обязательства. В решении Арбитражного суда от 15 июля 2025 г. по делу № А72–4641/2025 суд, рассматривая доводы поставщика о невозможности исполнения контракта в установленный срок из-за санкционных ограничений, постановил списать неустойку на основании Постановления Правительства РФ от 4 июля 2018 г. №783 [4, ст.3] Вместе с тем Верховный Суд РФ уточнил, что данное постановление не распространяется на случаи ненадлежащего исполнения гарантийных обязательств.

Риски одностороннего расторжения контракта заказчик.

Заказчик наделен правом на односторонний отказ от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством и ч. 9 ст. 95 Закона №44-ФЗ. Основаниями для такого отказа являются: нарушение сроков поставки, несоответствие качества товаров условиям контракта, предоставление недостоверной информации о соответствии поставщика требованиям документации о закупке, а также иные нарушения, признаваемые существенными.

С момента размещения в Единой информационной системе решения заказчика об одностороннем отказе от контракта поставщик сталкивается с совокупностью негативных последствий: расторжением контракта, утратой обеспечения исполнения и включением сведений о нем в реестр недобросовестных поставщиков. Закон предоставляет поставщику десятидневный срок для устранения нарушений, однако на практике реализация данной возможности сопряжена со значительными трудностями.

Риски включения в реестр недобросовестных поставщиков.

Реестр недобросовестных поставщиков (далее – РНП) представляет собой специальную меру ответственных, установленную ст. 104 Закона №44-ФЗ. Включение сведений в РНП влечет ограничение права хозяйствующего субъекта на участие в торгах по размещению государственного и муниципального заказа в течении двух лет. Основаниями для включения в РНП являются: уклонение от подписания контракта, неисполнение или ненадлежащее исполнение контракта, а также расторжение контракта в связи с существенным нарушением его условий поставщиком [5, с. 225].

Анализ судебной практики показывает, что отказ банков в выдаче банковской гарантии и отсутствие у поставщика денежных средств для внесения обеспечения исполнения контракта не признаются судами в качестве уважительных причин для освобождения от ответственности в виде заключения в РНП. Суды исходят из того, что оценка собственных финансовых возможностей и получение банковской гарантии являются элементами заблаговременной подготовки к участию в закупке.

Риски, связанные с обеспечением исполнения контракта.

Способы обеспечения исполнения контракта, установленные Законом №44-ФЗ (внесение денежных средств на счет заказчика, предоставление банковской гарантии), порождают для поставщика самостоятельные риски. Непредоставление надлежащего обеспечения в установленный срок квалифицируется как уклонение от заключения контракта со всеми вытекающими правовыми последствиями, включая включение в РНП.

Кроме того, невыдача банком гарантии может служить самостоятельным основанием для принятия заказчиком решения об одностороннем отказе от исполнения контракта. Заказчик вправе удержать внесенное поставщиком обеспечение в случае нарушения контрактных обязательств, что создает дополнительные финансовые риски для поставщика [6, с. 312].

Налоговые риски.

Исполнение государственных (муниципальных) контрактов сопряжено с повышенным вниманием налоговых органов к обоснованности налоговой выгоды, заявляемой поставщиком. Риск признания налоговой выгоды необоснованной возникает в случаях, когда налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности при выборе контрагентов либо когда установлено, что обязательства по сделке фактически исполнены иным лицом [11, с. 98]. Данный риск особенно актуален для поставщиков, привлекающих субподрядчиков для исполнения государственных контрактов [9, с. 46–51].

Административно-правовые риски.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее- КоАП РФ) содержит ряд составов административных правонарушений, применимых к поставщикам по государственным (муниципальным) контрактам. Так, ст. 7.30–7.32 КоАП РФ устанавливают административную ответственность за нарушения законодательства о контрактной системе. С 1 марта 2025 г. введены в действие новые нормы об административной ответственности, ужесточающие наказание за ряд нарушений, в том числе за неверный выбор способа закупки и несоблюдение объема закупок у субъектов малого предпринимательства.

Кроме того, в судебной практике отмечается тенденция к расширительному применению норм уголовного законодательства при квалификации действий поставщиков, допустивших серьезные нарушения государственных контрактов. В случае ненадлежащего исполнения государственного контракта возможно привлечение поставщика к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ «Мошенничество» при доказанности умысла на хищение бюджетных средств.

Риски, связанные с обстоятельствами непреодолимой силы.

В условиях действия международных санкций особую актуальность приобрели риски, связанные с невозможностью исполнения контракта вследствие форс-мажорных обстоятельств. Судебная практика исходит из того, что ссылка на санкции не всегда признается обстоятельством непреодолимой силы. В ряде случаев суды требуют документального

подтверждения форс-мажора со стороны Торгово-промышленной палаты РФ и не признают санкции в качестве основания для освобождения от ответственности.

3. Правовые механизмы минимизации рисков поставщика.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, правовая культура участников закупочных отношений выступает важнейшим фактором минимизации рисков в контрактной системе. Высокий уровень правосознания позволяет не только адекватно оценивать содержание принимаемых обязательств, но и выстраивать поведенческую стратегию, ориентированную на предотвращение конфликтных ситуаций. Комплексный подход к управлению рисками предполагает сочетание правовых, организационных и финансовых инструментов, адаптированных к императивной специфике законодательства о закупках для публичных нужд.

Правовая экспертиза документации о закупке. Первоочередное значение для минимизации рисков имеет глубокая юридическая проработка извещения, документации о закупке и тщательный анализ проекта контракта на этапе подачи заявки. Целью такой экспертизы выступает не только проверка формального соответствия размещенных документов требования Закона №44-ФЗ, но и выявление скрытых обременительных условий, нечетких формулировок технического задания, завышенных требований к обеспечению исполнения контракта, а также несоразмерных штрафных санкций. Кроме того, специалисты рекомендуют анализировать типовые контракты, утвержденные Правительством РФ, на предмет императивных и диспозитивных условий, что позволяет точнее прогнозировать последствия возможных отклонений от графика поставки.

Контроль сроков исполнения обязательств. Своевременное исполнение государственных (муниципальных) контрактных обязательств является основным способом предотвращения большинства рисков – от взыскания неустойки до одностороннего расторжения контракта [12, с. 134]. Именно нарушение сроков служит наиболее распространенным основанием как для начисления неустоек, так и для принятия заказчиком решения об одностороннем отказе от исполнения договора. Особого внимания требует согласование графиков с субподрядчиками (соисполнителями), поскольку срыв сроков по вине привлеченного лица не освобождает основного поставщика от ответственности перед заказчиком. Поставщик должен также учитывать сроки приемки, установленные контрактом, которые могут быть существенно сжаты, и планировать сдаточные процедуры с утверждением, чтобы исключить формальную просрочку в оформлении закрывающих документов.

Документальное фиксирование всех обстоятельства исполнения контракта. Надлежащее оформление первичной документации, актов приема-передачи, переписки с заказчиком является эффективным средством защиты от необоснованных претензий [8, с. 167]. Первичные учетные документы (товарные накладные, акты приема-передачи, счета-фактуры) должны оформляться в строгом соответствии с требованиями законодательства о бухгалтерском учете и условиями контракта. В случае возникновения обстоятельств, препятствующих своевременной поставке, необходимо незамедлительно уведомить заказчика в порядке ст. 716 ГК РФ, приостановить исполнение и составить соответствующий акт с участием представителя заказчика, а при его уклонении – с привлечением независимых лиц.

Использование механизмов досудебного урегулирования споров. В случае возникновения разногласий с заказчиком поставщику рекомендуется незамедлительно инициировать досудебные процедуры, включая направление мотивированных возражений и проведение переговоров, как это предусмотрено ст. 101 Закона №44-ФЗ. Между тем грамотно выстроенный претензионный порядок, включающий направление мотивированного письменного возражения со ссылками на нормы права и доказательства, нередко позволяет урегулировать спор без обращения в суд. Если же действия заказчика содержат признаки нарушения законодательства о контрактной системе (необоснованный отказ от приемки, уклонении от оплаты, завышение штрафных санкций), поставщик вправе обратиться с жалобой в территориальный орган Федеральной антимонопольной службы, что является действенным рычагом воздействия на недобросовестного контрагента [1, ст. 101].

Обеспечение прозрачности финансово-хозяйственной деятельности. Значительный блок рисков связан с налоговыми последствиями операций по исполнению государственных (муниципальных) контрактов. В целях минимизации налоговых рисков поставщику следует обеспечить прозрачность всех финансовых операций, подтверждение реальности хозяйственных операций ненадлежащими документации и проявление должной осмотрительности при выборе субподрядчиков и контрагентов [11, с. 101]. Целесообразно включать в договоры субподряда заверения об обстоятельствах и налоговые оговорки, возлагающие на соисполнителя ответственность за доначисления, вызванные его недобросовестными действиями. Кроме того, в условиях казначейского сопровождения государственных (муниципальных) контрактов следует обеспечить максимальную прозрачность движения денежных средств, выделяемых из бюджета, и строгое целевое расходование авансов, чтобы исключить блокировки финансирования и последующих финансовых претензий со стороны заказчика.

Список литературы

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» №44-ФЗ от 05.04.2013.

2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» №14-ФЗ от 26.01.1996.

3. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем)), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. №570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. №1063» №1042 от 30.08.2017 (ред. от 02.08.2019).

4. Постановление Правительства РФ «О списании начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком сумм неустоек (штрафов, пеней) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом» №783 от 04.07.2018 (ред. от 09.12.2024).

5. Казакова И.А. Проблемы правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2023. – №1. – С. 218–228. EDN SNCFQF

6. Казакова И.А. Получение субъектами предпринимательской деятельности необоснованной налоговой выгоды по НДС / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11(227). – С. 310–313.

7. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / И.В. Мишуткин, А.И. Землин, О.М. Землина, Н.П. Ольховская. – М.: Юрайт, 2022. – 194 с. EDN DTUNKH

8. Липунов В.И. Современные проблемы правового регулирования транспортных отношений в Российской Федерации / В.И. Липунов, А.С. Кочетков // Цифровой суверенитет и кибербезопасность: материалы Четвертого международного транспортно-правового форума (Москва, 9–10 февраля 2022 г.) / под ред. А.А. Чеботаревой, В.Е. Чеботарева. – М.: Российский университет транспорта, 2022. EDN SICMCQ

9. Бондаренко Н.Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, Е.Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – №1. – С. 46–51. EDN OGDKWH

10. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник для направления магистратуры «Юриспруденция» / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. EDN VRIHNM

11. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. EDN DLIPYY

12. Правовое регулирование государственной службы (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 175 с. – URL: https://book.ru/book/951504 (дата обращения: 15.07.2026).

13. Землин А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 151–154.

14. Казакова И.А. К вопросу анализа совершенствования института несостоятельности юридических лиц / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Вестник Академии управления и производства. – 2022. – №4. – С. 139–146. EDN XLLPHQ

Тришин Олег Андреевич
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРИНЦИП ВЗАИМНОГО ПРИЗНАНИЯ СТАНДАРТОВ ТРАНСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация: *в статье исследуется принцип взаимного признания стандартов транспортного контроля как фундаментальной основы международного транспортного права. Актуальность обусловлена необходимостью обеспечения беспрепятственного перемещения транспортных средств и грузов через государственные границы в условиях глобализации. Цель – анализ правовой природы принципа, механизмов его реализации в различных видах транспорта и особенностей имплементации в российское законодательство. Раскрывается теоретико-правовая сущность принципа, его соотношение с принципами национального режима и режима наибольшего благоприятствования. Анализируется реализация принципа в автомобильном, воздушном, морском и железнодорожном транспорте через международные конвенции и соглашения. Рассматриваются проблемы имплементации в российское законодательство и перспективы развития в условиях переориентации логистических маршрутов.*

Ключевые слова: *взаимное признание, транспортный контроль, международные стандарты, имплементация, гармонизация, техническое регулирование, транспортные конвенции.*

Развитие международных транспортных сообщений в условиях глобализации мировой экономики требует создания единых правовых рамок, обеспечивающих беспрепятственное перемещение транспортных средств, грузов и пассажиров через государственные границы [1, с. 45]. Ключевым элементом такой правовой системы является принцип взаимного признания стандартов транспортного контроля, который позволяет государствам признавать результаты проверок, сертификаты и разрешения, выданные компетентными органами других государств.

Принцип взаимного признания возник как ответ на проблему дублирования контрольных процедур при пересечении транспортными средствами государственных границ. Если каждое государство требовало бы проведения собственных проверок технического состояния, экологических стандартов, квалификации экипажей, это привело бы к значительным временным и финансовым издержкам, снижая эффективность международных перевозок. Принцип взаимного признания позволяет устранить эти барьеры, обеспечивая при этом необходимый уровень безопасности и защиты публичных интересов.

В современной международной правовой системе принцип взаимного признания находит свое отражение в многочисленных конвенциях и соглашениях, охватывающих все виды транспорта [3, с. 310]. Однако его реализация сталкивается с рядом проблем, связанных с различиями в национальных стандартах, уровнем доверия между государствами и необходимостью защиты собственных рынков транспортных услуг.

Целью данной статьи является комплексный анализ принципа взаимного признания стандартов транспортного контроля в международном праве, выявление механизмов его реализации и проблем имплементации в российское законодательство.

Теоретико-правовая природа принципа взаимного признания.

Принцип взаимного признания в международном транспортном праве представляет собой правовую конструкцию, согласно которой государства-участники международных

соглашений обязуются признавать результаты контроля, сертификации и разрешительных процедур, проведенных компетентными органами других государств-участников, как эквивалентные собственным. Этот принцип является производным от более общего принципа международного права – принципа добросовестного выполнения международных обязательств (pacta sunt servanda).

Теоретические основы принципа взаимного признания были разработаны в доктрине международного экономического права. Как отмечает В. Н. Денисов, «принцип взаимного признания представляет собой компромисс между суверенным правом государства устанавливать собственные стандарты и необходимостью обеспечения свободы международного обращения товаров, услуг и транспортных средств» [1, с. 89]. Этот принцип не требует полной унификации национальных стандартов, что делает его более гибким и применимым инструментом международной правовой интеграции по сравнению с принципом унификации.

Принцип взаимного признания тесно связан с другими принципами международного транспортного права:

− принцип национального режима – предоставление иностранным транспортным средствам такого же режима, как и собственным;

− принцип режима наибольшего благоприятствования – предоставление таким же благоприятных условий, как и транспортным средствам любых третьих государств;

− принцип эквивалентности – признание того, что различные стандарты могут обеспечивать одинаковый уровень безопасности и защиты.

Важно отметить, что принцип взаимного признания не является абсолютным. Международные соглашения обычно предусматривают исключения, позволяющие государству отказать в признании иностранных стандартов, если они не обеспечивают достаточного уровня безопасности или защиты публичных интересов. Например, статья 2 Соглашения о применении стандартов технического контроля транспортных средств в рамках СНГ допускает временный отказ в признании сертификатов в случае выявления существенных различий в требованиях [2].

Правовая природа принципа взаимного признания определяется тем, что он может реализовываться в двух формах.

Автоматическое признание – иностранные сертификаты и разрешения признаются без дополнительных проверок.

Условное признание – признание возможно при соблюдении определенных условий (например, прохождение дополнительной упрощенной проверки на границе).

В международном транспортном праве преобладает первая форма, однако в отношении отдельных видов контроля (например, фитосанитарного или ветеринарного) применяется условное признание с проведением пограничного контроля [1, с. 92].

Исторически принцип взаимного признания впервые был закреплен в европейских транспортных соглашениях 1950-х годов, а затем распространился на другие регионы и виды транспорта. В настоящее время он является одним из ключевых элементов международной транспортной интеграции, обеспечивающим снижение транзакционных издержек и повышение эффективности международных перевозок.

Реализация принципа в различных видах транспорта.

Принцип взаимного признания находит свое конкретное воплощение в международных конвенциях и соглашениях, регулирующих различные виды транспорта. Рассмотрим его реализацию на примере автомобильного, воздушного, морского и железнодорожного транспорта.

Автомобильный транспорт. В сфере автомобильных перевозок принцип взаимного признания наиболее полно реализован в рамках Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН). Конвенция о дорожном движении 1968 года устанавливает взаимное признание национальных водительских удостоверений, выданных в соответствии с требованиями Конвенции [4]. Аналогично, Европейское соглашение о международной перевозке опасных грузов по автомобильным дорогам (ДОПОГ/ADR) 1957 года предусматривает взаимное

признание сертификатов на транспортные средства, перевозящие опасные грузы, и свидетельств о подготовке водителей [5].

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) действует Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 09.04.2021 №42, устанавливающее взаимное признание результатов технического осмотра транспортных средств [6]. Это решение позволяет владельцам транспортных средств проходить технический осмотр в любом государстве-члене ЕАЭС с признанием его результатов на территории всех государств-членов [6].

Воздушный транспорт. В авиации принцип взаимного признания реализован через систему стандартов Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Чикагская конвенция о международной гражданской авиации 1944 года обязывает государства-участники признавать сертификаты годности и лицензии экипажей, выданные другими государствами-участниками, если они соответствуют стандартам ИКАО (Приложение 1 и Приложение 8 к Конвенции) [7].

В Российской Федерации этот принцип реализован в статье 51 Воздушного кодекса РФ, согласно которой иностранные сертификаты годности признаются действительными на территории России при условии их соответствия требованиям ИКАО или наличия двустороннего соглашения о признании [8].

Морской транспорт. В морском транспорте принцип взаимного признания находит воплощение в конвенциях Международной морской организации (ИМО). Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС) 1974 года устанавливает взаимное признание свидетельств о безопасности судов, выданных государствами-участниками [9]. Аналогично, Международная конвенция о стандартах подготовки и дипломирования моряков и несения вахты (ПДНВ) 1978 года предусматривает взаимное признание дипломов моряков [10].

Железнодорожный транспорт. В железнодорожном транспорте принцип взаимного признания реализуется через соглашения, такие как Соглашение о международном железнодорожном транзите через территорию Российской Федерации. Эти документы предусматривают взаимное признание технических требований к подвижному составу, квалификационных свидетельств машинистов и результатов проверок безопасности [11].

Особый интерес представляет реализация принципа взаимного признания в рамках трансграничных транспортных коридоров. Например, в рамках международного транспортного коридора «Север – Юг» действует соглашение о взаимном признании результатов весогабаритного контроля транспортных средств между Россией, Ираном и Индией, что позволяет избежать повторных проверок на границах.

Проблемы имплементации принципа в российское законодательство.

Имплементация принципа взаимного признания стандартов транспортного контроля в российское законодательство сталкивается с рядом проблем, связанных как с особенностями национальной правовой системы, так и с современными геополитическими вызовами.

Первая проблема – фрагментарность правового регулирования. В российском законодательстве отсутствует единый нормативный правовой акт, комплексно регулирующий вопросы взаимного признания стандартов транспортного контроля. Отдельные нормы содержатся в транспортных уставах и кодексах, международных договорах, технических регламентах Таможенного союза, однако они не образуют целостной системы. Это создает правовую неопределенность и затрудняет правоприменение.

Вторая проблема – различия в технических стандартах. Несмотря на гармонизацию российских технических регламентов с международными стандартами, сохраняются существенные различия, особенно в сфере экологических требований, весогабаритных параметров и требований к инфраструктуре. Эти различия ограничивают возможность полного взаимного признания и вынуждают проводить дополнительные проверки на границе.

Третья проблема – проблемы доверия. Взаимное признание требует высокого уровня доверия между государствами к системам сертификации и контроля друг друга. В условиях санкционного давления и разрыва многих международных связей, возникших после

2022 года, уровень доверия к стандартам некоторых государств снизился, что привело к ужесточению контрольных процедур.

Четвертая проблема – институциональные барьеры. Различные ведомства (Росавиация, Ространснадзор, Россельхознадзор, ФТС России) осуществляют контроль в своей сфере компетенции, что приводит к дублированию процедур и затрудняет реализацию принципа взаимного признания на практике.

Несмотря на эти проблемы, Россия предпринимает активные усилия по имплементации принципа взаимного признания [3, с. 412]. В частности:

− в 2023 году подписано Соглашение о взаимном признании результатов технического осмотра транспортных средств в рамках ЕАЭС;

− ведется работа по гармонизации российских стандартов авиационной безопасности со стандартами ИКАО;

− развивается сотрудничество с государствами БРИКС и ШОС в сфере взаимного признания квалификационных свидетельств моряков и водителей.

Перспективы развития принципа взаимного признания в России связаны с переориентацией транспортных потоков на Восток и Юг [1, с. 355]. Это требует заключения новых международных соглашений о взаимном признании с государствами Азии, Ближнего Востока и Африки, а также адаптации российского законодательства к особенностям правовых систем этих регионов [12, с. 215].

Важным направлением является цифровизация процедур взаимного признания. Внедрение электронных сертификатов и разрешений, интегрированных в единую информационную систему, позволит ускорить процедуры признания и снизить транзакционные издержки. В частности, в 2024 году начат пилотный проект по взаимному признанию электронных санитарных сертификатов между Россией и Китаем.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что принцип взаимного признания стандартов транспортного контроля является фундаментальной основой международной транспортной интеграции. Этот принцип позволяет обеспечить беспрепятственное перемещение транспортных средств и грузов через государственные границы, снижая транзакционные издержки и повышая эффективность международных перевозок.

Принцип взаимного признания находит свое воплощение в многочисленных международных конвенциях и соглашениях, охватывающих все виды транспорта [3, с. 320]. Однако его реализация сталкивается с рядом проблем: различиями в национальных стандартах, проблемами доверия между государствами, институциональными барьерами и фрагментарностью правового регулирования.

В российском законодательстве принцип взаимного признания реализован фрагментарно, что создает правовую неопределенность и затрудняет правоприменение. В условиях современных геополитических вызовов и переориентации транспортных потоков на Восток и Юг актуальной задачей является заключение новых международных соглашений о взаимном признании с государствами Азии, Ближнего Востока и Африки, а также адаптация российского законодательства к особенностям правовых систем этих регионов.

Перспективы развития принципа взаимного признания связаны с цифровизацией контрольных процедур, гармонизацией технических стандартов и повышением уровня доверия между государствами. Внедрение электронных сертификатов и разрешений, интегрированных в единую информационную систему, позволит ускорить процедуры признания и снизить транзакционные издержки.

Список литературы

1. Бекяшев К.А. Международное публичное право: учебник / К.А. Бекяшев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – 672 с.

2. Федеральный закон «Воздушный кодекс Российской Федерации» №60-ФЗ от 19.03.1997 (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – №12. – Ст. 1383.

3. Денисов В.Н. Международное транспортное право: учебник / В.Н. Денисов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 456 с.

4. Козырь М.К. Международное частное право: универсальные и региональные кодификации / М.К. Козырь. – М.: Статут, 2021. – 432 с.
5. Конвенция о дорожном двищении: заключена в г. Вене 8 ноября 1968 г. // Бюллетень международных договоров. – 1974. – №9. – С. 32.
6. Конвенция о международной гражданской авиации: заключена в г. Чикаго 7 декабря 1944 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – №10. – Ст. 205.
7. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС): заключена в г. Лондоне 1 ноября 1974 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №22. – Ст. 2124.
8. Международная конвенция о стандартах подготовки и дипломирования моряков и несения вахты (ПДНВ): заключена в г. Лондоне 7 июля 1978 г. // Собрание законодательства РФ. – 2003. – №15. – Ст. 1398.
9. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии «О взаимном признании результатов технического осмотра транспортных средств» №42 от 09.04.2021. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2026).
10. Соглашение о международном железнодорожном транзите через территорию Российской Федерации: от 20 ноября 1998 г. // Собрание законодательства РФ. – 2000. – №14. – Ст. 1438.
11. Соглашение о применении стандартов технического контроля транспортных средств в рамках Содружества Независимых Государств: от 1 февраля 2008 г. // Собрание законодательства РФ. – 2009. – №12. – Ст. 1412.
12. Европейское соглашение о международной перевозке опасных грузов по автомобильным дорогам (ДОПОГ): заключено в г. Женеве 30 сентября 1957 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №38. – Ст. 3634.

Трусов Леонид Алексеевич
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГРАНТОВОЙ ПОДДЕРЖКИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ, В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Аннотация: *статья посвящена всестороннему анализу правовых механизмов грантовой поддержки некоммерческих организаций (НКО), реализующих социальные проекты в городе Москве. Рассматриваются основные нормативные акты (федеральные и региональные законы, постановления местных органов власти), регулирующие предоставление грантов. Анализируются ключевые этапы процедур получения и использования грантов (подготовка заявок, отчётность, контроль за целевым использованием средств). Акцентируется внимание на проблемах НКО: недостаточная информированность о грантовых возможностях, сложности в документообороте, отсутствие чётких критериев оценки эффективности социальных инициатив. Предложены рекомендации по улучшению правовой среды и упрощению процедур для повышения доступности грантовой поддержки. Результаты исследования могут служить основой для совершенствования механизмов государственной поддержки НКО в Москве.*

Ключевые слова: *грантовая поддержка, некоммерческие организации, социальные проекты, Москва, правовые механизмы, государственная поддержка, финансирование.*

Введение.

Грантовая поддержка некоммерческих организаций (НКО) играет ключевую роль в реализации социальных проектов, направленных на решение актуальных проблем общества. В Москве Комитетом общественных связей и молодежной политики осуществляется финансирование через Конкурс Грантов Мэра Москвы, что позволяет СО НКО реализовывать

социально значимые проекты. Однако, несмотря на наличие правовой базы, НКО сталкиваются с множеством проблем, которые могут усложнить процесс получения и использования грантов. Целью данной статьи является анализ правовых механизмов грантовой поддержки НКО в Москве на примере получения Гранта Мэра Москвы, выявление существующих проблем и формулирование рекомендаций по их устранению.

1. Нормативно-правовая база грантовой поддержки НКО.

Основу правового регулирования грантовой поддержки СО НКО составляют следующие нормативные акты:

− Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» определяет основные принципы функционирования НКО, включая вопросы их финансирования. В частности, статья 31.1 этого закона регулирует виды деятельности НКО, которые могут получать гранты;

− Постановление Правительства Москвы от 09.04.2018 №279-ПП «О грантах Мэра Москвы социально-ориентированным некоммерческим организациям и внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 22 августа 2017 г. №552-ПП» устанавливает порядок предоставления грантов для СО НКО, включая условия и критерии отбора проектов;

− Постановление Правительства Москвы от 18 апреля 2023 г. №691-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 9 апреля 2018 г. №279-ПП»;

− Приказ от 26 сентября 2022 года №199 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций»;

− Приказ Минюста России от 29.12.2018 №313 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о признании социально ориентированной некоммерческой организации исполнителем общественно полезных услуг»;

− Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 №135-ФЗ;

− Статья 5.1 Закона города Москвы от 12 июля 2006 г. №38 «О взаимодействии органов государственной власти города Москвы с негосударственными некоммерческими организациями»;

− Методические рекомендации участникам конкурса Грантов Мэра Москвы для социально-ориентированных некоммерческих организаций;

− Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 №82-ФЗ;

− Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 №129-ФЗ;

− Приказ Минюста РФ от 29.03.2010 N 72 «Об утверждении форм отчетности некоммерческих организаций» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 09.04.2010 №16857);

− Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2006 №212 «О мерах по реализации отдельных положений федеральных законов, регулирующих деятельность некоммерческих организаций»;

− Приказ Минюста России от 30.09.2021 №185 «О формах и сроках представления в Министерство юстиции Российской Федерации отчетности некоммерческих организаций»;

− Федеральный закон от 30.12.2006 №275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»;

− Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

− Постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2021 №1290 «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций»;

− Приказ Минюста России от 30.12.2021 №274 «Об утверждении Административного регламента осуществления Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и задачам, филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации».

2. Цели и задачи Конкурса Грантов Мэра Москвы.

Конкурс Грантов Мэра Москвы направлен на:

− финансовое обеспечение затрат на реализацию лучших социально значимых проектов СО НКО;

− решение актуальных социальных проблем;

− улучшение социальной ситуации в городе Москве.

Заявки на участие в конкурсе принимаются на сайте grantimera.mos.ru, и максимальный срок реализации проектов не может превышать 12 месяцев.

3. Критерии оценки проектов.

Каждый проект оценивается по десяти критериям, включая:

− актуальность и социальная значимость;

− логичность мероприятий;

− уникальность предложения;

− эффективность и обоснованность бюджета;

− реалистичность ожидаемых результатов;

− масштабность проекта;

− компетентность команды;

− публичность и освещение в СМИ;

− устойчивость проекта;

− вовлеченность целевой аудитории.

Эти критерии позволяют экспертам объективно оценивать проекты и определять их соответствие актуальным социальным потребностям.

4. Проблемы, возникающие при написании грантов и их решения.

4.1. Сокращение бюджета проектов после принятия решения о гранте.

Проблема: одной из распространенных проблем является снижение суммы гранта после его одобрения, что делает реализацию заявленного проекта сложной или невозможной.

Решение: необходимо установить более жесткие нормы для грантодателей, требующие обоснования любых изменений в бюджете после одобрения заявки. Внедрение прозрачного механизма пересмотра бюджета, который бы включал консультации с НКО, может снизить вероятность таких ситуаций.

4.2. Избыточная отчетность.

Проблема: часто грантодатели требуют слишком подробной отчетности, что создает дополнительную нагрузку на НКО, особенно для небольших организаций.

Решение: внедрение стандартов отчетности, которые будут одинаковыми для всех грантовых конкурсов, а также создание электронной платформы для автоматизации отчетности. Это может значительно снизить административные затраты НКО.

4.3. Короткие сроки подачи и написания грантов.

Проблема: ограниченные сроки на подготовку и подачу заявок представляют собой серьезную проблему для небольших НКО, работающих с ограниченными ресурсами.

Решение: установление более длительных сроков для подачи заявок и возможность подачи предварительных заявок, чтобы НКО могли получить обратную связь и доработать свои проекты до окончательной подачи.

4.4. Проблемы с годовой отчетностью в Минюст.

Проблема: несовершенная система электронной сдачи отчетности создает трудности для НКО, что может препятствовать подаче заявок на гранты.

Решение: совершенствование системы электронного документооборота и упрощение форм отчетности. Упрощение работы системы единого онлайн-портала для подачи всех необходимых отчетов может помочь сократить бюрократические преграды.

5. Рекомендации по совершенствованию механизмов грантовой поддержки.

Для повышения эффективности грантовой поддержки НКО в Москве следует:

− увеличить сроки процедуры подачи заявок;

− повысить прозрачность критериев оценки, публикуя четкие критерии и обосновывая выбор победителей;

− расширить возможности и условия финансирования проекта;

− помогать НКО с ведением отчётности в том числе для сдачи годовой отчётности в Минюст РФ.

Грантовая поддержка СО НКО в Москве имеет значительный потенциал для реализации социальных проектов. Однако необходимо решить существующие проблемы для повышения эффективности данного механизма. Упрощение процедур, повышение прозрачности и доступность информации могут значительно улучшить ситуацию и способствовать развитию гражданского общества в столице.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» №7-ФЗ от 12.01.1996.

3. Постановление Правительства Москвы «О грантах Мэра Москвы социально-ориентированным некоммерческим организациям и внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 22 августа 2017 г. №552-ПП» №279-ПП от 09.04.2018.

4. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтёрстве)» №135-ФЗ от 11.08.1995.

5. Методические рекомендации участникам конкурса Грантов Мэра Москвы для социально-ориентированных некоммерческих организаций.

Фазулжанова Фатима Маратовна
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВЫХ СЕРВИСАХ

Аннотация: *на основе критического осмысления аналитических документов и научных публикаций исследованы источники российского и международного права, демонстрирующие механизм реализации государственной политики в области информационной безопасности -защиты персональных данных, результаты которого свидетельствуют о необходимости регулирования безопасности в сфере цифровых сервисов. Предметом исследования выступили подходы к обеспечению информационной безопасности и предупреждения утечек персональных данных в рамках влияния цифровизации на жизнь общества, негативные и позитивные свойства внедрения новых информационных технологий в социум, их правовое регулирование, ровно как, и развитие этой отрасли в будущем. Сделан вывод о необходимости изменения подхода государственного контроля, направленного на улучшение правового обеспечения безопасности персональных данных граждан в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *персональные данные, информационная безопасность, киберугрозы, цифровые сервисы.*

Введение

На настоящий момент времени острым вопросом в рамках обеспечения защиты информации для государственной политики информационной безопасности Российской Федерации выступает правовое регулирование безопасности персональных данных. Данный тезис обусловлен тем, что информационная сфера как определяющий фактор общественной жизни, оказывает значительное влияние на состояние политической, экономической, оборонной и иных сфер, составляющих безопасность Российской Федерации, где за последние несколько

лет в качестве неотъемлемой составляющей упомянутой области стали цифровые сервисы, определяющие не только взаимодействие внутри гражданского общества, так и общества с государством. В рамках указанных цифровых сервисов значительно упрощается взаимодействие граждан в процессе разрешения задач и сопутствующей коммуникации, включая, но не ограничиваясь государственными органами, однако существенно возрастает риск утечки персональных данных. Таким образом, в эпоху цифровизации правовая защита личной информации становится критически важным прямо взаимовлияющим элементом обеспечения не только информационной, но и национальной безопасности Российской Федерации, значимость которого в ходе технического прогресса будет только возрастать.

Актуальность работы обусловлена ростом количества утечек персональных данных и совершенных в связи с этим преступлений в информационной среде. Агрегированные статистические сведения экспертно-аналитического центра свидетельствуют о том, за 2024 год среди проанализированных стран на международной арене Российская Федерация (далее «РФ») заняла второе место по числу инцидентов, где 8,5% всех случаев компрометации данных соотнесены к организациям в РФ [6]. Кроме того, статистические данные МВД РФ о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий за январь-июль 2025 года свидетельствуют о том, что «их количество возросло на 38,9%, чем за аналогичный период предыдущего года и составило 424,9 тыс. преступлений, то есть одну вторую от общего числа зарегистрированных преступлений, где превалирующая часть совершенных преступлений относится к категории тяжких и особо тяжких [7]. Отраженная выше динамика устойчивого роста преступности в информационной среде определяет не только высокую степень ее общественной опасности, но и необходимость создания и применения современных мер по борьбе с ней, а также, что еще немаловажно – комплекс мер по борьбе с хищением данных, включая государственный контроль со стороны исполнительных органов власти РФ.

Методология

Методологической основой исследования является комплекс научных методов познания, таких как системный, статистический, исторический, правовой, сравнительно-правовой, логический, диалектический, формально-юридический подход, историко-правовой анализ и другие методы исследования. Автором были исследованы материалы и источники различной научной литературы по предлагаемой теме, проанализированы нормативно-правовые акты Российской Федерации, в том числе основные положения Федерального закона №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» РФ, Федерального закона №152-ФЗ «О персональных данных» (далее «Закон 152»), Федерального закона №390-ФЗ «О безопасности», Указа Президента РФ №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, которые позволили более детально изучить вопрос механизма реализации правового обеспечения противодействия информационных угроз и киберпреступности, а также обозначить проблемы, возникающие в сфере реализации информационной безопасности в цифровых сервисах в век цифровых технологий.

Основная часть

Утвержденная Указом Президента РФ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации №646, является фундаментальным документом для организации государственной политики, развития общественных отношений и применению мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности, где информационная безопасность интерпретируется как состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, обуславливающихся комплексом из сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Многочисленные вариации толкования понятия «информационная безопасность» приводятся в современных научных произведениях, где можно акцентировать внимание на трех существенно отличающихся подходах к представлению его сущности. «В первом случае информационная безопасность воспринимается в качестве набора из цепи мероприятий в области защиты информации и средств ее передачи, хранения, обработки и накопления» [5, с. 534].

Далее, во втором – как обеспечение защиты от разноплановых информационных воздействий либо как совокупность принятых мер в компетенции по сопротивлению акциям информационной войны Совокупность проблем информационной безопасности в третьем случае охватывает, чуть ли не полностью всю область жизнедеятельности личности, общества и государства, непосредственно сопряженную с такими процессами, как производство, преобразование, потребление, накопление и хранение информации, где не имеют значения применяемые способы и средства для реализации упомянутых процессов [4, с. 5]. Однако, характерная особенность развития правового обеспечения информационной безопасности, напрямую относится к реализации государственной политики в этой области.

Килячков А.А. и Чалдаева Л.А. четко определили, что многообразие сфер общественного уклада общества и государства совместно с общими методами защиты интересов России и ее информационного пространства, опирающимися на то, что информационная безопасность – весомый элемент национальной безопасности страны, указывает на необходимость ориентироваться на особенности данных сфер и применять частные методы [2, с. 8]. Безусловно в глобальной системе информационной безопасности государства правовой институт защиты персональных данных представлен в качестве принципиально важного элемента, в отношении которого за последние два года было введено большое количество изменений в части правового и технического регулирования.

Говоря о связи между понятиями «персональные данные» и «цифровые сервисы», следует отметить то, что последние обрабатывают персональные данные граждан в соответствии с Законом 152, когда как сами персональные данные определяются как «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу». Однако особенности цифровых платформ, такие как масштаб и автоматизация, выходят за рамки традиционной защиты данных, что в определенных случаях создает правовую неопределенность и требует уточнения. В частности, персональные данные, используемые на таких сервисах, могут включать не только паспортные данные, ИНН, СНИЛС, дату рождения, ФИО, номер телефона, банковские карты и информацию о трудовой деятельности, место жительства, но и метрические данные, иначе определяемые как cookie-файлы, которые на текущий момент времени утверждаются в качестве персональных данных со стороны судов и Роскомнадзора.

Тем не менее, в области обеспечения конфиденциальности и защиты персональных данных существует множество проблем, которые в значительной степени обусловлены недостаточной эффективностью технических средств, предназначенных для обнаружения и предотвращения несанкционированного доступа к информации, что соответственно приводит к утечкам данных, хакерским атакам и кражам личной информации, в том числе денежных средств посредством социальной инженерии, основанной на полученных сведениях о потенциальной жертве со стороны мошенников, создавая тем самым серьезные негативные последствия как для пользователей, так и для организаций. В то же время в некоторых секторах технологических разработок наблюдаются примеры, когда современные технологии могут значительно способствовать защите информации и обеспечению конфиденциальности персональных данных. В частности, носимые устройства, такие как фитнес-браслеты, применяются не только для мониторинга физической активности, геолокации, но и для идентификации пользователей и управления доступом к личной информации. В контексте анализа инструментов для поиска оперативно значимой информации в открытых источниках, Л.Д. Матросова отмечает, что «на главной странице профиля можно получить сведения о регионе и населенном пункте проживания исследуемого лица, а также о группах, к которым оно принадлежит. Среди этих групп могут быть специализированные сообщества, предоставляющие более глубокое понимание целей и интересов индивидуума, позволяющие сформировать достаточно полное представление о личности» [3, с. 66]. Нельзя не утверждать, что вышеизложенные тезисы в том числе приоткрывают преступникам потенциальные вариации осуществления мошеннических действий на основании этих данных.

Дополнительно в рамках рассматриваемой проблематики правового регулирования безопасности персональных данных в цифровых сервисах нельзя не отметить факт скорости

прогресса технологий над процессом издания регулирующих нормативно-правовых актов и их реализации. Таким образом, разработка законодательства, касающегося новых технологий, представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую глубокого анализа и системного подхода. Сложность применения законодательства о персональных данных также вызывает значительные трудности, обусловленные его многослойностью и неоднозначностью.

Наиболее запутанными являются данные общего характера, поскольку точная идентификация личности возможна лишь при соотнесении информации с фамилией, именем и отчеством, которые выступают основным идентификатором гражданина в правовом обороте, что подтверждается положениями пункта 1 статьи 19 Гражданского кодекса Российской Федерации. Необходимо отметить, что именно органы законодательной власти определяют многоразличные правовые меры как охраны, так и защиты информации, где меры ответственности, установленные Кодексом об административных правонарушениях (далее – «КоАП РФ») играют принципиально большую роль. Весьма обоснованной представляется точка зрения Е.В. Климович, где, «...особая роль в обеспечении реализации и сохранения правопорядка в информационной сфере отведена институту административной ответственности».

Для адекватного и достаточно эффективного реагирования на существующие проблемы, располагающиеся в рамках правового регулирования информационных отношений в цифровых сервисах, следует подчеркнуть многочисленные варианты, которые сводятся к повышению эффективности действующих норм права посредством разграничения составов правонарушений с учетом ущерба, нанесенного правонарушителем юридическому или физическому лицу, кардинального роста размеров штрафных санкций, в отношении как уголовной, так и административной ответственности, не исключая необходимости снабдить дополнительными полномочиями органов государственной власти в контексте административного производства, в том числе праве доступа в информационные системы проверяемых субъектов.

Заключение

Представляет интерес процесс интенсивного становления информационного законодательства в Российской Федерации, которое с начала его формирования по данный момент находится в стагнации. При проведении исследования, выяснилось, что действующая нормативно-правовая база, включающая в свою структуру множество обособленных законодательных актов в значительной мере противоречива, в то время как ее понятийный и терминологический аппарат вовсе не являются совершенными.

Изучение проблем, препятствующих развитию государственной политики в области обеспечения защиты информации, позволяет сделать следующие выводы, где базовыми направлениями и способами совершенствования российского законодательства выступают:

− закрепление норм в Законе 152 в отношении правового регулировании правоотношений в рамках информационной сети;

− принятие поправок в законодательство об информационной сфере касательно оценки и последующих разграничений правового статуса персональных данных, размещаемых в публичном интернет-пространстве.

− издание и закрепление правовых норм, упорядочивающих полномочия органов власти в контексте административного производства, в праве доступа в информационные системы проверяемых субъектов.

Считаем целесообразным вышеизложенные направления и способы совершенствования законодательства, что увеличат вероятность устранения пробелов в этой области и значительно облегчит правоприменительную практику.

Список литературы

1. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. EDN DLIPYY

2. Чалдаева Л.А. Методы обеспечения информационной безопасности компании / Л.А. Чалдаева, А.А. Килячков // Финансы и кредит. – 2002. – №21(111). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-kompanii (дата обращения: 29.07.2026).

3. Матросова Л.Д. Инструменты для поиска оперативно-значимой информации по открытым источникам / Л.Д. Матросова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – №4(93). – С. 65–72. EDN HPIIUY

4. Статьев В.Ю. Информационная безопасность распределенных информационных систем / В.Ю. Статьев, В.А. Тиньков // Информационное общество. – 1997. – Вып. 1. – С. 68–71.

5. Ярочкин В.И. Информационная безопасность: учебник для студентов вузов / В.И. Ярочкин. – 2-е изд. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. – 544 с.

6. Утечки информации в мире: статистика и анализ за 2024 год. – URL: https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/utechki-informatsii-v-mire-i-otdelnykh-stranakh-za-god (дата обращения: 13.10.2025).

7. В России за январь-июль 2025 года ущерб от IT-преступлений вырос на 16% и составил почти 120 млрд рублей. – URL: https://alrf.ru/news/v-rossii-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mlrd/ (дата обращения: 13.10.2025).

Чалова Анна Витальевна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ: УСЛОВИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЁННОГО С ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ, В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация: *в статье анализируется юридическая сила электронной подписи в спорах о договорах, заключенных через интернет и цифровые сервисы, где согласие выражается действием в интерфейсе, обменом документами или подтверждением через учётную запись. Процессуальный фокус задан тремя свойствами электронных доказательств (достоверность, целостность, идентифицируемость источника). Выстраивается доказательственная цепочка для судебной проверки электронного договора: установление канала выражения согласия, подтверждение полномочий подписанта, сохранение метаданных, журналов входа и действий, фиксация маршрута передачи документа. Рассматривается аргумент о технической уязвимости среды подписи через риски цифровизации и влияние информационной безопасности на надежность цифровых процессов. Материал иллюстрируется ситуациями, когда доступ к личному кабинету разделён между сотрудниками, подпись формально проставлена, но цифровой след неполон.*

Ключевые слова: *электронная подпись, электронная сделка, электронные доказательства, идентификация стороны, достоверность, целостность данных, судебное доказывание.*

1. Спор и заключение договора.

В договорных отношениях, которые складываются в сети, спор чаще начинается не с цены и сроков. Стороны сначала выясняют, было ли согласие и кто его выразил. Е.Р. Зуева и Е.С. Митячкина описывают базовую механику интернет-сделки через оферту и акцепт. Лица, которые заключают подобные сделки, становятся обладателями определённых прав и обязанностей. Они устанавливаются договором. Заключение договора должно пройти две стадии. Первая стадия – это стадия оферты, то есть предложение с одной стороны о заключении договора. Вторая – стадия акцепта, то есть принятие предложения другой стороной. Для того чтобы заключить сделку, одна из сторон должна предложить оферту, а другая – её принять. Чаще всего продавцы на сайтах предлагают публичную оферту, или потребитель самостоятельно заполняет бланк заказа товаров (там он указывает свои персональные данные).

Добавим определение: оферта – это предложение, адресованное одному или нескольким конкретным лицам, «которое достаточно определённо выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение». Стадия акцепта наступает путём нажатия кнопки «согласен», «отправить» или с помощью обмена документами. Согласие получают через отправку письма по электронной почте. Но с гражданско-правовой точки зрения сделка будет считаться заключённой при условии, что договор подписан в письменной форме всеми сторонами. Однако чаще всего этот важный момент не соблюдается. Это одна из проблем сферы гражданско-правового оборота, и решить её можно путём введения обязательной электронной подписи [7, с. 140–147].

Для суда такой акцепт сам по себе не закрывает вопрос о форме. Даже когда есть переписка и история действий в личном кабинете, возникает процессуальная потребность связать волеизъявление с конкретным субъектом. Сделка «будет считаться заключённой при условии, что договор подписан в письменной форме всеми сторонами» [7, с. 140–147].

Типичная учебно-организационная ситуация в образовательной практике выглядит просто. Вуз заключает договор на доступ к цифровой платформе, бухгалтерия получает счёт, а ответственное лицо принимает условия через личный кабинет. Когда позже возникают претензии по оплате, спор сводится к проверке цепочки действий: кто входил в кабинет, с какого адреса, какие файлы выгружались и каким способом подписывались. Здесь уже на первом шаге обсуждение упирается в то, чем подтверждена цифровая идентичность участника и как обеспечена проверяемость электронного следа.

Ключевой узел спора о договоре в цифровой среде связан с тем, можно ли надёжно определить лицо, выразившее волю. Важен не только «клик» как факт, но и юридически значимая процедура согласования способа идентификации. Есть возможность заранее договориться о том, что именно считается офертой и акцептом в электронном обмене, а также кто уполномочен действовать от имени контрагента.

Проблемным является и место, где электронная коммуникация есть, а подтверждения «подписания» нет. Поэтому важен тезис о переходе к подписи как к обязательному инструменту дисциплины гражданского оборота. Проблему можно решить путём введения обязательной электронной подписи.

Переход от «клика» к подписи особенно заметен в процессуальной перспективе. А.Д. Кундич фиксирует, что для электронных доказательств важно обеспечить три свойства. В его формулировке значимы «достоверность, целостность и возможность идентификации источника их происхождения», и для этого «часто используются электронные подписи» [9, с. 39–45].

В суде обсуждают не «электронность» договора как модный формат, а идентифицируемость стороны и воспроизводимость данных. Если спор доходит до суда, договор с электронной подписью перестаёт быть только договором. Он становится объектом доказывания, где суд оценивает не убеждения сторон, а качество цифровых следов. А.Д. Кундич начинает с определения, которое удобно для прикладной работы. Он пишет, что электронные доказательства «это сведения, которые создаются, передаются, хранятся или получаются с использованием электронных, цифровых или иных аналогичных технологий» [9, с. 39–45].

2. Электронные доказательства.

Далее у него появляется важное различение. Электронные доказательства не ограничиваются текстом. Они могут включать «метаданные, которые фиксируют технические параметры создания, изменения или передачи информации» [9, с. 39–45]. Именно здесь подпись превращается в связку между документом и процедурой его создания, поскольку суду нужно видеть не только «файл», но и признаки его происхождения.

Электронные доказательства могут быть представлены «в форме электронных документов, подписанных электронной подписью, а также других сведений, полученных с использованием информационных технологий. Законодательство не дает строгого определения электронного доказательства, но в правоприменительной практике под ними понимаются любые сведения, имеющие значение для дела и представленные в электронной (цифровой) форме: электронные документы, сообщения электронной почты, аудио- и видеозаписи, информация с сайтов и социальных сетей, метаданные и лог-файлы» [9, с. 39–45].

Споры о подписи часто сопровождаются аргументом о технической уязвимости. Он появляется тогда, когда сторона пытается объяснить, почему «подписанный» документ не выражает её волю. В этом месте полезна рамка В.И. Липунова, который связывает цифровизацию с двойственным эффектом. Он фиксирует, что «наряду с положительными эффектами, процесс цифровизации несет и определенные отрицательные последствия в виде рисков и угроз» [10, с. 241–249].

3. Компрометация среды подписи: юридический ракурс.

Похожая мысль, хотя и в другой предметной зоне, появляется у А.И. Землина и А.А. Торшина. В контексте обсуждения беспилотных систем они перечисляют факторы, и среди них прямо называют «недостатки информационной безопасности таких систем», которые «приобретают ключевое значение» [10, с. 241–249]. Для спора о подписи это не техническая деталь, а возможный юридический сюжет. Если сторона показывает, что среда подписи была компрометирована, суду приходится проверять, насколько надёжно связаны документ, ключ и лицо.

В прикладной ситуации образовательной организации это проявляется конкретно. Когда договор подписывают из личного кабинета, а доступ к нему разделяется между сотрудниками, появляется риск «коллективной ответственности» за пароль и ключ. В итоге спор смещается к регламентам доступа, журналам входов, порядку хранения носителей и к тому, кто и как контролировал процедуру подписания.

А.И. Землин фиксирует ситуацию, когда цифровая технология начинает задавать темп праву. В его формулировке развитие беспилотного вождения «влечет за собой необходимость кардинального изменения принципиальных подходов к построению системы правового регулирования» [3, с. 58]. Для судебного спора о договоре, заключённом в цифровой среде, эта рамка полезна как методический ориентир. Суду редко достаточно того, что стороны обменялись файлами. Он ищет юридически собранную конструкцию, где понятны роли участников, порядок допуска технологии к использованию и границы ответственности. Автор пишет, что такие проекты «не в полной мере соответствуют требованиям формальной логики, юридической техники» [3, с. 58–59]. В споре о признании электронного договора это обычно проявляется в мелочах, которые потом становятся ключевыми: как идентифицируется подписант, как хранится связка «документ и действие», какая часть процедуры отдана платформе, а какая остаётся у стороны.

Логика Н.Л. Бондаренко и соавторов из транспортной тематики переводится в гражданско-правовой оборот без натяжек. В аннотации они формулируют гипотезу, что имплементация искусственного интеллекта «влечет кардинальные изменения» и меняет «природу и содержание правового регулирования» [2, с. 50–57]. Само название статьи Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневича в Ex jure держит эту же оптику. В центре не техника, а регуляторная функция государства [1, с. 56–67].

Если смотреть на юридическую силу цифровых действий как на навык, который должен быть воспроизводим, то многое решает подготовка исполнителя. В учебнике А.И. Землина и соавторов для направления «Информационные системы и программирование» право помещено рядом с процедурой, регламентом и ответственностью [11, с. 128]. В аудитории это хорошо видно на простом задании. Студент описывает схему подписания согласия в личном кабинете и сразу получает вопрос преподавателя: где хранится событие, кто администратор доступа, как подтверждается воля пользователя.

Параллельная линия проходит через сферу публичной службы. В учебнике под общей редакцией А.И. Землина о государственном регулировании службы акцент делается на нормативной дисциплине процессов и на том, что управленческое решение опирается на установленную процедуру [3, с. 58–59]. Для судебной оценки электронного договора это близкая логика. Не важна декларация, что сервис существует. Важен юридически распознаваемый порядок, который можно проверить по следам, документам, регистрам.

Статья И.А. Казаковой и соавторов о дистанционной купле-продаже помогает точнее отделять термин от бытового употребления [8, с. 175–177]. Для цифрового договора это ключевое умение. В одном кейсе стороны называют ситуацию дистанционной покупкой, в другом суд видит смешение оферты, заказа, акцепта и оплаты. Такие расхождения потом влияют на оценку волеизъявления и на то, как суд читает цифровой след.

Итак, юридическая сила электронной подписи в споре о договоре складывается из проверяемых элементов, а не из самого факта цифрового оформления.

4. Проверяемые элементы электронной подписи.

Первый элемент – это воспроизводимая процедура выражения согласия. Интернет-сделка фиксируется действием пользователя и обменом сообщений, но для суда решающим становится то, как именно закреплён момент акцепта и кем он совершён. В практических сценариях, которые описывают Е.Р. Зуева и соавтор, спор начинается там, где пользовательское действие не подкреплено процедурой подписания и идентификации.

Второй элемент – это доказательная архитектура. Электронный документ оценивается через достоверность, целостность и идентифицируемость источника. Если сторона предоставляет только файл без метаданных, журналов действий и подтверждений маршрута документа, у суда остаётся мало инструментов для проверки происхождения и неизменности. Подход А.Д. Кундича показывает, что ценность электронного доказательства раскрывается через цифровой след и технические параметры, а не через формальное название документа.

Третий элемент – это управляемость рисков цифровой среды. В работах В.И. Липунова и А.И. Землина цифровизация рассматривается как зона ускорения и одновременно зона угроз, где недостатки информационной безопасности переходят из технической сферы в юридическую. В судебной логике это означает, что устойчивость электронной подписи зависит от регламентов доступа, контроля ключей, ограничений на использование учётных записей и от способности стороны документировать безопасность процесса.

В целом, электронная подпись в судебной практике работает как юридический инструмент только тогда, когда она встроена в понятный порядок идентификации, фиксации согласия и хранения цифровых данных. На уровне организации это требует не деклараций о цифровизации, а регламентов и доказуемых процедур.

Список литературы

1. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Ex Jure. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

2. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22. №1(110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ

3. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA

4. Землин А.И. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции / А.И. Землин, Д.А. Колоколова // Военное право. – 2025. – №3(91). – С. 13–17. EDN DARBAZ

5. Землин А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 151–154.

6. Землин А.И. Характеристика беспилотных автомобилей в контексте обязательств вследствие причинения вреда / А.И. Землин, А.А. Торшин // Транспортное право и безопасность. – 2021. – №1(37). – С. 113–123. EDN UHYHRG

7. Зуева Е.Р. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с помощью сети интернет / Е.Р. Зуева, Е.С. Митячкина // Вестник науки. – 2022. – Т. 5. №1(46). – С. 140–147. EDN OGCUWH

8. Казакова И.А. К вопросу определения теоретико-правового понятия «дистанционная купля-продажа» / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №11(215). – С. 175–177.

9. Кундич А.Д. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе / А.Д. Кундич // Этносоциум. – 2025. – №7(205). – С. 39–45. EDN IUPMAM

10. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М., 2021. – С. 241–249. EDN PBDDMP

11. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. EDN DLIPYY

12. Правовое регулирование государственной службы (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 175 с.

Чупрова Евгения Дмитриевна
студентка

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Аннотация: *в статье исследуются особенности возмещения вреда, причинённого источником повышенной опасности, в рамках института гражданско-правовой ответственности. Основное внимание уделено анализу ст. 1079 ГК РФ, закрепляющей режим объективной (безвиновной) ответственности владельца источника в противовес общему правилу о виновной ответственности по ст. 1064 ГК РФ. Раскрыты доктринальные подходы к пониманию категории «источник повышенной опасности» (объектный, деятельностный и комбинированный критерий). Проанализирован субъектный состав ответственности, основания освобождения (непреодолимая сила, умысел потерпевшего), обстоятельства, влияющие на размер возмещения (грубая неосторожность потерпевшего, имущественное положение причинителя вреда). Отдельное внимание уделено специфике солидарной ответственности владельцев при взаимодействии источников и порядку возмещения реального ущерба, упущенной выгоды и морального вреда. Выявлены ключевые проблемы правоприменительной практики, показана роль разъяснений Верховного Суда РФ (Постановление Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1). Обозначены направления совершенствования правового регулирования.*

Ключевые слова: *источник повышенной опасности, возмещение вреда, солидарная ответственность, владелец источника, источник повышенной опасности, гражданско-правовая ответственность, владелец источника повышенной опасности, объективная ответственность, основания освобождения от ответственности, судебная практика, правоприменение.*

Институт возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, занимает особое место в системе гражданско-правовой ответственности. Его специфика обусловлена необходимостью обеспечить баланс между интересами общества в развитии потенциально опасных видов деятельности (транспорт, энергетика, промышленность) и защитой прав граждан, которые могут пострадать от такой деятельности.

Ключевым нормативным основанием выступает статья 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), устанавливающая особый режим ответственности: владелец источника повышенной опасности обязан возместить вред независимо от своей вины. Такой подход основан на концепции ответственности за риск: если лицо извлекает выгоду из эксплуатации опасного объекта, оно должно нести и имущественные последствия возможных негативных результатов.

Цель настоящей статьи – раскрыть особенности механизма возмещения вреда по ст. 1079 ГК РФ, проанализировать условия освобождения от ответственности, специфику субъектного состава и проблемные вопросы правоприменительной практики [1, с. 229].

Понятие и признаки источника повышенной опасности.

Законодательство не содержит исчерпывающего определения понятия «источник повышенной опасности», ограничиваясь примерным перечнем видов деятельности и объектов (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.).

В доктрине и судебной практике сложились два основных подхода к пониманию источника повышенной опасности:

− объектный подход: источник – это вещь (автомобиль, станок, емкость с токсичным веществом), обладающая опасными свойствами;

– деятельностный подход: источником признаётся сама деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих.

На практике суды используют комбинированный критерий: объект признаётся источником повышенной опасности, если:

– он обладает вредоносными свойствами, которые невозможно полностью контролировать даже при соблюдении всех мер предосторожности;

– вероятность причинения вреда существенно выше, чем при обычном использовании имущества.

Последствия вреда могут быть масштабными и трудно устранимыми. Важно, что перечень источников не является закрытым: суд вправе признать таковым и иные объекты или виды деятельности, если они соответствуют указанным критериям. Например, в отдельных делах к источникам повышенной опасности относили строительную технику, высоковольтные линии электропередач, а также отдельные медицинские технологии с высоким риском осложнений.

По ст. 1079 ГК РФ обязанность возмещения лежит на владельце источника повышенной опасности, которым признаётся лицо, эксплуатирующее объект на законном основании:

– собственник;

– лицо, владеющее на праве хозяйственного ведения или оперативного управления;

– арендатор;

– пользователь по доверенности или иному распоряжению органа власти.

При этом лицо, управляющее источником в рамках трудовых или гражданско-правовых отношений с владельцем (например, водитель по трудовому договору), не считается владельцем и не несёт ответственности по ст. 1079 ГК РФ. Ответственность остаётся на работодателе, если только не будет доказано, что работник противоправно завладел источником (например, угнал автомобиль).

Отдельного внимания заслуживает вопрос распределения ответственности при выбытии источника из обладания в результате противоправных действий третьих лиц [2]. Владелец освобождается от ответственности, если докажет факт угона или иного незаконного изъятия. Однако если в утрате контроля есть вина владельца (оставил ключи в машине, не обеспечил охрану), суд может возложить ответственность на него и на лицо, противоправно завладевшее источником, в долевом порядке.

Особенности ответственности.

Главная особенность ответственности по ст. 1079 ГК РФ – ее объективный характер: вред подлежит возмещению независимо от вины владельца. Это отличает данный режим от общего правила ст. 1064 ГК РФ, где вина является необходимым условием ответственности [10].

Тем не менее закон предусматривает случаи освобождения владельца от обязанности возместить вред.

Непреодолимая сила – чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства (стихийные бедствия, техногенные катастрофы вне контроля владельца).

Умысел потерпевшего – если вред наступил в результате сознательных действий самого пострадавшего, направленных на причинение себе вреда либо допускающих его с прямым или косвенным умыслом.

Грубая неосторожность потерпевшего – суд вправе снизить размер возмещения, если поведение потерпевшего способствовало возникновению или увеличению вреда (ст. 1083 ГК РФ).

Имущественное положение причинителя вреда – в исключительных случаях суд может уменьшить размер возмещения с учётом финансового положения гражданина-владельца.

Также важно учитывать специфику взаимодействия нескольких источников повышенной опасности. Если вред причинён третьим лицам в результате столкновения или иного взаимодействия источников (например, ДТП с участием нескольких автомобилей), их владельцы несут солидарную ответственность. Это означает, что потерпевший вправе требовать полного возмещения от любого из владельцев. В то же время, если вред причинён одному из владельцев источником другого владельца, применяются общие правила деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ) с учётом вины каждого участника [7].

Объем и порядок возмещения вреда.

Возмещению подлежит весь причинённый вред, включая:

– реальный ущерб (расходы на лечение, восстановление имущества, погребение и т. д.);

– упущенную выгоду (утраченный заработок, доходы, которые потерпевший мог бы получить);

– компенсацию морального вреда.

При причинении вреда здоровью или жизни применяются специальные правила расчёта:

– утраченный заработок определяется исходя из среднего дохода потерпевшего до повреждения здоровья;

– дополнительные расходы (на лекарства, протезирование, уход,

– санаторно-курортное лечение) возмещаются при наличии документального подтверждения их необходимости и фактической оплаты;

– компенсация морального вреда устанавливается судом с учётом характера и степени физических и нравственных страданий [5].

Особое значение имеет вопрос исковой давности. На требования о возмещении вреда, причинённого жизни или здоровью, исковая давность не распространяется. Однако если иск предъявлен спустя более трёх лет после возникновения права на возмещение, суд удовлетворяет требования только за три года, предшествовавшие подаче иска.

Проблемы правоприменения и судебная практика.

Несмотря на кажущуюся простоту нормы ст. 1079 ГК РФ, на практике возникает множество спорных вопросов.

Определение статуса владельца. Суды нередко сталкиваются с необходимостью разграничивать понятия «собственник», «арендатор», «управляющий по доверенности» и «работник». Ошибки в квалификации могут привести к привлечению к ответственности ненадлежащего лица.

Судебная практика последовательно подчёркивает, что статус «владельца источника повышенной опасности» по ст. 1079 ГК РФ нельзя подменять фактом управления или пользования: решающим является наличие законного основания владения и реального контроля над объектом. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 15.07.2025 №16-КГ25–15-К4 суд указал, что одного договора (например, аренды) недостаточно: необходимо доказать его фактическое исполнение (платёжные документы, передача во владение и т. п.) [4]. В противном случае собственник остаётся владельцем по смыслу ст. 1079 ГК РФ и несёт ответственность за вред. Этот подход исключает искусственное перекладывание ответственности на лицо, фактически управлявшее источником, если переход владения юридически не подтверждён.

Проблема определения надлежащего ответчика особенно актуальна в условиях автоматизации: распределение ответственности между владельцем, оператором, разработчиком повышенной опасности и производителем требует новых подходов. Действующее регулирование не в полной мере учитывает особенности эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, что порождает правовую неопределённость [8, с. 58–69].

Владельцу необходимо представить убедительные доказательства наличия непреодолимой силы либо умысла потерпевшего. На практике это бывает сложно, особенно в делах о ДТП, где обстоятельства происшествия могут быть неоднозначными.

Солидарный характер ответственности владельцев источников повышенной опасности порождает споры о порядке регресса между ними. Суды учитывают степень вины каждого владельца, а также конкретные обстоятельства аварии.

Отсутствие закрытого перечня источников повышенной опасности приводит к разнородной практике: одни суды признают источником повышенной опасности определённые виды техники или оборудования, другие – нет.

Важную роль в единообразии правоприменения играют разъяснения высших судов. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 содержит подробные указания по применению норм о возмещении вреда жизни и здоровью, включая вопросы расчёта утраченного заработка и дополнительных расходов [6]. Кроме того, обзоры судебной

практики ВС РФ регулярно обобщают подходы к квалификации источников повышенной опасности и распределению ответственности между несколькими владельцами.

Особенности возмещения вреда, причинённого источником повышенной опасности, отражают специфику гражданско-правовой защиты интересов потерпевших в условиях развития технологически сложных и потенциально опасных сфер деятельности. Режим ответственности по ст. 1079 ГК РФ основан на принципе риска: владелец источника обязан возместить вред даже при отсутствии вины, поскольку именно он извлекает пользу из эксплуатации опасного объекта.

Вместе с тем законодатель предусмотрел механизмы защиты прав владельца: возможность освобождения от ответственности при доказательстве непреодолимой силы или умысла потерпевшего, а также учёт грубой неосторожности пострадавшего и имущественного положения причинителя вреда. Важную роль в обеспечении баланса интересов играет судебная практика, которая уточняет критерии признания объекта источником повышенной опасности и порядок распределения ответственности между несколькими лицами.

На практике нередко возникали споры о том, может ли потерпевший взыскать с причинителя вреда сумму сверх страхового возмещения. Конституционный Суд РФ в постановлении №6-П от 10.03.2017 разрешил эту неопределённость: взаимосвязанные нормы ст. 15, ст. 1064, ст. 1072 и ст. 1079 ГК РФ допускают взыскание разницы, если потерпевший документально подтвердит превышение фактического ущерба над страховой выплатой [7].

Это разъяснение существенно повлияло на судебную практику по делам о возмещении вреда транспортными средствами как источниками повышенной опасности.

Для устранения правовой неопределённости требуется развитие нормативной базы, учитывающей специфику новых источников повышенной опасности. Существует необходимость закрепить в законодательстве критерии отнесения высокоавтоматизированных транспортных средств к источникам повышенной опасности, а также регламентировать распределение ответственности между всеми вовлечёнными лицами [4, с. 13–20]. Эти предложения логично дополняют существующий режим ответственности по ст. 1079 ГК РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.07.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 1079.

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.11.2016 №41-КГ16–37. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=489836 (дата обращения: 01.07.2026).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 15.07.2025 №16-КГ25-15-К4 (УИД 34RS0002–01–2023–007187–04). – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.07.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 №33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – №2.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – №3.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 №6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – №12. – Ст. 1736.

8. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, №12. – С. 58–69. – EDN: BSMKWA. DOI 10.12737/jrl.2022.128

9. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Транспортное право. – 2022. – №4. – С. 13–20. – EDN: YNLWLS. DOI 10.18572/1812-3937-2022-4-13-20

10. Актуальные проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием высокоавтоматизированных автомобилей: монография / А.И. Землин, М.А. Матвеева, Е.В. Гоц, А.А. Торшин. – М.: КноРус, 2022. – EDN: TJLKMY.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Евдокимова Анжелика Николаевна
канд. ист. наук, доцент
Евдокимов Савелий Сергеевич
студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МЕХАНИЗМЫ И ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ И РАБОТЕ ЧЕБОКСАРСКОГО ГИДРОУЗЛА

Аннотация: *в статье раскрыты факторы, формирующие прямое и обратное влияние Чебоксарского гидроузла на окружающую среду, среди которых выделяются природно-антропогенные факторы химической и механической природы, антропогенный фактор механической и химической природы и биологический фактор. Совокупность указанных факторов приводит к формированию разных аспектов экологической проблемы, влияющей на положение и социально-экономическую жизнь ряда поволжских регионов. Среди актуальных задач, требующих внимания со стороны научных, общественных, государственных структур, является необходимость улучшения качества воды.*

Ключевые слова: *Волга, Чебоксарский гидроузел, экологическая проблема, водоканал, водохранилище, малые реки.*

Производство энергии, являющееся необходимым средством для существования и развития человечества, оказывает воздействие на природу и окружающую человека среду. В быт и производственную деятельность человека настолько твердо вошла электроэнергия, что человек не мыслит своего существования без нее и потребляет само собой разумеющиеся неисчерпаемые ресурсы. С другой стороны, необходимо уделять все больше внимания экономическому аспекту энергетики и экологически чистым энергетическим производствам. Это говорит о необходимости решения комплекса вопросов, среди которых – практическое использование достижений, поиск и разработка новых альтернативных технологий для выработки электроэнергии.

Гидроэнергетические объекты оказывают существенное влияние на окружающую природную среду, хотя это влияние является локальным. Однако сооружение каскадов крупных водохранилищ и различные водохозяйственные мероприятия могут изменить природные условия в региональном масштабе. Чебоксарская ГЭС и Чебоксарское водохранилище образуют Чебоксарский гидроузел, который является самым молодым по времени создания в каскаде гидроузлов Волжско-Камской системы. Водохозяйственный комплекс Чебоксарского водохранилища включает в себя различные предприятия промышленности и сельского хозяйства, жилищно-коммунальной, лесной, химической, нефтехимической и рекреационной сферы, объекты энергетики и водного транспорта. Гидроузел оказывает существенное влияние на окружающую среду, в первую очередь, на качество воды, далее на береговые процессы, климат прилегающих территорий и биоту.

В формировании прямого влияния Чебоксарского гидроузла на окружающую среду, как и обратного влияния – окружающей среды на водохранилище, значительную роль играют природно-антропогенные и антропогенные факторы химической, механической и биологической природы [6, с. 270–271].

Природно-антропогенные факторы химической и механической природы и антропогенные факторы механической природы являются главными при процессах смешения речного стока с водами, аккумулированными в водохранилище. В месте расположения Чебоксарской ГЭС Волга разделяется «островом» на две протоки: левую – судоходную и правую – несудоходную. Бетонные сооружения гидроузла расположены у правого берега реки Волги. Здание ГЭС и водосливная плотина повернуты в плане под углом 99 градусов к оси шлюза со стороны нижнего бьефа. Поэтому сбрасываемый поток от ГЭС и водосливной плотины направляется от судоходной трассы в сторону левого берега, что улучшает условия входа судов в нижний подходной канал.

Чебоксарская ГЭС эксплуатируется в непроектном режиме, в условиях дефицита аккумулирующей (свободной) емкости около 5 км^3. В сложившихся условиях эксплуатации станция не имеет возможности предпаводковой сработки водохранилища и аккумулирования избытков воды в период половодья. Всю воду, прибывающую к гидроузлу, ГЭС пропускает практически транзитом. Динамика изменений суммарного притока в Чебоксарское водохранилище определяется расходами Нижегородской ГЭС и величиной бокового притока.

Главная роль в речном стоке принадлежит, несомненно, Волге, но существенное значение имеет боковая приточность, в частности реки Ока, Сура и малых рек. Боковая приточность оказывает значительное влияние на качество воды в водохранилище. Водные массы Оки по своим химическим и биологическим характеристикам относятся к разряду более мутных, минерализованных, содержащих большее количество биогенных веществ и хлорофилла, что не позволяет смешиваться водам Оки и Волги на протяжении 40 км. Соответственно, загрязнённые сточные воды Нижнего Новгорода перемещаются вниз по течению, не подвергаясь гидрологическим, гидрохимическим и биохимическим изменениям. Дополнительный вклад в загрязнение вносят и малые реки правобережья (например, Кудьма), отличающиеся с одной стороны закарстованными водосборами, а с другой стороны – их высокой распаханностью, что также привносит в Чебоксарское водохранилище воду с повышенными содержаниями солей и фосфора.

Колебание уровня воды в Чебоксарском водохранилище достигает до 2 м, что активизирует процессы разрушения берегов, оползневые, осыпные и прочие процессы. Создание Чебоксарского водохранилища усилило скорость и силу ветров, дующих с акватории водоема, поэтому в прибрежной зоне развивается ветровая эрозия. В результате этого на берегу корни сосен обнажаются, деревья гибнут и падают в воду. На всех склонах идет медленное перемещение грунтов со скоростью 1 мм в год.

По мнению ученых, в силу «молодости» Чебоксарское водохранилище продолжает адаптироваться к новым условиям, вырабатывая новые профили равновесия, но при этом происходит разрушение как правого берега (абразионно-оползневые процессы), так и левобережья (абразионно-осыпные процессы). Абразионно-аккумулятивные процессы незначительны. Прибрежные территории активно вовлекаются в хозяйственный оборот и застраиваются, а бесконтрольное строительство и недоучет геолого-геоморфологической и гидрогеологической обстановки приводят к активизации оползневых деформаций и аварийных ситуаций, что в конечном итоге сказывается и на качестве водных ресурсов [1, с. 110–111].

Возведение Чебоксарской ГЭС и заполнение водохранилища изменили и микроклимат прилегающих районов. В результате наполнения Чебоксарского водохранилища до отметки образовались озеровидные плесы, изобилующие островами, которые чередуются с сужениями. Такие озеровидные плесы, и, соответственно, микроклиматические изменения, связанные с созданием водохранилища, характерны в первую очередь для Республики Марий Эл и Чувашии. При эксплуатации водохранилища на отметке +63,0 м на территории Нижегородской области почти нет озеровидных плесов, что предопределяет незначительное изменение климата.

Увеличение затрат тепла на испарение снижает температуру земной и водной поверхности и приводит к повышению относительной влажности (на 5–10%) нижнего слоя воздуха. В теплое время года в береговой зоне водохранилища температура воздуха на 2–3 градуса

ниже, чем в удаленных от водоема районах и составляет 13–15 градусов выше нуля. Вследствие этого возникает бриз со скоростью 3–4 м/с [4, с. 27, 44]. Над акваторией происходит изменение господствующего направления ветра с юго-западного на юго-запад-западное. Помимо прочего происходит смещение вперед (то есть позже) на 3–4 дня дат устойчивого перехода температуры воздуха весной и осенью через 0°С. Над озеровидными плесами в теплое время года количество осадков уменьшается на 5–10%. С возведением ГЭС в прибрежной зоне увеличилось число предприятий промышленности, что, в свою очередь, привело к загрязнению окружающей среды, в частности, атмосферного воздуха [5].

К антропогенным факторам химической природы следует отнести точечные источники (сброс сточных вод через трубы) и диффузное загрязнение, т.е. неконтролируемые источники (ливневые и сельскохозяйственные стоки, фильтрат со свалок отходов). К Чебоксарскому водохранилищу примыкают территории Нижегородской области, республик Чувашии и Марий Эл, чья хозяйственная деятельность и антропогенный прессинг оказывает максимальное воздействие на качество воды. Наибольшую площадь территории водосбора водохранилища принадлежит Нижегородской области (40% площади бассейна), у республик Чувашия и Марий Эл по 6%. В его водоохранной зоне выявлено свыше 300 источников точечного загрязнения [2].

По данным АО «Нижегородский водоканал», объем сточных вод, принимаемый на очистные сооружения, составляет более 250 млн м^3 в год. Главными источниками поступления сточных вод являются Сормовская ТЭЦ (72,2 т/в год), ПАО «ОАК» – НАЗ «Сокол» (78 т/в год), ЗАО «ЗеФС» (29,9 т/в год) [8]. Основным источником загрязнения Чебоксарского водохранилища на территории Республики Марий Эл является МУП «Водоканал» муниципального образования «Городской округ «Город Козьмодемьянск». Сброс сточных вод этого предприятия составляет свыше 0,85 млн м^3 в год [9]. Объем сточных вод г. Чебоксары составляет порядка 36 млн м^3. По итогам 2021–2022 гг. республика является одним из трех регионов Поволжья, где сброс неочищенных сточных вод прекращен. Однако в Чувашии регулярно появляются сообщения о загрязнении водных объектов, в том числе и Волги, сточными водами.

Научно доказано, что вклад водосборной площади при влиянии на акваторию Чебоксарского водохранилища по биогенным элементам (фосфору и азоту) составляет 30% и 50–60% соответственно. Наибольшая прямая нагрузка идет с правого берега (до 60%), а влияние сельскохозяйственных ландшафтов находится на уровне 50%. Левобережье характеризуется 10% антропогенной нагрузки от выноса биогенных элементов, 90% фосфора и азота дают лесные ландшафты [7, с. 635].

В диффузном загрязнении водохранилища участвует сброс ливневых вод в малые реки городов, например, города Чебоксары (Трусиха, Сугутка, Кукшум, Шалмас и Малая Кувшинка), где наблюдаются незначительные превышения по нефтепродуктам и взвешенным веществам. Биологические факторы прямого и обратного влияния водохранилища определяют степень эвтрофирования водоема, а вместе с седиментационными процессами – его способность к самоочищению. Негативная динамика водородного показателя, наличие высокотоксичных водорослей (сине-зеленых) может говорить об усиления процессов эфтрофикации и отсутствии процессов самоочищения. До 2000-ых годов Чебоксарское водохранилище оценивалось как мезотрофное с отдельными эвтрофными участками [3]. В настоящее время его можно отнести к эвтрофным водоемам. В фитопланктоне водохранилища преобладают зелёные, диатомовые водоросли и цианобактерии; наблюдается регулярное «цветение воды».

Таким образом, основными факторами, формирующими прямое и обратное влияние Чебоксарского гидроузла на окружающую среду, являются природно-антропогенные факторы химической и механической природы, антропогенный фактор механической и химической природы и биологический фактор. Одна из главных проблем влияния, требующей решения – это проблема качества воды Чебоксарского водохранилища, которая должна включать в себя как улучшение качества воды, особенно в районе впадения р. Ока и ниже г. Нижний Новгород, так и предотвращение попадания в водохранилище сверхнормативного загрязнения от

жилищно-коммунальной сферы, водного транспорта, сельскохозяйственных источников и ливневой канализации.

Список литературы

1. Вилимович Е.А. Формирование и трансформация качества воды р. Кудьмы – малого притока Чебоксарского водохранилища / Е.А. Вилимович, О.Н. Ерина, Д.И. Соколов, М.А. Терешина // Современные проблемы водохранилищ и их водосборов: труды VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Пермь, 30 мая – 2 июня 2019 г.). – Т. 3. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – С. 109–113. EDN FHAEFR
2. Доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2020 году». – М.: Росводресурсы, 2022. – 510 с.
3. Ильина А.А. Гидрологические и экологические проблемы Чебоксарского и Куйбышевского водохранилищ Чебоксарского участка Чувашской Республики / А.А. Ильина, И.В. Никонорова, В.Н. Ильин, Е.А. Никитина // Успехи современного естествознания. – 2023. – №6. – С. 34–39. DOI 10.17513/use.38050. EDN JFIWHY
4. Качество поверхностных вод Российской Федерации. Ежегодник. – 2024. – Ростов н/Д.: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), 2025. – 451 с.
5. Порядин А.Ф. Состояние бассейнов великих рек России (Оби, Енисея, Лены, Волги) / А.Ф. Порядин // Экология и жизнь. – 2000. – №2. – С. 50–53.
6. Шаврак Е.И. Факторы формирования качества воды в искусственном водоеме / Е.И. Шаврак // Вестник МГСУ. – 2010. – №1. – С. 270–274. EDN MUXPTF
7. Ясинский С.В. Антропогенная нагрузка и влияние водозбора на диффузный сток биогенных элементов в крупный водный объект (на примере водозбора Чебоксарского водохранилища) / С.В. Ясинский, Е.А. Кашутина, М.В. Сидорова, А.Н. Нарыков // Водные ресурсы. – 2020. – Т. 47, №5. – С. 630–648. DOI 10.31857/S0321059620050223. EDN FXROOC
8. АО «Нижегородский водоканал». – URL: https://www.vodokanal-nn.ru/ (дата обращения: 14.07.2026).
9. МУП «Водоканал» (Республика Марий Эл). – URL: https://www.vod12.ru/ (дата обращения: 14.07.2026).

Кордон Тамара Анатольевна
канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МЕДИАТЕКСТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: *в статье рассматривается проблема социальной адаптации будущих учителей в условиях стремительной глобализации и цифровой трансформации мирового сообщества. Автор анализирует роль медиатекстов (социальные сети, интернет-мемы, видеоблоги) как ключевого канала трансляции культурных кодов и формирования межкультурной компетенции, которая в современном мире становится не просто образовательной целью, а необходимым условием успешной профессиональной социализации. Особое внимание уделяется характеристике медиатекстов как аутентичных источников информации о культурных особенностях представителей различных национальных сообществ. Подтвержден социальный и дидактический потенциал медиатекстов, включающий аутентичность, актуальность и возможность развития навыков интерпретации культурных смыслов, что способствует формированию толерантного сознания и готовности к эффективному взаимодействию в поликультурной среде современного мирового сообщества.*

Ключевые слова: *межкультурная компетенция, медиатексты, будущие учителя, социальные сети, интернет-мемы, видеоблоги.*

В эпоху глобализации и активного развития цифровых технологий мировое сообщество характеризуется беспрецедентным уровнем культурного взаимодействия. Современные

социальные и экономические процессы требуют от специалистов любой сферы не только профессиональных знаний, но и способности эффективно функционировать в поликультурной среде. Изучение иностранного языка является одним из аспектов современного образования и личностного развития. Этот процесс важен для всех сфер жизни, включая образование, профессиональную деятельность, культурное обогащение и международное сотрудничество [2, с. 22]. В условиях образовательной реформы Российской Федерации и интеграции отечественной системы образования в мировое образовательное пространство в высших учебных заведениях на неязыковых факультетах предлагается курс иностранного языка. Этот курс рассматривается как комплексный образовательный продукт, способствующий не только языковой, но и социальной подготовке будущих специалистов. В педагогическом вузе профессиональные потребности будущих учителей требуют создания специальных систем обучения, соответствующих задачам иноязычного общения в профессиональной и научной сферах. Однако в контексте глобальных социальных изменений эта задача выходит за рамки сугубо методической и приобретает социально-значимый характер, поскольку от готовности будущего педагога к межкультурному диалогу зависит успешность социализации подрастающего поколения.

Знание иностранного языка является неотъемлемой частью профессионального развития будущих учителей. В современном мире, характеризующемся культурным разнообразием и миграционными процессами, владение иностранным языком открывает перед учителями новые горизонты и возможности для профессиональной мобильности и социального роста. Е.И. Пассов подчеркивает, что обучение иностранному языку должно быть направлено на подготовку будущего учителя к диалогу культур, где язык выступает не только средством общения, но и средством познания иной культуры [3, с. 112]. Это положение приобретает особую актуальность в свете современных тенденций развития мирового сообщества, где культурные границы становятся все более прозрачными, а эффективность межкультурного взаимодействия напрямую влияет на социальную стабильность и экономическое сотрудничество между странами. Умение общаться на иностранных языках позволяет преподавателям углубить свою интеграцию в международное образовательное сообщество, обмениваться опытом с коллегами из разных стран, изучать и применять передовые методы преподавания в своих дисциплинах. В условиях глобализации и активного развития цифровых технологий роль межкультурного взаимодействия значительно возрастает. Современное общество характеризуется постоянным общением между представителями разных культур, что требует от будущих учителей не только владения иностранными языками, но и умения эффективно взаимодействовать в межкультурной среде, что является важнейшей социальной компетенцией XXI века. В связи с этим развитие межкультурной компетенции становится одним из ключевых моментов преподавания иностранных языков в высших учебных заведениях. В контексте широкого использования цифровых ресурсов и формирования глобального информационного пространства этот вопрос приобрел особую актуальность. Студенты активно взаимодействуют с медиаконтентом, включая социальные сети, интернет-мемы и видеоблоги, которые отражают истинные языковые и культурные особенности носителей языка и служат важным каналом формирования представлений о других культурах.

В цифровую эпоху медиатексты становятся одним из главных инструментов социализации личности, поскольку именно через них современный человек получает основную информацию о мире, других странах и культурах. Рассмотрим использование медиатекстов при обучении иностранному языку в рамках медиаобразования и преподавания иностранных языков, что подчеркивает их аутентичность, многокодовый характер и высокий мотивационный потенциал. Несмотря на многочисленные исследования в области межкультурной коммуникации, вопросы эффективного использования современных медиатекстов как инструмента социальной адаптации будущих педагогов в глобализирующемся мире остаются недостаточно изученными, что определяет актуальность данного исследования в контексте современных тенденций развития мирового сообщества.

В современном мировом сообществе межкультурная компетентность является не просто академической категорией, а ключевым социальным навыком, обеспечивающим успешную

интеграцию личности в поликультурное пространство. Этот феномен широко обсуждается в работах отечественных и зарубежных исследователей. Значительный вклад в ее развитие внесли В.В. Сафонова, Е.И. Пассов, С.Г. Терминасова. Они считают, что межкультурная компетентность – это целостные качества человека, включающие культурные знания, навыки межкультурного взаимодействия и ценностные знания. В.В. Сафонова определяет межкультурную компетенцию как способность личности осуществлять эффективное взаимодействие в межкультурной среде на основе знаний о культуре, умений интерпретации культурных явлений и сформированных ценностных установок [4, с. 87]. Это определение приобретает особое социальное звучание в условиях усиления миграционных процессов и культурного обмена, характерных для современного мирового сообщества. С.Г. Тер-Минасова рассматривает язык как инструмент межкультурной коммуникации, акцентируя внимание на его неразрывной связи с культурой [5, с. 45]. В зарубежных исследованиях большое внимание привлекли работы М. Байрама и М. Беннетта, трактующих межкультурную компетентность как совокупность установок, знаний и навыков интерпретации в контексте глобальных социальных изменений.

В современной научной парадигме особое внимание уделяется различию между понятиями «межкультурная компетентность» и «социокультурная компетентность». Первое понятие является более широким и социально значимым. Социокультурная компетентность считается узким понятием, которое в основном содержит информацию о культуре страны изучаемого языка: традициях, нормах поведения, ценностях и особенностях социальной жизни. Межкультурная компетентность выходит за рамки простого усвоения культурных знаний и требует от человека способности эффективно взаимодействовать с представителями другой культуры, что в современном глобализированном мире становится социальным императивом, включая умение объяснять культурные различия, адаптировать свое собственное поведение и вести культурный диалог. Для будущего учителя это различие имеет решающее значение, поскольку его задачей является не только передача знаний о культуре, но и формирование подготовки студентов к реальному межкультурному взаимодействию как основе стабильного развития общества.

В научной литературе межкультурная компетенция традиционно рассматривается как единство трёх взаимосвязанных компонентов: когнитивного (знание культуры, истории, ценностей и норм поведения представителей другой страны, понимание связи языка и культуры, что для будущего учителя означает осознание социальной ответственности за формирование у школьников адекватного восприятия культурного разнообразия), *аффективного* (эмпатия, терпимость, уважение к иной культуре и готовность к межкультурному диалогу, что имеет ключевое социальное значение, поскольку личное отношение педагога к культурным различиям транслируется учащимся и определяет их социальные установки) и поведенческого (практические навыки межкультурной коммуникации: умение интерпретировать культурные феномены, адекватно реагировать на коммуникативные ситуации и выстраивать эффективные стратегии взаимодействия в поликультурной социальной среде).

Психолого-педагогические особенности студентов педагогического вуза (17–20 лет) особенно важны в контексте их социального становления. Этот возраст характеризуется формированием мировоззрения, развитием критического мышления и осознанием себя частью мирового сообщества. Студенческий возраст характеризуется развитием абстрактной логики и критического мышления, что позволяет будущим учителям анализировать культурные явления, сравнивать различные культурные модели и делать самостоятельные выводы. В этот период активно формируется социальная идентичность, растет стремление к независимости и самообучению как основам профессиональной социализации.

Важной особенностью современного студенчества является его активное присутствие в цифровой среде, что делает их наиболее восприимчивой аудиторией к медиаконтенту. Для современных студентов характерен интерес к молодежной культуре, в том числе к зарубежным культурным практикам. Студенты активно участвуют в цифровой среде. Глобализация и цифровизация сделали межкультурную коммуникацию частью повседневной жизни людей, а социальные сети – основным источником информации о других культурах. Студенты постоянно взаимодействуют с медиаконтентом, который дает доступ к аутентичным образцам

иноязычной культуры и аутентичную модель коммуникативного поведения. Это создает как возможности для культурного обогащения, так и риски столкновения с культурными стереотипами и манипулятивными стратегиями, что требует формирования критического отношения к медиаинформации.

Таким образом, социально-психологические особенности студентов педагогического вуза – формирование мировоззрения, стремление к профессиональному самоопределению, интерес к современной молодежной культуре и активное участие в цифровой коммуникации – создают благоприятные условия для формирования межкультурной компетенции как важнейшего элемента социальной адаптации в современном мире.

Среди лингвистов понятие «медиатекст» играет важную роль и рассматривается как особый тип текста, который играет определенную роль в средствах массовой информации и цифровой среде. Медиатекст – это сложная символическая форма, включающая вербальные, визуальные и аудиальные компоненты, объединенные единой коммуникативной целью. Т.Г. Добросклонская определяет медиатекст как «актуализированное в определённом медиаформате и объединённое общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [1, с. 45]. В контексте социальных процессов важно, что медиатекст несет не только информацию, но и культурные коды, ценности и установки, которые усваиваются аудиторией и влияют на ее социальное поведение.

Современные медиатексты представляют собой комбинацию языкового и аудиовизуального кода, что позволяет рассматривать их как смешанные типы семиотических текстов. Они интегрируют различные формы представления информации – текст, звук, изображение, что усиливает воздействие на получателя и расширяет возможности интерпретации. В глобальном информационном пространстве медиатексты становятся основным каналом трансляции культурных смыслов, формируя представления о других странах и народах.

В процессе обучения иностранных языков студенты педагогического вуза проявляют особый интерес к современным медиатекстам, связанным с формированием межкультурных способностей будущих учителей. К ним относятся посты и истории в социальных сетях, интернет-мемы и видеоблоги, которые отражают все аспекты повседневной и культурной жизни. Для будущих учителей использование этих материалов имеет двоякое социальное значение: с одной стороны, оно развивает их межкультурные способности, необходимые для профессиональной деятельности в поликультурной среде, а с другой – представляет собой инструмент формирования культурной компетенции их будущих учеников.

Социальные сети являются одним из важнейших источников аутентичной информации. Сообщения и сторис позволяют студентам наблюдать за ситуацией общения и знакомиться с повседневной речью носителей языка и особенностями их культурного поведения, что в дальнейшем помогает им организовать аналогичную работу со школьниками. В социальном контексте социальные сети выполняют функцию «окна в мир», предоставляя непосредственный доступ к жизни представителей других культур, что способствует разрушению стереотипов и формированию толерантного сознания. Интернет-мемы – это тип медиатекста с очевидными культурными особенностями. Понимание мемов требует понимания культурных кодов и предыстории, что помогает учащимся развить способность объяснять скрытые значения и выявлять национальные и культурные особенности. Для будущих учителей умение анализировать мемы является важным социальным навыком, поскольку позволяет им понимать современную молодежную культуру и использовать ее элементы в преподавании, а также ориентироваться в актуальных трендах глобальной цифровой культуры. Видеоблоги (vlogs) – это еще один важный источник аутентичных материалов. Они позволяют учащимся воспринимать вербальные и невербальные компоненты общения. Особенно важно иметь возможность наблюдать за мимикой, жестами, интонациями и моделями поведения представителей другой культуры, что помогает получить более глубокое представление о межкультурной коммуникации и формирует навыки социального взаимодействия в глобальном контексте.

При обучении иностранным языкам будущих учителей интересно использовать современные медиатексты для формирования межкультурных навыков. Использование видеоматериалов не только помогает студентам ознакомиться с фактическими языковыми материалами,

но и помогает наблюдать за поведением на иностранном языке и невербальными правилами общения. Просмотр видеоблогов и коротких видеороликов – отличный способ погрузиться в реальную среду изучаемого языка. Такой подход помогает студентам научиться интерпретировать культурно обусловленные элементы коммуникации, понимать современный молодёжный юмор и выявлять культурные стереотипы – все это является необходимыми компетенциями для успешной социальной адаптации в глобальном мире.

С будущими учителями познавательно анализировать интернет-мемы, отражающие особенности современной молодежной культуры. Например, при анализе американского интернет-юмора можно указать на вирусные видеоролики TikTok, основанные на внезапных сменах эмоций, преувеличенной мимике и позитивных невербальных реакциях автора. Студенты приходят к выводу, что этот тип юмора является особенностью американской интернет-культуры, основанной на открытом выражении эмоций и гиперболическом характере повседневных ситуаций, что отражает социальные нормы и ценности американского общества. Используя британские интернет-мемы, такие как «British Weather Starter Pack», студенты приходят к выводу, что комический эффект основан на стереотипах о британском климате и его важности в повседневном общении жителей Великобритании, что позволяет выявить национально-культурные особенности социального поведения.

Другой эффективной формой работы является анализ видеороликов с выступлениями комиков, демонстрирующих различия между американской и британской версиями Англии. В ходе анализа студенты осознают, что большая часть шуток основана на различиях в произношении и повседневном словарном запасе, что становится источником межкультурного недопонимания. Кроме того, студенты выявляют социально-культурные особенности: по сравнению с комедиями в американском стиле британский юмор более сдержанный и ироничный по своей природе, что отражает различия в национальных характерах и социальных нормах.

Еще один полезный способ использования медиатекста – создание собственных медиапродуктов. Студентам предлагается создавать англоязычные интернет-мемы, посты в социальных сетях и мини-видеоблоги, чтобы донести специфику российской культуры до иностранной аудитории. Эти задания помогают развить у учащихся способность быть культурными посредниками между различными социальными группами и представлять свою локальную культуру в глобальном межкультурном диалоге, что является важнейшей социальной компетенцией в современном мире. Также полезно использовать онлайн-опросы в форме тестов Google на культурные темы. В процессе выполнения таких заданий студенты могут работать в непринужденной обстановке, что способствует формированию устойчивого интереса к межкультурному взаимодействию.

Таким образом, использование современных медиатекстов в процессе языковой подготовки студентов педагогического вуза является эффективным инструментом социальной адаптации будущих учителей в глобализирующемся мире. Анализ медиаконтента позволяет будущим педагогам развить навыки интерпретации культурных смыслов, понимания особенностей цифровой коммуникации и критической оценки информации в медиапространстве – компетенций, которые становятся ключевыми для успешной профессиональной и социальной деятельности в условиях культурного разнообразия современного мирового сообщества. Теоретический анализ подтверждает целесообразность использования современных медиатекстов в качестве эффективного средства формирования межкультурной компетенции и социальной адаптации будущих учителей в эпоху глобализации.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2005. – 264 с.

2. Кордон Т.А. Мультимедийные технологии в обучении иностранному языку / Т.А. Кордон // Культура и искусство: традиции и современность: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2024. – С. 22–26. EDN XGQUSR

3. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2003. – 208 с.

4. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности / В.В. Сафонова. – М.: Высшая школа, 2008. – 228 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2002. – 262 с.

Кордон Тамара Анатольевна
канд. пед. наук, доцент
Александрова Кристина Александровна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КРИТИЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ КАК ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования критического восприятия информации в условиях цифровой трансформации мирового сообщества и роста манипулятивных стратегий в глобальном медиапространстве. Авторы обосновывают актуальность обучения критическому чтению англоязычных текстов как важнейшего фактора информационной безопасности личности и профессиональной подготовки будущих педагогов. Особое внимание уделяется анализу лингвистических механизмов воздействия (кликбейт, эмоционально окрашенная лексика, апелляция к авторитету, навешивание ярлыков) и их влиянию на восприятие информации в условиях языкового барьера. В статье доказывается, что формирование навыков критического чтения на иностранном языке является эффективным инструментом противодействия дезинформации и укрепления социальной устойчивости в эпоху глобальных информационных вызовов.*

Ключевые слова: *критическое чтение, критическое мышление, аутентичные тексты, студенты педагогического вуза, профессиональная подготовка.*

Современное мировое сообщество находится в состоянии глубокой цифровой трансформации, которая оказывает влияние на все сферы социальной жизни. Информационное пространство характеризуется беспрецедентной скоростью распространения новостей и колоссальным объемом медиаконтента, ежедневно воздействующего на аудиторию. Социальные сети, Telegram-каналы, видеохостинги и новостные сайты сделали информацию доступной практически мгновенно, однако одновременно с этим усилили проблему манипулятивного воздействия на читателя. В условиях жесткой конкуренции за внимание пользователя многие медиаресурсы стремятся не только информировать, но и формировать у аудитории определенную эмоциональную реакцию, вызывая страх, гнев, тревогу или ложные надежды.

В глобальном масштабе проблема информационной безопасности становится одним из ключевых вызовов современности, поскольку дезинформация и пропаганда могут оказывать существенное влияние на социально-политические процессы, общественное мнение и межкультурные отношения. Способность критически оценивать информацию, поступающую из медиаисточников, становится важнейшей социальной компетенцией, обеспечивающей личную и общественную безопасность в условиях информационной войны и гибридных угроз.

Иностранный язык как дисциплина гуманитарного и социально-экономического цикла в рамках учебной программы бакалавриата играет важную роль в формировании навыков иностранного языка на уровне, отвечающем требованиям профессионального общения. Интеграция навыков восприятия критической информации в образовательный процесс

способствует активизации когнитивных процессов студентов, расширению их коммуникативных возможностей. Однако в контексте современных социальных вызовов эта задача приобретает более широкое общественное значение: речь идет о формировании личности, способной противостоять информационным манипуляциям и принимать взвешенные решения в условиях глобального информационного потока.

Студенты педагогических направлений подготовки в Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева изучают английский как иностранный язык на 1–2 курсах. Педагогика как сфера профессиональной деятельности требует от будущего учителя не только отличных предметных знаний и методических навыков, но и глубокого понимания современных информационных процессов, умения критически оценивать ежедневно встречающуюся информацию. Таким образом, формирование критических навыков чтения становится важным фактором профессиональной подготовки будущих учителей. Как средство доступа к глобальному информационному пространству английский язык открывает двери для понимания различных культурных точек зрения и контекстов, которые напрямую влияют на качество профессиональной деятельности учителей. Профессиональный интерес к педагогической профессии является неотъемлемой частью отношений личности и общества, проявляющиеся в жизни и деятельности учителя [1, с. 470]. Дисциплина «Иностранный язык» является обязательным элементом информационно-коммуникационного модуля, полученных студентами в рамках среднего образования и среднего профессионального обучения. Освоение дисциплины является основой для более глубокого изучения таких предметов, как педагогика, психология и методика преподавания специальных дисциплин.

Актуальность формирования навыков критического чтения англоязычных новостных текстов у студентов педагогического вуза обусловлена их ключевым значением в современном информационном обществе, где умение ориентироваться в потоке информации и противостоять манипуляциям становится вопросом социальной стабильности и личной безопасности. В пространстве профессиональной деятельности педагогов знание английского языка и навыки критического чтения предоставляют доступ к богатому культурному наследию, современным подходам и международным трендам. Однако в глобальном контексте эта задача выходит за рамки профессиональной подготовки и приобретает характер социального императива: только критически мыслящий педагог может воспитать поколение, способное противостоять информационным угрозам и принимать осознанные решения в условиях глобальных вызовов. Практическая направленность должна быть сориентирована на сферы деятельности, где иностранный язык будет необходим будущему специалисту.

В контексте современных тенденций развития мирового сообщества проблема критического восприятия информации приобретает особую остроту. Глобализация информационного пространства, рост числа международных конфликтов и усиление пропагандистских кампаний делают навыки критического чтения необходимым условием социальной устойчивости и национальной безопасности. Изучение критического чтения в профессиональной подготовке учителей представляет собой сложную языковую и дидактическую задачу, требующую изучения языка и интеграции со специальностью. Поскольку английский язык традиционно выполняет функцию единого языка в международном общении, а современное цифровое пространство функционирует в основном на английском языке, этот процесс обусловлен историческими и культурными предпосылками.

С точки зрения преподавания английского языка профессионально ориентированное критическое обучение чтению должно учитывать три взаимосвязанных аспекта: когнитивный (понимание операционных стратегий и механизмов влияния), коммуникативный (развитие навыков анализа и обсуждения текстов) и культурологический (понимание культурного контекста и характеристик английской медиа-среды) [2, с. 482]. При этом важно подчеркнуть, что формирование этих навыков имеет не только педагогическое, но и глубокое социальное значение, поскольку от способности личности противостоять манипуляциям зависит качество общественного дискурса и социальная стабильность. Эмпирические исследования

показывают, что такой комплексный подход способствует не только развитию иноязычных навыков, но и формированию профессиональной идентичности будущего учителя и его готовности к выполнению социальной функции защитника интересов школьников в информационном пространстве.

Рассмотрим аспекты формирования критического чтения подробнее. В когнитивном аспекте для будущих педагогов важно то, как они понимают и распознают манипулятивные стратегии в текстах. Анализ современных англоязычных СМИ позволяет выделить несколько наиболее распространенных манипулятивных стратегий, которые представляют серьезную социальную угрозу в масштабах мирового сообщества.

Одной из самых очевидных и распространенных форм манипуляции являются кликбейтные заголовки. Их задача – вызвать у читателя сильную эмоциональную реакцию еще до ознакомления с содержанием статьи. Подобные заголовки строятся на использовании лексики с яркой отрицательной или сенсационной окраской: shock, horror, catastrophe, terrifying. Например, заголовок «Terrifying new study reveals the truth about...» побуждает читателя перейти по ссылке, активируя страх и тревогу, при этом само содержание может оказаться нейтральным. В глобальном информационном пространстве такие заголовки используются для создания панических настроений, манипуляции общественным мнением и продвижения определенных политических или экономических интересов. Студенты учатся распознавать такие заголовки, задавая себе вопрос: «Какие эмоции пытается вызвать этот заголовок и соответствуют ли они содержанию?»

Другим мощным приемом является навешивание ярлыков (labelling). В англоязычном медиадискурсе активно используются слова extremist, hero, radical, victim, terrorist, freedom fighter, которые навязывают читателю готовую эмоциональную оценку события или человека. Одно и то же лицо в разных новостных источниках может быть названо activist (нейтрально), rioter (негативно) или hero (позитивно), при этом подкрепляющие эти ярлыки доказательства в тексте могут отсутствовать. В социальном контексте навешивание ярлыков является мощным инструментом пропаганды, позволяющим формировать у аудитории заданные представления о политических деятелях, странах и социальных группах, что напрямую влияет на международные отношения и межкультурное взаимопонимание.

Важно отметить и апелляцию к эмоциям вместо фактов: манипулятивный текст может вызывать жалость через описание страданий отдельного человека (heartbreaking story), гнев – через акцент на несправедливости, или страх – через преувеличение угроз. В глобальном масштабе такая стратегия используется для формирования предвзятого отношения к целым странам и народам, что создает почву для социальных конфликтов. Эмоционально заряженные истории запоминаются лучше сухих статистических данных, именно поэтому новостные редакции все чаще отдают предпочтение нарративу перед фактологией. Студенты учатся выявлять случаи, когда автор использует эмоциональные истории вместо конкретных данных [3, с. 477].

Эффект доверия к знакомым источникам (authority bias) также играет важную роль. Если сайт выглядит профессионально, имеет узнаваемый дизайн и напоминает известные СМИ (BBC, CNN, The Guardian), то читатель автоматически доверяет ему. Для студентов, которые не являются носителями языка, этот эффект усиливается: английские источники воспринимаются более авторитетными только потому, что информация представлена на иностранном языке. В условиях глобального медиапространства это создает серьезные риски, поскольку внешне респектабельные источники могут использоваться для распространения дезинформации.

Дополнительным фактором уязвимости является когнитивная предвзятость подтверждения (confirmation bias) – тенденция искать и интерпретировать информацию в соответствии с существующими убеждениями. Если манипулятивный текст подтверждает стереотип или политические взгляды читателя, он с большей вероятностью будет принят без критической оценки. Эта особенность активно эксплуатируется в информационных войнах, когда аудитории предлагаются нарративы, укрепляющие уже существующие предубеждения, что ведет к поляризации общества и росту межкультурных противоречий.

Особенность изучения английского как иностранного вносит дополнительный уровень сложности. Языковой барьер снижает способность различать тонкие смысловые и стилистические нюансы, такие как ирония, сарказм, использование модальных глаголов для выражения неуверенности. Читатель, недостаточно владеющий языком, может не заметить оценочную лексику и воспринять субъективное мнение автора как факт. Таким образом, манипулятивные стратегии оказываются наиболее эффективными в отношении тех, кто ограничен в языковой компетенции, что делает будущих педагогов особо уязвимой группой. Это подчеркивает социальную значимость формирования навыков критического чтения как элемента информационной безопасности личности.

Рассмотрим пример практических заданий, предлагаемых студентам. Группе из 12 человек было поручено прочитать две новостные статьи об одном событии на английском языке. Первая была написана в манипулятивном стиле с использованием кликбейтного заголовка и эмоционально окрашенной лексики, вторая – нейтрально и фактологически.

После прочтения студенты отвечали на вопросы: какая заметка вызвала сильную эмоциональную реакцию и почему; найти слова и выражения с субъективной оценкой; каким источникам вы доверяете и по каким признакам; подтверждаются ли факты из первой статьи во второй.

В ходе обсуждения студенты учились анализировать тексты, выявлять манипулятивные приемы и аргументировать позицию. В социальном контексте такие упражнения формируют не только языковую, но и гражданскую позицию будущего педагога. Один из студентов отметил: «Я чувствовал тревогу после первого заголовка, но когда я прочитал оба текста, я понял, что факты во втором тексте такие же, просто поданы спокойно». Другой указал: «Английские слова с отрицательным значением, такие как terrifying и shock, сразу вызывают эмоции, даже не читая статью». Эти высказывания демонстрируют, что даже базовое обучение критическому чтению позволяет студентам осознать механизмы манипуляции.

Особый интерес представляет наблюдение за студентами, которые уже развили навыки критического чтения. Они показали значительно более слабые эмоциональные реакции на манипулятивные тексты, реже выражали гнев и чаще указывали на отсутствие доказательств. Один студент с высоким уровнем критического мышления отметил: «Я сразу заметил, что нет ссылки на исследование. Автор просто пишет, что scientists say, но конкретно никого не называет. Это настораживает». Такая способность к верификации информации является ключевым компонентом информационной безопасности личности.

В культурологическом аспекте обучение критическому чтению включает погружение в культуру и понимание особенностей англоязычного цифрового пространства. В глобальном контексте это означает осознание того, как культурные различия могут использоваться в информационных войнах. Знание английского языка и умение критически анализировать текст позволят будущим учителям глубже интерпретировать культурные явления и успешно адаптироваться в трансграничной информационной среде.

В рамках практической работы предлагаются следующие виды заданий.

1. Анализ заголовков. Преподаватель демонстрирует несколько заголовков из разных источников, студенты определяют кликбейтные, нейтральные и информативные, объясняют, какие языковые средства делают заголовок манипулятивным.

2. Выявление эмоционально окрашенной лексики. Студентам дается текст, они подчеркивают слова с субъективной оценкой, затем обсуждается их влияние на восприятие.

3. Проверка источников. Студенты проверяют информацию из новостной заметки через другие источники (BBC, CNN, Reuters), сравнивают факты и формулировки, делают выводы о достоверности.

4. Создание собственного текста. После анализа манипулятивного и нейтрального текстов студенты переписывают манипулятивный текст в нейтральном ключе, сохраняя факты, но меняя эмоциональную окраску.

Эти задания формируют социально значимые навыки верификации информации, распознавания дезинформации и противодействия манипуляциям.

Культурологический аспект также включает анализ культурных стереотипов в СМИ и обсуждение их влияния на восприятие. Студенты анализируют, как разные страны представлены в англоязычных СМИ, оценивают объективность, выявляют предвзятость глобальных медиа и механизмы формирования стереотипов.

Список литературы

1. Кордон Т.А. Развитие профессионального интереса у будущих учителей в процессе изучения иностранного языка / Т.А. Кордон // Современное образование: векторы развития в Год науки и технологий: сборник статей по материалам научно-практической конференции, посвященной итогам работы университета в Год науки и технологий. – 2021. – С. 470–473. EDN OWWUWB

2. Халперн Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – СПб.: Питер, 2000. – 503 с.

3. Daud N.M. Developing critical thinking skills in computer-aided extended reading classes / N.M. Daud, Z. Husin // English Language Teaching. – 2004. – P. 477–487.

Махнёв Вячеслав Анатольевич
магистрант
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
г. Владимир, Владимирская область

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: *в статье исследуются особенности процесса цифровизации в Республике Беларусь в современных условиях геополитического и экономического давления. Проведён анализ нормативно-правовой базы цифрового развития, статистических показателей информационно-коммуникационной отрасли за 2023–2025 годы, итогов реализации Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы и положений новой программы «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы. Особое внимание уделено роли Парка высоких технологий, переориентации экспорта ИТ-услуг с западных рынков на страны СНГ и Азии, а также вопросам цифрового суверенитета. Выявлены ключевые проблемы цифровизации: санкционные ограничения, отток ИТ-специалистов, технологическая зависимость от зарубежных решений. Сформулированы выводы относительно перспектив белорусской модели цифровой трансформации.*

Ключевые слова: *цифровизация, Республика Беларусь, Парк высоких технологий, цифровая экономика, электронное правительство, цифровой суверенитет, ИТ-сектор, государственная программа, искусственный интеллект, информационно-коммуникационные технологии.*

Введение

Цифровая трансформация экономики и общественных институтов является одним из определяющих процессов первой четверти XXI века. Темпы внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в управление, производство и социальную сферу непосредственно влияют на конкурентоспособность национальных экономик, качество государственных услуг и уровень жизни граждан. В условиях глобальной технологической конкуренции, переформатирования цепочек поставок и санкционного давления вопрос о национальных моделях цифровизации приобретает не только экономическое, но и геополитическое измерение.

Республика Беларусь представляет собой особый случай среди стран постсоветского пространства. С одной стороны, у страны развитая ИТ-отрасль, исторически ориентированная на экспорт услуг в страны Европейского союза и США, и особая нормативная среда Парка высоких технологий (далее – ПВТ) с существенными налоговыми льготами для резидентов. С другой стороны, начиная с 2020–2022 годов Беларусь оказалась под сильным санкционным давлением, что потребовало быстрой переориентации экспортных потоков, пересмотра приоритетов цифрового развития и усиления курса на цифровой суверенитет.

Актуальность темы определяется несколькими факторами. Во-первых, в декабре 2025 года была утверждена новая Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы [1], обозначившая переход от модели электронного правительства к модели цифрового государства. Во-вторых, по данным Международного союза электросвязи, Беларусь демонстрирует устойчивый прогресс в развитии ИКТ-инфраструктуры – рост Индекса развития ИКТ с 86,9 до 88,5 пункта за 2023–2024 годы [4]. В-третьих, белорусская модель цифровизации сочетает черты, характерные как для рыночной экономики (преференциальный режим ПВТ), так и для централизованного государственного управления, что делает её самостоятельным объектом изучения. Цель настоящей статьи – выявить и проанализировать особенности цифровизации в Беларуси на современном этапе, опираясь на актуальные статистические данные и нормативные документы.

1. Нормативно-правовая база цифровизации Беларуси

Институциональная основа цифровизации в Республике Беларусь формировалась последовательно, начиная со Стратегии развития информатизации на 2016–2022 годы, одобренной Президиумом Совета Министров 3 ноября 2015 года. На её базе была разработана и реализована Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы (постановление Совета Министров от 2 февраля 2021 года №66) [2], ставшая основным практическим инструментом внедрения ИКТ в отрасли национальной экономики. Программа предусматривала шесть подпрограмм, охватывающих информационно-аналитическое сопровождение цифрового развития, электронное правительство, цифровизацию здравоохранения, образования, промышленности и аграрного сектора [3].

В 2023–2025 годах был реализован ряд значимых проектов: создана интегрированная система цифровой каталогизации товаров – «Национальный каталог товаров Беларуси»; расширена инфраструктура межведомственного электронного документооборота государственных органов (СМДО); функционирует государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи (ГосСУОК) [3]. Завершающим этапом действующей программы стало подведение её итогов в 2025 году и подготовка нового стратегического документа.

Качественно новым этапом стало утверждение постановлением Совета Министров от 30 декабря 2025 года №793 Государственной программы «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы [1]. Программа предусматривает финансирование в объёме 1 080 311 707,6 рубля и впервые формализует переход от концепции электронного правительства к концепции цифрового государства. Это предполагает кардинальную перестройку процессов управления государственными данными и формирование цифровой экосистемы партнёрских отношений государства, бизнеса и общества. Среди ключевых проектов – создание Государственной цифровой платформы налоговых органов, Государственной информационной системы «Оздоровление населения» и системы автоматической интеллектуальной обработки массивов неструктурированных данных специального назначения [1].

Параллельно с этим в апреле 2025 года Межпарламентская ассамблея СНГ приняла модельный закон о технологиях искусственного интеллекта, разработанный учёными Объединённого института проблем информатики Национальной академии наук Беларуси. На повестке дня стоит подготовка отдельного национального закона о регулировании искусственного интеллекта [12].

2. Парк высоких технологий как локомотив цифровизации

Главная институциональная черта, выделяющая белорусскую цифровизацию на фоне соседей, – Парк высоких технологий (ПВТ). Это особая экономическая зона с экстерриториальным правовым режимом – он действует на всей территории страны. Компании-резиденты не платят налог на прибыль и НДС с экспортных операций, а ещё пользуются смягчённым валютным регулированием и упрощённым порядком найма зарубежных кадров [5].

Динамика показателей ПВТ за последние годы показывает и сильные стороны выбранной модели, и масштаб трудностей, через которые прошла отрасль. Максимума экспорт резидентов парка достиг в 2021 году – 3,2 млрд долл. США. После потрясений 2020–2022 годов

начался спад: в 2023 году экспорт опустился до 1,8 млрд долл. – почти на треть меньше, чем годом ранее [7]. В 2024 году экспорт удержался на той же отметке – 1,8 млрд долл.: отрасль вышла на плато после санкционного удара [6]. А вот 2025 год стал переломным: экспорт прибавил 12% – впервые за несколько лет – и перешагнул рубеж в 2 млрд долл., тогда как суммарная выручка резидентов ПВТ вышла на 3 млрд долларов [8].

Таблица 1

Динамика ключевых показателей деятельности Парка высоких технологий

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Экспорт резидентов, млрд долл. США	3,2	2,7	1,8	1,8	> 2,0
Реализация на внутр. рынке, млрд бел. руб.	1,3	1,3	1,5	2,0	2,4
Общий объём производства, млрд бел. руб.	-	8,3	7,1	7,9	8,6
Доля экспорта в выручке, %	≈ 90	≈ 90	≈ 85	75	≈ 67

Источник: составлено автором по данным официального сайта Парка высоких технологий и сообщениям БЕЛТА и News.by.

Заметно перекроилась и география поставок. Ещё до 2022 года западные направления – США, государства Евросоюза и Великобритания – обеспечивали ПВТ порядка 85–90% всего экспорта, однако к 2024 году их совокупный вес сжался примерно до 60% [9]. Высвободившуюся нишу заняли другие регионы: на страны Содружества Независимых Государств теперь приходится 29–30% поставок, а на азиатское направление – около 10%. Опорным рынком стала Россия – именно на неё приходится большая часть этих поставок в СНГ [6]. Этот разворот – вынужденное приспособление к новой геоэкономической обстановке, и именно он уводит Беларусь от привычной схемы офшорного аутсорсинга, на которой держался подъём отрасли в 2010-е годы.

Параллельно заметно прибавляет и внутренний рынок: реализация ИТ-продуктов и сервисов резидентов ПВТ внутри Беларуси поднялась с 1,3 млрд рублей в 2021–2022 годах до 2,4 млрд рублей по результатам 2025 года, прибавив за год около 21% [6]. Доля внутренних продаж в общей выручке резидентов выросла примерно с 10–15% до четверти и более. По сути меняется сама природа отрасли: от «офшорного программирования» республика смещается к роли «технологического обеспечения национальной экономики». К 2026 году число резидентов ПВТ перевалило за 1 000 компаний, причём 60% из них (641 организация) ориентированы прежде всего на белорусский рынок [7].

3. Цифровая инфраструктура и электронное правительство

Инфраструктурная основа цифровизации в Беларуси хорошо развита. По итогам 2024 года Международный союз электросвязи присвоил Беларуси значение Индекса развития ИКТ (IDI) на уровне 88,5 пункта – рост с 86,9 пункта годом ранее [4]. Уровень проникновения интернета составил 89,5%; покрытие сетей 3G и 4G/LTE достигло 98,8% территории, обеспеченной мобильной связью; на 100 жителей приходится 65,2 подписки на мобильный широкополосный доступ [4].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на конец 2024 года количество абонентов сети Интернет достигло 14,11 миллиона, в том числе 9,74 миллиона – пользователи беспроводного доступа и 3,28 миллиона – стационарного. Объём потреблённого трафика за 2024 год составил 1 596 петабайт в беспроводном сегменте и 7 096 петабайт в стационарном. Количество абонентов мобильной связи – 11,88 миллиона. Средний трафик мобильного широкополосного интернета на одну подписку составляет 143,5 ГБ в месяц, фиксированного – 1 502,1 ГБ [11].

В сфере электронного правительства Беларусь в 2018 году входила в группу «очень высокого» EGDI (0,7641; 38-е место), но к 2024 году значение индекса снизилось до 0,7445, и страна перешла в группу «высокого» уровня, заняв 77-е место [13]. Доля сектора ИКТ в валовом внутреннем продукте составила 4,7% по итогам января-октября 2024 года; в действующей государственной программе ставилась задача довести этот показатель до 7,5% к 2025 году [10]. На ПВТ приходится более 30% общего экспорта услуг страны [5].

Архитектура электронного правительства Беларуси включает несколько ключевых компонентов: единую систему межведомственного электронного документооборота государственных органов (СМДО), государственную систему управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи (ГосСУОК), Национальный центр электронных услуг как оператор государственных информационных систем [3]. Программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы предусматривает развитие проактивных цифровых сервисов, когда государственные услуги предоставляются гражданам автоматически при наступлении соответствующих жизненных событий [1].

4. Проблемы и вызовы цифровизации

Несмотря на отмеченные достижения, белорусская модель цифровизации сталкивается с рядом серьёзных вызовов системного характера. Первая группа проблем связана с санкционными ограничениями. С 2022 года западные страны ввели обширный пакет ограничительных мер, затрудняющих поставки в Беларусь высокотехнологичного оборудования, лицензионного программного обеспечения, а также блокирующих доступ белорусских ИТ-компаний к ряду международных платформ и облачных сервисов. Это привело к ускоренной программе импортозамещения и углублённому сотрудничеству с российскими производителями средств защиты информации, операционных систем и систем управления базами данных [14].

Вторая группа проблем – кадровая. Отток ИТ-специалистов после 2020–2022 годов привёл к сокращению занятости в отрасли и снижению экспортного потенциала. Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата в секторе «информация и связь» в 2024 году составила 5 661,8 белорусских рубля, однако реальная заработная плата за четыре последних года снизилась почти на 2% в сопоставимых ценах [10].

Третья группа проблем связана с обеспечением цифрового суверенитета. Зависимость от зарубежных программных продуктов, операционных систем, систем виртуализации и аппаратной электронной компонентной базы остаётся значительной. Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы прямо обозначает в качестве приоритета формирование отечественной экосистемы цифровых решений [1]. Национальные требования к защите информации в значительной мере гармонизированы с российскими нормативными актами, что обеспечивает технологическую совместимость и упрощает экспорт белорусских ИТ-продуктов на российский рынок [14].

Четвёртая группа проблем – нормативная неполнота в области регулирования передовых технологий. Несмотря на принятие модельного закона о технологиях искусственного интеллекта в рамках СНГ в апреле 2025 года, национальный закон о регулировании ИИ в Беларуси на момент написания статьи находится в стадии разработки [12]. Это создаёт правовую неопределённость в вопросах ответственности разработчиков, авторских прав на результаты, сгенерированные системами машинного обучения, и использования персональных данных при обучении моделей.

Таблица 2

SWOT-анализ цифровизации Республики Беларусь

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
Зрелая ИКТ-инфраструктура (IDI = 88,5; охват интернетом 89,5%); особый правовой режим ПВТ; квалифицированные кадры; высокий уровень развития электронного правительства (EGDI 0,74); проработанная нормативная база	Зависимость от импортного ПО и оборудования; отток квалифицированных кадров; снижение реальных заработных плат в отрасли; ограниченный доступ к западным капиталам и платформам
Возможности (O)	Угрозы (T)
Подъём внутреннего ИТ-рынка (+21% за 2025 г.); более тесная кооперация с РФ и ЕАЭС; освоение азиатских направлений; перевод госуслуг в цифровой формат; внедрение технологий ИИ	Расширение санкционного давления; конкуренция со стороны российских ИТ-компаний; технологическое отставание из-за ограничений в доступе к оборудованию; рост киберугроз

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов о специфике цифровизации в Республике Беларусь.

Во-первых, белорусская модель цифровизации представляет собой гибридный сценарий, сочетающий черты централизованного государственного управления и преференциального стимулирования частной ИТ-отрасли. Благодаря особому правовому статусу Парка высоких технологий в стране сложился один из самых крупных ИТ-кластеров Восточной Европы, причём ключевую роль в его стратегическом планировании и создании инфраструктуры взяло на себя государство.

Во-вторых, давление внешнеполитических обстоятельств 2020–2022 годов запустило структурную перестройку отрасли. Суть перемен – разворот экспорта с западных направлений в сторону СНГ и Азии (вес СНГ поднялся с менее чем 10% до 29–30%), ощутимое оживление внутреннего ИТ-рынка (с 10–15% до четверти и более совокупной выручки резидентов ПВТ) и более тесная интеграция с Российской Федерацией [6].

В-третьих, новая Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы фиксирует качественный сдвиг – от модели электронного правительства к модели цифрового государства. Заложенные на неё средства – свыше 1 млрд рублей – показывают, что государство считает это направление приоритетным [1].

В-четвёртых, среди главных препятствий для цифровизации страны по-прежнему числятся санкционные барьеры, привязка к иностранным технологиям, нехватка специалистов и пробелы в регулировании сферы искусственного интеллекта. Преодолеть их можно, лишь действуя сразу по нескольким направлениям: импортозамещение, развитие собственной научно-технологической базы, доработка регулирования ИИ и более тесная интеграция с Союзным государством и ЕАЭС.

В-пятых, белорусский опыт цифровизации заслуживает серьёзного исследовательского внимания: это случай страны со средними доходами, которая удерживает высокий уровень цифрового развития (IDI 88,5; EGDI в группе «высокого» уровня) и при этом сохранила устойчивость отрасли под сильным внешним нажимом.

Список литературы

1. Постановление Совета Министров Респ. Беларусь «О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы» №793 от 30.12.2025 // Министерство связи и информатизации Респ. Беларусь: офиц. сайт. – URL: https://www.mpt.gov.by (дата обращения: 24.05.2026).

2. Постановление Совета Министров Респ. Беларусь «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» №66 от 02.02.2021 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: https://pravo.by (дата обращения: 24.05.2026).

3. Цифровое развитие Беларуси до 2025 года: подведены итоги выполнения государственной программы в 2023 году // Министерство связи и информатизации Респ. Беларусь: офиц. сайт. – URL: https://www.mpt.gov.by/ru/cifrovoe-razvitie-belarusi-do-2025-goda-podvedeny-itogi-vypolneniya-gosudarstvennoy-programmy-v (дата обращения: 24.05.2026).

4. Международный союз электросвязи (МСЭ) опубликовал Индекс развития ИКТ (IDI) за 2024 год // Министерство связи и информатизации Респ. Беларусь: офиц. сайт. – URL: https://www.mpt.gov.by/ru/mezhdunarodnyy-soyuz-elektrosvyazi-mse-opublikoval-indeks-razvitiya-ikt-idi-za-2024-god (дата обращения: 24.05.2026).

5. Парк высоких технологий: офиц. сайт. – URL: https://park.by/htp/about/ (дата обращения: 24.05.2026).

6. Залесский: за последнее время доля внутреннего рынка в ПВТ сильно увеличилась // Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА). – URL: https://belta.by/society/view/zalesskij-za-poslednee-vremja-dolja-vnutrennego-rynka-v-pvt-silno-uvelichilas-699986–2025/ (дата обращения: 23.06.2026).

7. Цифры и факты // Парк высоких технологий: офиц. сайт. – URL: https://www.park.by/htp/facts/ (дата обращения: 23.06.2026).

8. Итоги ПВТ 2025: выручка 3 млрд долларов и рост экспорта на 12% // News.by. – URL: https://news.by/news/ekonomika/itogi-pvt-2025-vyruchka-3-mlrd-dollarov-i-rost-eksporta-na-12 (дата обращения: 23.06.2026).

9. Внешнеторговая политика Республики Беларусь // Белорусская энциклопедия: электрон. ресурс. – URL: https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=9758 (дата обращения: 23.06.2026).

10. ИТ-рынок Беларуси: зарплаты, инвестиции и роль сектора в экономике // Экономическая газета. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/it-rynok-belarusi-zarplaty-investitsii-i-rol-sektora-v-ekonomike/ (дата обращения: 24.05.2026).
11. Показатели использования интернета в Беларуси продолжают расти // Экономическая газета. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/pokazateli-ispolzovaniya-interneta-v-belarusi-prodolzhayut-rasti/ (дата обращения: 24.05.2026).
12. Искусственный интеллект в Беларуси: какие технологии разрабатывают и как их будут регулировать // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/88987/ (дата обращения: 24.05.2026).
13. United Nations E-Government Survey 2024 // UN Department of Economic and Social Affairs. – New York: United Nations, 2024. – URL: https://publicadministration.un.org (дата обращения: 24.05.2026).
14. Как Республика Беларусь взяла на вооружение российские стандарты ИБ в 2025 году // Anti-Malware.ru. – URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/Russia-and-Belarus-Cyber-Security-2025 (дата обращения: 24.05.2026).

Морозов Иван Дмитриевич
магистрант

Научный руководитель
Землин Александр Игоревич
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168655

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние традиционных российских духовно-нравственных ценностей на обороноспособность и безопасность Российской Федерации. Исследуются внешние и внутренние угрозы, причины отказа индивидов защищать страну. Отмечается, что в современном мире на первый план выходит информационное противостояние: описываются методы информационной войны и способы дискредитации традиционных ценностей. Установлено, что традиционные ценности являются основой общества и подвергаются постоянным информационным атакам; люди, не придерживающиеся их, не станут защищать государство. Рассматриваются меры государства по сохранению и развитию традиционных ценностей, а также роль Русской Православной Церкви, которая играет основную роль в их формировании по сравнению с другими религиями.*

Ключевые слова: *традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, обороноспособность, безопасность, внешние угрозы, внутренние угрозы, информационная война.*

В современном мире безопасность и обороноспособность государства являются важными факторами, оказывающими огромное влияние на саму возможность существования той или иной страны. Если государство способно себя защитить, то оно просуществует долго; в противном случае оно прекратит своё существование (или распадётся, или будет захвачено другими более сильными государствами).

Однако в настоящее время традиционные военные конфликты с масштабным применением исключительно военной силы уходят в прошлое. В основу современных войн положен принципиально иной тип организованного насилия. Для него характерна смесь военных

действий, организованной преступности, террористических атак и так называемой информационной войны, то есть массированного воздействия информационно-коммуникационных технологий (интернета, социальных сетей и т. п.) [9].

В ходе информационной войны используются следующие методы: стратегические информационные операции; специальная пропаганда и психологические операции, направленные на дискредитацию военно-политического руководства, стимулирование политической нестабильности и подрыв боевого духа; массовые фейки (то есть ложная информация) и информационные вбросы; оперативные игры и комбинированные дезинформационные кампании. В ряде стран информационно-психологическое противоборство рассматривается как отдельный вид боевых действий, позволяющий добиваться военных и политических целей без непосредственного применения оружия [11].

Странами коллективного Запада, в первую очередь США, активно поддерживаются и насаждаются либеральные ценности. Однако распространение этих ценностей приводит к пагубным социальным процессам, которые негативно отражаются на национальной безопасности. Специалистами отмечается, что в российском обществе существует глубокий раскол по вопросам национального бытия, о чём свидетельствуют наличие значительных антивоенных настроений, их широкая представленность в сфере образования, культуры, информационном пространстве и способность носителей подобных настроений осуществлять диверсионно-террористические акции. Фактически речь идёт о ценностной интервенции в российское духовное пространство, которое является отдельной сферой борьбы [14]. Либеральная деструктивная (то есть разрушительная) идеология формирует преимущественно потребительское понимание жизненного процесса, отказ от традиционных ценностей, стремление к узкой специализации, запрос на разрушение семьи в традиционном её понимании, обесценивании материнства и детства, а также проецирует отсутствие нравственных корней в поведенческой деятельности [9].

В первую очередь либеральные ценности распространяются среди молодёжи; особый акцент делается на лиц подросткового возраста, так как на всём протяжении развития личности подростка наблюдается противостояние ложных ценностей массовой культуры с ценностями традиционного мировоззрения многонационального российского народа. Базовым критерием для принятия той или иной модели поведения является популярность какого-либо явления, поэтому в детском возрасте довольно сложно отличить созидательное от деструктивного [16], чем и пользуются носители различных деструктивных идеологий. Мы можем сказать, что они действуют в полном соответствии с лозунгом «Если хочешь победить врага, то воспитай его детей».

В распоряжении правительства Российской Федерации №2560-р от 17.09.2024 даётся определение деструктивной неолиберальной идеологии: это политика иностранных государств, которые навязывают идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям. В перечень этих государств, прилагаемый к данному распоряжению, входят США, Украина, Великобритания, Польша, Тайвань и др. Но надо понимать, что субъектами, которые навязывают деструктивную идеологию, являются не государства, а их руководство.

Специалисты указывают: разрушение любого государства начинается с разрушения и подрыва традиционных духовно-нравственных ценностей, которые закладываются веками и служат основой государства, защитой его суверенитета и территориальной целостности [2], потому что господствующие в обществе ценности оказывают влияние на сознание людей, их жизненную позицию и приоритеты поведения, а также организацию общества в целом [6]. В условиях информационного противоборства наиглавнейшей задачей становится формирование таких взглядов, позиций и убеждений, которые не позволят сломаться, направить оружие против своих или бросить его в трудную минуту [15]. Важным критерием выступает показатель нравственности: нравственное поведение охватывает все стороны жизни, начиная с самого человека и заканчивая государством и его защитой. Именно сейчас крайне важно

принятие всех возможных мер для предотвращения распространения идеологии экстремизма и нацизма, наблюдаемого при попустительстве либо прямой поддержке ряда стран так называемого коллективного Запада [17].

Российская Федерация довольно успешно противостоит угрозам внешней и внутренней безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечено, что последовательно проводимый курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности обеспечил укрепление суверенной государственности РФ как страны, способной проводить самостоятельную политику и эффективно противостоять попыткам внешнего давления. Значительную роль в этом сыграли традиционные российские духовно-нравственные ценности. По мнению ряда специалистов, они выступают основой выполнения каждой личностью своего гражданского и воинского долга, а также являются важнейшим фактором экономического и духовного развития России как самобытного многонационального государства [16]. Именно традиционные духовные ценности и нравственные идеалы являются препятствием бездуховности и нравственной деградации [6]. Они играют значительную роль в формировании культурного и исторического наследия, генерируют основу культурной и социальной жизни общества. Поэтому осмысление культурных процессов на основе традиционных ценностей является важной составной частью сохранения и воспроизводства социокультурных связей, общероссийской гражданской идентичности [7].

Так как русская культура напрямую основана на традиционных ценностях, она также подвергается информационным атакам со стороны представителей деструктивных идеологий, которые подчёркивают её «отсталость» перед западной культурой. Негативное воздействие на духовную и правовую культуру российских граждан заключается в насаждении чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, которая традиционные ценности напрямую отрицает [17]. Поэтому в современных условиях сохранение культурной самобытности становится вопросом национальной безопасности первостепенной важности [7]

Нам предстоит ответить на вопрос, что такое традиционные ценности. Указом Президента РФ №809 от 9 ноября 2022 года утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – «Основы»). В данном документе приведено следующее определение традиционных ценностей: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

А.Т. Абдылдаева даёт следующее определение: «Традиционные ценности – это система устойчивых нравственных, культурных и социальных норм, передающихся от поколения к поколению». По её мнению, традиционные ценности являются неотъемлемой частью общественной идентичности. Их основная функция – обеспечение внутренней устойчивости и моральной преемственности – является универсальной. Хотя в разных культурах набор традиционных ценностей отличается, все традиционные системы направлены на сохранение социальной гармонии, воспроизводство культуры и поддержание устойчивых моделей поведения [1].

Именно в духовно-нравственных ценностях содержится основа общества, так как они включают в себя ориентиры, которые определяют поведение личности в той или иной сфере [6]. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов человека и социальных общностей, а также оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности и выступает одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения человека [16]. Нельзя принудить кого-либо к выбору тех или иных ценностей, но можно поспособствовать тому, чтобы этот выбор был сделан в пользу добра. Без людей, которые придерживаются традиционных ценностей, не может существовать ни одно общество [3].

В «Основах» упомянуто, что значительное влияние на формирование традиционных ценностей оказывает религия. Особо отмечена роль православия как основной религии Российской Федерации. «Основы», впрочем, прямо указывают: традиционные российские духовно-нравственные ценности являются общими для верующих и неверующих граждан. Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей неразрывно связано с уникальным историческим путём России. Традиционные религии (православие, ислам, буддизм и иудаизм) выступили главными духовными скрепами на этом пути, отправной точкой которого стало Крещение Руси; все они сыграли свою роль в формировании общих для народов России ценностей, в число которых входят: единство и коллективизм; семья как святыня и основа общества; справедливость и правда; милосердие и сострадание; патриотизм и служение отечеству; труд как добродетель и служение; духовный идеал благочестия и нестяжательства [4].

Уникальность России – в её способности объединять множество народов с их собственными верованиями. В русской армии служили и служат представители всех народностей нашей страны: русские, татары, буряты, чеченцы. И все они проявляют мужество и героизм на фронте, помогая друг другу. Российские СМИ указывают на то, что все участники СВО разделяют важную традиционную духовно-нравственную ценность – единство. Например, в песне «Салам Алейкум, брат мой Асланбек» идёт речь о переписке русского и чеченца, которые принимали участие в освобождении Мариуполя. Русский упоминает, что чеченец вытаскивал его «из-под засад нацистского огня»; тот отвечает, что «вместе мы один народ». Оба героя песни называют друг друга братьями. А ведь не так давно между русскими и чеченцами шли кровопролитные войны! Песня «Мы вгрызаемся в Мариуполь» подчёркивает, что у русских солдат и солдат противника разная система ценностей, хотя многие с обеих сторон являются христианами: «У них в душах – Степан Бандера, в наших душах – Хатынь да Брест!» То есть, русские чтят историческую память и преемственность поколений (они упоминаются в «Основах»), а противник – нет, так как возвёл в герои одного из самых жестоких пособников нацизма.

Значительную роль в защите традиционных ценностей играет Русская православная церковь. Основные направления её деятельности таковы: формирование мировоззрения и характера русского народа; регулирование человеческих отношений; воспитание молодёжи; поддержка семейных ценностей; участие в решении социальных проблем; влияние на законодательство [10]. При этом церковь активно сотрудничает с государством и общественными организациями и оказывает поддержку военнослужащим, принимающим участие в СВО. В воинских частях, находящихся на фронте, создаются походные храмы; полковые священники совершают Таинства. Двое священников, погибших в зоне СВО – протоиерей Михаил Васильев и иерей Антоний Савченко – удостоены звания Героя России посмертно.

Таким образом, традиционные российские духовно-нравственные ценности оказывают огромное влияние на обороноспособность и безопасность Российской Федерации. Люди, которые их придерживаются, готовы защищать страну от любых внешних и внутренних угроз. Соответственно, те люди, которые традиционных ценностей не придерживаются, делать этого не станут. Поэтому государство при содействии общественных и религиозных организаций, в первую очередь Русской Православной Церкви, ведёт активную политику по сохранению и развитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Абдылдаева А.Т. Влияние глобализации на традиционные ценности общества: угрозы и возможности / А.Т. Абдылдаева // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – Кыргызстан, 2025. – №2/2. – С. 597–607. DOI 10.33514/1694-7851-2025-2/2-597-607. EDN TOOGDJ

2. Вилкова А.В. Духовно-нравственные ценности: проблемы возвращения к истокам / А.В. Вилкова, Ю.Н. Строгович, Я.Н. Полякова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2024. – №4(22). – С. 324–335. EDN WXMZPV

3. Багдасарян В.Э. Традиционные ценности российского государства-цивилизации / В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский, арх. Сильвестр (С.П. Лукашенко). – Ярославль: Шукаева и семья, 2024.

4. Профилактика идеологии экстремизма и терроризма в общеобразовательных организациях / Т.В. Бернюкевич, В.В. Золотухин, А.И. Кагарманова [и др.]. – М.: МПГУ, 2025. DOI 10.31862/9785426316270. EDN DRTSED

5. Дрозденко С.А. Духовно-нравственные ценности как объективно существующая потребность интересов национальной безопасности Российской Федерации / С.А. Дрозденко, А.Н. Померлян // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2023. – №2(16). – С. 4–13. EDN CCDVIF

6. Заметина Т.В. Вопросы конституционно-правового регулирования сферы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Т.В. Заметина // Вестник университета имени Ю.А. Кутафина (МГЮА). – 2025. – №9(133). – С. 44–51.

7. Землин А.И. Государственная политика по сохранению культурных ценностей как фундамент цивилизационного суверенитета России / А.И. Землин // Военное право. – 2025. – №5(93). – С. 7–14. EDN BDEUAR

8. Зинченко Я.И. Национальные ценности и идеалы как важнейшие составляющие национальной безопасности государства / Я.И. Зинченко // Молодой ученый. – 2023. – №10(457). – С. 84–86. – URL: https://moluch.ru/archive/457/100678 (дата обращения: 16.03.2026). EDN GCNRIH

9. Мажуга С.Н. Геостратегия Российской Федерации в условиях формирования нового мирового порядка / С.Н. Мажуга, Н.А. Столяров, И.А. Копылов // Современная геостратегия Российской Федерации в условиях становления нового мирового порядка: сборник материалов круглого стола. – М.: Издательский Дом УМЦ, 2024. – С. 7–16. EDN FBBQRC

10. Маслов И.С. Роль религии в укреплении российских традиционных духовно-нравственных ценностей и противодействии социокультурным угрозам национальной безопасности России / И.С. Маслов // Теории и проблемы политических исследований. – 2025. – Т. 14. №12–1. – С. 3–9. DOI 10.34670/AR.2026.62.91.002. EDN USNBJV

11. Мелихов А.И. Угрозы национальной безопасности, посягающие на традиционные духовно-нравственные ценности Российской Федерации / А.И. Мелихов, А.В. Харченко // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – №4(82). – С. 114–121. EDN QRDOFM

12. Невлева И.М. Духовная связь поколений через ценности православия / И.М. Невлева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». – 2015. – №20(217). – С. 68–72. EDN VJGDCD

13. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих: социально-философский и системно-правовой аспекты / П.В. Петрий, А.И. Землин, О.М. Землина, А.Н. Каньшин. – М.: Кнорус, 2024. EDN VIYZOQ

14. Петрий П.В. Духовно-нравственные ценности и их роль в защите и укреплении государственного суверенитета Российской Федерации: социально-философский анализ / П.В. Петрий, А.И. Землин, А.И. Конуров // Социальная политика и социология. – 2025. – Т. 24. №3(156). – С. 204–212. DOI 10.17922/2071-3665-2025-24-3-204-212. EDN DBBPTV

15. Познаненко А.В. Традиционные ценности российского воинства – основа духовной безопасности российской армии и государства / А.В. Познаненко // Трансформация войны в условиях глобализации мира: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Омск: филиал ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева» Минобороны России в г. Омске, 2021. – С. 230–235. EDN OXZYNK

16. Стерхов А.А. Духовно-нравственное воспитание на основе ценностей православной культуры / А.А. Стерхов // Научное обозрение: педагогические науки. – 2019. – №3–1. – С. 36–40. EDN ZYCTAL

17. Холиков И.В. Сохранение и развитие традиционных российских духовно-нравственных ценностей как залог формирования правовой культуры военнослужащих / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2024. – №7(324). – С. 88–92. EDN BBKNJK

Мясников Юрий Михайлович
старший преподаватель, подполковник полиции
Никишкин Александр Владимирович
канд. юрид. наук, доцент, член-корреспондент
Российская академия естественных наук (РАЕН), полковник полиции
Половинкина Полина Евгеньевна
командир отделения, сержант полиции

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Санкт-Петербург

ИНТЕГРАЦИЯ БЕСПИЛОТНЫХ АВИАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ СЛУЖЕБНУЮ И ФИЗИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВКУ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: *в статье отмечается, что современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер государственной деятельности, в том числе правоохранительной системы. Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) стали неотъемлемым атрибутом как вооружённых конфликтов, так и оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Появление новых угроз, связанных с незаконным использованием дронов, с одной стороны, и расширение функциональных возможностей их легального применения для решения задач правопорядка – с другой, обусловили необходимость пересмотра подходов к подготовке кадрового состава МВД России. Особую значимость приобретает вопрос о включении компетенций в области эксплуатации беспилотных систем в систему профессиональной служебной и физической подготовки, что требует теоретического осмысления и практической реализации на уровне ведомственного нормативного регулирования.*

Ключевые слова: *беспилотные летательные аппараты, органы внутренних дел, профессиональная служебная подготовка, физическая подготовка, операторы БПЛА.*

Правовую основу применения беспилотных авиационных систем в деятельности полиции составляют нормы Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции», который в статье 11 прямо закрепляет использование полицией беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов.

Важнейшим подзаконным актом, регламентирующим конкретные процедурные аспекты, является приказ МВД России от 16 ноября 2023 г. №865 (в редакции от 29 мая 2025 г.) «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел». Данным приказом также утверждён перечень должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения, который в 2025 году был скорректирован приказом МВД России №335.

В сфере подготовки кадров для органов внутренних дел ключевым документом выступает приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. №44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт, вступивший в силу в 2024 году, установил новые требования к профессиональной служебной и физической подготовке сотрудников, определив необходимость формирования у них профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы. Именно в контексте реализации положений приказа МВД

России №44 открываются широкие перспективы для интеграции компетенций в области эксплуатации беспилотных авиационных систем в систему профессиональной подготовки.

Беспилотные воздушные суда уже сегодня стали неотъемлемым техническим средством, стоящим на вооружении многих структур правоохранительных органов, обеспечивающим решение различных видов оперативно-служебных задач. Применение БПЛА сотрудниками органов внутренних дел открывает новые возможности для решения широкого спектра служебных задач, связанных с опасностью для жизни и здоровья сотрудников и мирного населения.

В практической деятельности дроны активно используются для патрулирования, поиска пропавших людей, фиксации улик на месте преступлений, мониторинга дорожной обстановки, фиксации преступлений и административных правонарушений. Сотрудники дорожной инспекции применяют беспилотники для выявления нарушений на дорогах уже в 17 регионах России, а в перспективе предполагается создание автономных станций с беспилотниками – так называемых «дрон-боксов» – для фиксации ДТП. Особое значение приобретает использование беспилотников в розыскных мероприятиях: недавние примеры демонстрируют их эффективность при отслеживании подозреваемых в незаконном обороте наркотиков. Кроме того, дроны активно применяются для обеспечения безопасности во время массовых мероприятий, что позволяет предотвращать правонарушения и обеспечивать безопасность граждан.

Не менее значимой является роль БПЛА в экспертно-криминалистической деятельности. Беспилотные летательные аппараты используются для фиксации результатов следственных действий, обследования открытых участков местности, осмотра мест происшествий. В контексте участившихся случаев использования дронов в качестве орудий и средств совершения преступлений возникает необходимость в производстве судебных экспертиз электронных модулей БПЛА, что, в свою очередь, предъявляет новые квалификационные требования к экспертно-криминалистическим подразделениям.

Учитывая стремительное расширение сфер применения беспилотных технологий в органах внутренних дел, система профессиональной подготовки кадров должна адекватно реагировать на вызовы времени. В образовательных организациях МВД России уже начата реализация программ подготовки операторов БПЛА. В Волгоградской академии МВД России по программе «Внешний пилот-оператор» и «Инструктор» подготовлено 130 сотрудников полиции. В Нижегородской академии МВД России организовано обучение внешних пилотов беспилотных воздушных судов, в ходе которого слушатели проходят теоретическое обучение, осваивают управление дронами на симуляторах, отрабатывают навыки полётов на закрытых и открытых площадках, в том числе в сложных метеорологических условиях и в ночное время. В Крымском линейном управлении МВД России на транспорте обучение сотрудников осуществляется на дронах DJI Mavic 3T, которые впоследствии используются в служебных целях.

Однако наряду с сугубо технической составляющей подготовки операторов БПЛА не менее важным является вопрос об их физической готовности к выполнению служебных задач. Физическая подготовка в системе МВД России регулируется приказом МВД России №44. Целью физической подготовки является формирование физической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе боевых приёмов борьбы, а также обеспечение высокой работоспособности в процессе служебной деятельности.

Проведённый теоретико-методологический анализ процесса физической подготовки операторов беспилотных летательных аппаратов в образовательных организациях МВД России свидетельствует о том, что подготовка операторов БПЛА является актуальным направлением профессиональной подготовки силовых структур, однако вопросы физической подготовки данной категории сотрудников остаются недостаточно разработанными. Специфика деятельности оператора БПЛА предъявляет особые требования к таким физическим качествам, как координационные способности, вестибулярная устойчивость, тонкая моторика рук, зрительно-моторная координация, психоэмоциональная устойчивость в условиях длительного статического напряжения и сенсорных нагрузок. В этой связи особую значимость

приобретает развитие координационных способностей у сотрудников оперативных подразделений посредством специализированных упражнений, включающих, в том числе, гибридные тренировки с использованием дронов.

Использование дронов в процессе физической подготовки сотрудников органов внутренних дел может быть реализовано по нескольким направлениям.

Во-первых, в качестве тренажёров для развития координации и внимания при выполнении упражнений, совмещённых с управлением БПЛА.

Во-вторых, как средства контроля качества выполнения физических упражнений (видеофиксация с воздуха техники выполнения приёмов).

В-третьих, в качестве элемента тактико-специальной подготовки, когда принятие решения о применении физической силы или специальных средств должно осуществляться оператором в условиях, приближенных к реальной обстановке.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на очевидные успехи, подготовка курсантов по использованию и противодействию БПЛА в образовательных учреждениях МВД находится на начальной стадии. Требуют дальнейшей проработки вопросы унификации учебных программ по подготовке операторов БПЛА, создания единых квалификационных требований к уровню их физической подготовленности, а также закрепления соответствующих норм в ведомственных нормативных правовых актах. В этой связи представляется обоснованным внесение изменений в приказ МВД России №44 в части включения в Порядок организации подготовки кадров раздела, регламентирующего требования к физической подготовке операторов БПЛА.

Таким образом, интеграция беспилотных авиационных систем в профессиональную служебную и физическую подготовку сотрудников органов внутренних дел является объективной необходимостью, обусловленной современными вызовами и потребностями правоприменительной практики. Внедрение БПЛА в деятельность органов внутренних дел требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативно-правового регулирования, разработку и реализацию специализированных образовательных программ, адаптацию системы физической подготовки к новым функциональным требованиям, а также создание материально-технической базы для обучения.

При этом особое внимание должно быть уделено физической подготовке операторов БПЛА, поскольку их успешная профессиональная деятельность напрямую зависит от уровня развития координационных способностей, сенсомоторной интеграции и психофизиологической устойчивости.

Дальнейшие исследования в указанной области должны быть направлены на разработку научно обоснованных методик физической подготовки операторов БПЛА и их апробацию в образовательных организациях системы МВД России.

Список литературы

1. Ветрова Е.В. Вопросы применения специальных средств сотрудниками ГИБДД / Е.В. Ветрова, И.В. Степанов, А.В. Никишкин // Право, экономика и управление: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 165–167. EDN OMQQLT

2. Грачев Ю.А. Основные задачи подразделений полиции по обеспечению безопасности дорожного движения, их актуальность на современном этапе развития общества и государства / Ю.А. Грачев, А.В. Никишкин // Актуальные проблемы деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования): материалы межведомственной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26 февраля 2019 г.) / сост.: А.В. Вашкевич, А.В. Ефимовский. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 89–92. EDN EMCCAC

3. Никишкин А.В. Дроны и преступность. Современный опыт использования беспилотных летательных аппаратов зарубежных стран / А.В. Никишкин, И.В. Степанов, М.А. Ларионова // Экономика и управление: современные тенденции: сборник статей. – Вып. 5. – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 122–124. EDN PPGMPI

4. Модернизация беспилотных летательных аппаратов тяжелее воздуха, применяемых силовыми структурами Российской Федерации / Н.М. Мельников, А.В. Никишкин, А.А. Стишак, Г.Г. Волошин // Информатизация и связь. – 2023. – №3. – С. 106–109. DOI 10.34219/2078-8320-2023-14-3-106-109. EDN AOQHCD

5. Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2025622848 Российская Федерация. Электронное учебное пособие «Теоретические основания и практика создания учебников нового поколения в области организации процесса обучения в информационной образовательной среде «Безэкипажные летательные аппараты»: заявл. 17.06.2025; опубл. 03.07.2025 / Н.М. Мельников, А.В. Никишкин, М.В. Чередилин; заявитель ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России».

6. Соломянко Д.В. Станции электропитания привязных беспилотных летательных аппаратов органов внутренних дел Российской Федерации / Д.В. Соломянко, А.В. Никишкин, Н.М. Мельников // Наука и инновации – современные концепции: сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума (Москва, 29 февраля 2024 г.). – М.: Инфинити, 2024. – С. 98–104. DOI 10.34660/INF.2024.34.62.233. EDN FSIFIH

7. Степанов И.В. Основные мероприятия по контролю и надзору за дорожным движением в России / И.В. Степанов, А.В. Никишкин, Д.С. Андреева // Право, экономика и управление: теория и практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 11 апреля 2020 г.). – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 315–318. EDN NFWXXP

8. Применение боевого оружия курсантами и слушателями Академии национальной гвардии в условиях террористических угроз / В.А. Торопов, А.В. Никишкин, Р.Б. Хыбыртов, М.Л. Куликов // Педагогический журнал. – 2026. – Т. 16. №1–1. – С. 324–333. DOI 10.34670/AR.2026.17.84.037. EDN UKVAPQ

Рахматов Александр Ахмедович
канд. полит. наук, профессор
Российская академия естествознания (РАЕ)
г. Москва

DOI 10.31483/r-168775

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ – ГУМАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация: *в статье анализируются социальные вызовы глобализации в России, отмечаются потенциальные возможности. Обоснована необходимость социальной модернизации и возрастания ответственности властных структур. Преобразование базовых институтов (власть, собственность, права человека) и изменение социально-классовой структуры рассматриваются как ключевые результаты трансформации.*

Ключевые слова: *социализация науки, образовательный процесс, научные знания, социальное знание, духовное начало.*

История учит, что глобализация – не прямолинейный и одновариантный процесс. Он противоречив и многообразен. Желательным вариантом является социально ориентированная глобализация или, как иногда говорят, глобализация «с человеческим лицом». Общество, политическая, экономическая и интеллектуальная элиты, властные структуры, международные общественные организации должны оценивать развитие процесса глобализации, его отдалённые и сегодняшние последствия с позиций развития Человека, умножения «человеческого капитала». В процессе глобализации необходим решительный поворот к достижению социальных целей и приоритетов, гуманизации и экологизации всей жизнедеятельности общества, в том числе производственной деятельности и быта.

Социально ориентированная глобализация предполагает усиление общественного внимания к преодолению существующих и будущих глобальных угроз XXI века. Многие из этих угроз ещё плохо осознаваемы. Роль науки и, может быть, прежде всего социологии – представить обществу и властным структурам научно обоснованный анализ и прогноз

возможных вариантов социальных последствий глобализации, определить наиболее значимые социальные угрозы и риски, наметить пути и способы их разрешения.

Прежде всего следует отметить опасность терроризма. Сегодня терроризм приобретает всё более ярко выраженный глобальный размах и тотальный характер. Те, кому приходится с ним сталкиваться, ощущают, как страх и насилие пропитывают все стороны жизни. Вследствие совершаемых актов терроризма государства несут как людские, так и экономические потери; ежегодный ущерб, наносимый экономике стран мира терроризмом, исчисляется многими миллиардами долларов. Он заключается в расходах на медицинские услуги, судебных издержках, невыходах на работу и в падении продуктивности производства. Терроризм культивирует насилие как способ решения политических, экономических и личных проблем, формирует культуру насилия, учит разрешать конфликты с помощью коллективной агрессии, имеющей оправдательный характер.

Можно выделить и другие весьма значимые сегодня и в среднесрочной перспективе зоны риска:

− чрезвычайно высокий, значительно превышающий международные стандарты уровень социального расслоения общества, дифференциация по величине дохода между социальными группами, внутри социальных групп, по профессиям, между регионами, по гендерному признаку;

− бедность значительного количества населения. На смену понимания бедности как нехватки денег приходит понимание бедности как особого образа жизни. В настоящее время доходы около 40 млн наших граждан не превышают прожиточного минимума. Особое беспокойство вызывает уровень жизни 12 млн человек, доходы которых ниже цены продовольственной корзины. Это огромные цифры. Причём во многом это экономическая бедность, когда бедными являются работающие и трудоспособные люди;

− демографическая проблема. Прогноз показывает, что при сохранении существующей в настоящее время тенденции население страны составит в 2030 году 146,4 млн человек, а затем при крайне неблагоприятных условиях перешагнёт в середине века рубеж 100 млн человек при его значительном постарении (существуют и более драматические прогнозы). В этих обстоятельствах становятся исключительно значимыми задачи увеличения рождаемости, повышения статуса семьи;

− проблема различных видов насилия, которое сегодня приобретает ярко выраженный глобальный размах и тотальный характер. Усиливается криминализация общества (бандитизм, убийства, коррупция), безнадзорность детей, насилие в семье;

− за годы либеральных экономических реформ в их крайне радикальной форме Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала. За последние годы страна смогла компенсировать около 40% падения, что позволило выйти только на рубежи 1989 года;

− серьёзную проблему составляют экологические угрозы, связанные с плохо контролируемой охраной от загрязнения окружающей среды, загазованностью городов, некачественными продуктами питания. Россия пока не подписала Киотский договор об уменьшении выбросов в атмосферу из-за низкой материально-технической оснащённости производственного процесса в нашей стране, что основательно снижает её экологическую защиту.

Перечисленные выше вызовы и угрозы существуют на фоне беспрецедентных потенциальных возможностей достижения высокого благосостояния граждан России.

На одного жителя России приходится 0,9 га пахотной земли, что на 80% больше, чем в Финляндии, и на 30% больше, чем в США.

Можно говорить о возрастании социальной ответственности властных структур за эффективное развитие страны. Это тем более важно, что налицо серьёзное противоречие: правящая элита выступает, с одной стороны, за сильное государство, социальные приоритеты, а с другой – разделяет либерально-демократическую идеологию.

Особое место в модернизационном процессе занимает социальная модернизация. Процессы социальной модернизации разворачиваются на фоне широких социально-политических преобразований, динамических сдвигов сущностного характера в социально-политической структуре общества. Как показала практика, в целом процесс социально-политических преобразований слабо управляем и мало предсказуем, не предрешены его принципиальные итоги. Наиболее видным результатом модернизационного процесса служит преобразование базовых институтов, совокупность которых является ядром институциональной системы. К ним относят: власть, собственность, социальную активность и права человека, а тип современного общества зависит от:

− степени легитимности, демократизма и эффективности власти;
− развитости, легитимности и защищённости частной собственности;
− многообразия и зрелости структур гражданского общества;
− широты и надежности прав и свобод человека.

Взятые вместе базовые социальные институты характеризуют возможность людей выражать и эффективно отстаивать свои интересы, то есть степень реального демократизма общества.

Однако преобразование институтов представляет внешний показатель трансформации общества. Более глубинным, сущностным её результатом служит изменение его социально-классовой структуры. Реформаторский потенциал общества определяется во многом установками и деятельностью элит, оказывающих целенаправленное институциональное воздействие на ход трансформационного процесса. Эти группы разрабатывают новые правила игры, облекают их в правовую форму, организуют и контролируют их выполнение, не только не забывая о своих корпоративных и частных интересах, но часто, к сожалению, придавая им доминирующее значение.

Список литературы

1. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения» / под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

2. Барроуз М. Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 году / М. Барроуз. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 400 с.

3. Международные отношения России в «новых политических пространствах»: космос: приполярные зоны: воздушные и морские пространства: глобальная информационная сфера / А.Д. Богатуров, В.А. Веселов, А.В. Гуменский [и др.]; отв. ред. А.Д. Богатуров; Ин-т проблем междунар. безопасности РАН. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2011. – 268 с. EDN QPWMSV

4. Быков А.Н. Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации / А.Н. Быков. – СПб.: Алетейя, 2009. – 192 с.

5. Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2008. – 195 с.

Туркин Артем Андреевич
аспирант
Маковозов Даниил Сергеевич
студент
Еременко Дарья Николаевна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРОЦЕССАМИ ЗА СЧЕТ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: *исследование посвящено изучению современных методов и технологий, призванных повысить эффективность системы управления корпоративными процессами. Известно, что от выбора методов и технологий управления зависит специфика экономической деятельности организации и выполнение поставленных целей и миссии. Данные положения определяют актуальность выбранной проблематики.*

Ключевые слова: *управление корпоративными процессами, эффективность управления, рентабельность, адаптация, экономическая эффективность.*

Управление корпоративными процессами представляет собой оптимизированную систему управления цепочками задач и процессов организации. Так, управление корпоративными процессами включает в себя следующие этапы: распределение, проработка, внедрение, оптимизация, оценка эффективности и внутренний аудит. Далее необходимо рассмотреть перечисленные этапы подробнее. Этап распределения подразумевает делегирование ответственности между сотрудниками на выполнение конкретных задач. Под проработкой кроется этап установления показателей, которые в последствии будут проанализированы на последующих этапах. Этап внедрения является вспомогательным, он характеризуется разработкой плана по минимизации рисков, которые могут появиться в процессе выполнения задач. Этап оптимизации направлен на сокращение финансовых затрат и других издержек. Последним этапом выступают оценка эффективности и внутреннего аудита. Данные процессы направлены на анализирование полученных результатов и установление новых задач.

Как уже упоминалось выше, эффективность управления корпоративными процессами во многом зависит от выбранного инструментария и технологий. Традиционно управление корпоративными процессами включает в себя следующие элементы [2]:

– техническое оснащение: компьютеры, машинное оборудование, необходимые для выполнения производственных задач;

– специализированное программное обеспечение – базы данных, электронные ресурсы и платформы, использующиеся для повышения скорости взаимодействия отделов и сотрудников в процессе трудовой деятельности;

– интеллектуальное обеспечение – работа с персоналом, организация корпоративной культуры, мероприятия по сплочению команды.

Необходимо отметить, что эффективное управление корпоративными процессами подразумевает сочетание не только технологий, но и методов управления. Так, к практическим методам управления корпоративными процессами относятся следующие виды методов: базовые – управление производственными процессами и отслеживание взаимодействий с клиентами и партнерами, а также планирование и прогнозирование; ключевые методы направлены на сохранение конкурентных преимуществ организации; инновационные- внедрение в организацию новейших технологий.

Сама оценка эффективности управления корпоративными процессами может быть объективной и субъективной. Как правило, Объективная оценка предполагает проведение

сравнительного анализа экономических показателей, представленных в количественных отношениях, процентах и т. д. Субъективный аспект заключается в личностной оценке менеджера бизнес-процессов и трудовых показателей персонала. Касательно персонала, в данном аспекте, зачастую, основными являются показатели рентабельности и производительности труда. Так как отследить эффективность каждого отдельного сотрудника, особенно в контексте крупной организации, является практически невозможным, менеджеры оценивают работу персонала по общим показателям, таким как рентабельность, в виду того, что затраты на персонал являются издержками, необходимыми для производства или реализации коммерческой деятельности. Рентабельность позволяет отследить эффективность каждого вложенного ресурса, а именно убытки и прибыль. Рассчитывается рентабельность как отношение общего числа прибыли к себестоимости. Так, к показателям экономической эффективности организации относят следующее [1]: стабильность – непрерывность производственных процессов, конкурентоспособность организации; темпы экономического роста организации – расширение организации в контексте численности персонала, производственных процессов, а также проектов; адаптация – данный показатель определяет способность организации к изменениям в виду непостоянства конъюктуры рынка.

Рассуждая о конкретных особенностях технологий и методов управления корпоративными процессами, необходимо отметить, что к ним относится следующие [3]: стремительное развитие технологий определяет тот факт, что для поддержания конкурентных преимуществ необходимо своевременно обновлять технологии и программное обеспечение организации; интеллектуальный аспект присущ технологиям управления бизнес-процессами, расширение базы знаний позволяет оптимизировать управленческие аспекты.

Отечественные ученые выделяют три основных подхода к управлению корпоративными процессами: традиционный, проектный, продуктивный. Традиционный подход также определяют как административно-хозяйственный. Он характеризуется четкой структурой, задачи производства, как правило, направлены на минимизацию издержек, а мотивационный фактор носит исключительно материальный характер- в виде денежного стимулирования. Проектный подход характерен для крупных организаций, которые стремятся развить свой бизнес в новых отраслях. Данный подход характеризуется наличием у организации четких целей и миссии. Продуктивный подход характерен для новых организаций, которые стремятся занять свою нишу. Рассматриваемый подход характеризуется изучением потребителя и быстрой адаптацией под потребности рынка.

На основании вышеизложенных материалов, следует сформировать принципы эффективного управления корпоративными процессами: принцип интеграции технологий основан на экономии времени, что существенно упростит взаимодействие между отделами и сотрудниками; принцип рациональности представляет собой учет финансовых ресурсов, необходимых для приобретения и внедрения технологий; принцип ситуативности основан на принятии управленческих решений своевременно.

Таким образом, взаимосвязь бизнес-процессов в системе управления корпоративными процессами является одним из важнейших аспектов экономического успеха организации. За счет предложенных принципов возможно детальнее проанализировать систему управления и выявить издержки.

Список литературы

1. Бараков В.С. Цифровая трансформация промышленных предприятий и экономический рост / В.С. Бараков // Вестник ВолГУ. Экономика. – 2023. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-promyshlennyh-predpriyatiy-i-ekonomicheskiy-rost (дата обращения: 02.05.2025). DOI 10.15688/ek.jvolsu.2023.4.8. EDN PANQPC

2. Боташева Л.С. Влияние цифровой трансформации на бизнес-процессы и экономическое развитие / Л.С. Боташева // Индустриальная экономика. – 2024. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-transformatsii-na-biznes-protsessy-i-ekonomicheskoe-razvitie (дата обращения: 02.05.2025). DOI 10.47576/2949-1886.2024.2.2.008. EDN LTGKBW

3. Буковский Г.Р. Современные методы управления персоналом в условиях цифровизации / Г.Р. Буковский // Прикладные экономические исследования. – 2025. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-upravleniya-personalom-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 02.05.2025). DOI 10.47576/2949-1908.2025.1.1.005. EDN SKMAAU

Якубовская Светлана Константиновна
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация: *статья посвящена анализу влияния научно-технического прогресса (НТП) на эволюцию информационного права в условиях цифровой трансформации общества. Исследуются механизмы адаптации правовой системы к развитию современных технологий и выявляются ключевые направления трансформации норм информационного права. Особое внимание уделено правовым проблемам внедрения технологических инноваций: искусственного интеллекта, больших данных (Big Data), интернета вещей (IoT), блокчейна, облачных и квантовых технологий. Рассматриваются пробелы и противоречия в действующем законодательстве, связанные с регулированием новых объектов (цифровые профили, алгоритмы ИИ, метаданные IoT-устройств) и субъектов правоотношений. На основе анализа нормативно-правовой базы РФ (ФЗ-152, ФЗ-187) и судебной практики сформулированы предложения по совершенствованию информационного законодательства: внедрение гибких механизмов регулирования (регуляторные песочницы), усиление международного сотрудничества, интеграция технических стандартов в правовое поле.*

Ключевые слова: *научно-технический прогресс, информационное право, цифровая трансформация, искусственный интеллект, большие данные, интернет вещей, блокчейн, правовое регулирование, регуляторные песочницы.*

Развитие научно-технического прогресса (НТП), прежде всего цифровых технологий (искусственного интеллекта, Big Data, IoT, блокчейна и облачных решений), формирует новые виды общественных отношений, требующие специализированного правового регулирования. При этом правовая природа возникающих отношений остаётся дискуссионной из-за их динамичности и многоаспектности, особенно в последнее десятилетие.

Как отмечается в Концепции технологического развития на период до 2030 года [5], «ускоренное технологическое развитие требует своевременной адаптации правовых норм либо создания принципиально новых регуляторных механизмов».

Отставание нормативного регулирования от темпов НТП порождает правовую неопределённость, которая создаёт риски:

− нарушения конфиденциальности персональных данных;
− неопределённости статуса результатов деятельности ИИ;
− пробелов в регулировании оборота больших данных;
− сложностей установления ответственности за действия автономных систем.

Цель исследования – проанализировать влияние НТП на развитие информационного права, выявить пробелы в законодательстве и предложить пути их устранения.

1. Правовая природа информационного права в условиях научно-технического прогресса.

Информационное право представляет собой отрасль права, регулирующую общественные отношения, возникающие в процессе создания, обработки, хранения, передачи и защиты информации. Его формирование и развитие напрямую связаны с научно-техническим прогрессом, особенно с развитием информационных технологий [10, с. 128].

Ключевые факторы влияния научно-технического прогресса:

− появление новых средств обработки и передачи информации (интернет, облачные технологии, большие данные, искусственный интеллект);

− формирование информационного общества и цифровой экономики;

− возникновение новых видов информационных отношений между субъектами;

− создание новых объектов правового регулирования (цифровые активы, алгоритмы, искусственный интеллект).

Как отмечают А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина и М.В. Мамонова, «развитие информационных технологий существенно изменило роль информации в обществе, сделав её ключевым ресурсом современной экономики» [10, с. 128].

2. Особенности формирования и развития информационного права.

Развитие информационного права характеризуется следующими особенностями.

Динамичность. Правовая система должна оперативно реагировать на технологические изменения.

Междисциплинарность. Информационное право взаимодействует с гражданским, административным, уголовным и другими отраслями права.

Глобализация. Информационные процессы носят трансграничный характер, что требует международного сотрудничества.

Технологический аспект. Правовые нормы всё чаще включают технические стандарты и алгоритмы.

Согласно учебнику «Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование», особое значение приобретает «цифровое право» как часть информационного права, регулирующая отношения в цифровой среде [10, с. 128].

3. Проблемы и вызовы в правовом регулировании информационных отношений.

Научно-технический прогресс порождает ряд правовых проблем.

Защита персональных данных. Рост объёмов собираемой информации повышает риски её неправомерного использования и утечек.

Кибербезопасность. Развитие технологий создаёт новые угрозы киберпреступности.

Интеллектуальная собственность. Цифровые копии объектов усложняют защиту авторских прав.

Искусственный интеллект. Неопределённость правового статуса ИИ и ответственности за его действия.

Цифровая идентичность. Вопросы подтверждения личности в онлайн-среде.

Трансграничные отношения. Сложности определения юрисдикции в интернете.

Как подчёркивают авторы учебника «Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности», «современные технологии требуют пересмотра традиционных подходов к правовому регулированию» [7, с. 592].

4. Нормативно-правовое регулирование в сфере информационного права.

Одним из основных законов в Российской Федерации который регулирует защиту персональных данных граждан является Федеральный закон от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных», данный нормативный акт – регулирует отношения, связанные с обработкой персональных данных – любой информации, относящейся к прямо или косвенно определённому или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [1]. Его цель – обеспечение защиты прав и свобод человека при обработке его персональных данных, включая неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Основные положения:

− обработка персональных данных допускается только с согласия субъекта, за исключением случаев, предусмотренных законом (например, для исполнения судебного акта или в рамках конституционного судопроизводства);

− запрещена обработка специальных категорий данных (расовая, национальная принадлежность, политические взгляды, состояние здоровья и др.) без согласия субъекта, кроме строго оговорённых случаев [11, с. 45–51];

− операторы обязаны обеспечивать конфиденциальность данных, а также принимать меры по удалению или уточнению неполных или неточных данных [1];

− хранение персональных данных должно осуществляться не дольше, чем этого требуют цели обработки, если срок не установлен законом или договором;

− контроль и надзор за обработкой персональных данных возложен на федеральный орган исполнительной власти в сфере информационных технологий и связи.

Федеральный закон от 26 июля 2017 года №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [2] регулирует отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры (КИИ) – информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления субъектов КИИ [7, с. 592]. Цель – обеспечение устойчивого функционирования КИИ при компьютерных атаках.

Основные положения:

− введены понятия компьютерной атаки, компьютерного инцидента, значимого объекта КИИ (которому присвоена категория значимости и который включён в реестр) [7, с. 592];

− установлены принципы обеспечения безопасности КИИ, полномочия госорганов, права и обязанности субъектов КИИ [7, с. 592];

− предусмотрены категорирование объектов, ведение реестра значимых объектов, оценка состояния защищённости, государственный контроль;

− требования по обеспечению безопасности дифференцируются в зависимости от категории значимости объектов [6].

Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Определяет ключевые термины (информация, сайт, электронное сообщение), регулирует доступ к информации, устанавливает требования к защите информации и ответственность за нарушения [13, с. 15–17].

Федеральный закон от 6 апреля 2011 года №63-ФЗ «Об электронной подписи» [4]. Регулирует использование электронной подписи, определяет её виды и условия применения.

Федеральный закон от 29 июля 2004 года №98-ФЗ «О коммерческой тайне». Определяет, что относится к коммерческой тайне компаний [8, с. 55–64].

Федеральный закон от 9 февраля 2009 года №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Устанавливает права граждан на получение информации о деятельности госорганов [9, с 78–86].

При этом, все вышеперечисленные Федеральные законы Российской Федерации постоянно дополняются и вносятся изменения в них. Это вызвано тем, что прогресс настолько ускорился, что злоумышленники, находят всё новые и новые способы использование данных в корыстных целях.

5. Судебная практика и перспективы развития информационного права. Судебная практика.

Анализ судебной практики показывает основные категории споров в сфере информационного права.

Споры о защите персональных данных. Иски к операторам данных о нарушении требований законодательства.

Один из примеров дела о нарушении требований законодательства о персональных данных – дело №2–424/2020 (также обозначаемое как 2–424/2020 (2–4495/2019; М-4176/2019).

Суть дела: Разин Е.С. обратился в суд с иском к ООО «Свобода от долгов» о защите персональных данных и компенсации морального вреда. Истец утверждал, что с 29 октября 2019 года на его личный телефон поступали регулярные звонки и SMS-сообщения от ответчика. В сообщениях требовали немедленно связаться с неким ФИО3, который якобы указал Разина в качестве контактного лица для погашения задолженности. Истец не состоял в договорных отношениях с ООО «Свобода от долгов» или с кредитором (ООО МКК «Срочноденьги»), номер телефона которого был передан ответчику. Разин неоднократно требовал прекратить обработку его персональных данных, в том числе направил официальное письмо на электронную почту ответчика, но требования были проигнорированы.

Свердловский районный суд города Костромы удовлетворил иск частично. Суд обязал ответчика прекратить обработку и хранение персональных данных (хотя к моменту рассмотрения дела данные уже были удалены из базы ответчика), а также взыскал с ООО «Свобода от долгов» компенсацию морального вреда в размере 3000 рублей.

Споры об авторском праве. Конфликты, связанные с незаконным использованием цифрового контента.

Киберпреступления. Дела о неправомерном доступе к компьютерной информации, мошенничестве в сети.

Споры с цифровыми платформами. Конфликты пользователей с социальными сетями, маркетплейсами.

Дело № А41–70109/2023. Индивидуальный предприниматель Абрарова Л.У. подала иск к ООО «Вайлдберриз» о взыскании штрафа в размере 16 706 рублей 23 копеек и убытков в размере 137 500 рублей. Истец утверждала, что её пункт выдачи заказов (ПВЗ) был деактивирован необоснованно, что привело к убыткам в виде арендной платы за помещение.

Арбитражный суд Московской области удовлетворил иск. Апелляционный суд засилил решение первой инстанции.

Регулирование контента. Дела о блокировке запрещённой информации.

Характерным примером является дело о неправомерном использовании персональных данных крупной социальной сетью, где суд обязал компанию выплатить компенсацию пострадавшим пользователям [12, с. 88–95].

Перспективы развития информационного права.

Для эффективного регулирования в условиях научно-технического прогресса необходимо.

Совершенствование законодательства:

− актуализация действующих норм с учётом технологических изменений;

− принятие специализированных законов о цифровых активах, искусственном интеллекте.

Развитие международного сотрудничества:

− гармонизация национальных законодательств;

− создание международных механизмов борьбы с киберпреступностью.

Внедрение цифровых технологий в правоприменение:

− использование блокчейна для подтверждения подлинности документов;

− применение ИИ для анализа судебной практики.

Повышение правовой грамотности:

− обучение специалистов в области цифрового права;

− просвещение граждан о правах в цифровой среде.

Баланс интересов:

− обеспечение защиты прав личности при одновременном развитии технологий;

− предотвращение чрезмерного регулирования, сдерживающего инновации.

Как отмечает Д.Ю. Левшиц, «будущее информационного права связано с созданием гибких механизмов регулирования, способных адаптироваться к быстрым технологическим изменениям» [10, с. 128].

Список литературы

1. Федеральный закон «О персональных данных» №152-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (ч. I). – Ст. 3451.

2. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» №187-ФЗ от 26.07.2017 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – №31 (ч. I). – Ст. 4736.

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» №149-ФЗ от 27.07.2006 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (ч. 1). – Ст. 3448.

4. Федеральный закон «Об электронной подписи» №63-ФЗ от 06.04.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №15. – Ст. 2207.

5. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» №1315-р от 20.05.2023 (ред. от 21.10.2024).

6. Минцифры РФ. Методические рекомендации по защите персональных данных при использовании облачных сервисов: утв. 10.02.2023.

7. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности / С.Н. Артамонова, Е.В. Гоц, Ю.Г. Едигарева [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 592 с. EDN ZFMLLM

8. Васильев А.А. Право и технологии: проблема синхронизации / А.А. Васильев // Журнал российского права. – 2023. – №6. – С. 55–64.

9. Иванов А.С. Трансформация информационного права в цифровую эпоху / А.С. Иванов // Государство и право. – 2023. – №2. – С. 78–86.

10. Информационные системы и программирование / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с.

11. Камалова Г.Г. Правовые проблемы искусственного интеллекта на примере беспилотного транспорта / Г.Г. Камалова // Право и экономика. – 2023. – №5. – С. 45–51.

12. Кузнецов П.Л. Трансграничная передача данных: коллизии национального и международного регулирования / П.Л. Кузнецов // Международное право. – 2022. – №1. – С. 88–95.

13. Левшиц Д.Ю. Налоговое мошенничество в зарубежных странах / Д.Ю. Левшиц // Налоги. – 2007. – №6. – С. 15–17.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Алексеев Сергей Ильич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ ЗАВОДСКИХ МУЗЕЕВ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА ЧУВАШИИ В ЖИЗНИ РАБОЧИХ

Аннотация: *статья посвящена исследованию роли заводских музеев электротехнического кластера Чувашской Республики в жизни рабочих. Актуальность обусловлена ростом общественного интереса к деятельности корпоративных музеев. В статье рассматриваются исторические условия и факторы формирования заводских музеев электротехнических предприятий Чувашии, их роль в сохранении трудовых традиций, идейно-просветительской работе и патриотическом воспитании. Особое внимание уделяется первому в Чувашии музею промышленного предприятия – музею трудовой славы Чебоксарского электроаппаратного завода.*

Ключевые слова: *музей, история, электротехнический кластер.*

Электротехнический кластер Чувашской Республики является уникальным инновационным объединением подобного рода в регионе. Точкой отсчёта его истории принято считать декабрь 1941 года, когда в Чебоксары были эвакуированы цеха Харьковского электромеханического завода, а затем и оборудование Ленинградского завода «Электрик». В кратчайшие сроки на Чувашской земле было создано предприятие, ставшее основой для развития целой отрасли – Чебоксарский электроаппаратный завод (ЧЭАЗ). Уже к 1943 году завод приступил к освоению инновационной продукции релейной защиты и автоматики, а в 1950-е годы оставался единственным в СССР поставщиком реле различного назначения. В 1960 году создание Чувашского электротехнического научно-исследовательского института завершило формирование полноценного электротехнического кластера, включив в его структуру научно-исследовательское звено [3].

Столь стремительное развитие отрасли не могло не сопровождаться формированием устойчивой корпоративной культуры, важным элементом которой стали заводские музеи. В отличие от государственных музеев, они ориентированы не на абстрактную публику, а на конкретную аудиторию. Это работники завода, их семьи, ветераны и молодые специалисты. Именно эта направленность определяла характер экспозиций и содержание экскурсий, что особенно важно в формировании чувства сопричастности к общему делу, трансляции корпоративных ценностей и сохранении памяти о трудовых подвигах.

В 1971 году состоялось открытие музея Трудовой славы Чебоксарского электроаппаратного завода – первого в Чувашии музея истории промышленного предприятия. Его создание стало результатом инициативы ветеранов, партийного комитета и администрации, а также большого количества активных людей, среди которых ключевую роль сыграл М.Л. Брикер, ставший хранителем заводской истории. Его создание стало детищем своего времени, закономерным отражением общественного интереса к сохранению трудового пути электроаппаратчиков [2].

Как писалось ранее: «В мае 1977 года в музее Чебоксарского электроаппаратного завода был открыт зал боевой славы. В основу экспозиции зала боевой славы были положены фотографии, документы и личные вещи электроаппаратчиков – участников Великой Отечественной войны. В музее проходили уроки мужества, встречи молодежи с ветеранами Великой Отечественной войны, с теми, кто начинал историю заводского коллектива в городе Чебоксарах» [1].

Особого внимания заслуживает не только мемориальная, но и воспитательная и идеологическая функция. В условиях государственной системы воспитания музей трудовой славы

становился ключевым звеном в формировании социалистического сознания рабочих. Его задачи включали патриотическое воспитание через героизацию трудового подвига в годы Великой Отечественной войны, пропаганду достижений социалистического строительства и примеров передовиков производства. Музей служил наглядной демонстрацией преимуществ социалистического способа производства, где труд рабочего возводился в ранг доблести и героизма. Экскурсии для молодых рабочих и школьников были призваны воспитывать чувство гордости за своё предприятие, уважение к трудовым династиям и формировать идеологически верное понимание роли рабочего класса в строительстве коммунизма.

В дальнейшем подобные музеи появлялись и на других предприятиях. Так, в 1975 году на Чебоксарском приборостроительном заводе в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне открылся музей Трудовой Славы. Музей играл огромную роль в сохранении истории завода. Немалую роль музей играл в сохранении и передаче трудовых традиций. В экспозиции были представлены фотографии и документы о первых директорах, передовиках производства и ветеранах, что демонстрировало преемственность поколений. Активно велась работа по сбору воспоминаний ветеранов, которые публиковались в газете «Прогресс». Эти живые истории, рассказанные непосредственно участниками, становились мощным воспитательным средством для молодых рабочих, приобщая их к истории завода и его достижениям.

Не менее значимой была идейно-просветительская и патриотическая работа музея. Посещение музея позволяло гостям не только ознакомиться с технологическими возможностями завода, но и проникнуться духом трудового героизма и увидеть примеры самоотверженного труда. Особое место в работе музея занимали встречи с ветеранами. Совет ветеранов завода, участники Великой Отечественной войны и труженики тыла являлись важным звеном в сохранении исторической памяти. В преддверии Дня Победы музей становился центром патриотических мероприятий, где организовывались встречи с ветеранами, звучали их воспоминания о войне и послевоенном восстановлении страны.

В свою очередь, Чувашский государственный университет, являясь неотъемлемой частью электротехнического кластера, располагает музеем истории университета, экспозиции которого тесно переплетаются с историей электротехнической отрасли региона. Университет активно участвует в профориентационных проектах, включающих экскурсии студентов в музей истории ЧГУ и на заводы.

Таким образом, можно сделать вывод, что музеи предприятий электротехнического кластера Чувашской Республики являлись не просто хранилищами исторических реликвий, а важными инструментами воспитания молодых поколений рабочих. В советский период на них возлагались задачи идейно-просветительской работы и патриотического воспитания трудовых коллективов. Всё это реализовывалось через экскурсии и встречи с ветеранами, благодаря чему музейная среда стала каналом передачи профессионального опыта, формирования уважения к рабочим профессиям и сохранения преемственности трудовых династий.

Список литературы

1. Алексеев С.И. Вклад музея Чебоксарского электроаппаратного завода в формирование исторической памяти о победе в Великой Отечественной войне / С.И. Алексеев, С.Ю. Михайлова // Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 5–7 мая 2025 г.). – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2025. – С. 502–505. EDN NZTKYI

2. Алексеев С.И. Начальный этап истории развития музейной сети электротехнического кластера Чувашской Республики: создание музея Чебоксарского электроаппаратного завода / С.И. Алексеев, С.Ю. Михайлова, А.Л. Музякова // Исторический поиск. – 2025. – Т. 6. №3. – С. 5–19. DOI 10.47026/2712-9454-2025-6-3-5-19. EDN RKSQQY

3. Яковлева Т.В. Инновационные черты в историческом развитии предприятий электротехнического кластера Чувашии / Т.В. Яковлева // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания: материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23–24 апр. 2021 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2021. – С. 120–122. EDN VREEGG

Алексеев Сергей Ильич
аспирант
Ефремов Евгений Андреевич
аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТКРЫТИЕ ЗАВОДСКОГО МУЗЕЯ ЧЕБОКСАРСКОГО ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА

Аннотация: *в статье рассматривается история создании Музея Трудовой Славы Чебоксарского приборостроительного завода. Описываются его функции в структуре заводского общества. Особое внимание уделяется воспитательной и мемориальной роли музея как площадки диалога поколений. Подчёркивается значимость заводских музеев как институтов сохранения локальной памяти и механизмов патриотического воспитания в советском производственном пространстве.*

Ключевые слова: *Музей, история, Чебоксарский приборостроительный завод, сохранение памяти.*

Заводские музеи в СССР представляли собой не просто хранилища памятных вещей, а важные социально-культурные институты, интегрированные в систему идеологического и трудового воспитания. В их пространстве пересекались государственная повестка и местные традиции в виде экскурсий и встреч с ветеранами, где транслировались ценности преемственности поколений, трудового и гражданского долга.

Болдырева Е.Н. писала: «Новый виток бурного развития отечественные заводские музеи переживают в середине 1960-х – начале 1980-х годов. Ретроспективный анализ истории заводских музеев позволяет сформулировать следующие выводы:

− общие тенденции формирования заводских музеев находятся в тесной связи с осмыслением обществом роли науки и техники и историко-культурным контекстом эпохи в целом;

− возникнув из коллекций производимой продукции, заводские музеи со временем превратились в социокультурные институты, адекватно отвечающие на запросы общества и времени» [1].

Бородай К.В. в своей статье писал: «Музей является важной составляющей корпоративной культуры. Он позволяет глубоко осмыслить историю завода и легче понять его современное состояние. Важно, чтобы музей стал не только хранилищем документов и мемориальных вещей, но и центром корпоративной культуры. Местом, где сходятся интересы разных категорий населения: от школьников и студентов до заводчан и ветеранов завода» [2].

В 1975 году в честь 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне на Чебоксарском приборостроительном заводе открылся заводской музей Трудовой Славы. Как следует из материалов заводской газеты, музей задумывался не как статичная выставка достижений, а как живая площадка для диалога. В нём проводились встречи молодёжи с ветеранами войны и труда.

Сама экспозиция музея была представлена на шести стендах под заголовками «Становление завода», «Завод в девятой пятилетке», «Технический прогресс», «Подбор, расстановка и воспитание кадров», «Партийная, профсоюзная, комсомольская жизнь», «Жизнь, быт коллектива»; размещено 60 планшетов, где отражено строительство завода, его пуск, работа и люди.

Многочисленные графики, таблицы, диаграммы, фотографии дополняют описательную часть в планшетах.

Вдоль стен помещения музея установлены витрины, под стеклом которых размещены часть изделий и деталей, товары народного потребления; завоёванные многочисленные грамоты, дипломы, вымпелы, кубки [5, с. 2].

Работник музея Г. Еремин в газете описывал музей так: «В одной из витрин помещены три тома летописи трудовых дел завода с начала его основания и до наших дней. Это краткая история становления завода и его развития. Материал расположен в хронологическом порядке. Здесь отражены и будничные дела, и праздничные торжества. Рядом с летописью – Книга почёта и книга «Почётные посетители» завода.

Под колпаком из оргстекла хранятся знамёна. Привлекает внимание посетителей турникет, посвящённый ветеранам войны и труда. Фотографии здесь выполнены в цветном изображении.

Привлекательно и само помещение музея. В нём паркетный пол, стены облицованы фанерой и древесно-стружечной плитой, подвесной потолок, в котором смонтированы три группы светильников.

Хорошо потрудились на отделке помещения музея плотники цеха №25 Яковлев Н.Я., Курносов В.Я., Катаев Г.А.

Много труда в оформлении стендов и планшетов музея вложили художники завода Федотов А.Ф., Строкин Ю.А., Журавлева В.К., а также специалисты и технические работники цехов и отделов: Чибисов М.А. (цех 21), Емельянова Р.А. (ОГТ) и многие другие. Добро пожаловать, дорогие товарищи, в наш заводской музей!» [5, с. 2].

Музей играл огромную роль по сохранению истории завода, созданию и сохранению традиций. На это указывала в газете «Прогресс» в статье «Наши ветераны» Т.Н. Бондарь: «В феврале 1980 года нашему заводу исполняется 10 лет. За это время он превратился в ведущее предприятие республики… На заводе создаются свои традиции, немалую роль в укреплении которых играет музей истории завода». Это подтверждает, что музей прочно вошёл в повседневную жизнь завода и воспринимался не как формальность, а как живой инструмент укрепления корпоративной культуры. Особую ценность здесь представляет акцент на десятилетней истории предприятия, что показывает, как быстро на новом производстве успели сложиться собственные традиции и как музей стал их главным хранителем. Он связал первые трудовые достижения коллектива с его дальнейшим развитием.

Кроме всего этого, музей был площадкой для политического просвещения. Так, в материалах газеты «Прогресс» в статье «Заводская хроника» говорилось, что на заводе создаётся кабинет политического просвещения на общественных началах, который будет расположен в музее завода. При парткабинете решением парткома утверждён Методический совет в составе девяти человек под председательством В.Т. Даниловой. Цель его – оказание методической помощи пропагандистам в системе партийной, комсомольской учёбы и школах комтруда [3, с. 2]. Это показывает, что музей на Чебоксарском приборостроительном заводе выходил за рамки мемориального пространства и становился важным элементом идеологического просвещения. Здесь не только сохраняли память о трудовых подвигах и традициях, но и обеспечивали реализацию партийно-комсомольских образовательных программ, что формировало единую систему передачи ценностей внутри заводского коллектива.

Также заведующая кабинетом политпросвещения Г. Персидская высказывала мнение: «Проведение занятий в виде экскурсий в музеи В.И. Ленина, И.Н. Ульянова, В.И. Чапаева, краеведческий рекомендуется методсоветом как действенная форма в системах политического просвещения коммунистов и комсомольцев. Занятия в музеях включены в планы работы школ и кружков» [4, с. 2]. Что также подчёркивало роль музея в идейно-просветительской и воспитательной работе.

Музейные экспозиции оказывают наибольшее воздействие на умы и сердца, когда в ярких документах, ценных реликвиях наглядно раскрываются героические дела советских людей, их высокие нравственные качества, преимущества нашего образа жизни, закреплённые новой Конституцией СССР. И, конечно, когда экспонаты тесно связаны с современностью, непосредственно обращены к самим посетителям, близки их делам, заботам, планам [6, с. 1].

Заключение.

Музей Трудовой Славы Чебоксарского приборостроительного завода стал значимым институтом сохранения локальной истории и передачи ценностей заводского коллектива. Он не

просто собирал экспонаты, а выстраивал живую связь поколений через встречи молодёжи с ветеранами и тематические мероприятия. Создание кабинета политического просвещения на базе музея подчёркивает его роль как центра идейного воспитания и просветительской работы на предприятии. Музей активно способствовал становлению и укреплению заводских традиций. Таким образом, музей выступал одновременно хранителем памяти и действующим инструментом социализации, транслируя нормы и ценности заводского коллектива. Его опыт показывает, насколько значимым может быть музей предприятия как элемент корпоративной культуры.

Список литературы

1. Болдырева Н.Е. Заводские музеи России: специфика становления и оценка состояния / Н.Е. Болдырева // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2012. – Т. 10. №3(90). – С. 97–100. EDN OYDHVZ.

2. Бородай К.В. Заводской музей – центр корпоративной культуры / К.В. Бородай // Металлург. – 2009. – №8. – С. 92–95. EDN KTYWKJ.

3. Персидская Г. Занятие в музее / Г. Персидская // Прогресс. – 1974. – 7 марта. – №11. – С. 2.

4. Заводская хроника // Прогресс. – 1975. – 20 февраля. – №7. – С. 2.

5. Музей открыт // Прогресс. – 1975. – 15 мая. – №18. – С. 2.

6. Народный музей // Правда. – 1978. – 26 марта. – №85(21785). – С. 1.

Вдовина Маргарита Владимировна
д-р социол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: *в статье рассматривается цифровая социализация подростков как неотъемлемая часть современного процесса социализации, характеризующаяся первичностью и значительной изменчивостью. Особое внимание уделяется искусственному интеллекту как одной из ключевых инноваций, влияющих на бытовую, коммуникативную, учебную и досуговую деятельность подрастающего поколения. Представлено авторское видение проблемы неоднозначного воздействия цифровых технологий на процесс социализации несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *социализация подростков, цифровая социализация, развитие искусственного интеллекта, роль семьи и школы в цифровой социализации.*

Актуальность темы обусловлена тем, что цифровая социализация стала неотъемлемой частью современной социализации. Цифровая социализация – процесс, появившийся на фоне повсеместного распространения Интернета, трансформации взаимодействия подростков в цифровом обществе. Динамичное изменение цифровой среды характерно для современного российского общества. Цифровая трансформация активно происходит во всех его сферах и глубоко влияет на все возрастные когорты, особенно на подростков, порождая как новые возможности, так и вызовы. Стремительная цифровизация меняет традиционную социализацию, формируя новые способы взаимодействия поколений, системы ценностей и передачу опыта. Требуют внимания проблемы подрастающего поколения, которыми сопровождается цифровая социализация.

В то же время в отечественной социологии недостаточно исследована цифровая социализация подростков в условиях развития искусственного интеллекта (ИИ), не обоснованы рекомендации по развитию цифровой грамотности для минимизации возможных рисков и максимизации потенциала этого перспективного, но неоднозначного ресурса.

Противоречия детско-родительского взаимодействия в процессе социализации привлекают к себе внимание российских исследователей уже достаточно давно [1; 2]. В своём почти 30-летнем процессе формирования цифровая социализация, на наш взгляд, имеет три этапа.

Первый – связан с ограниченным доступом к компьютерам и Интернету, когда цифровая социализация носила фрагментарный характер, а ключевыми агентами выступали школа и узкий круг технически подготовленных пользователей. В цифровую среду были преимущественно вовлечены юноши технических специальностей либо заинтересованные в компьютерных технологиях. Риски были связаны с проблемами для здоровья в условиях недостаточного развития цифровых технологий, а также с распространением вредоносного программного обеспечения и возможностью потери информации.

Второй этап характеризуется расширением доступа к Интернету, появлением домашних компьютеров, что усилило роль семьи и сверстников как агентов цифровой социализации. Гендерная дифференциация сохранялась, но девушки стали больше вовлечены в процесс цифровой социализации. Основные риски того периода – информационные, социальные, риски для здоровья, безопасности и приватности.

Третий этап связан с распространением смартфонов и социальных сетей, что привело к резкому росту вовлечённости подростков в цифровую среду и появлению новых агентов социализации, таких как блогеры и онлайн-сообщества, которые вступили в определённое соперничество с семейной и школьной социализацией. Именно в этот период цифровая социализация становится массовой и повседневной практикой, сопряжённой с цифровизацией всех сфер жизни, развитием искусственного интеллекта и платформенной экономики. Это усиливает влияние новых цифровых агентов и усложняет структуру социализации подростков. По гендерному признаку цифровая социализация по-прежнему имеет различия: юноши больше вовлечены в гейминг, а девушки – в онлайн-коммуникации. Риски расширились на все сферы цифровизации, в том числе добавились экономические, правовые и этические опасности.

В период цифровой трансформации общества нарастает глубокая и всесторонняя погружённость подрастающего поколения в цифровую среду. Цифровые устройства становятся не просто спутниками или помощниками, они выступают в качестве инструментов социализации, порой конкурирующими с установками родителей и педагогов. Цифровизация, конечно, не отменяет традиционных возрастных ролей, но делает процесс их формирования более разнообразным, нестабильным и регулируемым как самими подростками, так и традиционными агентами социализации, а также цифровыми агентами.

Современные подростки, будучи значительно погружёнными в цифровую среду, применяют цифровые технологии в ведущих видах деятельности (учебной, досуговой, коммуникативной, игровой), вырабатывают новую субкультуру виртуального взаимодействия (цифровой сленг, аватары, этикет онлайн-взаимодействия и поведения в социальных сетях и т. д.), могут самостоятельно интернализировать новые цифровые практики и быть независимыми от опыта взрослых, что не снижает потребности в соответствующем социальном контроле. Цифровые устройства становятся не просто их спутниками или помощниками, они выступают в качестве инструментов социализации. Большую часть времени современные подростки проводят с гаджетами, что порождает определённые риски для этого поколения. Поэтому необходимым этапом цифровой социализации выступает формирование цифровой осведомлённости подростков. Она выражается наличием у них общих представлений об информационно-коммуникационных технологиях, первичных знаний и навыков, посильным возрасту освоением доступной цифровой среды. На базе осведомлённости развивается цифровая грамотность, которой уже свойственно избирательное, осознанное применение цифровых знаний и навыков, позволяющее избегать цифровых угроз и рисков [7, с. 11–12].

Главным показателем успешности цифровой социализации является своевременное освоение подростком навыков пользования цифровыми устройствами, безопасного взаимодействия в цифровой среде, позволяющее соответствовать ценностям и нормам цифрового

общества. Однако подростковая когорта неоднородна и дифференцированно проходит цифровую социализацию.

Е.В. Усковой [7, с. 20–22] предложена типология подростковых групп по уровню их цифровой социализации.

Подростки с высоким уровнем адаптированы и интегрированы в цифровую среду, осуществляют в ней безопасную, полезную коммуникацию и созидательную деятельность. Им свойственна высокая цифровая активность, они потребляют, создают или распространяют социально одобряемый контент, нацелены на учёбу и профориентацию с помощью Сети.

Подростки с умеренно-достаточным уровнем цифровой социализации обладают общей цифровой информированностью, базовыми навыками цифровой гигиены, соблюдают ключевые правила виртуальных площадок, умеренно взаимодействуют с друзьями в социальных сетях.

У подростков с низким уровнем слабая или отсутствует информированность о безопасной цифровой среде, не сформировано представление о нормах и правилах киберпространства.

При этом основные факторы цифровой социализации: средовой, социально-демографический, политический, территориальный – тесно взаимосвязаны и влияют на цифровую социализацию подростков комплексно и неоднозначно. В зависимости от уровня своей цифровой социализации подростки в разной степени подвержены информационным, социальным, экономическим, правовым, этическим рискам, угрозам их безопасности и здоровью при неконтролируемом использовании Интернета.

Сейчас механизм контроля цифровой социализации реализуется в основном при помощи ограничений со стороны государства, социальных институтов семьи, образования и др. Однако требуются не только запреты. Для минимизации рисков цифровой социализации подростков необходимо формирование их цифровой осведомлённости и развитие на её базе цифровой грамотности. Для развития цифровой грамотности важны соответствующие образовательные программы, участие семьи в усвоении цифровых норм и ценностей, пребывание подростков в конструктивной онлайн-среде и позитивное к ней отношение [6].

Безусловно, появление ИИ изменяет каналы социализации и формирование идентичности подростков, и возникают риски, косвенно связанные с использованием искусственного интеллекта, в частности: распространение недостоверной или манипулятивной информации; усиление информационных перегрузок; вовлечение подростков в деструктивные цифровые практики. Поэтому влияние искусственного интеллекта как самостоятельного фактора цифровой социализации требует более детализированного анализа. Данный аспект представляется перспективным для исследований, поскольку ИИ в настоящее время находится в стадии интенсивного развития и постоянных изменений в своём воздействии.

Профилактика рисков ИИ в цифровой социализации, по нашему мнению, осуществляется через формирование цифровой осведомлённости и грамотности подростков, содействие семьи как агента социализации и контроля, развитие образовательных программ, направленных на безопасное использование подростками цифровых технологий, институциональный и самоконтроль цифровых практик.

При этом предупреждение рисков невозможно только через запретительно-ограничительные меры – оно требует комплексного подхода, включающего просвещение, развитие критического мышления и формирование безопасных моделей поведения подростков в цифровой среде.

Нынешние российские подростки дифференцированы по их цифровым практикам: сетевое взаимодействие, потребление цифрового контента, гейминг, пассивное времяпрепровождение в сетях, благотворительная деятельность и т. д. Хотя подростков обоснованно можно считать одними из самых активных цифровых пользователей, они нуждаются в наставничестве и содействии минимизации рисков ИИ через адаптационный, контролирующий, информирующий механизмы.

Тем не менее в настоящий момент можно констатировать наличие ряда системных проблем в обеспечении цифровой грамотности со стороны института образования. Сейчас далеко не все учителя являются лучшими цифровыми наставниками, вследствие чего нужен комплексный

подход при подготовке и повышении квалификации учителей, включая обязательное формирование их цифровой компетентности. Также следует развивать обмен опытом между педагогами о возможностях цифровой среды, новых подходах к образовательному процессу с корректным, развивающим применением искусственного интеллекта, внедрение системы тьюторов по совершенствованию цифровых компетенций наставников старшего возраста.

Школа – один основных институциональных агентов социализации, обеспечивающих нормативное и целенаправленное включение подростков в цифровое общество через образовательные практики, трансляцию цифровых знаний, формирование базовых компетенций и ценностных установок.

В условиях бурного проникновения ИИ в повседневную жизнь школа способствует формированию базовых цифровых компетенций на уроках информатики, включает элементы цифровизации в проектную деятельность, предлагает выполнять цифровые задания на различных платформах и т. п. В рамках классных часов или на уроках «Разговоры о важном» могут обсуждаться риски в Сети или профориентационные возможности получения цифровых профессий. Востребованы дополнительные занятия по повышению цифровой грамотности.

Вместе с тем пока ещё роль школы в цифровой социализации подростков носит ограниченный характер и во многом уступает влиянию других агентов. Это приводит к тому, что значительная часть цифровых навыков и практик осваивается подростками вне школы, стихийно. Причинами выступают недостаточная цифровизированность педагогического состава, особенно старших возрастных групп, неполная обеспеченность школьной цифровой образовательной среды, отставание образовательных программ от требований цифрового общества.

Заметим: Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования утверждён в 2012 году [8]. Сейчас можно констатировать наличие ряда пробелов в существующих учебных программах, методиках преподавания и оценочных средствах с точки зрения подготовки подростков к условиям цифрового общества. Одной из таких проблем является поздний старт обязательного изучения информатики (с 7 класса), ограниченная продолжительность курса, недостаточная практико-ориентированность. В школьном образовании отсутствует комплексная задача по формированию цифровой культуры, особенно в условиях бурного развития ИИ, предупреждению цифровых рисков. Знания, транслируемые на уроках, во многом формально или на усмотрение учителя сопровождают стихийное самостоятельное освоение подростками цифровых практик. Не всегда имеются современное оборудование, квалифицированные кадры.

Не учитывается цифровое неравенство семей школьников, наличие социально уязвимых и малообеспеченных родителей, которые не могут себе позволить приобрести прогрессивную технику [3], в то время как цифровизация требует не только существенного багажа знаний и навыков, но и достаточной материально-технической базы. Говоря иначе, значительная часть цифровых компетенций подростков формируется вне институциональной среды. Что подтверждает разрыв между стихийно осваиваемыми подростками «цифровыми практиками» и знаниями, транслируемыми институтами социализации. Вместе с тем, несмотря на указанные противоречия и ограничения, школьное образование сохраняет важную роль в формировании нормативных и ценностных оснований цифровой социализации, что подчёркивает необходимость его содержательного и инфраструктурного обновления.

В таком случае стоит подчеркнуть взаимодействие двух базовых институтов социализации и указать на роль семьи в предупреждении рисков цифровой социализации подростков в рамках первичной цифровой социализации. Значение имеет совершенствование государственной политики в отношении цифрового благополучия института семьи в Российской Федерации. В частности: повышение общего уровня цифровой культуры российских семей и осведомлённости родителей об условиях цифрового общества; организация помощи социально незащищённым семьям в обеспечении их подходящими цифровыми устройствами, доступным интернетом и повышении цифровой грамотности; поддержка взаимодействия институтов семьи, образования, культуры и СМИ для семейного просвещения о рисках и

возможностях цифровой среды, программах родительского контроля, государственных и негосударственных проектах по цифровизации детей и взрослых [4].

В цифровом обществе наблюдаются усиление горизонтальных связей, формирование взаимозависимости поколений, частичное перераспределение авторитета в сторону младшего поколения в сфере цифровых технологий. Подростки часто выступают проводниками цифровых знаний для представителей старшего поколения в повседневном общении, сопровождают их в прохождении цифровых маршрутов. При этом традиционный межпоколенческий конфликт в цифровом обществе приобретает новый оттенок, связанный со столкновением «доцифровых» и «цифровых» норм и установок. Он может выполнять социализирующую функцию, способствуя обновлению норм и адаптации к цифровым изменениям.

Современным родителям не следует ограничиваться контролем, а нужно развивать у подростков способность критически оценивать информацию, распознавать фейки, манипуляции, киберугрозы, осознавать последствия своих цифровых действий. Эффективной стратегией представляется переход от запретительной модели взаимодействия с подростками к диалоговой: обсуждение онлайн-опыта подростка, его цифровых практик, участие родителей в совместном освоении цифровой среды. Это снизит вероятность латентных угроз.

Важно не просто ограничение экранного времени, а стимулирование обращения к образовательному и развивающему контенту при снижении пассивного потребления и развлечений в Сети, обучение подростков правилам цифровой гигиены, овладение родителями и учителями базовыми технологиями пользования ИИ [5].

Онлайн-события расширяют у подростков представления о допустимом и недопустимом поведении, например, в экономической и правовой сфере. Так, цифровая среда выступает пространством для активного потребительского опыта подростков: взаимодействие с рекламным контентом, блогерами и маркетплейсами формирует модели потребительского поведения и навыки рационального, легитимного выбора. С 6 до 14 лет родители могут оформить ребенку банковскую карту, с 14 лет подросток может это сделать самостоятельно. С помощью карты он может оплачивать онлайн-покупки, создавать свои аккаунты на маркетплейсах. Это требует навыков цифровой гигиены для предупреждения вовлечения в дроппинг, то есть в преступные схемы цифровых мошенников. В частности, это стимулирует правовую социализацию подростка для соблюдения кибербезопасности. События в цифровой среде также влияют на формирование самооценки и идентичности подростка, усвоение норм удалённого общения.

Следует учесть, что подростки могут помочь старшему поколению осваивать цифровые компетенции. В быту, семейно-родственном общении они выступают непосредственными проводниками цифровых знаний и навыков для родителей и других представителей старшего поколения. Через повседневное взаимодействие подростки способствуют включению старшего поколения в цифровое пространство, выступая посредниками и даже техническими наставниками в условиях цифровизации.

Бесспорно, цифровизация – глобальный, долговременный процесс, оказывающий универсальное влияние на социализацию подростков. Вместе с тем этот процесс имеет выраженные национальные особенности, обусловленные институциональной, культурной и нормативно-правовой средой российского общества. Прежде всего, для России характерна высокая степень институционального регулирования цифровой среды, где государство выступает одним из ключевых агентов социализации, формируя нормативные рамки и реализуя масштабные цифровые и образовательные проекты. Ещё одной особенностью является сочетание высокой практической цифровой вовлечённости российских подростков с запаздыванием общеобразовательной цифровой подготовки. Это создаёт разрыв между ранним фактическим погружением несовершеннолетних в цифровую среду и формированием цифровых компетенций со стороны института образования, что усиливает риски цифровой социализации. При этом сохраняется значимая роль семьи как агента контроля и сопровождения цифровой активности российских подростков, и это отличает нас от тех стран, где подростки обладают

большей цифровой автономией. Кроме того, не стоит забывать культурное и территориальное разнообразие условий цифровой социализации подростков в России. В разных регионах страны нет монолитности и единообразия влияния цифровизации на детство и социализацию. Это создаёт разные стартовые возможности для цифровой социализации.

Несколько ключевых направлений, способствующих, на наш взгляд, более высокому уровню цифровой социализации подростков в регионах: развитие инфраструктуры дополнительного IT-образования, интеграция цифровых технологий в образовательный процесс, региональные программы и управленческая поддержка развития цифровой образовательной среды, формирование условий цифрового благополучия семьи и детства, укрепление корпоративно-государственного партнёрства в реализации федеральных цифровых проектов на местах. Высокий уровень цифровой социализации в условиях развития ИИ, по-видимому, будет обусловлен не отдельными инициативами, а системной реализацией цифровой политики на федеральном и региональном уровнях.

По всей вероятности, прогнозируя влияние ИИ, можно прежде всего ожидать дальнейшего усиления роли цифровой среды как ведущего пространства социализации подростков. При этом возраст начала цифровой социализации будет снижаться. Следующий тренд связан с усилением роли искусственного интеллекта как нового инструмента социализации, который станет посредником во всех видах деятельности. Также усилится влияние цифровых платформ, блогеров и алгоритмов, которые будут всё в большей степени конкурировать с традиционными институтами – семьёй и школой. Можно прогнозировать рост значимости цифровой грамотности и критического мышления как ключевых условий безопасной социализации. Это будет сопровождаться усилением роли государства и образовательных институтов в регулировании цифровой среды и формировании цифровых компетенций.

Мы полагаем, что в условиях развития искусственного интеллекта целенаправленно должны формироваться, в первую очередь, умение оценивать достоверность и релевантность сгенерированного контента; понимание ограничений ИИ; умение распознавать манипулятивный и искажённый контент. На базе критического мышления и цифровой осведомлённости необходимо развивать такие компетенции цифровой грамотности, как: базовое понимание принципов работы алгоритмов и генеративных моделей, навыки промптинга, осознание правовых и этических аспектов использования ИИ. Феномен ИИ трансформирует традиционные механизмы интернализации цифровых норм и ценностей: когда алгоритмы персонализированно «подбирают» контент, происходит смещение от коллективно заданных норм к персонализированным. Посредством алгоритмов формируется «структурированная реальность» подростка, персонализированные рекомендации усиливают уже существующие установки, ограничивая разнообразие ценностных моделей. То есть можно говорить о формировании алгоритмически опосредованной интернализации, при которой часть функций традиционных агентов частично перехватывается цифровыми системами. При этом можно отметить сохранение роли традиционных агентов, что не отменяет классические механизмы социализации.

Используя элементы искусственного интеллекта, подростки могут развивать свои коммуникативные возможности, находить ответы на интересующие вопросы в рамках образовательного процесса, получать информацию как набор полезных советов в повседневной деятельности (как ухаживать за домашними животными/растениями, рецепты приготовления блюд, познание окружающего мира и т. п.), визуализировать презентации, осваивать иностранный язык, обращаться к ИИ-репетиторству, профориентации и т. д. Важно при этом научиться соблюдать меру в использовании ИИ – не подменять живое общение исключительно виртуальным; критично относиться к получаемой информации и понимать, что машина (как, впрочем, и человек), наряду с полезными, может дать вредные советы, ошибиться или подстроить свой ответ под запрос; не злоупотреблять возможностями ИИ в учебном поиске и решении задач, чтобы не ослабить собственный когнитивный потенциал и не попасть в ловушку алгоритмической зависимости; не отождествлять искусственный интеллект с человеческим – скорость ответа ИИ несоизмеримо выше, но полученный ответ всё-таки лучше

уточнить у значимых взрослых (родители, педагоги и др.); не раскрывать конфиденциальную информацию и не выкладывать персональные данные в Интернет и т. д. Особенно важен контекст применения ИИ, например, его адаптивные, персонализированные возможности, которые могут сыграть позитивную роль для подростков с ограниченными возможностями здоровья, могут оказаться избыточными и необоснованными для основной массы несовершеннолетних пользователей.

Очевидно, что оправданные рамки применения ИИ способны предложить подросткам лишь заинтересованные, компетентные, ответственные за их успешную социализацию взрослые. Технически они могут привлечь функции цифрового родительского контроля по времени использования и контенту информации, осуществить блокировку отдельных сервисов. Но наиболее созидательны, бесспорно, не столько ограничения и изоляция от нейросетей, сколько аккуратный, ненавязчивый мониторинг цифровой активности, последующего эмоционального состояния и построение доверительного диалога с детьми, чтобы объяснить им все достоинства, ограничения, недостатки и опасности неправильного использования искусственного интеллекта.

Ключевыми условиями развития цифровой грамотности подростков станут владение цифровыми ресурсами, соответствующие образовательные программы, участие семьи в усвоении цифровых норм и ценностей, пребывание подростков в конструктивной онлайн-среде, позитивное к ней отношение, формирование безопасных навыков цифрового взаимодействия, институциональный и самоконтроль цифровых сервисов, основанные на результатах регулярных исследований и совершенствовании программ по работе с подростками, направленные на развитие их цифрового просвещения и воспитания, создание комплекса практических рекомендаций, нацеленных на повышение квалификации преподавателей и разработчиков учебных материалов для несовершеннолетних в области их цифровой грамотности.

Этапы цифровой социализации должны пройти также те значимые взрослые, кто является субъектами цифровой социализации подростков (родители, учителя, организаторы работы с молодежью и др.). Друзья, семья, школа и государство – доминирующие агенты цифровой социализации подростков, которые конструируют цифровую осведомлённость, а также помогают с адаптацией к условиям цифрового общества и интеграцией в него. Представляется, что результаты релевантных социологических исследований роли ИИ в цифровой социализации подростков могут быть использованы для школ и других учебных заведений, учреждений культуры, семейных служб, организаций для подростков, а также при разработке учебных курсов в высших учебных заведениях и положений социальной политики в области цифровой социализации российских подростков. Исследование стремительной интеграции искусственного интеллекта в жизнь подростков и его воздействия не только помогает выявить проблемы, с которыми сталкивается современное подрастающее поколение, но и предполагает новые технологии поддержки механизмов социализации.

Список литературы

1. Вдовина М.В. Программа социологического исследования отказа детей от родителей в Республике Мордовия / М.В. Вдовина // XXVIII Огаревские чтения: материалы науч. конф. в 3-х частях. – Ч. 3. – Саранск, 1999. – С. 220–222. EDN ZCMAMP

2. Вдовина М.В. Предпосылки к отказу детей от родителей в современных семьях за рубежом / М.В. Вдовина // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск, 2000. – С. 206–208. EDN CSVVLW

3. Вдовина М.В. Социальная работа с семьей: подготовка специалистов / М.В. Вдовина // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – №4. – С. 63–68. EDN JJSCFV

4. Вдовина М.В. Управление цифровой социализацией подростков на муниципальном уровне / М.В. Вдовина // Афанасьевские чтения: сб. науч. тр. XXII Междунар. конф. «Личность, семья, общество: ценностная среда развития в контексте современных технологий». – М., 2025. – С. 145–155. EDN NMWHLD

5. Вдовина М.В. Роль искусственного интеллекта в цифровой социализации: угрозы и перспективы для подростков / М.В. Вдовина, Е.В. Ускова // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: сб. докладов VII Всерос. социолог. конгресса. – М., 2025. – С. 1625–1628. EDN TYGQMI

6. Ускова Е.В. Государство как агент цифровой социализации подростков / Е.В. Ускова, М.В. Вдовина // Социальная жизнь в оценках молодых социологов: сб. ст. студентов и молодых ученых VIII Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2024. – С. 306–308. EDN XTFBKW

7. Ускова Е.В. Цифровая социализация российских подростков: автореф. дис.... канд. социол. наук / Е.В. Ускова. – Саранск, 2026. – 29 с.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования: утв. приказом Минобрнауки России №413 от 17.05.2012. – URL: https://gimn1klgd.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/FGOS_SOO_s_01.09.2024.pdf (дата обращения: 29.07.2026).

Немков Тимофей Алексеевич
студент

Научный руководитель
Магомедрасулова Эмилия Закировна
руководитель РОП

Научный руководитель
Руденок Василий Петрович
канд. полит. наук, профессор

НОУ ВО «Московский технологический институт»
г. Москва

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕСТИЖА «СИНИХ ВОРОТНИЧКОВ»

Аннотация: *статья посвящена трансформации социальной иерархии под влиянием экспансии искусственного интеллекта и дефицита специалистов физического труда. Проблематика работы лежит в области переоценки статуса ручного труда в постиндустриальном обществе. Используя диалектический подход и метафору «Новой материальности», автор анализирует три структурных противоречия: оппозицию цифровой уязвимости и физической невоспроизводимости; конфликт между символической властью и властью над материальной действительностью; парадокс «проклятия комфорта». В качестве результатов обосновывается гипотеза о сдвиге от «экономики знаний» к «экономике касаний» и формировании нового элитного слоя технических специалистов. Делается вывод, что ренессанс рабочих профессий является адаптацией к миру избыточной и дешевеющей цифровой информации.*

Ключевые слова: *рынок труда, прекаризация, синие воротнички, искусственный интеллект, автоматизация, тактильный поворот, экономика касаний, материальность, новое ремесленничество, социальная стратификация, пространственный интеллект.*

Введение. Метафора «Новой материальности»

Представьте себе небоскреб. Еще вчера вершину социальной пирамиды венчали интеллектуалы и менеджеры с верхних этажей. Их труд был эфемерен: потоки данных, стратегии, презентации. Нижние этажи занимали те, кто обеспечивал жизнедеятельность здания – электрики, сантехники, сварщики. Сегодня фундамент и коммуникации оказались ценнее остекленных фасадов. Мы входим в эпоху «Новой материальности» – мира, где способность взаимодействовать с физической реальностью становится более защищенным и статусным активом, чем генерация цифрового контента.

Пока «белые воротнички» наблюдают, как нейросети пишут код и создают дизайн быстрее человека, «синие воротнички» переживают ренессанс. Их работа стала не просто востребованной – она стала золотой. Почему общество, тридцать лет грезившее цифровым прорывом, разворачивается обратно к труду, пахнущему машинным маслом? Ответ кроется в трех взаимосвязанных противоречиях современной реальности.

Противоречие первое. Цифровая уязвимость против физической невоспроизводимости

Первое противоречие лежит в плоскости автоматизации. Долгое время считалось, что прогресс бьет по низкоквалифицированному физическому труду. Реальность опровергает этот тезис: под ударом генеративного ИИ оказалась высокоинтеллектуальная рутина – обработка данных, бухгалтерия, юриспруденция начального уровня. Офисный сотрудник выполняет функции «цифрового посредника», и именно посредник устраняется алгоритмом в первую очередь.

Минус для офисного планктона очевиден: их компетенции дематериализованы. Текст, изображение, строка кода – это биты, которые нейросеть воспроизводит мгновенно. Плюс ручного труда – в онтологическом свойстве сопротивления материала. Искусственный интеллект остается бестелесным облаком и не может заменить проржавевшую муфту в подвале. Роботы прекрасны в презентациях, но их автономность и мелкая моторика далеки от массового внедрения в хаотичную среду реальной квартиры. Сложность ремонтных работ, где каждый случай – не алгоритмизируемая задача, а «грязная» проблема, требующая интуиции, создала непреодолимый барьер для ИИ.

Отсюда экономический парадокс: предложение на рынке интеллектуального труда глобально и избыточно (конкурент – фрилансер из Индии или ChatGPT), а предложение локального ручного труда стабильно или падает. Сантехник, в отличие от копирайтера, существует только в конкретной точке пространства-времени. Его нельзя «скачать» или передать по сети. Эта физическая неуязвимость формирует базис для роста стоимости рабочего часа мастера, сопоставимого с гонорарами врачей и юристов.

Однако экономическая незаменимость – лишь фундамент более глубокого социального сдвига, затрагивающего природу власти и статуса.

Противоречие второе. Символическая власть против власти над реальностью

Если первое противоречие фиксирует материальную незаменимость, то второе затрагивает культурное доминирование. С эпохи Просвещения символическая власть (создание смыслов, брендов, кодов) ценилась выше власти над материей. Но мы наблюдаем кризис тотальной симуляции. Когда цифровой мир перенасыщен фейками и сгенерированным контентом, доверие к нематериальному падает, возникает сенсорный голод по подлинности.

В этом – минус «белых воротничков»: их деятельность часто лишена видимого результата. Составляя сотую презентацию, сотрудник не видит материализации своего труда, что порождает отчуждение. Результат же труда сантехника или каменщика мгновенен и зрим: появляется вода в кране, стоит стена. Эта завершенность дает психике чувство контроля над хаосом.

Неожиданный сдвиг происходит на уровне статуса. В мегаполисах мира формируется новая элита мастеров – часто людей с высшим образованием, превративших ремесло в высокотехнологичный бизнес. Возникает новый тип социального доминирования: топ-менеджер нефтяной компании абсолютно беспомощен перед прорывом стояка в три часа ночи и полностью зависит от человека с разводным ключом. Власть над жизнеобеспечением оказывается сильнее корпоративной власти. Разрушается и монополия диплома: сертификат сварщика становится гарантией не просто дохода, а незаменимости. Этот культурный разворот накладывается на технологические изменения среды обитания, порождая третье противоречие.

Противоречие третье. Проклятие комфорта и витальная сложность

Третье противоречие раскрывает технологическую ловушку повседневности – «проклятие комфорта». Казалось бы, развитие умного дома избавляет от бытовых забот, делая ненужным электрика. Парадокс в том, что чем сложнее и автоматизированнее среда, тем выше потребность в высококвалифицированных ручных специалистах. Современный дом – узел инженерных систем: тепловые насосы, солнечные панели, «умный свет». Когда эта киберфизическая система выходит из строя, требуется человек, понимающий одновременно

электричество и сетевые протоколы. Знания макроэкономики бесполезны перед мигающим кодом ошибки на котле.

Плюс ручного труда переходит в иную плоскость: это уже не просто починка, а комплексный инжиниринг жизненного пространства. Спрос на специалистов, способных обслуживать «нервную систему» здания, растет экспоненциально. Это требует пространственного интеллекта и системного мышления – комбинации, которой нет у ИИ.

Неожиданный поворот заключается в кадровой структуре. Исчезает средний класс старых офисов, но формируется средний класс технической элиты. Если карьера офисного работника часто заканчивается после 45–50 лет, то мастер-профессионал с возрастом только наращивает стоимость: его тактильная память и насмотренность не алгоритмизируются. Возраст из недостатка превращается в преимущество. Меняется и демографическая психология: родители начинают понимать, что работа руками может оказаться стабильнее и здоровее психосоматического выгорания в опен-спейсе под угрозой увольнения из-за внедрения очередной ERP-системы.

Заключение. Эпоха тактильного поворота

Возвращение престижа рабочих профессий – не ностальгический реванш, а рациональная адаптация к миру, где цифра стала дешевой, а реальность – дорогой. Происходит сдвиг от экономики знаний к экономике касаний. Метафора небоскреба обретает ясность: верхние этажи интеллектуального труда становятся зоной турбулентности, а фундамент физического мира – тихой гаванью.

Для образования это сигнал к деколонизации сознания от стереотипов 90-х годов и развитию программ «нового трудового обучения», где инженерия и ремесло сплетены воедино. Общество «синих воротничков» – это мир людей с золотыми руками, получающих за мастерство и моральное, и материальное признание. Парадокс разрешился: чтобы оставаться человеком в эпоху ИИ, нужно перестать конкурировать с машиной в вычислениях и начать делать то, что машина не способна – ответственно менять реальность вокруг себя.

Список литературы

1. Грабер Д. Бредовая работа: трактат о распространении бессмысленного труда / Д. Грабер. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.

2. Кроуфорд М. Ум как мотор: ценность ручного труда в современном мире / М. Кроуфорд. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.

3. Сасскинд Д. Будущее без работы: технологии, автоматизация и стоит ли их бояться / Д. Сасскинд. – М.: Individuum, 2023.

4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2007.

5. Autor D.H. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation / D.H. Autor // Journal of Economic Perspectives. – 2015. – Vol. 29. No. 3. – P. 3–30.

Олейникова Олеся Олеговна
студентка
Ступина Алёна Александровна
д-р техн. наук, профессор
Потапов Борис Васильевич
д-р техн. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ АВТОМАТИЗАЦИИ РАЗМЕТКИ ДАННЫХ: СИНТЕТИЧЕСКИЕ СРЕДЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИФРОВОГО ТРУДА

Аннотация: *в статье анализируется влияние технологий синтеза данных и доменной адаптации (Domain Adaptation) на структуру рынка цифрового труда и барьеры входа для инновационных стартапов. Показано, что использование физически точных виртуальных сред (NVIDIA Isaac Gym) в сочетании с состязательными нейросетями (DANN) позволяет достичь точности классификации редких событий в 87,1% без привлечения ручного труда разметчиков. Обосновывается тезис о том, что синтетические данные становятся новым экономическим активом, способствующим демократизации ИИ, снижению эксплуатационных рисков и трансформации профессии «оператор данных» в «инженера симуляций».*

Ключевые слова: *социология труда, цифровая экономика, синтетические данные, человеческий капитал, доменная адаптация, инновационное предпринимательство, автоматизация.*

Введение. Фундаментальной проблемой современной цифровой экономики является «кризис разметки»: создание качественных датасетов для обучения ИИ требует колоссальных затрат ручного труда, что порождает новую форму социального неравенства – концентрацию технологий у корпораций, способных оплачивать краудсорсинговые платформы. В сферах, связанных с экстремальными ситуациями (биомеханика аварий, редкие патологии, критические отказы техники), сбор реальных данных физически невозможен или этически неприемлем [1]. Возникает феномен «длинного хвоста» (long-tail distribution), где 90% данных описывают рутину, а критически важные 10% отсутствуют. Цель работы – оценить социально-экономический потенциал инженерного конвейера, обеспечивающего *zero-shot transfer* (перенос без примеров) моделей из синтетических сред в реальность.

1. *Методология*. От ручного труда к физическому моделированию – вместо найма тысяч разметчиков предлагается генерация синтетических данных на платформе NVIDIA Isaac Gym. Симулятор воспроизводит лагранжеву динамику твердых тел, гравитацию и инерцию, автоматически выдавая идеальные ground-truth аннотации (3D-координаты, оптический поток, фазы движения) [2]. Для преодоления разрыва между симуляцией и реальностью (Sim-to-Real Gap) применяются следующие методы.

1. *Визуальная доменная рандомизация*: случайное изменение освещения, шумов сенсоров и текстур, что учит ИИ игнорировать поверхностные признаки.

2. *Состязательная адаптация (DANN)*: использование слоя инверсии градиентов (GRL), который заставляет сеть извлекать инвариантные признаки, общие для синтетики и реальности [3].

Таблица 1

Социально-экономическое сравнение парадигм создания датасетов

Критерий	Традиционный подход (Ручная разметка)	Синтетический подход (Симуляция + DANN)
Трудоемкость	Высокая (тысячи человеко-часов)	Нулевая (автоматическая генерация)
Доступ к редким событиям	Ограничен (ожидание инцидентов)	Абсолютный (моделирование любых сценариев)
Стоимость 10k примеров	> $50,000 (аутсорсинг)	< $500 (облачные GPU-вычисления)
Влияние на рынок труда	Создание прекариата (низкооплачиваемые кликеры)	Создание высокотехнологичных рабочих мест (инженеры физики)
Этика и приватность	Риски утечки биометрии и ПДн	Полное отсутствие реальных людей в кадре

2. *Эмпирические результаты*. Демократизация доступа к ИИ Эксперимент по классификации 10 фаз биомеханического движения (включая такие редкие, как «экстремальная гиперэкстензия» или «рывок») показал, что модель ViT-B/16, обученная *исключительно* на синтетике с применением DANN, достигает сбалансированной точности (BAcc) 87,1% на реальных видеопотоках. Оракул (модель, обученная на дорогих реальных данных), показывает 92,4% [4].

3. *Обсуждение*. Трансформация человеческого капитала Внедрение синтетических данных ведет к структурным сдвигам на рынке труда.

1. *Исчезновение «цифровых потогонен»*: спрос на низкоквалифицированных операторов разметки (data labelers) будет падать. Это позитивный социальный эффект, освобождающий ресурсы от монотонного труда.

2. *Рост спроса на «Инженеров симуляций»*: возникает потребность в специалистах на стыке физики, математики и социологии, способных проектировать виртуальные миры, адекватные реальности. Это стимулирует развитие STEM-образования.

3. *Снижение барьеров для МСБ*: малый бизнес может позволить себе внедрение систем компьютерного зрения для контроля качества или безопасности, не инвестируя миллионы в сбор данных. Это *оздоравливает* конкурентную среду [5].

Заключение. Синтетические данные и методы доменной адаптации перестают быть узкоспециальным инженерным инструментом и становятся макроэкономическим фактором. Они решают проблему дефицита данных, снижают стоимость инноваций и трансформируют рынок труда, заменяя эксплуатацию рутинного человеческого интеллекта машинным моделированием физических законов. Государственная политика в сфере ИИ должна стимулировать создание открытых библиотек физических симуляторов как инфраструктуры национального значения.

Список литературы

1. Потапов Б.В. Применение методов машинного обучения для прогнозирования прочностных характеристик горных пород / Б.В. Потапов // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №2. – С. 406–411. EDN VSQHDC

2. Прогнозирование тепловых процессов в подземных горных сооружениях с использованием рекуррентных нейронных сетей / М.В. Журавлев, О.А. Антамошкин, М.Н. Степанцевич, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №3. – С. 205–211. EDN LZFRCG

3. Пчелинцева С.В. Применение методов компьютерного зрения для автоматизированной диагностики деформаций и разрушений горных выработок / С.В. Пчелинцева, М.В. Журавлев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 359–364. EDN KOUAZF

4. Shcherban P.S. Detection of defects in steel oil and gas operating pipelines using a neural network, based on the results of optical diagnostics / P.S. Shcherban, B.V. Potapov, A.N. Karagadyan // Research on Engineering Structures and Materials. – 2025. – P. 3051–3068.

5. Обнаружение аномалий в данных промышленных сенсорных систем добычи на основе алгоритмов кластеризации / С.О. Курашкин, Л.В. Красовская, М.В. Журавлев, Т.В. Бирюкова // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 382–388. EDN WMCTCH

6. Применение методов машинного обучения для автоматизированной классификации магнитных аномалий... / В.С. Тынченко, М.В. Журавлев, Н.А. Ягудаева [и др.] // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 108–119. DOI 10.46698/VNC.2026.48.42.001. EDN CBGZAI

7. Kazakovtsev D.V. Intelligent Sensor Data Processing Methods for Real-Time Control of Mechatronic Manufacturing Systems / D.V. Kazakovtsev, B.V. Potapov // AISEI. – IEEE, 2026. – P. 1230–1235.

8. Stepantsevich M.N. Federated Learning for Privacy-Preserving Energy Consumption Prediction in Smart Buildings / M.N. Stepantsevich, B.V. Potapov // AISEI. – IEEE, 2026. – P. 1182–1187.

9. Функциональное моделирование бизнес-процессов как основа проектирования информационных систем предприятия / М.В. Журавлев, В.Ю. Панченко, С.В. Кукарцева, А.Р. Глинская // Социально-экономические процессы современного общества. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 163–167. EDN LVNZDY

Петошина Светлана Игоревна
канд. филос. наук, доцент
Тегалева Татьяна Дмитриевна
магистр, старший преподаватель

ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
г. Мурманск, Мурманская область

DOI 10.31483/r-168808

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРАКТИКЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Аннотация: *в статье рассматривается межпоколенческое взаимодействие в практике студенческого добровольчества как способ социальной поддержки граждан и передачи нравственных и социальных ценностей. Представлены различные форматы межпоколенческого добровольчества: наставничество и передача навыков; цифровая социализация; сохранение истории и укрепление связи поколений; «студенты – родителям» как обмен ресурсами; семейное добровольчество – через проекты, реализуемые студенческим объединением Волонтерский отряд «Соционом» Мурманского арктического университета. В работе отмечен двусторонний эффект практик с положительным влиянием на представителей разных поколений, включая самих студентов-волонтеров. Сделан вывод о значимости студенческих волонтерских объединений как субъектов социальной поддержки и институтов межпоколенческой коммуникации в регионе.*

Ключевые слова: *поколение, межпоколенческое взаимодействие, добровольчество (волонтерство), студенческое добровольчество (волонтерство), студенческая молодежь, пожилые люди, семья, семейное добровольчество (волонтерство), Мурманская область.*

Статья подготовлена в рамках инициативной НИОКР МАУ 124041100095-5.

В академическом дискурсе исследователи до сих пор не пришли к единому содержанию понятия «поколение», что отражается в многообразии его трактовок в научных трудах [6, с. 28]. Так, И.М. Ильинский выделяет разные подходы к понятию «поколение» – с точки зрения жизненного цикла, генеалогии – отношения родителей и детей, а также общественно-исторической структуры группового поведения [2, с. 48]. А.Н. Афанасьева определяет поколение как совокупность людей, близких по возрасту и сформировавшихся в один исторический период, с характерными демографическими чертами [1, с. 21]. Для гуманитарных исследований предпочтительнее использовать понятие «универсального поколения», основанного на возрастном критерии, идентифицируемого по году рождения: такой подход опирается на единые возрастные и исторические критерии [6, с. 30].

Добровольчество формирует социально значимую модель поведения молодежи и развивает гуманистические ценности. Согласно Федеральному закону «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», это «…добровольная деятельность в форме

безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в общественно-полезных целях» [7]. Среди направлений – социальное, экологическое, культурное, спортивное, образовательное, чрезвычайное, цифровое и другие виды волонтерства; по целевой аудитории преимущественно выделяют добровольчество среди молодежи и среди граждан пожилого возраста (серебряное волонтерство). Ассоциация волонтерских центров объединяет 125 организаций, среди которых благотворительные фонды, НКО, волонтерские центры университетов и колледжей, ресурсные центры и государственные учреждения [3, с. 11].

Значительную роль в жизни общества имеет студенческая молодежь: «...это специфическая социальная группа, которая чутко реагирует на меняющиеся общественные настроения и процессы, в большей степени расположена к нововведениям, достаточно быстро адаптируется к новым условиям, имеет больше шансов на реализацию активной жизненной стратегии и достижения успеха» [5, с. 3]. Благодаря Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» существует правовая основа для включения добровольческой деятельности в воспитательную и внеучебную работу вузов [8]. Добровольческие объединения при вузах позволяют студентам проявлять социальную активность и приобретать опыт, а вузам – реализовывать внеучебную деятельность и формировать профессиональные компетенции студентов. Поддержка вузами таких объединений решает сразу несколько задач: формирует «мягкие навыки», связывает волонтерство с воспитательной работой, позволяет реализовывать социальные проекты и укрепляет репутацию.

Примером устойчивой практики является Волонтерский социальный отряд «Соционом» Мурманского арктического университета, объединяющий студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Социальная работа» и «Организация работы с молодежью», более 10 лет находящийся в статусе студенческого объединения. Одна из его ключевых функций – обеспечение межпоколенческого взаимодействия в социально значимых проектах. Такое взаимодействие – это практики, где участники разных возрастов совместно решают задачи и взаимно влияют друг на друга, создавая положительный социальный эффект. При рассмотрении данного явления тесно пересекаются социологический и социально-педагогический подходы к взаимодействию поколений как способ передачи опыта и как ресурс социализации обеих сторон.

Недостаточная изученность моделей межпоколенческого сотрудничества в условиях студенческих общественных объединений для проработки ресурсной базы таких практик обусловливает необходимость исследования, где целью становится выявление и описание действующих форматов межпоколенческого взаимодействия студентов-волонтеров с пожилыми людьми и семьями (на примере Мурманской области) и оценка их эффектов.

В результате изученного опыта деятельности Волонтерского отряда «Соционом» нами выделены следующие форматы межпоколенческого добровольчества:

- наставничество и передача навыков;
- цифровая социализация;
- сохранение истории и укрепление связи поколений;
- «студенты – родителям» как обмен ресурсами;
- семейное добровольчество.

Наставничество и передача навыков находят реализацию в модели «студент – пожилой человек», пересекаясь с форматом цифровой социализации старшего поколения силами студентов-волонтеров.

Примером реализации выступает один из самых долгосрочных региональных социально значимых проектов, в котором принимают участие студенты-волонтеры с 2013 года, – «Сосед мудрого возраста». Цель проекта строится на обучении людей пожилого возраста основам компьютерной грамотности, профилактике интернет-мошенничества, повышении финансовой грамотности населения. Занятия проходят дважды в неделю в течение полутора месяцев и включают теорию и практику: пожилые люди знакомятся с Интернетом, осваивают системы Windows и Microsoft Office, изучают текстовые редакторы, учатся пользоваться Госуслугами, практикуются в поиске необходимой информации в социальных сетях на

компьютерах, планшетах и телефонах. По итогам слушатели получают свидетельства. Социальный эффект заключается в том, что это не только однонаправленная помощь «сверху вниз», но и взаимная социализация: пожилые люди становятся самостоятельнее, снижают риски стать жертвой мошенников, укрепляют социальные связи и повышают уверенность во взаимодействии с компьютером, гаджетами и Интернетом; студенты развивают эмпатию, умение понимать реальные потребности людей старшего поколения, учитывать возрастные особенности, осваивают навыки адаптации информации под старшую аудиторию.

Сохранение истории и укрепление связи поколений может осуществляться через бытовые действия. В качестве примера отметим проект «Спасибо вам, ветераны», целью которого является социальная помощь в сфере оказания бытовых услуг и эмоциональной поддержки людей старшего поколения, выявление одиноких людей пожилого возраста, нуждающихся в социально-бытовой помощи и общении для дальнейшего взаимодействия с ними. Проект является наглядным примером, как простая бытовая помощь (уборка, покупка продуктов, приготовление еды) становится поводом, чтобы услышать историю человека и дать понять, что его жизнь замечают, а также ценят его роль в исторических событиях. Эффект для пожилых граждан – снижение одиночества, стабильность быта, сохранение автономии и достоинства при уважительной организации помощи. Для студентов – это практика развития эмпатии, профессиональных компетенций, оценки потребностей и преодоления возрастных стереотипов. С 2012 года проект стал более масштабным и, помимо ежегодных поздравлений ветеранов накануне Дня Победы – 9 мая, обогатился новыми формами и направлениями. Студенты волонтерского отряда присоединились к акциям всероссийского значения: «Георгиевская ленточка», «Письмо Победы», «Бессмертный полк», «Поезд Победы»; добровольно участвуют в организации мероприятий в Долине Славы (мемориальный комплекс в Мурманской области, посвященный бойцам Красной армии, которые защищали Заполярье в годы Великой Отечественной войны), а также проходят отбор в «Послы Победы» и помогают в проведении парада на Красной площади в Москве.

Формат «студенты – родителям» реализуется в рамках региональной программы «На Севере – жить» и губернаторского проекта «На Севере – малыш». Здесь происходит именно обмен ресурсами: студенты привносят цифровые инструменты, тайм-менеджмент, психологическую грамотность; родители – практический опыт, жизненные ориентиры и понимание реальных трудностей семейной жизни. Студенты (часто ещё без собственных детей) помогают семьям ориентироваться в мерах поддержки, оформлять документы, пользоваться сервисами, участвуют в «Школе будущих родителей». Для семей это снижает бюрократическую нагрузку, укрепляет внутрисемейные связи, формирует устойчивые практики и повышает доверие к социальным институтам. Студенты учатся понимать сложность семейной роли, а их участие в сопровождении семей (консультации, сопровождение в поиске и получении услуг) формирует представление о полном цикле семейной поддержки и понимание места локальных инициатив в региональной повестке.

В настоящее время получает развитие семейное добровольчество – новое направление, в рамках которого в добровольческой деятельности участвуют от двух и более членов одной семьи [4, с. 26]. Семейное добровольчество становится важным инструментом укрепления семейных традиций и ценностей через совместную практику: появляется общая значимая цель, происходит передача нравственных ценностей через действие, создается пространство для обмена опытом и учитываются возрастные возможности каждого члена семьи – представителей разных поколений. Такой формат снижает межпоколенческие барьеры и формирует привычку к социально ответственному поведению, а также приводит к пониманию ценности семьи как оплота взаимоподдержки.

Подводя итог, отметим, что в ходе исследования выявлены и описаны действующие форматы межпоколенческого взаимодействия в практике студенческого добровольчества. К числу устойчивых направлений среди рассмотренных в статье форматов преимущественно относятся просветительские (обучение компьютерной и финансовой грамотности), социальные (бытовая и эмоциональная поддержка людей пожилого возраста, помощь семьям) и аксиологические (сплочение семьи, трансляция ценностей). Представленные форматы

образуют комплексную модель взаимодействия, сочетающую адресную помощь, передачу компетенций, формирование и трансляцию ценностей, и формирование устойчивых социальных связей между поколениями.

Полученные результаты подтверждают потенциал студенческих волонтерских объединений как субъектов социальной поддержки и институтов межпоколенческой коммуникации в региональном измерении.

Список литературы

1. Афанасьева А.Н. Исторический процесс и смена поколений / А.Н. Афанасьева // Преемственность поколений как социологическая проблема / отв. ред. Л.Н. Москвичев. – М., 1973. – С. 20–24.

2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика / И.М. Ильинский. – М., 2001. – 692 с. EDN VSTBQJ

3. Методические рекомендации по формированию добровольческих (волонтерских) центров на базе образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования. – М.: Перо, 2019. – 355 с.

4. Моисеева Ю.С. Семейное волонтерство как направление социально-педагогической работы в школе / Ю.С. Моисеева, Ю.В. Кудинова // Воронежский государственный педагогический университет. – 2023. – №1. – С. 26–30.

5. Николаева А.А. Социальная активность как фактор формирования гражданской идентичности современной российской студенческой молодежи: автореф. дис.... канд. соц. наук: 22.00.04 / А.А. Николаева. – Тула, 2010. – 22 с. EDN QGZJYT

6. Упоров И.В. Поколения и межпоколенческий процесс: методологический аспект / И.В. Упоров // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №11(67). – С. 27–32. DOI 10.24158/fik.2019.11.3. EDN DBRVIN

7. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» №135-ФЗ от 11.08.1995 (ред. от 20.02.2026 №30-ФЗ). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 25.07.2026).

8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 26.07.2026 №259-ФЗ). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 29.07.2026).

Потапова Елена Владимировна
д-р с.-х. наук, канд. биол. наук, профессор
Вологжина Саяна Жамсарановна
канд. геогр. наук, декан
Макаров Алексей Александрович
заведующий лабораторией
Бархатова Оксана Анатольевна
канд. биол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
г. Иркутск, Иркутская область

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ОЦЕНКИ ПОКРЫТИЯ ЗАЩИТНЫХ ЗЕЛЁНЫХ ЗОН ГОРОДОВ

Аннотация: *в статье представлен механизм оценки компонентной структуры зелёных зон населённых пунктов, как часть алгоритма их исследования. Предложены авторские способы и подходы как сбора основного материала, так и обобщения данных для оптимизации перспектив социально-экономического использования.*

Ключевые слова: *использование земель, метод изучения, озеленение, застройка, устойчивое развитие.*

Территории вокруг населённых пунктов являются наиболее востребованными для различных вариантов эксплуатации. Администрация, застройщики, население принимают иногда необоснованные решения по их использованию, осуществляется самозахват и незаконные виды деятельности, например свалка мусора, в том числе строительного, организация

стоянок транспорта [1]. Помимо этого могут развиваться различные процессы изменения среды, деградация в результате переэксплуатации, в том числе неконтролируемой рекреации, сведение лесов и живого напочвенного покрова, заболачивание, эрозия и др. Именно здесь возникает больше всего вопросов оптимизации землепользования, учитывающей перспективы развития города и региона, принимающей во внимание мировые тенденции по обеспеченности жителей озеленением и охрану окружающей природной среды. Городские леса, парки и насаждения играют ключевую роль в повышении качества городской жизни, но их преимущества по-прежнему не доступны всем в равной степени. Лесопарковые зелёные пояса являются новой формой реализации права городских жителей на благоприятную окружающую среду [2]. Например, в зоне лесостепи к функционированию лесопарковых зелёных поясов предъявляются важные биоклиматические и природоохранные требования: защита от неблагоприятных ветров; защита от пыльных бурь, суховеев, от избыточной инсоляции, закрепление склонов, оврагов, почв. Они должны нести, особенно на региональном и местном уровне, значительную экосистемную нагрузку [3]. В 2016 году Президент России В. Путин подписал закон (называемый иногда «о зелёном щите»), который ограничивает вырубку насаждений вокруг городов; в соответствии с ним значительная часть территорий, окружающих населённые пункты, должна быть выделена и учтена как леса первой категории, основная часть защитных зон. В зелёный пояс могут включаться территории, на которых расположены леса, и территории лесного фонда в границах городских населённых пунктов, которые прилегают к указанным лесам или составляют с ними единую естественную экологическую систему [4]. Закон предусматривает создание лесопарковых поясов – зон с ограниченным режимом природопользования и иной хозяйственной деятельности. Соответствующие изменения внесены в №7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Кодекс об административных правонарушениях и другие законы.

Для принятия обоснованных решений, направленных на безопасное, рациональное, эффективное и устойчивое развитие пригородных территорий, необходимо качественное, полноценное и достоверное научно-исследовательское обеспечение. В результате сбора информации по состоянию, занятости, покрытию территорий защитных зелёных зон городов авторами разработана методика по оценке их компонентной структуры. Она включает в себя следующее.

1. По аналитической части:

− законодательство РФ – Земельный и Лесной кодекс, ГОСТ 17.5.3.01–78 «Охрана природы. Земли. Состав и размер зеленых зон городов», международные нормативы и региональные регламенты;

− материалы территориального планирования (Генеральный план застройки);

− существующие опубликованные картографические источники;

− информацию из Лесного плана для лесничеств вокруг поселения;

− данные Публичной кадастровой карты с выделением категории земель и собственников в границах зелёной зоны;

− сведения администрации муниципальных образований о предполагаемом использовании территории расчётной зелёной зоны.

2. По практической части.

Таблица по расчёту размера (площади и ширины).

Сбор данных дистанционного зондирования. Например, для г. Свирска изучено 24 снимка программы Google Earth с 1985 года, из которых 9 фактически непригодны для использования из-за облачности и фрагментарности, в том числе 15 приходятся на 2016 и 2018 годы (7 и 8 соответственно). Материалы из Яндекс-карты (на дату выполнения) тоже не пригодны. Для дальнейшего анализа отобрано 11 снимков. По г. Ангарску отсмотрены 111 космоснимков. Для 22 городов Иркутской области изучено почти тысяча доступных данных дистанционного зондирования Земли и картографической информации.

Заполнение базы, включающей шесть основных страниц Excel, и следующие пункты: 1 страница: о городе (площадь, население, границы и их изменения, лесорастительная зона,

промышленные объекты, особенно первого класса опасности (их наличие требует увеличения площади насаждений) и другие, в основном морфометрические и по озеленению города и пригорода); 2 страница: наличие генерального плана застройки, показателей об озеленении на сайте администрации муниципального образования и других документов – законодательства, статей, публикаций по вопросу; 3 страница: информация публичной кадастровой карты по территории, разделённой по необходимости на части, как минимум на восток, юг, запад, север (например, для Иркутска до 32 румбов); 4 страница: отчёт по снимкам по датам с указанием пригодности; 5 страница: компоненты, отмеченные в границах рассчитанной зелёной зоны, также разбитые по сторонам света на 32 румба. Отдельно отмечалась примерная доля древесно-кустарникового озеленения, но без принадлежности землям 1–3 категории (сельскохозяйственным, населённых пунктов и промышленности). Стандартный набор элементов включал поля, реки, застройку (дома, дороги, другое), заболоченные и оголённые участки; 6 страница содержала сведения по проведению полевых работ.

План, механизм, комплекс, схемы и бланки полевых работ составляли отдельный набор файлов и документов, также разработанных авторами.

Иллюстративный материал представлял собой общую схему от руки города и его окружения, где были отмечены некоторые важные элементы – крупные объекты застройки, рекреации, ландшафта, общая конфигурация, карта-схема с границами защитной зоны на наиболее удачном спутниковом снимке, однако не обязательно свежем.

Статистический анализ фактически не использовался ввиду неоднородности выборки и бессмысленности получения обобщённых выводов.

Дополнительно оценивалось состояние некоторых участков, их нарушения и формы разрушения, деградации – класс гемеробности [5]. Весь собранный материал может быть основой социально-экономического развития территории, начиная от анализа принадлежности земель, определения их экономической ценности, затратности содержания и планов по развитию, в том числе в контексте изменения законодательства России и её международных обязательств. Отмеченные причины проблем создания, содержания и контроля за защитными зонами являются обычными для насаждений – иные перед ними приоритеты, естественная убыль деревьев и кустарников, рубки и пожары, сведение при проведении хозяйственных и иных работ, недостаток финансирования, но удручающим считаем непонимание всех уровней социума, в том числе власти, ценности и значимости этих объектов природной среды. Уничтожение значительной части растительности связано с неэффективным управлением и незаконной эксплуатацией. Для устойчивого социально-экономического развития этих территорий необходима актуализация, в том числе местного законодательства, определение участков, отходящих непосредственно к защитной зоне – лесам первой категории, и создание лесных насаждений при их отсутствии.

Список литературы

1. Бляхер Л.Е. «Острова в тайге»: формы (ре)освоения «пустого пространства» на востоке России / Л.Е. Бляхер, К.В. Григоричев // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2020. – Т. 2. №97. – С. 158–181. DOI 10.30570/2078-5089-2020-97-2-158-181. EDN QSBBGA

2. Доклад ООН-Хабитат: города неуклонно лишаются зеленых насаждений. – URL: https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458036 (дата обращения: 27.07.2026).

3. Швецов А.В. Оценка и зонирование пригородных территорий в целях их устойчивого развития / А.В. Швецов, Б.Е. Бондарев, С.И. Носов // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – №12 (ч. 1). – С. 175–186. DOI 10.17513/vaael.3152. EDN NNSJLG

4. Методический подход к созданию зеленого лесопаркового пояса городских агломераций / Н.Н. Харченко, С.С. Морковина, Н.Е. Косиченко, М.В. Скрынникова // Лесотехнический журнал. – 2017. – Т. 7. №4(28). – С. 122–133. DOI 10.12737/article_5a3cf4403ea445.07775744. EDN OAZNFY

5. Соколова О.Е. Методика определения гемеробности озеленённых территорий / О.Е. Соколова, Е.В. Потапова // Вестник ЗабГУ. – 2018. – Т. 24. №3. – С. 26–31. DOI 10.21209/2227-9245-2018-24-3-26-31. EDN XQDSFN

Руденок Василий Петрович
канд. полит. наук, профессор
Чебуняев Артём Олегович
бакалавр, студент

НОУ ВО «Московский технологический институт»
г. Москва

КУРИТЕЛЬНЫЕ СМЕСИ «СПАЙС»: ОПАСНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА

Аннотация: *статья посвящена проблеме употребления курительных смесей как одной из актуальных угроз здоровью населения, особенно среди молодёжи. Описаны основные психические и соматические последствия употребления: от когнитивных нарушений и тревожных расстройств до тяжёлых соматических поражений и риска летального исхода. Особое внимание уделяется внешним признакам употребления, значимым для раннего выявления проблемы в семье и образовательной среде. Сформулированы практические рекомендации для родителей и педагогов по профилактике, тактичному информированию и своевременному обращению за специализированной помощью.*

Ключевые слова: *профилактика наркомании, подростки, родительский контроль, педагогическая профилактика.*

Употребление курительных смесей «спайс» наносит невосполнимый вред здоровью, их оборот в Российской Федерации запрещён (ст. 228 УК РФ). Данный материал носит исключительно информационный (или профилактический) характер и не является пропагандой.

1. Что такое курительные смеси и их влияние на организм.

Курительные смеси («Спайс», «Spice/Smoke» и др.) – это смеси трав, в состав которых добавляют психоактивные вещества, чаще всего синтетические каннабиноиды (аналоги ТГК). Их продажа маскировалась под «благовония» и распространялась через интернет.

Изначально при выявлении таких смесей существовала сложность с обнаружением активных веществ: добавлялись балластные компоненты, а состав менялся. В итоге стало известно, что действуют в основном синтетические вещества, а не «растительные» компоненты смеси.

По эффектам курительные смеси могут напоминать действие ТГК, но вопрос о сравнении рисков с марихуаной остаётся крайне проблемным: реакции у разных людей могут существенно отличаться – от сильного возбуждения и психозов до тяжелых соматических реакций и аллергии. Медицинская практика описывает случаи развития психотических состояний, опасного поведения и неблагоприятных исходов.

2. Последствия употребления курительных смесей.

Среди возможных последствий отмечают:

– паранойю, галлюцинации (иногда длительные);
– тревогу, панические атаки;
– тахикардию, проблемы с сердцем;
– тошноту, рвоту, сильные головные боли;
– нарушения координации, речи, мышления;
– поражение почек и другие токсические эффекты;
– обострение/провоцирование психических расстройств.

Употребление может запускать деструктивные изменения в организме: ухудшение внимания и памяти, снижение контроля над эмоциями, рост депрессивных состояний, формирование зависимого поведения. Возможны нарушения иммунитета, гормонального фона, а также более высокий риск тяжелых заболеваний (в т. ч. кардиоваскулярных и онкологических – по совокупности факторов и тяжести токсического воздействия).

Отдельный риск – непредсказуемость состава: производители и «маркетинг» меняют смеси, из-за чего тяжесть эффектов может резко варьировать.

3. Влияние на организм (*психические и соматические проявления*).

Спайс – общее название разных смесей, которые продаются под разными брендами. Состав варьирует: используются различные травы и добавки, а также синтетические компоненты. На практике это означает, что человек не может достоверно знать, что именно он получил.

Часто описываются:

– ухудшение когнитивных функций (памяти, внимания);

– скачки давления и неприятные вегетативные реакции;

– психоактивные эффекты (эйфория, искажение восприятия);

– галлюцинации и выраженная тревога после окончания действия;

– депрессивные состояния, нервозность, мания преследования.

Сообщается и о воздействии дыма/токсических компонентов на дыхательные пути, сердце и нервную систему. Регулярное употребление повышает риск зависимости и усугубляет нарушения психики и поведения.

4. Как выявить человека, употребляющего курительные смеси.

Эффект может длиться от десятков минут до нескольких часов. Возможные признаки:

– кашель, жжение слизистой, сухость во рту;

– покраснение/«мутный» вид глаз;

– нарушение координации, заторможенность мышления;

– изменение речи (замедленность, «тяжелая» речь);

– застывание, резкие перепады поведения и эмоций;

– приступы смеха или неконтролируемые реакции;

– слуховые/зрительные искажения, возможные галлюцинации;

– учащенный пульс, бледность кожных покровов.

Важно: один признак сам по себе не доказывает употребление. Однако резкие и устойчивые изменения поведения – повод для аккуратной проверки и разговора.

5. Что важно знать родителям.

Наркотики – это риск разрушения здоровья, психологических проблем, зависимого поведения и криминальных последствий. Значительная роль принадлежит семье: детям нужна вовлеченность и внимание.

Родителям рекомендуется:

– чаще обсуждать с ребенком разные темы, уделяя внимание правилам личной безопасности;

– быть поддержкой, а не только контролем;

– при подозрениях наблюдать за изменениями поведения и круга общения;

– при подтвержденных признаках употребления не откладывать обращение к специалисту-наркологу.

Если возникают явные признаки, важно говорить прямо о беспокойстве, сохранять спокойный тон и добиваться профессиональной помощи.

6. Рекомендации педагогу по профилактической работе.

Профилактика среди подростков требует тактичности и системного подхода: учитывать психологические и правовые аспекты, избегать паники и необоснованных обвинений.

Принципы работы:

– продумывать формат беседы под возраст и аудиторию;

– говорить без «голых» утверждений и без запугивания ради запугивания;

– избегать резких, нетактичных формулировок, которые могут привести к конфликту с семьей и психотравме у учащегося;

– опираться на факты, логику и понятные примеры, обеспечивать возможность участникам включаться в обсуждение;

– помнить: информация о наркотиках без учета подростковой психологии может вызвать нездоровый интерес.

7. Важные выводы.

Основные риски:

– высокая доступность смесей;

– быстрое формирование зависимости;

– необратимые последствия для здоровья;

– риск летального исхода.

Необходимые меры:

– своевременное выявление проблемы;

– профессиональная помощь;

– комплексный подход к профилактике;

– информирование всех участников образовательного процесса.

Важно помнить, что профилактика наркомании требует системного подхода и постоянного внимания со стороны педагогов и родителей. Раннее выявление проблемы значительно повышает шансы на успешное решение.

Главная опасность спайсов – их доступность и быстрое формирование зависимости. При подозрении на употребление необходимо незамедлительно принимать меры и обращаться за профессиональной помощью.

Список литературы

1. Последствия курения спайса. – URL: http://ialive.ru/privychki/kurenie/posledstviya-kureniya-spaisa.html (дата обращения: 14.07.2026).

2. Осторожно – спайс! – URL: http://www.31gp.by/informatsiya/77-ostorozhno-spajs (дата обращения: 14.07.2026).

3. Наркотикам нет. – URL: http://narcotikam.net (дата обращения: 14.07.2026).

4. URL: http://pgossh16.info/index.php/roditelyam/spajs.html (дата обращения: 14.07.2026).

Тарануха Матвей Сергеевич
аспирант
Маковозов Даниил Сергеевич
студент
Еременко Дарья Николаевна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВАХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема наличия конфликтов в мультикультурных коллективах и их причины. На основании теоретического анализа методологического обеспечения управления конфликтами организаций представлены особенности стратегии управления мультикультурными коллективами организаций, направленные на устранение конфликтов.*

Ключевые слова: *конфликт, мультикультурный коллектив, организация, управление.*

Конфликтом являются ситуации в взаимодействии индивидов, групп, объединений, возникновение которых связано с несовместимыми взглядами сторон и их противоположными взглядами и интересами. Им характерны деструктивные и конструктивные функции.

В исследованиях, рассматривающих вопросы конфликтологии представлены различные причины возникновения межкультурных конфликтов. При этом, многие из них свидетельствуют о том, что причинам таких конфликтов в виде враждебности и иных проявлений к представителям других культур присущ социальный характер. Негативное восприятие

конфликтов как исключительно деструктивных явлений в коммуникационных процессах оспаривается позитивной теорией конфликта, которая рассматривает их как естественную и неизбежную часть повседневной жизни, которая не всегда должна приводить к дисфункции.

Согласно теории К. Деглес коммуникативные конфликты в коллективе зависят от: личных, социальных и организационных особенностей [4, с. 155]. Личные особенности выражены в стремлении к власти, неспособности к адаптации, недоверии и т. п. Социальные особенности, провоцирующие конфликтные ситуации в основном выражены конкуренцией, непризнании способностей, несоответствующей поддержке и т. п. Организационные особенности влияют на наличие конфликтов посредством чрезмерной нагрузки, отсутствием точных инструкций и обязанностей.

Наличие межкультурных коммуникаций в настоящее время является актуальной проблемой, в том числе и для межкультурных организаций. Обуславливается это тем, что деструктивность влияет на экономическую деятельность организаций и ее развитие в целом [1, с. 50]. Многие организации имеют среди сотрудников представителей разных религий [2, с. 18]. Наиболее проблемными являются поликультурные организации, дифференцированные по этническому признаку. При этом, конфликты в коммуникационных процессах не следует рассматривать как исключительно негативное явление, а наоборот, стоит признать их возможностью для улучшения межличностных отношений, развития личности и укрепления отношений в коллективе организации.

Недостаток понимания между представителями разных культур приводит команду к конфликтам и, как итог, к плохим результатам их работы [5, с. 221]. Отметим, что в научной литературе нет единого мнения относительно управления конфликтами в межкультурных коллективах организаций. Неправильное управление мультикультурной коммуникацией может вызвать серьезные негативные последствия для социальной безопасности и эффективности команды [8, с. 72].

Для эффективного управления конфликтами в межкультурной организации необходимыми являются знания этикетных норм и принципов деловой коммуникации. Имеется необходимость для готовности воспринимать различия в стиле, языке, мировоззрении и иных особенностей представителей других культур. В коллективе не должно быть доминирования одной из культур, работники должны стремиться придерживаться реляционной культуры партнерства [3, с. 71].

Исходя из теории управления персоналом в межкультурной организации М.С. Чистякова, устранению конфликтов способствует соблюдение этических принципов, внедрение методов мотивации и стимулирования, наличие лояльности и приверженность организации.

По мнению С.Н. Зачиняева в межкультурных организациях целесообразно применять: мероприятия, направленные на устранение дискриминаций; поддержку работников вне зависимости от их расовой, религиозной принадлежности; мероприятия, направленные на понимание сущности культурных проявлений среди сотрудников [7, с. 62].

По мнению Ч. Сноу эффективными для исключения и разрешения конфликтов в межкультурной организации являются:

– формирование, приверженность общей цели;
– наличие ролевых ожиданий, то есть определение задач и навыков для каждого сотрудника;
– установление в коллективе требований и правил социального взаимодействия;
– мониторинг и отчетность мультикультурной проектной деятельности.

В этих целях необходима целенаправленная работа, которая предполагает вовлеченность с стороны руководства в деятельность коллектива, исключение недоверия, чрезмерного контроля и давления, наличия гибкости в управленческих решениях, влияния стереотипов. Для эффективности развития и поддержания коммуникативных отношений в межкультурных организациях приветствуется проведение тренингов по культурной интеграции, изучение иностранных языков и использование руководителем чувства юмора для создания теплой, дружелюбной атмосферы в коллективе [6, с. 47].

Делая вывод, отметим, что успешные команды и менеджеры справлялись с мультикультурными проблемами одним из способов: адаптация (признание и преодоление культурных

пробелов), структурное вмешательство (изменение формы или состава команды), вмешательство руководства (установление норм или привлечение менеджера) и уход (удаление члена команды). Выбор наилучшей стратегии зависит от обстоятельств, и каждое из них сопряжено с потенциальными сложностями.

Список литературы

1. Алиев О.М. Вопросы командной работы в мультикультурной организации / О.М. Алиев, А.М. Якубова // Научные достижения и открытия 2019. – 2019. – С. 50–53. EDN BCYAZV

2. Алиев О.М. Проблемы управления в мультикультурных организациях / О.М. Алиев // Социально-экономические и экологические аспекты развития Прикаспийского региона. – 2019. – С. 18–20. EDN FBVOWO

3. Пляхотко Т.А. Анализ управления многонациональными коллективами в организациях / Т.А. Пляхотко, И.С. Пляхотко // Экономический рост России: проблемы и стратегические перспективы. – 2018. – С. 70–75. EDN XPLTVJ

4. Головкин Я.Д. Межкультурные конфликты и их причины / Я.Д. Головкин // Экономика и социум. – 2016. – №5. – С. 154–157.

5. Грошева Л.И. Специфика коммуникационных процессов в многонациональных коллективах / Л.И. Грошева // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. – 2020. – С. 221–225. EDN ADSZLA

6. Листопад П.Д. Успешное управление мультикультурными командами: практические рекомендации для менеджеров / П.Д. Листопад // Внутреннее предпринимательство: университет и бизнес. – 2017. – С. 42–48. EDN YOGPLL

7. Маханева Е.А. Корреляция мультикультурной чувствительности и стилей современного глобального конфликтного менеджмента в межкультурных деловых коммуникациях / Е.А. Маханева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Т. 11, №3А. – С. 58–64. DOI 10.34670/AR.2022.21.37.010. EDN CWOSOJ

8. Маханева Е.А. Мультикультурная коммуникация в профессиональных коллективах: социальная безопасность / Е.А. Маханева // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – №11. – С. 71–74. EDN GDTPPX

Усманов Галяэддин Рафаилович
аспирант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

DOI 10.31483/r-168642

ОТ ВЕРТИКАЛЬНОГО ПРИКАЗА К ГОРИЗОНТАЛЬНОМУ ДАВЛЕНИЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КОНТРОЛЯ В САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ КОМАНДАХ

Аннотация: *статья посвящена трансформации отношений контроля в организациях, осваивающих гибкие методологии управления (Agile). На основе авторского исследования шести организаций Казани и Казанской агломерации (массовый опрос, n = 1056, и 20 полуструктурированных интервью) показано, что при переходе к самоорганизующимся командам прежний вертикальный контроль не столько отменяется, сколько перерождается в горизонтальное давление взаимной видимости. Этот сдвиг сопровождается двумя тенденциями: расхождением в оценках перемен между должностными группами и ростом интенсивности труда, основная тяжесть которого приходится на нижние звенья иерархии. В этом заключается двойственная социально-экономическая природа гибких методологий.*

Ключевые слова: *гибкие методологии, Agile, социальный контроль, самоорганизующиеся команды, должностная асимметрия, интенсификация труда, общество риска, парадокс автономии, качество трудовой жизни.*

Введение

Скорость, с которой меняется внешняя среда организаций, сегодня беспрецедентна. Технологические разрывы, сжатие инновационных циклов, пандемия, санкционное давление –

по отдельности каждый из этих факторов уже потребовал бы перестройки управления, а вместе они создают обстановку хронической неопределённости, которую социология описывает через понятие общества риска [2]. Привычные иерархические механизмы координации, бывшие сильной стороной бюрократии в спокойные времена, здесь начинают работать против самой организации: план на годы вперёд и многоступенчатые согласования просто не успевают за изменениями. Близкое состояние описал З. Бауман, назвав его «текучей современностью», – в нём устойчивые организационные формы теряют прежнюю прочность [1].

Ответом на кризис линейного планирования и стали гибкие методологии управления проектами. Родившись в разработке программного обеспечения, Scrum и Kanban за два десятилетия ушли далеко за пределы IT – в производство, образование, розничную торговлю, логистику. Отраслевые исследования фиксируют устойчивый рост доли российских организаций, заявляющих об использовании Agile-подходов [6]. Для социолога тут важно другое: вместе с технологией управления меняется и ткань трудовых отношений – контроль, ответственность и нагрузка перераспределяются между социально-профессиональными группами.

В центре нашего внимания лишь один срез этой большой перемены – то, что происходит с контролем при переходе к самоорганизующимся командам. Исходная мысль проста: контроль не исчезает, а меняет форму. Вертикальный приказ уступает место горизонтальному давлению взаимной видимости, и издержки этого перехода достаются работникам далеко не поровну.

Теоретические основания

Отправной точкой служит веберовская модель бюрократии. Работник подчиняется в ней не начальнику как личности, а безличной норме, а порядок держится на иерархии должностей и письменной отчётности [3]. Такой контроль по-своему честен: человек знает, кто его оценивает и по какому правилу. Слабые места конструкции обнаружились рано. Правила, задуманные как средство, со временем становятся самоцелью; а в самой жёсткой структуре неизбежно заводятся зоны неопределённости, и тот, кто их контролирует, получает неформальную власть без всякой должности.

Гибкие методологии перекраивают сам механизм контроля. Ежедневные летучки, доски задач, цифровые трекеры держат работу каждого участника на виду у всей команды. И. Гофман назвал бы это положением на «передней сцене», с которой не сойти: один взгляд коллег уже дисциплинирует [5]. Здесь слышен и мотив Э. Гидденса о рефлексивном мониторинге позднего модерна, когда люди непрерывно отслеживают и себя, и других [4]. Из этого пересечения вырастает то, что уместно назвать парадоксом автономии: команде дают свободу, но помещают её в режим постоянной взаимной видимости, по силе давления сопоставимый с прежним контролем сверху, хотя устроенный совершенно иначе.

Методология исследования

Эмпирическая база – собственное исследование в шести организациях Казани и агломерации. Отрасли подбирались так, чтобы институциональные логики различались: IT, производство, общественное питание, образование, розничная торговля, логистика. Дизайн смешанный. Количественная часть даёт масштаб закономерностей, интервью показывают стоящие за ними механизмы.

Опрошено 1056 работников. Полный список организаций, работающих по Agile, составить нельзя, и генеральная совокупность оказывается неисчислимой, – отсюда неслучайный, квотный отбор по должностному уровню и стажу в гибких командах; правомерность такой стратегии при неопределимой генеральной совокупности опирается на отечественную традицию методологии опроса. Формула Кокрана здесь не гарантия репрезентативности, а лишь ориентир достаточного объёма. Качественную часть составили 20 полуструктурированных интервью по принципу максимальной вариации; их число определил момент теоретического насыщения, когда новые беседы перестают приносить новые категории.

От вертикального контроля к горизонтальному

Первое, что показывают количественные данные, – автономия и потребность в согласованиях уживаются друг с другом. В IT, где гибкие практики самые зрелые, работники высоко

оценивают собственную самостоятельность, но частота согласований остаётся немалой (таблица 1). Интервью проясняют этот парадокс: согласование никуда не делось, оно лишь сменило адресата – вместо одобрения сверху пришла синхронизация между своими. Один из информантов описал это так: «не просить разрешения, а синхронизироваться». Контроль, стало быть, не снят, а разложен по горизонтали: единоличный надзор руководителя сменился рассеянным наблюдением коллег.

Таблица 1

Средние оценки автономии и контроля по отраслям (шкала 1–5)

Показатель	IT	Производство	Торговля	Всего
Автономия в принятии решений	4,1	2,4	2,6	3,2
Частота согласований	3,6	4,2	4,0	3,5
Справедливость контроля	3,9	2,8	2,7	3,3
Коллективность ответственности	4,0	2,3	2,5	3,2

Показательно поведение отраслей с жёсткой регламентацией. В производстве и рознице высокая частота согласований соседствует с низкой автономией: горизонтальные практики ложатся здесь поверх сохранившейся вертикали, не отменяя её. Переход к самоорганизации, как видим, вовсе не равнозначен исчезновению контроля.

Должностная асимметрия контроля

Главный результат исследования – устойчивое расхождение в том, как видят перемены разные должностные группы. Руководители и рядовые специалисты оценивают один и тот же переход по-разному, и это расхождение повторяется во всех обследованных организациях, какой бы ни была отрасль (таблица 2). Особенно велик разрыв в оценке роли руководителя: о том, что она стала менее директивной, говорят 62% начальников и лишь 28% специалистов – зазор в 34 процентных пункта.

Таблица 2

Различия в восприятии изменений между должностными группами

Показатель	Руководители	Специалисты
Роль руководителя стала менее директивной, % согласных	62	28
Отметили рост рабочей нагрузки, %	48	67
Комфорт обсуждать ошибки в команде (шкала 1–5)	4,1	3,0

За разной оптикой стоят и разные формы контроля. Рядовых чаще держат внешние рычаги – отчётность по задачам, индивидуальная оценка руководителем; у начальников на первый план выходят коллективные обсуждения и командные метрики. Горизонтальность, выходит, реальнее для верхних этажей, а нижние по-прежнему живут под внешним контролем, к которому теперь добавилось давление постоянной видимости. Контроль сдвинулся, но неровно, и основная его тяжесть легла вниз.

Интенсификация труда через вовлечённость

Рядом с переменой форм контроля идёт ещё один процесс – уплотнение самого труда, и связан он именно с ростом вовлечённости. Из тех, у кого вырос интерес к работе, 74% одновременно отметили и рост нагрузки. Распределена эта нагрузка неровно: среди рядовых специалистов о ней говорят 67%, среди руководителей – 48%. По интервью различимы три

механизма уплотнения: рабочий день расплывается по цифровым каналам связи, команды начинают мериться производительностью друг с другом, а ежедневные летучки держат прогресс каждого на виду.

Социологически любопытно, чем это принуждение отличается от прежнего. Раньше давили сверху – теперь работник ограничивает себя сам, по доброй воле: отказаться от лишней задачи мешает не страх санкции, а нежелание подвести команду. Дисциплина действует через вовлечённость, а не поверх неё. В экономическом плане прибавка производительности оплачивается скрытым уплотнением труда, которое обычно не отражается ни в зарплате, ни в должности. Здесь наша линия сходится с работами о коррозии профессиональной идентичности при гибком капитализме [8] и о прекаризации занятости [9], где тоже фиксируют перенос рисков и издержек на самого работника.

Заключение

Итак, переход к самоорганизующимся командам перестраивает отношения контроля, но не упраздняет их. Вертикальный приказ уступает место горизонтальному давлению взаимной видимости: дисциплинирует уже не руководитель, а коллективное наблюдение и постоянная цифровая прозрачность. «Плоская» структура плоская лишь на поверхности – под ней сохраняется вертикаль, только переписанная на язык неравного доступа к контролю над рабочей рутиной.

Издержки этой перестройки ложатся неравномерно. Расхождение в восприятии и концентрация возросшей нагрузки внизу говорят об одном: гибкие методологии работают не как нейтральный управленческий инструмент, а как социальный механизм, перераспределяющий контроль, ответственность и уязвимость перед неопределённостью по линиям организационной структуры. Логика такого перераспределения родственна институциональному изоморфизму, знакомому по организационной теории [7]. Для социально-экономического развития вывод двойственный: повышая адаптивность организаций, гибкие методологии одновременно уплотняют труд и воспроизводят внутриорганизационное неравенство. Значит, речь не об отказе от Agile, а о трезвом требовании оценивать не только его управленческую отдачу, но и социальную цену – в том числе через показатели качества трудовой жизни.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с. EDN QOABEJ

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. EDN RAYTKJ

3. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. EDN SGUYOR

4. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.

5. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с.

6. Отчёт о состоянии Agile в России / ScrumTrek. – 2022. – URL: https://scrumtrek.ru (дата обращения: 19.07.2026).

7. Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / У. Пауэлл, П. ДиМаджио // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. №1. – С. 34–56. EDN OYNCAV

8. Сеннет Р. Коррозия характера. Личностные последствия работы в новом капитализме / Р. Сеннет; пер. с англ. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004. – 296 с.

9. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг; пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

Научное электронное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, ПРАВА И СОЦИОЛОГИИ

Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Чебоксары, 5 августа 2026 г.)

Главный редактор *Э. В. Фомин*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Малышева*

Подписано к использованию 07.08.2026 г.
Объем 7,95 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 57,01.

ООО «Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, ул. Гражданская, д.75, оф.12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com